РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

4.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1888.

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Сентября противъ 26-го числа, въ 7-мъ часу ночи, пришелъ нашъ корабль изъ-подъ Рувина вѣтромъ между полуденнымъ и восточнымъ. Тотъ вѣтеръ былъ намъ неспособенъ въ надлежащій нашъ путь, и корабль въ то время нашъ шелъ бордами и въ двухъ бордахъ шли. Въ 12 часовъ ушли 50 миль Итальянскихъ и пришли близко земли, которая называется Далмація. Тѣ земли, вышеписанная Истрія и Далмація, Венецкаго князя владѣнія. И какъ увидѣли Далмацкую землю, тогда начала намъ быть великая погода и вѣтеръ въ противность надлежащаго нашего пути, отъ которой погоды спаслись, чтобъ не поломало щеголъ, и не могли долѣ въ путь свой идтить. Также невозможно было за величествомъ вѣтра и на якорь поставить корабль въ морѣ, и тотъ противный вѣтеръ принудилъ насъ идтить назадъ въ портъ, то-есть въ пристанище и, когда мы поворотились назадъ, тогда вѣтеръ почалъ дыхать въ парусы нашего корабля, и тѣмъ вѣтромъ въ 3 часа ушли мы 32 мили Итальянскихъ и пришли въ портъ подъ городъ, который называется Пола, въ той же Истріи, отъ города Рувина 18 миль Итальянскихъ. Въ томъ нашемъ шествіи страхъ намъ былъ пребезмѣрный; къ тому жъ и корабль нашъ былъ мало грузенъ и шелъ таково криво, что пушки съ нашего корабля чертили по водѣ.

Городъ Пола стоитъ на краю моря; строеніе въ немъ все каменное; въ томъ городѣ есть церковь Греческаго закону. Подлѣ того города видѣлъ я нѣкоторое старыхъ лѣтъ зданіе каменное, удивленію достойно, сдѣлано видомъ округло, величествомъ вокругъ 177 саженъ, высотою гораздо высоко, имѣетъ на себѣ въ высоту три окна, которыхъ обрѣтается на томъ зданіи больше 300 оконъ, и сказываютъ о томъ строеніи, что въ древнихъ лѣтахъ построилъ то строеніе нѣкоторый цесарь для того, чтобъ имѣть въ томъ зданіи заперты ядовитые звѣри: львы и пардусы, и бобры, и иныхъ родовъ многое число; и когда во власти цесаря который человѣкъ былъ повиненъ смерти, того человѣка вме-

---

*) См. выше, стр. 321.

тали въ то вышеписанное зданіе на растерзаніе отъ звѣрей, а со стѣны того зданія смотря тотъ цесарь увеселялся.—Въ томъ портѣ подъ городомъ Полемъ стоялъ нашъ корабль до 28 числа Сентября, а противъ 29 числа Сентября въ полутретьемъ часу ночи изъ того порту нашъ корабль пошелъ полуденнымъ вѣтромъ, а шелъ бордами; въ первую борду въ 3 часа ушли 6 миль Итальянскихъ, и вѣтеръ измѣнился, почалъ быть между Востокомъ и Полуднемъ, которымъ ушли въ 6 часовъ 24 мили Итальянскихъ; изъ того мѣста поворотили въ другую сторону, тѣмъ же вѣтромъ ушли въ пол-два часа и освѣтали, а въ день шли тѣмъ же вѣтромъ пол-пята часа и ушли всего въ 6 часовъ 30 миль Итальянскихъ и пришли въ портъ въ Истріи жъ подъ городъ Фажану, отъ города Полы 3 мили Итальянскихъ назадъ къ Венеціи; а въ путь свой, куда намъ надлежало плыть, не могли, для того что вѣтеръ былъ надлежащему нашему пути противный великій. Городъ Фажана стоитъ на берегу моря, строеніе въ немъ все каменное, селитьбою не великъ; стоялъ нашъ корабль подъ тѣмъ городомъ Фажаною Октября до 1-го числа.

Октября въ 1-й день. Въ 7-мъ часу дня въ исходѣ пошелъ нашъ корабль отъ того города Фажана назадъ къ городу Рувину, для того что вѣтры были надлежащему нашему пути противные, и шли мы къ Рувину 2 часа, а ушли 15 миль Итальянскихъ и до Рувина не дошли за 2 мили Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ вѣтеръ въ дыханіи измѣнился и почалъ быть надлежащему нашему пути въ способность къ городу Анкону, въ который мы имѣли желаніе плыть, и мы съ того числа поворотили корабль и пошли къ Анкону. Въ то время вѣтеръ настоялъ восточный, что по-итальянски называется Левантій, которымъ мы въ 3 часа ушли 15 миль Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ измѣнился вѣтеръ, почалъ быть между Востокомъ и Полуднемъ, которымъ вѣтромъ корабль нашъ въ 6 часовъ ушелъ 30 миль Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ поворотили мы паки на вѣтеръ полуденный и шли тѣмъ вѣтромъ 14 часовъ, а ушли имъ всего 15 миль Итальянскихъ, для того что вѣтры измѣнились въ дыханіи и были непостоятельны. Въ началѣ былъ вѣтеръ именуемый греко, потомъ трамонтасъ, потомъ маистро, потомъ потенто и между ими полу-вѣтры и четверти; а иные часы не было и никакого вѣтру, а когда въ тѣ часы вѣтеръ который и былъ, и то самый малый. И тѣми вѣтрами пришелъ нашъ корабль къ городу за 3 часа до ночи и стали, не доходя Анкона за 4 мили Итальянскихъ, для того что въ портъ, т.-е. въ пристанище, идтить подъ Анкономъ опаслись, потому что вѣтеръ былъ намъ идтить къ Анкону способный и немалый, и засвѣтло было въ портъ войтить не успѣть, а ночью въ малознакомые порты не входятъ: боятся того, чтобъ не

разбить корабля о берегъ или о камень. И мы въ то время на кораблѣ своемъ парусы всѣ подвили и ни одного распущеннаго паруса не оставили, а паче для того всѣ парусы подвили, что въ тотъ часъ увидѣли отъ вѣтровъ сѣверныхъ хмурыя оболока, и опасно было того, чтобъ вдругъ вѣтеръ не напалъ на развитые парусы, отчего, упаси Боже, чтобъ не поломало щеголъ и не учинило порухи кораблю. Въ томъ мѣстѣ стоялъ нашъ корабль на одномъ мѣстѣ безъ парусовъ 3 часа; а якоря въ морѣ въ томъ мѣстѣ не метали, опасались великой фортуны. Въ тѣ три часа была страшная гроза, молнія, градъ и дождь превеликіе, и вѣтеръ почалъ быть восточный великій же, и мы о первомъ часу ночи распустили два паруса и пошли поневолѣ отъ Анкона прочь въ море, умысля такъ, чтобъ идтить намъ до полуночи отъ береговъ прочь въ море, чтобъ ночью близко насъ нигдѣ береговъ не было, а съ полуночи чтобъ поворотиться паки къ Анкону, чтобъ подъ городомъ Анкономъ въ портъ войтить въ день, а не ночью, потому что тотъ портъ имѣетъ въ себѣ мелкую воду и каменье, а намъ онъ мало знаемъ. И съ полуночи начала быть фортуна великая и поворотиться насъ паки къ Анкону не допустила, и во всю ночь бѣжали мы въ море отъ береговъ прочь на сѣверные вѣтры, куды намъ и не хотѣлось, и на утро днемъ бѣжали на тужъ сѣверную сторону до 7-го часа дня и прибѣжали въ Далмацію и вошли въ портъ въ 7-мъ часу дня, а шли тѣмъ портомъ 5 часовъ и пришли подъ городъ, который называется Зара. Тотъ городъ во всей Далмаціи лучшій, ту живетъ Венецкій генералъ, и ночевалъ подъ тѣмъ городомъ Зарою. Поутру стрѣляли мы съ своего корабля изъ пушекъ изъ трехъ меньшихъ, которыя стоятъ наверху въ перилахъ и называются петріери, за почесть генерала, и на кормѣ корабля поставили знамя съ гербомъ Венецкой республики со львомъ, чѣмъ изображаютъ они св. евангелиста Марка, и стояли мы подъ тѣмъ городомъ Зарою до 7-го числа Октября.

Тотъ городъ Зара немалый, строеніе въ немъ все каменное доброе, стоитъ на самомъ краю моря, около его есть горы немалыя. Отъ того города Зары Турецкая граница въ самыхъ ближнихъ мѣстахъ, и Турецкіе города есть близко того города Зары, потому что Далмація граничитъ Венецкое владѣтельство съ Турками. Отъ Зары до Турецкихъ жилищъ верстъ 30 и ближе. Тотъ городъ Зара сдѣланъ изрядною крѣпостью, вокругъ его пропущена вода морская и дѣланъ весь бастіонами, и подъ бастіонами дѣланы во многихъ мѣстахъ подлазы великіе. Въ тѣхъ подлазахъ подѣланы анбары для пороховой казны, тамъ же въ иныхъ мѣстахъ подѣланы кузницы и иныя всякія нужныя потребы къ осадному времени. Въ томъ городѣ по стѣнамъ

и по бастіонамъ безмѣрно много пушекъ зѣло великихъ мѣдныхъ; по тому городу башенъ нѣтъ кромѣ проѣзжихъ воротъ, а ворота не высокіе, равны съ городовою стѣною; а по стѣнѣ и по бастіонамъ подѣланы каменныя малыя караулки круглыя, въ которыхъ только можно по одному человѣку въ караулкѣ вмѣститься. Въ томъ городѣ въ западной церкви видѣлъ я мощи св. Симеона Богопріимца; тѣ его св. мощи лежатъ въ серебряной ракѣ надъ престоломъ высоко; надъ тою ракою сдѣланы изъ мѣди два ангела въ мѣру человѣческаго возраста, которые ту раку держатъ. Тѣ св. мощи зрѣнію человѣческому зѣло удивительны: положены въ ту вышеписанную раку всѣ наги, только имѣютъ малый покровъ бархатный черный, вынизанъ жемчугомъ; тѣмъ покровомъ прикрыты нужныя части его тѣла, которыя безъ покрова быть не могутъ. Св. Симеонъ имѣетъ и нынѣ на костяхъ своихъ и кожу и жилы, только не всѣ имѣетъ власы главные и брады и усы; внутренняя его вся изсохла, и на чревѣ кожу имѣетъ цѣлу. У лѣвой руки на указательномъ пальцѣ имѣетъ много перстней прикладныхъ нынѣ золотыхъ и серебряныхъ. Въ томъ городѣ Зарѣ въ другой западной церкви сказываютъ, что лежатъ мощи трехъ мученицъ Вѣры, Любви и Надежды. Ходилъ я ихъ смотрѣть, и указывали мнѣ, что лежатъ подъ престоломъ; а видѣть св. ихъ мощей невозможно, для того что къ тѣлесамъ ихъ малая сдѣлана скважина, и въ темнотѣ мощей ихъ я не видалъ.

Въ томъ же городѣ Зарѣ есть церковь восточная Греческая во имя св. Пророка Ильи, строенія каменнаго, невелика, а по сторону той церкви придѣлана западная церковь. Стояли мы подъ тѣмъ городомъ Зарою Октября до 7-го числа, а въ 7-й день Октября изъ-подъ Зары пошли, имѣя намѣреніе идтить во владѣніе Гишпанскаго короля въ городъ Баръ. Въ томъ Зарскомъ портѣ, или пристанищѣ, Октября въ 7-й день сошлись мы съ генераломъ-комиссаромъ, который пошелъ изъ Зары зимовать въ городъ Шпалетру въ Далмаціи жъ. Тотъ генералъ плылъ на галерѣ, и какъ мы увидѣли, что та его галера подходитъ близко нашего корабля, и мы за почесть его на нашемъ кораблѣ поставили на кормѣ и на носовой щеглѣ по знамени; также и онъ, почитая насъ, поставилъ у себя на галерѣ на носовой щеглѣ знамя. Потомъ мы, отдавая ему честь на своемъ кораблѣ, стрѣляли изъ девяти пушекъ; также и онъ, взаимно почитая насъ, стрѣлялъ на своей галерѣ изъ осьми пушекъ. Потомъ мы, хотя ему учинить больше почтенія, стрѣляли еще со своего корабля изъ трехъ пушекъ и такъ съ нимъ разъѣхались. И отъѣхали отъ города Зары 18 миль Итальянскихъ и ночевали въ томъ же каналѣ, что̀ и подъ Зарою, для того что тотъ каналъ великъ и вѣтеръ въ то время былъ намъ не спосо-

бенъ, выйтить изъ того каналу однимъ днемъ не могли, а ночевавъ тутъ стояли на томъ мѣстѣ Октября до 9-го числа. А въ 9-мъ числѣ съ того мѣста пошли и шли безъ вѣтру, тянули корабль свой канатомъ въ баркѣ и на греблѣ; потомъ вѣтеръ началъ быть намъ способный къ надлежащему нашему пути въ городъ Баръ. Тѣмъ вѣтромъ корабль нашъ шелъ въ одинъ часъ по 5 миль Италъянскихъ и по пол-пяти и по четыре и по три и меньше; и такъ мы шли весь тотъ день и ночь всю жъ, а въ сутки отошли отъ того мѣста, гдѣ стояли въ каналѣ, 80 миль Итальянскихъ.

Октября въ 10-й день. Въ начальныхъ часахъ дня вѣтеръ былъ самый малый, и корабль нашъ больше одной мили Итальянской на часъ уйтить не могъ; и такъ шли подлѣ края до 11-го часа того дня, а какъ ночь постигла, и ту ночь шли зѣло тихо, потому что вѣтеръ въ то время былъ самый малый.

Октября въ 11-й день. Пришли мы въ своемъ кораблѣ подъ городъ Корсуль. Тотъ городъ Венецкаго же владѣнія, стоитъ на острову близко берега; строеніе въ немъ все каменное; тотъ городъ не великъ, поставленъ на краю Далмаціи, а къ Далмаціи тутъ пришло владѣніе Рагузскаго князя, и мы не доѣхали до столишнаго Рагузскаго города Дубровника за 60 миль Итальянскихъ отъ Корсули, для того что имѣли мы намѣреніе идтить въ городъ Баръ, чтобъ намъ сподобиться видѣть мощи Великаго Чудотворца Николая и, не дошедъ до города Барлета за 80 миль Итальянскихъ, поворотились мы въ своемъ кораблѣ назадъ, для того что въ сихъ числахъ Турецкіе великіе пять кораблей, которые имѣли на себѣ каждый по 500 человѣкъ янычаръ, заступили намъ дорогу до города Бару; того ради не смогли мы дойтить до св. мощей Чудотворца Николая, а стояли подъ Корсулемъ Октября до 16 числа, а въ 16 число Октября изъ-подъ Корсуля пошли назадъ къ Венеціи тѣмъ же каналомъ, которымъ и подъ Корсуль пришли.

Въ томъ городѣ Корсулѣ видѣлъ я въ монастырѣ вырѣзано изъ дерева тѣло Христово въ мѣру человѣческаго возраста на крестѣ. Сказываютъ, что тотъ образъ распятія Христова дѣло рукъ святаго евангелиста Луки, сдѣланъ зѣло пречуднымъ мастерствомъ; ноги Спасовы прибиты ко кресту однимъ гвоздемъ; крестъ, на которомъ то пресвятое тѣло изображено, четвероуголенъ. Сказали мнѣ о томъ святомъ образѣ, что глава того св. образа сдѣлана не человѣческими руками, но Его святою божественною волею. Когда Лука евангелистъ сдѣлалъ тотъ предражайшій тѣла Христова образъ и размышлялъ о сотвореніи главы Его божественной, и того дни въ размышленіи оставилъ недѣлану до утра, и въ ту ночь образъ главы Его пречистой сдѣлался святою Его божественною волею.

Противъ того вышеписаннаго города Корсуля на горахъ Рагузскихъ видѣлъ я въ костелѣ Римскомъ образъ Пресвятыя Богородицы письма Греческаго подобіемъ такимъ, какъ пишется Смоленскій образъ Пресвятыя Богородицы; а сказываютъ, что тотъ образъ въ то мѣсто, гдѣ нынѣ я его видѣлъ, приплылъ моремъ и изъ того мѣста отношенъ многожды въ прежнее мѣсто, откуду приплылъ, и божественною силою паки въ то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ, приходилъ невидимо; и чудотворенія отъ того святаго образа и нынѣ бываютъ многія. А какъ мы изъ подъ Корсуля пошли и отошедъ 18 миль Итальянскихъ припала намъ фортуна великая надлежащему нашему пути въ противность, для которой фортуны не могли мы далѣ идтить, стали въ каналѣ въ портѣ, который называется портъ св. Ивана. Въ томъ портѣ стояли до 20 числа Октября, а въ 20-е число Октября изъ того порта пошли и шли тотъ день бордами, а ушли 13 миль Итальянскихъ, и какъ обмеркло и на первомъ часу ночи началъ быть вѣтръ намъ въ противность, а съ третьяго часа той ночи противная фортуна почала намъ быть великая, и часъ отъ часу вѣтру прибывало и такъ былъ вѣтеръ великъ, что больше того вѣтра мало бываетъ; а засталъ насъ тотъ великій и сильный вѣтеръ между горами, а ночь была темная, и въ то время всѣ мы на кораблѣ были въ превеликомъ смертномъ страхѣ, и еще часъ отъ часу фортуны прибавливалось. Въ то время намъ былъ отовсюды превеликій смертный страхъ: вначалѣ боялись, чтобъ не сломало превеликимъ вѣтромъ арбуръ, т.-е. щеголъ; потомъ опасно было, чтобъ въ темнотѣ ночной не ударить кораблемъ объ землю или о камень; еще страхъ былъ великій не опрокинуть корабля, для того что вѣтеръ былъ нашему пути въ противность и преестественно великъ, а парусы были поставлены въ день по кораблю, какъ обычай есть ставить парусы въ чиненіи лавировъ; превеликимъ вѣтромъ не такъ подавало корабль въ первый путь, какъ его кривило набокъ, и таково криво нашъ корабль шелъ въ то время, что пушками чертило по волнамъ морскимъ, и вода взливалась на верхъ корабля отъ великихъ валовъ. И въ томъ превеликомъ смертномъ страхѣ всю ночь препроводили, а въ 21-мъ числѣ Октября пришли въ портъ на островъ, который зовется Лиса подъ село Лису, и стояли въ томъ мѣстѣ до 25-го числа Октября жъ, для того что вѣтры были противные великіе, а въ 25-й день Октября изъ того порту пошли; вѣтеръ былъ намъ противный же, только не великъ, и мы съ 25-го числа сего Октября по 26-е ушли 32 мили Итальянскихъ и противъ 26-го числа всю ночь шли малымъ способнымъ вѣтромъ, а ушли всего въ ту ночь и въ тотъ день 26-го числа Октября 16 миль Итальянскихъ. И пришли въ портъ подъ городъ, который называется Трава, и стояли

въ томъ портѣ подъ тѣмъ городомъ Травою Октября до 28-го числа, а въ 28-мъ числѣ Октября изъ того порта изъ подъ города Травы пошли. Какъ мы въ томъ городѣ стояли, и къ намъ на корабль пріѣзжалъ того города Травы комендантъ и съ женою своею, и за его почесть стрѣляли мы съ корабля своего изъ трехъ пушекъ.

Городъ Трава не малый, построенъ немалыми крѣпостьми и около его со всѣхъ сторонъ вода морская. Строеніе въ немъ все каменное; у соборнаго костела колокольня построена изряднымъ мастерствомъ каменная; въ томъ костелѣ лежитъ тѣло, сказываютъ, былъ того города Травы епископъ Римской церкви и нетлѣненъ-де онъ ради святаго своего житія, а мнѣ тѣла его не показали, а имя его Іоаннъ, а былъ-де онъ въ томъ городѣ епископомъ послѣ разорванія вѣры Греческой съ Римскою.

И въ 28-мъ числѣ Октября шелъ нашъ корабль способнымъ вѣтромъ до 4-го часа дня, а въ 5-мъ часу началъ намъ быть вѣтеръ противный и безмѣрно великій и зѣло намъ возбранялъ плыть въ Истрію, и мы хотѣли плыть чрезъ всю Венецкую гольфу во владѣніе папы Римскаго въ портъ подъ городомъ Анкономъ, о которомъ я писалъ и выше сего. И въ маломъ времени тотъ вышеписанный вѣтеръ измѣнился и началъ быть вѣтеръ намъ способный не великій, и шли мы тѣмъ вѣтромъ до вечера, а въ вечеру началъ намъ быть вѣтеръ способный въ Истрію гораздо великъ, и шли мы тѣмъ великимъ вѣтромъ способнымъ до полуночи, а съ полуночи вѣтеръ началъ быть меньше, однакожъ намъ способный, и тѣмъ вѣтромъ шли мы отъ полуночи до свѣту и въ 29-мъ числѣ Октября весь день и приплыли въ Истрію подъ городъ Рувинъ Октября противъ 30-го числа въ ночи и ночевали, не входя въ портъ, для того что намѣреніе имѣли идтить къ Венеціи немедленно, а ушли мы въ 29-й день и въ ночь 29-го же Октября всего отъ города Травы до Рувина 250 миль Итальянскихъ. И ночевавъ подъ городомъ Рувиномъ, Октября въ 30-й день, на первомъ часу дня, отъ города Рувина пошли къ Венеціи и въ другомъ часу дня пришли подъ городъ владѣнія папы Римскаго, который называется Орсеря, и подъ тѣмъ городомъ не стояли, пошли мимо, для того что вѣтеръ намъ былъ способный, и мы спѣшили къ Венеціи. И того жъ числа пришли мы въ Истрію жъ подъ городъ Паренцу и подъ тѣмъ городомъ стали и ожидали способнаго вѣтру, которымъ бы могли придтить въ Венецію, для того что въ Венецію корабли входятъ, усматривая добраго времени; потому что въ Венецкомъ портѣ входъ кораблямъ зѣло труденъ, для того что мѣсто то, которымъ въ Венецкій портъ корабли входятъ, узко и маловодно, и всегда ожидаютъ времени такого, чтобъ вѣтеръ былъ трамонтана, т.-е. сѣверный и между

Сѣверомъ и Востокомъ не великій; и когда вода морская по естественному своему обыклому дѣйствію умножится и пойдетъ къ берегамъ, въ то время кораблямъ свободный входъ бываетъ въ Венецкій портъ. Для того и мы подъ городомъ Паренцою стояли, ожидая такого вышеписаннаго времени, понеже всегда то бываетъ. Хотящіе корабли и марцильяны, и всякіе немалые бастименты, т. е. суды, идтить въ Венецію, тѣ стоятъ въ Истрійскихъ портахъ подъ Рувиномъ и подъ Паренцою и подъ иными городами; а не дождавъ вышеписаннаго времени, въ Венецкій портъ никакія суды не входятъ, потому что многіе злые случаи кораблямъ и марцильянамъ и инымъ судамъ въ томъ входѣ въ Венецкій портъ случались; и такъ того входу въ Венецкій портъ корабли и марцильяны, и галіасы, и галеры и всякія суды боятся. Когда и, усмотря времени добраго, къ тому порту какое судно поѣдетъ и въ пути вѣтеръ измѣнится или почнетъ быть хотя и способный да великій, тогда, не доходя того мѣста, поворачиваются назадъ и входятъ въ порты, въ которые и не хотѣли; а будетъ поворотиться отъ того мѣста назадъ фортуна кого не допуститъ, и въ то время суды ставятъ на три или на четыре якоря и сохраняются съ великимъ утвержденіемъ, чтобъ въ великій вѣтеръ и близко того мѣста не приступать. Когда и вѣтру великаго не бываетъ, а вода морская умалится, и въ то время въ тотъ Венецкій портъ не входятъ суды большія, для того что ихъ въ томъ входѣ разбиваетъ такимъ случаемъ, что то мѣсто маловодно. И когда на то мѣсто и малымъ вѣтромъ какое судно войдетъ, и вода морская по обыкности своей волнами возносится и опадаетъ и на тѣхъ своихъ волнахъ и судно прилучившееся подымаетъ и опускаетъ, тогда то судно, поднявшися въ высоту и опускаяся съ морскими волнами, ударяется о землю и разбивается, уже не можетъ спастися маловодія ради въ томъ мѣстѣ. А какъ мы стояли подъ городомъ Паренцою, и въ то время Октября въ 30-й день пріѣхалъ въ тотъ городъ Паренцу кавалеръ изъ Венеціи въ суднѣ, которое называется піота, также и тотъ кавалеръ чинъ имѣетъ, который называется піото. Тѣ піоты начальство имѣютъ надо всякими судами, хотящими идтить въ Венецію изъ которыхъ ни есть мѣстъ, и пришедши судно откуда ни есть въ Паренцу хотящее идтить въ Венецію, безъ повелѣнія тѣхъ піотовъ идтить въ Венецію изъ Паренцы не можетъ. И какъ тотъ піотъ въ Паренцу пріѣхалъ, и за его гоноръ въ городѣ Паренцѣ стрѣляли изъ пяти пушекъ и приняли его честно.

Городъ Паренца строенія каменнаго, построенъ надъ моремъ на веселоватомъ мѣстѣ, и около его есть много оливныхъ деревъ садовъ;

пища въ томъ городѣ и хлѣбъ и мясо и овощи дешевле Венецкаго вполы, и домовное строеніе въ томъ городѣ Паренцѣ все каменное.

Октября въ 31-й день. Дошелъ по договору моему съ капитаномъ корабельнымъ срокъ ѣздѣ моей на кораблѣ его, и я съ корабля его Октября въ 31-й день сошелъ, для того что капитанъ на кораблѣ за малую цѣну везть меня до Венеціи не похотѣлъ, и я нанялъ себѣ піоту, далъ за нее 40 дукатовъ Венецкихъ, чтобъ мнѣ въ той піотѣ со всей своей рухлядью доѣхать до Венеціи. И Октября въ 31-й день, какъ я поѣхалъ съ корабля, въ тотъ день со всѣми своими вещами съ корабля убраться не могъ, а перевезъ на піоту того дня небольшія нужныя свои вещи, а иныя вещи оставилъ на кораблѣ; а самъ, съѣхавъ съ корабля, ночевалъ въ городѣ Паренцѣ на дворѣ. А какъ поѣхалъ я съ корабля, и капитанъ, почитая меня, стрѣлялъ съ корабля изъ пяти пушекъ. А Ноября въ 1-й день побралъ я съ корабля въ нанятую свою піоту и послѣднія свои вещи. И стоялъ я въ городѣ Паренцѣ Ноября до 2-го числа, для того что вѣтру дожидался способнаго и для того, что съ капитаномъ, который меня возилъ на кораблѣ, имѣлъ небольшую ссору о провозѣ своихъ вещей. А Ноября во 2-й день въ ночи противъ 3-го числа въ 9-мъ часу поѣхалъ я на піотѣ изъ Паренцы къ Венеціи, и другая піота съ моею піотою изъ Паренцы къ Венеціи поплыла вмѣстѣ, на которой были солдаты Московскіе и люди боярскіе, между которыми былъ и мой человѣкъ. И на 2-мъ часу той ночи припала намъ великая фортуна и разорвала наши піоты розно, что въ маломъ времени не могли другъ друга видѣть; и та піота, на которой ѣхали солдаты и люди наши, видя зѣло великую погоду, поворотилась назадъ въ городъ Паренцу, а ту піоту, на которой я былъ, вырвало отъ берегу въ море, и не могли поворотиться въ городъ Паренцу за величествомъ вѣтра. И былъ я той ночи даже до самаго дня въ такомъ смертномъ страхѣ, что совершенно отчаялися всѣ живота, только призывали себѣ въ помощь Бога да Пресвятую Богородицу. И, какъ я началъ говорить канонъ Чудотворцу Николаю, съ того часу почала та фортуна малиться, и страху почало убавлятися; однакожъ еще былъ страхъ превеликій даже до полудня того Ноября въ 3-й день, и всѣ были въ той піотѣ непрестанно обливаны морскими волнами и сидѣли всѣ въ той піотѣ въ водѣ. Однакожъ того числа на послѣднемъ часу дня пріѣхали въ Венецію, а другая вышеписанная піота стояла въ Паренцѣ до 6-го числа Ноября, а въ 6-мъ числѣ та піота пріѣхала въ Венецію въ добромъ же здоровьѣ. И такъ, слава Богу, скончалъ я свою морскую поѣздку все въ добромъ здоровьѣ, однакожъ видѣлъ много смертныхъ страховъ. А корабль тотъ, на которомъ я по морю ѣздилъ, назывался

корабль св. Елисаветы. И какъ я съ того корабля сошелъ, и капитанъ того корабля Иванъ Лазоревичъ далъ мнѣ о наукѣ моей листь засвидѣтельствованный за своею рукою и печатью; а въ томъ листѣ пишетъ сице:

«Капитанъ морской корабля св. Маріи Елисаветы Иванъ Лазоревичъ даю знать всѣмъ и всякому особно, а паче кому надлежитъ вѣдать, что въ лѣтѣ 1698-мъ всѣлъ на мой вышеписанный корабль дворянинъ Московскій Петръ Андреевичъ купно съ солдатомъ Иваномъ Стабуринымъ, желая познать плаваніе морское въ корабляхъ и иныхъ судахъ, и былъ отъ меня ученъ дѣлъ морскихъ, т.-е. буссола, а по-славянски маятника со всѣми до него надлежностями, также карты морской, на которой значатся пути морскіе, потомъ имѣлъ прилежаніе познать имена деревъ и парусовъ и веревокъ и всякихъ инструментовъ корабельныхъ и тѣ всѣ вышепомяненныя вещи, надлежащія до навигаціи такъ карту, яко и буссолу и имена вышепомяненныхъ инструментовъ корабельныхъ, тотъ помяненный дворянинъ позналъ добро по обыкновенію нашего моря. Потомъ желалъ видѣть строй кораблей и галеръ во время битвы, чего на всемъ Венецкаго моря гольфѣ обрѣсти въ томъ лѣтѣ не могъ. И будучи тотъ помяненный дворянинъ на кораблѣ моемъ во время сильныхъ вѣтровъ и небезстрашныхъ фортунъ, прикладывался до всякаго порядку корабельнаго съ прилежаніемъ и безстрашіемъ, показуяся во время великихъ навольностей морскихъ и вѣтровъ во всемъ быть способенъ. И паки тотъ же помяненный дворянинъ съ солдатомъ былъ отъ меня посланъ для лучшей практики на Венецкомъ морѣ въ иномъ суднѣ. А для видѣнія галеръ и для обрѣтенія на морѣ бою судилъ я, вышепомяненный капитанъ, тому Московскому дворянину ѣхать и съ солдатомъ на Медитеранское море чрезъ Калабрію до Цицилійскаго и даже до Мальтійскаго острововъ, для того что по Венецкой гольфѣ галеръ малое число и не часто плаваетъ. На то вышепомяненное дѣло даю свидѣтельство, что тотъ помяненный дворянинъ въ познаніи вѣтровъ такъ на буссолѣ, яко и на картѣ и въ познаніи инструментовъ корабельныхъ деревъ и парусовъ и веревокъ есть по свидѣтельству моему искусный и до того способный, и для лучшей вѣры сей листъ подписую моею власною рукою и прикладаю мою печать». У подлиннаго листа пишетъ: «Капитанъ Иванъ Лазоревичъ корабля св. Маріи Елисаветы подписую моею рукою, чиня увѣреніе.» У того жъ листа печать капитана морского Ивана Лазоревича на воску красномъ изображена. Тотъ листъ я отъ него принявъ благодарствовалъ ему за его ко мнѣ любовь.

Ноября въ 27-й день. Въ костелѣ св. Марка въ Венеціи поставленъ былъ образъ Пресвятыя Богородицы на большомъ алтарѣ; та

св. икона не велика, малымъ чѣмъ побольше шестилистовой иконы. Написанъ тотъ Пресвятыя Богородицы образъ поясной, а Предвѣчный Младенецъ написанъ въ нѣдрахъ, какъ пишутъ образъ Пресвятыя Богородицы Печерской, письмо Греческое древнее. Сказываютъ Венеціане, что тотъ образъ письма св. евангелиста Луки. И около той св. иконы множество поставлено было свѣчъ восковыхъ возженныхъ въ серебрянныхъ великихъ шандалахъ; всѣхъ ихъ было больше 300 свѣчъ, и между свѣчами поставлены были цвѣты изрядные въ великихъ серебрянныхъ горшкахъ, также и травы всякія благовонныя были поставлены въ горшкахъ же. И стояла та св. икона на томъ мѣстѣ 8 дней до 5-го числа Декабря, а въ тѣ 8 дней непрестанно народъ приходилъ въ тотъ костелъ и во дни и въ ночи, и никогда тотъ костелъ не запирался. Въ томъ же костелѣ въ тѣ дни въ разныхъ мѣстахъ горѣло масло въ лампадахъ, а всѣхъ лампадъ со возженнымъ масломъ больше 1000. Убраны тѣ лампады были изрядными фигурами, и на всякій день изъ тѣхъ 8 дней было въ томъ костелѣ по два казанія; одно казаніе было во время обѣдни, а другое во время вечерни; а сказывали тѣ казанія законники, приходящіе въ тотъ костелъ изъ разныхъ монастырей. Въ тоже время посреди того костела поставленъ былъ крестъ, на немъ образъ тѣла Христова рѣзной; и къ тому св. кресту въ тѣ дни непрестанно съ великою тѣснотою народу приходило множество, тотъ св. крестъ цѣловать всякій желалъ. А то чинятъ Венеціане ради той причины, что-де въ тѣ числа домъ Пресвятыя Богородицы пришелъ въ Ларетъ; другая причина была тому, что въ тѣжъ числа пришла въ Венецію изъ Риму отъ папы Римскаго вѣдомость, чтобъ всѣ католики имѣли постъ, для того что учинился между всѣми христіанскими монархами миръ вѣчный, и того ради Венеціане и чинили постъ и во всѣ 8 дней въ костелъ св. Марка приходили ото всѣхъ костеловъ и изъ монастырей съ процессіями. А процессіи ихъ были такимъ обыкновеніемъ: прежде несутъ двѣ свѣчи восковыхъ на высокихъ подсвѣчникахъ серебрянныхъ, за ними несутъ крестъ, а за крестомъ другіе два такіе жъ подсвѣчники со свѣчами восковыми, и за тѣмъ идутъ духовные Римской вѣры по два человѣка рядомъ, а за ними идутъ мірскіе люди по два жъ человѣка въ рядъ, а всѣ со свѣчами восковыми, а свѣчи всѣ бѣлаго воску, а желтаго воску въ Венеціи, паче жъ во всей Италіи нѣтъ. А людей въ тѣхъ процессіяхъ бываетъ человѣкъ по 100 и больше, а въ иныхъ процессіяхъ бываетъ народу человѣкъ по 500 и больше. А многіе въ тѣхъ процессіяхъ бываютъ честныхъ родовъ люди и, не хотя себя показать чтобъ ихъ люди не познали, ходятъ въ тѣхъ процессіяхъ въ особливыхъ одеждахъ, закрывъ лица свои, а тѣ одежды для такихъ причинъ

нарочно держатъ въ костелахъ, и кто похочетъ тотъ возьметъ ту одежду и надѣнетъ на себя тайно, чтобъ люди не знали его, кто онъ есть, для того что тою одеждою покрываютъ головы и лица свои и ходятъ въ тѣ процессіи въ тѣхъ одеждахъ босы и бичуются, бьютъ себя веревками варовинными по спинамъ, обнажа спины свои до пролитія кровей своихъ, и тѣ веревки, чѣмъ бичуются, обмачиваютъ въ Рейнскій уксусъ, а уксусъ для того нарочно носятъ съ собою въ сосудахъ. Дѣлаютъ то для того, чтобъ раны на тѣлѣ ихъ уксусомъ разъѣдало, и болѣзни бъ имъ терпѣть больше для отпущенія грѣховъ своихъ въ тотъ образъ, размышляя страданія Христова, какъ пострадалъ Господь нашъ безъ грѣха грѣхъ ради нашихъ, и сколько должны мы терпѣть болѣзни тѣлесныя за свои прегрѣшенія. И чинятъ то многіе мужеска полу и женска и честныхъ породъ люди.

Декабря въ 5-й день. За два часа до ночи была въ Венеціи процессія отъ соборнаго костела св. Марка съ тою св. вышепомяненною Богородичною иконою. Въ той процессіи народу было много тысячъ, а шли всѣ со свѣчами восковыми великими и припадали къ той св. Богородичной иконѣ съ великою вѣрою и со слезами. Напереди шли пѣвчіе Венецкаго князя, потомъ дьяконы въ стихаряхъ, за ними несли тотъ Богородицынъ образъ на носилкахъ зѣло высоко; подъ тѣмъ св. образомъ на тѣхъ носилкахъ сдѣлана великая гора серебрянная на трехъ ступеняхъ прединвною работою и зѣло богато. А несли тотъ образъ священники Римскіе, за тѣмъ образомъ несъ одинъ законникъ въ сосудѣ часть ризы Пресвятыя Богородицы, другой законникъ несъ въ другомъ сосудѣ нѣсколько власовъ Пресвятыя жъ Богородицы; за ними патріархъ Венецкій въ сосудѣ несъ млеко Пресвятыя Богородицы, а предъ всѣми тѣми святынями шли дьяконы съ кадилами и кадили тѣ помяненныя святыни, а надъ тѣми святынями надъ всѣми несли балдахины изрядные золотные. Съ тою процессіею изъ церкви св. Марка выходили въ южныя двери, а входили въ западныя. Князь Венецкій со всѣми прокураторями въ той процессіи былъ также; кавалеровъ и простаго народу было множество, и носили ту святую икону по площади, которая площадь предъ костеломъ св. Марка съ обѣхъ сторонъ. Декабря противъ 15-го числа въ часъ ночи въ костелѣ св. Марка началась вечерня, для того что у Римлянъ по новому ихъ календарю было въ тотъ день 25-е число Декабря, праздникъ Рождества Христова, и послѣ той вечерни начали и обѣдню. Служилъ ту обѣдню бискупъ и, какъ ту обѣдню начали, въ то время приступилъ къ алтарю самъ князь Венецкій и стоялъ у алтаря на колѣняхъ, услуговалъ бискупу, служащему вмѣсто пономаря. Такой обычай у нихъ бываетъ по вся годы въ навечеріе Рождества Хри-

стова, а въ самый праздникъ Рождества Христова повиненъ всякій попъ Римскій по закону своему отслужить три обѣдни на одномъ престолѣ и въ однихъ сосудахъ; а въ навечеріе Рождества Христова въ костелѣ св. Марка была музыка спѣванная и игранная, всѣхъ спѣваковъ и музыкантовъ было 130 человѣкъ.

Декабря въ 29-й день. Былъ я въ монастырѣ св. апостолъ Петра и Павла, гдѣ живетъ патріархъ Венецкій Римской вѣры. Того дня у Римлянъ бываетъ празднество св. Лаврентію и Юстиніану, и тѣло его лежитъ въ томъ монастырѣ въ костелѣ надъ престоломъ. Въ то время былъ въ томъ монастырѣ князь Венецкій со всѣми прокураторями. Въ томъ кляшторѣ того числа служилъ обѣдню тотъ великій патріархъ и съ нимъ 6 человѣкъ каноников, т.-е. архимандритовъ или игуменовъ да протопоповъ и дьяконовъ по два человѣка; а служитъ тотъ патріархъ такъ, какъ и прочіе попы Римскіе, и причащается одинъ, а прочіе сослужащіе съ нимъ не причащаются. Во время той обѣдни бываетъ кажденіе четырежды. Умываетъ руки тотъ патріархъ въ ту обѣдню трижды. Облаченіе того патріарха такое: первое подобно монаховъ Россійскихъ параманту, потомъ стихарь бѣлый, на него эпитрахиль, потомъ поясъ, потомъ поручъ на одну руку, потомъ другіе два стихаря бѣлые тафтяные, одинъ другаго короче, и потомъ верхняя одежда подобна сакосу, только рукавовъ нѣтъ, и по бокамъ не шита, потомъ панагея, крестъ съ чѣпью, потомъ подобно діадемѣ, только долга да узка и надѣвается на голову тесьма съ каменьемъ; потомъ шапка, потомъ рукавицы бѣлыя атласныя, потомъ перстень на большой палецъ и, когда приступитъ къ алтарю, тогда рукавицы съ перстнемъ сыметъ, а преже облаченія обуваетъ на ноги чулки бѣлые атласные, по нихъ шито золотомъ.

Генваря въ 1-й день. Видѣлъ я въ Греческой церкви руку св. Василія Великаго; та его св. рука вся цѣла и обдѣлана вся серебромъ подобно тому, какъ бы рукавица была сдѣлана, и противъ ладони вставлено стекло, въ которое стекло цѣлуютъ, гдѣ и я сподобился поцѣловать.

Генваря въ 6-й день. Въ Греческой церкви освященіе водъ бываетъ во всемъ согласно какъ и на Москвѣ; только когда поютъ стихеры, тогда архіерей сидитъ и кажденію въ церкви не бываетъ; а святятъ воды дважды, прежде въ навечеріе, второе въ самый праздникъ св. Богоявленія по отпускѣ литургіи.

Генваря въ 27-й день. Былъ я въ Венеціи въ Армянской церкви, гдѣ Армяне службу свою отправляютъ. Та ихъ церковь сдѣлана каменная власно такъ какъ дѣлаются Римскія церкви, и престолъ какъ у Римлянъ; иконы въ той церкви писаны по полотнамъ, одинъ образъ

Пресвятыя Богородицы Греческаго письма со Предвѣчнымъ Младенцемъ писанъ на доскѣ. На престолѣ въ той церкви свѣчи восковыя бѣлыя въ серебрянныхъ шандалахъ. Въ той ихъ церкви три престола. Обѣдню служилъ того числа ихъ Армянскій шихъ - чернецъ, одежда на немъ мантія и камилавка подобна Греческимъ инокамъ, а клобука нѣтъ и борода не брита, а усъ немного подстриженъ. Армяне того называютъ архимандритомъ. Въ службѣ было на немъ облаченіе: подризникъ бѣлый полотняный, потомъ епитрахиль, потомъ поручи на обѣихъ рукахъ, потомъ ризы золотныя атласныя подобны епанчѣ, и около шеи у тѣхъ ризъ воротникъ высокій, на головѣ шапка подобна Греческимъ архіерейскимъ шапкамъ. Служба ихъ какъ и Римская: служатъ на опрѣснокѣ, а церемонія въ службѣ подобна Греческой церкви. Служили съ нимъ того числа два человѣка дьяконовъ, стихари и орари на дьяконахъ подобны Греческимъ, пѣли обѣдню на крылосахъ 6 человѣкъ въ стихаряхъ. Предъ начатіемъ обѣдни уготованъ потиръ въ закрестьи, т.-е. въ ризницѣ, а Армяне то называютъ жертвенникомъ. Придѣлано то закрестье на правой сторонѣ алтаря; и читали Апостолъ и Евангеліе и по Евангеліи Сѵмволъ Вѣры и потомъ Херувимскую пѣснь, и потомъ отъ жертвенника принесъ потиръ дьяконъ на головѣ къ престолу, а тотъ ихъ архимандритъ потиръ отъ дьякона принялъ у престола и, поставя на престолъ, служилъ и причащался такъ власно какъ Римскіе попы и, причащась, раздавалъ антидоръ. А предъ началомъ обѣдни кадилъ кругъ церкви самъ архимандритъ, а дьяконъ кадилъ во время обѣдни шестью, а кажденіе подобно Греческому кажденію. Когда архимандритъ говоритъ въ службѣ «возлюбимъ другъ друга», тогда Армяне всѣ бывшіе въ той церкви другъ друга цѣловали въ плечи, и стояли Армяне въ церкви во время обѣдни въ скуфьяхъ, а иные стояли на колѣняхъ.

206-го года Марта въ 6-й день. Поѣхалъ я изъ Венеціи въ гундалѣ моремъ до города Местра и, пріѣхавъ въ городъ Местръ, ночевалъ въ остаріи, которая осатрія называется остарія Капеля, то-есть постоялый дворъ.

Марта въ 7-й день. Изъ города Местра поѣхалъ въ коляскѣ и пріѣхалъ того числа къ обѣду въ городъ Тривицъ, отъ города Местра до Тривица Итальянскихъ 10 миль. Того же числа отъ Тривица пріѣхалъ ночевать въ городъ Венецкой же державы, который называется Каштельо Франко, отъ Тривица Итальянскихъ 10 миль. Того вышепомяненнаго города Каштелья Франка фортеца каменная старинной работы, не велика, только стѣны гораздо высоки, подобны Московскимъ Кремлевскимъ стѣнамъ; около той фортецы сдѣланъ ровъ шириною саженъ 20, выкладенъ камнемъ и напущенъ полонъ воды.

Строеніе домовное въ томъ городѣ все каменное доброй работы; въ томъ же городѣ костелы изрядные каменные и не съ малымъ богатствомъ; въ томъ же городѣ построенъ домъ Венецкаго кавалера зѣло чуднымъ мастерствомъ и гораздо пространенъ; построены въ томъ домѣ двои палаты, дѣланы гладкою работою, только наверху поставлены рѣзьбы немногія каменныя изъ бѣлаго камени, а стѣны тѣхъ палатъ съ лица писаны изряднымъ Итальянскимъ мастерствомъ живописнаго письма. Ограда около того дому каменная, на которой въ тотъ домъ сдѣланы въ одной стѣнѣ трои вороты для препорціи изрядною работою. По одну сторону того дому построенъ прудъ немалый изрядной, чистой воды полонъ. Внутри вышеписанныхъ палатъ уборы и обитье зѣло богатые и дивные, паче жъ кроватей изрядныхъ и зеркалъ великихъ много предивной работы, а въ иныхъ палатахъ обоевъ никакихъ нѣтъ, а подписаны изнутри преславною Итальянскою живописною работою. Позади того дому построенъ садъ предивный и великій, въ которомъ множество изрядныхъ разныхъ родовъ деревъ съ плодомъ, и травъ благовонныхъ и цвѣтовъ всякихъ въ томъ саду премногое множество. Тутъ же поставлено зѣло много столповъ каменныхъ, имѣющихъ на себѣ вырѣзаныхъ изъ бѣлаго камени подобія человѣческія мужеска полу и женска. Также подобій звѣрскихъ, скотскихъ и птичьихъ много, сдѣланы изряднымъ мастерствомъ, а поставлены всѣ тѣ подобія промежъ цвѣтовъ для украшенія того саду. На срединѣ того саду сдѣлана изрядная фонтана; на задней стѣнѣ ограды, которая ограда каменная сдѣлана около того саду, учинены ворота зѣло пространные, вмѣсто вереи тѣхъ воротъ сдѣланы два столпа каменные толстые четвероугольные дивнаго мастерства, а на тѣхъ столпахъ поставлены вырѣзаны изъ бѣлаго камени два подобія конскія преудивительною работою власно какъ живы и въ мѣру возраста немалой Нѣмецкой лошади. По обѣимъ сторонамъ тѣхъ воротъ въ саду сдѣланы горы насыпаны землею немалыя, длиною саженъ по 20, а на тѣхъ горахъ сдѣланы алтаны каменные изъ желтаго мрамору и обросли всѣ виноградомъ. Верхи на тѣхъ алтанахъ сдѣланы изъ желѣза, также обросли виноградомъ. Лавки и столы въ тѣхъ алтанахъ сдѣланы восьмигранные изъ желтаго жъ мрамору. Въ томъ же саду построены два пруда чистыхъ, изрядныхъ водъ и построены изрядною препорціею, и рыбъ въ тѣхъ прудахъ немало; черезъ тѣ пруды построены мосты каменные изрядные, подъ которые можетъ пройтить немалая барка. По сторонамъ тѣхъ прудовъ подѣланы длинные чуланы досчатые, которые скоро и разобраться могутъ; въ тѣхъ чуланахъ растутъ во весь годъ лимоны и померанцы и иныя изрядныя овощи, винныя ягоды и каштаны, на которыхъ деревьяхъ видѣлъ

я Марта въ 7-й день плодъ: лимоны и померанцы зрѣлые и мало не дозрѣлые и гораздо зеленые и завязь, и цвѣтъ, а всѣ на одномъ деревѣ; и такъ съ того деревья плодъ не сходитъ во весь годъ. Для того вышеписанные чуланы надъ тѣми деревьями сдѣланы, что во время холодныхъ дней въ тѣхъ чуланахъ ставятъ въ жаровняхъ уголья съ огнемъ, чтобы студеность на тѣхъ деревьяхъ плоду не учинила какой въ рощеніи прешкоды, а въ теплое время тѣ чуланы разбираютъ и сносятъ.

Марта въ 8-й день. Изъ города Каштеля Франка поѣхалъ рано, пріѣхалъ въ Венецкій же городъ Штарелю, отъ Каштеля Франка 8 миль Итальянскихъ. Въ томъ городѣ не стоялъ, проѣхалъ его мимо. Тотъ городъ Штареля каменный, фортеца не малая каменнаго древняго строенія, поставлена на осыпи; кругомъ его ровъ шириною саженъ 20, полонъ напущенъ воды. И того жъ числа пріѣхалъ къ обѣду въ Венецкій же городъ Виценцу. Тотъ городъ Виценца зѣло изрядный и великій, фортеца земляная, башни проѣзжія глухія каменныя. Тотъ городъ Виценца зѣло многолюденъ, домовъ въ немъ изрядныхъ каменнаго строенія много, лавокъ въ немъ и товаровъ всякихъ много жъ. Отъ города Штареля до города Виценцы 10 миль Итальянскихъ. Въ томъ же городѣ Виценцѣ костелъ во имя Пресвятыя Богородицы зѣло изрядный, въ томъ костелѣ алтари преудивительной работы, какихъ во всей Италіи мало гдѣ обрѣтается. Въ томъ городѣ Виценцѣ обѣдавъ, поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, которая называется Литоры Декомфини; отъ Виценцы 13 миль Итальянскихъ. Въ той остаріи ночевалъ.

Марта въ 9-й день. Поѣхалъ изъ той остаріи рано, за четыре часа до дня и, отъѣхавъ отъ вышеписанной остаріи 5 миль Итальянскихъ, за ночнымъ мракомъ, коляску, въ которой я сидѣлъ и со мною, повалилъ фурманъ, который меня везъ, съ дороги въ ровъ зѣло глубокій, гдѣ та коляска поломалась, и для темноты ночной не могли скоро той коляски на свободный путь достать, для того что насъ было только съ фурманомъ двое и по нуждѣ имѣли стоять въ прилучившейся недалеко отъ того мѣста остаріи, которая называется Велянова и, дождався въ той остаріи дневнаго свѣта, поѣхалъ изъ нея рано и пріѣхалъ въ городъ, который называется Верона. Тотъ городъ Венецкой же республики отъ остаріи Веляновы 13 миль Итальянскихъ. Городъ Верона каменный великъ гораздо, имѣетъ въ себѣ много великихъ изряднаго строенія костеловъ и домовъ каменныхъ предивной работы. Въ томъ городѣ мосты каменные чрезъ великія воды изрядныя, и немало тѣхъ мостовъ есть. Верона городъ многолюденъ; около того городу и въ самомъ мѣстѣ садовъ изрядныхъ много, лавокъ и

товаровъ въ томъ городѣ гораздо много. Остаріи, т.-е. постоялые дворы, въ Веронѣ изрядныя. И стоялъ я въ томъ городѣ того числа до полудня, а съ полудня изъ Вероны поѣхалъ гулять около того города Вероны и смотрѣть какъ тотъ городъ построенъ. И строеніе того города Вероны изрядное, около фортецы того мѣста ровъ сдѣланъ зѣло крѣпокъ, также и иныя крѣпости подѣланы изрядныя математическимъ разумомъ и уфортификованъ, т.-е. укрѣпленъ тотъ городъ зѣло изрядно. Пляцъ, т.-е. площадь, въ томъ городѣ Веронѣ зѣло изрядная, и все украшеніе того города чудное и зѣло изрядное.

Того жъ Марта въ 9-й день пріѣхалъ ночевать въ остарію, которая называется Кавалькаселя, отъ Вероны 14 миль Италъянскихъ и въ той остаріи ночевавъ поѣхалъ.

Марта въ 10-й день пріѣхалъ обѣдать въ Венецкій же городъ, который называется Люнато, отъ вышеписанной остаріи 11 миль Италъянскихъ. Тотъ городъ Люнато каменный небольшой и малолюденъ, стоитъ надъ озеромъ, которое озеро называется по-итальянски Лягомъ Дедиженсяго. На томъ озерѣ есть фортецъ немало каменныхъ, изъ которыхъ одинъ городъ пространный, который называется Штырь, однакожъ и тотъ малолюденъ. Отъ того городя Штыря недалеко есть фортеца каменная, которая называется Унделіо, древняго зданія; въ иныхъ мѣстахъ и обвалилась; также иныя фортецы есть надъ тѣмъ озеромъ Венецкой же республики. И стоялъ въ городѣ Люнатѣ до полудня, а по полудню изъ того города поѣхалъ и пріѣхалъ ночевать въ городъ Бресь, Венецкой же державы, отъ вышеписаннаго города Люната 15 миль Италъянскихъ. Въ томъ городѣ Бресѣ живетъ генералъ Венецкой республики, и для того генерала построенъ въ Бресѣ домъ каменный зѣло великъ преизрядной работы, и множество въ томъ домѣ палатъ построены пречуднымъ мастерствомъ по препорціи. Тотъ городъ Бресь зѣло великъ, около себя имѣетъ построенъ валъ земляной изрядный крѣпкой работы; сверхъ того валу сдѣлана стѣна каменная, и башни подѣланы по всему валу каменныя жъ по размѣру изрядно, и вся та фортификація изрядная. Въ томъ городѣ домовъ изрядныхъ каменнаго строенія много, также много лавокъ и товаровъ всякихъ, а паче много продажнаго ружья, пищалей, которыя называются физій, и пистолей изрядныхъ. Въ томъ городѣ Бресѣ ремесленныхъ людей много всякихъ, а паче хвалится тотъ городъ Бресь мастерами оружейной и всякой желѣзной работы. Тотъ городъ многолюденъ зѣло. Скрозь его пропущены воды, и подѣланы по улицамъ во многихъ мѣстахъ фонтаны. Въ томъ же городѣ Бресѣ съ пріѣзду отъ Венеціи съ правой стороны сдѣлана фортеца на высокой горѣ каменная самою изрядною крѣпостью. Въ томъ городѣ много великихъ

изряднаго мастерства костеловъ, въ которыхъ изряднаго костельнаго украшенія множество. Величествомъ городъ Бресь мало что не достаточествуетъ самой Венеціи. Стоитъ тотъ городъ близко великихъ каменныхъ горъ, по которымъ горамъ много садовъ изрядныхъ построено; кругомъ того города множество несказанное виноградовъ по полямъ. Въ томъ городѣ харчу всякаго много. И ночевалъ я въ томъ городѣ Бресѣ и изъ него поѣхалъ.

Марта въ 11-й день пріѣхалъ къ обѣду въ мѣстечко Венецкаго жъ княжества, которое называется Паліоцоль, и въ томъ мѣстечкѣ стоялъ въ остаріи до полудня. Отъ Бреси до Паліоцоля 18 миль Итальянскихъ. А послѣ полудня поѣхавъ изъ того мѣстечка, пріѣхалъ того числа ночевать въ городъ Бергамъ, отъ Паліоцоля 13 миль Итальянскихъ и, не доѣзжая того города Бергама, видѣлъ чудную вещь: сдѣлана ограда около саду изъ травы, которая трава растетъ власно какъ стѣна каменная толщиною въ аршинъ, а вышиною отъ земли аршина въ два; по той травной стѣнѣ растутъ изъ той же травы фигуры разныхъ подобій, которая подобіемъ человѣка пѣшаго съ копьемъ или съ протазаномъ или съ саблею, которая подобіемъ человѣка на лошади съ ружьемъ, иная подобіемъ ангела, имѣя крылья, иная подобіемъ жены или дѣвицы убранной по-французски, иная фигура подобіемъ барки съ парусами и съ, веревками, иная власно какъ Венецкая гундала, т.-е. лодка крытая, и на ней человѣкъ съ весломъ; другія подобіемъ фонтановъ разныхъ образовъ; иныя растутъ въ подобіе звѣрское и скотское и птичье разныхъ родовъ, иныя подобіемъ сосудовъ изрядныхъ; а по угламъ того саду изъ той же травы растутъ власно какъ башни, по которымъ растутъ люди въ подобіе солдатъ для сторожи съ ружьемъ. Сія вещь зѣло преудивительная и удивленію достойная, какъ та трава разными изображеніями растетъ.

Городъ Бергамъ Венецкой же державы великій и зѣло изрядный. Стѣны и башни около его каменныя. Въ томъ городѣ костеловъ хорошихъ каменныхъ и домовъ изрядныхъ каменнаго же строенія много, лавокъ и въ нихъ товаровъ много жъ. Скрозь того города течетъ рѣка немалая, которая называется Арно, чрезъ ту рѣку построены великіе мосты каменные. По сторонамъ того города построенъ замокъ или фортеца каменная, и въ ней домовъ каменныхъ много добраго строенія. Въ томъ городѣ Бергамѣ есть отъ Венецкой республики поставлено солдатъ немалое число для опасенія, что тотъ городъ Бергамъ близко Гишпанскаго рубежа; а и кромѣ солдатъ тотъ городъ многолюденъ гораздо и во всемъ строенъ. И ночевавъ я въ Бергамѣ, изъ него поѣхалъ.

Марта въ 12-й день пріѣхалъ на границу Венецкаго княжества съ Гишпанскимъ государствомъ, отъ Бергама 10 миль Итальянскихъ. То мѣсто называется Бергамашка. И переѣхавъ границу, пріѣхалъ до перваго Гишпанскаго города, который называется Каліанико. Тотъ городъ стоитъ на берегу великой рѣки Ады на высокой горѣ. Въ томъ городѣ сдѣланъ домъ надъ тою вышеписанною рѣкою Адою зѣло пречудной работою, на верху горы, и къ той вышепоимянованной рѣкѣ отъ того дому подѣланы сходы каменные пространные дивной работы. По тѣмъ сходамъ и по periламъ поставлены горшки узорочные золоченые, изъ тѣхъ горшковъ растутъ деревья помаранцевыя и лимоновыя и иныхъ изрядныхъ родовъ и цвѣты предивные. Поверху тѣхъ сходовъ передъ палатами посажено много деревъ кипарисныхъ и растутъ зѣло высоко. Къ тому жъ дому сдѣланъ изрядный садъ, въ которомъ пущено зѣло много павлиновъ и павъ. Отъ того мѣста пріѣхалъ того жъ числа къ обѣду въ Гишпанскую остарію, которая называется Форна, отъ Итальянской границы 6 миль Итальянскихъ, и въ той остаріи обѣдалъ и стоялъ до полудня, а съ полудня изъ той остаріи поѣхавъ, пріѣхалъ того числа ночевать въ Медіоланъ отъ вышеписанной остаріи Форны 14 миль Итальянскихъ. Пріѣзжая къ Медіолану начало быть по дорогѣ жило, а не доѣхавъ до Медіолана версты за четыре по обѣ стороны дороги много жилья: построены домы каменные великіе и зѣло изрядные и сады предивные и виноградовъ зѣло много по полямъ, также разныхъ родовъ деревъ плодовитыхъ много въ садахъ и по полямъ. Медіоланъ есть мѣсто великое и зѣло изряднаго строенія и многолюденъ зѣло. Пріѣхавъ я въ Медіоланъ, сталъ въ остаріи, которая называется Тререй, а по-славянски трехъ царей. Та остарія въ Медіоланѣ для пріѣзду форестировъ, т.-е. иноземцевъ, лучшая; въ той остаріи отвели мнѣ палату, которая обита вся атласомъ цвѣтнымъ изряднымъ и убрана уборами дивными, въ которой было двѣ кровати изрядныя съ постелями и одѣялами атласными. Также столы хорошіе и кресла и стулы бархатомъ обитые предивные. И на утро пріѣзду своего въ Медіоланъ, т.-е. Марта въ 13-й день, нанялъ себѣ карету изрядную, въ которой было два возника изрядныхъ; платилъ за нее на день по 9 лиръ, то будетъ Московскихъ денегъ по 20 алтынъ, и въ той каретѣ ѣздилъ въ Медіоланѣ, гдѣ чего хотѣлъ смотрѣть безъ всякаго возбраненія.

Въ началѣ пріѣхалъ въ монастырь св. Амвросія Медіоланскаго и видѣлъ недалеко отъ того монастыря костелъ небольшой изряднаго строенія поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ святый Амвросій крестилъ св. Августина и брата его и племянника братня съ нимъ и, крестя ихъ, изъ той церкви шелъ Амвросій пѣшъ до своего дому. И нынѣ

тѣмъ мѣстомъ неповинно никому ѣхать въ каретѣ или на лошади, только ходятъ пѣши, и я тою дорогою до костела, гдѣ лежитъ тѣло св. Амвросія, шелъ пѣшъ. Тотъ костелъ древняго строенія: какъ построенъ при животѣ св. Амвросія и до сего времени стоитъ такъ безъ починки подобіемъ Римскихъ церквей; изряднаго строенія и работы дивной много въ томъ костелѣ. Величествомъ тотъ костелъ гораздо не малъ, рѣзьбы древней работы изъ бѣлаго камени въ томъ костелѣ изрядныя. Тѣло св. Амвросія лежитъ въ томъ костелѣ подъ алтаремъ промежъ тѣлъ святыхъ мучениковъ Гервасія и Протасія; и нынѣ мощи св. Амвросія по заповѣданію папы Римскаго никому не показываютъ, а для какой причины то учинено, о томъ никто не вѣдаетъ. При томъ алтарѣ, подъ которымъ тѣ св. мощи лежатъ, построены столпы мраморные зѣло велики и изрядной работы, на которыхъ сдѣланъ надъ алтаремъ покровъ чудной работы. Въ томъ же костелѣ есть столпъ мраморовый, на которомъ поставлено подобіе змѣи мѣдное, то, которое сдѣлалъ въ пустыни пророкъ Моисей для народу Израильскаго отъ угрызенія змѣина на исцѣленіе; а сказываютъ, что то подобіе змѣи принесъ въ Медіоланъ св. Амвросій. То подобіе змѣи переломлено въ трехъ мѣстахъ; а сказываютъ, какъ съимано съ того дерева, на которомъ при Моисеѣ сдѣлано, и въ то тремя переломлено, а и нынѣ переломленныя мѣста спаяны, однакожъ знатны. Величествомъ то подобіе змѣи будетъ длиною аршина въ два, а толщиною мало тоньше руки человѣка нетолстаго. У того костела живутъ попы бѣлые и законники, которые называются Цистернельцы. И сдѣланъ у той церкви для выписанныхъ законниковъ монастырь преудивительною работою и зѣло пространенъ. Въ томъ монастырѣ видѣлъ много зѣло чудныхъ писемъ святыхъ Итальянскаго живописнаго изряднаго мастерства и иныхъ изрядныхъ вещей, которыя надлежатъ до уборовъ костельныхъ, о которыхъ писать подробну для умедленія времени оставляю.

Изъ того монастыря пріѣхалъ до костела св. Виктора. Тотъ костелъ пречудной работы и удивленія достоинъ: весь сдѣланъ изъ алебастру рѣзною дивною работою. Въ томъ костелѣ одинъ алтарь сдѣланъ на сторонѣ зѣло преудивительною работою изъ мрамору чернаго преудивительнаго. Тотъ алтарь, сказываютъ, сдѣланъ 28.000 шкудовъ. При томъ костелѣ сдѣланъ монастырь, въ которомъ живутъ законники, которые называются Оливетане. Тотъ монастырь зѣло пространенъ и преудивительною работою устроенъ. Изъ того монастыря поѣхалъ я до церкви мученика Аквилія. Та церковь св. мученика Аквилія, или Акилы, круглая, во всемъ подобна церкви Воскресенскаго монастыря, что́ на Истрѣ рѣкѣ, только при той гораздо мала; древняго строенія, однакожъ изряднаго мастерства. При той церкви по улицѣ стоятъ

столпы каменные великіе, которыхъ тутъ есть 12, высоки зѣло, высѣчены всякій столпъ изъ одного бѣлаго камени зѣло древней работы. Знатно, что въ томъ мѣстѣ въ древнія лѣта было дивное нѣкакое строеніе и отъ многихъ лѣтъ разрушилось; и обвязаны тѣ столпы во многихъ мѣстахъ желѣзомъ; высотою тѣ столпы саженъ по пяти трехъаршинныхъ, а толщиною внизу какъ можно обнять четырьмя саженьми. На тѣхъ столпахъ, исторія повѣствуетъ, былъ построенъ домъ мучителя Максиміана и, когда въ древнихъ лѣтахъ воевалъ Медіоланъ и раззорилъ его весь Федорикусъ Барбароса, въ то время весь городъ Медіоланъ разбилъ и разрушилъ въ немъ всякое строеніе, только оставилъ неразрушенну ту церковь, въ которой лежатъ мощи св. мученика Акилы и вышепомяненные столпы. И до сего времени та церковь и столпы стоятъ безъ починки, а мощи св. мученика Акилы лежатъ въ притворѣ той церкви надъ алтаремъ, въ ракѣ за стекломъ. Тѣхъ св. мощей сподобился я видѣть, и есть всѣ нетлѣнны и зѣло предивны; жилы и кожа на костяхъ нетлѣнны, которыя части его святаго тѣла есть видимы глава и руки и ноги, а другія части св. тѣла его покровенны одеждою. У лѣвой ноги отъ плюсны части немалой нѣтъ, и на томъ мѣстѣ значится кровь запеклась, также на лѣвой сторонѣ шеи, гдѣ мучитель во время страданія его за Христа ударилъ ножемъ, знатно и нынѣ кровь власно какъ новоистекшая. Строеніе въ томъ притворѣ, гдѣ лежатъ тѣ святыя мощи, изрядное и богатое, всякихъ костельныхъ уборовъ много богатыхъ.

Изъ той вышеписанной церкви пріѣхалъ я въ костелъ, который называется ихъ языкомъ Иль-Домо. Тотъ костелъ зѣло чудный и на всемъ свѣтѣ славный. Начатъ тотъ костелъ строить тому нынѣ 312 лѣтъ и еще не достроенъ, а строятъ по вся годы непрестанно. Тотъ костелъ сдѣланъ весь изъ бѣлаго мрамору, не кладено въ немъ ни единаго кирпича и ни простого камени, ни въ стѣнахъ, ни въ сводахъ, снаружи и внутри весь аспидный, и аспидъ избранъ зѣло изрядный, и прибирано, чтобъ не можно было познать, что не изъ одного камени тотъ весь костелъ высѣченъ, и работою преславною построенъ, и такого костела, сказываютъ, великаго и чудной работы кромѣ Римскаго соборнаго костела во всемъ свѣтѣ нѣтъ нигдѣ. Длина того костела безъ мала 200 саженъ, а поперекъ слишкомъ 100 саженъ. Въ томъ костелѣ 92 столпа всѣ бѣлые мраморовые, власно какъ всякій столпъ изъ одного камени высѣченъ. На многихъ изъ тѣхъ столповъ завѣшаны изрядныя шпалеры золотныя преславной Французской работы. Въ томъ костелѣ множество лампадъ серебряныхъ великихъ и малыхъ.

Въ томъ же костелѣ надъ алтаремъ въ сводѣ сдѣланъ крестъ изъ чернаго желѣза изрядною работою невеликъ, четвероконечный, и въ томъ крестѣ въ серебрянномъ кивотѣ положенъ гвоздь желѣзный, которымъ была прибита ко кресту рука Спасителя нашего Христа; а тотъ гвоздь, сказываютъ, принесъ въ Медіоланъ въ древнія лѣта св. Амвросій Медіоланскій. Богатства въ томъ костелѣ пречуднаго и неудобь-сказаемаго множество въ сосудахъ золотыхъ и серебряныхъ и во всякихъ вещахъ и въ уборахъ костельныхъ, о чемъ подлинно напишется на своемъ мѣстѣ ниже. Тотъ костелъ сдѣланъ весь на рундукѣ, который рундукъ сдѣланъ весь изъ бѣлаго аспиду зѣло дивною работою. Величествомъ тотъ рундукъ зѣло великъ; около его всего будетъ больше 700 саж., а въ высоту 9 ступеней.

Подъ тѣмъ костеломъ подѣланы костелы изрядные хорошимъ мастерствомъ низко. Въ вышепомянутомъ рундукѣ, на которомъ та церковь поставлена, въ среднемъ и нижнемъ костелѣ, лежитъ тѣло арцибискупа Медіоланскаго, который назывался Карло Борамео. Тотъ костелъ, въ которомъ то Карлово тѣло лежитъ, не великъ. Внутри того костела стѣны всѣ обиты аксамитами золотными, сводъ въ томъ костелѣ сдѣланъ изъ серебрянныхъ литыхъ досокъ преудивительною работою и зѣло великимъ богатствомъ. Надъ алтаремъ въ томъ костелѣ сдѣланъ гробъ изъ хрусталей, въ которомъ лежитъ вышеписанное Карлово тѣло. Тотъ гробъ зѣло изрядный, паче жъ преудивительною работою и великимъ богатствомъ строенъ. Тѣло Карлово лежитъ въ томъ гробѣ въ одеждѣ, какъ западнымъ архіереямъ надлежитъ имѣть, а архіерейскія одежды и шапка на немъ по обыкности Римскихъ архіерейскихъ шапокъ. Только обнаженныхъ частей того тѣла голова, одна кость, кожи и плоти на ней нѣтъ, а иныхъ частей тѣла не можно видѣть, для того что весь въ одеждѣ, и на рукахъ надѣты рукавицы атласныя бѣлыя и на ногахъ чулки атласные жъ бѣлые. И совершенно-ль то кости есть въ той одеждѣ или сдѣлано какимъ притворомъ, о томъ знать не по чему; только народъ Римской вѣры зѣло великую вѣру къ тому своему св. Карлу имѣетъ, и сказываютъ, что отъ того его тѣла бываютъ многія чудеса. Изъ той церкви, гдѣ то Карлово тѣло лежитъ, сдѣлано окно въ великую вышепомяненную церковь, и около того окна въ великой церкви сдѣлана рѣшетка мѣдная дивною работою, а то окно сдѣлано для свѣту въ ту нижнюю церковь, гдѣ Карлово тѣло лежитъ, для того что кромѣ того окна въ ту церковь свѣтлости быть не можетъ. Въ великой вышеписанной церкви у столповъ сдѣланы двѣ каѳедры великія, всѣ серебряныя литыя, а по нимъ есть великія чеканныя серебрянныя доски, постав-

лены по мѣстамъ преузорочной работы, также и въ лампадахъ и въ подсвѣчникахъ серебра въ томъ костелѣ неудобь-сказаемое множество.

Какимъ преудивительнымъ мастерствомъ тотъ костелъ сдѣланъ и еще нынѣ строится, того не можно никому подобну описать, и чаю, что еще въ многія лѣта тотъ костелъ не докончится по тому намѣреніи, какъ его желаютъ совершить; а подлинно о томъ костелѣ хотящаго вѣдать отсылаю до читанія Медіоланскихъ печатныхъ гисторій.

При томъ костелѣ живетъ кардиналъ. Того кардинала домъ изрядный и великій, множество въ немъ палатъ и всякаго каменнаго строенія. Въ томъ великомъ костелѣ служатъ попы бѣлые, которые называются канонники, и суть тѣ канонники кавалерскихъ честныхъ родовъ люди, и немало ихъ при томъ костелѣ живетъ. Передъ тѣмъ костеломъ есть площадь, много во всемъ подобна площади, которая есть въ Венеціи предъ костеломъ соборнымъ св. Марка. По сторонамъ того Медіоланскаго соборнаго костела построенъ домъ вицерея Медіоланскаго, великъ гораздо, много зѣло имѣетъ на себѣ палатъ и всякаго каменнаго строенія, сдѣланъ гладкою работою безъ рѣзьбы, однакожъ доброй самой работы. Во время бытности моей въ Медіоланѣ, вицерея Медіоланскаго еще не было; хотя былъ избранъ, только не коронованъ.

Отъ той великой церкви пріѣхалъ я въ шпиталь, т.-е. въ больницу. Тотъ шпиталь сдѣланъ зѣло великъ такимъ подобіемъ: сдѣланъ домъ четвероуголенъ мѣрою въ длину и ширину сажень по полтораста, и вокругъ того дому построены палаты великія въ два жилья въ верхъ. Въ тѣхъ палатахъ всегда лежитъ болящихъ мужеска и женска полу по 1000 человѣкъ. Тѣмъ болящимъ подѣланы кровати хорошія точеной работы, и постели на кроватяхъ подѣланы хорошія съ чистыми бѣлыми простынями, и у всякой кровати подѣланы завѣсы стамедныя вишневыя. Въ томъ шпиталѣ для услуги болящихъ есть 300 человѣкъ мужеска полу и 300 женскаго; въ томъ же шпиталѣ построена болящихъ ради аптека, и есть въ той аптекѣ 4 человѣка доктуровъ и 20 человѣкъ лекарей. У той аптеки сдѣланъ садъ, въ которомъ всякія лекарственныя травы и коренья родятся, тотъ садъ надлежитъ къ тому жъ шпиталю. Въ томъ шпиталѣ есть 14 человѣкъ писарей, которые имѣютъ себѣ особыя палаты и записываютъ приходы и расходы того шпиталя и всякія дѣла потребныя тому шпиталю управляютъ. Въ томъ же шпиталѣ есть палата немалая, и поставленъ въ той палатѣ столъ круглый зѣло великій; около того стола поставлены многія изрядныя кресла. Въ ту палату на всякую недѣлю дважды, т.-е. въ Понедѣльникъ и въ Пятокъ, повинны придтить Медіоланскіе сенаторы и сидѣть за управленіемъ всякихъ того шпиталя дѣлъ;

а строится тотъ шпиталь и всякіе расходы имѣетъ съ наданныхъ ему вотчинъ и имѣній послѣ умершихъ. А кто въ тотъ шпиталь Бога ради что дасть, тѣхъ дателей всѣхъ персоны пишуть, и поставлены тѣ персоны съ подписьми въ особой палатѣ, а въ началѣ тѣхъ персонъ поставлена въ той вышеписанной палатѣ персона одного Медіоланскаго купца, который тотъ шпиталь началъ строить и совершилъ отъ своего имяни въ недавнихъ лѣтахъ. А прежде сего былъ шпиталь построенъ королевскою казною невеликъ, и нынѣ тотъ старый шпиталь не раззоренъ, а отданъ къ тому новому шпиталю на нѣкоторыя потребы болящихъ ради, для того что тотъ старый шпиталь построенъ близко новаго шпиталя. Въ томъ новомъ великомъ шпиталѣ построены костелы и каплицы, въ которыхъ по вся дни бываютъ обѣдни больныхъ ради. Того шпиталя палатное строеніе преизрядной работы, кругомъ оконъ предивныя рѣзьбы, также и во всемъ пречудная работа. По сему дѣлу у Римлянъ познавается ихъ человѣколюбіе, какого во всемъ свѣтѣ мало гдѣ обрѣтается. Въ томъ шпиталѣ зѣло изрядный покой и пища и питье болящимъ безъ заплаты, Христа ради; также и лечатъ ихъ безъ платы жъ. Изъ того шпиталя пріѣхалъ я до костела, въ которомъ видѣлъ картины дивныя Итальянскихъ писемъ, которыя покупаны высокою цѣною: за одну картину давано по 20000 филиповъ, и того будетъ по 10000 червонныхъ золотыхъ. Около тѣхъ картинъ подѣланы вмѣсто рамъ доски рѣзныя шириною безъ мала по аршину, на которыхъ вырѣзаны древнихъ лѣтъ гисторіи стараго закону. Тѣ доски преудивительной работы. Также въ томъ костелѣ по стѣнамъ писемъ живописныхъ изряднаго мастерства много, и все строеніе того костела изрядное и удивленію достойно. При томъ костелѣ живутъ бѣлые попы, которые въ томъ костелѣ служатъ по вся дни обѣдни. Изъ того костела пріѣхалъ я въ остарію, въ которой стоялъ я для того, что припалъ часъ обѣда. Того жъ числа по обѣдѣ поѣхалъ я смотрѣть библіотеки великой и видѣлъ въ той библіотекѣ множество книгъ всякихъ языковъ. Въ той же библіотекѣ стоятъ два глобуса великіе. Въ той же библіотекѣ въ особой палатѣ видѣлъ куншитовъ, т.-е. образцовъ изряднаго мастерства рѣзнаго изъ алебастру и изъ разныхъ матерій и лѣпленныхъ изъ гипсу. Тутъ же видѣлъ вырѣзано изъ бѣлаго мрамору подобіе человѣческое и воинскія всякія вещи на одной доскѣ такою пречудною работою, которой никто подробну описать не можетъ; и иныхъ вещей преузорочныхъ рѣзныхъ работъ въ той библіотекѣ множество, о которыхъ нынѣ писать для умедленія оставлю. Въ той же библіотекѣ въ особой палатѣ видѣлъ множество преузорочныхъ писемъ живописныхъ по мѣднымъ и по деревяннымъ доскамъ и по полотнамъ и по разнымъ матеріямъ, о ко-

торомъ мастерствѣ языкъ человѣческій и сказать подробну не можетъ; только для высокости цѣны тѣхъ писемъ напишу здѣсь одну вещь. Есть между тѣми вышепомяненными письмами четыре вещи, написаны на мѣдныхъ доскахъ мѣрою въ высоту и въ ширину по аршину. На одной написанъ элементъ или стихія земля, на другой вода, на третьей воздухъ, на четвертой огонь, и за тѣ четыре вещи курфюрстъ Саксонскій, который и нынѣ есть король Польскій, давалъ по 16000 червонныхъ золотыхъ за каждую вещь и нынѣ радъ ту цѣну дать, только Медіоланцы изъ той библіотеки никакой вещи ни за что не продаютъ. И иныхъ такихъ писанныхъ вещей, которыя стоятъ высокой цѣны, въ той библіотекѣ множество. Построена та библіотека изряднымъ мастерствомъ. Въ той библіотекѣ между палатами сдѣлана фонтана изрядная, изъ которой истекаютъ изрядныя чистыя воды. Въ той же библіотекѣ видѣлъ книгу зѣло велику математицкихъ наукъ, писанную древнихъ лѣтъ, а не печатную, и сказываютъ, что той книгѣ есть 300 лѣтъ, какъ она писана; а цѣну ей сказываютъ великую, что-де имъ давалъ за нее Агличанскій король 8000 червонныхъ золотыхъ. Въ той библіотекѣ видѣлъ книгу писанную Греческимъ языкомъ по холстинѣ, зѣло ветха, и подписано, что той книгѣ, какъ она писана, есть 1635 лѣтъ; и иныхъ древнихъ лѣтъ книгъ, писанныхъ рукою св. Амвросія Медіоланскаго, много. И еще есть въ Медіоланѣ двѣ библіотеки, только тѣ малы при сей вышеписанной библіотекѣ.

Изъ той библіотеки поѣхалъ до костела, въ которомъ видѣлъ гробъ трехъ Персидскихъ царей, которые къ новорожденному Христу Спасителю нашему принесли поклоненіе и дары, а тѣла ихъ, изъ того гробу вынявъ, перенесъ въ Колонію отъ Медіолана 20 миль Итальянскихъ Федорикусъ Барбароса во время раззоренія Медіоланскаго, и нынѣ тѣла ихъ въ колоніи, которыхъ и я видѣть сподобился. Въ томъ же костелѣ видѣлъ золото, которое Персидскіе цари принесли въ даръ Христу при рождествѣ Его спасительномъ. Подобіемъ то золото сдѣлано ефимку, только на немъ изображеніе сдѣлано древнихъ лѣтъ. Въ томъ же костелѣ видѣлъ гробъ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамору рѣзною преудивительною работою, а въ томъ гробѣ лежитъ тѣло мученика Петра, который былъ Доминиканскаго закону и въ древнія лѣта замученъ за Христа, и въ мученіи его по повелѣнію мучителя глава его разрѣзана пополамъ, лицо отъ затылка отрѣзано прочь; и до нынѣ обѣ части главы его лежатъ на алтарѣ, а не съ тѣломъ его во гробѣ; и борода и власы и кожа его на головѣ все цѣло, нетлѣнно. Отъ того костела пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ для того, что припалъ часъ ночи.

На завтра, Марта въ 14-й день поутру, поѣхалъ я до костела св. Александра. Въ томъ костелѣ видѣлъ пречудную вещь: сдѣлано мѣсто по обыкновенію Римскому, гдѣ священники исповѣдываютъ желающихъ покаянія, а сдѣлано то мѣсто такимъ подобіемъ. У столпа въ срединѣ построено мѣсто гдѣ сидѣть священнику, слушающему исповѣди; надъ тѣмъ мѣстомъ поставленъ Нерукотворенный Спасовъ образъ вырѣзанъ изъ бѣлаго каменя, а по обѣ стороны того мѣста сдѣланы два мѣста, въ которыхъ стоять кающимся, а поверхъ тѣхъ обоихъ мѣстъ поставлены по камню желтаго аспиду; величествомъ тѣ камни въ вышину и въ ширину по аршину; на тѣхъ камняхъ изображены ступени ногъ человѣческихъ подобно такъ какъ въ мягкую новую матерію, въ воскъ или тому подобное вгнетено; а сказываютъ, что тѣ изображенія самыхъ пречистыхъ ногъ Христовыхъ, и принесены тѣ камни въ Медіоланъ съ Синайской горы въ древнихъ лѣтахъ. Тотъ костелъ св. Александра преудивительной работы еще и не совершенъ весь, подписанъ изнутри преславнымъ живописнымъ мастерствомъ. Въ томъ костелѣ при одномъ столпѣ сдѣлана каѳедра вся изъ изрядныхъ каменій преславною работою; въ той каѳедрѣ каменью, яшмы, перелевти, емениты, исабики, хрустали, тумпасы, бирюзы зѣло великіе, также каралковъ бѣлыхъ и красныхъ много. У того костела монастырь сдѣланъ изрядный; въ томъ монастырѣ живутъ законники подобны Езувитамъ, которые называются Театины.

Изъ того костела поѣхалъ до замку или до фортецы, въ которой живетъ генералъ и съ нимъ 500 человѣкъ солдатъ; и къ тому генералу послалъ я просить его о томъ, чтобъ велѣлъ меня пустить въ замокъ, и генералъ прислалъ ко мнѣ одного начальнаго человѣка и велѣлъ меня проводить до замку и увольнилъ мнѣ ходить по стѣнамъ того замку и смотрѣть всякихъ крѣпостей и пушекъ и всякихъ вещей. Та фортеца, т.-е. верхній городъ каменный и стѣны высотою зѣло высоки, отъ земли до зубцовъ имѣетъ быть сажень 20 трехаршинныхъ, а шириною промежъ зубцовъ, еже есть толстота той стѣны, 26 аршинъ; а построилъ ту фортецу король Французскій въ то время когда былъ Медіоланъ подъ его державою. Въ той фортецѣ по стѣнамъ множество пушекъ мѣдныхъ зѣло великихъ и среднихъ и малыхъ, башни подѣланы круглыя изъ грановитаго каменья подобно тому, какъ на Москвѣ сдѣлана Грановитая Государева палата, и на башняхъ много зѣло поставлено пушекъ превеликихъ, изрядныхъ Французской работы. На одной башнѣ сдѣлано подобіе головы человѣческой мѣдное и поставлено высоко на желѣзномъ прутѣ для такой памяти: когда генералъ Гишпанскій измѣнилъ Гишпанскому королю и отдалъ Медіоланъ Французамъ, тогда того генерала паки доставши и

отсѣкли Гишпаны ему голову и поставили ту голову на той вышеписанной башнѣ на колѣ; а какъ отъ многихъ лѣтъ та голова сгнила, и во образъ той генеральской головы сдѣлали мѣдную голову и поставили ее на вѣчную память того измѣнника на желѣзномъ колѣ на той башнѣ. Около того замку рвы напущены воды и глубоки и широки безмѣрно; около тѣхъ рвовъ подѣланы бастіоны земляные зѣло крѣпкіе, и поставлено по нихъ зѣло великихъ пушекъ множество. Въ проѣздахъ до такой фортецы подѣланы неудобь-сказаемыя крѣпости, по осьми мостовъ подземныхъ, которые мосты подѣланы черезъ воды въ осьми проѣзжихъ воротахъ съ одного мѣста, а во всякихъ воротахъ стоятъ караулы, и пушки поставлены великія. Посередь того замку стоятъ на станкахъ двѣ пушки превеликія изряднымъ мастерствомъ и размѣромъ сдѣланы. Со всѣхъ сторонъ тотъ замокъ утвержденъ и уфортификованъ преславною крѣпостью. Въ тотъ замокъ Французовъ никогда не пускаютъ никакого человѣка. Величествомъ тотъ замокъ имѣетъ быть вокругъ 500 сажень, дворовъ въ томъ замкѣ никакихъ нѣтъ кромѣ генеральнаго и солдатскихъ.

Изъ того замку поѣхалъ я въ городъ смотрѣть домъ, который называется лазаретомъ. Тотъ домъ построенъ за городомъ близко рва, который ровъ сдѣланъ около всего Медіолану. Строеніе на томъ домѣ каменное, сдѣланы вокругъ дому по стѣнамъ палаты въ одно жилье вверхъ. Тѣхъ палатъ будетъ числомъ зѣло много, для того что мѣсто занято подъ тотъ домъ превеликое четвероугольное, а вокругъ его вмѣсто ограды все подѣланы палаты. На срединѣ того дому сдѣланъ костелъ четвероугольный; а сдѣланъ тотъ домъ для того: когда бываетъ въ Медіоланѣ моровое повѣтріе, тогда зараженныхъ моровою язвою вывозятъ изъ города въ тотъ домъ и тамъ ихъ лечатъ и покоютъ, а которые помираютъ въ томъ домѣ, ихъ и погребаютъ. Въ томъ домѣ видѣлъ я одинъ столпъ сдѣланъ изъ бѣлаго камени, на томъ столпѣ съ одной стороны есть язва невелика, отъ той язвы знать по тому столпу внизъ потоки желтые, и сказываютъ о томъ столпѣ, что тотъ столпъ есть такой: котораго году быть въ Медіоланѣ моровому повѣтрію, въ то время изъ той язвы не за малое время до мороваго повѣтрія потечетъ по тому столпу гной власно какъ изъ раны живаго человѣка и течетъ такъ долго, сколько долго будетъ моровое повѣтріе, и потому Медіоланцы и познаютъ, что тотъ годъ будетъ въ Медіоланѣ моровое повѣтріе, какъ увидятъ изъ того вышеписаннаго столпа истекающій гной.

Медіоланъ городъ зѣло великій, многимъ больше Венеціи и многолюденъ безмѣрно. Сказываютъ, Медіоланскихъ жителей есть 500000 человѣкъ кромѣ форестировъ, т.-е. пріѣзжихъ иноземцевъ. Имѣетъ Ме-

діоланъ валъ вокругъ себя зѣло изрядный. Крѣпостей въ Медіоланѣ, костеловъ, монастырей и домовъ предивнаго каменнаго строенія много, а деревяннаго строенія въ Медіоланѣ ничего нѣтъ. Воды пропущены въ Медіоланѣ во многихъ мѣстахъ и немалыя, по которымъ водамъ барки большія могутъ ходить со всякою тамъ живущимъ людямъ потребою.

Медіоланскіе жители, честные люди, также и жены ихъ и дочери-дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ, а кареты и возники имѣютъ изрядные. За каретами ходитъ пѣшихъ людей много, подобно Московскому обыкновенію. Деньги въ Медіоланѣ ходятъ особою монетою, червонныя золотыя мѣняютъ на Медіоланскую монету по 14 лиръ за червонный золотой и по 5 солдовъ.

Лавокъ и всякихъ товаровъ въ Медіоланѣ много, а паче много изрядныхъ всякихъ вещей желѣзной предивной работы и ружья: пистолей и фузей изрядныхъ и шпагъ предивныхъ; а купятъ желѣзныя вещи хорошей работы цѣною зѣло высокою.

Въ Медіоланѣ говорятъ всѣ Итальянскимъ языкомъ, только въ маломъ въ чемъ есть отъ Итальянскаго языка отмѣна. Медіоланскіе жители люди добронравные, къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло ласковые. Хлѣбъ и всякій харчъ въ Медіоланѣ не дорогъ, также и винъ виноградныхъ всякихъ изрядныхъ множество, и купятъ вино дешево. Медіоланскіе жители мужеска полу платье носятъ черное во всемъ подобно платью Венецкому кавалерскому; только и разности, что у Медіоланцевъ назади есть ожерелье власно такое, какъ бывало у Московскихъ однорядокъ; да они мѣшковъ такихъ на рукахъ не носятъ какіе мѣшки носятъ Венеціане, а женскій полъ въ Медіоланѣ носитъ платье во всемъ подобно Голандскому женскому платью, а на головахъ носитъ уборы Французскіе и покрывается флерами.

Улицы и переулки въ Медіоланѣ всѣ вымощены каменемъ, вокругъ верхняго города учинена площадь великая, и никакого строенія ни съ одну сторону того верхняго города нѣтъ, а стоитъ Медіоланъ близко великихъ горъ. Пріѣзжая изъ Бергама въ Медіоланъ, тѣ великія горы будутъ въ правой сторонѣ только въ полуверстѣ, а въ иныхъ мѣстахъ и ближе; а тѣ великія горы называются Альпейскими горами, чрезъ которыя изъ Германіи съ великимъ трудомъ и не безъ страху проѣзжаютъ во Италію. Народъ Медіоланскій смуглой природы мущины и жены; рѣдко гдѣ увидится бѣлой природы человѣкъ.

Описаніе что чего видѣлъ въ Медіоланскомъ соборномъ великомъ костелѣ въ сосудохранительницѣ.

Осмеры сосуды золотые преудивительной работы, вѣсу въ нихъ будетъ золота больше двухъ пудъ.

Доска золотая, на которой выбита персона короля Гишпанскаго. Та доска мѣрою будетъ вышиною въ три четверти аршина, а шириною въ аршинъ, вѣсу въ ней золота 60 фунтовъ.

Ларецъ золотой, который прислала въ Медіоланскій соборный костелъ королева Гишпанская изъ Мадриту. Тотъ ларецъ преславной работы, вѣсу въ немъ золота 20 фунтовъ, и положены въ томъ ларцѣ въ ящикахъ мощи святыхъ многихъ.

Ларецъ хрустальный пречудной работы въ золотѣ, и по немъ ставлены въ золотѣ жъ каменья: яхонты, изумруды и лалы. Сосудовъ серебрянныхъ премногое множество узорочныхъ работъ, между которыми видѣлъ одинъ келихъ или потиръ серебрянный обрѣзанъ весь коралкомъ краснымъ преудивительною рѣзною работою, какой работы нынѣ во всемъ свѣтѣ мало обрѣтается. Серебра въ персеняхъ литыхъ, въ подсвѣчникахъ, лампадахъ больше 100 пудъ. 4 сосуда золотыхъ, въ которыхъ Римляне по обыкновенію своему ставятъ священныя оплатки, надъ которыми обѣдни совершаютъ и ими причащаютъ народъ. Тѣ сосуды изъ рѣзной работы съ алмазами, яхонтами, изумрудами и лалами. 6 сосудовъ той же вышеписанной потребы узорочныхъ изряднымъ мастерствомъ устроенныхъ изъ разныхъ каменей, изъ хрусталей, изъ тумпасовъ, изъ яшемъ и оправлены золотомъ.

Уборовъ архіерейскихъ западной церкви, шапокъ, ризъ низанныхъ съ каменьемъ зѣло много изрядныхъ, также поповскихъ уборовъ предивныхъ множество.

Пелены узорочныя, которыхъ есть 30, шитыя и низанныя, которыми въ праздники убираютъ алтарь; тѣ пелены такой предивной шитой работы, какой на свѣтѣ лучше нѣтъ; только въ Римѣ одна пелена изъ Медіолану жъ взята къ папѣ. Тѣхъ пеленъ такая преславная въ шитьѣ работа, что отъ одного мѣста за мастерство давано по 5.000 шкудовъ, и описать подлинно той преславной работы, какимъ мастерствомъ тѣ пелены шиты, никто не можетъ.

И иныхъ вещей въ томъ костелѣ предивныхъ множество, которыхъ за множествомъ въ скорыхъ часахъ описать было невозможно.

И того жъ Марта въ 14-й день, по обѣдѣ, изъ Медіолану поѣхалъ до Венеціи тѣмъ же путемъ, которымъ изъ Венеціи ѣхалъ въ Медіоланъ, и пріѣхалъ въ Венецію того жъ Марта въ 19-й день, т.-е. на второй недѣлѣ Великаго поста въ Субботу.

Въ бытность мою въ Венеціи Пасха Римская была по Греческому календарю Марта 21-го дня, а по Римскому календарю Марта въ 30-й день, прежде Греческой Пасхи за 5 дней; а нынѣшняго 206-мъ году Марта 21-го дня было во вторую недѣлю Великаго поста. За недѣлю до Пасхи называется у Римлянъ, паче жъ у Итальянцевъ, недѣля

пальмы, по-славянски недѣля Вай. Въ тотъ день всѣ до костеловъ ходятъ съ вайями, а вайи носятъ плетеныя изрядныя разными фигурами.

Въ Страстную недѣлю, по-римски въ Четвертокъ Великій, патріархъ Венецкій въ монастырѣ св. Апостола Петра, гдѣ живетъ, чинитъ умовеніе ногъ такимъ способомъ. Посреди костела поставленъ бываетъ столъ и покрытъ весь парчею бѣлою. За тѣмъ столомъ по обѣ стороны сидитъ духовныхъ особъ 28 человѣкъ, по 14 человѣкъ на сторонѣ, въ облаченіи священническомъ и дьяконскомъ; и потомъ придетъ патріархъ и начнетъ отправлять обѣдню по обычаю западной церкви и какъ посвятитъ сакраментъ, потомъ отступитъ отъ алтаря и сядетъ въ креслахъ у вышепомяненнаго стола, и принесутъ къ нему два великіе горшка съ бальзамомъ да двѣ сулейки великія оловянныя да двѣ четвертинки маленькія масла деревяннаго, и на томъ столѣ освящаетъ мvро. Потомъ святитъ масло и, освятя, всѣ тѣ духовные, которые бываютъ за столомъ, всѣ тѣ помяненныя вещи отнесутъ въ сосудохранительницу, а около тѣхъ духовныхъ особъ идутъ до сосудохранительницы со свѣчами и съ пѣніемъ церковники. И тотъ освященный елей разсылаетъ въ Великую Пятницу патріархъ ихъ по всѣмъ костеламъ. Потомъ паки придетъ ко алтарю и посвятитъ сакраментъ годовой и другіе, которые у нихъ бываютъ въ костелахъ для причащенія мірскихъ людей, и въ то время много бываетъ причастниковъ, которыхъ и причащаетъ самъ патріархъ, и сослужащіе съ нимъ попы и дьяконы въ то время всѣ причащаются и, отпустя обѣдню, разоблачится и надѣнетъ другое облаченіе черное и сядетъ къ креслахъ, и архидьяконъ его начнетъ честь по книгѣ проклятіе еретикамъ, потомъ бываетъ весперъ, т.-е. вечерня, по вечернѣ умовеніе ногамъ: садятся во образъ Апостоловъ 12 человѣкъ въ бѣлыхъ одеждахъ, самыхъ престарѣлыхъ лѣтъ люди мірскіе, а не духовныя особы, изъ больницъ, и того дня они во время обѣдни причащаются. И во время самаго умовенія патріархъ бываетъ въ подризникѣ да въ епитрахили и въ шапкѣ и лентіемъ препоясанъ, умываетъ у всѣхъ сидящихъ по единой ногѣ, поставя лохань съ водою, и умывъ цѣлуетъ ноги не обтирая и какъ поцѣлуетъ потомъ обтираетъ, а въ то время Евангелія не читаютъ и бываетъ молчаніе, а прочитаютъ Евангеліе прежде. И когда придетъ умывать ноги къ тому, который сидитъ во образъ св. Апостола Петра, и у нихъ никакого слова не бываетъ. По умовеніи отходитъ патріархъ изъ костела къ себѣ въ палаты и съ тѣми, которымъ умывалъ ноги; и какъ придетъ въ сѣни свои, тутъ поставленъ бываетъ столъ круглый покрытъ скатертью изрядною, и яства бываютъ поставлены на томъ столѣ изрядныя, и тѣхъ убогихъ, которымъ умывалъ ноги, поса-

дитъ за тотъ столъ по 6 человѣкъ на сторонѣ, а патріархъ стоитъ на срединѣ между ихъ у стола и потчиваетъ ихъ и кормитъ; а прежде самъ патріархъ поднесетъ имъ воды умывать руки и яства передъ ними ставитъ и раскладываетъ и во всемъ имъ служитъ самъ патріархъ, а кормитъ въ то время ихъ рыбою и потомъ даетъ имъ по дукату Венецкой монеты, а Московскихъ денегъ будетъ по 15 алтынъ человѣку, и пойдетъ къ себѣ въ палаты.

Домъ того Венецкаго патріарха великій и палаты его съ изрядными уборами. Двѣ палаты обиты всѣ бархатами съ кружевами изрядными золотными, а четыре палаты обиты всѣ камками, также и въ другихъ палатахъ уборы хорошіе. И отъ того Великаго Четвертка до Великой Субботы у Римлянъ не бываетъ отнюдь нигдѣ благовѣсту ни звону, и часовъ въ тѣ дни въ колокола не бьютъ, а то для того, что у нихъ, говорятъ, такъ вся измѣнишася Сыну Божію страждущу.

Противъ Великаго Пятка въ ночи въ Венеціи бываетъ сице. Съ перваго часа ночи соберется въ костелъ св. Марка множество народу и въ тожъ время придутъ отъ осьми костеловъ съ процессіями; въ тѣхъ процессіяхъ приносятъ образъ Распятія Христова, и за всякимъ образомъ во всякой процессіи бываетъ по 500 человѣкъ и по 1.000 и больше съ великими свѣчами бѣлаго воску съ вожженными, и многіе въ тѣхъ процессіяхъ идучи бичуются зѣло жестоко даже до пролитія крови своей, какъ о томъ писалъ я выше сего, и пришедъ въ костелъ св. Марка, станутъ всѣ на колѣни. И тогда начальный канонникъ съ каѳедры показываетъ народу въ склянишномъ сосудѣ кровь Христову, которая обрѣтается въ Венеціи въ церковной сосудохранительницѣ при костелѣ св. Марка, также показуетъ часть древа креста Христова, и тогда весь народъ падаетъ на колѣни и лицомъ на землю. Въ ту ночь много бываетъ крику бѣснующихся людей въ костелѣ св. Марка. Въ тѣхъ процессіяхъ ходятъ беззазорно самые первые прокуратори Венецкіе. Въ ту ночь законники всѣ Римской вѣры всѣхъ законовъ бичеватися повинны; и какъ тѣ процессіи кончатся, тогда въ томъ св. Марка костелѣ начнутъ честь Евангеліе, и во всю ту ночь изъ костеловъ люди не выходятъ.

Въ Великій Пятокъ такая бываетъ повинность, что отъ костела до костела во весь день ото всѣхъ костеловъ ходятъ за крестомъ со свѣчами человѣкъ по 1.000 и больше мужска и женска полу. Одежды въ то время носятъ черныя, а иные и въ бѣломъ платьѣ бываютъ; у тѣхъ и лица закрыты бываютъ, и на одной сторонѣ нашитъ бываетъ крестъ, а на другой сторонѣ бываетъ нашитъ образъ мертвыхъ человѣческихъ костей. Въ ту Великую Пятницу въ костелѣ св. Марка

цѣлуетъ народъ древо креста Христова и гвоздь отъ терноваго вѣнца, обагренный кровью Его спасительной.

Въ тотъ же Великій Пятокъ за два часа до ночи бываетъ у Римлянъ въ Венеціи погребеніе Христово. Сдѣланъ бываетъ образъ гроба, и изъ костела св. Марка тотъ гробъ выносятъ и носятъ кругомъ площади, а носятъ тотъ гробъ самые Венецкіе первые люди духовнаго чину канонники, т.-е. архимандриты, а патріархъ ихъ въ то время тутъ не бываетъ; а надъ тѣмъ гробомъ носятъ сенатори Венецкіе балдахинъ и, принесши тотъ гробъ паки въ костелъ св. Марка, поставятъ на мѣсто, которое убрано на лѣвой сторонѣ въ томъ костелѣ у стѣны. То мѣсто сдѣлано высоко, и поставленъ гробъ деревянный, обитый литыми досками серебрянными обранной работы предивной; а стѣна костельная, у которой бываетъ тотъ гробъ поставленъ, обита вся бархатомъ золотнымъ по вишневой землѣ, и какъ обнесутъ тотъ гробъ, въ то время въ него поставятъ сакраментъ, и поставятъ у того гроба шесть великихъ воженныхъ свѣчъ бѣлаго воску и запечатаютъ тотъ гробъ перстіемъ князя Венецкаго.

Въ ночи противъ Великой Субботы изъ всѣхъ костеловъ, что́ ни есть въ Венеціи, чрезъ всю ночь проходятъ процессіи съ сакраментомъ къ костелу св. Марка и ходятъ кругомъ площади, которая есть у того Маркова костела со множествомъ запаленныхъ свѣчъ. Въ то время на той Марковской площади и по всей Венеціи запалено бываетъ во всѣхъ домахъ у всѣхъ палатъ, по всѣмъ окошкамъ, по двѣ свѣчи великихъ восковыхъ бѣлыхъ на окнѣ, и такая бываетъ отъ тѣхъ свѣчъ свѣтлость паче дневнаго свѣту по всей Венеціи, для того что множество тѣхъ свѣчъ трудно исчислить, и какой въ то время въ Венеціи бываетъ расходъ воску, того невозможно исчислить; а ходятъ тѣ процессіи изряднымъ строемъ и не мятежно, и всю ночь не престанутъ процессіи ходить.

Въ Великую Субботу о полудни вдругъ бываетъ благовѣстъ въ колокола у всѣхъ костеловъ, и который сакраментъ бываетъ поставленъ въ вышепомяненномъ гротѣ и запечатанъ князя Венецкаго печатью, тотъ сакраментъ изъ того гробу вынутъ и, какъ придетъ народъ въ костелъ св. Марка, тогда тотъ гробъ бываетъ отворенъ. Въ ночи противъ праздника св. Пасхи изъ всякаго костела бываетъ процессія, а ходятъ съ тѣми процессіями кругомъ костеловъ, а утреню начинаютъ во всѣхъ костелахъ по полуночи. Въ самый праздникъ Св. Пасхи князь Венецкій былъ у обѣдни со всѣмъ своимъ Сенатомъ въ костелѣ св. Марка. Въ то время музыка была спѣванная и игранная дивная; на шести хорахъ въ томъ костелѣ пѣли и играли. Алтарь тогда былъ въ Марковой церкви убранъ самымъ лучшимъ убраніемъ.

Въ то время видѣлъ я сокровище все церковное, которое есть въ церкви св. Марка. Въ началѣ корона или вѣнецъ золотой царя Константина, потомъ 4 шандала великихъ золотыхъ, потомъ 12 вѣнцовъ золотыхъ литыхъ, потомъ 18 уборовъ золотыхъ съ жемчугомъ и каменіемъ; а тѣ 12 вѣнцовъ и 18 уборовъ были дѣвицъ царицы Елены, матери царя Константина. А кладутъ тѣ св. вещи въ церкви св. Марка на алтарь для украшенія. Тутъ же шандаловъ великихъ серебрянныхъ и кувшиновъ великихъ же серебрянныхъ было поставлено множество; тутъ же было кадило золотое, которое взято въ Венецію изъ Іерусалима изъ церкви Соломоновой. Того числа въ томъ костелѣ св. Марка играла музыка вдругъ въ одинъ тактъ на 6 органахъ на рѣзныхъ хорахъ. Того жъ числа въ 1-й часъ пополудни былъ князь Венецкій въ костелѣ св. Марка, слушалъ казаніе, которое сказывалъ, стоя на каѳедрѣ, попъ бѣлый зѣло предивно Итальянскимъ языкомъ. И по томъ казаніи князь Венецкій ходилъ въ монастырь св. Захарія, въ которомъ живутъ инокини Римлянки и называются Бенедиктіанки, шелъ до того монастыря моремъ въ золоченой баркѣ, а гребцы его были убраны изрядно въ бархатныхъ кафтанахъ. Передъ нимъ везли шапку его, которую они называютъ короною; та шапка обшита бархатомъ червчатымъ, и по ней много каменію: великихъ яхонтовъ и изумрудовъ и лаловъ. И какъ пришелъ князь въ тотъ монастырь и вшелъ въ костелъ, тогда начали весперъ, то-есть вечерню. Въ то время играли въ томъ костелѣ на однихъ органахъ и пѣли спѣваки князя Венецкаго, и какъ по вечерни изъ того костела князь пошелъ и, оборотясь къ рѣшеткѣ, за которою желѣзною золоченою рѣшеткою стояла по обыкновенію своему того монастыря начальница и законницы съ нею, показалъ имъ князь вышепомяненную свою шапку, которую короною называютъ. То видя, начальница и законницы всѣ поклонилися князю, и поднесла ему начальница цвѣтокъ изрядный обдѣланный золотомъ и серебромъ волоченымъ; также и всѣмъ сенаторамъ, которые тамъ за княземъ были, подносили тѣ законницы на серебрянныхъ блюдахъ цвѣты. Такъ по вся годы князь Венецкій повиненъ въ день св. Пасхи придтить въ тотъ помяненный монастырь къ вечернѣ и показать ту помяненную свою шапку того монастыря начальницѣ и законницамъ, для того что ту шапку сначала сдѣлала въ древнихъ лѣтахъ преждебывшимъ князьямъ Венецкимъ того монастыря древле бывшая начальница, и бываетъ та шапка всегда въ сосудохранительницѣ у костела св. Марка.

Марта въ 25-й день, т.-е. въ день Пятка, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, былъ я у литургіи въ Греческой церкви. Въ то время въ той церкви служилъ митрополитъ. Начало той святой

литургіи было не такъ, какъ обыкновеніе бываетъ въ Греческихъ церквахъ и въ Россійскихъ: началъ ту святую литургію подобіемъ начала обѣдни Златоустовой, а не вечернею, токмо едину литургію безъ вечерни съ блаженными, а вечерня у нихъ въ тотъ день была въ свое время. Въ той помяненной Греческой церкви св. Георгія во всѣ преждеосвященныя обѣдни, когда поютъ «да исправится молитва моя», тогда священники и народъ стоятъ просто, а не на колѣняхъ и главъ не наклоняютъ нимало, и поклоновъ земляныхъ не бываетъ въ четыредесятницу во всю. Которые Греки мужеска и женска полу сподобятся быть причастниками пречистыхъ Божественныхъ Тайнъ, тѣ причащаются прежде литургіи тѣми Божественными Тайнами, которыя оставляются въ годъ, а не отъ служенія того дня.

Апрѣля въ 21-й день, т. е. по старому Греческому календарю въ Великій Четвертокъ, въ Греческой церкви было умовеніе ногъ по литургіи власно такъ и ничѣмъ неотмѣнно какъ бываетъ въ Россійскомъ государствѣ. Умывалъ ноги митрополитъ священникамъ; мѣсто для умовенія было сдѣлано высоко среди церкви и обито коврами; на томъ мѣстѣ поставлено было на сторонѣ по 6-ти креселъ обитыхъ зеленымъ бархатомъ, а митрополитово мѣсто было на рединѣ поставлено лицомъ на Западъ, и въ началѣ былъ поставленъ образъ Спасовъ, а вмѣсто Іуды сидѣлъ мірской человѣкъ вѣры Римской: такой у нихъ есть въ томъ обычай, что они въ тотъ образъ нанимаютъ мірскаго человѣка, даютъ ему плату. Одежда на немъ была одинъ стихарь, и прежде всѣхъ умоетъ ему ноги митрополитъ.

Въ Пятокъ Великій царскіе часы были въ той Греческой церкви позднѣе того, какъ въ тотъ день бываютъ на Москвѣ, и вечерня была того дня въ тожъ время безъ расходу, и въ началѣ вечерни былъ гробъ Господень подъ балдахиномъ чернымъ, а гробъ былъ сдѣланъ на четырехъ столпахъ рѣзныхъ золоченыхъ, кровля сдѣлана власно какъ у самого гроба и покрыта чернымъ бархатомъ. И какъ начали пѣть стиховну, въ то время митрополитъ со священниками вынесли сѣверными дверями образъ снятія со креста на плащаницѣ и положили во гробъ, и потомъ было цѣлованіе.

Въ Великую Субботу утреня была за два часа до дня; когда пѣли «Блаженни непорочны» и припѣвы, тогда всѣ бывшіе въ той церкви стояли со свѣчами; потомъ славословіе, и по славословіи, гробъ Господень съ плащаницею поднявъ, митрополитъ со священниками обнесли внутрь церкви трижды и во всемъ внесли въ царскія двери. Тогда у всего народу были свѣчи вощаныя великія бѣлыя. А носили тотъ Господень гробъ-то внутрь церкви, для того что въ то время былъ великій дождь и громъ и молнія; а когда на сей день дождя не

бываетъ, тогда гробъ Господень съ плащаницею носятъ у нихъ кругомъ церкви. И какъ гробъ Господень отнесли въ алтарь, потомъ было чтеніе паремьи и Апостола и Евангелія; челъ самъ митрополитъ, а канона не говорили и сказали, что у нихъ канонъ въ Великую Субботу не поется, ни цѣлованія плащаницы на утрени не было, и во всю страстную седьмицу въ той Греческой церкви на часахъ Евангелія не читали, и сказываютъ, что у нихъ никогда Евангелія на часахъ не читаютъ, и въ Среду Великую прощенія у нихъ не было. Въ ту святую Великую Субботу было въ то время въ Греческой церкви освященіе масла, для того что у нихъ въ Великій Четвертокъ масла не освящаютъ; святилъ масло митрополитъ и съ нимъ шесть человѣкъ священниковъ, а стоялъ митрополитъ во время елея освященія во амофорѣ, а не у стола, на которомъ масло стояло, стоялъ на своемъ мѣстѣ; также и священники стояли не въ ризахъ, въ однихъ эпитрахиляхъ по своимъ мѣстамъ, гдѣ и по вся дни становятся слушать пѣнія. И по освященіи было всему народу бывшему тогда въ той церкви помазаніе масломъ, и потомъ безъ расходу и литургію начали. Служилъ одинъ священникъ съ дьякономъ и, когда во время литургіи начали пѣть «Воскресни Боже, суди земли», въ то время былъ звонъ; а во всю седьмицу страстную въ той Греческой церкви звону не было: всегда на пѣніе били въ клепало.

Апрѣля въ 24-й день, т.-е. въ недѣлю Святыя Пасхи по Греческому календарю, у помяненной Греческой церкви въ утрени былъ благовѣстъ за три часа до свѣту, а утреню начали въ полчаса дни. Прежде утрени, какъ облачался митрополитъ и вышелъ изъ алтаря со свѣчею и сѣлъ въ креслахъ въ царскихъ дверяхъ, и весь народъ, который въ то время въ той церкви былъ, приходили къ нему зажигать свои свѣчи отъ него; а чинятъ то во образъ того, какъ сходилъ огонь съ небеси въ день Воскресенія Христова во Іерусалимской церкви. И потомъ выходъ изъ церкви былъ съ иконами въ западныя двери; и у тѣхъ же дверей, проговоря начало, паки вошли въ церковь тѣми жъ дверьми и начали пѣть канонъ, а митрополитъ въ то время сидѣлъ со Евангеліемъ на своемъ мѣстѣ, на сторонѣ къ алтарю бокомъ, и началось цѣлованіе. Духовные во уста не цѣлуютъ, а мірскіе цѣлуются во уста. И по утрени безъ расходу и литургія была; служилъ литургію митрополитъ самъ и съ нимъ 10 человѣкъ священниковъ да архидьяконъ и дьяконъ. Во время той литургіи Святое Евангеліе чли священники и дьяконъ и архидьяконъ, не чли въ алтарѣ, челъ самъ митрополитъ да въ церкви четыре человѣка священниковъ читали порознь. По чтеніи Евангелія былъ звонъ во время причастія и послѣ

причастія, и по отпускѣ литургіи стрѣльба была у той церкви изъ пушекъ. Обѣдню того числа отпѣли въ третьемъ часу дня.

Въ туже недѣлю Святой Пасхи вечерню служилъ въ той церкви самъ митрополитъ, облачался среди церкви, Евангеліе челъ въ алтарѣ, а священники чли въ церкви такъ же какъ и во время литургіи, и на каждомъ возгласѣ звонили въ колокола и били въ клепало; а какъ прочли Евангеліе, тогда былъ звонъ великій и стрѣльба изъ пушекъ у той церкви и цѣлованіе было такъ же, какъ и во время утрени; и какъ отпустили вечерню, паки былъ звонъ великій въ колокола и стрѣльба изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья была немалая.

Мая въ 1-й день. У Римлянъ по ихъ календарю прилучился быть праздникъ Вознесенія Христова, а въ Венеціи есть обыкновеніе такое по вся годы: въ день Вознесенія Христова князь Венецкій со всѣмъ сенатомъ ходитъ обручать море, и нынѣ ходилъ такимъ поведеніемъ. Поѣхалъ изъ Венеціи въ большой галерѣ, которая стоитъ на арсиналѣ вся рѣзная золоченая, кровля вся обита бархатомъ червчатымъ съ кружевами золотными. На той же галерѣ съ княземъ Венецкимъ ѣхалъ патріархъ Венецкій и весь магистратъ. Напереди ѣхали трубачи и, отъѣхавъ за Венецію за портъ, который зовется Лида, вышли въ море полверсты, и тутъ принципъ, т.-е. князь Венецкій опустилъ въ море перстень св. Евангелиста Марка на снуркѣ и, вынявъ его изъ моря, въ его мѣсто кинулъ въ море другой перстень безъ снурка и, оттолѣ поворотясь, пришелъ въ монастырь св. Николая, который монастырь близко острова Лиды, живутъ въ немъ Доминиканы. Въ томъ монастырѣ слушалъ обѣдню. А какъ плыли князь Венецкій съ патріархомъ и съ сенатомъ мимо острова Лиды, въ то время на томъ острову стрѣльба была изъ пушекъ и изъ мелкаго ружья великая; а какъ шелъ князь Венецкій обручать море изъ Венеціи, въ то время со всѣхъ кораблей и съ венеціановъ, и съ фрегатовъ, и съ галеръ, и съ тартанъ, и съ иныхъ судовъ, которыя стоятъ при самой Венеціи, стрѣльба была изъ пушекъ великая: стрѣляли, отдавая почесть князю Венецкому. За княземъ Венецкимъ и для гулянія въ то число народу было на морѣ мужеска и женскаго полу множество великое въ гундалахъ, въ піотахъ и въ иныхъ мелкихъ судахъ, между которыми многія піоты и гундалы были безмѣрно уборны, покрытыя бархатами изрядными съ кружевами золотными, а иныя также подъ камками и иными изрядными парчами работы рѣзной прединвой, всѣ золоченыя съ зеркалами великими; также и внутри тѣхъ судовъ постланы шпалеры, а въ иныхъ бархаты и иныя изрядныя парчи; и гребцы были также въ уборахъ изрядныхъ золотныхъ и въ бархатныхъ кафтанахъ. А то обрученіе моря у Венетовъ начало чиниться изъ древнихъ лѣтъ

по благословенію Александра Третьяго, папы Римскаго по такому случаю: тотъ помяненный папа Александръ по нѣкакой враждѣ съ цесаремъ Римскимъ изгнанъ былъ изъ Риму и пришелъ тайно въ Венецію и тутъ былъ познанный и принятъ въ лицо папы, за что тогда бывшій цесарь Римскій, увѣдавъ то, войну началъ чинить съ Венеціанами и прислалъ рати свои въ ближнія мѣста къ Венеціи къ городу Местру, гдѣ у цесарцевъ съ Венеціанами и бои были, на которыхъ бояхъ Венеціане, цесарцевъ побивъ, взяли въ Венецію цесарскаго сына и не хотѣли отдать доколѣ цесарь самъ въ Венецію не придетъ и не учинитъ покою съ папою Александромъ, чѣмъ былъ отъ Венетовъ цесарь приневоленный пришелъ въ Венецію и смирился съ помянутымъ папою Александромъ, взялъ отъ него прощеніе въ Венеціи въ костелѣ св. Марка и, сына своего взявъ у Венетовъ, отъѣхалъ въ свое надлежащее мѣсто, а папа Александръ по прежнему съ честью отпущенъ изъ Венеціи въ Римъ. И отъ того времени тотъ папа Александръ учинилъ Венеціанъ господами моря Медитеранскаго, т.-е. Бѣлаго и на память той вещи велѣлъ Венеціанамъ чинить по вся годы обрученіе моря.

На вышепомяненной княжеской галерѣ, на которой онъ ходилъ съ патріархомъ и съ сенатомъ своимъ обручать море, было гребцовъ 60 человѣкъ въ изрядныхъ уборахъ золотныхъ.

Венеціане люди умные, политичные, и ученыхъ людей зѣло много; однакожъ нравы имѣютъ видомъ не ласковые, а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны. Между собою не любятъ веселиться и въ домы другъ къ другу на обѣды и на вечеры не съѣзжаются, и народъ самый трезвый, никакого человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь; а питей всякихъ, винъ виноградныхъ разныхъ множество изрядныхъ, также розолиновъ и водокъ анисовыхъ изрядныхъ изъ винограднаго вина сытеныхъ много, только мало ихъ употребляютъ, а больше употребляютъ въ питьяхъ лимонадовъ, симады, кафы, чекулаты и иныхъ тому жъ подобныхъ, съ которыхъ человѣку пьяну быть невозможно.

Для пріѣзжихъ иноземцевъ подѣланы постоялые домы, которые Итальянскимъ языкомъ называются остаріи. Въ тѣхъ домахъ множество палатъ и ежели кто пріѣзжій иноземецъ въ остаріи станетъ, тогда ему тамъ отведутъ палату особую; въ той палатѣ будетъ изрядная кровать съ постелью и столъ и кресла и стулы и ящикъ для платья и зеркало великое и иная всякая нужная потреба, и на всякій день будетъ ему готовъ обѣдъ и ужинъ, и на всякую ночь ему свѣча сальная маканая, также лампада съ масломъ деревяннымъ. И за все за то тотъ пріѣзжій человѣкъ повиненъ платить, будетъ станетъ ѣсть по-ка-

валерски, на день по дукату Венецкой монеты, а Московскихъ денегъ по 15 алтынъ въ сутки; а будетъ съ нимъ будетъ человѣкъ его жить въ одной палатѣ, и за человѣка своего онъ же повиненъ платить на день по двѣ лиры Венецкой же монеты, а Московскихъ денегъ будетъ пять алтынъ, и за ту плату и человѣку его будетъ пища, обѣдъ и ужина, чѣмъ можетъ быть сытъ. И за обѣдомъ и за ужиною всѣмъ пріѣзжимъ иноземцамъ и слугамъ ихъ питья довольно виноградныхъ винъ красныхъ и бѣлыхъ за тою жъ вышеписанною платою, а послѣ обѣда и послѣ ужины кто захочетъ пить, тогда безъ платы не дадутъ. А пища въ тѣхъ остаріяхъ бываетъ добрая, мясная и рыбная; и по обѣдѣ и послѣ ужины ставятъ немало фруктовъ, а больше употребляютъ Итальянцы въ пищѣ травъ: салатовъ, сельдерей, капросу и иныхъ тому подобныхъ. Въ тѣхъ же остаріяхъ всякому иноземцу, которые въ нихъ стоятъ, служатъ тутошніе работники: постели перестилаютъ по вся дни и простыни бѣлыя стелятъ черезъ недѣлю, также палаты метутъ всегда и нужныя потребы чистятъ и во всемъ служатъ за тою же платою; а когда жъ который иноземецъ изъ остаріи поѣдетъ вонъ, тогда тому работнику, который ему служилъ, дастъ для своей чести чтò изволитъ безъ прошенія. И на всякій день въ тѣхъ остаріяхъ бываетъ въ обѣдѣ и въ ужинѣ за столомъ человѣкъ по сто и больше; для того въ тѣхъ остаріяхъ между палатъ дѣлаютъ великія сѣни саженъ 20 въ длину, иныя и больше, и въ тѣхъ сѣняхъ много ставятъ столовъ долгихъ и четыреугольныхъ и круглыхъ, за которыми столами ѣдятъ форестиры, т.-е. иноземцы, по разной цѣнѣ, и когда обѣдъ или ужина поспѣетъ, тогда въ тѣхъ сѣняхъ зазвонятъ въ колоколъ, на то устроенный. Тогда всѣ пребывающіе иноземцы въ томъ домѣ идутъ обѣдать или ужинать изъ палатъ своихъ въ сѣни, и всякій садится за свой столъ, кто что за себя платитъ. А въ бытности всякому пріѣзжему въ тѣхъ остаріякъ вольность: сколько кто похочетъ быть, столько будетъ, хотя годъ или больше, хотя одинъ день—то въ его волѣ.

Въ Венеціи рядовъ всякихъ множество, и такихъ предивно уборныхъ рядовъ на всемъ свѣтѣ мало гдѣ обрѣтается, только развѣ во Франціи, и товаровъ всякихъ въ Венеціи премногое множество изрядныхъ и дивныхъ вещей. Объ уборахъ Венецкихъ лавокъ, какъ они ихъ на всякій день товарами своими убираютъ, трудно подробну описать. Между лавокъ въ рядахъ и подлѣ рядовъ множество изрядныхъ аптекъ, въ которыхъ всякихъ лекарствъ довольно, и аптеки такъ предивно убраны, что описать ихъ подробну невозможно. Въ Венеціи въ рядахъ множество и привозныхъ товаровъ: Французскихъ, Аглинскихъ, Голандскихъ, Турецкихъ, Персидскихъ и иныхъ всякихъ.

Мастеровыхъ людей въ Венеціи, золотарей, серебрянниковъ, сницарей, столарей, фигурныхъ мастеровъ, живописцевъ и каменнаго мастерства рѣзчиковъ и которые гипсомъ лѣпятъ и иныхъ всякихъ предивныхъ множество, мѣднаго и оловяннаго и желѣзнаго мастерства ремесленниковъ изрядныхъ много жъ, а больше костяныхъ работъ мастеровъ рѣзныхъ и гладкихъ предивныхъ; также математицкихъ инструментовъ мѣдныхъ и деревянныхъ мастеры есть изрядные, и всякія вещи Венецкихъ мастеровъ работъ изрядныхъ, также оружейниковъ изрядныхъ много. Въ Венеціи дѣлаютъ парчи золотныя и серебряныя и шелковыя и бархаты изрядные и сукна дивныя гранатныя толстыя и трипы и иныя разныя парчи, тафты узорчатыя и гладкія, также байбереки и атласы гладкіе и травчатые и камки изрядныя и орери хорошіе; также дѣлаютъ въ Венеціи чулки шелковые.

Въ Венеціи близко костела св. Марка съ двухъ сторонъ великія площади вымощены кирпичемъ изрядно, также вся Венеція имѣетъ въ себѣ улицы и переулки всѣ мощеные кирпичемъ. Тому зѣло дивно, что отъ дождей и отъ морскихъ водъ тотъ кирпичъ не размокнетъ. Около помяненныхъ площадей домы великіе и предивные прокураторей Венецкихъ; при тѣхъ домахъ подѣланы лавки изрядныя, въ которыхъ продаютъ сахары узорочные и иныя всякія конфекты и напитки всякіе: чекулаты, кафы, лимонады. и иные всякіе тому подобные, и табакъ дымовой и носовой всякій, а въ иныхъ лавкахъ тутъ продаютъ и товары всякіе. Въ тѣ лавки приходятъ и Венеціанскіе жители честные люди и сидятъ другъ съ другомъ и забавляются питьемъ и конфектами. Изъ тѣхъ двухъ помяненныхъ площадей одна площадь къ самому морю, и съ той площади къ морю подѣланы каменныя ступени, гдѣ стоитъ всегда много судовъ морскихъ мелкихъ—піотъ, гундалъ наемныхъ, кто похочетъ изъ нихъ нанявъ какое судно куда ѣхать. На той площади сдѣланы два великіе столпа каменные круглые гладкой работы, изъ цѣлыхъ каменей высѣчены, а не смастиченные, въ высоту сажень по 6 или больше. Подъ тѣми столпами подѣланы рундуки каменные; на одномъ изъ тѣхъ столповъ поставленъ каменный левъ со Евангеліемъ во образъ св. Евангелиста Марка, сдѣланъ рѣзною изрядною работою, а на другомъ столпѣ сдѣлано подобіе звѣря каркадила, и на немъ поставлено подобіе человѣка во образъ нѣкотораго мученика. На той же площади близко воротъ княжескаго двора поставлены каменные два столпа невысокіе, на которыхъ столпахъ казнятъ самихъ принциповъ Венецкихъ, т.-е. князей, которые, будучи князьями, учнутъ чинить противно ихъ древнему во всемъ положенію. На тѣхъ же площадяхъ у костела св. Марка колокольня четвероугольная каменная зѣло высока, сдѣлана гладкою работою, и на нее

подѣланы всходы предивные широкіе и отлогіе, а колокола на той колокольнѣ не зѣло великіе, а звонятъ и благовѣстятъ во всей Венеціи очепами. Та помяненная колокольня покрыта шатромъ, и вмѣсто креста поставлено подобіе ангела мѣдное литое предивной работы. На той же площади подѣланы шалаши, покрыты полотнами, и въ нихъ на полкахъ торгуютъ Персіяне и Армяне своими товарами. На тѣхъ же площадяхъ торгуютъ по вся дни мясомъ и рыбою и всякими живностями и фруктами; на той же площади по вся дни Субботы торгуютъ посудою деревянною, привозятъ съ берегу и сундуки и кореники и иныя всякія деревянныя вещи. Около той площади много лавокъ, въ которыхъ дѣлаютъ и продаютъ волосы накладные; тутъ же дѣлаютъ и продаютъ кожи золоченыя. На тѣхъ же площадяхъ бываетъ часто поученіе народу: приходятъ законники изъ монастырей и сказываютъ казанія на каѳедрѣ, которая каѳедра на той площади всегда стоитъ высокая. На той же площади по вся дни поутру и въ вечеру сходятся Венеціане шляхта и честные люди и ходятъ по той площади, гуляютъ и о всякихъ дѣлахъ другъ другу говорятъ; и раздѣлена та площадь, которая близко моря, на три части: подлѣ княжескаго двора, тутъ ходятъ шляхта и честные люди Венеціане поутру, для того что палаты дому князя Венецкаго отъ востоку солнца ту площадь застѣняютъ, а противъ того на другой сторонѣ подлѣ палатъ прокураторскихъ, тутъ ходятъ тѣжъ Венеціане честные люди въ вечеру, для того что при захожденіи солнца прокураторскія палаты ту площадь застѣняютъ; а между тѣхъ двухъ частей той площади срединою ходятъ всѣ невозбранно всякихъ народовъ люди. А на тѣхъ вышепомяненныхъ шляхетскихъ площадяхъ никакому пріѣзжему, ни Венеціанину нешляхетской породы ходить не велѣно, только развѣ кому нужда пройтить черезъ тѣ части площади, не возбраняется; а ходить по тѣмъ частямъ площади въ то время, когда по нимъ шляхта ходитъ гуляя, никому невозможно. На средней части той площади сидятъ астрологи мужеска и женска полу на подмосткахъ высоко въ креслахъ съ жестяными долгими трубами и, кто похочетъ чего вѣдать отъ тѣхъ астрологовъ, тѣ имъ даютъ не по скольку денегъ, и астрологи черезъ тѣ трубы шепчутъ приходящимъ въ ухо. На той же площади многія бываютъ по вся дни забавы: куклы выпускаютъ, собаки ученыя пляшутъ, также обезьяны пляшутъ, а иные люди бандерами, т.-е. знаменами играютъ и иные блюдами мѣдными играютъ на одной палкѣ зѣло изрядно и штучно: высоко мечетъ то блюдо палкою вверхъ, и сверху паки упадаетъ то блюдо на туже палку, и иные люди огонь ѣдятъ, иные люди каменья немалые глотаютъ и иныя всякія многія штуки дѣлаютъ для забавы народу и за то берутъ себѣ деньги отъ тѣхъ,

которые ихъ смотрятъ. На тѣхъ же площадяхъ во время ярманки дѣлаютъ многія лавки деревянныя и въ нихъ торгуютъ; въ то время въ тѣхъ лавкахъ премногое множество бываетъ всякихъ предивныхъ и богатыхъ товаровъ. Въ тоже время по тѣмъ лавкамъ по вся дни гуляютъ Венеціане честные люди и жены и дѣвицы въ предивныхъ уборахъ, также и форестиры, т.-е. пріѣзжіе всякіе люди, между тѣхъ лавокъ, убрався хорошо, ходятъ и гуляютъ и кому что потребно купятъ въ ту ярманку и во время каравану. На той же площади при морѣ бываютъ построены анбары великіе и сараи; въ тѣхъ анбарахъ танцуютъ люди на веревкахъ мужеска полу и женска преудивительно, также и дѣвицы, между которыми я видѣлъ одну жену беременную уже близъ рожденія, и та тамъ танцовала по веревкѣ зѣло удивительно. Въ другихъ анбарахъ дѣлаютъ комедіи куклами власно какъ живыми людьми; въ иныхъ анбарахъ показываютъ удивительныя вещи, между которыми видѣлъ я человѣка, имѣющаго двѣ головы, одна на своемъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ быть, и называется Яковъ, а другая на лѣвомъ боку и называется Матвѣй; также и та которая на боку имѣетъ волосы долгіе и глаза и носъ и ротъ и зубы, только не говоритъ и не ѣстъ, а временемъ глядитъ; а сказываютъ, что и пищитъ, а настоящею головою тотъ человѣкъ говоритъ, пьетъ и ѣстъ. А хотящему о томъ человѣкѣ подлинно вѣдать потребно смотрѣть его персоны, которыхъ нынѣ и въ Россіи обрѣтается немало; а ежели кто возжелаетъ его самого видѣть, тотъ бы не облѣнился во Италію ѣхать. Тамъ же видѣлъ я быка о пяти ногахъ, тамъ же видѣлъ черепаху безмѣрно велику, тамъ же видѣлъ барана о двухъ головахъ, имѣющаго 6 ногъ и два хвоста и иныя многія натуральныя удивительныя вещи; а кто того похочетъ видѣть, за все за то повиненъ платить деньги отъ всякаго входу по 5 сольды съ человѣка Венецкой монеты, а Московскихъ будетъ 3 деньги.

Съ тѣхъ помяненныхъ площадей сдѣланы ворота въ маркандію, т.-е. въ ряды изряднымъ мастерствомъ; на тѣхъ воротахъ сдѣланы часы боевые предивные, наверху тѣхъ воротъ повѣшенъ немалый колоколъ, подлѣ того колокола поставлены два подобія человѣческія нагія сдѣланы изъ мѣди изрядною работою, держатъ въ рукахъ по великому желѣзному молоту и, когда придетъ время бить часы, тогда тѣ человѣческія мѣдныя подобія бьютъ помяненными молотами въ тотъ колоколъ, сколько будетъ потребно ударить часовъ, столько и ударятъ; а перечасья въ тѣхъ часахъ нѣтъ, да и во всей Италіи въ боевыхъ часахъ перечасья не бываетъ, только въ сихъ вышеписанныхъ часахъ вмѣсто перечасья временемъ, когда будетъ потребно, тогда заведутъ инструменты, и выйдетъ съ правой стороны образъ Пресвятыя Бого-

родицы, имѣя на рукахъ Предвѣчнаго Младенца, и сядетъ во уготованныхъ тамъ креслахъ, а съ лѣвой стороны выйдутъ сдѣланные три человѣка во образъ трехъ Персидскихъ царей съ дарами, со златомъ, съ кадиломъ и со смирною, и поклонятся тѣ образы царей предъ образомъ Пресвятыя Богородицы и подносятъ вышеписанные дары во образъ того, какъ Перскіе цари пришли на поклоненіе новорожденному Христу; а начинаютъ тѣ часы бить первый часъ съ вечера и бьютъ всѣ сутки паки до вечера всѣ 24 часа. Такъ и во всей Италіи часы заводятъ съ вечера во всѣ сутки. Въ Венеціи боевыхъ часовъ много по монастырямъ и по приходскимъ церквамъ по колокольнямъ.

Въ Венеціи бываютъ оперы и комедіи предивныя, которыхъ въ совершенство описать никто не можетъ, и нигдѣ на всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперовъ и комедій нѣтъ и не бываетъ. Въ бытность мою въ Венеціи были оперы въ пяти мѣстахъ. Тѣ палаты, въ которыхъ тѣ оперы бываютъ, великія, округлыя, и называютъ ихъ Итальяне театрумъ. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ вверхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ 200, а въ иномъ 300 и больше, а всѣ чуланы подѣланы изнутри того театрума предивными работами золочеными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою, такъ что невозможно познать, чтобъ не сницарская была работа дивная, и вызолочено все въ томъ театрумѣ, полъ сдѣланъ мало накось, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся; и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы, а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ бо́льшую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная плата, и съ единой стороны къ тому театруму бываетъ придѣлана великая зѣло длинная палата, въ которой чинится опера. Въ той палатѣ бываютъ временныя преспективы дивныя, и людей бываетъ въ одномъ операѣ въ нарядѣ мужеска и женска полу человѣкъ по 100 и по 150 и больше. Наряды на нихъ бываютъ изрядные золотные и серебряные, и каменью бываетъ въ тѣхъ уборахъ много: хрусталей и варенниковъ, а на иныхъ бываютъ и алмазы и зерна бурмицкія; и играютъ на тѣхъ операхъ во образъ древнихъ гисторій, кто которую гишторію излюбитъ, такъ въ своемъ театрумѣ и сдѣлаетъ; и музыка въ тѣхъ операхъ бываетъ предивная съ разными инструментами человѣкъ по 50 и больше, которые въ тѣхъ операхъ играютъ, и ставится одна опера на годъ по 30.000 и по 40.000 дукатовъ Венецкой монеты, а во всякомъ дукатѣ Московскихъ по 15 алтынъ. Комедіи въ Венеціи бываютъ хуже оперовъ, однакоже зѣло забавны, и начинаются тѣ оперы въ Венеціи Ноября съ первыхъ чиселъ и мало поигравъ престаютъ, потомъ паки начинаютъ во время карнавала Ноября въ по-

слѣднихъ числахъ или Декабря въ первыхъ и бываютъ до самаго Великаго поста во вся вечеры кромѣ Воскресенья и Пятницы. А начинаютъ въ тѣхъ операхъ играть въ первомъ часу ночи, а кончаютъ въ 5-мъ и 6-мъ часу ночи, а въ день никогда не играютъ. И приходитъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по-славянски въ харяхъ, чтобъ никто никого не познавалъ, кто въ тѣхъ операхъ бываетъ, для того что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами; и для того надѣваютъ мущины и женщины машкары и платье странное, чтобъ другъ друга не познавали. Такъ и все время каранавала ходятъ всѣ въ машкарахъ мущины, жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ, и никто никого не узнаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и не хотятъ быть никогда безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много и, когда сойдутся въ машкарахъ на площадяхъ къ собору св. Марка, тогда многія дѣвицы берутъ въ машкарахъ за руки иноземцевъ пріѣзжихъ и гуляютъ съ ними и забавляются безъ стыда. Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по-итальянски, а танцы Итальянскіе не зѣло стройны: скачутъ одинъ противъ другаго вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ Меделянскими собаками великихъ быковъ и иныя всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гундалахъ и баркахъ съ музыкою и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ: всякій дѣлаетъ по своей волѣ, кто что хочетъ. Та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ, и живутъ Венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей. А когда каранавалъ приходитъ къ окончанію, т.-е. въ останные дни Рождественскаго мясоѣду по Римскому календарю, тогда большія бываютъ въ Венеціи забавы и всякое увеселеніе, а въ останной недѣлѣ Рождественскаго мясоѣду въ Пятницу князь Венецкій начнетъ чинить забавы на помяненной св. Марка площади при своемъ княжескомъ дворѣ, и бываютъ изрядныя вещи въ Пятницу и въ Субботу и останную недѣлю, и тѣмъ кончится карнавалъ и начнется у Римлянъ Великій постъ. При моей бытности въ Венеціи въ тѣ останные три дни, въ Пятницу, въ Субботу и въ Недѣлю, были потѣхи княжескія такія: на площади св. Марка было сдѣлано великое мѣсто подобно чердаку и высоко гораздо и окладено было все артифиціальными огнями и ракетами, которыя рвало, и горѣли зѣло штучно. Потомъ въ томъ же мѣстѣ сдѣланъ былъ изрядный чердакъ, и внизу того чердака играла музыка на разныхъ инструментахъ, а наверху межъ балясъ сдѣлано было на рундукѣ высокое мѣсто и убрано зѣло изрядно, на которомъ

мѣстѣ сидѣла дѣвица въ изрядномъ уборѣ, а при ногахъ той дѣвицы сидѣли двѣ дѣвочки малолѣтнія въ изрядномъ уборѣ лѣтъ по осьми, и привязаны къ нимъ крылья сдѣланы изъ струсоваго цвѣтнаго перья; тѣ всѣ три помяненныя дѣвочки сидя пѣли, держа въ рукахъ кантычки, такъ изрядно, что всѣхъ въ то время тамъ бывшихъ удивили, а князь Венецкій смотрѣлъ того изъ палатъ своихъ изъ окна. И тѣ маленькія помяненныя дѣвочки, имѣющія крылья, съ того мѣста гдѣ сидѣли поднявся, полетѣли по веревкамъ къ окошку, изъ котораго смотрѣлъ князь Венецкій, и летѣвъ пѣли жъ и метали народу листки печатные на похвалу Венецкаго карнавала. Потомъ предъ княземъ Венецкимъ держали великихъ три быка и тѣмъ быкамъ сѣкли головы мечами, однимъ махомъ одному быку отсѣчетъ голову таково прытко, что нимало не одержится, и мечъ уткнется концомъ въ землю; и такъ два человѣка двумъ быкамъ отсѣкли головы зѣло прытко, а третій человѣкъ третьему быку не могъ головы отсѣчь однимъ махомъ. И потомъ былъ привязанъ толстой канатъ однимъ концомъ за верхъ Марковой колокольни, о которой я писалъ выше сего, а другой конецъ того каната былъ привязанъ на краю Марковой площади при самомъ морѣ, и по тому канату снизу наверхъ той колокольни взъѣхалъ одинъ человѣкъ на львѣ, сдѣланномъ изъ дерева изрядною работою власно какъ живой, и тотъ левъ поставленъ былъ на тотъ помяненный канатъ и утвержденъ къ нему инструментами, чтобъ съ него человѣкъ упасть и перевернуться не могъ; и другой канатъ привязанъ былъ за того льва и приведенъ въ верхъ той колокольни, которымъ канатомъ того льва на верхъ той колокольни встянули, а человѣкъ на томъ львѣ сидѣлъ просто какъ на лошади, и ничѣмъ къ тому льву тотъ человѣкъ былъ не привязанъ и такъ на томъ львѣ сидя взъѣхалъ на ту колокольню. И тѣмъ того году карнавалъ въ Венеціи кончился, а въ тѣ останные три дни на площади св. Марка столько было народу, что исчислить всего было трудно; мню, что много было тысячъ человѣкъ мужеска полу и женска.

Есть въ Венеціи одинъ домъ, который по-итальянски называется редута, сдѣланъ для того, что въ томъ домѣ играютъ въ карты въ золотые червонные и во всякую монету. Въ томъ домѣ много великихъ палатъ, въ которыхъ зѣло много поставлено столовъ небольшихъ, и за всякимъ столомъ сидитъ по одному человѣку, а на столахъ лежитъ много золотыхъ червонныхъ одинокихъ и двойныхъ и тройныхъ и десятерныхъ и ефимковъ и дукатовъ и шкудовъ и кто хочетъ, пришедъ къ тому столу, играетъ съ тѣмъ человѣкомъ, который за тѣмъ столомъ сидитъ, а игра ихъ особая называется басета, и карты Венецкія особыя жъ. Въ той игрѣ никому неволи никакой нѣтъ: кто про-

игралъ или выигралъ и не похотѣлъ больше играть, въ томъ ему свобода. Въ тотъ домъ приходитъ много честныхъ людей; и жены и дѣвицы приходятъ играть невозбранно и беззазорно въ машкарахъ и играютъ молча, для того что ни подбору въ картахъ ни обману ни обчету въ деньгахъ отнюдь не бываетъ. И мнѣ случилось въ томъ домѣ быть и увидѣть такую причину, что одна дѣвица выиграла на одну карту 4000 червонныхъ золотыхъ и, взявъ ихъ, пошла вонъ невозбранно, не хотя больше играть, и ни отъ кого еще на игру приневолена не была. Въ томъ домѣ въ малые часы многія выигрываютъ и проигрываютъ тысячи; бываетъ временемъ, что одинъ человѣкъ въ которые часы проиграетъ или выиграетъ 20000 или 30000 червонныхъ золотыхъ и больше, для того что въ томъ домѣ бываетъ на столахъ многія тысячи червонныхъ золотыхъ и иныхъ всякихъ монетъ; а больше въ томъ домѣ бываетъ игрецовъ и денегъ во время карнавала, для того что многіе приходятъ играть безъ зазору въ машкарахъ.

Въ Венеціи много зѣло мостовъ каменныхъ и деревянныхъ, между которыми одинъ каменный мостъ зѣло великій и широкій, который называютъ Итальяне Аріалтомъ; на томъ мосту по обѣ стороны подѣланы лавки, въ которыхъ продаютъ всякіе мелочные товары. За тѣмъ мостомъ паки великіе ряды, въ которыхъ продаютъ сосуды серебрянные и сукна. Подъ тотъ мостъ могутъ подходить великіе суды съ щеглами, для того что тотъ мостъ зѣло высокъ сдѣланъ на одномъ сводѣ и работою изрядною.

Венецкій народъ раздѣляется на двое: которые живутъ на той сторонѣ сего помяненнаго мосту Аріалту, гдѣ и костелъ соборный св. Марка, тѣ называются Костеляны; а которые живутъ отъ тѣхъ за тѣмъ помяненнымъ мостомъ, тѣ называются Николіоты и временемъ и вражду тайную между собою имѣютъ; да и нарочно Венецкіе сенаторы подлый народъ Костеляновъ съ Николіотами ссорятъ, чтобъ они не были между собою согласны, для того что боятся отъ нихъ бунтовъ, и бываютъ между подлымъ народомъ у Николіотовъ съ Костелянами великіе кулачные бои. На томъ помяненномъ великомъ мосту въ тѣхъ кулачныхъ бояхъ бываетъ много и смертнаго убивства; кулачные бои бываютъ въ Венеціи часто и по инымъ мѣстамъ только небольшіе, а на мостахъ въ Венеціи кулачныхъ боевъ не бываетъ.

Въ Венеціи есть монастыри, дѣвическіе, въ которыхъ дѣвицы, вступившія до закону, играютъ на органахъ и на разныхъ инструментахъ и спѣваютъ на хорахъ таково изрядно, что на всемъ свѣтѣ такого сладкаго пѣнія и согласія нигдѣ не обрѣтается, и таково предивно, что всѣхъ слушающихъ того пѣнія приводятъ во изумленіе, и со всего свѣту христіане пріѣзжаютъ въ Венецію, желая насладитися

тѣмъ ихъ подобно ангельскому пѣніемъ, а наипаче изо всѣхъ монастырей, который называется Инкорабели. И потомъ въ монастырѣ на новомъ фундаментѣ, въ которомъ живутъ законницы Медиканки, а потомъ и въ другихъ дѣвическихъ монастыряхъ изрядно дѣвицы спѣваютъ.

Въ Венеціи есть много извозничьихъ лодокъ, которыя называются гундалами, а всѣ черныя и покрыты черными сукнами съ окончинами великими, и во всякомъ гундалѣ по одному человѣку гребцу, а на иномъ и по два человѣка; и кому куды потребно ѣхать моремъ въ ближнія мѣста отъ Венеціи или въ самой Венеціи по каналамъ, то есть по улицамъ, то въ тѣхъ гундалахъ ѣздятъ нанимая ихъ; а плата бываетъ на цѣлый день отъ гундала, который съ однимъ гребцомъ, дукатъ Венецкій, а Московскихъ денегъ 15 алтынъ, и за ту плату весь день повиненъ возить, гдѣ изволитъ. А у Венецкихъ прокураторей и у шляхты и у знатныхъ купецкихъ людей также и духовныхъ особъ есть свои гундалы, которыхъ есть въ Венеціи не одна тысяча. Тѣ гундалы у многихъ есть нарядныя рѣзной работы золоченыя, покрыты бархатами съ кружевами и съ бахрамами золотными и иными изрядными парчами и окончины великія; также въ нихъ постланы бываютъ шпалеры или трипы цвѣтные или иныя изрядныя парчи тому подобныя. А сдѣланы тѣ гундалы особою модою, длинны да не широки какъ бываютъ однодеревыя лодки, а носъ и корма острые, и на носу желѣзные великіе гребни, а на кормѣ желѣзомъ же оковано, а на срединѣ сдѣланъ чердакъ съ окончинами и завѣсами изрядными покрытый, и въ немъ лавки изрядныя съ подушками, а гребцы одинъ человѣкъ на носу, а другой на кормѣ; а въ которомъ гундалѣ другого гребца нѣтъ, въ томъ бываетъ человѣкъ на кормѣ, гребетъ стоя, тѣмъ же весломъ и правитъ, а кормового весла, какъ бываетъ правило нашихъ гундаловъ, нѣтъ; однакожъ и безъ него управляютъ изрядно.

Народъ женскій въ Венеціи убирается зѣло изрядно и къ уборамъ охочи, а къ дѣлу никакому не прилежны, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ и ко грѣху тѣлесному зѣло слабы ни для чего иного токмо для богатства, что тѣмъ богатятся, а иного никакого промыслу не имѣютъ. И многія дѣвки живутъ особыми домами, тѣхъ есть въ Венеціи больше 10000, и въ грѣхъ и въ стыдъ себѣ того не вмѣняютъ, ставятъ себѣ то вмѣсто торговаго промыслу; а другія, у которыхъ своихъ домовъ нѣтъ, тѣ живутъ въ особыхъ улицахъ въ поземныхъ малыхъ палатахъ, и изъ каждой палаты подѣланы на улицу двери и когда увидятъ человѣка приходящаго къ нимъ, того съ великимъ прилежаніемъ каждая къ себѣ перезываетъ, и на который день у которой будетъ приходящихъ больше, та себѣ того дни вмѣняетъ за великое счастіе, и отъ того сами страждутъ Францоватыми болѣзньми,

также и приходящихъ къ нимъ тѣмъ своимъ богатствомъ надѣляютъ довольно и скоро. А духовныя особы имъ въ томъ и возбраняютъ поученіями, а не принужденіемъ. А болѣзней Францоватыхъ въ Венеціи лечитъ зѣло горазды; когда который человѣкъ, вскорѣ послыша, скажетъ дохтуру, тогда у тѣхъ тѣ болѣзни вырѣзываютъ и въ малые дни вылечатъ, такъ что нималой болѣзни не послышитъ; а который человѣкъ въ той болѣзни безъ лѣкарства продлится, тотъ и въ лекарствѣ бываетъ продолжительно, однакожъ вылечиваютъ совершенно.

Дохтуровъ въ Венеціи кромѣ лекарей и аптекарей и медицинъ съ 400 человѣкъ, у которыхъ у каждаго своя аптека, и лечитъ вся кихъ болѣзней зѣло горазды и къ больнымъ ходитъ не лѣнивы не изъ великой платы. Въ томъ числѣ дохтуровъ много есть Греческой вѣры, есть и Жиды; а почтеніе дохтурамъ то, что позволено имъ носить платье какое носитъ Венецкая шляхта, а Жидовскимъ дохтурамъ того платья носить не повелѣно.

Школы есть въ Венеціи изрядныя, въ которыхъ учатся до философіи и до теологіи. Такая жъ есть школа въ Венеціи и у Греческой церкви, которую держитъ Греческій митрополитъ на своей платѣ, и учатъ Греки Греческихъ студентовъ на Греческомъ и на Латинскомъ и на Итальянскомъ языкѣ до философіи и до теологіи. И когда въ какой школѣ студентъ придетъ въ совершенство науки своей, тогда ихъ коронуютъ, свидѣтельствовавъ сице: въ одной палатѣ или въ церкви на срединѣ поставятъ кресла, въ которыхъ тотъ помяненный студентъ сядетъ, и подлѣ его по лѣвую сторону сядетъ въ другихъ креслахъ мастеръ его, а отъ него по обѣ стороны по кресламъ сядутъ законники и попы ученые люди, также и всѣ, которые въ то время тамъ прилучатся быть; и всѣмъ въ то время тамъ бывшимъ раздадутъ печатные листы или тетради, которыя называются комплексіи, т.-е. та диспута, о чемъ того студента будутъ испытывать и свидѣтельствовать, вся въ тѣхъ листахъ напечатана; и потомъ тотъ студентъ всѣмъ тамъ бывшимъ проговоритъ изрядную рацею о своемъ испытаніи и начнетъ говорить о своей наукѣ, а съ нимъ сидящіе ученые люди начнутъ о томъ диспутовать чинно по одному человѣку, и бываетъ у него диспута съ тремя человѣками, а больше трехъ человѣкъ другіе съ нимъ не диспутуютъ, а учитель его въ тѣхъ диспутахъ обороняетъ и самъ за него съ тѣми посторонними диспутуетъ и, такъ сконча диспуту, тому студенту поздравляютъ и привѣтствуютъ его всѣ ученые любовно.

Есть въ Венеціи домъ, въ которомъ учатся воинскимъ дѣламъ: биться на шпагахъ, играть знаменемъ и пикою, также строю пѣхотнаго съ мушкетомъ. Въ томъ домѣ учителя есть, плата отъ Венец-

каго князя ото всей рѣчи посполитой. За тою платою, кто хочетъ, Венеціане учатся даромъ; а кто похочетъ въ томъ домѣ учиться форестиръ, т.-е. пріѣзжій иноземецъ, тотъ повиненъ за себя платить помяненному учителю на мѣсяцъ по червонному золотому, и за тою платою, приходя къ тому учителю въ домъ, учится всему вышеписанному дѣлу; а которые пріѣзжіе похотятъ въ тотъ домъ для ученія ходить, и тѣ платятъ тому учителю на мѣсяцъ съ персоны по два червонныхъ золотыхъ; и за ту плату тотъ учитель повиненъ къ нимъ приходить на дворъ по вся дни кромѣ недѣльныхъ дней и праздниковъ и учитъ ихъ на дворахъ, гдѣ кто стоитъ.

Въ Венеціи есть одинъ законникъ, мастеръ математики и космографіи и иныхъ тому подобныхъ наукъ, которому имя есть Каронелій. Тому также есть плата отъ рѣчи посполитой за то, что онъ выдаетъ и печатаетъ книги математицкихъ наукъ, также карты космографическія и иныя вещи тому подобныя.

Есть въ Венеціи одинъ монастырь женскій, въ которомъ такой чинъ есть: которая блудница-дѣвка или вдова родитъ ребенка и не похочетъ его кормить у себя, та безъ стыда принесетъ его въ тотъ монастырь и отдастъ тамъ пребывающимъ законницамъ, которыя имѣютъ повинность такихъ младенцовъ принимать и кормить ихъ и поить и обувать и одѣвать, за что тѣмъ старицамъ отъ рѣчи посполитой есть плата. Когда такой младенецъ достигаетъ семи лѣтъ отъ рожденія своего, тогда ихъ мужеска пола отдаютъ въ школу мужскую, а дѣвокъ отдаютъ въ школу женскую, гдѣ ихъ также и кормятъ и поятъ и одѣваютъ и обуваютъ и учатъ бетъ платы. А сбираютъ деньги на тѣ школы на то иждивеніе такимъ поведеніемъ, что тѣ ребятки по вся недѣльные дни ходятъ по всей Венеціи съ процессіями, носятъ передъ собою крестъ немалый, и за нимъ ходятъ по два человѣка въ рядъ и поютъ нѣкоторые стихи и при себѣ носятъ ящикъ, въ который имъ Христа ради милостыню кладутъ, кто что подастъ, и за ними ходитъ ихъ учитель. Сіе такъ чинятъ мущины какъ и дѣвки, и за дѣвками также ходитъ ихъ учительница; а которые изъ тѣхъ робятъ учнутъ приходить въ возрастъ, тѣ имѣютъ вольность быть попомъ или законникомъ или какимъ ни есть ремесленнымъ человѣкомъ; также и дѣвка которая пришедъ въ возрастъ похочетъ быть законницею или идтить замужъ или быть въ такомъ же грѣхопаденіи какъ и мать, въ томъ ей увольнено же.

Того жъ 206 г. Мая въ 29 день выѣхалъ я изъ двора, на которомъ стоялъ, на фрегадонъ, имѣя намѣреніе ѣхать изъ Венеціи на море въ разныя мѣста и стоялъ на томъ фрегадонѣ у Венеціи Іюня до 1 числа.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XII*).

1851.

Положеніе дѣлъ на Лѣвомъ флангѣ.—Лѣтнее движеніе въ Чечню.—Командированіе полковника Бартоломея въ Грозную.—Набѣгъ Чеченцевъ къ Грозной.—Вторженія Шамиля въ Дагестанъ и его неудачи.—Выходъ къ намъ наиба Хаджи-Мурата.—Назначеніе князя Барятинскаго начальникомъ 20-й дивизіи и Лѣваго фланга.

Въ моментъ вступленія князя Барятинскаго во временное начальствованіе Лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи дѣла наши въ этой части края были въ слѣдующемъ положеніи. Вся Большая Чечня и бо̀льшая часть Малой Чечни на плоскости, за одиннадцать лѣтъ предъ тѣмъ совсѣмъ почти покорныя, послѣ общаго возмущенія 1840 года, превратились въ самыя враждебныя. Духъ этого воинственнаго, привыкшаго къ необузданной свободѣ населенія, вслѣдствіе испытанныхъ нами неудачъ при попыткѣ усмирить возстаніе и возвратить прежнее наше здѣсь положеніе, достигъ чрезвычайнаго подъема, а вліяніе Шамиля, послѣ его изумительныхъ успѣховъ въ Дагестанѣ (1842—43 гг.) такъ упрочилось, что онъ пріобрѣлъ въ глазахъ Чеченцевъ значеніе и силу, какими до него никогда никто не пользовался. Увѣренность не только въ возможности успѣха въ борьбѣ съ Русскими войсками, но даже въ возможности изгнанія ихъ за Терекъ стала общею. Пораженіе отряда генерала Галафѣева въ 1840 году, малорезультатныя дѣйствія генерала Граббе въ 1841 году, несчастный исходъ его же экспедиціи въ Ичкерію въ

*) См. выше. стр. 438

1842 году, общее возстаніе Дагестана и гибель тамъ нашихъ укрѣпленій съ гарнизонами въ 1843 году, безплодныя дѣйствія генераловъ Нейдгардта и Лидерса съ небывалою по численности массою войскъ въ 1844 году, наконецъ печальный исходъ Даргинской экспедиціи князя Воронцова въ 1845 году, были поводомъ возросшаго самомнѣнія горцевъ съ одной стороны и нѣкоторой робости, нерѣшительности дѣйствій съ нашей стороны. Чечня оказалась окончательно для насъ потерянною, и мѣста, по которымъ нѣсколько лѣтъ прежде небольшіе отряды двигались безопасно, а населеніе повиновалось распоряженіямъ, исходившимъ отъ Русскаго генерала, командовавшаго въ Грозной, закрытыя дремучими лѣсами, задернулись какъ бы туманомъ, непроницаемымъ для нашихъ глазъ. Аулы, въ родѣ Шали, Автура, Гельдигена, рѣчки, въ родѣ Баса, Джалки и разныхъ Шавдоновъ, недавно еще столь знакомые и нерѣдко нами посѣщаемые, превратились, если можно такъ выразится, чуть не въ фантастическія мѣстности, досягаемыя лишь въ воображеніи и то только молодыхъ, пылкихъ людей, готовыхъ безъ оглядки на самыя рискованныя военныя предпріятія. Какъ въ Дагестанѣ Гумбетъ или Аварія, такъ въ Чечнѣ Шали, Автуръ и пр. стали точками, достиженіе которыхъ представлялось возможнымъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, послѣ долгихъ подготовительныхъ военныхъ предпріятій, сопряженныхъ съ большими жертвами.

Съ 1846 года измѣнили, поэтому, систему дѣйствій и вмѣсто движенія въ глубь непріятельской страны съ большими отрядами, для нанесенія непріятелю въ открытомъ бою рѣшительныхъ ударовъ, прибѣгли къ медленному, но болѣе вѣрному способу: посредствомъ рубки просѣкъ открывать доступъ войскамъ къ ауламъ Чеченцевъ, вытѣснять ихъ попостепенно изъ удобныхъ мѣстъ, лишать возможности заниматься, въ обширныхъ размѣрахъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, стѣснять ихъ и другихъ горцевъ, пріобрѣтавшихъ въ Чечнѣ хлѣбъ, въ способахъ продовольствія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постройкою укрѣпленій, поселеніемъ казачьихъ станицъ создавать себѣ опорные пункты, утверждаться прочно въ занимаемой мѣстности, стѣсняя Чеченцевъ въ легкости хищныхъ набѣговъ въ наши предѣлы.

Четыре года такого образа дѣйствій уже принесли видимые плоды: движенія нашихъ отрядовъ происходили съ гораздо меньшими потерями; наиболѣе стѣсненные Чеченцы понемногу стали выселяться въ сосѣдство нашихъ крѣпостей, образуя мирные аулы; непріятель ослаблялся; Шамилю пришлось серьезно подумать о защитѣ Чечни, пришлось нести для этого немалыя жертвы, въ видѣ высылки партій Дагестанскихъ горцевъ, чтó, съ одной стороны, тяжело ложилось на Чеченцевъ, обязанныхъ давать имъ продовольствіе, съ другой вызывало, хотя до времени и скрытое, но опасное недовольство Дагестана, люди котораго погибали вдали отъ своихъ родныхъ горъ за чуждое имъ дѣло. Однако успѣхъ этотъ далеко еще не ободрилъ насъ на столько, чтобы вызвать болѣе рѣшительныя дѣйствія; впечатлѣніе недавнихъ неудачъ и большихъ потерь все еще было сильно, и предположенія для дальнѣйшихъ операцій ограничивались размѣрами довольно скромными.

Доказать реальность достигнутыхъ послѣдними дѣйствіями результатовъ выпало на долю князя Барятинскаго. Со свойственной ему рѣшимостью, онъ въ совершенно-необычное для движеній въ Чечнѣ время, 28-го Іюня, выступилъ изъ Грозной съ 4½ баталіонами пѣхоты, нѣсколькими орудіями и массою кавалеріи къ Шали, въ долину Гудермеса, на Мезеинскія поля и къ Автуру, истребилъ на большомъ пространствѣ дозрѣвавшіе посѣвы и подробно осмотрѣлъ мѣста, десять лѣтъ уже не видавшія Русскихъ войскъ и на которыхъ зимою предполагались дальнѣйшія дѣйствія.

Чеченцы, совершенно неприготовленные къ такому вторженію Русскихъ войскъ лѣтомъ, не могли оказать значительнаго сопротивленія и большею частью въ ужасѣ бѣжали, спасая семейства въ глубь лѣсовъ. Вся потеря наша ограничилась тремя убитыми, двумя офицерами и 34 нижними чинами раненными.

Годомъ раньше о подобномъ движеніи не мечтали самые рѣшительные оптимисты: несчастныя дѣла 1842—1845 годовъ въ лѣсахъ Ичкеріи имѣли послѣдствіемъ нашу рѣшимость строго держаться въ Чечнѣ лѣтомъ лишь оборонительнаго образа дѣйствій, и потому первая попытка князя Барятин-

скаго выйдти изъ этой рутинно-установившейся системы дѣйствительно была смѣлымъ шагомъ *). Это-то и было предположеніе его, сообщенное князю Воронцову въ Апрѣлѣ, которое тотъ одобрилъ и убѣждалъ держать въ строгомъ секретѣ, конечно, изъ опасенія встрѣчи съ приготовленными Чеченцами.

Столь удачно выполненное предпріятіе имѣло громадный результатъ. Говорю громадный: ибо оно доказалъ Чеченцамъ, что уже и лѣтомъ они должны оставаться въ постоянномъ страхѣ за свои семейства и достояніе, что ихъ посѣвы, скотоводство и всѣ средства продовольствія подвержены опасности истребленія, наконецъ (и это самое важное), что Шамиль положительно не въ силахъ ихъ защитить, не взирая на всѣ свои торжественныя обѣщанія. Что́ же оставалось имъ затѣмъ дѣлать? Смириться передъ Русскими, вотъ что́ подсказывалъ каждому Чеченцу внутренній голосъ. И кто успѣвалъ скрыть свои замыслы отъ зоркаго глаза наибовъ и клевретовъ Шамиля, тотъ спѣшилъ выселяться къ намъ, а остававшіеся на мѣстахъ теряли бодрость духа, энергію и дѣйствовали противъ насъ болѣе изъ страха казней, предвидя близкій конецъ непосильной борьбѣ.

Это лѣтнее движеніе въ Чечню стало, съ легкой руки князя Барятинскаго, повторяться изъ году въ годъ, и съ каждымъ разомъ населеніе Чечни, доводимое до крайности, уходило частью въ горныя трущобы, а частью переселялось къ намъ, и ряды лучшихъ бойцевъ у Шамиля, и средства продовольствія горцевъ слабѣли въ сильной прогрессіи. Конечный результатъ такого положенія непріятеля не могъ не быть для него гибельнымъ.

По этому поводу главнокомандующій, прибывъ въ Владикавказъ, 4-го Іюля писалъ князю Барятинскому слѣдующее: „Не могу достаточно поблагодарить васъ за все удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ письмомъ и донесеніемъ о движеніи къ Шали. Рекогносцировка мѣстности у Гермен-

*) Ген. Фрейтагъ, впрочемъ, одинъ разъ тоже ходилъ лѣтомъ за Аргунъ, въ 1845 г., отвлечь Чеченцевъ отъ противодѣйствія нашему главному отряду, двигавшемуся изъ Дарго; но онъ не заходилъ такъ далеко и имѣлъ спеціальную цѣль диверсіи.

чука и окрестностей Автура была весьма удачна и послужитъ намъ для успѣха будущихъ операцій. Я и не сомнѣвался въ успѣхѣ вашего движенія, но не ожидалъ такой ничтожной потери и обозрѣнія такого обширнаго пространства. Шамиль имѣлъ намѣреніе предпринять нашествіе въ Дагестанъ, которое я не могу иначе назвать, какъ безумнымъ. Онъ думалъ поднять Даргинскій и Сюргинскій округи и Кайтахъ, но князь Аргутинскій съ войсками вездѣ встрѣтилъ непріятеля и прогналъ его къ Чоху и Ругджѣ; а извѣстіе о вашемъ вторженіи въ Чечню, полагаю, вынудило его поскорѣе оставить Дагестанъ. Пишу вамъ сегодня только нѣсколько словъ, такъ какъ надѣюсь увидѣть васъ здѣсь или на Сунжѣ. Я оставлю Владикавказъ 6-го, 7-го надѣюсь осмотрѣть новыя станицы, а 8-го или 9-го быть въ Воздвиженской чрезъ Заканъ-Юртъ и Урусъ-Мартанъ. Графъ Перовскій *) встрѣтившій меня въ Квишетѣ, собирается совершить со мною поѣздку по Сунжѣ и Лѣвому флангу. Я очень доволенъ возможностью показать ему результаты, достигнутые нами въ послѣднее время въ этихъ мѣстахъ. Прошу васъ еще извѣстить жителей Кизляра, что 10-го и 11-го я буду въ Червленной, куда они могутъ пріѣхать для переговоровъ по дѣламъ ихъ города“.

Подробности переговоровъ князя Воронцова съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, во время этого проѣзда по Лѣвому флангу, намъ неизвѣстны; но содержаніе ихъ можно болѣе или менѣе опредѣлить по смыслу слѣдующаго письма изъ лагеря на рѣкѣ Бѣлой, отъ 8-го Августа: „Письмо это вручитъ вамъ тотъ самый козакъ, который доставилъ мнѣ ваше, а послѣ я напишу вамъ еще нѣсколько словъ чрезъ Бартоломея, который черезъ нѣсколько дней отправится къ вамъ передъ пріѣздомъ ко мнѣ въ Крымъ. Полагаю, что во всякомъ случаѣ будетъ хорошо, если вы объясните ему, какіе вы имѣете на него виды; не слѣдуетъ, однако, забывать, что все это можетъ рѣшительно измѣниться съ возвращеніемъ генерала Козловскаго въ Грозную, что́ случится въ Сентябрѣ и не позже Октября. Я думалъ, что все же лучше

*) Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ.

будетъ, если вы переговорите съ Бартоломеемъ и будете знать, согласится ли онъ принять мѣсто, которое вы ему предназначаете, и что вы заставите его объясниться также съ Слѣпцовымъ, и наконецъ, будете имѣть возможность разъяснить все Козловскому по его возвращеніи *). Самъ я расчитываю возвратиться только въ половинѣ Октября. Что̀ касается васъ, то предоставляю вамъ, послѣ возвращенія Козловскаго, или оставаться еще нѣкоторое время въ Грозной, или, быть можетъ, вы рѣшитесь снова вступить въ командованіе вашею славною гренадерскою бригадою; ибо долженъ вамъ сказать откровенно, что, судя по встрѣченному мною здѣсь, предполагавшаяся мною на Правомъ флангѣ вакансія не можетъ открыться въ нынѣшнемъ году. Во всякомъ случаѣ однако, ваше командованіе въ этомъ году на Лѣвомъ флангѣ оставитъ вамъ пріятное воспоминаніе и очень полезный результатъ для нашихъ дѣлъ вообще. Я постоянно имѣю васъ въ виду для должности начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга, но опредѣлить время когда это состоится невозможно.

„Здѣсь нашелъ я хорошій лагерь и уже много построекъ въ новомъ укрѣпленіи; непріятель совершенно спокоенъ и весьма недоволенъ Магометъ-Эминомъ послѣ удачнаго съ нимъ дѣла князя Эристова и полковника Волкова. Осенью приступятъ къ постройкѣ моста и тетъ-де-пона на Бѣлой, и тогда наше положеніе здѣсь, на Правомъ флангѣ, будетъ лучше чѣмъ оно когда-либо было. Вчера я проѣзжалъ чрезъ ст. Тенгинскую и съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ мостъ, построенный Ивановымъ черезъ Лабу; нельзя не удивляться, что, со времени занятія нами Лабинской линіи, мы не позаботились построить мостъ чрезъ эту рѣку. Я былъ слишкомъ занятъ другими дѣлами и не могъ обратить на это вниманія; къ тому же, какъ вы знаете, было еще важнѣе устройство двухъ мостовъ на Терекѣ, по отсутствію которыхъ Грозная, въ теченіи 20-ти лѣтъ, оставалась безъ обезпеченныхъ сообщеній съ Кумыкскою плоскостью и Терскою линіею“.

*) Полковника Бартоломея князь Барятинскій имѣлъ въ виду на мѣсто предсѣдателя Чеченскаго народнаго суда, что̀ впослѣдствіи и состоялось.

Къ этому письму князь Михаилъ Семеновичъ, проѣздомъ чрезъ ст. Тифлискую, 11-го Августа, сдѣлалъ еще слѣдующую приписку: „Вы легко себѣ представите, какъ я былъ счастливъ, получивъ пріятныя новости, доставленныя мнѣ изъ Дагестана адъютантомъ князя Аргутинскаго, Делингсгаузеномъ *). Теперь я уѣзжаю въ Крымъ (гдѣ меня всѣ давно ожидаютъ) вполнѣ спокойнымъ; потому что никогда еще наши военныя дѣла не были въ такомъ удовлетворительномъ положеніи, какъ въ настоящее время. Полное пораженіе Шамиля въ Дагестанѣ, ваши блистательныя дѣла въ Чечнѣ и все найденное мною здѣсь должно вполнѣ потрясти его авторитетъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ буду ожидать извѣстій, какой эффектъ всѣ эти событія произведутъ въ Веденѣ. Все, что вы мнѣ говорите о вашихъ будущихъ административныхъ предположеніяхъ въ Чечнѣ, меня чрезвычайно интересуетъ, и Бартоломей, собравъ всѣ подробныя къ этому данныя, передастъ мнѣ по прибытіи въ Крымъ всѣ ваши мысли и предположенія еще яснѣе. Однако и при такомъ хорошемъ ходѣ нашихъ дѣлъ, надо все таки быть постоянно на сторожѣ. Трудно предположить, чтобы Шамиль осмѣлился теперь предпринять что нибудь; но если онъ это сдѣлаетъ, то вѣроятно въ вашей сторонѣ, или по направленію къ Владикавказу; поэтому поддерживайте непрестанно прочныя сношенія съ генераломъ Ильинскимъ (начальникомъ Владикавказскаго военнаго округа) и, какъ я всегда вамъ совѣтовалъ, держите въ Грозной достаточно сильные резервы“.

Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Алупки, отъ 29-го Августа, князь Воронцовъ еще разъ высказалъ взглядъ свой на потерю Шамилемъ вліянія въ Чечнѣ, послѣ постигшихъ его и Хаджи-Мурата неудачъ въ Дагестанѣ, соглашался съ мнѣніемъ князя Барятинскаго о важности прочнаго занятія на Сунжѣ Заканъ-Юрта, предлагалъ съ этою цѣлью помѣстить тамъ штабъ Донскаго казачьяго полка и просилъ предварительно поговорить объ этомъ съ Слѣпцовымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручалъ князю Александру Ивановичу, чтобы онъ, по возвра-

---

*) Успѣшное подавленіе возмущенія въ Табасарани и пораженіе Шамиля на Турчидагѣ.

щеніи генерала Козловскаго, передалъ ему подробно всѣ свои предположенія и взгляды, до Лѣваго фланга относящіяся, особенно на счетъ Шали *); окончательныя же рѣшенія князь Воронцовъ предоставлялъ себѣ, по прибытіи въ половинѣ Октября на Лѣвый флангъ. „Между тѣмъ, прибавилъ князь Михаилъ Семеновичъ, не взирая на отличное положеніе наше въ военномъ отношеніи, я не могу еще и еще не повторить то, что̀ уже неоднократно писалъ всѣмъ начальникамъ отрядовъ, именно: не усыплять своей бдительности, быть ежеминутно на сторожѣ и имѣть постоянно въ готовности резервы. Имѣйте безпрерывныя сношенія съ Слѣпцовымъ и Ильинскимъ, а для обезпеченія Кумыкской плоскости прикажите Майделю поддерживать связь съ драгунскимъ полкомъ въ Чиръ-Юртѣ. Знаю, впрочемъ, что это и ваша система; а результаты подобнаго образа дѣйствій достаточно выказались въ блистательномъ успѣхѣ князя Аргутинскаго въ Дагестанѣ, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ“.

Шамиль былъ сильно озадаченъ лѣтнимъ движеніемъ князя Барятинскаго и въ особенности полною почти безнаказанностью, съ которою оно было совершено. Чеченскіе наибы, подвергшіеся за это сильному гнѣву имама, рѣшились отплатить намъ тѣмъ же; они задумали напасть на мирныхъ Чеченцевъ, поселенныхъ подъ самою крѣпостью Грозною, гдѣ пребывалъ князь Барятинскій, и угнать весь ихъ скотъ. Въ случаѣ удачи, это былъ бы просто срамъ, что̀ подорвало бы наше обаяніе, столь быстро возраставшее въ послѣднее время, и могло бы остановить дальнѣйшій выходъ къ намъ переселенцевъ изъ непокорной страны.

15-го Сентября 1851 года, часу во второмъ дня, явился въ Грозную лазутчикъ съ извѣстіемъ, что часа черезъ два должна появиться собранная изъ пяти наибствъ партія Чеченцевъ въ 3000 человѣкъ, съ цѣлью угнать весь скотъ мир-

*) Въ чемъ эти предположенія могли заключаться, неизвѣстно; потому что писемъ князя Барятинскаго къ князю Воронцову за это время не сохранилось. Очевидно однако, что уже тогда князь Александръ Ивановичъ установилъ свой взглядъ на систему дѣйствій, приведшую впослѣдствіи къ окончательному покоренію Чечни, а затѣмъ и всего Восточнаго Кавказа.

ныхъ Грозненскихъ ауловъ. Князь Барятинскій приказалъ сказать лазутчику, что если его свѣдѣніе оправдается, то ему будетъ дана пригоршня золота, а если нѣтъ, то онъ будетъ сосланъ въ Сибирь; между тѣмъ, этого лазутчика майоръ П. Г. Бѣликъ, завѣдывавшій пріемомъ лазутчиковъ, задержалъ у себя на квартирѣ. Тотчасъ же были приготовлены всѣ войска, находившіяся въ Грозной, и извѣщены мирные Чеченцы; а въ шесть часовъ вечера дѣйствительно появилась огромная партія, захватила весь скотъ и погнала его *лѣвымъ* берегомъ Сунжи по направленію къ Чертугаевской переправѣ. Князь Барятинскій въ туже минуту переправился въ Грозной черезъ мостъ и *правымъ* берегомъ Сунжи двинулся къ той же Чертугаевской переправѣ. Легко себѣ представить, что̀ произошло съ Чеченской партіей, когда она, вполнѣ увѣренная въ успѣхѣ своего набѣга, уже въ виду переправы на свою сторону, вдругъ узрѣла Русскія войска, ставшія на пути ея отступленія! Пришлось уже думать не о добычѣ, не о торжествѣ, а о спасеніи...

Разгромъ былъ полнѣйшій; Чеченцы понесли большую потерю (болѣе 200 человѣкъ пало на мѣстѣ) и разсѣянные, небольшими кучками, спасались за Сунжу гдѣ кто могъ. Много лошадей, оружія и 35 плѣнныхъ остались въ нашихъ рукахъ.

Князь Барятинскій съ торжествомъ возвратился въ Грозную и въ 10 часовъ вечера потребовалъ къ себѣ лазутчика. При этомъ, по разсказу Бѣлика, произошла презабавная сцена. Князь сидѣлъ на диванѣ, предъ которымъ стоялъ круглый столъ, а на немъ подносъ полный червонцевъ; у стола извѣстный Чеченецъ Арцу (тогда молодой, въ качествѣ переводчика, нынѣ генералъ-маіоръ со звѣздами). Когда лазутчикъ явился, князь сказалъ ему: возьми себѣ пригоршню золота за доставленное вѣрное свѣдѣніе. Этотъ, не стѣсняясь, подошелъ, положилъ свою папаху на столъ и запустилъ руки въ золото; но какъ только подниметъ руки, нѣсколько червонцевъ проскользнутъ между пальцевъ на подносъ; ему не хочется ихъ терять, онъ высыпаетъ червонцы опять на подносъ, начинаетъ загребать какъ можно больше, но предательскіе кружки скользятъ между пальцевъ. Такъ повтори-

лось три-четыре раза; наконецъ, когда онъ еще разъ набралъ, и червонца четыре опять проскользнули, то со вздохомъ сказалъ князю: „это уже ты себѣ возьми“. Александръ Ивановичъ отъ души расхохотался и, схвативъ самъ полную руку червонцевъ, бросилъ Чеченцу въ шапку.

Немудрено, что такою щедростью и доступностью князь Барятинскій покорялъ себѣ Азіятцевъ. Замѣчательно, что тотъ же самый человѣкъ, ровно чрезъ годъ, опять доставилъ свѣдѣніе о приближеніи непріятеля, и результатъ былъ такой же: наибъ Талгикъ былъ опять нашею кавалеріею и мирными Чеченцами разбитъ на голову, и князь Барятинскій въ этотъ разъ далъ лазутчику уже двойное количество червонцевъ. Этотъ самый Чеченецъ живетъ и теперь (1886 г.) въ аулѣ Бердыкелѣ, часто бываетъ у г. Бѣлика и вспоминаетъ о славномъ времени золотаго дождя...

Вообще о щедрости, отчасти можно сказать расточительности князя Александра Ивановича сохранились многія преданія. Во время пребыванія въ Грозной въ 1851 году, князь вытребовалъ туда музыку и пѣвчихъ изъ Кабардинскаго полка, почти ежедневно приглашалъ къ себѣ гостей обоего пола, давалъ обѣды, вечера, заставлялъ музыку играть на бульварѣ; все общество, особенно прекрасный полъ, были въ восторгѣ отъ очаровательнаго хозяина. Одинъ разъ пріѣхали гости изъ Владикавказа, въ сопровожденіи Слѣпцова, и въ теченіи двухъ сутокъ пиръ стоялъ горой; князь не жалѣлъ средствъ на угощеніе и все, что́ богатая фантазія могла придумать, что́ глухая крѣпость Грозная могла доставить, было пущено въ ходъ. За то и веселье было такое, какого, конечно, нигдѣ, кромѣ Кавказа, не существовало!

Не взирая на огромныя суммы, получаемыя изъ имѣній, князь Александръ Ивановичъ иногда оставался безъ денегъ. Такъ, въ 1851 году, когда пришлось уѣзжать въ Тифлисъ, онъ откладывалъ выѣздъ со дня на день, въ ожиданіи денегъ отъ сестры своей, графини Орловой-Давыдовой. Деньги, въ суммѣ, кажется, 30 тысячъ рублей, должны были придти по почтѣ изъ Саратовской губерніи, чрезъ Астрахань и Кизляръ; но съ ними случилось чрезвычайное происшествіе: бѣжавшій въ 1840 г. къ горцамъ изъ ст. Наурской Моздокскаго

полка, казакъ Алпатовъ, сдѣлавшійся исподволь однимъ изъ страшныхъ и отчаянныхъ предводителей хищническихъ шаекъ, разъѣзжавшій нерѣдко въ офицерскомъ платьѣ не только по линіи Терека, но и по Астраханской губерніи, и въ этотъ разъ съ 18 Чеченцами пробрался за Кизляръ на почтовую дорогу, разграбилъ двѣ почты и безнаказанно возвратился въ Чечню съ 45 тыс. рубл. денегъ. Чрезъ нѣсколько дней въ Грозную явился лазутчикъ и доставилъ конвертъ съ адресомъ на имя князя Александра Ивановича, въ которомъ лежало вскрытое письмо графини Ольги Ивановны пофранцузски, съ извѣщеніемъ объ отправленныхъ съ этою же почтою деньгахъ; письмо для доставленія въ Грозную было передано лазутчику самимъ Алпатовымъ.... Былъ часъ ночи, когда П. Г. Бѣликъ явился съ этимъ письмомъ къ князю и разсказалъ о печальномъ происшествіи на Астраханскомъ почтовомъ трактѣ.

Прочитавъ письмо, князь былъ сильно озадаченъ; но это продолжалось лишь нѣсколько минутъ, и за тѣмъ онъ совершенно хладнокровно сказалъ: „Сестра пишетъ о высланныхъ 30 тыс. денегъ. Однако все же спасибо негодяю Алпатову за присылку письма: теперь я, по крайней мѣрѣ, знаю, что мнѣ нечего дальше ожидать здѣсь“. Утромъ, потребовавъ у казначея штаба Лѣваго фланга нѣсколько тысячъ рублей, князь уѣхалъ въ Тифлисъ.

Донесеніе объ удачномъ пораженіи непріятеля 15-го Сентября князь Барятинскій отправилъ въ Алупку чрезъ Арцу Чермоева. Князь Воронцовъ, въ письмѣ отъ 27-го Сентября, искренно благодаря за прекрасное дѣло, „которое оставитъ воспоминаніе о вашемъ блистательномъ и полезномъ командованіи Лѣвымъ флангомъ“, продолжаетъ: „Извѣстіе не могло придти болѣе кстати, потому что я могъ сообщить о немъ путешествующимъ по южному берегу Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, пожаловавшимъ на нѣсколько дней въ Алупку. Я имъ представилъ Арцу, и они чрезвычайно заинтересовались вашимъ послѣднимъ дѣломъ и вообще всѣмъ происходящимъ на Кавказѣ, а Арцу пригласили сопутствовать имъ въ экскурсіяхъ по Крыму.

Буду ожидать вашего представленія о награжденіи отличившихся; что́ же касается значка, то, къ сожалѣнію, я отсюда ничего не могу послать, и мы съ Арцу порѣшили поступить слѣдующимъ образомъ: онъ, по возвращеніи въ Грозную, объявитъ мирнымъ Чеченцамъ, что я самъ привезу имъ значекъ, а вы между тѣмъ закажите по вашему соображенію соотвѣтственную вещь и вышлите мнѣ ее во Владикавказъ, къ моему пріѣзду, около 25-го Октября, откуда я и возьму ее съ собою въ Грозную. Между тѣмъ я написалъ въ Тифлисъ, чтобы вамъ отправили 12 Георгіевскихъ крестовъ для раздачи, по вашему усмотрѣнію, наиболѣе отличившимся—6-ть въ войска и 6-ть мирнымъ Чеченцамъ. Обо всемъ прочемъ, сообщенномъ мнѣ вами въ письмѣ чрезъ адъютанта моего князя Витгенштейна, особенно о заявившихъ желаніе выселиться къ намъ съ наибомъ Бата 800 семействахъ и предположеніяхъ о дѣйствіяхъ зимою, я переговорю съ вами лично. Здоровье мое слава Богу поправляется, и я хорошо перенесъ путешествіе въ Елисаветградъ для свиданія съ Государемъ, а оттуда въ Одессу. О времени возвращенія генерала Козловскаго мнѣ ничего неизвѣстно".

По поводу этого же дѣла, генералъ Коцебу 28-го Сентября писалъ князю: „Отъ всего сердца поздравляю васъ съ блистательнымъ дѣломъ 15-го числа. Повѣрьте, что я искренне обрадовался вашему торжеству, и я одинъ изъ первыхъ отдающихъ справедливость вашему уму и вашей энергіи, которымъ мы обязаны за ваши успѣхи. Нельзя ли воспользоваться взятыми вами плѣнными для обмѣна ихъ на несчастныхъ пятерыхъ монаховъ, захваченныхъ Лезгинами въ Грузіи, о чемъ убѣдительно проситъ экзархъ?"

Выше уже упоминалось о вторженіи Шамиля въ Дагестанъ и постигшей его неудачѣ при встрѣчѣ съ войсками князя Аргутинскаго. Въ виду связи этого дѣла съ послѣдующими событіями, изложу его нѣсколько подробнѣе.

Въ 1851 году Шамиль, желая возстановить свое упавшее вліяніе и вознаградить крупныя потери, понесенныя въ Чечнѣ, какимъ-нибудь рѣшительнымъ ударомъ, отправилъ лучшаго своего помощника, извѣстнаго наиба Хаджи-Мурата съ партіею отборныхъ мюридовъ въ приморскую часть Да-

гестана, для возмущенія жителей Табасарани и Кайтаха, водворенія у нихъ ученія мюридизма и образованія партій, которыя бы безпрестанными набѣгами и нападеніями безпокоили окрестности Дербента и прерывали сообщенія его съ Темиръ-Ханъ-Шурой. Успѣхъ этого предпріятія могъ легко взволновать и другія части Южнаго Дагестана и поставить насъ въ весьма трудное положеніе. Самъ Шамиль, между тѣмъ, долженъ былъ оставаться въ Среднемъ Дагестанѣ и, воспользовавшись отвлеченіемъ главныхъ силъ Русскихъ въ Табасарань, нанести пораженіе оставшейся на Турчидагѣ небольшой колоннѣ и увлечь въ возстаніе окрестные мирные аулы.

Этотъ хорошо задуманный планъ не удался, хотя Хаджи-Муратъ, со свойственною ему быстротою и отвагою, выполнилъ большую часть своей задачи, вторгся въ Кайтахъ и Табасарань, захватилъ въ аулѣ Буйнакѣ (лежащемъ на почтовой дорогѣ) въ плѣнъ цѣлое семейство родственника шамхала Тарковскаго, взволновалъ населеніе, заставивъ его вступить въ бой съ подоспѣвшими войсками отряда князя Аргутинскаго - Долгорукаго, однако вынужденъ былъ бѣжать, оставивъ жителей Табасарани на произволъ судьбы. Самъ Шамиль тоже неудачно атаковалъ нашу колонну на Турчидагѣ и со стыдомъ отступилъ.

Крайне огорченный неудачею и упреками явившихся къ нему съ жалобой нѣсколькихъ Табасаранцевъ, подвергшихся напрасному разоренію и бѣдствіямъ, вызванными вторженіемъ Хаджи-Мурата, Шамиль обвинилъ его въ неумѣлости и робости, отрѣшилъ отъ должности Аварскаго наиба и подвергъ чему - то въ родѣ домашняго ареста и надзору. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ опалы и вражды Хаджи-Муратъ рѣшился бѣжать къ намъ...

Князь Аргутинскій въ Дагестанѣ и князь Барятинскій въ Грозной тотчасъ получили свѣдѣнія объ этихъ происшествіяхъ во враждебномъ намъ станѣ, и каждый поспѣшилъ сообщить ихъ главнокомандующему. Князь М. С. Воронцовъ,

отъ 14-го Октября, изъ Екатеринодара (гдѣ онъ былъ проѣздомъ изъ Крыма во Владикавказъ) послалъ князю Барятинскому слѣдующій отвѣтъ: „Не знаю какъ и благодарить васъ, дорогой князь, за ваши письма и всѣ сообщенныя интересныя извѣстія. Если Шамиль не заставитъ Хаджи-Мурата покориться, а этотъ успѣетъ сформировать свою партію для открытаго ему сопротивленія, намъ слѣдуетъ воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами; князь Аргутинскій приготовляется даже поддержать Хаджи-Мурата въ самой Аваріи. То, что́ вы предполагаете въ этомъ случаѣ сдѣлать, вполнѣ основательно, и я надѣюсь, что Козловскій выполнитъ вашъ проектъ, тѣмъ болѣе, что это совершенно въ его характерѣ; да и въ самомъ дѣлѣ это единственное, что́ можно сдѣлать со стороны Лѣваго фланга. Сильная диверсія отъ Воздвиженской къ Шали и съ Кумыкской плоскости въ Аухъ или на Мичикъ не только удержатъ Чеченцевъ отъ движенія на помощь Шамилю, но его самаго заставитъ опасаться за Ведень и Ичкерію. А пока нужно, чтобы Слѣпцовъ и Ильинскій удерживали населеніе Черныхъ горъ (Малой Чечни) въ почтительномъ страхѣ. Надѣюсь, что вы получили мое письмо, въ которомъ я предлагалъ вамъ ожидать меня во Владикавказѣ; я съ нетерпѣніемъ жду свиданія съ вами, не только чтобы отъ души благодарить васъ за все сдѣланное вами во время командованія Лѣвымъ флангомъ, но и для обсужденія съ вами многихъ вопросовъ, до васъ лично касающихся, и по всѣмъ вашимъ проектамъ. Кстати, во Владикавказѣ съ нами будутъ и генералы Коцебу и Слѣпцовъ, и много другихъ лицъ для обсужденія и разрѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ предметовъ, при чемъ вы будете весьма нужны. Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ моей готовности сдѣлать все отъ меня зависящее для исполненія вашихъ желаній на счетъ рекомендованныхъ вами лицъ, и это еще усугубляетъ мое желаніе скорѣе васъ увидѣть и обнять“.

Въ это время генералъ Козловскій, наконецъ, возвратился изъ своего продолжительнаго отпуска и вновь вступилъ въ должность, а князь Барятинскій, послѣ шести мѣсяцевъ дѣйствительно блистательнаго начальствованія Лѣвымъ флан-

гомъ, долженъ былъ возвращаться къ своей скромной обязанности командира гренадерской бригады.

Чтó происходило на совѣщаніяхъ во Владикавказѣ, куда 21-го Октября прибылъ главнокомандующій, намъ неизвѣстно; но въ этотъ день состоялся приказъ по корпусу о возвращеніи князя Александра Ивановича къ своей бригадѣ, къ которой онъ и прибылъ 11-го Ноября.

Между тѣмъ главнокомандующій съ начальникомъ главнаго штаба уѣхали въ Воздвиженскую, гдѣ находился князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, какъ командиръ Куринскаго полка; тамъ же была и молодая супруга его; оттуда всѣ переѣхали въ Грозную. Пользуясь дневкою въ Грозной, генералъ Коцебу писалъ князю Барятинскому въ Тифлисъ 2-го Ноября: „Вѣрный данному слову, спѣшу извѣстить васъ, что сегодня подписано, а завтра отправляется представленіе съ письмомъ къ Государю, составленномъ въ такомъ духѣ, что можно надѣяться на успѣхъ, какъ для васъ, такъ и для другихъ лицъ, меня интересующихъ. Генералъ Козловскій просилъ, чтобы вы опять приняли участіе въ зимнихъ дѣйствіяхъ его отряда, и князь Воронцовъ изъявилъ весьма любезно свое согласіе“... Очевидно, что здѣсь говорилось объ окончательномъ назначеніи князя Барятинскаго на мѣсто Козловскаго; но отъ него это пока скрывали, и согласіе на его желаніе имѣть князя въ своемъ отрядѣ было чистою ироніею... Быть можетъ безъ настойчиваго содѣйствія генерала Коцебу этого однако и не случилось бы. Впрочемъ, неопредѣленность продолжалась весьма недолго, и 6-го Декабря 1851 уже послѣдовалъ Высочайшій приказъ о назначеніи князя Барятинскаго командовать 20-ю дивизіею и Лѣвымъ флангомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему пожалованъ орденъ Св. Владимира 2-й степени.

31-го Декабря 1851 князь Барятинскій былъ уже опять въ Грозной.

По всѣмъ признакамъ можно догадываться, что совѣщаніе во Владикавказѣ и позднѣйшіе доклады П. Е. Коцебу окончательно убѣдили главнокомандующаго въ несомнѣнной

пользѣ такого назначенія, хотя бы съ нѣкоторымъ рискомъ затронуть самолюбіе старшаго генерала Козловскаго, которому впрочемъ былъ устроенъ „золотой мостъ": онъ тогда же произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ начальникомъ 19-й дивизіи.

На пути въ Грозную, изъ Владикавказа, князь Барятинскій 28-го Декабря писалъ князю Воронцову *): „Я пріѣхалъ въ Владикавказъ лишь вчера; снѣга въ горахъ вынудили меня потерять полдня. Князь Гагаринъ ознобилъ ноги и къ отчаянію своему долженъ нѣкоторое время остаться здѣсь. Мы пришли съ Вревскимъ къ полному соглашенію и сегодня вмѣстѣ съ нимъ выѣзжаемъ на ночь въ Ачхой, а завтра будемъ осматривать просѣки, вырубленныя имъ и Слѣпцовымъ, также мѣсто, гдѣ предполагается постройка небольшаго укрѣпленія Геха. Оттуда я поѣду въ Урусъ-Мартанъ и къ вечеру надѣюсь быть въ Грозной, гдѣ мое присутствіе необходимо для различныхъ распоряженій. Во время этого маленькаго путешествія съ Вревскимъ мы будемъ имѣть время покончить съ многими вопросами, и при первомъ случаѣ я донесу вамъ обо всемъ, что мы обсудили".

---

*) Всѣ письма пофранцузски.

Глава XIII.

1852-й годъ.

Упроченіе князя Барятинскаго въ новой должности.—Письма князя Воронцова.—Важность даннаго князю Александру Ивановичу назначенія.—Дѣйствія его отряда въ Январѣ 1852 г. въ Большой Чечнѣ.—Истребленіе Автура и Гельдыгена.—Письма по этому поводу князя Воронцова и генерала Коцебу [1]).

Къ новому 1852 году князь Барятинскій явился въ Грозную уже настоящимъ хозяиномъ Лѣваго фланга. Всѣ колебанія, неувѣренность въ своемъ положеніи и будущности исчезли; для предпріимчивости военной и административной явилась бо́льшая свобода.

Не теряя времени, князь приступилъ къ выполненію имъ же составленныхъ предположеній о зимнихъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ. Но прежде разсказа о ходѣ этихъ дѣйствій, я приведу переписку, возникшую между обоими дѣйствующими лицами.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому отъ 3-го Янв. 1852 г.: „Пишу вамъ эти строки чрезъ г-на Варенцова [2]), отправляющагося участвовать съ вами въ военныхъ дѣйствіяхъ. Благодарю васъ за письмо изъ Владикавказа; еслибы не постоянное опаздываніе почты, я бы уже сегодня долженъ получить отъ васъ извѣстія изъ Грозной. Надѣюсь и молю Бога, чтобы все у васъ пошло хорошо. Вчера здѣсь въ городѣ распространили слухъ, будто Мичиковскіе аулы заговорили о покорности; это было бы отличное дѣло и совершенно упростило бы ваши зимнія операціи. Князь Аргутинскій сообщаетъ другую новость, которая была бы еще важнѣе, еслибы оправдалась: будто бы братъ Кибитъ-Магомы [3]), Муртузъ-Али, отказался явиться къ Шамилю по его требованію и заперся въ Тилитлѣ, съ рѣшимостью сопротивляться.

---

[1]) Считаю нужнымъ напомнить, что всѣ приведенныя письма писаны по-французски и передаются здѣсь въ переводѣ.

[2]) Если память мнѣ не измѣняетъ, это былъ лейбъ-уланскій офицеръ, пріѣхавшій на Кавказъ за отличіями.

[3]) Одинъ изъ весьма вліятельныхъ въ Дагестанѣ наибовъ.

Не рѣшаюсь пока вѣрить, но это было бы для Шамиля въ настоящую минуту весьма непріятное обстоятельство.

„Сообщите мнѣ, пожалуйста, что нибудь о Муратѣ; говорятъ, онъ былъ весьма обрадованъ, встрѣтивъ въ Грозной недавно вышедшаго къ намъ, съ нѣсколькими семействами, Чеченскаго старшину, человѣка, по слухамъ, весьма вліятельнаго и могущаго быть намъ полезнымъ. — Рѣшаюсь повторить вамъ еще разъ мою просьбу, сказанную вамъ при прощаніи, какъ начальникъ и отецъ. Судя по письму генерала Козловскаго къ начальнику штаба, дѣло между Меллеромъ [1]) и Семеномъ [2]) наружно какъ бы уладилось; но этого не достаточно; надѣюсь, что Семенъ будетъ благоразуменъ, извинится какъ слѣдуетъ, и тогда все будетъ хорошо. Ожидаю отъ васъ объ этомъ и другихъ дѣлахъ подробныхъ сообщеній, согласно данному вами обѣщанію“.

Отъ 4-го Января. „Пишу вамъ сегодня чрезъ Николая Эристова [3]), расчитывающаго прибыть къ вамъ 9-го числа. Я задержалъ его здѣсь на сутки, чтобы договорить съ вами секретно о весьма важномъ дѣлѣ. Хасай [4]) передалъ мнѣ, что онъ получилъ отъ Гиналъ-Гебека письмо, якобы Хаджи-Муратъ насъ обманываетъ и что онъ вышелъ къ намъ по соглашенію съ Шамилемъ, чтобы устроить намъ нѣсколько непріятныхъ дѣлъ и возвратиться въ горы. Не могу этому вѣрить; но необходимо намъ быть на стòрожѣ, а между тѣмъ выпытать у Гиналъ-Гебека, отъ кого онъ узналъ это и заслуживаютъ ли эти люди довѣрія. Хорошій случай строгаго наблюденія за Хаджи-Муратомъ даетъ вамъ самъ онъ своей просьбой назначить для постояннаго его сопровожденія 20—30 казаковъ, съ прибавкою нѣсколькихъ выбранныхъ вами туземцевъ; кажется, можно держать его спокойно въ рукахъ и ожидать результата переговоровъ объ освобожденіи его семейства. Вы на мѣстѣ лучше сообразите, какія мѣры при-

---

[1]) Генералъ-маіоръ баронъ Меллеръ-Закомельскій, бригадный командиръ.

[2]) Сыномъ князя Воронцова, командиромъ Куринскаго полка.

[3]) Князь Николай Эристовъ былъ адъютантомъ у князя Воронцова.

[4]) Подполковникъ князь Хасай-Уцміевъ, Кумыкъ, довольно образованный человѣкъ, говорившій, кажется, по-французски.

нять; объ одномъ только убѣдительно прошу: не дозволять ему пріѣзжать къ вамъ въ отрядъ и еще менѣе въ Воздвиженскую, потому что его дѣйствительная или показная дружба къ Семену и пристрастіе послѣдняго къ нему мнѣ кажутся подозрительными. Повторяю, что не могу вѣрить разсказу Хасая; но то вѣрно, что такой отпѣтый разбойникъ, какъ Хаджи-Муратъ, легко можетъ нанести Воздвиженской какой-нибудь скверный ударъ, который возвратитъ ему благоволеніе Шамиля, держащаго въ рукахъ его семью; къ этому Хаджи-Мурата можетъ побудить привязанность къ семьѣ, а можетъ и религіозный фанатизмъ. Подумайте обо всемъ этомъ, любезный князь, и извѣстите меня чрезъ нарочнаго о вашихъ распоряженіяхъ, и о томъ, что̀ говорятъ Гиналъ-Гебекъ и Азіятцы, находящіеся по вашему назначенію при Хаджи-Муратѣ. Я хотѣлъ командировать къ вамъ подполковника князя Тарханова *), человѣка ловкаго и тонкаго, котораго Хаджи-Муратъ здѣсь часто видѣлъ, но рѣшилъ дождаться вашего отвѣта, который потрудитесь доставить мнѣ съ какимъ-нибудь офицеромъ или урядникомъ, умѣющимъ быстро ѣздить. Предупредите Семена, чтобы былъ остороженъ; я ему написалъ нѣсколько словъ безъ всякихъ подробностей; нужно, чтобы онъ зналъ, что Хаджи-Муратъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ приближаться ни къ отряду, ни къ Воздвиженской, ни даже къ Урусъ-Мартану.

„Если, какъ я полагаю, Меллеръ не будетъ въ отрядѣ, а останется начальникомъ всего пространства на лѣвомъ берегу Аргуна, то на его обязанности будетъ наблюдать за Хаджи-Муратомъ и совѣщаться съ нимъ на счетъ выкупа его семейства. Полагаю, что Меллеръ все это исполнитъ хорошо, если вы съ нимъ откровенно поговорите и разъясните всѣ ваши взгляды, согласно съ изложеннымъ мною выше; подтвердите ему о непремѣнномъ, безотлучномъ нахожденіи при Хаджи-Муратѣ 30 казаковъ, а—главное—чтобы это были лучшіе люди, выбранные изъ всѣхъ линейныхъ полковъ, о чемъ я уже писалъ генералу Козловскому; они должны быть вполнѣ вѣрные, храбрые и рѣшительные люди при всякой

*) Князь Константинъ Тархановъ, впослѣдствіи Бакинскій губернаторъ.

случайности; дайте имъ начальника такихъ же качествъ, которому бы вы могли довѣриться и сообщить всю важность его назначенія. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ васъ извѣстій, какъ по этому дѣлу, такъ и вообще что̀ вамъ извѣстно о положеніи дѣлъ въ Чечнѣ и у Шамиля и къ какомъ количествѣ можетъ онъ пригнать изъ Дагестана людей противъ васъ. Если вамъ удастся нанести имъ такой же ударъ, какъ въ прошломъ году, это отобьетъ охоту у Тавлинцевъ и, должно думать, не очень опечалитъ и самихъ Чеченцевъ. Да хранитъ васъ Богъ".

Письмо это разминулось съ слѣдующимъ письмомъ князя Барятинскаго, изъ крѣпости Воздвиженской, отъ 5-го Января 1852 года: „Какъ я писалъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ изъ Владикавказа, мы отправились съ барономъ Вревскимъ на мѣсто, гдѣ былъ убитъ храбрый Слѣпцовъ и гдѣ, по его указанію, выбранъ пунктъ для постройки форта Геха. Выборъ мѣста хорошъ; но я нахожу, что даже послѣ этой постройки необходимо будетъ сдѣлать еще нѣсколько просѣкъ на другой сторонѣ рѣки, дабы, раскрывъ мѣстность, прогнать непріятельское населеніе далѣе отъ Геха. Здѣсь лѣсъ очень густъ; на нашей же сторонѣ рѣки почти все расчищено, и сообщенія съ Урусъ-Мартаномъ и Ачхоемъ свободны. По дорогѣ у насъ была маленькая перестрѣлка, при чемъ мы взяли четырехъ плѣнныхъ, которыхъ я отдалъ въ распоряженіе Хаджи-Мурата. Мы много говорили съ Вревскимъ о той границѣ, которую вы назначили между нашими раіонами (т.-е. Лѣвымъ флангомъ и Владикавказскимъ военнымъ округомъ) и рѣшили дѣйствовать, взаимно помогая другъ другу, такъ какъ наши дѣла съ этой стороны слишкомъ связаны между собою, чтобы быть раздѣленными. Вревскій понимаетъ это также какъ и я и вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе, что самое лучшее— это нераздѣльность нашихъ предѣловъ командованія; это же избавляетъ отъ работъ по проведенію границъ. Я пишу обо всемъ этомъ по его уполномочію и буду ожидать чѣмъ вы рѣшите этотъ вопросъ. Будьте увѣрены, князь, что мы всегда остаемся съ нимъ вполнѣ согласны, если дѣло коснется общей пользы и возможно бо̀льшаго нанесенія вреда

непріятелю; это наша конечная цѣль. Съ этимъ же курьеромъ я пишу къ барону Вревскому и прошу его прислать мнѣ батальонъ Эриванцевъ: ему онъ на Сунжѣ не нуженъ. Я поставлю батальонъ въ Грозной и въ тоже время усилю немного гарнизонъ Воздвиженской, такъ какъ въ нынѣшнемъ году театръ нашихъ дѣйствій будетъ болѣе удаленъ, чѣмъ въ прошломъ. Мнѣ также нужно болѣе войскъ въ тылу, какъ для гарнизонной службы, такъ и для транспортированія больныхъ; наконецъ, мало ли что́ можетъ случиться при встрѣчѣ съ непріятелемъ!

„Для карабинеровъ совершенно безразлично, гдѣ находиться—на Сунжѣ, или въ Грозной; и тутъ и тамъ они будутъ хороши; къ тому же они въ эти 15 дней послѣ возвращенія изъ Гехинскаго отряда совершенно оправились. Я вамъ обѣщаю заботиться объ нихъ и не пользоваться ими болѣе мѣсяца подрядъ.

„Семенъ ведетъ свое дѣло превосходно. Судите сами, какой важный постъ онъ занимаетъ. Всѣ отъ него въ восхищеніи, и это совершенно справедливо имъ заслужено. Мнѣ было бы очень пріятно, да и для дѣла крайне полезно, если бы вы окончательно поручили Воздвиженскую Семену, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

„Относительно Хаджи-Мурата, я право не знаю что́ сказать. Хаджи-Муратъ мнѣ кажется спокойнымъ, и я не вижу съ его стороны ничего дурнаго; но онъ производитъ большое вліяніе на окружающихъ его и, слѣдовательно, если онъ имѣетъ какія-нибудь скверныя намѣренія, то онъ можетъ легко воспользоваться своимъ обаяніемъ. Благодаря его долгому здѣсь пребыванію, онъ замѣтно скучаетъ и еслибы вы вызвали его въ Тифлисъ, взявъ съ него обѣщаніе.... (неразобрано), онъ это сдѣлалъ бы съ большимъ удовольствіемъ, и я былъ бы избавленъ отъ необходимости безпокойнаго надзора за нимъ, особенно во время моего долгаго отсутствія изъ Грозной.

„Я прибылъ сюда съ войсками вчера и сегодня утромъ уѣзжаю; это письмо отправится лишь съ первой позиціи, которую я думаю занять на Аргунѣ 7-го или 8-го числа. Оттуда я начну осмотры мѣстности; первымъ дѣломъ будетъ

отыскать возможность повернуть въ Басъ воду, которую непріятель съумѣлъ отвести, и затѣмъ выбрать мѣсто для лагеря".

Въ письмѣ, отъ 7 Января, князь Воронцовъ еще разъ возвращается къ дѣлу Хаджи-Мурата и выражаетъ большое желаніе, чтобы какимъ-нибудь способомъ удалось увести изъ рукъ Шамиля семейство его; для этого онъ разрѣшаетъ, кромѣ выдачи нѣсколькихъ находящихся у насъ плѣнныхъ горцевъ, издержать отъ 2-хъ до 3-хъ тыс. рублей и поручаетъ князю Барятинскому войти чрезъ вѣрнаго человѣка въ сношеніе съ княземъ Аргутинскимъ, который могъ бы воспользоваться отсутствіемъ Шамиля въ Чечню, и найти ловкихъ людей, готовыхъ за деньги на такое предпріятіе, устроивъ побѣгъ семьи Хаджи-Мурата или черезъ Мехтулинское владѣніе къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, или чрезъ Салатавію къ укрѣпленію Евгеніевскому. „Это, писалъ князь, мечта; но бываютъ мечты, приводимыя въ исполненіе. А результаты были бы весьма важные: ибо, разъ семейство этого наѣздника было бы въ нашихъ рукахъ въ Кизлярѣ, или, еще лучше, въ Ставрополѣ, мы могли бы окончательно отбросить всѣ сомнѣнія въ вѣрности Хаджи-Мурата и ожидать отъ него немаловажныхъ услугъ".

Въ предъидущей главѣ уже упомянуто, что Хаджи-Муратъ, одинъ изъ главнѣйшихъ и отважнѣйшихъ наибовъ Шамиля, вслѣдствіе неудачи, постигшей его въ 1851 году при возмущеніи Табасарани, подвергся опалѣ владыки горъ и, опасаясь казни, рѣшился бѣжать къ намъ. Позднею осенью онъ, съ нѣсколькими преданными горцами, вышелъ Аргунскимъ ущельемъ къ кр. Воздвиженской, гдѣ былъ расположенъ Куринскій полкъ, командиръ котораго, князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, получивъ извѣстіе о прибытіи Хаджи-Мурата, вышелъ съ двумя ротами за крѣпость и, принявъ весьма любезно выходца, удержалъ его нѣсколько дней у себя гостемъ, а затѣмъ съ сильнымъ конвоемъ отправилъ въ Грозную. По содержанію приведенныхъ словъ въ письмахъ главнокомандующаго, можно судить, какое значеніе придавалось этому горскому наѣзднику, и хотя князь Воронцовъ не вѣрилъ разсказамъ Хасая, однако видимо чрезвычайно боялся за сына, съ которымъ Хаджи-Муратъ, въ слу-

чаѣ нахожденія въ Воздвиженской, легко могъ устроить одну изъ тѣхъ чисто-Кавказскихъ, дерзкихъ, никѣмъ не предвидѣнныхъ штукъ, какихъ мы тамъ видѣли немало примѣровъ. Хаджи-Муратъ довольно долго оставался въ Грозной, и князь Воронцовъ еще не разъ возвращался въ своихъ письмахъ къ князю Барятинскому объ немъ. Впослѣдствіи его увезли изъ Грозной въ Тифлисъ; затѣмъ назначили ему мѣстопребываніемъ мусульманскій городъ Нуху, изъ котораго онъ, чрезъ нѣкоторое время, съ своими четырьмя горцами, убивъ сопровождавшихъ его въ прогулкахъ за городъ полицейскаго офицера и казачьяго урядника, бѣжалъ; но былъ настигнутъ, окруженъ вооруженными жителями и, послѣ отчаянной защиты, весь израненный, наконецъ убитъ, а голова его доставлена въ Тифлисъ....

—

Назначеніе князя Барятинскаго начальникомъ Лѣваго фланга было со стороны главнокомандующаго дѣйствительною заслугою общему дѣлу. При всемъ дружественномъ расположеніи, даже интимности отношеній старика князя Михаила Семеновича къ Александру Ивановичу, изъ писемъ его, хотя и прикрытыхъ любезными фразами и комплиментами, нельзя не замѣтить нѣкотораго какъ бы сомнѣнія въ возможности окончательно довѣрить ему важный постъ. Очевидно, главную роль въ этомъ играло опасеніе слишкомъ пылкихъ увлеченій, излишней отваги, столь цѣнимой въ низшихъ военныхъ должностяхъ, но часто весьма опасной въ положеніи высшихъ начальниковъ, самостоятельно распоряжающихся тысячами людей, и особенно въ такихъ условіяхъ, какія тогда существовали на Кавказѣ, гдѣ одна катастрофа могла вызывать гибельныя послѣдствія для общаго хода дѣлъ, чему уже было нѣсколько примѣровъ. Къ этому не могли не присоединяться и опасенія нарушить извѣстныя служебныя іерархическія, давно установившіяся правила, возвышеніемъ младшихъ помимо старшихъ,—правила, хотя и весьма основательныя, но, какъ и всякія другія, не избѣгающія исключеній.

Такъ или иначе, но князь Воронцовъ наконецъ рѣшился, и, быть можетъ, за все девятилѣтнее время своего командованія Кавказомъ онъ болѣе удачнаго выбора для даннаго

мѣста не сдѣлалъ. Знакомство съ краемъ, съ туземнымъ населеніемъ, личная храбрость и предпріимчивость, щедрость при значительныхъ собственныхъ средствахъ, обаяніе громкаго имени и близкихъ отношеній къ Наслѣднику Престола, вѣра въ свое счастіе, твердое убѣжденіе въ непогрѣшимости своихъ военныхъ взглядовъ, отсутствіе, столь портящаго дѣятельность многихъ, опасенія за то „что̀ скажутъ, какъ примутъ, а не дай Богъ неудачи, зачѣмъ мнѣ рисковать", даже самая наружность, лихая ѣзда истаго кавалериста, все, вмѣстѣ взятое, было причиной, что за успѣхъ можно было ручаться. Дѣйствія его были смѣлы, рѣшительны, приводили наши войска въ восторгъ, а непріятеля озадачивали и наводили на него уныніе. Это не преувеличеніе, не панегирикъ. Кто подробно знако̀мъ съ ходомъ военныхъ дѣйствій нашихъ на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи до 1851 года и сравнитъ ихъ съ дѣйствіями этого и 1852—53 годовъ, тотъ оспаривать моего положенія вѣроятно не станетъ, тѣмъ болѣе, что они составляютъ прямую связь съ тѣми дѣйствіями, которыя начались осенью 1856 года, тотчасъ послѣ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, и менѣе чѣмъ въ три года привели къ блистательному окончательному покоренію всего Восточнаго Кавказа.

Для зимнихъ дѣйствій 1852 года былъ собранъ отрядъ значительной силы: 11¼ баталіоновъ, 4 эскадрона драгунъ, 7 сотенъ казаковъ, 24 орудія, 4 ракетныя и галваническая команды и нѣсколько сотъ милиціи. Шамиль, въ свою очередь, предположилъ оказать серьезное сопротивленіе и собралъ большія толпы горцевъ изъ Дагестана и Лезгинскихъ племенъ. Это была съ его стороны большая ошибка. Обязанность продовольствовать горцевъ оказалась для Чеченцевъ крайне тяжелою и непріятною, тѣмъ болѣе, что пришельцы играли отчасти роль экзекуціонныхъ войскъ; порождалась вражда между населеніемъ Чечни и горцами; Дагестанскія толпы помогали весьма мало, ибо въ лѣсахъ не умѣли драться, да и особаго рвенія сражаться за чужое дѣло не проявляли, а гдѣ приходилось встрѣтиться имъ съ Русскими войсками, терпѣли огромныя потери, разнося по своимъ горамъ уныніе, вопли и ропотъ на деспота, гнавшаго ихъ погибать

на чужбинѣ. Между тѣмъ, Чеченцы, полагаясь на ихъ присутствіе, и сами не проявляли всей той энергіи, къ какой были способны и которую не разъ выказывали, будучи даже въ малочисленномъ сборѣ, когда, пользуясь мѣстностью, наносили намъ такой уронъ, какого никогда присутствіе многотысячныхъ полчищъ Шамиля намъ не причиняло. Для ободренія Чеченцевъ и содѣйствія имъ въ защитѣ ихъ земли, достаточно было Шамилю приходить съ артилеріею и съ нѣсколькими стами отборныхъ своихъ мюридовъ, которые не ударили бы лицомъ въ грязь предъ Чеченцами и отличились бы совершеннымъ презрѣніемъ къ смерти, да употребить мѣры противу лазутчиковъ, ремесло коихъ до того распространилось въ Чечнѣ, что намъ были извѣстны и всякій шагъ, и всякій планъ непріятеля. Само собою, это парализовало его дѣйствія и давало намъ большой перевѣсъ, помимо перевѣса въ матеріяльныхъ средствахъ и достоинствѣ войскъ.

4 Января отрядъ выступилъ въ Воздвиженскую, а 5-го, послѣ молебствія, двинулся за Аргунъ, ставъ лагеремъ вблизи переправы. Погода была не благопріятная: дождь, смѣшанный со снѣгомъ, туманъ и вообще слякоть, чтó гораздо хуже для войскъ, чѣмъ морозъ хоть и въ 10°.

По свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ было извѣстно, что Шамиль сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи продовольствія въ разныхъ пунктахъ, и еще новыя сборища изъ горъ должны были вскорѣ прибыть. Князь Барятинскій рѣшился отступить отъ установившагося въ прежніе годы порядка и, вмѣсто начатія рубки просѣкъ, съ свѣжимъ отрядомъ, рвущимся въ бой, двинуться въ глубь Большой Чечни, пока непріятель не усилился еще новыми подкрѣпленіями, уничтожить всѣ его запасы, разбить его, если онъ встрѣтится и—чтó было важнѣе всего—сорвать завѣсу съ той части края, которая съ 1841 года не видѣла у себя Русскихъ войскъ, заросла густымъ лѣсомъ и превратилась для насъ во что-то таинственно-пугающее, неприступное.

Оставивъ лагерь подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ, при 8 орудіяхъ, князь Барятинскій выступилъ 6-го Января въ 4 часа утра чрезъ Шали къ Автуру, состоящему изъ нѣсколькихъ ауловъ, почти непрерывной цѣпью тянущихся

по обрывистому берегу р. Хулхулау. Главный аулъ на правомъ берегу былъ совершенно скрытъ среди большихъ прекрасныхъ садовъ, примыкавшихъ къ находившемуся за ними лѣсу. Ожидая встрѣтить сильное сопротивленіе, князь сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, и въ атаку были двинуты баталіоны Куринцевъ, подъ командою своего командира, князя Семена Воронцова. Оказалось однако, что аулъ былъ уже оставленъ жителями, не задолго предъ тѣмъ успѣвшими вывести свои семейства и скотъ въ лѣсныя чащи; въ сакляхъ войска нашли еще много имущества и захватили нѣсколько отсталыхъ.

Оставивъ въ Автурѣ три баталіона, князь Барятинскій съ остальными войсками двинулся къ слѣдующему аулу Гельдыгену, лежащему въ 7 верстахъ дальше, почти на уступахъ Черныхъ горъ. Дорога пролегала по открытой равнинѣ, поросшей небольшими лѣсными группами и однимъ нѣсколько болѣе густымъ лѣсомъ, прорѣзаннымъ извилистой, неглубокой балкой.

Не встрѣчая никакого сопротивленія, колонна достигла Гельдыгена, близъ котораго оказался еще аулъ Османъ-юртъ; оба были пусты, брошены жителями, очевидно заранѣе узнавшими о нашемъ движеніи,—значитъ, были и у нихъ лазутчики... Дома̀ оказались довольно обширные и хорошо построенные, такъ что сожженіе ихъ представило нѣкоторыя затрудненія. Когда пламя нѣсколько распространилось, былъ данъ сигналъ къ отступленію, которое и совершилось съ весьма слабой перестрѣлкой, стоившей намъ нѣсколькихъ раненыхъ. Къ ночи войска возвратились въ Автуръ сильно утомленныя, особенно бывшія въ аріергардѣ, вынужденныя на сильномъ холодѣ стоять, въ ожиданіи перехода всей артилеріи чрезъ плохіе мостики, которые часто обрушивались.

На слѣдующее утро, проведя ночь на бивуакахъ, отрядъ выступилъ изъ Автура, предавъ его пламени. Послѣ переправы чрезъ рѣку, князь Барятинскій съ двумя баталіонами отправился на рекогносцировку вверхъ по р. Хулхулау, лѣвымъ берегомъ которой идетъ дорога въ Ведень. Отойдя верстъ пять и ознакомившись съ мѣстностью первыхъ уступовъ Черныхъ горъ, князь возвратился; была жаркая перестрѣлка съ

пѣшими толпами горцевъ, встревоженныхъ подозрѣніями, что мы идемъ на Ведень, изъ котораго именно въ тотъ день спѣшилъ Шамиль, ведя подкрѣпленіе въ Чечню.

По соединеніи всѣхъ частей войскъ, отрядъ двинулся назадъ къ Аргуну уже по другой дорогѣ, во избѣжаніе встрѣчи съ засадами, которыя могли быть подготовлены Чеченцами на вчерашнемъ пути. При этомъ движеніи происходила незначительная перестрѣлка, и непріятельскія ядра провожали отрядъ. Весь уронъ за эти два дня ограничился однимъ убитымъ и 24 ранеными, а между тѣмъ дѣло было совершено весьма хорошее. Движеніе 6-го и 7-го Января доказывало и рѣшимость и вѣрность взгляда князя Барятинскаго, умѣвшаго обмануть непріятеля неожиданно-измѣняемымъ направленіемъ марша войскъ, что́ и было причиной незначительной потери.

Присутствіе Шамиля съ большими сборищами и 5-ю орудіями оказалось ни къ чему не ведущимъ, хотя имамъ въ одномъ мѣстѣ, желая воодушевить своихъ горцевъ, выскочилъ впередъ, самъ выстрѣлилъ изъ винтовки, выхватилъ шашку съ намѣреніемъ броситься въ наши ряды и едва былъ уведенъ своими мюридами, изъ которыхъ двое поплатились жизнью на его же глазахъ, пораженные пулями нашихъ застрѣльщиковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ лазутчикъ. Чеченцамъ приходилось убѣждаться въ безсиліи Шамиля защитить ихъ и въ томъ, что періодъ нашей робости, нашихъ неудачъ прошелъ, что возвращаются времена и обстоятельства конца 30-хъ годовъ, когда Чечня подчинялась Русскимъ.

Донесенія объ этихъ дѣлахъ, были отправлены въ Тифлисъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Циммерманомъ, участвовавшимъ въ движеніи отряда; изъ Тифлиса же князь Воронцовъ послалъ Циммермана въ Петербургъ.

Затѣмъ, 10-го Января, была отправлена колонна, для истребленія нѣсколькихъ небольшихъ ауловъ на Мезеинской полянѣ. Войска выступили ночью; дѣло было исполнено, аулы сожжены; но при отступленіи, Чеченцы, не взирая на отсутствіе многочисленныхъ горскихъ партій и артилеріи, воспользовались крайне пересѣченною, неудобною для насъ мѣ-

стностью и жестоко насѣли на Кабардинскій баталіонъ, бывшій въ аріергардѣ. Отступать приходилось безъ всякихъ цѣпей, потому что въ одномъ мѣстѣ, въ разстояніи почти цѣлой версты, лѣсъ былъ такъ густъ и перевитъ вьющимися растеніями, что не иначе можно было идти, какъ по узенькой тропинкѣ, растянувшись рядами. Къ счастью, у насъ тутъ не было орудій, которыя окончательно затруднили бы отступленіе. Потеря оказалась довольно значительная: убиты 5 человѣкъ, ранены 60, въ томъ числѣ два офицера.

Вотъ какая несоразмѣрность бывала въ потеряхъ! Незначительное въ сущности движеніе, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, стоило гораздо болѣе чѣмъ вдвое противъ важнаго по результатамъ движенія цѣлаго отряда, въ теченіе двухъ дней.

Князь Барятинскій писалъ главнокомандующему 11-го числа изъ лагеря на Аргунѣ:

„Послѣ того удара, который мы нанесли Шамилю 6-го и 7-го этого мѣсяца, жители Большой Чечни начинаютъ сомнѣваться въ его могуществѣ. Мои лазутчики доносятъ, что онъ не можетъ еще оправиться отъ пораженія и тревожныхъ извѣстій, полученныхъ имъ изъ Веденя; онъ проводитъ свои дни, оплакивая мертвыхъ, молясь и совѣщаясь.

„Баронъ Меллеръ-Закомельскій, которому я поручилъ вчера колонну, сжегъ 5 ауловъ и захватилъ большую добычу. Дѣло было жаркое, непріятель потерялъ много людей, а мы около 60 раненыхъ, 5 убитыхъ и двухъ раненыхъ офицеровъ. Позиція, которую я теперь занимаю на Аргунѣ, въ 5 верстахъ отъ Воздвиженской и та, которую я надѣюсь занять черезъ нѣсколько дней въ Тепли около Грозной, — предоставляютъ мнѣ такія преимущества, что я вполнѣ надѣюсь заслужить ваше одобреніе. Не говоря уже о легкости доставки продовольствія и дешевизнѣ подвоза, я этимъ положеніемъ держу какъ Большую такъ и Малую Чечню въ полномъ спокойствіи. Я окончательно сбиваю съ толку непріятеля, которому была хорошо извѣстна наша манера дѣйствій зимою; онъ

теперь не знаетъ болѣе, что̀ ему дѣлать, о чемъ думать. Въ Шамиля, который хочетъ казаться непогрѣшимымъ, перестаютъ вѣрить, потому что теперь онъ ничего не можетъ предугадать. Тавлинцы, которымъ приготовили зимнія квартиры вблизи предполагавшихся нашихъ дѣйствій, съ цѣлью не допустить насъ до занятія рѣки Баса, очутились теперь слишкомъ далеко, чтобы могли сражаться съ нами, и раззоряютъ страну, жители которой ихъ ненавидятъ и которую они не могутъ защищать.

„Я занятъ теперь, насколько это возможно, проложеніемъ удобнаго пути отъ Воздвиженской и Грозной на Шали и Герменчукъ, и всѣ мои топоры работаютъ каждый день. Вы знаете изъ моего рапорта, что ущелье Баса приведено въ беззащитное состояніе, и я надѣюсь доказать Шамилю въ первый же періодъ кампаніи, что я съумѣю тамъ пройти. Бата *) оказываетъ намъ много услугъ.

„Мой бѣдный бѣглецъ, который мнѣ такъ превосходно служилъ въ дѣлахъ Большой Чечни, умеръ за нѣсколько дней до нашего прибытія; я думаю, что онъ былъ отравленъ.

Въ Автурѣ наши солдаты нашли большую переписку Шамиля съ Магометъ-Эминомъ; когда мнѣ ее переведутъ, я буду имѣть честь отправить вамъ подлинники“.

Получивъ это донесеніе, князь Воронцовъ писалъ 11-го Января князю Барятинскому слѣдующее: „Не знаю, какъ васъ благодарить и достаточно расхвалить, мой дорогой князь, за свѣдѣнія, полученныя чрезъ капитана Циммермана. Смѣлое и блистательное начало кампаніи, взятіе Автура и Гельдыгена, пораженіе самаго Шамиля, послѣдствія, какія подобныя дѣйствія должны имѣть не только въ несчастной Чечнѣ, но и во всемъ Дагестанѣ, превосходятъ все, чего я могъ надѣяться отъ начала экспедиціи, наполняя меня радостью и благодарностью къ вамъ. Только вашей энергіи, вашей рѣшимости и вашимъ большимъ военнымъ способностямъ обязаны мы всѣмъ этимъ. Вы имѣете особый талантъ дѣлать всегда больше и лучше, чѣмъ предписано въ данныхъ вамъ инструк-

*) Измѣнившій Шамилю и перешедшій къ намъ наибъ.

ціяхъ. Дай Богъ—и этому позволительно вѣрить —чтобы, какъ вы говорите, мы находились теперь наканунѣ конца борьбы въ Большой Чечнѣ. Вы создали себѣ превосходный стратегическій пунктъ въ Автурѣ, изъ котораго вы, когда захотите, можете войти въ общеніе зимою съ Баклановымъ (въ укр. Куринскомъ), весною и лѣтомъ съ Майделемъ (въ Хасавъ-Юртѣ). Мнѣ нечего говорить, какъ я и жена моя благодарны вамъ за предоставленный нашему сыну случай отличиться и за дѣлаемое объ немъ представленіе. Посылаю Циммермана въ Петербургъ для подробныхъ объясненій, которыя тамъ, конечно, пожелаютъ имѣть. Пришлю вамъ чрезъ князя Вахтанга Орбеліани копію съ письма моего къ князю Чернышову; вы должны знать, чтó я говорю объ васъ, о вашихъ храбрыхъ войскахъ и вашихъ представленіяхъ".

Къ этому письму и княгиня Е. К. Воронцова прибавила собственноручно нѣсколько строкъ самыхъ искреннихъ поздравленій съ необыкновенными успѣхами. „Какіе люди, какія войска, какой геройскій начальникъ ими командуетъ! Мой мужъ, этотъ благородный ветеранъ, въ восхищеніи отъ начала экспедиціи и увѣренъ, что ея конецъ будетъ упроченіемъ вашей славы".

Отъ 14 Января, князь Воронцовъ опять писалъ: „Письмо это вручитъ вамъ Вахтангъ Орбеліани, отправляющійся къ войскамъ вашего славнаго отряда. Рекомендую вамъ этого внука царя Ираклія, славнаго, добраго малаго, котораго я знаю и люблю съ 1845 года; онъ ходатайствуетъ о вашемъ позволеніи принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

„Я получилъ письмо отъ Лорисъ-Меликова, который служитъ намъ такъ усердно при Хаджи-Муратѣ, но за то ужасно скучаетъ, тѣмъ болѣе, что горитъ желаніемъ быть съ вами и продолжать ремесло рубаки, въ которомъ онъ уже много разъ себя выказалъ. Я просилъ его, чтобы онъ еще потерпѣлъ, обнадежа тѣмъ, что вы вызовете его въ отрядъ на нѣсколько дней, гдѣ онъ можетъ быть вамъ полезенъ для доклада подробностей, до Хаджи-Мурата относящихся. Не хочу вамъ повторять, чтȯ уже говорилъ, о той радости и восхищеніи, какія вы мнѣ доставили вашими благоразумными и энергическими мѣрами, давшими такіе блистательные и,

надѣюсь, полезные результаты. Вы можете себѣ представить нетерпѣніе, съ которымъ я ожидаю подробностей о дальнѣйшихъ вашихъ дѣйствіяхъ и о Шамилѣ и полчищахъ, приведенныхъ изъ Дагестана. Я очень заинтересованъ также узнать, до какой степени ваше превосходное движеніе къ сторонѣ Веденя обезпокоило его обитателей, сосѣдей и самаго Шамиля, и чтò говорятъ по этому поводу Чеченцы и населеніе Ичкеріи, на которое нужно дѣйствовать обѣщаніями и угрозами; потому что они должны понимать, что наше вторженіе къ нимъ и раззореніе ихъ ауловъ по той самой дорогѣ вдоль Аксая, по которой мы двигались въ 1845 году, не составитъ для насъ никакой трудности, во всякое время, когда мы этого пожелаемъ. Я очень доволенъ тѣмъ, чтó вы мнѣ говорите о вашемъ свиданіи съ Вревскимъ. Я былъ увѣренъ, что вы сойдетесь скорѣе и лучше, чѣмъ это могло случиться между другими военными начальниками въ вашемъ взаимномъ положеніи. Будутъ еще, быть можетъ, нѣкоторыя незначительныя разнорѣчія, судя по тому, чтò я здѣсь слышу, при разграниченіи Лѣваго фланга, на счетъ укрѣпленія Ачхой, которое тѣсно связано съ Аршта; но мы постараемся урегулировать все это послѣ вашей экспедиціи и, чтò мнѣ кажется важнѣе всего, осуществить нашу общую съ вами мысль на счетъ раздѣленія, посредствомъ рѣки Фортанги, земель Чеченцевъ и Карабулаковъ.

„Я уже кончалъ письмо, когда получилъ ваше отъ 11-го числа, съ извѣстіемъ объ экспедиціи генерала Меллера *). Вы куете желѣзо, пока оно горячо, и вы совершенно правы; потому что только такимъ образомъ можно достигнуть серьезныхъ результатовъ, устрашить непріятеля и внушить безпокойство всѣмъ этимъ бѣднымъ Чеченцамъ и самому Шамилю. Полагаю, что теперь они должны убѣдиться въ безсиліи имама сопротивляться намъ, и такъ какъ съ другой стороны онъ долженъ безпокоиться за Ведень, то я думаю, что мы наканунѣ серьезнаго возмущенія всей Чечни и Ичкеріи противъ него. Чтò касается экспедиціи въ Ведень, я полагаю, что это

*) Движеніе къ Мезеинской полянѣ, о чемъ сказано выше, совершалось подъ начальствомъ Меллера.

намъ будетъ стоить слишкомъ большихъ жертвъ, можетъ быть не при наступленіи, но при отступленіи въ лѣсистыхъ ущельяхъ, которыя будутъ заняты большими массами послѣ прохода нашего отряда къ Веденю. Было бы благоразумнѣе, если бы мы имѣли по крайней мѣрѣ еще лишнихъ 4 батальона, которые заняли бы ущелья и близъ лежащія высоты и оставались бы тамъ, пока главныя силы находятся у Веденя. Это средство остается намъ, быть можетъ, для будущаго; а въ ожиданіи возможно,—и это было бы лучше для насъ,—если бы самъ Шамиль разувѣрился въ силѣ своей позиціи въ Веденѣ и удалился въ Карату или въ другое мѣсто Дагестана, совершенно отказавшись отъ Чечни и Ичкеріи.

„Ваше намѣреніе двинуться къ Тепли совершенно въ моихъ видахъ, и вы помните, что̀ я въ этомъ смыслѣ съ вами уже говорилъ. Послѣ славнаго результата, котораго вы достигли въ Автурѣ, доказавъ непріятелю, что въ Чечнѣ нѣтъ пункта, который бы вы не могли занять во всякое время, будетъ очень полезно занять новую позицію, дающую вамъ всѣ преимущества, вслѣдствіе близости большой рѣки (Сунжи) и свободнаго сообщенія съ Грозною. Съ этой позиціи вы можете дѣйствовать съ надеждою на малое сопротивленіе: по всей сѣверной части Большой Чечни вырубить лѣса, которые вамъ мѣшаютъ, раззорить аулы, оставшіеся нетронутыми въ этой мѣстности, и броситься на Герменчукъ, Автуръ или къ Мичику въ моментъ, когда васъ менѣе всего тамъ ожидаютъ. Если бы у насъ былъ понтонный мостъ для наводки черезъ Аргунъ близъ Тепли, который можно бы снимать по желанію, позиція ваша была бы еще болѣе удобная и вполнѣ пріятная.

„Государь не соизволилъ на названіе Сунженскаго полка „Слѣпцово-Сунженскій“, но повелѣлъ станицу Сунженскую назвать Слѣпцовскою и поставить въ ней памятникъ нашему герою“.

Въ письмѣ къ военному министру отъ 12 Января, о которомъ упоминалось выше, князь Воронцовъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Отправляю къ вамъ капитана Циммермана съ рапортомъ князя Барятинскаго о блестящемъ подвигѣ, благодаря которому наши храбрыя войска вступили

въ Большую Чечню; мнѣ нечего прибавлять къ простому и вѣрному разсказу объ этомъ движеніи, такъ умно соображенному во всѣхъ подробностяхъ и такъ же доблестно и счастливо исполненному. Остроумному плану и удивительной храбрости нашихъ войскъ мы обязаны счастливымъ обстоятельствомъ такой незначительной потери, хотя имѣли дѣло съ самимъ Шамилемъ и съ центромъ Большой Чечни. Надо отдать справедливость большимъ военнымъ способностямъ князя Барятинскаго и усердію, которое онъ выказываетъ съ тѣхъ поръ, какъ получаетъ отдѣльныя командованія; у него талантъ сдѣлать всегда больше, чѣмъ можно было ожидать и чѣмъ сказано въ инструкціяхъ. Въ послѣднемъ разговорѣ съ нимъ я ему сказалъ, что было бы полезно, если дѣла пойдутъ хорошо, уничтожить Автуръ во время или къ концу экспедиціи, такъ какъ это главный стратегическій и нравственный пунктъ Большой Чечни; вмѣсто этого, онъ нашелъ возможнымъ совершить дѣло самымъ лучшимъ образомъ и на глазахъ Шамиля и всѣхъ его многочисленныхъ сборищъ, въ первый же день выступленія въ походъ. Немного раньше или позже, но участь Большой Чечни будетъ рѣшена. Поведеніе войскъ, въ особенности двухъ полковъ, вашего и моего (т. е. Кабардинскаго и Куринскаго) выше всякой похвалы; это настоящіе львы, которые всегда готовы идти прямо на непріятеля съ одними кулаками, если-бъ они оставили гдѣ нибудь свои ружья и штыки, и я потому очень прошу васъ, дорогой князь, прислать намъ поскорѣе доброе количество солдатскихъ крестовъ; у насъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы сами видите, наши люди не пропускаютъ ни одного случая, чтобы ихъ заслужить. Мнѣ кажется, что я смѣло могу просить Георгіевскій крестъ 3-й степени для Барятинскаго: онъ вполнѣ его заслужилъ, и эта награда будетъ оцѣнена всѣмъ Кавказскимъ корпусомъ. Что̀ касается моего сына, который былъ такъ счастливъ принять большое участіе въ этомъ дѣлѣ, я не смѣю выразить своего мнѣнія и подношу представленіе объ немъ къ кресту за храбрость, съ полною покорностью къ рѣшенію нашего Августѣйшаго Государя, надѣясь, что онъ соизволитъ принять оное милостиво. Посылаю храбраго капитана Циммермана, который будетъ въ состо-

яніи объяснить это чудесное дѣло со всѣми подробностями, такъ какъ онъ видѣлъ мѣстность и отличное поведеніе нашихъ войскъ. Циммерманъ былъ и вмѣстѣ со Слѣпцовымъ въ томъ хорошемъ и полезномъ дѣлѣ, гдѣ герой Сунжи окончилъ свою славную карьеру, и никто лучше его не можетъ передать интересный разсказъ обо всемъ, что̀ тогда произошло, и о самомъ храбромъ Слѣпцовѣ".

15 Января князь Барятинскій опять писалъ князю Воронцову:

„Я нахожусь еще у Аргуна, около Воздвиженской, по тѣмъ причинамъ, которыя я вамъ подробно изложилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Я писалъ Вревскому, приглашая его пріѣхать ко мнѣ; можетъ быть, вмѣстѣ мы будемъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь въ Малой Чечнѣ. Мое настоящее расположеніе очень удобно для этаго; позже я былъ бы значительно удаленъ. Большая и Малая Чечня морально такъ тѣсно связаны между собою, что удачно нанесенный ударъ въ одной части—отзывается на другой и разстраиваетъ всѣ намѣренія и предположенія Шамиля.

„Пока мы занимаемся рубкою лѣса, который, согласно вашему желанію, долженъ открыть войскамъ изъ Воздвиженской доступъ въ середину Чечни. Черезъ 5 или 6 дней, считая отъ сегодня, я надѣюсь, что съ этой стороны ничего болѣе не будетъ кромѣ обширнаго поля до самого Автура; позднѣе надѣюсь тоже сдѣлать и со стороны Грозной. Рекогносцировки окрестностей и тѣ прекрасныя карты, которыя у меня подъ руками, надѣюсь, избавятъ насъ отъ лишней, безполезной работы и напрасныхъ потерь.

„Семенъ продолжаетъ служить вполнѣ удовлетворительно: прекрасно исполняетъ всѣ военныя порученія, и вообще все что̀ я ему довѣряю. Всѣ отъ него въ восторгѣ.

„Нужно ли говорить, сколько я и мой отрядъ глубоко тронуты той лаской, съ которой вы приняли мой первый рапортъ о началѣ нашей экспедиціи. Я принялъ ваши добрыя

слова, какъ благословеніе нашему будущему и, съ Божьей помощью, надѣюсь быть достойнымъ ихъ".

21-го Января кн. Воронцовъ писалъ кн. Барятинскому: „Я получилъ письмо отъ Лорисъ-Меликова о Хаджи-Муратѣ, и Лорисъ вамъ покажетъ или перешлетъ мой отвѣтъ, такъ какъ все должно дѣлаться чрезъ васъ, съ вашего вѣдома. Если Хаджи-Мурату нечего больше дѣлать въ Грозной, онъ можетъ пріѣхать сюда; но я полагалъ бы полезнымъ, чтобы онъ предварительно провелъ нѣсколько дней въ Ставрополѣ; впрочемъ, все зависитъ отъ вашего соображенія. Чрезвычайно важнымъ нахожу одинъ пунктъ, о которомъ говоритъ Лорисъ, именно, что Хаджи-Муратъ, повидимому съ добрыми намѣреніями, совѣтуетъ не дозволять выходъ къ намъ нѣкоторыхъ почетныхъ Чеченцевъ, а требовать общей покорности всей Чечни. Я, напротивъ, слѣдовалъ всегда системѣ покровительства всякому, желающему выселиться къ намъ, и не могъ отказаться отъ этой системы. Нужно принять соотвѣтствующія мѣры, чтобы всякій желающій передаться намъ былъ принятъ: это всегда ослабляетъ непріятеля, и это, наконецъ, согласно съ тѣмъ, что̀ я всегда говорилъ и обѣщалъ. Главная причина, на которой основываю я подобный образъ дѣйствій, заключается въ томъ, что, не принимая отдѣльныхъ лицъ, а требуя общей покорности, мы требуемъ невозможнаго; потому что населенія, находящіяся въ рукахъ Шамиля, какимъ бы желаніемъ ни пылали, не могутъ покориться, и мы не можемъ отказываться отъ принятія желающихъ, создавая себѣ новыхъ враговъ изъ почетныхъ людей, которымъ затѣмъ больше ничего не останется, какъ отдать себя въ полное распоряженіе Шамиля.

„Все что́ вы мнѣ говорите въ письмѣ отъ 15-го числа, доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, и я увѣренъ, что сдѣланное вами будетъ хорошо сдѣлано. Я уже достаточно знаю вашу манеру сдѣлать всегда больше, чѣмъ ожидается, но съ другой стороны надѣюсь, что вы примете благоразумныя мѣры противъ возможной неудачи и большихъ жертвъ храбрыми людьми, находящимися подъ вашей командой.

„Чрезвычайно интересно было бы знать, что̀ будетъ дѣлать Шамиль? Вы его въ самомъ началѣ экспедиціи такъ настойчиво и неожиданно атаковали, что всѣ его предположенія и надежды были разрушены; къ тому же и резиденція его въ Веденѣ поставлена въ критическое положеніе. Его вліяніе въ Дагестанѣ тоже потрясено неумѣстнымъ его обращеніемъ съ Хаджи-Муратомъ, возбудившимъ неудовольствіе многихъ вліятельныхъ людей; отношенія къ нимъ у Шамиля весьма натянутыя, такъ что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ княземъ Аргутинскимъ, онъ не могъ рѣшиться взять изъ Аваріи и сосѣднихъ обществъ людей для дѣйствій противъ васъ, и долженъ былъ ограничиться сборомъ съ болѣе сѣверной части горъ и съ лѣваго берега Андійскаго Койсу.

„Степь, которую вы создадите отъ Воздвиженской до Автура и которую предполагаете сдѣлать между Тепли и тѣмъ же Автуромъ, есть важнѣйшее условіе нашего успѣха, и, съ Божьей помощью, къ первымъ числамъ Марта, Большая Чечня превратится совсѣмъ въ другую страну и очутится въ совершенно иномъ стратегическомъ и политическомъ положеніи, чѣмъ она когда-либо, и даже три недѣли тому назадъ, была.

„Желательно бы узнать ваше мнѣніе, что́ слѣдуетъ еще сдѣлать въ этой части Чечни къ сѣверу отъ Герменчука, Гельдыгена и Маюртупа, между Сунжей, Аргуномъ и Мичикомъ? Можете ли вы устроить хоть временный мостъ на козлахъ чрезъ Аргунъ? Я приказалъ устроить такой мостъ чрезъ Бѣлую, когда она была въ разливѣ, и въ два дня онъ былъ готовъ, я прошелъ по немъ съ пѣхотой и орудіями. Можетъ быть, Аргунъ представитъ какія-нибудь особыя затрудненія въ сравненіи съ Бѣлою; но я дѣлаю вамъ это предположеніе въ убѣжденіи, что особую важность имѣетъ мостъ для отряда, при переправѣ пѣхоты, раненыхъ, больныхъ, вообще всякихъ оказій“.

Вмѣстѣ съ княземъ Воронцовымъ, и скупой на похвалы начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Коцебу, выражалъ

князю Барятянскому свое искреннее удовольствіе по случаю его славныхъ дѣлъ. Такъ, въ письмѣ, отъ 12-го Января, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Увѣряю васъ, что я рѣдко испытывалъ удовольствіе, столь большое, какъ вчера, когда пріѣхалъ капитанъ Циммерманъ. Успѣхъ нашего оружія блистательный, и дружба, мною къ вамъ питаемая, отъ этого успѣха становится еще болѣе прочною. Главнокомандующій въ восхищеніи отъ вашихъ дѣлъ и весьма польщенъ вашимъ отзывомъ объ его сынѣ. Вашъ рапортъ посылается въ Петербургъ съ просьбой о награжденіи васъ Георгіемъ 3-й степени, и я ничуть не сомнѣваюсь, что вы его получите. Въ Тифлисѣ вчера было цѣлое торжество, вызванное вашими извѣстіями. Ваши друзья, а ихъ немало, вполнѣ раздѣляютъ со мною радость за ваши успѣхи. Ваши предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ превосходны, и я надѣюсь, что скоро будетъ конецъ Большой Чечнѣ. Да сохранитъ васъ Господь! Это искреннее желаніе всѣхъ добрыхъ патріотовъ и мое въ особенности“.

Глава XIV.

Перенесеніе дѣйствій въ Малую Чечню.—Кровавыя дѣла. Смерть генерала Круковскаго.—Письма по этому поводу князя Воронцова и генерала Коцебу.—Возвращеніе отряда на Аргунъ.

Успѣшныя дѣйствія въ Большой Чечнѣ не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на туземныя населенія. Князь Барятинскій, желая воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ, рѣшилъ внезапно перенести дѣйствія въ Малую Чечню, съ цѣлью истребить образовавшіеся тамъ, въ верховьяхъ рѣчекъ Гойты, Рошни и другихъ, аулы, считавшіе себя обезпеченными отъ нашего вторженія лѣсистою мѣстностью, сильно пересѣченною уступами Черныхъ горъ. Населеніе этихъ ауловъ составляли переселенцы съ очутившейся уже въ нашихъ рукахъ Присунженской плоскости, да разные бѣглецы изъ обществъ, давно намъ покорныхъ; они продолжали безпокоить Сунженскую линію своими набѣгами, мелкими хищничествами и безпрерывными тревогами, сильно утомлявшими войска наши.

Для предстоявшаго движенія были сформированы двѣ колонны: одна изъ 4-хъ батальоновъ, при 5-ти сотняхъ казаковъ и нѣсколькихъ орудіяхъ, подъ командою генералъ-маіора барона Вревскаго; другая изъ 5-ти батальоновъ, части артилеріи и значительной массы кавалеріи, подъ начальствомъ самаго князя Барятинскаго. Первая направилась на Рошню, вторая по Гойтѣ.

Баронъ Вревскій встрѣтилъ чрезвычайныя затрудненія въ своемъ движеніи: кромѣ природныхъ препятствій, въ видѣ глубокихъ овраговъ, лѣсной чащи и едва замѣтныхъ тропинокъ, Чеченцы заградили доступы къ своимъ ауламъ завалами изъ срубленныхъ деревъ, рвами и т. п. Все это замедляло маршъ войскъ и указывало, какъ трудно будетъ тутъ отступленіе, когда непріятель соберется, и начнется дѣло. Приходилось, по этому, спѣшить, чтобы по крайней мѣрѣ успѣть совершить обратное движеніе засвѣтло. Такимъ

образомъ, когда казаки успѣли ворваться въ главный аулъ Шуанибъ и захватить тамъ два десятка скота и еще коекакую добычу, да поджечь нѣсколько сакель, уже приказано было отступать, зажигая, по возможности, разбросанные по сторонамъ, у лѣсной опушки, отдѣльные хутора.

Между тѣмъ перестрѣлка началась, и грохотъ орудій возвѣстилъ окрестностямъ появленіе Русскихъ войскъ. Со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться конные и пѣшіе Чеченцы, торопясь занять на пути отступленія нашего самыя трудныя лѣсистыя и овражистыя мѣста.

Не вдаваясь въ подробности происходившихъ при этомъ эпизодовъ боя, въ которомъ роты Кабардинскаго полка выказали свое всегдашнее, неизмѣнное мужество и умѣніе съ честью выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, ограничусь лишь цифрой потери: убито и ранено офицеровъ восемь, нижнихъ чиновъ болѣе 100... Для малой войны, съ результатомъ, говоря откровенно, ничтожнымъ,—это потеря слишкомъ несоразмѣрная. Бывшій здѣсь съ Кабардинскими батальонами полковникъ баронъ Николаи, въ своихъ воспоминаніяхъ, не могъ воздержаться отъ упрека генералу Вревскому, что „такія жертвы слишкомъ дорогая плата за нѣсколько сожженныхъ сакель и захваченныхъ коровъ“... А нужно сказать, что трудно было найти человѣка болѣе воздержнаго и деликатнаго въ своихъ сужденіяхъ, какъ баронъ Николаи *).

Одновременно и князь Барятинскій проникъ въ верховья Гойты. Посланная впередъ съ атаманомъ Кавказскаго казачьяго войска, генералъ-маіоромъ Круковскимъ, кавалерія почти въ расплохъ захватила одинъ изъ ауловъ покрупнѣе, изрубила нѣсколько человѣкъ, неуспѣвшихъ бѣжать въ лѣсъ, и разсыпалась къ саклямъ искать добычи.

Оставшійся назади съ двумя сотнями, генералъ Круковскій, слыша начавшуюся въ аулѣ усиленную перестрѣлку и боясь, чтобы казаки, до прибытія пѣхоты, не понесли значительнаго урона, отправилъ бывшія при немъ сотни впередъ въ подкрѣпленіе; а самъ, со своей свитой и конвоемъ

*) Кавказская старина. Изъ дневника ген.-адъютанта барона Леонтія Павловича Николаи“. Тифлисъ, 1872—1874.

изъ 20-ти человѣкъ казаковъ, остался у входа въ аулъ, въ рѣдколѣсьи, гдѣ было совершенно тихо и, казалось, не было ни души живой. Видя, что казаки слишкомъ разсыпались между саклями, а пѣхота все еще не подходитъ, онъ приказалъ трубить сборъ. Въ эту минуту раздается залпъ нѣсколькихъ винтовокъ, атаманъ и человѣка два изъ конвоя падаютъ мертвыми съ коней, остальные казаки теряются, пораженные такимъ неожиданнымъ ударомъ; человѣкъ 15 Чеченцевъ, скрывавшихся въ ближайшей саклѣ, выскакиваютъ, дѣлаютъ въ упоръ другой залпъ, выхватываютъ шашки, съ гикомъ бросаются на растерявшихся людей, рубятъ командира Волжскаго казачьяго полка Полозова, офицера Дорохова и остальныхъ конвойныхъ казаковъ!...

Пока занятые въ аулѣ захватомъ добычи казаки узнали объ этотъ ужасномъ происшествіи, пока офицерамъ удалось собрать полсотни и прискакать къ мѣсту катастрофы, Чеченцы обобрали съ убитыхъ все до рубахи, исполосовали шашками трупы и безнаказанно скрылись въ лѣсъ....

И здѣсь незначительный набѣгъ стоилъ такихъ жертвъ! Убитъ атаманъ Кавказскихъ казаковъ, прекрасный человѣкъ, заслужившій всеобщѣе уваженіе за свою честность, безкорыстіе, примѣрную преданность своему долгу, пользовавшійся любовью всѣхъ казаковъ за охрану ихъ интересовъ, человѣкъ трудно замѣнимый; убито и ранено пять офицеровъ и болѣе 50 человѣкъ казаковъ и солдатъ... Это печальное происшествіе не могло не смутить князя Барятинскаго, и онъ отдалъ приказаніе всѣмъ войскамъ отступать.

Хотя несомнѣнно, что: „la critique est aisée, mais l'art est difficile“; но нельзя умолчать, что на Кавказѣ сплошь и рядомъ повторялась таже ошибка: какъ только мы сворачивали съ прямаго пути, уклонялись отъ установленной системы и думали набѣгами, внезапными налетами достигать цѣлей, мы жестоко платились, несли напрасныя крупныя потери и только возвышали духъ непріятеля, давая ему случаи торжествовать. Цѣлые мѣсяцы рубки просѣкъ, возведеніе укрѣпленій, поселеніе станицъ и т. п. дѣйствія, во очію подвигавшія насъ къ искомому результату—покоренію страны, не стоили столькихъ жертвъ, какъ эти нѣсколько-часовые набѣги въ Чечнѣ,

или безплодныя осады и штурмы укрѣпленныхъ ауловъ въ Дагестанѣ. Такъ, въ короткое время, мы потеряли Слѣпцова и Круковскаго, двухъ генераловъ, выдававшихся изъ ряда обыкновенныхъ людей, обѣщавшихъ много въ будущемъ, каждый въ кругу своихъ способностей и талантовъ. Всѣ дрянные аулы Малой Чечни не стоили одной капли крови такихъ людей; не стоили они и жизни даже простыхъ рядовыхъ, не говоря о значительныхъ матеріальныхъ потеряхъ, понесенныхъ при этомъ. Покончивъ прочно съ Большою Чечнею, мы могли тѣмъ же способомъ перенести дѣйствія въ Малую и, вырубивъ лѣса, разработавъ дороги, устроивъ опорные пункты, довести до покорности или до совершеннаго изгнанія хищническаго населенія въ глубь безплодныхъ горъ.

Тѣмъ не менѣе, винить князя Барятинскаго въ предпринятомъ имъ движеніи въ Малую Чечню не приходится. Тогда еще не уяснился вполнѣ взглядъ на образъ нашихъ дѣйствій; руководствовались еще отчасти предшествовавшими примѣрами, и люди, болѣе опытные, имѣвшіе возможность болѣе спокойно и хладнокровно, безъ всякихъ увлеченій, обсуждать военныя предпріятія, люди, какъ князь Воронцовъ и генералъ Коцебу, не находили нужнымъ отклонять предположенія о такихъ движеніяхъ и категорически ставить начальникамъ отрядовъ въ обязанность слѣдовать лишь выработанной системѣ дѣйствій. Даже, напротивъ, самыя восторженныя похвалы и одобренія расточались и за подобныя движенія, которымъ, на основаніи реляцій, придавалось вовсе незаслуженное значеніе. Въ такихъ увлеченіяхъ къ внезапнымъ вторженіямъ въ разныя трущобы была немало виновна и система наградъ: чѣмъ больше потерь, чѣмъ больше крови, тѣмъ больше наградъ... Конечно, не князь Барятинскій принадлежалъ къ категоріи людей, предпринимавшихъ что-либо лишь ради наградъ: онъ и безъ того получалъ ихъ много и въ достаточно-быстрой послѣдовательности; но, ради исторической истины, нельзя не упомянуть объ такихъ печальныхъ эпизодахъ вѣковой Кавказской войны.

19-го Января войска, ходившія въ Малую Чечню, возвратились въ лагерь на Аргунѣ и занялись рубкой лѣса за

рѣкою Басъ. Непріятель производилъ каждый день канонаду, но вреда причинялъ намъ мало.

24-го Января былъ внезапно захваченъ и истребленъ аулъ Сати-юртъ, лежавшій не вдалекѣ за р. Басъ; при этомъ казаки, подъ командою Лорисъ-Меликова, нанесли сильное пораженіе пѣшей толпѣ горцевъ, не успѣвшихъ бѣжать съ поляны въ лѣсъ.

Между тѣмъ, самая дѣятельная переписка съ княземъ Воронцовымъ не прекращалась, и, въ виду необыкновеннаго интереса этихъ писемъ, интереса преимущественно для исторіи Кавказской войны, я привожу здѣсь цѣлый рядъ ихъ, а затѣмъ уже возвращусь къ разсказу о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отряда князя Барятинскаго.

Князю Барятинскому князь Воронцовъ отъ 23-го Января: „Третьяго дня вечеромъ прибылъ къ намъ вашъ курьеръ съ извѣстіемъ о вашей новой побѣдѣ, славной, полезной вполнѣ и даже вдвойнѣ, такъ какъ, благодаря вашимъ прекраснымъ распоряженіямъ, и Вревскій въ тотъ же день съ побѣдой вышелъ изъ дѣла. Но, увы, какъ вы и сами сознаёте, вся эта радость, доставленная вашими успѣхами, отравляется грустною потерею нашего храбраго, уважаемаго атамана. Въ теченіи едва шести недѣль, Слѣпцовъ и Круковскій, эти два человѣка, какихъ трудно найти и которые были вполнѣ на своихъ мѣстахъ, любимые и всѣми уважаемые, съ блестящимъ будущимъ, полезные дѣлу,—оба погибаютъ въ славныхъ дѣлахъ; и не будь этой невознаградимой утраты, наши потери вполнѣ можно было бы считать незначительными, въ сравненіи съ потерями непріятеля и съ важностью тѣхъ результатовъ, которые намъ такъ благопріятны. Грустное впечатлѣніе, которое навѣяло на насъ это несчастіе, ничуть не умаляетъ тотъ восторгъ, которымъ мы обязаны вамъ, дорогой князь, за планъ и исполненіе этого блестящаго дѣла.

„Не имѣя еще никакихъ подробностей, я не могу знать положительно ни мѣстности, ни того впечатлѣнія, которое произведено вашимъ жестокимъ урокомъ на жителей Черныхъ горъ. Сообщите мнѣ, пожалуйста, названія всѣхъ разорен-

ныхъ вами ауловъ. Хаджи-Муратъ мнѣ говорилъ вчера, что въ Большой Чечнѣ вы сожгли 18, не считая хуторовъ.

„Признаюсь, я былъ бы очень доволенъ, если бы вы, согласно вашему же намѣренію, начали теперь ваши дѣйствія со стороны Тепли, гдѣ все то, что̀ вы сдѣлаете для покоренія Большой Чечни, будетъ дѣломъ серьезной важности и, избѣгнувъ такимъ образомъ ущелій, дѣло не будетъ такъ кровопролитно и обойдется съ меньшими потерями. Продолжая, какъ вы и начали, вашу прекрасную экспедицію на Автурѣ, нанеся ударъ въ Черныхъ горахъ Малой Чечнѣ и уничтоживъ средства продовольствія, вы разстроите этимъ вполнѣ непріятеля и облегчите себѣ остальное въ вашей зимней экспедиціи. Я не знаю, писалъ ли я вамъ о томъ, что̀ вчера отъ вашего имени сообщилъ мнѣ Циммерманъ по поводу предпріятія на Ведень; но во всякомъ случаѣ, я повторяю вамъ, что, по моему мнѣнію, минута для рѣшительнаго удара еще не настала. Во первыхъ, вы тамъ найдете Шамиля со всѣми силами, которыя онъ успѣлъ за это время собрать (мы слышали вчера, что изъ Аваріи и центра Дагестана присоединились къ нему еще новыя подкрѣпленія), и вся эта сволочь, которую вы легко перебьете на плоскости, хотя бы и покрытой лѣсною чащею, тамъ причинитъ вамъ потерю громадную, не оправдываемую никакимъ результатомъ; и не столько это опасно при движеніи впередъ, но когда придется отступать и сдѣлать нѣсколько верстъ по тѣсному ущелью, обрамленному по бокамъ густымъ лѣсомъ, тянущимся безъ конца.

„Это дѣло такое, что о немъ нужно подумать и отложить до будущей зимы или до другой, болѣе или менѣе отдаленной эпохи; но во всякомъ случаѣ хорошо и вполнѣ полезно, послѣ того страха, который вы нагнали на Шамиля вашимъ передвиженіемъ 7-го числа по дорогѣ къ Веденю,—заставлять его постоянно бояться вашего движенія на эту столицу; и если вы находите это удобнымъ, вы можете распустить слухъ, что я предложилъ вамъ нанести этотъ ударъ. Къ тому же возможно, что Шамиль въ теченіи года найдетъ благоразумнымъ и даже необходимымъ перемѣнить свою главную квартиру; а Хаджи-Муратъ мнѣ сказалъ вчера, что

по его соображеніямъ возможно, что Шамиль перейдетъ въ деревню, которая находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дарго, въ горахъ, гдѣ онъ будетъ въ большей безопасности чѣмъ въ Веденѣ. Но если и тамъ ему покажется опасно, онъ можетъ уйдти въ Карату, а сына послать въ Хунзахъ [1]).

„Теперь, мой дорогой князь, мнѣ остается поговорить съ вами о той мысли, которую мнѣ подалъ Хаджи-Муратъ и которая мнѣ кажется очень резонною. Онъ полагаетъ, что, если мы сосредоточимъ плѣнныхъ, которыхъ вы взяли въ послѣднихъ дѣлахъ, и въ особенности изъ Гехи, родные ихъ заставятъ Шамиля возвратить семейство Хаджи-Мурата; нашъ же общій планъ, его и мой, заключается въ слѣдующемъ: собрать въ Грозную всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ вы найдете у себя и на Кумыкской плоскости, и объявить имъ, что ихъ всѣхъ отправляютъ въ глубь Россіи, и даже въ Сибирь, потому что Шамиль не хочетъ намъ возвратить семейство Хаджи-Мурата. Чрезъ два или три дня, этотъ слухъ распространится въ горахъ и, чтобы болѣе еще увѣрить ихъ въ этомъ, надо приготовить этихъ плѣнныхъ, какъ будто для долгаго пути; но, отправя ихъ, остановить въ Георгіевскѣ и затѣмъ посмотрѣть, какой эффектъ произведетъ все это. Мнѣ кажется, что эта мысль хороша и удобоисполнима. Хаджи-Муратъ расчитываетъ болѣе всего на людей изъ Геха, такъ какъ они храбры и независимы, мало боятся Шамиля и могутъ вполнѣ ставить ему условія, подъ угрозою перейти на нашу сторону. Къ несчастью, какъ видно изъ письма Вревскаго къ Вольфу, въ его дѣлѣ подъ Рошнею не было взято плѣнныхъ, а тамъ должны были участвовать Гехинцы. Но, можетъ быть, ихъ было нѣсколько съ вашей стороны? Ну, да мы увидимъ; но угроза и посылка плѣнныхъ до Георгіевска—мѣра во всякомъ случаѣ хорошая.

„Мы уже послали сегодня утромъ курьера къ князю Аргутинскому, чтобы князь Чавчавадзе [2]) выѣхалъ сейчасъ же

---

[1]) И такъ, князь Барятинскій уже въ началѣ 1852 года собирался идти на Ведень. Велика заслуга старика-главнокомандующаго, не давшаго на это разрѣшенія! Катастрофа была бы неминуема...

[2]) Командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка.

къ вамъ для командованія кавалеріею; это храбрый и превосходный офицеръ; къ тому же 4 эскадрона его полка теперь у васъ. Затѣмъ, Сусловъ занятъ теперь въ Дагестанѣ съ отрядомъ, и онъ представленъ, по просьбѣ Аргутинскаго, на должность постояннаго начальника всей кавалеріи въ Прикаспійскомъ краѣ. Хаджи-Муратъ прибылъ сюда третьяго дня съ Лорисъ-Меликовымъ, и я еще ничего съ нимъ не говорилъ, исключая того, что̀ я вамъ написалъ выше; но я буду писать о немъ потомъ. Я думаю написать вамъ еще послѣ завтра, въ Пятницу, чрезъ князя Давида Грузинскаго, который просилъ у меня позволенія представиться вамъ и остаться у васъ на все время остальной экспедиціи.

„Прощайте, дорогой князь, обнимаю васъ и отъ всей глубины моего сердца желаю вамъ всевозможнаго счастья. Наши дамы шлютъ вамъ свои привѣты. Смерть Круковскаго ихъ поразила; еще нѣтъ 3-хъ мѣсяцевъ, какъ мы провели съ нимъ здѣсь болѣе двухъ недѣль. Его смерть и смерть Слѣпцова заставили ихъ дрожать за васъ, за Семена и барона Николаи; я стараюсь ихъ успокоить, повторяя, о чемъ я писалъ вамъ выше, что я вполнѣ надѣюсь, что вы уже не будете имѣть болѣе такихъ кровопролитій. Пока мы благодаримъ васъ отъ всего сердца за все, что́ вы намъ говорите о нашемъ дорогомъ Семенѣ и объ его храбромъ другѣ Николаи“.

Князь Барятинскій князю Воронцову, отъ 23 Января 1852 года: „Лагерь на Аргунѣ“.

„19-го этого мѣсяца наши войска, возбужденныя еще сраженіемъ, которое имѣли наканунѣ, возвратились въ лагерь, а въ Воскресенье князь Вахтангъ Орбельяни привезъ кресты, которые вы соблаговолили намъ прислать. Это былъ настоящій праздникъ; ибо ничто не можетъ такъ ободрить солдата, какъ подобный знакъ вниманія, оказанный съ вашей стороны. Позвольте мнѣ прибавить ко всеобщей благодарности и мою горячую признательность за все что̀ вы писали и за представленіе, которое сдѣлали обо мнѣ.

„До сегодняшняго дня я ожидалъ рапорта отъ Вревскаго насчетъ дѣла 18-го числа, чтобы присоединить копію къ журналу; но до сихъ поръ я его не получилъ и потому буду имѣть честь сообщить вамъ подробности при посылкѣ слѣ-

дующаго журнала. Его дѣло было очень блестящее. Кабардинцы и баронъ Николаи играли въ немъ выдающуюся роль. Послѣдній вполнѣ заслуживаетъ высокой похвалы и полнаго удивленія. Позвольте мнѣ просить для него Владимира 3-й степени. Дѣло, гдѣ онъ участвовалъ въ колоннѣ барона Меллера, а также дѣло 18-го числа, вполнѣ позволяютъ обратить на него должное вниманіе и поощрить его.

„Если бы вы были такъ добры позволить мнѣ сдѣлать передовое представленіе за всѣ блестящія дѣла, какія мы имѣли, это произвело бы прекрасное впечатлѣніе на нашихъ славныхъ солдатъ и бравыхъ офицеровъ. Достаточно для этого раздѣлить представленія на двѣ части, не увеличивая нормы.

„Къ моему великому облегченію, Хаджи-Муратъ, уѣхалъ отсюда. Я ничего не могу сказать противъ него; но все, чтó вы мнѣ писали относительно вашего разговора съ Хасаемъ, и затѣмъ всеобщее мнѣніе здѣсь, что онъ убѣжитъ, дѣлали надзоръ Лорисъ-Меликова за нимъ крайне тяжелымъ. Затѣмъ, такъ какъ мой лагерь черезъ нѣсколько дней перенесется въ Тепли, на разстояніи всего лишь 15—16 верстъ отъ Грозной, куда по всей вѣроятности переѣдетъ княгиня Марія Васильевна: то такимъ образомъ Семену и ей приходилось бы постоянно сталкиваться съ Хаджи-Муратомъ, чтò въ самомъ дѣлѣ было бы неблагоразумно.

„По донесеніямъ моихъ лазутчиковъ, жена Хаджи-Мурата не выходила изъ горъ.

„Позвольте просить у васъ повышенія чиномъ для Бата. Услуги, которыя онъ намъ оказалъ и оказываетъ каждый день, вполнѣ неоцѣнимы, и смѣю васъ увѣрить, что его служба будетъ намъ и въ будущемъ очень полезна“.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому, отъ 26-го Января: „Пишу вамъ, дорогой князь, нѣсколько словъ черезъ Давида Грузинскаго; рекомендую вамъ этого молодаго человѣка: это братъ князя Дмитрія Орбеліани*), прекрасная личность. Онъ желаетъ принять участіе въ вашихъ славныхъ трудахъ, и я могу лишь поощрить это доброе намѣреніе.

„Мы получили вчера отъ Вревскаго письмо, отъ 22-го

---

*) Князь Дмитрій Орбеліани—впослѣдствіи тесть князя Барятинскаго.

числа, и копію съ рапорта, который онъ послалъ вамъ о блестящемъ дѣлѣ его 18-го числа. Вашъ рапортъ не получится здѣсь ранѣе, какъ черезъ 4 или 5 дней. Мнѣ очень любопытно знать, что̀ могъ бы предпринять Шамиль противъ васъ, послѣ вашего возвращенія на Аргунъ; но пока вы будете дѣйствовать на плоскости, хотя бы болѣе или менѣе лѣсистой, ему будетъ трудно причинять вамъ потери и затрудненія.

„Я вамъ писалъ о Хаджи-Муратѣ и теперь повторяю вамъ свою просьбу собрать въ Грозную всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ вы имѣете, и распустить слухъ, что всѣ они будутъ отправлены въ Сибирь, если Шамиль не возвратитъ намъ семейство Хаджи-Мурата; но въ сущности нѣтъ необходимости пересылать ихъ даже въ Георгіевскъ ранѣе, чѣмъ я извѣщу васъ.

„Семенъ мнѣ пишетъ относительно одного проекта, касающагося ущелья Аргуна, который онъ думаетъ представить на ваше усмотрѣніе. Мнѣ хотѣлось бы узнать вашъ взглядъ; но, во всякомъ случаѣ, заняться этимъ въ теченіи зимы невозможно.

„Я посылаю Лорисъ-Меликова къ вамъ и въ Грозную, потому что имѣю многое передать вамъ черезъ него о Хаджи-Муратѣ и обо всемъ, его касающемся. Это облегчаетъ мнѣ возможность оставить Хаджи-Мурата у себя, пока вы сами отсутствуете изъ Грозной“.

Съ этимъ письмомъ разминулось письмо князя Барятинскаго отъ того же 26 Генваря:

„Сегодня утромъ я получилъ ваше письмо отъ 23-го сего мѣсяца и чувствую себя счастливымъ опять донести вамъ о блестящемъ дѣлѣ въ окрестностяхъ Автура, гдѣ казаки особенно отличились. Послѣ смерти ихъ начальника, мнѣ было необходимо ихъ ободрить какимъ нибудь примѣромъ, и вотъ какой представился къ этому случай. 23-го вечеромъ, люди хорошо мнѣ извѣстные предложили провести меня къ Саинъ-Юрту, гдѣ 300 Тавлинцевъ расположились ночевать. Правда, они находились въ центрѣ непріятельской позиціи, но приблизиться къ этой деревнѣ представлялось мало затрудненій. Я взялъ три батальона, всю свою кавалерію, четыре орудія

конной артиллеріи и прибылъ туда до разсвѣта. Я окружилъ аулъ, не бывъ замѣченнымъ, и едва только стало свѣтать,— рѣзня началась. Мое отступленіе было обезпечено 4 другими батальонами съ 10 орудіями, оставленными на Басѣ. Такимъ образомъ, къ полдню мы возвратились съ полною побѣдою въ лагерь, имѣя семь человѣкъ раненыхъ и одного убитаго. Впечатлѣніе получилось большое и благопріятное. Еще разъ я остался доволенъ своими войсками. Три батальона Кабардинцевъ были превосходны, казаки и артилерія особенно отличились. Если бы я могъ располагать бо̀льшимъ временемъ, мы могли бы взять три значка и больше плѣнныхъ. Мы взяли много оружія, нѣсколько лошадей и плѣнныхъ; весь отрядъ находится въ неописанной радости. Сегодня рубятъ лѣсъ у Мезеина. Это продолжится два, быть можетъ, три дня. Эта просѣка представитъ намъ большія и скорыя выгоды.

„Завтра я посылаю колонну въ шесть батальоновъ и всю кавалерію въ распоряженіе барона Меллера, чтобы рубить лѣсъ на Басѣ, гдѣ необходимъ свободный проходъ въ Автуръ. Вотъ что́ остается еще сдѣлать ранѣе чѣмъ перенести мой лагерь въ Тепли.

„Я хочу дать Семену и Николаи небольшой отдыхъ: они прекрасно и мужественно поработали за послѣдніе дни“.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому, отъ 27-го Января: „Ваше письмо отъ 23-го, полученное вчера, доставило мнѣ большое удовольствіе; я не въ силахъ достаточно отблагодарить васъ за все, что́ вы мнѣ сообщаете о нашемъ дорогомъ Семенѣ, Николаи и о томъ, какъ наши храбрые солдаты получили Георгіевскіе кресты, которые я вамъ прислалъ. Я ожидаю генерала Коцебу, чтобы устроить вторую отправку этихъ крестовъ черезъ Лорисъ-Меликова, который вамъ доставитъ это письмо. Я предвижу, что его прибытіе въ ваше сосѣдство безъ Хаджи-Мурата доставитъ вамъ большое удовольствіе, которое я вполнѣ раздѣляю. Лорисъ-Меликовъ сообщитъ вамъ много подробностей о Хаджи-Муратѣ и мой на него взглядъ; но я долженъ прибавить, что теперь я лучшаго мнѣнія о немъ, чѣмъ былъ ранѣе, и я убѣжденъ, что его намѣренія относительно настоящаго и будущаго вполнѣ хорошія, вслѣдствіе перемѣны, которая могла произойти въ го-

ловѣ человѣка, столь безпокойнаго и дѣятельнаго. Единственная для насъ гарантія, и мнѣ кажется она достаточная, это та увѣренность, въ которой онъ находится и въ которой онъ долженъ находиться, что Шамиль никогда не проститъ его, и что если въ началѣ имамъ оказалъ бы ему хорошій пріемъ, давая прекрасныя обѣщанія, онъ все таки не преминетъ казнить его со всѣмъ семействомъ. Лорисъ-Меликовъ передастъ вамъ объ этомъ подробности, а также объ тѣхъ разговорахъ, которые я имѣлъ съ нимъ. Я постараюсь удержать здѣсь Хаджи-Мурата по возможности дольше; мое главное желаніе заключается въ томъ, чтобы онъ вернулся въ Грозную не ранѣе окончанія вашей зимней экспедиціи, когда вы воспользовались бы переговорами съ нимъ, настаивая въ особенности на надеждѣ возвращенія его семейства. Онъ полагаетъ, что у васъ достаточно плѣнныхъ, чтобы достигнуть этаго, чего и я весьма желаю; тогда всякое колебаніе прекратится, и мы можемъ употреблять Хаджи-Мурата съ великою пользою у васъ или на Лезгинской линіи. Онъ встрѣтился здѣсь съ княземъ Григоріемъ (Орбеліани), и они будутъ еще вести переговоры. Въ заключеніе повторяю, что я не вижу возможности поступить иначе, какъ я поступаю съ Хаджи-Муратомъ. Многое будетъ зависить отъ того, какой конецъ возъимѣетъ наша зимняя экспедиція, и отъ того эффекта, который произведутъ на Чеченцевъ и на самого Шатиля наши успѣхи къ сѣверу отъ лѣсистой части Чечни, безъ которой Чеченцы почти не могутъ существовать.

„Я доставлю себѣ истинное удовольствіе переслать ваше передовое представленіе, какъ только получу его отъ васъ, и представить храбраго и славнаго Николаи къ Владимиру 3-й степени. Лорисъ-Меликовъ очень радъ случаю доставить вамъ Георгіевскіе кресты; я хотѣлъ бы послать вамъ ихъ болѣе, но въ настоящую минуту это невозможно. Скажите вашимъ храбрецамъ, что то, что́ отложено не потеряно, и что я пришлю ихъ, какъ только получу изъ Петербурга. Можетъ быть этотъ славный молодой человѣкъ (Лорисъ-Меликовъ) найдетъ случай услышать нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, въ то время когда онъ будетъ находиться у васъ, чего ему, разумѣется, очень бы хотѣлось; но въ сущности

настоящій постъ его пока еще въ Грозной, какъ онъ и самъ вамъ объяснитъ это.

„Я въ восхищеніи отъ вашей мысли дать нашей невѣсткѣ возможность пріѣхать въ Грозную, когда вы расположитесь лагеремъ въ Тепли. Это будетъ большое успокоеніе для бѣдной женщины, безпокойства которой по истинѣ должны быть ужасны, особенно если подумать, что при звукѣ каждаго пушечнаго выстрѣла и зная, что ея мужъ находится въ первой линіи, къ ней доходятъ такія извѣстія, какъ о смерти Круковскаго, Полозова и другихъ. Мы сами не можемъ безъ тревоги думать объ этомъ, хотя и не слышимъ пушечныхъ выстрѣловъ. Къ тому же, вѣрьте, что если забота объ участи моихъ дѣтей и заставляетъ меня радоваться расположенію вашего лагеря около Тепли, то во всякомъ случаѣ это не единственная причина: ибо я полагаю, что послѣ тѣхъ ужасныхъ ударовъ, которые вы нанесли непріятелю на Автурѣ и въ Черныхъ горахъ, и послѣ уничтоженія лѣса (что́ вы продолжаете дѣлать и теперь между Воздвиженской и Автуромъ) ничего не можетъ быть дѣйствительнѣе и рѣшительнѣе для успѣха всего нашего предпріятія, какъ дѣйствовать въ равнинахъ и въ перелѣскахъ, которые отдѣляютъ лѣсную часть Чечни отъ рѣкъ; это станетъ еще очевиднѣе и достигнется легче вслѣдствіе тѣхъ просѣкъ, которыя дѣлаетъ теперь со своей стороны Баклановъ.

„Я совершенно согласенъ съ вами, что необходимо вознаградить и ободрить Бату, который былъ вамъ такъ полезенъ; я сдѣлаю о немъ представленіе сейчасъ же по полученіи отъ васъ рапорта, и васъ прошу еще разъ поблагодарить его отъ меня. Прощайте, дорогой князь; обнимаю васъ отъ всего моего сердца и молю Бога, чтобы онъ сохранилъ васъ для блага службы. Всякое несчастіе, которое могло бы случиться съ вами, напримѣръ болѣзнь, помимо нашего горя, было бы страшною бѣдою для дѣла, въ особенности въ это важное время, когда дорогъ каждый день въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя вы такъ хорошо начали и которыми вы такъ хорошо управляете“.

Кн. Барятинскій кн. Воронцову отъ 30-го Января: „Послѣ дѣла 24-го числа Шамиль приказалъ наибамъ Талгику

и Гихѣ перевезти свои имущества въ Ичкерію. Онъ занимается самъ укрѣпленіемъ Веденскаго ущелья и тѣмъ хочетъ увѣрить, что мы будемъ тамъ проходить. Эта мѣра доказываетъ ясно, что онъ отчаевается удержать Большую Чечню. Онъ старается занять силы и умы защитою мѣстности, которой мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія и никакой необходимости занимать. Также ясно, что онъ не хочетъ компрометировать себя, обѣщая болѣе, чѣмъ онъ можетъ сдержать. Затѣмъ онъ не прочь похвастаться тѣмъ, что угадалъ наши намѣренія и помѣшалъ намъ проникнуть въ его резиденцію. Такъ какъ мы достигаемъ нашей цѣли въ Большой Чечнѣ, то я думаю мы можемъ ему оставить это утѣшеніе; ясно, что послѣ всего этого онъ покинетъ скоро Ведень, и мы будемъ въ состояніи начать покореніе Ичкеріи. Каждый день я принимаю депутаціи изъ Большой и Нагорной Чечни, жители которыхъ въ большомъ количествѣ просятъ позволенія перейти на нашу сторону въ началѣ будущей весны, и я испрашиваю у васъ разрѣшенія позволить мнѣ указать имъ земли, которыя я нахожу для этаго удобными. Ихъ покореніе не можетъ произойти массою, но, разъ начавшись, будетъ быстро увеличиваться. 31-го сего мѣсяца рубка, которую мы производимъ, должна окончиться. Меллеръ вырубилъ всѣ кустарники по Басу, которые задерживали проходъ въ Автуръ.

„Большой и Нагорной Чечнѣ нанесенъ жестокій ударъ; всѣ деревни тянущіяся въ горахъ отъ Воздвиженской до Автура потеряли свои прекрасныя поля, а Тавлинцы въ Саинъ-Юртѣ получили хорошій урокъ и почти не имѣютъ уже болѣе силъ драться. Съ этой стороны у меня нѣтъ болѣе заботы. Перваго числа будущаго мѣсяца я перенесу мой лагерь, проложивъ дорогу прямо отъ Шали до Герменчука и до Тепли. Послѣ этаго я сейчасъ же извѣщу васъ обо всемъ.

„Соображаясь съ вашими приказаніями, я построю мостъ черезъ Аргунъ; онъ будетъ крайне полезенъ какъ теперь, такъ, можетъ быть, и впослѣдствіи. Я напишу коменданту Грозной послать всѣхъ плѣнныхъ въ Россію (ихъ остановятъ въ Георгіевскѣ), то есть все такъ, какъ вы мнѣ приказали. Всѣхъ плѣнныхъ 26 человѣкъ. Я возвратилъ четы-

рехъ дѣтей одному отцу, который перешелъ на нашу сторону и поселился въ Воздвиженской. Княгиня Марія Васильевна взяла его пятаго ребенка къ себѣ въ домъ.

„Я очень доволенъ своими войсками: они находятся въ прекрасномъ состояніи. Куринцы каждый день ѣдятъ свѣжій хлѣбъ, и всѣ солдаты въ теченіи недѣли по очереди моются въ баняхъ. Артилерія въ хорошемъ состояніи, стрѣляетъ отлично; она много нанесла вреда непріятелю. Здоровье, воодушевленіе и веселое настроеніе духа царятъ въ моемъ храбромъ отрядѣ“.

Слѣдующее письмо князя Барятинскаго къ князю Воронцову было отъ 4-го Февраля.

„Вчера утромъ я снялъ свой лагерь, очистивъ совершенно Аргунъ отъ лѣса.

„Благодаря этимъ двумъ послѣднимъ рубкамъ, сообщеніе отъ Воздвиженской до Тепли-Кичу сдѣлалось возможнымъ въ два перехода. Это, можетъ быть, самый большой лѣсъ, который оставался еще въ Большой Чечнѣ. Завтра или послѣ завтра всѣ рубки около Грозной, на Нефтянкѣ и около Урусъ-Мартана, на рѣкѣ того же имени и на Гойтѣ, будутъ также окончены. Пятаго числа войска уйдутъ на свои квартиры. Экспедиція счастливо окончена; благодаря Бога, состояніе войскъ и лошадей прекрасное. Князь Орбеліани, который доставитъ это письмо, былъ свидѣтелемъ и участникомъ всего, что̀ мы сдѣлали; онъ можетъ передать вамъ тѣ подробности, которыя могли у меня ускользнуть. Я долженъ еще разъ сказать вамъ, какъ я былъ счастливъ и доволенъ своимъ храбрымъ отрядомъ и превосходными офицерами, которые участвовали во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ. Семенъ въ будущее Воскресенье уѣдетъ въ Тифлисъ, потомъ я думаю послѣдовать за нимъ. Я словесно передамъ вамъ на ваше усмотрѣніе много вопросовъ крайней важности, о которыхъ мы много говорили, по вашему приказанію, съ генераломъ Вольфомъ, и теперь я займусь этими вопросами спеціально и обращу далѣе мое вниманіе на тѣ предметы, которыми съ самаго пріѣзда до сихъ поръ заняться я не имѣлъ времени.

„Недѣли черезъ двѣ мнѣ будетъ нуженъ здѣсь Бата̀ для колонизаціи тѣхъ нашихъ непріятелей, которые захотятъ

выйти на Качкалыковскій хребетъ. Теперь я посылаю его къ вамъ и вмѣстѣ съ этимъ прошу васъ объ одной милости въ его пользу, а именно поступать съ нимъ въ Тифлисѣ также какъ съ Хаджи-Муратомъ.

„Бата оказалъ намъ немало услугъ и окажетъ ихъ много еще; но онъ, какъ всѣ восточные люди, тщеславенъ; польстивъ его самолюбію, можно будетъ смѣло разсчитывать на него въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Къ тому же, я думаю, онъ очень заинтересуетъ васъ, такъ какъ онъ благороднѣйшій изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ людей этой расы.

„Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ офицеръ, взятый въ прошломъ году въ плѣнъ на большой Астраханской дорогѣ и вышедшій изъ горъ, сообщилъ мнѣ много вещей крайне интересныхъ, относительно страны и нѣкоторыхъ личностей. Объ этомъ я переговорю съ вами лично по моемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ“.

Перейдя того же числа въ лагерь у Тепли, князь Барятинскій написалъ князю Воронцову еще слѣдующее письмо:

„Перваго числа этаго мѣсяца, отрядъ раздѣлился на двѣ колонны, и одна изъ нихъ со всѣмъ обозомъ, пройдя Аргунъ, соединилась съ нами черезъ Ханкале. Вся кавалерія и оставшіяся войска помогли мнѣ обозрѣть страну между Германчукомъ и Грозной. Бата проводилъ меня на большой курганъ Гойтенкортъ, откуда открывается видъ на Большую Чечню съ ея лѣсами, деревнями и лугами; для меня это было крайне важно, потому что отсюда я могъ сообразить, что̀ мнѣ осталось еще сдѣлать. И проходя такимъ образомъ, мы миновали много деревень, откуда не осмѣлились сдѣлать ни одного выстрѣла. Вечеромъ же я принялъ нѣсколько Чеченскихъ депутацій, просящихъ перейти на нашу сторону. Я далъ имъ нѣсколько времени, необходимаго для устройства ихъ хозяйства. Лагерь былъ расположенъ на двухъ берегахъ Аргуна, въ большомъ лѣсу, на три версты выше Тепли. Пѣшеходные мостики были построены въ тотъ же день, повозки и артилерія свободно проходятъ въ бродъ (вода по оси),

такъ что большой мостъ на Аргунѣ становится совершенно безполезенъ. Я дѣлаю изъ лѣса засѣки, окружая лагерь лѣваго берега, что̀ уничтожитъ скорѣе деревья, облегчитъ защиту и отдыхъ людей, а также обезпечитъ и движенія войскъ.

„Расположивъ здѣсь лагерь и большую часть обоза съ двумя батальонами и шестью орудіями, я могу предпринять экскурсію, чтобы въ два-три дня очистить тѣ дороги и проходы, которыя вы пожелаете.

„Князь Чавчавадзе пріѣхалъ вчера и принялъ командованіе нашей славной кавалеріею. Стараюсь устроить дѣло Хаджи-Мурата, но боюсь, что это будетъ невозможно: Шамиль ни за что на свѣтѣ не согласится возвратить его семейство, какъ говоритъ Чавчавадзе.

„Плѣнные отправлены (мнимо, разумѣется) въ Россію, какъ вы мнѣ приказали. Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою прислать два креста для Грозненскихъ поселянъ, которые очень хорошо служатъ, и 4 креста для мусульманъ: они много отличались въ этомъ году. Отъ имени всего отряда смѣю передать вамъ нашу благодарность за то дорогое вниманіе, которое убѣждаетъ насъ, что вы нами довольны. При полученіи новой серіи крестовъ, солдаты испытывали невыразимое счастіе“.

Князь Воронцовъ писалъ 30-го Января: „Это письмо, дорогой князь, доставитъ вамъ Мирскій; а кромѣ того я все таки пошлю къ вамъ въ Среду еженедѣльнаго курьера, во первыхъ, чтобы не нарушать разъ заведеннаго порядка, во вторыхъ для того, чтобы у васъ находились подъ рукою всегда люди, съ которыми вы могли бы пересылать намъ все что̀ найдете интереснымъ. Надѣюсь, что все у васъ идетъ хорошо; я убѣжденъ въ этомъ, потому что ваше всестороннее знаніе дѣла внушаетъ мнѣ полное довѣріе.

„Съ удовольствіемъ сообщаю вамъ, что 18-го этого мѣсяца, въ день вашихъ двухъ блестящихъ дѣлъ, было еще одно кровавое и славное дѣло въ Кайтахѣ, куда генералъ Сусловъ былъ посланъ княземъ Аргутинскимъ съ 4-мя батальонами, чтобы покончить однимъ сильнымъ ударомъ съ наибомъ Букъ-Магометомъ. Шамиль отправилъ его со всѣмъ, что̀ онъ могъ собрать изъ нашихъ абрековъ въ Дагестанѣ,

чтобы попытаться вновь поднять на насъ жителей Кайтаха и Табасарани. Только три деревни рѣшились присоединиться къ этимъ абрекамъ и принять ихъ у себя. Но можно было бояться, что позже, если бы мы потеряли время, другіе, вынужденные силою или просто по убѣжденію, объявили бы себя противъ насъ. Сусловъ выполнилъ порученіе быстро и въ высшей степени энергично. Послѣ того, какъ онъ безъ малѣйшаго затрудненія занялъ и совершенно раззорилъ первыя двѣ деревни изъ тѣхъ трехъ, которыя были у него на дорогѣ, онъ 18-го утромъ прибылъ къ подошвѣ третьей деревни, которая называется Шеляги; это одна изъ сильнѣйшихъ позицій во всемъ Дагестанѣ: здѣсь были сосредоточены всѣ тѣ абреки, которые прибыли съ Букъ-Магометомъ, и всѣ жители трехъ возмутившихся деревень. Сусловъ, совершенно основательно разсудивъ, что всякое колебаніе обусловливаетъ не только потерю времени, но и породитъ значительное возстаніе, вынудилъ князя Аргутинскаго послать отрядъ сильнѣе, чѣмъ онъ могъ бы это сдѣлать, въ особенности теперь, когда два его батальона находятся у васъ на Кумыкской плоскости. Сусловъ быстро рѣшился атаковать. Манюкинъ съ первымъ батальономъ своего полка (Ширванскаго) обошелъ аулъ съ одной стороны, а Ракусса съ однимъ батальономъ Самурскаго полка съ другой. Сопротивленіе было ужасное, такъ какъ непріятель не имѣлъ ни возможности, ни надежды на отступленіе или спасеніе. Наши храбрецы штурмуютъ, врываются въ аулъ; но здѣсь каждый домъ былъ новая крѣпость. Сусловъ отдаетъ приказъ остановиться въ 50 занятыхъ домахъ и понемногу жечь остальные. Сожгли все, сражаясь всю ночь. Утро принесло полный успѣхъ: непріятель былъ совершенно разбитъ, едва 15 человѣкъ успѣли спастись. Самъ Букъ-Магометъ, раненный двумя пулями, былъ взятъ; семь значковъ и одна сѣкира, данная ему Шамилемъ, достались намъ. Наша потеря была значительная; но, какъ я уже сказалъ выше, всякое колебаніе могло намъ стоить дороже. У насъ 120 убитыхъ и болѣе 200 раненыхъ. Манюкинъ раненъ въ плечо, и Ракусса въ руку; но къ счастью оба не опасно *).

*) Это невѣрно: полковникъ Ракусса потерялъ руку, которую пришлось отнять у самаго плеча.

„Какъ только Хаджи-Муратъ узналъ объ этомъ дѣлѣ, онъ пришелъ меня поздравить, и когда я разсказалъ ему, какъ все произошло и что деревня называлась Шеляги, онъ мнѣ сказалъ, что это одна изъ самыхъ сильныхъ позицій, которыя онъ когда-либо видѣлъ, и что наши солдаты должны были быть демонами, чтобы рѣшиться ее атаковать и овладѣть непріятелемъ, столь сильнымъ и отчаяннымъ.

„Въ приказѣ, который, я надѣюсь, будетъ напечатанъ сегодня или завтра, мы прибавимъ и объ этомъ дѣлѣ ко всему чтó тамъ говорится о вашихъ блестящихъ успѣхахъ въ Чечнѣ, и я прошу васъ приказать прочитать приказъ передъ всѣми ротами, чтобы ваши храбрые солдаты могли видѣть не только то, чтó относится лично до нихъ, но также, какъ ихъ товарищи на другихъ частяхъ военнаго театра слѣдуютъ ихъ славному примѣру, разбивая непріятеля, который имъ сопротивляется“.

Отъ 1-го Февраля: „Я только что получилъ ваше письмо, и опять съ доброю новостью: опять одинъ изъ тѣхъ подвиговъ, къ которымъ вы задали себѣ насъ пріучить. Благодарю васъ отъ всего моего сердца и вновь прихожу въ удивленіе отъ вашей дѣятельности, горячаго усердія и знанія дѣла. Я очень счастливъ, что наши храбрые казаки имѣли случай отомстить хотя частью за смерть ихъ любимаго и уважаемаго начальника, котораго они потеряли.

„Семенъ мнѣ пишетъ, что по слухамъ сынъ Шамиля былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ; я горю нетерпѣніемъ узнать скорѣе подробности, и мнѣ тѣмъ болѣе все это пріятно, что мы почти не имѣли никакой потери. Все это случилось, благодаря вашему распоряженію сильно занять лѣсъ у Баса, который находился у васъ въ тылу. Я надѣюсь, что съ этою почтою вы получите приказъ о всѣхъ вашихъ послѣднихъ дѣлахъ и о дѣлѣ Суслова въ Кайтахѣ. Я вамъ не пишу сегодня ничего болѣе, такъ какъ очень сильно занятъ“.

Князь Воронцовъ князю Барятинскому отъ 6-го Февраля: „Послѣ моего послѣдняго письма я получилъ ваше отъ 30-го Января и благодарю васъ отъ всего моего сердца за то, чтò вы мнѣ пишете и за то чтò дѣлаете. Для насъ очень выгодно, если Шамиль, отчаявшись въ Большой Чечнѣ, зай-

мется защитою Веденскаго ущелья и Ичкеріи. Идти туда теперь мы не имѣемъ никакой надобности, и вамъ тѣмъ болѣе легко будетъ покончить дѣла въ Большой Чечнѣ. То что́ вы говорите о переселеніи Талгика и Гихи*) въ Ичкерію было бы положительно полезно для нашего дѣла въ Чечнѣ; а когда у насъ явится охота и время вытѣснить ихъ также и изъ Ичкеріи,—это уже будетъ намъ нетрудно, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ для этого двѣ дороги, и я думаю, что демонстрація, болѣе или менѣе сильная, противъ Шалихалъ-Берды, на нашей дорогѣ 1845 года, заставила бы ихъ съ самаго начала крѣпко задуматься. Вы знаете изъ моихъ прежнихъ писемъ, какъ я стою за то, чтобы вы усвоили себѣ мысль о принятіи индивидуальной покорности отдѣльныхъ семействъ въ Большой Чечнѣ и въ нагорной части Малой Чечни, такъ какъ ожидать теперь же покоренія массами почти невозможно, да и безполезно; но совершая это мало-помалу, въ релультатѣ можетъ оправдаться сравненіе съ „комомъ снѣга". Много семействъ должны быть расположены перейти на нашу сторону, такъ какъ вслѣдствіе вашихъ прекрасныхъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ и того ужаса, который вы распространили въ ущельяхъ Черныхь горъ Малой Чечни, пребываніе ихъ тамъ должно быть крайне тяжелое и непріятное. Затѣмъ, вамъ извѣстны болѣе чѣмъ кому либо другому лучшія мѣстности, находящіяся въ нашихъ рукахъ для безопаснаго поселенія покоряющихся семействъ; а число ихъ въ недалекомъ будущемъ, конечно, значительно увеличится. Затрудненія, которыя представлялись издавна при подобныхъ переселеніяхъ, теперь болѣе не существуютъ, или въ высшей степени уменьшились; тотъ разгромъ, который вы имъ нанесли и тотъ, который Вревскій еще произведетъ въ Мартѣ, доставятъ имъ легкій къ намъ доступъ; а нашимъ отрядамъ, посланнымъ къ нимъ на встрѣчу, не будетъ нужды драться и терять людей.

„Здѣсь я вамъ скажу нѣсколько словъ объ нашемъ Русскомъ взглядѣ на количество земли, которымъ должны быть надѣлены вышедшія семейства и вообще покоренные Чеченцы.

*) Наибы Шамиля.

Примѣняя систему мѣры, которую предлагали Слѣпцовъ и Вревскій, количество выходитъ такимъ громаднымъ, что мы никогда не будемъ въ состояніи его имѣть, и для этого необходимы цѣлыя степи, какъ въ Сибири. Я имѣю два возраженія, достаточно сильныя противъ подобной системы на дѣла: 1) невозможность ее выполнить, и 2) долгій опытъ всесторонней практики въ моихъ собственныхъ земляхъ. Въ имѣніи Херсонской губерніи, которое я купилъ 30 лѣтъ тому назадъ, на 40,000 десятинахъ поселено 3,000 крестьянъ; затѣмъ у меня тамъ отъ 15 до 20,000 барановъ, табунъ отъ 3 до 4 тысячъ лошадей и, несмотря на все это, у меня много земли необработанной, и каждый разъ когда я тамъ бываю, мнѣ кажется, что я въ пустынѣ. Если принять во вниманіе разсчетъ этихъ господъ, то обѣ Чечни окажутся недостаточными для теперешняго населенія, несмотря на 12 лѣтъ войны и разоренія; между тѣмъ, до возстанія Чечни въ 1840 г., населеніе ея было, можетъ быть, вдвое болѣе; но и тогда они не жаловались на недостатокъ земли, хотя мы уже владѣли Грозной и частью линіи Сунжи. Въ нашей богатой Кіевской губерніи мы считаемъ отъ 4 до 5 десятинъ на душу, включая и занятую подъ многія постройки и заведенія, и все-таки крестьяне далеко не жалуются на недостатокъ земли, приноравливаясь къ старинной системѣ счета трехпольнаго хозяйства. Я глубоко убѣжденъ, что, считая отъ 4 до 5 десятинъ на душу, т.-е. на каждаго Чеченца, это будетъ для нихъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы жить хорошо, тѣмъ болѣе, что земли, которыми мы ихъ теперь надѣлимъ, превосходны, вполнѣ производительны и орошены или удобны къ орошенію; а количество земли, которое намъ нужно для нашихъ маленькихъ крѣпостей и для Сунженскихъ казаковъ, едва ли превышаетъ то, которое требовалось для несуществующаго уже теперь Чеченскаго населенія. Наконецъ, самое вѣрное—это не говорить Чеченцамъ о количествѣ тѣхъ десятинъ, которыя имъ дадутъ; мы можемъ думать объ этомъ для нашихъ соображеній, но они тутъ ничего бы не поняли, и все это могло бы привести въ будущемъ къ большимъ и безконечнымъ затрудненіямъ. Имъ нужно показать ту свободную землю, которую вы разсчитываете имъ дать, и они тамъ раз-

мѣстятся какъ могутъ и, безъ сомнѣнія, хорошо; да, впрочемъ, противъ невозможности и не пойдешь: мы не можемъ имъ дать болѣе того, что́ имѣемъ для нихъ; но, впрочемъ, можно быть увѣреннымъ, что видя, какъ заботятся объ ихъ теперешнемъ состояніи они останутся довольными тѣмъ, что́ имъ дадутъ. Все, что́ мы должны и можемъ сдѣлать, наконецъ, это распредѣлить со справедливостью, что́ изъ земель мы назначаемъ казакамъ и для крѣпостей, и вотъ еще одна изъ причинъ, почему я всегда буду противъ устройства полковаго штаба въ Ачхоѣ или въ окрестностяхъ: надобности полка, дѣйствительныя и преувеличенныя прихотливостью, отнимутъ у насъ всякую возможность дать необходимое туземцамъ, которые покорятся. Вотъ, что́ я хотѣлъ вамъ сказать по поводу земель необходимыхъ для Чеченцевъ. Прослѣдите это хорошенько, не довѣряйтесь легко всему, что́ будутъ вамъ говорить генералы, начальники участковъ и землемѣры; прослѣдите все сами съ отличающимъ васъ умомъ и съ свойственнымъ вамъ знаніемъ страны и людей, съ которыми имѣете сношенія, и я увѣренъ, что вы найдете дѣло колонизаціи легче, чѣмъ думаютъ. Ларчикъ просто откроется.

„Три-четыре дня тому назадъ мы получили длинный рапортъ генерала Вревскаго, преимущественно на счетъ тѣхъ границъ, которыя должны быть опредѣлены между вашимъ и его раіонами, на счетъ колонизаціи Карабулаковъ, объ укрѣпленіи одной мѣстности въ Гехѣ, Бумутѣ и Алгузали, наконецъ на счетъ довольно важной просѣки къ югу отъ нашей „Русской дороги“, для чего не позже Марта ему понадобится довольно сильный отрядъ, не для сраженій, а для работъ и обезпеченія сообщеній. Я приказалъ извѣстить его, что мы ему пошлемъ подробный отвѣтъ на слѣдующей недѣлѣ, и вы получите копію съ этого отвѣта. Первое наше слово будетъ, что онъ долженъ войти съ вами въ соглашеніе и устроить встрѣчу съ вами сейчасъ же послѣ окончанія зимней экспедиціи. Сегодня я вамъ болѣе ничего къ этому не прибавлю; скажу только что я болѣе всего стою за укрѣпленіе Гехи; а затѣмъ мысли Вревскаго насчетъ Карабулаковъ главнымъ образомъ грѣшатъ противъ вышесказаннаго взгляда относительно земель, которыми онъ хочетъ

ихъ надѣлить. Онъ расчитываетъ для однихъ Карабулаковъ земли болѣе чѣмъ есть во всей Малой Чечнѣ; это доказываетъ только полную неопытность Вревскаго въ дѣлахъ администраціи и необходимость, чтобы онъ ничего не предпринималъ до свиданія и соглашенія съ вами. Относительно рубки лѣса въ Мартѣ мѣсяцѣ, то и это не можетъ совершиться безъ полнаго соглашенія съ вами, такъ какъ для этого онъ будетъ просить у васъ батальонъ, а можетъ и болѣе, Куринцевъ.

„Что̀ касается до вашихъ настоящихъ дѣлъ, я могу лишь повторить, что нахожусь подъ самымъ радостнымъ впечатлѣніемъ отъ вашихъ успѣховъ и намѣреній. Шамиль долженъ быть въ крайне стѣсненномъ положеніи; но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать: чѣмъ болѣе онъ стѣсненъ, тѣмъ болѣе постарается избѣгнуть своей участи и одобрить своихъ партизановъ проявленіями мужества, не смотря на то, что съ 1846 года ни одна изъ его попытокъ не имѣла успѣха. Ваши лазутчики вамъ хорошо служатъ, и я не сомнѣваюсь, вы всегда будете знать, когда вамъ слѣдуетъ брать предосторожности противъ всего, что̀ могло бы быть направлено прямо противъ васъ, или противъ другихъ раіоновъ.

„Письмо вышло длиннымъ, пора его окончить; прибавлю только, что Хаджи-Муратъ уѣхалъ сегодня утромъ на Лезгинскую линію въ распоряженіе князя Григорія Орбеліани. Эта поѣздка служитъ мнѣ къ исполненію намѣренія не допускать его пріѣзда въ Грозную, ранѣе чѣмъ вы сами тамъ не будете. Къ тому же я вамъ скажу: чѣмъ болѣе его я узнаю̀, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ его вѣрности и той громадной пользѣ, которую онъ можетъ намъ принести“.

Князь Воронцовъ отъ 11-го Февраля: „Примите мои самыя искреннія поздравленія съ чиномъ генералъ-лейтенанта, которымъ награждаетъ васъ Императоръ за ваши блестящія дѣла 6-го и 7-го Января. Вы знаете, что я представилъ васъ къ 3-й степени Георгія, въ той надеждѣ, что чинъ все равно черезъ годъ не уйдетъ отъ васъ; но Государь рѣшилъ иначе, и мнѣ ничего не остается какъ поздравить васъ отъ всей души; это большой шагъ, который даетъ широкій просторъ

всѣмъ, кто имѣетъ случай служить съ вами, или подъ вашимъ начальствомъ, и это есть ясное доказательство передъ всей арміей и предъ всей Россіей, какъ Государь умѣетъ цѣнить ваши заслуги и желаетъ подвинуть васъ по пути той славной карьеры, которую вы такъ хорошо начали. Я съ своей стороны очень радъ и увѣренъ, что вашъ чинъ генералъ-лейтенанта будетъ намъ при всѣхъ случаяхъ очень полезенъ.

„Что касается до Георгіевскаго креста для Семена, то кажется еще нѣтъ ничего рѣшительнаго. Софія Бобринская написала 25-го числа моей женѣ, поздравляя ее; а Васильчиковъ писалъ Дондукову, что дѣло рѣшено; но прибывшая вчера почта, помѣченная 28-мъ, ничего объ этомъ не говоритъ. Можетъ быть дума или Государь нашли какія-нибудь затрудненія, чтò случается часто, когда не имѣется добраго желанья... Но Семенъ все-таки можетъ себя поздравить, вопервыхъ съ тѣмъ, что онъ былъ представленъ прямо вами, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, который могъ судить вполнѣ справедливо, и что это раздѣляли его товарищи и всѣ кто былъ съ нимъ въ дѣлѣ.

„Вслѣдъ за моимъ послѣднимъ письмомъ, я получилъ ваше отъ 4-го, изъ лагеря подъ Тепли. Я не могу достаточно благодарить васъ за все, чтò вы мнѣ говорите и за все чтó сдѣлали. Вашъ переходъ изъ стараго лагеря въ новый есть замѣчательное доказательство того состоянія дѣлъ, которое находится подъ вашимъ энергичнымъ управленіемъ и прекрасныхъ распоряженій съ самаго начала кампаніи въ обѣихъ Чечняхъ. Мнѣ очень бы хотѣлось знать, на что рѣшится Шамиль въ своемъ настоящемъ скверномъ положеніи; я не сомнѣваюсь, что, не смотря на свою энергію и умѣлость, онъ ничего существеннаго не сдѣлаетъ, чтобы выйдти изъ него. Можно смѣло сказать, что Шамиль 1852 г. далеко уже не тотъ, какимъ мы видѣли его въ 1845 г.: со всѣхъ сторонъ къ нему теперь идутъ невеселыя новости. Блестящее дѣло Суслова въ Дагестанѣ должно быть для него чувствительнымъ ударомъ.

„Два или три дня тому назадъ мы получили превосходныя извѣстія съ Праваго фланга и изъ Черноморіи. Генералы

Евдокимовъ, Рашпиль и очень дѣятельный адмиралъ Серебряковъ сдѣлали одновременно нападенія, первый на Абазеховъ, а два остальные на Натухайцевъ и Шапсуговъ. Въ теченіи трехъ дней по пути нашихъ отрядовъ, все, что̀ не было покорено, было уничтожено, съ весьма малою потерею съ нашей стороны, и ужасъ разнесся повсюду. Въ первый разъ войска Черноморіи могли сойдтись съ войсками Восточнаго берега со стороны Новороссійска и дѣйствовать вмѣстѣ. Я давно желалъ этого; но Будбергъ, не смотря на то, что онъ отличный человѣкъ, никогда не могъ достигнуть этого и согласиться со своими сосѣдями, начальниками. Серебряковъ же выполнилъ это прекрасно, предложивъ генералу Рашпилю встрѣтиться въ крѣпости Абинѣ. Отсюда они дѣйствовали вмѣстѣ, съ тою рѣшимостью, какой тамъ не запомнятъ со временъ генерала Вельяминова.

„Я былъ очень радъ, увидя изъ вашего письма, что вы надѣетесь привести въ исполненіе колонизацію жителей Большой Чечни, начиная съ тѣхъ, которые пришли просить васъ объ этомъ во время вашего перехода въ Тепли. Вы знаете, что я всегда считалъ полезнымъ принимать Чеченцевъ, по мѣрѣ того, какъ они будутъ являться; въ такомъ случаѣ, продолжая ваши дѣйствія въ сѣверныхъ долинахъ Большой Чечни, вы найдете въ аулахъ менѣе наличныхъ враговъ, и вамъ будетъ легче подчинить намъ всю эту страну въ будущемъ.

„Я очень желаю, чтобы Чавчавадзе прибылъ къ вамъ, потому что, въ случаѣ если Шамиль будетъ тревожить васъ внѣ долинъ и густыхъ лѣсовъ, ваша прекрасная кавалерія будетъ имѣть случай дать ему еще урокъ.

„Посылаю вамъ шесть Георгіевскихъ крестовъ, которые вы желали имѣть; надѣюсь, вы поздравили отъ меня Бату, и прошу прислать мнѣ какъ можно скорѣе подробное представленіе о немъ, которое будетъ справедливою наградою за услуги, намъ оказываемыя. Не могу васъ достаточно отблагодарить за вашу безконечную доброту къ Семену и Николаи. Напишу вамъ въ Среду, если у васъ будетъ все благополучно, что̀ можно будетъ сдѣлать для укрѣпленія здоровья Семена, а въ особенности его жены. Если не встрѣтится ему препят-

ствій по службѣ, то желательно было бы, чтобы онъ пріѣхалъ на праздники сюда, передавъ командованіе полкомъ Ляшенкѣ. Семенъ самъ передастъ вамъ причины, почему ему необходимо пробыть съ нами часть Апрѣля".

13-го Февраля князь Барятинскій писалъ князю Воронцову, изъ лагеря у Тепли:

„Начинаю это письмо выраженіемъ глубокой благодарности за пожалованіе мнѣ чина генералъ-лейтенанта, который я получилъ вслѣдъ за вашимъ письмомъ къ военному министру. Боюсь, что я никогда не съумѣю вамъ отплатить за все то вниманіе, доброту и довѣріе, которыя вы доказываете мнѣ.

„Со времени моего послѣдняго письма, мы успѣли уничтожить много лѣса, такъ что теперь пространство отъ Грозной до р. Джалки представляетъ собою обширное поле. Вчера Веревкинъ, который управлялъ рубкою лѣса, имѣлъ блестящее дѣло, героемъ котораго былъ Лорисъ-Меликовъ. Вотъ уже второй разъ, какъ казаки достойно мстятъ за потерю своего атамана. Все идетъ, слава Богу, счастливо и гораздо скорѣе, чѣмъ я могъ надѣяться. Очень досадно, что я не могу продолжить кампанію до Апрѣля: тогда покореніе Большой Чечни было бы неминуемымъ дѣломъ. Каждый день я принимаю депутацію за депутаціей, которыя мнѣ обѣщаютъ покореніе сейчасъ же вслѣдъ за началомъ постройки укрѣпленія въ Автурѣ или въ Шали. Шамиль ожидаетъ моего отъѣзда, чтобы взять заложниковъ и продержать у себя лишь до той минуты, когда поля будутъ засѣяны; но очень возможно, что онъ оставитъ ихъ у себя и послѣ еще нѣкоторое время. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы позволили мнѣ, по окончаніи экспедиціи, пріѣхать въ Тифлисъ, гдѣ я могъ бы словесно передать на ваше усмотрѣніе нѣсколько крайне важныхъ вопросовъ, относящихся до той и другой Чечни".

Въ письмѣ отъ 13-го Февраля, князь Воронцовъ, повторяя просьбу объ отпускѣ его сына на три мѣсяца для лѣченія въ Боржомѣ, между прочимъ добавилъ: „Вы вѣроятно получаете газеты и могли видѣть, что Луи-Наполеонъ, совершившій, хотя и незаконно, нѣсколько хорошихъ дѣлъ, далъ слишкомъ большую волю своимъ деспотическимъ наклонностямъ

и допустилъ чрезвычайную, несправедливую мѣру—конфискацію имѣній Орлеанскихъ принцевъ. Эта мѣра произвела весьма дурное впечатлѣніе и, Богъ знаетъ, не придется ли ему раскаяться въ ней“.

Отъ 15-го Февраля: „Наконецъ, мы получили офиціальное извѣстіе о наградѣ Георгіевскимъ крестомъ Семена,—отличіе столь дорогое для всѣхъ нашихъ воиновъ и за которое прежде всего онъ долженъ благодарить васъ, своего славнаго начальника, въ распоряженіи котораго ему представился случай выказать себя: вашему благосклонному представленію онъ обязанъ этой наградой. Моя первая обязанность также благодарить васъ и отъ имени моей жены за всю ту братскую дружбу, которую вы оказываете нашему сыну. Вы поймете, съ какою радостью я ему посылаю крестъ, который я самъ получилъ въ этой же странѣ 48 лѣтъ тому назадъ.

„Быть можетъ Семенъ уже получилъ крестъ вчера вечеромъ или сегодня отъ нашего обожаемаго Наслѣдника Цесаревича, такъ какъ фельдъегерь мнѣ сказалъ, что онъ оставилъ во Владикавказѣ письмо съ ящикомъ отъ Его Высочества къ Семену.

„Чернышовъ пишетъ мнѣ, что онъ хотѣлъ предоставить крестъ Семену болѣе почетнымъ образомъ, т.-е. постановленіемъ орденской думы, въ которой онъ и былъ единогласно удостоенъ этого отличія, о чемъ мнѣ сообщаетъ, въ полученномъ сегодня письмѣ, мой старый товарищъ, генералъ Левенштернъ, засѣдавшій въ думѣ“.

1852 годъ.

Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева [1]).

I. Смерть А. В. Абазы. Сегодня 21-го Марта, скончался бояринъ Аггѣй Васильевичъ Абаза, замѣчательный человѣкъ Русскій. Не имѣя почти никакого состоянія, онъ нажилъ откупами милліоны. Никогда не видалъ я его унылымъ и разсерженнымъ; всегда здоровый, веселый, онъ велъ роскошную жизнь. Его любовь къ дѣтямъ доходила до слабости. Особенно любилъ онъ дочь свою Прасковью, вышедшую за мужъ за Львова (музыканта) и сына Александра, женившагося на дочери богатаго откупщика Бенардаки. И дочь и сынъ оправдываютъ любовь его. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Радостно ты встрѣтишься со своею доброю истинно-христіанской женой [2]). Семейство его (кромѣ Прасковьи и Александра), кажется, не устроено. Дай Богъ имъ устроиться за добродѣтели матери и за любовь, которой пользовался отецъ. Аггѣю Васильевичу было около 70 лѣтъ; онъ былъ весьма тученъ. У него былъ обѣдъ; послѣ обѣда онъ игралъ въ карты и отдалъ выигрышъ дочери Вѣрѣ для бѣдныхъ. Въ десять часовъ съ нимъ случился ударъ, и пять дней онъ былъ безъ языка и безъ памяти. Мы отъ души жалѣли объ этомъ добромъ человѣкѣ.

II. Князь Суворовъ. Вотъ уже два раза видѣлся и говорилъ съ генералъ-губернаторомъ княземъ Александромъ Аркадіевичемъ Суворовымъ. Много разсмотрѣлъ дѣлъ Остзейскаго края и странное получилъ впечатлѣніе. Князь человѣкъ общественный, дѣломъ не занимается, законовъ не знаетъ, подчиняется вліянію перваго докладчика и готовъ дѣлать все, опираясь на любовь Государя и на то, что онъ

---

[1]) См. выше, стр. 481.

[2]) А. В. Абаза, потомокъ Молдавскаго боярина, род. въ 1782 г. Женатъ былъ на Прасковьѣ Логиновнѣ урожд. Манзей (Происхожденія Шотландскаго). П. Б.

свѣтлѣйшій князь. Онъ въ открытой борьбѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; онъ поддерживаетъ мѣстныя права, вовсе не имѣя о нихъ точнаго понятія. Къ тому же и правители канцеляріи его люди очень неопытные. Кромѣ того, и въ краѣ начались какія-то ябедничества, жалобы, извѣты и сутяжничество. Прежняя отдѣльность края очевидно ослабляется; въ него вторгнулись православіе, чиновничество и кодификація. При Е. А. Головинѣ шли дѣла плохо; а теперь, не смотря на отстаиваніе князя, дѣла идутъ еще хуже: ибо три означенныя измѣненія такъ запутываютъ отношенія, что неловкимъ Нѣмцамъ трудно выбираться въ мутныхъ, устарѣлыхъ privilegia и singularia.

Желательно, чтобы скорѣе вышли остальныя части свода (III, IV и V) и чтобъ потомъ, не опуская рукъ, умно ввели ихъ въ столбцы общаго свода.

III. Министръ ст. секр. Ѳедоръ Павловичъ Вронченко умеръ 6 Апрѣля. Природа предназначила его для среды средней руки. Это былъ человѣкъ малообразованный, неглупый и добрый, старый волокита и забавный угодникъ Катерины Захаровны Канкриной. Въ молодости онъ былъ хорошій работникъ; въ старости, когда онъ выведенъ былъ на государственное поприще, никто съ нимъ изъ великихъ міра не говорилъ иначе, какъ шутя, особенно покойный Великій Князь Михаилъ. Два начальника отдѣленія, докладывавшіе ему, сообщили мнѣ, что онъ, кромѣ кредитной канцеляріи, рѣшительно ничего не понималъ и слишкомъ поздно назначенъ, чтобъ научиться. Ничтожный этотъ человѣкъ достигъ всего, что́ только можно заслужить: титула, министра и графа, чина д. т. совѣтника и ордена Андрея. Со времени его назначенія финансами завѣдывалъ Государь, и этимъ только и можно объяснить его назначеніе. Три важныхъ мѣры приняты въ это время: отдѣленіе 30 милліоновъ для покупки публичныхъ фондовъ, новый тарифъ (работа Тенгоборскаго) и земскія повинности. Ни въ одной изъ сихъ мѣръ покойный министръ не участвовалъ нисколько. Онъ въ обществѣ былъ извѣстенъ болѣе по смѣшнымъ анекдотамъ и постояннымъ прогулкамъ съ граціями по Невскому. Товарища его П. Ѳ. Брока назначилъ ему Государь. Впрочемъ, добрый по душѣ, покойный никому не сдѣлалъ зла. Общее мнѣніе назначаетъ ему въ преемники М. Н. Муравьева, сенатора генерала Чевкина и Дм. Гавр. Бибикова. Это люди съ отличными головами. Едва ли, однако, кто нибудь изъ сихъ лицъ будетъ назначенъ; управлять министерствомъ будетъ Брокъ.

IV. Необыкновенныя награды товарищу министра П. Ѳ. Броку вызвали и необыкновенные толки. Брокъ исходатайствовалъ большую денежную награду барону Гревеницу (директору министра). Гревеницъ сочинилъ письмо о наградѣ Броку отъ имени умирающаго старика

Вронченки, которое старикъ подписалъ. Государь утвердилъ. Деньги 15 тысячъ, мѣсто товарища министра финансовъ и сенаторство. Слухи говорятъ, что письмо писано Гревеницемъ и Брокомъ и ими же подписано за Вронченку. Правда въ этомъ дѣлѣ лишь только та, что старикъ не зналъ, чтó подписывалъ, и что мысль о письмѣ пришла не умирающему, а утвержденіе ходатайства сдѣлано для умирающаго. Старики острятъ: «хорошъ Брокъ, да будетъ ли отъ него прокъ!» Выборъ осуждаютъ; но изъ кого выбрать Государю? Хорошо еще, что выборъ палъ на Брока, а не на другаго Вронченку?

V. Нашъ министръ пришелъ къ дуализму. Съ Высочайшаго соизволенія онъ раздѣлилъ свои занятія съ товарищемъ; оставилъ при себѣ Топильскаго и всѣ важнѣйшія дѣла по Совѣту, Комитету и Консультаціи, а также опредѣленіе чиновниковъ до 6-го класса; остальныя дѣла онъ отдалъ товарищу, при которомъ уголовными дѣлами завѣдуетъ вице-директоръ Бутковскій. Толкуютъ въ департаментѣ, что это сдѣлано для устраненія товарища министра Илличевскаго въ случаѣ отъѣзда министра, въ Маѣ, въ чужіе края. Но чего боится графъ Панинъ? Илличевскаго? Больно и грустно смотрѣть. Эти Илличевскіе, Топильскіе, Путиловы губятъ вѣдомство. Министръ безпрестанно сердится; даже съ Консультаціей разговариваетъ жестко, грубо; въ Совѣтѣ и Комитетѣ вездѣ встрѣчаетъ порицанія и отраженія. Но знаетъ ли онъ, въ какомъ положеніи дѣла въ губерніяхъ? Знаетъ ли, что въ самомъ Сенатѣ половина дѣлъ потеряна? Что управленіе на шагъ отъ того, чтобъ навлечь на себя всю тяжесть отвѣтственности? Ну, если Государь назначитъ ревизію по всему вѣдомству? Ну, если вступитъ въ должность другой министръ и вздумаетъ угостить ревизіей своего предшественника? Окружающіе графа любятъ его милости, но они вовсе не дорожатъ его честью и достоинствомъ. Они безусловно исполняютъ его приказанія, но имъ въ голову не придетъ доложить о послѣдствіяхъ его приказаній; они разсылаютъ подтвердительные циркуляры о точномъ исполненіи закона и порядка, но имъ дѣла нѣтъ до того, что они первые нарушители этого порядка. Исключительное поощреніе молодежи изъ правовѣдовъ, безпрестанныя перемѣщенія чиновниковъ, назначеніе дѣлопроизводителей мимо и даже противъ желанія непосредственныхъ начальниковъ, страшная медленность въ разрѣшеніи представленій, оставленіе дѣлопроизводства и суда въ настоящемъ, очевидно обветшаломъ видѣ, занятія мелочами, вѣдомостями и таблицами, мелкія придирки, игра каприза, зависти и самолюбія, выборъ подъ вліяніемъ этихъ чувствъ своихъ ближайшихъ помощниковъ—да чего же можно ожидать при такомъ управленіи? Шереметеву, Данзасу,

Мартынову это нравится, баронъ Корфъ, князь Гагаринъ и Муравьевъ этому радуются; но сердцу преданному это прискорбно и больно.

VI. Вотъ вышло повелѣніе о раздѣленіи власти министра и товарища его. Не знаю, кто тутъ найдетъ смыслъ. Можетъ быть, впрочемъ, съ этимъ раздѣленіемъ властей улучшится наше положеніе. Власть наша такъ унижена, замѣщеніе свободныхъ мѣстъ такъ произвольно и временно, что подчиненные внемлятъ болѣе просьбѣ, нежели дѣлу и приказанію. Имѣя связи съ канцеляріею министерства и директорами, они перемѣщаются помимо оберъ-прокуроровъ. За то хороши и плоды. Огромная письменность допускаетъ небрежность; дѣла рѣшаются и пишутся кое-какъ; перемѣщеніе оберъ-прокураровъ и вообще чиновниковъ, частое, безпрерывное, имѣетъ послѣдствіемъ то, что они нисколько не дорожатъ своими департаментами; а меньшіе чиновники, особенно правовѣды, считаютъ ничтожнымъ дѣломъ завѣдывать столомъ. Отъ этого дѣла̀ въ безпорядкѣ, значительная часть бумагъ и дѣлъ растеряны. У меня во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента оберъ-секретарь (Романовскій) болѣе года въ командировкѣ; другой (Гауеръ) боленъ 4 мѣсяца и отправился въ чужіе края. Итакъ, изъ 3-хъ нѣтъ 2-хъ. Въ Декабрѣ прошлаго года я представилъ о замѣщеніи секретаря, и шестой мѣсяцъ нѣтъ утвержденія; четырехъ помощниковъ до сихъ поръ не назначаютъ, ожидая выпуска изъ школы правовѣдѣнія, какъ будто не школьники для канцеляріи, а Сенатъ для школьниковъ. Грустно это, и при большей независимости я давно бы оставилъ этотъ постъ.

VII. Замѣчателенъ указъ объ учрежденіи Сибирскаго комитета въ томъ же видѣ какъ и Кавказскій. Зачѣмъ же уничтожили прежній? Потому ли, что не было Анисимова? Былъ Сперанскій. Или потому, что хотятъ преобразовать край, преобразованный вчера во всемъ составѣ? Или, наконецъ, потому, что нашелся человѣкъ, завѣдующій всѣми комитетами—Бутковъ? Быстро идетъ этотъ дѣятельный и даровитый молодой человѣкъ; но, исполняя все для князя Воронцова по Кавказу, будетъ ли онъ также исполнителенъ для гг. Гасферта и Муравьева?

VIII. Н. Н. Анненковъ прекрасный и благородный человѣкъ; но вотъ три мѣсяца какъ онъ завѣдуетъ высшею цензурою, и вотъ три случая мнѣ извѣстные: 1) въ Москвѣ профессоръ Рулье, въ напечатанной лекціи, объяснялъ происхожденіе растеній изъ земли посредствомъ химическаго процесса. Въ Петербургѣ нашли это противнымъ Книгѣ Бытія 2). Въ полицейской газетѣ на дняхъ напечатано было, что ***, прибывъ въ Мюнхенъ, были въ театрѣ, гдѣ давали оперу «Блудный Сынъ». Это сближеніе нашли неприличнымъ. 3) Молодой че-

ловѣкъ И. С. Тургеневъ помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью о Гоголѣ. Тургенева посадили подъ арестъ! Какая во всемъ поспѣшность, непослѣдовательность; а между тѣмъ какіе все важные вопросы разрѣшаются и какое важное время для сихъ вопросовъ!

IX. Указъ 2-го Апрѣля о *высылкѣ* молодыхъ дворянъ изъ семействъ помѣщиковъ Западнаго края, съ 16 до 25 лѣтъ, въ гражданскую службу принятъ съ большимъ ропотомъ. Этотъ указъ написанъ жестко. Желательно бы знать, кто его присовѣтовалъ? Говорятъ, Бибиковы, но не Паскевичъ; указъ былъ приготовленъ еще въ Петербургѣ.

X. Графъ Панинъ говорилъ мнѣ о частыхъ разногласіяхъ и недостаткѣ единства въ воззрѣніяхъ по дѣламъ въ Сенатѣ, особенно въ общихъ собраніяхъ и на Консультаціи. Графъ замѣчаетъ справедливо; но что же тутъ дѣлать оберъ-прокурору? Развѣ онъ не знаетъ этихъ гг. сенаторовъ: генерала Че—шова, Ба—рина, Лип—каго, Г—на, Тру—кова, Бух—а? По составу Сената единства воззрѣній быть не можетъ. Могъ бы быть авторитетъ, могли бы поддержать это единство первоприсутствующіе; но поддержать-ли ихъ гг. Дур—ъ, Полуд—ій, Гор—ли, чающіе движенія воды, или г. Ч—въ, ничего не понимающій, или г. Кочубей, понимающій, но лѣнивый. Грустное время!

XI. Дѣла идутъ кое-какъ. Я описалъ это министру подробно въ донесеніи отъ 31 Августа 1851 года. Десять лѣтъ знаю я Консультацію, учрежденіе по составу своему и по началу полезное и прекрасное; но что изъ него сдѣлали? Когда тамъ сидѣли Пинскій, Данзасъ, даже Капгеръ—былъ авторитетъ, было достоинство и довѣріе. Пинскій со своею отличною памятью и логикой и какъ директоръ, которому извѣстны случайныя дѣла и общія толкованія, былъ для насъ очень поучителенъ. Данзасъ, при всѣхъ этихъ качествахъ, съ умомъ болѣе многостороннимъ, не первенствовалъ единственно потому, что, увлекаясь игрою въ карты, рѣдко читалъ бумаги. Теперь же что? Плисовъ, Салтыковъ, Цеймернъ—ихъ никто не послушаетъ. Быковъ? Да, но отсутствіе теоретическихъ познаній мѣшаетъ ему быть многостороннимъ. Г-ну Топильскому некогда, такъ какъ онъ заваленъ порученіями. Остаются Матюнинъ и я; но Матюнинъ слишкомъ остороженъ, а я неостороженъ и слишкомъ давно въ загонѣ. Еще есть Подчаскій, графъ Зубовъ и князь Кочубей, которые не умѣютъ ни работать, ни понимать дѣло. Зубковъ, Карцовъ и Торнау такъ не смѣлы, что на нихъ никто не положится. А между тѣмъ, отъ предсѣдательствующихъ зависитъ многое, и они могли бы быть существенно полезны. Дайте хорошаго первоприсутствующаго, и вы установите порядокъ.

XII. Иванъ Кирѣевскій (издатель «Европейца») помѣстилъ въ Аксаковскомъ «Московскомъ Сборникѣ» любопытную статью о просвѣщеніи Европы по отношенію къ Россіи. Я съ большимъ вниманіемъ читалъ эту статью Славянофила, написанную не тяжело и довольно послѣдовательно. Попадаются странныя выраженія въ родѣ «цѣльность духа», не совсѣмъ понятныя для читателя. Статья говоритъ, что образованіе Запада хуже нашего, религія Римская хуже Византійской и что мышленіе, связанное силлогизмомъ, даже въ окончательномъ выраженіи, въ сочиненіяхъ Гегеля, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ всесторонняго ума. Хорошо; но высшее развитіе старой Россіи есть государство Алексѣя Михайловича. Можно-ли его сравнить съ эпохой Людовика XIV-го? Посмотрите, какъ сильныя эти Русскія стихіи и при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ проникаются чужеземнымъ вліяніемъ и какъ мало разумной оппозиціи представили они въ эпоху Петра, порывисто и поспѣшно принявшагося за реформы.

XIII. Вотъ не стало и Жуковскаго! Онъ скончался вскорѣ послѣ Гоголя. Много пишутъ теперь о томъ и о другомъ, называя обоихъ великими: въ Москвѣ Гоголя, здѣсь Жуковскаго. Великими ихъ назвать не за что. Униженная, пишущая братія даетъ имъ это названіе, чтобы подразнить великихъ міра сего. Я выразилъ свои мысли о Гоголѣ въ письмѣ къ графу А. П. Толстому. Гоголь былъ геніальный художникъ, по творчеству выше Жуковскаго и даже Пушкина. Несчастіе его, что онъ явился въ эпоху неблагопріятную, выработался недостаточно и созрѣлъ ранѣе, нежели развился. Онъ навсегда удержитъ громкую извѣстность; но вліяніе его на литературу, вліяніе на образованіе народа, на жизнь, не только не равносильно его генію, но, пожалуй, вредно. Онъ хотѣлъ искупить вредъ, который могъ принести, «Отрывками изъ переписки съ друзьями», поставилъ себя въ ложное положеніе, зачахъ, заглохъ и умеръ. Иное дѣло Жуковскій. Поэтъ, Эолова арфа, онъ оглашалъ свои чувствованія, рѣдко не заимствованныя, постоянно почти не самостоятельныя. Съ творчествомъ второстепеннымъ, безъ знанія людей и практической стороны жизни, онъ чувствовалъ сильно, но не глубоко, искупая все благородствомъ, свѣтлыми небесными видѣніями, выражаясь съ тою прелестью и чистотою, которыя возможны только для живущаго въ идеальномъ созерцаніи. И для Жуковскаго было время ложнаго положенія: это, когда онъ сдѣлался воспитателемъ Цесаревича *). Поэтъ, предназначенный играть на

*) Воззрѣніе очень распространенное, не не точное: В. А. Жуковскій никогда не былъ воспитателемъ Александра Николаевича, а только инспекторомъ его классовъ. Воспитателемъ былъ человѣкъ добрый, но слащавый и весьма тѣснаго кругозора, К. К. Мер-

золотыхъ струнахъ благозвучныя пѣсни, руководитъ воспитаніемъ Наслѣдника, предназначеннаго для дѣйствій, въ которыхъ должна проявляться желѣзная воля, направленіемъ и настроеніемъ. Оставайся онъ Бардомъ у престола Русскаго, воспѣвая величіе, передавая намъ Шиллера и Байрона—и вліяніе его на воспитаніе націи въ преданности царскому дому, въ любви къ благородству, въ стремленіи къ истинѣ было бы сильнѣе и благотворнѣе. Переселенію его въ Германію мы обязаны тѣмъ, что свѣтлый потокъ опять обрѣлъ свое ложе, и поэтъ на старости лѣтъ своихъ подарилъ насъ прекрасными, лучшими дарами своей поэзіи. Изъ всѣхъ статей о Гоголѣ и Жуковскомъ мнѣ нравятся стихи графини Ростопчиной, помѣщенные въ 59 № «Московскихъ Вѣдомостей».

XIV. Пріятно Русскому сердцу, когда слышишь, какъ чествуютъ Государя въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Нашъ великій Государь—глава Европы въ полномъ смыслѣ слова. Съ 1830 года можно признать въ Исторіи «Вѣкъ Николая І-го». Отмѣна Польскаго учрежденія и покореніе Польши, а затѣмъ постоянное стремленіе къ учрежденію въ Европѣ чистаго монархическаго начала характеризуютъ и опредѣляютъ этотъ вѣкъ, ознаменованный упадкомъ парламентскихъ правительствъ. Долго-ли продолжится это направленіе? Дай Богъ, чтобы подолѣе: Европѣ нуженъ отдыхъ.

XV. Обѣдали мы у Данзаса, и много было толковъ обо всемъ и обо всѣхъ. Графъ Віельгорскій, между прочимъ, разсказывалъ о поэтѣ Державинѣ. Получивъ стихи перевода графа Віельгорскаго, маститый поэтъ издалъ ихъ, по разсѣянности, подъ своимъ именемъ. Графъ Віельгорскій похожъ на маркиза стараго Французскаго двора, очень словоохотливъ и много знаетъ.

XVI. Сидѣлъ у меня сенаторъ В. А. Обручевъ и много толковалъ о Польшѣ, изъ которой только что пріѣхалъ. Говорилъ о послѣдствіяхъ указа 2-го Апрѣля о высылкѣ Польской молодежи на службу, о томъ, какъ губернаторъ графъ Езерскій умѣлъ польстить Царю, представивъ 90 молодцовъ, добровольно вызвавшихся вступить на службу. Говорилъ онъ и вообще о нерасположеніи Поляковъ къ намъ. При этомъ онъ разсказалъ, что, желая улучшить свой маіоратъ, онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи сосѣднимъ панамъ. Паны отвѣчали: «Вла-

---

деръ, изъ дневника котораго видно, какъ рѣдко приходилось Жуковскому участвовать и въ самомъ обученіи Великаго Князя. Жуковскій былъ умнѣе, образованнѣе и безмѣрно даровитѣе всѣхъ окружавшихъ Наслѣдника Престола, и вліяніе имѣлъ лишь благодаря обаянію прекрасной души своей. Онъ предлагалъ руководителемъ воспитанія графа Каподистрію! П. Б.

димиръ Аѳанасьевичъ, позвольте посовѣтовать вамъ откровенно; не кладите капитала на имѣніе, съ которымъ Богъ знаетъ что можетъ случиться. Посмотрите на Европу! Какія превратности невѣроятны?» Если паны говорятъ такъ съ Русскимъ генераломъ, стало-быть вліяніе Русскихъ на Поляковъ слабо, и противодѣйствіе Польскому духу неосновательно.

XVII. Въ то время какъ я убиваюсь мыслью о дурномъ состояніи моей канцеляріи, составъ которой дѣйствительно очень плохъ и недостаточенъ, графъ Панинъ поручаетъ мнѣ (9-го Іюля, № 3227) объявить признательность за примѣрную дѣятельность канцеляріи! А у меня билеты воруетъ Баш—ій, бумаги растеряли Депрерадовичъ, Катакази и Розингъ; дѣла растрепали и потеряли Трузсонъ, Лихардовъ и Шахматовъ. Въ экспедиціяхъ связки бумагъ, которыхъ приложить некуда.

XVIII. Сегодня, 12-го Іюля, похоронили мы сенатора Павла Ивановича Севастьянова. Миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Мы сошлись съ нимъ и любили другъ друга. Это былъ благодарный, сердобольный къ солдатамъ начальникъ, прямой слуга Царя и вѣрный пріятель. Послѣ него остались три дочери и два сына. Двѣ дочери въ институтѣ. Сыновья въ Пажескомъ корпусѣ.

XIX. Когда Дибичъ, какъ начальникъ Главнаго Штаба, находился при Государѣ, а князь Волконскій при Государынѣ, Дибичъ получилъ подробныя свѣдѣнія о заговорщикахъ; но положеніе Государя не позволяло говорить ему о столь важныхъ дѣлахъ. Дибичъ обратился къ князю Волконскому и требовалъ, чтобы онъ узналъ отъ Императрицы, кто наслѣдникъ престола. Императрица сказала, что, сколько ей извѣстно, особыхъ распоряженій нѣтъ и что наслѣдникомъ должно считать Константина. Тогда Дибичъ, опасаясь сумасбродной тревоги, призываетъ г.-адъютанта Чернышова и именемъ Его Величества приказываетъ ему немедленно отправиться въ Тульчинъ и арестовать Пестеля и др. По кончинѣ Императора, Дибичъ послалъ два рапорта въ Петербургъ и Варшаву, оба съ надписью: «Его Императорскому Величеству».

XX. Государь думаетъ объ отмѣнѣ вакантнаго времени. Замѣтя по вѣдомостямъ Сената накопленіе недоложенныхъ дѣлъ, онъ приказалъ министру сообразить, какъ это лучше устроить, не раздражая стариковъ. Графъ большой охотникъ до ограниченій и теперь обсуждаетъ этотъ вопросъ. Мнѣ кажется, это можно было бы сдѣлать такъ: 1) сенаторы, вновь назначенные, вакантомъ не пользуются въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, 2) предоставляется пользоваться вакантомъ сенаторамъ, прослужившимъ болѣе трехъ лѣтъ, съ условіемъ, однако, чтобы

въ каждомъ департаментѣ оставалось не менѣе трехъ, 3) сенаторы, болѣе десяти лѣтъ присутствующіе, пользуются вакантомъ по очереди. Въ самомъ дѣлѣ, эти ваканты въ наше требовательное время противорѣчатъ значенію правительства и правосудію. Человѣкъ подъ судомъ, имѣніе въ тяжбѣ, а дѣло стой, потому что судьи набираются воздухомъ. Поразитъ это преобразованіе особенно Московскихъ сенаторовъ.

XXI. Сего 26 Августа кончилъ министерское поприще князь Чернышовъ, на которомъ онъ продержался 25 лѣтъ. Я не въ состояніи судить, въ какой мѣрѣ въ военномъ отношеніи заслужилъ Чернышовъ похвалы, высказанныя въ рескриптахъ. Довольно близко видѣлъ я хозяйственную часть военнаго министерства и могу сказать, что всѣ многочисленныя измѣненія, касающіяся этой части, клонились исключительно къ одному: скорости исполненія. Воровство дѣлопроизводителей, извороты и обманы поставщиковъ устранены весьма недостаточно, и выгоды казны ограждены немного болѣе выгодъ солдата, которыя нерѣдко совершенно предоставлены произволу. Впрочемъ, внѣшнее улучшеніе въ управленіи военнаго вѣдомства ощутительно и замѣтно болѣе, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ. Къ чести князя Чернышова можно сказать, что онъ вывелъ многихъ въ люди, что онъ искренне преданъ Государю и что, имѣя полную возможность, никогда не былъ временщикомъ. Ни армія, ни Петербургъ, ни Великіе Князья его не любили; но онъ держался крѣпко и съ достоинствомъ. Рѣдкіе могутъ имѣть такое блестящее поприще; еще менѣе кто можетъ имъ такъ пользоваться.

XXII. Назначеніе графа Адлерберга министромъ двора и графа Перовскаго министромъ удѣловъ было давно ожидаемо. Не ожидали, что Д. Г. Бибиковъ былъ бы назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Бибиковъ человѣкъ умный, всегда отличавшійся порядкомъ и выразительностью мѣръ, принимаемыхъ для поддержанія порядка. Можетъ быть, онъ измѣнитъ систему, дѣйствовавшую при Перовскомъ. Перовскій человѣкъ весьма умный, образованный и дѣятельный; но онъ, кажется, не совсѣмъ правильно признавалъ все и всѣхъ (какъ-то начальниковъ губерній, даже сословія, особенно дворянское) за подчиненныхъ канцелярскихъ чиновниковъ и въ этомъ тонѣ обращался къ нимъ. Нѣкоторыя мѣры его, напримѣръ торговая полиція, городское хозяйство, заслуживаютъ полной признательности; но онѣ введены плохо и исполняются еще хуже. Очень рѣзки были вмѣшательства графа Перовскаго въ веденіе слѣдствій, въ судебное вѣдомство, напримѣръ по золотопромышленнымъ дѣламъ сестры его графини Толстой. Особенно рѣзки его мѣры противъ Евреевъ и раскольниковъ. Униженіе всякой мѣстной власти и дерзость въ сношеніяхъ со всѣми

тѣми, кто стоитъ ниже, заставляетъ забывать лучшія качества бывшаго министра. Графъ Перовскій министромъ съ 1841 года; онъ облѣнился и усталъ; онъ же не здоровъ.

XXIII. Тяготитъ меня положеніе моего департамента: разстроены сильно и личный составъ, и порядокъ. Во второй экспедиціи обнаружены разные безпорядки и растрачены дѣла. Я хотѣлъ объясниться съ министромъ по поводу этого о чиновникѣ Гауерѣ весьма способномъ, но поверхностномъ; вдругъ получаю приказъ о назначеніи Гауера, какъ достойнѣйшаго, оберъ-секретаремъ. Разъ четырнадцать, по крайней мѣрѣ, Виленская палата просила о присылкѣ дѣла и не получала отвѣта, а бумаги валялись безъ доклада. Когда я замѣтилъ секретарю Трузсону, что это важный безпорядокъ и предложилъ ему перейдти на службу въ провинцію, мальчикъ обидѣлся и отвѣчалъ мнѣ: „Я постараюсь освободить васъ отъ себя и самъ попрошу о назначеніи меня товарищемъ предсѣдателя!» Хороша подчиненность и хороша власть начальника. Министерство парализуетъ всякую власть непосредственныхъ начальниковъ, которымъ ужъ и такъ трудно рѣшаться на строгія мѣры, ибо въ настоящую минуту министерства хотятъ отличиться милосердіемъ. Писецъ Дубило, постоянно отсутствуя, предался пьянству; я уволилъ его безъ прошенія и представилъ для помѣщенія въ приказахъ. Дубило отъ имени Топильскаго просилъ, чтобъ его уволили по прошенію. Не смотря ни на какія замѣчанія съ моей стороны, я ничего не могъ сдѣлать, и пьяницу уволили по прошенію.

Октябрь. XXIV. Сегодня Государь вернулся изъ поѣздки предпринятой для обозрѣнія войскъ и состоянія южнаго края. Наградъ роздано много, но были и строгости. Государь очень хвалитъ Малороссію. За *смотръ* Лидерсъ получилъ Андрея; внучки графа Никитина назначены фрейлинами; Данненбергъ за 5-й корпусъ удостоился Александра. Вотъ и Лейхтенбергскій скончался сегодня, 20-го Октября въ ночь. Мало участія высказывается къ этому залетѣвшему орлу; немногіе понимали прекрасныя качества души его. Старикъ король Прусскій, можетъ быть, былъ правъ, порицая бракъ великой княжны съ этимъ выходцемъ. Миръ праху твоему, усопшій!

XXV. Обнародованы измѣненія пенсіоннаго устава. Эти измѣненія сводятся лишь къ уменьшенію пенсій въ суммахъ и срокахъ. Впечатлѣніе произвели эти измѣненія самое непріятное. За то легче будетъ казначейству. Странное дѣло! У насъ почти никакого обезпеченія прямой и вѣрной службы. Произволъ совершенный. Въ Государственномъ Совѣтѣ законодательною частію завѣдуетъ нашъ бывшій об.-прок. Норовъ, никогда законодательствомъ не занимавшійся.

XXVI. Генералъ В. А. Обручевъ разсказывалъ мнѣ интересные факты о Польской компаніи 1830 г. и о Хивинской экспедиціи 1839 г. Паскевичъ, по прибытіи въ Пултускъ, потребовалъ отъ начальника штаба отвѣтовъ на нѣкоторые важные вопросы о количествѣ, положеніи, способахъ арміи, сношеніи съ мятежниками и т. п. Вопросы эти подписаны фельдмаршаломъ и въ подлинникахъ находятся у Обручева. Отвѣты писалъ графъ Толь, переписывалъ Обручевъ. Дѣло въ томъ, что вопросы эти были ранѣе уже представлены Паскевичу, который забылъ объ этомъ. Толь, воспользовавшись этимъ и, на зло Паскевичу, противъ каждаго вопроснаго пункта написалъ: представлено, представлено и т. д. На вопросъ о партіяхъ въ Варшавѣ упомянуто о Лелевелѣ и князѣ Чарторижскомъ и сказано, что главнокомандующій Скрженецкій. О партіи Русской не сообщено точнаго ничего. Вообще всѣ отвѣты были неудовлетворительны, и поведеніе Толя, какъ можно заключить изъ разсказа, было вѣтреное, нетерпѣливое. Будучи оконтуженъ въ руку, Паскевичъ слегъ въ постель, поручивъ осаду Варшавы Толю. По взятіи Варшавы, вытребовавъ къ себѣ штабъ, побѣдитель приказалъ дежурному генералу (Обручеву) отдать приказъ, что фельдмаршалъ выздоровѣлъ и вступаетъ въ должность. Приказъ тотчасъ былъ написанъ, подписанъ и напечатанъ. Конечно Паскевичу, не объявившему о своей болѣзни, не слѣдовало объявлять и о выздоровленіи и, такимъ образомъ, отдавать часть славы Толю, который дѣйствовалъ лишь по предписанію фельдмаршала. «Этого», прибавляетъ Владиміръ Аѳанасьевичъ, «Паскевичъ мнѣ не могъ простить!» Зачѣмъ же, впрочемъ, Обручевъ (дежурный генералъ) не доложилъ своихъ соображеній? Это однако дало Толю право изобразить на портретѣ своемъ взятіе Варшавы. На вопросъ Государя, спросившаго умышленно: «А чтó тамъ сзади за пожаръ?» Толь отвѣчалъ: „Это Варшава, Ваше Императорское Величество, въ ту минуту, какъ я взялъ ее.» Государь отворотился съ неудовольствіемъ.

Дѣло Хивинское—это собственноручное неправильное донесеніе В. А. Перовскаго о совершеніи экспедиціи. Любопытно то, что Перовскій чрезвычайно затруднялся объяснить: чтò мы будемъ дѣлать взявъ Хиву и, покоривъ ее, какъ прокормить армію и какъ возвратиться?

XXVII. Сегодня, 29-го Ноября, разсматривали мы на Консультаціи дѣло объ имѣніи и дѣтяхъ князя Петра Алексѣевича Голицына и жены его княгини Елисаветы, рожденной Злотницкой. Дѣти: князь Антонъ, женатый на графинѣ Моранжье, князь Августинъ, женатый на графинѣ де-ла-Рошъ-Эймòнъ, князь Петръ, женатый на Русской. Въ дѣлѣ участвовали и дочери: графиня Бертье и графиня Мощинская.

Дѣло заключается въ томъ что, князь Петръ Голицынъ, въ Мартѣ 1837 года, оставилъ Россію, продавъ Гжатское имѣніе свое (4 тыс. душъ и 17 тыс. десятинъ) шурину своему Злотницкому очевидно безденежно (что̀ подтверждается показаніями), для перевода стоимости его во Францію т.-е. въ видѣ fidei commissi. Тамъ князь Петръ купилъ замокъ, паркъ, землю Фретильи за 400 франковъ, уплаченныхъ 22-го Іюня 1838 г., и отель въ улицѣ Барбе въ Парижѣ за 150 тыс. франковъ. Здѣсь онъ женилъ старшаго сына и умеръ въ 1842 году. Между тѣмъ обстоятельства разстроились, земля Фретильи и домъ проданы, и семья осталась безъ средствъ и внѣ возможности удовлетворить требованія контрактовъ, по которымъ такъ много обѣщано и сыновьямъ, и зятьямъ, и дочерямъ, и невѣсткамъ. Тогда въ 1843 году князь Антонъ пріѣхалъ въ Россію и купилъ Гжатское имѣніе Столбово у Злотницкаго, совершилъ купчую на свое имя и вступилъ во владѣніе. Братъ Августинъ, зятья и сестры принесли жалобу, объясняя, что имѣніе не куплено, а возвращено по обязательствамъ, выданнымъ 1837 г., и что имѣніе должно принадлежать всему семейству. Это повело къ спору. Государь приказалъ разобраться посредничествомъ, а потомъ, по новому докладу, приказалъ разобрать дворянству, съѣхавшемуся на выборахъ въ Смоленскѣ. Дворяне, 345 противъ 22, рѣшили, что имѣніе должно быть признано родовымъ. На это княгиня Елисавета, князья Антонъ и Петръ принесли жалобу, прося передать дѣло министру юстиціи. По докладу П. Д. Илличевскаго приказано разобрать это дѣло, на правахъ Верховнаго Совѣстнаго Суда, первому общему собранію, изъ котораго, по разногласію сенаторовъ, дѣло перешло на Консультацію.

*

Вотъ прошелъ и 1852 годъ. Едва ли это не самый дѣятельный годъ реакціи, выразившейся въ возстановленіи Имперіи. Какъ бы то ни было, но спокойствіе Европы нѣкоторое время зависитъ отъ Наполеона; онъ это знаетъ и этого не скрываетъ. Онъ сказалъ: «Quand la France est satisfaite, le monde est tranquille!» *) Войны въ 1851 и 1852 году не было; но наградъ военнымъ роздано несмѣтное число, какъ на Западѣ такъ и у насъ, даже до пресыщенія.

---

*) Когда Франція удовлетворена, міръ спокоенъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. Н. ОСТРОВСКОМЪ *).

Кончина его и похороны.—Замѣтки о его дѣятельности и выписки изъ посмертныхъ бумагъ.

Утромъ, въ день кончины, одѣвшись при помощи своей супруги Марьи Васильевны, Александръ Николаевичъ твердою поступью и безъ поддержки перешелъ изъ спальни въ кабинетъ, не смотря на то, что при обуваніи ноги его сгибались какъ плети. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что обладая силой воли, онъ не падалъ духомъ и смѣло шелъ на встрѣчу смерти, гдѣ бы она ни накрыла его? Почувствовавъ приближающійся конецъ своей жизненной драмы, онъ не желалъ, чтобы горячо любимая имъ жена присутствовала при этомъ „послѣднемъ актѣ", и настоялъ, чтобы она немедленно отправилась къ обѣднѣ по случаю праздника Св. Духа. По ея отъѣздѣ, Александръ Николаевичъ занялся чтеніемъ „Русской Мысли" и, между прочимъ, разговаривалъ со старшею дочерью, Марьею Александровною; потомъ вдругъ сказалъ: „Мнѣ дурно.... воды...."

Не успѣла дочь выбѣжать изъ кабинета за водой, какъ Александръ Николаевичъ, желая по своему обыкновенію подняться и быть на ногахъ во время припадка, упалъ со стула и правою стороною лица ударился, вѣроятно, о край стола; ибо мы видѣли потомъ на выпуклыхъ частяхъ виска и щеки два подтека по одному, съ небольшимъ перерывомъ, направленію. На зовъ испуганной дочери сбѣжались всѣ бывшіе въ домѣ молодые люди, сыновья Александръ и Михаилъ Александровичи и студентъ Шанинъ; они посадили его въ кресло. Умирающій прохрипѣлъ раза три, всхлипывалъ нѣсколько секундъ и затихъ....

Такъ отошелъ въ вѣчность на 64-мъ году жизни нашъ знаменитый драматургъ 2 Іюня 1886 года, въ день Св. Духа. Родился онъ въ Москвѣ, 31 Марта 1823 года.

Дали знать, скрывая горькую дѣйствительность, въ церковь Св. Николая села Погоста-Бережки, гдѣ находилась Марья Васильевна. Несчастная въ безпамятствѣ прибыла домой и съ пронзительнымъ крикомъ упала безъ чувствъ на теплый трупъ усопшаго....

---

*) См. выше, стр. 491.

Въ № 159 „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 13 Іюня 1887 года профессоръ Остроумовъ, по своимъ неоднократнымъ наблюденіямъ Александра Николаевича, опредѣляетъ болѣзнь его такъ: „Хроническое пораженіе кровеносныхъ сосудовъ (атероматозное перерожденіе) и увеличеніе сердца. Въ связи съ этимъ онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ припадками удушья (asthma cordiacum); особенно усилились эти припадки въ послѣднее время и вѣроятно были причиной его смерти“.

На одномъ со мною поѣздѣ ѣхали изъ Москвы И. И. Шанинъ, младшій сынъ покойнаго и родственники Марьи Васильевны, которые сопровождали *домовище* для усопшаго—изящной работы металическій гробъ и богатый, шитый золотомъ покровъ. На томъ же поѣздѣ, пересѣвъ въ Новкахъ съ Нижегородской на Шуйско-Ивановскую дорогу, изъ Петербурга по прямому сообщенію ѣхалъ братъ покойнаго министръ Государственныхъ имуществъ статсъ секретарь Островскій.

По пріѣздѣ въ Кинешму, 4 Іюня въ 11 часовъ утра, я закупилъ матеріалу для подушки подъ привезенный мною вѣнокъ, чего не успѣлъ сдѣлать въ Москвѣ, и въ наемномъ тарантасѣ, мы съ И. И. Шанинымъ, переправясь на паромѣ, выѣхали изъ Кинешмы въ Щелыково, находящееся на противоплоожной сторонѣ Волги, въ 20 верстахъ отъ берега. Знакомая уже намъ, испорченная дождями, грунтовая дорога казалась невыносимою, не смотря на то, что, благодаря проѣзду г. министра, болѣе или менѣе постарались ее облагообразить. Воображаю, какую муку испытывалъ на ней нашъ многострадальный больной Александръ Николаевичъ!... Наконецъ, мы миновали безконечные дремучіе лѣса, которые вплоть до Щелыкова, за рѣдкимъ исключеніемъ, гдѣ проглянетъ поляна или деревушка, окаймляютъ дорогу. Вотъ, влѣво отъ дороги, по которой мы подымались вверхъ, выглянула изъ-за деревьевъ дорогая намъ усадьба съ жилыми и хозяйственными постройками. Она гнѣздится на площади высокаго холма, господствующаго надъ утопающимъ подъ нимъ, на его же скатѣ, обширнымъ садомъ, верхняя часть котораго, передъ террасой и вообще съ лицевой стороны дома, испещрена небольшими цвѣтниками и газонами; есть и бесѣдки, закутанныя въ зелень. Внизу у подножья холма протекаетъ рѣка Сендича, впадающая въ Меру или Меричку; а эта послѣдняя въ свою очередь впадаетъ въ Волгу. За садомъ тонетъ лѣсъ. Куда ни глянешь, прелестныя панорамы!... Кабинетъ, въ которомъ скончался нашъ знаменитый драматургъ, выходилъ окнами на эту картинную мѣстность....

„Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ“... Въ столовой, самой обширной изъ комнатъ большаго деревенскаго дома, гдѣ когда-то мы благодушно проводили время, лежалъ усопшій во временномъ тесовомъ гробу, тщательно укрытый полотнянымъ саваномъ и засыпанный живыми цвѣтами. Благодаря наглухо закрытымъ окнамъ, отчего воздухъ не могъ проникнуть въ комнату, а также подложенному подъ столомъ льду, прахъ сохранился безъ малѣйшаго разложенія и запаха, не смотря на то, что шли

уже третьи сутки. Въ сторонѣ, на почтенномъ разстояніи, влѣво отъ изголовья, облаченный въ стихарь псаломщикъ уныло читалъ Псалтирь. По разсказу покойнаго, я узналъ въ немъ Ивана Ивановича, руководителя рыболовствомъ на рѣкѣ Меричкѣ. Я поинтересовался взглянуть на лицо покойнаго и осторожно развернулъ саванъ. Лицо показалось мнѣ нѣсколько полнѣе, свѣжѣе и, понятно, спокойнѣе, нежели въ послѣдніе дни его страданій. Легкая, торжествующая улыбка на устахъ какъ бы подтверждала такъ еще недавно сказанное имъ: „Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ такая жизнь“. Я напечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй на открытомъ холодномъ челѣ...

На отслуженной около 6 часовъ вечера мѣстнымъ духовенствомъ панихидѣ присутствовали всѣ родные, близкіе и знакомые, бывшіе на лицо, за исключеніемъ убитой горемъ супруги покойнаго. Послѣ панихиды мы, бывшіе на панихидѣ мущины, переложили покойника изъ тесоваго въ металическій гробъ. Тутъ случилось небольшое недоразумѣніе, тотчасъ, однако, устраненное: гробъ оказался нѣсколько короче тѣла, такъ что пришлось выбросить изъ-подъ тафтяной настилки часть стружекъ, и тѣло уложено было какъ слѣдуетъ. Къ выносу въ церковь ввели Марью Васильевну *проститься* съ дорогимъ прахомъ. Для тѣхъ, кто зналъ ее близко, осунувшаяся, да еще въ траурѣ, она была неузнаваема. На ней, что̀ говорится, лица не было; за короткое время она успѣла посѣдѣть и, видимо, ничего не сознавала. Всхлипывая чуть слышно, она взяла руку усопшаго, потрясла ее и, впавъ въ сильный обморокъ, повалилась. Но ее успѣли подхватить и вынести въ безчувственномъ состояніи.

При разгулявшейся погодѣ, выносъ тѣла въ церковь Св. Николая что̀ въ селѣ Бережкахъ, почти въ двухъ верстахъ отъ Щелыкова, происходилъ слѣдующимъ порядкомъ: впереди несли образа и крестъ съ изображеннымъ на немъ Распятіемъ; потомъ шли пѣвчіе и духовенство; за ними, съ металическимъ вѣнкомъ съ фарфоровыми цвѣтами и надписью на лентахъ: „Незабвенному Александру Николаевичу Островскому отъ друзей-дворянъ Кинешемскаго уѣзда“, слѣдовалъ предводитель дворянства П. Ѳ. Хомутовъ и съ серебрянымъ вызолоченнымъ, въ видѣ лавровыхъ вѣтвей, вѣнкомъ отъ Общества Русскихъ драматическихъ писателей шелъ я; а за мною родные и знакомые покойнаго, также и мѣстные крестьяне чередуясь несли подъ роскошнымъ покровомъ открытый гробъ, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ, частью пѣшихъ, частью въ экипажахъ, и огромной толпы крестьянъ обоего пола.

Снятое со льда и обвѣтренное воздухомъ тѣло начало быстро разлагаться въ церкви, такъ что послѣ службы по приказанію Михаила Николаевича гробъ былъ закрытъ.

На другой день, 5 Іюня, погода была ясная, играло на небѣ солнышко; обѣдня началась въ 12 часу, такъ какъ ожидали прибытія родныхъ и знакомыхъ, желавшихъ личнымъ присутствіемъ на похоронахъ почтить память усопшаго. Между прочимъ, прибыли изъ Москвы: Марья Н—вна и П. Н—чъ Островскіе (сестра и братъ покойнаго отъ втораго брака его

отца) и А. А. Майковъ, возложившій на гробъ роскошный вѣнокъ отъ управленія Императорскихъ Московскихъ театровъ; изъ Костромы—представитель мѣстнаго губернатора г. Арцимовичъ, Костромской губернскій предводитель дворянства А. И. Шиповъ, управляющій государственными имуществами Костромской и Ярославской губерній г. Герке и представители Костромскаго окружнаго суда; изъ Иванова-Вознесенска управляющій мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка Д. П. Яковлевъ; изъ Кинешмы мировые судьи (въ числѣ которыхъ состоялъ нѣкогда три трехлѣтія почетнымъ судьею и покойный Александръ Николаевичъ) и многіе другіе, а также кореспонденты газетъ.

Вѣнки отъ драматическихъ писателей, отъ друзей-дворянъ Кинешемскаго уѣзда и отъ чиновъ судебнаго вѣдомства и Костромскаго окружнаго суда, возложенный судебнымъ слѣдователемъ г. Беркштамомъ, лежали на покрытомъ чернымъ бархатомъ табуретѣ, стоявшемъ у подножія гроба. Послѣ погребенія еще были доставлены вѣнки металическіе съ фарфоровыми цвѣтами отъ Кинешемскаго съѣзда мировыхъ судей и отъ артистовъ Императорской Московской оперной труппы, присланный почтеннымъ представителемъ ея, главнымъ режиссеромъ А. И. Барцаломъ, сдѣлавшимъ свой заказъ въ Москвѣ чрезъ телеграмму изъ Остзейскаго края, гдѣ въ то время находился самъ г. Барцалъ. Литургію и панихиду совершали: Кинешемскій соборный протоіерей о. А. Горлицкій, протоіерей села Вепри, находящагося по желѣзной дорогѣ подъ Кинешмой, о. В. Горицкій и мѣстный священникъ о. А. Херсонскій. Хоръ пѣвчихъ былъ изъ Кинешемскаго собора. Во время запричастнаго стиха протоіерей А. Горицкій произнесъ приличное случаю слово на тему: „Сначала смерть, а потомъ судъ"... Послѣ отпѣванія, сопровождаемый плачемъ и рыданіемъ родныхъ и близкихъ, гробъ вынесенъ былъ въ церковную ограду вслѣдъ за ассистентами, несшими вѣнки, впереди которыхъ шли пѣвчіе и духовенство. Саженяхъ въ восьми влѣво отъ алтаря, если стать къ нему лицемъ, на площадкѣ, обнесенной чугунною рѣшеткою, рядомъ съ могилою отца покойнаго Николая Ѳедоровича, приготовленъ былъ выложенный изъ кирпича склепъ. Гробъ поставили на лежавшіе поперекъ ямы подмостки; духовенство отслужило литію, и при звонѣ колоколовъ гробъ съ вѣнкомъ на немъ отъ управленія Императорскихъ Московскихъ театровъ опустили въ склепъ. Затѣмъ, бросивъ горсть земли, духовенство удалилось. Еще могила оставалась открытою, когда по мановенію чьей-то руки звонъ на колокольнѣ смолкъ, и я сказалъ рѣчь *).

Послѣ моей рѣчи, среди глубокой тишины, при зарываніи могилы зашумѣли земля и заступы; притаенныя до сихъ поръ рыданія, безмолвный плачъ и всхлипыванія снова вырвались наружу. Окружавшіе свѣжую

---

*) Она напечатана въ № 157, отъ 10 Іюня 1886-го года, газеты „Новости", гдѣ сказано, что рѣчь эта прервана была кратковременнымъ обморокомъ г. Кропачева, который затѣмъ очнувшись докончилъ ее. П. Б.

могилу долго еще стояли надъ нею молча и задумчиво, съ обнаженными и поникшими головами. Могилу забросали живыми садовыми и полевыми цвѣтами и на время водрузили на ней деревянный крестъ съ надписью: „Александръ Николаевичъ Островскій“.

Рѣчь моя была составлена наскоро и потому только, что никто не привезъ съ собою рѣчи; да не мнѣ бы и говорить-то было рѣчь.

Смерть застала Александра Николаевича въ такое время, когда, по окончаніи спектаклей, лучшіе артисты всѣхъ труппъ, пользуясь вакаціями, разъѣхались въ разные концы Имперіи: кто лѣчиться въ Крымъ (покойный М. А. Рѣшимовъ) или на Кавказъ (В. А. Макшеевъ), кто на гастроли (Ѳ. П. Горевъ). Также лучшая половина драматической труппы уѣхала, по приглашенію мѣстнаго генералъ-губернатора, въ Варшаву. Въ гастролировавшей въ Варшавѣ труппѣ находились: Н. А. Никулина, Г. Н. Ѳедотова, Н. В. Рыкалова, Е. Н. Самойлова, С. В. Яблочкина, Н. И. Музиль, М. П. Садовскій, А. М. Кондратьевъ (помощникъ режиссера), О. А. Правдинъ, К. Н. Рыбаковъ, И. Н. Грековъ и другіе. Остальные артистки и артисты разъѣхались по дачамъ, а въ общемъ всѣ ожидали, что прахъ покойнаго прибудетъ въ Москву. Изъ нихъ мы назовемъ М. Н. Ермолову, Н. М. Медвѣдеву, С. П. Акимову, А. П. Ленскаго, Н. А. Вильде, С. А. Черневскаго (режиссеръ) и др. Мы потому исключительно указываемъ на драматическую труппу, что она ближе другихъ была къ сердцу Александра Николаевича.

Говорить нечего, что по поводу кончины Александра Николаевича вдовою его было получено множество телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія отъ разныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

По распоряженію управляющаго Императорскими Московскими театрами А. А. Майкова, въ дни погребенія и девятый по кончинѣ Александра Николаевича, въ домовой церкви Театральнаго Училища были отслужены панихиды, на которыхъ присутствовали всѣ находившіяся въ отпуску въ предѣлахъ Москвы и ея окрестностяхъ воспитанницы, числомъ 17. Ихъ собралъ пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ покойнаго, исправлявшій по его назначенію должность инспектора Училища, дѣловитый чиновникъ Театральной Конторы И. С. Розовъ (невѣдомо почему оставленный въ послѣдствіи за штатомъ). Изъ свѣтилъ драматической труппы также присутствовала на панихидѣ Марья Николаевна Ермолова. Говорятъ, она горько оплакивала пользовавшагося симпатіями и глубокимъ уваженіемъ истинныхъ дѣльцовъ сцены знаменитаго драматурга. Тѣ изъ воспитанницъ, которыя понимали значеніе ихъ новаго начальника для школы, тоже горько оплакивали его. Онѣ не иначе его называли, какъ „добрымъ“ за простое, ласковое, отеческое обхожденіе съ ними.

Теперь заглянемъ, въ посмертныя записки Александра Николаевича касающіяся театровъ.

„Такъ какъ своимъ недавнимъ процвѣтаніемъ Императорскій Московскій театръ обязанъ былъ преимущественно своему Училищу, ибо строй-

ный ансамбль, живость и изящество исполненія только и возможны были при той богатой сценической техникѣ, которой обладаютъ бывшіе ученики Театральнаго Училища“, то Александръ Николаевичъ хотѣлъ возобновить уничтоженные въ послѣдствіи, „по экономическимъ соображеніямъ“, драматическіе классы, послѣ которыхъ оставленъ былъ обязательнымъ только танцовальный классъ, и Училище было приспособлено спеціально для балета. „Неудобство этой мѣры, — писалъ Александръ Николаевичъ въ своей запискѣ,—оказалось скоро. Когда открылась надобность пополнить драматическую труппу молодыми силами, то, за неимѣніемъ артистовъ обладающихъ сценической дѣятельностью и подготовленныхъ правильнымъ обученіемъ, пришлось довольствоваться неловкими и неумѣлыми, но имѣющими уже нѣкоторую извѣстность актерами съ провинціальныхъ, клубныхъ или любительскихъ сценъ, сразу требовавшими maximum вознагражденія по тѣмъ или другимъ амплуа, на которыя ихъ принимали и на которыя они считали себя уже готовыми артистами, завершившими свое сценическое образованіе. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что экономическія соображенія не оправдались и, за неимѣніемъ запаса артистовъ, дирекція вынуждена была принимать тяжелыя условія актеровъ частныхъ сценъ и платить имъ очень большое жалованье; тогда какъ прежде талантливые и хорошо подготовленные ученики Училища обязаны были, за даровое обученіе, служить на жалованьѣ, обыкновенно, очень небольшомъ. Такимъ образомъ *неумѣлые* и *мало полезные* театру актеры обходятся теперь дирекціи во много разъ дороже, чѣмъ обходились прежніе *талантливые* и *отлично подготовленные* артисты. Прежде изъ Училища выпускали учениковъ, всѣхъ одинаково, на самый низшій окладъ, и это была очень умная мѣра. Училище не поставляло готовыхъ, дорогихъ актеровъ; оно выпускало изъ своихъ стѣнъ только *талантливыхъ* учениковъ, *вполнѣ подготовленныхъ* къ сценѣ, которыми вся техника сценическаго искусства была усвоена въ совершествѣ; актерами эти ученики дѣлались уже на сценѣ. Они, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались постоянно совершенствоваться. Къ этому побуждало ихъ желаніе выбиться поскорѣе изъ необезпеченнаго и приниженнаго положенія артистовъ послѣдняго разряда, получать постоянно прибавки къ жалованью и занять соотвѣтствующее ихъ способностямъ видное мѣсто между извѣстными уже артистами труппы. Такимъ образомъ на Московской сценѣ былъ постоянный прогрессъ исполненія пьесъ, происходилъ ростъ талантовъ. Эстетическое наслажденіе, доставляемое сценой не ослабѣвало, а усиливалось. *Молодые талантливые школьники*, выпущенные на 300 р. жалованья, выростали на глазахъ публики въ *великихъ артистовъ*. Публика привязывалась къ нимъ, гордилась ими и горячо имъ сочувствовала. Слѣдя все съ бо̀льшимъ наслажденіемъ за возрастающими успѣхами своихъ актеровъ, публика связывалась и съ театромъ узами прочной симпатіи. Актеры, вступившіе съ воли, ни интересовать, ни привлекать публику въ такой степени не могутъ. Они сначала производятъ даже своей неловкостью и однообразіемъ непріятное

дѣйствіе. Прогресса, за всѣми малыми исключеніями, въ ихъ исполненіи нѣтъ. Въ послѣдствіи публика привыкаетъ къ нимъ и только,—сочувствія они не вызываютъ. *Равнодушіе къ актерамъ порождаетъ равнодушіе и къ театру*".

Вотъ главные мотивы, которые побудили компетентнаго въ театральномъ дѣлѣ Александра Николаевича серьозно заняться преобразованіемъ Училища. „Драматическіе классы должны служить для развитія въ ученикахъ техники сценическаго искусства. Техническая подготовка артиста состоитъ во всестороннемъ развитіи жеста и произношенія. А такъ какъ произношеніе и жестъ, прежде всего, должны быть правильными, потомъ выразительными и, наконецъ, естественными, правдивыми для даннаго лица (характерными), то и требованіе, само собою, распадается на три курса". Перечислять здѣсь преподаваніе предметовъ по курсамъ я считаю излишнимъ. Довольно сказать, что въ драматическіе классы, по проэкту Александра Николаевича, должны были приниматься ученики, экстерны, обоего пола, имѣющіе достаточное общее образованіе, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ. Обученіе безплатное. Успѣшно окончившимъ курсъ предоставлялось званіе свободнаго художника. Зачисленные изъ нихъ, по распоряженію дирекціи, въ драматическую труппу Императорскихъ театровъ обязывались за даровое обученіе прослужить *пять лѣтъ* безъ контракта, съ жалованьемъ по усмотрѣнію начальства.

Независимо отъ учрежденія драматическаго отдѣленія, при Училищѣ должны были сохраниться нынѣ существующіе классы, подъ названіемъ *приготовительнаго отдѣленія*, какъ балетная школа, необходимая Императорскимъ театрамъ: 1) для пополненія балетной труппы; 2) на удовлетвореніе потребности въ малолѣтнихъ исполнителяхъ для сценъ балетной, оперной и частію драматической; 3) для болѣе солидной подготовки учениковъ для драматическихъ классовъ, такъ какъ изъ числа воспитанницъ, живущихъ въ школѣ съ малолѣтства, предполагалось дѣлать выборъ для классовъ драматическихъ. „Воспитанницы, прошедшія балетную школу и уже освоившіяся со сценою, гораздо способнѣе принимаемыхъ съ воли. Почти всѣ наши лучшія актрисы, бывшія и настоящія, вышли изъ балета".

Теперь объ оперѣ. Александръ Николаевичъ замѣтилъ, что *равнодушіе публики къ оперѣ происходило отъ однообразія репертуара и отъ состава персонала*; поэтому и среднiй сборъ съ оперныхъ спектаклей былъ не высокъ. Новое управленіе (А. А. Майковъ и А. Н. Островскій), вступивъ въ завѣдываніе театрами среди сезона, было стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ. А начинать постановку новыхъ оперъ съ лучшимъ подборомъ исполнителей къ концу сезона было неудобно и невыгодно.

Вообще же Александръ Николаевичъ задался цѣлью поднять оперу, постепенно обновлять составъ исполнителей и ненужныхъ, непріятныхъ для зрителей и спавшихъ съ голоса артистовъ замѣнять свѣжими, молодыми силами.

„Дознано опытомъ,—писалъ онъ,—что молодые таланты очень вы-

годны для театра: ничто такъ прочно не связываетъ публику съ театромъ, ничто не вызываетъ теплыхъ симпатій ея, какъ молодые таланты, которые на глазахъ зрителей развиваются, дѣлаютъ успѣхи и становятся первоклассными. Кромѣ того, молодые артисты охотно идутъ на небольшое жалованье, такъ какъ Императорскій театръ есть для нихъ продолженіе школы. Изъ Консерваторіи они поступаютъ только пѣвцами, а артистами дѣлаются уже въ театрѣ. Принятіе молодыхъ талантовъ для театра вдвойнѣ выгодно: въ одно время и завоевываются симпатіи публики, и хорошими *дешевыми* артистами замѣняются *дорогіе плохіе*. Императорскій театръ, уже по самому своему титулу, имѣетъ благодѣтельное значеніе и потому охотно открываетъ свои двери молодымъ талантамъ, чтобы дать возможность усовершенствоваться и спасти ихъ отъ гибели на провинціальныхъ сценахъ, гдѣ они, не имѣя руководителей и ради барышей антрепренера, безъ отдыха и надлежащей подготовки исполняя, одну за другою, разныя подходящія и неподходящія партіи, рано разбиваютъ свой голосъ и теряютъ правильную манеру пѣнія".

Новое управленіе (А. А. Майковъ и А. Н. Островскій), нынѣ упраздненное, нашло, что по Императорскимъ Московскимъ театрамъ, во многихъ случаяхъ, непроизводительно затрачивались деньги. Такъ, съ своей стороны, Александръ Николаевичъ, обративъ вниманіе на оркестръ Большаго театра, нашелъ возможнымъ сократить расходъ по оркестру, на первыхъ порахъ, до 7,200 р.; конечно, въ данномъ случаѣ, ему много содѣйствовалъ г. Альтанъ (по театральному псевдо-итальянизированный Альтани). Но, съ уменьшеніемъ расхода, оркестровый персоналъ оставался неприкосновеннымъ въ своемъ составѣ.

Упавшій въ послѣднее время *балетъ* особенно озабочивалъ Александра Николаевича, тѣмъ болѣе, что, при ничтожныхъ сборахъ, содержаніе одного режиссерскаго управленія (два лица) обходилось Императорской казнѣ ежегодно до 8,000 р. безъ бенефисовъ! Александръ Николаевичъ *во что бы ни стало* хотѣлъ поднять балетъ, надѣясь возвратить ему прежнюю славу, и придумывалъ средства какъ сдѣлать это. Между прочимъ, однимъ изъ главныхъ мотивовъ для поднятія балета должны были служить *феерiи*, не говоря уже о классическихъ танцахъ. Слѣдовательно, лица, распускавшія еще при жизни его сенсаціонныйслухъ, что онъ рѣшилъ уничтожить балетъ, суть его *недоброжелатели*. Истину сказаннаго я подтверждаю его же объяснительной къ проэкту преобразованія Училища запиской, въ которой, между прочимъ, говорится, что нынѣ существующіе классы должны сохраниться подъ названіемъ *„приготовительнаго отдѣленія, какъ балетная школа, необходимая Императорскимъ театрамъ, для пополненія балетной труппой"* и проч. Если было намѣреніе уничтожить балетъ, на что̀ тогда упоминать въ зазапискѣ о *балетной школѣ* и о *балетной труппѣ*?

Драматической труппой и ея режиссерскимъ управленіемъ „опытнымъ и энергическимъ" (его выраженіе), Александръ Николаевичъ всегда былъ доволенъ. Тамъ, если и была интрига, но такъ рѣзко не била въ глаза

и никогда не доходила она до ябедъ, въ видѣ анонимныхъ писемъ на режиссерское управленіе и на сослуживцевъ, что *безцѣльно* практиковалось въ другихъ труппахъ. Будучи противникомъ интриги, Александръ Николаевичъ всякое письмо безъ подписи предавалъ сожженію въ каминѣ; поэтому ябеды не достигали *цѣли*. Выбрасывались также меморіи рекламировавшихся артистовъ, или ихъ *обожателей*, такого, напримѣръ, содержанія, которое списываю съ сохранившагося у меня подлинника: „Пріѣзжая публика (?) всепокорнѣйше проситъ поставить въ Б. театрѣ, на той недѣлѣ, „Фауста", до Воскресенья, съ участіемъ г-жи *** и г-на ***, чѣмъ много обяжутъ публику, такъ какъ приходится бывать въ Москвѣ очень рѣдко для слышанія знаменитости (?)". Подписано: „Публика". И откуда сразу набиралось столько *пріѣзжихъ*, чтобы они могли назваться *публикой?* Ничего подобнаго по драматической труппѣ не случалось, хотя въ средѣ ея есть дѣйствительно выдающіеся крупные таланты. Эту послѣднюю Александръ Николаевичъ желалъ расширить и обезпечить службу и матеріальное положеніе артистовъ, чего въ первый годъ своего завѣдыванія труппою онъ не могъ исполнить, не рискуя выдти изъ бюджета. Раздѣливъ артистовъ на разряды, согласно съ ихъ талантомъ и личными заслугами, онъ задумывалъ установить maximum и minimum, т.-е. предѣлъ постояннаго вознагражденія вообще, а служба предполагалась быть безконтрактною, коронною или государственною. Увеличеніе труппы вызывалось необходимостью устроить способныхъ дублёровъ къ артистамъ, исполняющимъ главныя и вообще отвѣтственныя роли. Въ экстренныхъ случаяхъ, напр. по внезапной болѣзни послѣднихъ, дублёры обязаны замѣнять ихъ, дабы отмѣной спектакля въ день исполненія и въ послѣдующіе дни не ломать разъ намѣченнаго репертуара и тѣмъ не портить театральные сборы.

Такъ какъ при двухъ лицахъ режиссерскаго персонала (режиссеръ и его помощникъ) некому было исполнять должность режиссера-сценаріуса, а это недостатокъ весьма важный и много вредящій ходу представленій: то Александръ Николаевичъ проэктировалъ учредить должность втораго режиссера, но только не подобно тому, какъ въ оперѣ и балетѣ со степенями главнаго и просто режиссера, а на равныхъ правахъ, потому что строгаго разграниченія обязанностей между ними нѣтъ: и режиссеру приходится исполнять должность помощника, и помощнику—должность режиссера. Должность сценаріуса полагалось возложить или на одного изъ режиссеровъ, или на обоихъ поочередно (это показалъ бы опытъ). Въ помощь режиссерамъ предполагалось назначить двухъ помощниковъ; впрочемъ, въ пьесахъ сложныхъ для исправленія должности одного изъ нихъ намѣчалось приглашать кого-нибудь изъ болѣе опытныхъ и расторопныхъ выходныхъ актеровъ, за небольшую поспектакельную плату.

Для той же цѣли, для которой основанъ въ Петербургѣ театрально-литературный комитетъ, Александръ Николаевичъ добивался учредить особый для Московскихъ Императорскихъ сценъ репертуарный совѣтъ и опер-

ный комитетъ. Въ совѣтъ, по его приглашенію, изъявили согласіе вступить профессора Московскаго университета Н. С. Тихонравовъ и Н. И. Стороженко, хранитель Оружейной Палаты и извѣстный знатокъ стариннаго Русскаго быта Н. А. Чаевъ, извѣстный переводчикъ Шекспира и Испанскихъ классиковъ Лопе-де-Вега и Кальдерона С. А. Юрьевъ и театральный рецензентъ „Моск. Вѣдомостей" С. В. Флеровъ. Оперный комитетъ ограничивался составомъ изъ двухъ членовъ совмѣстно съ главнымъ режиссеромъ оперной труппы, капельмейстеромъ и хормейстеромъ.

Къ несчастію, благимъ цѣлямъ и стремленіямъ Александра Николаевича служить на пользу роднаго искусства не суждено было осуществиться...

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ пожаловать изъ суммъ Своего Кабинета вдовѣ покойнаго драматурга на погребеніе его тѣла 3,000 р. Кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію, назначена вдовѣ нераздѣльно съ дочерьми Маріею и Любовію Александровнами пенсія—3,000 р. и, на воспитаніе сыновей покойнаго, Михаила и Сергѣя Александровичей по 600 р., малолѣтнаго Николая—1,200 р. и дочери Любови Александровны—600 р.

Н. А. Кропачевъ.

Москва, Мартъ 1888 г.

*

Въ № 4316 газеты „Новое Время", 4-го Марта текущаго года, въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ", между прочимъ, говорится, что въ Мартовской книжкѣ „Русскаго Архива" помѣщенъ мой разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни А. Н. Островскаго, причемъ авторъ замѣтки, приводя мѣсто изъ моихъ воспоминаній, заключаетъ ее слѣдующими словами:

„Такимъ образомъ, смерть его (Александра Николаевича) не была неожиданностью для лицъ, близко стоявшихъ къ нему; а медики, пользовавшіе его, прямо считали его часы сочтенными. Напрасно тогда эти лица не посовѣтовали покойному А. Н. бросить театральныя дѣла, которыя, какъ они знали отлично, подрывали (вслѣдствіе разныхъ непріятностей) и безъ того плохое здоровье драматурга".

Упрекъ хотя и основательный, но онъ разбивается самимъ же Александромъ Николаевичемъ. Еще 29 Августа 1885 года, сообщая мнѣ о предстоящемъ занятіи имъ должности начальника художественной части при Московскихъ театрахъ и называя это *счастьемъ*, онъ закончилъ письмо свое изъ Щелыкова такъ: „Ко мнѣ оно (счастье) приходитъ только подъ конецъ моей трудовой жизни, и я его жду терпѣливо".

Изъ этого можно видѣть, какъ душевно онъ былъ преданъ принятому на себя дѣлу, если называлъ его *счастьемъ*. Едва ли нашелся бы такой мудрый и доброжелательный въ интересахъ его личнаго здоровья совѣт-

чикъ, который могъ бы отговорить энергичнаго и сильнаго волей Александра Николаевича *отказаться отъ счастья.* Мнѣ извѣстно, что приглашенный мною съ согласія Александра Николаевича артистъ М. И. М—ъ, для занятій въ его рабочемъ кабинетѣ при Театральномъ Училищѣ, хотя и не могъ назваться близко стоявшимъ къ покойному великому драматургу, имѣлъ, конечно, при случаѣ возможность высказывать ему откровенно свои мысли. Какъ-то разъ, послѣ бесѣды съ бывшимъ балетнымъ режиссеромъ А. Ѳ. Смирновымъ, котораго Александръ Николаевичъ вызывалъ для необходимыхъ объясненій балетнаго дѣла, послѣдній съ своею завѣтной улыбкою обратился къ г. М—ну:

— Вотъ тутъ и разбирай, какъ знаешь...

— Вы, Александръ Николаевичъ, ужъ очень глубоко спускаетесь въ эту пропасть; въ ней такъ душно и мрачно, что позволитъ-ли ваше здоровье такъ усердно изучать ее? возразилъ г. М—ъ.

— Что жъ дѣлать, надо! сказалъ Александръ Николаевичъ и по обыкновенію опять углубился въ разсматриваніе безконечныхъ просьбъ и заявленій.

Изъ одного этого можно уже заключить, что если лица не особенно близкія къ покойному Александру Николаевичу позволяли себѣ намекать ему о неблагопріятномъ вліяніи запутанныхъ театральныхъ дѣлъ на его здоровье, то, во всякомъ случаѣ, болѣе близкія безъ сомнѣнія говорили ему тоже самое. Дѣлать дѣло спустя рукава и какъ-нибудь было не въ характерѣ покойнаго Александра Николаевича. Самъ онъ сознавалъ всю трудность принятаго имъ возстановленія Императорскихъ Московскихъ театровъ и нерѣдко высказывалъ это. Сознательно жертвуя своимъ здоровьемъ, онъ стремился поставить названные театры на принадлежащую имъ по праву степень порядка и славы; ибо, по его словамъ „порядокъ не роскошь, дорого стоющая; напротивъ онъ очень дешевъ, и Императорскій театръ, въ силу своего высокаго титула, воспитательнаго значенія и огромныхъ затратъ, долженъ быть учрежденіемъ образцовымъ, т.-е. такимъ, въ которомъ прежде всего обязателенъ порядокъ". И Александръ Николаевичъ такъ безстрашно предался благородной мысли оправдать, при энергичномъ содѣйствіи А. А. Майкова, возложенное свыше на нихъ обоихъ довѣріе, что не пропускалъ ни малѣйшаго случая или явленія въ жизни театра, чтобы не принять въ немъ самаго горячаго участія, даже и тогда, когда явленія эти не входили въ кругъ его прямыхъ обязанностей. Такъ, напр., однажды въ Маломъ театрѣ во время спектакля, Александръ Николаевичъ находился между аристами въ такъ называемой курильной комнатѣ, гдѣ возникъ разговоръ о какихъ-то деньгахъ, невыданныхъ будто бы портнымъ прежнимъ управленіемъ за неурочныя работы по ночамъ. Александръ Николаевичъ тотчасъ приказалъ позвать 7 человѣкъ портныхъ и портнихъ, которыя и объяснили ему подробно все дѣло. Онъ приказалъ имъ составить бумагу и вскорѣ препроводилъ ее къ А. А. Майкову. Вѣроятно, изъ желанія развлечь Александра Николаевича во время его объясненій съ

портными, одинъ изъ артистовъ сказалъ по адресу конторы очень незавидный эпитетъ изъ „Воеводы“ (ибо въ тотъ вечеръ какъ разъ давалась эта пьеса). Въ тоже время ставили для бенефиса М. Н. Ермоловой Шиллеровскую трагедію „Марія Стюартъ“ и, вслѣдь за портными, пришелъ къ Александру Николаевичу начальникъ бутафорскаго склада г. Т., еще неопытный молодой человѣкъ, и представилъ ему „благонадежнаго“, обтершагося между *опытными*, подрядчика, для постройки кресла для трона королевы Елисаветы. Подрядчикъ объявилъ цѣну 150 р. Александръ Николаевичъ отклонилъ благонадежнаго подрядчика и по уходѣ его сказалъ:

— Мой подрядчикъ сдѣлаетъ это за 15 рублей.

Съ этимъ согласились всѣ присутствовавшіе тамъ артисты.

Избѣгая усложнять веденіе дѣла тормозящею сплошь и рядомъ перепискою, съ соблюденіемъ разнаго рода формальностей, Александръ Николаевичъ съ А. А. Майковымъ часто рѣшали дѣла успѣшно, скоро и споро.

Все это ясно доказываетъ, съ какою любовью покойный Александръ Николаевичъ относился ко всему что̀ касалось театра, въ чемъ, конечно, были убѣждены и всѣ близко стоявшіе къ нему лица. Развѣ только докторъ могъ-бы высказать ему грозящую для его здоровья опасность отъ занятія театральными дѣлами. Другіе-же хотя и искренно желали сказать ему о томъ, но, въ виду вышеизложеннаго, не у всякаго стало бы охоты заявлять о своей опекѣ надъ здоровьемъ, въ родѣ, примѣрно, той, какую приподнесъ ему артистъ предложеніемъ особаго вагона съ койкою.

Н. А. Кропачевъ.

Воскресенскъ, Мартъ 1888.

КНЯГИНЯ Е. П. КОЧУБЕЙ.

15-го Февраля 1887 года скончалась княгиня Елена Павловна Кочубей, гофмейстерина Высочайшаго Двора.

Въ некрологѣ ея, помѣщенномъ въ газетахъ, вкрались нѣкоторыя ошибки; такъ напримѣръ сказано, что она „дочь генерала Бибикова, принимавшаго участіе въ Бородинской битвѣ".

Павлу Гавриловичу Бибикову было въ то время 26 лѣтъ, онъ былъ поручикъ и не участвовалъ въ Бородинской битвѣ, гдѣ родной братъ его, Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ лишился руки. Красавецъ собою, пылкій, восторженный, Павелъ Гавриловичъ дѣлалъ Турецкую кампанію волонтеромъ, увлекался военными дѣйствіями, бросался на встрѣчу опасностей и былъ взятъ въ плѣнъ Турками, но отбитъ солдатами, которые очень его любили. Онъ нѣсколько разъ отличался необыкновенною храбростью, но, бывши волонтеромъ, не имѣлъ права на награду. При окончаніи войны полкъ, къ которому онъ причислялся, поднесъ ему Георгіевскій крестъ, съ позволенія начальства. Павелъ Гавриловичъ очень дорожилъ этимъ крестомъ и всегда носилъ его. Когда князь Кутузовъ, его родственникъ, былъ отозванъ изъ Турціи, чтобы спасать Россію, Павелъ Гавриловичъ поступилъ на строевую службу и былъ убитъ подъ Вильною въ 1812 году. Никто не зналъ гдѣ его могила. Родной братъ его, Илья Гавриловичъ Бибиковъ, случайно нашелъ ее, въ бытность свою генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, уже въ 1848 году. Илья Гавриловичъ очень любилъ садоводство и много занимался устройствомъ сада при генералъ-губернаторскомъ домѣ. Однажды рабочіе, копая землю въ саду, наткнулись на гробъ. Одинъ изъ старыхъ садовниковъ, отставной солдатъ, доложилъ Ильѣ Гавриловичу, что это вѣроятно гробъ Павла Гавриловича, при которомъ онъ былъ деньщикомъ въ 1812-мъ году, и помнилъ, что въ этой мѣстности былъ наскоро похороненъ молодой поручикъ. Гробъ от-

крыли, и по уцѣлѣвшему воротнику мундира и солдатскому Георгіевскому кресту узнали, что это точно тѣло безвременно погибшаго Павла Гавриловича. Илья Гавриловичъ перенесъ и похоронилъ на болѣе почетное мѣсто тѣло своего брата.

Княгиня Кочубей родилась шесть недѣль послѣ смерти отца. Мать ея, Елисавета Андреевна, ур. Донецъ-Захаржевская, скоро вышла замужъ за Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Когда императоръ Александръ Павловичъ былъ первый разъ въ Москвѣ послѣ 1812-го года, императрица Марія Ѳеодоровна пожелала видѣть вдову и двухъ дочерей Павла Гавриловича, и въ то время, какъ онѣ были у Ея Величества, вошелъ Государь, взялъ на колѣни маленькую Елену, которая, унаслѣдовавъ красоту отца, поражала всѣхъ своимъ прелестнымъ личикомъ. Государь ласкалъ ее, говорилъ съ нею, и между прочимъ спросилъ: умѣетъ-ли она пѣть. «О, да!» отвѣчала маленькая красавица, и беззастѣнчиво запѣла нѣжнымъ голоскомъ: «Vive Alexandre! Vive le bien-aimé!» романсъ, который былъ тогда въ большой модѣ. Государь и Императрица улыбнулись и обласкали прелестную дѣвочку.

Съ тѣхъ поръ Елена Павловна не переставала пользоваться ласками Высочайшаго Двора. Она всегда была глубоко предана Императорской Фамиліи, и въ послѣднюю тяжкую свою болѣзнь, ей доставляло большое утѣшеніе милостивое вниманіе Ея Величества Государыни Императрицы, которая часто изволила посѣщать ее.

Бибикова.

Изъ Тульской деревни.

КЪ АРЕСТУ ГЕРЦОГА БИРОНА. РАСПОРЯЖЕНІЕ РИЖСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА ЛАССИ.

Иструкція господину полковнику Ильину.

По полученіи сей инструкціи извольте ѣхать во имѣющуюся здѣсь въ Лифляндіи собственную герцога Курляндскаго мызу Голмгофъ и съ пріѣздомъ туда накрѣпко изыскать: имѣются ли въ той мызѣ реченнаго герцога собственные пожитки, то-есть деньги и прочія драгоцѣнныя вещи, и буде имѣются, то оное запечатать и съ добрымъ конвоемъ прислать сюда. А потомъ имѣете состоящіе въ той же мызѣ недрагоцѣнные его же герцогскіе припасы, то-есть лошадей, скотъ, хлѣбъ и прочее тому подробное, описать со изъясненіемъ достовѣрно и отдать подъ охраненіе той мызы управителю и накрѣпко ему подтвердить, чтобы онъ содержалъ во всякой сохранности. И потомъ изволите возвратиться паки сюды; а что́ чего именно описано будетъ, вѣдомость подать ко мнѣ.

Въ прочемъ во всемъ поступать вамъ, какъ честному и вѣрному офицеру надлежитъ, а за оплошность подъ опасеніемъ немалаго штрафа.

Comte de Lacy.

Ноября 15-го дня 1740 году.
Рига.

(*Съ подлинника*).

Острое слово Тютчева.

Нѣкогда одинъ высокопоставленный престарѣлый сановникъ влюбился въ красавицу и, подъ тѣмъ предлогомъ, что мужъ ея былъ ему родственникомъ, поселилъ ее съ маленькими дѣтьми въ своихъ великолѣпныхъ казенныхъ палатахъ. Пріѣзжаетъ изъ губерніи мужъ и останавливается въ гостинницѣ. Сановитый старецъ, чтобы склонить его на уступчивость, вздумалъ выхлопотать ему камергерскій ключъ и для переговоровъ о томъ однажды утромъ пригласилъ его къ себѣ. На роскошной лѣстницѣ снуютъ чиновники; въ пріемной шушукаются приближенные, передавая другъ другу, что на время этого свиданія велѣно отказывать обычнымъ посѣтителямъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ и Тютчевъ. Спускаясь съ лѣстницы, встрѣчаетъ онъ новопріѣзжаго посѣтителя, который спрашиваетъ его, правда ли, что князя нельзя видѣть. Точно такъ, отвѣчаетъ Тютчевъ, князь очень занятъ: подобно жрецамъ классической древности золотитъ онъ рога своей жертвѣ передъ ея закланіемъ (il lui dore les cornes avant de l'immoler). Для людей близкихъ сравненіе со жрецомъ выходило очень мѣтко.

НОВООТКРЫТАЯ БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ РѢДКОСТЬ.

Все дѣло, какъ читатель увидитъ ниже, идетъ только объ одномъ печатномъ листѣ, появившемся при большой книгѣ, 172 года тому назадъ, но такъ основательно затерявшемся, что до сихъ поръ его не было извѣстно ни одного экземпляра.

П. П. Пекарскій въ своемъ прекрасномъ трудѣ: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1862 г.) указываетъ между прочими изданіями Петровскаго времени: *Алкоранъ о Магометѣ*, и говоритъ:

„Экземпляры Публичной Библіотеки и Каратаева *не имѣютъ особыхъ заглавныхъ листовъ*, въ листъ, 350 нум. страницъ; на первыхъ двухъ страницахъ: „О вѣрѣ Турецкой“, съ 3-ей текстъ съ выписаннымъ выше заглавіемъ. Въ первый разъ книга эта показана подъ „1716 г. въ Спб.“ въ „Росписи Ак. Наукъ“ (составленной около 1742—1747 годовъ) между книгами гражданской печати въ десть № 4. Сопиковъ (II, № 1926), повторяя тоже о годѣ и мѣстѣ печатанія книги, прибавилъ, что она переведена съ Французскаго княземъ *Дмитріемъ Кантемиромъ*. Послѣднее извѣстіе не подтверждено ни одною біографіею этого лица, а въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ (№ 148) есть рукописный переводъ Алкорана, и тамъ на послѣднемъ листѣ находимъ указаніе: „переводилъ сію книгу *Петръ Постниковъ*“... Этотъ переводъ Постникова, съ нѣкоторыми поправками и измѣненіями, и напечатанъ при Петрѣ Великомъ“. (Пек., т. II, стр. 370).

Затѣмъ *А. Ѳ. Бычковъ* въ своемъ „Каталогѣ хранящимся въ Имп. Публ. Библ. изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1867), основанномъ исключительно на трудѣ Пекарскаго, повторяетъ его указанія только въ нѣсколько-сокращенномъ видѣ: „*Алкоранъ о Магометѣ.* Въ л. 350 стр. Заглавнаго листа нѣтъ; двѣ первыя страницы заняты статьею: о вѣрѣ Турецкой; съ 3-й стр. идетъ Алкоранъ о Магометѣ“ и т. д. (стр. 134).

Такимъ образомъ оказывается, что въ Публ. Библіотекѣ, куда поступили богатѣйшія собранія нашихъ собирателей книгъ, Алкоранъ *безъ заглавнаго листа*, и полнаго экземпляра съ этимъ листомъ П. П. Пекарскій не могъ найти ни въ одномъ изъ частныхъ или общественныхъ книгохранилищъ нашихъ, которыя онъ обозрѣвалъ для своего почтеннаго труда. Въ теченіи 26 лѣтъ послѣ изданія его книги и 21 года, истекшаго съ появленія въ печати „Каталога" г. Бычкова, мы не встрѣтили ни одного печатнаго указанія на существованіе заглавнаго листа при „Алкоранѣ", и только слышали отъ извѣстнаго нашего любителя и собирателя книгъ Я. Ѳ. Березина-Ширяева, обладающаго обширной библіотекой, что онъ видѣлъ, лѣтъ семь тому назадъ, полный экземпляръ Алкорана, но не могъ пріобрѣсти этой рѣдкости, потому что владѣлецъ оцѣнивалъ ее въ 300 р.

Недавно мнѣ удалось пріобрѣсти такой экземпляръ Алкорана и притомъ по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ. Оказалось, что на оборотѣ заглавнаго листа помѣщено предисловіе, также до сихъ поръ никому неизвѣстное за ненахожденіемъ самого заглавнаго листа.

Въ виду крайней рѣдкости попавшейся мнѣ находки, сообщаю подлинный текстъ всего листа.

На передней его сторонѣ напечатано:

Алкоранъ
о
Магометѣ
или
законъ турецкіи.
Переведенныи съ французского языка на россійскіи.
Напечатася повелѣніемъ
Царскаго
Величества.

(Въ самомъ низу листа послѣ большаго пробѣла):

Въ Санктъпітеръбургскои Тіпографіи, 1716 Году, въ Мѣсяцѣ Декемвріи.

На оборотной сторонѣ въ самомъ верху поставленъ крестъ между двумя типографскими украшеніями, какихъ уже нѣтъ на прочихъ страницахъ книги, и непосредственно за этимъ напечатано:

Къ чітателю.

Сія книга разумѣется отъ турковъ, Божіи со Ангелами и съ Магометомъ долгіи совѣтъ, его же сеи лжівыи пророкъ вымыслилъ весма просто, ибо въ разныхъ мѣстахъ сеи кніги проізводітъ яко бы Богъ съ німъ говорілъ и показывалъ ему свои законъ. А по томъ яко бы Ангели и пророцы: чемъ чрезъвычаінѣ не правое учреждаютъ реченіе. По томъ вопіетъ протіву ідолопоклонніковъ, а особліво протіву жітелеи Мекки, и Кореаневъ,

которые были въ тѣ времена ему непріятели. И нарече сію кнігу Алкоранъ, то есть собраніе закона, а индѣ именуетъ Елкоранъ, то есть раздѣленіе добра отъ зла. И раздѣлілъ ю на многіе главы, которымъ положілъ имена, какъ ему на разумъ нашло. По тому что многіе главы нареклъ, непрілічные къ матеріи, о неиже имѣлъ говоріть. И тѣ главы раздѣлілъ на стіхи, которые содержатъ порядокъ такъ фабулнои, и простои, что без всякаго охраненія, и должнаго сложенія. Сего ради благіи чітателю въ сеи книгѣ обрящеши многіе нескладности, и частое повтореніе о едіныхъ тѣхже вѣщахъ. Толкована была сія кніга отъ многіхъ учітелеи магометанскіхъ, и толкованіе ихъ такъ смѣху достоіное, какъ и реченіе лжівое. Ибо оные подлінствуютъ, яко бы орігіналнои Алкоранъ напісанъ на дскѣ, которая сохраняется на небеси, и яко бы Ангелъ Гавріилъ съ неи снесши списокъ отдалъ Магомету, которыи не умѣлъ ни чітать ни пісать. А наріцаютъ его Пророкомъ и Апостоломъ почтенія ради. Обрящеши въ сей кнігѣ нѣкое, такъ безумное поученіе, не вѣмъ, удівленія ли, или паче слезнаго сожалѣнія достойное, какъ въ наілучшую часть свѣта за прегрѣшенія, такая мерзость проізыде! и какъ такіи мерзостныи законъ воспріятъ бысть отъ слѣпоты человѣческія!

*

Этимъ оканчивается предисловіе, а въ самомъ низу страницы, вправо, крупно напечатано первое слово, которымъ начинается слѣдующая страница, 1-я по счету нумераціи, именно: *О вѣрѣ*, что̀ и показываетъ, что между новооткрытымъ заглавнымъ листомъ и между извѣстнымъ введеніемъ къ книгѣ: „*о вѣрѣ турецкой*“, никакихъ печатныхъ страницъ болѣе не было.

П. Ефремовъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

ГРАФА

П. Х. ГРАББЕ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова. Лентьевскій переулокъ, домъ Лаврова.
1888.

*

Павелъ Христофоровичъ Граббе (окончившій долголѣтнюю и славную службу свою наказнымъ атаманомъ Донскаго войска и при выходѣ въ отставку пожалованный графскимъ титуломъ) родился 21 Декабря 1789 года, скончался 14 Іюля 1875 года. Воинъ почти съ дѣскихъ лѣтъ, онъ считалъ въ формулярѣ своемъ 28 кампаній. Десятки лѣтъ сряду велъ онъ подробныя записки всему, что̀ съ нимъ было. Въ исходѣ 1825 года, когда подвергся онъ кратковременному заточенію по поводу знакомствъ своихъ съ Декабристами, его домашніе истребили эти дневники. Позднѣе онъ возстановилъ съ памяти главнѣйшія событія своей жизни и написалъ Записки, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года. Читателямъ памятна высокая занимательность ихъ содержанія. Въ Турецкую войну 1828 года, снова начавъ дѣятельную службу, онъ по прежнему началъ вести дневникъ или записную книжку, нынѣ сообщенную въ наше изданіе его наслѣдниками. Въ этой книжкѣ отразились не только историческія событія, но и все, что̀ въ умственномъ отношеніи занимало достопамятнаго человѣка, котораго извѣстный Нѣмецкій писатель Варнгагенъ-фонъ-Энзе (служившій съ нимъ вмѣстѣ въ 1813 году въ ополченіи Тетенборна) въ Запискахъ своихъ по справедливости называетъ „вполнѣ героическою натурою“ (eine echt-heroische Natur). Еще не настало время для полной оцѣнки военной и государственной дѣятельности графа П. Х. Граббе; но Россія должна быть признательна ему уже за то, что онъ воспиталъ для нея подобныхъ себѣ сыновей, изъ которыхъ одинъ славно погибъ подъ Сендзіовицами, въ боевой схваткѣ съ Поляками, а другой (черезъ 14 лѣтъ потомъ) кончилъ краткій вѣкъ свой геройскою смертью на приступѣ Карса.

П. Б.

*

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1828.

Les nations courent au plus pressé. Ainsi, tandis que l'égalité s'établissait et jetait de profondes racines, la liberté, qui est une passion seulement pour les âmes généreuses, ne devient un besoin universel qu'après une longue et triste expérience.

———

Les peuples ne veulent jamais qu'une chose à la fois. Rien de si imprévoyant que la voix publique; elle se rapporte toujours au présent, jamais à l'avenir. On demandait l'ordre, sans songer à la liberté.

———

Washington en Amérique avait montré à quelle condition on est le premier dans la guerre, le premier dans la paix et le premier dans les affections sociales. Bonaparte prit une autre voie, et ce fut une preuve de plus que les génies brillants et les âmes naturellement prédominantes ne sont pas toujours les plus heureux présents que le Ciel puisse faire aux nations.

———

Les hommes étrangers au métier des armes ne sauraient concevoir cette inquiétude turbulante qui conduisait Alexandre aux bords du Gange et Charles XII à Poltava. La guerre est une passion jusque dans les derniers ordres de la milice; pour ceux qui commandent elle est la plus impérieuse et la plus énivrante des passions. Où trouverez-vous un champ plus vaste à l'énergie du caractère, aux calculs de l'esprit, aux éclairs du génie? A celui que la gloire enflamme, la faim, la soif, les blessures, la mort même, sans cesse menaçante, pro-

duisent une sorte d'énivrement; la combinaison soudaine des causes indéterminées avec les chances prévues jette dans ce jeu d'exaltation un intérêt de tous les moments, égal à l'émotion que font naître à longs intervalles les situations les plus terribles de la vie. Quelle puissance dans le présent que cette volonté du chef qui enchaîne et déchaîne à son gré la colère de tant de milliers d'hommes! Quelle suprématie sur l'avenir, que ce talent dont les inspirations vont règler le sort de plusieurs générations! Quand le Dieu d'Israël veut écraser Ses adorateurs par le poids de Sa toute-puissance, Il leur dit: Je suis le Dieu des armées.

1828-го года 18-го Апрѣля, въ с. Трехтемировѣ. 2-го Апрѣля Новороссійскій драгунскій полкъ выступилъ въ походъ противъ Турокъ изъ Гадяча.

14-го догналъ я его въ Андрушовѣ на переправѣ черезъ Днѣпръ. Нашли всего два парома, подымающихъ по 43 лошади каждый, два малыхъ по 12-ти, всего 110 лошадей вдругъ; одинъ для тяжестей, равно какъ и два связныхъ дуба, все въ большомъ безпорядкѣ. Днѣпръ въ весьма большомъ разливѣ. Наступившіе съ 15-го въ ночи вѣтры много затрудняли и останавливали даже переправу. 16-го я оставленъ для переправы остальнаго моего дивизіона и эскадрона и продолжалъ ее въ бурное время медленно и не безъ опасности.

17-го буря до того усилилась, что вовсе остановила переправу. Пріѣздъ корпуснаго командира генералъ-адъютанта Бороздина.

18-го, въ два часа пополуночи, поставивъ послѣднія 30 лошадей на паромъ, самъ на маломъ дубѣ переправился благополучно на правый берегъ и пѣшкомъ дошелъ до с. Трахтемирова. Вѣтеръ продолжается. Способы переправы для слѣдующихъ полковъ увеличены. Извѣстіе о направленіи дивизіи на Измаилъ. Прогулка по возвышенностямъ праваго берега, взглядъ на разливъ Днѣпра и на красивую холмистую окружность. Обѣдъ и вечеръ у г-ла Квитницкаго, ѣдущаго въ походъ съ семействомъ, въ которомъ двое больныхъ дѣтей. Gellert. Götz. Lallemand.

20-го Апрѣля. Пятница. Переходъ до Зеленки 27 верстъ. До Потокъ пріятныя холмистыя мѣста; помѣстья Янковскаго и Гечевскаго. Потокъ — Тернавскаго, богатаго моего сосѣда по имѣнію въ Малороссіи. Отсюда степью до Зеленки графини Бра-

ницкой — селеніе очень рѣдко растянуто по обоимъ берегамъ свѣтлаго пруда. Мало видно садовъ. Выступилъ въ 8, пришелъ въ 3 часа. Одинъ часъ привалу. На походѣ письмо отъ сестры и старшаго брата безъ числа.

22-го Дневка. Письма къ брату Карлу и къ сестрѣ. Къ Н. Н. Шереметевой ([1]) къ Пульхеріи Ивановнѣ, къ Андрею Ивановичу ([2]), къ П. Г. Галагану, къ Н. И. Пассекъ. Ходилъ въ католическую церковь весьма скромную. Покупки цѣлымъ обществомъ, подъ предводительствомъ Софіи Карл. Квитницкой. Обѣдъ у полковника Кельнера. Вступленіе Кинбурнскаго драгунскаго полка. Прогулка на усѣянный гранитными скалами берегъ Роси. Нѣсколько страницъ изъ Коллина.

Solchen Mann erkennest du leicht an folgenden Zeichen;
Niemmer trügen sie dich, darum bewahre sie wohl:
Schweigend wandelt er gern in des Volkes buntem Gewühle,
Still, ein Beschauer; und mengt er sich nicht in die Welt,
Schreckt, einsilbig und stolz, den lustigen Frager von sich weg,
Unzugänglich und schroff, wie auf den Wogen ein Fels,
Kalt wohl möcht en dir scheinen und stumpf, ein Hasser der Menscheit.
Aber ein anderes zeigt bald der gesunkene Blick,
Welchem die Thräne entstürzt, die Thräne des heiligen Mitleids...

23-го. Понедѣльникъ. Село *Медвинъ*, графини Браницкой, все въ долинахъ, оврагахъ и садахъ; 20 верстъ отъ Богуслава. Пріѣхалъ одинъ и рано, прежде своей коляски и полка, на свою квартиру у добраго и умнаго крестьянина, въ теплую и чистую избу, лучшую во весь походъ. Одинокій обѣдъ. Вечеромъ прогулка пѣшкомъ по фруктовымъ садамъ. Видные собою жители обоего пола. Притѣснительное управленіе здѣшней экономіи, всеобщую жалобу крестьянъ возбуждающее.

24-го. Вторникъ. Переходъ до Звенигородки 35 верстъ. Прекрасный край; слегка холмистыя мѣста, то хорошо обработанныя поля, то красивыя рощи изъ клена, грабины, березы, ивы, липъ, дубовъ огромныхъ. Въ виду часто селенія. На поло-

---

([1]) Достопамятная женщина, тетка Ѳ. И. Тютчева, тёща графа М. Н. Муравьева Виленскаго и декабриста Якушкина, другъ Гоголя. П. Б.

([2]) Гудовичу? П. Б.

винѣ дороги *с. Лысенково*, княгини Яблоновской, отмѣнно обстроенное. Крестьянскія избы на равныхъ одна отъ другой разстояніяхъ, отступя немного отъ широкой улицы, двумя правильными окнами на нее; трубы каменныя, плетень единообразный, вездѣ молодые сады фруктовые. Хотя большой переходъ, но показался мнѣ прогулкой; прекрасное время и зеленѣющая природа наиболѣе тому способствовали. Маршрутъ до Измаила.

25-го Середа. Дневка. Первые часы утра прекрасные провелъ въ саду; теплый день, но съ вѣтромъ. Необыкновенное разстройство духа. Обѣдъ у Ксен. Ѳед. Квитницкаго и вечеръ. Непріятное воспоминаніе давно забытыхъ происшествій, послѣдствія которыхъ еще продолжаются. Позднее возвращеніе домой. Звенигородка—небольшое и небогатое Жидовское мѣстечко.

26-го Четвергъ. Переходъ до Тальнаго. Мѣстечко Льва Александровича Нарышкина, 30 верстъ, Уманскаго уѣзда. Прекрасное время, хотя съ вѣтромъ. Вечеръ у генерала Квитницкаго.

27-го Пятница. Маіоръ Сергучевскій. Переходъ до Легезина 18 верстъ, графа Александра Потоцкаго. Прекрасный день. Квартира у посессора.

28-го Суббота. Дневка скучная; непреодолимое разсѣяніе духа. Крайнее раззореніе жителей отъ утѣсненій посессоровъ. Нѣсколько страницъ изъ Гейнзе и Кернера настроили меня нѣсколько получше.

29-го Воскресенье. И я былъ въ Софіевкѣ. Еще однимъ изящнымъ впечатлѣніемъ въ жизни болѣе. Рано по утру оставилъ я Легезинъ и своего скучнаго ипохондрика-хозяина; пріѣхалъ въ Умань и прямо къ городничему, въ которомъ нашелъ почтеннаго, гостепріимнаго старика; онъ удержалъ меня обѣдать и поѣхалъ со мною показать Софіевскій садъ, котораго первое дерево при немъ посажено и первыя работы при немъ начались. Водометъ былъ для меня пущенъ, и въ брызгахъ его чудно играли радуги отъ заходящаго солнца. Гидравликомъ былъ здѣсь Мецель. Весь садъ сталъ графу Потоцкому три милліона злотыхъ; въ оранжереѣ два прекрасныхъ кипариса. Шлегель архитекторъ и смотритель сада.

30-го Понедѣльникъ. Въ 6 часовъ утра былъ я уже въ саду. Время пасмурное, но теплое. Два часа провелъ совершенно одинъ очень пріятно. Соловьи, иволги своимъ пѣніемъ и

журчаніе падающихъ водъ одни пріятнымъ образомъ нарушали общую тишину.

1-е Мая. Первая гроза. Проскакавшій фельдъегерь извѣстилъ о проѣздѣ Государя Императора сегодня ночью или завтра по утру чрезъ Умань въ Елисаветградъ. Увидитъ ли онъ вступающую завтра нашу бригаду? Въ 4-мъ часу послѣ обѣда съ семействомъ Квитницкихъ, не смотря на дождь, поѣхали въ Софіевку. Не только фонтанъ и каскады были пущены, но мы въ лодкѣ проѣхали по подземному каналу. Дождь къ счастію пересталъ, и погода, хотя пасмурная, позволила намъ пріятно окончить нашу прогулку. Вчера вечеромъ бѣшеный быкъ убилъ на улицѣ нѣсколько человѣкъ.

2-го Мая. Въ 7 часовъ утра выѣхалъ за девять верстъ на встрѣчу бригадѣ. Дивизіонный генералъ Петръ Петр. Загряжскій заѣхалъ ко мнѣ. Бригада собралась въ три часа. Сильный дождь нѣсколько разъ промочилъ насъ. Въ половинѣ шестаго колокола въ Умани возвѣстили о пріѣздѣ Государя Императора. При выѣздѣ, не выходя изъ коляски, Государь смотрѣлъ проходящую по три бригаду. Новороссійскимъ полкомъ былъ чрезвычайно доволенъ; былъ блѣденъ и казался утомленнымъ отъ дороги.—Въ шесть часовъ обѣдалъ дома съ Петерсомъ. Первый разъ съ начала похода проснулся въ 7 ч. утра.

3-го. Погода пасмурная; холодный вѣтеръ. Письмо въ Сокирницы (*). Листокъ Е. В. Галаганъ въ альбомъ:

Не сѣтуй, что въ твоемъ альбомѣ
Я медлилъ память оставлять:
Я не хотѣлъ въ привѣтномъ домѣ
Минутъ послѣднихъ возмущать
Словами грусти и прощанья.
Когда настанетъ часъ свиданья?
И приведетъ ли онъ съ собой
Прошедшихъ дней минувшу радость?
Найду ли вмѣстѣ кругъ родной
И въ немъ привычной дружбы сладость?
Кто знаетъ—смерть или покой
Пожну я въ годъ въ сей роковой!

(*) Великолѣпное имѣніе Прилуцкаго уѣзда по сосѣдству съ имѣніемъ графа Граббе. Супруга владѣльца Екатерина Васильевна Галаганъ, урожд. графиня Гудовичъ. П. Б.

Посѣщеніе дивизіонному генералу. Разговоръ о предстоящей войнѣ. Обѣдъ у бригаднаго г-ла. Неправда, ни для кого нимало невредная, унижаетъ однако въ собственныхъ глазахъ сказавшаго ее. Хотѣлъ подъ вечеръ съѣздить въ Софіевскій садъ, чтобы въ послѣдній, можетъ быть, разъ имъ насладиться; но на дверяхъ столкнулся съ вошедшимъ полковникомъ Глазенапомъ и просидѣлъ съ нимъ до вечера пріятно.

4-го Мая Пятница. Въ 7 ч. выступилъ со штабомъ до с. *Колодистаго*, 31 верста. Очень холодный и порывистый вѣтеръ. Мѣста вообще пріятныя; земли принадлежатъ наиболѣе Александру Потоцкому и графу Мощинскому. Послѣдній въ с. Ризовкѣ, въ пяти верстахъ отсюда, заводитъ сахарную фабрику изъ свеклы, которою засѣялъ огромныя поля. Здѣсь граница Кіевской губ. съ Каменецъ-Подольскою. Гиршфельда о сельской жизни прелестные отрывки успокоили и освѣжили разстроенное и омраченное мое воображеніе. Солнце опять сѣло въ тучи. Гр. Мощинскій самъ находится въ Варшавѣ подъ уголовнымъ судомъ за участіе въ тайномъ Польскомъ обществѣ.

5-го Суббота. Переходъ до Габщевата на Бугѣ 23 версты. Проницательный вѣтеръ. Выѣхалъ одинъ въ 7 ч. Пріятныя и разнообразныя мѣста, прекрасныя рощи и богатую жатву обѣщающія поля. По дорогѣ имѣніе Ярослава Потоцкаго. Здѣсь корчмы лучше выстроены и чаще. Въ два часа спустился къ Бугу. Одинъ штабъ здѣсь остается, и я съ нимъ. Эскадроны сегодня же всѣ переправляются на правый берегъ.

6-го Воскресенье. Въ 6 ч. утра переправился на паромѣ чрезъ Бугъ. Переходъ до Пещана 23 версты. Время холодное и пасмурное. Мѣста становятся уже степныя. Штабъ полковой одинъ здѣсь съ бригаднымъ.

Dans les profils de terrains il faut remarquer les parties où l'on peut cacher de l'infanterie, de la cavalerie et de l'artillerie; cette mesure procure souvent de grands avantages et déconcerte l'assaillant, qui ne prévoit pas toujours ce genre d'embuscade.

Il importe beaucoup de savoir juger dans la manière de disposer les troupes sur le terrain, de l'effet de perspective qu'elles peuvent produire, vues du côté de l'ennemi; on doit sentir tout l'avantage qu'on peut tirer de ces effets, particulièrement dans les pays de montagnes et même dans les terrains ondulés, en présentant à son adversaire des illusions pour des réalités.

En général, toute disposition de troupes doit être considérée comme une fortification mobile et règlée d'après les principes de la fortification permanente: ces principes prescrivent de dominer toujours, autant qu'on le peut, et d'éviter de l'être; de se procurer des flancs, des rentrants et des revers, que le tracé des différentes parties des ouvrages soit fait de manière que ces parties se défendent et se protègent réciproquement, sans qu'elles puissent être tournées ou débordées que très difficilement.

En général ce n'est pas avec des corps détachés à de grandes distances, mais avec des manoeuvres sur le champ de bataille qu'on tourne efficacement son adversaire, qu'on le retient ou qu'on l'oblige' d'abandonner sa position, et enfin qu'on le force de combattre jusqu à ce qu'il succombe.

Quant aux simples détachements que l'on jette sur les flancs et sur les derrières de l'ennemi, afin de lui donner de l'inquiètude pour ses communications, c'est l'affaire des partisans et des troupes légères, dont les retards, et même la perte, n'influent pas essentiellement sur les opérations, et qui d'ailleurs par la mobilité dont ils jouissent sont propres à ces sortes d'expéditions.

7-го Мая Понедѣльникъ. Дневка. Прогулка пѣшкомъ на противоположный возвышенный берегъ протекающей здѣсь рѣчки Чечельника; обширный видъ съ онаго. Ставъ спиною къ Балтѣ, видны по лѣвую руку с. Демовка помѣщика Липинскаго, въ дали Чечельники графа Андрея Гудовича.

8-го Мая Вторникъ. Переходъ до Балты 23 версты. Въ с. Казацкомъ, не доходя пять верстъ, молебенъ цѣлой бригадой. Прогулка по городу. Нѣсколько пригожихъ Евреекъ и одна красавица, опрятнѣе нежели привыкъ ихъ видѣть. Вечеромъ театръ, лучше чѣмъ ожидать было можно. Эстафеты отправилъ къ брату Карлу въ Могилевъ на Днѣстрѣ. Балта на рѣчкѣ Кодимѣ.

9-го Среда. Переходъ до Бирзу 23 версты. Прекрасное время. Имѣніе графа Нессельроде. Уже Молдаване и ихъ обычаи начались. Нѣтъ болѣе пріюту для лошадей; онѣ на чистомъ воздухѣ у прикольевъ. Мы въ Херсонской губерніи: за рѣчкой Каменецъ-Подольская. Характеръ мѣстоположенія; холмы и овраги безлѣсные и безводные. Здѣсь вершина рѣчки Ягорлыка, прямо на Югъ до впаденія подъ м. Ягорлыкомъ въ Днѣстръ текущей. Избы чистыя и всюду войлоки и ковры. Скотъ зимою

въ открытыхъ загонахъ. Къ этому имѣнію принадлежитъ часть извѣстныхъ высокой породою своею Шпанскихъ овецъ, но по̀далѣе въ степи, потому не видалъ ихъ. Графа Нессельроде сюда ожидаютъ; Императрицу также на ночь въ Балту. Выходцы изъ Молдавіи, здѣсь живущіе, должны послѣ жатвы оставить это имѣніе, и на ихъ мѣста переселены изъ Каменецъ-Подольской губерніи крѣпостные крестьяне. Первые хотятъ селиться на казенныхъ земляхъ около Одессы съ платежемъ въ казну по 3 р. съ десятины.

10-го Мая Четвергъ. Переходъ до Флоры, имѣніе полковника Толмачева; все по берегу Егорлыка 22 версты. Душистая степь съ холма на холмъ. Сначала сильный дождь, потомъ пріятная погода. Первое пузырное окно на моей квартирѣ у Молдаванина. Съ проводникомъ я не безъ труда уже говорилъ и понималъ его ломаный Русскій языкъ.

On se prémunit contre les démonstrations et les fausses attaques de l'ennemi en se rendant compte des opérations qu'il peut tenter et de celles qui lui sont les plus avantageuses: car ou l'ennemi se conduira d'après les meilleurs principes, ou il s'en écartera. Dans l'une ou l'autre hypothèse la prudence commande: 1) de ne jamais abandonner les points stratégiques de sa position, ni de s'y affaiblir pour prévenir son adversaire sur d'autres points moins importants, quand bien même cet adversaire s'y porterait avec une partie de ses forces; 2) de ne prendre aucune résolution sans avoir préalablement obtenu des renseignements certains tant sur la marche que sur la force de l'ennemi, dût-on perdre quelque temps, parce que cette perte peut facilement se réparer, et d'ailleurs parce que ses conséquences seraient toujours moins dangereuses que l'abandon total d'une position importante.

Les démonstrations et les fausses attaques présentent souvent aux officiers chargés de les diriger l'occasion de déployer toute l'étendue de leur capacité et celle de contribuer efficacement au succès des opérations les plus majeures.

En général, un corps qui observe une place située dans un pays de plaine doit être composé de deux tiers en cavalerie et d'un tiers en infanterie, et sa force correspondante plus d'un tiers à la force totale de celle de la garnison; si, au contraire la place est située dans un terrain coupé et que ses environs soient fortement accidentés, ce corps d'observation doit alors dans ce cas être composé d'un tiers en

cavalerie et de deux tiers en infanterie et sa force correspondante plus de la moitié à celle de la force totale de la garnison.

Un corps, chargé du blocus d'une place, doit être composé d'infanterie en totalité et d'une force correspondante à celle de la garnison. (Quelque cavalerie n'y est jamais de trop).

Toutes les fois qu'un officier qui commande un corps d'observation reçoit avis qu'un corps ennemi s'approche de la place et qu'il remarque que la garnison fait en même temps des préparatifs qui indiquent qu'elle se prépare à faire une sortie, il doit aller au devant du corps ennemi qui s'approche et l'attaquer sans balancer et dans l'hypothèse où ce corps serait trop supérieur au sien, il doit se retirer de suite pour ne pas se mettre dans le cas d'être attaqué simultanément et par la garnison et par le secours.

11-го Мая Пятница. Переходъ до с. Дубова 25 верстъ по лѣвому берегу Егорлыка, здѣсь уже многоводнаго. Оба берега гористые и крутые, почвы каменистой, изъ которой жители складываютъ ограды и на другія постройки употребляютъ. Почти на всякой избѣ видишь аистовъ, по здѣшнему бачановъ. Камыши, кромѣ собственнаго безпрерывнаго при малѣйшемъ движеніи воздуха шелеста, оживлены множествомъ дичи. Изобиліе рогатаго скота и лошадей хорошихъ; пасутся и украшаютъ зеленыя и цвѣтами пестрѣющія отлогости горъ. Множество душистыхъ травъ, такъ что каждый разъ, что поѣдешь стороною, то помятыя лошадью травы издаютъ пріятный запахъ. Нѣсколько селеній, мѣстечко Окны, с. Малаешты братьевъ Катаржи, дер. Илія, Салунское, нѣсколько водяныхъ мельницъ, фруктовыхъ по берегу садовъ и зеленые теперь камыши оживляютъ сцену и, впрочемъ, совсѣмъ голыя степныя горы. Погода теплая съ прохладнымъ на открытыхъ мѣстахъ вѣтромъ. Пріятный переходъ.

12-го Суббота. Переходъ до Дубосаръ 20 верстъ. На лѣвомъ берегу Днѣстра роща, особенно послѣ степныхъ видовъ, пріятная. Горизонтъ ограниченъ противоположнымъ берегомъ холмистымъ и мѣстами рощами одѣтымъ. Полевой макъ показался между множествомъ цвѣтовъ на степи. Ни одного селенія, ниже избы на переходѣ. Вчера проѣхала Императрица. Обманутыя отчасти ожиданія. Письмо отъ тещи. Получилъ серебро. Брата, котораго ожидаю, не засталъ. Не подъѣдетъ-ли? Письмо

отъ него изъ Могилева отъ 3-го, коимъ извѣщаетъ, что онъ болѣнъ и пріѣхать не можетъ. Посылка изъ Петербурга вѣроятно съ картами театра войны, къ нему ошибкой отправленная. Письма отъ Шереметевой. Цѣлый журналъ и весьма пріятный изъ Туровки и Секирницъ.

13-го Мая Воскресенье. Вчера поздно вечеромъ пріѣздъ брата очень больнаго и сестры. Съ ними день. Письма отъ тещи о чрезвычайной опасности, въ которой былъ мой сынъ и едва ли еще не продолжающейся. Отъ Андрея Ивановича, которымъ извѣщаетъ о неожиданной кончинѣ графа Василья Васильевича Гудовича въ Секирницахъ по осмидневной болѣзни. Письма къ тещѣ и Шереметевой. Полкъ ночуетъ въ Оницканахъ.

14-го Понедѣльникъ. Въ 12-мъ часу дня разстался со своими и поѣхалъ прямо въ Кишиневъ 40 верстъ, гдѣ нашелъ уже полкъ на квартирахъ. Прекрасныя мѣста по берегу Днѣстра; виноградные сады. Здѣсь бѣлая акація видна даже на улицахъ и своимъ пріятнымъ запахомъ перебиваетъ дурной отъ нечистотъ города. Кишинева, не смотря на дневку, почти не видалъ по причинѣ встрѣчи съ старымъ знакомымъ своимъ В. Ѳ. Тимковскимъ (*), съ которымъ провелъ и всю дневку. Обѣдъ и ужинъ вмѣстѣ у правящаго должностью вице-губернатора Редкина.

15-го Вторникъ. Письмо къ Лизѣ Маркевичъ въ Секирницы. Любопытныя подробности на счетъ края и его достопамятностей. С. Варница подъ Бендерами. Смерть Кара-Георгія отъ секретаря его, у котораго стоялъ на квартирѣ. Валконешти подъ Кагуломъ.

16-го. Середа. Переходъ до Гуры-Галбина 40 верстъ. С. Камерци Бальша, хорошо обстроенное. Странный его домъ съ галлереею вокругъ. Заводъ конскій не значущій. Свадебная пляска. Азіатская мититика.

17-го Мая Четвергъ. Переходъ до Казанчика 35 верстъ цѣлымъ полкомъ. Степь становится все душистѣе. Привалъ въ с. Сарацинѣ. Нѣсколько курьеровъ встрѣтилось.

19-го Мая Суббота. Переходъ до Фальчи, перваго города въ Турецкой Молдавіи 30 верстъ. На рѣкѣ Прутѣ, по берегу коего шли нѣсколько верстъ, сел. Лекъ. Переправа по хорошему мосту подъ городомъ. Воды Прута мутныя и бѣловатыя; берега

(*) Дядя М. А. Максимовича. П. Б.

глинистые. Корыто рѣки узко, но крутые берега по обѣ стороны раздались для широкаго разлива. На этомъ переходѣ видѣлъ первыхъ орловъ, надъ нами парившихъ. Стадо аистовъ ходило безъ боязни подлѣ дороги. Слухъ о сдачѣ Браилова. Мошка начинаетъ безпокоить лошадей; наступаютъ жары. Узнавъ, что при занятіи Фальчи захватили трехъ Турецкихъ купцовъ, я послалъ ихъ звать къ себѣ. Одинъ изъ нихъ настоящій Гуннъ войска Аттилы: короткій, широкоплечій, скулистый; другіе два довольно благообразны. Отъ вина и рому отказались, хотя отъ перваго издали понесло запахомъ вина. Они здѣсь свободны и сами выпросили себѣ для охраненія двухъ пѣхотныхъ солдатъ. Въ Браиловѣ начальствуетъ Сулейманъ-паша трехбунчужный; въ Силистріи—кіаія. Турки выпили чаю и по своему обычаю раскланялись, приложивъ руку ко груди.

20-го Мая Воскресенье. Дневка. Ранняя прогулка по высокому берегу. Смѣлыя и красивыя излучины Прута, урокъ природы искусству. Множество аистовъ, плавающихъ красиво въ воздухѣ—признакъ вступленія въ царство пресмыкающихся. На вчерашнемъ переходѣ нашли на дорогѣ двухъ убитыхъ змѣй, толщиною въ діаметрѣ вершокъ, длиною аршина въ полтора; въ Россіи такихъ не видывалъ, ни въ прочихъ земляхъ Европы, гдѣ бывалъ и какъ путешественникъ, и какъ военный. Припадокъ унынія, нѣсколько уменьшенный сатирическими сочиненіями Рабенера. Прогулка вечеромъ по берегу Прута.

21-го Мая Понедѣльникъ. Еще дневка. Обѣдъ у П. П. Загряжскаго. Генералъ-маіоръ Шицъ сообщилъ нѣкоторыя извѣстія объ осадѣ Браилова. Государь Императоръ сегодня туда былъ ожидаемъ. Брешъ-батарея готова нынѣ же въ 75-ти саженяхъ. Разстройство отъ безпорядочнаго поведенія людей, для которыхъ что могу дѣлаю. Чай у П. Петр. Домъ бояръ Тулбури. Молодые люди говорятъ изрядно по-французски.

22-го Вторникъ. Переходъ всей дивизіей отъ с. Раи, гдѣ собралась, до Епурени. Смотръ дивизіоннаго командира на походѣ. Отличное состояніе дивизіи. Первые биваки и то безъ нужды, ибо достаточно селеній въ окружности. Съ прапорщ. Щепотковымъ письма къ Викторову и брату Карлу. Большія жары. Ошибки въ расположеніи дивизіи по неимѣнію картъ у кого слѣдуетъ. Моя, хотя весьма недостаточная, все еще лучшая.

Прогулка съ бриг. ком. по бивакамъ дивизіи. Ужинъ у него подъ открытымъ небомъ и при воспоминаніяхъ пріятныхъ о прошедшемъ. Безсонница отъ клоповъ заставила меня на моей квартирѣ позавидовать бивакующимъ и выгнала въ коляску, гдѣ я скорчась, провелъ остатокъ непріятной ночи.

23-го Середа. Дневка. Прекрасный прохладный день. Прогулка по бивакамъ. Обѣдъ у Кельнера. Вечеръ съ П. Глазенапомъ. Ночь въ коляскѣ.

24-го Четвергъ. Переходъ цѣлой дивизіи до Бырлата 20 верстъ, все лѣсомъ. Разнообразіе и огромность деревьевъ. Сократили дорогу, пошедши чрезъ гору въ 6-ти верстахъ отъ города. Выѣхалъ на Эммѣ. Городъ кромѣ довольно большихъ лавокъ не имѣетъ ни одной порядочной улицы; есть изрядные домики, раскиданные по нечистымъ переулкамъ. Вода въ колодцахъ отмѣнная и въ рѣкѣ, кажется, свѣтлая. Рѣка Бырлатъ принимаетъ свое начало верстъ 40 повыше около села Долчени и до впаденія своего въ Серетъ подъ с. Сербинешти течетъ излучисто отъ Сѣвера на Югъ. Бырлатъ отстоитъ 20 часовъ отъ Яссъ, столько же до Галацъ, 36 до Бухареста. Хорошая квартира у Молдавана Дуки. Два брата его казнены Турками за пособіе к. Александру Ипсиланти. Бѣдственное состояніе края съ 1820-го года. Множество прекрасныхъ розъ въ его саду.

25-го Мая Пятница. Переходъ до Перескифа 20 верстъ. Вся дивизія на приготовленныхъ здѣшнимъ начальствомъ бивакахъ въ прекрасной долинѣ рѣки Бырлата.

26-го Суббота. До Текуча 23 версты. На бивакахъ. Тяжелый день; я занемогъ.

27-го Воскресенье. Дневка на бивакѣ. Видъ на Карпатскія горы. Тарантула поймана на подушкѣ у моего сосѣда по биваку.

28-го Мая Понедѣльникъ. Переходъ до Фокшанъ 25 верстъ. Переправа въ бродъ чрезъ рукава Серета и по весьма плохому мосту чрезъ главное его корыто. Быстрая и красивая въ своемъ теченіи рѣка, большимъ и внезапнымъ разливамъ подверженная; вытекаетъ изъ Карпатскихъ горъ въ Буковинѣ, неподалеку мѣст. Черновицъ, и впадаетъ въ Дунай въ пяти верстахъ отъ Галаца. Чрезъ рѣчку Путну въ бродъ же. Прекрасныя мѣста и очень населенныя, въ виду по нѣскольку селеній вдругъ, между прочимъ мѣст. Одобешти, извѣстное своимъ хорошимъ виномъ; цѣпь

Карпатскихъ горъ вправо, равнина до самаго города. Хорошая квартира у Грека, гдѣ отдыхаю отъ нездоровья, бивакъ и сопряженнаго съ ними отсутствія опрятности. Садъ какъ обыкновенно безъ всякаго вкуса и знанія въ расположеніи, но множество прекраснѣйшихъ розъ; въ цвѣтникѣ фигуры выведены костьми, кажется, человѣческими. Первая Турецкая баня. Не доѣзжая версты четыре Фокшанъ, я и всѣ ѣхавшіе со мною любовались красивымъ отраженіемъ домовъ, деревьевъ и всѣхъ предметовъ въ водѣ, которую почитали озеромъ; подъѣхавъ ближе, отраженіе пропало, и мы нашли подъ городомъ чистый лугъ и въ томъ мѣстѣ ни капли воды; все это былъ оптическій обманъ (mirage). Время было знойное, и воздухъ струился отблескомъ сухихъ травъ и земли. Одинъ изъ важныхъ городовъ области.

29-го Мая. Вторникъ. Переходъ до Рымника 35 верстъ. Прекрасная равнина; городокъ значительный только важными историческими воспоминаніями. Рымникъ, оставившій безсмертное названіе отцу, поглотилъ въ водахъ своихъ сына, и по отцу и по себѣ обожаемаго войсками. Здѣсь въ монастырѣ погребено сердце послѣдняго, надъ которымъ воздвигнутъ былъ памятникъ; Турки до основанія его разрушили; простыя и свѣжія еще надписи офицеровъ, прахъ его посѣщавшихъ, изъявляютъ все еще живую и непритворную ихъ горесть о незабвенномъ своемъ начальникѣ. Въ Фокшанахъ вступили мы въ Валахію.

30-го Мая Среда. Переходъ 25 верстъ до Бузео. Впереди и влѣво необозримая равнина, вправѣ Карпатскія горы; здѣсь уже глубокіе признаки войны: городъ большею частію оставленъ жителями; ободренные однако смирнымъ поведеніемъ нашихъ войскъ, они начинаютъ собираться. Стою, какъ и вся дивизія, на бивакѣ.

31-го Мая Четвергъ. Дневка. Пріѣздъ корпуснаго командира генералъ-адъютанта Бороздина. Дежурный по дивизіи, вмѣсто отдыха, долженъ былъ его ожидать.

1-го Іюня Пятница. Дневка. Уничтоженіе лишнихъ обозовъ. Гроза, залившая лагерь. Дивизія провела ночь безъ сна, по неимѣнію ни соломы, ни навѣсовъ около лошадей. Письма къ тещѣ, П. Г. Галагану, брату Карлу, Шереметевой.

2-го Іюня Суббота. Переходъ до Маржинешти 25 верстъ. Обширная и ровная степь. Цѣпь Карпатскихъ горъ приняла

круто направленіе вправо, параллельно теченію Дуная, т.-е. на Западъ. Биваки тяжелые по продолжающемуся дождю, недостатку хвороста и дровъ. Бѣдность жителей, наиболѣе въ землянкахъ живущихъ. Глубокій сонъ въ мокрой постели.

3-го Іюня Воскресенье. Переходъ до Уржичени 24 версты. Степь; позади насъ вправо отдаляющаяся отъ насъ цѣпь горъ.

Thornton. Amrou, dans sa lettre au khalyfe, lui décrit l'Égypte dans les termes suivants: Prince des fidèles, figurez-vous une belle campagne, située entre des déserts et deux rangées de montagnes, dont l'une paraît être des dunes de sable et l'autre ressemble au derrière d'un chameau ou au ventre d'un cheval étique. Toutes ses richesses et toutes ses productions depuis Syène jusqu' à Mencha sont dues à une rivière bienfaisante qui coule majestueusement dans son milieu. Les époques de sa crue et de son écoulement sont aussi régulières que le cours du soleil et de la lune. A une certaine saison de l'année toutes les sources des rivières paient à ce roi des fleuves le tribut annuel que leur à imposé la Providence; alors ses eaux s'élèvent jusqu' à ce qu'elles aient surmonté son lit et couvert toute la terre d'Égypte, déposant sur sa surface un limon producteur. La communication entre les villages se fait alors par le moyen de légers bateaux, qui sont aussi nombreux que les feuilles tombées des palmiers.

Lorsque l'instant est venu où le séjour des eaux n'est plus nécessaire pour fertiliser le sol, le fleuve docile rentre dans les bornes que la nature lui a prescrites, afin que l'on puisse recueillir le trésor qu'il a répandu et le confier au soin de la terre.

Un peuple protégé par le Ciel et qui comme les abeilles semble être destiné à travailler pour autrui sans recueillir le fruit de ses peines, ouvre légérement le sol et, déposant les semences, attend leur fécondation de la bonté de cet Être par Lequel tout germe, s'élève et mûrit. La graine se développe, la tige s'élève, et le blé est formé à l'aide d'une rosée abondante, qui, suppléent aux pluies, entretient l'humidité féconde dont le sol est imbu. Une riche moisson est immédiatement suivie de la stérilité. Ainsi, prince des fidèles, l'Égypte présente alternativement l'image d'un désert poudreux, d'une plaine liquide et argentée, d'un marais noir et gluant, d'une prairie verte et ondoyante, d'un jardin paré de fleurs et d'un champ couvert de moissons jaunissantes. Béni soit le Créateur de tant de merveilles!

Un rapport dans l'histoire de Mahomet II que quand il entra dans le palais désert du dernier de Césars, il répéta sur l'instabilité des grandeurs humaines ce distique persan, aussi élégant que convenable à la circonstance:

L'araignée a tendu ses toiles dans le palais des Césars;
Le hibou est en sentinelle sur les tours d'Afrasiab.

Morceaux tirés des écrivains turcs. La vie humaine n'est que la fièvre de l'ivresse, dont la douceur s'évapore promptement et dont il ne reste que la nausée.

Les ignorants meurent avant le trépas; leurs corps ambulants ne sont que des tombeaux de leurs âmes.

Il n'y a rien de si grand, ni de si utile que les voyages. Quittez donc votre pays et voyagez. Ce n'est qu'en coulant que l'eau conserve longtemps sa limpidité. L'or dans la mine n'est qu'une masse informe, et le bois d'alois, dans la forêt où il s'élève, n'est qu'un arbre ordinaire.

4-го Іюня Понедѣльникъ. Дневка по причинѣ сорваннаго отъ прибывшей въ рѣкѣ Яломицѣ воды моста. Здѣсь оправлялися отъ мокрыхъ и трудныхъ прошедшихъ бивакъ. Трудности походовъ въ этомъ краѣ, обычныхъ для насъ, уже начались. Болѣзни въ Бухарестѣ показавшіяся и даже слухи всегда преувеличенные о чумѣ. Неимѣніе свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ въ такой близости отъ оныхъ.

5-го Іюня Вторникъ. Еще дневка по поводу полученныхъ изъ Бухареста извѣстій о показавшихся сомнительныхъ болѣзняхъ. Обѣдъ и большая часть дня у П. П. Загряжскаго пріятно.

6-го Іюня Середа. Переходъ 25 верстъ до Драгоешти див. квартиры. Намъ до Гаджіени. Большой каменный домъ помѣщика раззоренъ Турками. Переправа по мосту чрезъ Яломицу.

7-го Іюня Четвергъ. Дневка. Записки Цесаря. Превосходное описаніе пораженія легата его Куріона съ арміею полководцемъ Юбы Сабурою. Въ сотый разъ читаешь и всегда съ тѣмъ же удовольствіемъ. Жалости достойная потеря отрывковъ изъ сихъ записокъ, ничѣмъ незамѣнимыхъ, между прочимъ изъ дѣйствій Цесаря подъ Дирраxіумомъ противъ Помпея. Вечеръ у г. Квитницкаго; вистъ подъ открытымъ небомъ. Ослабѣвающіе слухи о язвѣ въ Бухарестѣ.

8-го Іюня Пятница. Переходъ до Отопени, Жоса и Суси, въ семи верстахъ на Западъ отъ Бухареста 30 верстъ. Край орошаемый протекающими наиболѣе съ Сѣверо-Запада рѣками; частыя и красивыя рощи; селенія бѣдныя и много отъ сосѣдства съ Дунаемъ, еще непокореннымъ, потерпѣвшія и отъ близости военныхъ дѣйствій. Непріятная неизвѣстность объ нихъ. Вижу первыхъ Арнаутовъ для охраненія съѣстныхъ запасовъ нашихъ, диваномъ употребляемыхъ.

9-го Іюня Суббота. Дневка. Новороссійскій полкъ съ двумя орудіями отряжается на подкрѣпленіе отряду кн. Горчакова, дѣйствующему на правомъ флангѣ арміи, въ Малой Валахіи. Поѣздка въ Бухарестъ. Прощаніе съ корпуснымъ командиромъ Н. П. Бороздинымъ. Онъ объявилъ мнѣ желаніе свое имѣть меня начальникомъ штаба. Язва въ городѣ по мнѣнію многихъ; одинъ пустой и вредный страхъ по мнѣнію другихъ. Строгія противъ нея принятыя предосторожности. Взятіе Браилова на капитуляцію послѣ отбитаго штурма. Смерть генераловъ Вольфа и Тимрота. Встрѣча съ Менцингомъ, знакомымъ изъ Мюнхена, съ генераломъ Гейсмаромъ, съ трудомъ узнавшимъ меня.

10-го Іюня Воскресенье. Полкъ выступилъ въ Презычени, на рѣкѣ Аржисѣ, 35 верстъ. Простился съ П. П. Загряжскимъ. Между рѣками Дембовицей и Аржисомъ прекрасный край, покрытый селеніями весьма частыми, красивыми рощами; поля лучше обработанныя. Хорошо одѣтые по воскресному жители. Въ 6 ч. пріѣхалъ съ П. Кельнеромъ на дрожкахъ; застали полкъ на квартирахъ.

11-го Понедѣльникъ. Рано выкупался въ быстромъ Аржисѣ. Переходъ до Бача 35 верстъ. Бѣдное селеніе. Наступили сильные жары.

12-го Вторникъ. Переходъ до Лада 20 верстъ. Душный зной.

13-го Середа. До Текуча 28 верстъ; утомительный жаръ. Встрѣча курьера Шамшукова, ѣдущаго изъ отряда князя Горчакова, находящагося подъ Калафатомъ. Частыя стычки съ Турками. Чрезвычайно бѣдныя и неопрятныя избы здѣшнихъ жителей. Буря промочила меня, разрушивъ мой недоконченный бивакъ.

14-го Іюня Четвергъ. Дневка. Выбрался на бивакъ въ рощу. Критическій разборъ сочиненія графа Сегюра: Наполеонъ

и большая армія въ Россіи, генераломъ Гурко съ удовольствіемъ и пользою занялъ мои всѣ свободные часы. Пасмурный и по временамъ дождливый день.

15-го Іюня Пятница. Переходъ до с. Гречи 25 верстъ. Первый прохладный день съ давняго времени, и оттого переходъ показался прогулкой. Квартира въ ханѣ всему штабу, то есть въ постояломъ дворѣ каменномъ, обширномъ и прочно выстроенномъ боярa Филиппа. Здѣсь въ окружности Турки, дней восемь тому назадъ, изъ крѣпостцы Турна дѣлали поиски для провіанта и фуража.

16-го Іюня Суббота. Переходъ до Бранковени 22 версты. Въ Ипотешти переправа на паромахъ чрезъ быструю Алуту. Здѣсь встрѣчены адъютантомъ князя Горчакова Ганомъ. Лѣвый берегъ высоко командуетъ правымъ. Квартира въ монастырѣ, управляется архимандритомъ. Воды изъ нѣсколькихъ фонтановъ бьютъ отмѣнныя, какъ чистѣйшій хрусталь. Развалины огромнаго замка прежнихъ князей Бранковенскихъ. Здѣсь началась Малая Валахія.

17-го Воскресенье. Переходъ до Бальша. Ужасная гроза съ крупнымъ и порывистымъ градомъ остановила шедшій полкъ, и до костей всѣхъ пробила.

18-го Понедѣльникъ. Дневка. Здѣсь рѣка Малая Алута довольно значительная. Карантины противъ усилившейся въ Бухарестѣ язвы, на Алутѣ учрежденные, для предохраненія Малой Валахіи.

19-го Вторникъ. Переходъ до Краіова. Опасная дощатая мостовая. Жители, Турками устрашенные, начинаютъ возвращаться. Городъ лежитъ въ пріятной долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной цѣпію пригорковъ, отчасти виноградомъ покрытыхъ. Князь Горчаковъ, начальникъ отряда, смѣняется Гейсмаромъ. Встрѣча съ Кавеpинымъ.

20-го Іюня Середа. Переходъ до Чароя 50 верстъ. Привалъ въ Радовани, близъ лагеря резерва князя Горчакова, въ 55-ти верстахъ отъ Калафата, который ему поручено наблюдать въ хорошей и безполезной позиціи. Свиданіе съ нимъ весьма съ обѣихъ сторонъ холодное; совершенное отсутствіе довѣренности къ нему войскъ и жителей. Радость первыхъ при извѣстіи о назначеніи къ нимъ генерала Гейсмара въ начальники.

21-го Четвергъ. Начало службы для полка на передовыхъ постахъ. Смѣна Курляндскаго уланскаго полка. На вчерашнемъ еще переходѣ гребень Балканскихъ горъ обозначился въ воздушной дали, мглою покрытой. Противуположный возвышенный берегъ Дуная по лѣвую руку явственнно. Выступленіе Курляндскаго уланскаго полка въ соединеніе съ корпусомъ генерала Рота. Заняли ихъ лагерь. Первый объѣздъ пикетовъ на правомъ флангѣ лагеря и въ тылу.

23-го Суббота. Назначенъ непремѣннымъ начальникомъ передовыхъ постовъ съ казачьимъ подполковника Золотарева 4-мъ полкомъ и съ эскадрономъ капитана Петерса Новороссійскаго драгунскаго полка. Въ 10 ч. утра выступилъ съ отрядомъ за 8 верстъ впередъ до Боелешти. Расположился, не доходя четверть версты до селенія, на чистой равнинѣ своими постами вокругъ, верстъ на десять и болѣе. Отправилъ два разъѣзда съ офицерами въ с. Пояны и Маглавитъ въ 3 ч. пополудни. Объѣздъ дневныхъ и потомъ ночныхъ постовъ. Мечети Ломъ-Паланки за Дунаемъ въ виду.

24-го Іюня Воскресенье. На разсвѣтѣ возвратились разъѣзды благополучно, доѣхавъ до назначенныхъ мѣстъ и съ извѣстіями согласными. Весь почти Виддинской гарнизонъ перешелъ въ Калафатъ; сей послѣдній продолжаютъ укрѣплять. Разъѣзды ихъ также пріѣзжаютъ въ помянутыя селенія, весьма сильные и иногда съ орудіями. Изъ нихъ же забираются работники, также разные съѣстные припасы и деньги съ насильствомъ. Весь отрядъ генерала Гейсмара и онъ самъ прибыли въ мой лагерь. Вышелъ, усиленный двумя ротами пѣхоты Колыванскаго полка съ двумя орудіями пѣшей артилеріи составить за селеніемъ авангардъ.

25-го Понедѣльникъ. Въ 8 ч. утра выступилъ въ боевомъ порядкѣ до Поголенца. Душный зной и безводье совершенное на всемъ разстояніи чрезвычайно утомили войска, особливо пѣхоту; двое умерли отъ истощенія на дорогѣ. Въ Маглавитѣ на Дунаѣ остановился для освѣженія войскъ и полученія о непріятелѣ свѣдѣній. Въ шесть часовъ выступилъ и занялъ совершенно скрытую позицію, не доходя четверти версты до селенія, правымъ флангомъ къ крутому берегу Дуная, лѣвымъ къ чистой равнинѣ. Пикеты за селеніемъ. Ночь въ готовности.

26-го Іюня Вторникъ. Въ 3 ч. утра выступили къ Калафату. Жаръ начался съ разсвѣта. На четвертой верстѣ схватили Турецкаго муллу, который высматривалъ наше движеніе.—Дѣло подъ Калафатомъ. Отрядъ выступилъ изъ селенія Поголенцовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ подъ моимъ начальствомъ, состоявшій изъ казачьяго Золотарева 4-го полку, впереди; за нимъ двѣ роты Колыванскаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіями пѣшей артилеріи между ими; эскадронъ Новороссійскаго драгунскаго полка сзади. Коръ-де-баталь изъ наличнаго числа пѣхоты и пѣшей артилеріи, Курляндскаго уланскаго полка съ двумя орудіями Донской артилеріи *); резервъ изъ Новороссійскаго драгунскаго полка съ двумя орудіями конной артилеріи, отъ коего одинъ эскадронъ въ аріергардѣ. Не доходя версты четыре до Калафата, усмотрѣли непріятеля, выходившаго изъ укрѣпленій на весьма выгодную позицію, во многихъ колонахъ кавалеріи и пѣхоты, лѣвый флангъ къ Дунаю, центръ и правый флангъ на высотахъ, укрѣпленія Калафата за линіей. Нашъ боевой порядокъ: правый флангъ къ Дунаю примкнутой и центръ весь изъ пѣхоты и пѣшей артилеріи, первая въ кареяхъ, артилерія между оными, эскадронъ драгунъ; лѣвый флангъ изъ всей кавалеріи, двухъ гренадерскихъ ротъ и четырехъ орудій конной артилеріи. Едва только авангардъ сталъ вступать на позицію и занялъ берегъ Дуная, какъ подплывшая канонерская лодка открыла по немъ изъ мортирокъ и изъ ружей огонь; нѣсколько выстрѣловъ пушечныхъ и ружейныхъ достаточны были, чтобы заставить оную и еще двѣ за нею плывшія удалиться и остаться издали зрителями сраженія. Начальникъ отряда, рѣшась атаковать правый флангъ непріятеля, со всею кавалеріею кромѣ одного эскадрона и двумя орудіями конной артилеріи, двинулся впередъ; тогда непріятельская кавалерія вышла къ нему навстрѣчу въ гораздо превосходнѣйшемъ числѣ и отчаянно его атаковала. Жестокое кавалерійское дѣло началось. Три эскадрона уланъ и два драгунъ нѣсколько разъ дѣлали атаки на толпы наѣздниковъ и всегда съ успѣхомъ; превосходство числа позволило имъ одну минуту охватить пра-

*) Курляндскій уланскій полкъ обращенъ для этого случая съ похода.

вый флангъ нашей конницы; но генералъ Гейсмаръ, взявъ двѣ гренадерскія роты, подвелъ ихъ на 60 шаговъ, велѣлъ открыть батальный огонь и кинуться впередъ и въ тоже время всей кавалеріи кромѣ эскадрона драгунъ, въ резервѣ оставленнаго, атаковать. Все это было исполнено быстро и рѣшительно. Непріятель опрокинутъ, разсѣянъ и преслѣдованъ почти до самыхъ окоповъ. Вмѣстѣ съ этимъ вся линія пѣхоты съ артилеріею тронулась впередъ, не смотря на сильный огонь непріятельскихъ батарей. Наша артилерія, подошедши къ позиціи непріятельской ближе, открыла по ней огонь столь удачно, что въ короткое время нѣсколько орудій было подбито и всѣ прочія вогнаны въ укрѣпленія, въ которыя ядра наши попадать начали. Тогда вся пѣхота и кавалерія, высоты прикрывавшая, въ безпорядочномъ бѣгствѣ скрылась отъ глазъ. Цѣль г-ла Гейсмара была достижена: рекогносцировка укрѣпленій и окружностей и приведеніе въ ужасъ непріятеля, который такъ былъ великъ, что по возвращеніи отряда въ с. Маглавитъ, оставшись съ авангардомъ въ виду Калафата до 6-го часу вечера, никто не отважился выдти изъ укрѣпленій, ниже выставить пикетовъ. Одинъ только подкрался, чтобы высмотрѣть съ близи наши войска, и казаками пойманъ и убитъ. Уронъ нашъ состоитъ въ двухъ оберъ-офицерахъ раненыхъ. Нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ до 80-ти, лошадей около 50-ти. Турки потеряли до 400 человѣкъ изъ бою вонъ. Начальникъ кавалеріи *Омеръ - Бей*, аянъ или губернаторъ Касторіи, убитъ. Прекрасный собой пажъ его, подлѣ его сражавшійся, взятъ въ плѣнъ. Зной во весь день былъ палящій; на вчерашнемъ переходѣ и въ нынѣшнемъ дѣлѣ восемь человѣкъ въ походѣ умерло отъ жару. Прибывъ съ авангардомъ въ бивакъ подъ с. Поголенцы, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ ночей почти безъ сна проведенныхъ, проспалъ часовъ шесть покойно, почти раздѣтый, и далъ отдохнуть войскамъ, прошедшія ночи въ ежеминутной готовности бывшимъ.

27 Іюня Середа. Рано по утру позванъ къ начальнику отряда г-лу Гейсмару. Сочиненіе донесено. Подтвержденіе отъ бѣжавшихъ изъ Калафата объ ужасѣ тамъ господствующемъ. Пріятный отзывъ и представленіе обо мнѣ особенно. Курляндскій уланскій полкъ завтра насъ оставляетъ по настоятельному требованію г-ла Бороздина.

28 Іюня. Четвергъ. День отдохновенія. Большую однако его часть провелъ въ Маглавитѣ у генерала въ занятіяхъ по его порученіямъ. Съ вечера выслалъ засаду казаковъ, чтобы сорвать Турецкій пикетъ, въ случаѣ они бы выслали.

29. Пятница. Ѣздилъ смотрѣть дѣйствіе засады; нашелъ се дурно и робко поставленную. Турки остереглись. Скоро потомъ показалась большая лодка, плывшая вверхъ по Дунаю и противнымъ вѣтромъ задержанная. Два конныхъ орудія съ острова открыли по ней огонь, зажгли ее, и Турки, поставивъ судно на мель, ушли на свой берегъ. Я послалъ казаковъ привезти ее, но нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ съ берега устрашили ихъ. Казаки нынѣшній день отважностью не отличились и наказаны передъ товарищами въ полку. Два раза ѣздилъ къ генералу. Намѣреніе взятѣ приступомъ Калафатъ въ слѣдствіе полученнаго извѣстія объ умноженіи гарнизона и укрѣпленій отмѣнено. Извѣстія изъ Сербіи объ усиленіи противъ насъ Турокъ и намѣреніи дѣйствовать рѣшительно. Еще причина беречь свои силы и воздержаться отъ предпріятій, которыя и при успѣхѣ должны сопровождены быть урономъ. Вооруженіе Пандуровъ подъ начальствомъ Ехуджера Соломона. Судно Турецкое, догорѣвши до воды, и якорный канатъ также вѣрно сгорѣвши, понеслось внизъ по Дунаю къ Виддину и послужитъ лучшимъ извѣщеніемъ, какое угощеніе ожидаетъ ихъ суда въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ пройти вверхъ по Дунаю.

30-го Іюня. Пріятное извѣстіе о взятіи Анапы Меншиковымъ и Грейгомъ, также Тульчи. Повелѣніе отслужить въ войскахъ молебенъ за взятіе какъ сихъ крѣпостей, такъ и Браилова, Исакчи, Кистенджи, Матчина и Гирсова. Въ с. Станаторли, противъ острова, съ котораго сожгли вчера военное Турецкое судно, пришелъ отрядъ пѣхоты съ двумя орудіями 12-ти фунтоваго калибра и открылъ частую пушечную пальбу по пѣхотному взводу и 3-мъ козакамъ, на острову расположеннымъ. Взводъ, какъ безполезный, отправленъ въ лагерь безъ потери. Пріѣхавъ съ однимъ козакомъ на островъ, они продолжали по мнѣ стрѣлять, и на возвратномъ пути — искусство или случай — одно 12-ти фунт. ядро едва въ меня не попало. Я приказалъ поднять его и какъ доказательство калибра отправилъ къ г-лу Гейсмару.

*) Pour les fatigues, si elles n'ont pas été excessives, il faudra dans des jours extraordinaires faire des choses extraordinaires.

Il ne faut jamais s'imaginer avoir tout fait, tant qu'il y a encore quelque chose à faire; et il ne faut pas croire non plus qu'un ennemi un peu habile manque de profiter de vos fautes, quoiqu'il ait été vaincu.

Dans une bataille perdue le plus grand mal n'est pas la perte des hommes, mais le découragement des troupes qui s'ensuit: car quatre ou cinq mille hommes de plus dans une armée de cinquante mille ne font pas une assez grande différence pour pouvoir décourager.

1-го Іюля. Воскресенье. Молебствіе въ 6-ть часовъ утра и 31 выстрѣлъ по случаю взятія крѣпостей.

Le prince Eugène avait coutume de dire, qu'un général qui avait envie de rien entreprendre, n'avait qu'à tenir conseil de guerre.

Турецкая партія въ 100 человѣкъ приходила въ *Пояны*, верстъ 12-ть отъ моего лѣваго фланга, ночью, захватила двухъ гражданскихъ чиновниковъ *зипчи* и трехъ катановъ (выборныхъ) и тотъ же часъ ушла, послѣднихъ на дорогѣ зарѣзала, первыхъ въ Калафатъ увела.—Два конныхъ орудія со взводомъ драгунъ отправлены въ семь часовъ вечера въ *Сальчи*, чтобы потопить канонерскую лодку, противъ этого селенія остановившуюся.

2-го Іюля. Понедѣльникъ. Съ разсвѣтомъ пушечная пальба въ Сальчи. Партія съ урядникомъ Грековымъ-Сиріяновымъ въ *Чепурчени* на Дунаѣ (въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленій Калафата) отправленная, возвратилась благополучно. Турецкая лодка, только поврежденная, укрылась для починки за островомъ.

3-го Іюля. Вторникъ. Въ Калафатѣ ночью барабанный бой, ружейные выстрѣлы въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ сильная гроза не дали мнѣ эту ночь много покою. Киселеву предложеніе 4-хъ способствовать ему въ назначеніи переправиться за Дунай и усиленнымъ маршемъ идти на Нишъ и Софію во флангъ и тылъ главныхъ силъ непріятельскихъ. Письма съ курьеромъ къ тещѣ, брату Карлу и къ Галагану.

4-го Іюля. Середа. Размѣнъ двухъ захваченныхъ чукоевъ на муллу Іюбъ-еффендія, въ Калафатскомъ сраженіи въ плѣнъ взятаго. Перебѣжавшій къ намъ Болгаръ. Турки готовились сдѣ-

---

*) Съ боку написано: „Замѣтка къ дѣлу подъ Калафатомъ.

лать на меня ночное нападеніе, но по неизвѣстной причинѣ въ нѣкоторомъ разстояніи, въ виноградникахъ, остановились. Усугубленіе предосторожностей ночью. Холодное время послѣ чрезвычайныхъ жаровъ. Сегодня большая армія изъ Базарджика выступаетъ въ Шумлу.

5-го Іюля. Четвергъ. Рано показалась возвращающаяся изъ Сальчи Турецкая канонерская лодка и укрылась за островомъ отъ осторожности и сильнаго противнаго вѣтра. Два орудія готовы на полуостровѣ принять ее. Рекогносцировка полуострова. Новыя укрѣпленія съ онаго открывшіяся, отъ Дуная всходящія по берегу онаго до главнаго окопа въ Калафатѣ. Многочисленные и красивые минареты мечетей Виддина.

6-го Іюля. Пятница. Судно Турецкое ночью ушло. Поискъ къ Калафату, до мѣста сраженія, съ козаками и съ эскадрономъ драгунъ. Въ виду укрѣпленій схвачено тридцать человѣкъ жителей Калафатскихъ и нѣсколько повозокъ, на работѣ въ полѣ бывшихъ. По приказанію велѣлъ поджечь хлѣбъ на корню; но, къ удовольствію моему, огонь не принялся; нѣсколько споповъ только сгорѣло.

7-го. Суббота. Ѣздилъ въ лагерь. Совѣтъ о лучшемъ способѣ стѣснить Калафатъ.

8-го. Воскресенье. Вчера въ 9-ть часовъ вечера, мѣсячною ночью, оставивъ пикеты козачьи на мѣстахъ и войсками изъ лагеря смѣненный, выступилъ я съ авангардомъ для поиска на Турокъ. За полторы версты отъ Поянъ остановился и поѣхалъ отыскать мѣсто для взвода пѣхоты, который долженъ былъ тутъ остановиться и обезпечивать мое возвращеніе. Въ мое отсутствіе фальшивая тревога. Пѣхотный солдатъ съ просонья закричалъ ура, нѣсколько человѣкъ подхватили; къ счастью ни одинъ не выстрѣлилъ. Я не усумнился ни минуты, что тревога фальшивая, не возвращался и продолжалъ вести взводъ въ Пояны. Турокъ не засталъ. Въ прошедшую ночь разбойники сдѣлали набѣгъ на селеніе, грабили, рѣзали. Отъ того я жителей здѣсь никого почти не засталъ: они на ночь уходятъ. Поставивъ постъ, пошелъ съ отрядомъ до Тунаре (двѣ версты оттуда), гдѣ съ пѣхотой, артилеріей и драгунами остановился, а всѣхъ козаковъ отправилъ къ Дунаю съ намѣреніемъ застать Турокъ, сѣнокосомъ занятыхъ или разъѣзды дѣлающихъ. Ничего не нашли. Праздникъ тому

причиной, обстоятельство изъ виду упущенное. Козаки отогнали табунъ лошадей, Калафату принадлежащихъ. Наступилъ необыкновенно знойный день. Въ 4 часа пополудни пикеты извѣстили, что Турки тремя большими толпами и быстро приближаются Выступилъ изъ Тунаре правымъ флангомъ и въ боевомъ порядкѣ къ Поянамъ, взялъ съ собою свой постъ и, отошедши 6 верстъ, остановился при хорошемъ колодцѣ, какъ для отдыха войскамъ, такъ и для того, чтобы Туркамъ дать время подойти. Весь Калафатъ былъ въ движенiи, но никто вблизи не показывался, такъ что, послѣ двухъ-часоваго привала, я выступилъ и въ восемь часовъ вечера прибылъ въ свой лагерь, успокоивъ тѣмъ отряднаго генерала, съ основанiемъ полагавшаго, что Турки, пользуясь случаемъ, кинутся со всѣми своими силами на мой отрядъ. Прiятный отдыхъ и покойно проведенная ночь—въ первый разъ раздѣтый. Омеръ-бей не убитъ 26-го числа. Другой аянъ легко раненъ.

9-го Iюля. Понедѣльникъ. Зной чрезвычайный; жалѣю, что не взялъ съ собою термометра для опредѣленiя степени его. Лошади мучатся и томятся отъ жара и мухъ, особенно нѣжныя и англизированныя, такъ что я на своихъ безъ жалости смотрѣть не могу. Весьма понятна наклонность жителей этого края, то-есть всякаго жаркаго, къ покою и недвижности, если сильная какая - либо причина, нравственная или физическая, не побуждаетъ къ дѣятельности. Здѣсь болѣе могутъ существовать послѣднiя. Купался въ Лиманѣ.

10-го Iюля. Вторникъ. Ночь безъ сна провелъ отъ множества комаровъ и, быть можетъ, отъ нездоровья. Въ семь часовъ поѣхалъ къ генералу Гейсмару въ лагерь и провелъ съ нимъ цѣлый день, отъ взаимной довѣренности прiятно. Оставленное формированiе Пандуровъ по политическимъ уваженiямъ. Язва въ Бухарестѣ уменьшается. Дерзкiя злоупотребленiя здѣшнихъ гражданскихъ чиновниковъ. Слабость управленiя каймакана князя Гики. Утомительный до чрезвычайности зной.

11-го Среда. Въ 6-ть часовъ выѣхалъ за Поголенцы и въ выгодномъ мѣстѣ очертилъ полевое укрѣпленiе для двухъ ротъ пѣхоты. Въ 10-ть часовъ ночи съ двумя ротами, подъ надзоромъ и управленiемъ генер. штаба барона Корфа, приступлено къ постройкѣ укрѣпленiя.

12-го Іюля. Четвергъ. Въ 6-ть часовъ утра былъ на работѣ въ новомъ укрѣпленіи. Въ 8-мъ въ Маглавитѣ у г-ла Гейсмара и съ нимъ поѣхалъ для выбора мѣста переправы за Дунай. Сильная перестрѣлка на аванпостахъ и присланный оттуда офицеръ козачій Даниловъ съ извѣстіемъ, что Турки своею многочисленною кавалеріею тѣснятъ козачій полкъ, заставили меня поспѣшно возвратиться. Я нашелъ авангардъ въ тревогѣ; козачій полкъ, прижатый уже къ с. Поголенцы, начатое укрѣпленіе въ рукахъ непріятеля. Пѣхоту, артилерію, драгунскій эскадронъ Петерса мимоѣздомъ двинулъ впередъ, козаковъ лавою на рысяхъ заставилъ двинуться. Турки стали отступать на рысяхъ. Эскадронъ быстро выѣхалъ на линію. Бодрость людей заставила меня, не ожидая прочихъ войскъ, послать первый полуэскадронъ въ атаку на превосходнѣйшее въ десятеро число Албанской кавалеріи, Дели называемой. Драгуны неустрашимо врубались въ середину толпищъ ихъ, множество ихъ пиками перекололи и переранили. Другая толпа понеслась было во флангъ первому полуэскадрону, но въ туже минуту я пустилъ на нее въ атаку второй полуэскадронъ. Все смѣшалось, и упорный бой храбрыхъ одного противъ десяти начался. Чрезвычайное это превосходство въ числѣ заставило наконецъ эскадронъ въ нѣкоторомъ безпорядкѣ выскочить изъ сѣчи. Я его остановилъ, выстроилъ; но Турки, устрашенные большимъ урономъ своихъ храбрѣйшихъ наѣздниковъ, не только не посмѣли идти впередъ, но начали отступать подъ прикрытіемъ своей артилеріи, изъ ближняго уже Калафата дѣйствовать противъ насъ начавшей. Пѣхоту и артилерію, какъ уже безполезную, въ боевомъ порядкѣ подходившую, я остановилъ. Одинъ эскадронъ разбилъ три тысячи славной Турецкой кавалеріи. Дѣло для эскадрона блистательное, къ совершенству котораго недостало нѣсколько болѣе устройства, то-есть офицеровъ, способныхъ оное удерживать. Командиръ эскадрона капитанъ Петерсъ отличился блестящею храбростью, переломилъ саблю свою объ шапку наѣздника и срубилъ его. Два юнкера Гарши и Пуцило вели себя пылко и также срубили нѣсколько человѣкъ. Нѣкоторые драгуны сбили одинъ по четыре и по пяти человѣкъ. Восемь изъ храбрыхъ убито въ этой сѣчѣ. Одинъ тажело раненъ; нѣсколько кинжалами и саблями, не признавая ихъ за раны и въ строю оста-

ваясь. Турки скрылись въ Калафатъ. Пріятный и памятный день въ моей жизни! Войска въ энтузіазмѣ побѣды. Г-лъ Гейсмаръ прислалъ мнѣ пистолеты въ знакъ памяти.

13-го Іюля. Пятница. Лестный приказъ о вчерашнемъ дѣлѣ. Признаки общаго уваженія и кое-гдѣ зависти. Одушевленіе войскъ. Плѣнные Турки, въ бѣшенствѣ своемъ, узнавъ, что они имѣли дѣло съ однимъ эскадрономъ и 150 козаками, обнаружили, что ихъ было не менѣе 3-хъ тысячъ и ругали себя нещадно, дорожа еще славою своей конницы. Истинная реляція. Представленіе объ отличившихся. Обѣдъ у г-ла съ каймаканомъ Гикой.

14-го Іюля. Суббота. Придвинулъ весь авангардъ (изъ батальона пѣхоты, двухъ орудій пѣшей и двухъ конной артилеріи, козачьяго Золатарева полка и эскадрона драгунъ состоящій) за Поголенцы и въ виду Калафата близъ новаго укрѣпленія расположился. Кіаіа-бей прислалъ мужика Калафатскаго для развѣданія о нашихъ силахъ, въ чемъ мужикъ мнѣ самъ признался. Зной продолжается чрезвычайный, такъ что днемъ нѣтъ возможности работать въ укрѣпленіи, которое впрочемъ къ окончанію приходитъ. Движеніе Турокъ по ту сторону Дуная, вдоль берега, показываетъ ихъ опасеніе, чтобы мы не переправились.

15-го Іюля. Воскресенье. Отрядный генералъ занемогъ. Турки начали строить батарею противъ нашего укрѣпленія за Дунаемъ. Зависть зашипѣла. Бѣжавшій изъ Калафата конной Болгаръ. Новыя весьма удовлетворительныя подробности о дѣлѣ 12-го Іюля.

16-го. Понедѣльникъ. Письмо отъ г-ла Германа. Три роты пѣхоты и дивизіонъ Каргопольскаго драгунскаго полка насъ усилятъ. Сотникъ Алёнкинъ съ 50-ю козаками отправленъ для наблюденія пространства между рѣками Жіо и Ольтой. Посѣщеніе своему начальнику больному. Обѣдъ у него. Непріятный разговоръ объ усиліяхъ подлой зависти повредить намъ.

17-го Іюля. Вторникъ. Болѣзни умножаются въ войскахъ. Священникъ Новороссійскій умеръ скоропостижно, человѣкъ дородный и силы необыкновенной. Чрезвычайный продолжающійся зной особенно, кажется, дѣйствуетъ вредно на людей тучныхъ. Приказъ высочайшій, чтобы наша кавалерія въ дѣйствіи про-

тивъ Турецкой не занималась фланкировкой и перестрѣлкой, что̀ я уже 12-го исполнилъ и тому блистательнымъ успѣхомъ обязанъ. Также назначена выдача за каждаго плѣннаго Турка, пѣшаго одинъ, коннаго два червонца награжденія. Весьма, по мнѣнію моему, вредное положеніе, по опыту дознанное. 12-го ни одинъ драгунъ не занимался добычей или плѣнными, а сбивъ пикой Турка съ лошади, скакалъ далѣе. Теперь можетъ быть иначе. — Въ 4 часа пополудни Калафатскій гарнизонъ вышелъ, и Турецкая кавалерія въ большомъ числѣ начала сбивать наши пикеты. Я вывелъ авангардъ въ боевомъ порядкѣ эшелонами, правый флангъ впереди и въ укрѣпленіи, отказывая лѣвый. Едва я выстроился, какъ страшная буря съ градомъ налетѣла, какой не помню: палатки, шалаши изодраны, разбросаны. Турки скрылись въ укрѣпленія. Весь отрядъ, по уничтоженіи бурею шалашей, пришелъ на мѣсто авангарда, который впередъ еще тронулся. Ночью дурныя вѣсти изъ Чернеца отъ Пузанова. Турки переправились, его разбили или, лучше сказать, онъ самъ своею оплошностію себя разбилъ.

18-го Іюля. Середа. Выбравъ новое мѣсто для авангарда, занялъ его. Холодное время.

19-го. Занемогъ сильно. Выступилъ однако ночью съ небольшимъ отрядомъ изъ двухъ съ половиною ротъ пѣхоты, двумя пушками и тремя взводами драгунъ противъ Чернеца. Часть ночи чрезвычайно темная; дождь, неопытность офицеровъ и моя слабость сдѣлали для меня эту ночь одною изъ жесточайшихъ въ жизни. Дошелъ до Куммира.

20-го Іюля. Пятница. Переходъ до Букора. Сильно занемогъ, но долженъ былъ часть ночи писать и разныя дѣлать распоряженія. Непріятеля нѣтъ уже въ Чернецѣ; онъ 17-го же переправился обратно за Дунай.

21-го. Суббота. Прибыли эскадронъ к. Пузанова и рота пѣхоты, въ Чернецѣ бывшая; въ 6 ч. вечера выступилъ съ отрядомъ назадъ.

22-го. Воскресенье. Пришелъ съ кавалеріею впередъ въ лагерь. Жестокій припадокъ лихорадки.

23-го. Понедѣльникъ. Всѣ трое моихъ людей занемогли лихорадкой же; въ эскадронѣ к. Петерса всѣ офицеры до одного и 28 драгунъ. Страшный климатъ. Сочиненія m-me Riccoboni,

25-го. Середа. Тяжелые дни, проведенные въ безпорядочныхъ грезахъ мучительной лихорадки.

27-го. Пятница. На зарѣ Турки напали на взводъ драгунъ, въ *Сакахъ* для прикрытія сѣнокошенья расположенный; потеря еще въ точности неизвѣстна. Лодка, ночью подъѣхавшая къ пѣхотному посту на островѣ, ранила залпомъ 4 человѣка. Начальникъ взвода въ Сакахъ поручикъ Троцкой въ своемъ шалашѣ изрубленъ; капитанъ-исправнику, управлявшему сѣнокошеньемъ, голова отрѣзана. Никакихъ извѣстій изъ главной квартиры. Упадокъ духа послѣ болѣзни. Всѣ эти дурныя вѣсти, неполученіе ни одного письма изъ Россіи съ выхода изъ границъ, привели меня въ необыкновенно-унылое состояніе духа, бездѣйствіемъ еще болѣе питаемое.

28-го Іюля. Суббота. Слабость тѣлесная, ея вліяніе на духъ. Клейстъ доставилъ нѣкоторое развлеченіе, хотя и его сочиненія дышатъ какимъ-то чувствомъ унынія. Вечеромъ посѣщеніе генералу. Слухъ о переходѣ арміи чрезъ Балканы. Общая усталость. Еще человѣкъ съ конюшни занемогъ лихорадкой и отосланъ.

29-го Іюля. Воскресенье. На разсвѣтѣ извѣстіе, что партія Новороссійскихъ драгунъ, въ Сальчи посланная, наткнулась съ обычною этому полку неопытностію на Турецкую превосходнѣйшую. Полъ-эскадрона и 15 козаковъ поскакали ее выручить, но вѣрно уже не безъ потери. Турки въ большемъ числѣ вышли на пикетъ и заняли нашъ курганъ; ѣздилъ смотрѣть ихъ; они скоро отошли сами. Малая война въ ихъ пользу. Курьеръ возвратился изъ главной квартиры; 20-го этого мѣсяца она была подъ Шумлой. Бороздинъ приказалъ благодарить, и меня въ томъ числѣ, за дѣла 26-го прошедшаго и 12-го нынѣшняго мѣсяца. Генералъ-маіоръ Гейсмаръ получилъ звѣзду Анненскую, алмазами украшенную, за Слободзею и Журжу. Реадъ, флигель-адъютантъ, убитъ. Ожидаютъ резервы и гвардію, чтобы рѣшительнѣе дѣйствовать. Больныхъ въ большой арміи множество. Посѣщеніе вечеромъ генералу. Ощущеніе возвращающагося здоровья.

30-го Іюля. Понедѣльникъ. Рано поутру осмотрѣлъ аванпосты. Турки только что выѣзжали на пикетъ. Oesterreichischer Beobachter и Gazette de Pétersbourg заняли часть утра. Каподистрія утверждаетъ искусно свою власть въ Греціи. Донъ-

Мигюель въ тяжелой борьбѣ съ конституціонною стороною народа. Во Франціи видимые успѣхи и навыкъ новаго порядка вещей. Въ Англіи вниманіе парламента, обращаемое на 80 милліоновъ подданныхъ въ Остъ-Индіи, по сіе время исключительнымъ правамъ компаніи слишкомъ преданныхъ. Допущеніе къ равенству политическихъ правъ католиковъ въ парламентѣ, кажется, къ созрѣнію приходитъ.—Утомительная жизнь въ лагерѣ, когда положеніе неприступное непріятеля и ограниченность способовъ обуздываютъ предпріимчивость, безъ книгъ, безъ товарищей, безъ извѣстій и не зная когда, не говорю уже, какой этому конецъ будетъ. Посѣщеніе генералу Гейсмару. Наконецъ первое послѣ перехода за границу письмо отъ моей старушки-матери, отъ брата Карла и сестры Маріи. Ни слова о Николинькѣ: дурное предзнаменованіе. Боже, отврати его и спаси малютку, единственное мое утѣшеніе! Множество писемъ, отправленныхъ братомъ въ полевой почтамтъ, тамъ задержаны или пропали. Жестокая беззаботливость.

31-го Іюля. Вторникъ. Все тихо на передовыхъ постахъ. День провелъ, весьма жаркій, въ писаніи писемъ къ брату, матушкѣ, сестрѣ, Андр. Ив. Маркевичу, Шереметевой, П. Г. Галагану, къ тещѣ; вечеромъ отправлены. Въ часъ пополудни канонерская лодка подъѣхала и стала стрѣлять по купавшимся людямъ, но безъ вреда. Два выстрѣла заставили ее скрыться за островъ. Отрядъ маіора Даниловича появленіемъ своимъ заставилъ переправившихся въ Раховѣ Турокъ уйти. Направленіе, ими принятое на Краіовъ, въ тылу у насъ, безпокоило. Больные умножаются. Вечеромъ посѣщеніе генералу Гейсмару.

1-го Августа. Середа. Прекрасный день, не слишкомъ жаркій. Канонерская лодка приблизилась къ полуострову и открыла огонь по купавшимся рядовымъ и по рабочимъ, дернъ для окопи рѣзавшимъ. Выстрѣлами изъ одного орудія, хорошо направленными, прогнана. Трехъ-фунтовыя ихъ ядра ложились близъ моего шалаша. Долго съ той стороны стрѣляли они изъ пушекъ по пикету. Въ 11-ть часовъ ночи выступилъ съ авангардомъ усиленнымъ Новор. др. полка еще однимъ эскадрономъ, чтобы потревожить Калафатскій гарнизонъ. Оставивъ пѣхоту съ двумя орудіями на позиціи въ двухъ верстахъ отъ Калафата съ козачьимъ Золотарева полкомъ и двумя эскадронами

драгунъ, пошелъ къ укрѣпленіямъ. Дошедши на пушечный выстрѣлъ, отправилъ эсаула Жирова съ сотнею козаковъ къ самому Калафату. Пикетовъ ночныхъ непріятель не имѣетъ; пѣшіе часовые стоятъ у самаго рва. Подъѣхавъ къ нимъ близко, одинъ часовой выстрѣлилъ; козаки ему отвѣчали. Страшный вопль и крикъ раздался по всѣмъ укрѣпленіямъ; но напрасно около двухъ часовъ ожидали, чтобы кто-нибудь вышелъ; въ 2 часа ударили у Турокъ въ барабаны, но все никого не было, такъ что я рѣшился, чтобы не дождаться зари и не показать всѣхъ моихъ силъ, возратиться въ лагерь, куда и прибылъ въ половинѣ четвертаго.

2-го Августа. Четвергъ. Государь Императоръ 21-го Іюля оставилъ лагерь подъ Шумлой и отправился въ Варну, оттуда въ Одессу, чтобы дать время гвардіи, голова которой достигла Дуная, стянуться.

Ридигеръ занялъ своимъ авангардомъ Эскистамбулъ, въ тылу Турецкой арміи на Константинопольской дорогѣ. Графъ Ланжеронъ назначенъ вмѣсто г-ла Бороздина начальникомъ войскъ въ Молдавіи и обѣихъ Валахіяхъ. Графъ Паскевичъ взялъ штурмомъ Турецкую крѣпость *Карсъ* по дорогѣ въ Эрзерумъ. Множество трофеевъ; паша и около 1200 взяты въ плѣнъ.

Начало разладицы; кажется, не съ моей стороны вина. Командиръ л. э. Новороссійскаго драгунскаго полка капитанъ Кравковъ, сложенія и силы обѣщавшей ему, казалось, сто лѣтъ жизни, вчера умеръ въ Краіовѣ, отъ болѣзни въ лагерѣ полученной.

Сильные жары продолжаются.

3-го Августа. Пятница. Турки послѣ ночной экспедиціи не показываются, ниже канонерскія ихъ лодки.

Кампанія, кажется, затянулась. Болѣзни продолжаются. Въ одномъ эскадронѣ авангарда 41 человѣкъ, въ томъ числѣ 10 унтеръ-офицеровъ. Прочелъ 1-й томъ Histoire abrégée des traités de paix entre les puissances de l'Europe depuis la paix de Westphalie par Koch. Достать въ библіотеку. Посѣтилъ вечеромъ г-ла Гейсмара—разрушенная взаимная довѣренность. Примѣры весьма забавные разсѣянности г. Ланжерона.

4-го Августа. Суббота. Печальное предчувствіе меня не обмануло: у меня нѣтъ прекраснаго моего малютки. Богу угодно было взять его у меня. Да будетъ святая Его воля! И такъ

на 39-мъ году одинокій, безъ состоянія, безъ друзей, гонимый верховною властію! Строги испытанія Твои о Господи! На Тебя моя надежда!

Письма отъ брата Карла и Шереметевой. Отъ нея роковое извѣстіе.

Бюллетень большой арміи до занятія позиціи подъ Шумлой.— Кромѣ гвардіи, 2-й корпусъ подъ начальствомъ князя Щербатова идетъ въ подкрѣпленіе дѣйствующей арміи.

Въ Калафатѣ батальный огонь пѣхоты и три выстрѣла изъ пушки: пріѣздъ ожидаемаго паши Галета, прибытіе подкрѣпленія или полученіе какого либо пріятнаго для нихъ извѣстія. Экспедиція въ Пояны отложена, чтобы выждать послѣдствія. Потемкинъ назначенъ вмѣсто покойнаго г-ла Корнилова начальникомъ войскъ подъ Журжей. Дивизія 2-го корпуса назначена въ подкрѣпленіе войскамъ обѣихъ Валахій.—Посѣщеніе вечеромъ г-лу Гейсмару.

5-го Августа. Воскресенье. Горькое пробужденіе. Скорое успокоеніе, съ Неба и изъ глубины сердца вызванное. Покорность неисповѣдимой волѣ Промысла.

Турки спокойны послѣ ночной тревоги и встрѣчи, канонерской лодкѣ сдѣланной.

Я не угадалъ: кавалерія Турецкая въ часъ пополудни вышла, часа два простояла противъ нашихъ пикетовъ и ушла. Потомъ показалась лодка, которая тоже при появленіи орудія за островъ и потомъ совсѣмъ скрылась отъ одного выстрѣла. Догадка моя была справедлива: пальба вчерашняя была для встрѣчи прибывшаго паши съ Албанскою конницею; число еще неизвѣстно. Болѣзни и смертность у Турокъ. Часть вечера у г-ла Гейсмара.

6-го Августа. Понедѣльникъ. Холодная ночь, такъ что пѣхота, легче одѣтая, вмѣсто отдохновенія, грѣлась. Пасмурный, дождливый и холодный день.

Описаніе въ Beobachter бунта Босняковъ противъ своего паши, назначеннаго идти въ Сербію и Виддинъ съ 40 тысячами войска. Это происшествіе вовсе неожиданное избавило насъ вѣроятно отъ весьма затруднительнаго положенія, — не только нашъ отрядъ и войска обѣихъ Валахій, но и большую Задунайскую армію.

Въ Португаліи конституціонная армія разбита или лучше сказать почти безъ бою разсѣяна, и Донъ-Мигюель провозглашенъ неограниченнымъ королемъ.

Франція посылаетъ экспедицію въ Морею подъ начальствомъ генерала Мезона. Англія посылаетъ войска въ Ирландію для укрощенія безпорядковъ, тамъ возникшихъ по случаю выбора въ члены парламента католика Оконнеля.

7-го Августа. Вторникъ. Въ 10-ть часовъ ночи вышедшій изъ Калафата обыватель явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что Турки, усилившись прибытіемъ трехъ пашей съ Албанцами, артилеріей изъ Константинополя и почти всѣми Виддинскими жителями, въ Калафатъ перешедшими, въ числѣ всего не менѣе 30 т., намѣрены на зарѣ, атаковавъ насъ въ позиціи подъ Голенцами, направить часть своей конницы на Пояны, Саки и Боелешти во флангъ и тылъ отряда. Кромѣ огромной несоразмѣрности числа въ пользу непріятеля, таковая же и въ разсчетѣ послѣдствій сраженія: Турки разбитые укрывались бы въ близкихъ укрѣпленіяхъ Калафата; мы же въ такомъ случаѣ должны были погибнуть до послѣдняго и съ нами по крайней мѣрѣ Мал. Валахія. Донесенія разъѣздовъ и замѣчанія пикетовъ согласовались съ симъ извѣстіемъ; генералъ рѣшился отступить ночью же до Чароя. Мнѣ порученъ былъ арьергардъ. Я выступилъ въ часъ ночи. Около осьми часовъ утра, не доходя нѣсколько верстъ до Чароя, всѣ курганы, отъ Боелешти до моей дороги, покрылись пикетами Турецкими. Полуэскадронъ въ Сакахъ стоявшій едва успѣлъ во время присоединиться ко мнѣ. Извѣстіе Калафатскаго жителя было справедливо, и мы ему вѣроятно весьма много обязаны. Движеніе это стоило намъ одного казака, который убитъ, одинъ драгунъ по оплошности попалъ въ плѣнъ; но огромные запасы сѣна, большое количество ячменя, множество скота, купцамъ принадлежавшаго, достались въ руки непріятелю. Конница его показалась для рекогносцировки передъ Чаройскимъ лагеремъ; не желая допустить ихъ долго осматривать, приказалъ я казакамъ согнать ихъ съ кургана, что̀ тотъ же часъ исполнено; Турки уже отступали.—Ночь съ генераломъ въ моемъ шалашѣ. Насъ всего 2300 человѣкъ.

8-го Августа. Середа. Боелешти заняты казаками. Турки отступили къ Калафату, занявъ нашъ окопъ въ Голенцахъ. Ла-

геръ сожженъ. На правомъ флангѣ казаки заняли Галичъ, на лѣвомъ Катаны.

9-го. Четвергъ. Письмо Ланжерона къ Гейсмару одобрительное, привѣтливое и подкрѣпленіе обѣщающее.

10-го. Пятница. Рапортъ отъ Щукина. Едва онъ вслѣдствіе повелѣнія оставилъ Чернецъ и отошелъ три версты, какъ увидѣлъ въ огнѣ городъ, с. Симеони и свой лагерь. Партіи Турецкія на флангахъ и въ тылу.

11-го. Суббота. По газетамъ произведено ровно 12-ть полныхъ генераловъ. Краіовъ въ страхѣ; жители почти насильно каймаканомъ удерживаются.

13-го. Печаль, днемъ преодолѣнная, въ тревожныхъ снахъ возобновляется. Омеръ-Вріоне въ Виддинѣ, ложный слухъ.

14-го. Вторникъ. Пріѣздъ г. Ланжерона. Съ нимъ г. Толстой флигель-адъютантъ и Мухановъ, старый знакомый.

15-го. Середа. Въ 5 ч. утра отъѣздъ г. Ланжерона. Извѣстія изъ дѣйствующей арміи, съ моими предположеніями согласныя. Сербы приглашаются, наконецъ, къ содѣйствію. Не поздно-ли? Въ 8 ч. извѣстіе съ аванпостовъ, что конница Турецкая въ большомъ числѣ пришла въ *Галичъ*, на правомъ нашемъ флангѣ, и въ равномъ уже разстояніи отъ Краіова, какъ и Чарой. Опасность этого движенія побудила генерала Гейсмара отправить меня въ Краіовъ одного, чтобы принять начальство надъ тамошнимъ отрядомъ. Я выѣхалъ въ лихорадкѣ; почтовая здѣшняя каруца меня не облегчила. Въ 2 ч. пріѣхалъ въ лагерь въ Житяны больной совершенно, вступилъ однако въ командованіе, продиктовалъ не безъ труда рапортъ г. Ланжерону о цѣли моего сюда прибытія, маіору Середину о поспѣшномъ отступленіи изъ Гоюша по Чернецкой дорогѣ. Пріѣздъ ко мнѣ каймакана Гики съ извѣстіемъ о страшной тревогѣ въ городѣ. Въ семь часовъ вечера выступилъ съ отрядомъ на переправу въ Брясты, откуда ожидаютъ Турокъ. Тяжелый для меня переходъ: очень боленъ. Къ счастію, въ *Чернёлахъ*, гдѣ остановился на ночлегѣ, нашлась изба, первая которую послѣ давняго времени вижу и въ которой провелъ изрядно ночь. Жители Краіова разбѣжались.

16-го Августа. Четвергъ. Въ 7 ч. утра выступилъ изъ Чернёлъ, недовольный отдаленіемъ отъ Житянской переправы и другихъ пунктовъ, и въ самомъ дѣлѣ едва отошелъ 6 верстъ,

какъ въ двухъ верстахъ всего отъ Краіова, противъ *Ліамны*, увидѣлъ нѣсколько тысячъ Турецкой конницы, оканчивающей свою переправу въ бродъ чрезъ рѣку Жіо. Не смотря на огромное превосходство непріятеля, я пошелъ съ шестью взводами Каргопольскихъ драгунъ, двумя ротами пѣхоты и двумя орудіями артилеріи прямо на переправу. Турки не ожидали никого найти; они были изумлены, стали отступать. Я спустился къ берегу рысью съ артилеріею; пѣхота бѣгомъ на рѣку въ двухъ кареяхъ; драгуны сзади. Турки въ эту минуту, видя меня на совершенно открытомъ мѣстѣ, кинулись было впередъ; но я приказалъ быстро снять съ передковъ и открыть по толпамъ ихъ огонь. Нѣсколько гранатъ, среди ихъ лопнувшихъ, привели ихъ въ страшный безпорядокъ; они закружились среди рѣки и потомъ во весь опоръ, тѣсня одинъ другаго, поскакали назадъ, не слушая ни просьбъ, ни угрозъ Кіаія-бея, котораго я узналъ. Краіовъ спасенъ. Прибытіе всего отряда. Сильный пароксизмъ.

18-го, 19-го, 20-го, и 21-го. Дни и ночи, проведенные наиболѣе въ страданіи, грезахъ и въ забытьи.

22-го. Середа. День коронаціи. Наконецъ нѣсколько часовъ сна. Пробужденіе съ пріятнымъ чувствомъ примѣтнаго облегченія. Прекрасный утренній воздухъ; упоеніе имъ. Перечиталъ письма. Проснувшіяся живыя и незабвенныя воспоминанія прекраснаго утра въ Тростянцѣ и вообще въ Малороссіи. Благословенный край!

23-го Августа. Четвергъ. Примѣтное облегченіе. Обѣдъ у меня съ прочими. Всѣ адъютанты генерала Гейсмара занемогли. Множество прибывающихъ больныхъ. Вечеромъ ароматическая ванна. Смерть Конст. Бенкендорфа въ Праводахъ. Новая неудача.

24-го. Упадокъ духа. Опытъ безуспѣшный отвѣчать на письма. Ephigénie Расина нѣсколько разсѣяла. Ни откуда извѣстій.

25-го. Суббота. Первая хорошо проведенная ночь. Malte-Brun. Замѣчательный разборъ географіи Геродота и Страбона.

26-го. Нравственная усталость. Дѣло подъ Силистріей у генерала Рота. День Бородинскій.

27-го Августа. Пасмурный день, МалтъБрюну обязанъ, что не вовсе пустой. Пріѣздъ ввечеру барона Гейсмара. Затруднительное нынѣшнее его положеніе. Осужденіе праздными и ничтожными людьми поступковъ дѣятельнаго и предпріимчи-

ваго человѣка. Послѣдствіемъ разговора была слѣдующая записка моя, въ промежуткѣ двухъ пароксизмовъ ночью написанная:

„Свѣдавъ, что нѣкоторые военные чиновники, по невѣдѣнію ли обстоятельствъ или по непріязни, осуждаютъ дѣйствія отряда въ Малой Валахіи и именно что начальникъ онаго движеніемъ своимъ къ Калафату будто бы обнаружилъ малочисленность своего отряда и тѣмъ навлекъ настоящія событія, за нужное почитаю изложить вкратцѣ дѣйствія столь осуждаемыя“.

„Генералъ-маіоръ Гейсмаръ засталъ отрядъ ему ввѣренный на позиціи въ Радованѣ, авангардъ въ Чароѣ, весь берегъ Дуная отъ Чернеца до Калафата подверженный набѣгамъ безпрерывнымъ Турокъ. Противъ Рахова небольшой отрядъ, также безуспѣшно охранявшій берегъ нижней Ольты и уголъ ею съ Дунаемъ составляемый. Въ Калафатѣ было тогда 12 т. гарнизона. Баронъ Гейсмаръ прибылъ 24-го Іюня; 25-го отрядъ дошелъ до Маглавита; 26-го выигралъ сраженіе подъ Калафатомъ; 12-го Іюля разбилъ вышедшую ихъ кавалерію. До 7-го Августа отрядъ довольствовался на счетъ окружностей Калафата, и вся Малая Валахія, кромѣ весьма рѣдкихъ (близкихъ) набѣговъ малыхъ Турецкихъ партій, была въ нашихъ рукахъ и охраняема. Все это произведено было съ отрядомъ, вообще до 4 т. подъ ружьемъ состоявшимъ. Подъ Калафатомъ послѣ 26-го Іюня никогда не было болѣе 2.500 человѣкъ. Небольшое подкрѣпленіе, о которомъ генералъ-маіоръ Гейсмаръ не переставалъ и рапортами и письмами просить высшее начальство, поставило бы его въ положеніе удержать и по сіе время всѣ эти полученныя надъ непріятелемъ преимущества. Это ли называютъ обнаружить свою слабость? Вмѣсто того Турки получили подкрѣпленіе и такое, что отрядъ увидѣлъ противъ себя 30 тыс. армію. Нужно ли здѣсь замѣтить, что, до этого новаго обстоятельства, генералъ-маіоръ Гейсмаръ предпріимчивостію и искусствомъ своихъ движеній извлекъ въ прежнемъ своемъ положеніи всѣ выгоды, которыхъ только пожелать можно (а требовать трудно было) и совершенно поддержалъ честь Россійскаго оружія. Наконецъ, несоразмѣрное неравенство силъ дѣлаетъ славу битвъ невозможною; остается (лишь) одна—въ искусствѣ маневровъ. Непріятель, сосредоточивъ до 30 т., не теряя времени, намѣревается 7-го Августа на разсвѣтѣ напасть на малый его отрядъ и вмѣстѣ

обойти его лѣвый флангъ и тылъ 6-го въ 10-ть часовъ ночи получено это извѣстіе и замѣчены подтверждающія оное движенія, и уже въ 7-мь часовъ утра весь отрядъ безъ урона прибылъ въ Чарой. Послѣ этой неудачи, Турки 15-го числа приняли смѣлое намѣреніе, впрочемъ большимъ превосходствомъ ихъ силъ допускаемое, обойти правый флангъ отряда на Галичъ прямо въ Краіовъ, отрѣзавъ ему въ Радовань прямую туда дорогу, и атаковать оный между тѣмъ и съ фронта. Едва это движеніе стало ясно, какъ того же дня генералъ-маіоръ Гейсмаръ предупредилъ Турокъ въ Радованѣ. Корпусъ 3 т. кавалеріи Турецкой надѣялся, по крайней мѣрѣ, успѣть сжечь Краіовъ, пользуясь бродами рѣки Жіо, между двумя мостами въ Житянахъ и Брястахъ. Онъ успѣлъ придти и переправиться 16-го въ 8 мь часовъ утра въ 2-хъ верстахъ отъ города, но въ туже минуту увидѣлъ передъ собою отрядъ полковника Граббе, наканунѣ для того въ Краіовъ отправленнаго, которымъ былъ прогнанъ назадъ за Жіо, и въ тоже время отрядъ маіора Середина, на Черменецкой дорогѣ стоявшій и движеніемъ Турокъ почти отрѣзанной, къ нему присоединился. Между тѣмъ и самъ генералъ-маіоръ Гейсмаръ съ остальными войсками прибылъ въ Краіовъ и лагеремъ подъ онымъ расположился, наблюдая все, что̀ ему до полученія подкрѣпленій дѣлать остается — переправы на Жіо".

„Оставляю на собственное сужденіе истинныхъ воѐнныхъ людей, заслуживаетъ ли эта точность въ движеніяхъ (минуты, можно сказать, въ соображеніе принимавшая и вездѣ съ успѣхомъ) нѣкотораго вниманія. Утверждаю, что честь въ бою и въ маневрахъ этимъ отрядомъ въ глазахъ непріятеля стяжанная и теперь одна только защищаетъ противъ него Краіовъ".

„Предположивъ, что г.-м. Гейсмаръ остался бы съ самаго начала въ Радованѣ, что̀ бы отъ того лучшаго было? До усиленія непріятеля, т. е. болѣе полтора мѣсяца, весь край около Калафата служилъ бы Туркамъ для продовольствія. Все это время они въ тогдашнемъ своемъ числѣ грабили, къ стыду отряда, береговые по Дунаю округи. Двухъ счастливыхъ дѣлъ и превосходства отъ нихъ послѣдовавшаго не было бы. Отрядъ долженъ бы довольствоваться всѣмъ изъ Краіова и однихъ внутреннихъ округовъ М. Валахіи, теперь уже съ трудомъ отрядъ

довольствующихъ. По полученіи же Турками нынѣшнихъ подкрѣпленій онъ все же принужденъ былъ бы отступить къ Kраіову и, ничѣмъ не получивъ права на уваженіе и осторожность непріятеля, былъ бы вѣрно и здѣсь тотчасъ атакованъ.

„Призываю справедливое сужденіе знатоковъ военнаго дѣла на это краткое и вѣрное изложеніе операцій отряда Малой Валахіи подъ начальствомъ г.-м. Гейсмара".

28-го Августа. Вторникъ. Первый выходъ на воздухъ. Печальный видъ оставленнаго города; низшія сословія однако собираются. Уныніе—слѣдствіе болѣзни и обстоятельствъ. Посѣщеніе генералу. Minna von Barnhelm Лессинга. Вечеръ у меня и ужинъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Трансильваніи. Противурѣчащія повелѣнія изъ Слатина. Государь уже вѣроятно возвратился въ Шумлу. Корпусъ князя Щербатова пошелъ на Гирсово.

29-го Августа. Середа. Первый выѣздъ верхомъ на Брюнетѣ въ лагерь. Посѣщеніе Кельнеру, графу Толстому и пѣхотѣ. Часа два въ саду, въ пріятной, хотя унылой задумчивости. Пріѣздъ г-на Рейтерна. Вечеръ и ужинъ у меня. Сближеніе недоразумѣвавшихъ генераловъ. Nathan der Weise Лессинга. Нѣсколько страницъ изъ Малтъ-Брюна.

Kleber, dont la téte s'élevait comme un drapeau au-dessus des bataillons, et qu'on n'a pas apprécié ce qu'il eût pu valoir, parce qu'il obéissait mal et ne voulait pas commander.

Les batailles de Pultusk et d'Eylau auraient dû donner des révélations salutaires. Ce n'était pas des défaites; mais quelle armée, quelle puissance pouvait recommencer souvent de pareilles victoires?

La conversation de Napoléon renfermait une séduction inexprimable, et nous ne connaissons pas d'homme qui ait possédé au même degré que lui le secret de pénétrer dans les coeurs de ceux qui l'écoutaient. Nos vieilles bandes frémissaient d'un saint respect à la vue des aigles de la légion. En 1795, la brigade de Latour-d'Auvergne que les Espagnols avaint surnommée la colonne infernale, à cause de l'effroi qu'elle leur inspirait sur le champ de bataille, campait en Biscaye dans des vergers plantés de cerises, et les grenadiers n'osaient pas cueillir les cerises aux branches qui pendaient sur leurs tentes. Quand le tumulte des batailles était appaisé, ils revenaient se faire aimer, un à un, aux mêmes lieux où ils s'étaient fait détester en masse.

L'ancienne armée royale de France était composée de deux classes distinctes: les soldats comdamnés à tout mériter, sans rien obtenir, et les officiers appelés à envahir les grades sans avoir pris la peine de les gagner. Cette dernière classe se subdivisait en noblesse de province et en noblesse de cour. L'une fournissait d'un certain nombre de militaires appliqués au métier et beaucoup d'amateurs pour qui le service était un simple passetemps. L'autre peuplait les régiments de colonels imberbes et les états-majors de généraux de salon.

31-го. Верхомъ къ мѣсту переправы Турокъ на Сиръ-Томасѣ; въ саду одинъ, потомъ съ генераломъ Гейсмаромъ, вечеръ у меня. Дивизіонный генералъ Ивановъ умеръ отъ ранъ.

1-го Сентября. Прогулка пѣшкомъ и посѣщеніе семейству Бибеско. Хорошо расположенный и съ хорошими фруктами садъ. Къ обѣду хуже. Батальонъ 34-го егерскаго полка съ двумя батарейными орудіями пришелъ въ подкрѣпленіе. Отрядъ сосредоточился у Житянской переправы.

2-го Воскресеніе. Нездоровъ и отдохну еще день, не слѣдуя съ войсками. Невыгодныя извѣстія изъ большой арміи подтвердились. Принцъ Евгеній Виртембергскій допустилъ напасть на себя въ расплохъ, потерялъ восемь орудій и много людей. Армія оставляетъ Шумлу. Эскадронъ С.-Петербургскаго уланскаго полка, посланный изъ Шумлы въ Силистрію, истребленъ Турками. Нашъ отрядъ выступаетъ сегодня въ Радованъ.

3-го Сентября. Понедѣльникъ. Сильно занемогъ. Частые обмороки и чрезвычайная слабость.

4-го. Феррари лѣчитъ меня; своимъ подобострастіемъ приводитъ меня въ нетерпѣніе.

До 9-го Сентября. Все боленъ, но другой день получше. Время наступило холодное; у меня топятъ. Упадокъ нравственныхъ силъ не въ меньшей степени какъ и физическихъ. Къ вечеру ободрительное обращеніе къ Небу. Сколько причинъ къ успокоенію!

До 12-го Сентября. Середа. Свѣдавъ, что Турки въ превосходнѣйшемъ числѣ собираются атаковать малый нашъ отрядъ, еще весьма слабый, отправился въ коляскѣ къ нему.

14-го Пятница. Визирь Ибрагимъ-паша Виддинской пришелъ въ с. Боелешти, въ осьми верстахъ отъ Чароя, съ 26 т. и 18 орудіями. Генералъ Гейсмаръ выступилъ противъ него съ 4 т. и 14-ю орудіями въ осьми двухротныхъ кареяхъ: два въ

головѣ и центрѣ, остальные уступами по два назадъ и два въ резервѣ за центромъ. Кавалерія подъ моимъ начальствомъ между кареями; по дивизіону Каргопольскаго драгунскаго полка по флангамъ, три эскадрона Новороссійскаго и 4 кон. орудія въ резервѣ за центромъ. Въ 2 часа по полудни началось сраженіе съ нашей стороны двумя 12 фунтовыми орудіями центра. Турки тотчасъ открыли весьма хорошо направленныя 18 орудій, изъ которыхъ много вреда намъ причиняли. Кавалерія ихъ кинулась на правый нашъ флангъ, но дивизіей Каргопольск. опрокинута, потомъ на лѣвой и покушалась прорваться въ Чарой къ полному нашему вагенбургу, но также Новорос. двумя эскадр. предупреждена и прогнана; резервы вездѣ поддержали успѣхи. Такъ прошелъ день; ничего рѣшено не было. Они оставляли насъ по видимому до завтрева и спокойно расположились у насъ въ виду въ своемъ лагерѣ. Но не знали они, съ кѣмъ дѣло имѣли. Когда совершенно стемнѣло, генералъ Гейсмаръ построилъ пѣхоту въ восемь колоннъ къ атакѣ, всю кавалерію и артилерію въ резервѣ и сначала шести колонамъ, а потомъ и двумъ гренад. приказалъ идти прямо на Турецкій лагерь въ селеніе. Кавалерію застали вовсе въ расплохъ, т.-е. сонныхъ и впереди. Перестрѣлявъ и переколовъ ее множество, она первая съ главнокомандующимъ и важнѣйшими чиновниками спаслась. Пѣхота оборонялась. Многіе въ домахъ не принимали пощады. Селеніе вспыхнуло. Множество ихъ сгорѣло. Весь лагерь съ богатой добычей, 507 чел. плѣнныхъ, семь орудій, 24 знамя достались намъ въ руки. Побѣда полная и Суворовская. У насъ 600 чел. съ небольшимъ изъ строя вонъ.

17-го Понедѣльникъ. Пріѣхалъ весьма слабый въ Краіовъ, побѣдою уже послѣ опустѣнія своего оживленный.

21-го Суббота. Послѣ важной болѣзни начинаю, кажется, оправляться.

30-го Воскресенье. Все болѣнъ. Получилъ въ это время письмо отъ Н. Н. Шереметевой, Нат. Ив. Пассекъ и П. Г. Галагана. Вчера прогулка до дому Феррари, въ колясквѣ. Первая совершенно хорошо проведенная ночь. Петерсъ на дняхъ пріѣхалъ и у меня остановился. Malte-Brun много помогъ мнѣ провести безъ скуки долгіе дни болѣзни, сильно на нравъ дѣйствующей. Подъ вечеръ прогулка въ коляскѣ около города.

Приближеніе подкрѣпленій и приготовленія къ приступу. Надобно выздоравливать.

1-го Октября. Докторъ Савинъ, меня пользовавшій, уѣхалъ. Полк. Шилингъ генеральн. штаба, товарищъ дѣтства въ Сухопутн. Корпусѣ, назначенный сюда комендантомъ, вѣроятно за глухотою, пріѣзжалъ ко мнѣ, ѣздилъ назначать мѣста для редутовъ, которыми обезпечиться должны зимовыя квартиры въ Краіовѣ. Сильный градъ.

2-го. Вчера досидѣлись въ вистъ до половины двѣнадцатаго. Избѣгать этого. Не знаю почему, живое воспоминаніе праздниковъ Екатерины, натурально по описаніямъ и разсказамъ только мнѣ извѣстныхъ. Замѣчаю, какъ признакъ пробужденія дѣятельности душевныхъ силъ.

3-го Октября. Вчера пришелъ Ладожскій пѣхотный полкъ; прибыли въ отрядъ генералы: Плоховъ, Кузьминъ и Жиленко Сильный и холодный вѣтеръ. По ночамъ стрѣльба въ городѣ; все еще безначаліе.

6-го Октября. Вчера утвердилъ выбранныя мѣста для семи редутовъ вокругъ Краіова. Скучный вечеръ одинъ. По утру посѣщеніе коменданту, полковнику Шиллингу и каймакаму. Они проводили меня въ объѣздъ окружностей.

Mais cette monarchie qui, dans si peu d'années s'est élevée à un si haut degré de splendeur, porte aussi dans son sein les germes d'une décadence rapide et inévitable. Quelques ménagements que les Anglais gardent envers les Hindous, quelques soins qu'ils prennent pour faire respecter les lois de Menou et pour ranimer l'étude des livres sanscrits, l'orgueil et l'intolérance ne laisseront jamais oublier qu'ils sont pour tout fidèle Hindous des étrangers, des barbares, des gens sans caste, vivant sans loi, mangeant une nourriture animale, comme les Parias tout abhorrés. La fureur du proselytisme, qui anime et le clergé anglican et les sectes diverses, surtout les méthodistes, à déjà excité l'indignation des Bramines et causé des desordres sérieux. Les meilleurs politiques de l'Angleterre considèrent ces tentatives de répandre le christianisme comme une expérience très dangereuse pour la sûreté et la tranquillité de l'Inde. La seconde cause de décadence est inhérante à la faiblesse de l'armée européenne régulière que cependant la compagnie a déjà trouvé difficile à gouverner. Des troubles récents ont trahi ces funestes secrets. L'embarras financier où se trouve la compagnie, ré-

sultat d'une administration peu scrupuleuse, s augmente depuis qu'elle a étendu son empire sur les possessions hollandaises de Malaga, de Java, de Macassar et des Molluques. Comment garder d'aussi vastes colonies, comment entretenir les relations avec tant de nations barbares et belliqueuses sans une dépense entièrement hors de proportion avec la faible augmentation du commerce qui en a été le fruit? Déjà l'on prévoit, à l'expiration prochaine de la chartre de la compagnie, ou la dissolution, ou la réforme d'une association qui ne peut plus combiner ses spéculations mercantiles avec la grandeur politique. On ne peut que perdre de deux côtés quand on veut faire le commerce en sultan et faire la guerre en marchand. Un voyageur anglais, lord Valentia, avoue hautement une quatrième source de désordres, c'est l'accroissement rapide et étonnant de la caste des mitis, descendants des pères européens et des mères indiennes, caste déjà fort arrogante au Bengale, et qui semble prétendre à de grands droits politiques. La cinquième et principale raison que nous avons pour prédire la chute de l'empire Britannique, c'est ce noble orgueil qui rend toutes les nations impatientes d'un joug étranger. Même en la supposant bienfaisante pour le peuple Hindou, la domination britannique pésera non seulement sur les orgueilleux et perfides Musulmans, mais encore sur l'esprit actif et ambitieux des Bramines et des Rajepoutes. Un jour à la voix de la religion et de l'honneur on verra quelque nouveau Sandracottus soulever cette immense population, accabler le petit nombre d'Européens et rétablir le trône des monarques indiens.

13 го. Вчера, въ 9 ч. утра, отрядъ вошелъ въ укрѣпленія Калафата, оставленныя къ общему удивленію по неизвѣстной причинѣ Турками.

14-го. Проснулся бодрѣе обыкновеннаго. Вчера и третьяго дня ѣздилъ верхомъ. Вечеромъ былъ у генерала Плохова и до полуночи у Кельнера въ первый разъ. Чувство возвращенія здоровья, хотя еще невольное глубокое уныніе. Сегодня общій молебенъ за очищеніе отъ Турокъ всей Малой Валахіи. Погода стоитъ прекрасная, край живописный, квартира хорошая и удобная, здоровье начинаетъ возвращаться, а сердце у меня все сжато, все еще письма тѣхъ кого люблю лежатъ разбросаны безъ отвѣта.

15-го. Съ Сегюромъ провелъ вчерашній день весь дома.

Каймакамъ сію минуту принесъ извѣстіе, что Варна 25-го Сентября взята штурмомъ *). Злотницкій проѣхалъ ночью.

Le contre-poison des prestiges de la cour est un changement de règne: le coeur alors paraît à nu; toute illusion cesse; le roi mort n'est plus qu'un homme et souvent moins. Il n'y a point de coup de théâtre plus moral et plus propre à faire refléchir.

Ils ne savaient pas que chez la plupart des hommes rien n'est plus opposé à leur intérêt bien entendu que leur égoïsme.

La paix est le rève des sages; la guerre est l'histoire des hommes. La jeunesse écoute avec tristesse celui qui prétend la mener au bonheur par la raison; elle suit avec un invincible attrait ceux qui, tout en l'égarant, l'entraînent à la gloire.

Ces âmes fortes me paraissent les géants de la fable, s'efforçant en vain de soulever les montagnes qu'on avait entassées sur eux.

16-го. Сдалась Варна. 2-го Октября Государь уѣхалъ въ Петербургъ. Вчера пріѣздъ г. Туманскаго, хорошаго знакомаго по Ярославу и пріятнаго поэта. Никакихъ вѣстей изъ Калафата, не смотря на пріѣздъ Злотницкаго. Вечеръ провелъ за вистомъ съ Кельнеромъ.

17-го. Морозъ. Мысль отправиться къ осадѣ Силистріи. Lettres de m-r Ancelot. Визитъ Туманскому и Кельнеру. Прогулка верхомъ. Вечеръ у меня въ живомъ разговорѣ, послѣ многихъ недѣль безмолвія. Все не соберусь писать. Происшествія около Силистріи могутъ сдѣлаться важны.

18-го. Холодный вѣтеръ. Vaudoncourt. Туманскій у меня обѣдалъ. Вечеръ у меня съ каймакамомъ и пр.

Solitude, oh, combien je t'aime!
Ton calme aux coeurs souffrants offre un charme suprême,
Un attrait séducteur qui ne trompe jamais...

23-го. Большой снѣгъ. Waterloo, описаніе Водонкура. Пріѣздъ генерала Гейсмара. Радость свиданія съ нимъ.

18-го Ноября. Въ двадцать дней, что я не видалъ своей книги, лихорадка меня оставила; пилюли Имзена, кажется, прервали ее. Я примѣтно оправился и тѣломъ и духомъ въ ежедневномъ обществѣ Гейсмара и его жены, моей племянницы.

*) Сдалась на условія.

Между тѣмъ получилъ отпускъ въ Россію по 1-е Апрѣля для поправленія здоровья, которымъ бы по пріятному моему здѣсь положенію не воспользовался, когда бы не побуждали меня къ тому обязанности родства, дѣла по имѣнію и желаніе обнять передъ будущею вѣроятно жаркою кампаніею любезныхъ мнѣ людей въ Малороссіи. Записки Казановы доставили мнѣ эти дни пріятное развлеченіе. Удовольствіе принесли мнѣ письма изъ Россіи.

И такъ эта кампанія, подъ дурными предзнаменованіями для меня начавшаяся, благодаря перемѣнѣ начальника отряда и дарованіямъ военнымъ генерала Гейсмара, кончена очень счастливо, хотя по представленіямъ вышнему начальству еще ничего нѣтъ. По письму необыкновенно почтительному правителя Сербіи князя Милоша побѣда подъ Боелешти сдѣлала имя Гейсмара ужасомъ для Турокъ. Онъ въ нѣсколько часовъ много выросъ. Судьбѣ одной извѣстно, что̀ его еще ожидаетъ; но она ничѣмъ его изумить не можетъ. Впрочемъ мы взаимно признались, что послѣ тринадцати лѣтъ мира мы не совсѣмъ себя и для войны нашли такими, какъ тогда были. Служеніе Марсу и Венерѣ равно требуетъ бодрой молодости. Я за счастіе считаю, что съ нимъ встрѣтился и нашелъ, сохранилъ всю его довѣренность.

19-го Ноября. Какое-то раздраженіе, послѣдствіе продолжительной болѣзни. Ошибки главнаго управленія Молдавіи и обѣихъ Валахій; пагубныя слѣдствія оныхъ. Сербскій князь Милько, на котораго любовался въ дѣлѣ, какъ на славнаго наѣздника, въ парадной шубѣ и въ туфляхъ на вечерѣ у Гейсмара пренеловкій.

20-го Ноября. Весь день у Гейсмара. Ввечеру полученъ приказъ о назначеніи его въ генералъ-адъютанты за отличіе противъ Турокъ. Язва усилилась въ Бухарестѣ и въ окружностяхъ. Кинбурнскій полкъ зараженъ и выдержитъ карантинъ. Прогулка съ Гейсмаромъ и его женою въ каретѣ за городомъ и потомъ на *Плембаръ*, т.-е. по большой и тѣсной улицѣ города. Письмо къ Государю для Гейсмара и къ Потапову отъ него и отъ себя.

21-го Ноября. Парадъ и обѣдъ у генерала Гейсмара по случаю праздника восшествія на престолъ Государя. Вечеромъ былъ въ клубѣ, на который поѣхалъ съ Гейсмаромъ, съ его женой

и съ прекрасною Галагаванъ. Въ 12 ч. возвратились ужинать къ генералу. Чрезъ часъ выѣзжаю въ Бухарестъ.

9-го Декабря. Воскресенье. Снѣгъ выпалъ въ день моего выѣзда изъ Краіова; но, не довѣряя здѣшней зимѣ, я выѣхалъ въ коляскѣ. Въ Бранковени пріѣхалъ вечеромъ и остался ночевать у Чернецкаго купца Обрана, ничего за ночлегъ принять не хотѣвшаго. Переправа чрезъ Ольту была трудна и не безъ опасности. 2-го вечеромъ пріѣхалъ въ Бухарестъ; остановился у графа А. П. Толстаго. Отъ отпуска въ Россію по продолжительности карантина отказался. Пріятнѣйшій вечеръ провелъ у Дашкова. Вообще пребываніе въ Бухарестѣ меня утомило и даже вредно подѣйствовало на здоровье. 5-го я выѣхалъ ночью, встрѣтилъ моего начальника на дорогѣ. Онъ узналъ мою коляску. Писемъ моихъ, которыя бы его отъ поѣздки въ Бухарестъ удержали, онъ не получилъ ни одного. Прекрасное мѣстоположеніе Слатина на Ольтѣ. Красивый мостъ. Неисправныя почты. Ввечеру 7-го съ удовольствіемъ вступилъ въ свою Краіовскую квартиру. Вчера весь день провелъ весело въ обществѣ моей милой племянницы. Прекрасное время.

10-го Декабря. Понедѣльникъ. Прекрасный день вызвалъ вчера m-me Гейсмаръ ѣхать со мною на встрѣчу къ мужу по Слатинской дорогѣ; заѣхали и взяли съ собою m-me Мавросъ; обѣдъ и вечеръ у m-me Гейсмаръ.

11-го Вторникъ. Тепло, но сильный вѣтеръ. Къ вечеру стали тревожиться о причинахъ, могшихъ задержать г-ла Гейсмара; но въ семь часовъ онъ прискакалъ въ почтовой каруцѣ. Послѣ обѣда верхомъ съ П. Глазенапомъ и Энгельгардомъ до Чернёлъ. Г-лъ Гейсмаръ съ женою насъ догналъ въ каретѣ. Прекрасное, теплое и тихое время. Красивое освѣщеніе Карпатской цѣпи горъ, снѣгомъ покрытыхъ, при заходящемъ солнцѣ.

12-го Середа. Вѣсти съ разныхъ сторонъ, что Турки намѣрены напасть на отрядъ, въ Чернецѣ расположенный. Приготовленія къ переправѣ за Дунай; лодки 12 аршинъ длины, 4 ширины, 2 пуда желѣза на каждую, веревки въ 35 арш.

13-го Декабря. Четвергъ. Прекраснѣйшій день и ниже признаковъ зимы. Въ банѣ близокъ былъ къ обмороку. Обѣдалъ дома одинъ. Верхомъ на Эммѣ съ большимъ удовольствіемъ.

15-го Намѣренія Турокъ начинаютъ обнаруживаться. Приготовленія противъ нихъ. Пасмурно.

16-го Воскресенье. Немного работы. Письмо въ Секирницу, съ порученіемъ пріискать для покупки имѣніе отъ 100 до 200 душъ въ моемъ сосѣдствѣ для Гейсмара. Разстройство духа подъ личиною веселости и частаго смѣха. Нѣсколько горькихъ воспоминаній. Отчего такая внезапная перемѣна? Этотъ сардоническій смѣхъ пріятнѣе ли тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя такъ еще недавно твою жизнь украшали? Что̀ могло такъ сильно потрясти твою вѣру въ прекрасное?

17-го Декабря. Понедѣльникъ. Весь день вчера у Гейсмара. Турки шевелятся противъ Калафата и Чернеца. Нѣсколько неосторожныхъ словъ въ раздраженіи. Безпокойная ночь.

18-го Вторникъ. Вчера пасмурный, туманный день. Небольшая лихорадка. Декламація Глазенапа изъ Петріады Томаса. Посѣщеніе дома Инвалидовъ въ Парижѣ Петра Великаго съ Лефортомъ.

19-го Середа. Пасмурно. Послѣ обѣда снѣгъ. Визитъ съ Гейсмаромъ и его женой семейству Мавроса и съ первымъ г-лу Плохову, очень больному. Подтвержденіе слуховъ и извѣстій о намѣреніи Турокъ напасть на насъ письмомъ графа Ланжерона. 40 т. Турокъ собраны въ Виддинѣ для сего. Предложеніе г. Л. срыть укрѣпленіе Калафата, въ которомъ по его мнѣнію Томскій полкъ слишкомъ выставленъ опасности. Гейсмаръ на то не согласенъ. Письмо къ Л. Мы готовы, хотя опять въ пятеро малосильнѣе Турокъ; но мы дрались и съ успѣхомъ одинъ противъ десяти.

20-го Четвергъ. Глубокій снѣгъ выпалъ. Весь вчерашній день у Гейсмара. Сегодня занемогъ. Г-лъ Гейсмаръ съ женою навѣстилъ меня. Глазенапъ провелъ у меня вечеръ.

22-го Суббота. Необыкновенно глубокій снѣгъ. Мнѣ легче. Arnauld, Biographie de Napoléon. Рапортъ генерала Гейсмара г. Ланжерону о маломъ числѣ знаковъ военнаго ордена, отряду его пожалованныхъ. Письмо къ Ланжерону. Глазенапъ провелъ у меня часть дня. Г. Толстой и баронъ Черкасовъ пріѣхали. Радость свиданія съ первымъ. Трогательное взаимное отношеніе г. Ланжерона съ г. Гейсмаромъ, обоимъ честь дѣлающее.

24-го Понедѣльникъ. Безпокойная ночь. Головная боль поутру. Кончилъ біографію Наполеона, Арнольдомъ написанную. Конецъ самое лучшее. Сраженія описаны неясно, нѣкоторыя искажены. Видно усиліе быть безпристрастнымъ. Въ концѣ высокія мѣста и чувствомъ, и мыслію, и выраженіемъ. Невольная тоска. Подарокъ золотаго рейсфедера съ моею печатью отъ m-me Гейсмаръ.

25-го Вторникъ. Обыкновенное дѣйствіе на меня большихъ праздниковъ—грусть. Остался дома. Визиты; Гейсмаръ навѣстилъ меня. П. Леманъ. Воспоминаніе семейства обоихъ Фоковъ, теперь разсѣянныхъ смертію, болѣзнію и несчастіемъ. Parny. Важныя упущенія по части продовольствія войскъ.

28-го Пятница. Меморія г. Киселеву о продовольствіи, о постройкѣ лодокъ, о крѣпости Турно, о необходимости образованія штаба при отрядѣ. Представленъ въ начальники штаба. О маломъ числѣ награжденныхъ нижнихъ чиновъ, о способахъ постройки повозокъ для подвижнаго магазина и гошпиталя. День у г. Гейсмара. Занимательный разговоръ. Балъ, съ котораго скоро уѣхалъ.

30-го Воскресенье. День у Гейсмара. Полк. Лачиновъ, адъют. г. Дибича, обѣдалъ съ нами. Нескромное раздраженіе и споръ. Недоволенъ собою. Плещеевъ.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1888 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составятъ три большіе тома, съ приложеніями. Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 съ перес. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

5.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

(Выпуски 1, 2, 3 и 4).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

1888.

II.

Въ 1888 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

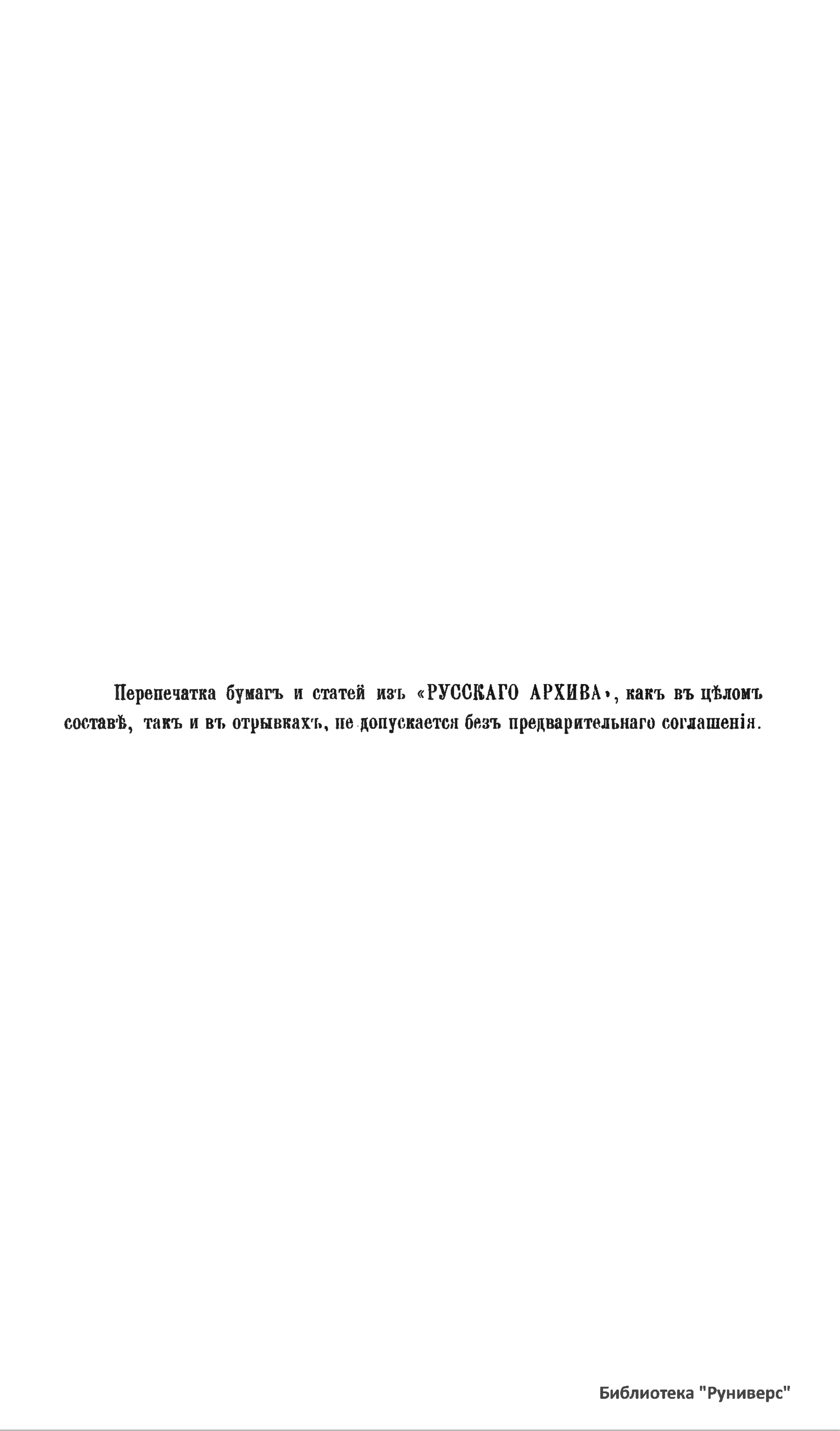
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1888.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова. Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1888.



ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Іюня въ 1-й день. Изъ Венеціи на фрегадонѣ поплылъ и отшедъ отъ Венеціи 12 миль Ит., стояли на морѣ на якорѣ, для того что вѣтру никакого не было, а по-итальянски это называется бонада. На томъ мѣстѣ стоя обѣдали, а по обѣдѣ почалъ быть вѣтръ самый малый и тѣмъ вѣтромъ пошли помалу и отшедъ отъ Венеціи 20 миль Ит. обмеркло. Въ то время на первомъ часу ночи почалъ быть вѣтръ немалый, которымъ мы бѣжали всю ночь и къ утру пробѣжали противъ города Рувина, отъ Венеціи 130 миль Итальянскихъ.

Іюня во 2-й день. На первомъ часу дня почалъ быть вѣтръ малъ, и тѣмъ малымъ вѣтромъ плыли мы до полудня и проплыли Истрію всю, а поравнялися противъ первыхъ Далмацкихъ горъ отъ Венеціи 150 миль Ит. Того жъ дни послѣ полудни вѣтръ былъ малый и тѣмъ малымъ вѣтромъ плыли до ночи и ночь мало не всю, а за три часа до свѣту почалъ быть вѣтръ намъ въ путь нашъ самый способный и немалый и тѣмъ вѣтромъ бѣжали до свѣту и ушли въ 3 часа 20 миль Итальянскихъ.

Іюня въ 3-й день. Съ перваго часа дня вѣтръ намъ былъ способный и немалый и не премѣнился, какъ началъ быть за 3 часа до свѣту, и тѣмъ вѣтромъ бѣжали мы весь день и обмеркло въ Далмаціи противъ города Травы, отъ Венеціи 300 миль Ит., а на первомъ часу ночи вѣтръ почалъ быть меньше и къ полуночи нималаго вѣтру не стало, такъ и во всю ночь было безвѣтріе, и фрегадонъ нашъ стоялъ на одномъ мѣстѣ.

Іюня въ 4-й день. Съ перваго часу дня почалъ быть самый малый вѣтръ, и нашъ фрегадонъ по-малу подавался впередъ, а съ

---

*) См. „Русскій Архивъ" сего года вып. 2—4.

обѣда почалъ быть вѣтръ немалый, нашему надлежащему пути въ противность, и фрегадонъ нашъ шелъ бордами, а по голландски лавирами, а послѣ полудня припалъ зѣло великій вѣтръ намъ противный, и фортуна на морѣ почала быть зѣло великая и нашего фрегадона ни бордами ни какими иными мѣрами идтить въ путь нашъ не пустило, и для того вошли мы въ портъ, который портъ называется Ливиръ, и въ томъ портѣ ночевали, а тотъ портъ отъ Венеціи 350 миль Ит., а жилья у того порту никакого нѣтъ.

Іюня въ 5-й день. Послѣ полудня изъ того вышепомянутаго порту пошли, и намъ вѣтръ былъ способный и немалый, которымъ день тотъ весь бѣжали и ночи 5 часовъ, а въ 6-мъ часу той ночи приплыли мы въ Корсуль, отъ Венеціи 400 миль Ит. и стояли въ томъ вышепомянутомъ городѣ Корсулѣ Іюня до 8-го числа, а тотъ городъ Корсуль Венецкой провинціи въ Далмаціи послѣдній къ Рагузскому княжеству, стоитъ на острову. Противъ того вышеписаннаго города на острову на горѣ построенъ монастырь, который называется Итальянскимъ языкомъ Субинъ Целіо деле-Мадона, а Славянскимъ языкомъ то суть взятіе или вступленіе въ небо Пресвятыя Богородицы. Въ томъ монастырѣ костелъ Римской вѣры, въ которомъ костелѣ есть образъ Пресвятыя Богородицы стариннаго Греческаго письма, писанъ подобіемъ тѣмъ, какъ пишется Пресвятыя Богородицы образъ, который называется Смоленскимъ. Отъ той вышеписанной св. иконы бываютъ многія чудеса и нынѣ. Какъ на морѣ, такъ и на землѣ при томъ монастырѣ много посажено деревъ кипарисныхъ, великихъ и малыхъ. Притомъ же монастырѣ много пчелъ въ ульяхъ и въ стѣнахъ костельныхъ. Въ томъ монастырѣ живутъ 4 человѣка законниковъ Борнадыновъ, а иныхъ жителей никакихъ людей въ томъ монастырѣ нѣтъ, а стоитъ тотъ монастырь на землѣ Рагузской провинціи, и отъ того монастыря почитается по морю Венецкой гольфы Рагузскаго княжества владѣніе. Около того монастыря по городамъ живутъ Рагузяне капитаны морскіе и астрономы и маринары. Строеніе домовное имѣютъ каменное самое малое и нужное, также хлѣба и скота имѣютъ мало, только забавляются фруктами, т. е. гроздіемъ. Винныхъ ягодъ и винограду, грушъ, шепталы, орѣховъ миндальныхъ, орѣховъ же грецкихъ и иныхъ имѣютъ достатокъ, а говорятъ всѣ Славянскимъ языкомъ, а Итальянскій языкъ всѣ знаютъ и называются Герваты, вѣру держатъ Римскую.

Іюня въ 8-й день, въ пятомъ часу дня, изъ подъ Корсуля поплыли; вѣтръ былъ намъ способный и немалый, и тѣмъ вѣтромъ бѣжали мы до полудня, а съ полудня вѣтръ почалъ быть малъ,

однакожъ намъ способный, и тѣмъ вѣтромъ плыли мы весь день и въ послѣднемъ часу дня того приплыли противъ острова, который островъ Рагузскаго владѣнія и называется Санто-Андреа. На томъ островѣ на верху на самомъ есть построены каменныя жилья немалыя, между которыми есть построена и каплица, т. е. малый костелъ Римскій, а живетъ на томъ острову всегда одинъ человѣкъ, не имѣетъ съ собой никогда никакого товарища, а почитаютъ того человѣка Римляне за святого, а сказываютъ о немъ гисторіи, которымъ вѣрить не можно и слушать ихъ непотребно. А тотъ островъ не доѣзжая Рагузскаго столишнаго мѣста Дубровника за 10 миль Итал. И отъ того острова плыли мы до Дубровника пол-3 часа, а въ третьемъ часу ночи приплыли подъ тотъ городъ Дубровникъ.

Іюня въ 9-й день. Былъ я въ томъ городѣ Дубровникѣ по утру въ монастырѣ у Францишкановъ, въ томъ монастырѣ показывали мнѣ святыни:

Гвоздь терноваго вѣнца Спасителя нашего Христа.

Крестъ, сдѣланъ изъ самаго дерева креста Христова.

Сребренникъ, который взялъ Іуда у архіереевъ Еврейскихъ за Христа, видомъ чернъ, величествомъ съ Черкасскій чехъ и тѣмъ подобіемъ сдѣланъ, а изображенія на немъ не можно знать за многими лѣты.

Часть кости отъ руки Іоанна Крестителя.

Часть кости отъ руки святой мученицы Екатерины.

Часть кости отъ ноги св. Власія, архіепископа Севастійскаго.

Часть отъ ноги св. Геронима.

Изъ того Францишканскаго монастыря пошелъ до дѣвическаго монастыря, въ которомъ живутъ 40 законницъ Францишканокъ. Потомъ былъ въ монастырѣ у Езувитовъ, который строится вновь, въ немъ живутъ 8 человѣкъ Езувитовъ. Потомъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ стоятъ пушки на раскатѣ, который раскатъ очищаетъ входъ въ портъ къ воротамъ. Тутъ стоятъ три пушки великихъ, изъ которыхъ одна зѣло велика, изряднаго мастерства, граненая, и малыхъ пушекъ на томъ раскатѣ есть подъ сараемъ немногое число. Потомъ былъ въ палатахъ, въ которыхъ дѣлаютъ динаріи Рагузской монеты, всего 9 человѣкъ мастеровъ, изъ которыхъ пять человѣкъ расковываютъ серебро, а четыре человѣка печати набиваютъ. Потомъ приспѣло время обѣда, и поѣхалъ я изъ города на свой фрегадонъ. Того жъ числа по обѣдѣ пріѣхалъ паки въ городъ и былъ въ Доминиканскомъ монастырѣ, въ которомъ мнѣ показывали святыни, многія вещи. Вначалѣ крестъ немалый, въ которомъ немалая часть древа самого креста Христова. Потомъ часть руки

Іоанна Крестителя, у которой одного пальца нѣтъ; а сказали, что де тотъ палецъ есть въ Римѣ.

Глава Власія, епископа Севатійскаго, кость отъ гортани того же св. Власія, рука того жъ св. Власія, нога того жъ св. Власія.

Рука св. мученицы Парасковеи, которую поитальянски называютъ Бригитою.

Кости отъ спины св. Августина.

Кость отъ челюсти святой Полагеи.

Кость отъ главы первомученика Стефана и камень, одинъ изъ тѣхъ, которыми св. Стефанъ побіенъ отъ Іудей.

Кость отъ главы царицы Маргариты.

Двѣ кости отъ главъ и двѣ ноги святыхъ младенцевъ, избіенныхъ отъ Ирода за Христа. На тѣхъ ихъ ногахъ плоть и кожа и жилы цѣлы.

Камень отъ гроба Спасителя нашего Христа.

Пелена Христова, въ которую по рождествѣ Своемъ былъ Спаситель нашъ принятъ Пречистою Матерью Своею Маріею. Та зѣло толста, а изъ какой матеріи исткана, подлинно о томъ познать не можно, однакожъ подобится толстой посконной холстинѣ.

Два гвоздя отъ терноваго Христова вѣнца.

Кость отъ ребра св. апостола Павла.

Кость отъ главы св. Анны, матери Богородицыной.

Кость св. апостола Андрея Первозваннаго.

Кость отъ ноги св. мученика Канарея.

Части отъ рукъ св. трехъ братій, Петра, Лаврентія и Андрея.

Нога св. Николая Пилигрима.

Часть отъ руки св. Іоанна Златоуста, котораго Итальяне называютъ Хризостомъ.

Часть отъ главы царицы Елены, матери царя Константина.

Часть мощей апостола Варѳоломея.

Глава св. Пагкратія.

Часть отъ руки Петронимы, дочери апостола Петра, и нитки, которыя та святая Петронима пряла.

Часть отъ главы св. мученика Сергія.

Часть отъ руки св. Трофима.

Нога св. мученика Зиновія.

Нога св. мученицы Зиновіи.

Въ томъ же монастырѣ дали мнѣ двѣ свѣчи, которыя повелѣваютъ запалять предъ святыми иконами на кораблѣ или на какомъ ни есть суднѣ во время великой фортуны, т. е. сильныхъ вѣтровъ. Изъ того монастыря пошелъ я къ принципу, т. е. къ князю Ра-

гузскому на дворъ. Тотъ его дворъ близко соборнаго ихъ костелу, построенъ мастерствомъ нарочитымъ, не великъ, и палатъ на немъ немного. Прежде привели меня въ палату, гдѣ у Рагузскаго князя и у всей ихъ республики чинятъ судъ и всякое управленіе. Та палата не велика, однакожъ убрана нарочито и есть та палата внизу.

Потомъ пошелъ я вверхъ и вошелъ въ палату, въ которой Рагузяне обираютъ себѣ князей. Та палата длинна, сажень 6, а ширина сажени 4, убрана рѣзьбами, и подѣланы вдоль въ той палатѣ лавки и скамьи. Изъ той палаты вошелъ въ палаты жъ, въ которыхъ живетъ князь Рагузскій. Въ первой палатѣ княжескіе домовые люди, человѣкъ съ 8, стоятъ въ красныхъ одеждахъ. Изъ той палаты пришелъ въ другую палату, въ которой меня встрѣтилъ самъ князь и за нимъ одинъ его человѣкъ въ красной же одеждѣ и повелъ меня въ другую палату, въ которой поставлены кресла, обиты красными камками, и палата обита тѣми же камками. Въ той палатѣ князь самъ сѣлъ и мнѣ противъ себя велѣлъ сѣсть въ креслахъ, гдѣ я съ нимъ сидѣлъ недолго. Потомъ, поблагодарствовавъ ему за ласку къ себѣ, отъ него пошелъ, и онъ меня проводилъ въ третью палату изъ той, въ которой я съ нимъ сидѣлъ. А говорилъ со мною князь Рагузскій Славянскимъ языкомъ; а которые сенатори пришли со мною къ нему, тѣ всѣ не входили въ ту палату, гдѣ я съ нимъ сидѣлъ, для того что у Рагузянъ есть такое обыкновеніе: гдѣ князь ихъ сидитъ съ пріѣзжими къ нему иноземцы, въ ту палату сенатори къ нему входить не повинны. И пошедъ я отъ князя, ночевалъ ту ночь въ городѣ на дворѣ, а на фрегадонъ того дня не поѣхалъ.

Городъ Дубровникъ стоитъ на берегу моря, подъ высокими горами. Тотъ городъ столица Рагузскаго княжества. Фортеца каменная и зѣло изрядная и крѣпкая; отъ проѣзжей башни, которая къ морю, есть портъ, то суть пристанища судамъ и въ которое мѣсто суды входятъ; на томъ мѣстѣ отъ башни до стѣны положена чѣпь желѣзная великая, которая возбраняетъ входъ всякимъ судамъ непріятельскимъ въ тотъ вышепомяненный портъ. Въ томъ городѣ Дубровникѣ домы строенія каменнаго не великіе, однакожъ то мѣсто недобре, безлюдно.

Рагузская шляхта и сенатори и купецкіе люди къ пріѣзжимъ иноземцамъ ласковы и пріемны; а платье носятъ сенатори Рагузскіе черное, подъ исподомъ кафтаны долгіе, подобные чернеческимъ рясамъ, а наверху долгія епанчи, подобныя чернеческимъ мантіямъ.

Въ Дубровникѣ мясо и всякій харчъ дороги, и рыбы свѣжей и соленой зѣло мало, временемъ и не бываетъ. Фруктовъ всякихъ есть и не дорого. Деньги у нихъ свои серебрянныя, которыя называютъ динаріями; тѣхъ динаріевъ на золотой червонный даютъ по 132, а видомъ тѣ динаріи круглые, величествомъ съ Московскую копѣйку.

Принципы или князи бываютъ у нихъ помѣсячно, на каждый мѣсяцъ выбираютъ новаго князя изъ сенаторей, а всякія дѣла дѣлаютъ общей республикою; а владѣнія Рагузскаго всего по берегу Венецкаго моря на 100 миль Ит., а противъ самаго столишнаго ихъ мѣста Дубровника островъ владѣтельства Венецкаго князя.

Войны никогда Рагузяне ни съ кѣмъ не имѣютъ, даютъ дары цесарю Римскому, и королю Гишпанскому, и князю Венецкому, и салтану Турецкому. Имѣютъ у себя Рагузяне пѣхоты для карауловъ 500 человѣкъ солдатъ тутошнихъ жителей.

Въ томъ городѣ Дубровникѣ живетъ Римской вѣры арцибискупъ, который подъ собою имѣетъ двухъ бискуповъ Римской же вѣры. Въ томъ городѣ Дубровникѣ видѣлъ я многіе домы раззорены и палатное строеніе разваленное; а сказываютъ, что весь городъ Дубровникъ былъ раззоренъ волею Божіею отъ нынѣ лѣтъ за 30 трясеніемъ земли.

Іюня въ 10-й день, въ 6-мъ часу дня, отъ города Дубровника мы на своемъ фрегадонѣ поплыли къ городу, или къ мѣстечку, Перастѣ способнымъ вѣтромъ, а не великимъ и, отъѣхавъ отъ Дубровника 10 миль Ит., увидѣли на морѣ впереди себя два судна Турецкихъ, которыя называются фусты, на которыхъ ѣздятъ курсары, т.-е. добыточники, или разбойники морскіе. И мы на фрегадонѣ своемъ, управя пушки къ бою и всякое ружье, поворотили парусы свои прямо къ тѣмъ курсарамъ и сошлись съ ними близко, какъ можно стрѣлять изъ пушекъ; и тѣ курсары поворотили отъ насъ къ берегу и, опасаяся насъ, поставили у себя на фустѣ бандеру, т.-е. знамя подъ гербомъ Венецкой республики подъ образомъ св. Марка, которую бандеру мы усмотря, прошли ихъ мимо, не стрѣляя по нихъ изъ пушекъ, въ ближнемъ разстояніи; а то суть обыкность курсаровъ Турецкихъ, когда не смѣютъ съ кѣмъ биться, тогда выставливаютъ бандеры или знамена христіанскихъ знаковъ.

Того жъ числа за два часа до ночи приплыли мы подъ городъ, который называется Каштельново. Тотъ городъ Венецкой провинціи, отъ города Дубровника 40 миль Ит. Подъ тѣмъ городомъ наѣхалъ я на своихъ Москвичъ на кораблѣ—князь Димитрія и князь Өедора Голициныхъ, князь Андрея Репнина, князь Ивана Гагина,

князь Юрія Хилкова, князь Бориса Куракина и иныхъ. Городъ Каштельново самый малый, фортеца каменная и все строеніе въ немъ каменное жъ. Подъ тѣмъ городомъ стоялъ нашъ фрегадонъ тотъ день весь и всю ночь.

Іюня въ 11-й день. На первомъ часу дни поѣхали мы каналомъ отъ города Каштельново. Вѣтеръ былъ самый малый и недобре намъ способный. Того жъ числа въ 6 часу дня приплыли мы къ мѣстечку, которое называется Пераста. То мѣстечко Венецкой державы, живутъ въ томъ мѣстечкѣ Герваты, капитаны морскіе и астрономы и маринары. Домы имѣютъ строенія каменнаго и садовъ имѣютъ много. Отъ того мѣстечка Перасты въ 15 верстахъ и ближе городы и деревни Турецкіе. То мѣстечко Пераста сидитъ между высокихъ горъ, при самомъ каналѣ моря. Въ томъ мѣстечкѣ стоялъ я Іюня до 19 числа. Отъ города Каштельново до Перасты 18 миль Ит. То мѣстечко Пераста въ княжествѣ Албанскомъ и есть въ немъ много Сербовъ, которые суть вѣры Греческой; однако жъ въ томъ мѣстечкѣ Перастѣ церкви Греческой нѣтъ, а есть церкви Греческія по селамъ около того мѣстечка не въ далекихъ мѣстахъ, въ которыхъ селахъ живутъ Сербы Греческой вѣры, а тѣ Сербы подъ державою Венецкою, недавно избѣжали отъ рукъ проклятыхъ бусарманъ, отъ державы Турецкаго салтана и живутъ смежно съ Турецкими городами и съ деревнями. Тѣ Сербы люди военные, подобятся во всемъ Донскимъ казакамъ, говорятъ всѣ Славянскимъ языкомъ, платье носятъ Герватское. Жены ихъ и дочери во всемъ подобны Герватскимъ женамъ въ платьѣ и въ обыкностяхъ и зазоръ отъ мужеска полу имѣютъ и скрываются. Тѣ Сербы хлѣба и живностей и фруктовъ имѣютъ достатокъ, живутъ между великихъ и высокихъ каменныхъ горъ, домы имѣютъ строенія каменнаго, къ Московскому народу зѣло привѣтны и почитательны.

Въ томъ вышеписанномъ мѣстечкѣ Перастѣ стоялъ я въ домѣ капитана морскаго, который называется Виценцо Буевичъ, съ которымъ я съѣхался подъ вышеписаннымъ городомъ Каштельново и былъ у него на кораблѣ, и тотъ Виценцо въ то время просилъ меня о томъ, чтобъ мнѣ, будучи въ Перастѣ, стоять въ его домѣ. И какъ я въ Перасту пріѣхалъ, и того вышепомяненнаго капитана Виценцо братъ двоюродный, Римскаго закону апатъ, именуемый Виценцій же, принялъ меня въ домъ брата своего помяненнаго Виценція съ великою честію и привѣтомъ. Въ томъ домѣ было мнѣ палатъ и кроватей и столовъ и креселъ и стульевъ и всякихъ потребъ довольно, и постеля была для меня изготовлена изрядная. Также тотъ вышепомяненный капитанскій братъ обослалъ меня

фруктами и живностью и въ свой домъ меня звалъ и всякое почтеніе мнѣ чинилъ съ великимъ привѣтомъ. А тотъ вышепомяненный капитанъ Виценцій служитъ въ Венецкой Рѣчи Посполитой изъ платы, а служба его суть такая. Имѣетъ тотъ капитанъ свой корабль воинскій, на томъ кораблѣ Венецкихъ солдатъ имѣетъ 160 человѣкъ на платѣ Венецкой республики, а за корабль и за свою услугу беретъ отъ князя Венецкаго и отъ всей республики на три мѣсяца по 1600 дукатовъ; и маринеровъ 160 человѣкъ на томъ кораблѣ держитъ тотъ капитанъ изъ той же платы и ходитъ въ томъ кораблѣ непрестанно по морю Венецкой гольфы, ищетъ Турецкихъ судовъ и смотритъ того, чтобъ Турецкихъ людей ни въ какихъ судахъ въ Венецкую гольфу не пропустить, а гдѣ съ Турецкими людьми съѣдется, и онъ съ ними повиненъ биться, и ежели увидитъ свое безсиліе, что Турки его осиливъ, похотятъ взять корабль его, и онъ повиненъ въ кораблѣ своемъ порохъ запалить и самъ и съ кораблемъ пропасть, чтобъ корабль его и Турецкое судно купно сгорѣли и всѣ бъ за едино пропали. И въ томъ капитанъ Виценцій Венецкому князю и всей республикѣ чинилъ присягу.

Іюня въ 12-й день, т.-е. въ день Пятидесятницы, изъ мѣстечка Перасты ѣздилъ я въ село Ризу, гдѣ живутъ Сербы Греческаго закону, и въ томъ селѣ слушалъ святую литургію въ Греческой церкви. Ту святую службу служилъ Сербскій священникъ Славянскимъ языкомъ. Того помяненнаго села Ризы жители приняли меня съ любовью и съ великимъ почтеніемъ и, какъ изъ того села поѣхалъ, проводили меня до моей лодки великимъ многолюдствомъ. Въ той помяненной Греческой церкви имѣютъ нѣкоторыя церковныя книги и Московской печати, также есть и святыя иконы Московскихъ писемъ штилистовыхъ, а завозятъ туды иконы и книги съ Москвы Греки.

Іюня въ 13-й день. Поѣхалъ я изъ Перасты въ лодкѣ въ городъ Катарру, который городъ Венецкой державы, сидитъ подъ высокою горою на концѣ того каналу, въ который мы вошли съ фрегадономъ своимъ противъ города Каштельново. Отъ Перасты тотъ городъ Катарро 6 миль Ит. Въ томъ городѣ Катаррѣ повелѣно было нашего фрегадона капитану отдать сухари Венецкаго князя, которые онъ изъ Венеціи въ Катарру во фрегадонѣ своемъ привезъ, и какъ мы Іюня въ 11 день изъ фрегадона вышли въ Перастъ и того жъ дни фрегадонъ дошелъ до Катарры, а я того фрегадона дожидался въ Перастѣ. А какъ я въ Катарру пріѣхалъ, и того города Катарры губернаторъ встрѣтилъ меня въ городовыхъ воротахъ съ великимъ почтеніемъ и проводилъ меня до Греческой церкви, гдѣ я слушалъ святую литургію, и пошелъ смотрѣть того города

строенія, и тотъ помяненный губернаторъ со мною жъ ходилъ и привелъ меня въ Римскій костелъ, въ которомъ я видѣлъ подъ престоломъ тѣло нѣкоторыя жены убранное въ платье Доминиканскаго закону, только видѣть лицо и руки, имѣющія плоть и жилы и кожу нетлѣнно; а сказываютъ, что по смерти ея до нынѣ 130 лѣтъ. Та жена была Греческаго закону, имя ей Анна, о томъ и Римляне сказываютъ, что она была не ихъ вѣры; а отняли то ея тѣло Римляне у Грековъ для того, что Греки того мѣста которые живутъ подъ властью Римлянъ. Изъ того костела пошелъ я до остаріи, гдѣ, обѣдавъ, пошелъ изъ города, и губернаторъ того мѣста проводилъ меня до городовыхъ воротъ съ великою любовью, и я изъ города Катарры поѣхалъ послѣ обѣда тою жъ лодкою паки до Перасты. Городъ Катарро имѣетъ фортецу каменную и зѣло крѣпкую; половина той фортецы есть при водѣ на ровномъ мѣстѣ, а другая половина обведена по горѣ высоко для того, что имѣютъ опасеніе отъ приходу по землѣ Турецкихъ людей. Отъ той Катарры живутъ Турки въ ближнихъ мѣстахъ, верстахъ въ 6 и ближе, и всегда у Катарцевъ и у Перастянъ съ Турками бываютъ бои, и часто бываетъ перемирье, когда, помирясь, имѣютъ между собою и торги.

Также и помяненный капитанъ Виценцій, отстоя на морѣ уреченные мѣсяцы, за которые возьметъ плату отъ Венеціанъ, тогда вольно ему ѣхать въ Турецкія мѣста для торговъ и, пріѣхавъ въ Турецкіе городы, свободно съ Турками пребываетъ и торгуетъ; также и на морѣ, съѣхався съ Турецкими людьми въ судахъ и бився съ ними, учинитъ перемирье и поѣдетъ на Турецкіе суды, и Турки пріѣдутъ къ нему на корабль, гдѣ другъ друга повинны подчивать, и такъ съ миромъ разъѣзжаются по своимъ дорогамъ, на чемъ положатъ между собою трактаты.

Близко помяненныхъ мѣстъ Катарры и Перасты живутъ вольные люди, которые называются Черногорцы. Тѣ люди суть вѣры христіанской, языка Славянскаго и есть ихъ немалое число, никому не служатъ, временемъ войну точатъ съ Турками, а временемъ воюются съ Венетами.

Іюня въ 19-й день, за часъ до свѣту, поплыли мы изъ подъ Перасты на своемъ фрегадонѣ тѣмъ же каналомъ, которымъ и къ Перастѣ плыли, и того жъ числа въ 4-мъ часу дня приплыли паки подъ городъ Каштельново. И близко того города былъ я въ церкви Греческой, гдѣ видѣлъ мощи святыя: рука царицы Елены, матери царя Константина, перстъ апостола Ѳомы, перстъ апостола Варнавы. При той церкви живетъ митрополитъ Греческаго закону, у него подъ властью немало есть епархій въ Сербскомъ народѣ. Тѣ

Сербы всѣ говорятъ Славянскимъ языкомъ и службы святыя въ церквахъ совершаютъ Славянскимъ языкомъ, и во многихъ мѣстахъ у тѣхъ Сербовъ святыхъ иконъ письма и книгъ печати Московской много. Отъ того города Каштельново недалеко пребываетъ другой митрополитъ Греческой же вѣры и тотъ въ Сербскомъ же народѣ имѣетъ въ своей епархіи Греческихъ церквей немало-жъ, а поставляются тѣ оба митрополиты отъ благочестиваго патріарха Сербскаго, который есть Греческой вѣры и пребываетъ въ городѣ Будимѣ подъ властью цесаря Римскаго. И подъ тѣмъ городомъ Каштельново стояли мы тотъ день весь, для того что имали къ себѣ на фрегадонъ прѣсную воду и прибавливали во фрегадонъ саворны, для того что изъ подъ того города Каштельново потребно намъ было отъѣзжать чрезъ все Венецкое море до города Барлета или до города Бара, во область Гишпанскаго короля; также убирались съ пушками и съ ружьемъ, для того что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ намъ надлежалъ путь до Барлета или до Бару, всегда бываютъ Турецкіе люди въ корабляхъ и галерахъ, также и курсары на фустахъ и на иныхъ судахъ. Въ томъ времени проведиторъ города Каштельнова прислалъ ко мнѣ винъ разныхъ въ сулеяхъ и мушкателей, а самъ со мною не видался.

Того жъ Іюня въ 19-й день, во второмъ часу ночи, изъ подъ города Каштельново пошли мы въ надлежащій свой путь; вѣтръ былъ намъ способный, только жъ гораздо малъ, которымъ мы не могли изъ порту выйтить, а тянули фрегадонъ въ баркѣ канатомъ и вышли изъ порту съ трудомъ; также и на морѣ вѣтръ былъ зѣло малъ, которымъ мы въ ту во всю ночь ушли отъ города Каштельнова 10 миль Итальянскихъ.

Іюня въ 20-й день съ перваго часа дни шли весь день такъ же, вѣтръ былъ намъ способный, только жъ зѣло малъ, которымъ фрегадонъ нашъ скоро идтить не могъ, а въ иные часы была и бонація, т. е. безвѣтріе, которые часы стоялъ нашъ фрегадонъ на одномъ мѣстѣ и не могъ идтить нимало. И всего съ перваго часу дни по отдачу часовъ денныхъ ушли мы 20 миль Итальянскихъ, и на томъ мѣстѣ обмеркло, а съ перваго часу ночи началъ вѣтръ быть хотя нашему пути и недобре способенъ, однакожъ не малъ, которымъ мы бѣжали всю ту ночь и убѣжали до свѣту 70 миль Ит.

Іюня въ 21-й день. На первомъ часу того дня видѣть намъ была въ лѣвой сторонѣ земля державы Турецкаго салтана, которая называется Албанія; потомъ, какъ мы ту землю пробѣжали, почало быть видно съ правой стороны земля державы Гишпанскаго короля, которое мѣсто называется св. Ангела, гдѣ древлѣ сотворилъ чудо

архистратигъ Михаилъ, испустилъ изъ камня воду. Того Іюня съ 21-го дни вѣтръ намъ былъ съ перваго часа дня недобре способенъ, однакожъ немалый, которымъ бѣжали мы до полудня того и поровнялись противъ горъ, на которыхъ горахъ церковь во имя чудесъ архангела Михаила, а подъ тѣми горами городъ Гишпанскаго короля, который называется Мамфредонъ. И съ полудня вѣтеръ почалъ быть малъ, которымъ нашъ фрегадонъ шелъ тихо, и почали тамъ быть видны черни Гишпанскихъ береговъ, на которыхъ городъ Барлетъ или Баръ, и тѣмъ вѣтромъ малымъ плыли мы съ полудня до 10 часовъ того дня, а въ 10-мъ часѣ дня вѣтръ намъ былъ недобре способенъ, однакожъ не малъ, и тѣмъ вѣтромъ шли мы отъ 10-го часа по 16-й часъ, а въ 16-мъ часѣ того дня приплыли мы въ Гишпанію, подъ Гишпанскій городъ, который между Барлетомъ и Баромъ, а называется тотъ городъ Трани. Отъ того городу Катарру по берегу морскому есть два города Гишпанскихъ же, которые имянуются Бижели и Мальжета. Отъ Мальжеты недалеко на томъ же берегу моря городъ Баръ. И того Іюня 21-го дня съ перваго часу по 16-й часъ ушли мы всего 30 миль Ит. и подъ тѣмъ вышепомяненнымъ городомъ Трани поставили мы свой фрегадонъ на якорѣ въ морѣ, для того что подъ тѣми городами, которые межъ Барлету и Бару, и въ самомъ Барѣ порту, т. е. пристанища судамъ, нѣтъ, а ставятся суды подъ тѣми городами, которые къ нимъ приходятъ на морѣ, потому что въ томъ мѣстѣ можетъ якорь задержатися о землю.

Городъ Трани стоитъ при самомъ морѣ, фортеца каменная и немалая и строеніе домовное все каменное жъ, около его много садовъ и виноградовъ; и отъ того города Трани по берегу морскому до города Бижели и кругомъ города, также и отъ города по тому жъ берегу морскому до города Мальжета и кругомъ того города, и отъ того города по берегу жъ моря до самаго Бару и кругомъ Бару садовъ и виноградовъ множество жъ, и между тѣхъ виноградовъ и садовъ много домовъ строенія каменнаго. Подъ тѣмъ городомъ, который зовется Трани, стояли мы Іюня до 22-го числа. Вышепомяненные Гишпанскіе городы Барлетъ и Бижели и Мальжета стоятъ при самомъ же морѣ, фортецы каменныя и строеніе въ нихъ домовное и костелы каменные жъ, и разстояніе между нихъ не дальнее, а по берегу морскому между тѣхъ всѣхъ городовъ построены башни каменныя, башня отъ башни сажень по 100, а построены тѣ башни для опасенія отъ Турецкихъ людей и отъ курсаровъ, потому что Турецкіе городы отъ тѣхъ вышепомяненныхъ Гишпанскихъ городовъ въ самыхъ ближнихъ мѣстахъ.

Іюня въ 22-й день. За два часа до свѣту пошли мы съ того мѣста, гдѣ стояли, къ городу Бару. Вѣтръ былъ намъ способный и немалый, и въ 3-мъ часу того дня приплыли мы подъ городъ Баръ и, не пошедъ въ Баръ, т. е. въ пристанище, стояли мы противъ города Бару на морѣ безъ якоря, для того что тотъ портъ, еже есть пристанище, капитану и астроному и маринарамъ нашего фрегадона суть незнаемъ, и опасались въ него войтить, чтобъ не разбить фрегадона; а на морѣ противъ города Бару якоря кинуть было невозможно, для того что въ томъ мѣстѣ дно морское каменисто, и якорь не можетъ тутъ задержатися. И стоя мы на томъ мѣстѣ, послали отъ себя въ городъ Баръ одного человѣка съ практикою, т. е. съ листомъ, который листъ взялъ я себѣ для проѣзду изъ Рагузскаго княжества изъ города Дубровника, и губернаторъ города Бару поволилъ мнѣ въ Баръ ѣхать, и за тѣмъ позволеніемъ пріѣхавъ я въ Баръ, сталъ на постояломъ дворѣ, что̀ поитальянски называется остарія. Та остарія называется Маркандони ди Санъ-Марко, близко пляца. Въ ту остарію прислалъ ко мнѣ Барскій губернаторъ человѣка, велѣлъ меня привѣтовать и просить о томъ, чтобъ я къ нему по времени пришелъ въ домъ. Того жъ числа по обѣдѣ, какъ почали благовѣстить на весперъ, т. е. къ вечерни, и я пошелъ въ Римскую церковь, въ которой лежатъ мощи великаго архіерея Христова Николы. У той церкви въ дверяхъ встрѣтили меня попы Римскіе, которые называются канонники. Та церковь каменная, великая, сдѣлана по обыкновенію западныхъ церквей; въ той церкви настоящій престолъ во имя Чудотворца Николы, и иныхъ престоловъ въ той церкви много, какъ обыкновенно быть въ Римскихъ костелахъ. Въ томъ же костелѣ много столповъ каменныхъ, на которыхъ сдѣланы кругомъ того костелу внутри хоры. Подъ алтаремъ той церкви въ землѣ низко сдѣлана церковь Римская жъ, въ которой лежатъ святыя и чудотворныя мощи святителя Николая. Въ ту церковь изъ вышепомяненной великой церкви два схода, въ которыхъ подѣланы лѣстницы каменныя, широкія. Въ той нижней церкви на срединѣ сдѣланъ алтарь Римскій во имя Чудотворца Николая, весь серебрянный литой, на которомъ со всѣхъ сторонъ сдѣланы изъ серебра образы чудесъ Чудотворца Николы. Поверхъ того престола сдѣланъ осьми-угольный амвонъ серебрянный же литой, въ двѣ ступени въ высоту, на томъ амвонѣ поставленъ образъ великаго Николы поясной, вылитъ изъ серебра; правую руку имѣетъ благословенную, а въ лѣвой рукѣ держитъ святое Евангеліе, зѣло украшено каменіемъ изряднымъ: алмазы, яхонты, изумруды, лалы. Поверхъ того Евангелія сдѣланы три яблока

круглыя золотыя въ образъ чудеси чудотворцева, какъ отцу трехъ дѣвицъ, хотящему отдати на бракъ скверный, три узла подалъ злата и отъ смертельнаго блуднаго грѣха тѣхъ трехъ дѣвицъ избавилъ. Подъ тѣмъ вышеписаннымъ алтаремъ въ землѣ низко лежатъ мощи чудотворныя великаго іерарха Николы покрыты единымъ каменемъ мраморнымъ. На томъ камнѣ сдѣлано едино окно малое, круглое, и, когда кто хощетъ видѣть его святыя чудотворныя мощи, тотъ повиненъ войтить подъ престолъ въ окно, на то устроенное, и смотрѣть внизъ въ то вышепомяненное круглое окно; а въ то окно канонникъ, влѣзши подъ алтарь, опуститъ внизъ, надъ самыя чудотворныя мощи серебрянный небольшой шандалъ со возженною свѣчею на серебрянной чѣпи, и въ то вышеписанное круглое окно видѣть св. Чудотворца Николая кость отъ ноги, которая суть лежитъ вся потоплена въ мѵрѣ, исходящемъ отъ пресвятыхъ его мощей, и поверхъ той кости святой стоитъ святое мѵро, видомъ подобно чистому маслу. Въ ту низкость, гдѣ его святыя мощи лежатъ, никто не входитъ отнюдь, а мѵро святое достаютъ той церкви канонники такимъ поведеніемъ: навяжутъ едину губу на серебрянный жезлъ, на то устроенный, и опустятъ въ вышепомяненное круглое окно со свѣчею, и ту губу, напоивши святымъ мѵромъ, исходящимъ отъ чудотворныхъ мощей, вынявъ оттуду, выжмутъ въ сосудъ и паки такъ же чинятъ и сколько потребно, столько возьмутъ, а мѵро святое никогда не оскудѣваетъ. И то святое мѵро канонники той церкви требующимъ раздаютъ безъ возбраненія, кто сколько похочетъ взять, и безъ цѣны; и множественное число того святого мѵра разбираютъ на всякій день пріѣзжіе молебщики, однакожъ никогда не умаляется исходити отъ чудотворныхъ мощей, и весь міръ тѣмъ святымъ мѵромъ Чудотворца Николая преизобилуетъ и освящается; и всегда то святое мѵро въ церкви чудотворцевой держитъ одинъ канонникъ въ серебрянномъ сосудѣ и помазуетъ приходящихъ неоскудно. Когда то святое мѵро раздаваемо бываетъ требующимъ и влито въ скляницы, тогда является видомъ подобно чистой водѣ, и даютъ то святое мѵро приходящимъ пить неоскудно.

Въ той нижней церкви еще четыре алтаря по сторонамъ чудотворцева алтаря, построены по два алтаря; а на правой сторонѣ у стѣны сдѣлана одна шкатула деревянная, рѣзной работы, золоченая, мѣрою въ длину полтора аршина, а въ ширину аршинъ, въ высоту трехъ четвертей. Въ той шкатулѣ поставленъ деревянный ларецъ — тотъ, въ которомъ привезены въ Баръ изъ города Мира мощи Чудотворца Николы. Въ той нижней церкви есть 24 столпа аспидныхъ, на которыхъ утвержденъ той церкви входъ; а близко

алтаря Чудотворца Николы сдѣланы своды изряднымъ мастерствомъ изъ гипсу Итальянскою работою.

Въ той же церкви на правой сторонѣ есть одинъ столпъ желтаго аспиду, который стоялъ при мощахъ св. Николы въ городѣ Мирѣ, и по принесеніи его святыхъ мощей тотъ столпъ приплылъ моремъ въ городъ Баръ и нынѣ стоитъ въ той же нижней церкви, отъ котораго столпа, сказываютъ католики, и нынѣ молитвами Чудотворца Николы бываютъ чудеса вѣрующимъ, и огороженъ тотъ столпъ желѣзными рѣшетками вокругъ. Въ той же нижней церкви лампадъ серебрянныхъ великихъ и малыхъ больше ста. Та нижняя церковь сдѣлана въ землѣ, однакожъ свѣтлость въ ней изрядная: на двухъ стѣнахъ сдѣлано по четыре окна немалыхъ, а на третьей стѣнѣ позади алтаря чудотворцева сдѣлано одно окно великое. Та церковь не длинна, а широка зѣло.

По правую сторону чудотворцева алтаря есть одни двери, которыми входятъ въ притворъ, который сдѣланъ для храненія св. мѵра. Въ томъ притворѣ подѣланы многіе шкафы, въ которыхъ стоитъ много великихъ скляницъ со святымъ мѵромъ. Въ той нижней церкви противъ того мѣста, гдѣ лежатъ чудотворныя мощи великаго святильника Николы, у стѣны поставлены арганы великіе, и во время праздниковъ въ той церкви играетъ музыка на арганахъ и на иныхъ разныхъ мусикійскихъ инструментахъ. Изъ той нижней церкви паки вошелъ я въ верхнюю великую церковь; въ той верхней церкви своды устроены изряднымъ мастерствомъ изъ гипсу. Изъ той великой церкви по лѣвую сторону настоящаго алтаря пошелъ я вверхъ въ притворы, въ которыхъ показывали мнѣ святыхъ мощей и богатствъ всякихъ костельныхъ много.

Вначалѣ показали крестъ, сдѣланъ изъ самаго дерева креста Христова, потомъ одинъ гвоздь отъ терноваго Христова вѣнца, обагренный спасительною пречистою Его кровью.

Часть губы, которою напоили проклятые Іудеи Господа славы во время спасительной Его страсти на крестѣ оцтомъ.

Власы Пресвятыя Богородицы.

Часть мощей святаго Василія Великаго.

Часть мощей архидьякона Лаврентія, которымъ когда кто прикоснулся устами медленно, услышитъ отъ нихъ теплоту немалую, которое то чудо и я сподобился видѣть.

Часть одежды Пречистыя Дѣвы Маріи Богородицы, которую носила на пречистомъ Своемъ тѣлѣ.

Рука св. апостола Ѳомы. Часть мощей мученика Севастьяна.

Рука св. апостола Іакова, брата Господня.

Часть отъ руки св. апостола Іакова Алѳеева.

Кости младенецъ, избіенныхъ отъ Ирода во время рождества Христова. Часть отъ главы св. Власія Севастійскаго.

Часть мощей св. мученика Бонифація и иныхъ св. мощей много, которыхъ нынѣ подробну описать для продолженія времени оставляю.

Въ той сосудохранительницѣ, или въ притворѣ, стоитъ образъ Чудотворца Николы въ мѣру возраста его, письма древняго Греческаго, и отъ многихъ лѣтъ теменъ, съ котораго образа пишутъ въ Барѣ св. иконы Чудотворца Николы власно тѣмъ подобіемъ, какъ написанъ тотъ святой вышепомяненный образъ; а привезенъ тотъ образъ въ Баръ вкупѣ съ мощами Чудотворца Николы и написанъ Чудотворецъ Никола на той святой иконѣ весь стоящій, правую руку имѣетъ благословенную, а въ лѣвой рукѣ держитъ святое Евангеліе, на которомъ написаны три златника во образъ того чудеси, какъ писалъ я о томъ въ сей книгѣ выше; а сказываютъ, что тотъ образъ писанъ съ самого чудотворцова лица, когда Чудотворецъ Никола былъ живъ.

Въ томъ же притворѣ показывали мнѣ многія одежды архіереевъ Римскихъ низанныя и шапки низанныя Римскихъ же архіереевъ и двѣ подушки низанныя, которыя въ Баръ въ чудотворцеву церковь прислала въ дарахъ королева Польская; и иные уборы церковные въ томъ притворѣ показывали мнѣ многіе. И какъ я изъ того притвору хотѣлъ идтить къ себѣ во остарію, гдѣ стоялъ, въ то время губернаторъ города Бара прислалъ ко мнѣ просить о томъ, чтобъ я къ нему пришелъ въ домъ, и одинъ канонникъ церкви Чудотворца Николая пошелъ со мною провожать меня до двора губернатора. И какъ я въ домъ губернаторовъ вошелъ, и меня самъ губернаторъ встрѣтилъ на лѣстницѣ и съ великимъ почтеніемъ принялъ меня до своихъ палатъ, гдѣ я съ нимъ немного времени посидѣлъ и пошелъ отъ него до остаріи, въ которой стоялъ, и тотъ губернаторъ проводилъ меня изъ дому даже за ворота; и какъ я отъ него пошелъ къ себѣ, и вышепомяненный канонникъ проводилъ меня ко мнѣ во остарію, и въ томъ часѣ вышепомяненный губернаторъ съ иными—Гишпанскою шляхтою—пришелъ ко мнѣ во остарію, гдѣ я стоялъ, и сидѣли у меня часъ довольный; потомъ просилъ меня, чтобъ я у него обѣдалъ Іюня въ 24-й день, которое его желаніе обѣщалъ я учинить по его волѣ.

Іюня въ 23-й день. Въ пятомъ часу дня пошелъ я паки до церкви св. Николы, гдѣ меня дожидались къ обѣдни Римскіе канонники, и, шедъ я къ той церкви, купилъ себѣ два погребца со скляницами на святое муро, истекающее отъ мощей іерарха чуднаго

Николы, которые погребцы канонники той церкви немедленно мнѣ наполнили святымъ чудотворнымъ мѵромъ, и съ тѣмъ великимъ даромъ, прочитавъ у чудотворцевыхъ мощей акаѳистъ, паки пошелъ во остарію, въ которой стоялъ.

А какъ я со фрегадона въ Баръ поѣхалъ и капитану фрегадона своего, на которомъ я ѣхалъ, за провозъ золотые червонные заплатилъ, и капитанъ, почитая меня, со фрегадона своего стрѣлялъ изъ пушекъ. И того жъ числа тотъ фрегадонъ изъ подъ города Бару поплылъ паки въ Далмацію въ городъ Корсуль, а я остался въ Барѣ.

Городъ Баръ стоитъ при самомъ морѣ, фортеца каменная и немалая, сдѣланъ новою модою, съ бельвардами, и на бельвардахъ есть пушекъ великихъ и малыхъ достатокъ.

Въ городѣ Барѣ строеніе домовное и костелы и монастыри каменные и изрядные. Домъ губернаторовъ сдѣланъ на городовой стѣнѣ, при самомъ морѣ, зѣло на веселомъ мѣстѣ. Въ Барѣ живетъ арцибискупъ Римской вѣры, небогатъ гораздо. Городъ Баръ многолюденъ, народъ въ немъ Гишпанскій, говорятъ по-итальянску, однакожъ съ Венеціанами и съ Римлянами въ языкѣ имѣютъ малую нѣкоторую дифференцію, т. е. розницу; платье носятъ Гишпанской моды.

Лавокъ и въ нихъ товаровъ въ Барѣ немного, также и мастеровыхъ всякихъ людей малое число.

Губернаторъ Барскій изъ Неаполя Гишпанецъ, породы дворянской, носитъ на себѣ кавалерскій крестъ.

И стоялъ я въ Барѣ Іюня до 25-го числа, наймовалъ себѣ фурмана; и какъ я на фрегадонѣ въ Баръ пріѣхалъ и съ него сошелъ, и капитанъ того фрегадона Иванъ Карстели далъ мнѣ свидѣтельствованный листъ о бытности моей на морѣ и о наукѣ, а въ немъ пишетъ сице:

„Дня 22-го Іюня лѣта 1698-го, въ Барѣ.

„Я, капитанъ Иванъ Карстели, чиню вѣру всѣмъ, а особливо кому надлежитъ вѣдать, нынѣшнимъ листомъ, что въ нынѣшнемъ лѣтѣ дворянинъ Московскій Петръ Андреевичъ купно съ солдатомъ Иваномъ Стабуринымъ былъ на моемъ фрегадонѣ и ѣздилъ по морю Венецкой гольфы даже до границъ княжества Рагузскаго и до Рагузы, до города Дубровника и отъ того мѣста имѣлъ желаніе ѣхать на моемъ же фрегадонѣ до городовъ Каштельнова и до Перасты и даже до Катарры, которые городы граничатъ съ городами Турецкими, и желалъ видѣть Турковъ на морѣ на ихъ боевыхъ корабляхъ, чтобы съ ними биться. И какъ скоро отъѣхали, встрѣтились съ

двумя фустами Турецкими, въ которыхъ обрѣталось Турковъ въ достатокъ. И въ тотъ часъ по милости Божіей пришелъ на насъ вѣтръ потребный, съ которымъ вѣтромъ стали мы въ урядѣ до битвы съ вышепомяненными Турками, которые, видя свое безсиліе, утекли къ берегу, а мы для нѣкоторыхъ мелкихъ мѣстъ не могли ихъ угонить совершенно на конецъ мѣста. А потомъ пріѣхали мы до мѣста Катарры, которая граничитъ съ Турками, гдѣ стояли мы 6 дней, и тамъ за безсчастіемъ нашимъ не могли мы встрѣтить и видѣть Турецкаго корабля и, чтобъ мы не стояли, отъѣзжалъ. Но поѣхали мы въ государство Гишпанское даже до самаго Бару чрезъ всю Венецкаго моря гольфу и желали всегда встрѣтитися съ кораблями Турецкими, чего и тамъ учинить не могли, и были отягчены отъ фортуны морской, въ которой имянованный дворянинъ Московскій купно съ солдатомъ всегда были не боязливы, стоя и опираяся злой фортунѣ. А потомъ, сошедшись съ моего корабля, поѣхать желалъ изъ Бару до Неаполя чрезъ землю, желая ѣздить по морю въ томъ кораблѣ, для того что я не могъ въ такіе дальніе краи плыть на моемъ фрегадонѣ."

„Для увѣренія за капитана Ивана Карстели я, капитанъ морской Иванъ Лазаревичъ, подписуюся на его мѣсто, для того что онъ писать не умѣетъ."

У того подлиннаго листа печать капитана морского Ивана Карстели изображена на красномъ воску.

А по пріѣздѣ моемъ въ Венецію паки тотъ вышеписанный листъ объявленъ въ канцеляріи св. Марка и подписанъ сице: „Чиню вѣру я, публичный ноторъ, т. е. писарь, яко велебный ксендзъ, Антони Пасадорскій, Полякъ закону Доминиканскаго, и капитанъ морской Ангелъ Каподоровъ, видя вышеписанное письмо чрезъ меня канцлера имъ показанное, признали и подтвердили съ присягою, т. е. помяненный ксендзъ Пасадорскій, приложивши руку до персей своихъ по обыкновенію капланскому, т. е. священническому, а капитанъ Ангелъ вышепомяненный, доткнувшися письма въ рукахъ моихъ, признали истинное и власное письмо Ивана Лазаревича, капитана морского, и тожъ вѣдая и зная имѣть совершенное познаніе и практику въ его характерѣ и письмѣ".

„Дано въ Венеціи того дня 28-го мѣсяца Октября, для чего я, Винценціушъ Винценци, господина Яна Геронима сынъ урожденный, купецъ Венецкій и публичный Венецкій канцлеръ, о томъ прошенный, для вѣры подписался и означилъ."

Изъ канцеляріи св. Марка данъ листъ на свидѣтельство сего вышеписаннаго капитанскаго листа, а въ немъ пишетъ сице; „Силь-

вестръ Валерій, Божіею милостію князь Венецкій, всякому и всѣмъ особливо такъ пріятелямъ, яко и вѣрнымъ нашихъ листовъ видящимъ, ознаймуемъ. Винценца Винценцій подъ днемъ 28-мъ бѣжащаго запросилъ о аттестаціи, т. е. о свидѣтельствованіи Ивана Лазаревича такъ имянованнаго, что въ ней есть ноторъ, или писарь Венецкій доброй славы и доброй опиніи, о которой публичными письмами туто и вездѣ полную имѣетъ брати вѣру. Дано суть въ нашемъ княжескомъ домѣ въ княжеской палатѣ дня 28-го Октября индикта седьмого, лѣта Господня 1698.“

Тотъ листъ, который данъ въ Венеціи на свидѣтельство капитанскаго листа писанъ на пергаментѣ. Печать у того листа свинцовая; на ней изображенія: на одной сторонѣ образъ св. Евангелиста Марка, а на другой сторонѣ изображена персона Венецкаго принципа, т. е. князя. А писаны тѣ листы—вышепомяненный капитанскій и свидѣтельствованный Венецкій—оба Итальянскимъ языкомъ, а не Латинскимъ.

Стоя въ вышеписанной остаріи, платилъ хозяину за постоялое и за пищу и за постелю по 10 карлиновъ Гишпанской монеты, а тѣхъ карлиновъ даютъ за червонный золотой по 24 карлина.

Въ Барѣ деньги ходятъ Гишпанской монеты, шкуды, филипы, карлины, граны, сольды. Во всякомъ карлинѣ по 10 грановъ, а всякій гранъ ходитъ за двѣ сольды.

Іюня въ 23-й день по обѣдѣ ходилъ я гулять по городовой стѣнѣ и пришелъ къ верхнему городу, который называется Итальянскимъ языкомъ Каштельо. Въ тотъ верхній городъ меня безъ позволенія кастелянскаго не пустили и послали до кастеляна тотчасъ одного солдата, который, скоро ко мнѣ поворотясь, отворилъ мнѣ ворота, и повелъ меня одинъ Барскій житель дворянской породы по всему тому верхнему городу.

Въ томъ верхнемъ городѣ въ городовой стѣнѣ подѣланы избы солдатамъ, которые тутъ живутъ съ женами и съ дѣтьми. Тѣ солдаты въ томъ верхнемъ городѣ стоятъ на гварди, т. е. на караулѣ; а тѣхъ солдатскихъ домовъ въ верхнемъ городѣ 36 домовъ, да въ томъ же городѣ домъ кастеляновъ, а иныхъ жителей въ томъ верхнемъ городѣ никого нѣтъ.

Тотъ верхній городъ величествомъ гораздо малъ; домъ построенъ въ немъ кастеляну вновь зѣло великъ изряднымъ мастерствомъ и палатъ зѣло много. Между палатами сдѣлана каплица, т. е. малая Римская церковь, въ которой алтарь Римскаго святого Франциска. Въ томъ домѣ многія палаты еще и не отдѣланы, въ которыхъ строятъ подволоки и иные уборы изряднымъ мастерствомъ. Въ томъ же

домѣ живетъ вышепомяненный кастелянъ и есть онъ князь Гишпанскій нѣкотораго своего владѣтельства. Недалеко отъ того верхняго города домъ арцибискупа Барскаго зѣло великъ и строенъ, сдѣланъ при самой соборной церкви, которая соборная Барская Римская церковь не мала, а строенія хорошаго въ ней нѣтъ. Подъ алтаремъ той церкви есть образъ Пресвятыя Богородицы Греческаго письма, принесенъ въ Баръ изъ Константинополя, сказываютъ, письма Луки Евангелиста.

Іюня въ 24-й день. Поутру рано паки пошелъ я къ мощамъ св. Чудотворца Николы въ нижнюю церковь, въ которой надъ алтаремъ Чудотворца Николы сдѣланъ сводъ изъ серебрянныхъ досокъ литыхъ предивнымъ мастерствомъ и богатствомъ великимъ. Того жъ числа обѣдалъ я въ Барѣ у помяненнаго губернатора; со мною у него обѣдали дворяне Гишпанскіе и канонники. Тотъ губернаторъ учтилъ меня зѣло изрядно и, какъ я отъ него пошелъ, проводилъ меня со всѣми при немъ будучими за ворота дома своего съ великою любовью.

Фурмановъ нанялъ я отъ Бару до Неаполя, далъ за коляску 10 дукатовъ; у той же коляски назади поставилъ сундукъ мой со всякими моими вещами за той же платою.

Въ Барѣ есть монастырь Езувитскій и иные монастыри разныхъ законовъ. А у костела, въ которомъ лежатъ мощи Чудотворца Николы, пребываютъ канонники, и есть ихъ при той церкви 42 человѣка.

Іюня въ 25-й день. Поѣхалъ я изъ Бары въ коляскѣ. И пріѣхалъ къ Гишпанскому городу, который стоитъ при морѣ и называется Джовенацо, отъ Бару 12 миль Ит. Тотъ городъ не великъ, фортеца и все строеніе въ немъ каменное. По дорогѣ отъ Бару до того города по обѣ стороны сады, въ которыхъ плодовитыхъ всякихъ деревъ и виноградовъ множество, и жилыхъ мѣстъ по той дорогѣ много жъ. Въ томъ городѣ я не стоялъ, проѣхалъ мимо и пріѣхалъ въ городъ Мальжету, отъ Бару 15 миль Ит. Въ томъ Мальжетѣ стоялъ я въ остаріи и обѣдалъ. Городъ Мальжета не малъ, фортеца и все строеніе каменное, стоитъ при морѣ; въ томъ городѣ зѣло много елею, т. е. масла деревяннаго и, обѣдавъ въ той остаріи, поѣхалъ и пріѣхалъ къ городу Бижели. Тотъ городъ Бижели стоитъ при морѣ, фортеца изрядная и строеніе все каменное жъ, отъ Мальжеты 6 миль и, не стоя въ томъ городѣ, проѣхалъ его и пріѣхалъ къ городу Трани, отъ Бижели 4 мили Ит. Тотъ городъ Трани стоитъ при морѣ, фортеца и строеніе въ немъ каменное и, не стоявъ въ томъ городѣ, пріѣхалъ ночевать въ городъ Барлетъ.

Тотъ городъ Барлетъ отъ города Трани 6 миль Ит. Городъ Барлетъ стоитъ при морѣ и суть великъ и строенъ, фортеца изрядная каменная, домовъ строенія изряднаго каменнаго въ Барлетѣ много, также монастырей и церквей каменныхъ немало. Въ Барлетѣ при одной церкви сдѣланъ замокъ каменный невеликъ, регулярный и квадратовый, т. е. ровный четвероугольный изрядный. Городъ Барлетъ многолюденъ. Отъ вышепомяненнаго города Мальжеты до Барлета много по дорогѣ жилыхъ мѣстъ и садовъ оливныхъ и виноградовъ множество. Отъ Бару до Барлета вышеписанные городы всѣ державы Гишпанскаго короля.

Іюня въ 26-й день. Изъ Барлету пріѣхалъ я въ 5-мъ часу дня въ остарію, которая называется Делячиринелля, отъ Барлету 18 миль Ит. По дорогѣ отъ Барлету до той вышепомяненной остаріи садовъ никакихъ нѣтъ и жилья мало, только много хлѣба жатаго, мѣста полистыя и стада есть конскія и быковъ много. Скотина тутъ, быки и коровы, зѣло велики. И пшеницу молотятъ быками. Въ той остаріи стоялъ я того Іюня 26-го дня до 23-го часа по Итальянскимъ часамъ, а по Московскому до 16-го часа, и на послѣднемъ часу того дня изъ той остаріи я поѣхалъ и ѣхалъ всю ночь, а на первомъ часу дня Іюня 27-го пріѣхалъ въ остарію, которая называется Порта Дебовина, отъ вышеписанной остаріи 24 мили Ит. Въ той остаріи стоялъ я Іюня въ 27-й день до ночи. Въ томъ мѣстѣ по дорогѣ все лѣса и дорога гладкая. Изъ той остаріи Понта Дебовина поѣхалъ за два часа до ночи и ѣхалъ 4 часа ночи, сталъ на дорогѣ, лошадей мало покормилъ и напоилъ изъ фонтаны, которая фонтана для покою проѣзжихъ сдѣлана на дорогѣ, и паки поѣхалъ съ того мѣста и пріѣхалъ въ отдачу часовъ ночныхъ въ остарію, которая называется Ротаминарда, отъ вышеписанной остаріи Порта Дебовина 24 мили Ит. По той дорогѣ много лѣсовъ, дубнику, клену, березы, осины. Дорога зѣло не гладка, камениста и горы немалыя; по той дорогѣ видѣлъ я ночью множество мухъ огнистыхъ, летающихъ по лѣсамъ и по хлѣбамъ и по дорогѣ. И стоялъ я въ остаріи Ротаминарда Іюня въ 28-й день съ перваго часа до 13-го. Тѣ всѣ остаріи отъ Бару до Неаполя Гишпанскія, и зѣло скудно въ нихъ бываетъ пищею, а паче жъ нѣтъ рыбы и фруктовъ, т. е. гроздія, и за дорогую цѣну рыбы не съищешь, гдѣ былъ я не съ малою нуждою голода. По той дорогѣ по лѣсамъ подѣланы домы каменные, въ которыхъ бываютъ непрестанно солдаты для сторожи отъ воровскихъ людей.

Іюня въ 28-й день въ 13-мъ часу изъ той остаріи Ротаминарда я поѣхалъ и ѣхалъ во всю ночь и пріѣхалъ въ 29-й день въ остарію,

которая называется Кардинала, на первомъ часу дня, отъ остаріи Ротаминарда 26 миль Итальянскихъ.

По той дорогѣ много лѣсовъ есть и пашни, и дорога гориста, а по пашнямъ сѣютъ пшеницу, ячмень и овсы. И въ той вышеписанной остаріи Кардиналѣ стоялъ я до 10 часа дня, а въ 10-мъ часу изъ той остаріи поѣхалъ и пріѣхалъ на послѣднемъ часу того дня въ городъ Неаполь. По той дорогѣ по обѣ стороны сады, въ которыхъ много деревъ всякихъ плодовитыхъ, а паче много виноградовъ, которыми оплетены великія деревья. По той же дорогѣ отъ остаріи Ротаминарда до Неаполя много жилья, строеніе каменное и во многихъ мѣстахъ караулы.

Не доѣзжая Неаполя за милю или за двѣ, подѣланы по обѣ стороны дороги и на срединѣ дороги многія фонтаны изряднымъ мастерствомъ, изъ которыхъ вытекаютъ чистыя изрядныя воды для потребъ всякимъ проѣзжимъ людямъ.

Не доѣзжая Неаполя за двѣ мили Ит. на лѣвой сторонѣ есть гора зѣло высока, которая непрестанно отъ сотворенія свѣта горитъ, и въ день отъ той горы великій курится дымъ, а ночью бываетъ видѣть и огонь; и такъ, сказываютъ, всегда безпрестанно горитъ и не угасаетъ никогда ни на малое время. Пріѣхавъ въ Неаполь, стоялъ я въ остаріи, которая называется Алля Коліомба Доро, т.-е. подъ золотымъ голубемъ. Въ той остаріи отвели мнѣ камору изрядную, въ которой была кровать изрядная золоченая и постеля съ бѣлою простынею; и платилъ я въ той остаріи за пищу и за камору и за постелю на день по 10 карлиновъ съ своей персоны, и стоялъ я въ той остаріи Іюля до 8 числа.

Іюня въ 30-й день. По обѣдѣ пріѣхали ко мнѣ два человѣка дворянъ Гишпанскихъ; одинъ изъ нихъ вышеписанному Барскому губернатору братъ родной, и сказалъ мнѣ, что ему изъ Бару братъ писалъ черезъ почту о томъ, какъ я въ Неаполь пріѣду, чтобъ онъ мнѣ въ Неаполѣ учинилъ почтеніе доброе. И просили меня тѣ шляхтичи о томъ, чтобъ я съ ними въ ихъ каретахъ поѣхалъ гулять и смотрѣть всякихъ изрядныхъ вещей, которыя зрѣнію человѣческому сладки обрѣтаются въ Неаполѣ, и я съ ними въ каретахъ ихъ поѣхалъ. И пріѣхали прежде въ Кармилитанскій монастырь, пришли въ костелъ. Тотъ костелъ каменный, внутри весь убранъ изрядною работою алебастромъ, стѣны и своды, и по алебастровымъ рѣзьбамъ вызолоченъ изрядно; въ томъ костелѣ есть образъ Пресвятыя Богородицы чудотворный и, сказываютъ, что отъ того святого образа было чудо такое, что пришла одна жена и хотѣла поцѣловать ногу Предвѣчнаго Младенца Господа нашего Іисуса

Христа, написаннаго на той святой иконѣ на рукахъ Пречистыя Дѣвы, и пресвятая Его нога поднялась вверхъ и донынѣ есть такъ всѣми видима. И стоитъ тотъ святой образъ надъ престоломъ за завѣсомъ, а открываютъ ту пречистую икону на видѣніе людямъ въ году въ одинъ день, и къ тому св. образу вицерей Неаполитанскій повиненъ пріѣхать во всякую Субботу и съ женою. Въ томъ же костелѣ стоитъ высоко надъ алтаремъ крестъ, и на немъ сдѣлано тѣло Христа Господа съ наклоненною головою, а причина того наклоненія есть та: въ древнія лѣта, во время въ Неаполѣ бывшаго междоусобія, отъ пушечной стрѣльбы прилетѣло одно ядро пущенное на главу тѣла Христова, сдѣланнаго на помяненномъ крестѣ, и пречистая Его глава уклонилася, а то ядро скатилося отъ главы Спасовы къ церковнымъ дверямъ, и въ которомъ мѣстѣ осталось, на томъ мѣстѣ въ помостѣ церковномъ сдѣланъ кругъ каменный и на немъ подписано Латинскими литерами, для чего тотъ кругъ въ томъ мѣстѣ сдѣланъ, а то ядро въ той церкви и нынѣ виситъ на чѣпи желѣзной повѣшано у стѣны, вѣсомъ будетъ фунтовъ 20 или больше. Въ той церкви алтарь сдѣланъ изъ разныхъ аспидовъ пречуднымъ мастерствомъ. Въ той церкви двои органы и немалые, и все въ той церкви украшеніе дивное. Изъ того монастыря пріѣхалъ къ церкви; у той церкви служатъ бѣлые попы, и есть ихъ у той церкви числомъ 100 человѣкъ, и на всякій день въ той церкви на всѣхъ престолахъ бываетъ по 100 обѣдень. Та церковь сдѣлана во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея благовѣщенія. Въ той церкви алтарь сдѣланъ изъ разныхъ мраморовъ преудивительной работы; надъ тѣмъ алтаремъ сдѣланъ образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы зототой, который цѣнятъ пятью тысячами шкудовъ. Въ той церкви сводъ и стѣны сдѣланы изъ разныхъ мраморовъ и изъ алебастру и вызолочены многія мѣста, и весь уборъ той церкви преудивительный и зѣло богатый; письма въ той церкви святыхъ иконъ зѣло чудны, какихъ во всей Италіи мало обрѣтается. Въ ту церковь приходитъ на всякій годъ интраты, т. е. доходовъ, съ вотчинъ по 200000 шкудовъ.

Въ той церкви казали мнѣ богатства церковнаго дивныхъ работъ, серебра премногое множество, и есть въ той церкви серебра вѣсомъ во всякихъ вещахъ 17000 фунтовъ и того будетъ 425 пудъ, въ подсвѣчникахъ, лампадахъ и въ иныхъ узорочныхъ фигурахъ прединой работы, между которыми видѣлъ я алтарь весь серебряный литой, двѣ доски серебрянныя литыя, корабль литой серебрянный предивной все работы, также и иныхъ вещей узорочныхъ серебрянныхъ множество, которыхъ подробну за множествомъ описывать трудно.

Въ той же церкви показывали намъ двѣ шкатулы изрядной работы стекольчатыя, въ тѣхъ шкатулахъ лежатъ тѣла младенцевъ, которые отъ Ирода за Христа побиты: одно тѣло лежитъ наго, все цѣло, только головы нѣтъ, имѣетъ плоть и кожу и жилы; а другое тѣло также цѣло, только ногѝ правой нѣтъ и лежитъ въ рубашкѣ, въ которой убитъ, опоясанъ красною шелковиною, а возрастомъ тѣ оба младенцы знатно были по году съ небольшимъ лишкомъ.

Тутъ же видѣлъ я верхній черепъ главы св. мученицы Варвары, отъ котораго изрядное благовоніе исходитъ.

Изъ той церкви пошелъ я въ палаты, въ которыхъ пишутъ приходъ и расходъ казны, которая сбирается на ту церковь. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы столы и сидятъ многолюдно подобно тому, какъ бываетъ въ Московскихъ приказахъ много подъячихъ; и показали мнѣ въ одной палатѣ множество золотыхъ червонныхъ и серебрянныхъ всякихъ монетъ. Потомъ пришелъ я въ шпиталь, который сдѣланъ той вышеписанной церкви казною. Въ томъ шпиталѣ бываетъ по 250 человѣкъ болящихъ мужеска полу, а на другой сторонѣ столько же бываетъ болящихъ женска полу, а временемъ бываетъ и больше. Тамъ подѣланы болящимъ кровати изрядныя и постели покойныя и завѣсы хорошія, и у всякаго болящаго поставленъ у кровати столикъ малый и сосуды, изъ чего ему пить и ѣсть, и для услуги болящимъ въ томъ шпиталѣ держатъ работниковъ—мущинамъ мужеска полу, а женамъ и дѣвицамъ женска полу. Въ тѣхъ палатахъ, гдѣ лежатъ болящіе, подѣланы каплицы, т. е. малыя церкви, въ которыхъ по вся дни совершаются литургіи, и на всякій часъ у болящихъ сидятъ перемѣняясь по 6 человѣкъ поповъ для душевной пользы. У того жъ шпиталя сдѣлана аптека, въ которой дохтуры, аптекари и лекари непрестанно бываютъ и лечатъ болящихъ безъ платы отъ той вышепомяненной церкви; также и пища болящимъ и всякіе на тотъ шпиталь расходы отъ той же помяненной церкви, и лечатъ всякихъ болящихъ, и поятъ, и кормятъ, и покоятъ Христа ради безъ платы; и который умретъ погребаютъ казною той же церкви, а который оздоровѣетъ, отпустятъ его безъ задержанія.

Потомъ пріѣхалъ я къ соборной церкви, у которой пребываетъ кардиналъ. Та церковь длинна, широкости не гораздо великой, убору виситъ хорошаго не довольно; однакожъ сводъ и стѣны мѣстами улѣплены гипсомъ. Въ той церкви двои органы великіе; на правой сторонѣ придѣлъ немалый огороженъ рѣшеткою мѣдною, которая сдѣлана изрядною работою литая и зѣло въ ней много мѣди. Въ томъ придѣлѣ лежатъ поклажи, т. е. богатства Неаполи-

танскихъ жителей, принциповъ, дуковъ, маркезовъ и иныхъ честныхъ людей множественное число.

Потомъ пріѣхалъ я до костела св. Филиппа. Тотъ костелъ изнутри убранъ разными мраморами и алебастромъ и вызолоченъ. Въ томъ костелѣ 12 столповъ каменныхъ мраморовыхъ, вытесанъ всякій столпъ изъ одного цѣлаго камня. Тѣ столпы зѣло велики высотою и толстотою. Въ томъ костелѣ двои органы великіе, и все украшеніе въ той церкви изрядное.

Пріѣхалъ потомъ въ монастырь, въ которомъ живутъ законники и называются Теотины. Въ томъ монастырѣ была церковь св. Павла и отъ трясенія земли развалилась, тому нынѣ 8 лѣтъ, и остались той развалившейся церкви столпы поломанные, которые и нынѣ для упоминанія стоятъ. А сдѣлана та церковь была въ древнихъ лѣтахъ тому нынѣ 1580 лѣтъ, и вмѣсто той древней развалившейся церкви сдѣлана нынѣ вновь церковь изряднымъ мастерствомъ, своды въ ней гипсовые золоченые. Въ томъ костелѣ четверы арганы немалые; въ томъ же костелѣ много зѣло одеждъ священническихъ шитыхъ предивнымъ мастерствомъ.

Потомъ пріѣхалъ въ монастырь Езувитскій; въ томъ монастырѣ церковь изряднаго убору изъ разныхъ мраморовъ и изъ алебастру, своды и стѣны золоченые. Въ той церкви двои арганы великіе и зѣло предивные, и весь уборъ въ той церкви зѣло изряденъ.

Оттуды поѣхалъ я по городу гулять и встрѣтилъ Неаполитанскаго вицерея жену; передъ нею идутъ много пѣшихъ солдатъ, убраны въ изрядномъ платьѣ желтаго цвѣта; потомъ идетъ карета предивная на двухъ возникахъ порозжая, за тою каретою несутъ 4 человѣка вицерееву жену въ порчшезѣ, которая обита бархатомъ краснымъ. Уборъ на ней Гишпанской моды подобенъ Французскому, грудь имѣетъ голую, а на головѣ никакого покровенія нѣтъ, и волосы убраны подобно Московскимъ дѣвицамъ и, поровнявся я противъ ея, отдалъ ей по обыкновенію поклонъ, сидя въ каретѣ; также и она мнѣ по обыкности своей поклонилась. За нею идутъ двѣ кареты, въ которыхъ сидятъ по четыре дѣвицы въ каретѣ, потомъ идутъ другія двѣ кареты, въ тѣхъ каретахъ сидятъ по четыре человѣка мужеска полу слугъ вицереевыхъ. По сторонамъ вицереевой жены и помяненныхъ каретъ идетъ немалое число солдатъ въ такихъ же вышеписанныхъ уборахъ.

Потомъ я пріѣхалъ противъ дому тѣхъ вышеписанныхъ дворянъ, которые со мною ѣздили. Тутъ мы остановились на улицѣ, и вынесли изъ дому ихъ разныхъ шербетовъ на серебрянныхъ блюдахъ, также вынесли тарелей и ложекъ серебрянныхъ, и потчивали

меня тѣми шербетами съ великимъ почтеніемъ, и я, сидя въ каретѣ, ѣлъ тѣ шербеты и паки поѣхалъ мимо вицереева дому на морской берегъ. Домъ вицереевъ зѣло великъ, и множество на немъ палатъ зѣло высокихъ, изряднымъ мастерствомъ построенъ. У воротъ его стоитъ караулъ солдатъ многое число, передъ вороты его площадь изрядная и зѣло великая, домъ его близко моря, и видъ изъ палатъ его на море и на весь городъ Неаполь. Близко двора его на самомъ берегу моря построенъ домъ, который называется арсиналъ, для строенія судовъ морскихъ. Потомъ я, проѣхавъ вицереевъ домъ, поѣхалъ по берегу морскому, гдѣ видѣлъ по краю берега подѣлано многое число изрядныхъ фонтанъ. По тому берегу объѣзжали нашу карету и встрѣчались со мною множество каретъ и колясокъ, въ которыхъ ѣздятъ для забавы принципы и дуки и маркезы, и всякіе люди гуляютъ съ женами и дѣтьми и веселятся. Потомъ поѣхалъ я до остаріи, гдѣ стоялъ, и видѣлъ по улицамъ много фонтанъ, предивныхъ изряднымъ мастерствомъ построенныхъ, и по улицамъ въ Неаполѣ всегда множественное число ѣздитъ всякихъ людей въ каретахъ и колясках, а кареты и коляски—Неаполитанская мода особая—безъ оселинъ и безъ пасовъ на деревянныхъ тонкихъ брусьяхъ, а къ ѣздѣ зѣло покойны.

Въ Неаполѣ лошадей добрыхъ не гораздо много, больше ѣздятъ на мулахъ, и въ кареты ихъ впрягаютъ, и за каретами людей пѣшихъ ходитъ много подобно обыкновенію Московскому. Потомъ пріѣхалъ я до остаріи, въ которой стоялъ и вышеписанные дворяне, которые со мной ѣздили, проводили меня до той вышеписанной остаріи и, отдавъ мнѣ поклонъ, поѣхали къ себѣ.

Іюля въ 1-й день. Рано нанялъ я себѣ коляску и поѣхалъ смотрѣть удивленія достойныхъ вещей, обрѣтающихся въ ближнихъ мѣстахъ отъ Неаполя и, выѣхавъ изъ города Неаполя, видѣлъ вещь предивную: сдѣлана дорога подъ землею шириною сажень пяти, а вышиною въ одномъ концѣ отъ Неаполя тотъ проѣздъ подъ землею сажень 6-ти, а въ другомъ концѣ ниже, а длиною той дороги или проѣзду подъ землею будетъ съ пятьсотъ сажень. Въ срединѣ того проѣзду темнота великая и въ день, для того что та дорога просѣчена скрозь великую гору каменную, и для свѣтлости на срединѣ той дороги сдѣлано вверхъ малое окно; однакожъ отъ того окна свѣтлости тамъ мало. Та дорога вымощена вся камнемъ; по срединѣ той дороги, ѣхавъ изъ Неаполя на лѣвой сторонѣ, высѣчена пещера малая, въ которой сдѣлана каплица, т.-е. малая Римская церковь, гдѣ по вся дни бываетъ служба для проѣзжихъ людей. А на горѣ, скрозь которую та дорога просѣчена, много садовъ всякихъ и домовное строеніе камен-

ное есть немалое, въ которомъ живутъ Неаполитанцы. Потомъ, проѣхавъ ту дорогу, ѣхалъ я отъ Неаполя 4 мили Италиянскихъ и пріѣхалъ ко озеру, въ которомъ озерѣ называютъ Неаполитанцы воду живою. То озеро округло и немало, промежъ великихъ горъ. Пріѣхавъ къ тому озеру отъ Неаполя, на правой сторонѣ въ одной горѣ высѣчена печура шириною, какъ можно пройти одному человѣку, а въ высоту въ сажень трехъаршинную, а длины той печуры въ гору сажень пять. Въ той печурѣ отъ земли воздухъ тягостный, который скоро умерщвляетъ всякое животное, человѣка, и скота, и звѣря, и птицу; а въ высоту отъ земли того заразительнаго воздуху только на четверть аршина, и человѣку войти въ ту печуру свободно; только наклониться низко головою или лечь въ той печурѣ невозможно, для того что если тотъ заразительный воздухъ обыметъ человѣческую голову, тогда въ малую минуту часа человѣкъ умретъ, также и всякое животное. Ежели тотъ воздухъ обыметъ голову, тогда ничто живо быть не можетъ; а кромѣ головныхъ иныхъ частей плоти тотъ воздухъ не портитъ и, какъ въ той печурѣ какое ни есть животное умретъ отъ того воздуху, и тотчасъ оттуды вынято и положено въ то вышеписанное озеро будетъ, тогда такъ же въ малую минуту часа паки оживетъ и будетъ здорово какъ и прежде. И видится въ той печурѣ отъ земли верхъ на четверть аршина власно какъ дымъ стоитъ тонкій и синеватъ подобенъ избному чаду; тѣмъ воздухомъ и огонь угашаетъ. Тѣ вещи я освидѣтельствовалъ явно. Прежде, взявъ собаку, положилъ въ той печурѣ, которая мало побився и повизжала, потомъ умолкнувъ стала дыхать тягостно, и пѣны изо рту потекли, и омлѣла вся, и растянулась въ минуту часа; и ту собаку, скоро вынявъ изъ той печуры, бросили въ вышепомяненнаго озера воду близко краю, гдѣ бы не можно было ей утонуть; тогда такъ же въ минуту часа отдохнула и, мало пошатався, изъ воды вышла здорова какъ была прежде. Потомъ запалили свѣчи смоленыя съ сѣрою великія и, какъ тѣ свѣчи разгорѣлись, приложили ихъ въ ту печуру къ землѣ въ тотъ помяненный смертельный воздухъ, которыя тотчасъ всѣ погасли, власно какъ бы великимъ сильнымъ вѣтромъ скоро задуло, и знаку огня на тѣхъ свѣчахъ не осталось.

При томъ озерѣ въ горѣ подѣланы каменныя жилья, которыя Неаполитанцы называютъ банями, въ которыхъ великая натуральная или природная теплота безъ огня безпрестанно бываетъ власно какъ въ банѣ, которая бы зѣло много была натоплена. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы кровати, и лежатъ болящіе отъ всякихъ болѣзней страждущіе, паче жъ Французоватые, и освобождаются отъ болѣзней

своихъ исходящимъ отъ нихъ отъ той натуральной или природной теплоты безъ всякихъ лекарствъ поту, потому что въ тѣхъ палатахъ безмѣрно всегда тепло, и поту исходитъ отъ тамъ лежащихъ зѣло много.

Потомъ поѣхалъ я изъ тѣхъ вышеписанныхъ мѣстъ смотрѣть другихъ мѣстъ, также удивленію достойныхъ. Пріѣхалъ прежде къ одному городу отъ Неаполя 10 миль Ит., который называется Пуцеліо. Въ томъ городѣ, оставя коляску, сѣлъ въ одну филягу и поѣхалъ моремъ до того мѣста, гдѣ есть въ морѣ натуральная горячесть и, пріѣхавъ къ одной невеликой горѣ, изъ той филяги вышелъ, и одинъ мариналъ досталъ изъ моря подлѣ берегу песку. Тотъ песокъ зѣло горячъ, а вода морская поверхъ того песку всегда студена по обыкновенію, какъ и всегда бываетъ во всемъ морѣ. На той помяненной невеликой горѣ построены небольшія палаты, въ которыхъ палатахъ лежитъ много болящихъ, разными болѣзнями одержимыхъ, а больше которые есть во франкахъ. Изъ тѣхъ палатъ есть въ ту гору ходъ узкій, какъ можно пройтить одному человѣку; и ходятъ тамъ со свѣчами, для того что тамъ великая темнота и такой жаръ натуральный въ той печурѣ, что съ великою нуждою можно человѣку дойтить до конца той печуры и паки выйтить изъ нея; а длины той печуры будетъ сажень съ 50, и такъ занимаетъ духъ у человѣка, что насилу можетъ тамъ быть человѣкъ живъ четверть часа. Въ той печурѣ по сторонамъ подѣланы мѣста, въ которыхъ стоятъ и сидятъ болящіе, который сколько можетъ времени вытерпѣть и потѣть, а потомъ ихъ скоро оттуды выводятъ; а ходятъ въ ту печуру люди наги. Въ ту печеру понудился и я идтить видѣнія ради бывшихъ тамъ болящихъ и, не дошедъ до конца той печуры, поворотился, не могъ больше терпѣть духоты отъ того натуральнаго жару; а въ которое время въ той печурѣ больные сидятъ, въ то время всѣ болящіе поютъ своимъ языкомъ „Санта Марія ора про нобисъ", т.-е. „Святая Марія, молися за насъ": призываютъ въ помощь себѣ Пресвятую Богородицу и инымъ святымъ приносятъ молитвы. Подъ той горою подѣланы были древле отъ Нерона-мучителя каменныя бани, въ которыхъ были воды холодныя и горячія отъ натуры, т.-е. отъ существа, а не огнемъ грѣтыя; и нынѣ тѣ бани цѣлы, и воды въ нихъ холодныя и горячія отъ натуры есть всегда.

Потомъ поѣхалъ я до того мѣста, гдѣ во древнія лѣта былъ городъ, который называется Каштель-ди-Бая. Тотъ городъ былъ области Нерона-мучителя и великъ былъ гораздо, около его было мѣрою 10 миль Ит., стоялъ при самомъ морѣ, строеніе въ немъ было знатно изрядное каменное, котораго и нынѣ остатки есть. Тотъ го-

родъ весь развалился, и мѣсто то, гдѣ былъ, поросло лѣсомъ, однакоже и нынѣ видимы суть остатки того города: палаты и божницы поганскихъ боговъ, которыя были въ томъ городѣ, построены при проклятомъ помяненномъ мучителѣ-Неронѣ. Подъ тѣмъ городомъ портъ, т.-е. пристанище морскимъ судамъ, лучшее во всей Гишпани и Неаполитани. Въ томъ мѣстѣ видѣлъ я божницу поганскаго бога Каприссорія, сдѣланну изъ каменью въ землѣ. Въ той божницѣ сводъ каменный, на томъ сводѣ множество напечатано поганскихъ боговъ; а на левкасѣ, или на извести, что̀ напечатано, того за множествомъ лѣтъ совершенно познать не можно, однакожъ предивной и удивленія достойной работы было то дѣло, и какою живностью изображены тѣ поганскихъ боговъ образы, о томъ подлинно описать не могу. Божница была во имя поганскаго бога Венуса, сдѣлана изъ плинѳовъ, какихъ нынѣ нигдѣ не обрѣтается. Тѣ плинѳы дѣланы шириною и длиною въ аршинъ, а толщиною въ одинъ вершокъ аршина и зѣло крѣпки. Была та божница велика зѣло, круглая, знатно и нынѣ внутри той божницы во многихъ мѣстахъ по стѣнамъ письма стѣнныя изрядныя. Божница жъ знатно была длинная и вся развалилась, только нынѣ стоитъ ея малая часть, а сдѣлана была та божница во имя поганской богини Діаны. Также и иныя знатно божницы боговъ поганскихъ Меркуріева и иныхъ, которымъ приносилъ жертвы проклятый Неронъ и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ. Вмѣсто того вышепомяненнаго Неронова города Каштель-ди-Бая, который въ конецъ разрушился, сдѣланъ нынѣ вновь городъ близко того стараго мѣста тѣмъ же именемъ Каштель-ди-Бая, при самомъ же морѣ.

Отъ древняго города Каштель-ди-Бая былъ сдѣланъ по морю мостъ каменный до вышеписаннаго города Пуцеля на многихъ каменныхъ столпахъ, а сдѣлалъ было тотъ мостъ цесарь Гайя Галиколя тому нынѣ 1658 лѣтъ, а какъ тотъ мостъ отъ морскихъ волненій развалился, тому нынѣ 400 лѣтъ; однакожъ и нынѣ еще знатно изъ моря нѣкоторые столпы поверхъ водъ морскихъ, между иными столпами еще и нынѣ своды не упали. Длины того мосту было 3 мили Итальянскихъ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ при самомъ морѣ есть горы, изъ которыхъ берутъ землю и той землею дѣлаютъ въ водѣ морской или въ рѣкахъ фундаментъ, т.-е. основаніе подъ каменное строеніе, а называютъ Неаполитанцы ту землю „Пуцуляно". Та земля въ водѣ такова крѣпка бываетъ какъ желѣзо или какъ твердый камень, а видомъ та земля изжелта-сѣровата. Близко того мѣста при самомъ морѣ знатно домъ мучителя проклятаго цесаря Нерона, малый остатокъ

палатъ; знатно, что были изряднаго мастерства. Въ иныхъ мѣстахъ стѣнное знатно письмо, писано мусіею, а иное строеніе каменное жъ того дому знатно въ морѣ. Недалеко отъ того дому знать было строеніе каменное, а нынѣ уже въ морѣ, которое было построено однимъ Римскимъ сенаторомъ Артанціушемъ, гдѣ тотъ Артанціушъ призывалъ къ берегу изъ моря рыбу и ималъ себѣ на потребу, которую хотѣлъ.

Близко того мѣста гробъ матери мучителя - Нерона въ горѣ низко въ землѣ. Надъ тѣмъ гробомъ есть древнее строеніе каменное. Потомъ пришелъ я къ водѣ, которая называется Мертвое море. Та вода округла, величествомъ поперекъ будетъ сажень 1000, отъ великаго моря отдѣлилась землею, а вода въ томъ Мертвомъ морѣ соленая жъ какъ и въ великомъ морѣ. Подлѣ того Мертваго моря лугъ великій, по которому поросло много лѣсовъ. На томъ лугу въ древнія лѣта поганскій народъ сожигалъ мертвыхъ тѣлеса и пепелъ тѣхъ сожженныхъ тѣлъ относилъ въ гору и клалъ въ каменные гробы, которые и нынѣ суть видимы, изряднымъ мастерствомъ были сдѣланы и подписаны изнутри стѣннымъ письмомъ. Изъ тѣхъ гробовъ тотъ пепелъ имали древній народъ за святыню на исцѣленіе болящихъ. Въ тѣ гробы сверху подѣланы сходы каменные, а величествомъ тѣ гробы шириною и длиною сажени по двѣ. Близко тѣхъ гробовъ сдѣланъ погребъ зѣло великъ и высокъ въ горѣ; въ томъ погребу 48 столповъ каменныхъ великихъ, на которыхъ утвержденъ того погреба сводъ. Сдѣлалъ тотъ погребъ въ древнія лѣта Римскій сенаторъ, который назывался Люціо Люлкуло, для постановленія въ немъ холодной воды сладкой на питье ратямъ Римскимъ, и называется тотъ погребъ Писина Марабиля Итальянскимъ языкомъ, а пославянски тотъ погребъ на воду.

Недалеко отъ того мѣста есть городъ Неаполитанскаго королевства, который называется Прочета. Мѣсто суть немалое и многолюдное, стоитъ при морѣ, изряднымъ мастерствомъ сдѣланъ, строеніе въ немъ все каменное.

Потомъ въ той же филюгѣ пріѣхалъ въ вышеписанный городъ Пуцельо и въ томъ городѣ въ остаріи обѣдалъ, по обѣдѣ въ той же филюгѣ поѣхалъ въ Неаполь, а коляску свою отпустилъ въ Неаполь берегомъ.

Недалеко отъ города Пуцеля есть на морѣ островъ, который именуется Преминторія-де-Мисино. На томъ острову древле жилъ философъ владѣтель, который назывался Плиніушъ. Къ тому Плиніушу на вышепомяненный островъ ушелъ изъ Трои во время Троянскаго раззоренія одинъ сенаторъ Троянскій называвшійся Энея, о которомъ особая есть гиштoрія. Тотъ помяненный Плиніушъ сгорѣлъ

на той горѣ, что̀ противъ Неаполя, которая отъ сотворенія свѣта горитъ непрестанно и до нынѣ, и тотъ Плиніушъ невѣрствіемъ былъ одержимъ, чтобъ той горѣ горѣть и хотѣлъ видѣть изъ той горы исходящій пламень и упалъ въ ту гору и тамъ сгорѣлъ.

Проѣхавъ тотъ островъ, пріѣхалъ къ острову жъ, скрозь который островъ сдѣланъ проѣздъ и пропущена вода; въ тотъ проѣздъ проѣхалъ я филюгою по водѣ, длиною того проѣзду будетъ сажень больше 100, а шириною сажень 6, и по сторонамъ того проѣзду подѣланы окна для свѣтлости. Тотъ проѣздъ просѣченъ скрозь каменный островъ, а въ которыхъ мѣстахъ надъ тѣмъ проѣздомъ прилучилась земля мягкая, въ тѣхъ мѣстахъ сдѣланы своды изъ кирпича. Тотъ проѣздъ сдѣланъ зѣло чудно и удивительно, и всегда въ немъ бываетъ вѣтръ холодный. Тутъ гуляютъ въ малыхъ лодкахъ Неаполитанскіе жители съ женами и съ дѣтьми часто во время великихъ жаровъ для холоду.

Проѣхавъ то мѣсто есть островъ, который называется Нисита, на томъ острову есть Неаполитанская кантомація, и построены на томъ острову палаты невеликія для бывающихъ въ кантомаціи, а кантомація то суть: которые люди пріѣдутъ въ Неаполь изъ Леванто, то суть съ Востоку, тѣхъ людей сажаютъ на тотъ островъ и не спускаютъ съ того острова никуды 6 недѣль, также и къ нимъ никого не пускаютъ, для того что на Левантѣ, т.-е. на Востокѣ бываетъ часто моровое повѣтріе, и отъ того Неаполитанцы хранятъ свое государство.

Потомъ пріѣхали мы къ Неаполю и пришли въ одинъ домъ Неаполитанскаго сенатора, который построенъ при краю самаго моря. Въ томъ домѣ зѣло много изрядныхъ веселыхъ палатъ съ предивными уборами, между которыми въ срединѣ палата сдѣлана осьмигранная, и въ ней зѣло изрядные уборы, картины чудныхъ Итальянскихъ писемъ; при тѣхъ палатахъ подѣланы изрядныя гульбища къ морю изряднымъ мастерствомъ и обсажены виноградомъ, и сверху ихъ обросъ виноградъ же власно какъ кровля. Изъ того дому поѣхалъ я въ Неаполь, гдѣ видѣлъ домъ зѣло великъ при морѣ древняго строенія. Сказали мнѣ, что тотъ домъ древней Неаполитанской королевы былъ, а нынѣ взялъ тотъ домъ себѣ Неаполитанскій вицерей, и которое строеніе того дому отъ древнихъ лѣтъ развалилось, то нынѣ строятъ вновь. Архитектура того дому старая, однакожъ изрядная. Потомъ пріѣхалъ я къ себѣ во остарію, гдѣ стоялъ, въ другомъ часу ночи.

Іюля во 2-й день. Рано пріѣхалъ ко мнѣ во остарію вышеписанный Неаполитанскій дворянинъ, Барскаго губернатора братъ и,

взявъ меня съ собою, въ каретѣ поѣхали до трибуналу, т.-е. гдѣ приказы Неаполитанскаго королевства. Сдѣланъ тотъ трибуналъ великимъ домомъ, въ которомъ зѣло много палатъ въ 5 житей вверхъ. Палаты зѣло великія. И есть въ Неаполѣ 32 приказа, въ которыхъ много судей и подъячихъ; надо всякимъ приказомъ начальныхъ людей по 12 человѣкъ. Въ тѣхъ приказахъ безмѣрно многолюдно всегда бываетъ, и тѣснота непомѣрная подобно тому, какъ въ Московскихъ приказахъ; а столы судейскіе и подъяческіе сдѣланы власно такъ какъ въ Московскихъ приказахъ, и сторожи у дверей стоятъ всякаго приказу подобно Московскимъ. Какъ я на тотъ трибуналъ пріѣхалъ, и на томъ трибуналѣ стоитъ каретъ больше 100 изрядныхъ, въ которыхъ пріѣзжаютъ судьи и челобитчики, кому дѣло есть.

Потомъ пришелъ я къ той палатѣ, гдѣ сидятъ 12 человѣкъ судей за великими государственными дѣлами. Между тѣми судьями одинъ судитъ на мѣстѣ короля Гишпанскаго и называется капо, т.-е. голова надо всѣми. И какъ я въ ту палату вошелъ, и тотъ начальный судья и всѣ судьи противъ меня встали и отдали мнѣ поклонъ, съ великою учтивостью привѣтствовали меня и, показавъ всѣ вещи, которыя иноземцу надлежитъ видѣть, такъ же съ честію меня отпустили и послали со мною одного человѣка, велѣли меня проводить, который шелъ изъ той палаты передо мною, очищая дорогу во многолюдствѣ, и съ такою учтивостью меня проводилъ въ верхнія палаты, гдѣ я видѣлъ государства Неаполитанскаго старыя книги и письма устроены по шкафамъ изрядно съ подписьми; тѣхъ старинныхъ писемъ зѣло много. Изъ тѣхъ верхнихъ палатъ сошелъ въ нижнія палаты, гдѣ слушалъ Неаполитанскаго суда, какъ судились два человѣка передъ судьями: говорятъ чинно съ великою учтивостью, а не съ крикомъ, и подъячій слова ихъ записывалъ подобно тому, какъ и на Москвѣ.

Изъ того трибуналу пріѣхалъ я въ монастырь, въ которомъ живутъ законники и называются Регуляры. Тѣ законники всѣ высокихъ породъ честные люди, а простыхъ людей въ тотъ монастырь не принимаютъ. Въ томъ монастырѣ принялъ меня одинъ законникъ породы честной, папѣ Римскому свойственникъ, и привелъ меня въ церковь. Та церковь зѣло изряднымъ мастерствомъ сдѣлана изъ гипсу и изъ разныхъ мраморовъ и вызолочена изнутри во многихъ мѣстахъ, а сдѣлана та церковь во имя святыхъ апостолъ. Потомъ изъ церкви ходили по монастырю и по палатамъ ихъ зѣло высоко, оттуды видѣть весь городъ Неаполь, и смотрѣлъ я того монастыря садовъ изрядныхъ.

Изъ того монастыря пріѣхалъ въ дѣвичій монастырь, гдѣ есть 680 законницъ, а тѣ законницы всѣ высокихъ же породъ. Въ томъ монастырѣ также церковь предивная изряднаго жъ убору; въ той церкви много уборовъ, шитыхъ завѣсовъ предивной работы. Въ томъ монастырѣ погребаются тѣла умершихъ королей Неаполитанскихъ. Въ той церкви арганы изрядныхъ голосовъ и зѣло великіе, на которыхъ во время бытности моей въ той церкви играли.

Изъ того монастыря пріѣхалъ я въ монастырь, въ которомъ живутъ законники и называются Оливетаны, ходятъ въ бѣломъ платьѣ. Въ томъ монастырѣ церковь изрядная, и убору предивнаго въ притворѣ той церкви видѣлъ я. Сдѣланъ гробъ стекольчатый, въ томъ гробѣ лежитъ сдѣланное изъ камней, изъ которыхъ дѣлаются краски, тѣло Господа нашего Іисуса Христа зѣло пречуднымъ мастерствомъ. Около того гробу подѣланы образы изъ такихъ же каменій. При главѣ Христова тѣла сдѣланъ образъ Пресвятыя Дѣвы Маріи сидящей, по сторону сдѣланъ образъ Маріи Магдалины стоящей. Подлѣ нея сдѣлано подобіе королевы Неаполитанской, которая тотъ монастырь сдѣлала; по другую сторону сдѣланъ образъ стоящей св. Соломіи, подлѣ нея образъ Іоанна Богослова сдѣланъ стоящій же. Въ ногахъ у тѣла Христова сдѣланы два подобія Римскихъ философовъ, стоящихъ на колѣняхъ. Тѣ всѣ образы зѣло преизряднымъ мастерствомъ сдѣланы; не можно познать, чтобъ не живые. Потомъ видѣлъ въ томъ монастырѣ палату, въ которой дѣлаютъ комедіи, убрана переспективами, какъ обыкновенно быть въ комедіяхъ. Потомъ смотрѣлъ палатъ, въ которыхъ живутъ законники, между которыми видѣлъ въ одной палатѣ много поставлено деревъ съ зеленымъ листвіемъ, и напущено кинареекъ множество бѣлыхъ и зеленыхъ; въ той палатѣ тѣ кинарейки водятся и высиживаютъ дѣтей, а держитъ ихъ себѣ для забавы одинъ законникъ.

Тотъ монастырь зѣло великъ, а подо всѣмъ подъ нимъ сдѣланы превеликіе погребы, въ которыхъ всегда стоитъ множество бочекъ, наполненныхъ разными вины. Законники того монастыря въ недѣлѣ три дня ѣдятъ мясо, а четыре дня ѣдятъ рыбу, т.-е. въ Недѣлю, во Вторникъ и въ Четвертокъ ѣдятъ мясо, а въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятницу и въ Субботу ѣдятъ рыбу; и когда ѣдятъ мясо, тогда обѣдаютъ и ужинаютъ въ той палатѣ, гдѣ дѣлаютъ комедіи: а когда ѣдятъ рыбу, тогда обѣдаютъ въ особой палатѣ. Въ томъ монастырѣ въ придѣлѣ видѣлъ я образъ Рождества Христова вырѣзанъ на алебастрѣ величествомъ въ высоту и въ ширину аршина по два, такою работою сдѣланъ, какой работы на всемъ свѣтѣ мало

гдѣ обрѣтается, и описать о томъ подлинно невозможно, и уму человѣческому непостижно какая та работа. Изъ того монастыря пріѣхалъ я къ себѣ во остарію, уже бо приспѣлъ часъ обѣда.

Того жъ числа по обѣдѣ тотъ же вышеписанный Неаполитанскій дворянинъ, губернатора Барскаго братъ, прислалъ ко мнѣ карету, и просилъ меня присланный отъ него, чтобъ я въ той каретѣ пріѣхалъ къ нему въ домъ. Тогда я по прошенію его въ той каретѣ къ нему въ домъ пріѣхалъ, и онъ, меня принявъ съ любовью, учинилъ какъ есть обычай Гишпанамъ. Потомъ изъ дому его поѣхалъ съ нимъ купно смотрѣть галеръ Неаполитанскихъ, гдѣ видѣлъ я 8 галеръ зѣло великихъ, которыя стоятъ въ портѣ близко вицереева двора и имѣютъ на себѣ по 60 веселъ, а на иныхъ и больше и меньше. Тѣ галеры зѣло изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, рѣзьбы около ихъ предивныя золоченыя, а иныя красками писаны. Изъ тѣхъ галеръ взошелъ я на одну галеру, гдѣ меня принялъ съ честью комитъ той галеры и для моего приходу велѣлъ галіотамъ, т.-е. работникамъ, всѣмъ надѣть цвѣтные кафтаны, которыхъ на той галерѣ есть 450 человѣкъ, всѣ въ голубыхъ суконныхъ кафтанахъ, и всякій человѣкъ на той галерѣ работный прикованъ желѣзною чѣпью за ногу. Тѣ вышеписанные галіоты, или работники, никуды съ тѣхъ галеръ не спускаются.

Тотъ же комитъ за почесть мнѣ велѣлъ играть на шипошахъ, Туркамъ и Гишпанцамъ на трубахъ трубить, какъ есть обычай быть на Гишпанскихъ галерахъ музыкѣ; и я, смотря галеръ и поблагодарствуя комиту, поѣхалъ до остаріи, въ которой стоялъ, уже бо приспѣла ночь.

Іюля въ 3-й день. Нанялъ я карету и ѣздилъ до костела на музыку; былъ въ костелѣ, въ которомъ есть монастырь Францишканскій; тотъ костелъ строенія изряднаго, убранъ аспидами разными и стѣннымъ изряднымъ письмомъ, изнутри весь вызолоченъ. Оттуды пріѣхалъ паки въ остарію къ обѣду.

Того жъ числа поѣхалъ въ каретѣ къ морскому берегу и нанялъ филюгу, въ той филюгѣ ѣздилъ по морю гулять, смотрѣлъ обычайной утѣхи Неаполитанской, какъ Неаполитанцы забавляются въ году 4 мѣсяца—Іюнь, Іюль, Августъ и Сентябрь. Въ тѣхъ четырехъ мѣсяцахъ въ недѣлю два дни—въ Воскресенье и Четвертокъ ѣздитъ Неаполитанскій вицерей въ изрядной филюгѣ, которая сдѣлана предивнымъ сницарскимъ мастерствомъ, вся вызолочена; на верху той филюги сдѣланы предивные 3 фонаря. Въ той филюгѣ съ вицереемъ сидятъ по 4 человѣка графовъ Неаполитанскихъ. Передъ тою филюгою идетъ филюга вицереева же, также изряднымъ мастерствомъ

сдѣлана и вызолочена, и маринеры въ тѣхъ филюгахъ убраны въ камчатыхъ изрядныхъ кафтанахъ. Въ той передней филюгѣ кромѣ маринеровъ никого не бываетъ, только возятъ ту филюгу для чести вицереевой; поставлены бандеры, т.-е. знаки подъ его гербомъ, въ которой онъ самъ сидитъ, а напереди вицереева жъ третья филюга, въ той филюгѣ вицереевы трубачи ѣдучи трубятъ. По лѣвой сторонѣ вицерея идетъ филюга жъ, а въ ней вицереева музыка играетъ и поютъ, увеселяя вицерея; по обѣ стороны вицерея ѣдутъ по двѣ филюги, въ которыхъ сидятъ офицеры, т.-е. начальные люди отъ пѣхоты для гвардіи, т.-е. для сторо́жи. За вицереемъ ѣдетъ много филюгъ, въ которыхъ ѣдутъ графы, дуки, маркезы и шляхта, или дворяне, также множество филюгъ, ѣздятъ повольно всякіе честные люди и марканты, т.-е. купцы канпаніями и забавляются, ѣдятъ и пьютъ, и веселятся въ филюгахъ. Въ тоже время выходитъ вицереевыхъ шесть великихъ галеръ и зѣло уборны изрядно. Напереди идетъ галера генеральская, обвѣшена красными камками и сукнами, и бандеры, т.-е. знаки, на той галерѣ всѣ красные. На кормѣ той галеры три фонаря изрядные, на носовой щеглѣ, которая называется „тринкето“, наверху фонарь же. За тою галерою идутъ четыре галеры, также обвѣшены красными сукнами; на кормахъ тѣхъ галеръ по одному фонарю да на носовыхъ щеглахъ по одному жъ фонарю, бандеры, или знаки на тѣхъ галерахъ всѣ бѣлые. Позади идетъ одна галера, на той галерѣ на кормѣ одинъ фонарь и на носовой щеглѣ одинъ же фонарь. И, пришедъ близко того берега, у котораго ѣздитъ вицерей, тѣ всѣ вышеписанныя галеры станутъ на морѣ, и на генеральской галерѣ играетъ музыка на флейтахъ и на трубахъ трубятъ и, какъ вицерей пріѣдетъ противъ тѣхъ галеръ, въ то время, отдавая ему честь, прежде съ генеральской галеры, потомъ и со всѣхъ галеръ выстрѣлятъ изъ пушекъ. А вицереева жена пріѣдетъ на тотъ берегъ въ каретѣ изрядной, и за нею въ другихъ каретахъ дѣвицы ея, и придетъ на дворъ свой, который вицереевъ дворъ построенъ на берегу моря, и сядетъ на ганкахъ; подлѣ нея сядутъ принциповъ Неаполитанскихъ жены, три или четыре старыхъ женъ; кругомъ ея стоятъ домовыя ея дѣвицы и ближніе люди мужеска полу, всѣ въ изрядныхъ уборахъ. Также и въ иныхъ домахъ, которые есть по тому берегу, сидятъ Неаполитанскихъ жителей жены и дочери-дѣвицы, убрався изрядно по ганкамъ и по окнамъ, а по берегу при самомъ морѣ станутъ множество каретъ предивныхъ, въ которыхъ сидятъ Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей жены и дочери-дѣвицы въ изрядныхъ уборахъ и веселятся, ѣдятъ сахары и пьютъ изрядные лимонады. А вицерей

и принципы и всякіе люди подлѣ того берегу ѣздятъ въ филюгахъ и, поровнявся вицерей противъ жены своей, поздравляетъ ей и привѣтствуетъ, также и инымъ честнымъ женамъ и дѣвицамъ поздравляетъ же; подобно тому чинятъ и всѣ честные люди и купцы, пріѣзжая къ вицереевой женѣ и иныхъ честнымъ мужей женамъ и дѣвицамъ, привѣтствуя ихъ, поздравляютъ и отдаютъ имъ поклонъ со всякою учтивостью; такъ же чинятъ и форестиры, т.-е. всякіе пріѣзжіе иноземцы; тожъ съ повинностью обычая ихъ и я чинилъ. И такъ гуляютъ весь день и даже до ночи; а какъ вицереева жена пріѣхала на дворъ свой, въ то время, отдавая ей честь, со всѣхъ вышеписанныхъ галеръ стрѣляли изъ пушекъ подобно тому, какъ стрѣляли за почесть вицерееву. И какъ наступила ночь, въ то время вицерей и всѣ, которые гуляли, поѣхали въ Неаполь по домамъ, и вышеписанныя галеры паки выстрѣлили изъ пушекъ и пошли въ Неапольскій портъ на свои обыкновенныя мѣста. Изъ генеральской галеры пускали много ракетъ, а какъ галеры изъ Неаполя на ту потѣху пошли, въ то время были всѣ покрыты полотнами по обыкновенію, а на генеральской галерѣ кровля была полосатая; а какъ пришли на то мѣсто, гдѣ повинны стоять, въ то время кровли со всѣхъ галеръ сняли и стояли безъ кровель, а галіоты, т.-е. работники, или гребцы, на тѣхъ галерахъ на всѣхъ наги. А какъ ночь наступила, тогда со всѣхъ галеръ бандеры и фьямолы сняли и засвѣтили фонари на кормахъ и на щеглахъ, также и на вицереевой филюгѣ засвѣтили фонари и подобно тому жъ учинили и на всѣхъ филюгахъ, потому что на всѣхъ филюгахъ на кормѣ дѣлаются изрядные фонари. И съ тѣми фонарями всѣ поѣхали по домамъ, также и я въ своей филюгѣ пріѣхалъ къ берегу и, вышедъ изъ филюги, поѣхалъ въ каретѣ къ себѣ во остарію.

Іюля въ 4-й день. Поѣхалъ я въ изрядной каретѣ во дворъ вицереевъ смотрѣть его дому. Домъ его сдѣланъ изряднымъ мастерствомъ и не малъ, палатъ на немъ зѣло много въ 5 житей въ высоту. У воротъ вицереевыхъ стоятъ солдаты на караулѣ, и при нихъ начальные люди. И пріѣхавъ я на вицереевъ дворъ къ крыльцу, изъ кареты вышедъ, пошелъ въ палаты его. Крыльца вицереевы сдѣланы зѣло предивно, безмѣрно широки и стройны; палаты есть великія, изрядныя, убраны картинами изрядныхъ Итальянскихъ писемъ, а иныя обиты камками. Также много въ тѣхъ палатахъ столовъ и креселъ изрядныхъ; окна тѣхъ его палатъ завѣшаны бѣлыми тафтами, зеркала великія поставлены по Гишпанской модѣ у стѣнъ на столахъ. Также въ тѣхъ палатахъ стоятъ шкафы

изрядные и иные уборы. Изъ вицереевыхъ палатъ пошелъ я на конюшенный вицереевъ дворъ, гдѣ видѣлъ въ конюшняхъ 125 лошадей, между которыми великихъ изрядныхъ лошадей много. Уборъ въ тѣхъ конюшняхъ изрядный. Въ другихъ палатахъ множество видѣлъ шоръ, цуковъ изрядныхъ бархатныхъ съ золочеными и серебрянными наборами предивной работы. Тутъ же видѣлъ 11 каретъ предивныхъ и зѣло богатыхъ, между которыми двѣ кареты преславныя Римской работы зѣло великія и такимъ преславнымъ дивнымъ мастерствомъ сдѣланы, котораго мастерства и богатства описать подлинно трудно. Цѣна тѣмъ двумъ каретамъ 100000 шкудовъ, а тѣхъ шкудовъ по два за золотой червонный даютъ. Также видѣлъ тутъ же иныхъ каретъ и колясокъ множество.

Потомъ поѣхалъ съ вицереева двора до школы, гдѣ учатъ лошадей. При той школѣ площадь великая, изрядная и ровная, по которой площади ѣздя учатъ лошадей, гдѣ и я ученье лошадей видѣлъ, между которыми видѣлъ лошадь темно-сѣрую изрядной школьной науки. Потомъ во время обѣда поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ. Господинъ той остаріи, именемъ Мартынъ, человѣкъ зѣло богатый и добрый и ко мнѣ былъ пріятенъ и услуженъ зѣло. Того жъ числа по обѣдѣ поѣхалъ я въ шпиталь, въ которой видѣлъ болящихъ 400 человѣкъ, лежатъ по кроватямъ, и постели подъ ними изрядныя. Тотъ шпиталь зѣло великъ, и палатъ въ немъ множество; между тѣми палатами подѣланы каплицы т.-е. Римской вѣры церкви, въ которыхъ по вся дни бываютъ литургіи для болящихъ. Подъ палатами подѣланы погребы многіе, и многіе болящіе лежатъ въ погребахъ по разсужденію дохтурскому для холоду. Въ томъ шпиталѣ аптека не малая, при которой дохтуровъ, лекарей, аптекарей и медициновъ довольно въ урядѣ. Надъ тѣмъ шпиталемъ есть одинъ принципъ, т.-е. князь Гишпанскій и съ нимъ два кавалера Неаполитанскихъ. Въ томъ же шпиталѣ собрано безумныхъ отъ природы 200 человѣкъ, живутъ въ особыхъ палатахъ, кормятъ ихъ и поятъ, и платье имъ даютъ довольное. Разсуждаютъ о томъ Неаполитанскіе жители, что тѣ безумные отъ природы сотворены волею Божіею и чтобъ они не были голодны и нужны и не были бъ отъ другихъ поругаемы, и надъ тѣми безумными приставлены нарочно люди, которые ихъ принуждаютъ къ работѣ и смотрятъ, чтобъ они межъ себя не бились; а работаютъ тѣ безумные въ томъ вышеписанномъ шпиталѣ: воду таскаютъ изъ колодезей, дрова носятъ къ варенію пищи и иныя небольшія потребы, которыя могутъ снесть. А которые между тѣхъ безумныхъ есть

безъ ума не съ природы, но отъ болѣзней, тѣ суть въ особыхъ палатахъ, иные и скованы. Тѣмъ дохтуры даютъ лекарства и къ работѣ ихъ не принуждаютъ.

Во время моего въ тотъ шпиталь пріѣзду всѣ болящіе и безумные обѣдали; пища ихъ была поставлена въ особой палатѣ въ котлахъ; надъ тою пищею поповъ Римскихъ человѣкъ больше 10 поютъораціоне, т. е. моленіе къ Богу о болящихъ; и ту пищу раскладываютъ на оловянныя малыя блюда и ставятъ тѣхъ блюдъ по 6 на деревянные лотки и отсылаютъ болящимъ; а разносятъ ту пищу къ болящимъ Неаполитанскіе честные люди, для спасенія своихъ душъ служатъ больнымъ, кто изволитъ; а работники на ту службу въ томъ шпиталѣ устроенные есть, только мало имъ даютъ той службы исправлять: честные люди служатъ въ томъ болящимъ сами Христа ради; многіе честные люди, пріѣзжая, обвѣшався фартуками на то устроенными, разносятъ къ болящимъ пищу.

Въ томъ же шпиталѣ живутъ сироты мужеска и женска полу малые ребята, также и въ тѣхъ малыхъ ребятахъ есть безумные. Тѣхъ сиротъ малыхъ покоятъ въ томъ шпиталѣ, кормятъ и поятъ и даютъ имъ одежды и постели и призираютъ къ нимъ изрядно во всякихъ ихъ нуждахъ.

Работниковъ и надъ работниками приставовъ есть въ томъ шпиталѣ довольно, которые во всякихъ потребахъ того шпиталя чинятъ услуги. А въ которое время больнымъ подаютъ пищу, въ то время дохтуры ходятъ и смотрятъ на пищи и пишутъ, чтó который болящій ѣлъ и сколько съѣлъ какой пищи и чтó ему дать пищи на другой день или въ вечеръ — всего того тѣ дохтуры съ прилежаніемъ смотрятъ. А на всякія нужды того шпиталя сбирается въ годъ интраты, т. е. доходу по 150000 шкудовъ съ лавокъ и съ дворовъ и съ земель, которые дворы, лавки и земли въ тотъ шпиталь даны отъ Неаполитанскаго вицерея и ото всѣхъ Неаполитанцевъ по волѣ Гишпанскаго короля.

При томъ шпиталѣ есть сады изрядные для травъ и коренью въ аптеку и для забавы и гулянья болящимъ, которые отъ болѣзней начнутъ свобождатися, тѣ по малу въ садахъ гуляютъ. Которые въ томъ шпиталѣ отъ болѣзней помираютъ, тѣхъ погребаютъ казною того жъ шпиталя. А болящихъ въ томъ шпиталѣ, лечатъ и кормятъ, и поятъ, и покоятъ безъ заплаты всякихъ людей, кто бъ ни пришелъ Христа ради. Такихъ еще въ Неаполѣ 6 шпиталей, только тѣ всѣ величествомъ и доходомъ меньше сего шпиталя.

Потомъ поѣхалъ я во академію Неаполитанскую. Та академія построена казною публичною, т. е. королевскою, зѣло велика, въ

которой 120 палатъ великихъ нижнихъ и верхнихъ; сдѣланы тѣ палаты вверхъ въ пять житей. Въ тѣхъ палатахъ учатся до философіи и до богословіи и иныхъ высокихъ наукъ и анатоміи. Въ той академіи бываетъ студентовъ 4000 человѣкъ и больше, учатся всѣ безъ платы, кто ни придетъ, вся плата мастерамъ королевская. Въ той же академіи сдѣлана особая палата на диспуты и на свидѣтельство учениковъ: которые докончаютъ науку, тѣхъ свидѣтельствуютъ диспутами въ той вышеписанной палатѣ. Та палата сдѣлана полукруглая подобно церковному алтарю. Въ передней стѣнѣ противъ дверей сдѣлано мѣсто высокое подобно королевскому мѣсту; по обѣ стороны отъ того мѣста вокругъ подѣланы мѣсты въ четыре ряда вверхъ, по которымъ мѣстамъ во время диспуты сидятъ мастеры и всякіе ученые люди, на диспуты собранные, и студенты.

Близко той палаты сдѣлана палата, гдѣ чинится анатомія; та палата не есть велика и построена по обыкновенію какъ надлежитъ быть анатоміи.

Въ той академіи есть въ Неаполѣ 400 человѣкъ дохтуровъ, а лекарей и аптекарей и медицинъ съ 2000 человѣкъ. Тѣ всѣ живутъ безъ платы на своемъ коштѣ и кормятся своею наукою отъ Неаполитанскаго вицерея и отъ принциповъ, и графовъ, и дуковъ, и маркезовъ, и отъ шляхты, и отъ купцовъ, и отъ всякихъ Неаполитанскихъ жителей.

Потомъ поѣхалъ я гулять на морской берегъ, гдѣ строятъ нѣкоторыя утѣхи къ празднику своему по Римскому календарю Іюля къ 21-му числу, ставятъ у моря по берегу столбы и обиваютъ досками между многими фонтанами, которыя по морскому берегу построены; и то ихъ строеніе во время праздника будетъ все обвѣшено и накрыто камками и иными уборами, и цвѣтами, и фруктами. По тому мѣсту будетъ процессія, при которой изрядная будетъ музыка спѣванная и игранная, и во время того праздника изъ вышеписанныхъ фонтанъ вмѣсто воды будутъ истекать вина розныя виноградныя, красныя и бѣлыя, и разбираемы будутъ тѣ вина неимущими и кто похочетъ безвозбранно. Того праздника въ Неаполѣ я не дождался, для того что поспѣшилъ ѣхать въ Мальтійскій островъ, чтобъ не упустить времени, въ которое время надлежало мнѣ ѣхать до Мальту.

Потомъ пріѣхалъ я въ домъ одного Неаполитанскаго принципа, который меня принялъ съ любовью и потчивалъ меня шербетами разными. У того принципа сидѣлъ я даже до часа ночи съ Неаполитанскими кавалерами; и какъ я отъ того принципа пошелъ, и онъ

меня проводилъ на крыльцо, а другіе кавалеры проводили меня до кареты съ великими свѣчами, сдѣланными изъ бѣлаго воску. Отъ того принципа пріѣхалъ я паки въ остарію, въ которой стоялъ.

Іюля въ 5-й день. По обѣдѣ прислалъ кавалеръ Неаполитанскій ко мнѣ карету и просилъ меня, чтобъ я пріѣхалъ въ домъ одного Неаполитанскаго дворянина смотрѣть казни, какъ будутъ казнить одного человѣка смертью, и я въ той каретѣ пріѣхалъ въ домъ близко пляца, которое пляцо у вицереева двора. На томъ пляцѣ поодаль вицереева двора поставлено колесо на бревнѣ высоко на двѣ сажени въ высоту или мало выше, и со всѣхъ сторонъ то колесо подперто бревнами, чтобъ стояло крѣпко, и приставлены къ тому колесу двѣ лѣстницы малыя съ двухъ сторонъ. На пляцѣ при томъ колесѣ множество народу собралось смотрѣть той казни, и за два часа до ночи пришло солдатъ 30 человѣкъ и оступили то помяненное колесо вокругъ, чтобъ народъ къ тому колесу близко не тѣснился. Потомъ идетъ одинъ человѣкъ и въ рукахъ несетъ письмо и трубу; въ ту трубу протрубя читаетъ письмо, какого злодѣя ведутъ и за какое дѣло его хотятъ казнить; и такъ отъ того мѣста, гдѣ тотъ злодѣй сидѣлъ, даже до того помяненнаго колеса тотъ человѣкъ трубилъ и письмо читалъ, чтобъ весь народъ то вѣдалъ, за что̀ тотъ злодѣй будетъ казненъ. За тѣмъ человѣкомъ идутъ немного солдатъ, при которыхъ ѣдутъ верхами 3 человѣка капитановъ отъ трибуналу, т. е. отъ приказу, въ которомъ судятъ смертныя дѣла. За тѣми капитанами одинъ человѣкъ въ бѣломъ платьѣ и на головѣ бѣлый тюрюкъ и лицо все закрыто, только прорѣзано противъ глазъ, чтобъ могъ видѣть, несетъ крестъ высоко немалый, на которомъ вырѣзанъ образъ тѣла Христова. За нимъ идутъ въ томъ же бѣломъ одѣяніи и въ тюрюкахъ 20 человѣкъ лучшихъ людей Неаполитанскихъ жителей высокихъ честныхъ породъ, а укрываются всѣ для того, чтобъ ихъ никто не позналъ. За ними идетъ тотъ человѣкъ, который осужденъ на смерть, въ бѣломъ запонѣ и въ штанахъ, а на ногахъ чулки и башмаки. Позади его идетъ палачъ, привязалъ малую веревку къ поясу и за ту веревку держитъ, а тотъ осужденный въ рукахъ несетъ невеликій крестъ, на которомъ изображено распятіе Христово. По обѣ стороны того осужденнаго идутъ два человѣка поповъ Римской вѣры въ томъ же помяненномъ бѣломъ платьѣ и въ тюрюкахъ, изъ тѣхъ поповъ одинъ ему отецъ духовный; и, шедъ съ нимъ, тѣ попы непрестанно ему говорятъ, чтобъ онъ упоминалъ свой грѣхъ и былъ бы въ надеждѣ спасенія, чтобъ не пришелъ въ отчаяніе; и уготованное колесо ему на мученіе отъ него тѣ попы закрываютъ, чтобъ онъ увидѣвъ то не обезпамятѣлъ. И какъ его

къ тому колесу привели, и у лѣстницы, которою тому осужденному на то колесо идтить, сталъ тотъ осужденный на колѣни, а духовникъ его, припадчи къ нему, шепталъ ему въ ухо съ четверть часа, утверждая его, чтобы онъ съ надеждою милости Божіей умиралъ, а не отчаявался бы милосердія Божія. Потомъ тотъ его духовникъ, обнявъ его, поцѣловалъ въ голову и отступилъ отъ него; а палачъ, взявъ его, повелъ по лѣстницѣ на колесо и его за собою повелъ; другой человѣкъ созади поддерживалъ того осужденнаго и помогалъ ему на лѣстницу идтить, понеже бо тотъ осужденный отъ страху насилу могъ на колесо по лѣстницѣ идтить. И какъ на колесо его ввели и положили на колесѣ взничъ, а голову поворотили на лѣвую сторону правымъ вискомъ вверхъ, и завязали ему глаза платкомъ, а руки и ноги привязали крѣпко къ колесу, также и голову къ колесу привязали; а по другой вышепомяненной лѣстницѣ взошелъ на тожъ колесо съ другой стороны того осужденнаго духовникъ, держа въ рукѣ крестъ, и какъ того осужденнаго палачъ къ колесу привязывалъ, а тотъ его духовникъ сидѣлъ на колесѣ надъ нимъ съ крестомъ и непрестанно его словами утверждалъ, чтобъ онъ не страшился смерти и съ надеждою бъ умиралъ, а не въ отчаяніи. Когда уже палачъ глаза осужденному закрылъ платкомъ, тогда духовникъ, его крестомъ оградя, съ колеса сошелъ. Потомъ палачъ взялъ великій желѣзный молотъ и долго надъ головою осужденнаго махалъ и ударилъ тѣмъ молотомъ изъ обѣихъ рукъ того осужденнаго въ правый високъ и проломилъ ему голову даже до мозгу и вдругоредь ударилъ сильно тѣмъ же молотомъ по лбу, паки проломилъ ему голову, изъ которыхъ ранъ множество истекло крови. Потомъ ударилъ тѣмъ же молотомъ по груди, потомъ по тайнымъ удамъ, потомъ по колѣнямъ, потомъ паки по головѣ, и такъ тѣмъ молотомъ прибилъ его до смерти. И снявъ съ него чулки и башмаки, тотъ палачъ съ колеса сошелъ, а въ которое время палачъ того осужденнаго къ колесу привязывалъ и билъ, въ то время духовникъ осужденнаго и всѣ, которые были въ бѣломъ платьѣ и въ тюрюкахъ, стояли около того помяненнаго колеса по землѣ на колѣняхъ и молились за душу осужденнаго, чтобъ ему Богъ отпустилъ его согрѣшеніе.

Тотъ осужденный былъ породою Римлянинъ, служилъ въ Неаполѣ у одного капитана за челядника и сего Іюля въ 3-й день въ вицереевыхъ палатахъ побранился съ вицереевымъ слугою и закололъ того вицереева слугу въ вицереевыхъ палатахъ до смерти, и его поймавъ сего Іюля въ 5-й день и казнили той же ночи Іюля противъ 6-го числа. Тѣло его, снявъ съ колеса, разсѣкли начет-

веро и развѣсили на полѣ отъ Неаполя по милѣ и по двѣ, чтобъ всѣмъ было во устрашеніе, чтобъ въ вицереевыхъ палатахъ никто никого не убивалъ.

Потомъ изъ вышеписаннаго шляхетскаго дому поѣхалъ я къ себѣ на остарію на послѣднемъ часу дня.

Іюля въ 6-й день. Поутру нанявъ карету, поѣхалъ я въ Езувитскій монастырь. Въ томъ монастырѣ церковь немалая изнутри убрана вся алебастромъ рѣзнымъ изрядно. Потомъ пришелъ въ палату, гдѣ Езувиты обѣдаютъ. Та палата великая убрана изрядно столярной работою орѣховымъ деревомъ, столовъ въ ней много, накрытыхъ изрядными чистыми скатертями, и положенъ хлѣбъ имъ на пищу зѣло изрядный, крупичатый самый бѣлый. Потомъ изъ той палаты вышедъ видѣлъ изрядную фонтану, которая сдѣлана изъ кремней и изъ раковинъ морскихъ предивною работою. Потомъ пришелъ въ аптеку, гдѣ убраны 5 палатъ аптекарскихъ многими лекарствы зѣло предивно. Потомъ пришелъ въ малую церковь, которая сдѣлана между келій предивнымъ мастерствомъ; стѣны и своды въ той церкви и престолъ сдѣланы хрустальные въ изрядныхъ рѣзьбахъ золоченыхъ. Въ той же церкви сдѣланы въ стѣнѣ три лампады, которыя непрестанно горятъ, заставлены великими круглыми хрусталями, и огонь тѣхъ лампадъ скрозь хрусталей видѣть, и въ церкви отъ нихъ свѣтлость, а копоти въ церкви отъ тѣхъ лампадъ не бываетъ. Изъ той церкви пришелъ въ тѣ палаты, гдѣ на Езувитовъ платья шьютъ и моютъ. Тѣ палаты немалыя и убраны шкафами изрядно. Въ тѣхъ палатахъ сдѣлана малая церковь, уборъ въ ней изрядный. Въ той церкви показывали мнѣ много мощей святыхъ, между которыми видѣлъ я нѣкотораго мученика отъ главы кость. Въ той кости одинъ гвоздь желѣзный великій, который тому мученику былъ прибитъ при мучителѣ во время страданія его за Христа, такъ и нынѣ есть въ той церкви. Изъ той церкви пришелъ въ библіотеку, гдѣ видѣлъ въ трехъ палатахъ множество книгъ, между которыми показали мнѣ книгу великую — гишторія Московская печатная на Латынскомъ языкѣ. Въ той книгѣ въ лицахъ напечатано городъ Москва, Кремль и Китай и Бѣлый городъ, и подписаны башни и рѣки, и улицы Славянскимъ языкомъ и литерами Славянскими жъ. Въ той книгѣ описано все Московское государство. Въ той же библіотекѣ видѣлъ два глобуса великихъ, одинъ небесный, другой земной. Изъ той библіотеки пришелъ въ новую библіотеку, которая еще не окончена. Та палата зѣло велика, изнутри всѣ стѣны той палаты обдѣланы орѣховымъ деревомъ предивною столярною работою, и подѣланы шкафы, въ которыхъ будутъ лежать книги. Изъ

той палаты пошедъ, видѣлъ въ палатахъ подѣланы три круга: однимъ кругомъ объявляетъ часы денные и ночные, другимъ кругомъ объявляетъ дни мѣсячные, третьимъ кругомъ показуетъ деклинацію солнечную; а инструменты, которыми тѣ круги дѣйствуютъ, приведены веревками съ другой стороны того монастыря отъ боевыхъ часовъ издалека. Потомъ видѣлъ палаты, въ которыхъ бываютъ у нихъ диспуты, также много школъ, въ которыхъ учатся студенты. Въ томъ монастырѣ бываетъ студентовъ полтораста человѣкъ и больше. Потомъ пошелъ въ погребы, гдѣ стоитъ вино; тамъ видѣлъ три погреба великихъ, въ которыхъ много бочекъ наполненныхъ разными изрядными вины. Тѣхъ бочекъ съ виномъ есть больше 2000. Потомъ изъ того монастыря поѣхалъ; Езувиты проводили меня до кареты. Въ тотъ монастырь приходитъ всякихъ доходовъ въ годъ по 18000 шкудовъ.

Пріѣхалъ въ монастырь Кармилитанскій, въ которомъ есть образъ чудотворный Пресвятыя Богородицы и образъ же распятія Христова наклоненнаго главою отъ пушечнаго ядра, о которомъ монастырѣ писалъ я въ сей книгѣ выше сего.

Въ томъ монастырѣ сего Іюля въ 6-й день есть по Римскому календарю праздникъ, и образъ Пресвятыя Богородицы чудотворная икона открыта, которую я сподобился видѣть. Въ томъ костелѣ слышалъ я музыки спѣванной и игранной; и потомъ во время обѣда пріѣхалъ паки къ себѣ въ остарію.

Обыкность въ Неаполѣ у праздниковъ подобна Московской. У той церкви, гдѣ праздникъ, торговые люди подѣлаютъ лавки и продаютъ сахары, и всякіе конфекты, и фрукты, и лимонады, и шербеты.

Того жъ числа послѣ обѣда пріѣхали ко мнѣ въ остарію Неаполитанцы-дворяне въ каретахъ и просили меня о томъ, чтобы я съ ними въ ихъ каретахъ поѣхалъ смотрѣть разныхъ наукъ, которымъ наукамъ учатся Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти, и я съ ними пріѣхалъ на одинъ дворъ, который построя держатъ изъ платы Езувиты. Тотъ дворъ длиненъ, а не широкъ, палатъ на немъ много, построены изряднымъ мастерствомъ въ высоту въ четыре жилья. Въ томъ домѣ всегда бываетъ учениковъ по 100 человѣкъ, а временемъ и больше и меньше Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей дѣти, а недворянской породы въ томъ домѣ никого нѣтъ и не принимаютъ. Въ томъ домѣ учатся прежде грамотѣ словесной и писать и полатыни и инымъ разнымъ наукамъ. Тутъ же учатся биться на шпадахъ по-гишпански со штылетами и безъ штылетовъ; тутъ же учатся играть бандерою, т. е. знаменемъ; тутъ

же учатся танцовать разныхъ танцевъ, тутъ же учатся ѣздить на лошадяхъ, тутъ же учатся скакать на лошади, не вступая въ стремя, изрядными штуками, и всѣмъ тѣмъ наукамъ учатся ученики по вся дни кромѣ Недѣли и праздниковъ. И если отдастъ кто въ тотъ домъ сына своего для наукъ, тотъ повиненъ за него платить Езувитамъ, которые тотъ домъ держатъ, по 9-ти шкудовъ въ мѣсяцъ. За тою платою того студента въ томъ домѣ будутъ кормить и поить, какая пища надлежитъ честнымъ людямъ, и постеля ему въ томъ домѣ будетъ изрядная, и учить его будутъ всѣмъ вышеписаннымъ наукамъ за тою жъ платою; а студенты въ томъ домѣ живутъ въ разныхъ палатахъ; которые лѣтъ по 10 и меньше — тѣ живутъ въ нижнихъ палатахъ, которые лѣтъ по 13 или 14—тѣ живутъ надъ ними въ особыхъ палатахъ; которые лѣтъ по 20 — въ особыхъ же палатахъ. И такъ тѣ студенты разобраны на 6 статей. Какъ я въ томъ домѣ пришелъ въ ту палату, въ которой учатся биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать, и черезъ лошадь скакать, въ той палатѣ для меня велѣли учители студентамъ своимъ биться на шпадахъ и знаменемъ играть, и танцовать разные танцы, и скакать черезъ лошадь, которая стоитъ въ тѣхъ палатахъ сдѣлана изъ дерева, и на ней сдѣлано сѣдло подобно Нѣмецкому сѣдлу. Та лошадь сдѣлана въ мѣру лошади Нѣмецкой немалой. И тѣ студенты зѣло меня удивили, какъ бились на шпадахъ и знаменемъ играли, и танцовали зѣло малолѣтніе ребятки лѣтъ по 10 или по 12; а въ наукахъ своихъ зѣло искусны, а паче удивленія достойно, какъ въ той палатѣ 4 человѣка изрядныхъ молодцовъ и честныхъ отцовъ дѣти скакали черезъ деревянную вышепомяненную лошадь, какими дивными штуками и какою легкостью, того описать подлинно невозможно. Потомъ я въ томъ домѣ ходилъ по тѣмъ палатамъ, въ которыхъ тѣ студенты живутъ; въ тѣхъ палатахъ поставлены имъ всякому человѣку особая кровать и постели изрядныя, всѣ покрыты зелеными сукнами, и у всякой кровати особая завѣса зеленая жъ. Въ тѣхъ же палатахъ поставлены длинные столы, на которыхъ тѣ студенты играютъ для забавы мячами. Потомъ пришелъ въ ту палату, въ которой тѣ всѣ вышеупомянутые студенты ѣдятъ; въ той палатѣ поставлены столы многіе, на которыхъ постланы скатерти изрядныя бѣлыя и тарелки, и ножи съ вилками, и ложки—все чистое изрядное, также полотенца бѣлыя всегда. И какъ я изъ тѣхъ палатъ сошелъ на дворъ, и на дворѣ вышеписанные студенты, которые того дни скончили алекци, играютъ великими мячами по обыкности Итальянской. И какъ я съ того двора пошелъ, и меня Езувиты и студенты съ почтеніемъ и съ любовью проводили.

Потомъ пріѣхалъ я на морской берегъ, гдѣ обыкновенно Неаполитанцы по вся дни гуляютъ въ каретахъ, также и жены и дѣвицы. Въ томъ мѣстѣ есть монастырь Кармилитанскій, въ которомъ сего Іюля въ 6 й день по Римскому календарю былъ праздникъ. Въ томъ мѣстѣ встрѣтился я съ Неаполитанскимъ вицереемъ, гдѣ онъ ѣздитъ и гуляетъ по морскому берегу въ каретѣ; съ нимъ въ каретѣ сидитъ противъ его капитанъ, Римскій шляхтичъ; за каретой его идутъ люди его, убранные въ цвѣтные атласные кафтаны по Гишпанской модѣ. И я ему отдалъ поклонъ, сидя въ каретѣ, также и онъ заимно мнѣ поклонился. За нимъ ѣздятъ слуги его въ каретахъ, по 4 человѣка сидитъ въ каретѣ.

По тому морскому берегу противъ Кармилитанскаго вышепомяненнаго монастыря, въ которомъ былъ того числа праздникъ, и изготовлена потѣха огненная изъ ракетъ, которую я пожелалъ видѣть, и пріѣхалъ на дворъ одного Неаполитанскаго сенатора, который называется капо-ди-трибунало, т.-е. голова надъ судьями. И сидитъ тотъ сенаторъ въ трибуналѣ на мѣстѣ короля Гишпанскаго. Изъ того дому смотрѣлъ я, какъ ту вышепомяненную огненную потѣху запалили, въ которой было много ракетъ верховыхъ, а паче много было ракетъ, привязанныхъ къ доскамъ, которыя рвало подобно пѣхотной стрѣльбѣ, и иныя штуки были изрядныя. Потомъ я изъ того дому, изъ котораго смотрѣлъ, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ.

Іюля въ 7-й день. По обѣдѣ пріѣхали ко мнѣ кавалеръ Мальтійскій да маркизъ Неаполитанскій, и взяли меня съ собою въ своихъ каретахъ гулять, и пріѣхалъ я съ ними въ домъ одного великаго Неаполитанскаго дука, который есть въ Неаполѣ судья. Великій тотъ его домъ сдѣланъ при морѣ на красовитомъ мѣстѣ, палаты сдѣланы вновь, еще и не докончены, числомъ палатъ зѣло много и пространны зѣло. Уборы въ палатахъ прединвныя, картины Итальянскихъ изрядныхъ писемъ и зеркалы великія, по которымъ писаны цвѣты и фрукты преславною живописною работою, также и иныхъ предивныхъ уборовъ въ тѣхъ палатахъ много. Того вышеписаннаго дука дѣти, три сына малые, первому сыну 12, другому 8, третьему 4 года; тѣ его три сына, веселя меня, пѣли при цимбалахъ по нотамъ и танцовали изрядно пофранцузски и зѣло удивительно, что и четырехъ-лѣтній младенецъ пѣлъ по нотамъ и танцовалъ пофранцузски. Потомъ пошелъ я въ садъ, въ которомъ много изрядныхъ деревъ плодовитыхъ и цвѣтовъ, и построенъ тотъ садъ предивно. Въ томъ саду много преславныхъ фонтанъ, пречудною работою сдѣланныхъ, изъ которыхъ изрядныя чистыя воды истекаютъ зѣло

штучно. Изъ того саду поѣхалъ я къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ. Того жъ числа Москвичи наши князь Михайло, князь Андрей Хилковы, нанявъ коляски, поѣхали изъ Неаполя назадъ въ Венецію; а я остался въ Неаполѣ, для того что имѣлъ намѣреніе ѣхать въ Мальтійскій островъ.

Городъ Неаполь подъ властію короля Гишпанскаго, стоитъ на ровномъ мѣстѣ при морѣ, близко одной высокой горы, на которой построена Неапольская фортеца каменная изрядною крѣпостью. По той горѣ по всей Неаполитанскихъ жителей домы и сады изрядные. Самый городъ Неаполь каменный, изряднымъ мастерствомъ построенъ, ворота проѣзжіе предивною пропорціею устроены, и домы всѣ въ Неаполѣ каменнаго строенія, а деревяннаго ничего нѣтъ. Палаты Неаполитанскихъ жителей модою особою, не такъ какъ въ Италии, въ иныхъ мѣстахъ подобятся много Московскому палатному строенію. Украшеніе въ палатахъ имѣютъ изрядное, обитья камчатныя и иныя всякія, а больше любятъ палаты убирать картинами изрядныхъ писемъ и зеркалами великими, а зеркалы ставятъ къ стѣнамъ на столахъ. Въ домахъ держатъ для забавы цимбалы и другіе мусикійскіе инструменты кромѣ органъ, а органъ кромѣ церквей въ домахъ не держатъ. Шкафы изрядные въ палатахъ ставятъ Неаполитанской работы и въ нихъ ставятъ вещи изрядныя изъ разныхъ матерій сдѣланы за стеклами для украшеній.

Въ Неаполѣ живетъ вицерей, т. е. подвластный король подъ державою Гишпанскаго короля, и присылаются тѣ вицереи отъ короля Гишпанскаго изъ Мадриту на 6 лѣтъ въ Неаполь; а который вицерей будетъ Неаполитанскимъ жителямъ потребенъ, тотъ бываетъ въ Неаполѣ вицереемъ и больше 6 лѣтъ по прошенію Неаполитанцевъ, а который вицерей Неаполитанскимъ жителямъ будетъ и непотребенъ, однако меньше 6 лѣтъ въ Неаполѣ не бываетъ. А посылаются въ Неаполь вицереями самые честные люди высокихъ породъ, и кого король Гишпанскій намѣритъ послать въ Неаполь вицереемъ, тотъ прежде повиненъ ѣхать изъ Мадриту отъ короля Гишпанскаго посломъ въ Римъ къ папѣ и жить у папы въ Римѣ 2 года безъ подмоги, на своемъ коштѣ, потомъ пріѣдетъ въ Неаполь вицереемъ. Тому Неапольскому вицерею отъ Неаполитанцевъ великая почесть, имѣютъ его за короля и во всемъ ему послушны, а доходовъ всякихъ приходитъ ему въ годъ 300000 шкудовъ. Которые городы надлежатъ провинціею къ Неаполю, какъ городы Баръ и Барлетъ и Манфредонъ и иные,—въ тѣ городы Неаполитанскій вицерей отпускаетъ отъ себя губернаторомъ, кого похочетъ.

Товарищъ вицерея въ Неаполь генералъ присылается изъ Мадриту жъ отъ короля Гишпанскаго надъ пѣхотою по землѣ и по морю, и живетъ тотъ генералъ въ Неаполѣ. Построенъ ему изрядный домъ, на которомъ много палатъ изрядныхъ, и караулъ у генеральскаго двора всегда стоитъ—капитанъ съ солдатами; однакожъ тотъ генералъ вицерею отдаетъ великую почесть и мало что не за государя его себѣ имѣетъ, также и дукамъ Неаполитанскимъ старымъ людямъ честныхъ породъ тотъ генералъ въ засѣданіи мѣсто уступаетъ; а вицерея имѣютъ себѣ всѣ за главу.

Пѣхоты въ Неаполѣ 500 человѣкъ солдатъ. Тѣ солдаты стоятъ на караулахъ у вицереева двора, также у генеральскаго двора и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ надлежитъ быть и ходятъ по всему Неаполю въ день и въ ночь, смотрятъ того, чтобъ не было дракъ и убивства, и никакого воровства не чинилось нигдѣ.

Платье носятъ въ Неаполѣ вицереи и всѣ честные люди, кто какою модою изволитъ, а больше любятъ строи Французскіе; а Гишпанское древнее платье носятъ марканты, т. е. купцы, и иные подлые люди и слуги сенаторскіе и шляхетскіе.

Платья Гишпанскаго мода особая: все черное зѣло короткое, штаны зѣло узкіе, рукава вдоль распороты, и сверху епанчи носятъ черныя жъ. Жены и дѣвицы Неаполитанскія носятъ уборы Французскіе и на головахъ носятъ уборы Французскіе жъ, а иныя и погишпански ходятъ съ непокровенными головами.

Неаполитанцы мужеска полу къ форестирамъ, т. е. къ иноземцамъ ласковы и привѣтны, а женскій полъ и дѣвицы имѣютъ нравы зазорные и скрываются подобно Московскимъ обычаямъ.

Честные люди въ Неаполѣ, также и жены ихъ и дочери, ѣздятъ въ каретахъ, а пѣши не ходятъ: то у Неапольцевъ подъ зазоромъ. А мужеска полу люди въ Неаполѣ верхомъ на лошадяхъ не ѣздятъ, старые и молодые—всѣ въ каретахъ и колясках, и каретъ и колясокъ въ Неаполѣ премногое множество.

Неаполитанскіе жители между собою съѣзжаются часто и живутъ зѣло любовно, а когда съѣдутся въ домъ, потчиваютъ другъ друга шербетами и лимонадами, а вина пьютъ мало винограднаго, а водокъ отнюдь не пьютъ, также и табаку дымового не курятъ, а носовой табакъ у всѣхъ Неаполитанцевъ изъ рукъ не выходитъ, и зѣло много его всѣ употребляютъ — мущины и женщины, и дѣвицы.

Пьянство въ Неаполѣ и блудный грѣхъ подъ великимъ зазоромъ и подъ страхомъ, и говорить о томъ Неаполитанцы гнушаются, не только что дѣлать.

Въ Неаполѣ въ самомъ мѣстѣ изрядныхъ монастырей разныхъ законовъ 160, а которые есть за городомъ и съ тѣми всѣхъ 300. Церквей приходскихъ въ Неаполѣ 400 слишкомъ, которыя зѣло изряднымъ украшены уборомъ и безмѣрно богаты.

Людей въ Неаполѣ, сказываютъ, всѣхъ 600000 человѣкъ служилыхъ и торговыхъ всякаго чину.

Лошадей въ Неаполѣ добрыхъ мало, а больше ѣздятъ въ каретахъ и колaскахъ на мулахъ, а работы всякія работаютъ на лошадяхъ. Рядовъ и лавокъ въ Неаполѣ зѣло много, и въ нихъ всякихъ товаровъ довольно, и харчу всякаго въ Неаполѣ много, мяса и рыбы, и всякой живности, а рыбы всѣ морскія, а рѣчныхъ рыбъ нѣтъ; а паче много въ Неаполѣ всякихъ изрядныхъ фруктовъ и зѣло дешевы, а лимоны въ Неаполѣ зѣло велики, какихъ величествомъ во всей Италіи нигдѣ нѣтъ, и зѣло дешевы.

Садовъ въ Неаполѣ множество изрядныхъ съ плодовитыми деревьями и цвѣтами, въ которыхъ множество фонтанъ изрядныхъ съ чистыми водами. По улицамъ и по домамъ фонтанъ въ Неаполѣ преславныхъ множество, которыя подѣланы изрядными штучными работами. Улицы въ Неаполѣ и переулки широкіе, всѣ вымощены лещадьми сѣраго твердаго камени, ровно и зѣло изрядно.

Мастеровыхъ всякихъ людей въ Неаполѣ множество, а паче много мастеровъ которые дѣлаютъ чулки шелковые, также вяжутъ шелковыя шапки спальныя и рукавицы, и штаны, и кафтаны вяжутъ шелковые съ золотомъ и серебромъ изрядною работою; однакожъ тѣ тамъ вещи не гораздо дешевы.

Много жъ мастеровъ, которые дѣлаютъ коробочки и иныя всякія вещи изъ черепахъ и нарѣзываютъ ихъ зототомъ и серебромъ, и раковинами, и костьми; также дѣлаютъ черепаховые ларцы великіе изряднымъ же мастерствомъ.

Домы сенаторскіе и шляхетскіе въ Неаполѣ серебромъ зѣло богаты; блюдъ, тарелокъ, рукомойниковъ и лаханей во всякомъ шляхетскомъ домѣ довольно, также шандаловъ серебрянныхъ и чашъ довольно жъ. Въ Неаполѣ жъ въ остаріяхъ ложки и черенья ножевые, и вилки, и солонки серебрянныя.

Въ Неаполѣ живетъ кардиналъ, который имѣетъ подъ своимъ региментомъ арцибискуповъ и бискуповъ, и апатовъ въ Неаполитанской области, а домъ того кардинала въ Неаполѣ близко соборнаго костела зѣло великъ, множество на немъ палатъ изрядныхъ и уборныхъ; и живетъ тотъ кардиналъ многолюдно; да и всѣ Неаполитанскіе жители честные люди живутъ не безлюдно, и за каретами

ихъ, когда сами и жены ихъ ѣздятъ, ходитъ пѣшихъ людей довольно подобно Московскому обыкновенію.

Въ Неаполѣ живетъ папежевъ нунціушъ, т. е. посолъ. Домъ его на великой улицѣ, палатъ множество предивныхъ и уборныхъ. Тотъ домъ сенатора Неаполитанскаго и отданъ во владѣніе нунціушу папежскому, а сенатору за тотъ домъ платятъ цѣну по чему доведется на годъ изъ королевской казны; а какъ тотъ нунціушъ поѣдетъ изъ Неаполя въ Римъ, и тотъ домъ по прежнему отдадутъ сенатору, чей онъ есть.

Остарій въ Неаполѣ, т. е. постоялыхъ дворовъ, много, а построены всѣ рядомъ въ одномъ переулкѣ лучшіе, а иные есть и по инымъ мѣстамъ небольшіе. Форестировъ, т. е. пріѣзжихъ иноземцевъ, въ Неаполѣ бываетъ мало для дальняго разстоянія.

Неаполитанцы носятъ волосы накладные короткіе особою модою, а больше любятъ ходить въ натуральныхъ волосахъ; а которые и носятъ накладные волосы и тѣ дѣлаютъ подобіемъ натуральныхъ волосъ; насилу можно познать, на комъ есть накладные волосы, а подлый народъ головы стригутъ до гола, только оставляютъ мало волосовъ по вискамъ, а дѣлаютъ то для великихъ жаровъ: въ Неаполѣ и во время зимы бываетъ зѣло тепло, и снѣгъ тамъ никогда не лежитъ на землѣ, всегда теплота, для того что Неаполь подъ 30 дней темпераментa и близокъ ко экватору, всего высокости на сорокѣ трехъ градусахъ, а въ лѣтѣ жары отъ солнца бываютъ въ Неаполѣ непомѣрные. Изъ Неаполя въ Мадритъ къ королю Гишпанскому посылается въ годъ казны всякихъ доходовъ 50000 дукатовъ, а кромѣ того иныхъ доходовъ съ Неаполя на Гишпанскаго короля никакихъ нѣтъ. Подъ властію Гишпанскаго короля есть такихъ 6 мѣстъ, въ которыхъ бываютъ вицереи, а изъ тѣхъ мѣстъ Неаполь числомъ второе мѣсто.

А не бывъ въ караванѣ генераломъ и не будетъ у папы въ Римѣ посломъ, не можетъ быть и вицереемъ; такая есть въ томъ обыкность: кто хочетъ быть вицереемъ, тотъ повиненъ прежде быть въ гармадѣ генераломъ, потомъ посломъ у папы въ Римѣ, потомъ будетъ вицереемъ, какъ о томъ писано въ сей книгѣ выше сего.

Въ Неаполѣ одна церковь Греческая, а служатъ въ ней попы уніаты, которые соединили Греческую вѣру съ Римскою, а самихъ Греческихъ церквей въ Неаполѣ нѣтъ, и Грековъ, которые бы были Греческой вѣры, въ Неаполѣ нѣтъ же, чтобъ которые жили домами, развѣ бываютъ пріѣзжіе для торговъ.

Іюля въ 8-й день. Нанялъ я себѣ филюгу, далъ за нее отъ Неа-

поля до Мальтійскаго острова и отъ Мальту до Неаполя и въ Мальтѣ за тою же платою стоять 15 дней всего 100 шкудовъ Неаполитанскихъ, того будетъ 40 золотыхъ червонныхъ. На той филюгѣ одна пиліота да 8 человѣкъ маринаровъ. И поѣхалъ я Іюля въ 8-й день отъ Неаполя въ Мальту въ той помяненной филюгѣ въ 6-мъ часу дня. Вѣтръ былъ намъ неспособный, однакожъ бѣжали парусомъ, а въ иныхъ мѣстахъ шли и на веслахъ и послѣ полудня пришли въ одно мѣсто, которое называется Пола, отъ Неаполя 24 мили Ит., и въ томъ мѣстѣ стояли 4 часа, убирались въ филюгѣ; а, убрався, отъ того мѣста за два часа до ночи пошли и пришли въ отдачу часовъ дневныхъ подъ село, которое называется Дольнарано, отъ вышеписанной остаріи, которая называется Пола, 16 миль Ит., и подъ тѣмъ селомъ Дольнарано ночевали. Отъ Неаполя по берегу морскому много жилыхъ мѣстъ строенія каменнаго и садовъ изрядныхъ, между которымъ строеніемъ по горамъ при морѣ построены многія башни каменныя на высокихъ мѣстахъ, башня отъ башни сажень по 100 и больше, и на тѣхъ башняхъ всегда стоитъ гвардія, т. е. караулъ, смотрятъ на море, чтобъ безвѣстно Турецкіе люди подъ Неаполь моремъ не пришли.

Іюля въ 9-й день. Изъ подъ села Дольнарано пошли на веслахъ, для того что вѣтру нималаго не было и до полудня того шли на веслахъ, а съ полудня почалъ быть намъ вѣтръ способный, и мы, учиня три паруса, побѣжали и пополудни вскорѣ поровнялись противъ города Салерны. Тотъ городъ стоитъ при морѣ, Неаполитанской провинціи, мѣсто есть великое. Въ томъ городѣ есть губернаторъ отъ Неаполя. Тотъ городъ разстояніемъ 60 миль Ит. Потомъ поровнялись противъ города Аропеля Неаполитанской же провинціи, отъ Неаполя 90 миль Ит., тотъ городъ стоитъ при морѣ подъ горами. Потомъ пріѣхали противъ города Неаполитанской же провинціи, который зовется Коштеля Делебода, отъ Неаполя 95 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ подъ горами жъ при морѣ. Потомъ пріѣхали противъ города Ляцерона, фортеца каменная, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами жъ. Тотъ городъ Ляцерона Неаполитанской провинціи, отъ Неаполя 110 миль Ит. И въ томъ мѣстѣ мы пристали за 4 часа до ночи и тутъ ночевали, для того что другого порту, т. е. пристанища, засвѣтло дойти не могли, а ночью итдтить подлѣ берега не можно, для того что гвардія, т. е. караулы на башняхъ, которыя башни построены по морскому берегу, въ ночи по филюгамъ, которыя близко берега ходятъ, стрѣляютъ, опасаясь того, чтобъ въ ночи тайно не прошли Турецкія суды.

Іюля въ 10-й день. На первомъ часу дня изъ подъ города Ляцерона мы пошли и плыли до 8-го часа дня на греблѣ и парусомъ, а въ 8-мъ часу того дни приплыли подъ городъ Камароду. Тотъ городъ Гишпанскаго короля, отъ города Ляцерона 45 миль Итальянскихъ, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное. Владѣетъ тѣмъ городомъ одинъ Неаполитанскій принципъ. Подъ тѣмъ городомъ мы пристали и стояли полчаса. Потомъ пошли на греблѣ, для того что вѣтру никакого не было, и приплыли противъ города Полюгаста. Тотъ городъ стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, во владѣніи тотъ городъ одного шляхтича Неаполитанскаго, отъ города Камарода 16 миль Ит. Отъ сего города Полюгаста началась Калабрія. Отъ Полюгаста 8 миль Ит. городъ Гишпанскій Маратея, стоитъ на берегу морскомъ подъ горами. Строеніе въ тѣхъ городахъ все каменное. Потомъ за часъ до ночи пріѣхали подъ городъ Шкалею, который стоитъ при морѣ по горѣ; мѣсто невеликое, строеніе все каменное. Отъ города Маратеи до сего города Шкалеи 18 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ есть въ Калабріи въ области Гишпанскаго короля; подъ тѣмъ городомъ мы ночевали.

Ѣхавъ отъ города Маратеи къ городу Шкалеѣ видѣлъ я въ морѣ недалеко отъ насъ превеликую рыбу, чтò называется китъ, которая долго плавала поверхъ воды и прыскала воду морскую вверхъ на многія сажени зѣло высоко. Величествомъ та рыба какъ великій насадъ, мѣрою сажень 30 или больше въ длину и толста безмѣрно; а какъ играла поверхъ воды и хвостъ кверху подымала, тотъ ея хвостъ величествомъ подобенъ хороминѣ.

Іюля въ 11-й день. За полчаса до свѣту отъ того города Шкалеи мы пошли, вѣтръ намъ былъ способный, и бѣжали двумя парусами, а прибѣжали въ часъ дни противъ города Тризули отъ Шкалеи 8 миль Ит. Тотъ городъ небольшой, стоитъ при морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное.

Потомъ пріѣхали противъ города Мажара, отъ Тризули одна миля Итальянская. Тотъ городъ стоитъ также при морѣ, строеніе все каменное, городъ невеликъ. Потомъ пріѣхали противъ города Череля, отъ Мажара одна миля Ит. Городъ Черель стоитъ на берегу моря подъ горами, строеніе въ немъ все каменное. Тотъ городъ небольшой, а всѣ тѣ городы Гишпанскаго короля въ Калабріи.

Потомъ пріѣхали противъ города Діаманта, отъ Череля 3 мили Итальянскихъ, стоитъ при морѣ на горѣ, строеніе въ немъ все ка-

менное. Тотъ городъ Гишпанскаго жъ короля, въ Калабріи жъ, владѣетъ имъ одинъ Неаполитанскій дворянинъ. Тотъ городъ немалый, около его много садовъ съ оливнымъ деревьемъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Беллявода. Тотъ городъ въ Калабріи жъ Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при самомъ морѣ, отъ Діаманта 6 миль Ит., строеніе въ немъ все каменное. Потомъ пріѣхали противъ города Люшитраля. Тотъ городъ Гишпанскаго жъ короля въ Калабріи, стоитъ по горѣ при самомъ морѣ, строеніе въ немъ все каменное, отъ Беллявода 14 миль Ит. Тотъ городъ невеликъ, однакожъ строенъ, на веселоватомъ мѣстѣ поставленъ. Промежъ городомъ Белляводомъ и городомъ Люшитралемъ есть одна гора великая, по которой много плодовитаго деревья, и множество на той горѣ всякихъ родится фруктовъ изрядныхъ, какихъ во всей Италіи и въ иныхъ мѣстахъ мало гдѣ обрѣтается. Потомъ пріѣхали противъ города Фешкавда, отъ Люшитраля 14 миль Ит. Тотъ городъ въ той же Калабріи Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ на высокой горѣ, строеніе все въ немъ каменное, около его по горамъ много лѣсовъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Павло въ той же Калабріи, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ въ полугорѣ въ зѣло изрядномъ мѣстѣ, строеніе въ немъ все каменное. Около того города по горамъ много лѣсовъ, подъ тѣмъ городомъ сдѣланъ и подъ горы къ воротамъ того города каменный великій мостъ въ длину сажень 70 и больше. Тотъ городъ отъ Фешкавда 3 мили Итальянскихъ.

Пототъ пріѣхали противъ города Сантолюцета въ той же Калабріи, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, отъ Павло до Сантолюцета 4 мили Ит. Около его по горамъ есть пашни, по которымъ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города Шумуфринта, отъ Сантолюцета 10 миль Ит., стоитъ при самомъ морѣ зѣло на высокой каменной горѣ на веселомъ мѣстѣ въ той же Калабріи, того жъ Гишпанскаго короля, строеніе въ немъ все каменное. При одной сторонѣ на высокой каменной горѣ построены палаты великія изрядной препорціи. При томъ городѣ много живутъ рыболововъ.

Потомъ пріѣхали противъ города Беллямунда. Тотъ городъ Гишпанскаго жъ короля, въ Калабріи жъ, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, а замокъ того города на высокой горѣ; около того города горы каменныя, никакихъ плодовитыхъ деревъ на нихъ нѣтъ. Тотъ городъ отъ Шумуфринта 6 миль Итальянскихъ.

Потомъ пріѣхали къ городу Лябантею, отъ Беллямунда одна миля Ит. въ той же Калабріи, Гишпанскагожъ короля, стоитъ при морѣ по горѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ немалъ. Въ томъ городѣ живетъ губернаторъ, Неаполитанскій дворянинъ. Приплыли мы подъ тотъ городъ на послѣднемъ часу дни, подъ тѣмъ городомъ и ночевали.

Во всей Калабріи промежъ вышеписанныхъ городовъ, которые городы сидятъ по берегу морскому, много есть по горамъ и подъ горами при самомъ морѣ жилья строенія каменнаго и садовъ, и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы по горамъ. Города Лябантея фортеца каменная зѣло на высокой каменной горѣ древняго строенія, и подо всѣмъ подъ тѣмъ городомъ гора каменная къ морю зѣло крутая, на которую отъ моря невозможно никакому животному взойтить. Около того города есть сады и жилье по самому морскому берегу.

Іюля въ 12-й день. За два часа до свѣту изъ подъ Лябантея пошли мы на греблѣ, а потомъ шли парусомъ и на веслахъ паки и пришли противъ города Люпица. Тотъ городъ стоитъ при морѣ на берегу подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, въ той же Калабріи, Гишпанскаго короля, отъ Лябантея 40 миль Итальянскихъ.

Потомъ пріѣхали мы противъ города Трубея въ Калабріи жъ, Гишпанскаго короля, отъ Люпица 18 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ при самомъ морѣ на берегу морскомъ, строеніе въ немъ все каменное, городъ немалъ; около его есть по горамъ лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы. Подъ тѣмъ городомъ мы не стояли, проплыли его мимо пополудни.

Потомъ приплыли къ городу, который называется Чоя, отъ Трубея 25 миль Ит. Тотъ городъ въ той же Калабріи, Гишпанскаго короля, стоитъ при морѣ подъ горами, около его есть по горамъ лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ приплыли къ городу Любонару, отъ Чоя 14 миль Ит. Тотъ городъ въ Калабріи жъ, Гишпанскаго жъ короля, стоитъ при самомъ морѣ на берегу подъ горами, строеніе въ немъ все каменное, городъ невеликъ; около его по горамъ есть лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали во второмъ часу ночи къ Цицилійскому острову, гдѣ издалека увидѣли на одной башнѣ, которая построена на томъ Цицилійскомъ берегу при самомъ морѣ, для сторожи, фонарь поставленъ высоко, и запалены въ немъ свѣчи для того, чтобъ желающіе на Цицилійскомъ острову ѣхать въ ночи по морю имѣ-

ли бъ правую себѣ дорогу, смотря тотъ фонарь. Отъ города Любонара до того Цицилійскаго острова 12 миль Ит. И какъ мы пріѣхали въ то мѣсто, гдѣ намъ по правую сторону былъ Цицилійскій островъ, а по лѣвую сторону Калабрія и ночевали подъ селомъ Торнадафора, въ томъ селѣ живутъ все рыболовы. Отъ вышепомяненной башни, на которой стоитъ въ ночи фонарь съ запаленными свѣчами, то село Торнадафора 3 мили Ит., и, ночевавъ подъ тѣмъ селомъ, видѣли страхъ въ ночи: нашу филюгу съ якоря сорвало и отнесло въ море, гдѣ съ великимъ трудомъ и страхомъ черезъ великую силу спаслись и паки на томъ же мѣстѣ поставили филюгу свою на два якоря.

Іюля въ 13-й день. Рано за часъ до свѣту изъ подъ того села пошли и на первомъ часу дни пришли подъ городъ Мисину, отъ того вышепомяненнаго села 12 миль Ит., а шли того времени подлѣ берега Цицилійскаго острова, гдѣ видѣлъ до самой Мисины по берегу много жилья, строеніе все каменное, также и садовъ много по тому жъ берегу. Между Цицилійскимъ островомъ и Калабріею море гораздо узко, всего верстъ на 6, а въ иныхъ мѣстахъ шире и уже.

Городъ Мисина на Цицилійскомъ острову стоитъ при самомъ морѣ по морскому берегу. Городъ Мисина—мѣсто великое, строеніе все каменное. И пріѣхавъ мы въ филюгѣ своей, пристали подъ самымъ городомъ Мисиною, гдѣ пришелъ къ намъ одинъ человѣкъ Мисинецъ и сказалъ намъ, чтобъ съ филюги нашей никто на берегъ не выходилъ, покамѣстъ осмотритъ кавалеръ, который на то устроенъ, практики моей, которую я взялъ изъ Неаполя, т. е. проѣзжихъ моихъ листовъ. И я стоялъ въ филюгѣ 4 часа, дожидаясь отъ того помяненнаго кавалера указу, для того что тотъ кавалеръ спалъ долго дня; а, смотря тотъ кавалеръ моихъ проѣзжихъ листовъ, далъ мнѣ свободу идтить съ филюги въ городъ Мисину, только по обыкности своей, что̀ было у насъ въ филюгѣ ружья моего и маринерскаго, то ружье все и отъ филюги сапецъ *) взяли у насъ къ тому вышеписанному кавалеру во дворъ за караулъ; а дворъ того кавалера построенъ на берегу моря; въ томъ мѣстѣ подъ его дворомъ всякій форестиръ, т. е. иноземецъ, пріѣхавъ въ Мисину, повиненъ съ судномъ своимъ пристать. И какъ я, отъ того кавалера взявъ себѣ позволеніе пошелъ въ городъ и пришедъ сталъ въ остаріи или на постояломъ дворѣ, которая остарія называется Францезе Аврора, гдѣ мнѣ отвели одну камору со стулами и съ кроватью, и съ постелью и столомъ. Противъ самаго города Мисины на другой сторонѣ моря въ Калабріи городъ Гишпанскаго жъ короля Риджо.

---

*) ? П. Б.

Тотъ городъ стоитъ при морѣ подъ горами и есть мѣсто немалое, строеніе въ немъ все каменное.

Городъ Мисина на Цицилійскомъ берегу первое мѣсто и зѣло велико, множество въ немъ домовъ предивнаго строенія, также много костеловъ и монастырей изрядныхъ, въ которыхъ живутъ законники и законницы разныхъ законовъ, а все одной Римской вѣры. Въ Мисинѣ жъ церковь Греческая во имя св. великомученицы Екатерины, другая церковь Греческая жъ во имя св. Марины. Въ тѣхъ двухъ церквахъ самая Греческая вѣра, а третья церковь уніатская во имя святителя Николая. Въ той церкви алтарь сдѣланъ подобіемъ какъ въ Греческихъ церквахъ, а престолъ въ алтарѣ сдѣланъ подобіемъ Римской церкви. Иконы писемъ Греческихъ, и надъ престоломъ поставленъ образъ Чудотворца Николая письма Греческаго.

Городъ большой каменный, сдѣланъ новою модою съ бастіонами, изрядною крѣпостью, одна сторона къ морю, а другая къ горамъ; а малыхъ фортецъ, т.-е. замковъ въ Мисинѣ 8 отъ горъ и съ моря, подѣланы новою жъ модою со изрядными крѣпостьми.

При морѣ построенъ домъ, который называется арсиналъ, на томъ дворѣ дѣлаютъ всякія морскія суды. По берегу морскому на многихъ саженяхъ построены предивнымъ мастерствомъ изрядныя великія палаты въ четыре жилья вверхъ, также и во всемъ городѣ Мисинѣ домы и палаты изряднаго строенія. Городъ Мисина зѣло люденъ, и много въ немъ рядовъ лавокъ и товаровъ всякихъ, а наипаче много караяковъ*) красныхъ великихъ и малыхъ, также и мастеровыхъ всякихъ людей въ Мисинѣ довольно.

Та Мисина и всѣ городы, которые есть на Цицилійскомъ берегу, подъ властію Гишпанскаго короля, и народъ въ Мисинѣ Гишпанскій и говорятъ всѣ Итальянскимъ языкомъ.

Въ Мисинѣ живетъ вицерей, т.-е. наказной король отъ Гишпанскаго короля присылается подобно тому, какъ и въ Неаполѣ, и управленіе въ Мисинѣ все Гишпанское.

Въ Мисинѣ дворянъ и честныхъ людей Гишпанцевъ много, живутъ домами, платье носятъ Гишпанской моды, также и жены ихъ и дѣвицы ходятъ погишпанскому. Честные люди ѣздятъ въ каретахъ, а марканты, т.-е. купцы, ходятъ пѣши. Монеты, т.-е. деньги въ Мисинѣ ходятъ серебрянныя и мѣдныя особыя Цицилійскія, не такія какъ въ Неаполѣ, и кромѣ Цицилійскаго и Мальтійскаго острововъ та монета нигдѣ не ходитъ. Харчъ всякій въ Мисинѣ, мясо и рыба, и хлѣбъ, и фрукты, т.-е. гроздіе, не дорого, и есть того всего довольно.

Народы въ Мисинѣ есть разные: Французы и Греки и Цыгане,

*) ? П. Б.

которые забавляются, а паче жъ питаются исконнымъ своимъ мастерствомъ кузнечествомъ, живутъ безъ домовъ, сидятъ по улицамъ наги и работаютъ.

Противъ города Мисины въ морѣ сдѣлана башня, на той башнѣ стоитъ фонарь наверху, и въ ночи всегда въ томъ фонарѣ бываетъ огонь для пріѣзжихъ въ Мисину, чтобъ видѣть было, гдѣ есть портъ. Народъ Гишпанскій въ Мисинѣ гордый и къ пріѣзжимъ форестирамъ, т.-е. иноземцамъ, непривѣтливъ. Домъ вицереевъ въ Мисинѣ великій, построенъ на морскомъ берегу, и караулъ у вицереева двора стоитъ какъ и въ Неаполѣ. Солдатъ въ Мисинѣ только 400 человѣкъ, живутъ на вицереевой платѣ, также и офицеры, т.-е. начальные люди, у пѣхоты, живутъ на вицереевой же платѣ.

Съ пріѣзду въ Мисину у воротъ придѣланъ пристѣнъ каменный, въ томъ пристѣнѣ стоятъ 8 пушекъ желѣзныхъ великихъ къ морю дулами; въ томъ же пристѣнѣ стоитъ и гвардія, т.-е. караулъ. При Мисинѣ сдѣланъ домъ великій въ морѣ, который называется лазаретъ, строеніе каменное. Въ томъ лазаретѣ много поставлено палатъ, а построенъ тотъ домъ для того: когда волею Божіею въ Месинѣ бываетъ моровое повѣтріе или иныя болѣзни прилипчивыя къ людямъ, какъ есть фебрамалинга или франки, и иныя тому подобныя, тогда тѣхъ болящихъ изъ Мисины вывозятъ въ тотъ лазаретъ и тамъ ихъ лечатъ и которые люди пріѣзжаютъ въ Мисину съ Леванту, т.-е. съ Востоку, тѣхъ людей держатъ въ томъ лазаретѣ 40 дней и не спускаютъ ихъ въ городъ и къ нимъ никого не пускаютъ же, опасаясь того, что на Востокѣ бываетъ часто моровое повѣтріе.

Съ одной стороны города Мисины сдѣлана фортеца, которая называется цитаделя. Первая фортеца въ Мисинѣ сдѣлана отъ моря изряднымъ крѣпкимъ мастерствомъ. Въ томъ замкѣ великихъ и малыхъ 700 пушекъ. Та фортеца сдѣлана новою модою съ бельвардами зѣло изрядно и крѣпко. Подъ Мисиною портъ, т.-е. пристанище морскимъ судамъ, зѣло велико и угодно до входу въ него всякимъ судамъ.

Іюля въ 14-й день. Поутру рано изъ Мисины мы поѣхали; вѣтру способнаго намъ не было, шли на греблѣ, потомъ припалъ вѣтръ способный и немалый, и мы бѣжали парусомъ. Всѣхъ было насъ 20 филюгъ и бѣжали всѣ вмѣстѣ, а потомъ припалъ вѣтръ безмѣрно великъ, и почало филюги отрывать отъ берегу въ море, и въ маломъ времени филюги всѣ разнесло, что ни одна другой видѣть не могли. Тутъ былъ намъ превеликій страхъ, для того что филюга наша была не обвязана пуками по обыкновенію, а отъ береговъ оторвало насъ въ море далеко, и насилу отъ потопленія

спаслися силою Божіею и прибѣжали къ городу Ляшкалету, отъ Мисины 12 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ при морѣ на горѣ, строеніе въ ней все каменное, а стоитъ на томъ же Цицилійскомъ острову, а Калабрія у насъ осталась влѣвѣ. Отъ Мисины до Ляшкалета по морскому берегу на Цицилійскомъ острову по горамъ и и подъ горами много жилья строенія каменнаго, и монастыри есть при морѣ по горамъ. Потомъ пріѣхали подъ городъ Мацу, отъ Ляшкалета 2 мили Ит. Тотъ городъ стоитъ на Цицилійскомъ же острову при самомъ морѣ промежъ горъ, строеніе въ немъ все каменное, мѣсто небольшое, около его по горамъ лѣса небольшіе и пашни есть малыя, по которымъ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города на Цицилійскомъ же острову, который называется Сантолія, стоитъ при самомъ морѣ внизу промежъ горъ, а фортеца его на горѣ. Мѣсто невеликое, строеніе въ немъ все каменное, отъ города Маца 4 мили Ит. Около того города по горамъ небольшіе лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ хлѣбъ. Промежъ городовъ Мацею и Сенцоліею есть жилья немало и строенія каменнаго по морскому берегу и по горамъ.

Потомъ пріѣхали противъ города, который стоитъ при морѣ на горѣ на томъ же Цицилійскомъ острову и называется Савана, мѣсто немалое. Тотъ городъ между великихъ горъ, строеніе въ немъ все каменное, отъ Сантолія 6 миль Ит. Около сего города по горамъ и подъ горами много жилья строенія каменнаго. По тѣмъ же горамъ лѣса мелкіе и пашни есть небольшія, по которымъ сѣютъ пшеницы. Потомъ пріѣхали противъ города на томъ же Цицилійскомъ острову, который называется Сантолезина, отъ Савана 6 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ при морѣ подъ высокими горами, около его строенія каменнаго много, также и въ немъ строеніе все каменное; около его по горамъ лѣса мелкіе и пашни есть небольшія, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города Аллядора, отъ Санталезина 4 мили Ит. Тотъ городъ на томъ же Цицилійскомъ острову стоитъ при морѣ подъ горами, по которымъ горамъ есть мелкіе лѣса и пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали противъ города Далормина на Цицилійскомъ острову, отъ Аллядоро 2 мили Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ при морѣ на верху высокой горы. Городъ невеликъ, а зѣло красивъ, на веселоватомъ мѣстѣ построенъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное, около его по горамъ лѣса мелкіе и пашни, которыя насѣяны пшеницею.

Потомъ за часъ до ночи пришли подъ городъ Лятрецу, на

томъ же Цицилійскомъ острову, стоитъ при самомъ морѣ подъ горами, мѣсто самое малое, строеніе въ немъ все каменное. Тотъ городъ отъ Далормина 30 миль Итальянскихъ. Подъ тѣмъ вышеписаннымъ городомъ Лятрецею портъ, т.-е. пристанище всякимъ морскимъ судамъ. Около того города Лятрецы лѣса мелкіе и пашни есть, на которыхъ сѣютъ пшеницы. Подъ тѣмъ городомъ мы ночевали; сего числа былъ на морѣ вѣтръ великій способный намъ и неспособный, часто измѣнялъ дыханіе, и погода была презѣльно великая, отъ которой мы были въ превеликой трудности и въ смертномъ страхѣ.

Іюля въ 15-й день. За два часа до свѣту изъ подъ Лятрецы мы пошли на веслахъ и на разсвѣтѣ пришли противъ города, который называется Катанія, отъ Лятрецы 10 миль Ит. Городъ Катанія зѣло великъ, стоитъ на берегу морскомъ на ровномъ мѣстѣ на томъ же Цицилійскомъ острову, строеніе въ немъ все каменное изрядное, около его по полямъ много пашенъ, гдѣ сѣютъ пшеницы. И какъ мы противъ того города поровнялись, къ намъ припалъ вѣтръ способный, гдѣ мы, поднявъ парусы, бѣжали прытко.

Потомъ пріѣхали противъ города Ляндина, тотъ городъ—мѣсто зѣло велико, вдвое больше города Неаполя, стоитъ на горахъ отъ моря въ восьми миляхъ Итальянскихъ на томъ же Цицилійскомъ острову, отъ Катаніи 20 миль Ит. Въ томъ городѣ строеніе все каменное и зѣло тотъ городъ многолюденъ. Въ томъ городѣ начальствуетъ принципъ де-Батера, т.-е. князь Батеринскій, а служитъ тотъ князь Гишпанскому королю.

Потомъ пріѣхали противъ города Авосты, отъ Ляндина 20 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ на томъ же Цицилійскомъ острову стоитъ по берегу морскому на ровномъ мѣстѣ подъ горами, мѣсто немалое. По обѣ стороны того города построены двѣ фортецы изрядныя и весь тотъ городъ строенія каменнаго. Подъ тѣмъ городомъ портъ, еже есть пристанице судовъ морскихъ изрядное, въ которомъ могутъ приставать корабли и галеры, и всякія суды. Около того мѣста по горамъ и по ровнымъ мѣстамъ многія есть пашни, на которыхъ сѣютъ пшеницы. Прежъ сего времени за 7 лѣтъ въ томъ городѣ было трясеніе земли, въ то время подъ тѣмъ городомъ стояла въ пристани одна галера Мальтійская, на которой было Мальтійскихъ кавалеровъ и маринеровъ всего 40 человѣкъ, и во время трясенія земли ту галеру опрокинуло, и бывшіе на немъ кавалеры и маринеры всѣ 40 человѣкъ погибли, ни одинъ изъ нихъ не спасся.

Потомъ пріѣхали противъ города Сиракозы, отъ Авосты 20 миль Ит. Тотъ городъ стоитъ на самомъ берегу морскомъ на ров-

номъ мѣстѣ на томъ же Цицилійскомъ острову. Городъ немалъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное, построенъ тотъ городъ новою модою, весь каменный съ бельвардами, изрядною крѣпостью; около его по ровнымъ мѣстамъ пашни есть многія, на которыхъ сѣютъ пшеницу, подъ тѣмъ городомъ портъ, т.-е. пристанище. Отъ Авосты до Сиракозы по берегу морскому по ровнымъ мѣстамъ и по горамъ немало есть жилья строенія каменнаго. Подъ тѣмъ городомъ видѣли мы двѣ галеры Мальтійскія, которыя ѣздятъ всегда по Медитеранскому морю отъ Мальту до Цицилии и отъ Цицилии до Мальту и кругомъ того Цицилійскаго острова. Тѣ галеры ходя ищутъ того, гдѣ бъ могли наѣхать на Турецкихъ людей и, ежели гдѣ наѣдутъ, тутъ съ ними бьются, буде имъ будетъ въ силу, въ какихъ бы судахъ Турки ни были, для того, чтобъ изъ Цициліи до Мальту, также изъ Мальту въ Цицилію проѣздъ былъ христіанамъ свободный; однакожъ въ тѣхъ мѣстахъ Турковъ бываетъ всегда много въ галіотахъ, и въ галерахъ, и въ корабляхъ, и въ тартанталахъ, и въ фустахъ и въ иныхъ судахъ; а паче много бываетъ Турковъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ переѣзжаютъ отъ Цициліи до Мальту; чрезъ море того мѣста есть отъ Цициліи до Мальту 80 миль Итальанскихъ.

Потомъ пріѣхали къ городу, на томъ же Цицилійскомъ острову, стоитъ при морѣ на ровномъ мѣстѣ близко горъ, строеніе въ немъ все каменное, городъ небольшой, отъ Сиракозы 20 миль Итальянянскихъ. Около того города по горамъ и по ровнымъ мѣстамъ много есть пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы, есть и сѣнокосныя мѣста. Подъ тѣмъ городомъ мы ночевали. Въ томъ городѣ много живутъ рыболововъ, которые ловятъ въ морѣ великія и малыя рыбы и солятъ въ кадяхъ, а иныя вялятъ соленыя жъ рыбы и отвозятъ продавать въ Мисину и въ иные городы, которые суть на Цицилійскомъ острову. Подъ тѣмъ городомъ встрѣтили мы одну филюгу, въ которой ѣхали Гишпанцы и сказали намъ, чтобъ мы ѣхали въ Мальтъ опасно, для того что они видѣли близко того города 4 корабля Турецкихъ; также и жители того города намъ сказывали, что они всегда видаютъ близко своего города Турецкихъ людей, и сего Іюля 14 дня видѣли подъ своимъ городомъ три корабля Турецкихъ, которые ходятъ по Медитеранскому, т.-е. по Бѣлому, морю и смотрятъ, чтобъ могли поймать христіанъ, проѣзжихъ изъ Цициліи до Мальту, и всегда Турецкіе люди на Мальтійской дорогѣ бываютъ и добываются.

ДВѢ ГРАМОТЫ

ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО

въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь [1])

1580 и 1582 годовъ.

1.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Суздаль въ нашу богомолью, во обитель Покрова Святѣй Богородицы, дѣвича монастыря, богомолицѣ нашей игуменьѣ Леонидѣ съ сестрами. Здѣсь на насъ идетъ недругъ нашъ Литовскій король со многими силами, и мы къ нему посылали о миру и съ покореніемъ, и онъ съ нами мириться не хочетъ, а на нашу землю идетъ ратью. И вы бъ пожаловали, молили Господа Бога и Пречистую Богородицу, и великихъ чудотворцевъ, и всѣхъ святыхъ, чтобъ Господь Богъ отворотилъ праведный Свой гнѣвъ, движущійся на ны, и православнаго бъ крестьянства державу сохранилъ мирну и цѣлу, недвижиму и непоколебиму, а православному бъ крестьянству побѣду далъ на вся видимыя и невидимыя враги. А мы вамъ, богомолицамъ своимъ, челомъ бьемъ, а милостыни есми къ вамъ послали шестнадцать рублёвъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7088 Августа въ 12 день.

*

Наоборотѣ столбца адресъ: «Въ Суздаль въ нашу богомольню, въ обитель Покрова Святѣй Богородицы дѣвича монастыря, богогомолицѣ нашей игуменьѣ Леонидѣ съ сестрами».

2.

Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича въ Суздаль Покровскаго дѣвича монастыря игуменьѣ Леонидѣ, еже о Христѣ съ сестрами. Подалъ намъ грамоту слуга вашъ Андрѣй Бѣлинъ невѣжливо; и вы бъ впредъ къ намъ слугъ съ грамотами о такихъ дѣлѣхъ не присылали, а велѣли отдавати нашимъ ближнимъ людемъ, а они ихъ до насъ доносятъ. А старицѣ Александрѣ [2]) послали есми на келью съ тѣмъ же слугою съ Андрѣемъ пятнадцать рублёвъ. Писано на Москвѣ, лѣта 7090 Августа въ 30 день.

*

На оборотѣ столбца адресъ: «Покровскаго дѣвича монастыря игуменьѣ Леонидѣ, еже о Христѣ, съ сестрами».

(Сообщилъ А. Леонидъ).

---

[1]) Извѣстно, что Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь служилъ пріютомъ для невольныхъ постриженицъ знатныхъ лицъ женскаго пола. Тутъ жили и скончались: первая супруга царевича Іоанна, Евдокія (въ иноч. Александра) и царица Евдокія Θеодоровна (въ иноч. Елена), супруга Петра Перваго.

[2]) Старица Александра, въ мірѣ Евдокія Богдановна Сабурова, первая супруга царевича Ивана Ивановича съ 1571 г. Ноября 4-го, пострижена 1575 † въ Покровскомъ же монастырѣ 1614 г. въ Октябрѣ.

О семействѣ пастора Глюка.

Въ Сентябрѣ 1741 года, совѣтникъ коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ Эрнестъ Готлибъ Глюкъ подалъ въ Сенатъ челобитье о выдачѣ ему и потомкамъ его диплома на дворянство и герба.

Челобитчикъ самолично показалъ въ Герольдмейстерской Конторѣ, что ему отъ роду 43 года, что онъ природный Лифляндецъ и родился въ Лифляндіи, въ крѣпости Маріенбургѣ. А отецъ его, Эрнестъ Глюкъ, былъ въ этой крѣпости „препозитусомъ", и въ прошломъ-де 704 году, въ бытность свою въ Москвѣ, умре. А мать его, „Крестина, была фонъ-Рекстернова роду, Лифляндскаго шляхетства". „И оной матери его, челобитчика, по указу Е. И. В. Императора Петра Великаго, за службу упомянутаго отца его, опредѣлено было денежнаго жалованія его по 300 рублевъ повсягодно, да въ общее владѣніе съ зятемъ его, контръ-адмираломъ Никитою Петровичемъ Вильбоимъ, въ Лифляндіи, въ Дерптскомъ уѣздѣ, деревня Айя, въ которой, въ прошломъ 1740 году, оная мать челобитчика Крестина умре".

Эрнесту Готлибу Глюку проектированъ былъ такой гербъ: „Золотой крылатый шаръ; на шарѣ стоящее Счастіе или Фортуна".

Изготовленные гербъ и дипломъ почему-то не были конфирмованы, и только въ 1781 году Сенатъ положилъ слѣдующую резолюцію: „1745 года Марта 15 дня велѣно было сочиненный Глюку дипломъ предложить къ подписанію Ея Императорскаго Величества, когда она изволитъ быть въ Сенатѣ. А какъ на нынѣшнее время оной дипломъ уже не служитъ, то оное дѣло и отдать въ Архивъ".

Сообщено А. П. Барсуковымъ.

ПИСЬМА ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПАНИНА КЪ БРАТУ ЕГО ГРАФУ НИКИТѢ ИВАНОВИЧУ.

Пресѣкшійся нынѣ въ мужскомъ поколѣніи родъ графовъ Паниныхъ *) составлялъ славу Русскаго имени въ новомъ періодѣ нашей исторіи. То были люди душесильные и полные государственнаго смысла. Развитое въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства оправдывалось неукоризненною службою государству и непрестанною заботливостью не о своемъ только положеніи и выгодахъ, но и о благѣ отечества. Они служили не изъ жалованья, которое шло на ихъ карманныя траты, и это не отъ избытка личныхъ доходовъ (первые трое Панины были не очень богаты), а отъ того, что чуждались роскоши и были домовиты. Преданные государямъ, они не боялись говорить имъ правду и готовы были покинуть занимаемое мѣсто, коль скоро дальнѣйшее служеніе не согласовалось съ тѣмъ, что̀ считали они правдою. Имъ было куда уйти изъ службы: ихъ окружала тѣсно-сплоченная, многочисленная родня; сослуживцы и подчиненные имъ чиновники дорожили ими; домочадцы и крѣпостные люди чувствовали ихъ заботу о себѣ и платили имъ за нее не только трудомъ своимъ, но и преданностью. Словомъ они были крѣпки странѣ и своей землѣ вполнѣ своеземны, любя въ тоже время просвѣщеніе и принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени.

Панины были старинные Калужскіе дворяне, предокъ которыхъ нѣкогда (можетъ быть, съ Софьею Палеологъ) выѣхалъ изъ Лукки.

Панинское имя прославлено въ прошломъ столѣтіи братьями Никитою и Петромъ Ивановичами (получившими 22 Сентября 1767 года отъ Екатерины Великой Русское графство), сыновьями одного изъ

---

*) Въ Іюлѣ 1872 года скончался графъ Владиміръ Викторовичъ (единственный сынъ министра юстиціи, графа Виктора Никитича), не оставивъ сына.

сподвижниковъ Петра Великаго, дослужившагося еще при немъ до генеральскаго чина, Ивана Васильевича (р. 1673 † 1736) и Аграѳены Васильевны Еверлаковой (р. 1688 † 1753), которая была племянницею князя А. Д. Меншикова. Она не разлучалась съ мужемъ въ многочисленные его походы и частныя командировки въ теченіе великой Сѣверной войны. Старшую дочь свою Александру (р. 1711 † 1786) они выдали за князя А. Б. Куракина и черезъ него породнились съ самыми знатными семьями. И. В. Панинъ служилъ между прочимъ по коммисаріатскому вѣдомству въ Данцигѣ, гдѣ 13 Сентября 1718 г. родился старшій его сынъ Никита Ивановичъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича и главный дѣятель Русской политики за первыя двадцать лѣтъ Екатерининскаго царствованія. На три года моложе его былъ второй сынъ, Петръ Ивановичъ († 15 Апрѣля 1789), генералъ-губернаторъ Восточной Пруссіи, покоритель Бендеръ, усмиритель Пугачевскаго бунта. Дѣтство ихъ протекло между Нѣмцами, въ Ревельской губерніи, въ важной тогда приморской крѣпости Пернавѣ, которой И. В. Панинъ былъ комендантомъ.

Связанные тѣсною дружбою оба брата могутъ быть предметомъ большой, поучительной и богатой историческими показаніями книги, которая, мы увѣрены, со временемъ появится *). Бѣглыя черты ихъ біографіи собраны Бантышемъ-Каменскимъ въ его „Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли“. Будущій біографъ воспользуется нижеслѣдующими письмами, за сообщеніе которыхъ мы обязаны правнукѣ графа П. И. Панина, княгинѣ М. А. Мещерской. Первое письмо, съ описаніемъ славной побѣды нашей надъ Прусаками въ Пальцихскомъ сраженіи (близъ Франкфурта на Одерѣ) писано въ Стокгольмъ, гдѣ Н. И. Панинъ былъ тогда нашимъ посланникомъ. *П. Б.*

*) Вышедшая въ 1862 году книжка П. С. Лебедева „Графы Н. и П. Панины“ любопытна лишь по тѣмъ бумагамъ, которыя въ нее включены изъ Государственнаго Архива. Легкомысленныя сужденія и жалкіе выводы автора нынѣ уже не стоятъ опроверженія. *П. Б.*

1.

Описаніе Пальцигскаго сраженія.

Батюшка, дорогой мой братецъ, Никита Ивановичъ!

Случай настоящаго дѣла меня предъ вами, любезной другъ, извинитъ, что я не могъ, послѣ полученной нынѣ надъ непріятелемъ нами побѣды, съ первою отъ командующаго нашего генерала депешею къ вамъ самъ написать, затѣмъ что я нѣсколько дней до сей баталіи наижесточайше мучился подагрою, а и въ баталію велѣлъ себя людямъ встащить на лошадь и до самой ночи на ней въ должности своей былъ. Послѣ же принужденъ той болѣзни заплатить сіе дерзновеніе тѣмъ, что вотъ уже третій день какъ съ постели не схожу и насилу сегодня правую ногу поднимать началъ. Однакоже утѣшило меня то, что вамъ отъ нашего милостиваго шефа *) хотя точно и не сказано, что я изъ сей баталіи совсѣмъ здравъ вышелъ, но дано знать, что у насъ изъ генералитета только убитъ генералъ-поручикъ Демику, а раненъ бригадиръ Ельчаниновъ. Почему ласкаю себя, что разсудительное ваше великодушіе васъ ото всякаго о мнѣ сумнѣнія тѣмъ освободило. И такъ, удостовѣря симъ васъ, мой любезной другъ, о томъ, что я ничѣмъ невредимъ изъ сей баталіи вышелъ, начинаю васъ увѣдомлять о происшествіи ея.

Послѣ того, какъ смѣло предпріемлемой непріятель, въ Польшу вступя, приближался къ Познани, желая на сторонѣ рѣки Варты отъ Вислы сюрпренировать нашъ малый деташементъ, прикрывающій тяжелые обозы, когда нашелъ всю нашу армію успѣвшую на той сторонѣ рѣки предстать ему въ ордеръ-де-баталіи, отступилъ и, опять отдаляся двумя маршами, черезъ оную рѣку на Померанскую сторону переправился: то нашъ командующій генералитетъ поло-

---

*) Графа П. С. Салтыкова. *П. Б.*

жилъ со всею арміею на него иттить и искать къ баталіи принудить или, отдаля отъ способности покушаться ему пресѣкать нашу съ своими снабженіями коммуникацію, потомъ начать производить повелѣнныя намъ операціи. Къ которому концу армія наша и пошла на него прямо, оставя для прикрытія Познани изъ числа своего знатной деташементъ. Черезъ первой маршъ мы нашли его стоящаго въ лагерѣ между болотъ и озеръ, для чего армія наша въ виду онаго свой лагерь взяла, имѣя намѣреніе, настояще рекогносировавъ мѣсто, потомъ потребныя мѣры для поиску надъ нимъ предпріять. Въ туже ночь приказано было господину генералъ-маіору графу Тотлебену съ легкими войсками на непріятельскіе форпосты и, буде возможно, то и на передовой лагерь, напасть, который съ такимъ успѣхомъ оное произвелъ, что многихъ его гусаръ побилъ и нѣсколько въ плѣнъ съ однимъ офицеромъ взялъ, и непріятель со всею своею арміею въ туже ночь, не дождавшись свѣта, назадъ пошелъ.

Наша армія послѣдовала за нимъ и однимъ маршемъ, когда нашъ авангардъ сталъ только приближаться къ непріятельскимъ отводнымъ передъ его лагеремъ карауламъ, то оные тотчасъ съ самыми малѣйшими между гусаровъ только перестрѣлками назадъ къ арміи своей отступили; а она въ тотъ моментъ, устроившися въ ордеръ-де-баталію, но не дождавшися приближенія нашей арміи, пошла назадъ и, взявъ нѣсколько въ лѣвую руку, заняла весьма великія вышины, которыя она заблаговременно земляной работою укрѣпила, гдѣ и остановилася. Отъ нашей арміи тогда нѣсколько легкихъ войскъ командировано было на непріятеля сзади нападать, и они довольно съ знатнымъ успѣхомъ оное надъ ихъ гусарами производили. Армія же наша между тѣмъ предъ тѣми вышинами въ лагерь стала и, приближа къ онымъ нѣкоторыя батареи, съ прикрытіемъ малаго деташемента, непріятельскую армію бомбардировать стала и съ видимымъ въ ней урономъ принудила ее на тѣхъ горахъ назадъ отдаться, гдѣ оная и лагеремъ расположилась, учредя на всѣхъ потребныхъ мѣстахъ и вышинахъ большіе батареи и пикеты. Какъ тѣ горы весьма неприступны и доступъ къ нимъ между озеръ гораздо болотенъ, то армія наша предпріяла, обходя ихъ правою рукою, непріятельской лагерь обратить и съ удобнѣйшаго мѣста атаковать, или принудить его съ того мѣста сойтить и въ баталію вступить пресѣченіемъ комуникаціи съ Дризеномъ и Ландсбергомъ, откудова онъ тогда свое снабженіе получалъ.

Наша армія съ полуночи маршъ свой предприняла для предупрежденія не допустить выиграть непріятелю тѣхъ вышинъ, кото-

рыя Польское мѣстечко Мевъ окружаютъ. Непріятель же какъ бы то предузналъ и, какъ только обмеркло, то по способности случившагося тумана весьма тихо къ тѣмъ же вышинамъ маршировать сталъ; но случившіяся болота его маршъ влѣво отдалили, а притомъ и командированныя отъ насъ легкія войска съ подкрѣпленіемъ конныхъ гренадеръ, нападая на аріергардъ, его въ походѣ столько задержали, что мы оныя вышины всѣ выиграли. Непріятель, будучи закрытъ отъ насъ лѣсомъ, нечаянно столько къ намъ приближился, что подалъ было желаемой случай себя атаковать, и мы совсѣмъ къ тому стали пріуготовляться; случившееся же по несчастію между его и нашимъ фронтомъ болото требовало переправы, для чего принуждено было остановиться и оную дѣлать начать, а сіе было уже послѣ половины дня, и потому атаки прежде другого дня утра предпріять было нельзя. Непріятель же знатно сіе свое приключеніе предвидѣлъ, то съ первою темнотою ночи во всякой тихости съ того мѣста пошелъ и взялъ уже свой маршъ съ поспѣшностью къ Померанскимъ границамъ.

Нашъ командующій генералитетъ потому не разсудилъ допустить арміи своей отведенной быть за уклоняющимся отъ баталіи непріятелемъ отъ предпріемлемыхъ ею операцій, и для того взяли свой маршъ къ намѣреннымъ мѣстамъ.

Во всѣ сіи съ непріятелемъ маневры ни одного дня не проходило, чтобы не было кровопролитнѣйшихъ между легкихъ войскъ шармюцелей и чтобъ мы съ нимъ въ лагерѣ или на походѣ артилеріею не перестрѣливались; а во всемъ томъ, какъ бы нынѣшняя побѣда намъ предвозвѣщалась, всегда авантажи на нашей сторонѣ по справедливости оставалися, и мы урону своего почти не чувствовали, какъ, насупротивъ того, непріятельскій побитыми, плѣнными и дезертирами всегда весьма знатенъ былъ.

Такое отдаленіе отъ насъ непріятеля недолго было; но онъ, увидя безотмѣнное наше стремленіе къ произведенію операцій нашихъ, какъ мы только въ Шлезію вступили, то и онъ 9-го нынѣшняго мѣсяца со всею арміею въ виду нашихъ форпостовъ пришелъ и сталъ между рѣкою Одеромъ и мѣстечкомъ Цилихау въ крѣпкомъ лагерѣ.

Нашъ генералитетъ 10-е и 11-е число упражнялся прилежно рекогносцировать мѣсто для учиненія диспозиціи къ атакѣ непріятеля; и, уважа трудности лѣсистаго и авантажнаго непріятелю мѣста, предприняли оной лагерь съ правой стороны обратить, дорогу отъ него къ Кросену пресѣчь и тѣмъ къ баталіи принудить. А для того 11-го числа ночью, оставя свой лагерь на мѣстѣ съ людьми и артилеріею, армія наша туда пошла.

Непріятель, 12-го поутру, увидя насъ въ правой рукѣ приближающихся къ себѣ и къ Кросенской дорогѣ, тотчасъ поднявшися, самъ лѣвою стороною противу насъ къ той же дорогѣ пошелъ; а между тѣмъ чрезъ дезертира получили мы свѣдать, что наканунѣ того дни прибылъ для главной надъ непріятельскою арміею команды генералъ-поручикъ Вейдель и привелъ съ собою ранфору 8 или 10.000 человѣкъ пѣхоты и конницы, и что ихъ армія до 60.000 человѣкъ состоитъ; а что прежній ихъ командиръ генералъ г. Дона отъ команды отозванъ.

Такимъ образомъ (по неприбытіи еще къ намъ оставляемаго при Познани знатнаго нашего деташемента и потому что принуждено еще было оставить 8 батальоновъ къ прикрытію нашихъ обозовъ и оставленнаго нашего лагеря) мы хотя и видѣли себя противу непріятеля малочисленнѣе, но командующій нашъ генералитетъ остался въ той твердости, чтобъ непріятелю дороги къ Кросену по сей сторонѣ Одера безъ баталіи не дать и его въ томъ предупредить, въ чемъ мы и предуспѣли. А онъ, 12-го числа пополудни въ два часа, при деревнѣ Пальцигѣ приближался къ той дорогѣ и, увидя нами оную занятую, а насъ строющихся къ атакованію себя, то, держась только правила своего, дабы самому атаковать, въ началѣ третьяго часа пополудни атаковать насъ наижесточайшимъ образомъ началъ.

Правда, мой любезной другъ, что атаки его были самыя смѣлыя, наступленіе наипорядочное и производилъ ихъ одну послѣ другой пять, не взирая на то, что храбростію и преудивительнѣйшимъ постоянствомъ, терпѣніемъ и послушаніемъ нашихъ войскъ онъ всегда съ великимъ урономъ и разстройкою отбитъ былъ и ни одинъ разъ не могъ ни единаго полка вступившихъ съ начала въ нашу первую линію въ разстройку привести или ко одному шагу отступленія принудить, такъ что одни тѣ полки безъ всякой перемѣны и рѣшили все дѣло и непріятеля отъ послѣдней атаки совсѣмъ отступить принудили уже въ сумерки; того же времени отъ 2-хъ часовъ по полудни всегда безпрерывной огонь изъ артилеріи и мелкаго ружья продолжался.

Я знаю, мой другъ, сколько васъ по любви къ отечеству можетъ обрадовать извѣстіе о добродѣтеляхъ народа его, то, не распространяясь много, по сущей истинѣ скажу, что во всей баталіи, не взирая ни на какія яростныя непріятельскія стремленія какъ пѣхотою, и паче превосходящею своею кавалеріею, все войско наше акъ порядочно и послушливо поступало какъ того только самые искуснѣйшіе люди въ самомъ лучшемъ учебномъ строю требовать отъ всякой арміи могутъ. Мужества-же и великодушія столько по-

казано, что въ которые пѣхотные полки кавалерія непріятельская врывалась, то не только ихъ не разсыпала, но тѣ въ которыхъ уже въѣхали, штыками людей и лошадей поражали; а до которыхъ еще не доѣхали, тѣ, дѣлая собою въ которую сторону потребно было обороты, по въѣхавшимъ стрѣляли, и всеконечно весьма рѣдкій или ни одинъ непріятельскій рейтаръ, въѣхавшій въ нашу пѣхоту, изъ нея не выѣхалъ, но тутъ свою жизнь положилъ. Не меньше же того не только наши кирасиры и драгуны, гдѣ только случай допускалъ, съѣхавшись съ лучшею непріятельской кавалеріей, не думая никогда о пистолетахъ, но прямо съ палашами въ нихъ выѣзжая, къ отступленію принуждали. Когда-же армія наша черезъ непріятельскія тѣла и раненыхъ перешла, то никто наши никому изъ нихъ никакого огорченія не дѣлалъ и ничего съ труповъ не снимали и плѣннымъ никакого неудовольствія не показывали, но къ особливому удивленію сами мы видѣли, что многіе наши легко раненые непріятельскихъ тяжело-раненыхъ на себѣ изъ опасности выносили, и солдаты наши своимъ хлѣбомъ и водою, въ коей сами великую нужду тогда имѣли, ихъ снабжали, такъ какъ бы они единодушно положили помрачить злословящихъ войско наше въ нерегулярствѣ и безчеловѣчіи.

Какъ послѣдняя непріятельская атака отбита была уже въ сумерки, то наступающая темнота и лѣсное мѣсто не дозволили арміи нашей непріятеля въ тотъ день дальше преслѣдовать, какъ только перейти черезъ трупы; а потому непріятель имѣлъ время какъ побитыхъ своихъ сначала, такъ легко раненыхъ и пушки свои съ собою увезти. Но со всѣмъ тѣмъ оставилъ намъ, сколько мнѣ еще теперь извѣстно, пушекъ 15, знаменъ и штандартовъ 7, барабановъ великое число. Въ плѣнъ взято кирасирскій полковникъ одинъ, оберъ-офицеровъ 14, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 590, дезертировъ къ намъ пришло 1406, тѣлъ непріятельскихъ нами по сегодняшній день похоронено 3965; да къ тому изволите присовокупить, сколько ему надобно сверхъ того имѣть у себя раненыхъ и дезертировавшихъ въ другія мѣста! Съ нашей же стороны побито всѣхъ чиновъ 893, въ томъ числѣ храбрый и отъ васъ рекомендованный генералъ-поручикъ Демику; а раненыхъ, думаю, что больше 3.000 человѣкъ.

Итакъ, мой любезной другъ, оканчиваю сіе, заочно васъ обнимая, и наиусерднѣйше поздравляю съ такою побѣдою оружія нашей всемилостивѣйшей Государыни, которая всеконечно по справедливости заслуживаетъ и отъ недоброжелателей намъ прямую честь

и славу народу нашему и изъ которой живъ и невредимъ, будучи во всемъ томъ участникомъ, возвратился тотъ, кто вамъ по смерть непоколебимо

„истинной другъ и слуга
Петръ Панинъ.

„P.S. Мы уже Кросенъ войсками заняли и бывшее непріятельское въ немъ прикрытіе выступить изъ него принудили“ [1]).

Изъ маршу, съ мѣста баталіи,
отъ 15-го Іюля 1759 году.

2.

Іюля 3-го 1760-го году, изъ Кенигсберха.

Я, выѣзжая отсель, оставилъ для отправленія къ вамъ, мой дорогой братецъ, письмо по почтѣ, въ которомъ доносилъ вамъ какъ о своемъ сюда пріѣздѣ, такъ и въѣздѣ; а понеже сей вручитель господинъ генералъ-маіоръ Томасъ Григорьевичъ Дицъ ѣдетъ въ Петербурхъ на своихъ лошадяхъ, то я, сославшись только на оное мое письмо, васъ просилъ симъ единственно касательно до него.

Онъ прежде служилъ въ конной гвардіи, а потомъ былъ въ моемъ полку полковникомъ, обращаясь со мною весьма дружелюбно и отъ того времени и понынѣ всегда ко мнѣ искренній пріятель.

Нынѣшнее же его состояніе такое, что онъ въ кампанію Цоренъ-дорфскую былъ избранъ всеконечно по достойной его способности и въ самую необходимость ко доставленію арміи провіанта, и посаженъ былъ главнымъ членомъ въ походную нашу провіантскую канцелярію. Сколько я дѣла понимаю, то онъ эту комиссію исправлялъ съ такимъ возможнымъ успѣхомъ и вѣрностію настоящихъ казенныхъ интересовъ, какъ только возможно было честному и радѣтельному человѣку силъ своихъ при безпорядочныхъ и всегда упускающихъ время учрежденіяхъ собрать.

Вамъ извѣстное послѣдованіе всея той кампаніи въ разсужденіи ея предводителя [2]). И обыкновенная завидость къ таковымъ комиссіямъ, кроющаяся подъ видомъ соболѣзнованія о казенныхъ прибыткахъ (въ самомъ же дѣлѣ ревность о нажиткахъ, мнимая быть въ другихъ рукахъ, а не своихъ) произвела на него нареканіе, и онъ былъ смѣненъ княземъ Меншиковымъ, и счеты его и книги всѣ запечатанные и понынѣ остаются безъ разсмотрѣнія, и онъ подъ нареканіемъ нашего министерства; но былъ прошлую кампанію при

[1]) Только означенное кавычками своеручно. *П. Б.*

[2]) Т.-е. графа Фермора. *П. Б.*

корпусѣ на Вислѣ, будучи почти въ гноищи отъ скорбутики, затѣмъ былъ принужденъ проситься на годъ ко лѣченію и отъ фельдъ-маршала потому былъ представленъ, что нынѣ въ полѣ быть не въ состояніи.

Резолюція по тому только нынѣ воспослѣдовала, что ему велятъ явиться въ Конференцію, почему онъ теперь въ Петербурхъ и поѣхалъ, ожидая о себѣ какъ разсмотрѣнія въ его опредѣленіи по причинѣ его худаго здоровья, которое теперь гораздо и поправилось, такъ и претерпѣній по тому на него нареканію, въ которомъ однакоже онъ берется со всею твердостію себя оправдать, если только допустятъ къ слушанію и возмутъ дѣла его до разсмотрѣнія; но опасается, что онъ никакого человѣка себѣ знакомаго у васъ не имѣетъ.

Пожалуй, мой любезной другъ, въ особливое мнѣ одолженіе и къ послѣдованію вашего природнаго попеченія о безсильныхъ и безпомощныхъ, въ разсужденіи же, что онъ, чаю, уже тридцать лѣтъ безъ всякаго пороку и съ похвалою служилъ, а не имѣя ничего кромѣ жалованія, содержитъ жену съ семью дѣтьми: помоги ему гдѣ и сколько возможно. Впрочемъ вѣрьте, что я всегда непремѣнно есмь вашъ истинной другъ и вѣрной братъ

Петръ Панинъ.

P.S. Хотя вверху и написано, что я отсель отправляю къ вамъ письмо по почтѣ; но отъѣзжая отсель вамъ знакомой въ Стекольмѣ купецъ Свѣшниковъ подалъ случай оное послать съ нимъ, положа въ пакетъ жены моея, и съ нимъ же господинъ Хитровъ послалъ на 45 червонныхъ для его бывшаго слуги и для господина Стахіева на пятьдесятъ рублевъ подлежащую сумму денегъ по здѣшнему настоящему курсу, то есть червонной по 2 руб. по 50 коп. *).

3.

14-го Августа 1760-го году, изъ лагеря при Дрохенъ-Бергѣ, въ Шлезіи.

Тотъ курьеръ, мой любезной другъ, который ваше мнѣ любезное письмо касательно до происшествія у насъ между двухъ Польскихъ принцовъ привезъ, доставилъ и высочайшій вчерась рескриптъ, чтобы имъ, объявя за то гнѣвъ, велѣть ѣхать отъ арміи въ свои домы, и что имъ туда будутъ присланы и абшиты изъ нашей службы. Между ими князь Сульковской, во все время бытности при арміи, обра-

---

*) Въ то время, когда это и послѣдующія письма писаны, Н. И. Панинъ находился уже въ Петербургѣ гофмейстеромъ и воспитателемъ великаго князя Павла Петровича. *П Б.*

щался со мною весьма пріятельски и убѣдилъ меня, чтобы я васъ, мой дорогой братецъ, просилъ о вспоможеніи ему въ семъ несчастливомъ приключеніи, дабы и онъ не отжененъ былъ воспользоваться, по сему его отъ малости преступленію, извѣстнымъ милосердіемъ нашей августѣйшей Самодержицы. И для того я напередъ объясняю ихъ дѣло, которое произошло до пріѣзду моего къ арміи, во сколько мнѣ оно ко извѣстію дошло.

Они, имѣя между собою еще домовныя неудовольствія, одинъ день, сошедшись въ партикулярной компаніи, побранились, и одинъ другаго, какъ сказываютъ, равно помахнули, но бывшими при томъ до дальняго не допущены. Послѣ того чрезъ нѣсколько дней они хотѣли между собою биться и имѣли несчастіе на двѣнадцати шагахъ одинъ отъ другаго, по парѣ пистолетъ, другъ на друга выстрѣлить безъ вреда; а потомъ тотчасъ сразиться на шпагахъ въ три партіи, но безъ поврежденія секундантами разведены и помирены.

Его господина Сульковскаго теперь желаніе и просьба въ томъ состоятъ: буде чего далѣе произвести будетъ нельзя, то по крайней мѣрѣ чтобы милостиво исправлена была его репутація по бывшей его у насъ ревностной службѣ.

Я васъ, мой дорогой другъ, наиприлежнѣйше прошу изъ одолженія ко мнѣ, гдѣ и какъ вамъ возможно, ему въ томъ приложить ваше вспоможеніе.

Я симъ къ вамъ ни о чемъ другомъ распространяться способу не имѣю, потому что, чаю, сіе до васъ точнѣе дойдетъ, нежели я буду съ первымъ отсель къ вамъ курьеромъ писать; для чего я и къ женѣ своей отсель писать оставляю. Вы пожалуйте ей сіе сообщите; я же ей кланяюсь и обоимъ вамъ всегда непремѣнно пребываю истиннѣйшій другъ.

4.

29 Апрѣля 1761-го году, изъ Морунга.

Какъ наше братство и дружба, мой любезнѣйшій другъ, на истиннѣйшихъ предѣлахъ основаны, нежели на обыкновенныхъ другъ другу при всякомъ случаѣ объясненіяхъ, то я увѣренъ, что за ваше принятое дружеское бремя ко исходатайствованію рѣшенія и произведенію раздѣлу по наслѣдству жены моей, вамъ угоднѣе будетъ отъ меня самое сердечное, но такъ короткое благодареніе принять, нежели всякія обыкновенныя другія выраженія, а оно въ томъ только и состоитъ.

Вы симъ изволили совершенно одолжить того своего брата и истиннѣйшаго друга, которой ничего кромѣ прямой кровной любви

и вѣрнѣйшей дружбы противу васъ въ сердцѣ своемъ не имѣетъ, а сдѣлали съ нѣкоторымъ хлѣбомъ жену и, буде останутся, наслѣдниковъ того, которой всѣ производимыя къ нимъ милости принимаетъ и еще больше, нежели къ себѣ собственно. Затѣмъ же, мой дорогой другъ, позволь мнѣ теперь обратиться къ продолженію отвѣта на ваше о томъ письмо и къ сообщенію вамъ о нынѣшнемъ моемъ состояніи.

Вы, какъ откровеннѣйшій сердецъ нашихъ другъ, совершенно можете узнать, какое настоящее движеніе во мнѣ и женѣ моей, яко истиннѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ рабахъ своей природной и неоцѣненной Государыни, въ насъ произвело чувствіемъ должнаго признанія и подданническою благодарностью происшествіе столь высочайшей къ себѣ милости и праведнѣйшаго о подданныхъ расположенія, чѣмъ мы теперь наиживѣйшимъ образомъ будучи преисполнены, хотя приложеннымъ письмомъ (съ коего у сего копія слѣдуетъ) и приняли смѣлость заочное вѣрноподданническое благодареніе приносить, но не можемъ обойтиться, чтобы и васъ не просить же, если случай вамъ, мой дорогой другъ, способъ подать удостоится, то пожаловать съ нашимъ заочнымъ поверженіемъ къ освященнѣйшимъ Ея Императорскаго Величества стопамъ принести отъ насъ за такую щедрую къ намъ милость рабское благодареніе съ присовокупленіемъ обязательства моего всегда съ радостію полагать мой животъ въ ея высочайшія услуги и вѣрность, произнося же притомъ со всѣмъ своимъ домомъ ежечасныя къ Господу Богу молитвы о продолженіи неоцѣненнѣйшаго вѣку и о соблюденіи всенадобнѣйшаго Ея Величества здравія.

О любезной вамъ нашей Грушенькѣ къ вашему порадованію теперь лучшаго еще сказать не могу кромѣ того, что болѣзнь ея опасныхъ слѣдствій, кажется, не показываетъ; но только и понынѣ лихорадка единственнымъ перемѣннымъ жаромъ продолжается и содержитъ еще все ее въ слабости; а мнѣ и особливо матери наноситъ тѣмъ великое смятеніе, такъ что, при нынѣшнемъ нашемъ начинающемся уже выступленіи съ квартиръ, никуды ее скоро отсель вывезть будетъ нельзя. У насъ же при великомъ нетерпѣніи отъ неполученія отъ васъ еще и поднесь настоящаго нѣтъ разрѣшенія; но велѣно 1-го числа настоящаго мѣсяца всей арміи идтить въ лагери за рѣку Вислу, а 15-го, буде хотя и ничего получено еще не будетъ, предпринято маршировать впередъ. Почему за болѣзнію ея стало уже по желанію моему невозможно своихъ домашнихъ, какъ всѣ другіе, взять съ собою на время бытности въ лагерѣ при Вислѣ; для того же, отпустя полки, самъ имѣю дозволеніе остаться по 10-е число съ

ними здѣсь; а потомъ, если отъ васъ ничего особливаго не объяснится, то на почтѣ къ Вислѣ въ одни сутки доѣду, ихъ же оставлю здѣсь ожидать совершеннаго дочери выздоровленія и потомъ ѣхать въ Кенигсберхъ, гдѣ Василій Ивановичъ [1]) женѣ моей одинъ казенный домъ въ квартеру приказалъ уже отвести.

Я не думаю согласно съ описаніемъ вашимъ, чтобы шуринъ мой сталъ дѣлать вамъ въ раздѣлѣ затрудненіе; но отъ свояка все произойти можетъ; по справедливости же шурину будетъ тягостно ровными частями сестеръ своихъ удовольствовать, для чего за настоящее нахожу вамъ, дорогой другъ, напамятовать.

По самой, кажется, справедливости слѣдуетъ какъ зачесть по послѣдней мѣрѣ своячинѣ полученныя приданыя деньги въ слѣдующую ей часть, такъ сестрѣ ея наградить то, что она ни малѣйшаго содержанія себѣ отъ самаго младенчества изъ дому отца своего не получала, а потому сдѣланной ею при дворѣ четыре тысячи рублевъ долгъ я собственными деньгами за нее заплатилъ, занять съ процентами бывъ принужденъ, въ чемъ отъ всѣхъ купцовъ на мое имя и квитанціи теперь имѣю. Слѣдовательно оной капиталъ и съ причитаемыми со времени замужества ея тогдашними процентами справедливо подлежитъ теперь къ требованію вашему противу сестры ея, сверхъ надлежащей ей по смерти отца своего части, въ разсужденіи того, что какъ оная съ полученныхъ денегъ въ приданое понынѣ процентами пользовалась и изъ отцовскаго дому худое или хорошее на содержаніе себя по замужествѣ имѣла, насупротиву же того отъ долгу жены моей (происшедшаго отъ неполученія изъ отцовскаго дому себѣ до замужества содержанія) возрастали все на меня проценты. Мое и жены моей желаніе, къ присовокупленію вамъ уже отъ меня чрезъ прежнія письма извѣстнаго, въ томъ еще состоитъ, чтобы изъ полученныхъ на часть ея денегъ, во первыхъ тотчасъ заплатить Ивану Лукьяновичу [2]), да сверхъ того, чтобы въ наличности у васъ сохранены были тысяча для заплаты Леонтьеву (которому я нынѣ только одну отдалъ), да двѣ тысячи на потребное женѣ собственное снабженіе; затѣмъ же оставшія, чего и на ваши иногда употребленія не востребуется, чтобы раздать взаймы изъ указнаго процента на имя ея съ вычетомъ, а не съ припискою онаго, для которой отдачи она у сего прилагаетъ вамъ отъ себя вѣрющее письмо, и обще со мною васъ дружески проситъ, чтобы

---

[1]) Суворовъ, отецъ славнаго Суворова, въ то время генералъ-губернаторъ Восточной Пруссіи. *П. Б.*

[2]) Талызину. *П. Б.*

вы таковымъ образомъ съ ея деньгами поступить изволили; на ваше же собственное употребленіе такъ съ ними поступили, какъ съ вашими собственными.

Вотъ, мой любезнѣйшій другъ, у сего слѣдуетъ же отъ нашего брата Леонтьева въ вотчину его письмо, содержанія старинныхъ бояръ, однакожъ въ разумѣ довольно свойственническое, въ разсужденіи чего вы, надѣюсь, не оставите Епанчину дать подобное же и отъ стороны своей подтвержденіе.

Прилагаю у сего же росписку для возвращенія вамъ съ нашего Ивана Ивановича [1]) пятидесяти рублевъ денегъ, кои я здѣсь по письму его на внука его Корсакова [2]) какимъ образомъ употребилъ; а вы пожалуйте при моемъ усерднѣйшемъ поклонѣ оную ему вручите, какъ вы въ ней оба изволите увидѣть, что для г-на Корсакова искуплено самое только къ походу нужное, а оттого наличныхъ денегъ весьма мало на прочіе расходы къ нему вступило; онъ же ко мнѣ уже прибылъ, не имѣя ни единой полушки и съ однимъ при себѣ мальчикомъ. Хотя же онъ молодецъ безъ дальняго о себѣ попеченія, но неизвѣстны ему тѣ тягости, кои въ походахъ сносить принуждено, когда недостаетъ ни людей для услуги, ни денегъ на прокормленіе ихъ и собственныя свои мелкія потребныя издержки. Для того прошу у Ивана Ивановича испросить ко мнѣ письмо съ объясненіемъ, до какой суммы мнѣ на него въ годъ употреблять онъ опредѣлить изволитъ, въ разсужденіи того, что слѣдующую ему треть жалованья намъ еще и всѣмъ, какъ видно, скоро не выдадутъ; да и впередъ ненадежно, чтобы оно въ свое настоящее время получаться могло. Впрочемъ же, чтò до его собственной пищи принадлежитъ, то я его въ угодность Ивана Ивановича взялъ содержать у себя; а буде что подъ роспиской въ подписи его вамъ сумнительнаго покажется, то молодецъ порѣзалъ руку.

Наконецъ прости, мой любезнѣйшій другъ, и вѣрь, что никто никогда вамъ истиннѣе и усерднѣе быть не можетъ, какъ я на весь вѣкъ есмь вашъ истиннѣйшій другъ всѣмъ сердцемъ и душею.

П.

P.S. Объясненіе мое о требованіи при раздѣлѣ въ разсчетъ прежняго женинаго долгу съ процентами не примите въ то, чтобы я восхотѣлъ шурина безъ умѣренности отяготить; но единственно въ то представляю, чтобы оное ему въ защищеніе свое употребить противъ другой сестры, когда она станетъ ровнаго съ женою моею требовать.

---

[1]) Извѣстнаго Неплюева, женатаго на сестрѣ графовъ Паниныхъ. *П. Б.*

[2]) Кажется, это былъ извѣстный впослѣдствіи генералъ и Виленскій генералъ-губернаторъ А. М. Римскій-Корсаковъ. *П. Б.*

5.

Изъ Кенигсберха, Іюня 3-го д. 1762 г.[1]).

Слѣдующія у сего копіи, вамъ, мой любезный другъ, довольно покажутъ, сколь мнѣ велика была нужда сего вручителя нарочнымъ курьеромъ съ тою депешею отправить, и сколь въ великихъ я, по моему нынѣшнему обязательству, трудностяхъ теперь нахожусь, по которымъ опасаюсь не толико подъ неповинное какое прегрѣшеніе подпасть, но и донынѣ мою соблюденную какъ въ здѣшней, такъ и въ постороннихъ земляхъ репутацію потерять: ибо, какъ изволишь увидать, что не токмо ни отъ кого я никакихъ наставленій въ свое время не получалъ и получать не могу, но и всякій отъ меня отрекается: то мнѣ и не остается, по соблюденіи въ томъ своей настоящей должности, какъ единственно къ вамъ, мой любезной другъ, прибѣжище. Въ слѣдствіе жъ того оное все сообщаю къ вашему благоразумнѣйшему усмотрѣнію и дружественнѣйшему возможному попеченію, о томъ только, чтобъ я, какъ на сію, такъ и прежде отправленныя, а вамъ сообщенныя же отъ меня, депеши могъ быть предупрежденъ хотя нѣкоторымъ удобо-возможнымъ разрѣшеніемъ, до сроку возвращенія сего королевства и до того, пока моихъ подчиненныхъ, коихъ съ начала нашего въ немъ правленія въ своихъ рукахъ и вѣдомствѣ мы имѣли, разберутъ: ибо уже Кольманъ, яко бывшій директоръ большой половины доходовъ сего королевства, къ вамъ безвременно взятъ; да слышу же, что и Бауманъ или важнѣйшій еще тудажъ на сихъ дняхъ берется.

И что до меня, мой любезной другъ, касается, то я съ женою здоровъ, а по полученному ордеру, усмотрѣнному вами въ моей реляціи, такъ себя приготовляю, чтобъ, по прибытіи сюда Воейкова, тотъ день возможно было къ назначенной арміи въ Померанію[2]) поѣхать, а обремененную мою жену на ваше братское призрѣніе въ Пет. отправить; къ чему то еще присовокупляю, чтобъ обѣщанныя деньги пересылкою ко мнѣ не промедлить, кои надѣюсь способно вамъ быть можетъ, съискавъ между Прусскими у васъ депутатами комерціи сов. Сатурнуса, ему для выдачи мнѣ здѣсь отдать.

---

[1]) Еще въ концѣ предъидущаго 1761 года, т.-е. передъ самою кончиною императрицы Елисаветы Петровны, П. И. Панинъ назначенъ генераломъ-губернаторомъ находившейся въ нашемъ владѣніи Восточной Пруссіи; но приказаніе отправиться туда и занять мѣсто В. И. Суворова дано ему только 4 Января 1762 года, т.-е. уже при Петрѣ III-мъ, отъ графа П. С. Салтыкова. *П. Б.*

[2]) Т. е. для участія въ наступавшей тогда войнѣ нашей съ Даніею. *П. Б.*

6.

Изъ Кенигсберха, Іюня 15-го дня 1762 году.

Послѣдняя, пришедшая сюда изъ Санктъ-Питербурха почта принесла ко мнѣ ваше, любезной другъ, отъ 4-го нынѣшняго мѣсяца, въ которомъ вы мнѣ сказали о своемъ смятеніи отъ неполученія отъ меня на двухъ почтахъ сряду писемъ и что обнадежили васъ въ наступающій потомъ Четвергъ возвратить моего перваго курьера, а къ сроку смѣны моей исходатайствовать дозволеніе о пріѣздѣ мнѣ въ Санктъ-Петербурхъ, на что̀ вамъ симъ съ благодареніемъ въ отвѣтъ служу.

Сей курьеръ знать въ тотъ день отправленъ не былъ, понеже и по отпускѣ сего онъ сюда еще не бывалъ; но вчерась пріѣхалъ прежде отъ меня посланной подпорутчикъ, а нынѣ отъ васъ возвратившійся уже капитаномъ Цедельманъ безъ всякихъ депешей и отъ васъ писемъ, объявя свой пашпортъ изъ Иностранной Колегіи, съ которымъ онъ только что въ Кенигсберхъ гусарскимъ уже капитаномъ отправленъ, и что вы будто не изволили ко мнѣ писемъ за тѣмъ съ нимъ послать, что отослали ихъ на почту, которую я принужденъ теперь еще ожидать до наступающаго Понедѣльника. Что же до сумнѣнія вашего обо мнѣ принадлежитъ, то во ономъ васъ уже разрѣшили мои предъидущія, и вы изъ нихъ увидѣли, что промѣшкатность въ дорогѣ одного курьера и Кольмана причина только сего вашего о мнѣ сумнѣнія.

Сегодня пріѣхалъ сюда и господинъ Воейковъ, съ которымъ я, ежели курьеръ отъ васъ не подоспѣетъ, чрезъ два дни хотя и смѣнюсь, однакожъ до сроку возвращенія сей земли, то-есть до 26-го числа нынѣшняго мѣсяца, здѣсь продлюсь, въ ожиданіи разрѣшенія о моемъ дозволеніи; а ежели оно и къ тому времени не подоспѣетъ, то жена моя къ вамъ, а я въ Померанію тотъ день конечно поѣдемъ.

Отправить сіе подалъ мнѣ случай отправленія сего вручителя по ордеру нашего фельдмаршала съ однимъ арестантомъ, и я по той способности посылаю съ нимъ при семъ посылку подъ № 1-мъ на имя Аргамакова, которую прошу при первомъ случаѣ и съ приложеніемъ у сего къ нему переслать, такъ какъ и другое у сего включенное вѣрно доставить.

7.

16-го Іюня 1762 году, изъ Кенигсберха.

Сіе имѣетъ вручить вамъ, мой любезнѣйшій другъ, бригадиръ г-нъ Ганзеръ, тотъ, которому нынѣ абшидъ пожалованъ, а не довольно, что онъ у насъ близъ тридцати лѣтъ служилъ, не бывъ никогда ни за что̀ штрафованъ, но и теперь пасынокъ его у насъ похвальнымъ офицеромъ, а жены его первой мужъ въ службѣ нашей полковникомъ въ низовомъ корпусѣ и умеръ. Теперь же ни ему, ни женѣ его съ тремя дѣтьми ѣсть нечего, да и въ другую службу пойти способу ему конечно нѣтъ; онъ же отъ секундъ-маіора до бригадира происходилъ въ моемъ полку, и конечно могу сказать, что кондуитою своею никогда ни малѣйшей причины не подавалъ къ неудовольствію. А буде въ немъ не признали тѣхъ талантовъ, кои составляютъ великихъ полководцовъ, то въ томъ его не вина, но несчастіе, что вышняя рука ему оныхъ не дала и что прежде, не допуская его до такого характера, въ коемъ уже несходнымъ ему образомъ пропитаніе искать нельзя, не досмотрѣли и не отпустили его изъ здѣшней службы въ такомъ званіи, чтобы былъ ему способъ не только во всякую службу субалтернъ-офицеромъ безпрепятственно вступить, но въ противномъ случаѣ форштеромъ или амтманомъ пропитаніе себѣ имѣть, а теперечной генералитетской чинъ и тѣхъ способовъ его совершенно лишаетъ.

Онъ намѣренъ подать всемилостивѣйшему нашему Государю просительное письмо о томъ только, чтобы для пропитанія всемилостивѣйше указалъ его опредѣлить въ какую бы то ни было службу; а я васъ, мой любезнѣйшій другъ, прошу изъ единаго человѣколюбія употребить ваше возможное и ему въ томъ помочь, чѣмъ всеконечно весьма прибавите славы о вашихъ добродѣтеляхъ и человѣколюбіи.

8.

Государь мой братецъ и любезной другъ Никита Ивановичъ.

Сей вручитель секундъ-маіоръ Слетковъ отъ тѣхъ третьихъ батальоновъ, которые по новому штату отрѣшены, а офицеры изъ нихъ, между которыми и онъ, совсѣмъ безмѣстными остались; онъ же со мною былъ сперва въ одной ротѣ солдатомъ, потомъ у меня въ полку поручикомъ и капитаномъ, служа передо мною года два прежде, и хотя онъ Слетковымъ нашимъ подлинно родня, однако отецъ его былъ уже офицеромъ, и онъ никогда въ службѣ ничѣмъ

не провинивался, но еще особливую способность имѣетъ къ экономическимъ экспедиціямъ; а теперь остался безъ всякаго хлѣба.

Я для вспомоществованія ему отправилъ съ нимъ съ здѣшняго монетнаго двора знатную сумму серебра въ слиткахъ съ представленіемъ въ Военную Коллегію его челобитной объ отставкѣ къ дѣламъ. А васъ, мой дорогой другъ, прошу ему къ тому сколько возможно помочи показать, и не найдется ли способу нашему Борису Александровичу [1]) доставить ему мѣсто въ командѣ своей къ дворцовымъ волостямъ, къ чему онъ всеконечно способенъ? А мнѣ бы тѣмъ пріятство сдѣлано было.

Іюня 19-го дня
1762 году.
Кенигсберхъ.

9.

16 Іюля 1762 году, изъ Кольберха.

Я, будучи увѣренъ, что вы, мой любезнѣйшій другъ, по всемилостивѣйшей къ вамъ довѣренности нашей неоцѣненнѣйшей и великой Государыни, доходите до свѣдѣнія получаемыхъ отъ войска реляцій, для того оставляю вамъ повторить мои, сегодня съ симъ вручителемъ отправленныя; но, сославшись какъ на оныя,такъ и на прежнюю отправленную жъ отъ меня лейбъ-гвардіи съ порутчикомъ Гриневымъ, прошу вашего дружескаго по нимъ предстательства не только для меня собственно, сколько для настоящей пользы службы нашей августѣйшей Императрицы.

Увѣренъ я, что отъ вашего прозорливаго примѣчанія не укроется: 1) дальность разстоянія отъ Кольберха облегчать путь графа Чернышова, который буде оной уже взятъ чрезъ Богемію и пробираться въ Польшу, вверхъ Одера рѣки, коему на сей маршъ больше всего доставленіе денегъ или кредиту на нихъ надобно, понеже онъ совсѣмъ былъ отправленъ на единственное содержаніе новаго нашего друга [2]); но онъ, равно какъ и прежніе союзники, при случаѣ отступленія нашего отъ ихъ дѣйствъ, конечно большаго вспомоществованія въ томъ не сдѣлаютъ; 2) что на противной случай, дабы здѣшнія земли и крѣпости изъ рукъ не упустить, а какъ отдаленнаго отсель въ Мекленбургіи корпуса Прусскому отрѣзанію, такъ тѣмъ и здѣшнюю армію самому слабѣйшему состоянію уже не подвергнуть. Мнѣ никакъ невозможно отсель для объявленнаго облегченія прежде отдалиться, пока деташаментъ изъ Мек-

---

[1]) Князю Куракину, племяннику графовъ Паниныхъ. *П. Б.*

[2]) Т.-е. Фридриха II-го. *П. Б.*

ленбургіи за два марша отсюдова будетъ, а то произойдетъ 25-го числа нынѣшнго, и я тогда тотчасъ, оставя оной къ примѣчанію Кольберха и здѣшней земли, самъ пойду чрезъ Померанское мѣстечко Темпельбургъ въ Польшу къ мѣстечку Шнейдемиль, у рѣки Нетцы лежащему. 3) Представитежъ, мой любезной другъ, вы себѣ и то, что, будучи въ двойныхъ обстоятельствахъ или возвращаться въ Россію или же удержать по прежнему всѣ конкеты въ своей поссесіи, то инако здѣшнихъ магазейновъ и прочаго теперь невозможно учреждать, какъ на судахъ, чтобы въ случаѣ или съ нихъ выгружать или оные обратно къ Россійскимъ берегамъ отправлять. 4) Равнымъ образомъ на такіе два случая другой мнѣ и позиціи взять невозможно, какъ той, чтобы быть на срединѣ между обоихъ завоеванныхъ земель и не отдалиться отъ того способу, чтобы возможно было успѣть изъ своихъ съ Вислы магазейновъ пропитаніе подвезти; ибо какъ на изворотъ въ томъ деньгами, которыхъ здѣсь нѣтъ, такъ и на хлѣбъ въ тамошнихъ мѣстахъ положиться никакъ нельзя, потому что старой весь уже истребленъ, а новый еще на поляхъ только носпѣваетъ. 5) Но со всѣмъ тѣмъ, если корпусу графа Чернышова удержаніе произойдеть, то я Помераніи и Кольберха изъ рукъ не упущу; а въ Пруссію необходимо надобно предупредить, чтобы хотя тѣ полки, которые изъ принадлежащихъ въ здѣшнюю армію туда фельдмаршалъ возвратилъ, отъ Вислы не отдаляли, но при оной содержали ихъ въ лагерѣ и сохраняли мосты Торунской и Маріенвердерской и были бы въ ежечасной готовности на востребованной отъ меня случай къ движенію. 6) Еслижъ корпусъ графа Чернышова (какъ всякое благоразуміе обнадеживаетъ) задержанъ не будетъ, то на обратной въ Россію такъ дальній путь и отдаленіе отъ своихъ здѣшнихъ не внутри земли, но на берегахъ только заведенныхъ магазейновъ и отъ способовъ получать съ непріятельскихъ земель въ зачетъ контрибуціи фуражъ, больше всего потребна знатная сумма денегъ и добрыя въ своихъ границахъ къ прибытію войскъ распоряженія квартеръ (кои имъ по такому дальнему осеннему и зимнему переходу весьма будутъ нужны), такъ и безнедостаточное въ нихъ пріуготовленіе потребнаго войску пропитанія.

Вотъ, мой любезнѣйшій другъ, все то, что̀, я надѣюсь, ваша прозорливость еще сильнѣе вамъ представитъ, нежели я оное теперь описывать время имѣю; но остаюсь въ совершенной надеждѣ, что вы всего вамъ возможнаго не оставите употребить на то, что̀ бы лучшимъ образомъ способствовало такимъ милосерднѣйшимъ намѣреніямъ нашей всемилостивѣйшей Государыни о пользѣ своей

имперіи и войска. А для того обращаюсь теперь только къ моимъ партикулярностямъ.

Здѣсь жить и походъ мой по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ уже все истреблено, весьма дорого; а я, какъ вамъ извѣстно, съ своими деньгами совсѣмъ не пріуготовлялся главнымъ быть.

Пожалуй, буде возможно, способствуй высочайшею щедротою воспользоваться и нашему Николаю Михайловичу [1]); а нельзя ли доставить ему секундъ-ротмирское мѣсто въ конной гвардіи или полковничье въ томъ гусарскомъ полку, съ которымъ онъ, какъ сказывалъ мнѣ, имѣлъ счастіе подъ предводительствомъ нашей великой героини въ спасительнѣйшемъ для всей Россіи дѣйствіи употребляемъ быть?

Я, по благодарнѣйшему моему признанію къ графу Алексѣю Петровичу [2]),за настоящее поставилъ при семъ отправить племянника его, претерпѣвшаго въ его несчастіи, полку моего капитана г-на Бетхера; а здѣсь прилагаю къ нему письмо безъ адресу, которой прошу на него положа по нынѣшнему его состоянію поручить ему, г-ну Бетхеру, отъ меня его сіятельству подать.

Уже по написаніи сего получилъ я почти достовѣрныя извѣстія, что графъ Чернышовъ безъ удержанія возвращается; но уже бывшее потомъ обстоятельство само собою симъ миновалось. А вы изволите усмотрѣть изъ прибавленія моего по сему во окончаніи реляціи, что мнѣ уже только вспомоществованіе надобно на маршъ въ Россію отъ Вислы и что я теперь надѣюсь въ Россійскія границы прибыть не въ Мартѣ, но въ началѣ Февраля мѣсяца.

Пожалуй, мой любезнѣйшій другъ, не возможно ли васъ потрудить доставить мнѣ изъ Иностранной Коллегіи, или откуда изъ другаго мѣста, какого молодаго человѣка въ штабъ мой въ секретари, которой бы хотя на бѣло переписывать правильно и граматически умѣлъ? А ему жалованье будетъ 250 рубл., чинъ поручтика и конечно хорошій столъ, а при случаѣ и кафтанъ.

10.

Іюля 21-го дня 1762 году, изъ Кенигсберха.

Сего вручителя, сына Сергѣя Алексѣевича Салтыкова, я съ остальными присягами при моей реляціи отправилъ особливо для того, что онъ съ благодарностію отзывался о томъ, что вы, любез-

---

[1]) Леонтьеву. П. Б.

[2]) Только что возвращенному тогда, бывшему великому канцлеру, графу Бестужеву-Рюмину, супруга котораго была урожд. Беттихеръ. *П. Б.*

нѣйшій другъ, будто при несчастливомъ его, въ минувшее правленіе, выписываніи изъ гвардіи старались ему помощь сдѣлать; то не возможете ль нынѣ вашей въ томъ къ нему милости показать? При томъ же, сославшись на сію мою реляцію, въ которой всѣ уже мои сдѣланныя распоряженіи къ дѣйствительному 25-го числа нынѣшняго мѣсяца отсель выступленію и испражненію Колберха представлены, я у сего вамъ, любезной другъ, включаю копіи, какъ съ полученнаго мною вечоръ отъ фельдмаршала Салтыкова письма, такъ и съ моего къ нему тотчасъ съ нарочно отправленнымъ отвѣта.

Вы изволите изъ того увидѣть, каковой неразрѣшимости сіи командиры и въ такъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ конечно двойнаго дѣлать нельзя, а надобно быть точно приказану чему нибудь одному, по чему бы можно было, снимая съ судовъ провіантъ, пропитаніе себѣ заготовлять, а не оставляя ихъ съ великимъ казнѣ убыткомъ на худой рейдѣ пропадать отъ штурмовъ по 9 вдругъ; когда же суда въ море какъ съ провіантомъ, такъ и со всѣми военными припасами единожды отойдутъ, то ужъ ихъ опять поворотить къ настоящему времени успѣть невозможно будетъ.

Я полученные мною рескрипты принялъ за точные и позитивные, чтобы при случаѣ свободнаго Чернышова возвращенія мнѣ со всѣмъ войскомъ безостановочно въ Россію иттить, а сію землю испражненну отъ него оставить. Да и никакъ я себѣ представить не могу, чтобы не только причина довѣренности мнѣ такой большой команды, но и единственная ваша братская ко мнѣ дружба не могла бы васъ спокойна оставить, чтобы меня хотя партикулярно для осторожности не увѣдомить, если бы какія отмѣнныя намѣренія противъ данныхъ мнѣ повелѣны были. Для чего, безъ всякаго размышленія, ежели онъ, г-нъ фельдмаршалъ, мнѣ точнаго ордера съ посланнымъ къ нему не дастъ, то я 25-го нынѣшняго мѣсяца всеконечно съ главнымъ своимъ корпусомъ отсель пойду и всѣ нагруженныя наши суда съ провіантомъ и прочимъ въ Россійскія гавани отпущу; а если сверхъ чаянія моего оное подлинно не будетъ согласно съ намѣреніемъ, то оставляю себя вашему дружескому въ томъ охраненію, присовокупляя къ оному еще и то, что возвращающійся изъ Мекленбургіи нашъ деташаментъ къ самому Колберху не прежде какъ къ 27-му числу прибудетъ; а, заготовляя себя оттуда провіантомъ, останется при немъ и задержитъ его въ своемъ содержаніи еще послѣ меня дней пять, въ которое время уже никакъ сумнѣваться не могу, чтобы меня не предупредили въ здѣшней землѣ, ежели потребны будутъ отмѣнныя тому повелѣнія.

Да и мнѣ же воображается, что на случай нѣкоторыхъ истребованій быть можетъ и въ Пруссіи, по причинѣ наступленія худаго времени, и на зиму корпусу остаться приказать удобность настоитъ.

Пожалуй, мой дорогой, вложенныя вѣрно разошлите. Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ курьера на прежде отправленныя мои реляціи, а особливо на сюда дошедшія вѣдомости, что бывшій [1]) умеръ и погребенъ будто въ Невскомъ монастырѣ, то для опроверженія произносимыхъ о немъ въ здѣшней землѣ разныхъ разглашеній.

Копія съ письма фельдмаршальскаго, писаннаго отъ 18-го, а полученнаго 20-го числа ввечеру сего мѣсяца.

Хотя я о полученныхъ нынѣ всевысочайшихъ Ея Императорскаго Величества соизволеніяхъ сверхъ тѣхъ, кои въ ордерѣ изображены, вашему превосходительству на письмѣ открыть и не могу, однакожъ сходно съ оными столько совѣтывалъ бы вамъ, чтобы выступленіемъ вашимъ съ арміею изъ Помераніи не торопиться, равно какъ и Колберской крѣпости въ Прусскія руки до дальнаго рѣшительнаго повелѣнія не отдавать, къ чему, кажется, довольно и претекстовъ сыскать можно; а особливо когда еще провіантъ изъ Россіи въ оную прибывать будетъ. А больше того желалъ бы, чтобы ваше превосходительство, по распоряженіи объ арміи всего потребнаго, сами ко мнѣ побывать изволили, дабы напередъ обстоятельно переговорить; я имѣю честь быть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ.

Подскрыптомъ своею еще рукою подписано: Я бы весьма желалъ васъ видѣть, но то невозможно. Какъ вамъ команду оставить? Хотя повелѣнія и не имѣю, однако по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не худо вамъ изъ вашихъ нынѣшнихъ квартиръ не спѣшить сюда выступать, ибо видно, что все то сдѣлано въ опасность о Чернышовѣ; а какъ все уже то миновалось, и онъ ко мнѣ пишетъ, перешедъ Одеръ, изъ Аураса, а нынче, надѣюсь, въ Равичѣ, коли не ближе, то все скоро будетъ свѣдомо въ Петербурхѣ, и надѣюсь быть какой отмѣнѣ. Намъ не худо отъ его величества [2]) и своихъ людей потребовать, коихъ довольно у себя сильно держитъ и поступаетъ съ ними тирански, что́ слышалъ отъ Аустривскихъ плѣнныхъ и писалъ къ Никитѣ Ивановичу.

Вотъ какое противурѣчіе писарскою рукою написано, что есть высочайшее соизволеніе сверхъ тѣхъ, кои ко мнѣ въ ордерѣ изобразилъ о моемъ промедленіи здѣсь; а въ своей рукѣ сказываетъ, что хотя повелѣнія и не имѣетъ, но надѣется отмѣнѣ быть, и для того совѣтуетъ только, а не приказываетъ. Въ ордерѣ же пишетъ себя быть мнѣ точнымъ во всемъ командиромъ, да и приказываетъ отсель мнѣ къ себѣ ѣхать и не ѣхать.

---

[1]) Т. е. отрекшійся отъ престола императоръ Петръ Третій. *П. Б.*

[2]) Т. е. отъ Фридриха II-го. *П. Б.*

Копія съ письма, писаннаго отъ 21-го Іюля къ фельдмаршалу.

Со всенижайшимъ благодареніемъ за ваше милостивѣйшее и довѣреннѣйшее ко мнѣ письмо имѣю честь къ отвѣту во первыхъ сослаться на мой настоящій репортъ, а притомъ симъ служить.

Мнѣ, милостивой государь, никакъ истинно и помыслить невозможно безъ точнаго вашего сіятельства повелѣнія ни отъ команды къ вамъ отъѣхать, которая ежеминутно отъ меня распоряженій теперь требуетъ, ни собою назначенной мною день на выступленіе отсель и донесенной уже ко двору отмѣнить, особливо уважая точное и позитивное высочайшее повелѣніе, полученное мною въ трехъ рескриптахъ о дѣйствительномъ въ Россію безъ потерянія времени слѣдованіи и о точномъ соблюденіи прежде заключеннаго мирнаго трактата, какъ и графъ Чернышовъ прямо уже въ Россію слѣдуетъ, а мнѣ далъ знать, что именемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни обнадежилъ его величество короля, что послѣдне-заключенной мирной трактатъ во всемъ свято и ненарушимо содержанъ будетъ.

Того ради, если ваше сіятельство, какъ изволили въ письмѣ объясниться, сверхъ тѣхъ высочайшихъ повелѣній, кои въ ордерѣ ко мнѣ изобразили и которыхъ письму ввѣрить не можете, имѣете и такія, по коимъ необходимо мнѣ должно Померанію и Колберхъ далѣе въ своей поссесіи содержать, нежели въ моемъ репортѣ представляется: то всенижайше прошу съ симъ нарочно посланнымъ дать точное на то повелѣніе или открыть оныхъ обстоятельствъ настоящее содержаніе, яко такому человѣку, которой совершенно ревнуетъ въ самой точности исполнить высочайшія намѣренія и повелѣнія и кой отъ искреннѣйшаго сердца съ величайшимъ почтеніемъ всегда пребывать честь имѣетъ.

11.

Москва, 4 Августа 1763 году [1]).

Благодарствую, мой любезнѣйшій другъ, за ваше письмо отъ 28-го минувшаго. Но какъ я его вечоръ только получилъ, а сіе сегодня поутру заготовляю, то вслѣдствіе сего, времени еще не имѣлъ видѣть ваше къ княгинѣ [2]), затѣмъ что она въ Михалковѣ. Теперь же оттуда присылала сказать, что будетъ ко мнѣ сегодня послѣ обѣда, а потому и остается мнѣ отвѣтствовать на одно ко мнѣ отъ васъ писанное.

Братъ Леонтьевъ уже давно живетъ въ своей деревнѣ, а о томъ съ достовѣрностію увѣрить могу, что отнюдь у него эска-

---

[1]) Писано въ Петербургъ, вслѣдъ за обратнымъ изъ Москвы переѣздомъ туда Екатерины II-й. *П. Б.*

[2]) Вѣроятно княгинѣ А. И. Куракиной, сестрѣ братьевъ Паниныхъ. Михалково (за Петровскимъ паркомъ подъ Москвою) принадлежало П. И. Панину. *П. Б.*

дрона гусаровъ нѣтъ. И конечно онъ къ заведенію собственныхъ гусаръ никакого предосудительнаго намѣренія не имѣетъ. А какъ мы многіе бывшіе въ минувшую войну взяли примѣръ, что всѣхъ чужестранныхъ службъ генералы, тѣ, коимъ собственный достатокъ дозволяетъ, содержатъ собственныхъ для услуги своей гусаровъ и называютъ ихъ лейбъ-гусарами, то тому и послѣдовали многіе, видя въ партикулярной своей услугѣ нужду въ томъ и пользу. Онъ же Леонтьевъ съ самаго пріѣзда въ Москву, бравъ намѣреніе ѣхать по всѣмъ своимъ деревнямъ, а имѣя предъ глазами довольные примѣры, сколько въ нашемъ отечествѣ помѣщики претерпѣваютъ отъ разбойниковъ, нарядилъ изъ своихъ собственныхъ слугъ шесть или восемь человѣкъ гусарами. Да и то подлинно, что у него одинъ отставной изъ сержантовъ армейскихъ офицеръ по бѣдности своей на его содержаніи живетъ, которой въ своемъ надзирательствѣ не только тѣхъ гусаръ, но и тѣхъ его слугъ содержитъ. Вы же сами Леонтьева знаете болтуномъ; то онъ, какъ и я слыхалъ, говаривалъ отъ хвастовства частію своимъ богатствомъ, а частію особливою будто бы склонностію къ военному ремеслу, что онъ составитъ цѣлой эскадронъ гусаръ и будетъ веселиться всегда ихъ экзерциціею; а когда война заведется, то самъ и съ тѣмъ эскадрономъ представитъ себя въ Ея Величества службу.

Вотъ, мой другъ, все истинное обстоятельство его войска. Но не достойно-ль слезъ, что драгоцѣннѣйшее сердце нашей добродѣтельнѣйшей и мудрой Монархини зловредными клеветниками приводится таковыми бездѣльными вымыслами въ напрасное безпокойство и въ безпричинное подозрѣніе на своихъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ; оные жъ невинно тѣмъ наичувствительнѣйше оскорбляются. А кажется, довольно къ уничтоженію сихъ злонамѣренныхъ людей единое, прямое и истинное понятіе о всей собственной нашихъ государей военной силѣ, изъ которой довольно будетъ двухъ или трехъ полковъ разогнать безчисленное число подобныхъ поваренныхъ войскъ. Къ тому же довольнымъ доказательствомъ служатъ и бывшія войны наши съ Польшею, гдѣ у таковыхъ магнатовъ ихъ поваренныхъ войскъ весьма много.

И такъ при нынѣшнемъ благополучномъ уже регулярномъ расположеніи нашего отечества спокойно можно почитать заведеніе помѣщиками нѣкотораго числа во услуги своей вооруженныхъ людей, болѣе къ пользѣ, нежели къ неспокойству государственному; потому что оныхъ со временемъ можно бы было употреблять не только для земской полиціи, но и въ случаѣ военной нужды брать ихъ, яко уже нѣсколько исправленныхъ, въ государеву службу.

Однакоже со всѣмъ тѣмъ я ему нынѣ же далъ совѣтъ, чтобы онъ гусаръ своихъ не только не умножалъ, но и болтать бы о томъ унялся.

Съ несказаннымъ подданническимъ признаніемъ и благодарностію принимаю я Ея Величества высочайшую довѣренность къ моимъ недостаточнымъ мнѣніямъ и готовъ при настоящемъ востребованіи всегда ихъ сочинять, сколь слабыхъ по моимъ скуднымъ свѣдѣніямъ, столь всеконечно преисполненныхъ истинною вѣрностію и ревностію. Но какъ, любезнѣйшій другъ, мнѣ способу имѣть нельзя получить безъ особливаго повелѣнія подлиннаго извѣстія, какія когда понынѣ отъ правительства дѣланы были учрежденія о побѣгахъ въ Польшу и о возвращеніи бѣглыхъ оттудова, то я принужденъ васъ же просить, чтобы вы пожаловали, истребовавъ о томъ по Сенату у Александра Ивановича *) экстрактъ, съ первою почтою ко мнѣ прислать.

Позвольте жъ наконецъ мнѣ васъ утрудить еще просьбой по моей страсти: какъ нынѣ наступаетъ осеннее время и я уже не воздержусь, чтобы не ѣздить съ собаками, а здѣсь нѣтъ сукна способнаго на сюртукъ, то пожаловать съ первою же почтою ко мнѣ прислать пять аршинъ, буде сыскаться можетъ, Аглинскаго драпу; а буде того нѣтъ, то какого ни есть удобнѣйшаго для выдержанія дождя сукна.

Чуть не забылъ сказать о томъ, что я касательное до княгини Голштейнбекъ нашему другу вечоръ же сообщилъ; а онъ вамъ усерднѣйше кланяется. Предварительно-жъ посему я отъ него только то узналъ, что принцъ, при прежнемъ отнятіи у нея всего имѣнія, не оставилъ со всѣхъ деревень собрать впередъ годовой доходъ; слѣдовательно и она онаго на нынѣшній сама не имѣетъ. Однакожъ нашъ другъ взялся къ ней для того нарочно въ подмосковную съѣздить.

Затѣмъ живи, дорогой другъ, благополучно; а я съ женою и съ сыномъ здоровы и васъ душевно обнимаемъ; а сестрѣ гораздо есть легче, и весь ея домъ здоровъ.

---

*) Генералъ-прокурора Глѣбова. *П. Б.*

Замѣтка по поводу писемъ генералъ-поручика Петра Ивановича Панина къ его брату Никитѣ Ивановичу.

Генералъ-поручикъ Петръ Ивановичъ Панинъ былъ идеально храбрый и безспорно одинъ изъ самыхъ талантливыхъ Русскихъ генераловъ временъ Семилѣтней войны [1]). Свое геройство и искусство управлять войсками въ бою П. И. Панинъ въ первый разъ проявляетъ въ Цорндорфскомъ сраженіи, когда онъ, съ полками 2 линіи, принялъ на себя и разстроилъ знаменитую атаку Прусской конницы, подъ начальствомъ Зейдлица. Затѣмъ, въ письмѣ отъ 15-го Іюля 1759 г., П. И. Панинъ даетъ высокопоучительный образецъ своего поведенія въ слѣдующемъ за Цорндорфомъ большомъ дѣлѣ, а именно въ бою подъ Пальцихомъ (Каемъ) $^{12}/_{23}$ Іюля 1759 г. Въ генеральномъ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ, $^{1}/_{12}$ Августа 1759 г., генералъ Панинъ съ Ростовскимъ и 2-мъ (нынѣ Таврическимъ) гренадерскими полками первый положилъ предѣлъ сильнѣйшей изъ атакъ Пруссаковъ, подъ личнымъ начальствомъ Фридриха II,—оврага Кугрундъ. Наконецъ, взглядъ генерала Панина на общее направленіе операцій Русской арміи въ концѣ 1759 года [2]) свидѣтельствуетъ о правильности пониманія имъ бывшей обстановки и той цѣли, которая должна быть достигнута Русскою арміею. Независимо отъ должности бригаднаго командира пѣхоты генералъ Панинъ, въ тоже время, занималъ важный постъ дежурнаго генерала при Апраксинѣ и Ферморѣ [3]).

При этой выдающейся дѣятельности П. И. Панина, весьма понятно, съ какимъ интересомъ должна отнестись военно-историческая наука къ его бумагамъ и къ его личной перепискѣ [4]). Это послѣднее

---

1) Мы излагаемъ эти факты на основаніи архивныхъ данныхъ, послужившихъ матеріаломъ для втораго выпуска нашего труда „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“ и для статьи „Кунерсдорфская операція“, переданной нами въ распоряженіе редакціи „Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ“.

2) „Чтенія въ Имп. общ. Исторіи и Древн.“ 1887 г. кн. I; „Русско-австрійскій союзъ, стр. 210.

3) Относительно особенностей дѣятельности Панина послѣ 1759 г., мы воздерживаемся говорить, такъ какъ разборъ документовъ этой эпохи съ 1760 г. нами еще не оконченъ.

4) Бумаги Петра Ивановича Панина сохранились у его правнуки, княгини Маріи Александровны Мещерской, урожденной графини Паниной. Благодаря просвѣщенному сочувствію

предположеніе вполнѣ оправдывается первыми же его письмами къ своему брату, только теперь появляющимися въ печати.

Несмотря на ограниченное число этихъ писемъ и на интимно-семейный ихъ характеръ, два изъ нихъ (отъ 15-го Іюля 1759 г. и 3-го Іюля 1760 г.) имѣютъ самый живой военно-историческій интересъ.

Въ письмѣ отъ 15-го Іюля 1759 г. генералъ П. И. Панинъ, въ сжатомъ видѣ, излагаетъ дорогіе факты для очерка операцій, предшествовавшихъ сраженію подъ Пальцихомъ (Каемъ), и даетъ важныя подробности боя $^{12}/_{23}$ Іюля того же года. Это послѣднее особенно важно потому, что вообще сраженіе подъ Пальцихомъ мы до сихъ поръ могли бы изучить только по офиціальной реляціи и журналу, не имѣя ни одной изъ замѣтокъ очевидца.

Не касаясь спеціальныхъ особенностей операцій и хода самаго боя 12-го Іюля 1759 г., раскрытыхъ этимъ письмомъ, мы не можемъ не остановиться на двухъ выдающихся обстоятельствахъ, засвидѣтельствованныхъ П. И. Панинымъ.

Замѣчательный отзывъ генерала, вполнѣ знакомаго съ дѣломъ, своему брату о человѣческомъ обращеніи нашихъ солдатъ съ побѣжденнымъ имъ непріятелемъ,—фактъ особой важности. До послѣдняго времени непоколебимо твердо установилось мнѣніе о варварствѣ Русскихъ во время войны съ Фридрихомъ II. Большинство, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, бросало на Русскую армію временъ Елисаветы самую неблаговидную тѣнь, указывая на отсутствіе начальныхъ основъ дисциплины и на „чудовищную“ отсталость Русскаго военнаго дѣла. Русскія войска представлялись чѣмъ-то въ родѣ „допотопнаго чудовища“, „толпою, одержимою Азіатскою необузданностію“, и таковые отзывы мы встрѣчаемъ даже у самыхъ уважаемыхъ военно-историческихъ писателей.

Подобная молва до такой степени перевѣсила несомнѣнно славныя дѣла Русской арміи въ Семилѣтнюю войну, что наши побѣды надъ великимъ полководцемъ Пруссіи оставались какъ бы незамѣченными. Гросъ-Эгердорфъ, Цорндорфъ, Пальцихъ, Кунерсдорфъ, Берлинъ и Кольбергъ забывались Русскою военною исторіею, признавались историками побѣдами, одержанными „какъ бы невзначай“; да и вся эпоха

княгини Мещерской къ разработкѣ фактовъ отечественной военной исторіи, мы имѣемъ случай ознакомиться съ дѣлами генерала Панина, вполнѣ разсчитывая найти въ нихъ дорогіе факты для исторіи Русскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну.

участія Русскихъ въ Семилѣтнюю войну еще недавно была едва ли не пятномъ на страницахъ Русской военной исторіи. Только съ 1872 г., по благому почину редакціи „Сборника Русскаго Историческаго Общества“ [5]), начали болѣе серьезно и критически относиться къ этому вопросу.Въ 1882 г. профессоръ академіи генеральнаго штаба, генералъ Сухотинъ первый не согласился повѣрить на слово шаблонному мнѣнію о достоинствахъ Русской арміи временъ Елисаветы [6]), что̀ много способствовало и намъ съ должнымъ вниманіемъ отнестись къ источникамъ, которые послужили основаніемъ для столь ошибочнаго общаго заключенія о прошломъ Русской арміи. Оказалося, что источниками для того служатъ свидѣтельства Нѣмецкихъ писателей и извѣстнаго А. Т. Болотова [7]), человѣка съ узкимъ кругозоромъ и довольно онѣмечившагося.

Въ непродолжительномъ времени мы съ большею подробностью возвратимся къ этому вопросу и напечатаемъ, въ цѣломъ видѣ, рядъ самыхъ типичныхъ изъ преступленій Русскихъ солдатъ въ Семилѣтнюю войну съ конфирмаціями графа Фермора [8]). Этимъ мы разсчитываемъ окончательно подтвердить: во 1-хъ, что преступленія Русскихъ солдатъ въ Семилѣтнюю войну по своему характеру не представляютъ рѣшительно ничего варварскаго и выдающагося; и во 2-хъ, что за каждое изъ подобныхъ преступленій слѣдовала страшная кара, вполнѣ равносильная смертной казни, отъ которой при Елисаветѣ было освобождено и военное сословіе, даже во время войны.

Правдивый отзывъ П. И. Панина въ письмѣ отъ 15-го Іюля о поведеніи Русскихъ солдатъ, совершенно тождественный съ отзывами о томъ же графа П. С. Салтыкова [9]), вполнѣ подтверждаетъ наши выводы и наглядно доказываетъ невозможность слѣпо вѣрить разсказамъ иностранцевъ, безъ всякаго вниманія къ документамъ нашихъ архивовъ.

Другая важная особенность того же письма касается тактическаго искусства Русскихъ войскъ во время Семилѣтней войны.

Несмотря на специальность этого вопроса, однако, „общеизвѣстно“, что искусство въ Русской арміи того времени не шло далѣе ту-

---

5) Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. 9, стр. 444.

6) Сухотинъ: „Фридрихъ Великій“, стр. 217.

7) Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Выпускъ I, стр. 1—5 и Приложеніе стр. 1—61.

8) Въ приложеніи ко II выпуску труда нашего, имѣющему появиться въ свѣтъ въ концѣ сего года

9) Сб. Русскаго Историческаго Общества, т. 9, стр. 491.

рецкаго: Русскія войска „строились на манеръ побѣждаемыхъ ими Турокъ въ огромныя каре......" [10]); образцовой кавалеріи Фридриха II мы противоставили свою отсталую въ тактическомъ образованіи конницу, отсталую до такой степени, что будто бы она на стремительныя атаки Пруссаковъ отвѣчала стрѣльбою съ коня.

Въ свое время мы представили документальное доказательство, что еще Петръ I ввелъ у насъ атаку конницы во флангъ [11]), которою такъ славилась Прусская конница Фридриха II; и тогда же разъяснили наши уставныя положенія 1755 г., гдѣ категорически было предписано съ *едиными шпагами наступать*..... [12]). Но, тѣмъ не менѣе, и въ новѣйшихъ, даже первоклассныхъ, трудахъ мы встрѣчаемъ по прежнему повтореніе стараго разсказа о совершенномъ незнаніи нашею конницею того времени Европейской тактики. Такъ, напримѣръ, г. Петрушевскій говоритъ, что наша „регулярная кавалерія полагала свою силу въ огнестрѣльномъ дѣйствіи" [13]).

Письмо П. И. Панина 15-го Іюля разъ навсегда должно опровергнуть эти ошибочные выводы. Здѣсь одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ боя категорически высказывается, что не только наши кирасиры и драгуны, гдѣ только случай допускалъ, съѣхавшись съ лучшею непріятельскою кавалеріею, *не думая никогда о пистолетахъ, но прямо съ палашами въ нихъ* (непріятельскую конницу) *въѣзжая*, къ отступленію принуждали".

Письмо П. И. Панина отъ 3-го Іюля 1760 г. способствуетъ выясненію весьма интереснаго вопроса о причинахъ замѣны главнокомандующаго графа Фермора графомъ П. С. Салтыковымъ.

Заключеніе г. Петрушевскаго о томъ, что будто бы самъ „Ферморъ просилъ увольненія отъ главнаго начальствованія и былъ замѣненъ Салтыковымъ" [14]), вполнѣ невѣрно, чтò видно и по духу рескрипта о замѣнѣ Фермора Салтыковымъ, напечатаннаго профес. Соловье-

---

[10]) Богдановичъ, „Русская армія въ вѣкѣ Екатерины II", стр. 4. Построеніе въ каре въ день Цорндорфа нами опровергается въ спеціальномъ трудѣ. Выяснилось, что Русскіе закрыли на ночь свои фланги, вслѣдствіе чего построеніе имѣло видъ каре. Съ разсвѣтомъ же дня войска построились въ обычныя двѣ линіи, и сохранился даже чертежъ перехода изъ каре въ линіи.

[11]) Строевая и полевая служба Русскихъ войскъ временъ Петра I и Елизаветы. Приложеніе, стр. 22—24.

[12]) Тамъ же, стр. 153—197.

[13]) *Петрушевскій*. Генералисимусъ Суворовъ, т. I, стр. 37.

[14]) Генералисимусъ Суворовъ, т. I, стр. 24.

вымъ [15]), и по характеру бывшаго недоразумѣнія между главнокомандовавшимъ и конференціею; а именно, по дѣлу о неимовѣрныхъ расходахъ на продовольствіе войскъ [16]), что̀ очень много способствовало замѣщенію Фермора графомъ Салтыковымъ.

Въ этомъ дѣлѣ видную роль играетъ генералъ Дицъ, любимецъ Фермора, бывшій при немъ генералъ-провіантмейстеромъ въ 1758 г. Письмо П. И. Панина 3-го Іюля и его отзывъ о Дицѣ даютъ совершенно иное освѣщеніе дѣятельности генералъ-провіантмейстера, и не безъ основанія, если принять въ соображеніе свидѣтельство и другихъ документовъ. Въ письмѣ отъ 3-го Іюля есть едва замѣтная характеристика и Фермора: „Вамъ извѣстное преслѣдованіе всея той кампаніи въ разсужденіе ея предводителя,“—глухо отзывается П. И. Панинъ о дѣятельности бывшаго главнокомандовавшаго; однако эта фраза въ связи съ секретною инспекціею арміи въ 1759 г. генерала Костюрина [17]), а также и съ данными другихъ документовъ, которыхъ мы касаемся въ своемъ спеціальномъ трудѣ, имѣетъ большое значеніе. Оставляя въ сторонѣ послѣдніе и основываясь только на письмахъ Панина, вполнѣ выясняется, что Дицъ былъ отрѣшенъ отъ должности и, мало того, его дѣло и стремленіе оправдать себя оставались безъ разсмотрѣнія болѣе года. Причины этого понятны. Если бы дѣло шло только объ одномъ Дицѣ, то едва ли бы отказались распечатать его книги. Письмо Панина нисколько не противорѣчитъ тому заключенію, что и самъ Ферморъ, вооружившій противъ себя всѣхъ старшихъ чиновъ арміи (какъ говоритъ Костюринъ) былъ замѣшенъ въ этомъ дѣлѣ.

Вообще изъ этого письма несомнѣнно слѣдуетъ, что и во время Семилѣтней войны злоупотребленія при заготовкѣ довольствія для арміи составляли уже коренное зло, противу котораго однако Апраксинъ (какъ оказывается) отыскалъ мѣры [18]).

Д. Масловскій.

---

15) Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. 24-й, стр. 252—253.

16) Тамъ же.

17) Архивъ Князя Воронцова, кн. 7, стр. 354—366.

18) См. у Соловьева стр. 252 и „Русская армія въ Семилѣтнюю войну“. Выпускъ I, стр. 108, пун. 2-й.

ВСТРѢЧА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній княжны В. Н. Репниной *).

Въ 1819-мъ году, въ началѣ Сентября, императоръ Александръ Павловичъ пріѣхалъ въ Полтаву. Отецъ мой, князь Николай Васильевичъ, былъ тамъ генералъ-губернаторомъ. Мама̀ (которая не хвасталась своими дѣтьми, подобно Корнеліи—Римлянкѣ, а довольствовалась тѣмъ, что любила ихъ про себя) не захотѣла, чтобы мы оставались въ Полтавѣ во время этого царскаго посѣщенія и послала насъ за 4 версты оттуда, въ помѣстье „Требы", принадлежавшее г-ну Базилевскому. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Мы отправились въ „Требы": Анна Николаевна Бантышъ-Каменская (маминъ другъ), Швейцарка мамзель Викторія Вильдерметъ, потомъ мы четверо дѣтей, т.-е. братъ мой и двѣ мои сестры, мальчикъ Адольфъ Гойеръ, оправлявшійся въ то время отъ горячки, няня, кормилица моей сестры Лили, лакеи и горничныя. Домъ въ Требахъ былъ почти безъ мебели. За прихожей была зала, гдѣ стояли кровать, ширмы, да столъ со стуломъ; тутъ помѣстилась Анна Николаевна. Изъ залы одна дверь вела въ заднюю комнату, которую отдали моей маленькой сестрѣ съ ея кормилицей и няней; другая дверь вела въ большую комнату, съ выходомъ въ садъ; здѣсь мы всѣ спали на полу, на соломѣ, кромѣ Адольфа, товарища моего брата. Какъ онъ еще былъ слабъ, то ему дали кровать. Затѣмъ въ слѣдующей комнатѣ расположилась мамзель Вильдерметъ; тамъ стояло откидное бюро. Я не знаю, зачѣмъ стали мыть крыльцо въ нѣсколько ступенекъ, со двора въ прихожую, и считать наше грязное бѣлье въ комнатѣ Анны Николаевны, не

*) Съ позволенія княжны Варвары Николаевны записано съ ея словъ. *П. Б.*

смотря на то, что мы должны были оставаться въ „Требахъ" всего 3 или 4 дня.

Вдругъ какой-то экипажъ останавливается у воротъ обширнаго двора, и мы видимъ подбѣгающаго къ Аннѣ Николаевнѣ дядю нашего, князя Петра Михайловича Волконскаго, который, совсѣмъ запыхавшись, говоритъ, что Государь желаетъ здѣсь остановиться, чтобы переодѣться изъ мундира въ дорожное платье. Анна Николаевна вскрикиваетъ и увѣряетъ, что это невозможно. Мой дядя, точнѣйшій исполнитель приказаній Государя, съ негодованіемъ отвергаетъ возраженія Анны Николаевны и бѣжитъ встрѣтить Государя. Въ одну секунду кучера (зачѣмъ они у насъ были?) берутъ песку въ полы своихъ армяковъ и бросаютъ его на сырыя ступеньки, а мы всѣ собираемъ разбросанное по полу бѣлье и швыряемъ его за ширмы на постель Анны Николаевны. Это было очень забавно; въ сумятицѣ опрокидываютъ Адольфа, еще не совсѣмъ твердаго на ногахъ; онъ начинаетъ плакать. Братъ и сестра, очень застѣнчивые, убѣгаютъ въ сарай; я же, не сходя съ мѣста, дожидаюсь Августѣйшаго посѣтителя, стоя рядомъ съ Анной Николаевной у двери нашей комнаты. (Не знаю, почему мы не пошли къ нему на встрѣчу?) Государь пріѣзжаетъ и входитъ въ нашу первую комнату. Его камердинеръ, при видѣ почти пустой залы, хочетъ пройти въ комнату, гдѣ спала маленькая сестра моя; но кормилица, стоявшая у порога двери, кричитъ ему: „Нельзя, нельзя, здѣсь спитъ моя княжна", а сама такъ низко кланяется Государю, что повойникъ слетаетъ у нея съ головы; она его подхватываетъ, а Государь приказываетъ камердинеру: „Оставь, оставь и здѣсь можно".

Наконецъ, онъ приближается къ намъ. На мнѣ было розовое ситцевое платье съ большимъ чернильнымъ пятномъ на груди. Государь стоитъ. Никто не подумалъ предложить ему единственный стулъ, который былъ подъ рукою. Онъ очень любезенъ. Онъ говоритъ А. Н. Бантышъ-Каменской про ея покойнаго отца Николая Николаевича, спасшаго Московскій государственный архивъ въ 1812-мъ году. Онъ спрашиваетъ, сколько дѣтей у моихъ родителей. Анна Николаевна отвѣчаетъ, что трое (она забыла мою маленькую сестру, что̀ меня возмутило до глубины души: для кого же была кормилица?). „А гдѣ старшіе?" спросилъ Государь.—„Они пошли гулять".—„Они ужъ такъ благоразумны, что ихъ пускаютъ однихъ?" Я не помню, каковъ былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ (опять у меня внутреннее негодованіе: братъ и сестра мои прячатся, и про нихъ лгутъ). Я хотѣла возразить; но въ то время молчаніе было обязательно для дѣтей.

Я двинулась было поцѣловать руку Государя; но онъ этого не позволилъ и поцѣловалъ мою. „Княгиня Репнина“, сказалъ онъ, „имѣетъ при своихъ дѣтяхъ сестру Маргариты Вильдерметъ, которая находится при великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ (позднѣе императрицѣ). Если бы она дала мнѣ порученіе къ ней, я съ удовольстіемъ исполнилъ бы его“, прибавилъ Государь. Между тѣмъ, наша мамзель, одѣтая въ красное сургучнаго цвѣта платье, стояла въ своей комнатѣ, дверь которой была отворена настежъ, у откиднаго бюро, и только производила ртомъ звуки, которыхъ невозможно описать, но не двигалась съ мѣста, хотя Анна Николаевна крикнула ей довольно громко: „Его Величество желаетъ съ вами говорить“. Полнѣйшее окаменѣніе!

Наконецъ, камердинеръ объявилъ, что все готово. Государь поклонился и пошелъ совершать свой туалетъ. Въ это время дядя бесѣдовалъ съ Анной Николаевной, о чемъ—я не помню. „Волконскій“, кликнулъ Государь, пріотворяя дверь. Дядя предложилъ ему пройти черезъ нашу комнату, выходящую въ садъ; но онъ этого не захотѣлъ подъ предлогомъ, что былъ въ дорожномъ костюмѣ: я думаю, что съ него было довольно насъ послѣ столь необыкновеннаго пріема.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО [1]).

(Декабрь 1821—Май 1822).

(Баку—Тифлисъ).

8-го Дек. Поутру я получилъ, при летучей картѣ, повелѣніе отъ П. А. Вельяминова, которымъ онъ позволяетъ мнѣ наградить команды какъ сухопутныя, такъ и морскія, находившіяся въ экспедиціи, раздачею всякому рядовому по три рубля сер., а унтеръ-офицерамъ по пяти рублей. Онъ обѣщается мнѣ представить объ удачномъ окончаніи экспедиціи Государю, также не оставить безъ награжденія и офицеровъ при мнѣ находящихся, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Между тѣмъ онъ приложилъ предписаніе къ Юрьеву, которымъ онъ дѣлаетъ ему тѣже обѣщанія въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Онъ позволяетъ Якши-Магмеду слѣдовать въ Тифлисъ или оставаться въ Бакѣ, предоставляя сіе на его волю и полагая ему въ семъ послѣднемъ случаѣ по 3 рубля сер. въ сутки содержанія. Я былъ очень обрадованъ тѣмъ, что все требованное мною исполнилось; но не нахожу въ офицерахъ своихъ, особливо въ Рюминѣ, тѣхъ чувствъ привязанности къ должности своей, которыхъ бы можно ожидать отъ всякаго благороднаго человѣка. Не буду впередъ имѣть при себѣ чужихъ офицеровъ, которые, видя, что, изъ уваженія и преданности къ ихъ начальнику, я часто смалчиваю и переношу ихъ поступки, полагаютъ въ терпѣніи моемъ видѣть слабость. Но я рѣшился лучше самъ переносить, чѣмъ нанести Базилевичу неудовольствіе наказаніемъ ихъ.

9-го. Я получилъ отъ морскихъ офицеровъ бумагу, которою они благодарятъ меня за доставленную имъ благодарность отъ Ивана Александровича; бумага сія, написанная въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, хотя отъ подчиненныхъ, была мнѣ очень пріятна, и я занесъ въ журналъ свой только копію съ нея, а ее включилъ въ число благодарностей и свидѣтельствъ, полученныхъ мною отъ начальства во все время моей службы.

10-го. Я провелъ весь день дома въ занятіяхъ. Ввечеру навѣстилъ меня комендантъ. Человѣкъ сей день ото дня мнѣ болѣе нравится. Онъ честный и пріятный человѣкъ, храбрый и благородный офицеръ.

---

[1]) См. „Р. Архивъ“ сего года, I, 393.

11-го. Я просидѣлъ до 1-го часа ночи за письмами; занятія и сидячая работа становятся мнѣ тяжелы. Я сижу и занимаюсь съ утра до вечера.

12-го *). Поутру былъ у меня весь городъ. Я былъ на завтракѣ у коменданта. Ввечеру, чувствуя себя нездоровымъ отъ чрезмѣрныхъ занятій, я вышелъ со двора и провелъ часа два у Басаргина.

13-го. Я праздновалъ день освобожденія своего изъ Хивы. Въ Россіи всѣ родственники мои и пріятели должны были собраться и провести время вмѣстѣ, радуясь моему избавленію. Я созвалъ на обѣдъ къ себѣ Басаргина, Юрьева, Макарова и Кунта. Ввечеру была у меня музыка. Кунтъ отличался на скрипкѣ, комендантъ провелъ у меня вечеръ.

20-го. Я получилъ письмо отъ Старкова, которымъ онъ меня зоветъ къ себѣ, обѣщаясь доставить меня въ Карагачъ въ Кахетіи, откуда до Тифлиса есть вездѣ почтовыя станціи. Онъ пишетъ мнѣ, между прочимъ, что Петровичъ произведенъ въ чинъ губернскаго секретаря, чтò меня очень порадовало; первое потому, что я увидѣлъ, сколько Алексѣй Петровичъ уважаетъ мое представленіе, а второе потому, что я расплатился съ симъ человѣкомъ и довершилъ свои обѣщанія. Онъ слишкомъ много награжденъ отъ правительства, но съ моей стороны ничего лишняго не сдѣлано: я всегда помню, что онъ сопутствовалъ мнѣ въ Хиву. Получено здѣсь извѣстіе о прибытіи Алексѣя Петровича въ Тифлисъ. Онъ пріѣхалъ 13-го числа сего мѣсяца.

Сего же числа, послѣ полдня, я отправилъ лишнія вещи свои на двухъ обывательскихъ наемныхъ подводахъ въ Тифлисъ, приставивъ къ нимъ для смотрѣнія рядоваго Тимоѳея Никитина и Сергѣя.

21-го. Я писалъ ко всѣмъ комендантамъ Тифлисской дороги, чтобы они выставили для меня лошадей и оказали бы отправленнымъ арбамъ всякое пособіе.

22-го. Я сидѣлъ цѣлый день дома и повѣрялъ свои расходныя книги. Ввечеру надѣялся быть свободнымъ и ѣхать на транспортъ, чтобы нѣсколько развлечь себя; но не тутъ-то было—пришелъ священникъ здѣшній, который сталъ меня пилить. Однако, посидѣвъ съ нимъ, я объявилъ ему, что мнѣ недосугъ, и отправился на транспортъ. По возвращеніи я опять сталъ заниматься и просидѣлъ до полночи. Занятія мои въ Бакѣ становятся ощутительны для моего здоровья. Онѣ слишкомъ постоянны и продолжительны; въ свободное время, вмѣсто того чтобы отдохнуть, одуматься, осмотрѣться, должно сидѣть со здѣшними болванами и слушать глупыя ихъ рѣчи.

---

*) Царскій день: рожденіе императора Александра Павловича. П. Б.

23-го. Катани цѣлый день дома не было. Третьяго дня онъ проигрался у Александровскаго въ домѣ и вчера не показывался ко мнѣ. Онъ цѣлый день шатается по городу и старается, гдѣ бы то ни было, сыскать игру. Вчера ввечеру, уже очень поздно, я искалъ его по всему городу и нашелъ у Любимскаго, здѣшняго таможеннаго чиновника. Они играли, и не прежде какъ по второму зову я могъ его достать домой. Сдѣлалъ ему уже неласковый выговоръ, какъ то прежде бывало; онъ не слушается и принимаетъ ласки за слабость.

Декабря 24-го дня, для избѣжанія праздниковъ, я отправился изъ Баки.

26-го я пріѣхалъ въ Старую Шемаху, гдѣ былъ принятъ комендантомъ Ширванской области подполковн. Николаемъ Васильевичемъ Высоцкимъ. Прежняя столица Мустафы-хана въ Фитаксѣ совершенно истреблена. Всѣ жители оной переведены въ Старую Шемаху и начали было строиться; но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ показали желаніе поселиться въ Новой Шемахѣ, то приказано было остановить строенія до разрѣшенія главнокомандующаго. Между тѣмъ множество народа, поселившагося въ старомъ городѣ, живетъ въ шалашахъ и лачугахъ. Ихъ обязали теперь подпиской, что если главнокомандующій вздумаетъ переселить городъ въ Новую Шемаху, то они оставятъ начатыя ими строенія. Городъ очень многолюденъ и со временемъ будетъ повидимому самымъ лучшимъ во всѣхъ странахъ подвластныхъ Алексѣю Петровичу. Народъ покоренъ и терпѣливо сноситъ притѣсненія, происходящія отъ нерадѣнія нашего правительства.

27-го я пріѣхалъ ночевать въ Новую Шемаху. Меня провожалъ Гуссейнъ-бекъ, родственникъ бывшаго хана.

29-го. Я встрѣтился съ Ахметъ-султаномъ, однимъ владѣльцемъ Ширванскимъ, отпустилъ Гуссейнъ-бека домой, а къ себѣ взялъ въ мегмендари сына султанскаго Гаджи-бека. Онъ принималъ меня въ своей деревнѣ, потчивалъ меня и проводилъ до Гёгъ-Гойскаго поста, гдѣ я нашелъ высланнаго на границу Нухинскую для моей встрѣчи прапорщика Джафаръ-бека. Старковъ, комендантъ Нухинской, приказалъ меня принять со всѣми почестями. Изо всѣхъ деревень выѣзжали ко мнѣ беки на встрѣчу, и трое изъ нихъ, Джафаръ-бекъ, Агаси-бекъ и братъ его Шкендеръ-бекъ, остались провожать меня до Нухи. Въ ту ночь я ночевалъ на Турчанскомъ посту, гдѣ встрѣтился со мной ѣдущій въ Баку инженерный капитанъ Тегеръ со своей матерью, Нѣмецъ.

30-го я пріѣхалъ ночевать на Чемакинскій постъ. Проводники мои пилили меня цѣлый день различными учтивостями, несносными, скучными; притомъ же разсказывали мнѣ все, какъ они мнѣ усердно

служатъ, и надоѣли мнѣ до крайности. Желая отдѣлаться отъ нихъ, я ихъ съ вечера отпустилъ ночевать въ деревню и велѣлъ на другой день пріѣзжать нерано; а самъ 31-го числа отправился до разсвѣта по дорогѣ къ Нухѣ, приказавъ сказать имъ, по прибытіи ихъ на станцію, что я поѣхалъ въ Елисаветполь. Подъѣзжая къ Дегнинскому посту, они всѣ нагнали меня въ скачь и снова начали надоѣдать мнѣ, и я не нашелъ лучшаго средства отдѣлаться отъ нихъ какъ напоить ихъ пьяными. Двое напились; я побранилъ ихъ за неумѣренность, и они во всю дорогу до Нухи оставили меня въ покоѣ.

Того же вечера я прибылъ въ Нуху довольно поздно. Комендантъ Старковъ выѣзжалъ ко мнѣ на встрѣчу, но попалъ на другую дорогу, и мы съ нимъ разъѣхались.

1822-й годъ.

1—2 Января я пробылъ въ Нухѣ; погода была дурная, и я не видалъ города. Я жилъ въ зáмкѣ бывшаго тамъ хана, который былъ отравленъ самымъ подлымъ образомъ княземъ Мадатовымъ. Мрачное и холодное жилище его, построенное въ темномъ ущельѣ, вѣчно покрыто туманами, напоминая о несчастной смерти сего владѣльца; оно приводитъ также на память тѣ ужасы и жестокости, которыми знаменовалось его правленіе. Городъ довольно обширенъ и состоитъ весь почти изъ садовъ. Ширванское и Нухинское ханства приносятъ дохода въ казну нашу до 140 тысячъ червонцевъ. Старковъ говорилъ мнѣ между прочимъ о кончинѣ маіора Макаева, бывшаго приставомъ въ Ширванскомъ ханствѣ. Деньги Мустафы-хана, которыя были показаны увезенными имъ за границу, нашлись у Макаева въ Тифлисѣ, и говорятъ, что князь Мадатовъ замѣшанъ въ семъ дѣлѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ханъ былъ ограбленъ, деньги утаены и казна обманута; но правительство здѣшнее сажаетъ безъ выбора людей на такія мѣста. Они, пользуясь безпечностью онаго, удовлетворяютъ своему корыстолюбію, презирая всѣ правила чести. Не сужу о Мадатовѣ, виноватъ ли онъ или нѣтъ; похоже, что онъ виноватъ, ибо онъ былъ пріятель Макаеву. Но если онъ былъ виноватъ въ семъ дѣлѣ, то онъ его и поправитъ; ибо онъ хорошо чувствуетъ, что Алексѣй Петровичъ, представивъ о немъ Государю съ такой выгодной стороны и составивъ ему такія богатства и награжденія, не можетъ вдругъ идти вопреки прежняго своего поступка. Трудно разобрать ихъ. Твари презрительныя. Иные говорятъ, что и Макаевъ тоже умеръ отъ яда: здѣсь болтаютъ ужасы.

3-го числа послѣ обѣда я отправился въ дорогу, черезъ владѣнія Елисуй-султана и Чарское. Меня провожалъ Старковъ до деревни Билиджикъ, отстоящей на 22 версты отъ Нухи. Деревня сія есть послѣдняя Шекинскаго владѣнія въ сей сторонѣ.

4-го я проѣзжалъ владѣнія Елисуй-султана и Чарскихъ Лезгинъ. Мѣста сіи, въ которыхъ за нѣсколько лѣтъ до сего Русскій не могъ показываться, не подвергаясь величайшей опасности, нынѣ свободны для проѣзжихъ, съ нѣкоторыми осторожностями. Тутъ нѣтъ казачьихъ постовъ, и меня провожали Нухинскіе беки и около двадцати человѣкъ Татаръ. Мѣста, черезъ которыя я ѣхалъ, прекрасны: все сады или рощи Въ правой рукѣ остаются не въ большомъ разстояніи снѣговыя Кавказскія горы, имѣющія величественный видъ; все пространство, отъ дороги до горъ заключающееся, покрыто множествомъ селеній Лезгинскихъ, коихъ строенія бѣлѣются въ ущельяхъ и на покатостяхъ Кавказа. У подошвы сихъ горъ простирается на большое разстояніе стѣна. Султанскій родня, встрѣчавшій меня, говорилъ, что онъ видѣлъ стѣну сію на сорокъ верстъ длины и что она еще далѣе простирается. Она обвалилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; но слѣды ея и самая стѣна еще хорошо видны. Должно быть таже самая, которая идетъ отъ Дербента до Чернаго моря и которую историки называютъ стѣною—Джуджъ и Маджюджъ, или Гогъ и Магогъ; полагаютъ, что она выстроена Нуширханомъ; другіе полагаютъ ее еще гораздо древнѣе. Въ лѣвой рукѣ была у меня рѣка Алазань, называющаяся у Лезгинъ Каныхъ. Проѣхавши 38 верстъ или 40, мы остановились ночевать на лѣвомъ берегу рѣки, еще не въ нашихъ границахъ, въ Лезгинской деревнѣ Падаръ.

5-го я переправился черезъ Алазань въ челнокѣ и въѣхалъ въ Кахетію. Послѣ 30-ти верстнаго перехода, все равнинами, я прибылъ въ Карагачъ, гдѣ находятся квартиры Нижегородскаго драгунскаго полка. Полка тутъ не было, шесть эскадроновъ стояло за Алазанью, потому что неурожаи травы прошлаго года были очень ощутительны въ Кахетіи; въ Карагачѣ же находился только одинъ запасный эскадронъ. Полковникъ князь Чавчавадзевъ тутъ же былъ. Онъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что ему не ввѣрили начальствованія симъ полкомъ; на мѣсто его назначили командиромъ полковника Шабельскаго, который еще изъ Россіи не прибылъ. Якубовича я не нашелъ въ полку: онъ на линіи и отпущенъ Алексѣемъ Петровичемъ, подъ предлогомъ будто за ремонтомъ, въ отпускъ домой.

6-го я выѣхалъ изъ Карагача и ночевалъ на Домнолинскомъ посту, гдѣ встрѣтился на другой день съ княземъ Эристовымъ, генералъ-маіоромъ, возвращающимся изъ Тифлиса.

7-го я пріѣхалъ ночевать въ Нѣмецкую колонію Сартагалы, а 8-го прибылъ въ Тифлисъ. Арбы, отправленныя мною изъ Баки, прибыли въ тотъ же самый день. Я пріѣхалъ поздно и въ Воскресенье, когда всѣ были въ собраніи; я прямо поѣхалъ въ баню. Я ночевалъ у Амиръ-Шакиръ-баши, который былъ недавно извѣщенъ о смерти сына своего Александра, убитаго въ сраженіи противъ Абхазинцовъ. Сынъ же моего хозяина Бебутова, служа въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку подпоручикомъ, бѣжалъ въ Персію и теперь находится въ Эривани.

9-го числа я являлся къ Вельяминову и къ Алексѣю Петровичу и былъ очень хорошо принятъ. Старикъ Иванъ Александровичъ приказалъ мнѣ отъ имени Алексѣя Петровича представить къ награжденіямъ всѣхъ находившихся при мнѣ офицеровъ; но я намѣренъ повременить и дождаться окончанія работъ.

12-го. Ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича и всѣ раза, что̀ его видѣлъ, былъ принятъ съ одинаковою ласкою. Я старался узнать, расположенъ ли Алексѣй Петровичъ дать мнѣ полкъ, и потому просилъ Петра Николаевича *) развѣдать о семъ. Отвѣтъ былъ очень выгодный, и если вѣрить словамъ Алексѣя Петровича, то я долженъ получить полкъ; но можно полагать, что онъ хочетъ только меня задержать, съ тѣмъ чтобы, съ открытіемъ весны, снова послать меня въ Туркменію. Однакоже мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы не ѣхать: пора одуматься и, бросивъ путешествія, избрать родъ службы покойнѣе, выгоднѣе и подъ глазами главнокомандующаго.

16-го. Я провелъ часть вечера у Базилевича и у Попова, но скоро возвратился домой, потому что меня извѣстили о пріѣздѣ Старкова, который остановился у меня.

17-го. Я провелъ вечеръ у Алексѣя Петровича. Богъ знаетъ какіе у него планы; мнѣ кажется, что основательно никакихъ нѣтъ: говоритъ о завоеваніи Хивы, о торговлѣ съ сѣверной Индіей, о Аму-Дарьѣ, о нерасположеніи Государя къ завоеваніямъ, объ удобной торговой дорогѣ къ Хивѣ, и проч. Сюда привезли на дняхъ изъ Оренбурга двухъ Хивинцевъ, задержанныхъ генераломъ Эссеномъ. Они содержатся у коменданта; не знаю, для какой цѣли сюда присланы и что̀ съ ними дѣлать намѣрены.

Вечеръ провелъ у меня новый знакомый, Николай Александровичъ Павловъ, братъ мужа сестры Алексѣя Петровича; онъ служилъ во флотѣ лейтенантомъ, имѣетъ лѣтъ подъ сорокъ, былъ нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, теперь въ службѣ капитаномъ арміи и старшій

*) Ермолова. П. Б.

адъютантъ при корпусѣ, человѣкъ простой, но честный и хорошій; онъ мнѣ очень понравился.

19-го. Перебывало у меня болѣе сорока человѣкъ, и комната моя изображаетъ площадь на рынкѣ, на которую являются всякаго званія люди для того, чтобы повидаться съ моимъ гостемъ Старковымъ, и я не могу ничего дѣлать: разговоръ и крикъ съ утра до самаго вечера не прекращаются; комната уже не убирается, и я счастливъ тогда, когда въ кучу сихъ людей придетъ одинъ изъ тѣхъ, коихъ присутствіе мнѣ пріятно въ свободное время. Старковъ добрый малый, храбрый и, говорятъ, безкорыстный человѣкъ, но несносный говорунъ, и когда никто съ нимъ не говоритъ, то онъ читаетъ въ слухъ для себя. Вчера ввечеру я былъ на балѣ у Мадатова и ушелъ довольно рано оттуда, чтобы заняться нѣсколько ввечеру, ибо цѣлый день мнѣ не дали ничего дѣлать.

20-го. Я цѣлый день занимался какъ должно. Ввечеру, только что я отдѣлался и сбирался отдохнуть, какъ появилось ко мнѣ пропасть Татаръ и Армянъ, знакомыхъ и незнакомыхъ. Они всѣ пришли къ Старкову. Комната моя была набита биткомъ; я пробрался сквозь толпу, бѣжалъ изъ дому и провелъ вечеръ скитаясь по разнымъ домамъ; когда же мнѣ пришли сказать, что орда разошлась, что̀ уже было въ десятомъ часу вечера, я возвратился.

21-го. Вчерашній день пропалъ у меня почти по пустому: гости ничего дѣлать не давали, и мнѣ ни за что̀ нельзя будетъ порядочно приняться до отъѣзда Старкова, который можетъ быть еще долго у меня проживетъ. Вечеръ я провелъ у Попова, гдѣ былъ квартетъ. Бобарыкинъ отличался въ первой скрипкѣ.

22-го. Мнѣ навязали билетъ въ собраніе, и ввечеру я посѣтилъ оное на короткое время. Возвратясь домой довольно рано, я легъ спать и ночью былъ встревоженъ однимъ длиннымъ сномъ, который продолжался и не терялъ связи, не взирая на то, что я нѣсколько разъ просыпался.

23-го. Я былъ на званомъ обѣдѣ у Алексѣя Петровича, по случаю прибытія сюда Гуріяльскаго владѣльца, котораго угощали. Онъ генералъ-лейтенантъ нашей службы, имѣетъ Аннинскую и Владимирскую звѣзды и носитъ генеральское шитье, эполеты и ленту на парадномъ одѣяніи своемъ. Онъ высокаго роста, молодъ и хорошъ собой.

24-го я былъ на такомъ же званомъ обѣдѣ у старика Вельяминова, гдѣ находился тоже Гуріялъ. Ввечеру меня пилили разные скучни и очень долго. Я молчалъ, а гости все спорили между собой о преимуществѣ христіанской вѣры надъ магометанской. Не зная послѣдней, врали жестокимъ образомъ и приходили ко мнѣ судиться. Напо-

слѣдокъ кончилось тѣмъ, что Армянинъ утверждалъ, что Армянское евангеліе ближе всѣхъ переведено къ Еврейскому; а Старковъ, не понимая о чемъ тотъ говорилъ, вступился, какъ патріотъ отечества, и увѣрялъ, что Славянскій языкъ имѣетъ красоты преимущественныя красотамъ всѣхъ прочихъ языковъ. Бѣда моя прекратилась пріѣздомъ Воейкова; я оставилъ ихъ спорить и провелъ вечеръ съ нимъ въ пріятельскомъ разговорѣ до полуночи.

25-го. Провелъ вечеръ у Грибоѣдова. Нашелъ его перемѣнившимся противъ прежняго. Человѣкъ сей очень уменъ и имѣетъ большія познанія.

26-го у Мадатова былъ балъ, который давалъ Алексѣй Петровичъ для Гуріяла. Я также долженъ былъ на ономъ находиться противъ воли своей. Всякій день отрываютъ меня отъ занятій и заставляютъ участвовать въ собраніяхъ, на которыхъ другіе веселятся.

22-го или 23-го числа выѣхалъ отсюда Петровичъ въ Дербентъ, получа отъ главнокомандующаго сто червонцевъ въ подарокъ.

27-го. Былъ у меня поутру губернаторъ и приглашалъ меня къ сегодняшнему дню на обѣдъ. У меня обѣдалъ Базилевичъ. Ввечеру я бѣжалъ изъ дому и былъ между прочимъ у губернатора.

28-го я обѣдалъ у губернатора. Гуріялъ нашъ много хлопотъ надѣлалъ; его всѣ кормятъ въ ожиданіи войны съ Турками, и мы должны быть выставлены ему на всѣхъ сихъ обѣдахъ.

29-го. День мой пропалъ даромъ. Ввечеру былъ маскарадъ въ собраніи, но я постыдился тамъ быть.

30-го я сидѣлъ поутру и занимался, какъ вдругъ раздался ужасный трескъ, который, увеличиваясь, кончился сильнымъ ударомъ въ стѣну, отъ котораго всѣ окна и шкафы въ моей комнатѣ загремѣли. Я выбѣжалъ посмотрѣть и нашелъ большой камень, который спущенъ былъ съ самой высоты горы, находящейся за моимъ домомъ, рабочими солдатами, которые ломаютъ, какъ говорятъ, крѣпостную стѣну. Камень, ударившись объ стѣну, разбился пополамъ и на лету своемъ едва не задѣлъ хозяйскаго сына, игравшаго въ то время на дворѣ. Я тотчасъ написалъ коменданту, прося его, чтобы онъ приказалъ рабочимъ бросать камни по ту сторону горы, если они въ томъ находятъ удовольствіе. Ввечеру я былъ отозванъ на свадьбу одного гражданина Тифлисскаго, но, не дождавшись прибытія невѣсты, возвратился домой.

31-го Января ввечеру Старковъ уѣхалъ отъ меня.

1-го Февраля. Бумаги мои и описанія окончены, только еще не совсѣмъ на бѣло; чертежи болѣе всего требуютъ просмотра.

2-го. Пришелъ ко мнѣ обѣдать Грибоѣдовъ; послѣ обѣда мы сѣли

заниматься и просидѣли до половины одиннадцатаго часа: я училъ его по-турецки, а онъ меня по-персидски. Успѣхи, которые онъ сдѣлалъ въ Персидскомъ языкѣ, учась одинъ, безъ помощи книгъ, которыхъ у него тогда не было. Онъ въ точности знаетъ языкъ Персидскій и занимается теперь Арабскимъ. Я нашелъ его очень перемѣнившимся, и онъ очень понравился вчера. Онъ мнѣ разсказывалъ, между прочимъ, обращеніе Мазаровича [1]) въ Персіи и какимъ онъ образомъ роняетъ честь своего званія, а слѣдственно и Государя, своимъ поведеніемъ въ Персіи. Когда получены были бумаги изъ Петербурга, которыми извѣщали Персидскій дворъ, что Турки своимъ поведеніемъ навлекаютъ на себя гнѣвъ Государя и сами задираютъ насъ къ войнѣ, надобно было объяснить Абазъ-Мирзѣ, что Государь желаетъ дать знать всѣмъ народамъ, что не страсть къ завоеваніямъ его къ сему понуждаетъ, но единственно неправильные поступки Турокъ противъ него. Грибоѣдовъ ходилъ къ Абазъ-мирзѣ и объяснилъ ему сіе, говоря, что Государь не требуетъ союзниковъ, но даетъ только ему знать о семъ. Абазъ-мирза, обрадованный симъ случаемъ, обѣщался выставить 50 тыс. воиновъ и идти на Турокъ, что̀ онъ и сдѣлалъ. На другой день Мазаровичъ, увидѣвшись съ нимъ въ саду, сталъ ему о томъ же говорить; но вмѣсто того чтобы соблюсти благопристойность, онъ просилъ Абазъ-Мирзу быть союзникомъ нашимъ, и въ знакъ благодарности, когда тотъ объявилъ свое согласіе, схватилъ у него руку и поцѣловалъ ее. Вотъ поступокъ достойный иностранца, наемщика въ нашей службѣ!

3-го. Грибоѣдовъ приходилъ ко мнѣ поутру, и мы занимались съ нимъ до пяти часовъ вечера. Вчера я получилъ письмо отъ Н. Н. Шереметевой, которымъ она извѣщаетъ меня о новорожденномъ сынѣ Леонидѣ у брата моего Михайлы. Она также обѣщается ходатайствовать о Сергѣѣ, чтобы его на волю выпустили [2]).

5-го. Я провелъ часть дня у Грибоѣдова, занимаясь восточными языками. Ввечеру явились ко мнѣ два деньщика, которыхъ Верховскій для меня вытребовалъ изъ приходящихъ сюда рекрутскихъ партій.

6-го. Былъ день происшествій. Я узналъ поутру, что Рюминъ пріѣхалъ, ждалъ его къ себѣ; но онъ не приходилъ. Воейковъ былъ у меня и, заставши у меня Грибоѣдова, сказалъ мнѣ въ другой комнатѣ, что еслибъ я одну вещь зналъ, то бы она меня очень разсердила. Я просилъ у него объясненія; онъ не хотѣлъ объясниться, наконецъ онъ

---

[1]) Дѣятельность Мазаровича мало намъ извѣстна. Вышелъ въ люди, вѣроятно, въ управленіе Министерствомъ Ин. Дѣлъ князя Чарторыжскаго. П. Б.

[2]) Т.-е. изъ крѣпостной зависимости. П. Б.

ушелъ. Въ обѣдъ пришелъ ко мнѣ Катани и сказалъ, что Рюминъ еще поутру пошелъ изъ артилерійскаго дома ко мнѣ, взявъ съ собой чертежи свои; между тѣмъ Катани сказалъ, что онъ слышалъ, будто Рюминъ былъ у главнокомандующаго и у начальника штаба. Я примѣнилъ слова Воейкова къ сему случаю и, крѣпко разсердясь, готовился Рюмина арестовать при первой встрѣчѣ, ибо поступокъ сей служилъ продолженіемъ прежнихъ и означалъ прежнюю его склонность къ хвастовству и неповиновенію. Проступокъ его по службѣ былъ довольно важенъ. Я послалъ за Воейковымъ, чтобы переговорить съ нимъ о семъ случаѣ; между тѣмъ пошелъ послѣ обѣда къ Верховскому для сего самаго. Верховскій началъ рѣчь тѣмъ, что разсказалъ мнѣ свое происшествіе съ Гіертой, который таскалъ изъ чертежной карандаши и тушь и сталъ отвѣчать ему дурно, когда онъ просилъ его не трогать сихъ вещей. Верховскій принужденъ былъ его остановить угрозою, что онъ ему покажетъ свои права. Случай сей разстроилъ Верховскаго. За симъ я ему разсказалъ Рюмина дѣло, и въ то самое время пришелъ ко мнѣ человѣкъ съ извѣстіемъ, что Рюминъ явился ко мнѣ и дожидается съ чертежами. Я просилъ Верховскаго быть свидѣтелемъ моего поступка съ Рюминымъ, и онъ пришелъ ко мнѣ. Рюмина работа была очень хороша. Я поблагодарилъ его; а между тѣмъ, узнавши, что онъ былъ у главнокомандующаго и у начальника штаба и показывалъ имъ свою работу, я побранилъ его какъ должно и отпустилъ. Пришелъ Бобарыкинъ, а за нимъ Воейковъ; я просилъ ихъ изъяснить мнѣ, въ чемъ состояли слова, сказанныя Воейковымъ поутру, полагая, что тутъ касается нѣчто до Грибоѣдова. Послѣ долгихъ отговорокъ Бобарыкинъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ Грибоѣдовъ изъяснялся у Алексѣя Петровича Петру Николаевичу насмѣшливо на счетъ нашихъ занятій въ восточныхъ языкахъ, понося мои способности и возвышая свои самыми невыгодными выраженіями на мой счетъ. Меня сіе крѣпко огорчило. Необходимо должно было имѣть поединокъ, чтобы остановить Грибоѣдова, что̀ было весьма непріятно. Я пошелъ къ Воейкову, гдѣ нашелъ Бобарыкина, объяснилъ имъ, сколько происшествіе сіе было непріятно для меня, пославъ вслѣдъ за симъ къ Грибоѣдову книгу его и велѣвъ потребовать мои назадъ; и то было въ мигъ исполнено. Вскорѣ за симъ явился ко мнѣ Грибоѣдовъ, дабы я ему объяснилъ причины, понудившія меня къ сему поступку. Я ему объяснилъ ихъ и назвалъ свидѣтелей. Мы напали всѣ на него и представляли ему его неосторожность. Онъ извинился передо мною и просилъ, чтобы я забылъ сіе; но Бобарыкинъ, имѣя старыя причины на него сѣтовать, продолжалъ спорить съ нимъ. Сіе подало поводъ къ колкостямъ съ обѣихъ сторонъ. Бобарыкинъ сознавался, что онъ

не долженъ былъ мнѣ передавать этихъ словъ, не объяснившись сперва съ Грибоѣдовымъ, но сказалъ, что уваженіе его и преданность ко мнѣ понудили къ сему. Въ самое это время Грибоѣдовъ вскочилъ и ушелъ.

Мое дѣло было поправлено, но Бобарыкинъ и Воейковъ оставались на дурномъ счету въ глазахъ Грибоѣдова. Я намѣревался и теперь намѣреваюсь пресѣчь понемногу знакомство съ нимъ; но тутъ я долженъ былъ примириться съ нимъ и принять его извиненія, и потому я отправился съ Бобарыкинымъ къ нему и примирился съ тѣмъ условіемъ однакожъ, чтобы 1) Грибоѣдовъ не смѣлъ послѣ разносить сего и 2) чтобы онъ впередъ былъ осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ. Онъ охотно согласился на сіе и далъ честное слово, что впередъ будетъ осторожнѣе и нигдѣ не разгласитъ сего дѣла. Я отдалъ ему книги и обѣщался заниматься по прежнему съ нимъ. Бобарыкинъ извинился въ томъ, что онъ мнѣ сказалъ сіе, а Грибоѣдовъ въ томъ, что прежде подалъ ему поводъ неудовольствія на себя своими неосторожными шутками. И мы такъ разстались. Передъ отходомъ, Грибоѣдовъ далъ мнѣ письмо, которое онъ хотѣлъ послать къ Петру Николаевичу, которымъ онъ просилъ его помирить его со мною. Я сжегъ сіе письмо и пошелъ къ Воейкову, куда вскорѣ и Грибоѣдовъ пришелъ и просидѣлъ съ нами до 11-ти часовъ вечера. Я возвращался съ Бобарыкинымъ домой съ двумя фонарями, какъ встрѣтился намъ Газанъ съ третьимъ фонаремъ. Мы зашли къ нему, и онъ разсказалъ намъ слѣдующее происшествіе, случившееся съ нимъ.

Здѣсь есть гражданскій чиновникъ Похвисневъ, привезенный недавно Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ бралъ книги у Газана. Газану онѣ были нужны, и онъ отправился за ними къ Похвисневу, не нашелъ его дома и сталъ рыться въ книгахъ его, чтобы свои отыскать. Человѣкъ Похвиснева не давалъ ему сего дѣлать; но какъ скоро онъ увидѣлъ, что Газанъ насильно хотѣлъ сіе дѣлать, онъ вышелъ и заперъ его въ комнатѣ. Сколько Газанъ ни просилъ его отпереть двери и выпустить его, человѣкъ не дѣлалъ сего. Газанъ выломалъ пинькомъ дверь и вышелъ.

За симъ я пошелъ домой и легъ спать, вспомнивъ, что нѣсколько разъ въ жизни мнѣ случалось имѣть дни, преисполненные происшествіями, непріятностями, и былъ радъ, что тѣ, которыя до меня касались, такъ хорошо кончились.

7-го. Поутру былъ у меня Миллеръ; ввечеру я къ нему зашелъ, и онъ толковалъ мнѣ новую систему Ганемана, по которой лечатъ болѣзни самой меньшей долею капли лекарства, и лекарства не должны быть противудѣйствующія болѣзни, но которыя бы могли произвести ее какъ человѣкъ находится въ здоровомъ состояніи. Ввечеру былъ у

Алексѣя Петровича; онъ поговорилъ со мною нѣсколько о дѣлахъ Туркменскихъ и Хивинскихъ и, сколько я могъ замѣтить, видно, что настоящей цѣли никакой не имѣется, а кажется, что обѣщалъ Государю много выгодъ отъ предполагаемаго заведенія.

10-го. Я былъ почти цѣлый день дома и занимался. Я писалъ къ Грибоѣдову записку, въ которой я объяснялъ ему, что занятія мои по службѣ не позволяютъ мнѣ больше продолжать занятія наши въ восточныхъ языкахъ и что въ Субботу долженъ у насъ послѣдній урокъ быть. Ввечеру поздно онъ ко мнѣ пришелъ и просидѣлъ до полночи. Образованіе и умъ его необыкновенны.

Третьяго дни выступилъ отсюда батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка. Весь полкъ идетъ въ походъ въ Чары и Бѣлоканы къ Лезгинамъ, для собранія подати, которую они не выплачиваютъ. Отрядъ сей идетъ по тому случаю, что князь Эристовъ посылалъ недавно къ нимъ людей для востребованія сей подати; надъ ними ругались и ихъ прибили. Съ отрядомъ изъ нашихъ офицеровъ идутъ оба Коцебу и Князевъ.

14-го. Я пробылъ весь день дома. Ввечеру навѣстилъ меня Розаліонъ-Сашальскій; онъ служилъ прежде въ Петербургѣ въ статистическомъ отдѣленіи у министра полиціи и занималъ меня разговоромъ о статистическомъ положеніи Россіи, которую совершенно знаетъ.

15-го. Ввечеру Алексѣй Петровичъ потребовалъ меня въ восемь часовъ. Я немного опоздалъ, потому что меня поздно повѣстили; но онъ не былъ въ расположеніи слушать чтенія моихъ бумагъ: посмотрѣвъ чертежи мои, судилъ о странахъ имъ невидѣнныхъ неосновательно, и заключилъ тѣмъ, что приказалъ мнѣ на другой день опять придти. Кажется, что онъ многое обѣщалъ Государю и хочетъ доказать истину сказаннаго имъ, и для того силится открыть сношенія съ Хивою по непроходимой дорогѣ, тогда какъ сношенія сіи издревле существуютъ по весьма хорошей дорогѣ въ Оренбургъ. Онъ приказалъ призвать къ себѣ и поговорить съ двумя Хивинцами, захваченными Киргизами и представленными Эссену, Оренбургскому губернатору, которыхъ онъ къ себѣ выпросилъ, дабы отослать ихъ съ письмомъ къ Магмедъ-Рагимъ-хану Хивинскому и увѣрить его въ дружелюбныхъ расположеніяхъ своихъ. Дружба сія была недавно разстроена убіеніемъ его племянника, на Сыръ-Дарьѣ, однимъ Киргизскимъ владѣльцемъ, провожавшимъ посольство Негри въ Бухарію, и разграбленіемъ нѣсколькихъ кочевьевъ его. Сверхъ того еще одинъ Хивинскій караванъ былъ истребленъ Киргизами въ глазахъ коменданта въ одной изъ пограничныхъ крѣпостей нашихъ на Оренбургской линіи, который не пустилъ ихъ укрыться въ наше укрѣпленіе. Кажется, что намѣреніе

Алексѣя Петровича состоитъ въ томъ, чтобы имѣть укрѣпленіе при впаденіи Аму-Дарьи въ Аральское море.

16-го. Поутру были у меня Хивинцы. Одинъ изъ нихъ называется Аманъ-бай, а другой Дайланъ. Одинъ изъ нихъ видѣлъ меня въ Хивѣ. Я распрашивалъ ихъ объ Аму-Дарьи; они говорили мнѣ, что рѣка сія перемѣнила свое теченіе триста лѣтъ тому назадъ, во время Арабъ-хана-Гаджи-Магомедъ-Санджара. Они ошибаются во времени. Они говорятъ, что прежнее теченіе было занесено песками, которые простираются на нѣсколько дней ѣзды, что Аральское море было прежде очень мало и что оно увеличилось со времени впаденія въ оное Аму-Дарьи; что море сіе при устьѣ рѣки прѣсное, но что далѣе оно соленое; что берега его очень вязки, имѣютъ большія отмели и почти не приступны посей причинѣ.—Ввечеру въ семь часовъ я пошелъ къ генералу и читалъ ему свои бумаги. Онъ, кажется, былъ ими доволенъ. Когда всѣ разошлись, я пришелъ къ нему опять, пробылъ у него довольно долго и успѣлъ во всемъ что̀ желалъ. Онъ согласился на всѣ награжденія, которыхъ я у него просилъ для подчиненныхъ своихъ. Для Кіата обѣщался отвести мѣсто въ Грузіи, гдѣ онъ можетъ покойно провести остатокъ жизни. Туркменскіе берега остаются безъ вниманія и признаются неудобными для устроенія на нихъ заведенія, а нынѣшній годъ пошлется одинъ морской офицеръ для обслѣдованія Карабагазскаго залива. Касательно себя я просилъ его, дабы онъ далъ мнѣ полкъ. Онъ охотно на сіе согласился и велѣлъ мнѣ подать ему письмо къ князю Волконскому, въ которомъ бы я просился изъ свиты. Онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ симъ написать къ князю и просить его о томъ же.

Послѣ обѣда былъ у меня Базилевичъ; онъ звалъ меня въ бригадные командиры въ артилерію. Я не рѣшился на сіе и. казалось мнѣ, что командованіе полкомъ должно быть гораздо лестнѣе.

18-го. Я получилъ письмо отъ брата Михайлы, которымъ онъ извѣщаетъ меня о скоромъ окончаніи печатанія моего путешествія и что изданіе прекрасное. Онъ предлагаетъ мнѣ послать одинъ экземпляръ къ Волконскому, одинъ Государю и одинъ къ графу Аракчееву. О семъ я посовѣтуюсь съ Алексѣемъ Петровичемъ. Я цѣлый день былъ занятъ заготовленіемъ представленія о своихъ офицерахъ и о морскихъ, а послѣ того написалъ письмо къ князю Волконскому, которымъ просилъ его о переводѣ меня въ строевую службу и ввечеру повезъ бумаги свои къ Алексѣю Петровичу. Онъ показалъ мнѣ письмо его къ князю, которымъ онъ убѣдительно проситъ его о переводѣ меня въ строевую службу, говоря, что я ему необходимъ для командованія полкомъ.

Прилагаю копію съ письма моего къ князю Волконскому.

Обстоятельства заставляютъ меня безпокоить ваше сіятельство своею покорнѣйшею просьбою. Полагая, что она вамъ будетъ непріятна, я долго не рѣшался на сіе; но теперь нахожусь вынужденнымъ просить васъ, чтобы вы оказали мнѣ въ семъ случаѣ милость вашу. Я прошу васъ о переводѣ меня въ строевую службу. Причиною сего есть зрѣніе мое, которое пострадало въ нынѣшнюю поѣздку мою на восточные берега Каспійскаго моря. Проведши цѣлое лѣто на открытомъ воздухѣ, въ знойномъ климатѣ, среди глубокихъ песковъ, въ трудахъ и занятіяхъ, я почувствовалъ недугъ сей, коего причину полагаю въ песчаныхъ туманахъ, не рѣдко случающихся въ тѣхъ мѣстахъ при малѣйшемъ вѣтрѣ. Мелкая проникающая пыль засыпаетъ глаза до такой степени, что нѣсколько времени нельзя ничего видѣть. Зрѣніе мое ослабло отъ сего, и я съ трудомъ привожу къ концу чертежи съемокъ своихъ, которые надѣюсь отдѣлать черезъ мѣсяцъ. Я не стараюсь избѣжать трудовъ, сопряженныхъ со службою по квартирмейстерской части, тѣмъ болѣе, что они всегда были вознаграждены столь лестнымъ для меня вниманіемъ начальства; но вышеозначенная причина заставляетъ меня признаться, что я болѣе неспособенъ къ продолженію сего рода занятій. Не желая однако оставить службы, я пріискивалъ средства продолжать ее въ другомъ званіи. Мнѣ казалось, что всякій военный человѣкъ долженъ непремѣнно пройти черезъ состояніе строеваго офицера, и потому, избравъ сей родъ службы, я рѣшился безпокоить ваше сіятельство своею просьбою."

Я имѣлъ счастіе служить одиннадцать лѣтъ въ квартирмейстерской части подъ начальствомъ вашимъ. Пользуясь вашимъ благорасположеніемъ, не искалъ до сихъ поръ другаго рода службы и никогда бы не сталъ искать его, еслибъ не понуждало меня нынѣ къ сему слабое зрѣніе мое, не позволяющее мнѣ болѣе исполнять обязанности своей съ надлежащею точностью. Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство уважите просьбу мою и не лишите меня вашихъ милостей.

19-го. Поутру Алексѣй Петровичъ потребовалъ меня, для того чтобы предложить мнѣ перейти въ артилерію бригаднымъ командиромъ. Я отвѣчалъ ему, что предоставляю судьбу свою на его волю и что не считаюсь слишкомъ счастливымъ тѣмъ однимъ, что выйду изъ его свиты. Онъ сказалъ мнѣ, что намѣренъ исполнить желаніе мое, и какъ мое желаніе было получить полкъ, то онъ обѣщался мнѣ полкъ дать, но велѣлъ мнѣ подумать и дать ему отвѣтъ ввечеру въ семь часовъ. Послѣ обѣда я ѣздилъ смотрѣть пробу, которую Алексѣй Петровичъ дѣлалъ изъ трехъ-фунтовыхъ орудій, которыя онъ хочетъ съ собою взять въ горы при отысканіи новой дороги нынѣшняго лѣта. Вельяминовъ 2-й совѣтовалъ мнѣ также перейти въ артилерію. Базилевичъ уговаривалъ меня весь вечеръ избрать артилерію, представляя мнѣ преимущество сей службы надъ прочими; но я не рѣшился на его предлоніе, а чрезвычайно совѣстно было отказать такому человѣку, когда онъ мнѣ такую честь дѣлалъ. Я легъ спать и думалъ долго, какимъ образомъ мнѣ надобно будетъ поступить на другой день, чтобы не обидѣть Базилевича и соблюсти свои выгоды по службѣ.

20-го. Поутру я поѣхалъ къ Алексѣю Петровичу. Онъ меня снова спросилъ, гдѣ мнѣ хотѣлось служить, въ полку или въ артилеріи. Я ему сказалъ, что мое желаніе есть полкъ имѣть, но что если онъ желаетъ, чтобы я былъ въ артилеріи, то я прошу его располагать мною

какъ ему угодно; что мнѣ будетъ сіе пріятно, что я слишкомъ счастливъ выйти изъ квартирмейстерской части, чтобы выбирать изъ такихъ двухъ лестныхъ мѣстъ, что я его прошу представить меня къ чему ему угодно, и что, по отправленіи курьера, я спрошу его, къ чему онъ меня представилъ. Сіе дѣло надобно сейчасъ рѣшить, сказалъ онъ.—Рѣшайте, отвѣчалъ я.—И такъ рѣшено, продолжалъ онъ.—Рѣшено, если вамъ угодно.—Ты будешь имѣть полкъ. Хотѣлось бы мнѣ тебѣ дать 7-й карабинерный; но Ладинскій не хочетъ понять (что̀ я ему всякій день даю чувствовать), что ему пора убираться отсюда, потому что сей человѣкъ надѣлалъ преглупыхъ проступковъ; я не могу его тотчасъ выгнать, и ты будешь имѣть 41-й егерскій полкъ.

21-го. Я пробылъ дома, занимаясь; началъ между прочимъ сочинять для Алексѣя Петровича Татарскую граматику, о которой онъ просилъ меня.

24-го. Ввечеру я ходилъ смотрѣть Катани, который очень заболѣлъ и лежитъ въ госпиталѣ въ сильной горячкѣ.

26-го. Я писалъ письма къ князю Волконскому и къ князю Голицыну, при которыхъ братъ Михайло долженъ приложить по экземпляру моего путешествія и послать къ нимъ. Содержаніе моего письма къ князю Волконскому слѣдующее:

Прошу покорнѣйше ваше сіятельство принять приложенный при семъ экземпляръ книги подъ названіемъ Путешествія моего въ Хиву и Туркменію. Простите ошибки, которыя въ немъ находятся. Никакая книга не бываетъ безъ нихъ; въ путешествіяхъ онѣ чаще встрѣчаются, а особливо въ описаніяхъ странъ, въ первый разъ видѣнныхъ. Новость предмета, описаннаго въ сей книгѣ, закрываетъ отчасти погрѣшности ея, и другой путешественникъ, который дерзнулъ бы въ Хиву ѣхать, прочитавъ мою книгу, безъ сомнѣнія пріобрѣлъ бы свѣдѣнія о семъ краѣ обширнѣе тѣхъ, которыя я могъ представить; еслибъ онъ оттуда возвратился, записки его были бы гораздо занимательнѣе моихъ, потому что книги усовершенствуются повторенными наблюденіями надъ однимъ предметомъ. Послѣдняя поѣздка моя въ Туркменію доставила мнѣ случай замѣтить, что карта Балканскаго залива невѣрно означена въ атласѣ, приложенномъ къ моей книгѣ. Я тогда не снималъ сего залива, а только пополнялъ старинныя карты, которыя были несправедливы. Нынѣ же, обозрѣвъ весь заливъ, я представилъ начальству вѣрныя съемки онаго. Ваше сіятельство изволите увидѣть ихъ и разницу, которая существуетъ между новыми и старыми. Я бы желалъ издать новую карту свою при краткомъ описаніи видѣнныхъ мною мѣстъ, но не имѣю права на сіе, потому что оно было сдѣлано по приказанію начальства. Что же касается до прочихъ картъ и описаній, помѣщенныхъ въ моемъ путешествіи, я не имѣлъ случая увѣриться, чтобы въ нихъ были важныя погрѣшности. Намѣреніе мое было просить ваше сіятельство, дабы вы исходатайствовали у Государя Императора позволеніе мнѣ представить одинъ экземпляръ сей книги Его Величеству; но вышеупомянутая причина остановила меня, и я приступлю къ сему въ такомъ только случаѣ, если удастся мнѣ издать дополненіе. Ваше сіятельство удостоили вашимъ вниманіемъ труды мои 1819 года. Сіе самое подаетъ мнѣ надежду, что вы не откажитесь сдѣлать мнѣ честь принять сію книгу, какъ слабый знакъ особеннаго почтенія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть и пр.

Содержаніе письма моего къ князю Дмитрію Владимировичу Го-

лицыну, главнокомандующему въ Москвѣ, такого же содержанія, съ тою разностью, что оно гораздо сокращеннѣе.

27-го. Я ходилъ къ Алексѣю Петровичу и носилъ къ нему Турецкую граматику, которую я для него сочинилъ. Послѣ полдня я ходилъ къ Грибоѣдову, который былъ боленъ сіи дни. Онъ получилъ при мнѣ записку отъ одного Англичанина Мартина, который просилъ его прислать къ нему лекаря, потому что былъ боленъ, но онъ никакого языка кромѣ Англійскаго не зналъ. Мы искали средства, чтобы доставить ему переводчика и какъ другаго не было какъ мнѣ самому идти, то я написалъ записку къ Миллеру, которою я просилъ его придти къ нему, а самъ отправился. Сей несчастный пріѣхалъ изъ Калькуты въ Тавризъ для леченія, полагая, что холодный климатъ будетъ ему полезенъ. Изъ Тавриза онъ сюда прибылъ изъ любопытства и еще болѣе занемогъ; онъ принималъ множество меркурія и хины, которые разстроили его здоровье. Положеніе его заслуживаетъ сострананія.

1-го. Поутру умеръ Катани послѣ девятидневной сильной горячки. Всѣмъ было прискорбно слышать о его смерти. Передъ вечеромъ ходилъ я прогуливаться и зашелъ изъ любопытства на кожевенный заводъ купца Тамаджева, что̀ на лѣвомъ берегу Куры, пониже Авлабара. Я засталъ самого хозяина, который показывалъ мнѣ все свое заведеніе; оно довольно хорошо устроено. Мастеръ у него Нѣмецъ, но работниковъ у него почти никого нѣтъ. Онъ ставитъ кожи въ здѣшній коммисаріатъ. Заводъ сей еще есть первый въ Грузіи.

2-го. Я пошелъ послѣ обѣда прогуливаться и встрѣтилъ Ховена; съ нимъ мы зашли посмотрѣть католическую церковь, а оттуда къ патерамъ, у которыхъ я еще въ первый разъ былъ. Патеръ Филипъ, старшій въ семъ монастырѣ, мнѣ очень понравился; онъ имѣетъ здѣсь доброе имя, какъ между Русскими, такъ и между жителями. Оттуда Ховенъ пришелъ ко мнѣ; собралось человѣкъ съ десять, и мы пили чай въ саду. Когда смерклось, я велѣлъ пускать ракеты и швермеры, которые остались у меня еще отъ Туркменской экспедиціи.

3-го. Я былъ занятъ цѣлый день разборкою промѣровъ, представленныхъ мнѣ морскими офицерами, въ которыхъ ужасная безтолковщина; наконецъ я разобралъ ихъ съ большимъ трудомъ, къ вечеру.

Я получилъ вчера письмо отъ батюшки и два изъ Парижа, одно отъ Маритона, а другое изъ дома торговаго Маритона и братьевъ, которымъ предлагаютъ мнѣ свои услуги, для доставленія какихъ угодно мнѣ будетъ вещей изъ Парижа. Ночью я имѣлъ сонъ изъ числа тѣхъ, которые, напоминая мнѣ потерянное мое счастье, оставляютъ во мнѣ впечатлѣніе печали.

5-го. Я былъ ввечеру у Алексѣя Петровича и представлялъ Якимъ-Магмеда, котораго онъ принялъ ласково, сказавъ, что онъ бы желалъ, чтобы у него бороды не было, а волоса отпущены. Онъ обѣщался вызвать отца его и поселить въ Ширванѣ и вчера повторялъ сіе же самое. Оттуда я ходилъ навѣстить Англичанина Мартина.

9-го. Я провелъ вечеръ у Алексѣя Петровича, гдѣ всякій разъ становится скучнѣе.

10-го. Я цѣлый день ничего не дѣлалъ. Собрался было къ Верховскимъ идти обѣдать къ Ивану Александровичу Вельяминову. Мы пришли немного рано и застали Гіерту, рисовавшаго портретъ Мазаровича; онъ уже сдѣлалъ здѣсь нѣсколько портретовъ масляными красками и довольно схоже, между прочими портреты Алексѣя Петровича и Ивана Александровича. Старикъ Вельяминовъ спалъ, когда мы пришли. Гіерта спросилъ у человѣка, скоро ли онъ его будить будетъ, и тотъ нагрубилъ ему жестокимъ образомъ. Сіе насъ такъ озадачило, что мы ушли и не приходили къ нему обѣдать, и я остался у Верховскаго. Послѣ обѣда приходилъ ко мнѣ Похвисневъ, молодой человѣкъ, привезенный сюда Алексѣемъ Петровичемъ и, кажется мнѣ, весьма порядочный; онъ показываетъ большую охоту къ занятіямъ и проситъ меня неотступно, чтобы я ему показалъ дорогу для пріобрѣтенія свѣдѣній о здѣшнемъ краѣ и изученія восточныхъ языковъ.

11-го. Я ходилъ послѣ обѣда прогуливаться и видѣлъ батальонъ Тифлисскаго полка, который вступилъ сюда для слѣдованія на военно-Грузинскую дорогу, гдѣ онъ смѣнитъ баталіонъ 7-го карабинернаго полка, идущій на линію.

12-го. Поутру я былъ у Алексѣя Петровича и у обѣдни. Со мною были два случая довольно непріятныхъ. Авенаріусъ, командиръ 41-го егерскаго полка, пріобрѣлъ уже давно въ Тифлисѣ дурное расположеніе своихъ знакомыхъ черезъ грубое обращеніе. Онъ имѣлъ непріятное происшествіе въ полку, былъ разруганъ однимъ офицеромъ и уличенъ всѣмъ обществомъ офицеровъ въ дурномъ обращеніи. Сіе самое понудило его проситься изъ Грузіи; его здѣсь никто не терпитъ, но покровительствуетъ ему И. А. Вельяминовъ. Авенаріуса хвалятъ въ томъ, что онъ умѣлъ содержать полкъ въ порядкѣ. Верховскій знакомъ съ нимъ и любитъ его. Мнѣ онъ никогда ни малѣйшаго неудовольствія не дѣлалъ, а только казался страннымъ. Боясь напрасно осудить человѣка и видя привязанность Верховскаго къ нему, я вчера подошелъ къ нему, говорилъ ему разныя лестныя вещи для него, стараясь симъ показать ему, что я не въ числѣ тѣхъ, которые его обвиняютъ безъ причины. Послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, онъ обратился на мое служеніе и сказалъ

мнѣ, что я *добрѣю.* Слово сіе было сказано безъ намѣренія огорчить меня; но онъ не менѣе того зналъ выраженія учтивѣе для объясненія сего, а сказалъ сіе отъ того, что привыкъ всѣхъ считать своими близкими и равными и никогда не обращался въ хорошемъ обществѣ. Слово сіе задѣло меня; но, сомнѣваясь въ истинѣ своего предположенія, я сказалъ ему нѣсколько колкостей околичностями, которыхъ онъ не понялъ, и дабы увѣрить его въ грубости сего слова я сыскалъ Жихарева и сказалъ ему, что онъ *добрѣетъ* и *толстѣетъ*, чтобы примѣтить, какъ онъ сіе первое слово приметъ. Жихаревъ слышалъ мой разговоръ съ Авенаріусомъ, догадался и засмѣялся. Я ему объявилъ свое намѣреніе и сказалъ, что слово сіе, казалось мнѣ, употребляется только, говоря о лошадяхъ. Жихаревъ старался увѣрить меня, что хотя оно неучтивое, но говорится также и о людяхъ. Я его послалъ справляться; онъ поговорилъ съ Чубаровымъ и воротился ко мнѣ съ тѣмъ же, сказавъ, что выраженіе сіе очень грубое. Я сыскалъ Авенаріуса и сказалъ ему, что онъ позволяетъ себѣ рѣчи грубыя, приличныя только мужикамъ и что если онъ въ лучшемъ кругу никогда не бывалъ, то бы лучше и не говорилъ; что такія выраженія могутъ ему навлечь большія непріятности и что я потому совѣтывалъ бы ему осторожнымъ. Онъ не умѣлъ отвѣчать мнѣ, замѣшался и ушелъ со стыдомъ. Вслѣдъ за симъ Сухановъ, человѣкъ, котораго я люблю и уважаю, узнавъ, что я постился на первыхъ недѣляхъ поста, назвалъ меня *святошею*: выраженіе также неприличное, хотя онъ сіе сдѣлалъ безъ всякаго дурнаго намѣренія. Послѣ обѣдни я его сыскалъ, отвелъ его въ сторону и сказалъ, что знакомство наше не такъ коротко, чтобы мы могли давать другъ другу наименованія, и что если онъ не находитъ мои рѣчи справедливыми и хочетъ продолжать такое обращеніе со мною, то онъ подвергается получить гораздо худшія названія. Сухановъ сдѣлалъ сіе отъ неосторожности и не догадывался, что сіе могло огорчить меня; онъ просилъ у меня извиненія и увѣрялъ, что не помышлялъ никогда нанести мнѣ малѣйшаго неудовольствія.

Сіи два случая заставили меня вчера много думать. Какія средства предстоятъ для того, чтобы избѣжать такого рода неудовольствія? И какъ должно себя вести, чтобы другіе были осторожнѣе? Мое поведеніе давно уже такого рода, что я не подавалъ никому повода къ сему, и слѣдственно причина сего заключается единственно въ свойствахъ другихъ, на которыя вліянія другаго имѣть не могу какъ то, которое я произведу, озадачивъ ихъ какимъ-нибудь смѣлымъ поступкомъ, и потому я не вижу настоящаго средства для избѣжанія сихъ неудовольствій. Я давно сбираюсь изложить такія происшествія на бумагѣ и сдѣлать общее заключеніе, изъ котораго я бы могъ себѣ

извлечь правила для поведенія и обращенія съ людьми. Недавно мнѣ Верховскій одно сказалъ, чтó меня крѣпко поразило; я записалъ его и буду твердо помнить: *Прощать нанесенныя обиды есть дѣло человѣческое, но забывать ихъ есть дѣло скотское* *).

Вчера послѣ обѣда я далъ первый урокъ Похвисневу Татарскаго языка; молодой человѣкъ сей мнѣ очень нравится.

13-го. Я былъ ввечеру у Алексѣя Петровича и выпросилъ у него должное награжденіе моему мирзѣ Магмедъ-Гуссейну, возвращеніе унт.-офицерскаго чина Никитину, разжалованному рядовому Бакинскаго гарнизона, и суквà на платье Туркмену Якши-Магмеду, сыну Кіата.

15-го. Поутру заходилъ ко мнѣ Грибоѣдовъ съ Англичаниномъ Мартиномъ, который оправился отъ своей болѣзни и сбирается на дняхъ отсюда ѣхать. Послѣ обѣда я ходилъ съ Верховскимъ въ сады, которые на острову на Курѣ, ниже города, версты за три или за четыре отсюда. Я нашелъ прекрасный садъ, въ коемъ безчисленное множество аллей виноградныхъ; онъ очень обширенъ, и можно его назвать лабиринтомъ; ибо множестно крытыхъ дорожекъ и стѣнъ, раздѣляющихъ владѣльцевъ сего сада, дѣлаютъ его очень сложнымъ и кто въ первый разъ въ немъ, нескоро найдетъ въ немъ дорогу. Зелень мало-по-малу начинаетъ показываться. Лѣтомъ же на семъ острову вѣчная прохлада отъ тѣни старыхъ каштановыхъ деревьевъ и безчисленнаго множества водопроводовъ, орошающихъ сіе мѣсто. Если мнѣ доведется здѣсь лѣто прожить, то я намѣреваюсь избрать въ семъ саду хорошее мѣсто подъ тѣнью стараго каштановаго дерева, разбить тамъ свою палатку и укрываться отъ несносной жары, удушающей городскихъ жителей.

16-го. Я былъ позванъ Алексѣемъ Петровичемъ на обѣдъ, для того чтобы говорить съ Англичаниномъ Мартиномъ, который кромѣ своего и Персидскаго языка никакого не знаетъ.

17-го. Я получилъ по Россійской почтѣ посылку: напечатанную вторую часть моего путешествія въ Хиву. Гдѣ ни раскрывалъ я книгу, находилъ я множество ошибокъ, какъ опечатокъ, такъ и въ слогѣ, а чтó всего обиднѣе, много ошибокъ въ описаніи края. Я огорчился, пошелъ къ Верховскому и отдалъ ему книгу, прося его прочесть ее и сказать мнѣ свое сужденіе. Онъ обѣщался сдѣлать сіе, но посовѣтовалъ мнѣ отнести къ И. А. Вельяминову, который лучше всѣхъ въ состояніи сказать о ней основательное сужденіе. Во всякомъ случаѣ я намѣренъ написать о ней критику и послать ее для напечатанія

---

*) Чужою рукою приписано въ подлинной рукописи: „Забывать дѣло человѣческое, прощать—дѣло божественное".

въ журналъ. Со времени сочиненія сей книги, я во многомъ усовершенствовалъ свои свѣдѣнія о Востокѣ и вижу большія ошибки; но какая книга бываетъ совершенна, особливо та, которая касается столь новаго и никому неизвѣстнаго предмета?

19-го. Я провелъ часть дня у Грибоѣдова и обѣдалъ у него, занимаясь съ нимъ Турецкимъ языкомъ. Ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, а оттуда зашелъ къ Верховскому, который прочитывалъ вторую часть моей книги путешествія въ Хиву и Туркменію, и нашелъ его очень хорошимъ. Онъ увѣрялъ меня, что я изъ личнаго предубѣжденія противъ себя находилъ ее дурною.

20-го. Послѣ полдня я пошелъ къ Верховскому, и вмѣстѣ пошли въ сады, расположились въ уединенномъ мѣстѣ и принялись за чтеніе моей книги. Я не нашелъ ея такъ дурною, какъ она мнѣ сначала показалась. Ввечеру я былъ у Бобарыкина, гдѣ играли квартетъ.

21-го. Послѣ обѣда я пошелъ съ Верховскимъ на гору, что̀ за моей квартирой, и перелѣзли чрезъ стѣну разваленной крѣпости, спустились въ ущелье, гдѣ расположились читать мою книгу. Оттуда я прошелъ къ Якши-Магмеду. Онъ вчера взялъ первый урокъ ариѳметики отъ одного здѣшняго князя Аргутинскаго, молодаго человѣка, который учителемъ географіи въ училищѣ. Вечеръ я провелъ у Дубкевича, гдѣ былъ квартетъ.

22-го. Я обѣдалъ у губернатора, оттуда пошелъ съ Верховскимъ прогуливаться. Пришедши на рѣку Куру, мы начали подниматься по ней вверхъ и остановились въ одномъ прекрасномъ саду, гдѣ расположились и начали чтеніе моей книги. При захожденіи солнца возвращаясь, мы зашли къ Базилевичу, который оправляется отъ посѣтившей его жестокой и опасной болѣзни. Послѣ пошли мы въ баню, откуда воротились домой въ 11-мъ часу вечера, будучи очень довольны своимъ днемъ.

23-го. Я кончилъ съ Верховскимъ чтеніе своей книги и нашелъ большіе недостатки и ошибки въ ней, особливо въ послѣдней главѣ. Дабы узнать, какое впечатлѣніе книга моя можетъ сдѣлать на другихъ, я объявилъ ввечеру И. А. Вельяминову о ней и просилъ его, не угодно ли будетъ ему ее просмотрѣть. Онъ сказалъ, что очень желаетъ сего, и потому я сегодня отнесу къ нему книгу и буду просить его, чтобы онъ отмѣтилъ въ ней карандашомъ то, что̀ ему нехорошо покажется. Ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, гдѣ узналъ, что поступило вчера донесеніе отъ Бакинскаго коменданта, которымъ извѣщаютъ, что одно казенное судно разбито около Бѣлаго Бугра и что Туркмены захватили 1400 четвертей хлѣба, которыя на немъ были, матросовъ и одного штурмана офицерскаго чина.

24-го. Братъ Михайло зоветъ меня въ Россію, дабы приняться за изданіе прочихъ записокъ моихъ, обѣщаясь мнѣ, что черезъ сіе я могу себѣ сдѣлать состояніе. Онъ хочетъ дать перевести книгу мою на Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки. Если такимъ образомъ, то дѣло другаго рода; но не полагаю, чтобы онъ могъ воспользоваться выгодами отъ Русскаго изданія, которыя обѣщаны бѣднымъ.

25-го. Я писалъ поутру къ брату Михайлѣ о своемъ намѣреніи сдѣлать дополненія къ моей книгѣ и просилъ, чтобъ онъ увѣдомилъ меня, въ состояніи ли онъ приняться за нее.

26-го. Пріѣхалъ сюда Самойловъ. Онъ тотъ же отличный человѣкъ, каковъ прежде былъ, и соединяетъ въ себѣ всѣ качества нравственныя и чувственныя. Ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, который объявилъ мнѣ самъ о сожженомъ Туркменами суднѣ и захваченныхъ въ плѣнъ штурманѣ 12 класса и 9 матросахъ. Онъ приказалъ мнѣ написать письмо къ Кіату, дабы онъ выручилъ сихъ людей, и самъ хочетъ писать къ нему и послать казенное судно къ восточнымъ берегамъ моря. Я не сомнѣваюсь почти въ томъ, что Кіатъ уже людей сихъ у себя держитъ и ожидаетъ только случая для доставленія ихъ къ намъ, и можетъ быть обстоятельство сіе доставитъ ему счастье.

28-го. Я отдалъ письмо свое къ Кіату Алексѣю Петровичу, приложивъ при немъ письмо отъ Якши-Магмеда и письмо отъ отца моего, который передъ вторымъ отъѣздомъ моимъ въ Туркменію писалъ къ Кіату, прося его быть мнѣ помощникомъ и ревностнымъ содѣйствователемъ въ трудахъ. Я же получилъ сіе письмо уже по возвращеніи моемъ съ восточныхъ береговъ моря.

31-го Марта провели у меня вечеръ Грибоѣдовъ и Кюхельбекеръ; первый былъ такъ любезенъ вчера, что можно бы почти забыть его свойства. Поздно ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича. Пріѣхалъ фельдъегерь, который привезъ извѣстіе о разныхъ производствахъ въ корпусѣ, между прочимъ и коменданта Грабарача въ подполковники.

1-го Апрѣля поѣхалъ поутру Алексѣй Петровичъ съ начальникомъ штаба и Мадатовымъ въ Мухровани къ П. Н. Ермолову въ полкъ. Ввечеру и я поѣхалъ. Дождь мочилъ меня до самой ночи, и я остановился ночевать на Марковскомъ казачьемъ посту. Всѣ бумаги и чертежи мои по дѣламъ Туркменскимъ были совершенно кончены передъ отъѣздомъ моимъ изъ Тифлиса.

2-го Апрѣля, въ самый день Воскресенія Христова, я пріѣхалъ на Мухровани и остановился въ домѣ графа Симонича. До вчерашняго дня я провелъ время свое на Мухровани въ совершенной безпечности и въ отдыхѣ: ѣли, пили, спали, веселились, всякій какъ зналъ,

не думая ни о службѣ, ни о занятіи, и я былъ очень радъ отдохнуть такимъ образомъ отъ трудовъ и заботъ, занимавшихъ меня такъ долго. Но бездѣйствіе сіе начало мнѣ надоѣдать, и вчера я выѣхалъ оттуда и пріѣхалъ передъ вечеромъ въ Тифлисъ.

Я ходилъ къ И. А. Вельяминову и показывалъ ему рисунки къ моей книгѣ, присланные при одномъ экземплярѣ. Онъ возвратилъ мнѣ вторую часть, которую онъ прочелъ, хвалилъ ее очень и отмѣтилъ въ ней всѣ ошибки карандашомъ, но нашелъ только опечатки.

7-го. Обѣдалъ у меня Верховскій. Я цѣлый день пробылъ дома, не дѣлая ничего, а только принимая множество гостей, которые попеременно цѣлый день меня сдавали на руки другъ другу. Кажется, что свобода, которую я пріобрѣлъ трудами и терпѣніемъ своимъ, окончивъ предстоявшія мнѣ работы, обратилась въ пользу другихъ, а не мою; или они полагаютъ меня счастливымъ принимать и слушать всякаго изъ нихъ со вниманіемъ?

9-го Вечеръ провелъ у меня Устимовичъ, вновь пріѣхавшій съ Алексѣемъ Петровичемъ, чиновникъ и родственникъ Якубовича; я съ нимъ недавно познакомился, и онъ мнѣ начинаетъ нравиться.

12-го я ходилъ поутру къ Алексѣю Петровичу и носилъ ему свои описанія и чертежи. Онъ занялся съ полчаса со мною, взялъ бумаги и хотѣлъ еще поговорить, но когда, Богъ знаетъ. Онъ такъ занятъ сонмищемъ людей, наполняющихъ почти съ утра до вечера комнату его, безъ всякаго дѣла, единственно съ цѣлью играть въ карты и соваться ему на глаза, что мало занимается дѣломъ. Я ему опять напоминалъ о представленныхъ мною разжалованныхъ унт.-офицерахъ и другихъ мелочныхъ награжденіяхъ, которыя онъ обѣщался сдѣлать.

Ввечеру былъ у меня Высоцкій, приставъ Ширванскій; онъ теперь въ опалѣ. Вина его, кажется, въ томъ состоитъ, что онъ по приказанію Вельяминова изслѣдовалъ дѣло о выводѣ Мадатовымъ 300 семействъ изъ Карабага въ Ширванъ, которыя онъ назвалъ своими. Высоцкій всячески старался отдѣлаться отъ сего порученія, видя, что онъ долженъ быть отъ того пострадавшимъ. Онъ писалъ къ Вельяминову еще лѣтомъ въ отвѣтъ на предписаніе его письмомъ, прося его уволить отъ сего дѣла; нынѣ же очерненъ въ глазахъ начальства Мадатовымъ, лишается мѣста и потерялъ всю довѣренность Алексѣя Петровича. Человѣкъ сей, извѣстный своимъ безкорыстіемъ, скромностью и честностью, уже болѣе мѣсяца здѣсь живетъ. Алексѣй Петровичъ хотѣлъ говорить съ нимъ и до сихъ поръ не принялся еще за сіе дѣло. Я совѣтовалъ ему сходить къ Ивану Александровичу, любящему правду, и объясняться съ нимъ, по крайней мѣрѣ узнать въ чемъ его винятъ и представить ему предписаніе его, напомнить о

письмѣ своемъ, какимъ онъ образомъ старался избѣжать сего порученія, предвидя неудовольствія, которыхъ онъ миновать не могъ.

15-го поутру Алексѣй Петровичъ послалъ за мною и велѣлъ мнѣ быть готовымъ къ отъѣзду. Онъ меня назначилъ въ Тарки начальствовать надъ двумя баталіонами, окончить строеніе крѣпости и наблюдать за жителями. Онъ хотѣлъ мнѣ объяснить, въ чемъ состоитъ моя порученность черезъ нѣсколько дней. Ввечеру я началъ укладываться къ отъѣзду.

16-го я ходилъ ввечеру въ собраніе и узналъ тамъ отъ Грибоѣдова происшествіе, недавно случившееся между Кюхельбекеромъ и Похвисневымъ. На дняхъ они поссорились у Алексѣя Петровича, и какъ Похвисневъ не соглашался выйти съ нимъ на поединокъ, то онъ ему далъ двѣ пощечины. Алексѣй Петровичъ, узнавши о семъ, очень сердился, сказавъ, что Кюхельбекера непремѣнно отправитъ отсюда въ Россію, а между тѣмъ велѣлъ, чтобы они подрались. У Похвиснева назначенъ секундантомъ Павловъ, а Кюхельбекеръ послалъ на Гомборы по сему предмету за артилерійскимъ шт. капитаномъ Листомъ, съ которымъ онъ очень друженъ.

17-го я обѣдалъ у Ивана Александровича и ввелъ его въ разговоръ о разныхъ злоупотребленіяхъ здѣсь дѣлающихся. Онъ безщадно истреблялъ Ладинскаго, называя его почти преступникомъ и удивляясь, что до сихъ поръ еще Алексѣй Петровичъ, зная его поступки, терпитъ его въ службѣ. Я перевелъ разговоръ на счетъ Высоцкаго, котораго онъ тоже крѣпко обвиняетъ въ грабежахъ. Зная правдивость стараго Вельяминова, я началъ перемѣнять мысли свои на счетъ сего человѣка; но меня еще болѣе увѣрилъ въ семъ слѣдующій случай. Я пошелъ послѣ обѣда къ Базилевичу и по дорогѣ зашелъ къ Мадатову, который съ большимъ безпокойствомъ началъ говорить о Высоцкомъ, разсказывалъ его поступки, оправдывая свои, что̀ мнѣ показалось очень удивительно. Видно, что и онъ замѣшанъ въ семъ дѣлѣ. Поговоривъ такимъ образомъ съ часъ, онъ вдругъ объявилъ мнѣ, что Высоцкій разсказывалъ, что я ему совѣтовалъ написать письмо къ Алексѣю Петровичу. Меня очень удивилъ сей поступокъ со стороны Высоцкаго: онъ былъ у меня на единѣ и, жалуясь на свое положеніе, просилъ совѣта, говоря, что онъ намѣренъ писать къ Алексѣю Петровичу; я сказалъ ему, что онъ, Ермоловъ, не любитъ писемъ, и что если онъ рѣшился сіе сдѣлать, то долженъ прежде развѣдать, въ чемъ его обвиняютъ, а потомъ писать, если онъ невиненъ, и потому если, какъ онъ говорилъ, Иванъ Александровичъ къ нему хорошо расположенъ, то онъ долженъ сперва у него спросить, въ чемъ его обвиняютъ. Сіе сказать ему былъ долгъ мой, а онъ разгласилъ сіе, ска-

завъ, что я ему совѣтовалъ писать письмо. Я объяснилъ Мадатову дѣло и сказалъ наконецъ, что если онъ не намѣренъ былъ сему вѣрить, то мнѣ никакого дѣла до сего не было; потому что я не менѣе того правъ останусь, и ушелъ къ Базилевичу, гдѣ провелъ съ большимъ удовольствіемъ время до вечера. Оттуда я ходилъ къ Алексѣю Вельяминову, у котораго Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ получить изустное наставленіе для руководства моего въ командываніи въ Таркахъ. Главнокомандующій, какъ я догадывался изъ словъ его, старался увѣрить меня, что порученіе сіе гораздо лестнѣе того, что́ оно въ самомъ дѣлѣ есть. Я, кажется, буду просто наблюдать за строеніями. Я узналъ отъ него также, что представленія мои еще не пошли, а пойдутъ теперь вскорѣ, съ первымъ фельдъегеремъ; что меня еще не представили къ званію полковаго командира, потому что вакантныхъ полковъ еще нѣтъ и, кажется мнѣ, что сіе случится не прежде осени. Впрочемъ я буду доволенъ провести лѣто въ Таркахъ и начальствовать двумя баталіонами, которые тамъ будутъ находиться.

19-го я обѣдалъ у губернатора, гдѣ слышалъ отъ него самые неприличные отзывы объ Вельяминовѣ. Ермоловъ послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ мнѣ дѣло Похвиснева съ Кюхельбекеромъ. Грибоѣдовъ причиною всего, и Кюхельбекеръ дѣйствовалъ по его совѣтамъ. Мнѣ сказалъ Ермоловъ, что Алексѣй Петровичъ имѣетъ тайное приказаніе извести Кюхельбекера; не взирая на то, кажется, что слабость его допуститъ послѣдняго до того же состоянія, въ которомъ онъ прежде былъ принятъ у него въ домѣ.

Я получилъ вчера письмо отъ Юрьева, которымъ онъ извѣщаетъ меня, что два судна были разбиты около Карабугазскаго залива и были сожжены Туркменами, что изъ захваченныхъ людей Кіатъ выручилъ трехъ. Ввечеру вчера пріѣхалъ сюда братъ Ермолова, служащій прапорщикомъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ.

20-го. Кюхельбекеръ стрѣлялся съ Похвисневымъ; одинъ далъ промахъ, у другаго пистолетъ осѣкся, и тѣмъ дѣло кончилось.

29-го ввечеру я былъ у Алексѣя Петровича, который объявилъ нерадостную вѣсть. Онъ показалъ мнѣ письмо отъ князя Волконскаго, который ему пишетъ, что онъ уже не смѣлъ докладывать Государю о даніи мнѣ полка послѣ того отвѣта, который онъ получилъ отъ Государя на счетъ Верховскаго, что его должно сперва перевести къ старшему въ полкъ, дабы онъ обучился фронтовой службѣ, а послѣ того уже поручить ему полкъ.

30-го Апрѣля поутру рано я былъ у Алексѣя Петровича и просилъ его перевести меня въ какой нибудь полкъ до времени, пока я

буду въ Таркахъ, дабы къ возвращенію моему оттуда получить полкъ. Онъ съ удовольствіемъ обѣщался сдѣлать сіе.

2-го Ермоловъ сбирался выѣхать, но отложилъ отъѣздъ свой до 3-го числа. Я ходилъ къ нему спрашивать, въ какой онъ меня полкъ представилъ, и онъ сказалъ мнѣ, что въ Грузинскій, откуда я уже буду переведенъ командиромъ 7-го карабинернаго полка.

3-го. Я получилъ неудовольствіе отъ Воейкова, которое меня сильно огорчило. Наканунѣ я сторговалъ за 15 червонцевъ саблю; на другой день, когда я послалъ за нее деньги, я узналъ, что она уже была продана Воейкову за 16 червонцевъ. Я увидѣлся съ Воейковымъ. Онъ купилъ ее, не знавъ, что она уже моя была, и я просилъ его уступить ее мнѣ, тѣмъ болѣе что у него ихъ двѣ было, а у меня ни одной не было. Онъ мнѣ отвѣчалъ довольно грубо, что сабля эта его, что онъ ее купилъ и что онъ знать не хочетъ о томъ, что я ее сторговалъ.

4-го въ 9 часовъ утра Ермоловъ уѣхалъ. Грибоѣдовъ, проводивъ его, пріѣхалъ ко мнѣ обѣдать.

5-го, ко мнѣ явился одинъ артилерійскій подпоручикъ Влахопуловъ, который назначенъ со мною въ Тарки для надзора за строеніями.

10-го я выѣхалъ и ночевалъ въ Душетѣ у маіора Дехтерева, Тифлисскаго пѣхотнаго полка.

14-го. Во Владикавказѣ. Со мною были артилеріи подпоручикъ Влахопуловъ; подпоручикъ Трубниковъ оставался въ Тифлисѣ и долженъ былъ меня на дорогѣ нагнать. Инженеръ-капитанъ Даниловъ отправился до меня впередъ и дожидался меня въ Моздокѣ.

Въ Ларсѣ я познакомился, наконецъ, съ капитаномъ піонернымъ Огаревымъ, котораго не могутъ миновать проѣзжіе; человѣкъ сей старается сдѣлать всякому пріятное и угодить.

16-го. Въ Елисаветинскомъ редутѣ я встрѣтился съ полковникомъ Фридрихсомъ, Московскаго гвардейскаго полка, который ѣдетъ путешественникомъ въ Грузію.

17-го. Подъѣзжая къ Александровскому редуту, лежащему по правому берегу рѣки Терека, мы видѣли въ лѣвой сторонѣ, въ верстѣ разстоянія отъ насъ, восемь человѣкъ конныхъ хищниковъ, которые скакали рядомъ съ нами, а иногда и къ намъ поворачивали, но не смѣли близко подойти; они версты четыре съ нами ѣхали, подъѣзжая же къ редуту, оставили насъ.

19-го. Ввечеру я прибылъ въ Кизляръ, гдѣ былъ въ туже минуту посѣщенъ начальникомъ таможни Кузьмою Алексѣевичемъ Исуповымъ,—человѣкъ извѣстный своимъ гостепріимствомъ, честностью и

охотою одолжать другихъ. Я остановился у Унгернштернберга и нашелъ въ немъ того же отличнаго человѣка, качествами души и ума, котораго всѣ товарищи по сему уважали. Я познакомился въ домѣ его, гдѣ былъ принятъ съ особенною ласкою.

22-го. Ввечеру нагналъ меня Трубниковъ. Я еще взялъ съ собою Мещерякова, Кизлярскаго казачьяго войска, въ переводчики и отправился въ путь, переправился черезъ Терекъ и прибылъ ночевать въ Лощуринскій карантинъ, гдѣ былъ принятъ тамошнимъ смотрителемъ Иваномъ Даниловичемъ Бабеновымъ, человѣкомъ добрымъ, стараго вѣка и получившимъ нѣкоторое образованіе.

23-го числа я продолжалъ путь свой обширною равниною до селенія Кази-юрта, принадлежащаго къ владѣніямъ Андреевской деревни; владѣтельный князь ея, Шефи, недавно умеръ. Я остановился ночевать у него въ домѣ. Въ Кази-юртѣ находится, на правомъ берегу рѣки Сулака, постъ, который содержитъ одна рота 43-го егерскаго полка.

24-го. Я переправился черезъ Сулакъ и прибылъ ночевать въ Енги-юртъ, селеніе принадлежащее къ владѣніямъ шамхала.

25-го. Я продолжалъ путь свой все тою же равниною и прибылъ на ночлегъ въ Тарки.

ДВА ВЕЧЕРА У ГРАФА Д. Н. БЛУДОВА.

Изъ воспоминаній В. А. Кокорева.

Въ началѣ царствованія Александра II, графъ Блудовъ былъ предсѣдателемъ Комитета Министровъ и Президентомъ Академіи Наукъ. Первое мое знакомство съ графомъ началось съ того, что онъ, услыхавъ отъ М. П. Погодина о рукописной моей статьѣ «Практическія Тропинки», пожелалъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему прочесть эту статью. Въ статьѣ излагалось притязаніе горделивыхъ, властныхъ умовъ на составленіе для человѣческой жизни разныхъ узаконеній и правилъ безъ всякаго согласованія ихъ съ потребностями жизни; затѣмъ говорилось о томъ, какъ бѣдное человѣчество, поставленное въ необходимость пробивать себѣ практическія тропинки, чтобы обойти установленныя деспотическимъ умозрѣніемъ невыносимыя трудности, невольно прибѣгаетъ къ дѣйствіямъ обмана, подкупа, а иногда и прямаго непослушанія, конечно порождающаго жестокія кары. Въ статьѣ этой было указано множество примѣровъ, взятыхъ изъ самой жизни; и хотя статья была графомъ Блудовымъ одобрена, въ смыслѣ ея вѣрности и, такъ сказать, положила основаніе моего знакомства съ нимъ; но въ тоже время она признана невозможною къ напечатанію. Теперь, вѣроятно, эта невозможность не существуетъ; но за то самая статья у меня затерялась.

Послѣ «Практическихъ Тропинокъ», я написалъ статью «Вопросы и Пятна». Статья эта заключала въ себѣ рядъ тѣхъ вопросовъ, которые одинъ за другимъ, какъ-бы выталкиваемые силою какихъ-то незримыхъ обстоятельствъ, нарождаясь въ Россіи сами собой и будучи разрѣшаемы кое-какъ (лишь бы только отвязаться отъ нихъ) стали потомъ производить на Русской жизни лишайныя пятна, подобныя тѣмъ, какія являются на кожѣ человѣка при болѣзни, загнанной

внутрь организма. Далѣе слѣдовало повѣствованіе о томъ, что пятна эти, расплываясь и увеличиваясь, могутъ покрыть все тѣло и передѣлать внутреннее настроеніе Русскаго человѣка на иной ладъ, сообщить ему болѣзненную порчу во многомъ и отнять все то, что̀ было въ немъ драгоцѣннаго и хорошаго. Графъ Д. Н. Блудовъ, прослушавъ эту статью, сказалъ: Ваши «Практическія Тропинки» я нашелъ нецензурными; но мое замѣчаніе нисколько васъ не исправило, потому что «Вопросы и Пятна» гораздо нецензурнѣе «Тропинокъ». Статья эта у меня также куда-то исчезла.

Послѣ чтенія означенныхъ статей прошло, можетъ быть, годъ или около того, какъ я получаю отъ графа Д. Н. Блудова записочку, въ которой сказано: «Прошу пріѣхать запросто вечеромъ на чашку чаю». Я поѣхалъ въ сюртукѣ и нашелъ у графа князя П. А. Вяземскаго, П. А. Плетнева, М. П. Погодина и еще двухъ-трехъ лицъ. Когда мы помѣстились около стола, графъ сказалъ мнѣ, что по сдѣланному между всѣми присутствующими въ засѣданіи соглашенію, они собрались для обсужденія вопроса о введеніи въ Русскомъ календарѣ Европейскаго исчисленія, дабы уничтожить 12-ти дневную разницу. Затѣмъ графъ прибавилъ, что, будучи президентомъ Академіи Наукъ (за которою тогда было право исключительнаго изданія календаря) онъ хочетъ поднять означенный вопросъ отъ имени Академіи и въ настоящее домашнее засѣданіе пригласилъ меня для того, что не найду ли я возможнымъ высказать по этому вопросу что либо, почерпнутое изъ народныхъ воззрѣній.

Я отвѣчалъ графу, что настоящій вопросъ застаетъ меня совершенно врасплохъ, и я не прежде могу что либо сказать, какъ нѣсколько ознакомясь съ дѣломъ посредствомъ слушанія всего того что̀ будутъ говорить другія лица, и если въ концѣ засѣданія явится у меня какая либо мысль, то я буду имѣть честь ее доложить, а въ противномъ случаѣ попрошу позволенія нѣсколько дней подумать дома. Послѣ этого начались чтенія и разсужденія, относящіяся къ восхваленію задуманнаго нововведенія. Я не проронилъ ни одного слова изъ всего мною слышаннаго и отмѣчалъ сущность мнѣній на особомъ листѣ. Потомъ, когда всѣ умолкли, графъ спросилъ меня, могу ли я теперь говорить. Я попросилъ позволенія начать и высказалъ слѣдующее.

Въ полученной мною отъ вашего сіятельства запискѣ выражено приглашеніе на чашку чая. Конечно, подъ этими словами, безъ всякаго иносказанія, разумѣлось обычное чаепитіе; но въ Москвѣ и вообще во внутреннихъ губерніяхъ приглашеніе, дѣлаемое на чашку чая, выражаетъ ликвидацію торговыхъ дѣлъ съ домогательствомъ уступки отъ кредиторовъ. Настоящее засѣданіе изображаетъ намѣреніе ликви-

дировать существующее лѣтосчисленіе по старому стилю; слѣдовательно необходимо положить на счеты тѣ убытки, которые эта ликвидація породитъ для Русской жизни» *).

«При самомъ открытіи настоящаго засѣданія, ваше сіятельство заявили, что я приглашенъ для выраженія народныхъ воззрѣній; а потому мысленно переношу себя въ простую Русскую семью, которая, слыша звонъ къ празднику Рождества Христова за 12 дней до наступленія этого праздника по святцамъ, рѣшаетъ въ своемъ домашнемъ собраніи въ церковь не ходить, поста не прекращать и празднованіе отложить до 25 Декабря по старому стилю. Такое воззрѣніе будетъ существовать не только въ деревняхъ, но даже и въ самомъ Петербургѣ. Конечно, Невскій Проспектъ, Большая и Малая Морскія, Миліонная и Конюшенная (для этихъ мѣстностей все равно, когда бы ни праздновать, или даже вовсе забыть числа праздниковъ) не затруднятся встрѣтить праздникъ Рождества 12 Декабря; но Пески, Ямская и Калашникова пристань не подчинятся никакимъ рѣшеніямъ и указамъ, усматривая въ нововведеніи, по ихъ понятіямъ, появленіе ереси».

На это кто-то сказалъ, что старые святцы могутъ быть замѣнены новыми.

Я возразилъ: «Какимъ же образомъ надобно уничтожить всѣ старые святцы? Для этого понадобилось бы дѣлать полицейскіе обыски въ домахъ; но при этомъ старые святцы стали бы прятать въ кладовыхъ, даже въ стѣнахъ домовъ и закапывать ихъ въ землю, сохраняя до времени, когда кончатся лютыя гоненія на святцы. Изъ всего этого вышелъ бы расколъ, могущій охватить огромное большинство народонаселенія».

«Но если бы и всѣ старые святцы были истреблены (чего, конечно безъ заточеній въ Соловецкій островъ и тому подобные мѣста нельзя достигнуть), тогда замѣнила бы ихъ народная память и стала бы устно передавать нынѣшніе дни великихъ церковныхъ праздниковъ. Изъ всего

*) Въ Москвѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до несостоятельности, начинаютъ уже чувствовать намѣреніе какого либо торговаго дома пригласить своихъ кредиторовъ на чашку чая. Подъ этой чашкой чая разумѣется докладъ о наличныхъ средствахъ и долгахъ съ показаніемъ невозможности заплатить полнымъ рублемъ, и докладъ этотъ сопровождается просьбою о снисхожденіи, въ смыслѣ уступки и разсрочки платежей. Послѣ такой сдѣлки, торговый домъ получаетъ снова свободный кредитъ, впредъ до слѣдующихъ признаковъ приглашенія на чашку чая. Нерѣдко бывали случаи, что такія приглашенія черезъ 5—6 лѣтъ повторялись неоднократно. Быть можетъ, подобный обычай усвоится и по разсчетамъ въ государственныхъ долгахъ, и тогда чашка чая будетъ выражать въ себѣ финансовое мѣропріятіе къ выходу изъ затрудненій. В. К.

мною сказаннаго я прихожу къ заключенію, что нѣтъ надобности, ради согласованія нашихъ чиселъ съ Европейскими, подвергать страшному колебанію Русскую жизнь въ самыхъ ея душевночтимыхъ основахъ».

Послѣ этого князь П. А. Вяземскій сказалъ графу Блудову: «Я пристаю къ высказанному мнѣнію и очень доволенъ тѣмъ, что присовѣтовалъ (въ это время князь указалъ рукою на меня) пригласить его».

Здѣсь скажу мимоходомъ, что высказанное мною мнѣніе вѣроятно оставило хорошее впечатлѣніе въ князѣ П. А. Вяземскомъ, потому что послѣ кончины его, спустя нѣсколько лѣтъ, я получилъ отъ сына его, князя П. П. Вяземскаго, полное собраніе сочиненій покойнаго князя и когда поѣхалъ благодарить за это, то отъ него узналъ, что послѣ князя Петра Андреевича осталась записка, въ которой было назначено кому именно отправить посмертное изданіе его сочиненій, и въ этой запискѣ оказалось и мое имя *).

Возвращаясь къ продолженію засѣданія, припоминаю, что никто кромѣ князя Вяземскаго не выразилъ сочувствія къ моему мнѣнію. Это меня навело на мысль, что намѣреніе ввести новый стиль — не угасло, и я рѣшился развить мое мнѣніе такими доводами. Новшества патріарха Никона породили столь огромное сопротивленіе и непокорство къ принятію ихъ въ народной массѣ, что въ первое столѣтіе послѣ 1666 года до самаго воцаренія Екатерины II (1762 годъ) изъ числа сопротивлявшихся было болѣе полумилліона пострадавшихъ лицъ. Таковы были послѣдствія Никоновскаго раскола; а Блудовскій расколъ, вызываемый передвиженіемъ торжественныхъ праздниковъ на другія числа, будетъ во сто разъ сильнѣе прежняго.

Послѣ этихъ краткихъ словъ, сказанныхъ въ то время, когда уже всѣ встали изъ-за стола, графъ Блудовъ пригласилъ сѣсть и продолжать засѣданіе, которое приняло чисто-практическій характеръ: стали разсуждать о томъ, что кромѣ праздника Рождества Христова подвергнутся передвиженію въ числахъ и многіе другіе великіе праздники, Благовѣщеніе и Успеніе Пресвятой Богородицы. Затѣмъ сдви-

*) Припомнимъ читателю, что Екатерина Великая держалась того же мнѣнія о неблаговременности замѣнить у насъ календарь Юліанскій календаремъ Грегоріанскимъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гримму она передаетъ ему, что никакъ не хочетъ согласиться съ предложеніемъ ученыхъ людей произвести такую замѣну. Она ловко обходитъ настойчивыя заявленія науки. Вполнѣ точнаго времени опредѣлить нельзя, говоритъ она; мы отстали на столько-то дней, а считающіе по Грегоріанскому календарю на столько-то часовъ отъ истиннаго астрономическаго времени; то и другое не точно, и всегда будетъ разница, если не въ дняхъ, то въ часахъ и минутахъ; слѣдовательно останемся по старому. Въ наши дни Н. М. Павловъ предлагаетъ медленное сближеніе двухъ календарей отмѣною въ Юліанскомъ календарѣ высокосныхъ дней, т.-е. упраздненіемъ 29-го Февраля (см. его книгу „Наше переходное время“, приложенную къ „Русскому Архиву“ нынѣшняго года). П. Б.

нутся съ своихъ чиселъ постные праздники: Воздвиженіе Честнаго Креста и Усѣкновеніе Іоанна Крестителя, и при этомъ перепутается начало и окончаніе постовъ. Также приняли къ соображенію, что Святѣйшій Синодъ не допуститъ новаго лѣтосчисленія и что самый разговоръ объ этомъ можетъ породить въ народной массѣ множество превратныхъ толкованій и сомнѣній относительно твердости всего того, что дорого и свято для каждаго Русскаго вѣрующаго сердца. Далѣе представлялась печальная картина опустѣнія церквей и наполненіе семейной жизни уныніемъ и ропотомъ. Въ этомъ родѣ толковали много и долго и порѣшили не приступать къ измѣненію календаря.

Черезъ два-три года послѣ означеннаго совѣщанія было получено мною новое приглашеніе отъ графа Блудова. На этомъ второмъ вечерѣ я нашелъ тѣхъ же лицъ съ прибавленіемъ Гильфердинга и еще кого-то, теперь не упомню. Цѣль засѣданія заключалась въ опредѣленіи понудительныхъ мѣръ къ введенію Русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, судебныхъ и административныхъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Когда по этому вопросу дошла до меня очередь говорить, то я сказалъ, что совершенно уклоняюсь отъ выраженія какого-то-бы ни было мнѣнія, относящагося къ понудительнымъ мѣрамъ, потому что не могу признать надобности и пользы въ дѣйствіяхъ, основанныхъ, въ этомъ вопросѣ, на силѣ власти. сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ полную и законную необходимость ввести во всѣхъ окраинахъ Россіи всякое дѣлопроизводство на Русскомъ языкѣ. Къ достиженію этого должны быть приняты такія мѣры, которыя, будучи чужды понудительности, привели бы къ полному успѣху силою поощренія. Если достопочтенному собранію угодно разрѣшить говорить мнѣ о мѣрахъ поощренія, то я готовъ теперь же представить ихъ на общее обсужденіе.

Разрѣшеніе на это послѣдовало, и я началъ съ того, что, всякая окраина въ каждомъ государствѣ присоединяется къ правительственному центру удобнымъ сообщеніемъ посредствомъ шоссейной или желѣзной дороги и что на эти сообщенія расходуются безъ затрудненія огромныя суммы, чтобы положить связь оконечностей съ центромъ. Какая же въ Россіи связь можетъ быть плодотворнѣе и крѣпче живой рѣчи, произносимой на Русскомъ языкѣ? Исходя изъ этого, полагаю возможнымъ пріобрѣсти эту связь не понудительными мѣрами, а цѣною весьма умѣренныхъ денежныхъ затратъ. По общимъ правиламъ у насъ даются полныя пенсіи за 35 лѣтъ; объявите, что въ Прибал-

тійскихъ губерніяхъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, всѣмъ чиновникамъ судебнымъ и административнымъ, короннымъ и выборнымъ, если они изучатъ Русскій языкъ настолько, чтобы свободно говорить и писать, полная пенсія назначается за десятилѣтній срокъ службы и что экзаменъ въ знаніи Русскаго языка долженъ быть выдержанъ по прошествіи трехъ лѣтъ со дня объявленія означеннаго закона. Нѣтъ сомнѣнія, что интересъ явится такимъ сильнымъ двигателемъ, который безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ во всѣхъ присутствіяхъ внѣдритъ Русскую рѣчь съ полнымъ дѣлопроизводствомъ на Русскомъ языкѣ.

На эту мысль кто-то возразилъ: кто же будетъ контролировать, производится-ли изученіе Русскаго языка? Я отвѣчалъ, что контролировать будетъ семья, т. е. матери и жены чиновниковъ, безпрестаннымъ напоминаніемъ имъ о необходимости для пользы семейства получить черезъ 10 лѣтъ право на полную пенсію. Засѣданіе это, не выразивъ изъ себя никакого рѣшительнаго заключенія, осталось при характерѣ простой, домашней бесѣды. Если-бы выраженное предложеніе узаконилось, то давно-бы всѣ Прибалтійскія губерніи твердо знали Русскій языкъ. Всякія понужденія выражаютъ собою полицейскій характеръ, ослабляющій чувства привязанности къ правительству, тогда какъ мѣры поощренія, усиливая эту привязанность, возбуждаютъ признательность и благодарность.

Судя по послѣдствіямъ, доказывающимъ, что и доселѣ Русскій языкъ не укоренился въ Прибалтійскомъ чиновничествѣ, очевидно, что введеніе его шло путемъ безцѣльныхъ и безуспѣшныхъ понудительныхъ мѣръ, на которыя жизнь никогда не въ состояніи дать сочувственный отвѣтъ.

В. Кокоревъ.

ДУХОВЕНСТВО И ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

I.

Въ исторіи сословій древнерусскаго, допетровскаго времени рѣзче другихъ выступаетъ предъ изслѣдователемъ одно обстоятельство, имѣющее важность даже и при опредѣленіи значенія самыхъ Петровскихъ сословныхъ преобразованій. Уясняя себѣ отношенія между общественными слоями въ тогдашнее время, мы находимъ, что сословія древнерусскаго общества допетровскаго времени далеко не носили на себѣ характерныхъ чертъ той рѣзкой обособленности, съ каковою они стали выступать въ первую половину XVIII вѣка. Они были переплетены средними, промежуточными общественными слоями, всегда мѣшавшими болѣе или менѣе рѣзкой обособленности одного сословія отъ другого. Эти промежуточные слои существовали почти подлѣ каждаго общественнаго класса людей въ родѣ холоповъ, загородныхъ крестьянъ, гулящихъ или вольныхъ людей. Что̀ касается сословія духовного, то оно едвали непозже другихъ сословій выступаетъ въ древнерусской жизни съ чертами обособленности, опредѣленной путемъ законодательнымъ. Помимо того, что древнерусская, допетровская государственная жизнь вообще слабо развила правовы́я опредѣленія всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ, причина указанного нами явленія въ сословіи духовномъ лежитъ въ томъ, что духовенство древней Руси далеко не составляло изъ себя запретнаго сословія. Тогда служеніе въ церкви и для церкви широко было открыто людямъ всѣхъ званій и состояній. Право мірянъ вступать въ духовное сословіе не было тогда ограничено такими стѣснительными постановленіями, которыя стали развиваться предъ временемъ Петра и еще сильнѣе послѣ него. Не было ограничено стѣснительными постановленіями и самое духовенство Россіи: дѣти, рожденныя отъ лицъ духовныхъ, безпрепятственно избирали себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію. Такъ нерѣдко бывало даже и во второй половинѣ XVII вѣка, когда въ духовное званіе вступали люди даже и несвободныхъ состояній, когда помѣщики имѣли у себя священно-церковнослужителей часто изъ своихъ же крестьянъ [1]. Въ допетровское время внутренніе распорядки духовенства подготовлялись главнымъ образомъ самою жизнью. Попытки къ устройству духовного сословія, высказываемыя при томъ косвенно, становятся замѣтными лишь со времени Стоглаваго собора. Заботясь о водвореніи повсюднаго церковнаго благочинія и благообразія, соборъ этотъ небезучастно отнесся и къ вопросу о замѣщеніи священно и церковнослужительскихъ должностей. Въ видахъ водворенія благочинія Стоглавый соборъ постановилъ правило, начала котораго развиваются законодательствомъ послѣдующаго времени и постепенно создаютъ

[1] Дополн. къ истор. акт., т. V. стр. 490.

обособленность духовенства отъ другихъ сословій. „А который попъ или діаконъ овдовѣетъ, и будетъ у него сынъ (гласило означенное правило Стоглава) или зять или племянникъ, а на его мѣсто пригожъ и грамотѣ гораздъ, то его въ попы на то мѣсто поставить“ [2]). Болѣе прямое и широкое выраженіе законодательныхъ попытокъ произвести сословную обособленность духовенства мы находимъ въ актахъ послѣдующаго собора 1667 г. Отцы этого, такъ называемаго Большаго Московскаго собора, выражая желаніе, чтобы на служеніе церкви не были опредѣляемы „сельскіе невѣжды“, велѣли священникамъ учить своихъ дѣтей грамотѣ и церковному благочестію съ тою цѣлію, дабы они были достойными наслѣдниками ихъ мѣстъ: „Повелѣваемъ, яко да всякій священникъ дѣтей своихъ научаетъ грамотѣ и страху Божію и всякому церковному благочестію со всякимъ прилежаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ церкви и церковному мѣсту, а не оставляти имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а церковь Христову корчемствовати и во священство постовлятися сельскимъ невѣждамъ, иже иніи ниже скоти пасти умѣютъ, кольми паче людей“ [3]). Гораздо раньше сейчасъ указанныхъ нами законодательныхъ опредѣленій ходъ церковной жизни сложился такъ, что дѣти духовныхъ лицъ съ ранняго возраста пріучались къ чтенію и пѣнію въ приходской церкви, постепенно входили въ обычную дѣятельность клира и совершенно послѣдовательно пріобрѣтали себѣ (дѣйствуя при томъ вмѣстѣ съ родными) право сначала на низшія, а потомъ и на высшія мѣста въ церковномъ клирѣ. Вотъ почему уже въ XVI в. нерѣдко обнаруживалось, что цѣлые причты на Руси составлялись изъ родныхъ или знакомыхъ. Кромѣ того, при такихъ причтахъ всегда еще въ очень значительномъ количествѣ проживало много праздной безмѣстной молодежи, изъ которой главнымъ образомъ и пополнялся наличный составъ церковнаго клира.

Гражданское правительство по отношенію ко всѣмъ вообще сословіямъ и преимущественно къ тѣмъ изъ членовъ духовенства, которые не состояли въ наличномъ его составѣ, еще гораздо раньше Петра, стало предъявлять самыя строгія требованія. Для церкви эти бездѣятельные члены духовенства были такимъ же тяжелымъ бременемъ, какимъ для гражданскаго правительства „вольные или гулящіе люди“. Правительство гражданское уже давно неиначе смотрѣло на нихъ какъ именно „на вольныхъ или гулящихъ людей“; а поэтому въ продолженіе всего XVII в. правительство усиленно хлопочетъ, чтобы привлечь „безмѣстныхъ поповичей“ къ государственному тяглу. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ изданъ указъ, чтобы при священникахъ и діаконахъ оставалось только по одному, годному къ церковной службѣ, всѣ же прочія дѣти ихъ должны „верстаться

---

[2]) Несовсѣмъ понятная для людей нашего времени мысль этого постановленія становится вполнѣ ясною, если возмемъ во вниманіе, что безъ того горестная утрата супруги священно-служителемъ древней Руси становилась для него еще болѣе тяжкою, такъ какъ неминуемо влекла за собою запрещеніе и самаго священнослуженія.

[3]) Тамъ же, стр. 102.

въ служилые люди". Въ Уложеніи царя Алексѣя мы находимъ даже слѣдующее постановленіе: „А которые люди... поповы дѣти или церковные дьячки или пономари и проч. живутъ на церковныхъ земляхъ, а торговыми они всякими промыслы промышляютъ, а ни въ какомъ тяглѣ они не описаны, и тѣхъ всѣхъ..... взяти въ тягло, чтобы такіе люди нигдѣ въ избылыхъ не были" [4]). Наконецъ, въ это же время безмѣстныхъ поповичей очень нерѣдко забирали и прямо въ военную службу [5]).

Понятно, какъ должно было отнестись къ этому праздному люду Петровское правительство, зорко наблюдавшее, чтобы „ни одинъ членъ государства въ избылыхъ не былъ и чтобы государевой службѣ (т.-е. военной) въ ея нуждахъ не было умаленія". Такихъ безмѣстныхъ неученыхъ и не хотѣвшихъ учиться грамотѣ поповичей не велѣно было принимать ни въ какіе чины, кромѣ служилаго или солдатства. Со времени первой государственной ревизіи явилось новое средство къ уменьшенію числа священно-церковно-служительскихъ дѣтей—подушный окладъ. Извѣстно, что дѣйствіе первыхъ указовъ о ревизіи распространялось не только на одно податное населеніе, но между прочимъ и на духовенство. Ревизской переписи не подлежали только сами священники и діаконы, которыхъ велѣно было писать въ дополнительныхъ ревизскихъ сказкахъ. Духовнымъ Регламентомъ вмѣнено въ строгую обязанность епископамъ [6]) „весьма зло сіе пресѣкать", а „противно творящихъ поповъ жестоко наказывать". „Развѣ по приговору прихожанъ, говоритъ Регламентъ, и по благословенію именному епископа можетъ священникъ сына своего, пѣть и честь искуснаго (да только единаго) имѣти въ дьячкахъ или понамаряхъ, а прочихъ добрѣ изучившихся отдавать къ другимъ церквамъ или въ иной честной житія промыслъ". Въ духѣ этихъ опредѣленій Петровскаго времени поступали и въ послѣ-петровское время: дѣтямъ церковниковъ предлагали объявить до извѣстнаго срока, желаютъ ли они поступить въ податное сословіе, или записаться въ цехи, въ купечество, и если они до опредѣленнаго срока не объявляли своего желанія, то ихъ, какъ отбывающихъ отъ государевой службы, уже само правительство записывало, куда хотѣло: или въ полки или въ крестьянство. Послѣ первой переписки духовенства, въ началѣ 1769 г., оказалось, что въ Европейской только Россіи было 12,626 человѣкъ не-штатныхъ членовъ духовенства. Тогда Сенатъ рѣшилъ, „что и за помѣщеніемъ въ штатъ въ излишествѣ еще остается весьма знатное число дѣтей духовенства, которыхъ за ихъ праздностію и что оные въ силу состоявшихся о нихъ указовъ, ни въ подушный окладъ никуда не записались, ниже въ семинарское ученіе донынѣ не вступили и принадлежащими науками священническому чину себя достойными не сдѣлали, при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ, безъ отягощенія народнаго, въ пользу отечества употребить по справедливости возможно, каковые наборы и прежде во время бывшей Турецкой войны были". Объ этомъ своемъ рѣшеніи Сенатъ подалъ

[4]) Улож., гл. XIX ст. 3.
[5]) Правосл. Собесѣдникъ 1863 г. ч., III, стр. 62.
[6]) П. С. З., т. VI, № 3481.

Государынѣ докладъ, прося ее, не соблаговолитъ ли она указать произведеніе сего набора въ дѣйство препоручить гг. губернаторамъ, а въ Москвѣ и Петербургѣ кому она укажетъ. На этомъ докладѣ Екатерина положила такую резолюцію: „Въ Петербургѣ по причинѣ невеликаго числа церквей, сего разбора не дѣлать, а въ Москвѣ поручаемъ оный Московскому архіерею обще съ генераломъ-поручикомъ Еропкинымъ и губернаторомъ, и то кромѣ соборовъ и монастырей, а въ прочемъ быть по тому докладу“ [7]). Соображаясь съ этимъ, Сенатъ предписалъ тогда же губернаторамъ взять для военной службы: „1) изъ дѣтей при церквахъ находящихся священно и церковнослужителей отъ 15 до 40 л. четвертую часть въ разсужденіи томъ, что другіе, а сверхъ того и состоящіе отъ 15 л. и ниже (коихъ также немалое число состоитъ) остаются на укомплектованіе недостающаго числа при церквахъ, а напротивъ того 2) недѣйствительно служащихъ и безмѣстныхъ дьячковъ, понамарей и сторожей, также впадшихъ въ вины и наказанныхъ, но въ своихъ домахъ праздно живущихъ, не токмо всѣхъ самихъ, но сверхъ того какъ изъ ихъ, такъ изъ другихъ запрещенныхъ, престарѣлыхъ, подъ слѣдствіемъ состоящихъ и подозрительныхъ священно и церковнослужителей дѣтей, такожъ изъ не умѣющихъ читать писать и изъ тѣхъ, которые грамотѣ не совершенно умѣютъ, а другіе еще обучаются отъ 15 до 40 л., половину“. При этомъ губернаторамъ предписывалось, чтобъ они старались выбрать людей здоровыхъ и годныхъ въ военную службу, мѣрою и меньше 2-хъ аршинъ; потому что „подобные малорослые могутъ съ пользою же въ другія званія по военной службѣ употреблены быть“. Отъ этого разбора дѣтей духовенства велѣно было освободить даже и изъ семинаристовъ только тѣхъ, которые записаны въ семинаріи до 1-го Декабря 1768 г., а въ семинаріи послѣ этого срока записанныхъ велѣно „въ расположеніе къ набору класть“. „Если окажется, что изъ тѣхъ священно и церковнослужительскихъ дѣтей въ которыя команды приняты и опредѣлены безъ увольненія изъ церковнаго причта Декабря съ 1-го числа 1768 г., таковыхъ всѣхъ, истребовавъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находятся, въ расположеніе къ набору полагать и въ службу брать“ [8]).

Въ 1784 году правительство Екатерины вновь занято было мыслію о разборѣ дѣтей духовенства. Хотя по этому новому разбору излишніе члены этого сословія получали право отыскивать себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію, тѣмъ не менѣе значительное количество таковыхъ забрано было и въ это время на военную службу. Въ 1788 году вышелъ имянной указъ губернаторамъ „переписать въ своихъ губерніяхъ всѣхъ заштатныхъ церковниковъ безъ дальней огласки“ [9]) и обратить ихъ въ военную службу. Начальникамъ нѣкоторыхъ губерній предписано было взять въ военную службу и тѣхъ даже церковниковъ, которые, записавшись въ мѣщане, неисправно платили подати [10]).

Н. Кедровъ.

---

[7]) П. С. З., № 13236.
[8]) Тамъ же, № 13306.
[9]) Тамъ же, № 16,646.
[10]) П. Собр. Закон., № 16,714.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1853 годъ *).

Генварь. Наградъ военнымъ роздано несмѣтное число. Благодаря князю Чернышову, Бутковъ сдѣланъ государственнымъ секретаремъ; на мѣсто Буткова назначенъ Суковкинъ. Князь Чернышовъ отвергнутъ старинной аристократіей. Опасливый къ новымъ людямъ, особенно талантливымъ, онъ выводитъ своихъ людей и вывелъ ихъ множество....... Большія награды испросилъ нашъ министръ сенаторамъ. Трое д. тайн. совѣтниковъ (Сухаревъ, Кайсаровъ, князь Ив. Лобановъ). Орденъ Владиміра 1-й ст. Челищеву. Три ордена Владиміра 2-й ст. (Корнилову, Чевкину и Зурову) и т. д. Сенаторы довольны и благодарны; ропщутъ только на награду старику Буткову не за то, чтобъ не любили старика, но за то, что это сдѣлано въ угоду сыну, котораго очень не любятъ. Министръ юстиціи самъ ничего не получилъ. Онъ имѣетъ орденъ Александра съ 1846 года. Каждому департаменту, за успѣшное теченіе дѣлъ, объявлено Высочайшее благоволеніе!

Остзейскій край близокъ къ принятію даже нашихъ обрядовъ. Вторженіе этихъ обрядовъ началось довольно открыто съ управленія генер. Головина. Повидимому, оно остановилось съ княземъ Суворовымъ; но эта видимость только наружная: внутренняя борьба продолжается, и автономія все болѣе и болѣе исчезаетъ. Князь Суворовъ ничего не знаетъ, ничѣмъ не занимается и живетъ болѣе въ Петербургѣ, нежели въ Ригѣ. Онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ не мѣстныхъ учрежденій и сословій, какъ баронъ Паленъ, не Русскихъ чиновниковъ, какъ Головинъ, а чиновниковъ Нѣмецкихъ, которыхъ Остзейцы ненавидятъ болѣе нежели Русскихъ. Эти чиновники въ открытой распрѣ съ мѣстными сословными учрежденіями—герихтами и магистратами, и такъ распространили пререканія и жалобы, ведя все на разсмотрѣніе Сената, что бѣдные судьи городскіе и земскіе, вообще осно-

*) См. 1-ю книгу „Русскаго Архива", стр. 617. На стр. 619 вмѣсто Бутковскій—слѣдуетъ *Буцковскій* и вмѣсто Путиловъ слѣдуетъ *Пушиловъ*. П. Б.

вательные и ученые, не успѣваютъ отписываться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняясь оправдываться по своимъ Land und Ritterrecht'амъ, поневолѣ читаютъ и изучаютъ наши законы и мало-по-малу принимаютъ ихъ. Такъ они приняли совершенно нашъ порядокъ ревизіи и аппеляціи.

Товарищъ государственнаго контролера ст.-секретарь Брискорнъ уволенъ въ отставку съ оставленіемъ только въ званіи сенатора, а на мѣсто его назначенъ Апрѣлевъ. За что смѣщенъ Брискорнъ—извѣстно: онъ далъ мнѣніе о безполезности контроля въ настоящемъ его положеніи. Это человѣкъ умный, образованный, но любитъ вечера и карты и непостояненъ. Онъ любитъ переходить изъ одного лагеря въ другой, какъ напримѣръ онъ передался Клейнмихелю, во время поѣздки графа Чернышова на Кавказъ. Онъ любитъ и подкопаться, какъ теперь подъ старика Хитрова. За что назначенъ Апрѣлевъ, неизвѣстно. Онъ старшій изъ директоровъ, управляетъ конторою графа Шереметева.... Его не любятъ.

Февраль. Стараются всевозможными мѣрами ограничить печать. Понимаютъ-ли, однако, весь вредъ этихъ стѣсненій? Они могутъ подавить самостоятельную Русскую жизнь, усилить вліяніе иностранныхъ книгъ, принявшее и безъ того, за послѣднее время, такіе обширные размѣры, возбудить негодованіе въ цензорахъ и цензируемыхъ, въ читателяхъ, число которыхъ такъ увеличивается. О нашей литературѣ (самобытной) говорить нечего. «Ничего не позволяютъ», говоритъ Ратьковъ [1]). Съ одной стороны князь Ширинскій-Шихматовъ, а съ другой комитетъ Анненкова. За то процвѣтаетъ торговля иностранными книгами. Я имѣлъ случай слышать въ книжномъ магазинѣ Шмицдорфа и отъ младшаго Исакова, что продажа въ ихъ лавкахъ въ послѣдніе годы усилилась весьма замѣтно, несмотря на нѣкоторое возвышеніе цѣнъ. Особенно, по словамъ Исакова, расходятся иллюстрированные романы.

При вступленіи моемъ въ судебное вѣдомство въ 1841 г. [2]), въ средоточіе управленія уголовнымъ правосудіемъ, я былъ пораженъ тремя недостатками этого управленія.

1) Недоставало дѣйствительнаго сосредоточеннаго управленія. Министры юстиціи просматривали протесты и опредѣленія, а въ отношеніи положенія дѣлъ и судовъ довольствовались тѣми ничтожными ложными отчетами, которые доставлялись въ бланкахъ дурно состав-

---

[1]) Извѣстный книгопродавецъ.

[2]) Въ Декабрѣ 1840 года Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ причисленъ къ пятому департаменту Министерства Юстиціи, и ему поручено управленіе 2-мъ отдѣленіемъ онаго.

ленныхъ къ назначенному сроку. Я старался ввести отчетность своевременную, подробную и повѣряемую. Графъ Панинъ очень видитъ этотъ недостатокъ и исправляетъ его; но, исправляя, онъ вдался въ излишнія подробности и, по недостатку рукъ и времени, тонетъ въ массѣ этихъ подробностей.

2) Дурная система наказаній. По Своду только и слышится плеть, да кнутъ, ссылка да каторга. Гласности никакой. Я не могъ ничего сдѣлать для измѣненія системы, ибо все откладывалось до изданія Уложенія. Для гласности я сдѣлалъ—обнародованіе осужденій чиновниковъ, но и это выработалось въ ограниченномъ видѣ. Наконецъ, вышло Уложеніе 1845 г. Въ немъ изложена система наказаній новая, строго соображенная, остроумно придуманная, но не практичная. Къ этому присоединилось и то главное неудобство нашего законодательства, что исполнять постановленія Уложенія пришлось не тѣмъ, кто составлялъ его. Въ настоящее время, черезъ пять лѣтъ дѣйствія, можно сказать, что главнѣйшіе недостатки этого Уложенія суть: а) въ немъ придаютъ значеніе правамъ, которыми не пользуется самое многочисленное сословіе государства; б) ограниченіе тѣлесныхъ наказаній уничтоженіемъ кнута и многочисленными изъятіями лицъ и случаевъ; в) особенное распространеніе «заключенія»—вида наказанія вовсе намъ не свойственнаго ни по натурѣ, ни по недостатку даже плохихъ мѣстъ заключенія, ни по вліянію этого наказанія на нравственность и привычки заключаемыхъ, при отсутствіи религіознаго внушенія и работы въ нашихъ тюрьмахъ. Неудобства и зло новой системы еще не обозначились вполнѣ; мы еще увидимъ ихъ въ широкихъ размѣрахъ.

3) Третій недостатокъ—это вообще дурное производство суда и дѣлъ. Производство до крайности медленно; сложность его даетъ поводъ къ уловкамъ, ухищреніямъ; пристрастіе чрезвычайно свободно. Объ этомъ теперь думаютъ.

Мартъ. Вотъ и новое положеніе объ откупахъ. Общее впечатлѣніе выгодно. В. А. Шереметевъ, А. В. Кочубей и князь А. Б. Голицынъ отзываются о немъ благосклонно, хотя и большіе неохотники до Брока. Шагъ сдѣланъ; можетъ быть сдѣлаютъ и другой. Все зависитъ отъ примѣненія и исполненія. Предупрежденіе недоимокъ, предусмотрѣніе непомѣрныхъ обогащеній и разореній есть уже успѣхъ, и государство должно быть признательно Государю. Но состоится-ли? Эти компаніи В—ыхъ, Бенар—ки, Ко—выхъ посмѣиваются себѣ въ кулакъ, надѣясь поставить на своемъ. При зыблемости нашихъ началъ все можетъ быть.

Бѣдная Русская труппа лишилась В. Каратыгина. Странно, что смерть этого высокаго таланта не почтена до сихъ поръ никакимъ зна-

комъ общественнаго сожалѣнія. Брокъ и князь Долгорукій утверждены министрами.—Столоверченіе кружитъ всѣмъ голову. Нѣтъ дома, гдѣ бы не производились опыты. Всѣ вѣрятъ, видятъ, удивляются. Говорятъ и о другихъ силахъ и явленіяхъ. Вѣкъ нашъ настраиваетъ къ подобнымъ вѣрованіямъ. Старикъ Гумбольдтъ справедливо замѣчаетъ, что легче разрушить цѣлую теорію, чѣмъ опровергнуть не точно наблюденный и непровѣренный фактъ. Кажется, впрочемъ, столоверченію надобно вѣрить: объ немъ говорятъ люди ученые и люди правдивые. Думаю я, что это явленіе объяснимо живою силою организма. Вѣра во внезапность, случайность—эта наша болѣзнь, это грѣхъ вѣка нашего.

Министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ скончался. Послѣ завтра его хоронятъ въ Сергіевскомъ монастырѣ. Ограниченіе числа учащихся, убавка курсовъ, сокращеніе программъ, сокращеніе учебныхъ пенсій, въ высочайшей степени произвольное и вредное стѣсненіе цензуры—вотъ памятники слабаго, доступнаго всѣмъ вліяніямъ управленія покойнаго; но онъ былъ добрый человѣкъ и христіанинъ. Сходитъ, кажется, со сцены и другой министръ, графъ Панинъ. Грустно мнѣ сказать и даже подумать объ этомъ. Такъ ли слѣдовало кончить карьеру этому сильному характеру, этому славному имени?

Май. Дѣла Турецкія принимаютъ дурной оборотъ. Говорятъ, князь Меншиковъ оставилъ Константинополь; наши корпуса двинулись къ границамъ. Государь недоволенъ, и это всѣмъ видно. О Меншиковѣ и во время посольства въ Персію говорили: «плохой толкъ; у него рука тяжела». Толки о войнѣ все громче и громче. Война, при настоящемъ лихорадочномъ положеніи Европы, страшна и побѣжденнымъ, и побѣдителямъ. Авось ничего не будетъ.

Іюнь. Вотъ манифестъ о занятіи княжествъ и о войнѣ, если требованія наши не будутъ удовлетворены Турціей. Мы сидѣли за обѣдомъ у князя Д. А. Оболенскаго, и онъ предложилъ мнѣ пари, что дѣло кончится Константинополемъ. Я не взялъ пари. Я помню изъ разсказовъ генерала Обручева о словахъ Государя Дибичу: «Что̀ я сдѣлалъ для исторіи?» и несомнѣнно, что мысль о какомъ-нибудь всемірно-историческомъ событіи занимаетъ Государя. Послѣ двухъ циркуляровъ графа Нессельроде общественное мнѣніе могло бы выразиться опредѣленнѣе. Циркуляры и манифесты грозны, а газеты и толки мирны. Иначе выразилась Москва по полученіи манифеста: война за вѣру, за Славянъ и Грековъ нашла сильное сочувствіе въ говорливыхъ людяхъ, и графиня Растопчина откликнулась слѣдующею одою:

Пришла пора. ... зажглася надъ Востокомъ
Давно желанная заря!
Ужъ близокъ, близокъ часъ, обѣщанный Пророкомъ
Въ псалмахъ Еврейскаго царя.
Долой мечеть съ двурогою луною!
Сіяй, нашъ православный крестъ
Надъ маковкой Софіи золотою и пр.

Іюль. По случаю отъѣзда оберъ-прокурора Быкова, мнѣ поручено 1-е отдѣленіе 5-го департамента. Недостатокъ въ людяхъ доходитъ до крайности въ среднихъ и низшихъ слояхъ чиновнаго класса. Ограничась, почти безъ всякаго исключенія, однимъ Училищемъ Правовѣдѣнія, графъ Панинъ наполнилъ канцелярію Сената молодыми людьми, благовидными, благовоспитанными и благородными; но молодежь эта дѣла не знаетъ, труда не выноситъ, заниматься не любитъ. Трудная судейская служба имъ скучна. При томъ надежда на блестящую карьеру въ нихъ такъ возбуждена, что всякое назначеніе они считаютъ временнымъ, переходнымъ, а потому не могущимъ занять ихъ дѣльно, постоянно. Первое отдѣленіе есть важнѣйшее изъ всѣхъ. Но что же я нашелъ въ немъ. Почти тоже запущеніе, что и въ 6-мъ департаментѣ, таже бѣдность состава, отсутствіе опытности, небрежность и незнаніе канцелярской отчетности. Дѣла и бумаги во множествѣ затеряны, журналы за четыре мѣсяца не изготовлены. Грустно, въ какомъ положеніи столь важная государственная часть и при томъ въ высшемъ учрежденіи.

Сентябрь. Государь въ нѣсколько (въ 11) часовъ перелетѣлъ въ Москву и встрѣченъ тамъ знаменательными словами Филарета: «Время всякой вещи подъ небомъ!» Вещь эта Турція. Изъ Москвы Государь ѣдетъ обозрѣвать корпуса, а потомъ въ лагерь въ Ольмюцъ, гдѣ съѣдутся императоръ Австрійскій и король Прусскій. Если можно объяснить себѣ поѣздку могущественнаго Государя въ Нѣмецкую землю желаніемъ отклонить мысль объ излишней зависимости Германіи отъ Россіи, преслѣдуемой завистью и ненавидимой Нѣмцами, то труднѣе объяснить цѣль съѣзда восточныхъ монарховъ безъ участія западныхъ. Не хотятъ ли постановить раздѣлъ Турціи? Дѣло это такъ важно, что по принятымъ правиламъ Габсбургской династіи едвали можно ожидать искренняго согласія и отъ молодаго Франца-Іосифа. Достаточно прочесть исторію Вѣнскаго конгресса и Итальянской кампаніи, чтобъ убѣдиться, какъ тѣсны воззрѣнія и какъ своекорыстны дѣйствія этого правительства. Подлая до низости въ минуты опасности, Австрія, какъ выражается Фонъ-Визинъ, готова откроить себѣ часть равную въ раздѣлѣ, даже чужомъ ей. Она ослабила всѣ наши дѣйствія въ Италіи при Суворовѣ, она долго отказывалась отъ содѣйствія противъ Наполеона, она не отказалась бы отъ возстановленія

Польши (L'empire Russe, par le v-te Beumont de Vassy), и теперь ей ничего не стоитъ принять двусмысленное посредничество между Россiей и Турцiей. Но естественный ходъ вещей сильнѣе соображенiй политики, и Австрiя должна и можетъ надѣяться укрѣпленiя и силы только при содѣйствiи своего могущественнаго сосѣда. Многiе говорятъ, что поѣздка въ Москву есть начало Крестоваго похода.

По случаю ужаснаго процесса объ убiйствѣ 65-ти лѣтняго старика его женой и сыномъ, генералъ-прокуроръ (во Францiи) обратился къ присяжнымъ: «Le mal s'accroît, les liens de la famille se dissolvent; il faut qu'au nom de la morale publique on demande une punition exemplaire.».*).... О, жалкiе болтуны! Чтò же вы сдѣлали для этой общественной нравственности? Чтó вы сдѣлали для утвержденiя узъ семейныхъ? Частыя семейныя преступленiя подтверждаются статистическимъ выводомъ, доказывающимъ ослабленiе узъ семейныхъ во Францiи. Я говорю о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, начинающихъ мелкимъ воровствомъ и бродяжничествомъ и кончающихъ, нерѣдко, взломомъ, насилiемъ и убiйствомъ. Во время моей поѣздки во Францiю въ 1842 году ихъ считали не болѣе 1500 въ годъ. Въ 1841 году по статистическимъ отчетамъ значится 1375 человѣкъ, изъ которыхъ 588 возвращены родителямъ для исправленiя и надзора, а 787 поступили въ исправительныя, воспитательныя тюрьмы, которыя, именно въ это время, были въ большомъ ходу, и самыя тюрьмы эти преобразовывались и улучшались. Но куда привели эти улучшенiя? Черезъ десять лѣтъ число этихъ малолѣтнихъ преступниковъ почти утроилось: въ 1851 г. ихъ считали уже 3168 челов., изъ нихъ 1303 отданы родителямъ, а 1865 поступили въ исправительныя учрежденiя.

Итакъ, какъ важно влiянiе семейныхъ узъ на нравственность и какъ мало государство, столь тщеславящееся своимъ assistance publique: (въ докладѣ г. Тьера) сдѣлало для замѣны этихъ узъ! Разсужденiя эти, не вполнѣ, но могутъ быть примѣнены и къ намъ. У насъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (до 16 л.) немного, какъ и вообще преступленiй. Это происходитъ отъ того, что въ классѣ крѣпостныхъ людей преслѣдованiе зла предоставлено произволу, въ средѣ государственныхъ крестьянъ—дурному правосудiю сельскихъ начальниковъ, а менѣе дурное общее правосудiе рѣдко получаетъ ихъ въ свою расправу вслѣдствiе терпимости, безпечности, ложнаго самолюбiя, которыя такъ присущи намъ. Правило 146 ст. Улож. (о назначенiи въ солдаты съ выслугой) было полезно въ воинственномъ нашемъ государствѣ. Статьи въ новомъ изложенiи 144 и 146 о монастыряхъ и рабочихъ домахъ никуда не годятся. Новыя измѣненiя, осо-

*) Зло растетъ, связи семейныя слабѣютъ; надо во имя общественной нравственности потребовать примѣрнаго наказанiя.

бенно относительно преступниковъ отъ 14 до 21 года, представляются большимъ послабленіемъ, и монастыри, какъ видно по дѣламъ, рѣдко продержатъ мальчишку мѣсяцъ безъ того, чтобъ онъ не обокралъ святыхъ отцовъ и не убѣжалъ на новыя преступленія. Рабочіе дома существуютъ въ умахъ законодателей и въ предположеніяхъ. Я обозрѣвалъ тюрьмы въ 1846 г., и бѣдственное положеніе несовершеннолѣтнихъ преступниковъ внушило мнѣ мысль представить министру для слѣдственныхъ арестантовъ учредить центральныя тюрьмы: одну тюрьму и одинъ совѣстный судъ на нѣсколько губерній. Для осуждаемыхъ, которые не могутъ идти въ солдаты, устроить земледѣльческія поселенія. Мы еще не въ томъ положеніи, когда сословія, занятія, развитіе торговыхъ оборотовъ и пр. могли бы вызвать правительство къ обнародованію законовъ, въ которыхъ ясно и опредѣленно выражались бы общечеловѣческія начала. Въ настоящемъ нашемъ положеніи безконечныя распоряженія правительства, по большей части, съ вѣтру взяты и по вѣтру брошены. Конечно, и нынѣ правительство, въ нѣкоторыхъ общихъ мѣрахъ, какъ-то: затрудненіе для достиженія дворянства, тарифъ 1850 года, подчиненіе раскольниковъ метрикѣ, поощреніе къ освобожденію отъ крѣпостнаго рабства и т. п.—руководствуется общими началами государственнаго права, международнаго права и права военнаго Русскаго, въ дѣлѣ воспитанія и управленія; но эти начала пока въ жизнь еще не проникли. «Это-то и спасеніе наше», говоритъ Русскій баринъ В. А. Шереметевъ: «законы не исполняются». Однако, и теперь есть явленія, по которымъ можно, если не видѣть, то подозрѣвать вліяніе общихъ началъ. Такъ напр., стремленіе къ чтенію, умноженіе Французскихъ книжныхъ лавокъ и огромное количество Французскихъ книгъ въ обращеніи, въ виду нищеты самостоятельной литературы; ропотъ на упадокъ ремеслъ отъ соперничества иностраннаго ввоза, на дурное управленіе государственнымъ имуществомъ отъ недостатка мѣстныхъ элементовъ, ропотъ на несостоятельность системы наказаній въ новомъ Уложеніи отъ несоотвѣтствія ея съ народной жизнью. Обращаясь къ народному образованію, не могу не высказать опасенія, что лицеи и гимназіи со временемъ сдѣлаются совершенно военно-учебными заведеніями генерала Ростовцева. Наружная чистота, видимый порядокъ и поверхностное ученіе при военныхъ экзерциціяхъ и при неразумномъ энциклопедизмѣ могутъ развиться до крайности. Ученіе и ученыя степени, со времени Петра, у насъ имѣютъ общественное, политическое значеніе; а между тѣмъ правительство не принимаетъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія и, издавъ положенія или программы, думаетъ, что оно сдѣлало все, что̀ нужно. Поэтому между средними и высшими (особенно высшими) учебными заведеніямн нѣтъ никакого единства: такъ дурной студентъ въ

Казани дѣлается прекраснымъ въ Дерптѣ или Харьковѣ. Надзоръ порученъ попечителямъ или губернаторамъ: ищите единства въ ихъ направленіи! Общихъ началъ у этихъ лицъ нѣтъ никакихъ. Это безначаліе особенно ощутительно съ того времени, какъ назначаются военные попечители. У меня служили многіе кандидаты университетовъ П—цевъ (Моск.), М—овъ (Харьк.), П—ій (Дерпт.). Это такое невѣжество, такое неосновательное мышленіе и отсутствіе знаній, что, при всемъ стремленіи моемъ выставить университетскихъ передъ правовѣдами, я долженъ былъ отказаться вести людей, падающихъ, несмотря на помочи. Возстановленіе указа 1809 и надзоръ за утвержденіями въ степеняхъ, едва ли не были бы полезнѣе Іюльскаго манифеста 1845 года.

Князь Меншиковъ отправленъ въ Константинополь для переговоровъ о святыхъ мѣстахъ, а ведетъ переговоры совсѣмъ о другомъ: о правахъ и покровительствѣ Греко-россійской церкви. Люисъ, Кларендонъ это видятъ, объ этомъ пишутъ, а спрашивать о поводахъ этихъ переговоровъ не считаютъ нужнымъ. Вѣнскій дворъ, держась по прежнему неопредѣленной середины, принимаетъ на себя посредничество и, составя ноту, по Французскому проекту, безъ участія Турціи, предлагаетъ ее на одобреніе Россіи и вызываетъ съ обѣихъ сторонъ такіе колкіе отвѣты, что можно думать, по крайней мѣрѣ, объ охлажденіи сношеній. Однако нѣтъ: Государь ѣдетъ въ Ольмюцъ. Императоръ Австрійскій и король Прусскій посѣщаютъ его въ Варшавѣ. Что̀ все это значитъ?... Я обѣдалъ сегодня у старика Кочубея, и рѣчь шла о значеніи Турціи. Великіе люди наши, противъ Англійскаго проекта о Греческой Имперіи подъ покровительствомъ Великобританіи, полагаютъ устроить конфедерацію изъ всѣхъ отдѣльныхъ провинцій Европейской Турціи подъ главнымъ управленіемъ представителей Русскаго правительства въ Константинополѣ. Не время всему этому, думаю я.

Инспекторъ Училища Правовѣдѣнія, Рейцъ прислалъ мнѣ для прочтенія свое мнѣніе о лучшемъ распредѣленіи занятій въ училищѣ съ прибавкою еще одного года для выпускныхъ воспитанниковъ. Все это хорошо, но все это pia desideria добраго Нѣмца и Нѣмецкаго профессора. Онъ считаетъ училище высшимъ святилищемъ правовѣдѣнія; но какая нужда была въ этомъ учрежденіи при пяти факультетахъ университета? Никакой! Рейцъ хочетъ сравнить заведеніе это съ университетомъ; но могутъ-ли воспитанники закрытаго заведенія заниматься такъ самостоятельно, какъ студенты? Никогда! И съ чего взято мнѣніе, что правосудіе могло быть отправляемо, какъ выражается Рейцъ и какъ, очевидно, думали основатели, юношами, принадлежащими къ высшему сословію? Совмѣстенъ-ли трудъ съ возможностью обойтись безъ труда?

Декабрь. Большой ропотъ возродила такса на извощиковъ въ Петербургѣ, мѣра существующая во всѣхъ столицахъ и во многихъ губернскихъ городахъ. Вѣрно мы уже очень привыкли роптать! Опасаются, что извощики всѣ разъѣдутся, если не отмѣнятъ таксы. Конечно такса въ настоящее время налоговъ и дороговизны вышла не совсѣмъ кстати, въ таксѣ можно бы было поставить болѣе опредѣлительные размѣры, напр. по времени года и т. п.; но все-таки нельзя не благодарить г. Бибикова за приведеніе этой мѣры въ исполненіе.

Я писалъ отчетъ по моему департаменту и, кончивъ, думалъ: послать-ли мнѣ этотъ вздоръ, этотъ гадательный сборъ, эту ложь, или рѣшиться написать и послать правду? Я бы рѣшился написать правду, но дойти до правды невозможно. Централизація, стянувъ вещи, выперла, выворотила ихъ и, истощивъ въ нихъ всю живую силу, вынужденная ограничиться однимъ формализмомъ, невольно обращается съ самымъ наглымъ презрѣніемъ съ этими цифрами, таблицами. Читая въ Наказѣ Екатерины главу о томъ: Европейское-ли-государство Россія, я не удивился встрѣтить это сомнѣніе въ умѣ великой Германки, но удивился причинамъ, которыми она удовлетворялась для разрѣшенія этого вопроса. Конечно, вѣра и языкъ, мѣстность, соплеменничество съ западными Славянами склоняютъ насъ къ Европѣ или, правильнѣе, отличаютъ отъ Азіи; но эти безграничныя пространства, это присоединеніе кочующихъ ордъ подъ одну державу, поглощеніе церкви государствомъ, особенно привычка къ произволу и взяточничество—что́ тутъ Европейскаго? Съ XVII ст. мы несомнѣнно желаемъ принять Европейскую образованность, но въ чемъ? Въ одномъ наружномъ! Посмотрите на право, на проповѣдь, посмотрите на добросовѣстность чиновника, купца, пахаря и даже солдата. Старикъ Сенъ-При говорилъ мнѣ, когда мы видѣлись у покойной Плюсковой въ 1841 г.; что «теперь, связанный родствомъ и привычкой, онъ не думаетъ бѣжать изъ Россіи, но оставить ее, какъ неудобную гостинницу, всегда желалъ и желаетъ». Въ 1850 году пріѣзжалъ изъ Варшавы Т. (онъ въ Польшѣ начальникъ Округа Путей Сообщенія) и, проживъ нѣкоторое время, послѣ немногихъ соприкосновеній съ нашими правителями и управляющими, неоднократно говорилъ мнѣ при встрѣчѣ у А. В. Дашкова и С. П. Шипова: «Еслибы мнѣ пришлось прожить у васъ нѣсколько лѣтъ, я бы задохся или убѣжалъ въ пустыню». Что́ говорятъ, что́ чувствуютъ Русскіе, поживъ въ чужихъ краяхъ и пріѣхавъ въ Россію? Что́ пишутъ о насъ наши лучшіе поэты: Кантемиръ, Фонъ-Визинъ, Пушкинъ, Гоголь? Что́ говорилъ К. Брюловъ, изнывая здѣсь со всей своей Итальянской славой?

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ 1853 ГОДА.

Январь. Дѣло князей Голицыныхъ [1]). Министръ рѣшилъ дѣло въ пользу князя Антона, кажется, не согласно съ волею Государя. Дѣло перенесено въ Госуд. Совѣтъ, гдѣ оно произвело много шума. Въ департаментѣ возбужденъ вопросъ: можетъ-ли министръ юстиціи дѣлать предложенія Сенату, когда онъ разсматриваетъ дѣло, какъ верховный совѣстный судъ? По гражданскимъ дѣламъ это по закону не опредѣлено, но по уголовнымъ министръ всегда имѣлъ и имѣетъ это право. Въ общемъ собраніи большинство членовъ Г. Совѣта, по существу дѣла, противъ министра. Судя однако по ходатайствамъ, Государь будетъ противъ министра, т.-е. противъ себя. Въ засѣданіи 17 Марта, 32 голоса противъ министра, который вмѣстѣ съ Апрѣлевымъ и similibus [2]) не набралъ болѣе 8. Государь согласно съ большинствомъ Совѣта рѣшился утвердить большинство Смоленскаго собранія и сенаторовъ, т.-е. признать имѣніе родовымъ. Это дѣлаетъ честь Государю.

Февраль. Дѣло графа Орлова. По городу ходятъ слухи и толки о пасквилѣ, который посланъ Государю и графу Орлову о томъ, что ни тотъ ни другой не понимаютъ, какъ управлять, а также о запечатанныхъ шинкахъ (съ арестомъ откупщиковъ и отдачею въ арестантскія роты сидѣльцевъ), въ которыхъ пьянствуютъ по ночамъ гвардейскіе солдаты. Толки громкіе и для многихъ злорадостные. Въ городѣ говорятъ, что одно письмо, по городской почтѣ, дошло до графа Орлова; а другое, на имя Государя, принято отъ какого-то мальчика; но передавшій ему не захваченъ. Начались розыски. Тайная полиція приступила къ сличенію почерковъ въ гимназіяхъ, корпусахъ, университетѣ, въ лицеѣ. Генералъ Дубельтъ ничего не нашелъ, кромѣ „разныхъ“ книгъ въ столахъ, но на это не обращено вниманія. Говорятъ, что подозрѣніе падаетъ на одного Семеновскаго офицера.

Дѣло Политковскаго. Умеръ тайный совѣтникъ Политковскій, правитель Комитета Инвалидовъ. Онъ извѣстенъ былъ своей открытой жизнью, картежной игрой и роскошью. Еще при его жизни разнеслись слухи о недостачѣ денегъ въ комитетѣ. Говорятъ, что послѣ этихъ слуховъ удостовѣрились въ вѣрности ихъ и нашли все въ цѣлости. Скончался—недосчитываются отъ 800 т. до 1,200,000 р. Все это вѣроятно. Государь запретилъ нести при похоронахъ звѣзды и ордена, а также и участвовать членамъ канцеляріи въ шествіи за гробомъ. На имущество служащихъ и бѣдныхъ членовъ (они же не вѣдаютъ, что̀ творятъ) наложено запрещеніе; у самого покойнаго открыты одни долги. Говорятъ, что еще прежде контроль замѣтилъ значительныя наличныя суммы и требовалъ отсылки ихъ въ

---

[1]) См. Р. Архивъ 1888, I, 627—628.

[2]) И ему подобными.

банкъ. Помогъ Брискорнъ: онъ далъ мнѣніе о безполезности контроля въ настоящемъ его положеніи. Огромный домъ этого Брискорна купилъ Политковскій и отдалъ зятю...... Говорятъ это теперь. Отчего не ранѣе? Политковскій давно боленъ, и было время говорить: жизнь его была видна всѣмъ. Всѣ звали его Монте-Кристо. Почти всѣ играли съ нимъ; рѣдкіе не обѣдали. Государь очень разсерженъ. Но кто же виною?.... Слѣдствіе производятъ: генералъ-адъютанты Анненковъ и Игнатьевъ и бывшій генералъ-контролеръ Христіани. На членовъ налагается взысканіе. Разжаловано пять генералъ-адъютантовъ. Назначенъ верховный уголовный судъ. Государь боленъ [1]). Преступленіе совершено очень дерзко, и попустилъ его графъ Чернышовъ. Дѣло Политковскаго такъ всѣхъ занимаетъ, что покушеніе на молодаго Австрійскаго императора почти никого не поразило. Арестованные генералы наши упали духомъ. Когда объявили объ арестѣ и судѣ генералу Граббе, онъ приказалъ подать шпагу, полученную имъ за Венгерскую кампанію. Генералъ Мандерштернъ, одинъ не арестованный, просилъ подвергнуть и его общей мѣрѣ. Жена генерала Арбузова пріѣхала въ гостинный дворъ и сказала купцамъ, чтобъ они не вѣрили въ долгъ ни ей, ни ея дочерямъ, потому что все ихъ имѣніе подъ запрещеніемъ. Адмиралъ Колзаковъ отдалъ казнѣ 30 т. р., сказавъ: „Вотъ все что я сберегъ въ теченіи пятнадцатилѣтней службы“. Старикъ Ушаковъ заболѣлъ опасно. Недаромъ Брискорнъ такъ жарко, въ разговорахъ въ общемъ собраніи, защищалъ отчеты Политковскаго. Въ бумагахъ послѣдняго найдены поправки рукою товарища контролера. Третьяго дня бумаги Брискорна опечатаны. На пополненіе расхищенныхъ суммъ купечество Московское дѣлаетъ значительные сборы. Надобно замѣтить, однако, что все это дѣлается не вслѣдствіе участія къ инвалидамъ и къ подсудимымъ генераламъ, а просто по вызову графа Орлова и графа Закревскаго для доставленія удовольствія Государю. Пожертвованія купечества у насъ часты и велики. Купечество молодаго государства, получая вообще несоразмѣрные проценты, охотно сдается на подобные вызовы; потомъ оно увеличиваетъ барыши, и увеличиваетъ ихъ или необдуманнымъ рискомъ, или мошенничествомъ. Особенно въ Москвѣ этотъ классъ требовалъ бы не вызововъ на пожертвованіе, а внушеній порядка и умѣренности. Предсѣдатель Ушаковъ исключенъ изъ службы и подвергнутъ аресту въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ. Адмиралъ Колзаковъ уволенъ. Оба отвѣчаютъ въ суммахъ по исчисленію по ихъ части. Мандерштернъ и Арбузовъ допущены къ должностямъ. Граббе и Зассу сдѣланы строжайшіе выговоры. Вѣроятно будутъ еще смягченія. Можетъ быть, возвратятъ и эксельбанты.

Дѣло Пинскаго. Жена сенатора М. М. Карніолинъ-Пинскаго осуждается за прелюбодѣяніе и сокрытіе беременности. Жена эта—Наденька, дочь Ек. Сем. Гагариной. Она знакома мнѣ съ 1834 года. Пинскій ведетъ дѣло не тамъ, гдѣ должно, начавъ превращаетъ его въ уголовное, а превративъ въ

---

[1]) См. нашъ сборникъ „Девятнадцатый Вѣкъ“, кн. I, стр. 350. П. Б.

уголовное, даетъ ему ходъ обвинительный (какого и Французскій прокуроръ не въ правѣ давать въ такомъ видѣ), пользуясь услугами своихъ подчиненныхъ, Калайдовича и Оголина. Слѣдствіе ничего точнаго и требуемаго по законамъ XV тома не открыло, и вездѣ видны то подлогъ, то ложь, то умолчаніе, то низкая уклончивость. Дѣло рѣшено въ 5 департаментѣ и, по пересмотрѣ въ общемъ собраніи, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, отъ коммисіи прошеній пришло на Консультацію. Пинскій писалъ къ кн. П. П. Гагарину (такъ какъ кн. Гагаринъ по желанію хорошенькой Софьи Ломоносовой вмѣшивался въ дѣло) съ просьбой не принимать въ дѣлѣ участія. Дѣло рѣшается въ Госуд. Совѣтѣ; одни полагаютъ признать Надежду Ивановну прелюбодѣйкой, другіе—оставить въ подозрѣніи. Вѣроятно Государь утвердитъ послѣднее; оно же согласно съ мнѣніемъ министра. Я признавалъ ее виновною; хотя статьи XV тома не подходятъ, но поведеніе этой женщины грязно и отвратительно. Большинство полагаетъ оставить въ подозрѣніи, а нынѣ въ ходу большинство...

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1829 годъ.

1-го Генваря 1829-го года. Вторникъ. На балѣ у каймакама Гики встрѣтилъ новый годъ довольно пріятно. Возобновилъ знакомство съ прежними товарищами по артилеріи: подполк. Вальцомъ, Быковымъ, Старынкевичемъ. Сегодня они всѣ были у меня. Обѣдъ у г. Гейсмара. Я опять многими обойденъ въ производствѣ. Германъ, агентъ Сербіи, пріѣхалъ и навѣстилъ меня съ Мавросомъ. Два письма г. Ланжерона къ Гейсмару, одно весьма важнаго содержанія. Отвѣтъ ему. За вистомъ, меня не занимавшимъ, непреодолимое уныніе, всѣми замѣченное, овладѣло мною.

5-го. Вчера оттепель. Письмо г. Гейсмара къ г. Палену о продовольствіи. *Constitutionnel* сравниваетъ сраженіе подъ *Боилештами* съ побѣдами Суворова подъ Фокшанами и Рымникомъ, и справедливо.

6-го. Пріятный обѣдъ съ гр. Толстымъ и бар. Черкасовымъ. Германъ, агентъ Сербіи и Энгельгардъ. Вечеръ у г. Гейсмара. Письмо г. Ланжерона, которымъ извѣщаетъ, что г. Дибичъ показалъ неудовольствіе, не нашедши меня между произведенными въ генералъ-маіоры въ приказѣ 6-го Декабря; онъ полагаетъ, что по моемъ производствѣ, котораго г. Дибичъ будетъ просить Государя, я безъ затрудненія назначенъ буду начальникомъ штаба къ г. Гейсмару. Письмо къ г. Ланжерону Гейсмара обо мнѣ съ просьбою еще написать къ Дибичу. О продовольствіи. Сегодня къ Милошу Обреновичу князю Сербскому.

7-го. Балъ у Гейсмара, иллюминація. На вензеловомъ щитѣ въ честь г. Гейсмару, предъ домомъ каймакама, надпись: Il est venu, il a vu, il a vaincu. По утру водоосвященіе; сдѣлано 30 пушечныхъ выстрѣловъ, отъ которыхъ стекла въ нѣсколькихъ домахъ разсыпались. Письмо къ И. В. Шатилову о картахъ Европейской Турціи и памятной книжкѣ, въ департаментѣ издаваемой. Донесеніе прикащика отъ 1-го Мая вчера только получилъ. Приняты по необходимости строгія мѣры для отвращенія недостатка по продовольствію войскъ. Все то, что̀ остается у обывателей запасовъ, кромѣ нужнаго для посѣва и пропитанія ихъ до урожая, должно быть объявлено подъ штрафомъ конфискаціи и обращено въ магазины по цѣнѣ противъ обыкновенной, въ краѣ существующей, гораздо превосходной и тотчасъ чистыми деньгами выплачиваемой.

8-го Генваря, 1829-го года. Вчера морозъ градусовъ 12. Поутру у г. Толстаго и г. Гейсмара. Обѣдъ у меня съ каймакамомъ Гикой, г. Толстымъ, б. Черкасовымъ, Плещеевымъ и Энгельгардомъ. Вечеръ у г. Гейсмара заключилъ не совсѣмъ здоровый.

9-го. Вчера морозъ градусовъ 13. Обѣдъ у г. Толстаго съ генераломъ Плоховымъ, каймакаймомъ, Черкасовымъ, Германомъ, Плещеевымъ, очень пріятный. Вечеръ у Гейсмара. Двѣ піесы на гитарѣ съ точностію, но безъ выраженія и на дурномъ инструментѣ Барановымъ, штабъ-лекаремъ Каргопольскаго драгунскаго полка. Письмо къ г. Ланжерону о продовольствіи.

Подражаніе Коллину.

Свой гнѣвъ воздержи; ты долженъ меня, достойный, любить.
Покорной Музы велѣнью, прочелъ я насмѣшливу пѣснь.
Недавно, въ безмолвную ночь, тревожной дремотой объятый,
Сидѣлъ я, оплакивалъ вѣкъ, который рабовъ лишь родитъ.
Рабски живетъ человѣкъ и дѣйствуетъ рабски.
Звуки лишь вторя, какъ робко влачится пѣвецъ!
Отъ Гема, отъ Эбро, отъ По, отъ Инда и Окса,
Срываетъ отвсюду цвѣты; но вянутъ они у него,
Ибо растительный сокъ, вдохновенія пламя,
На почвѣ родной жизни цвѣтамъ не даетъ.
Что̀ въ древности мужа священнымъ огнемъ воспаляло,
Что̀ въ жизнь, въ искусство изящные виды вводило?
Отчизна, чести порывы, на небо стремленье —

Сухія названья теперь, пустой преходящій лишь звукъ.
Если жъ звучитъ ихъ еще нѣжнѣй одаренная лира,
Вздохъ умирающій то, стенящій звонъ камыша:
Не возбуждаетъ безсильный ни къ дѣлу, ни къ пѣснѣ.
Тише и тише во гробъ нисходитъ свободы кумиръ.
Такъ сѣтовалъ я и взрыдалъ.—Вдругъ струнъ недовольныхъ раздался
Страшно-шумящій орканъ, вдали какъ бурный потокъ,
И Музы узналъ я воззванье, Музы, внушавшей Тиртею
Пѣснь пламенной битвы, побѣдную гордую пѣснь.
Внезапно, молньей слетѣвши отъ неба ночнаго,
Со взоромъ палящимъ грозно представъ предо мной:
Безумный, громко вѣщала, суетный, робкій,
Ты мыслишь быть мужемъ одинъ въ сей бурѣ временъ.
Для жалобы ль тщетной дала я тебѣ звучащія струны?
Сильно ударь въ нихъ, возбудь стрѣлой пѣснопѣнья
Мужества духъ, доблести чувство, къ свободѣ любовь
Во внемлющемъ сердцѣ! Далеко раздастся твой кликъ.
Пусть тотъ, кто мнитъ одинъ быть, товарища радостно узритъ,
И доблестныхъ душъ да возстанетъ твердый союзъ!
Достойнаго самъ отыщи, который ничтожному скрытый
Тихо для лучшихъ временъ высокія силы хранитъ... *)
Мужа такого узнать примѣтамъ тебя я наставлю;
Не лживы онѣ, ты въ памяти ихъ сохрани.
Молча бродитъ охотно въ толпѣ онъ пестрой народа
Тихо; лишь зритель, въ свѣтъ не мѣшается онъ;
Нескромный вопросъ односложно и гордо онъ гонитъ,
Неприступенъ и крутъ, подобно скалѣ между волнъ.
Холоденъ, мраченъ кажется онъ, людей ненавистникъ.
Но скоро другое покажетъ потупленный взглядъ,
Слезу уронившій, слезу святаго участья,
Укажетъ груди волненье и сжатыя руки,
Когда лира поетъ упадшихъ народовъ позоръ!
Но такъ является скорбь, нескрытая сила.
Для того смѣло, пѣвецъ, ты тонъ свой возвысь,
Міръ покоренный воспой, Цесаря волѣ послушный,
И въ рабствѣ всеміріномъ Катона на лирѣ прославь,
Который какъ Римлянинъ жилъ, свободно, какъ Римлянинъ, умеръ.
Смотри, вдохновенный онъ жметъ тебя къ сердцу, вскричавъ:
Поприще дайте лишь мнѣ, хотя бы смерть тамъ найти!
Свой гнѣвъ воздержи; ты долженъ, меня, достойный, любить
И скоро со мной съединясь, пѣснью на пѣснь отвѣчать.

---

*) Подлинникъ слѣдующихъ девяти стиховъ приведенъ въ Записной книжкѣ графа П. Х. Граббе выше (стр. 3) подъ 22-мъ числомъ Апрѣля 1828 года. Въ выборѣ перевода очевидное примѣненіе къ самому себѣ. *П. Б.*

10-го Генваря. Прекрасный солнечный день съ морозомъ градусовъ 13. Катанье въ саняхъ съ г. Толстымъ. Обѣдъ у г. м. Плохова въ томъ же обществѣ. Вечеръ у Гейсмара. Пріѣздъ Муханова. Любопытныя извѣстія о предстоящихъ перемѣнахъ въ главномъ начальствѣ арміи. Письмо къ г. Ланжерону. Рапортъ Киселеву; оба о продовольствіи. Слова обо мнѣ сего послѣдняго въ письмѣ его къ г. Ланжерону.

12-го. Поутру полковникъ Бургграфъ, сегодня пріѣхавшій, навѣстилъ меня; потомъ Гейсмаръ съ Прибытковымъ. Обѣдъ у Гейсмара. Съ курьеромъ повелѣніе отправиться подъ Турно и письмо генерала Германа содержанія страннаго, изъ котораго видно, что онъ самъ съ генераломъ Малиновскимъ спѣшитъ туда, чтобы до прибытія Гейсмара предпринять штурмъ противъ крѣпости. Завтра мы ѣдемъ однако туда; баронъ Черкасовъ отправится впередъ; съ нами графъ Толстой, Мухановъ, баронъ Корфъ. Ужиналъ у Гейсмара. Получилъ журналъ дѣйствій минувшей кампаніи отрядовъ Гейсмара для сочиненія исторіи оной.

13-го выѣхалъ съ генералъ Гейсмаромъ изъ Краіова въ Турно. На второй станціи въ Бальшѣ свѣдали, что мостъ на Ольтѣ у Слатина тронувшимся льдомъ сорванъ. Въ Ипотешти переправились пѣшкомъ чрезъ Ольту по льду. 14-го ночью пріѣхали въ Рушедеведе; нашли тамъ генерала Германа. Неточный и мало понятный разсказъ приступа къ укрѣпленію Кале, въ ночи съ 12-го на 13-е полками Шлиссельбургскимъ и Ладожскимъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Малиновскаго взятаго. Поѣздка въ Кале и подъ Турно. Кровь еще не успѣла засохнуть на снѣгу около рва и внутри укрѣпленія. Храбрые даже не прибѣгнули къ лѣстницамъ, а вскочили на бастіонъ по штыкамъ, вонзая ихъ между плитъ каменной одежды эскарпа. Два орудія конной роты подполк. Брыгина подъ начальствомъ пор. Менцинскаго (изъ первыхъ съ охотниками на валъ вскочившаго и загвоздившаго Турецкія орудія) ворвались быстро въ укрѣпленія и убійственнымъ огнемъ въ ворота мечети заставили заперевшихся въ ней и ружейнымъ огнемъ большой вредъ причинявшихъ пашу и около 360-ти оставшихся Турокъ просить пощады. Около сорока орудій, значительное количество снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ найдено въ укрѣпленіи. Оно подъ близкимъ выстрѣломъ Никополя и дальнимъ Турно и сохранено

быть не можетъ. Теперь служитъ къ пресѣченію сообщенія сей послѣдней съ правымъ берегомъ; два редута на Дунаѣ и одинъ въ устьѣ Ольты довершаютъ оное. 22-го выѣзжалъ Измаилъ-бей, Албанецъ, для переговоровъ, предлагая сдачу чрезъ 20 дней. Приступъ, воспрещенный генераломъ Ланжерономъ и безъ того неминуемою сдачею крѣпости (съѣстныхъ припасовъ дней на 10 только имѣющею) отмѣненъ. 23-го выѣхалъ съ генераломъ Гейсмаромъ, дѣлами отозваннымъ, въ Краіовъ. Ольту переправились по льду подъ Фундоворникулу, вдоль по Ольтѣ, въ Чилени, въ Бабичи, въ 6 ч. вечера въ *Каракалъ*: 60 верстъ ровной и безлѣсной плоскости. Станція Лео, и Краіовъ въ 3 ч. ночи. Всего 110 верстъ. Еще изъ-подъ Турно къ г. Дибичу и Ланжерону донесенія о положеніи дѣлъ. Здѣсь получилъ письма отъ тещи, А. И. Маркевича, брата Карла и сестры. Послѣ обѣда опять выѣзжаемъ къ Турно, куда и г. Ланжеронъ прибылъ.

3-го Февраля. Воскресенье. 25-го прошедшаго мѣсяца въ 3 ч. по полудни, вдвоемъ съ Гейсмаромъ выѣхали изъ Краіова и ночью въ 5 ч. пріѣхали въ с. Шагарцы, подъ Турно. Поутру 26-го прибылъ туда же и г. Ланжеронъ. Обнаруженный эгоистъ. Въ продолженіе ночей отъ 16-го до 22-го, по распоряженію Гейсмара и подъ надзоромъ генералъ-маіора Малиновскаго, крѣпость Турно стѣснена системою редутовъ, изъ которыхъ, начиная отъ Кале на пушечный выстрѣлъ отъ оной на Дунаѣ одинъ, отъ него далѣе къ устью Ольты другой, и на таковой же отъ сего послѣдняго третій въ устьѣ Ольты на правомъ берегу оной. Сими трудными по весьма суровому времени работами достижена совершенно цѣль—отрѣзать крѣпости всякое сообщеніе съ правымъ берегомъ Дуная. Чтобы придать вѣсу переговорамъ, построена сверхъ того въ 250-ти саженяхъ отъ сѣвернаго полигона крѣпости батарея, вооруженная отчасти Турецкими взятыми въ Кале орудіями и одною гаубицею. Дѣйствіе оной было вредно для гарнизона. Для прочнаго сообщенія Кале съ войсками на позиціи, на высотахъ Могурели оставшимися, построенъ на половинѣ разстоянія между оными редутъ. Все это было окончено, когда г. Ланжеронъ прибылъ, и гарнизонъ, доведенный до крайности, началъ переговоры съ г.-адъютантомъ Гейсмаромъ 30-го, заключена послѣ долгихъ затрудненій капитуляція, Гейсмаромъ съ пашей, аяномъ Сельвы-Ахметъ агою, Зопиръ-агою, начальни-

комъ Албанцевъ и другими чиновниками подписанная, и Гейсмаръ, вдвоемъ со мною, опередивъ 9-й егерскій полкъ, при пушечной, сильной, но безвредной пальбѣ съ батарей праваго берега Дуная, въ виду собранныхъ въ Никополѣ Турецкихъ войскъ, въѣхалъ въ Турно посреди гарнизона, доведеннаго до отчаянія, но роптавшаго. Скоро вступилъ 9-й егерскій полкъ и занялъ главные ворота и прилежащіе къ нимъ два бастіона. Хотя гарнизонъ выпущенъ свободно, но пріѣхавшій къ намъ на другой день Ахметъ-ага, страшась за свою голову, просилъ принять его подъ покровительство Россіи. Мурза-бей, начальникъ Крымскихъ Татаръ, послѣдовалъ его примѣру. Приверженцы Ахмета, догадываясь о его намѣреніи, прислали къ нему объявить, что они готовы послѣдовать его судьбѣ.—Дунай сталъ въ ночи съ 31-го на 1-е Февраля; но переправа будучи еще недовольно надежна, Гейсмаръ потребовалъ для избѣжанія могущихъ случиться послѣдствій отъ Турокъ, преданныхъ безначалію, тотчасъ уступить намъ цитадель и пороховой погребъ, на что они немедленно согласились. Между тѣмъ сдѣланы распоряженія на случай покушеній со стороны Турокъ переправиться на нашу сторону. 1-го, въ 3 ч. по полудни, окончивъ все, выѣхали изъ Шагарцовъ; а въ 7 ч. утра возвратились въ Краіовъ. Корнетъ Гейсмаръ посланъ въ Петербургъ съ ключами крѣпости. Ему даны отъ меня письма къ Шатилову и брату Карлу. Сегодня получилъ отъ послѣдняго мои книги и чаю чрезъ капитана Михаловскаго.

4-го Февраля. Понедѣльникъ. Болѣе 20 градусовъ морозу вчерашняго утра и сильной во весь день. Ясной, тихой, прекрасный день Русской зимы. Обѣдъ и ужинъ у Гейсмара. Разстройство духа, не смотря на частый и невольный смѣхъ. Послѣднія, крайнія мѣры для заготовленія продовольствія. Оно раздѣлено за положенную плату на лудры, здѣшнія тягла. И другой отъ начатія войны великій визирь смѣненъ Решидъ-пашею. Нелѣпости въ газетахъ, смѣха достойныя. На острову противъ Калафата шевелятся. Созрѣваютъ новыя происшествія, ежели Богу угодно, для насъ счастливыя.

5-го Вторникъ. Вчера прекрасный зимній день. Утромъ у Муханова, у г. Толстаго, потомъ до обѣда у п. Глазенапа. Не узналъ жену его, которую дѣвушкой зналъ. Portefeuille его. Обѣдъ у Гейсмара. Въ саняхъ въ мастерскія, гдѣ дѣлаются лодки,

веревки, катки; потомъ верхомъ на Брюнетѣ съ г. Толстымъ съ большимъ удовольствіемъ. Вечеръ у Гейсмара. Ген.-маіоръ Ширманъ. Бумаги къ фельдмаршалу и г. Палену.

Colomb. Washington-Irving. C'était un de ces génies fortement trempés qui semblent se former tout seuls; qui, parce qu'ils ont eu à lutter, dès leur entrée dans le monde, contre des difficultés et des privations de tout genre, acquièrent le courage d'affronter les obstacles, et une facilité remarquable à en triompher dans tout le cours de leur vie. Ces sortes d'hommes apprennent à effectuer de grandes choses avec de faibles moyens, suppléant à ce qui leur manque par les ressources qu'ils puisent dans leur énergie et dans leur imagination. Ce fut à toutes les époques, depuis le premier pas qu'il fit dans la carrière, le trait le plus remarquable de l'histoire de Colomb. Dans toutes ses entreprises l'exiguïté et l'insuffisance apparente des moyens qu'il mit en oeuvre, rehaussent encore la grandeur et le mérite de ce qu'il vint à bout d'accomplir.

Les leçons dures et variées de sa jeunesse lui donnèrent cette science pratique, cette fertilité de ressource, cette résolution indomptable, cet empire constant sur lui-même qui le distinguèrent dans la suite. C'est ainsi que les fruits amers de l'expérience deviennent un aliment salutaire pour le génie vigoureux qui sent ce dont il est capable.

Ainsi occupés, ils échapperaient à l'oisiveté, qu'engendre une longue paix, l'oisiveté, cette lime sourde qui ronge peu à peu la force et la valeur d'une nation.

Il est étonnant combien les destinées d'une empire dépendent parfois des qualités d'un individu et combien une grande âme peut, en combinant, en excitant, en dirigeant les ressources cachées d'une nation, lui imprimer en quelque sorte le sceau de sa grandeur. De tels êtres réalisent l'idée d'anges gardiens, commis par le Ciel pour veiller sur les destinées des empires.

Il eut à lutter contre les sarcasmes des hommes frivoles et dédaigneux, un des plus grands obstacles que le mérite modeste puisse rencontrer dans une cour.

Ce fut un vendredi, le 3 août 1492, de grand matin, que Colomb mit à la voile pour son premier voyage de découverte. Il partit de la barre de Saltes, petite île formée par le bras de l'Odiel en face de l'île d'Huelva et, portant au sud-ouest, il se dirigea vers les Canaries, d'où son intention était de cingler droit à l'ouest.

6-го Февраля. Середа. Прекрасный, теплый день. Утро съ Коломбомъ. Визиты съ Гейсмаромъ: Глазенапу, Леману и Мавросу. Прiѣздъ Турецкаго муллы отъ Юсуфъ-паши. Обѣдъ у Гейсмара. Зависть противъ него шипящая. Вечеръ у него. Генералу Ланжерону о благовременной присылкѣ отдѣленій піонеровъ и понтоновъ. Прогулка послѣ обѣда въ саняхъ за городъ до Чернёлъ, потомъ верхомъ съ графомъ Толстымъ, Глазенапомъ и Веригинымъ къ Житянамъ на Эммѣ, очень пріятная.

On peut mesurer la barbarie d'un peuple sur l'indifférence où il est relativement à sa situation. Du moment qu'il s'en occupe, on peut juger favorablement de sa civilisation et de ses progrés.

7-го Февраля. Четвергъ. Вчера оттепель. Часть утра съ Коломбомъ. Revue Encyclopédique. Письма къ матери, сестрѣ и брату. Рано позванъ къ Гейсмару. Бумага графа Витгенштейна съ объявленіемъ о волѣ Государя, чтобы приготовленія къ постройкѣ моста были поручены Гейсмару и что на этотъ предметъ назначенъ къ нему въ отрядъ конно-піонерный эскадронъ. Отвѣтъ г. Витгенштейну. Обѣдъ у Гейсмара. Прогулка въ саняхъ къ Житянамъ. Нѣсколько страницъ въ энциклопедическомъ разборѣ. Вечеръ у Гейсмара. Разстройство духа. Tyrtée. Trad. de Divof.

Les principes du mal ont une funeste activité, et tandis que l'homme le meilleur ne peut souvent avec les plus grands efforts faire qu'un peu de bien, il semble que l'être le plus vil ait le pouvoir de causer des maux incalculables.

10-го. Прекрасное утро; часть съ Коломбомъ, другую по неволѣ дома. Визиты не во время п. Глазенапа, Лемерна, г.-м. Плохова. Прибавленіе къ газетѣ „Allgemeine Zeitung“ весьма любопытное. Опредѣленіе задачи, предстоящей Европейскимъ державамъ относительно новаго положенія Греціи и настоящей войны Россіи съ Турціей, съ изложеніемъ разныхъ гипотезъ, которымъ она можетъ подать поводъ, весьма хорошо написано. Обѣдъ у Гейсмара. Курьеръ. Секретное повелѣніе, въ слѣдствіе коего отношеніе къ Сербіи должно принять желаемое давно направленіе. Неудобства, возникающія для подчиненнаго, который мимо посредствующихъ властей обращается къ верховной.

Съ Нѣмецкаго Гердера подражаніе Испанскому для обработанія.

La Moldavie produit aussi beaucoup de chevaux; les plus estimés viennent des montagnes; ils sont de petite taille et ressemblent beaucoup pour la force et la vitesse aux chevaux russes. Ceux que l'on élève dans les plaines sont plus grands. On en rencontre de sauvages sur toutes les frontières, dont une partie se tue à la chasse pour servir d'alimens *). Les ânes et les *mulets* sont aussi beaux ici qu'en Italie. Les bestiaux sont forts surtout en Grèce et en Valachie. On compte plus de 30,000 bêtes à cornes qui sortent de la Valachie pour la Bosnie, d'où elles passent à Constantinople. Les paturages et les prairies y sont si bons et si renommés que les voisins mêmes y conduisent tous les ans plusieurs milliers de chevaux et de nombreux troupeaux de moutons pour y engraisser.

Une production merveilleuse de la Valachie c'est une cire verte, ouvrage d'une espèce d'abeilles plus petite que les abeilles ordinaires. Elle se recueille sur certains arbustes, où ces industrieux insectes viennent la déposer; on en fait des bougies qui étant allumées exhalent un parfum des plus agréables.

Les rivières de la Valachie roulent des paillettes d'or qui sont recueillies par les Bohémiens errants. Cette province possède également du sel fossile.

Les défilés entre la Valachie et la Transylvanie ont une grande importance politique et militaire; chemins commerciaux pour la monarchie Autrichienne, ils en sont aussi des points de défense militaire. Les principaux celui de Botza, celui de la Tour-Rouge, d'où commence le chemin carolinien, ouvrage immense, mais aujourd'hui negligé, de m-r de Stainville, Français au service de l'Autriche, celui de Torzburg et celui de Vulcan.

14-го Февраля. Valentini. Éviter les longs campements autant que les marches forcées, et quand les premiers deviennent indispensables, lors des sièges, par exemple, d'entretenir les soldats dans une activité convenable par des travaux utiles. Les Français ont éprouvé en Égypte qu'un emploi modéré des forces physiques et morales conserve la santé. Lorsque la peste se mit dans leur armée, les troupes du génie et de l'artillerie, continuellement occupées à la construction des retranchements ou dans les ateliers, s'en préservèrent assez bien, tandis que ceux qui dans l'inactivité et le repos s'abandonnaient à la crainte de la maladie en furent les premières victimes.

---

*) Quelle sottise!

On a fait la remarque qu' à l'exception de Montecuculli et du prince Eugène, les généraux qui avaient obtenu des succès contre les Turcs n'ont pas soutenu leur réputation lorsqu'ils ont eu affaire à d'autres nations. Mais il est peut-être vrai aussi que celui, qui veut appliquer contre les Turcs les principes suivis dans des guerres régulières, sans prendre en considération la nature particulière de leurs troupes, sera tantôt trop circonspect, tantôt trop téméraire, tantôt trop prompt, tantôt trop lent, et c'est ce qui est arrivé au général en chef russe Kamensky.

Большое производство за сраженіе подъ Боилешти; я пропущенъ. Valentini. Верхомъ съ г. Толстымъ.

13-го Февраля. Пятница. Туманъ. Сильное разстройство духа. Трогательное участіе Гейсмара. Г. Дибича ожидаютъ на-дняхъ въ Яссы. Фельдмаршалъ намѣренъ оставить армію. Письмо Киселева къ Гейсмару. Верхомъ съ г. Толстымъ,

16-го. Непреодолимое уныніе. Послѣдняя непріятность раскрыла всѣ душевныя раны, потерями и несчастіями нѣсколькихъ лѣтъ причиненныя. Сегодня рѣшился остаться дома, чтобы въ занятіи и уединенномъ размышленіи искать успокоенія. Утро прошло пріятно. Гейсмаръ навѣстилъ меня.

17-го. Воскресенье. Дождь и грязь. Утро и вечеръ дома. Обѣдъ у Гейсмара. Разстроенное согласіе. Мрачное расположеніе духа. Schiller's Leben und Wirken von Greiner глубоко заняли нѣсколько часовъ дня, пробудили давно дремлющія чувства изящнаго и настроили къ правильному размышленію.

28-го Февраля. Четвергъ.

ПОДЛИННАЯ ЗАПИСКА О СЕРБІИ Г. РОДОФИНИКИНА ВЪ 1808-мъ ГОДУ *).

О границахъ.

Границы Сербскія желательно было бы опредѣлить древнія, каковыя, не имѣя вѣрныхъ картъ, не могу о семъ предметѣ донести положительно. Извѣстно однако, что со стороны Босніи рѣка Дрина есть натуральная граница; слѣдственно кр. Соколъ, на сей сторонѣ лежащая, должна бы быть очищена отъ Турковъ. Со стороны Албаніи городъ и малая крѣпость Скопія, Турками еще занятая, должна бы быть пограничная собственность Сербовъ; а потому и городъ Новый Базаръ, за сею крѣпостію внутрь Сербіи лежащій, должны уже Турки упразднить. Со стороны Македоніи великій хребетъ горъ, раздѣляющій сію провинцію отъ Сербіи, есть древняя граница. Городъ и кр. Нисса, Турками владѣемая, нынѣ до самой Софіи была древнее достояніе Сербовъ.

Со стороны Виддина, если сей городъ со всею Булгаріею долженъ остаться въ Турецкомъ владѣніи, желательно было бы рѣку Тимокъ имѣть границею. Владѣнія же Турецкія на Дунаѣ, какъ то *Ада-Кале* и большой островъ, полезнѣе было бы присоединить къ Валахіи, нежели къ Сербіи, ибо тѣмъ Сербы могутъ быть обуздываемы.

Заключенія г.-фельдмаршала князя Прозоровскаго **).

Возобновленіе древнихъ границъ Сербіи нахожу по настоящимъ обстоятельствамъ невозможнымъ, и требованіе о томъ даже могущимъ

---

*) Родофиникинъ былъ начальникомъ нынѣшняго Азіатскаго департамента въ Петербургѣ, а князь А. А. Прозоровскій главнокамандующимъ въ тогдашней нашей войнѣ съ Турками. *П. Б.*

**) Эти заключенія напечатаны здѣсь мельче. *П. Б.*

вредить интересамъ Государя Императора въ пріобрѣтеніи границъ Россійскихъ по рѣку Дунай. Но надлежитъ стараться дать Сербамъ пристойную границу и нѣкоторыя крѣпости, кои возможно будетъ при трактованіи имъ исходатайствовать; другія же можно для обѣихъ сторонъ уничтожить; а затѣмъ прочія оставить Турецкому правительству.

Можно постараться о пріобрѣтеніи границы по рѣку Тимокъ; но кр. Виддинъ должна остаться въ Турецкомъ владѣніи. Согласно съ мнѣніемъ г. Родофиникина, въ сей статьѣ изложеннымъ, я полагаю, что сіи владѣнія Турецкія должны присоединены быть къ Валахіи.

О торговлѣ.

Турки не могутъ на долгое время быть въ безопасности въ Сербіи; слѣдственно, для избѣжанія всякихъ справедливыхъ причинъ къ жалобамъ со стороны Турокъ, желательно было бы постановить, чтобы никто изъ Магометанъ не имѣлъ права переходить границу Сербскую, прочимъ-же подданнымъ Турецкимъ Христіанскаго исповѣданія путь можетъ быть открытъ; какъ равномѣрно желательно было бы исходатайствовать свободу и Сербамъ производить торговлю въ Турецкой имперіи и пользоваться защитою Россійскихъ—министра и консуловъ, платя за товары пошлины наравнѣ съ Россійскими подданными.

Князь Прозоровскій.

Не можно почесть правосуднымъ, чтобы Туркамъ возбранить въѣздъ въ Сербію для торгу, а Сербамъ позволить пребываніе по сему предмету въ Турецкихъ владѣніяхъ. Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ постановленія должны быть обоюдны; но защита и покровительство Россійскаго посольства могутъ быть выговорены.

Родофиникинъ.

Сверхъ сего, предоставить Сербамъ право имѣть собственную монету.

Князь Прозоровскій.

Исходатайствованіе сего пункта трудно, и я не вижу, какая бы особая для Сербіи отъ того польза произойти могла.

О политическихъ сношеніяхъ Сербіи съ другими державами.

До сего въ Сербіи не было ни дипломатическаго, ни торговаго агента другихъ державъ. Желательно было бы, чтобы таковыхъ до времени не принимать здѣсь; по крайней мѣрѣ необходимо нужно удалить дипломатическихъ, съ характеромъ коихъ соединено право быть часто въ обществѣ правителя земли и другихъ старѣйшинъ, каковое право подастъ имъ болѣе возможности полагать препоны къ водворенію дѣятельнымъ образомъ вліянія Россіи на сей край. Иностранные агенты найдутъ здѣсь теперь большую возможность чинить противное желаніямъ нашимъ. Невозможно думать, чтобъ Австрія не старалась уменьшить наше здѣсь вліяніе; ибо безъ всякаго сомнѣнія видитъ, что укоренивши мы здѣсь оное, пріобрѣтаемъ знатную надъ нею поверхность и при всякомъ случаѣ, при коемъ рѣшилась бы сія держава дѣйствовать противъ Россіи, можемъ ей возбудить внутренняго врага, который часто опаснѣе внѣшняго. Видитъ также Австрійское министерство, что край сей, будучи смеженъ съ Босніей, Албаніей, Македоніей и Булгаріей, представляетъ намъ всѣ желаемыя возможности, если за благо признано будетъ возбудить другихъ Черныхъ Георгіевъ и дѣлать что̀ хочемъ въ Европейской Турціи, не подавая никому ни малѣйшей причины къ жалобамъ.

Князь Прозоровскій.

Въ семъ пунктѣ мысль г. Родофиникина основательна и неоспорима. Но съ другой стороны, если признавать Сербію уже особою державою, то не знаю, какимъ образомъ возбранить ей принимать агентовъ другихъ державъ. Кажется, однакоже, можно поставить, что они не должны приниматься безъ согласія Россійско-Императорскаго двора, подъ покровительствомъ коего обрѣтаются. Нельзя не согласиться съ проницательнымъ и дальновиднымъ въ семъ пунктѣ сужденіемъ г. Родофиникина. Вкорененіе вліянія Россійскаго въ Сербіи будетъ чрезвычайно важнымъ, особливо во время войны между Россіею и Австріею, и послужитъ всегда къ обузданію сей послѣдней державы и къ удержанію ея даже отъ вчинанія войны. Турція же будетъ, такъ сказать, подъ распоряженіемъ Россійскаго двора.

Родофиникинъ.

Дабы уменьшить на первый разъ причину политической вражды Австрійцевъ, не безполезно было бы согласиться на выдачу имъ бѣглыхъ, хотя сіе покажется тягостнымъ и здѣшнимъ и Австрійскимъ Сербамъ.

Князь Прозоровскій.

Заключеніе сіе не соотвѣтствуетъ первому. Если Австрійскихъ Сербовъ выдавать, то они же преисполнятся злобою противъ насъ, и тогда потеряны будутъ изъ виду средства къ достиженію оной цѣли, которая въ предъидущемъ пунктѣ описана. Можно поставить выдачу военныхъ дезертировъ изъ однихъ регулярныхъ войскъ, Австрійскіе же Сербы суть войско поселенное.

О верховной власти.

Въ семъ краѣ чистое демократическое или аристократическое правленіе теперь существовать не могутъ. Нуженъ князь; быть ему избираемымъ. Правда, что откроется путь къ раздорамъ и подастся поводъ почасту посягать на жизнь князя, въ землѣ, гдѣ убить человѣка почитается весьма малымъ грѣхомъ. Но также признать его наслѣдственнымъ въ лицѣ Чернаго Георгія; статься можетъ, чрезъ то положится нѣкоторый камень преткновенія для дальнѣйшихъ видовъ нашихъ, кои по обстоятельствамъ родиться могутъ.

Князь Прозоровскій.

По невѣжеству, въ которомъ народъ сей погруженъ и по наклонности его къ раздорамъ и безпокойствамъ, въ самомъ непросвѣщеніи источникъ свой имѣющимъ, я, согласно съ мнѣніемъ г. Родофиникина, полагаю, что въ Сербіи не можетъ быть другаго правительства кромѣ самовластнаго, и слѣдовательно надобенъ князь или властитель съ наименованіемъ, какое положится. Пусть соотвѣтственно желанію народа утвердится Черный Георгій, но надобно уже ему быть наслѣдственнымъ: ибо въ противномъ случаѣ при всякой перемѣнѣ властителя произойдутъ не только внутренніе раздоры, но интриги отъ многихъ дворовъ, а ѳсобливо отъ Порты Отоманской, которая силиться будетъ ввести туда Грека изъ Фанаря, на что Сербы

ни подъ какимъ видомъ согласиться не могутъ. Австрійскій дворъ равнымъ образомъ и съ своей стороны много интриговать будетъ. Слѣдовательно, дворъ Россійскій будетъ находиться въ безконечныхъ затруднительныхъ хлопотахъ. Особо будетъ мною сказано о воспитаніи сына Чернаго Георгія въ С.-Петербургѣ; внушивъ ему воспитаніемъ приверженность къ Россіи, онъ, наслѣдуя отцу, можетъ отечеству нашему быть полезенъ. Но при всемъ томъ надлежитъ установить въ Сербіи Совѣтъ въ видѣ Сената, въ которомъ предсѣдательствуетъ князь, а подъ нимъ имѣетъ мѣсто засѣданія Россійскій консулъ или агентъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надобность того потребуетъ. Сей послѣдній можетъ ограничивать самовластіе князя и удерживать отъ поступковъ противныхъ интересамъ Россіи. Сей пунктъ не можетъ быть пріятенъ Австріи. Портѣ позволить можно имѣть агента или повѣреннаго въ дѣлахъ въ Виддинѣ. Симъ средствомъ, кажется, можно будетъ и владѣльца содержать въ надлежащихъ предѣлахъ его власти. Еслибы предполагать помѣщеніе Россійскаго гарнизона въ Бѣлградѣ, то на сіе Порта Отоманская ни подъ какимъ видомъ не согласится, да и Австрійскій дворъ возопіетъ; но необходимо нужно учредить гарнизонъ изъ самихъ Сербовъ, образовавъ ихъ въ регулярные баталіоны; Россійскій же дворъ можетъ снабдить ихъ офицерами, давая избраннымъ къ тому чиновникамъ (въ числѣ коихъ должны быть также изъ инженернаго и артилерійскаго корпусовъ) абшиды, съ коими они яко бы по собственному желанію вступятъ въ службу Сербскую. Всѣ крѣпости въ Сербіи должны быть во владѣніи Сербовъ и заняты ихъ гарнизонами, буде можно регулярными; но можетъ быть нужно будетъ снабдить ихъ отъ Россіи артилеріею для крѣпостей, порохомъ, ядрами и бомбами.

О законахъ.

Здѣсь теперь судятъ по обычаямъ; законы же однако наилучше было бы ввести Россійскіе, избравъ тѣ, кои для нихъ нужны.

Князь Прозоровскій. На сіе положеніе я согласенъ.

Дань Портѣ Оттоманской.

Таковая желательно было бы, чтобъ не превышала ста тысячъ піастровъ, каковую сумму Порта до сего не имѣла, если принять въ уваженіе издержки, кои она чинила на содержаніе крѣпостей и прочаго.

Слово дань тяжкимъ покажется всѣмъ Сербамъ; получивъ здѣсь о томъ извѣстіе, Черный Георгій можетъ податься, не обдумавши, на многія неистовства. Для сего самаго нужно бы непремѣнно, чтобы онъ былъ на сей случай при в. с., и при сообщеніи ему сего пункта велѣть объяснить, что дань таковая полагается платить не для Сербовъ, но для Болгаръ и Босняковъ, кои переселились въ Сербію и кои, не пользуясь высочайшимъ покровительствомъ, должны бы быть возвращены Портѣ; но Россія и сію милость являетъ Сербамъ, оставляя спокойными означенныхъ переселенцевъ; а потому и Сербія во взаимство должна согласиться платить за нихъ налагаемую дань.

Князь Прозоровскій.

Сербы ни для чего подъ Австрійскою державою быть не согласятся; присоединить же Сербію Россіи не можно по положенію ея на правомъ берегу Дуная; и такъ остается только одно средство: постановя особое правительство въ Сербіи, оставить ее подъ покровительствомъ Порты Отоманской, ибо подданными ея Сербы быть не захотятъ. Въ такомъ положеніи могутъ они платить Портѣ денежную дань такимъ образомъ какъ въ мнѣніи г. Родофиникина описано; но по моему мнѣнію нужно будетъ еще сверхъ того опредѣлить дань хлѣбнымъ зерномъ, къ нѣкоторой замѣнѣ того, чтò Порта получала изъ сихъ княжествъ, бывшихъ, такъ сказать, кормилицею даже самого Константинополя. Хотя же комерція по Дунаю возстановится и прежній комерческій трактатъ возобновится, такъ что они въ состояніи будутъ пріобрѣтать здѣсь хлѣбъ, но не иначе какъ покупкою, чтò самой потери ихъ замѣнить не можетъ. А потому назначеніе хлѣбной дани отъ Сербовъ, думаю я, можетъ при трактованіи послужить къ скорѣйшему склоненію Турковъ на уступку намъ границы по Дунай.

О податяхъ.

При Туркахъ всякая семья платила въ годъ до 40 піастр.; таковыхъ семействъ считалось 20 т.; теперь это число удвоилось. Сверхъ того мужеской полъ отъ 8-ми лѣтъ и выше платилъ *харачъ* по 3 піастра. Также собираема была десятая часть со всякаго рода хлѣба, снимаемаго съ земли и съ винограду. Была полагаема также подать на скотъ по двѣ пары. Таможни, теперь приносящія до 80 т. піастровъ (ибо взяли на откупъ

сами поглавари) приносили при Туркахъ почти вдвое болѣе. Со времени возстанія, народъ давалъ ежегодно десятину съ хлѣба; одинъ только разъ собрано съ него для нуждъ общихъ до полмилліона піастровъ и двадцатая овца и коза для войска. Если подати назначены будутъ Россіею, учинится непріятное народу; по моему мнѣнію лучше было бы предоставить князю и Сенату установить таковыя подати и тогда испросить высочайшаго утвержденія отъ всеавгустѣйшаго покровителя Сербіи; а въ признаніи Россіею вольности сего народа постановить, чтобы ни князь, ниже другое какое лицо не имѣли права употреблять народъ на работы свои. Тогда сіе будетъ принято Сербами величайшею милостію, отъ России дарованною; а подати, кои учредятся, будутъ собираемы, какъ тягость, отъ собственнаго ихъ князя и правительства налагаемая. Однѣ только общія работы, какъ-то исправленіе дорогъ, мостовъ и прочаго, должны быть производимы народомъ.

Край сей весьма плодороденъ, изобилуетъ лѣсами и скотоводствомъ, слѣдственно при спокойномъ положеніи можетъ платить безъ отягощенія большія подати, такъ что денежныя не нужно будетъ уменьшать какъ одною третьею частію противу того что̀ было платимо Турецкому правительству.

Князь Прозоровскій.

Естьли Богу угодно будетъ пріобрѣсть для России границу по Дунай и покровительство надъ Сербіею, тогда надлежать будетъ съ большимъ примѣчаніемъ учреждать правленіе здѣшнихъ земель. Кажется, должно будетъ раздѣлить оныя на четыре губерніи, составя одну изъ Бессарабіи, другую изъ Молдавіи, третью изъ Большой, а четвертую изъ Малой Валахіи. Въ послѣдней долженъ быть губернаторъ человѣкъ со свѣдѣніями, поелику оная граничитъ съ Австріею и Сербіею. Надъ всѣми же должна быть одна главная власть или генералъ-губернаторъ, который бы въ тоже время былъ и начальникомъ войскъ, въ землѣ расположенныхъ. Ибо если различные будутъ начальники военный и гражданской, то каждый будетъ защищать свою команду, и родятся между ими безпрестанно непримиримые раздоры, влекущіе за собою естественно вредъ общій. Равнымъ образомъ и таможни въ семъ краю должны состоять подъ надзоромъ генералъ-губернатора, поелику безъ того, по отдаленности отсюда министра

комерціи, могутъ произойти распри съ Портою Отоманскою. По дѣламъ же до таможень касающимся можетъ генералъ-губернаторъ сноситься съ министромъ комерціи.

Родофиникинъ.

Имѣется въ землѣ олово въ изобиліи. Около Сокола въ прошедшемъ году сплавлено нѣсколько тысячъ окъ. Недалеко отъ Бѣлграда равномѣрно начали нынѣ сплавливать олово; не говоря о серебряныхъ рудникахъ, о коихъ ничего положительнаго не знаю, скажу только о мѣди, которой Турки по секрету отъ Порты продавали знатное количество изъ здѣшней земли. Слѣдственно и сія статья увеличитъ доходы правительства.

Князь Прозоровскій

Сербы называютъ свинецъ оловомъ, а потому полагать должно, что они здѣсь разумѣютъ свинецъ.

О судебныхъ мѣстахъ, существующихъ нынѣ въ Сербіи.

1. Судъ сельскій: оный составленъ изъ попа, кнезя или старосты сельскаго и двухъ или трехъ кметовъ, т.-е. выборныхъ изъ крестьянъ. Сіи всякій праздникъ даютъ судъ по выходѣ изъ церкви. Кто рѣшеніемъ сего суда недоволенъ, предстаетъ предъ

2-й судъ, составленный изъ кнезя отдѣленія, изъ двухъ или трехъ кметовъ и изъ священническаго намѣстника. Кто рѣшеніемъ сего суда недоволенъ, тотъ идетъ въ

3-й судъ, состоящій изъ поглаваря, т.-е. начальника нахіи, изъ одного кнезя, изъ трехъ или четырехъ кметовъ, одного священника, священническаго намѣстника и протопопа. Рѣшеніемъ суда недовольные просители идутъ въ Правительствующій Совѣтъ, котораго рѣшеніе уже никто перемѣнить не долженъ.

Въ семъ Совѣтѣ признанъ былъ предсѣдателемъ верховный комендантъ, членами выборные изъ каждой нахіи по одному.

Сверхъ сихъ судовъ учреждены по всѣмъ городамъ магистраты для сужденія купеческихъ дѣлъ; они же вѣдаютъ и полицію по городу.

Для дѣлъ церковныхъ относительно до поведенія священниковъ, до школъ, до разводовъ и до женитьбы учреждены также три суда:

1-й составленъ изъ намѣстника, изъ двухъ священниковъ и изъ двухъ кметовъ.

2-й судъ составленъ изъ протопопа, изъ одного намѣстника, двухъ священниковъ, одного кнезя и двухъ кметовъ.

3-й судъ состоитъ изъ архіерея, двухъ протопоповъ, двухъ намѣстниковъ, двухъ священниковъ, одного начальника нахіи, два кнезя и два кмета.

И наконецъ, кто симъ судомъ недоволенъ, приноситъ жалобу въ Правительствующій Сенатъ.

Примѣчанія.

1. Нынѣ учредить другаго рода присутственныя мѣста весьма трудно, по малоимѣнію въ землѣ людей, умѣющихъ читать и писать; нужно, кажется, токмо было бы возстановить и утвердить сіи и воспретить, чтобъ никто, минуя нижнія мѣста, не прибѣгалъ прямо въ Совѣтъ или къ верховному коменданту, какъ сіе нынѣ дѣлается. Выше сказано слово *возстановить*, потому что по большой части сіи судебныя сборища нынѣ не въ силѣ.

2. Въ Бѣлградѣ существующій Правительствующій Совѣтъ, переименовавъ Судомъ Народнымъ, раздѣлить на два департамента: 1-й уголовныхъ и 2-й гражданскихъ дѣлъ. За симъ учредить Правительствующій Совѣтъ или Сенатъ, въ коемъ опредѣлить членами всѣхъ главныхъ поглаварей, какъ-то: Якова Ненадовича, кнезя Симу, Миленка Стойковича, Милана, Младена, Петра Теодоровича и Луку Лазаревича, съ тѣмъ чтобы на убылыя мѣста въ Сенатѣ сему самому избирать трехъ кандидатовъ и представлять князю на усмотрѣніе опредѣлить изъ тѣхъ трехъ, кого заблагоразсудитъ. Назначивъ сихъ поглаварей членами Сената и опредѣливъ конституціею власть онаго и власть князя-правителя, какъ равно степень вліянія Россійскаго чиновника, надѣяться должно, что всей Сербіи частные поглавари, кои разсѣяны по городамъ и деревнямъ, менѣе представятъ затрудненій ко введенію устройства.

Выше въ число сенаторовъ помѣщается Младенъ на тотъ случай, если найдется приличнымъ съ обстоятельствами удалить кого либо изъ нездѣшнихъ. Старѣйшина сей безъ сомнѣнія умнѣе Чернаго Ѓеоргія и другихъ многихъ; но къ несчастію признаетъ позволительными всѣ средства, ведущія къ обогащенію и къ владычествованію. Оставивъ же его, нужно непремѣнно:

1) Объявить всеобщее забвеніе всего прошедшаго и постановить актомъ, чтобы въ пересмотрѣніе учиненнаго Совѣтомъ по день введенія новаго образа правленія, не имѣлъ права никогда вмѣшиваться.

2) Отличить его какимъ либо высокомонаршимъ даромъ; тогда обезпечась, его душа относительно до прошедшаго, можетъ быть, найдется довольною спокойнымъ наслажденіемъ пріобрѣтенныхъ богатствъ.

3) Небезполезно было бы, кажется, на членовъ Сената возложить и частныя должности, какъ-то: *одного* назначить блюстителемъ правосудія, къ коему могъ бы прибѣгать прямо всякій угнетаемый по нахіямъ нижними судами и пр. *Втораго* великимъ казначеемъ, которой бы вѣдалъ массу доходовъ и расходовъ. *Третьяго* главнымъ попечителемъ по воинской части, въ вѣдѣніи коего войско, продовольствіе онаго и крѣпости. *Четвертаго* хранителемъ печати. *Пятаго* попечителемъ торговли и иностранцевъ.

4) Смертную казнь, которую здѣсь хладнокровно принимаютъ, полезнѣе было бы отмѣнить и ввести наказанія въ Россіи употребляемыя для преступниковъ.

Изъ судовъ по дѣламъ церковнымъ полезнѣе было бы исключить свѣтскихъ; въ Бѣлградѣ же учредить Духовную Консисторію, которой теперь не имѣется, и если не будетъ противно политическому положенію дѣлъ, то оставить церковь Сербскую въ духовной зависимости отъ Святѣйшаго Россійскаго Синода; патріарху же Константинопольскому въ дѣла оной не вмѣшиваться.

——

4-го Февраля. Понедѣльникъ. Со вчерашнимъ курьеромъ два письма Ланжерона съ копіею письма отъ Дибича къ г-лу Гейсмару. Слово обо мнѣ, что Государю неугодно было произвести меня за прошедшую кампанію; но что онъ Дибичъ надѣется при первомъ отличіи моемъ мнѣ эту справедливость доставить. Впрочемъ въ должность начальника штаба, если Гейсмаръ пожелаетъ, я вступить могу. Сильный пароксизмъ лихорадки. Новая перемѣна видовъ относительно Сербіи, опять на бездѣйствіе обрекаемой. Прощальное слово Ланжерона къ Гейсмару и войскамъ. Мухановъ и потомъ Глазенапъ провели у меня вечеръ.

Thierry, Lettres. La gloire n'est point une ombre vaine. C'est le souvenir de cette gloire qui produit tout l'héroïsme de la nouvelle

Grèce. Tout n'est pas cendre dans les tombeaux de nos pères: ils renferment l'honneur de leur postérité.

15-го Марта. Пятница. Четыре дни тому получено повелѣніе г. Ланжерона вступить мнѣ въ должность начальника штаба отряда. Я остановилъ приказъ, приготовленный о томъ, предпочитая дождаться подтвержденія главнокомандующаго, послѣ столькихъ доказательствъ продолженія немилости противъ меня. За Боелешти получилъ Владимира 3-й степени вмѣсто Георгія, къ которому былъ представленъ. Орденъ Св. Анны съ алмазами уничтоженъ и замѣненъ еще одною степенью съ короною. Вотъ уже половина Марта, и никакого свѣдѣнія о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Отрядъ долженъ ослабить себя полкомъ, назначеннымъ для занятія крѣпости Турно.

17-го Іюля. Садово-Монастырь. Четыре мѣсяца не раскрывалъ этой книги, не ввѣрялъ ей ни впечатлѣній, ни замѣчаній, ни чувствъ своихъ—признакъ сильнаго усыпленія души. Временно пробужденъ я былъ смѣлымъ предпріятіемъ переправы за Дунай и приступомъ къ Рахову. Полный успѣхъ увѣнчалъ его. Реляція, въ вѣдомостяхъ помѣщенная, вѣрно и справедливо изображаетъ главныя обстоятельства этого дѣла. Наградою моею было безмолвное объятіе моего храбраго начальника генералъ-адъютанта Гейсмара въ присутствіи войскъ и военноплѣнныхъ паши и гарнизона, мнѣ сдавшихся. Раненъ пулею въ колѣно, но очень счастливо: ни чашка, ни кость не повреждены. Двое сутокъ порядокъ съ трудомъ возстановлялся. Женъ я самъ оберегалъ; всѣ сохранили что̀ взять съ собою могли. Часть отпущена въ м. Ломъ, другая по собственному желанію послѣдовала за плѣнными ихъ мужьями. Раховъ взятъ 28-го Мая. Тронула меня смерть молодаго Энгельгардта, при мнѣ раненнаго. 8-го Іюня, я ходилъ съ коннымъ отрядомъ на поискъ, переправился въ бродъ чрезъ быстрый Искеръ, нечаянно напалъ на отрядъ Азіятской конницы въ Старо-Сельѣ и разбилъ его. Начальникъ, не хотѣвшій сдаться, убитъ, два знамя и сорокъ человѣкъ плѣнныхъ достались намъ. Черезъ два часа, при с. Оревицѣ, другой отрядъ также разбитъ. Новороссійскій лейбъ-эскадронъ не давалъ пощады. Въ тотъ же день на другомъ бродѣ перешелъ назадъ за Искеръ. Въ ночи съ 9-го на 10-е, въ 15 верстахъ отъ Рахова, отрядъ отдыхалъ на берегу Дунайскаго

лимана, на небольшой площадкѣ, имѣя передъ собою высокій берегъ. Внезапно, неизвѣстно отъ какой причины, всѣ лошади цѣлаго Новороссійскаго полка, казачьи и часть конно артилерійскихъ, дрогнули и какъ молнія помчали дремавшихъ около нихъ людей. Въ одно мгновеніе восемьдесятъ четыре человѣка избитые, изъ которыхъ одинъ на части разорванъ, устлали долину, горы и поле. Два офицера ушиблены больно. Я съ трудомъ оборонился отъ налетѣвшей на меня лавы саблею, устоявъ къ счастью на ногахъ. Маіоръ Петерсъ внезапно очутился при мнѣ и самъ, подвергаясь, охранялъ меня. Нѣсколько дней и пособіе резерва были нужны для приведенія полка въ боевое устройство. Четырнадцать лошадей на смерть убились, слетѣвъ въ овраги; множество ихъ переранено. Всѣмъ до одной пущена кровь. Долго оставалась торопкость во всѣхъ лошадяхъ, и ночь требовала большой осторожности.

23-го, по извѣстію, что Турки переправились подъ Калафатомъ въ Малую Валахію, чтобы отвлечь ихъ опять за Дунай, я выступилъ съ отрядомъ (Томскій пѣхотный полкъ, 6 орудій конной артилеріи, по дивизіону Новороссійскаго и Московскаго драг. полковъ и 150 казаковъ Попова) противъ Цибры. Мѣстоположеніе не допустило нечаяннаго нападенія. Непріятель поспѣшно бросилъ городъ. Казаки въ преслѣдованіи и жаркой перестрѣлкѣ схватили пять человѣкъ въ плѣнъ. Съ разныхъ сторонъ и изъ Лома подоспѣвшія подкрѣпленія усилили непріятеля до 2 т., но все одной конницы. Я получилъ надежду вступить въ дѣло и, пославъ эскадронъ Московскихъ драгунъ въ подкрѣпленіе, велѣлъ наводить на позицію, съ тремя остальными эскадронами и 2-мя орудіями, мною занимаемую; между тѣмъ какъ пѣхота отъ жару и труднаго перехода въ трехъ отъ меня верстахъ отдыхала. Но первые шесть выстрѣловъ разсыпали Турокъ. И подъ Калафатомъ накапунѣ ихъ побили и прогнали. Прекрасна долина Цибры, покрытая наиболѣе абрикосовыми деревьями, виноградниками и красивыми домиками. Городъ, на сожженіе обреченный, какъ необоронявшійся, мною пощаженъ, и даже за пищу для людей заплачено обывателямъ. Двѣ сіи экспедиціи растравили мою неважную, но безпокойную рану. За первую главнокомандующій въ письмѣ къ барону Гейсмару приказалъ меня благодарить.

Давно извѣщали о приближеніи къ Виддину паши Скордскаго съ 30-ю т. 11-го Іюля онъ прибылъ. Вездѣ отъ Чернеца до Виддина слухи о приготовленіи переправиться, напасть на Малую Валахію и въ тоже время приступить къ Рахову. Мостъ нашъ на Дунаѣ противъ сего послѣдняго города бурею въ первыхъ числахъ этого мѣсяца сорванъ: происшествіе, которое весьма измѣнило выгодное до того наше положеніе. Теперь четыре баталіона пѣхоты, дивизіонъ Московскихъ драгунъ, 10 орудій и неполный казачій полкъ оставлены охранять укрѣпленную позицію въ городѣ и предъ онымъ. 24 парома въ распоряженіи сего отряда. Генералъ-маіоръ Ширманъ начальникомъ, пять баталіоновъ пѣхоты, 22 орудія, три съ половиной драгунскихъ полка, казаки Золотарева и Бегидова, всего не болѣе 6 т., выступили и готовы встрѣтить огромную тучу, Малой Валахіи угрожающую. Наступающіе дни важны могутъ быть происшествіями. Богу извѣстно, кого увѣнчаетъ успѣхъ!—Золотарева казачій полкъ весь переправился вплавь черезъ Дунай, *320* сажень шириной.—Язва ужасно свирѣпствуетъ въ Б. Валахіи и Молдавіи.

30-го Мая г. Дибичъ разбилъ великаго визиря подъ Шумлой (Кулевча). 18-го Іюня Силистрія сдалась г-лу Красовскому.

Здѣсь въ 3 ч. утра получилъ отъ барона Гейсмара курьера съ поздравленіемъ съ производствомъ въ генералъ-маіоры и эполеты.

31-го Іюля. Середа. 21-го, по случаю болѣзни г.-м. Ширмана, я отправился для принятія начальства надъ отрядомъ въ Раховѣ. Но въ 6 ч. вечера, вслѣдствіе дошедшихъ извѣстій о намѣреніи паши Скодрскаго переправиться и напасть на М. Валахію, получилъ повелѣніе немедленно оставить Раховъ и переправить отрядъ на лѣвый берегъ Дуная. Въ 7 ч. вечера, при сильной грозѣ и бурѣ, началась и въ 3 ч. пополудни на другой день переправа счастливо и съ соблюденіемъ совершеннаго порядка окончена, благодаря оплошности непріятеля, коего сильная партія, опрокинувъ казачій пикетъ со стороны Цибры (при чемъ убитъ эсаулъ и нѣсколько казаковъ) доскакала до Рахова. 24 парома и нѣсколько лодокъ были употреблены на это. 22-го прибылъ обратно въ Бырзу. Примѣчательный своими удобствами лагерь. Успѣхи малыхъ партій Турецкихъ. Распро-

страняющіяся болѣзни. Баронъ Гейсмаръ въ Краіовѣ. Трудности и недостатокъ продовольствія, предсѣдателю дивановъ Желтухину порученнаго, дѣлаются чувствительны. Дунайскій нашъ мостъ, бурею сорванный, состоялъ изъ 93-хъ лодокъ 12-ти аршинъ длины и четырехъ ширины, что̀ оказалось недовольно прочно. Лодки и верхній мостъ, кромѣ смолы, якорей и части каната, казною доставленныхъ, обошлись около 50 т. піастровъ. Продовольствіе отряда съ 1-го Генваря по 1-е Августа было на попеченіи г-ла Гейсмара. Оно навлекло ему важныя непріятности, хотя онъ безспорно пріобрѣлъ право на признательность вышняго начальства, обезпечивъ оное по самой дешевой цѣнѣ и въ весьма трудное время, когда никто не хотѣлъ взяться за это дѣло. Онъ долженъ былъ отклонить отъ себя эту заботу на дальнѣйшее время.

Графъ Дибичъ вноситъ свое имя въ исторію переходомъ за Балканы. Анхіалосъ, Бургасъ, Мезембрія, Айдосъ въ Ромеліи заняты. Давно нѣтъ извѣстія о дальнѣйшихъ его успѣхахъ. Онъ въ сердцѣ Имперіи, и развязка должна быть близка.

Дунай противъ Рахова имѣетъ 315 сажень ширины.

Младшій мой братъ сдѣланъ флигель-адьютантомъ въ Варшавѣ.

20-го Августа. Лагерь при с. Быркѣ, $18^1/_2$ верстъ отъ Бырзы, столько же отъ Боелешти. Признаки язвы въ Краіовѣ. Мы въ неизвѣстности о дѣйствіяхъ г. Дибича. Паскевичъ покорилъ Эрзерумъ. 18-го отправилъ довѣренность на совершеніе купчей на Блотницу.

27-го Августа. Третьяго дня на разсвѣтѣ, командуя авангардомъ, изъ 34-го егер. бат. и Томскаго полка состоявшимъ, переправился чрезъ Дунай и опять занялъ г. Раховъ. Турки, въ числѣ 1500, не сдѣлавъ вылазки, ушли.

Графъ Дибичъ 8-го занялъ Адріанополь. За преодолѣніе Балкановъ прозванъ Забалканскимъ.—Переговоры въ Адріанополѣ; все въ готовности, въ случаѣ прерванія оныхъ, къ нанесенію послѣднихъ ударовъ Имперіи. Мы устремились на Софію. Я назначенъ на этотъ случай начальникомъ авангарда.

29-го Августа. Вчера въ 6-ть часовъ пополудни выступилъ изъ Рахова съ авангардомъ, составленнымъ изъ баталіоновъ 34-го егерскаго и Колыванскаго,—оба подъ начальствомъ флигель-

адъютанта полковника г. Толстаго, 6-ть орудій легкой подп. Быкова роты, 60 конныхъ піонеръ, дивизіона Московскихъ драгунъ и казачьяго Золотарева полка съ командою Арнаутовъ. Привалъ въ Быковцѣ. Прекрасная мѣсячная ночь. На разсвѣтѣ перешли по каменному мосту рѣчку Скытъ и, слѣдуя по лѣвому ея берегу вверхъ, оставили по лѣвую руку на противномъ берегу селенія Крушовецъ, Липницу, Галичъ и дошли до с. Альтимыръ, 25 верстъ отъ Рахова, гдѣ, по наступившему зною, остановилъ и расположилъ авангардъ лагеремъ. Булгары съ довѣренностію остаются въ своихъ домахъ. Общій слухъ о возмущеніи въ Константинополѣ, низверженіи султана Махмуда и возведеніи на престолъ 12-ти лѣтняго сына его Гамида.

Получивъ въ 4 часа пополудни извѣстіе, что отрядъ Турецкой конницы пришелъ въ Борованы, я пошелъ съ авангардомъ и въ 7-мь часовъ туда прибылъ; но Турки при появленіи первыхъ казаковъ бѣжали. Борованы большое и богатое скотомъ и хлѣбомъ селеніе. Здѣсь найдено нѣсколько Турецкихъ запасовъ. Край вообще прекрасный, Балканы въ виду и въ близи.

30-го Августа. Повелѣніями изъ Рахова остановленъ въ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Турки, жители окрестныхъ селеній, прислали депутатовъ и отдаютъ оружіе.

31-го Августа. Всѣ эти дни безпрерывно прекраснѣйшее время, но нѣсколько часовъ зною. Житель изъ Новачина, что̀ въ горахъ, пришелъ съ извѣстіемъ, что паша Скодрскій съ большими силами въ Софіи и ожидаетъ присоединенія новыхъ.

1-го Сентября. Какъ внезапно опустѣла для меня жизнь! Давно ли супругъ, отецъ, сынъ, и не съ большимъ годъ, тяжелый годъ, перешелъ надо мною, какъ я стою одинокій, ко всему равнодушный, самъ для всего почти умершій, остатокъ, тѣнь, едва тѣнь самого себя. Изрѣдка звукъ оружій возбуждалъ мгновенно мои прежнія силы и вниманіе; голоса одобреній и похвалы раздавались въ слухѣ моемъ, но до сердца едва проникали. Одно изъ рѣдкихъ и важнѣйшихъ позорищъ земныхъ, потрясеніе имперіи подъ ударами меча Россійскаго, имперіи варварской, притѣснительной, ненавистной, едва и то слабо развлекаетъ блуждающую осиротѣвшую мысль.

Гдѣ вы, о неизъяснимыя ощущенія дружбы, любви, довѣренности, самаго страданія среди любезныхъ! Чѣмъ замѣнить васъ,

чѣмъ наполнить? Кому или чему посвятить остатокъ жизни, слабо истлѣвающей, какъ свѣтильникъ, забытый предъ алтаремъ, войною разрушеннымъ?

3-го Сентября. 1-го пришелъ въ Борованы отрядъ; 2-го въ 4 часа утра всѣ вмѣстѣ выступили, пѣхота подъ моимъ начальствомъ, и проходили краемъ прекраснымъ, на дикій садъ похожимъ, до привала при с. Черень, гдѣ на обѣдъ принесли жители персиковъ и винограду. Оттуда, не доходя шести верстъ, съ возвышенія открылась прекрасная равнина между двухъ холмовъ, отдѣльными деревьями, кустарниками покрытая, рѣчкой перерѣзанная, и предъ нами бѣлѣющія гранитныя скалы цѣпи дикихъ Балкановъ, у подошвы коихъ г. Враца съ своими семью мечетями и садами. Видъ прекрасный. Давно густая тѣнь Балкана лежала надъ городомъ, когда мы, еще знойнымъ солнцемъ освѣщенные, любовались этими дикими, но весьма красивыми мѣстами. Турки, усмотрѣвъ насъ на равнинѣ, ушли въ ущелье горъ съ своимъ аяномъ, котораго домъ въ порядкѣ съ дива нами, коврами, даже приготовленной баней, принялъ меня съ б. Гейсмаромъ. Всѣ христіанскіе жители и часть Турецкихъ съ епископомъ во главѣ всего духовенства вышли къ намъ на встрѣчу. Христіане изъявляли непритворную и въ присутствіи своихъ притѣснителей опасную радость. Городъ имѣетъ 2 т. домовъ, 4 церкви, семь мечетей и отличныя воды, изъ фонтановъ изобильно біющія. Горная тропинка для пѣшихъ и съ трудомъ для конныхъ ведетъ въ 10-ть часовъ въ Софію, всего 50 верстъ; большою дорогою 16-ть часовъ. Двое въ пѣхотѣ умерли на этомъ переходѣ отъ жару.

3-го Октября.—5-го прошедшаго мѣсяца получилъ я высочайшій приказъ о моемъ назначеніи начальникомъ штаба 7-го корпуса; 6-го, провожаемый Гейсмаромъ и гр. Алексѣемъ Толстымъ, выѣхалъ верхомъ изъ Врацы, ночевалъ въ Борованѣ и 7-го прибылъ въ лагерь при Раховѣ, гдѣ у полковника Лемана въ шалашѣ остановился.

Свиданіе и объясненіе съ Киселевымъ. 8-го на почтовой каруцѣ до Краіова, гдѣ остановился у каймакама Константина Гики, у котораго нашелъ обязательнѣйшій пріемъ. Коляску съ пятью изъ моихъ людей и всѣхъ верховыхъ лошадей отправилъ къ брату въ Могилевъ на Днѣстрѣ. Это быть можетъ ошибка.

9-го выѣхалъ изъ Краіова на своей каруцѣ съ 2-мя человѣками, 10-го къ обѣду въ Букарестъ и прямо къ спатару Александру Гикѣ, мало мнѣ знакомому, но у котораго также нашелъ заботливѣйшій пріемъ. Отъ него узналъ о заключеніи мира. Чрезъ четверть часа послѣ моего пріѣзда умеръ генералъ-м. Андржесковичъ. У книгопродавца Thierry купилъ два сочиненія Исторіи герцоговъ Бургонскихъ Баранта и Революціи Французской Тіера. 11-го выѣхалъ. Обширные сады и огороды Букареста. Прекрасная окружность. Оцѣпленный лагерь. Сильная чума въ Каларашѣ. На разсвѣтѣ переѣхалъ на паромѣ Дунай подъ Гирсовымъ. Опустошенная войной и чумой Булгарія. Русская почта меня порадовала, но только до Варны. Видъ на нее и воспоминанія важныхъ прошлогоднихъ около нея происшествій. Здѣсь починился и отдохнулъ у артилерійстовъ въ лагерѣ, 13-го поѣхалъ далѣе на этапной почтѣ, весьма неисправной. Вездѣ страшные слѣды чумы. Карантинъ на Камчикѣ, гдѣ въ продолженіи окурки вещей отобѣдалъ у пристава Пономарева. На этомъ пространствѣ отобѣдать есть вещь рѣдкая. Въѣхалъ въ Балканы, не имѣющіе въ этой ихъ части вовсе характера значительныхъ горъ. Дорога тѣсна, лѣсиста и камениста, но подъемы и спуски отлоги. Я вездѣ ѣхалъ рысью. 14-го спустился съ послѣдней крутости Балкана къ Бургасу. Видъ на заливъ, покрытый нашими судами и на холмистыя равнины. Здѣсь этапная почта до самаго Адріанополя въ самомъ жалкомъ положеніи. Ямщики и въ помощь данные имъ солдаты изнурены жестокой лихорадкою, повально здѣсь свирѣпствующею. 16-го открылись предо мною высокіе минареты и огромные куполы мечетей Селима и Баязета, потомъ множество другихъ минаретовъ, огромные новые казармы Махмуда и весь Адріанополь съ зелеными своими садами. Заѣхалъ прямо въ главную квартиру, расположенную на острову, въ паркѣ султанскаго дворца, главнокомандующимъ занимаемаго. Всѣ прочіе въ палаткахъ на рѣкѣ Тунджѣ. Я занялъ одну изъ нихъ, благодаря дежурному г-алу Данилевскому, старому моему и хорошему знакомому. Обязательнѣйшій пріемъ г. Дибича. 18-го Пріязненный пріемъ г. Толя. Между тѣмъ какъ я сидѣлъ у него, вошелъ главнокоман-

дующій и кинулся къ нему на шею съ поздравленіемъ о полученіи ратификаціи отъ султана. Обѣдалъ у г. Дибича.

19-го Отправился къ 7-му корпусу въ Мустафа-Пашу на Марицѣ. Ласковый пріемъ командующаго онымъ генерала Ридигера, котораго съ 819-го года не видалъ.

20-го корпусъ возвратился въ Адріанополь. Вступилъ въ должность. Квартира въ казармахъ. Неясное отношеніе къ пашѣ Скодрскому, Филипополь съ войсками занимающему. 28-го репетиція маневру. 29-го назначенъ начальникомъ авангарда, изъ 3-хъ полковъ кавалеріи, одного казачьяго, бригады пѣхоты и 18-ти орудій составленнаго. Прибылъ въ Чирмень по сильному дождю, первому почти въ три мѣсяца. 1-го Октября генералъ Ридигеръ прибылъ въ Мустафа-Пашу и принялъ начальство надъ 7-ю полками кавалеріи, бригадой пѣхоты и 30-ю орудіями, авангардъ арміи составляющими. Я вступилъ опять въ должность начальника штаба.

12-го Октября.—8-го ѣздилъ въ Адріанополь поздравить главнокомандующаго съ полученіемъ фельдмаршальскаго жезла. Останавливался у князя Горчакова. Посѣщенія г. Петру Петровичу Палену, г-мъ Данилевскому и Герману. Г-нъ Ридигеръ по болѣзни оставилъ командованіе генералъ-лейтенанту Рейтерну. 9-го возвратился въ Мустафа-Пашу. Письмо съ Ланскимъ къ Гейсмару. По ночамъ морозы. Вчера письма отъ родныхъ изъ Россіи. Поѣздка къ развалинамъ замка въ горахъ, неизвѣстно какой эпохи. Эта цѣпь горъ носитъ названіе Кара-дагъ. Важная ошибка.

23-го прибылъ въ Бургасъ и за чрезвычайною тѣснотою остановился у коменданта. 24-го у фельдмаршала, пригласившаго остаться на Георгіевскій праздникъ 26-го. 26-го обѣдъ у фельдмаршала съ кавалерами, между коими и нижніе чины разныхъ полковъ. 27-го при ясной погодѣ, хотя съ сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, отправился въ Ахіоло. Съ удовольствіемъ припомню мою прогулку по берегу Бургасскаго залива, пѣшкомъ и верхомъ, въ память которой взялъ съ собою нѣсколько красныхъ раковинъ и окаменѣлостей. Волненіе или зыбь, почти безъ вѣтра, не позволяло восемь дней лодкамъ приставать къ берегамъ. 28-го остался для сдачи дѣлъ въ 5-ый корпусъ. Обѣдъ у г-ла Логинъ Осиповича Рота. Г-лъ Вахтенъ.

29-го Также къ сожалѣнію принужденъ остаться, пропуская прекрасные, хотя и холодные, дни для перехода Балканскихъ горъ въ слѣдованіи моемъ до Яссъ.

30-го Ноября. Выѣхалъ изъ Ахіоло въ Келелеръ, 25 верстъ; погода холодная и сырая. Въ красивой долинѣ землянки, приготовленныя для главной квартиры. Селеніе Келелеръ у подошвы Балкановъ, раззоренное. Дорогой одною собакою затравили зайца. Нашелъ теплую комнату у казачьяго полковника Кутейникова.

1-го Декабря. Переходъ до Еваджика, 20-ть верстъ чрезъ большой хребетъ Балкана. Прекрасная зимняя погода и укатанная дорога, т. е. гладкій ледъ. Здѣсь начались покинутые обозы 2-го корпуса. Изрядная квартира въ редутѣ. 2-го Чрезъ Арнаутларъ до Камчика 25-ть верстъ, гдѣ сталъ въ Турецкой солдатской палаткѣ, болѣе передъ огнемъ на дворѣ. Не доѣзжая рѣки примѣчателенъ лѣсъ, въ которомъ красивый плющъ и дикій виноградъ вьются иногда до вершины самыхъ высокихъ деревьевъ, которыя часто покрыты бархату подобнымъ мхомъ. Лѣтомъ это должно представлять прекрасный видъ. Ошибка на картѣ верстъ на 30-ть, чѣмъ увеличено разстояніе отъ Камчика до Еваджика. Горные жители носятъ шапки, похожія на Чеченскія и Гребенскія и имѣютъ, какъ говорятъ, въ характерѣ своемъ нѣкоторый духъ независимости и Турками уважаемой.

3-го Декабря. Переходъ черезъ Гассанларъ 15, до Варны 17, всего 32 версты. Угнаженная большимъ проѣздомъ хорошая дорога. Прекрасные виды съ горъ на море, особливо на заливъ и на Варну. Свѣжіе слѣды ядеръ и бомбъ въ городѣ. Изрядная квартира, доставившая отдыхъ послѣ вчерашняго лагернаго ночлега. Г-лъ Симишинъ навѣстилъ меня. Г-овъ Головина и Купріянова похвальное усердіе во время чумы. Послѣдній лишился 48-ми человѣкъ прислуги, первый—четырехъ отъ чумы. Стою въ домѣ, гдѣ была жесточайшая, и неочищенномъ.

4-го Выѣхалъ изъ Варны. Взглядъ на крѣпость. Почему атака не была ведена на сѣверный полигонъ къ морю прилежащій, столько выгодъ для владѣющаго заливомъ представляющій и другихъ мѣстныхъ?—Тетекіой, 25 верстъ. Подъемъ подъ Варной и спускъ къ станціи тяжелѣ настоящихъ Балкановъ. Здѣсь конвой, по случаю бывшихъ лѣтомъ разбоевъ, коимъ мѣста весьма способствуютъ. Согрѣвшись въ сырой и душной

землянкѣ и не могши заснуть, я въ 2 часа утра сѣлъ въ каруцу и поѣхалъ далѣе на почтовыхъ. 6-го вышелъ изъ нея уже за Дунаемъ въ Піо-Петри въ 3 часа пополудни, гдѣ землянка просторная и сухая почтоваго смотрителя показалась мнѣ разбитому, озябшему и голодному за прекрасную комнату. Дунай переѣхалъ по льду и съ удовольствіемъ оставилъ за собою пустынную Восточную Булгарію.

7-го. Здѣсь отдохнувъ совершенно, переѣхалъ 4 станціи до Браилова, близъ коего множество могильныхъ крестовъ напоминаютъ еще прошлогоднія кровавыя сцены осады и штурма; въ городъ не въѣзжалъ.

8-го. Рано пріѣхалъ въ Текучь, остановился у коменданта, велѣлъ поставить повозку на сани и къ ночи пріѣхалъ въ Бырлатъ, гдѣ остановился ночевать у коменданта, полковника Платонова, оцѣпившаго свою квартиру противъ чумы, въ городѣ существующей.

10-го. Пріѣхалъ рано въ Яссы, окурившись въ неопрятномъ и сквозномъ карантинѣ. Не засталъ г-ла Ридигера и никого. Долженъ былъ остановиться и обѣдать въ трактирѣ, пока отвели мнѣ квартиру у Баскана, бывшую главнокомандующаго, но ни разу въ зиму не топленую, такъ что я предпочелъ бы всякую другую, менѣе пышную.

11-го. Письма къ брату Карлу, къ Гейсмару, къ г. Ридигеру черезъ Тюфяева, княгинѣ Горчаковой, г-жѣ Добровольской, также отправлены. Оба дни никуда еще не выѣзжалъ. Пользуясь полнымъ досугомъ, возобновляю войной прерванную переписку съ Россіею. Никого, кромѣ коменданта, не видѣлъ. Все озабочено въ городѣ осмотромъ и очищеніемъ послѣ свирѣпствовавшей и не совсѣмъ еще прекращенной чумы.

Въ минувшей съ Турками войнѣ, главными орудіями успѣха подтвердились пика, штыкъ и порядокъ. Пика совершенно оправдала данное ей отъ Монтекукули названіе царицы орудій (reine des armes). Каре въ двѣ шеренги оказались противъ конницы Турецкой весьма достаточными. Отрядъ Малой Валахіи подъ начальствомъ Гейсмара, всегда побѣдоносный, не имѣлъ инаго построенія, какъ двуротныя въ двѣ шеренги каре. Не столько желѣзо, сколько смертоносный для сѣверныхъ жителей климатъ, защищаетъ эту землю. Воюющему въ ней нужно сильное здо-

ровье и при немъ еще большая осторожность въ пищѣ, особливо даже на счетъ спѣлыхъ плодовъ. Армія, переходящая за Дунай, должна имѣть госпитальныхъ запасовъ не менѣе какъ на двѣ трети наличнаго числа людей. Этапы на разстояніи не болѣе 20-ть верстъ, сколь возможно болѣе продовольственными запасами снабженные, особливо фуражными. Почты не менѣе 12-ти троекъ съ строгимъ порядкомъ содержанныхъ. На каждыя четыре—офицеръ. Избѣгать сколь возможно усиленныхъ маршей, чрезвычайно въ этомъ краѣ войско разстраивающихъ; также тяжелыхъ работъ земляныхъ, особливо на мѣстахъ, гдѣ были кладбища. На зимнюю, какъ обѣщали, траву не надѣяться. Зима начинается въ послѣднихъ числахъ Октября дождями. Дороги дѣлаются почти непроходными отъ глинистой почвы. Снѣгъ въ Балканахъ выпадаетъ въ началѣ Ноября, а иногда прежде. За Балканами перемѣнная, то дождь, то снѣгъ, то сухой морозъ, такъ что дорога тамъ не можетъ хорошо угладиться. Турки не ѣздятъ иначе, какъ верхомъ и на вьюкахъ, потому они къ этимъ невыгодамъ равнодушны. Армія же, обремененная многочисленною артилеріею и обозомъ, безъ неизбѣжнаго разстройства не можетъ дѣйствовать въ позднее время года.

Прекрасныя долины Адріанополя, столь здоровыми слывшія, были для насъ особенно смертельны. Нѣтъ болѣе Балкановъ; по крайней мѣрѣ, приморскіе не должно почитать препоной. Гораздо труднѣе по обширности своей пустынныя степи Восточной Булгаріи. Важнѣе становой хребетъ отъ Габрова къ Врацѣ противъ Софіи. Чума есть главнѣйшій бичъ для армій, въ этомъ краѣ дѣйствующихъ.

18-го. Скучно мое пребываніе здѣсь. Теперь не время новыхъ знакомствъ. Однако былъ у бояра Палладіо, который мнѣ сегодня отдалъ визитъ. Пріятной наружности и обращенія человѣкъ. Въ Субботу званъ къ нему на вечеръ. Для разсѣянія одиночества купилъ въ пребѣдной здѣшней книжной лавкѣ „Mémoires de Rapp“, исполненные хвастовства, тону бюллетеней. Лучшее въ нихъ отрывокъ Сегюра о капитуляціи Мака въ 805 и не знаю чье возмущеніе Страсбургскаго гарнизона въ 815 противъ Раппа. Salon de 822 par Thiers. Примѣчательное сочиненіе чистотою и благородствомъ слога, ясностію опредѣленій и здравою и вѣжливою критикою съ тремя литографиро-

ванными рисунками довольно хорошими. Résumé de l'Histoire de la régénération de la Grèce jusqu'en 1825 par Duttey de l'Yonne, три книги, которыя оканчиваю, совѣтуя никому не покупать: торопливый, безъ критики, безъ толку сводъ разныхъ сочиненій о предметѣ; вѣроятно спекуляція какого нибудь книгопродавца. Вотъ однакоже что пособило мнѣ протянуть эти безконечные восемь дней, проведенные въ скукѣ, безпокойствѣ о своихъ, отъ которыхъ такъ давно не имѣю никакого извѣстія; безъ дѣла по неприбытію корпусной квартиры и не имѣя въ городѣ ни одного знакомаго. Къ тому же безъ экипажа, безъ верховыхъ лошадей. Глубокій снѣгъ на улицахъ дѣлаетъ прогулку пѣшкомъ непріятною.

19-го Декабря. Первый обѣдъ здѣсь не одинъ, съ Елисеенко, Новороссійскимъ офицеромъ.

Lorsqu'ils voulaient dire la vérité, ils ne le pouvaient pas; lorsqu'ils ont pu la dire, ils ne le voulaient plus. 1830-й годъ

1830-й годъ.

20 Генваря 1830 года. Ровно мѣсяцъ, какъ я ни слова не ввѣрялъ своей книгѣ. Между тѣмъ корпусный командиръ г-лъ Ридигеръ пріѣхалъ. Штабъ собрался, и дѣла приняли свой ходъ. Прекращеніе чумы—главное наше занятіе. Мы имѣемъ пособіе постоянныхъ морозовъ. Безпорядки въ военномъ гошпиталѣ потребовали мѣръ строгихъ. Наконецъ переписка съ братомъ въ Могилевѣ, хотя непонятно медленно, по причинѣ окурки въ карантинахъ, получила правильное теченіе. Сестра между тѣмъ вышла замужъ за Александра Васильевича Македонца, командира конной артилерійской № 21-го роты. Время бы получить отвѣты и отъ прочихъ родныхъ и знакомыхъ. Во всѣ пѣхотные корпуса начальники штаба назначены. Я только исправляющимъ должность въ Молдавіи. Устроенъ клубъ, изъ котораго первыя фамиліи исключили всѣ прочія по принятому у нихъ обычаю. Послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ подъ небомъ, на бивакахъ, хорошо освѣщенная зала, красивые наряды и прекрасныя женщины производятъ пріятныя и сильныя впечатлѣнія. Въ Бургасѣ главная квартира продолжаетъ терпѣть важныя лишенія, между тѣмъ какъ мы здѣсь дѣйствительно отдыхаемъ.

25-го Января. Вчера письмо отъ брата Карла и отъ Надежды Николаевны Шереметьевой, первое изъ Россіи, съ моего

прибытія. Балъ у Паллади блестящій, на которомъ до 2-хъ часовъ утра пробылъ. Освѣщеніе, наряды и особливо красота женщинъ примѣчательны.

26-го Отъѣздъ Ф. В. Ридигера, для осмотра войскъ. Завтракъ съ нимъ. Прекрасный балъ въ клубѣ опять до 2 часовъ.

28-го Верхомъ по утру—прекрасный день. Въ 6-ть часовъ вечера совѣщательный комитетъ о заразѣ у вице-президента; у него заключилъ вечеръ.

30-го Кончилъ Discours sur les révolutions de la surface du globe et sur les changements qu'elles ont produits dans le règne animal par *Cuvier*. Сочиненіе примѣчательное, новыя и точныя понятія о столь важномъ предметѣ дающее, на опытахъ и наблюденіяхъ основанное и всѣ предшествовавшія гипотезы, умозрѣніями порожденныя, разрушающее.

1-го Февраля. Письма изъ Могилева. Отвѣтъ чрезъ Скулянскую таможню къ А. И. Маркевичу и его семейству. Вчера балъ у Карно, довольно скучный, рано его оставилъ. Оттепель продолжается. Въ Адріанопольскомъ гошпиталѣ чума. Верхомъ, не смотря на мокрый снѣгъ. Вечеромъ посѣщеніе г. Байкову и вице-президенту Мирковичу.

10-го Февраля. Въ продолженіи прошедшихъ 10-ти дней баронъ Гейсмаръ, ѣдущій на 28 дней въ отпускъ въ Петербургъ, гостилъ у меня три дни. Г-лъ Ридигеръ пріѣхалъ 4-го. Балъ у Паллади блестящій. Въ клубѣ также. Вчера обѣдъ у Ридигера, третьяго дня у митрополита. Дѣла мои собственныя принимаютъ оборотъ выгодный. Письмо отъ П. И. Скоропадской *). По службѣ также. Необходимость, хотя кратковременнаго отпуска, котораго письмомъ и по командѣ прошу у фельдмаршала. Дни хорошаго и ровнаго расположенія духа, не смотря на не весьма твердое здоровье. Письма изъ Секирницъ отъ Н. Маркевича съ присылкою его стихотвореній.

19-го. Карнавалъ прошелъ въ обѣдахъ, балахъ, разстроившихъ мое здоровье, хотя весьма пріятно. Сильныя съ морозомъ вьюги, продолжающіяся вторыя сутки. Вчера два часа утра съ семействомъ доктора Евстафія Роллы. Борьба мучительной стра-

---

*) Первая супруга графа П. Х. Граббе была ур. Скоропадская, вторая—ур. Ролла. *П. Б.*

сти съ разсудкомъ. Давно неизвѣстное мнѣ душевное состоянiе. Кто одолѣетъ? Письма отъ добраго моего брата Карла.

2-го Декабря 1830 года. Умань. Едва предъидущiя строки не остались послѣдними въ сей книгѣ, такъ давно впрочемъ заброшенной. Слабою еще рукою, послѣ жестокой болѣзни, принимаюсь снова за перо, чтобы обмануть непривычное одиночество, на которое четвертый день какъ я осужденъ отъѣздомъ моей жены въ Яссы. Постараюсь оживить въ моей памяти важнѣйшiе случаи сего протекшаго времени. 13-го Апрѣля я женился. Обрядъ вѣнчанiя совершенъ въ Яссахъ въ церкви Св. Спиридона, при стеченiи всего города. Г-лъ Ридигеръ и Емеродъ Бальшъ были посажеными отцомъ и матерью. 23-го выѣхали мы для выдержанiя карантина съ войсками. Маленькая изба на берегу Прута приняла насъ. Въ ней прожили мы 20-ть дней, украсивъ ее, сколько возможно было, но наиболѣе нашимъ счастьемъ. Впрочемъ нѣтъ чистыхъ наслажденiй: и здѣсь были неудовольствiя съ карантинными чиновниками, по поводу свиданiй съ родителями и знакомыми, изъ Яссъ прiѣзжавшими. Но прiѣздъ стараго моего знакомаго барона Франка все сладилъ и остановилъ послѣдствiя изъ того произойти могшiя.—Оттуда въ Кишиневъ; первое тяжебное дѣло въ жизни по Бессарабскому имѣнiю моей жены съ ея дядею. Горькiя неудовольствiя. Скучный городъ. Одно развлеченiе наше были прогулки въ саду публичномъ (память Бахметьева) и въ окружностяхъ города. Онѣ доставили намъ много прiятныхъ часовъ. Беременность, первая, всегда важное и радостное происшествiе для молодой жены.—Давши, какъ я полагалъ, ходъ тяжебному дѣлу, отправились въ *Вадулеки*, имѣнiе Сандулаки, того-же дяди жены моей, гдѣ нѣсколько дней провели прiятно, такъ какъ и въ деревнѣ Донича, также ея родственника. Оттуда въ Могилевъ, гдѣ вступили въ настоящiй карантинъ. Отвратительное воспоминанiе перенесенныхъ тамъ непрiятностей, доводившихъ меня до бѣшенства, особливо при нездоровьѣ моей жены. Одно утѣшенiе наше были ежедневныя свиданiя съ добрѣйшимъ моимъ братомъ Карломъ и первые дни съ сестрою Марiею, вышедшею замужъ за Македонца, съ которымъ я здѣсь и познакомился; но къ сожалѣнiю они должны были скоро уѣхать. Наконецъ вѣчные 14-ть дней карантина прошли, и мы переѣхали

въ домъ моего брата, который занимаетъ здѣсь мѣсто начальника округа таможень по Днѣстру.

Въ первой половинѣ Іюля отправились далѣе, пользуясь полученнымъ двухъ-мѣсячнымъ отпускомъ.

Прекрасная Подольская губернія; дорога, послѣ пустынь Бессарабіи и даже живописной, но весьма еще недостаточно обработанной и населенной Молдавіи, показалась намъ, особливо женѣ моей, безпрерывнымъ садомъ. Въ Уманѣ дружеское вниманіе г-ла Ридигера приготовило намъ квартиру въ домѣ графа Потоцкаго, нарочно отказавъ намъ только въ одной кухнѣ. Восемь дней пребыванія здѣсь, чрезвычайно пріятнаго, выгодно подѣйствовали на здоровье моей жены и возвратили ей весь блескъ красоты, прошедшими непріятностями помраченной.

Софіевскій садъ, прежде мнѣ извѣстный, получилъ для меня новую прелесть справедливымъ восхищеніемъ моей жены, мало знакомой съ Европейскими садами, въ числѣ коихъ Софіевка занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Ежедневныя прогулки въ саду, прекрасное время, обѣды и вечера у г-ла Ридигера, общество умнаго и благороднаго г-ла Плахово, нарочно для насъ пріѣхавшаго, прекрасная квартира оставили въ обоихъ насъ пріятнѣйшія воспоминанія кратковременнаго пребыванія въ Умани. Надобно было однако ѣхать далѣе. Второй ночлегъ въ Богуславлѣ на Роси. Здѣсь прекращается почта по прямому направленію на Переяславль. Съ трудомъ досталъ лошадей до села Дударей 55 верстъ, куда пріѣхали однакоже засвѣтло къ родителямъ адъютанта моего Полля, женившагося на второй сестрѣ моей жены. Никого не застали, но часа черезъ два старики пріѣхали. Дружескій пріемъ ихъ. Весьма скромный домъ, при маленькомъ состояніи, исполненный довольства,—слѣдствіе неутомимаго и мастерскаго хозяйства. Но душная спальня лишила насъ сна и, чтобы не подвергаться еще подобной ночи, на другой же день, послѣ весьма хорошаго обѣда, на лошадяхъ старика-генерала, отправились далѣе. Гористыя мѣста, особливо подъѣзжая къ Днѣпру. Переправа на паромѣ подъ Трахтемировымъ. Здѣсь Днѣпръ вѣрно имѣетъ версту ширины. Глубокіе пески по береговой дорогѣ. Уже стемнѣло, когда пріѣхали въ Переяславль. Остановились ночевать въ трактирѣ. Нѣмка, которую, благодаря неумѣстной рекомендаціи г-жи З....., мы взяли

въ услуги въ Умани, глупыми и отвратительными своими странностями, разстроила наше расположеніе духа. Непріятная ночь. На другой день черезъ Яготинъ к. Репнина, коего красивые виды насъ нѣсколько разсѣяли, доѣхали до любезной мнѣ нѣкогда Туровки А. И. Маркевича, но застали ее пустою и домъ въ передѣлкѣ. Все семейство было въ Полошкахъ. Грустно переночевавъ здѣсь во флигелѣ поэта Ник. Марк., на крестьянскихъ нанятыхъ лошадяхъ доѣхали до Прилукъ. Характеръ здѣшнихъ плоскихъ степей показался новымъ для жены моей, привыкшей къ холмистымъ мѣстамъ своего края. Въ Прилукахъ шумомъ досталъ лошадей, ибо и здѣсь почта не ходитъ уже по прямой дорогѣ близко моей деревни въ Ромны. На чай пріѣхали въ Секирницы П. Г. Галагана, гдѣ въ новомъ прекрасномъ его домѣ нашли пріятнѣйшій пріемъ и ожидавшіе насъ покои. Здѣсь отдыхали мы три мѣсяца. Не одни однакоже пріятныя воспоминанія въ удѣлъ намъ и здѣсь достались. Многое для меня измѣнилось. Прежде родственное и дружеское сдѣлалось почти чуждо. Домъ, который ожидалъ найти въ деревнѣ готовымъ, попеченіемъ нѣкогда пріязненнаго мнѣ шурина моего по первой женѣ, не былъ построенъ. Много справедливаго въ начитанномъ мною гдѣ-то правилѣ: Не полагайся на друга, который женился. Онъ женился въ одно со мною время. Такимъ образомъ, произвольное мое сперва пребываніе въ Секирницахъ сдѣлалось вынужденнымъ. Это непремѣнно измѣняетъ взаимныя отношенія. Недостатокъ способовъ и рабочее время не позволили мнѣ тотчасъ приступить къ постройкѣ дома.

Итакъ въ деревнѣ мнѣ не осталось ничего дѣлать. Поѣздка въ Полошки, къ бывшей моей тещѣ, рушила послѣднюю слабую тѣнь надежды на предложенное ею въ убѣдительнѣйшихъ выраженіяхъ, письменно и посредствомъ своего брата и Галагана, довольно значительное состояніе. Первыя минуты разговора съ нею убѣдили меня въ невозможности принять отъ подобной женщины какое бы то ни было благодѣяніе. Я поспѣшилъ облегчить ея совѣсть и вывести ее изъ затрудненія, возвращеніемъ ей даннаго ею слова. Разстроенный горькими воспоминаніями, возвратился я въ Секирницы. До этой поѣздки еще все семейство, нѣкогда столь дружественное, Маркевичей, собралось у Галагана. Изо всего прежняго между нами остались почти одни

приличія. Тоже самое съ г. Ал. Гр. Гудовичевой, которая въ первые дни своего пріѣзда, сверхъ того, смотрѣла еще на меня съ нѣкоторымъ ужасомъ (который я охотно желалъ бы почесть непритворнымъ), за то что, при взятіи Рахова, братъ ея, прекрасный молодой человѣкъ, нѣжно мною любимый, убитъ былъ при мнѣ, и мнѣ, на слезы весьма скупому, стоилъ искреннихъ горькихъ слезъ. Все это вмѣстѣ глубоко разстроило духъ мой. Къ сему присоединилось неполученіе никакого назначенія, по минованіи срока отпуска и, наконецъ, позже недостойное при дивизіонномъ (послѣ мѣстъ, которыя я занималъ во время войны, по крайней мѣрѣ право на бригаду мнѣ дававшихъ). Всѣ эти обстоятельства и другія вмѣстѣ омрачили послѣдній мѣсяцъ моего пребыванія въ Секирницахъ и тревожили бѣдную мою жену. Посѣщеніе Полля съ женою было для насъ пріятнымъ развлеченіемъ, но непродолжительнымъ. Также весьма пріятно было для насъ знакомство съ С. А. Галаганъ, любезной женщиной, которой общество доставило намъ въ уединенной деревенской нашей жизни нѣсколько пріятныхъ дней. Къ сожалѣнію она прежде насъ еще уѣхала въ Петербургъ. 20-го Октября, если не ошибаюсь, выѣхали мы въ Умань. Подъ Переволочной сидѣли нѣсколько часовъ въ грязи и первый день доѣхали только до Прилукъ, гдѣ у головы ночевали. Жестокій и рѣзкій вѣтеръ заставилъ здѣсь одѣть людей по зимнему. Второй ночлегъ въ Яготинѣ у управляющаго симъ имѣніемъ князя Репнина, отставнаго офицера. Радушный его пріемъ, хотя мы его женатаго и съ большимъ семействомъ весьма потѣснили. На другой день, хорошею дорогою въ Переславль, гдѣ съ трудомъ нанялъ почтовыхъ лошадей до Богуслава 80 верстъ. Переправа черезъ Днѣпръ, гладкій, какъ зеркало, и по причинѣ весьма дурной дороги, песками и лѣсомъ, очень поздно пріѣхали въ Дудари къ г-лу Поллю. Хорошій ужинъ и пріятный ночлегъ, въ другой уже комнатѣ, болѣе просторной, доставили намъ нужный отдыхъ. Позавтракавши, часовъ въ 10-ть отправились до Богуслава; пріѣхали довольно рано, но рѣшились ночевать. На другой день доѣхали до Легезина, послѣдней станціи, не доѣзжая Умани. Негодный ночлегъ въ сырой и вонючей корчмѣ. Рано пріѣхали въ Умань, но какая разница противъ перваго проѣзда! Теперь должны были остановиться въ Жидовской корчмѣ и пробыть въ ней недѣлю, пока

очистили и приготовили для насъ весьма скромную квартиру. Къ счастію нашли здѣсь Полля съ женою. Здѣсь-то получилъ я извѣстіе о новомъ моемъ назначеніи. Затруднительное положеніе во всѣхъ отношеніяхъ, особенно на счетъ моей жены, оканчивавшей 7-ой мѣсяцъ беременности и осужденной еще на дальнѣйшее странствіе, вѣроятно много способствовало къ жестокой болѣзни, которая меня постигла, скоро по переѣздѣ на новую квартиру, и привела меня къ дверямъ гроба. Тронуло меня глубокое участіе г-ла Ридигера и Плохово, нарочно пріѣхавшаго. Имъ обязанъ я благоразумнымъ совѣтомъ, вмѣсто того, чтобы везти жену далѣе въ Заславъ (чтобы ее тамъ быть можетъ скоро оставить, Богъ знаетъ на какой квартирѣ, съ незнаніемъ языка въ самое роковое время) отправить ее въ Яссы, тоже разстояніе, но гдѣ у цѣли ожидаютъ ее родительскій домъ, нѣжнѣйшія попеченія, опытность и всѣ способы большаго города.

Это исполнено безъ отлагательства, и вмѣсто меня, еще слабаго, шуринъ мой Полль взялся проводить бѣдную мою жену до Скулянъ на Могилевъ. 29-го она выѣхала послѣ горькаго прощанія, ибо это на долго. Дорога ужасная. Первый день они проѣхали только одну станцію. Надѣюсь, что далѣе будетъ получше. Невѣстка моя Полль переѣхала ко мнѣ, чтобы раздѣлить скучное и непривычное одиночество. Оставленныя давно уже занятія, за которыя снова принимаюсь, и посѣщенія благороднаго г-ла Ридигера не допускаютъ до унынія, равно какъ и чувство, всегда пріятное, возвращающагося здоровья. Жестокая тяжесть спадетъ съ души, когда узнàю о счастливомъ пріѣздѣ жены въ родительскій домъ. И эти строки не имѣютъ иной цѣли, какъ наполнить пустые промежутки дня.

Славный конецъ войны съ Турціею, вниманіе Европы на себя обращавшій, былъ какъ будто сигналомъ новыхъ переворотовъ на Западѣ ея. Между тѣмъ какъ торжество побѣдоносной Россіи внезапно омрачилось появленіемъ Cholera Morbus, быстро принявшей, не смотря на всѣ противодѣйствующія мѣры, свое направленіе на Сѣверъ къ обѣимъ столицамъ, печальныя извѣстія почти единовременныя о насильственной перемѣнѣ династіи во Франціи, которую общее и немедленное признаніе всѣхъ державъ позволяетъ приписать непростительнымъ ошибкамъ послѣдняго министерства; народное возстаніе въ Бельгіи противъ

короля своего; переворотъ въ правленіи столь смирной и счастливой Саксоніи; шайки поденщиковъ и черни, появившіяся и опустошающія нѣкоторыя области Германіи; возмущеніе въ Мюнхенѣ и другихъ мѣстахъ Баваріи, столь кротко управляемыхъ, и разныя другія извѣстія заставляютъ бояться для Европы временъ смутныхъ и важныхъ происшествій. Событіе любопытное и общеполезное, взятіе Алжира, торжество Франціи, изъ коего министры Карла X-го столь дурное употребленіе сдѣлали, радостно ознаменовало текущій годъ.

4-го Декабря. Печальные слухи. Но Россія и этотъ разъ, хотя въ смутное время сими неожиданными происшествіями застиженная и въ мѣрахъ своихъ свирѣпствующею въ ней болѣзнію замедляемая, воздвигнется въ своемъ могуществѣ и, съ обычнымъ своимъ счастьемъ, потушитъ вспыхнувшій пожаръ.

6-го Суббота. Вчера нѣсколько пріятныхъ часовъ съ Плохово. Продолженіе распространенія болѣзни. У него занемогъ человѣкъ, но спасенъ, особенно кровопусканіемъ. Дѣйствительное, кажется, начало зимы. Чрезвычайно трудный походъ для войскъ, въ движеніе приведенныхъ. Они потребуютъ значительнаго отдыха передъ дѣйствіемъ.—Медленно возвращаются мои силы, а время неотложнаго выѣзда сближается.

Voyage dans l'Inde et au Bengale par Degrandpré: сочиненіе занимательное, человѣка умнаго и свѣдущаго, хорошо и твердо видѣвшаго и даръ описанія имѣющаго.

Promenades à Rome par Stendhal. Сильныя требованія на оригинальность. Но странности и часто нелѣпости, не взирая на то, умнаго человѣка.

Моя жена благополучно и безъ остановки пріѣхала въ Яссы. Только что передъ ея пріѣздомъ въ Могилевъ, снятъ карантинъ передъ тѣмъ учрежденный, и три часа по выѣздѣ изъ Скулянъ учрежденъ карантинъ противъ Cholera Morbus. Оттепель. Письмо отъ жены.

Grimme raconte quelquepart un mot de Duclos, dont le tour m'a paru drôle. Il vient d'arriver au jardin du roi, comme chacun sait, un jeune éléphant de cinq ans, qui est déjà grand, comme père et mère. Duclos, inquiet de la tournure tant soit peu séditieuse, que prenait la conversation chez m-me Helvétius, nous fit changer de propos. Messieurs, nous dit-il, parlons de l'éléphant: c'est la seule bête un peu considérable, dont on puisse parler en ce temps sans danger.

24-го Декабря. Вороновица. 16-го обрадовали меня Македонецъ съ женою своимъ ко мнѣ пріѣздомъ. 17-ое провели вмѣстѣ. 18-го, отправивъ съ ними людей и лошадей, самъ на почтовыхъ выѣхалъ въ Заславъ. Изъ Иванъ-Города выѣхалъ въ 7-мь часовъ вечера и только въ семь утра пріѣхалъ на слѣдующую станцію Гайсинъ, простоявъ нѣсколько часовъ въ грязи, покуда волами коляску вытащили и ими же почти до станціи привезли. Отъ чрезвычайнаго разгона, почты въ большомъ разстройствѣ. Ввечеру, 19-го, пріѣхалъ въ Немировъ. Проѣзжая Брацлавъ, вездѣ видѣлъ курящіяся кучи навоза; тамъ появилась холера. Вездѣ только и слышишь о появленіи въ разныхъ мѣстахъ сей болѣзни, не взирая на безчисленные учрежденные карантины. Въ Вороновицу пріѣхалъ 20-го и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ почты увидѣлъ обозъ С. Н. Плохово, къ которому бросился, чтобы проститься на долгое время, но къ удовольствію моему узналъ отъ него, что я назначенъ бригаднымъ командиромъ въ конно-егерскую дивизію и остаюсь съ нимъ товарищемъ корпуса. Онъ пробылъ со мною четыре дня въ скверной Жидовской избѣ, и въ его обществѣ эти четыре дня пролетѣли пріятно и быстро. Какой даръ Неба человѣкъ умный, благородный и пріятный! Сегодня онъ уѣхалъ догнать свою бригаду.

1831-й годъ.

24 го Января. 26-го прошлаго мѣсяца пріѣхалъ въ Липовецъ. Пробылъ 27-ое. До Могилева едва доѣхалъ на полозьяхъ, но долженъ былъ остановиться, чтобы перемѣнить ихъ новыми, которые, не доѣзжая первой станціи, отломились. Къ счастію нашелъ тамъ оставленные прекрасные сани Подольскаго губернатора г. Грохольскаго, на которыхъ поѣхалъ далѣе.

31-го пріѣхалъ въ Каменецъ, на гранитной скалѣ, водою (рѣка Смотричъ) окруженной, и съ вертикальными крутостями съ обоихъ береговъ. Цитадель въ новыя времена усилена и отъ окружныхъ высотъ дефилирована. Появленіе въ ближайшемъ только разстояніи подобнаго, рѣдко встрѣчаемаго мѣстоположенія, внезапностію изумительно. Въ прежнія времена почиталась

неприступною. Нынѣ же, одна цитадель, впрочемъ весьма тѣсная, къ оборонѣ удобна; городъ же только отъ нечаяннаго нападенія безъ артилеріи защищаться можетъ. Минаретъ, Турками къ католической церкви пристроенный, въ совершенной цѣлости, и Марія съ крестомъ попираетъ огромные рога Турецкой луны. Какъ сіи воспоминанія далеки уже отъ нынѣшняго состоянія одряхлѣвшей Порты! Заѣхалъ къ Плохово, двумя днями меня опередившаго и остался съ нимъ въ домѣ у вице губернатора Гирса. Новый годъ встрѣтили втроемъ у г-ла Ридигера.

1-го Генв. обѣдъ у камергера Пршедзецкаго, въ столовой до того холодной, что я принялъ это за мистификацію. Знакомство съ Грохольскимъ. 2-го тоже большой обѣдъ у Ридигера. Свирѣпствующая здѣсь болѣзнь и смутныя обстоятельства обуздали охоту къ удовольствіямъ, въ это время обычнымъ. Процессъ бывшихъ министровъ Карла X-го. Признаніе независимости Бельгіи. Возмущенія въ Англіи. Удаленіе Веллингтона отъ министерства. Грей его мѣсто заступаетъ. Внезапное возстаніе Царства Польскаго. Походъ Русскихъ войскъ въ свои границы. Хлопицкій диктаторомъ. Царство ужаса. Насильственныя приготовленія къ близкой гибельной войнѣ. Г. Дибичъ главнокомандующимъ. 80-ти тысячная армія подъ Брестомъ. 16-го полагаемое начало дѣйствій. Лафайетъ слагаетъ званіе главнокомандующаго народной стражи. Пріѣздъ генералъ-губернатора Потемкина. Три дня обѣдовъ и неудачный опытъ вчера у губернатора. Наступленіе скуки.

16-го Февраля. Выступленіе изъ Линцовъ. Посѣщеніе доктору Гейне. Revue Britannique. Въ саняхъ съ П. Терменомъ до м. Дашева. Принятъ въ домѣ г. Потоцкихъ, сыновей Владимира, умершаго полковникомъ Французской службы въ Польскомъ корпусѣ. Первое донесеніе изъ дѣйствующей арміи.

18-го. Переходъ до Гранова. Квартира у кассира. Имѣніе Адама Чарторижскаго. Поѣздка на конскій заводъ. Жеребецъ Эденъ. Поздній обѣдъ. Переходъ до Ивангорода Сабаньскаго. Въ крестьянской избѣ. Одинокій день. Пріятная прогулка пѣшкомъ. Прекрасное время. Густая лазурь неба, предвѣстница оттепели и весны. Гердеръ. Письмо изъ Яссъ № 19-й съ волосами моей новорожденной. Грустное направленіе мыслей, слѣдствіе содержанія письма.

24-го. Получилъ нарочнаго съ Высочайшимъ повелѣніемъ отправиться въ дѣйствующую армію, съ назначеніемъ состоять при главнокомандующемъ. Чрезъ три часа по полудни выѣхалъ.

1832-й годъ.

10-го Октября 1832 года. Блотница. Знаешь ли ты людей, которые, бывъ рабами всѣхъ своихъ страстей, возстаютъ противъ чужихъ пороковъ, какъ бы ревнуя имъ? Ничего столь строго не наказываютъ они, какъ то, чему подражать не перестаютъ, хотя ничто не приноситъ столько чести, какъ снисхожденіе, тѣмъ даже, которые ни малѣйшей ни отъ кого въ немъ нужды не имѣютъ. Честнѣйшій, совершеннѣйшій человѣкъ, по моему, есть тотъ, который прощаетъ съ такимъ добродушіемъ, какъ будто ежедневно самъ впадаетъ въ проступки, и который ихъ также заботливо избѣгаетъ, какъ будто никому не прощаетъ ихъ. Потому наиболѣе мы тщиться должны, какъ частно, такъ и общественно и во всѣхъ поступкахъ нашей жизни, быть непреклонными къ себѣ, снисходительными къ другимъ, къ тѣмъ даже, которые самихъ себя только извинять умѣютъ. Не будемъ забывать никогда, что̀ часто говаривалъ Тразей, не менѣе знаменитый своимъ человѣколюбіемъ, какъ и прочими доблестями: „Тотъ, кто ненавидитъ пороки, людей ненавидитъ". Ты спрашиваешь, на кого я цѣлю, говоря это? Нѣкто на дняхъ.... Но лучше изустно разскажу, или умолчу вовсе; боюсь, что, объявляя имъ войну, осуждая ихъ, разсказывая что̀ они дѣлаютъ, я сдѣлаю тоже чего не одобряю, и нарушу мои правила моими поступками. Потому, кто бы онъ ни былъ, скроемъ его, не назовемъ его. Мало пользы его выставить, и много человѣколюбія не выставлять его. Прости!

22-го Октября. Бѣлгородъ. Мысли о Польской войнѣ. Политическія опасенія одни могутъ оправдать торопливое открытіе кампаніи въ Генварѣ, не окончивъ организаціи дѣйствующей арміи во всѣхъ отношеніяхъ. Военные расчеты могли быть: 1-ое) не допустить мятежниковъ окончить свои приготовленія и 2-ое) перейти самимъ Вислу по льду. Порочно было направленіе на Прагу, и сраженіе близъ оной или послѣдствія успѣха подъ Гроховымъ должны были доведены быть до крайней возможности, чего далеко не сдѣлано, а сдѣлано могло быть.

Въ Шеницѣ надобно было разстроенную зимнею кампаніею армію усилить, продовольствіе оной по шоссе изъ Бреста обезпечить и новую не прежде 15-го Апрѣля начать. Въ Мартѣ мѣсяцѣ въ Польшѣ, если выборъ отъ воли зависитъ, дѣйствовать не должно: въ это время господствуетъ тамъ пятая стихія, грязь, и такая, что нѣсколько переходовъ разстраиваютъ совершенно матеріяльную часть арміи.

Оставленіе 6-го корпуса (тогда Литовскаго), кромѣ особенностей его состава, передъ Прагою на пространныхъ квартирахъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ ошибокъ военныхъ.

Движеніе къ устью Вепржа для переправы за Вислу съ однимъ 1-мъ корпусомъ и гренадерскимъ, весьма ослабленными, было все ошибочное.

Правильно и спасительно было движеніе изъ Велишина чрезъ Луковъ къ Сѣдлецу. Оно могло быть еще рѣшительнѣе, направивъ головы колоннъ на Калушинъ. Симъ движеніемъ армія, послѣ неудачнаго покушенія переправы, слѣдствіемъ коего было разстройство оной и пораженіе Литовскаго корпуса, стала на свою кратчайшую линію сообщенія съ центромъ своей операціонной линіи, на Брестское шоссе, одно въ сіе время года удобное для подвозовъ, получила своихъ выздоровѣвшихъ, сблизилась съ гвардіею и подкрѣпилась вторымъ корпусомъ, имѣвъ ближайшимъ послѣдствіемъ спасеніе преслѣдуемыхъ остатковъ Литовскаго корпуса и своихъ магазиновъ въ Сѣдлецѣ, Меджерицѣ и Брестѣ. Это предложеніе съ трудомъ было принято.

Всѣ дѣйствія изъ Сѣдлеца по прямому направленію къ Варшавѣ не могли имѣть никакой полезной цѣли.

Если потерянъ хотя одинъ день для присоединенія гвардіи, со времени позволенія употребить оную въ дѣло, то сдѣлана важная ошибка.

26-го Октября. Наступательное движеніе Скрженецкаго противъ гвардіи, хотя дерзкое, имѣло первымъ слѣдствіемъ отступленіе оной и очищеніе дѣйствующею арміею Царства Польскаго, на 24 часа. Съ силами болѣе значительными, это движеніе могло бы непріятелемъ лучше быть выдержано, имѣя въ переди возстаніе Литвы и для отступленія правый берегъ Нарева. Скрженецкій долженъ еще оправдаться, не только въ безполезномъ и опасномъ оставленіи дивизіи въ Остроленкѣ, но что

еще неосторожнѣе, въ нѣсколькихъ верстахъ передъ оною, въ позиціи, легко обходимой. Ему слѣдовало Остроленку оставить и мосты на Наревѣ сломать. Онъ могъ еще дороже заплатить за свою ошибку, если бы и съ нашей стороны въ управленіи дѣломъ не было сдѣлано нѣсколько весьма важныхъ. Неопредѣленность начальствованія дѣйствующими частьми отъ частой перемѣны главнокомандующимъ начальниковъ во время дѣла, отъ неимѣнія карты топографической мѣстоположенія, хотя гвардія до того долго занимала Остроленку; отъ оставленія всей гвардейской пѣхоты нѣсколько верстъ позади, съ которою наканунѣ только соединились, сдѣлавъ для этой цѣли все трудное и поспѣшное движеніе изъ Сѣдлеца. — Важнѣйшія послѣдствія Остроленскаго сраженія, славнаго для нашей пѣхоты, были, кромѣ значительной и невознаградимой для непріятеля потери числительной, всеобщій упадокъ духа, какъ въ войскѣ такъ и въ краѣ, и уменьшеніе довѣренности къ дарованіямъ главнокомандующаго, усилившее противную ему партію демагоговъ. Преслѣдованія не было отъ утомленія послѣ сильныхъ переходовъ и бою пѣхоты, изнуренія кавалеріи, кромѣ гвардейской, и непостижимаго разсѣянія казаковъ.

Армія наша медленно дошла до Пултуска, обезпеченная въ продовольствіи изъ Пруссіи и въ матеріальныхъ приготовленіяхъ къ переправѣ черезъ Вислу. Но въ стратегическомъ отношеніи сія переправа, на пространствѣ между Модлинымъ и Прусскою границею, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ, быть можетъ неразрѣшимыхъ задачъ военныхъ. Эта увѣренность и мысль, что сіе невыгодное положеніе дѣлъ было послѣдствіе прежнихъ ошибочныхъ соображеній, вѣроятно отравляли послѣдніе дни г. Дибича, близъ Пултска скончавшагося.

Пріѣздъ фельдмаршала г. Паскевича примѣтно возвысилъ духъ арміи. Правильность подвозовъ, одна изъ неусыпныхъ заботъ сего главнокомандующаго, сосредоточіе силъ, одно изъ неусыпныхъ его правилъ, подошедшія подкрѣпленія отъ лѣваго фланга арміи, вошедшіе въ ряды выздоровѣвшіе, полезный отдыхъ, кавалерію въ особенности поправившій, и лучшее время года привели армію въ цвѣтущее положеніе. Она двинулась къ трудному своему предпріятію, къ переправѣ. Звѣзда Паскевича сопутствовала ей. Четырехъ-суточная наводка моста и трехъ-

суточная чрезъ оный переправа совершены какъ среди мира. Непріятеля не было. Скрженецкій долженъ для своей славы объяснить эту тайну. Онъ вѣроятно боролся тогда съ враждебной партіею и боялся отдалиться отъ Варшавы.

27-го. Позиція на Бзурѣ, первая, гдѣ на мѣстѣ переправы мы нашли непріятеля въ силахъ, остановила насъ на нѣсколько дней, въ которые устроено правильное и безостановочное движеніе подвозовъ. Въ противной арміи господствовалъ духъ партій. Скрженецкій смѣненъ, и непріятель отступилъ къ Варшавѣ.

Приступъ къ Варшавскимъ укрѣпленіямъ былъ первое военное событіе, возвратившее войнѣ занимательность, можно сказать истощенную Наполеономъ.

Приступъ могъ быть конченъ въ одинъ день 25-го Августа. Послѣ взятія Воли и отраженія слабаго покушенія мятежниковъ возвратить оную, страхъ и безпорядокъ распространились по ихъ войскамъ. Артилерія ихъ была разстроена и отчасти приведена въ молчаніе. Это было въ часъ по полудни. Довольно оставалось времени, чтобы кончить. Я сдѣлалъ о томъ предложеніе г-лу Толю, отвѣчая за успѣхъ. Онъ согласился со мною, но предложеніе не было принято.

Въ сей день непріятель былъ взятъ въ расплохъ, въ томъ смыслѣ, что, полагая предпріятіе приступа возможнымъ, ему не могло быть извѣстно, который изъ фронтовъ его огромной линіи будетъ атакованъ. 26-го все было для него уже ясно. Всѣ оборонительныя средства его были сосредоточены. Мужество поправило ошибку. 26-го, по диспозиціи, укрѣпленіе Воля и большая дорога должны были раздѣлять 1-ый и 2-ой корпуса. Оба должны были съ фронта взять лежавшія предъ ними укрѣпленія. Утро прошло въ переговорахъ. Въ часъ по полудни было назначено начать приступъ. Въ полдень, окончивъ обозрѣніе укрѣпленій и позиціи готоваго непріятеля, я убѣдился, что 1-му корпусу, весьма ослабленному потерею наканунѣ, предстоитъ трудъ сомнительнѣе еще перваго, какъ по важности укрѣпленія № 23-й, такъ и по средоточенію непріятелемъ артилеріи и резервовъ. Осталось три четверти часа. Я предложилъ весь 1-й корпусъ перевесть съ лѣвой стороны дороги на правую. Симъ движеніемъ пріобрѣтались слѣдующія выгоды: соревнованіе наступа-

ющихъ корпусовъ, рядомъ и въ виду дѣйствующихъ; укрѣпленіе Воля, сильно вооруженная артилеріею и гарнизономъ, дѣлалась опорою лѣваго фланга пѣхоты арміи; приступъ 2-го корпуса къ своему фронту усиленъ и обезпеченъ отъ дѣйствія непріятельскихъ резервовъ на лѣвый его флангъ 1-мъ корпусомъ; фронтъ сему послѣднему, къ взятію назначенный простымъ движеніемъ впередъ и потомъ на лѣво, взятъ во флангъ и въ тылъ. Сіе предложеніе, сильное доводами, наконецъ, принято и за полчаса предъ начатіемъ дѣла приступлено къ исполненію. Ко всему вышеизложенному присоединилась еще та польза, что непріятель, усмотрѣвъ безполезность своей прежней позиціи и желая усилить угрожаемый фронтъ, долженъ былъ, по неимѣнію глубины между позиціею и городомъ, дефилировать подъ убійственнымъ огнемъ артилеріи 1-го корпуса, тотчасъ по прибытіи на новое мѣсто открытымъ. Все исполнено было безошибочно по сему предположенію. Голова колонны резервовъ непріятельскихъ, дѣйствительно двинувшаяся изъ Вольскаго предмѣстія въ минуту приступа 2-го корпуса, ближнимъ картечнымъ огнемъ артилеріи 1-го корпуса была разстроена и быстрымъ движеніемъ всей пѣхоты онаго отброшена въ улицы. Сильное укрѣпленіе № 23-й взято съ тылу, равно какъ и прочія укрѣпленія сего фронта.

Общимъ правиломъ можно постановить, что при атакѣ линій, защищающихъ большой городъ, неизбѣжно растянутыхъ, нѣтъ никакой нужды атаковать дѣйствительно много пунктовъ вдругъ: ибо овладѣніе однимъ почти всегда достаточно, чтобы разстроить совершенно всю систему обороны общей.

28-го. Для успѣшнаго отраженія приступовъ, близкіе и отважно употребляемые резервы едва ли не важнѣе прочнаго занятія укрѣпленій сильными гарнизонами. Для закрытія сихъ резервовъ отъ огня артилеріи, обыкновенно предшествующаго приступу, полезны могутъ быть траншеи. Укрѣпленія, сзади открытыя, въ такомъ случаѣ предпочтительны. Защитники оныхъ, въ минуту спуска атакующихъ въ ровъ, должны вскакивать на крону. (Они до сего мгновенія довольно воспользовались противъ наступающихъ закрытіемъ). Безъ сего средства, мужеству приличнаго, дѣйствія опаснѣйшими почитаемыя (переходъ рва и всходъ на брустверъ) происходятъ безъ потери подъ выстрѣ-

лами защищающихъ. Турки, сему правилу слѣдующіе, отъ того такъ опасны въ укрѣпленіяхъ.

31-го Октября. Польская армія, пораженіемъ подъ Варшавой въ основаніяхъ своихъ потрясенная, но числомъ еще свыше 40 тысячъ съ 96-ю полевыми орудіями, послѣ безполезныхъ переговоровъ подъ Модлинымъ, отвергнувъ весьма выгодныя условія, ей предложенныя, приняла внезапное намѣреніе переправиться на нижней Вислѣ, чтобы продолжить еще борьбу въ Краковскомъ воеводствѣ. 1-му корпусу (всего 9 тысячъ штыковъ и около 5 тысячъ кавалеріи имѣвшему) поручено воспрепятствовать сему покушенію. Достигнувъ Гостимина, успѣхъ сталъ вѣренъ.

Когда бы Польская армія здѣсь сосредоточена была передъ первой нашей переправой въ Осекѣ, поручивъ наблюденіе по Вислѣ способнымъ офицерамъ отъ Прусской границы до Модлина: то, имѣя три обыкновенныхъ перехода до обѣихъ оконечностей сего пространства, имѣла бы совершенно достаточно времени поспѣть еще до окончательной наводки нашего моста на пунктъ переправы и учинить ее почти невозможною.—Непріятель, хотя успѣлъ навесть свой мостъ при Вроцлавкѣ и даже переправилъ два баталіона, но свѣдавъ о прибытіи 1-го корпуса въ семи верстахъ отъ переправы, не отважился продолжать оную и, при первомъ появленіи нашего авангарда, бросилъ свой мостъ и поспѣшно началъ отступленіе къ Прусской границѣ, въ коей быстро преслѣдуемый укрылся, сдавъ артилерію и всю матеріальную часть арміи Пруссакамъ; они передали все въ наши руки.

Успѣхъ не всегда есть доказательство достоинства плана. Послѣ покойнаго фельдмаршала не оставалось ничего иного дѣлать, какъ то что̀ преемникомъ его было сдѣлано. Но задача приведена была этимъ до самаго труднаго оной рѣшенія. По моему мнѣнію для Русской арміи, дѣйствующей наступательно противъ непріятеля, лѣвый берегъ Вислы охраняющаго, укрѣпленную Варшаву, Прагу и Модлинъ въ своей власти имѣющаго, точка переправы лежитъ на верхней Вислѣ между Австрійской границей и устьемъ Вепржа.

3-го Ноября. Люблинъ—главная квартира и поворотная точка движеній. На семъ пространствѣ возможна даже пере-

права усильная, имѣя на своей сторонѣ преимущество въ артилеріи, и достаточны обыкновенные понтоны.

Знаю, что политическія наши отношенія были гораздо тѣснѣе съ Пруссіею нежели съ Австріею, и потому въ пособіяхъ по продовольствію гораздо менѣе встрѣчено затрудненій въ первой нежели бы то случилось въ послѣдней, особливо по случаю дурнаго урожая въ Галиціи, между тѣмъ какъ тоже самое было въ Волынской и Подольской губерніяхъ, граница коихъ служила бы нашимъ операціямъ основаніемъ, — все это указываетъ только одно, что продовольствіе арміи во время кампаніи стало бы дороже. Но преимущество военнаго соображенія несравненно выше выгодъ продовольствія, лишь бы сіе послѣднее не было вовсе невозможно. Быстрый успѣхъ есть лучшая экономія и одинъ вознаграждаетъ даже матеріально убытки войны.

Примѣчательное и еще многообѣщающее дарованіе показалъ въ сію войну князь Михайло Горчаковъ.

3-го Ноября. 1831-ый годъ, столь мрачно для меня начавшійся, съ 10-го Марта по 9-е Ноября, прошелъ въ трудахъ и занятіяхъ военныхъ въ Польшѣ, безпрерывнымъ обществомъ гр. П. П. Палена украшенныхъ. Конецъ не оправдалъ возбужденныхъ во мнѣ ожиданій положительными обѣщаніями. Кого обвинять? Полагаю, одни наступившія мирныя уваженія къ лицамъ. Получивъ этимъ право не дорожить своимъ положеніемъ въ арміи, я употребилъ настойчивость для полученія отпуска въ Яссы къ своей женѣ. 9-го оставилъ своего брата Петра и Варшаву, 14-го обнялъ своего добраго старшаго брата Карла въ Новоселицѣ въ Бессарабіи. Онъ проводилъ меня до Скулянъ на Прутѣ. Переправа на таможенномъ паромѣ не удалась за шедшимъ льдомъ и неисправностію пристани. Карантинный перевезъ меня на любезную мнѣ этотъ разъ Молдавскую землю. Въ 12-мъ часу ночи, весьма темной, коляска скакала по Ясскимъ улицамъ съ обычнымъ здѣсь крикомъ почталіоновъ, когда знакомый голосъ изъ выѣхавшей на встрѣчу кареты остановилъ меня. Я былъ у цѣли.—Здѣсь провелъ я мѣсяцъ полнаго счастья. Оно только и есть для человѣка въ семействѣ. Любимая и любящая жена есть безъ сравненія лучшій даръ Неба на землѣ. Намъ предстояло строгое испытаніе. Зима, казавшись ненадеж-

ною (хотя было уже 16-е Декабря), мы выѣхали на колесахъ. Въ двухъ верстахъ отъ города, что̀ еще было для насъ счастье, прекрасная, двумѣстная, совершенно новая Вѣнская карета, тяжело наложенная, вдругъ подалась на осѣвшія переднія рессоры, которыя повредились. Это было предвѣстіе только того что̀ намъ позже предстояло. Мы воротились въ Яссы и выѣхали 18-го, пересѣвъ въ четвероместную карету, прежде для женщинъ назначенную. Молдавію всю проѣхали скоро и пріятно, находя вездѣ готовыхъ лошадей, квартиру и проводы. Въ Боянахъ въѣхали въ Австрійскую Буковину. Вытерпѣвъ всѣ медленныя натяжки карантинныхъ и таможеннымъ чиновниковъ и невольный ночлегъ у помѣщика Струдзы, которому я вынужденъ былъ объяснить, что, не взирая на его большое состояніе, вѣжливость противъ иностранцевъ состоитъ для него не въ пріемѣ ихъ у себя, но въ отказѣ (ибо у всякаго Жида они найдутъ болѣе выгоды и удобства, нежели у него) мы выѣхали отъ него въ сумерки, для избѣжанія втораго подобнаго ночлега, въ надеждѣ поспѣть еще до ночи въ близкія Новоселицы къ брату. Все перенесенное въ Боянахъ настроило меня мрачно, и какое-то предчувствіе близкаго несчастія дотого угнетало мнѣ душу, что на ласки жены своей, желавшей меня развеселить близкимъ свиданіемъ съ любимымъ нами братомъ, отъ котораго уже были въ полутора верстѣ, я отвѣчалъ: „подожди, мы еще не доѣхали“, и не болѣе какъ черезъ двѣ минуты, карета на полной рыси слетѣла съ мосту колесами вверхъ. Я былъ только помятъ; но жену вынули съ трудомъ, безъ чувствъ, безъ признака праваго глаза, совершенно покрытаго мгновенно огромною, мертвеннаго вида, опухолью. Бросивъ карету на дорогѣ, по невозможности поднять ее, я перенесъ жену въ коляску, въ которой ѣхали женщины. Съ отчаяніемъ въ душѣ, довезъ ее до квартиры Австрійскаго офицера пограничной стражи, къ счастію сострадательнаго и образованнаго человѣка, котораго жена съ величайшею готовностію дала ей всѣ первыя пособія. Чувства возвратились; но ни за жизнь, а еще менѣе за глазъ отвѣчать нельзя было. Между тѣмъ пріѣхалъ и мой братъ, и мы общими усиліями перевезли несчастную въ его домъ, забывъ всѣ таможенные обряды. Австрійскій офицеръ послалъ поднять и доставилъ карету и всѣ вещи въ цѣлости, кромѣ разбитыхъ стеколъ. Боясь воспаленія въ го-

ловѣ, два доктора, жену пользовавшіе, употребили примочки снѣжной воды съ уксусомъ. Это и піявки около глазной опухоли были единственныя средства лѣченія и оказались совершенно дѣйствительны. Такъ прошли въ страданіи и печали Праздники Рождества и Новаго года.

Въ день моего пріѣзда я нашелъ въ Инвалидѣ свое новое назначеніе начальникомъ 2-ой драгунской дивизіи, но не зналъ, гдѣ она квартирами послѣ войны расположена была. Надобно было дождаться увѣдомленія изъ главной квартиры.

Получивъ его въ послѣднихъ числахъ Января, выѣхали изъ Новоселицы въ бездорожье, отъ котораго чрезвычайно потерпѣли. День провели въ Липкахъ у княгини Гики пріятно. Въ первыхъ числахъ Февраля пріѣхалъ въ свою дивизіонную квартиру, Александрію, Херсонской губерніи. Полки нашелъ невыгодно расположенные въ поселеніи 3-й кирасирской дивизіи. Здѣсь прожили три мѣсяца въ квартирѣ тѣсной, холодной, безъ мебели, безъ инаго знакомства, кромѣ военнаго; но таково тихое дѣйствіе семейной жизни, что, оставляя этотъ городъ, мы съ женою должны были согласиться, что провели три мѣсяца счастія, которымъ подобныхъ и въ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ желать можемъ. Здѣсь мы разстались: жена поѣхала за малюткой дочерью въ Яссы, я черезъ Кременчугъ (гдѣ переправилась дивизія) въ свою Блотницу и потомъ въ Харьковъ, гдѣ уже нашелъ корпуснаго командира и головной полкъ дивизіи. Труды и усилія прошедшей кампаніи не остались безъ вреднаго вліянія на мое здоровье: на смотру полка я упалъ въ обморокъ. 24-го Мая пріѣхалъ въ Бѣлгородъ, мою дивизіонную квартиру. 6-го Іюня пріѣхала и жена съ дочерью больною. Оставленная докторами и Небу порученная, она спасена; но остались послѣдствія болѣзни, которыя одно время и попеченія могутъ изгладить. Начало моего здѣсь пребыванія отъ того было весьма печально. Занятія службою, особливо во время кампамента отъ 15-го Августа до 15-го Сентября, служили мнѣ развлеченіемъ, часто пріятнымъ. Смотръ Государя въ послѣдній день былъ истинно-важнымъ для меня происшествіемъ, какъ по прежнимъ моимъ отношеніямъ, коимъ сей смотръ положилъ конецъ, такъ и по необыкновенному благоволенію за успѣхи, дивизіею сдѣланные. Къ довершенію пріятныхъ ощущеній се-

го времени, 20-го Сентября же, Небо даровало мнѣ сына Николая, котораго прекрасное младенчество теперь уже тѣшитъ меня. Боже сохрани его!

1833-й годъ.

1833-го года 31-го Января. Годъ начался весьма уединенно, но не скучно. Государь изъявилъ свое согласіе быть воспріемникомъ моего сына чрезъ письмо отъ г. Бенкендорфа и по командѣ офиціально. Небольшія непріятности изъ Курска. Высочайшее порученіе просмотрѣть сочиненіе г. Рошеймона о службѣ легкой кавалеріи въ полѣ, вмѣстѣ съ переводомъ ученаго комитета ко мнѣ присланное для исправленія и дополненія. Работа сія кончена, но я не весьма ею доволенъ. Надобно было съ основанія передѣлать эту книгу, или вовсе ея не имѣть на глазахъ. Кажется, дѣлаю ошибку отправленіемъ сей работы.

Важнѣйшія происшествія послѣднихъ мѣсяцевъ: Осада и взятіе Антверпена (Жераръ и Шассе). Возмущеніе въ Ирландіи (Оконнель).—Войска Египетскаго паши Махмета-Али подъ начальствомъ сына его Ибрагима занимаютъ Сирію, вступаютъ въ Малую Азію, одерживаютъ совершенную побѣду надъ великимъ визиремъ Решидомъ, который взятъ въ плѣнъ. Мы покуда спокойные зрители, на долго ли?—Донъ-Педро въ Опорто окруженъ войсками Мигуеля.—Герцогиня Берри захвачена и содержится въ Бле.—Заемъ 20 мил. серебромъ въ Голландіи нашимъ правительствомъ.—Наступило испытаніе Сѣверо-Американскому Союзу: Южная Каролина возстаетъ противъ тарифа и первая подаетъ голосъ къ разрыву Союза. Прокламація президента Жаксона.—Греческій король Оттонъ съ отрядомъ войскъ Баварскихъ отправился въ Грецію.

1833 г. 23-го Февраля. Бѣлгородъ. Тихо протекли первые два мѣсяца года, кромѣ преходящихъ выходокъ и сплетней изъ Курска, молчаніемъ отражаемыхъ.

Печальное извѣстіе отъ нашего посланника Потемкина въ Мюнхенѣ: 18-ти-лѣтній шуринъ мой Константинъ Ролла убилъ на поединкѣ молодаго офицера, принадлежавшаго одной изъ первыхъ въ Баваріи фамилій, и долженъ былъ въ бѣгствѣ искать спасенія отъ строгости законовъ. Гдѣ онъ, еще неизвѣстно.

1834 и 1835 годы.

1835 Ноября 13-го. Неужели слишкомъ два года прошли, не оставивъ ни одной замѣтки въ моихъ книгахъ? Вѣроятно нѣтъ, но онѣ затеряны въ которой нибудь изъ другихъ.

Посмотримъ сравнительный итогъ моего настоящаго положенія послѣ столь долгаго времени. Начнемъ съ физическаго состоянія. Здоровье мое все еще сильно, благодаря сложенію и правильной жизни, въ которой ежедневное умѣренное движеніе верхомъ и шалости съ дѣтьми приготовляютъ меня къ трудамъ, мѣсту и званію моему принадлежащимъ.

Старость подкрадывается вовсе непримѣтно, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ самому кажется, и только кое-гдѣ на головѣ серебряный волосъ напоминаетъ мнѣ 46-ть моихъ лѣтъ.

Четверо дѣтей оживляютъ мой домъ. Игры и рѣзвости ихъ веселятъ меня. Къ плачу и крику, безъ котораго и быть не можетъ, я почти совершенно привыкъ. Вотъ скоро шесть лѣтъ семейной жизни. Вмѣсто привычнаго охлажденія, она становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Уваженіе взаимное даетъ новое твердое основаніе любви. Время и внимательность сгладили многія шероховатости, неизбѣжныя при встрѣчѣ двухъ характеровъ пылкихъ и при такой значительной разницѣ въ лѣтахъ. Хорошій примѣръ многихъ лѣтъ устроилъ около насъ услугу, допускающую управленіе кроткое безъ вредной слабости. Нѣсколько слугъ обоего пола принадлежатъ, кажется, навсегда собственнымъ усердіемъ къ дому. Способы наши ограничиваются однимъ приличнымъ, безъ долговъ и безъ остатковъ. Будущее, какъ наше, такъ и дѣтей нашихъ, принадлежитъ Провидѣнію Божію. Еще я продолжаю служить съ силой тѣлесной и душевной и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не все прошедшее въ моей прежней службѣ забыто. Это наслѣдіе дѣтей, если не будетъ и другаго.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Двѣнадцать книжекъ „Рускаго Архива“ составять три большіе тома, съ приложеніями. Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 съ перес. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

6.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Іюля въ 16-й день, рано управясь, мы пошли отъ Цицилійскаго острова до Мальтійскаго чрезъ море, а Цицилія почала у насъ быть вправѣ.

Потомъ поровнялись противъ города, который называется Маникара, отъ города Адаволе восемь миль Итальянскихъ. Тотъ городъ на Цицилійскомъ же острову стоитъ при морѣ въ полугорѣ, строеніе въ немъ все каменное; около его есть пашни, по которымъ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали къ одному малому острову, который Гишпанцы называютъ Капо-Пасато, а Турки тотъ островъ называютъ Капо-Деоро, то есть голова золотая. Для того его Турки такъ называютъ, что около его Туркамъ бываетъ часто добыча. На томъ острову построена у Гишпанцевъ одна каменная башня; въ той башнѣ всегда живетъ Гишпанскихъ солдатъ 15 человѣкъ съ женами и дѣтьми для сторо́жи, а присылаются тѣ солдаты съ Цицилійскаго острову изъ города Палермы и перемѣняются погодно. Тѣмъ солдатамъ пятнадцати человѣкамъ Турецкіе люди, которые приходятъ въ корабляхъ и въ иныхъ судахъ, никакія шкоды учинить не могутъ, для того что построена та башня, въ которой тѣ солдаты сидятъ, изрядною крѣпостью. Отъ вышеписаннаго города Маникара до того острова, который называется Капо-Пасато, т.-е. голова прохожая, 12 миль Итальянскихъ. Подъ тѣмъ островомъ наѣхалъ я на двѣ галеры Мальтійскія и, пріѣхавъ я къ тѣмъ галерамъ, взошелъ на одну галеру, которая называется по-гишпански Нунціата, а по-славянску подъ знакомъ образа Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. На той галерѣ капитанъ и кавалеры Мальтійскіе приняли меня съ великимъ почтеніемъ и достойныя человѣческому видѣнію вещи на той галерѣ мнѣ всѣ съ охотою показывали; потомъ потчивали меня кефою и говорили о томъ, чтобъ я на той галерѣ ѣхалъ съ ними въ Мальтъ; и я того учинить

---

*) См. выше, стр. 5.

не похотѣлъ, для того что тѣ галеры имѣли стоять подъ тѣмъ островомъ еще отъ сего числа восемь дней. И въ томъ часѣ, какъ я на той галерѣ былъ, пришла къ капитану той галеры вѣдомость, что пришли близко тѣхъ галеръ три корабля Турецкихъ великихъ, на которыхъ было по 60 пушекъ на каждомъ, также и многолюдны гораздо; и въ томъ часѣ тѣ галеры обѣ пошли въ крѣпкія мѣста за островъ, для того что выйтить къ тѣмъ кораблямъ на море не могли за малолюдствомъ: всего на тѣхъ галерахъ было по сту по девяносто человѣкъ солдатъ да по двѣнадцати человѣкъ кавалеровъ Мальтійскихъ, а галіотовъ, т.-е. работниковъ по 300 человѣкъ, которые веслами гребутъ, у всякаго весла по шести человѣкъ. И стали тѣ галеры за островомъ ожидать тѣхъ вышепомяненныхъ Турецкихъ кораблей, а меня въ моей филюгѣ тѣхъ галеръ капитанъ поставилъ передъ галерами своими на сторожѣ отъ галеръ верстахъ въ трехъ. И такъ устрояся и ополчася какъ надлежитъ быть готовымъ судамъ морскимъ къ бою, стояли мы до 12-го часа того дни, а тѣ вышеписанные Турецкіе корабли увидѣли мы отъ себя верстъ за десять; а потомъ по малу тѣ корабли подавались моремъ, противъ насъ заѣзжая, и отъ галеръ къ тѣмъ кораблямъ капитанъ посылалъ въ баркѣ малыхъ людей осмотрѣть подлинно; и тѣ люди, пріѣхавъ, намъ сказали, что тѣ корабли идутъ по морю къ намъ мимо того помяненнаго острова Капо-Пасато. А для того тѣ корабли медленно къ намъ шли, что вѣтеръ былъ имъ противный; только у нихъ было распущено на кораблѣ по два паруса. А Мальтійскія вышеписанныя галеры для того на море и ходятъ, чтобъ гдѣ съѣхаться съ Турецкими людьми и биться; а съ тѣми кораблями свободно, выѣхавъ на великое море, биться не могли, для того что на тѣхъ корабляхъ Турковъ и пушекъ зѣло было много. Однакожъ тѣ галеры отъ нихъ не побѣжали, а стояли, ожидая ихъ, близко помяненнаго острова; также и я въ своей филюгѣ, гдѣ былъ поставленъ на сторожѣ, съ того мѣста безъ позволенія капитанскаго не уступилъ; а на землѣ былъ же караулъ съ моей филюги, который смотрѣлъ на тѣ корабли, чтобъ совершенно могли познать, какъ тѣ корабли придутъ къ намъ въ мѣру къ бою. А на томъ караулѣ многіе часы стоялъ я самъ, да и того смотрѣлъ, что и по другую сторону земли былъ одинъ портъ, т.-е. пристанище отъ того мѣста, гдѣ мы стояли въ одной верстѣ или ближе, и еслибъ тѣ Турецкіе корабли въ тотъ портъ вошли, и Мальтійскія бъ галеры, также съ ними и я, стали бъ надъ ними чинить промыслъ какъ можно. И тѣ корабли въ тотъ портъ не пошли, а шли великимъ моремъ и на первомъ часу ночи почали къ намъ кричать съ вышеписаннаго острова, который называютъ Турки Капо-Деоро, караульщики, чтобъ мы скоро пріѣхали

въ своей филюгѣ къ той фортецѣ, для того что тѣ вышеписанные корабли Турецкіе подкрались къ намъ изъ-за земли въ одну версту, и капитанъ съ галеръ прислалъ ко мнѣ двухъ мастеровъ берегомъ пѣшихъ, велѣлъ мнѣ съ того мѣста пріѣхать въ филюгѣ моей къ галерамъ. И я по капитанскому приказу въ филюгѣ своей пріѣхалъ къ его галерѣ, а тѣ галеры отдалися въ море для того, что чаяли отъ тѣхъ кораблей малыхъ барокъ въ ночи къ берегу для добычи и, ежели бъ тѣ Турецкія барки къ берегу подошли, чтобъ ихъ отъ берега въ море не пустить. И такъ мы ту ночь стояли всѣ, и караулы были поставлены отъ галеръ какъ надлежитъ; а одну филюгу, а въ ней восемь человѣкъ, капитанъ послалъ отъ галеръ тайно подъ тѣ корабли для подлинной вѣдомости, въ которыя мѣста пойдутъ или гдѣ будутъ стоять, для того что за ночнымъ мракомъ кораблей Турецкихъ было не видно.

Іюля въ 17-й день. Поутру рано, несмотря, что Турецкихъ кораблей близко насъ нѣтъ, пошли мы въ своей филюгѣ подлѣ берега и встрѣтили ту барку, которую посылалъ капитанъ отъ галеръ осматривать вышепомяненныхъ Турецкихъ кораблей. Изъ той барки посыльные люди мнѣ сказали, что той ночью Турецкіе корабли пошли на Полдень. И мы паки пошли подлѣ края Цицилійскаго острова въ филюгѣ своей и пришли до одного мѣста, которое называется Лятора-Пуцала, на томъ же Цицилійскомъ острову. Въ томъ мѣстѣ Лятора-Пуцала, на берегу морскомъ, при самомъ морѣ построена каменная башня высокая изрядною крѣпостью. Около той башни малое строеніе каменное и каплица, т.-е. малая западная церковь. Въ томъ же мѣстѣ живутъ 12 человѣкъ солдатъ съ женами и дѣтьми для сторо́жи отъ Турецкихъ людей. Не доѣзжая сего мѣста, наѣхали мы на морѣ на одну тартану, отъ которой къ намъ пріѣзжали въ баркѣ маринеры и сказали намъ, что той ночью вышеписанные корабли прошли мимо ихъ тартаны и пошли на Полдень въ тѣ мѣста, которыми мѣстами надлежитъ мнѣ въ своей филюгѣ ѣхать чрезъ море отъ Цицилійскаго острова къ Мальту. И стояли мы въ томъ мѣстѣ подлѣ вышеписанной сторо́жи тотъ день весь, и съ той стороны, на которой та башня стоитъ, усмотрѣли мы тѣ вышеописанные Турецкіе корабли: стояли они въ одномъ портѣ отъ насъ въ десяти верстахъ. И мы дожидались ночи, хотѣли идтить чрезъ море до Мальтійскаго острова ночью, чтобъ пройтить мимо тѣхъ вышеписанныхъ Турецкихъ кораблей тайно ночью, и съ вечера почалъ быть вѣтръ противный нашему надлежащему пути, и во всю ту ночь тотъ вѣтръ не престалъ; за тѣмъ мы той ночи въ Мальтъ пойтить черезъ море не могли, а стояли ту ночь при той вышеписанной сторожѣ.

Іюля въ 18-й день. Поутру рано, осмотря мы, что тѣ вышеписанные корабли Турецкіе изъ вышеписаннаго порта пошли, и мы также съ того мѣста, гдѣ ночевали, пошли же подлѣ берега Цицилійскаго острова и пришли къ одному мѣсту, которое называется Санктпетро, т.-е. св. Петра, на томъ же Цицилійскомъ острову. Въ томъ мѣстѣ пристанище малымъ судамъ, а жилье самое малое, отъ Лятора-Пуцала шесть миль Итальянскихъ. Въ томъ пристанищѣ святаго Петра наѣхали мы на филюгу, которая хочетъ идтить до Мальтійскаго острову; въ той филюгѣ маринеры сказали намъ, что они въ своей филюгѣ того вечера пошли было черезъ море на Мальтійскій островъ и, отшедъ отъ пристани св. Петра 30 миль Итальянскихъ, поворотились назадъ, для того что заступили имъ дорогу тѣ вышеписанные Турецкіе корабли, и въ Мальтъ они на филюгѣ своей дойтить не могли. И стояли мы въ томъ мѣстѣ, въ пристанищѣ св. Петра, того дни до 12-го часа, смотрѣли тѣхъ вышеписанныхъ Турецкихъ кораблей, гдѣ бы могли ихъ видѣть, и не могли нигдѣ усмотрѣть. Потомъ, за четыре часа до ночи, положа упованіе на Бога, отъ того помяненнаго пристанища св. Петра мы пошли отъ Цициліи черезъ море къ Мальтійскому острову на веслахъ, для того что вѣтру никакого не было; и вышеписанная филюга, которая поворотясь съ 30 миль отъ Турецкихъ кораблей стояла въ пристанищѣ св. Петра, пошла изъ того пристанища до Мальту съ нами вмѣстѣ и на дорогѣ отъ насъ осталась, для того что была тяжело нагружена людомъ и за нами поспѣть не могла. И такъ мы того дни до ночи и три часа ночи шли на греблѣ, а въ 4-мъ часу ночи припалъ намъ вѣтръ не добре великій, однакожъ къ Мальту способный, и мы на филюгѣ своей, поднявъ два паруса, побѣжали. А въ той ночи зѣло было пасмурно, и звѣздъ видѣть было невозможно, и которую звѣзду потребно было намъ видѣть, ту звѣзду заслонило тучею, и видѣть намъ ее было невозможно; а патронъ, т.-е. начальникъ филюги нашей, во мракѣ ночномъ съ праваго пути мало посбился, что́ я видѣвъ довольно съ нимъ говорилъ въ противность и мнилъ то, что онъ то дѣлаетъ съ лукавства и хочетъ меня завезть въ Барбарію, т.-е. въ Арапы. Потомъ тотъ патронъ позналъ самъ, что не такъ ѣдетъ, какъ надлежитъ ѣхать къ Мальту, и просилъ меня о томъ, чтобъ я путь филюги своей управлялъ. И за помощію Божіею управился нашъ путь къ Мальту добро, и во всю ночь бѣжали мы на двухъ парусахъ до самаго свѣту, и на первомъ часу Іюля 19-го числа увидѣли передъ собою Мальтійскій островъ, за что́ меня патронъ филюги нашей зѣло благодарилъ, что управился путь нашъ прямо къ Мальту. Въ томъ же часѣ, не доѣзжая до Мальту за десять или больше миль Итальянскихъ, съѣхались мы съ Турецкимъ вели-

кимъ кораблемъ и увидѣли его отъ себя въ дальнемъ разстояніи и не познали: чаяли, что тартана христіанская изъ Мальту идетъ. А Турки съ того корабля, увидѣвъ нашу филюгу, поворотили парусы къ намъ, а вѣтръ былъ имъ на насъ мало способный; и какъ тотъ корабль набѣжалъ на насъ близко, и мы, увидѣвъ, что то корабль, а не тартана и суть непріятельскій, почали мы подаватися къ Мальту; а тотъ корабль почалъ за нами правиться и угонять насъ, и гнался за нами три часа слишкомъ, перенимая намъ дорогу къ Мальту. И мы, видѣвъ, что тотъ корабль насъ угоняетъ и къ Мальту мы отъ него уже идтить не можемъ, вскорѣ на филюгѣ своей парусы переворотили подъ вѣтеръ, и почали маринеры гресть веслами и пошли тому кораблю въ противность, умысля то, чтобъ намъ тотъ корабль проплыть вскорѣ за вѣтеръ. И такъ, при помощи Божіей, встрѣчу того корабля ѣхавъ, проминули его зѣло въ близости. И какъ увидѣли Турки, что филюга наша пришла противъ ихъ корабля въ мѣру пушечной стрѣльбы, начали стрѣлять изъ пушекъ, а потомъ, какъ еще болѣе поровнялись мы съ кораблемъ ихъ, и они стрѣляли изъ мелкаго ружья по насъ; однакожъ Господь Богъ насъ пощадилъ: никого не убили и не ранили. И какъ увидѣли Турки, что мы корабль ихъ проминули за вѣтеръ, и не могутъ они намъ ничего уже учинить, паче жъ пригнались за нами въ Турино, близко самаго Мальту и, опасшись, чтобъ отъ Мальту не было на нихъ какихъ людей, скоро отъ насъ поворотились и побѣжали въ море; а мы, невидимою силою Божіею свободясь отъ тѣхъ псовъ бусурманъ, пріѣхали въ Мальтъ въ добромъ здоровьи.

Іюля въ 19-й день. Въ пятомъ часу дня пріѣхалъ я въ Мальтъ и въѣхалъ подъ городомъ Мальтомъ въ Мальтійскій портъ, т.-е. въ пристанище, гдѣ, не допустя нашей филюги до берегу сажень за 50, встрѣтилъ насъ въ баркѣ одинъ человѣкъ и взялъ у меня мои пашпорты, т.-е. проѣзжіе листы, которые я взялъ себѣ изъ Неаполя; и съ тѣми моими проѣзжими листами тотъ человѣкъ поѣхалъ отъ меня на берегъ, а намъ до указу къ берегу приставать не велѣлъ, и мы стояли подлѣ берега одинъ часъ. Потомъ тотъ же человѣкъ, который у меня проѣзжіе листы взялъ, паки ко мнѣ пріѣхалъ и сказалъ мнѣ, чтобъ мы свободно къ берегу приставали и въ городъ бы шли повольно; и я, изъ филюги вышедъ, пошелъ въ городъ Мальтъ и сталъ въ остаріи, которая называется Делорса. Въ той остаріи патронъ, т.-е. хозяинъ, породою Французъ, добрый человѣкъ порядился со мною за палату, въ которой мнѣ стоять и за постелю, на которой мнѣ спать и за пищу (за обѣдъ и за ужину) платить мнѣ ему по получервонному золотому; а солдатъ, который со мною былъ, ѣлъ особо и за пищу и за постель платилъ особо. И отвелъ мнѣ тотъ хозяинъ

палату изрядную, гдѣ спать и въ ней кровать съ завѣсомъ и постелею чистою; также въ той палатѣ столъ, и креселъ, и стуловъ довольно, да другую палату отвелъ мнѣ, гдѣ ѣсть, великую и кормилъ меня изрядно. И того дни я изъ той остаріи никуда не ходилъ, для того что еще самъ не осмотрѣлся и никакого себѣ въ Мальтѣ знакомца не сыскалъ.

Іюля въ 20-й день. Поутру послалъ я до двухъ кавалеровъ Мальтійскихъ съ листами, которые листы до тѣхъ вышеписанныхъ кавалеровъ писалъ одинъ Мальтійскій же кавалеръ изъ Неаполя, и просилъ ихъ о томъ, чтобъ они явились ко мнѣ любовны и показали бъ ко мнѣ всякую ласку. Изъ тѣхъ помяненныхъ Мальтійскихъ двухъ кавалеровъ одинъ, который называется Іосифъ Маноель Полявичина, тотчасъ ко мнѣ пришелъ и сидѣлъ у меня время довольное и сказалъ мнѣ, что онъ о моемъ пріѣздѣ въ Мальтъ сего числа объявить гранмейстеру, т.-е. начальнику Мальтійскому и что̀ отъ него обо мнѣ будетъ приказано, о томъ обѣщалъ мнѣ въ вѣдомость учинить. А другой Мальтійскій кавалеръ, къ которому было обо мнѣ письмо изъ Неаполя отъ помяненнаго кавалера, того числа ко мнѣ не пришелъ, для того что онъ гораздо старъ и боленъ, а есть кавалеръ великій, одинъ изъ тѣхъ, которые называются гранкруцы; тѣ носятъ великіе кресты бѣлые нашиты на черныхъ епанчахъ на плечѣ и подъ гранмейстеромъ Мальтійскимъ первые люди. И сего утра я изъ остаріи, въ которой стоялъ, никуды не ходилъ; а по обѣдѣ того числа гранмейстеръ Мальтійскій прислалъ ко мнѣ карету свою и того помяненнаго кавалера Іосифа Маноеля, и просилъ меня тотъ кавалеръ отъ гранмейстера, чтобъ я въ той каретѣ пріѣхалъ къ тому гранмейстеру въ домъ, и я въ той каретѣ ко гранмейстеру въ домъ его пріѣхалъ. И домъ его великій, много на немъ палатъ строенія каменнаго изряднаго, и взошелъ къ нему въ палаты по круглой лѣстницѣ, которая сдѣлана предивнымъ мастерствомъ и зѣло широка и просторна, и вверху передъ палатами стоитъ караулъ солдатъ человѣкъ съ 20. Потомъ вошелъ въ сѣни зѣло великія, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы; въ тѣхъ сѣняхъ стоятъ гранмейстеровы кавалеры, т.-е. его домовые люди. Потомъ вошелъ въ палату зѣло великую, длинную; та палата будетъ сажень 15 трехаршинныхъ или больше, убрана изрядно, обита вся камками червчатыми изрядными, а поверхъ обою подъ подволоками убрана письмами Италъянскими предивными. Въ той палатѣ сдѣлано у передней стѣны мѣсто гранмейстерово, и надъ тѣмъ мѣстомъ сдѣланъ балдахинъ изрядный. Изъ той палаты вошелъ въ другую палату; та палата меньше первой, однакожъ велика, во всѣ стѣны равной мѣры, также обита вся камками червчатыми, и въ той палатѣ мѣсто

гранмейстеру сдѣлано подъ изряднымъ же балдахиномъ. Изъ той палаты еще вошелъ въ палату невеликую, также вся обита червчатыми камками. Въ той палатѣ встрѣтили меня кавалеры Мальтійскіе и привѣтствовали изрядно. Потомъ вошелъ еще въ палату, въ которой самъ гранмейстеръ стоитъ осередь палаты; та палата обита вся камками червчатыми. И какъ я въ ту палату вошелъ, и гранмейстеръ подступилъ ко мнѣ и, снявъ шляпу, кланялся мнѣ и говорилъ такъ: я-де себѣ почитаю за великое счастье, что ты-де великаго государя человѣкъ изъ великихъ краевъ пріѣхалъ видѣть охотою мое малое владѣтельство, сей Мальтійскій островъ. Также и я ему кланялся, благодарствовалъ за къ себѣ любовную пріемность и просилъ его о томъ, чтобъ онъ мнѣ далъ повольность на Мальтійскомъ острову смотрѣть всякихъ вещей, что̀ надлежитъ форестиру, т.-е. иноземцу, видѣть, на которое мое прошеніе съ охотою мнѣ позволеніе далъ и велѣлъ тому помяненному кавалеру возить меня въ своей каретѣ, гдѣ я похочу смотрѣть, и для того далъ мнѣ свою карету. По тѣхъ разговорахъ просилъ меня гранмейстеръ, чтобъ я надѣлъ шляпу, и самъ онъ свою шляпу надѣлъ также и, свою шляпу надѣвъ, разговаривали съ нимъ стоя; а при немъ былъ одинъ кавалеръ въ той палатѣ, въ которой я съ нимъ стоялъ, да другой кавалеръ тотъ, который со мною пріѣхалъ Іосифъ Маноель; а тѣ кавалеры, которые меня встрѣтили въ другой палатѣ были, а ко гранмейстеру въ палату по обыкности своей не входили. И какъ по разговорахъ я отъ него изъ палаты пошелъ, и онъ, мнѣ поклонъ отдавъ, отпустилъ меня любовно и того вышепомяненнаго кавалера, который со мною къ нему пріѣхалъ, Іосифа Маноэля послалъ паки со мною и велѣлъ ему при мнѣ служить во всякихъ моихъ потребахъ. И какъ я отъ него изъ палаты вышелъ въ другую палату, и въ той палатѣ паки меня кавалеры привѣтствовали, и я, имъ поклонъ отдавъ, пошелъ до кареты съ помяненнымъ кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ, а тотъ кавалеръ Іосифъ Маноель породою Туринецъ, и домъ его есть въ Туринѣ подъ властію дука Савойскаго.

Потомъ пришелъ въ церковь Римской вѣры Іоанна Предтечи. Та церковь въ Мальтѣ соборная зѣло велика и пречуднымъ мастерствомъ сдѣлана изъ великаго богатства, въ той церкви много серебра и всякихъ вещей, въ той же церкви двои органы изрядные, столпы въ томъ костелѣ сдѣланы изъ зеленаго мрамору, около ихъ рѣзьбы алебастровыя золоченныя, своды и стѣны въ той церкви рѣзаны предивнымъ мастерствомъ изъ алебастру жъ и золоченыхъ мѣстъ множество промежъ алебастровыхъ рѣзьбей. Писана та церковь преузорочнымъ живописнымъ Итальянскимъ мастерствомъ, также иного всякаго украше-

нія въ той церкви много, котораго подробну описать трудно. Въ той церкви видѣлся я съ кавалеромъ, къ которому обо мнѣ было письмо изъ Неаполя отъ Мальтійскаго жъ кавалера. Тотъ кавалеръ зѣло старъ и боленъ, однакожъ ко мнѣ явился любовенъ и просилъ меня о томъ, чтобъ я по времени, когда мнѣ будетъ свободно, пріѣхалъ бы къ нему въ домъ.

Потомъ изъ той церкви поѣхалъ я до остаріи, въ которой стоялъ, и вышеписанный кавалеръ Іосифъ Маноель со мною же поѣхалъ, для того что часъ того времени былъ жарокъ; и въ той остаріи съ вышеписаннымъ Мальтійскимъ кавалеромъ мало позабавились лимонадами. Потомъ, какъ часъ горячести преминулъ, паки вышепомяненная гранмейстерова карета ко мнѣ пришла, и прислалъ ко мнѣ гранмейстеръ камарера своего, т.-е. покоеваго человѣка, велѣлъ меня спросить меня о здоровьи и говорить о томъ, буде есть мнѣ до него какія потребы, чтобъ я ему о томъ говорилъ, а онъ мнѣ по прошенію моему обѣщалъ дѣлать. За ту его любовь я ему благодарствовалъ чрезъ того жъ его ко мнѣ присланнаго, а нуждъ до него просительныхъ никакихъ не имѣлъ. И въ вышепомяненной его каретѣ съ кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ поѣхали смотрѣть фортецы, т.-е. города Мальта. И пріѣхалъ въ ворота, которые называются Портадереало, и ѣздилъ по фортецѣ, смотрѣлъ какимъ кышталтомъ сдѣлана и съ какими крѣпостьми. И той фортецы мастерства и крѣпостей никакими дѣлы именно описать въ скорости невозможно, для того что умъ человѣческій скоро не обыметъ подлинно о томъ писать, какъ та фортеца построена; только объ ней напишу, что суть во всемъ свѣтѣ предивная вещь, и не боится та фортеца приходу непріятельскаго со множествомъ ратей кромѣ воли Божеской. И смотря я той фортецы, объѣхалъ нѣкоторую ея часть и пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ, для того что приспѣлъ часъ ночи.

Іюля въ 21-й день. Поутру тотъ вышеимянованный кавалеръ Іосифъ Маноель пришелъ ко мнѣ въ остарію, въ которой я стоялъ, и просилъ меня о томъ, чтобъ я пошелъ съ нимъ смотрѣть Мальтійскія оружейныя палаты, и я по прошенію его съ нимъ пришелъ на оружейный дворъ, гдѣ видѣлъ сидятъ оружейные мастера и дѣлаютъ ружья. Потомъ проводили меня въ верхнія палаты, которыя зѣло велики, и въ нихъ множество ружья всякаго, убрано изрядно, также множество уборовъ желѣзныхъ, латъ изрядныхъ, бартерцовъ, шишаковъ, щитовъ и иныхъ уборовъ воинскихъ, между которыми уборами видѣлъ и три бартерца изрядныхъ, которые взяли Мальтійцы въ прежнія лѣта на Турецкихъ корабляхъ съ Турецкими пашами. Въ той же палатѣ видѣлъ пушку немалую сдѣлану изъ кожи телятинной, а мѣди въ ней

положено самое малое число, тонѣе одного перста, а поверхъ мѣди все кожа; и сказали мнѣ, что та пушка къ стрѣльбѣ зѣло крѣпка.

Въ той же палатѣ видѣлъ десять пищалей затинныхъ желѣзныхъ, которыя отъ запаловъ сдѣланы изрядными штуками, и сказали мнѣ, что въ тѣхъ палатахъ всякихъ военныхъ уборовъ и ружья есть на 60,000 человѣкъ всегда готово. Въ той же палатѣ видѣлъ множество бандлеровъ и пульварзановъ, въ той же палатѣ особо положено множество мушкатоновъ, которые зѣло потребны на корабли и на галеры.

Сошедъ изъ той палаты, видѣлъ на томъ оружейномъ дворѣ два барана Барбарійскихъ, т.-е. Арабскихъ, которые зѣло велики, гораздо больше Ординскихъ великихъ овецъ, шерсть на себѣ имѣютъ красную и зѣло длинную, хвосты у нихъ зѣло жъ длинны и толсты, на головахъ у нихъ по четыре рога великихъ.

Изъ того оружейнаго двора пошелъ я къ себѣ въ остарію, гдѣ стоялъ, а помяненный кавалеръ Іосифъ Маноель пошелъ до магистрату, имѣлъ себѣ нѣкоторую нужду и обѣщалъ ко мнѣ придтить въ остарію обѣдать. И во время обѣда тотъ кавалеръ пришелъ и, обѣдавъ со мною, сидѣлъ у меня того дня до вечерень, а въ вечерни мы съ нимъ пошли въ баркѣ отъ города Мальта на другую сторону Мальтійскаго порту смотрѣть одной фортецы, которая называется Деригазоли. Та фортеца построена на краю Мальтійскаго порту противъ самого города Мальта на другой сторонѣ зѣло изряднымъ мастерствомъ и неудобь-сказаемыми крѣпостьми на каменной горѣ, вся сдѣлана изъ бѣлаго твердаго камени пречуднымъ разумомъ. Какіе въ той крѣпости подѣланы крѣпости, бастіоны, бельварды и иныя всякія дѣла, того описать подробну не можно; также подѣланы предивные погребы на порохъ и на всякіе припасы зѣло пречуднымъ вымысломъ, и какія крѣпости учинены отъ непріятельскихъ бомбовъ, того описать подлинно не могу; и такъ говорятъ, что та фортеца во всемъ свѣтѣ предивное чудо и еще мало не докончена, и нынѣ непрестанно 250 работныхъ людей дѣлаютъ и чаютъ окончить все вскорѣ. Въ той фортецѣ сдѣлана одна небольшая церковь Римская во имя св. Чудотворца Николая. Въ той же фортецѣ семь колодезей изрядной чистой воды, въ той же фортецѣ подѣланы покои изрядные солдатамъ подлѣ стѣнъ, гдѣ живутъ солдаты съ женами и дѣтьми; въ той же фортецѣ много изрядныхъ пушекъ великихъ и малыхъ надъ воротами; въ той фортецѣ построены зѣло изряднымъ мастерствомъ палаты великія для губернатора. А какъ я въ ту фортецу вошелъ, и меня той фортецы губернаторъ встрѣтилъ съ товарищи своими въ воротахъ, гдѣ стояло солдатъ для гвардіи человѣкъ съ 30. Тотъ губернаторъ, кавалеръ Мальтійскій, молодецъ изрядный, принялъ меня съ почтеніемъ изрядно и

просилъ о томъ, чтобъ я съ нимъ мало посидѣлъ въ воротахъ, гдѣ было много поставлено изрядныхъ стуловъ, для того что еще отъ солнечнаго паленія было жарко; и я тутъ съ нимъ сидѣлъ, гдѣ онъ меня потчивалъ лимонадами, а какъ время горячести солнечной преминуло, и я съ тѣмъ губернаторомъ гулялъ по всей фортецѣ и смотрѣлъ всякихъ крѣпостей. Потомъ запросилъ меня тотъ губернаторъ до своихъ палатъ, въ которыхъ у него видѣлъ я изрядные уборы, и въ тѣхъ его палатахъ посидѣли мало, забавились лимонадами. И пошелъ я изъ той фортецы до своей барки, въ которой пріѣхалъ, и тотъ вышеписанный губернаторъ проводилъ меня съ изрядной учтивостью за ворота, и я, ему поблагодарствовавъ за его любовь, поѣхалъ къ себѣ въ остарію. И какъ пріѣхалъ къ берегу подъ городъ Мальтъ, тутъ стояла гранмейстерова карета, дожидалась меня; и я вышедъ изъ барки въ той каретѣ пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ, а кавалеръ Іосифъ Маноель проводилъ меня до воротъ той остаріи и пошелъ до своего дому. А какъ я изъ той фортецы въ баркѣ ѣхалъ и поровнялся противъ одного Аглинскаго корабля, на которомъ былъ капитанъ Аглинскій мнѣ знакомецъ добрый; тотъ капитанъ, увидѣвъ меня съ корабля, съ великимъ привѣтствомъ мнѣ кланялся и радъ бы былъ, чтобъ я къ нему на корабль вошелъ, что̀ я учинить не могъ, для того что тотъ корабль стоялъ въ контомаціи, потому что пришелъ изъ Леванту, т.-е. съ Востоку, и по обыкности Мальтійской на тотъ корабль, также и съ того корабля въ городъ до урочныхъ дней никто не ходитъ подъ заказомъ крѣпкимъ для опасенія болѣзней, что на Востокѣ бываетъ часто моровое повѣтріе. И такъ я съ тѣмъ Аглинскимъ капитаномъ издалека поклонясь разъѣхались, и тотъ Аглинскій капитанъ въ ночи прислалъ ко мнѣ одного Мальтійскаго марканта, т.-е. купца, который ему суть пріятель, и просилъ меня о томъ, чтобъ я, ежели хочу ѣхать въ Гишпанскіе или во Французскіе городы, чтобъ ѣхалъ я на его караблѣ для того, чтобъ не имѣлъ страху отъ Турковъ и, ежели бъ я на его кораблѣ хотѣлъ ѣхать, и онъ обѣщалъ меня дожидаться въ Мальтѣ, сколько времени мнѣ будетъ потребно. За ту его ласку я ему чрезъ того присланнаго благодарствовалъ, а ѣхать на его кораблѣ изъ Мальту не хотѣлъ, для того что я имѣлъ замыслъ ѣхать изъ Мальту паки до Неаполя, а изъ Неаполя до Риму.

Іюля въ 22-й день. Поутру рано вышепоименованный кавалеръ Іосифъ Маноель пришелъ ко мнѣ въ остарію; потомъ привезли ко мнѣ гранмейстерову карету, и я въ той каретѣ съ кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ поѣхалъ смотрѣть шпиталя. Тотъ шпиталь построенъ изъ общей казны Мальтійской для покою болящимъ и есть великъ гораздо;

въ томъ шпиталѣ построены палаты длинныя, сажень по 50 и больше, а шириною сажень по шести. Въ тѣхъ палатахъ поставлены кровати съ завѣсами и постели хорошія, на которыхъ лежатъ больные, каждому болящему особая кровать и постеля. Въ срединѣ тѣхъ палатъ сдѣлана церковь малая, и по вся дни бываетъ въ ней служба Римская для больныхъ. Къ тѣмъ болящимъ по вся дни приходятъ дохтуры и лекари и лечатъ ихъ безъ платы. Тѣмъ болящимъ на всякій день служитъ кавалеръ, перемѣняясь поденно, разныхъ государствъ кавалеры: Французы, Цесарцы, Итальянцы, Поляки, Гишпанцы и иныхъ земель; кормятъ тѣхъ болящихъ всегда съ серебра; тарелки и ложки, и блюда, и чаши, и ставцы, и солонки—все серебрянные, и всякое упокоеніе чинятъ болящимъ Христа ради общею казною. Подъ тѣми палатами, въ которыхъ лежатъ болящіе, сидятъ невольники Турки и Барбарешки; а наверху тѣхъ палатъ, въ которыхъ лежатъ больные, построены палаты изрядныя для всякихъ покоевъ болящимъ. Въ томъ же домѣ между палагъ построенъ изрядный садъ, и въ немъ фонтаны для утѣхи больнымъ. Около того дому построены палаты, въ которыхъ живутъ челяди, которые болящимъ служатъ, и бываетъ въ томъ шпиталѣ по 1000 человѣкъ болящихъ; а какъ я былъ, въ то время было больныхъ только 200 человѣкъ. А больныхъ въ тотъ шпиталь принимаютъ всякаго чину, кто бъ ни пришелъ, только бъ былъ христіанинъ, а басурманамъ болящимъ подѣланы особые покои въ томъ же шпиталѣ. Изъ того шпиталя поѣхалъ я съ тѣмъ же кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ въ той же гранмейстеровой каретѣ къ одному кавалеру, который носитъ гранкруцъ, т.-е. великій крестъ, до котораго обо мнѣ было прислано изъ Неаполя отъ Мальтійскаго же кавалера просительное письмо, чтобъ онъ ко мнѣ былъ пріятенъ. Тотъ кавалеръ называется Каравита и есть породы честной и зѣло старъ и боленъ, однакожъ меня принялъ къ себѣ въ домъ съ великою любовью, встрѣтилъ меня на крыльцѣ и, вшедъ въ палаты, сидѣлъ я съ нимъ время довольное, имѣя между собою разговоры Итальянскимъ языкомъ. Потомъ я отъ него пошелъ, и онъ меня чрезъ силы проводилъ до кареты, и оттуды я поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ. Того кавалера Каравита домъ построенъ зѣло изрядно, много у него палатъ, и уборы въ палатахъ изрядные, обитья камчатныя, зеркалъ и картинъ изрядныхъ много, также и людей при немъ служитъ немало изрядныхъ молодцовъ. И того дни до обѣда изъ остаріи никуда не ѣздилъ. Того жъ числа по обѣдѣ тотъ же кавалеръ Іосифъ Маноель пришелъ ко мнѣ въ остарію, а потомъ пришелъ другой кавалеръ и сидѣли у меня немалое время, и за два часа до ночи пришла ко мнѣ гранмейстерова карета, и я съ кавалеромъ Іосифомъ Маное-

лемъ въ той каретѣ поѣхалъ гулять; а другой кавалеръ, который у меня былъ, пошелъ отъ меня къ себѣ. И пріѣхали мы въ одинъ домъ, гдѣ стоятъ Мальтійскихъ кавалеровъ семь человѣкъ; изъ тѣхъ одинъ просилъ меня, чтобъ я вошелъ къ нему въ камору по такому знакомству, что онъ былъ у меня въ остаріи, гдѣ я стоялъ, вчерашняго числа. И я, пришедъ къ нему въ камору, смотрѣлъ картъ морскихъ и географическихъ, и потчивалъ онъ меня лимонадами и, забавясь у него недолго, поѣхалъ отъ него гулять, и онъ самъ поѣхалъ со мною и пріѣхалъ къ одной фортецѣ, которая называется Сальталина. Той фортецы губернаторъ встрѣтилъ меня въ воротахъ и принялъ съ любовью, и я въ той фортецѣ смотрѣлъ всего, что̀ надлежитъ видѣть. Та фортеца не велика гораздо, построена на углу города при самомъ морѣ съ великими изрядными крѣпостьми; на той фортецѣ много изрядныхъ великихъ пушекъ, на той же фортецѣ построена башня круглая зѣло великая, на верху той башни поставленъ великій фонарь, въ которомъ съ перваго числа Декабря по Св. Пасху по вся ночи запаляютъ по 40 лампадъ деревяннаго масла для того, которые христіане ѣздятъ въ ночахъ по морю, чтобъ могли издалека видѣть Мальтійскій островъ. На той же фортецѣ ставятъ знаки малые холстинные на шестахъ для того, чтобъ караульщикъ, который стоитъ на той фортецѣ, подлинно бъ видѣлъ, въ которой часъ бываетъ на морѣ который вѣтеръ, и какъ увидитъ въ морѣ далеко какое судно, чтобы могъ знать, которымъ вѣтромъ то судно бѣжитъ. Та фортеца въ Мальтѣ построена въ древнія лѣта и прежъ сего за много лѣтъ, какъ приходили въ Мальтъ Турки и ту фортецу взяли; въ той фортецѣ въ то время было 100 человѣкъ кавалеровъ Мальтійскихъ, которые не хотѣли отдаться живы басурманамъ и всѣ въ той фортецѣ побиты, въ малыя штуки отъ басурманъ изсѣчены. Въ той же фортецѣ въ то время былъ и самъ Мальтійскій гранмейстеръ, и во время того приступу тому гранмейстеру оторваны были изъ пушки обѣ ноги, однакожъ и безъ ногъ, сидя въ креслахъ на той фортецѣ, взялъ два пистоля, не пустилъ къ себѣ Турковъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ его убили. А нынѣ та фортеца предъ прежнимъ укрѣплена зѣло и обведена новою стѣною съ тремя бельвардами предивной крѣпости, и къ той фортецѣ нынѣ не можетъ никакое судно по морю подойтить близко. Въ той фортецѣ живутъ солдаты съ женами и дѣтьми. Въ той же фортецѣ съ осаднаго времени много проведено водъ чистыхъ изрядныхъ по желобамъ; въ той же фортецѣ внизу сдѣлана одна палата, въ которую сажаютъ кавалеровъ за вины по разсужденію. И осмотря мы той фортецы, изъ нея пошли до кареты, и губернаторъ той фортецы проводилъ меня за ворота и, отдавъ поклонъ, отпустилъ съ лю-

бовью. Отъ той фортецы пріѣхалъ я въ остарію, въ которой стоялъ, и тѣ два кавалера Іосифъ Маноель и другой, у котораго я въ каморѣ былъ, проводили меня до той остаріи.

Іюля въ 23-й день. Поутру пришелъ ко мнѣ тотъ же кавалеръ Іосифъ Маноель, потомъ пришла гранмейстерова карета, и я въ той каретѣ съ тѣмъ кавалеромъ поѣхалъ смотрѣть Мальтійскаго города крѣпостей, и пріѣхали на одинъ бельвардъ, который называется Поста-де-Италія. Тотъ бельвардъ великій и зѣло изрядною крѣпостью сдѣланъ отъ моря и отъ земли на высокой каменной горѣ; и около его рвы подѣланы предивнымъ мастерствомъ и несказанною крѣпостью. На томъ бельвардѣ въ верхнемъ и въ нижнемъ бою 38 пушекъ зѣло великихъ и преизрядныхъ, между которыми одна безмѣрно велика взята у Турокъ, когда Турецкія рати приходили въ прежнихъ лѣтахъ подъ Мальтъ, а другая такая жъ пушка великая въ тожъ время взята у Турокъ и уронена въ море близко берега, гдѣ и нынѣ видима лежитъ, а вынять той пушки никакими мѣрами изъ моря не могутъ; много разныхъ инструментовъ на то было дѣлано, чтобы ту пушку могли изъ моря вынуть и не могутъ. Тотъ помяненный бельвардъ для того называется Поста-де-Италія, что во время непріятельскаго приходу къ Мальту на томъ бельвардѣ сидятъ Мальтійскіе кавалеры породою Итальянцы, и оберегаютъ они его. И построенъ тотъ бельвардъ казною Мальтійскихъ кавалеровъ, которые породою Итальянцы.

Потомъ отъ того бельварду поѣхалъ я съ тѣмъ же кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ на другой бельвардъ, который называется Поста-ди-Кастилія. На томъ бельвардѣ на верхнемъ и на нижнемъ бою по 15 пушекъ зѣло великихъ, изъ которыхъ одна пушка пребезмѣрно велика и длинна зѣло и такимъ дивнымъ мастерствомъ сдѣлана, что удивленія достойна. Тотъ бельвардъ сдѣланъ на углу отъ моря не гораздо на высокомъ мѣстѣ и очищаетъ входъ въ портъ Мальтійскій, т.-е. въ пристанище, чтобъ непріятель не могъ войтить никакимъ судномъ въ то пристанище. На томъ бельвардѣ подѣланы изрядные огороды, гдѣ родятся многіе разные фрукты, и на томъ же бельвардѣ сдѣлана изрядная фонтана, изъ которой истекаютъ сладкія чистыя воды для всякихъ потребъ. А на обоихъ вышеписанныхъ бельвардахъ пушки всѣ мѣдныя изряднымъ размѣромъ сдѣланы, а надъ ними подѣланы на каменныхъ высокихъ столпахъ изрядныя крѣпкія кровли, чтобъ во время дождя пушекъ не мочило, и подъ тѣми пушками подѣланы станки изрядною препорціею зѣло крѣпкіе.

Потомъ поѣхалъ я къ себѣ въ остарію для того, что почало быть отъ солнечной горячести жарко.

Того жъ числа по обѣдѣ тотъ же кавалеръ Іосифъ Маноель пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію и, побывъ у меня, поѣхали мы съ нимъ въ баркѣ на другую сторону Мальтійскаго порту смотрѣть одной фортецы, которая называется Санто-Анело. Та фортеца не велика, построена на высокой каменной горѣ изряднымъ мастерствомъ, вся сдѣлана изъ бѣлаго камени предивною крѣпостью, и пушекъ въ ней множество великихъ и малыхъ. Въ той фортецѣ сдѣланы къ морю четыре боя, одинъ одного выше, а на всѣхъ поставлено много пушекъ, надъ которыми поставлены на столпахъ каменныхъ изрядныя кровли. Въ той же фортецѣ сдѣлана церковь Римская изрядная; въ той же фортецѣ построены домы солдатскіе, въ тѣхъ домахъ живутъ солдаты съ женами и съ дѣтьми. Въ той фортецѣ живетъ губернаторъ, домъ его не великъ, а построенъ изрядно, всходы снизу въ ту фортецу подѣланы предивные пространные и отлогіе безо всякой нужды. По тѣмъ всходамъ въ ту фортецу можно ввозить пушки и всякіе припасы. Та фортеца поставлена противъ входу въ Мальтійскій портъ, т.-е. въ пристанище, чтобъ возбраняла входъ въ то пристанище всякимъ непріятельскимъ судамъ. Потомъ изъ той фортецы поѣхалъ я въ той же баркѣ и, погулявъ по морю время довольное, пріѣхалъ паки къ берегу, гдѣ меня дожидалась гранмейстерова карета. Въ той каретѣ пріѣхалъ я въ остарію, въ которой стоялъ; а вышепомяненный кавалеръ Іосифъ Маноель, проводя меня до остаріи, пошелъ къ себѣ.

Іюля въ 24-й день. Рано прислалъ ко мнѣ гранмейстеръ того жъ кавалера Іосифа Маноеля, а съ нимъ другихъ кавалеровъ 5 человѣкъ и 5 колясокъ, и просили меня тѣ кавалеры Мальтійскіе отъ лица гранмейстера, чтобъ я съ ними въ тѣхъ колясках поѣхалъ гулять въ одно мѣсто, которое называется Бушкетно, котораго ихъ прошенія я не могъ преслушать и поѣхалъ съ ними въ тѣхъ колясках, гдѣ имъ было потребно. И прежде пріѣхали на мѣсто, которое называется Грото-ди-сан-Павло, то есть пещера св. Павла Апостола, въ которой пещерѣ пребывалъ св. Апостолъ Павелъ, когда былъ въ Мальтійскомъ островѣ со Евангелистомъ Лукою. На томъ мѣстѣ построена церковь Римская великая, изряднымъ мастерствомъ сдѣлана. По сторонѣ той великой церкви сдѣлана церковь небольшая, въ той церкви видѣлъ я часть руки св. Апостола Павла. Подъ тою церковью сдѣланы возлѣ двѣ малыя церкви, одна во имя св. Апостола Павла; въ той церкви на алтарѣ поставленъ образъ Апостола Павла рѣзной изъ алебастру, изрядною же работою сдѣланъ; а другая малая церковь во имя Евангелиста Луки, обѣ тѣ церкви Римскія, также и въ той церкви образъ Евангелиста Луки рѣзной изъ алебастру, предивнымъ же мастерствомъ сдѣланъ и поставленъ на алтарѣ по правую сторону. Когда идешь въ тѣ малыя цер-

кви, въ землѣ есть малая пещера высѣчена изъ камени, гдѣ было пребываніе Павла съ Лукою Евангелистомъ. Въ той пещерѣ поставлены образы св. Павла и св. Луки рѣзные изъ алебастру предивнымъ мастерствомъ, и передъ ними всегда горитъ лампада. Въ той пещерѣ христіане берутъ землю и каменья съ вѣрою приходящіе себѣ на освященіе; въ той же пещерѣ находятся изряднымъ подобіемъ каменія бѣлыя, также и другія вещи, которыя называютъ будто змѣиные очи и языки, и сказываютъ, что бываетъ отъ нихъ исцѣленіе молитвами св. Апостола Павла; а то суть для того, что на томъ Мальтійскомъ островѣ Апостола Павла укусила ехидна. Отъ той пещеры то мѣсто 15 миль Итальянскихъ, и въ то время св. Павелъ ту ехидну, которая его укусила, отъ руки своей отрясъ въ огонь и проклялъ всѣхъ ехиднъ, бывшихъ на Мальтійскомъ острову, и до нынѣ которыя есть на Мальтійскомъ острову ехидны тѣ не вредятъ человѣка; а который человѣкъ, имѣя въ рукѣ землю или камень отъ пещеры Апостола Павла, тотъ стоя съ землею или съ камнемъ можетъ взять въ руку ехидну, а она его вредити не можетъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ обрѣтаются камни бѣлые подобны ехиднамъ; о томъ сказываютъ, будто тѣ ехидны, которыя были во время бытности св. Павла и его проклятіемъ всѣ окаменѣли и нынѣ находятся тамъ по горамъ и по полямъ и въ землѣ.

Недалеко отъ той помяненной пещеры есть одинъ курганъ недобре высокъ и не великъ; около его сдѣлана ограда каменная невысокая жъ, а на верху того кургана сдѣланъ одинъ каменный невысокій столпъ, на томъ столпѣ поставленъ образъ Апостола Павла, вырѣзанъ изъ алебастру въ мѣру человѣческаго возрасту предивнымъ мастерствомъ; а сдѣлано то для того, что св. Павелъ во время бытности своей на Мальтійскомъ острову всегда восходилъ на тотъ помяненный курганъ и проповѣдалъ Христа быти истиннаго Бога и совершенна человѣка, поучая народы бывшіе въ болванохвальствѣ и приводя ихъ въ Христову вѣру, и въ то время обитающіе на Мальтійскомъ острову проповѣдью его познали истиннаго Бога.

Потомъ вышепомяненные Мальтійскіе кавалеры, которые были посланы со мною отъ гранмейстера, просили меня о томъ, чтобъ я поѣхалъ съ ними недалеко отъ церкви св. Апостола Павла смотрѣть дому гранмейстерова, которые домы гранмейстеръ имѣетъ при себѣ для забавы на Мальтійскомъ островѣ не въ далекихъ мѣстахъ отъ города Мальта и при тѣхъ домахъ имѣетъ изрядные сады; а я то ихъ прошеніе исполнилъ, въ гранмейстеровъ домъ съ ними пріѣхалъ. Тотъ его домъ построенъ на каменной горѣ не малъ, палатъ не гораздо много, а построено изрядною препорціею; изнутри подписаны живописными письмами, а иныя обиты камками, и поставлены въ нихъ кро-

вати изрядныя, у всѣхъ кроватей завѣсы и одѣялы тафтяныя червчатыя, а въ одной кровать съ завѣсомъ и одѣяломъ камчатнымъ червчатымъ же. На той кровати спитъ гранмейстеръ, когда въ тотъ домъ гулять пріѣдетъ, а на другихъ спятъ кавалеры, которые съ нимъ пріѣзжаютъ для забавы. Въ большой средней палатѣ у стѣнъ сдѣлано гранмейстерово мѣсто, и надъ тѣмъ мѣстомъ сдѣланъ балдахинъ бархатный. И вышеписанные кавалеры, которые въ тотъ домъ со мною пріѣхали, веселя меня, играли между собою въ карты; а какъ приспѣло время обѣда, тогда тѣ ковалеры просили меня о томъ, чтобъ я въ томъ гранмейстеровѣ домѣ обѣдалъ, и для того гранмейстеръ прислалъ въ тотъ его домъ изъ Мальтійскаго города дворецкаго своего и поваровъ и обѣдъ въ томъ его домѣ про меня изготовили; и я того числа въ томъ его домѣ обѣдалъ, сидя съ тѣми кавалеры за круглымъ столомъ, на которомъ была изрядная скатерть и полотенцы убраны Французскою модою предивно, и обѣдъ былъ устроенъ зѣло многояственъ и богатъ, и яствы были разныхъ образцовъ предивныя, также пить вины разныя Волоскія, Флоренскія и Неаполитанскія, которыя пили мы мѣшая съ водою чистою. Послѣ обѣда поставлено было на столъ зѣло много конфектовъ, сахаровъ предивныхъ и всякихъ разныхъ вещей вареныхъ въ сахарѣ и фруктовъ свѣжихъ изрядныхъ. Въ томъ обѣдѣ блюда и тарелки и ложки и солонки и всякія суды были всѣ серебрянные, и конфекты и фрукты были убраны изрядно на серебрянныхъ блюдахъ и на тарелкахъ. И по обѣдѣ гулялъ я съ тѣми кавалерами безъ церемоніи запросто, кто хотѣлъ—спалъ, кто хотѣлъ гулялъ; иные играли въ карты. И какъ полуденный жаръ преминулъ, и я съ тѣми кавалерами пошелъ гулять въ гранмейстеровъ садъ, который построенъ при томъ его вышепомяненномъ домѣ. Тотъ его садъ зѣло великъ, построенъ промежъ горъ, и зѣло много въ немъ деревьевъ лимонныхъ, помаранцевыхъ, оливныхъ, винныхъ ягодъ, орѣховъ грецкихъ, орѣховъ миндальныхъ, грушевыхъ, сливныхъ, яблоней, шепталы и иныхъ разныхъ родовъ, каштановъ, цукатовъ, штотовъ, финиковъ, также много виноградовъ разныхъ бѣлыхъ и красныхъ и иныхъ фруктовъ, которые на травахъ родятся. Въ томъ же саду построены огороды изрядные, въ которыхъ изрядные благовонные травы и цвѣты. Въ томъ его саду видѣлъ я многія предивныя фонтаны, изъ которыхъ истекаютъ предивными штуками изрядныя сладкія чистыя воды, между которыми фонтанами видѣлъ одну фонтану зѣло предивнымъ мастерствомъ сдѣлану, изъ которой вода течетъ многими разными штуками: прежде потечетъ вода подобіемъ солнца и лучи длинные около себя имѣетъ, потомъ потечетъ подобіемъ звѣзды также съ лучами, потомъ многими разными образцами, которыхъ для умедленія подробну описывать ос-

тавляю; а на остатокъ та фонтана чинитъ штуку зѣло предивну: когда запрешь воду, что не будетъ изъ ней истекать, въ то время поверхъ той фонтаны положатъ одинъ помаранецъ и пустятъ воду, тогда водою тотъ помаранецъ съ той фонтаны подыметъ вверхъ высоко и держитъ долгое время на водѣ, а упасть не пуститъ; и паки опуститъ его водою къ тому мѣсту, гдѣ прежде положенъ былъ и паки подыметъ. И такъ можетъ чинить сколько времени изволитъ, а поднявъ водою тотъ помаранецъ съ фонтаны вверхъ, можетъ его вверху держать на водѣ хотя цѣлый день, а не уронитъ, а подымаетъ его въ высоту отъ фонтаны сажени полторы или на двѣ и больше и держитъ на водѣ власно какъ на воздухѣ. Зѣло та фонтана изрядна и пречуднымъ мастерствомъ сдѣлана.

Потомъ пошли въ городъ, который сдѣланъ на горѣ, и напущено въ немъ оленей и козъ дикихъ немало. Потомъ я изъ того саду поѣхалъ въ тѣхъ колясках и съ тѣми жъ кавалерами до города Мальту, и тѣ кавалеры проводили меня до той остаріи, въ которой я стоялъ и, отдавъ мнѣ поклонъ, пошли къ себѣ.

Іюля въ 25-й день. Поутру пришелъ ко мнѣ вышеписанный кавалеръ Іосифъ Маноель, а потомъ привезли ко мнѣ гранмейстерову карету, въ которой я съ тѣмъ кавалеромъ пріѣхалъ къ костелу св. Іоанна Предтечи, при которомъ пребываетъ епископъ Римской вѣры. Тотъ костелъ великъ и строенія предивнаго; при томъ костелѣ живутъ сто двадцать человѣкъ поповъ, которые въ тѣхъ костелахъ и въ придѣлахъ того костела служатъ. Тѣ попы носятъ на черныхъ своихъ одеждахъ кресты бѣлые нашиты на лѣвомъ плечѣ полотняные, а иные изъ нихъ носятъ золотые кресты кавалерскіе по изволенію гранмейстера, которому онъ поволитъ. У той церкви сдѣланъ придѣлъ зѣло изрядный и немалый, въ томъ придѣлѣ построенъ алтарь по Римской вѣрѣ, на томъ алтарѣ сдѣланы два ангела литые серебрянные держатъ одну фигуру литую жъ серебрянную, мѣстами золоченую, изрядной работы и зѣло великую; на той фигурѣ сдѣланъ великій сосудъ серебрянный высотою больше аршина, а шириною въ три четверти аршина. Тотъ сосудъ на вышеписанной фигурѣ поворачивается для того, что въ томъ сосудѣ стоитъ сосудъ же золотой, въ которомъ есть положена рука десная св. Іоанна Пророка и Предтечи Крестителя Господня, и когда потребно ту святую руку изъ серебряннаго сосуда вынять, тогда одинъ попъ взойдетъ на алтарь созади и тотъ серебрянный сосудъ поворотитъ къ себѣ замкомъ и поотомкнувъ вынетъ ту святую руку или, открывъ, чтобъ сосудъ золотой виденъ былъ со святою рукою народу, поворотитъ паки тотъ серебрянный сосудъ дверьми къ народу. И какъ я въ тотъ придѣлъ пришелъ, и ту святую руку

въ золотомъ сосудѣ, вынявъ изъ серебряннаго сосуда, одинъ Римскій попъ поставилъ на алтарь тотъ золотой сосудъ съ святою крестителевою рукою. Тотъ сосудъ золотой изрядной работы высотою мало больше полу-аршина, а шириною какъ можно въ него вмѣститься человѣческой рукѣ. Сдѣланъ четвероуголенъ; со всѣхъ четырехъ сторонъ вставлены въ него хрустали, чтобъ въ немъ святая Предтечева рука видна была, а на верху того сосуда поставленъ крестъ четвероконечный подобіемъ тѣмъ какъ кресты носятъ Мальтійскіе кавалеры, весь золотой съ алмазы, въ которомъ больше пяти сотъ алмазовъ великихъ и малыхъ, между которыми въ срединѣ одинъ алмазъ четверогранный зѣло великъ и чистъ безмѣрно. И какъ я приступилъ къ алтарю, хотя ту святую руку видѣть, тогда попъ Римскій, видя мое желаніе и хотя мнѣ ту святую руку показать, снялъ съ нея золотой сосудъ. И та святая крестителева рука десная отъ локтя до перстовъ обложена вся золотомъ, а надъ перстами въ томъ золотѣ сдѣланы растворы, которые мнѣ отворилъ тотъ помяненный Римскій попъ и показалъ ту святую Предтечеву руку голую; та его святая рука имѣетъ на себѣ кожу и плоть и жилы и ногти все нетлѣнно и нимало не изсохло, подобно какъ живого человѣка, и не темна, только мало посмугла. И какъ я сподобился ту святую руку поцѣловать; потомъ паки тотъ Римскій попъ накрылъ ее тѣмъ же золотымъ сосудомъ и поставилъ на алтарь вышепомяненный серебрянный сосудъ, гдѣ и всегда стоитъ та святая Іоанна Крестителя рука.

Потомъ изъ того вышеписаннаго придѣла пришелъ я въ одну сосудохранительницу, которая придѣлана у той великой Предтечевой церкви. Въ той сосудохранительницѣ показывали мнѣ святыхъ мощей.

Образъ Спасовъ письма Луки Евангелиста написанъ на нѣкакой тонкой кожѣ или на иной какой матеріи, того отъ многихъ лѣтъ знать неможно, и наклеенъ на доску; а написанъ тотъ Спасителевъ образъ въ терновомъ вѣнцѣ и въ багряной одеждѣ, какъ былъ во время святыхъ Своихъ страстей. Величествомъ тотъ образъ въ высоту въ три четверти аршина, а въ ширину въ пол-аршина; а на другой сторонѣ той доски, къ которой тотъ святой образъ приклеенъ, также приклеенъ образъ Пресвятыя Богородицы начерченъ на бумагѣ тѣмъ же св. Лукою Евангелистомъ.

Потомъ показали крестъ, въ которомъ древо св. креста Христова. Въ томъ же крестѣ гвоздь терноваго вѣнца Христова, въ томъ же крестѣ кровь пречистая, божественная Спасителя нашего Христа въ маломъ хрустальномъ сосудѣ.

Нога св. Лазаря, его же Христосъ воскресилъ отъ мертвыхъ, цѣлая плюсна и персты всѣ нетлѣнны.

Часть малая отъ святаго крестителева носа.

Часть мощей отъ руки св. великаго учителя Восточной церкви пресвятѣйшаго Іоанна патріарха Константинопольскаго Златоустаго.

Часть мощей святыхъ Апостолъ верховныхъ Петра и Павла.

Часть мощей св. Апостола Іакова.

Часть мощей св. Апостола Варѳоломея.

Часть отъ руки св. Анны, матери Пресвятыя Богородицы.

Часть отъ главнаго черепа св. мученика Пантелеймона.

Перстъ одинъ св. Маріи Магдалины нетлѣнный, имѣетъ плоть и кожу и ноготь, все цѣло.

Рука. св. Киріяки преподобной вся нетлѣнная.

Часть мощей св. великомученицы Ефиміи Прехвальныя.

Кость отъ руки св. великомученика Георгія Побѣдоносца.

Часть мощей св. мученика Климента.

Часть мощей отъ руки св. Августина, учителя Западной церкви.

Часть мощей святыхъ безсребрянниковъ Косьмы и Даміана.

Крестъ немалый сдѣланъ на подножи, предъ которымъ присягаетъ Мальтійскій гранмейстеръ въ то время какъ его посвящаютъ въ гранмейстеры. Въ томъ крестѣ часть немалая древа самаго Христова креста.

Крестъ, въ которомъ есть часть древа Христова жъ креста, въ томъ же одинъ гвоздь отъ терноваго Христова вѣнца обагренъ пречистою и предражайшею божественною кровью. Въ немъ же двѣ малыя части нѣкоторой древней матеріи; а сказываютъ Мальтійцы, что то есть часть отъ ризъ Спасителевыхъ, видомъ лазоревы и стканы подобіемъ крашенины толстой, рѣдкой и нелощеной.

Въ одной великой серебрянной шкатулѣ много вещей святыхъ разныхъ мученическихъ и преподобническихъ, видимы всѣ за стеклами.

Потомъ показали мнѣ два креста золотые, которые носятъ въ процессіяхъ, четвероконечные, величествомъ безъ-мала по аршину, а въ нихъ много каменья предивнаго: яхонтовъ, лаловъ, изумрудовъ великихъ и алмазовъ, изъ которыхъ одинъ цѣнятъ 20000 червонныхъ золотыхъ, а другой гораздо дороже. Устроены тѣ кресты предивною работою сканною изъ финифты.

Потомъ показали мнѣ дароносицу золотую, сдѣлана по обыкновенію Римской церкви сканною работою, въ которой есть золота полпуда.

Потомъ показали много сосудовъ золотыхъ предивной работы, въ которыхъ сосудахъ и въ дароносицѣ и въ вышеписанныхъ крестахъ есть золота больше пяти пудъ. Потомъ много сосудовъ серебрянныхъ изрядной работы, также много одеждъ епископскихъ и ша-

покъ епископскихъ низанныхъ съ каменьемъ и перстней, которые надѣваютъ епископы Западной церкви во время служенія по обыкновенію своему, также много панагей и крестовъ, которые носятъ во время службы епископы Римскіе. Потомъ видѣлъ въ той же сосудохранительницѣ образъ Пресвятыя Богородицы стоящей, имѣетъ на рукахъ Предвѣчнаго Младенца, Спасителя нашего Христа, вылитъ изъ серебра высотою слишкомъ въ аршинъ, и образы двунадесяти Апостолъ литые жъ серебрянные въ тужъ мѣру, въ которыхъ есть серебра пудъ 20 или больше. Въ той же сосудохранительницѣ показали мнѣ мощи Римскихъ святыхъ, которые у нихъ есть послѣ разорванія вѣры: святыя Балдешки и Тафшкана и святыя Кіары Францишканы.

Потомъ изъ той церкви поѣхалъ я до остаріи, въ которой стоялъ, и кавалеръ Іосифъ Маноель со мною жъ, а пріѣхавъ въ остарію отпустилъ гранмейстерову карету, подаря слугѣ его, который мнѣ при той его каретѣ служилъ, для того что въ то число имѣлъ я отъѣзжать изъ Мальту. Потомъ подарилъ вышеписаннаго кавалера Іосифа Маноеля и благодарствовалъ ему за его къ себѣ любовь, которую я отъ него видѣлъ въ Мальтѣ, и чрезъ того жъ кавалера Іосифа Маноеля приказалъ я униженный свой поклонъ и благодареніе до гранмейстера Мальтійскаго за многую его въ себѣ благость, которую онъ ко мнѣ показалъ въ области своей.

Потомъ тотъ же вышепомяненный кавалеръ Іосифъ Маноель подалъ мнѣ паспортъ, т.-е. проѣзжій листъ, съ которымъ мнѣ можно проѣхать всю Цицилію и Калабрію даже до Неаполя.

Потомъ тотъ же кавалеръ Іосифъ подалъ мнѣ отъ гранмейстера листъ, которымъ меня пожаловалъ Мальтійскій гранмейстеръ, одарилъ за пріѣздъ мой въ Мальтъ, и тотъ листъ принялъ я у него за великій себѣ даръ и зѣло за него благодарствовалъ гранмейстера Мальтійскаго, а въ томъ листѣ пишетъ сице:

«Братъ и господинъ Раймундъ Переллосъ Рокафулъ, Божіею милостію святаго дому шпиталя св. Іоанна Іеросалимитанскаго и желнерскаго закону св. гробу Господня майстеръ покорный и убогій Іисуса Христа стражъ».

«Когда до того нашего острова Мальтійскаго и до нашего монастыря пріѣхалъ честнѣйшій и честно урожденный господинъ Петръ Андреевичъ, пресвѣтлѣйшаго престола царскаго дворянинъ Московскій, листомъ его царскаго величества одаренный, которымъ всей Европы государямъ въ пріемность его вручаетъ, мы того-жъ честнѣйшаго и честно урожденнаго Петра Андреевича тѣми, которыми до учтивости и милости его принадлежало, афектами приняли и принять повелѣли, яко славные его учтивости и явные его поступки потре-

бовали, и выносили и руку святую Іоанна св. Крестителя, а нашего патрона десную, выставленную для почтенія, чтобъ видѣлъ, яко себѣ желали. И того нашего острова замки и фортецы оному же мы показали; а цѣлой галеръ нашихъ гармады видѣть не могъ, для того что большая часть на помочь Венецкой гармадѣ отъ насъ послана; однакожъ двѣ изъ тѣхъ нашихъ галеръ, когда изъ Цициліи до насъ пріѣзжалъ, видѣлъ, на которыхъ за кораблями невѣрныхъ Турковъ онъ бѣжалъ и уже догоняли, однакожъ для нагло повсталаго сильнаго и противнаго вѣтру того совершить не могли, которые потомъ также корабли непріятельскіе за филюгою, которая филюга помяненнаго честно урожденнаго Петра Андреевича везла, гнались, однакожъ онъ за Божіею милостію и храненіемъ до того нашего порту счастливо пріѣхалъ и потомъ за повращеніемъ до того-жъ порту помяненныхъ двухъ галеръ паки ихъ съ довольствомъ и довольнымъ временемъ видѣть могъ. И мы, пріѣздъ его до насъ почитая, при отъѣздѣ его тѣмъ нашимъ листомъ одаряемъ, которымъ того-жъ господина Петра Андреевича всѣмъ и всякому особно пресвѣтлѣйшимъ государямъ и князямъ, до которыхъ бы государствъ ему пріѣхать случилось, отъ сердца ихъ покорно просимъ, чтобъ его со учтивыми гонорами, фаворами и всякой ласки повольностями пріимовали и принять желали, на что̀ для свидѣтельства тотъ нашъ листъ за печатью канцлера нашей на воску черномъ воображено дали въ Мальтѣ, въ монастырѣ нашемъ, дня 21-го Іюля лѣта 1698».

На томъ же листу пишетъ: «записано въ канцеляріи».

На томъ же листу подписалъ намѣстникъ канцелярскій сице: «Гератъ Фердинандъ Контреразъ, намѣстникъ канцелярскій».

На томъ же листу печать Мальтійскаго острова изображена на черномъ воску.

И мѣшкалъ я въ той остаріи того числа до 12-го часа, а въ 12-мъ часу, расплатясь съ хозяиномъ той остаріи за все, сошелъ на филюгу, до которой меня проводилъ кавалеръ Іосифъ Маноель, и въ той филюгѣ того 25-го числа Іюля за 4 часа до ночи отъ Мальтійскаго острова отлучились до Цицилійскаго острова.

Островъ Мальтійскій суть невеликій, кругомъ его всего 60 миль Ит., стоитъ отъ Цицилійскаго острова на полуденномъ вѣтрѣ, который по-итальянски называется остро. Тотъ Мальтійскій островъ весь каменный, мало на немъ такихъ мѣстъ, на которыхъ родится хлѣбъ и виноградъ и иные фрукты.

Жилья на томъ Мальтійскомъ островѣ много, и зѣло людей, городовъ, селъ и деревень по тому острову много, а всѣ въ послушаніи подъ властью Мальтійскаго гранмейстера. Лошадей на Мальтій-

скомъ острову мало, а добрыхъ лошадей и нѣтъ, работаютъ и возятъ все на мулахъ и на лошакахъ. Подлые люди на Мальтійскомъ острову живутъ съ женами и съ дѣтьми, жениться имъ невозбранно, а всѣ суть католики Римской вѣры.

Настоящій городъ на Мальтійскомъ островѣ называется Мальтъ и суть не малъ и многолюденъ. Въ томъ городѣ живетъ самъ гранмейстеръ, и всѣ кавалеры, подобно тому какъ въ монастырѣ, женъ не имѣютъ.

Въ томъ городѣ есть двѣ церкви каменныя Греческія, одна во имя Пресвятыя Богородицы, а другая во имя Чудотворца Николая. При тѣхъ церквахъ служатъ священники Греческіе и есть малое число Грековъ убогихъ людей; также есть немногіе люди Греческой вѣры, которые выходятъ и которыхъ берутъ изъ неволи Турецкой изъ Константинополя и изъ иныхъ Турецкихъ городовъ.

Римскихъ церквей въ Мальтѣ 24 церкви приходскихъ и кромѣ придѣловъ 7 монастырей разныхъ законовъ Римской же вѣры мужскихъ да 4 монастыря Римской же вѣры дѣвическихъ. Тѣ монастыри и церкви Римскіе изряднаго строенія и зѣло богаты.

Домы кавалерскіе и всякихъ Мальтійскихъ жителей въ Мальтѣ строенія каменнаго, все изряднаго.

Улицы въ Мальтѣ всѣ мощеныя тесанымъ четвероугольнымъ каменьемъ со скатами, чтобы никогда вода не стояла и грязи бы никогда не было.

Городъ Мальтъ стоитъ на неровномъ мѣстѣ отъ моря по косогору и, которые улицы и переулки въ Мальтѣ по тому вышеписанному косогору, въ тѣхъ улицахъ и переулкахъ подѣланы лѣстницы каменныя изрядныя, чтобъ безъ труда всходить можно было.

Въ Мальтѣ лавокъ и товаровъ всякихъ есть довольно, также хлѣба и харчу всякаго и фруктовъ много-жъ и не зѣло дорого. Марканты Мальтези, т. е. купцы Мальтійскіе, имѣютъ въ Мальтѣ домы изрядные и имѣютъ у себя женъ и дѣтей.

Во всякой работѣ у Мальтійскихъ жителей зѣло много Турковъ, которыхъ берутъ на морѣ въ неволю мужеска и женска полу, также есть и Араповъ, только немного, а больше есть Барбарешниковъ изъ Барбари.

Островъ Мальтійскій отъ Барбари въ самыхъ ближнихъ мѣстахъ; Барбарійскіе городы Турецкаго салтана отъ Мальту въ 100 верстахъ и ближе.

Въ Мальтійскомъ островѣ въ лѣтѣ зѣло жары отъ солнца бываютъ великіе, для того что тотъ островъ суть во Африкѣ и имѣетъ высокость поля 39 градусовъ, ко екватору близокъ, и потому въ немъ

бываетъ безмѣрно жарко, а холоднаго времени и снѣгу на томъ острову никогда не бываетъ.

Городъ Мальтъ сдѣланъ предивною фортификаціею и съ такими крѣпостьми отъ моря и отъ земли, что уму человѣческому непостижимо. Около себя имѣетъ 8 фортецъ предивными крѣпостьми устроенныхъ, которыхъ подробну описать никакими дѣлы невозможно.

По обѣ стороны города Мальты великіе проливы морскіе, въ которые входятъ корабли и галеры, и называются тѣ проливы по-итальянску порты, а пославянску пристанища судамъ. Изъ тѣхъ въ одномъ портѣ есть одинъ малый островъ, на которомъ сдѣланъ домъ и называется лазаретъ или контомація. Когда придутъ съ Востоку каторги, или какія ни есть суды, тогда тѣ суды приведутъ къ тому малому острову, и людей съ тѣхъ судовъ посадятъ на томъ островку въ вышепомяненный домъ и не спускаютъ ихъ съ того островка никуды, также и къ нимъ никого не пустятъ 40 денъ, опасаяся мороваго повѣтрія и всякихъ прилипчивыхъ болѣзней, для того что на Левантѣ, еже есть на Востокѣ, на Морейскомъ острову и въ иныхъ тамошнихъ мѣстахъ и въ самомъ Константинополѣ бываетъ часто моровое повѣтріе и иныя на люди болѣзни. А какъ на томъ острову пріѣзжіе люди 40 дней отсидятъ и никакія въ нихъ болѣзни не явятся, тогда имъ дадутъ свободу съ того островка и съ судами, въ которыхъ пріѣдутъ куды хотятъ идтить или плыть невозбранно. Въ Мальтійскомъ островѣ сбирается солдатъ 60,000 человѣкъ, а по нуждѣ и больше.

Мальтійскій гранмейстеръ имѣетъ въ Мальтѣ 7 галеръ великихъ, изъ которыхъ на одной бываетъ генералъ, а на 6 галерахъ капитаны. Тѣхъ семи галеръ генеральская галера да капитанскихъ 4 по вся годы повинны идтить въ Левантъ, т. е. на Востокъ въ Морею на помощь Венецкой гармадѣ и биться съ Туркомъ; а двѣ галеры капитанскія повинны по вся годы остаться въ Мальтѣ и ходить непрестанно отъ Мальты до Цицилійскаго острова и отъ Цициліи до Мальту, очищая ту дорогу отъ Турковъ, чтобъ отъ Цициліи до Мальту также и отъ Мальтійскаго острова до Цициліи всякимъ проѣзжимъ людямъ былъ путь. Проклятые псы, усмотря когда Мальтійскія галеры на Востокъ уйдутъ, въ Мальтѣ-жъ останутся только двѣ галеры, и они непрестанно въ великихъ и малыхъ судахъ на Мальтійскомъ каналѣ шатаются и христіанъ побираютъ, которыхъ могутъ гдѣ поймать, что̀ часто и случается.

Въ Мальтѣ кавалеры всѣ пріѣзжіе изъ разныхъ государствъ — изъ Германіи и изъ Гишпаніи и изъ Франціи и изъ Польши и изъ Италіи и изъ иныхъ мѣстъ, всѣ есть католики. Обыкновеніе суть Маль-

тійскихъ кавалеровъ такое: когда кто пріѣдетъ въ Мальтъ, желая достать себѣ кавалерство и вѣнчанъ быть кавалерскимъ крестомъ, тотъ прежде повиненъ быть правымъ католикомъ Римской вѣры, а другой вѣры отнынѣ никого кавалоромъ не учинятъ. Потому повиненъ съ собою привезть въ Мальтъ изъ отечества своего свидѣтельство, что онъ суть дворянской природы по отцѣ и по матери даже до четвертаго роду и чтобъ онъ былъ неженатый; на томъ и присягать имѣетъ, что уже ему до кончины своей женату не быть и хранить себя въ чистотѣ даже и до смерти своей. Потомъ повиненъ онъ дать въ Мальтійскую казну его двадцать пять рупій Гишпанскихъ и того будетъ 250 червонныхъ золотыхъ. Потомъ повиненъ онъ ѣхать по два года на Мальтійскихъ галерахъ въ Левантъ, т. е. на Востокъ, въ Морею противъ Турокъ биться въ помочь Венецкой гармадѣ и по два года быть повиненъ на тѣхъ Мальтійскихъ галерахъ, которыя остаются въ Мальтѣ опасать Цицилійскія дороги. А въ тѣ четыре года на вышепомяненныхъ галерахъ будетъ ему пища отъ капитана той галеры, на которой онъ служить будетъ; а тому капитану за то, что кавалеровъ, которые есть у него на галерѣ, кормитъ, дается плата отъ Мальтійской казны. И какъ онъ на галерахъ въ морѣ и на Мальтійскомъ каналѣ урочныя времена будетъ, потомъ ему дадутъ крестъ кавалерскій за присягою трехъ причинъ: первое—побожность, второе—послушаніе, третье—убожество, и учинятъ его Мальтійскимъ кавалеромъ, и будетъ ему отъ Мальтійской казны плата на пищу, въ которое время живетъ въ Мальтѣ, по 80 шкудовъ на годъ; а будетъ который кавалеръ взять той платы не похочетъ, и его кормятъ на всякій день съ прочими кавалеры, которые не берутъ платы. А для того, гдѣ тѣ кавалеры ѣдятъ, построено въ Мальтѣ 7 домовъ, изъ которыхъ въ одномъ ѣдятъ Нѣмцы, т. е. Цесарцы, въ другомъ—Гишпанцы, въ третьемъ—Итальяне, въ четвертомъ—Французы, въ пятомъ—Поляки, въ шестомъ—Венгры, въ седьмомъ—разныхъ государствъ кавалеры.

Въ Мальтѣ кавалеры суть разные; первые называются гранкруцы, т. е. старые и честные люди, которые носятъ великіе кресты, нашиты на верхнихъ черныхъ одеждахъ бѣлые миткальные. Изъ тѣхъ выбираются въ гранмейстеры.

Потомъ кавалеры, которые носятъ кресты кавалерскіе, отправя двѣ гармады, какъ о томъ писано въ сей книгѣ выше сего.

Потомъ кавалеры, которымъ даются кресты побожности за какимъ прошеніемъ или по какой ни есть причинѣ знатной честнымъ особамъ. Тѣ кресты вольны они носить при себѣ и въ гербъ свой ставить гдѣ изволятъ.

Потомъ даютъ кресты граціи, т. е. милости, всякимъ людямъ, кому похочетъ дать Мальтійскій гранмейстеръ, и тѣ кресты которымъ людямъ будутъ даны, тѣ люди также вольны ихъ при себѣ носить какъ хотятъ.

А жить Мальтійскимъ кавалерамъ увольнено гдѣ хотятъ, который не хочетъ быть въ Мальтѣ, и ему вольно ѣхать до своей отчизны или гдѣ похочетъ служить; а во время нужды, когда бъ непріятель съ великими силами пришелъ подъ Мальтъ и отъ гранмейстера Мальтійскаго посланы будутъ листы къ Мальтійскимъ кавалерамъ, чтобъ немедленно всѣ съѣзжалися въ Мальтъ, тогда всякій Мальтійскій кавалеръ повиненъ всякую свою нужду покинуть и ѣхать въ Мальтъ; хотя-бъ непріятель былъ при своей отчизнѣ, и тѣмъ онъ отъ Мальтійской поѣздки удержанъ быть не можетъ.

Люди въ Мальтѣ зѣло учтивые, а паче почитательны къ форестирамъ, т. е. къ пріѣзжимъ иноземцамъ, для того что въ Мальтѣ честные люди всѣ пріѣзжіе изъ иныхъ государствъ.

Мастеровыхъ всякихъ людей въ Мальтѣ есть довольно.

У кавалеровъ Мальтійскихъ, также и у жителей Мальтійцевъ, каретъ нѣтъ, и въ каретахъ и верхомъ въ Мальтійскомъ городѣ кавалеры и всякіе люди не ѣздятъ, развѣ куда кто похочетъ ѣхать изъ города и тѣ ѣздятъ въ колыскахъ и верхомъ; а въ городѣ Мальтѣ въ каретѣ только ѣздитъ на 6 возникахъ гранмейстеръ Мальтійскій да за нимъ бываетъ кареты двѣ или три, въ которыхъ по четыре и по два возника заложены, а сидятъ въ нихъ гранкруцы и ѣздятъ за гранмейстеромъ. А тотъ гранмейстеръ Мальтійскій ѣздитъ по вся дни, гуляетъ и смотритъ около города крѣпостей, потомъ пріѣзжаетъ въ садъ, который построенъ у Мальтійскаго города на берегу морскомъ, и забавляется въ томъ саду фруктами и смотритъ на фонтаны, которыя въ томъ саду построены изрядно. А кавалеры Мальтійскіе, которые старые люди или за болѣзнію кто пѣшъ ходить не можетъ, тѣхъ носятъ въ сѣдняхъ и имѣютъ у себя сѣдни изрядныя золоченыя обитыя бархатомъ и иныхъ изрядныхъ работъ.

Городъ Мальтъ имѣетъ трои ворота проѣзжіе, которые утверждены преславными крѣпостьми отъ непріятельскаго приходу, и по вся ночи тѣ ворота всѣ трои запираются. Отъ пріѣзду, гдѣ приходятъ въ Мальтъ всякія суды, сдѣлано пристанище изрядное. Весь тотъ берегъ выкладенъ бѣлымъ тесанымъ каменемъ, и подѣланы съ того берегу къ морю сходы, лѣстницы каменныя изрядныя. На томъ берегу противъ Мальтійскихъ городовыхъ воротъ сдѣланъ столпъ каменный; въ томъ столпѣ поставленъ образъ Іоанна Предтечи поясной, литой изъ мѣди на знакъ того, что онъ есть Мальту хранитель.

Отъ города Мальта до другихъ мѣстъ черезъ море перевозятъ въ баркахъ, также и гулять кавалеры Мальтійскіе ѣздятъ и всякіе люди по морю въ баркахъ же, а тѣ барки покрыты полотнами и сдѣланы особою модою. Судовъ морскихъ въ Мальтѣ употребляютъ: галеры, тартаны, филюги, брегантины и иныхъ такихъ же, а кораблей, фрегадоновъ, марциліяновъ и иныхъ тому подобныхъ не держатъ.

Мальтійскія галеры, когда бываютъ въ Мальтѣ, ставятся отъ города Мальта за портомъ на другой сторонѣ при капитанскихъ домахъ; тамъ же близко и марнерскіе домы. И подъ капитанскими домами ставятся четыре, а подъ марнерскими домами ставятся три галеры для того, когда нечаянно придетъ непріятель близко Мальту, чтобъ съ великою скоростью тѣ галеры могли изъ Мальтійскаго порту за пріятельскими судами выйтить и поискъ надъ непріятелемъ учинить.

Когда Мальтійскій гранмейстеръ садится за Мальтійскими великими дѣлами о великихъ нуждахъ, тогда съ нимъ въ палатѣ засѣдаютъ 40 человѣкъ Мальтійскихъ кавалеровъ старыхъ и честныхъ людей.

Гранмейстеръ въ Мальтѣ отъ кавалеровъ и отъ всякихъ людей имѣетъ почтеніе великое, какъ надлежитъ государю, и послушны ему всѣ во всякихъ дѣлахъ; однакожъ онъ, не мысля о какомъ дѣлѣ съ Мальтійскими кавалеры, ничего не дѣлаетъ.

И того жъ Іюля въ 25-й день, при самомъ моемъ отъѣздѣ, гранмейстеръ прислалъ ко мнѣ отъ себя одного Мальтійскаго кавалера, и тотъ кавалеръ отъ лица гранмейстерова меня привѣтствовалъ и поздравлялъ, отпуская меня въ надлежащій мой путь съ великою любовью.

Гранмейстеръ Мальтійскій носитъ всегда платье черное; у верхняго его платья на лѣвомъ плечѣ нашитъ великій крестъ бѣлый. Такое жъ платье носятъ гранкруцы, т.-е. старые и лучшіе Мальтійскіе кавалеры, изъ которыхъ выбираются гранмейстеры.

А кавалеры Мальтійскіе носятъ платья разной моды, а больше употребляютъ Французскаго убору разныхъ цвѣтовъ; только не можетъ въ Мальтѣ ни одинъ кавалеръ Мальтійскій носить золотыхъ кафтановъ или иныхъ уборовъ верхнихъ и исподнихъ, и ни на чемъ золота и серебра пряденаго Мальтійскому кавалеру носить неможно, ни пуговицъ дѣланныхъ пряденыхъ золотомъ ни серебромъ не носятъ. А положилъ ту заповѣдь нынѣшній гранмейстеръ тому нынѣ назадъ три года для того, чтобъ Мальтійскіе кавалеры въ тѣхъ уборахъ не изживали казны, а берегли бы денегъ на войну и на служивые уборы.

Женскій нарядъ въ Мальтѣ носятъ платья особой моды подобно Турецкому, а поверху покрываются черными тафтами долгими даже

до ногъ отъ головы; а на головахъ тѣ ихъ покрывалы сдѣланы подобно тому, какъ носятъ старицы Кіевлянки по обыкновенію своему.

Въ Мальтійскомъ городѣ по стѣнѣ и по бастіонамъ великихъ и малыхъ пушекъ 700, всѣ мѣдныя.

Въ Мальтѣ много около города мельницъ вѣтрянныхъ каменныхъ, мелятъ парусами хлѣбъ всякій, а парусы шерстяные.

На Мальтійскомъ острову лѣсу нѣтъ нигдѣ, привозятъ уголья и дрова изъ Цицилійскаго острова. Животины на Мальтійскомъ острову рогатой—коровъ нѣтъ, и привозятъ сыры и масло изъ Цициліи и изъ другихъ мѣстъ. Также снѣгу и льду на Мальтійскомъ острову никогда не бываетъ, привозятъ изъ Цициліи жъ. И всякіе товары на Мальтійскомъ острову привозные изъ Францiи, изъ Англіи, изъ Италіи и изъ иныхъ мѣстъ.

Монета въ Мальтѣ своя вся мѣдная, серебрянной монеты никакой нѣтъ; мѣняютъ золотые червонные на мѣдныя деньги, которыя называются тары, а во всякомъ тарѣ по 20-ти грановъ, а въ шкудѣ 12 таровъ, а за червонный золотой даютъ по три шкуда, и того будетъ 36 таровъ.

Поѣхалъ я изъ Мальтійскаго острова изъ порту въ филюгѣ на веслахъ и, отъѣхавъ мало, подняли парусъ, вѣтръ намъ былъ недобре способный и невеликій, и бѣжали мы тѣмъ вѣтромъ по морю Мальтійской гольфы съ часъ. А потомъ стала бонація, т.-е. безвѣтріе, и мы шли на греблѣ до ночи три часа, а въ четвертомъ часу ночи припалъ намъ вѣтръ способный и немалый, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали тѣмъ вѣтромъ во всю ночь и на первомъ часу дня Іюля 26-го прибѣжали къ Цицилійскому острову. Потомъ вѣтръ присталъ, и мы, собравъ парусы, шли на веслахъ и пришли 26-го числа Іюля въ третьемъ часу дня къ мѣсту, которое называется Капо-Пассато, и въ томъ мѣстѣ стояли мы до 12-го часа того дня и пошли также на веслахъ. Потомъ припалъ вѣтръ способный и немалый, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали въ своей филюгѣ тѣмъ вѣтромъ весь тотъ день и прибѣжали за тря часа до ночи къ одному мѣсту, которое называется Боначи, отъ Мальту 130 миль Итальянскихъ, и подъ тѣмъ мѣстомъ ночевали въ пристанищѣ; то мѣсто жильемъ самое малое, живутъ тутъ все рыболовы, и тѣхъ малое число.

Іюля въ 27-й день. Пошли мы на веслахъ, для того что время было безвѣтріе, а потомъ припалъ малый вѣтеръ, которымъ поднявъ два паруса бѣжали; къ тому жъ и веслами гребли; потомъ паки стала бонація, т.-е. безвѣтріе, и паки былъ вѣтеръ, и въ тотъ день шли на веслахъ, а иногда на парусѣ и за шесть часовъ до ночи пристали къ одному мѣсту, которое называется Лядреца, и стояли шесть часовъ

дня и ночи одинъ часъ и плыли отъ того мѣста на веслахъ, хотѣли идтить во всю ночь, чтобъ на утро придтить въ Мисину. И какъ вышли изъ порту, въ то время почалъ быть вѣтръ великій нашему пути въ противность, также и вода морская по своему природному обыкновенію прибытія и убытія была надлежащему нашему пути въ противленіе, за чѣмъ мы ту ночь далѣе идтить не могли, пристали близко одной гвардіи, т.-е. сторо́жи, стоящей на берегу морскомъ на Цицилійскомъ острову для приходу непріятельскаго, о чемъ я писалъ въ сей книгѣ выше сего подлинно. Тѣ солдаты, которые тутъ стояли на сторо́жѣ, не велѣли намъ близко себя подъѣзжать, не вѣря намъ, чая себѣ непріятелей, и стрѣляли по насъ изъ мушкетовъ; однакожъ за помощію Божіею всѣ мы сохранились отъ той стрѣльбы въ цѣлости и стояли одаль той сторо́жи въ томъ мѣстѣ, отъ вышеписаннаго мѣста Лядрецы одну отъѣхавъ Итальянскую милю или меньше, ожидая того, чтобъ вѣтръ противный умалился и вода бъ морская по природѣ своей поворотилась теченіемъ въ способность надлежащаго нашего пути. И о полуночи съ того мѣста мы пошли, для того что вода морская естественнымъ своимъ движеніемъ въ тѣхъ часахъ не была пути нашему противна, а рушилася въ надлежащій нашъ трактъ способно, а вѣтръ намъ былъ противный и зѣло великій отъ полуночи. И до свѣту и дня пять часовъ шли мы подлѣ берегу на веслахъ съ великимъ трудомъ.

Іюля въ 28-й день. Въ пятомъ часу дня пристали мы подъ городомъ Санта-Лезина. для того что вѣтръ намъ былъ противный и зѣло великій, не могли больше идтить ни парусомъ, ни на веслахъ, и стояли въ томъ мѣстѣ 10 часовъ, ожидали чтобъ вѣтръ противный престалъ или бы измѣнилъ дыханіе, чтобъ могли идтить парусомъ или на веслахъ. И того числа во весь день вѣтръ не престалъ и не измѣнился, и мы въ томъ мѣстѣ стояли и ночи 4 часа, а въ пятомъ часу изъ-подъ того города пошли на веслахъ, для того что вѣтръ былъ, хотя и противенъ, только недобре великъ, и шли мы на веслахъ во всю ночь, а на первомъ часу дня Іюля 29-го, не дошедъ до Мисины за 12 миль Итальянскихъ, наняли одну лошадь и привязали свою филюгу веревкою къ той лошади, и такъ подлѣ берегу та лошадь везла насъ до Мисины, для того что марнери безмѣрно утрудились отъ веселъ для противныхъ, сильныхъ и великихъ вѣтровъ.

Іюля въ 29-й день. Въ третьемъ часу дня пріѣхали мы въ Мисину во время Мисинской ярмарки и, приставъ къ берегу, показали свою практику, т.-е. проѣзжій листъ, который мнѣ данъ былъ изъ Мальту; и того моего проѣзжаго листа осмотря, позволили мнѣ идтить въ городъ. И я, изъ филюги вышедъ, пришелъ въ остарію въ тужъ, въ которой стоялъ, ѣдучи въ Мальтъ и, въ той остаріи объ-

давъ, стоялъ того числа до 12-го часа, а за четыре часа до ночи изъ той остаріи пришелъ на свою филюгу и поѣхалъ въ надлежащій свой путь до Неаполя подлѣ берега Цицилійскаго острову.

Вышепомяненная Мисинская ярмарка бываетъ по вся годы въ Іюлѣ, и торгуютъ 15 денъ пріѣзжая марканты, т.-е. купцы, изъ разныхъ мѣстъ съ разными товары, изъ Франціи, изъ Англіи, изъ Италіи и изъ иныхъ государствъ и торгуютъ въ Мисинѣ за городомъ по морскому берегу; бываютъ для той ярмонки подѣланы лавки изъ досокъ, и въ тѣхъ лавкахъ убираются всякіе купецкіе пріѣзжіе люди и Мисинскіе жители со всякими товары; а которыхъ товаровъ распродать во время ярманки пріѣзжіе торговые люди не успѣютъ, тѣ товары между собою размѣнявъ товаръ на товаръ, отъѣзжаютъ въ свои краи попрежнему.

Подъ Мисиною много филюгъ и барокъ рыболовскихъ, которыя ловятъ рыбы великія; тѣ рыбы Гишпанцы называютъ шпадами, подобна та рыба видомъ рыбѣ севрюгѣ, только велика какъ бѣлуга, носъ зѣло дологъ, безъ мала будетъ полсажени. Та рыба визиги не имѣетъ, а имѣетъ кости спинныя подобны щучьимъ. Также ловятъ и иныя рыбы великія и мелкія, которыя обрѣтаются въ морѣ, и недорого въ Мисинѣ купятъ рыбу всякую, и раки зѣло великіе въ длину по аршину и зѣло толсты.

Того жъ числа за два часа до ночи пришли мы къ одному мѣсту, которое называется Тортодефаръ, отъ Мисины 12 миль Итальянскихъ, стоитъ то мѣсто на углу Цицилійскаго острова отъ Калабріи. И мы подъ тѣмъ мѣстомъ стояли до ночи, а на первомъ часу ночи пошли чрезъ узкое мѣсто моря къ Калабріи, для того что подъ тѣмъ мѣстомъ Тортодефаръ ночевать не могли, потому что въ томъ мѣстѣ Цицилійскій островъ пришелъ къ Калабрійскому острову зѣло близко, и море въ томъ мѣстѣ между Калабріей и Цициліей гораздо узко, и какъ воды морскія по натурѣ своей прибытіе и убытіе чинятъ, и въ то время въ томъ узкомъ мѣстѣ море течетъ зѣло быстро подобно быстрой рѣкѣ, и мы въ томъ мѣстѣ опаслися стоять, чтобъ филюги нашей ночью не оторвало водою и не учинило бы какія шкоды. И пришли мы въ четвертомъ часу ночи къ Калабрійскому берегу и пристали подъ берегомъ Лябаняромъ, отъ Тортодефара 15 миль Итальянскихъ, и подъ Лябаняромъ стояли во всю ночь, для того что въ той ночи идтить не могли далѣ: возбранила намъ великая туча, изъ которой во всю ночь былъ превеликій дождь и градъ и молнія бззмѣрно палила.

Іюля въ 30-й день. Поутру рано изъ подъ Лябаняра мы пошли на веслахъ, для того что вѣтру никакого не было, и Цицилійскій ост-

ровъ остался назади насъ влѣвѣ, а Калабрія почала у насъ быть вправѣ. Потомъ поравнялися противъ одного островка, который называется Стронголо; на томъ островку одна высокая гора, которая отъ сотворенія свѣта непрестанно горитъ, въ день отъ нея видѣть великій дымъ, а въ ночи видѣть изъ нея исходящій пламень огня великаго. Та гора была у меня влѣвѣ, а Калабрія вправѣ, и въ томъ мѣстѣ припалъ намъ вѣтръ западный, что̀ Итальяне называютъ понентомъ, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали тѣмъ вѣтромъ мало не во весь день и прибѣжали за два часа до ночи въ Калабрію подъ городъ Лябонтею; подъ тѣмъ городомъ мы ночевали.

Іюля въ 31-й день. За полтора часа до свѣту изъ-подъ Лябонтеи пошли мы на веслахъ, для того что вѣтръ въ то время никакой не былъ, и въ третьемъ часу того дня пріѣхали мы къ одному мѣсту, которое называется Павло. Подъ тѣмъ мѣстомъ мы пристали, для того что патронъ, т.-е. господинъ филюги, которой меня возилъ, и марнеры хотѣли слушать обѣдни, потому что въ то число былъ день недѣльный. И отслушавъ обѣдни, паки пошли въ пятомъ часу того дня на веслахъ, для того что было безвѣтріе, и пришли мы того дня за пять часовъ до ночи въ Калабріи жъ подъ мѣсто Порто-ди-Санта-Марія, и въ томъ мѣстѣ мы ночевали.

Августа въ 1-й день. За три часа до свѣту изъ-подъ мѣста Порто-ди-Санта-Марія пошли мы на веслахъ, потому что не было никакого вѣтру, а потомъ припалъ вѣтеръ небольшой, и мы, поднявъ два паруса, шли имъ малое время; потомъ паки вѣтеръ престалъ, и мы, подвязавъ парусы, пошли паки на греблѣ и прошли Калабрію всю. Потомъ пришли противъ береговъ Неаполитанскаго королевства; въ томъ мѣстѣ почалъ намъ быть вѣтеръ немалый, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали тѣмъ вѣтромъ мало не во весь тотъ день, а за шесть часовъ до ночи приплыли Неаполитанскаго королевства къ одному мѣсту, которое называется Палянудо. Подъ тѣмъ мѣстомъ пристали мы и ночевали. Въ томъ мѣстѣ города нѣтъ, только одна остарія, т.-е. постоялый дворъ при одномъ портѣ, гдѣ пристаютъ суды отъ противныхъ вѣтровъ.

Августа во 2-й день. На первомъ часу дня пошли мы изъ-подъ Палянуда на веслахъ и не могли изъ порту выйтить за страхомъ отъ великаго волненія морскаго, поворотились назадъ; также и другихъ три филюги, которыя хотѣли идтить въ Неаполь, стояли съ нашею филюгою въ томъ же портѣ вмѣстѣ и для великихъ волнъ морскихъ, чтобъ филюгъ волнами объ землю не разбило, выняли всѣ филюги тамъ бывшія изъ воды на берегъ. Въ томъ же портѣ стояли три тартаны, для того что за великою погодою морскою идтить моремъ не могли. Въ

томъ портѣ зѣло много ловятъ рыбъ, которыя называются по-гишпански тунды. Тѣ рыбы великостью съ малаго осетра, только тоньше осетра, голова подобна семгѣ, а сама рыба та ипостась имѣетъ особую. Тѣло той рыбы сѣрое, красно, подобно говяжью мясу; а когда ту рыбу сварятъ или испекутъ, тогда бываетъ бѣло. Той рыбы тѣло и слоевато и зѣло укусно. Гишпанцы ту рыбу гораздо употребляютъ. Въ томъ портѣ въ одну ночь рыболовы поймали тѣхъ рыбъ сто и двадцать. И то Августа 2-е число стояли мы въ томъ портѣ, ожидая благополучнаго времени ко плаванію весь тотъ день и не могли выйтить изъ того порту съ препятіемъ великаго противнаго вѣтру и ночевали мы въ томъ портѣ другую ночь. Имѣли мы у себя тутъ оскудѣніе хлѣба и вина, а купить въ томъ портѣ кромѣ вышеписанной рыбы ничего не сыискали, потому что то мѣсто пустое и отъ жилыхъ мѣстъ отдалено, также и фруктовъ, т.-е. гроздья, въ томъ портѣ никакого не могли сыискать продажнаго; потому что около того порту по горамъ мѣста каменныя и лѣса есть мелкіе, а пашни въ томъ мѣстѣ малое число, гдѣ сѣютъ пшеницу, а плодовитыхъ деревъ по тѣмъ горамъ никакихъ не растетъ; а которые есть жители по тѣмъ горамъ, и тѣ зѣло скудны, и малое ихъ число въ томъ мѣстѣ обрѣтается, а которые и есть и тѣ всѣ забавляются рыболовствомъ и продаютъ ту рыбу въ кляшторы, т.-е. въ монастыри, близко того порту обрѣтающіеся въ горахъ. Въ томъ портѣ наѣхалъ я трехъ человѣкъ Французовъ, которые сказали мнѣ, что королевичъ Французскій ѣдетъ въ Неаполь гулять, а съ нимъ 20 галеръ, и остался-де отъ нихъ близко Риму въ городѣ Цитавечѣ, и чаемъ-де, что въ сихъ числахъ приплыветъ въ Неаполь не измѣшкавъ.

Августа въ 3-й день. На первомъ часу дня изъ-подъ Палянуда пошли мы на веслахъ и вышедъ изъ порту на море подняли два паруса, для того что вѣтеръ былъ со стороны, однакожъ надлежащему нашему пути былъ способенъ, и тѣмъ вѣтромъ бѣжали три часа и, прибѣжавъ къ мѣсту Ляцеронъ, вошли подъ нимъ въ портъ и, приставъ къ берегу, филюгу свою выняли изъ воды на берегъ, для того что тотъ портъ каменистъ и опасались, чтобъ великими морскими волнами не разбило филюги нашей о камень; а идтить изъ того мѣста въ надлежащій свой путь не могли, для того что вѣтеръ былъ посторонній и зѣло великъ, также и волны морскія преестественно были велики. И изъ-подъ вышеписаннаго мѣста Палянуда съ великимъ страхомъ насилу дошли до того мѣста, которое называется Ляцерона, и подъ Ляцероною стояли мы того дня до обѣда, чаяли измѣны или престанія вѣтра; и по обѣдѣ вѣтеръ измѣнился, а началъ быть вѣтеръ намъ самый противный и зѣло великій, къ тому жъ дождь началъ быть

превеликій, и затѣмъ мы того дня изъ подъ Ляцерона идтить не могли, стояли тутъ до ночи, и въ ночи также былъ вѣтеръ противный и дождь великій, и мы въ томъ мѣстѣ и ночевали за тою великою фортуною.

Августа въ 4-й день. За полчаса до дня изъ-подъ Ляцерона пошли мы на веслахъ, для того что вѣтеръ престалъ и было безвѣтріе и волненія великаго въ морѣ не было. И такъ мы шли того числа до 3-го часа, а въ третьемъ часу того дня приплыли мы подъ городъ Лалакосу. Въ томъ мѣстѣ стоитъ караулъ изъ Неаполя для всякихъ проѣзжихъ судовъ по морю, которыя ходятъ изъ Неаполя въ Калабрію и изъ Калабріи въ Неаполь. Въ томъ мѣстѣ всякое судно, пловущее изъ Калабріи въ Неаполь, повинно пристать и показать всякія вещи, которыя въ томъ суднѣ будутъ для того, чтобъ никакихъ товаровъ въ Неаполь безъ пошлинъ не провозили. И какъ наша филюга подъ тѣмъ мѣстомъ къ берегу пристала, и ко мнѣ на филюгу пришелъ одинъ человѣкъ Неаполитанецъ, который въ томъ мѣстѣ за начальника пребываетъ надъ гвардіею, и смотрѣлъ у меня всякихъ вещей, которыя у меня были на филюгѣ и въ сундукѣ моемъ смотрѣлъ, который сундукъ у меня былъ на филюгѣ съ моими вещами, также у хозяина филюги нашей и у марнеровъ у всѣхъ осматривалъ всего и, видя, что на филюгѣ нашей никакихъ купецкихъ вещей нѣтъ, отпустилъ насъ скоро; и мы, отъ того мѣста отшедъ недалеко, подняли два паруса, для того что вѣтеръ началъ быть намъ способный, только невеликъ и тѣмъ вѣтромъ на двухъ парусахъ, къ тому жъ еще и веслами, гребли. Шли мы того дня до 5-го часа, а въ пятомъ часу паки вѣтеръ престалъ и было безвѣтріе до 7-го часа, и мы шли на веслахъ, а въ 7-мъ часу началъ быть вѣтеръ немалый, а намъ недобре способный, который называютъ Итальяне непонтомъ, т.-е. западный. И мы, поднявъ два паруса, побѣжали тѣмъ вѣтромъ къ землѣ, а въ надлежащій свой путь тѣмъ вѣтромъ идтить не могли, и за три часа до ночи прибѣжали мы подъ одно мѣсто, которое называется Санто-Андреа, и стали въ портѣ, въ которомъ пристаютъ небольшія суды. Тотъ городъ стоитъ при самомъ морѣ подъ высокими горами, строеніе въ немъ все каменное, построенъ на веселоватомъ мѣстѣ. Въ томъ городѣ живетъ арцибискупъ Римской вѣры. Въ томъ же городѣ въ одной палатѣ лежатъ 100 тѣлъ человѣческихъ, нетлѣнны всѣ; а какіе тѣ были люди и какой вѣры, о томъ невѣдомо, для того что самыхъ древнихъ лѣтъ тѣ ихъ тѣлеса тутъ лежатъ нетлѣнны. Около того города зѣло высокія горы каменныя при морѣ, по тѣмъ горамъ есть много зѣло жилья строенія каменнаго изряднаго, между которымъ строеніемъ на одной горѣ построенъ монастырь Римской вѣры, въ немъ живутъ законники Францишканы. Въ томъ монастырѣ костелъ во имя Пре-

святыя Богородицы, въ томъ костелѣ образъ Богородицынъ, чудотворная икона. Тотъ монастырь стоитъ зѣло на веселомъ мѣстѣ, строеніе въ немъ каменное, изрядное. И стояли мы въ томъ портѣ того числа до ночи и ночевали тутъ же въ томъ же портѣ.

Августа въ 5-й день. За 4 часа до свѣту пошли мы изъ того мѣста на веслахъ и шли 3 часа подлѣ берегу, и за часъ до дня нашла на насъ зѣло великая туча, изъ которой былъ громъ и молнія и дождь преестественно великій и вѣтръ противный надлежащему нашему пути, и мы въ это время не могли нимало поступить далѣ пристани въ прилучившемся тутъ портѣ на пустомъ мѣстѣ; а ежели бъ въ томъ мѣстѣ не прилучилось пристанища, и намъ бы отъ той тучи быть въ морѣ въ великомъ страхованіи. И стояли мы въ томъ пустомъ мѣстѣ часъ, и еще иныхъ три филюги стояли тутъ же съ нами; а какъ приспѣлъ день, и мы изъ того порту пошли на веслахъ, для того что туча прошла и былъ дождь небольшой и намъ плыть не мѣшалъ. И такъ мы шли на веслахъ два часа дня, а потомъ почалъ быть вѣтръ невеликій, а намъ способный, который Итальяне называютъ сирокомъ, т.-е. межъ Востоку и Полудня. И мы, поднявъ два паруса, тѣмъ вѣтромъ побѣжали къ Неаполю и бѣжали одинъ часъ поперекъ каналу, и въ одномъ мѣстѣ обонялъ насъ духъ великій янтарнаго масла власно, какъ бы множество его пролито гдѣ было. О томъ сказывали мнѣ Неаполитанцы, что въ томъ мѣстѣ въ древнія лѣта былъ великій городъ, гдѣ множество дѣлали янтарнаго масла, и волею Божіею въ древнія жъ лѣта тотъ городъ и съ островомъ, на которомъ онъ стоялъ, потопило моремъ, и съ того времени и до днесь на томъ мѣстѣ обоняется духъ янтарнаго масла; а когда бываетъ безвѣтріе и море стоитъ тихо, ни малыхъ волнъ не бываетъ, въ то время пріѣзжаютъ въ малыхъ баркахъ на то мѣсто и находятъ и нынѣ поверхъ воды выплываетъ янтарное масло, которое собираютъ въ сосуды и употребляютъ отъ животныхъ болѣзней. Отъ того мѣста вѣтръ намъ способный умалился, и мы плыли парусомъ и гребли веслами для поспѣшенія, чтобъ въ скоромъ времени приплыть въ Неаполь: опасались еще такихъ же тучъ, которая прешкодила намъ того числа дорогу, о которой писалъ выше сего. И такъ плыли еще часъ, и почалъ быть въ видѣніи отъ насъ городъ Неаполь, и до самаго Неаполя мы плыли на веслахъ и парусовъ не подбирали, и въ пятомъ часу дня приплыли мы въ Неаполь и, приставъ въ Неапольскомъ портѣ къ берегу, показавъ практику свою, т.-е. проѣзжій свой листъ, который мнѣ данъ изъ Мальту, съ филюги сошелъ и пришелъ въ Неаполѣ въ остарію въ тужъ, въ которой прежде стоялъ, которая называется Гелимбадеоро.

Того жъ числа, увѣдавъ о моемъ въ Неаполь пріѣздѣ, кавалеръ

Мальтійскій Николай и братъ его, Неаполитанецъ Гаитанъ, прозвищемъ Реко, пріѣхали ко мнѣ въ остарію и зѣло меня радостно привѣтствовали; также заимно и я имъ благодарствовалъ за ихъ къ себѣ любовь, что по ихъ письмамъ и въ Мальтѣ ко мнѣ отъ Мальтійскихъ кавалеровъ являлась всякая любовь. И сидя у меня тѣ Неаполитанцы время довольное, поѣхали къ себѣ, а я того числа изъ остаріи никуды не ходилъ.

Августа въ 6-й день. По обѣдѣ Неаполитанецъ Мальтійскій кавалеръ Николай Реко прислалъ ко мнѣ въ остарію слугу своего, а съ нимъ прислалъ въ подаркахъ св. икону малую, писану на кости слоновой изряднымъ живописнымъ мастерствомъ, образъ Распятія Христова. Того жъ числа тотъ же Неаполитанецъ Мальтійскій кавалеръ Николай Реко съ братомъ своимъ Гаитаномъ пріѣхали ко мнѣ въ остарію и просили меня о томъ, чтобъ я съ ними въ ихъ каретѣ поѣхалъ гулять, и я по прошенію ихъ съ ними поѣхалъ въ каретѣ ихъ и, гуляя по Неаполю, пріѣхали къ одной аптекѣ, въ которой продаютъ всякія аптекарскія питья. У той лавки тѣ Неаполитанцы Николай и Гаитанъ потчивали меня шербетами и лимонадами разными, гдѣ мы съ ними выпивъ по чашкѣ, поѣхали гулять на берегъ къ морю, гдѣ есть обычай Неаполитанцамъ честнымъ людямъ и женамъ ихъ и дочерямъ гулять по вся дни ѣздя въ каретахъ. И по тому морскому берегу гуляли мы даже до ночи и видѣлъ тамъ множество ѣздятъ въ каретахъ Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей, и дѣвицы гуляли по тому жъ морскому берегу. А какъ наступила ночь, и я съ тѣми Неаполитанцы пріѣхалъ въ остарію къ себѣ, въ которой я стоялъ, и Мальтійскій кавалеръ Николай Реко съ братомъ своимъ Гаитаномъ, побывъ у меня въ остаріи, поѣхали къ себѣ въ домъ.

Августа въ 7-й день. Нанялъ я себѣ фурмана изъ Неаполя до Венеціи, чтобъ ему отвезть меня въ коляскѣ со всѣми при мнѣ будучими вещами и отъ Неаполя до Венеціи во всю дорогу тому фурману меня кормить и поить и за каморы и за постели платить ему жъ и что доведется гдѣ давать отъ проѣзду или имать и проѣзжіе листы, и то все давать ему жъ фурману, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ; а далъ я имъ за тотъ провозъ и за пищу и за все вышеписанное 23 золотыхъ червонныхъ. И за тою же платою стоять тому фурману въ Римѣ пять дней, а во Флоренціи стоять одинъ день для того, чтобъ мнѣ въ Римѣ и во Флоренціи видѣть всякія вещи, которыя потребно форестирамъ смотрѣть. А ежели я въ Римѣ и во Флоренціи или въ иномъ мѣстѣ больше вышеписанныхъ дней буду, и за тѣ простойные дни повиненъ я платить фурману за пищу свою и за постоялое. И изъ той вышеписанной ряды далъ я тому фурману по-

ловину, 11 золотыхъ червонныхъ съ полузолотымъ, а другую половину, столько жъ, отдать мнѣ тому фурману какъ онъ меня привезетъ близко Венеціи въ городъ Местръ. И въ томъ во всемъ взялъ я на того фурмана письмо съ порукою, а поручился по немъ хозяинъ той остаріи, въ которой я стоялъ, породою Цесарецъ, а именемъ Мартынъ, и подписался въ томъ письмѣ, которое я на фурмана взялъ, тотъ Мартынъ своею рукою, что тому фурману по вышеписанному договору во всемъ исправиться и въ дорогѣ служить мнѣ добре со всякимъ повиновеніемъ.

Того жъ числа по обѣдѣ счелся я съ хозяиномъ той остаріи Мартыномъ, и довелось мнѣ ему заплатить за пищу, и за питье, и за каморы, и за постелю всего, что̀ я у него стоялъ до Мальтійской поѣздки, и что̀ стоялъ изъ Мальту пріѣхавъ, 20 дукатовъ, и я не имѣлъ что́ ему заплатить и въ томъ оставилъ у него закладъ до выкупу, для того что у меня денегъ уже ничего не было и проживалъ съ великою скудостію и о томъ своемъ закладѣ оставилъ у негожъ письмо: ежели кому Московскому человѣку случится въ Неаполь пріѣхать, чтобъ тотъ мой закладъ у него выкупилъ, а я ему за то повиненъ буду платить.

Того жъ числа пришли ко мнѣ филюги моей, на которой я ѣздилъ къ Мальтѣ, патронъ и маринеры поклониться, и я имъ сверхъ договорной цѣны, оскудя себя, далъ шесть ефимковъ за то, что они меня явно увезли отъ басурманскихъ Турецкихъ рукъ и, раздѣлався съ ними во всемъ, отпустилъ ихъ отъ себя, потчивая довольно.

Того жъ числа пришелъ въ Неаполь корабль Французскій и сказалъ, что-де Французскія 20 галеръ, о которыхъ я слышалъ на дорогѣ ѣдучи изъ Мальту, пришли до Неаполя за 60 верстъ и стоятъ тамъ, ожидая времени способнаго, которымъ могутъ придтить въ Неаполь; а королевича-де Французскаго на тѣхъ галерахъ нѣтъ, только-де одинъ генералъ и кавалеры и дворяне-Французы ѣздятъ гулять и смотрѣть свѣту. Однакожъ сія вещь разсуждается, что тотъ Французскій караванъ ходитъ по морю не просто, и въ Неаполь приходъ тѣхъ Французскихъ галеръ не для одного смотрѣнія Неаполя: есть нѣкоторыя въ томъ иныя причины подъ прикрытіемъ, потому что король Французскій человѣкъ мудрой и вымышленникъ великій на расширеніе своего государства; и для того разсуждается то Французское гуляніе такъ во многихъ галерахъ, что хотятъ учинить нѣкакую шкуду, а паче, чаю, быть отъ нихъ нѣкакимъ причинамъ надъ Неаполемъ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ въ Гишпанскомъ королевствѣ. И я, тотъ Французскій караванъ хотя видѣть, не поѣхалъ въ надлежащій свой путь

изъ Неаполя сего числа, а отложилъ ѣзду свою сего жъ мѣсяца до 9-го числа.

Того жъ числа пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію Неаполитанецъ помяненный Гаитанъ Реко и просилъ меня, чтобъ я съ нимъ поѣхалъ въ его каретѣ гулять на берегъ морской, гдѣ обычай Неаполитанскому вицерею, также Неаполитанскимъ жителямъ, гулять по вся недѣли по морю въ филюгахъ, какъ о томъ писалъ я въ сей книгѣ выше сего; а Неаполитанскаго вицерея жена, также Неаполитанскихъ честныхъ мужей жены и дѣвицы, гуляютъ при морѣ по берегу морскому въ каретахъ. И я съ нимъ Гаитаномъ въ каретѣ его поѣхалъ гулять и, пріѣхавъ на берегъ къ морю, гуляя видѣлъ въ каретахъ зѣло много Неаполитанскихъ жителей и женъ ихъ и дочерей-дѣвицъ, гуляющихъ по тому морскому берегу; также по морю видѣлъ плавающія многія филюги, въ которыхъ ѣздятъ и гуляютъ Неаполитанцы честные люди и, пріѣзжая къ берегу, кланяются и поздравляютъ женамъ и дѣвицамъ, которыя на томъ берегу при морѣ сидятъ въ каретахъ. И пріѣхавъ ко мнѣ, гдѣ я стоялъ въ каретѣ, Неаполитанскіе жители, дуки, маркезы и кавалеры въ одной филюгѣ просили меня о томъ, чтобъ я сѣлъ съ ними въ ихъ филюгѣ и поѣхалъ бы гулять по морю, котораго ихъ прошенія не хотѣлъ я преслушать, сѣлъ къ нимъ въ филюгу, и гуляли по мо́рю даже до ночи и два часа ночи; потомъ въ третьемъ часу ночи пріѣхали въ Неаполь къ одному мѣсту, которое мѣсто называется Санталюція. Въ томъ мѣстѣ тѣхъ помяненныхъ дуковъ и маркезовъ и кавалеровъ стояли кареты, и, вышедъ изъ филюги, сѣли въ кареты и меня посадили въ сво́ю жъ карету, и сѣли со мною изъ нихъ два человѣка, а достальные, отдавъ мнѣ поклонъ, сѣли въ свои кареты и поѣхали по домамъ; а я съ тѣми кавалерами, которые со мною сѣли въ одну карету, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой я стоялъ, и тѣ кавалеры, которые со мною сидѣли въ одной каретѣ, проводили меня до той остаріи, въ которой я стоялъ, и также отдавъ мнѣ поклонъ, поѣхали къ себѣ, а я остался у себя въ остаріи, въ которой стоялъ.

Августа въ 8-й день. Поутру рано пришли въ Неаполь пять галеръ Гишпанскихъ, которыя называются Еновскія, а тѣ галеры Гишпанскаго короля изъ города, который называется Варцелонія, тотъ городъ отъ Неаполя 1000 миль Итальянскихъ. А пришли тѣ галеры въ Неаполь для того, что Французскихъ галеръ ожидаютъ въ Неаполь, о которыхъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и для всякаго опасенія тѣ Гишпанскаго короля Еновскія галеры пришли въ Неаполь; а какъ тѣ Гишпанскія галеры шли въ Неаполь, и за 60 миль Итальянскихъ обошли до Неаполя помяненныя Французскія галеры; всѣхъ

ихъ 20 галеръ да четыре корабля. И съ тѣхъ Французскихъ галеръ и кораблей, поздравляя Еновскимъ галерамъ, учинили сальво, т.-е. почтеніе, стрѣляли изъ пушекъ, а съ тѣхъ Гишпанскихъ галеръ заимной чести и поздравленія тѣмъ Французскимъ галерамъ и кораблямъ не отдали, изъ пушекъ не стрѣляли, для того что обѣщали имъ ту заимную честь, а по-итальянски сальво, отдать въ Неаполѣ съ повелѣніемъ Неаполитанскаго вицерея посполито съ Неаполитанскими галерами и съ иными судами, которыя обрѣтаются въ Неапольскомъ портѣ. А какъ тѣ Гишпанскія пять галеръ въ Неапольской портъ вошли, и со всѣхъ тѣхъ галеръ стрѣляли изъ пушекъ, отдавали честь Неаполитанскому вицерею и всѣмъ Неаполитанцамъ, и стали тѣ пять галеръ въ Неаполитанскомъ портѣ съ Неаполитанскими галерами купно, а Неаполитанскихъ всего въ двухъ портахъ 10 галеръ кромѣ иныхъ судовъ всякихъ. Въ тѣхъ же портахъ много зѣло кораблей, фрегадановъ, тартанъ, филюгъ и иныхъ всякихъ судовъ морскихъ. Того жъ числа предъ обѣдомъ пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію одинъ дукъ Неаполитанскій да два кавалера и сидѣли у меня часъ довольный, казали мнѣ листы печатные, которые присланы въ Неаполь изъ Венеціи о новыхъ вѣстяхъ. Въ тѣхъ листахъ писано перво о гармадѣ Венецкой, т.-е. о караванѣ ихъ морскомъ, который есть въ морѣ противъ Турковъ, что̀ тамъ дѣлается; потомъ писано о приходѣ пословъ Московскихъ въ Цесарское государство въ городъ Вѣну и какъ имъ была отъ цесаря Римскаго пріемность и почтеніе и увеселеніе и въ которыя мѣста тѣ Московскіе послы изъ Вѣны хотѣли идтить, о томъ о всемъ въ тѣхъ листахъ писано. И потомъ тѣ дукъ и кавалеры поѣхали отъ меня по домамъ.

Того жъ числа по обѣдѣ пріѣхали ко мнѣ три человѣка кавалеровъ Неаполитанскихъ и просили меня, чтобъ я съ ними поѣхалъ гулять, и я съ ними по прошенію ихъ пріѣхалъ въ одинъ верхній городъ, что̀ называется за̀мокъ, а по-итальянски называется Каштельново. Тотъ городъ изряднаго строенія, сдѣланъ съ великими крѣпостьми и множество въ немъ великихъ, изрядныхъ пушекъ и зѣло великъ, четыре тысячи человѣкъ въ немъ жителей всякихъ людей. Въ томъ за̀мкѣ 300 человѣкъ солдатъ всегда бываетъ для сторожи. Въ томъ за̀мкѣ живетъ кастелянъ, домъ его тутъ зѣло великъ, множество палатъ изрядныхъ въ три жилья въ высоту, въ которыхъ палатахъ я гулялъ и смотрѣлъ ихъ всѣхъ, тѣ палаты построены изрядною препорціею. Въ томъ же за̀мкѣ церковь Римская изрядная и немалая, убрана изнутри рѣзьбами алебастровыми и письмами живописными изрядными, хоры въ той церкви золоченые изрядной работы, на которыхъ стоятъ великіе изрядные органы. Изъ того костела сдѣлана вверхъ въ кастеляновы палаты лѣстница круглая пречудной работою и зѣло

высока. Въ томъ же костелѣ видѣлъ я на одномъ алтарѣ образъ Архистратига Михаила вырѣзанъ изъ одного алебастроваго чистаго камени, который отдаетъ звукъ власно какъ золото, когда ударишь его желѣзомъ, и сдѣланъ тотъ образъ преудивительною работою. Съ пріѣзду въ тотъ замокъ сдѣланы ворота изъ бѣлаго мрамору рѣзною пречудною работою и зѣло высоки, затворы у тѣхъ воротъ сдѣланы мѣдные листы зѣло преславною работою. Надъ тѣми воротами повѣшенъ одинъ змѣй, который называется коркодилъ, зѣло великъ и толстъ; а убитъ тотъ коркодилъ въ томъ рву, который сдѣланъ около того замку; въ томъ рву того коркодила было житіе. Изъ того замку сошелъ я къ порту морскому, въ которомъ стояли Неаполитанскія галеры, съ ними жъ стоятъ галеры Еновскія, о которыхъ писано выше. Изъ тѣхъ Еновскихъ галеръ взошелъ я на одну галеру генеральскую; а нынѣ на ней генерала не было, а былъ намѣстникъ генеральскій, который принялъ меня на той галерѣ съ великой любовью, и я, смотря той галеры и сидя съ тѣмъ генеральскимъ намѣстникомъ часъ довольный, пошелъ отъ него съ галеры въ карету, и онъ послалъ меня проводить до кареты сына своего, а самъ меня не могъ проводить, для того что боленъ ногами и съ креселъ встать не можетъ. И тотъ его сынъ проводилъ меня до кареты, гдѣ я, отдавъ ему поклонъ, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ; а кавалеры Неаполитанцы, которые со мной ѣздили, проводили меня до той остаріи и, отдавъ мнѣ поклонъ, поѣхали къ себѣ. Тотъ помяненный генеральскій намѣстникъ сказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ Французскія галеры, которыя идутъ въ Неаполь, о которыхъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и на тѣхъ галерахъ у начальныхъ людей много зѣло богатства, золота и серебра въ судахъ и всякихъ изрядныхъ уборовъ, также Французы на тѣхъ галерахъ и Мальтійскіе кавалеры зѣло богаты и уборны, и сказалъ, что-де генералу тѣхъ галеръ короля Французскаго жалованья корму на годъ по 20000 шкудовъ, а капитанамъ на мѣсяцъ каждому по 200 шкудовъ, да на пищу всякому капитану въ годъ по 500 шкудовъ; а бывши-де тѣ галеры Французскія въ Неаполѣ, пойдутъ на Цицилійскій островъ въ городъ Палерму, желая его видѣть, для того что тотъ городъ зѣло великъ и строенія изряднаго. А какъ тѣ Французскія галеры изъ Неаполя въ Палерму пойдутъ, и съ ними-де вмѣстѣ пойдутъ изъ Неаполя тѣ помяненныя Еновскія галеры и Неапольскія всѣ, и будетъ ихъ всѣхъ Еновскихъ и Неапольскихъ 17 галеръ; а пойдутъ онѣ будто для почтенія Французскаго каравана, а паче для опасенія, чтобъ Французы въ Цициліи не учинили какой конфузіи, т.-е. замѣшанія. А въ Палермѣ всегда стоятъ Гишпанскихъ же шесть галеръ во всякой готовности; однакожъ Гиш-

панцы отъ Французовъ имѣютъ опасеніе, хотя и миръ между собою учинили, а совершенно другъ другу вѣрить не хотятъ.

Августа въ 9-й день. Хотѣлъ я изъ Неаполя поѣхать до Риму рано, и мнѣ сказали, что-де сего числа приплывутъ въ Неаполь помяненныя Французскія галеры и корабли, о которыхъ писано выше; и я, желая тотъ Французскій караванъ видѣть, ожидалъ его въ Неаполѣ сего числа до 12-го часа, желая и то видѣть, какое почтеніе Неаполитанцы учинятъ тому Французскому каравану; а изготовлены были многія дивныя вещи у Неапольскаго вицерея и у всѣхъ Неапольскихъ жителей на почтеніе того Французскаго каравана. Однакожъ я того не видалъ, для того что въ то число тотъ Французскій караванъ въ Неаполь не пришелъ, а я далѣ того ожидать его въ Неаполѣ не могъ, для того что фурманъ былъ у меня нанятъ, и въ договорномъ съ нимъ письмѣ было написано, что мнѣ ѣхать изъ Неаполя до Риму сего Августа 9-го числа, и въ Неаполѣ мѣшкать не хотѣлъ; затѣмъ я того Французскаго каравана въ Неаполѣ не дожидался. Того жъ числа за два часа до вечера пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію фурманъ съ коляскою, и я вещи свои, которыя были при мнѣ, на ту коляску поставя и со всѣмъ управясь и съ хозяиномъ той остаріи, въ которой стоялъ, раздѣлався, изъ Неаполя поѣхалъ до Риму.

При отъѣздѣ моемъ изъ Неаполя пріѣхали ко мнѣ въ остарію Неаполитанскіе дворяне и привѣтствовали меня при отъѣздѣ моемъ любовно и разсуждали съ великимъ прилежаніемъ о проѣздѣ моемъ въ Римъ, какъ мнѣ въ той дорогѣ подобаетъ своего здоровья хранить отъ злого воздуху; потому что въ сихъ числахъ отъ Неаполя до Риму бываетъ по вся годы воздухъ тяжелый, и кто ѣдетъ въ сихъ числахъ отъ Неаполя до Риму или изъ Риму въ Неаполь, тому потребно мало ѣсть и мало пить и мало спать въ день, а ночью отнюдь спать не надобно нимало, во всю ночь надобно ѣхать, а въ день стоять; и зѣло потребно въ той дорогѣ употреблять табаку дымового и носового, для того что дымовой табакъ отгоняетъ тягостный воздухъ, а носовой табакъ не допускаетъ того злого воздуху обонять, и такъ тѣми двумя вещами въ той дорогѣ сохраняется человѣческое здоровье, и пріѣзжаютъ въ сихъ злыхъ числахъ изъ Риму въ Неаполь и изъ Неаполя въ Римъ въ добромъ здоровьѣ. Того жъ числа учинилась въ Неаполѣ вещь такая: былъ сдѣланъ за городомъ Неаполемъ одинъ домъ, въ которомъ дѣлали порохъ, недалеко отъ той горы, которая всегда отъ сотворенія свѣта горитъ, о которой писано въ сей книгѣ выше сего, и отъ той горы нѣкоторымъ случаемъ въ тотъ порохового дѣла дворъ припалъ огонь, и запалился порохъ, котораго было много, и тотъ дворъ и въ немъ въ то время бывшихъ 60 человѣкъ Неаполитанцевъ взорвало совсѣмъ и

тѣхъ людей всѣхъ 60 человѣкъ побило до смерти. О томъ случаѣ зѣло Неаполитанскій вицерей и всѣ Неаполитанцы скорбѣли, что такая несчастная оказія учинилась.

Какъ я изъ Неаполя поѣхалъ, и меня въ Неаполѣ одерживали на трехъ заставахъ, гдѣ стоятъ Неаполитанскіе солдаты для осмотру всякихъ проѣзжихъ людей и осматриваютъ всякихъ чиновъ людей, кто ни ѣдетъ въ Неаполь или изъ Неаполя, чтобъ не провозили неявленныхъ товаровъ; и на тѣхъ заставахъ показавъ я солдатамъ проѣзжія свои грамоты и подаря ихъ по обыкновенію, проѣхалъ тѣ всѣ три заставы безъ осмотру и въ другомъ часу ночи пріѣхалъ въ городъ Аверцу. Тотъ городъ Гишпанскаго короля Неаполитанской провинціи, отъ Неаполя 8 миль Итальянскихъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное и городъ немалый; до того города отъ Неаполя по дорогѣ много жилья домовъ изрядныхъ строенія каменнаго и множество по полямъ виноградовъ, которые растутъ подлѣ высокихъ деревъ и по тѣмъ деревьямъ вьются зѣло высоко. Въ томъ городѣ Аверцѣ я не стоялъ, проѣхалъ мимо и въ четвертомъ часу ночи пріѣхалъ въ городъ Капую, отъ Аверцы 8 миль Итальянскихъ. Въ томъ городѣ я сталъ въ остаріи. Тотъ городъ зѣло крѣпокъ и великъ, стоитъ надъ рѣкою, которая зовется Капуей; подъ тою рѣкою въ землѣ прокопаны пречуднымъ разумомъ дороги, которыми можно безъ нужды на лошадяхъ ѣздить, и называютъ тотъ городъ Неаполитанцы ключемъ Неаполитанскимъ для великой его крѣпости. Въ томъ городѣ была древняя Неаполитанская столица, и донынѣ въ томъ городѣ престолы Неаполитанскихъ королей. И какъ король Французскій воевалъ Неаполитанское королевство и побралъ всѣ городы и самый Неаполь взялъ, а того города Капуи взять не могъ никакими мѣрами, для того что безмѣрными крѣпостьми утвержденъ. Въ томъ городѣ въ остаріи стоялъ я полныхъ 3 часа, а въ четвертомъ часу изъ того города поѣхалъ и ѣхалъ всю ночь и въ день два часа. И по той дорогѣ отъ города Капуи много виноградовъ и пашни есть, по которымъ сѣютъ пшеницы по ровнымъ мѣстамъ и по небольшимъ горамъ; также есть и лѣса небольшіе, и жилья по той дорогѣ есть немало.

Августа въ 10 день. Въ третьемъ часу пріѣхалъ я въ остарію, которая называется Сантагата, въ той остаріи сталъ обѣдать, отъ Капуи 18 миль Итальянскихъ, и стоялъ я въ той остаріи до 12-го часа и въ томъ часу поѣхалъ для того, что по той дорогѣ въ сихъ числахъ въ день не ѣздятъ для великихъ жаровъ Іюля злого воздуху, а ѣздятъ ночьми. И пріѣхалъ я къ рѣкѣ, которая называется Гарляне; подлѣ той рѣки ѣхалъ мили съ двѣ Итальянскихъ и пріѣхалъ къ перевозу, который называется Траста. Та рѣка немалая, крутоберега

и глубока, кромѣ перевозу переѣхать ее не можно, мостовъ на ней нѣтъ, переѣзжаютъ на небольшомъ паромѣ. У того перевозу по обѣ стороны той рѣки построены башни каменныя немалыя, у тѣхъ башень построены палаты для сторо́жъ; въ тѣхъ палатахъ бываютъ всегда капитанъ съ солдатами для воровскихъ людей, чтобъ проѣзжимъ всякимъ людямъ отъ воровъ было проѣзжать безопасно, а плата тому капитану и солдатамъ отъ Гишпанскаго короля, а съ проѣзжихъ людей тотъ капитанъ и солдаты ничего не берутъ. При томъ же перевозѣ по обѣ жъ стороны рѣки у помяненныхъ палатъ подѣланы небольшія каменныя каплицы Римской вѣры, въ которыхъ по вся дни отправляются Римскія обѣдни для капитана и солдатъ, которые тутъ стоятъ на караулѣ, и для всякихъ проѣзжихъ людей. Въ томъ мѣстѣ я, перевозясь ту руку, проѣхалъ въ отдачу часовъ дневныхъ и пріѣхалъ въ остарію, которая называется Симунель, отъ того перевозу двѣ мили Итальянскихъ. Въ той остаріи я стоялъ до 2-го часа ночи, тутъ ужиналъ. Отъ остаріи до Сантагата 8 миль Итальянскихъ до перевозу. По той дорогѣ виноградовъ я не видалъ, ѣхалъ полями изрядными, по которымъ много пашни подъ пшеницы и сѣнокосовъ много жъ изрядныхъ. По тѣмъ полямъ много стадъ животинныхъ коровъ и быковъ на паствахъ. А отъ того перевозу какъ я перевезся, поѣхалъ я къ остаріи Симунеля, и въ томъ мѣстѣ знать многое строеніе древнихъ лѣтъ каменное развaленное, знатно было изряднымъ мастерствомъ построено, между которымъ строеніемъ знать отъ великихъ горъ построены были каменные столбы съ перемычками, а поверху тѣхъ столбовъ сдѣланы были колоды каменныя, по которымъ изъ горъ текла ключевая вода изрядная, а тѣхъ столбовъ и нынѣ знать на 1500 саженяхъ слишкомъ; также того древняго строенія является въ томъ мѣстѣ на 2-хъ тысячахъ саженяхъ слишкомъ; а сказываютъ, что въ томъ мѣстѣ былъ въ древнихъ лѣтахъ городъ поганскій зѣло великій, и та помяненная ключевая вода отъ горъ по каменнымъ столбамъ ведена была въ тотъ поганскій городъ для того, что помяненной рѣки Гарляне въ томъ мѣстѣ не было, а текла отъ того мѣста въ дальнемъ разстояніи, а потомъ перекопали и пропустили ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ течетъ. И въ древнія жъ лѣта одинъ Неаполитанскій владѣтель, который назывался Сибіонъ Африканъ, тѣхъ поганъ изъ того города выбилъ и городъ тотъ раззорилъ и учинилъ въ томъ мѣстѣ христіанство, для того что о́нъ былъ христіанинъ. И на томъ мѣстѣ нынѣ жилищъ людскихъ нѣтъ, все пашни и сѣнокосы; а построенъ нынѣ городъ на горѣ зѣло высокій, отъ которой горы помяненная ключевая вода ведена, и называется тотъ городъ Траста. Отъ помяненнаго перевоза сдѣлана дорога не гораздо

широкая, какъ можно тремъ каретамъ разъѣхаться, намощена камнемъ сѣрымъ тесанными плитами изрядно. И въ древнія лѣта была та дорога сдѣлана отъ Риму до самаго Неаполя, а нынѣ уже та дорога вся испорчена, только ея осталось отъ того перевозу миляхъ на 30 или мало больше. И стоялъ я въ той вышеписанной остаріи Симунелѣ до 2-го часа ночи, а во 2-мъ часу ночи поѣхалъ и ѣхалъ во всю ночь. По той дорогѣ много горъ, по которымъ растутъ мелкіе лѣса, а въ иныхъ мѣстахъ есть пашни, на которыхъ сѣютъ пшеницы, также есть и сѣнокосныя мѣста и пажити животинныя изрядныя. По прошествіи ночи, на всходѣ солнца, пріѣхалъ я къ городу Портелю, отъ остаріи Симунели 25 миль Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ жилья никакого нѣтъ, только построены одни ворота каменные. То мѣсто граничитъ Гишпанію съ Римскою областью. И, въѣхавъ я въ папежское обладаніе, ѣхалъ подлѣ моря верстъ съ пять; море у меня было въ лѣвой сторонѣ, а на правой сторонѣ высокія были горы.

Августа въ 11-й день. Пріѣхалъ я въ Римскую область въ остарію Терезинъ, отъ Гишпанской границы пять миль Итальянскихъ. Та остарія стоитъ при самомъ морѣ подъ высокими каменными горами, на которыхъ горахъ зѣло высоко высѣчены изъ камени гульбища и поставлены пушки. Также въ тѣхъ мѣстахъ построены башни, на которыхъ стоятъ пушки жъ и караулъ для приходу Турецкихъ людей и Барбарійскихъ по морю, чтобы во владѣніе папежское басурманы не могли придтить по морю безвѣстно; и стоялъ я въ той остаріи того числа до 12-го часа, а въ 12-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ въ городъ Трасту, отъ остаріи Терезинъ одна миля Итальянская. Стоитъ тотъ городъ на горѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ невеликъ. Потомъ пріѣхалъ въ четвертомъ часу ночи въ городъ Пиперму. Тѣ городы папы Римскаго. Отъ Трасты до Пипермы 14 миль Итальянскихъ; и въ томъ городѣ Пипермѣ сталъ я въ остаріи и ужинавъ изъ того города поѣхалъ. Тотъ городъ стоитъ на высокой каменной горѣ, на которую гору я не могъ въѣхать въ коляскѣ и взошелъ пѣшъ; также изъ того города съ той помяненной горы сошелъ я пѣшъ же, для того что въ коляскѣ въѣхать трудно, потому что гора зѣло велика и все по той горѣ камень и, поѣхавъ я изъ того города за 4 часа до свѣту, ѣхалъ всю ночь. По той дорогѣ мѣста ровныя; на лѣвой сторонѣ той дороги отъ Неаполя къ Риму пашни и пастбища изрядныя потянулись къ морю, на которыхъ видѣлъ великія стада буйволовъ, а на правой сторонѣ великія горы зѣло высокія каменныя. По той дорогѣ по горамъ много жилья строенія каменнаго, также по той дорогѣ много лѣсовъ, а паче больше дубняку великаго;

между тѣхъ лѣсовъ есть сады, въ которыхъ множество деревъ плодовитыхъ всякихъ.

Августа въ 12-й день. Поутру рано пріѣхалъ къ городу папы же Римскаго, который городъ называется Серманета, отъ Пипермы 15 миль Италъянскихъ. Тотъ городъ стоитъ зѣло на высокой каменной горѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ немалъ и зѣло на веселоватомъ мѣстѣ построенъ. Въ томъ я городѣ не стоялъ, проѣхалъ его мимо и пріѣхалъ въ городъ Римскаго жъ папы Велестру. Въ томъ городѣ сталъ въ остаріи, которая называется Дабостъ, отъ Серманеты 13 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ въ полугорѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ пространенъ и люденъ, около его поля зѣло великія, пашни и сѣнокосы и пастбища изрядные, на которыхъ видѣлъ я множество буйволовъ и быковъ и коровъ и всякихъ животныхъ, также и хлѣба и пшеницъ около того города много. Отъ Серманеты до сего города по дорогѣ лѣсовъ мало, мѣста всѣ пòлистыя и горы есть каменныя не добре великія. Въ томъ городѣ стоялъ я весь день и ночи два часа, а въ третьемъ часу ночи поѣхалъ къ Риму. И фурманъ, который меня везъ, говорилъ мнѣ съ прилежаніемъ, чтобъ въ той ночи ѣхавъ отнюдь не спать и не дремать, для того что въ томъ мѣстѣ воздухъ самый тягостный и, если кто въ тѣхъ мѣстахъ ночью уснетъ или задремлетъ, тотъ человѣкъ не можетъ уже быть безъ болѣзни, а болѣзни-де тѣмъ людямъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ въ ночи уснутъ или задремлютъ, приключаются зѣло тяжелыя, отъ которыхъ многіе и помираютъ; а въ день тѣми мѣстами не ѣздятъ, для того что безмѣрно бываетъ жарко, и отъ того жару также приключаются проѣзжимъ людямъ болѣзни тяжкія, отъ которыхъ мало кто можетъ живъ быть, и проѣзжаютъ то мѣсто по ночамъ и зѣло хранятся, отнюдь не спятъ и не дремлютъ отъ города Велестра до самаго Риму и такъ злой воздухъ проѣзжаютъ безболѣзненно съ великимъ опасеніемъ; а до Риму отъ сего города 20 миль Итальянскихъ. И отъѣхавъ я отъ того города Велестры 2 мили Итальянскихъ, пріѣхалъ къ одной великой горѣ; на ту гору не могъ я въѣхать въ коляскѣ, для того что зѣло высока, а дорога на нее каменистая, и шелъ я на ту гору пѣшъ 3 мили Итальянскихъ. Потомъ пріѣхалъ въ городъ Римскаго жъ папы въ Маринъ. Тотъ городъ стоитъ между горъ на ровномъ мѣстѣ, зѣло великъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное, около его много изрядныхъ садовъ со всякими плодовитыми деревьи. По той дорогѣ отъ Велестры до Марина много виноградовъ и лѣсовъ, дорога недобре камениста. Въ томъ городѣ Маринѣ я не стоялъ, проѣхалъ его мимо и ѣхалъ прямо до Риму. По той дорогѣ отъ Марину къ Риму много садовъ изрядныхъ по обѣ стороны дороги со всякимъ

плодовитымъ деревьемъ, и въ тѣхъ садахъ много деревъ изрядныхъ кипарисныхъ. Около тѣхъ садовъ ограды изрядныя каменныя, въ которыхъ подѣланы изрядные ворота съ препорціею хорошею. Въ тѣхъ мѣстахъ отъ Марину до Риму знать древняго строенія столбы каменные съ перемычками, по которымъ въ древнія лѣта отъ горъ ведены въ Римъ ключевыя чистыя воды верстахъ на десяти мѣрныхъ, и нынѣ еще тѣхъ столбовъ знать много; а подлѣ тѣхъ древнихъ столбовъ подѣланы вновь такіе жъ столбы, и по нихъ идетъ вода въ Римъ, а по-итальянски то называется каналъ-де-ля-аква. По той же дорогѣ отъ города Марина до самаго Риму много изрядныхъ поль, по которымъ сѣютъ пшеницы и косятъ сѣно. По тѣмъ же полямъ построено много домовъ Римскихъ сенаторей подобно Московскому обыкновенію загородныхъ дворовъ, только тѣ Римскихъ сенаторей домы строенія все каменнаго изряднаго по препорціи. На тѣхъ же поляхъ есть знатно много и древнихъ лѣтъ строенія каменнаго, которое уже отъ многихъ лѣтъ развалилось. По тѣмъ же полямъ много видѣлъ стадъ буйволовъ и быковъ и коровъ и иной всякой животины.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XV. *)

Дѣйствія отряда князя Барятинскаго.—Перенесеніе лагеря къ Аргуну.—Истребленіе ауловъ по Джалкѣ —Движеніе чрезъ всю Чечню къ Куринскому.—Рядъ писемъ князя Воронцова.

Возвращаюсь къ разсказу о дѣйствіяхъ отряда князя Барятинскаго. Хотя изъ его писемъ уже можно видѣть главнѣйшіе результаты, но болѣе подробное объясненіе, полагаю, будетъ нелишнимъ. Къ 1-му Февраля 1852 г. всѣ работы между крѣпостью Воздвиженскою и Автуромъ были окончены, лѣсъ такъ расчищенъ, что на этомъ пространствѣ могли уже безопасно ходить небольшія колонны. Оставалось открыть такой же доступъ въ глубь Большой Чечни отъ Грозной, нашего центральнаго пункта, болѣе удобнаго для быстраго сосредоточенія войскъ и ихъ снабженія.

По этимъ соображеніямъ, лагерь былъ перенесенъ внизъ по Аргуну къ Тепли, и войска приступили къ рубкѣ лѣса по лѣвому берегу р. Джалки. Здѣсь, въ плодородной долинѣ, сгруппировалось густое и сравнительно-богатое народонаселеніе, благодаря обильнымъ запасамъ кукурузы и проса, а также большому скотоводству. Хотя долина Джалки была гораздо ближе къ Грозной, чѣмъ другія части Чечни и, казалось, должна была подвергаться большей опасности отъ вторженій Русскихъ войскъ, но окруженная значительными густыми лѣсами и нѣсколькими топкими шавдонами

---

*) См. „Русскій Архивъ" сего года, выпуски 1—4.

(чрезвычайная якобы трудность движенія по нимъ очень ловко внушалась намъ разными лазутчиками и преданными Чеченцами) долго охраняла населеніе этой мѣстности отъ посѣщенія нашихъ войскъ.

Князь Барятинскій рѣшился, наконецъ, сорвать эту печать таинственности, хотя и его увѣряли въ рѣшительной непроходимости для войскъ съ артилеріею дорогъ, ведущихъ къ центру Джалкинскаго населенія. Съ цѣлью такого внушенія, лазутчики, послѣ подробнаго якобы осмотра мѣстности, явившіеся въ Грозную и имѣвшіе служить намъ проводниками, вошли къ князю Барятинскому выпачканные въ грязь по самый поясъ, а лошади ихъ были похожи на свиней, проваляввшихся долго въ болотѣ... Чеченская военная хитрость осталась однако безъ результата.

До 15-го Февраля лѣсъ на лѣвомъ берегу былъ расчищенъ; перешли на правый и сдѣлали тоже. Цѣлые дни происходили перестрѣлка и канонада, стоившія намъ 10—15 человѣкъ. Шамиль былъ въ отчаяніи, видя, какъ мы все болѣе и болѣе проникаемъ въ самый центръ Чеченскаго населенія, вынуждаемаго или переходить къ намъ, или бѣжать въ горы, теряя плодородныя мѣста, кормившія и Чеченцевъ, и горцевъ Дагестана. Онъ усилилъ свои сборища еще новыми подкрѣпленіями, велѣлъ испортить, гдѣ только была возможность, дороги, мостики, однимъ словомъ, проявлялъ лихорадочную дѣятельность, чтобы хоть на время задержать наше наступательное движеніе и разореніе Чечни. Все это ни къ чему не повело.

Выше уже было разсказано, что въ началѣ Января, послѣ занятія Автура, отрядъ доходилъ до аула Гельдыгена, прорубивъ просѣку къ р. Басъ. Позиція у Гельдыгена, при бѣгломъ осмотрѣ, показалась и самому князю Барятинскому, и окружавшимъ его лицамъ, весьма удобною для расположенія лагеря отряда на продолжительное время, нужное для расчистки просѣкъ въ разныхъ направленіяхъ, съ цѣлью обезпечить совершенно свободное сообщеніе съ Аргуномъ. Теперь, покончивъ болѣе или менѣе рѣшительно съ таинственнымъ пространствомъ между Джалкою и Аргуномъ, князь Барятин-

скій рѣшилъ передвинуться къ Гельдыгену и отсюда продолжать рубку лѣса.

Оставивъ лагерь въ Тепли подъ прикрытіемъ трехъ батальоновъ, князь съ остальными 8-ю батальонами и всей кавалеріей, предъ разсвѣтомъ 17-го Февраля, двинулся къ аулу Цацину. Шамиль, не зная положительно направленія отряда, собралъ всѣ свои толпы въ лѣсистой долинѣ р. Хулхулау, за ауломъ Эманы. Здѣсь, при переходѣ чрезъ рѣчку, завязалось довольно жаркое дѣло. Достигнувъ Гельдыгена и осматривая мѣстность для расположенія лагеря, мы вдругъ убѣдились въ рѣшительной ошибочности своего перваго взгляда на эту мѣстность. Оказалось, что она окружена со всѣхъ сторонъ канавами и лѣсомъ на близкомъ разстояніи, что Чеченцамъ тутъ весьма удобно было скрываться, что изъ-за лѣса непріятель обстрѣливалъ насъ изъ пушекъ, а ружейные выстрѣлы раздавались со всѣхъ сторонъ, причиняя значительную потерю; кромѣ того, просѣка была вырублена только до лѣваго берега р. Баса, а отъ праваго берега до Гельдыгена тянулся лѣсъ, что́ затрудняло сообщеніе съ Аргуномъ, требуя сильнаго прикрытія и подвергая войска ежедневнымъ потерямъ. Однимъ словомъ, Гельдыгенъ оказался невозможнымъ пунктомъ для постояннаго лагеря. Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ, окончившій курсъ въ академіи генеральнаго штаба, полковникъ баронъ Николаи, бывшій съ 3-мя баталіонами Кабардинскаго полка въ отрядѣ, на вопросъ адъютанта главнокамандующаго князя Мирскаго, какимъ образомъ въ Январьской рекогносцировкѣ всѣ такъ ошиблись, отвѣчалъ: „ничего не понимаю; очевидно, на насъ нашелъ тогда какой-то туманъ".

Положеніе князя оказалось затруднительнымъ. Оставаться въ Гельдыгенѣ невозможно; сознать ошибку и возвратиться въ лагерь на Аргунъ крайне непріятно и невыгодно: такой шагъ назадъ, послѣ безцѣльнаго движенія впередъ и потери напрасно людей, одобривъ непріятеля, затруднилъ бы дальнѣйшія дѣйствія отряда, да и самое отступленіе не могло уже совершиться безъ значительныхъ потерь: число окружавшаго отрядъ непріятеля усилилось, а густой туманъ способствовалъ его нападеніямъ. Переговоривъ съ проводни-

ками, особенно съ незадолго предъ тѣмъ передавшимся намъ Шамилевскимъ наибомъ Батóю, князь Барятинскій, *ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись*, принялъ самое смѣлое рѣшеніе, обратившее ошибку и неудачу въ блистательный успѣхъ.

Сдѣлавъ небольшой привалъ, князь двинулъ отрядъ впередъ въ глубь Большой Чечни, бывшей для насъ, какъ я уже упоминалъ, въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ, чуть не terra incognita..... Когда главная колонна перешла чрезъ оврагъ за Гельдыгенъ, гдѣ непріятель до того испортилъ мостъ, что не было возможности переѣхать повозкамъ и пришлось, подъ учащенными выстрѣлами артилеріи, разработать спуски и исправить мостъ,—началъ движеніе аріергардъ. Отступая залогами по густой чащѣ лѣса, Кабардинскіе батальоны дѣлали свое дѣло молодецки. Горцы толпами кидались на аріергардную цѣпь, ихъ встрѣчали выстрѣлами и дружными „ура"; исчезнувъ на мгновеніе, они появлялись въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, открылись болѣе обширныя полянки, гдѣ утомленные боемъ люди могли спокойнѣе отступать; только въ боковыхъ цѣпяхъ еще гремѣла жаркая перестрѣлка, и наши гранаты со свистомъ летѣли въ кучки горцевъ, толпившихся у своихъ пушекъ. День склонялся къ вечеру, когда аріергардъ сталъ подходить къ аулу Маюртупъ, уже занятому авангардомъ; вся масса непріятеля, видя, что впереди уже нечего дѣлать, сосредоточила свои усилія на аріергардѣ; но замѣчательное отступленіе перекатными цѣпями и залогами разбивало всѣ усилія противника. Было темно, когда аріергардъ подошелъ къ пылавшему аулу.

Маюртупъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ Чеченскихъ ауловъ, расположенъ на уступѣ Черныхъ горъ, на довольно значительной высотѣ надъ долиной Чечни. Со стороны укрѣпленія Куринскаго, къ которому предстояло нашимъ войскамъ выйти, аулъ окруженъ густымъ орѣшникомъ, гораздо труднѣйшимъ для движенія чѣмъ вѣковые лѣса, и глубокимъ ложемъ р. Гудермесъ, впадающей въ Мичикъ. Маюртупъ стоялъ какъ бы на полуостровѣ между двумя глубокими оврагами, спускающимся съ горъ къ руслу рѣки.

Измученные 17-ти часовымъ движеніемъ и боемъ, бывшіе въ аріергардѣ батальоны не стали уже искать удобныхъ

мѣстъ для ночлега, а просто опустились гдѣ стали, выславъ по нѣсколько паръ въ цѣпь. У солдатъ недостало силъ варить кашу: отказавшись отъ всего, лишь бы имъ дали отдыхъ, они ограничились чаркой водки съ сухаремъ и легли кто какъ могъ.

Ночь прошла спокойно: только нѣсколько выстрѣловъ вдругъ было встревожили спавшихъ; оказалось однако, что это разстрѣляли лазутчика, уличеннаго въ коварномъ намѣреніи завести отрядъ въ подготовленную засаду...

Теперь предстояла самая трудная задача. До Маюртупа широкая долина, по которой мы двигались, не представлялась, какъ это казалось издали и какою она была въ прежнее время, сплошнымъ лѣснымъ пространствомъ. Чеченцы, постепенно лишаемые нашимъ наступленіемъ земель, вынуждены были обращать лѣса въ кукурузныя поля; по этимъ полямъ, отдѣленнымъ лишь узкими перелѣсками высокихъ деревьевъ, въ родѣ ширмъ, отрядъ двигался безъ особыхъ препятствій и большихъ потерь, тѣмъ болѣе легко, что туманъ разсѣялся и насталъ солнечный день. Но изъ Маюртупа, до самой переправы чрезъ Мичикъ, по направленію къ Куринскому, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, тянулся густой лѣсъ - орѣшникъ, оставленный Чеченцами неприкосновеннымъ, какъ оплотъ противъ вторженія со стороны Кумыкской плоскости. Не подлежало сомнѣнію, что непріятель употребитъ долгую ночь, чтобы собраться въ большихъ массахъ, занять орѣшникъ и препятствовать переправѣ чрезъ Мичикъ, обрывистые берега котораго сами по себѣ затрудняли до нельзя движеніе, особенно артилеріи.

Противудѣйствовать замысламъ непріятеля и парализовать его усилія можно было только движеніемъ нашихъ войскъ на встрѣчу отряду изъ укрѣпленія Куринскаго. Но командовавшій тамъ подвижнымъ резервомъ полковникъ Баклановъ не зналъ о внезапномъ движеніи князя Барятинскаго. Задача состояла въ томъ, чтобы передать ему нужное приказаніе. Тутъ-то Бата́ оказалъ неоцѣнимую услугу: онъ изъ среды непріятеля нашелъ молодаго Чеченца, который въ теченіи ночи взялся доставить записку Бакланову и до разсвѣта привезти отвѣтъ.

Князь Мирскій разсказываетъ, что, въ ожиданіи этого спасительнаго посланца, онъ всю ночь заснуть не могъ. Вѣдь съ этимъ Чеченцемъ мало ли что́ могло случиться? А безъ движенія Бакланова положеніе становилось критическимъ и могло кончиться катастрофой. Но князь Барятинскій, обыкновенно поздно засыпавшій и дурно проводившій ночи, въ этотъ разъ отлично поужиналъ и спалъ въ эту ночь лучше обыкновеннаго.... Нельзя было не любоваться его хладнокровіемъ!

За часъ до разсвѣта явился посланецъ съ отвѣтной запиской Бакланова, что все будетъ исполнено согласно приказанію. Разбудили князя. Чеченецъ, награжденный 20-ю полуимперіалами, былъ совершенно счастливъ...

Сталъ брезжить свѣтъ: многіе офицеры и солдаты спали, положивъ головы на тѣла убитыхъ товарищей, привезенныхъ, по обычаю, въ лагерь для погребенія... Цѣпь второй смѣны оказалась тоже спящею... Она легко могла быть перерѣзанною, еслибы непріятель, въ свою очередь страшно утомленный, тоже не спалъ за оврагомъ. И нечего было ни негодовать, ни удивляться такой безпечности: есть предѣлъ всему и даже выносливости Русскаго солдата. Съ 3-хъ часовъ утра до 9-ти часовъ вечера быть на ногахъ, подъ ружьемъ, подъ походнымъ вьюкомъ, двигаться по грязной, глинисто-скользкой дорогѣ, переходить въ бродъ рѣки, бросаться то впередъ, то назадъ, пробиваться сквозь чащу, поддерживая перестрѣлку, вынося убитыхъ и раненыхъ товарищей, слушая свистъ пуль и ядеръ, гики непріятеля, грознаго ударами острыхъ шашекъ, успѣвая за все время проглотить размоченный въ водѣ сухарь,—вѣдь никакіе нервы, никакіе мускулы дальше этого идти не могутъ!...

Къ 7-ми часамъ люди похлебали каши, отрядъ оставилъ пылающій Маюртупъ и двинулся къ орѣшнику. Многотысячная толпа непріятеля открыла по войскамъ со всѣхъ сторонъ адскій огонь... Въ это время раздался условный залпъ изъ 4-хъ орудій, возвѣстившій, что Баклановъ находится на указанномъ мѣстѣ. Успѣхъ былъ обезпеченъ.

Колонна Бакланова, состоявшая изъ пяти ротъ и шести сотенъ Донцовъ съ конною артилеріею, рано утромъ поя-

вилась предъ изумленнымъ непріятелемъ со стороны Качкалыковскаго хребта; она остановилась на открытой полянѣ предъ густымъ орѣшникомъ, изъ котораго дебушировалъ отрядъ князя Барятинскаго. Главныя части отряда скоро соединились съ Баклановымъ; но аріергарду и боковымъ цѣпямъ приходилось сильно отбиваться отъ насѣдавшихъ Чеченцевъ.

Тотъ кто не участвовалъ въ подобныхъ движеніяхъ едва можетъ представить себѣ ихъ трудности съ соблюденіемъ порядка, не теряя связи съ цѣпями, по такой мѣстности, въ которой ничего не видно въ десяти шагахъ; нерѣдко цѣпи сбиваются съ направленія, незамѣтно уходятъ въ сторону отъ тропы, по которой тянутся сомкнутыя части артилеріи, обозы, раненые и проч., вмѣсто того, чтобы идти паралельно; тогда все это остается не прикрытымъ и можетъ подвергнуться неожиданному нападенію ловкаго непріятеля, умѣющаго замѣтить и воспользоваться такими случайностями, и придти въ замѣшательство, а отъ этого до паники одинъ шагъ. Подобные примѣры бывали нѣсколько разъ, и результаты оказывались крайне-печальными.

При проходѣ чрезъ Маюртупскій орѣшникъ, цѣпи нашей случилось нѣсколько разорваться, были люди изрубленные шашками; однако безпорядка не произошло, и отрядъ благополучно вышелъ изъ чащи. Послѣ непродолжительнаго привала, приказано продолжать движеніе къ Куринскому; но тутъ предстояла вторая часть трудной задачи: нужно было переправиться чрезъ обрывистый, обледенѣлый глубокій оврагъ, въ которомъ протекаетъ р. Мичикъ, обстрѣливаемый съ командующихъ лѣсистыхъ высотъ четырьмя орудіями непріятеля, столпившагося здѣсь подъ начальствомъ Шамиля, въ числѣ не менѣе шести тысячъ человѣкъ. Онъ выжидалъ лишь удобнаго момента, малѣйшаго замѣшательства или столпленія на переправѣ, особенно когда до сумерекъ оставалось ужъ немного времени, чтобы обрушиться на какуюнибудь часть отряда и нанести ей пораженіе. „Барятинскій молодъ, онъ смѣлъ, потому что еще не узналъ что̀ такое пораженіе; я ему дамъ урокъ“. Такъ, по словамъ лазутчиковъ, говорилъ Шамиль. Онъ однако ошибся: молодой (ему, впрочемъ, было тогда 37 лѣтъ) князь Барятинскій, кромѣ

смѣлости, обладалъ замѣчательнымъ врожденнымъ военнымъ талантомъ, необыкновеннымъ хладнокровіемъ и даромъ мгновенно придумывать способы выходить изъ затруднительнаго положенія. И въ этотъ разъ, понимая опасность перехода чрезъ Мичикъ при данныхъ условіяхъ, онъ рѣшился употребить въ дѣло массу своей кавалеріи и послать ее въ атаку на оба непріятельскія крыла, открывъ въ это время сосредоточенный огонь всѣхъ нашихъ батарейныхъ орудій по центру непріятельскаго расположенія, гдѣ стояли ихъ пушки. Привести этотъ маневръ въ исполненіе оказалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что Бата́ увѣрялъ, что лѣсъ, въ которомъ расположены непріятельскія силы, только издали кажется сплошнымъ, но что въ немъ кавалерія можетъ удобно и быстро двигаться.

Полковникъ Баклановъ съ 11 сотнями понесся на правый флангъ, а командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка князь Чавчавадзе съ 4 эскадронами и 5 сотнями на лѣвый. За первымъ бѣгомъ слѣдовалъ одинъ батальонъ, за вторымъ два батальона. Шамиль сначала не придалъ особаго значенія движенію кавалеріи, въ увѣренности, что это демонстрація, что казаковъ въ лѣсъ не пустятъ, а думаютъ его испугать, чтобы онъ убралъ свои пушки; онъ, поэтому, приказалъ усилить изъ нихъ огонь по подходившей къ переправѣ колоннѣ, и дѣйствительно ядра вырвали изъ нея нѣсколько человѣкъ, такъ что приказано было людямъ лечь на отлогости спуска къ Мичику. Но когда Шамиль увидѣлъ, что казаки втягиваются въ лѣсъ, а съ лѣвой стороны движутся на рысяхъ драгуны, когда вся эта конница, наконецъ, пустилась маршъ-маршъ, когда въ толпахъ непріятеля началась суматоха, а по его орудіямъ открылся адскій огонь, унесшій нѣсколько человѣкъ и лошадей, повредившій лафеты: тогда онъ, еще за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ упорствовавшій въ намѣреніи оставаться на своей позиціи и назвавшій своего наиба Геху трусомъ за совѣтъ поспѣшно отступать, даже приказывавшій стрѣлять въ своихъ бѣгущихъ, самъ, наконецъ, вынужденъ былъ послѣдовать за ними, чтобы спасти свои едва двигавшіяся, подбитыя орудія. А драгуны въ это время успѣли ворваться въ непріятельскій редутъ Шуанибъ-

Капа, еще прежде устроенный горцами какъ опорный пунктъ при защитѣ переправы чрезъ Мичикъ. Спѣшившись, драгуны поддерживали перестрѣлку до прибытія батальоновъ; а Баклановъ, доскакавъ до только что оставленной непріятелемъ батареи, тоже прочно устроенной, зажегъ ее и порубилъ немало отставшихъ людей. Погромъ былъ сильный.

Между тѣмъ совершалась переправа съ чрезвычайными затрудненіями. Крутые берега оврага были покрыты ледяной корой: пришлось прорубать колеи и спускать каждое орудіе, каждый ящикъ и повозку на веревкахъ, руками людей; даже однѣ лошади съ трудомъ переходили; легко себѣ представить, что̀ произошло бы здѣсь, еслибы непріятель не былъ разбитъ кавалеріей и громилъ переправу изъ орудій, окруживъ насъ тучами своихъ стрѣлковъ. Какъ мы ни торопились, все же стемнѣло; толкотня и неизбѣжный безпорядокъ задерживали дѣло.

Наконецъ, перешли всѣ; оставалось переправить аріергардные три батальона съ частью казаковъ; а между тѣмъ уже сюда успѣла опять собраться большая толпа Чеченцевъ, ожидавшая минуты отступленія. Впередъ двинули казаковъ, за ними ихъ конныя орудія, которыя, сдѣлавъ повзводно залпы картечью, быстро спустились къ рѣкѣ, перешли на ту сторону и стали на позицію, приготовясь стрѣлять чрезъ головы нашихъ егерей. Было уже совсѣмъ темно, а успѣлъ перейти лишь одинъ Эриванскій гренадерскій батальонъ; вскорѣ за нимъ, по условленному свистку, бросились быстро внизъ Кабардинскій и Куринскій батальоны; въ туже минуту чрезъ ихъ головы брызнула картечь, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, послышались крики, стоны, и все смолкло.

Отправивъ обозы и артилерію впередъ, подъ прикрытіемъ наименѣе утомленныхъ батальоновъ, князь Барятинскій съ остальными войсками чрезъ часъ тронулся къ подъему на Качкалыковскій хребетъ, провожаемый легкой перестрѣлкою нѣсколькихъ сотъ Чеченцевъ и пушечными выстрѣлами оправившагося непріятеля. Зрѣлище всего этого движенія было великолѣпное! Темная беззвѣздная ночь; окрестность освѣщалась заревомъ горѣвшихъ редута и батареи; ружейные выстрѣлы, пересѣкаемые пушечными, сверкали въ воздухѣ, раз-

носящ эхо по горамъ. Какой-то особый, трудно объяснимый гулъ стоялъ въ воздухѣ, и вся картина представлялась чѣмъ-то торжественно-могучимъ, гармонирующимъ съ окружащею природою. Съ радостными сердцами увидѣли, наконецъ, войска привѣтливые огоньки въ укрѣпленіи Куринскомъ, костры раскинувшагося кругомъ бивуака авангардныхъ войскъ. Побѣдителями вступили мы въ укрѣпленіе; всѣ были въ восторгѣ, сознавая, что совершили дѣло славное, казавшееся въ то время невозможнымъ. Одинъ князь Барятинскій оставался по прежнему хладнокровнымъ...

Потери наши ограничились 8-ю офицерами и около 160 человѣками нижнихъ чиновъ; у непріятеля, какъ говорили, была она въ нѣсколько разъ больше. Но дѣло это, кромѣ матеріальнаго урона, нанесло непріятелю большое нравственное пораженіе. Не говоря о потерѣ людей, о сожженныхъ аулахъ и хуторахъ, важнѣе всего было убѣжденіе Шамиля, что въ Чечнѣ дальнѣйшая борьба безнадежна и что его упрямство сможетъ удержать ее отъ окончательнаго покоренія Русскими развѣ весьма непродолжительное время. Сами Чеченцы должны были рѣшительно подумать о средствахъ спасенія... 19-го Февраля, во время дневки, князь Барятинскій объѣхалъ весь лагерь, благодаря войска за ихъ подвиги. Общее ликованіе, въ сознаніи совершеннаго дѣла, было вполнѣ естественно и выражалось неподдѣльно всѣмъ отрядомъ: каждый солдатъ сознавалъ, что достигнутъ важный успѣхъ, что съ Большой Чечни сорвана таинственная завѣса, и считавшіяся заколдованными мѣста раскрыты.

Отсюда князь Барятинскій написалъ князю Воронцову слѣдующее: Укрѣпленіе Куринское, 19-е Февраля 1852 г.

„Вслѣдъ за окончаніемъ рубки лѣса въ Тепли и послѣ того какъ я узналъ, что Шамиль, собравъ все, что̀ только могъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ, думаетъ помѣшать нашимъ дѣйствіямъ на Куринской дорогѣ, я рѣшилъ 17-го числа сего мѣсяца со всѣмъ своимъ отрядомъ отправиться изъ Тепли черезъ Гельдыгенъ и Маюртупъ въ Куринское, оставивъ на защиту лагеря три батальона. Подробности объ этомъ движеніи я вамъ сообщаю въ моемъ рапортѣ; но онъ можетъ дать вамъ лишь слабое понятіе о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя противупоставляли намъ въ теченіе двухъ дней и природа, и

непріятель. Мое предпріятіе вполнѣ удалось, и потеря очень мала. Всѣмъ я обязанъ моимъ храбрымъ офицерамъ и солдатамъ; начальники были превосходны. „Въ моемъ рапортѣ я поименовалъ только начальниковъ отдѣльныхъ частей; мнѣ невозможно указать на тѣхъ, кто отличился больше: дрались всѣ одинаково, и одинаково на долю всѣхъ пала блестящая слава этихъ двухъ дней. „Завтра утромъ я уѣзжаю черезъ Умаханъ-Юртъ въ Грозную. Беру съ собою весь отрядъ; онъ мнѣ будетъ еще нуженъ въ теченіи 12 дней, которые мнѣ остаются до окончанія экспедиціи. Я расчитываю перенести мой лагерь еще ниже на Аргунъ, чтобы открыть съ этой стороны проходы на поля, которыя находятся между Гельцыгеномъ, Аргуномъ и Сунжею. Эта рубка не займетъ болѣе недѣли, и можно будетъ еще вырубить лѣсъ на Урусъ-Мартанѣ и на Гойтѣ, а къ 4-му Марта соединить отрядъ въ Урусъ-Мартанѣ для той рубки, которую предложилъ баронъ Вревскій“.

Затѣмъ уже изъ Грозной, 24-го Февраля, онъ писалъ:

„Послѣ большаго перехода, сдѣланнаго войсками, и послѣ того какъ они вернулись частью черезъ Умаханъ-Юртъ, частью черезъ Брагуны въ Грозную, я далъ имъ два дня отдыха, чтобы завтра начать новую рубку отъ Аргуна до Джалки въ другомъ направленіи. Какъ только мой лагерь будетъ расположенъ, я подробно опишу вамъ мѣстность. Въ одну изъ моихъ рекогносцировокъ этого лѣта, я былъ тамъ и нашелъ необходимымъ очистить проходъ чрезъ лѣсъ, который прикрываетъ большую долину и всѣ поля ауловъ, сосредоточенныхъ на Джалкѣ. Мои движенія помѣшали мнѣ написать передовое представленіе, которое вы мнѣ позволили переслать прямо къ вамъ; я отправлю его вамъ съ княземъ В. Орбеліани. Я прибавилъ тамъ нѣсколько лицъ наиболѣе отличившихся и осмѣливаюсь просить васъ ничего тамъ не уменьшать, такъ какъ въ данномъ случаѣ трудно представить себѣ, кто былъ бы скупѣе меня.

„Вы знаете сами, какую большую награду заслуживаетъ Бата̀, и я прошу у васъ для него прощенія *), затѣмъ за Автуръ возвратить ему чинъ и пенсію въ 400 рубл. въ годъ;

*) За побѣгъ отъ насъ къ Шамилю.

также прошу у васъ для его сына, прекраснаго мальчика, который часто служилъ намъ проводникомъ, офицерскаго чина. Мы можемъ тогда расчитывать, что онъ всегда будетъ служить намъ съ такимъ же усердіемъ. Такъ какъ съ тѣми силами, какими я располагаю, я не могу построить въ этомъ году укрѣпленіе на Автурѣ, то я прошу васъ отложить это до будущаго года.

„По моемъ прибытіи въ Тифлисъ, послѣ экспедиціи, я представлю вамъ на усмотрѣніе мои планы на будущее лѣто и зиму, въ теченіи которыхъ я надѣюсь навѣрное довершить полное покореніе Большой Чечни. Буду ожидать генерала Вольфа, чтобы переговорить съ нимъ относительно дѣлъ Малой Чечни. Запасясь тѣми свѣдѣніями, которыхъ мнѣ недостаетъ, я, по моемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ, лично представлю вамъ мои взгляды относительно этого дѣла.

„Чтобы ободрить переселеніе, вамъ слѣдуетъ, князь, дать полное прощеніе всѣмъ абрекамъ и тѣмъ подозрительнымъ семействамъ, которыя могутъ оказаться между мирными и немирными".

Опять, изъ лагеря, отъ 25-го Февраля 1852 года, князь Барятинскій писалъ въ Тифлисъ князю Воронцову.

„Новое положеніе моего лагеря имѣетъ цѣль уничтожить большой лѣсъ, находящійся между Аргуномъ и Сунжею въ треугольникѣ Тепли, Грозной и Тепли-Кичу. Хотя и невозможно въ тотъ короткій промежутокъ времени, который мнѣ остается пробыть на этой позиціи, очистить все, тѣмъ не менѣе я могу открыть тѣ луга и поля, которые находятся за Аргуномъ и съ правой стороны Сунжи, по направленію къ Умаханъ-Юрту. Я послалъ Бакланова рубить лѣсъ со стороны Умаханъ-Юрта, чтобы мало по малу установить прямое сообщеніе между Умаханъ-Юртомъ, Грозной и Воздвиженской.

„Перваго числа будущаго мѣсяца я посылаю три баталиона и нѣсколько кавалеріи, чтобы Льяшенко *) сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ рубокъ въ Малой Чечнѣ, которыя не входятъ въ инструкцію Вревскаго. 3-го или 4-го

*) (Замѣститель князя С. М. Воронцова по командованію Куринскимъ полкомъ).

Марта вѣроятно я снимусь съ лагеря, чтобы сдѣлать еще нѣсколько отдѣльныхъ рубокъ въ окрестностяхъ Грозной, необходимыхъ для открытія проходовъ къ непріятелю и для того, чтобы помѣшать нападенію на обывательскій скотъ и чтобы можно было увеличить покосъ для Грозной.

„Семенъ находится въ Воздвиженской, устраивая дѣла своего полка, и какъ только экспедиція окончится, онъ уѣдетъ въ Тифлисъ. Я очень счастливъ, зная, какъ онъ будетъ радъ представиться вамъ съ тѣмъ крестомъ, который онъ вполнѣ заслужилъ".

Размѣстивъ всѣхъ раненыхъ, похоронивъ убитыхъ и умершихъ въ теченіе сутокъ отъ ранъ, отрядъ 20-го числа выступилъ въ Грозную чрезъ Умаханъ-Юртъ и Брагуны; 22-го, при разгулявшейся погодѣ, войска вступили въ Грозную, встрѣченные восторженнымъ пріемомъ.

Послѣ двухъ дней отдыха, отрядъ 25-го Февраля опять выступилъ по правому берегу Сунжи и нижнему теченію Аргуна и расположился лагеремъ у раззореннаго аула Устарь-Гордой. Затѣмъ приступили къ рубкѣ просѣкъ, очищавшихъ дорогу дальше къ уцѣлѣвшимъ еще частямъ населенія, до впаденія Аргуна въ Сунжу. Лѣсъ былъ вѣковой: встрѣчались чинары въ четыре обхвата; одинъ бѣлолиственный тополь имѣлъ 1¾ аршина въ діаметрѣ.

29-го Февраля пріѣхалъ изъ Тифлиса ротмистръ Лорисъ-Меликовъ съ Георгіевскими крестами для отличившихся солдатъ, которые тутъ же раздавались, при торжественной обстановкѣ, крикахъ ура и общемъ ликованіи.

2-го Марта, отрядъ слабо преслѣдуемый, выступилъ обратно въ Грозную. Зимняя экспедиція 1852 г. была окончена.

Императоръ Николай вполнѣ оцѣнилъ ея значеніе и на военномъ журналѣ, представленномъ княземъ Барятинскимъ *),

*) Въ этомъ журналѣ, впрочемъ, движенію изъ Гельдыгена на Маюртупъ и въ Куринское не былъ приданъ тотъ характеръ случайности, какое оно въ дѣйствительности имѣло: движеніе представлялось какъ задуманное впередъ. Это довольно странно; ибо, вопервыхъ, оно было совершено съ блистательнымъ успѣхомъ и важнымъ результатомъ; вовторыхъ, сознаніе въ ошибочномъ взглядѣ на свойства Гельдыгенской позиціи не только не могло служить къ какому-нибудь порицанію дѣйствій князя Барятинскаго, а напротивъ давало ясное представленіе о его замѣчательномъ военномъ талантѣ измѣнять быстро планъ и о его рѣшимости—приводить его въ исполненіе безъ колебаній.

написалъ: „успѣхи весьма важные". И дѣйствительно успѣхи были важны; это былъ фундаментъ тѣхъ рѣшительныхъ результатовъ, которые проявились въ 1859 году и завершили безконечное дѣло. Чеченцы еще семь лѣтъ продолжали сопротивленіе, но уже болѣе слабое, поддерживаемое жестокими мѣрами Шамилевской администраціи, стоившее почти поголовнаго раззоренія горцевъ. Да, впрочемъ, еслибы не вспыхнувшая Восточная война, отвлекшая съ 1853 г. и князя Барятинскаго, и наши силы, и наше вниманіе отъ этого театра дѣйствій, то едвали сопротивленіе длилось бы и семь лѣтъ.

Между тѣмъ князь Воронцовъ, еще не зная о совершившемся движеніи чрезъ Чечню, отъ 18-го Февраля писалъ: „Не успѣваю благодарить васъ за тѣ интересныя новости, которыя вы мнѣ доставляете. Я въ восхищеніи отъ блестящей атаки казаковъ подъ начальствомъ нашего храбраго Лорисъ-Меликова: онъ постоянно ищетъ и находитъ случай отличиться; это настоящій рубака и, съ Божіею помощью, онъ сдѣлаетъ прекрасную карьеру въ кавалеріи. Я сейчасъ же пошлю въ Петербургъ представленіе, которое вы о немъ сдѣлаете.

„Позвольте теперь мнѣ отвѣчать вамъ на то, что́ вы говорите о своемъ повышеніи. Чинъ генералъ-лейтенанта принадлежалъ вамъ по праву; я просилъ его для васъ еще осенью, и Государь, давъ его вамъ теперь, поступилъ вполнѣ по справедливости, къ удовольствію всего Кавказскаго корпуса, и сдѣлалъ громадную пользу для той части, которая вамъ довѣрена. Да сохранитъ васъ Господь, чтобы вы могли продолжать вашу блестящую службу, въ которой вы уже такъ значительно выдвинуты! Я въ восторгѣ отъ представленныхъ вами предположеній о дѣйствіяхъ лѣтомъ послѣ окончанія зимней экспедиціи; я хотѣлъ бы, чтобы это исполнилось, и ничего отъ себя вамъ предложить не могу. Мы рѣшили послать генерала Вольфа, чтобы онъ на мѣстѣ сообразилъ и представилъ мнѣніе по предметамъ, требующимъ соглашенія съ вами и Вревскимъ. Его поѣздка будетъ полезна для согласованія различныхъ мнѣній и выясненія подробностей о дѣлахъ меньшей важности, въ сравненіи съ великою цѣлью переселенія Карабулаковъ и Чеченцевъ въ Малую Чечню, а

также для обезпеченія границы между Лѣвымъ флангомъ и Владикавказскимъ округомъ. Р. Фортангу я считаю наилучшею границею. Во всякомъ случаѣ, ничего не будетъ рѣшено ранѣе возвращенія Вольфа и вашего прибытія сюда.

„Что касается рѣшенія, въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ, вопроса на счетъ постройки форта въ окрестностяхъ Автура, я не буду слушать никого и здѣсь только съ вами я рѣшу это. Пока представляю на ваше размышленіе нѣсколько вопросовъ: вопервыхъ, можете ли вы выстроить этотъ фортъ вашими собственными средствами, оставляя у себя, сверхъ Эриванскаго батальона, можетъ быть и одинъ Кабардинскій; вовторыхъ, въ какомъ состояніи, по вашему мнѣнію, будетъ находиться послѣ вашей экспедиціи та часть Большой Чечни, которая лежитъ между Аргуномъ съ западной стороны до Тепли-Кичу, до Сунжи на Сѣверѣ и на Востокѣ до Мичика? Можетъ ли эта страна быть покорена и защищаема отъ нападеній и атакъ Шамиля во время постройки укрѣпленія и послѣ окончанія экспедиціи? Въ третьихъ, покидая вашъ лагерь, пройдете ли вы по направленію къ Тепли-Кичу или къ Умаханъ-Юрту?

„Опасаюсь, что Шамиль, для обезпеченія покорности, потребуетъ выдачи ему заложниковъ отъ жителей между линіею, которая ведетъ отъ Герменчука черезъ Автуръ, Гельдыгенъ, Маюртупъ до Куринскаго и Аксая, гдѣ уже начинаются поселенія Ичкеринцевъ, а также отъ деревень къ Сѣверу отъ этой линіи до Сунжи; онъ вѣроятно это сдѣлаетъ, если у васъ не будетъ возможности защищать ихъ хотя бы однимъ или двумя подвижными батальонами, которые перемѣнялись бы каждые 8—15 дней. Я говорю объ этомъ гадательно и предоставляю вамъ рѣшить, что̀ будетъ возможно.

„Я также хотѣлъ бы, какъ и вы, чтобы ваши дѣйствія продолжались до перваго Апрѣля; но эти дѣйствія не могутъ быть рѣшительными безъ кавалеріи, которая у васъ есть, а кавалерія не можетъ существовать безъ того количества сѣна, котораго у васъ нѣтъ.

„Но если вы найдете возможнымъ прокормить вашу кавалерію нѣсколькими днями долѣе, нежели мы предполагали, то, понятно, что каждый лишній день за Аргуномъ будетъ

полезнымъ. Теперь я вамъ скажу нѣсколько словъ на счетъ Малой Чечни и въ особенности на счетъ Гехи, на которую я смотрю, какъ на пунктъ наиболѣе важный въ этой странѣ. Когда я настаивалъ на устройствѣ укрѣпленія въ Гехѣ преимущественно предъ Бумутомъ или въ другихъ пунктахъ ближе къ Чернымъ Горамъ, это было лишь отвѣтомъ на то, что́ вы говорили по этому поводу, ранѣе чѣмъ возникъ вопросъ о возможности твердо упрочиться въ Большой Чечнѣ. Я предпочтительнѣе отношусь къ Гехѣ, чѣмъ къ какому-либо другому пункту въ этихъ окрестностяхъ, потому что это прямая линія къ „Русской дорогѣ“, на полпути между Ачхоемъ и Урусъ-Мартаномъ. Это намъ предоставитъ то сообщеніе, котораго я всегда желалъ и которое намъ необходимо. Теперь между Ачхоемъ и Урусъ-Мартаномъ скверное сообщеніе, невполнѣ обезпеченное для маленькихъ оказій; но, ставъ твердою ногою въ Большей Чечнѣ, я никогда не думаю сравнивать важность и пользу Гехи со всѣмъ тѣмъ, что́ мы завоевали въ эту зиму, благодаря вашимъ дѣйствіямъ. Я думаю, что мы можемъ совершить и обѣ эти постройки, конечно поставивъ на первомъ планѣ, по важности значенія, укрѣпленіе въ Большой Чечнѣ и начавъ эту постройку какъ только вы найдете возможнымъ. Есть способъ воспользоваться мѣстностью Гехи безъ необходимости собирать для этого строительный отрядъ. Нужно поставить тамъ, какъ только время позволитъ, двѣ или три роты (я думаю, что двухъ совершенно достаточно, если прибавить сотню казаковъ), и пусть эти двѣ-три роты окопаются хорошимъ рвомъ и станутъ тамъ лагеремъ, смѣняясь каждые 10 или 15 дней. Этотъ маленькій укрѣпленный лагерь замѣнитъ намъ небольшую крѣпость даже въ теченіи будущей зимы, перемѣняя лишь гарнизонъ каждые 10 или 15 дней и не дѣлая никакихъ построекъ, кромѣ палатокъ или легкихъ балагановъ или сараевъ. Такъ вѣдь поступали съ 1845 года наши отряды каждую зиму. Въ будущемъ году мы увидимъ, что́ намъ нужно будетъ сдѣлать; но пока мы достигнемъ той же цѣли какъ и построивъ укрѣпленіе; постройка же здѣсь невозможна, если мы займемся этимъ же въ Большой Чечнѣ. Сообщаю вамъ только мою мысль; дѣло же рѣшимъ, когда вы

сами пріѣдете сюда. Спасибо за то хорошее, чтó вы сдѣлали для бѣднаго Давида Грузинскаго; я буду очень радъ получить объ немъ скромное представленіе.

„Хаджи-Муратъ вернулся съ Лезгинской линіи и такъ нетерпѣливъ быть ближе къ новостямъ, что мнѣ трудно задержать его здѣсь долѣе нѣсколькихъ дней. Послѣ завтра напишу, чтó будетъ рѣшено на счетъ его. Посылаю вамъ крестъ, котораго вы просили для молодаго Перовскаго. Я просилъ генерала Коцебу послать вамъ еще 15—20 крестовъ, которые вы раздадите какъ предварительную закуску между храбрыми казаками, Навагинцами, Тенгинцами и отрядомъ храбраго Бакланова, чтó, конечно, не будетъ имѣть никакого вліянія на будущія представленія.

„Ждемъ отъ васъ подробностей на счетъ пятидневной работы Бакланова на Мичикѣ“.

Отъ 20-го Февраля: „Пишу вамъ сегодня на счетъ Хаджи-Мурата. Когда онъ уѣхалъ на Лезгинскую линію, я надѣялся, что князь Орбеліани будетъ въ состояніи удержать его недѣли двѣ, проводивъ его въ Элису и другія окрестности. Онъ говорилъ, что вернется сюда въ концѣ этого мѣсяца и возвратится такимъ образомъ въ Грозную къ тому времени, когда вы окончите вашу зимнюю экспедицію. Но это предположеніе было разстроено отвратительною погодою, которая продолжалась въ теченіи двухъ недѣль въ Закаталахъ и во всей этой мѣстности. Хаджи-Муратъ, проведя шесть дней въ Закаталахъ, вернулся сюда и умоляетъ дать ему позволеніе отправиться къ вамъ, такъ какъ онъ тамъ надѣется получать вѣрныя извѣстія о своей матери и женѣ, двухъ дорогихъ ему существахъ, и узнать, нѣтъ ли какихъ надеждъ ихъ снова увидѣть посредствомъ обмѣна на плѣнныхъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ освободить ихъ. Я повторилъ, что не могу разрѣшить ему пребываніе въ Грозной во время вашего тамъ отсутствія.

„Узнавъ о вашемъ намѣреніи провести съ нами нѣсколько дней, чтó отдалитъ его пріѣздъ въ Грозную, мы придумали устроить дѣло иначе: пока онъ отправится въ Ташъ-Кичу; это для него очень подходящее мѣсто, такъ какъ тамъ онъ можетъ лучше отправлять свои религіозные обряды, чѣмъ

гдѣ-либо. Онъ выѣдетъ послѣ завтра и будетъ ожидать въ Червленной вашихъ распоряженій, а также ждать Лорисъ-Меликова, который будетъ его оттуда сопровождать и находиться съ нимъ въ Ташъ-Кичу. Прошу васъ сообщить эти подробности Майделю и Камкову. Отправьте съ нимъ тоже самое число казаковъ съ надежнымъ офицеромъ, а Камковъ пусть приметъ со своей стороны всѣ предосторожности во время прогулокъ Хаджи-Мурата и озаботится исправнымъ доставленіемъ намъ свѣдѣній обо всемъ, что́ онъ будетъ дѣлать. Пишу вмѣстѣ съ симъ два слова Лорисъ-Меликову, съ просьбой принять на себя это тягостное порученіе. Онъ не можетъ отказаться отъ этого, тѣмъ болѣе, что провелъ нѣкоторое время въ военныхъ дѣйствіяхъ и имѣлъ случай, какъ того самъ хотѣлъ, отличиться, чѣмъ и воспользовался съ успѣхомъ. Прошу васъ сейчасъ же отправить Лориса въ Червленную, гдѣ онъ долженъ ожидать Хаджи-Мурата и сдѣлать всѣ нужныя приготовленія. Князь Тархановъ проводитъ его до Червленной и сдастъ на руки Лориса; а если вы пожелаете, то Тархановъ пріѣдетъ къ вамъ, гдѣ бы вы ни находились. Никто лучше Тарханова не можетъ васъ поставить въ извѣстность обо всемъ, что́ касается до Хаджи-Мурата, и онъ будетъ очень счастливъ вамъ представиться“.

Отъ 25-го Февраля: „Я уже началъ письмо къ вамъ, которое хотѣлъ отправить съ Тархановымъ, какъ самъ Лорисъ-Меликовъ является къ намъ съ прекрасными отъ васъ извѣстіями. Вы поймете, какой радостью и благодарностью мы обязаны вамъ и вашимъ храбрымъ войскамъ, такъ хорошо выполнившимъ ваше движеніе на Маюртупъ и Куринское. Какъ я уже говорилъ и писалъ вамъ много разъ, вы дѣлаете всегда болѣе, чѣмъ можно расчитывать; и я не понимаю, какая надежда остается теперь у бѣдныхъ Чеченцевъ спасти свою страну и у Шамиля поддерживать свое вліяніе на людей, которые находятся внѣ всякой возможности защищаться. Никогда онъ не получалъ столь сильныхъ уроковъ, какіе даете ему вы, благодаря вашей опытности, благоразумію и особенно умѣнію удержать въ секретѣ ваши предпріятія, чему нельзя не удивляться.

„Зная, какъ пріятно нашимъ храбрымъ солдатамъ получить какъ можно скорѣе тѣ кресты, которые они вполнѣ заслужили, я поручилъ генералу Коцебу отправить извѣстное количество крестовъ для войскъ, участвовавшихъ въ вашемъ движеніи, и вы ихъ получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ.

„Буду ждать извѣстій о вашемъ возвращеніи въ лагерь при Тепли и о томъ впечатлѣніи, которое произведено вашимъ блестящимъ дѣломъ на Шамиля и на народъ. Я очень радъ узнать, что Чавчавадзе имѣлъ случай для удачной атаки. Послѣдній разъ, когда я его видѣлъ и поздравлялъ съ прекрасною выдержкою его драгунъ, онъ мнѣ отвѣчалъ со вздохомъ, что ему, какъ командиру полка, очень пріятно слышать это, но слишкомъ грустно, что съ тѣхъ поръ какъ онъ командуетъ этимъ славнымъ полкомъ, онъ ни разу еще не слыхалъ ни одного свиста пули.

„Снова благодарю васъ за Семена, которому вы довѣрили авангардъ и позволили отправиться изъ Куринскаго прямо въ Грозную повидать свою жену, находящуюся въ страшномъ безпокойствѣ каждый разъ, когда мужъ бываетъ въ дѣлѣ. Ея тревога тѣмъ естественнѣе и живѣе, что она слышитъ каждый выстрѣлъ пушки, не зная, съ которой онъ стороны и какія жертвы онъ унесетъ.

„Все, что́ вы мнѣ говорите относительно вашихъ намѣреній и тѣхъ дѣйствій, которыя вы можете предпринять на Гойтѣ и Мартанѣ, мнѣ кажется вполнѣ разумнымъ и полезнымъ для окончательной цѣли. Ожидаю васъ здѣсь съ нетерпѣніемъ; вы войдете въ соглашеніе съ Вревскимъ и Вольфомъ, который долженъ былъ выѣхать въ эту ночь къ вамъ, и только послѣ вашего пріѣзда сюда мы разсмотримъ все это дѣло и составимъ проектъ на остальное время года. Я объяснилъ Вольфу свое рѣшительное мнѣніе, о которомъ я писалъ вамъ послѣдній разъ, на счетъ серьезной важности нашихъ возможныхъ дѣйствій въ Большой и Малой Чечнѣ. Отдавая полную справедливость Вревскому, я вижу, что онъ слишкомъ увлекается мѣстными соображеніями; напримѣръ, ложными разсчетами дѣленія той земли, которая можетъ предназначаться Карабулакамъ и Чеченцамъ. Я очень бы хотѣлъ,

чтобы вы выслушали и распросили ихъ и потомъ, пріѣхавъ сюда, вошли бы со мною въ полное соглашеніе: тогда мы, сообразно нашимъ взглядамъ, рѣшимъ это дѣло. Пока я прошу васъ дать инструкцію Меллеру на счетъ пріема, ободренія и, если нужно, помощи всѣмъ Чеченцамъ, въ какомъ бы числѣ они ни были, желающимъ выселиться къ намъ. Я съ удовольствіемъ вижу, что это и ваше мнѣніе.

„Трудно ожидать, чтобы цѣлые аулы тотчасъ покорялись, ибо теперь можетъ быть трудно было бы ихъ защищать; но чѣмъ болѣе жителей переходитъ къ намъ, даже по одиночкѣ, тѣмъ болѣе врагъ ослабѣваетъ и тѣмъ менѣе окажетъ онъ сопротивленія въ будущемъ.

„Возвращаюсь еще разъ къ положенію Хаджи-Мурата. Я рѣшилъ послать его въ Ташъ - Кичу, гдѣ онъ останется до того времени, когда вы вернетесь отсюда въ Грозную. Князь Тархановъ долженъ былъ проводить его до Червленной и сдать на руки Лорисъ-Меликову: но такъ какъ послѣдній между тѣмъ самъ пріѣхалъ сюда, то онъ и проводитъ его къ вамъ. Я хотѣлъ бы, чтобы Лорисъ-Меликовъ изъ Червленной отправился къ вамъ въ Грозную на одинъ день, чтобы получить ваши приказанія и необходимыя письма къ Майделю и Камкову. Но если бы ему нельзя было отлучиться изъ Червленной, онъ вамъ отправитъ это письмо и будетъ ждать вашихъ приказаній. По вашемъ прибытіи сюда, мы войдемъ съ вами въ соглашеніе на счетъ всего остальнаго. Кстати, относительно слуха о враждѣ Хаджи-Мурата съ Батòю, я понимаю, что это могло бы вамъ доставить много затрудненій; но правда ли это? Хаджи-Муратъ здѣсь никогда не произносилъ ни слова противъ Баты. Однако, на всякій случай, прошу васъ взять Бату съ собою въ Тифлисъ. Я хотѣлъ бы самъ поблагодарить его за все, что̀ онъ сдѣлалъ для васъ и для насъ вообще, и повторяю вамъ свою просьбу сдѣлать о немъ представленіе, какое вы найдете справедливымъ. Кромѣ того, что все это такъ естественно и должно быть пріятно для Баты, я очень хотѣлъ бы познакомиться съ нимъ лично. Я думаю, что вы не предвидите въ этомъ никакихъ затрудненій и, если понадобится что-нибудь устроить для встрѣчи Хаджи-Мурата съ Батóю, мы можемъ это сдѣлать здѣсь вмѣ-

стѣ. Такъ какъ главное заключается въ томъ, чтобы Камковъ былъ въ Ташъ-Кичу ко времени прибытія Хаджи-Мурата, то необходимо, чтобы вы ему приказали (если еще этаго не сдѣлали), чтобы онъ отправился изъ Андреевскаго въ Ташъ-Кичу и оставался бы тамъ все время, пока прибудетъ Хаджи-Муратъ. Наконецъ, все дѣло въ вашихъ рукахъ, и то, чтó вы сдѣлаете, будетъ хорошо".

Отъ 27-го Февраля. „Сегодня я получилъ ваше письмо отъ 24-го и за все, чтó вы мнѣ въ немъ сообщаете, тысячу разъ благодарю васъ. Мнѣ кажется, что ничего не можетъ быть полезнѣе въ настоящую минуту, какъ рубка лѣса, которую вы произведете между Аргуномъ и Джалкою; это довершитъ наилучшимъ образомъ ваши блестящія дѣла, важнѣе которыхъ у насъ не было со времени первой рубки лѣса генераломъ Фрейтагомъ въ 1845 году".

„Вы говорите о моей добротѣ и моемъ поощреніи; скажу вамъ на это, что преслѣдую лишь дѣло правды и справедливости. Невозможно сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлали вы знаніемъ дѣла, энергіею и въ тоже время благоразуміемъ".

„Я не знаю, чтó творится въ сердцѣ у Шамиля; но мнѣ кажется, онъ долженъ быть очень удрученъ и обезкураженъ. Съ живымъ нетерпѣніемъ я буду ждать васъ сюда, чтобы рѣшить съ вами, чтó мы можемъ еще сдѣлать въ этомъ году. Будьте увѣрены, я сдѣлаю все, чтó зависитъ отъ меня для успѣха вашего передоваго представленія объ отличившихся, тѣмъ болѣе, что вы не очень щедры; я буду также ходатайствовать обо всемъ, чтó вы пожелаете для Баты и его сына и увѣренъ, что въ Петербургѣ не встрѣтится въ этомъ затрудненій. Я согласенъ объявить прощеніе всѣмъ абрекамъ и также выборнымъ отъ семействъ между *мирными* и *немирными*, которые захотятъ перейти на нашу сторону. Разумѣется, это поможетъ дѣлу переселенія, въ особенности если между ними не представится затрудненій, истекающихъ изъ правилъ шаріата или обычаевъ страны. Не сомнѣвайтесь, что я былъ бы очень доволенъ прибавить вамъ на это лѣто нѣсколько Дагестанскихъ батальоновъ, но не вижу возможности сдѣлать это безъ того, чтобы не ослабить нашу важную границу съ той стороны и въ особенности сдѣлать это во время отсут-

ствія настоящаго начальника Дагестана, который пробудетъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Тифлисѣ и на водахъ. Въ это время въ Дагестанѣ намъ многое надо сдѣлать, можетъ быть не для сраженій, но для приведенія всего въ порядокъ послѣ событій прошлаго года; а также придется поработать надъ проведеніемъ дорогъ, чтобы упрочить наше положеніе въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя не всегда можно положиться. Хорошо имѣть возможность являться туда во всякое время безъ потребности въ большомъ количествѣ войскъ".

Отъ 3-го Марта: „Третьяго дня я получилъ ваше письмо съ извѣстіемъ о вашемъ новомъ лагерѣ въ низовьяхъ Аргуна. Мнѣ кажется, невозможно было бы найти лучше позицію, чтобы дополнить то, что̀ вамъ оставалось сдѣлать послѣ двухъ мѣсяцевъ, которые вы какъ нельзя лучше употребили. Я надѣюсь, что Шамиль не будетъ въ состояніи ничего предпринять, чтобы вредить вамъ на вашей настоящей позиціи и будетъ разбитъ снова, если осмѣлится васъ атаковать. Жду съ нетерпѣніемъ новостей о томъ, что̀ предприметъ нашъ почтенный имамъ, когда вы покинете Большую Чечню. Наберетъ ли онъ заложниковъ у бѣдныхъ Чеченцевъ, или вы успѣете заставить ихъ перейти въ большемъ или меньшемъ числѣ на нашу сторону?"

„Надежда видѣть васъ здѣсь радуетъ меня безконечно; есть многое, о чемъ намъ нужно съ вами поговорить, и вы мнѣ сообщите не только о подробностяхъ совершенныхъ вами дѣлъ, но и о томъ, что̀ остается сдѣлать. Къ вашимъ мнѣніямъ я отнесусь съ искреннимъ уваженіемъ".

Отъ 5-го Марта: „Пишу къ вамъ съ еженедѣльнымъ курьеромъ, который вѣроятно будетъ послѣднимъ въ эту зиму. Согласно вашего послѣдняго письма, я жду прибытія Вахтанга. Сегодня я напишу вамъ лишь объ одномъ дѣлѣ, относительно котораго мнѣ нужны нѣкоторыя разъясненія, и я съ своей стороны посвящу васъ въ свои соображенія. Послѣдній прибывшій сюда казакъ увѣряетъ меня, что онъ встрѣтилъ Хаджи-Мурата въ самой Грозной. Это мнѣ кажется нѣсколько страннымъ; я говорилъ Лорисъ-Меликову, что я не хотѣлъ бы, чтобы онъ былъ въ Грозной, если это только не случилось по вашему приказу или приглашенію. Если же у

него нѣтъ ни вашего приказа, ни приглашенія, то я не понимаю, зачѣмъ позволили ему посѣтить Грозную. Я часто говорилъ вамъ о томъ, какъ я думаю о Хаджи-Муратѣ и съ того времени я не измѣнялъ своего взгляда; я вѣрю въ искренность его ненависти къ Шамилю. Сильное желаніе увидѣть свою семью, его постоянныя просьбы, его усилія достигнуть этой цѣли, все это мнѣ служитъ доказательствомъ его расположенія. Какъ только удастя намъ освободить его семью, или только ту ея часть, къ которой онъ болѣе привязанъ, не останется сомнѣнія, что онъ могъ бы служить намъ усердно и съ большою пользою".

„Съ другой стороны невозможно скрыть того обстоятельства, что пока его семейство въ рукахъ Шамиля, и зная его умѣніе дѣйствовать и просьбами, и угрозами, было бы крайне неблагоразумно съ нашей стороны довѣряться вполнѣ Хаджи-Мурату. Слѣдуетъ быть осторожнымъ, но какъ можно менѣе ему это показывать. Я уже началъ было письмо въ Петербургъ, что, по моему мнѣнію, для полной увѣренности въ Хаджи-Муратѣ, слѣдуетъ его арестовать и удалить отсюда; но послѣ зрѣлаго обсужденія этого вопроса я пришелъ къ убѣжденію, что это было бы крайне неполитично и произвело бы дурное впечатлѣніе въ горахъ, гдѣ Хаджи-Муратъ такъ любимъ и уважаемъ за мужество и военные подвиги. Эта мѣра остановила бы готовность къ изъявленію покорности у многихъ, болѣе или менѣе значительныхъ лицъ, или удержала бы ихъ отъ соглашенія съ нами, заставивъ принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ насъ".

„Разъ это рѣшено, я уже не могу дѣлать иначе, какъ я дѣлаю, зная отлично, какой отвѣтственности я подвергаюсь. Эту отвѣтственность, какая бы она ни была, я одинъ долженъ взять на себя, и я беру ее. Не имѣя возможности далѣе оставить здѣсь Хаджи-Мурата, я отправилъ его въ мѣста, которыя находятся подъ вашимъ начальствомъ; но все таки я остаюсь одинъ отвѣтственнымъ за все, что̀ можетъ случиться. Съ другой стороны, обращаюсь къ вамъ съ просьбою объ его содержаніи и наблюденіи надъ нимъ и, не слагая съ себя отвѣтственности, даю вамъ полномочіе дѣйствовать сообразно текущимъ обстоятельствамъ и такъ, какъ

можетъ быть вызвано необходимостью. Вамъ предоставляю рѣшить, гдѣ онъ долженъ оставаться, въ особенности въ то время, когда вы будете здѣсь. Можетъ ли онъ находиться въ Ташъ-Кичу съ Лорисъ-Меликовымъ и съ тѣми казаками, которыхъ онъ самъ просилъ для его сопровожденія повсюду? Если вы находите неудобнымъ оставлять его тамъ, то пошлите его къ генералу Меллеру, котораго Хаджи-Муратъ немного побаивается, послѣ обстоятельства, случившагося съ Семеномъ по прибытіи его въ Воздвиженскую *). Вообще, князь, дѣлайте все, что́ найдете нужнымъ; я имѣю полное къ вамъ довѣріе и, какъ я уже нѣсколько разъ вамъ говорилъ, что́ бы ни случилось, я буду одинъ въ отвѣтѣ".

„Хайдаръ-бека, одного изъ болѣе значительныхъ пришедшихъ съ Хаджи-Муратомъ горцевъ, я нашелъ нужнымъ удержать здѣсь по причинамъ, которыя я вамъ послѣ объясню: я его пошлю въ Дагестанъ, куда онъ самъ хочетъ ѣхать и гдѣ онъ надѣется быть намъ полезнымъ. Шамиль убилъ его мать, и онъ только и думаетъ какъ бы отомстить ему, служа преданно намъ. Это человѣкъ извѣстной рѣшительности, и я отправлю его сначала къ храброму Али-хану, который командуетъ Аварскими всадниками и замѣчательно служитъ намъ въ теченіи уже многихъ лѣтъ".

„Если вы найдете еще время написать мнѣ ранѣе, чѣмъ сами пріѣдете сюда, то пишите мнѣ подробно, что́ думаете на счетъ Хаджи-Мурата и какъ думаете съ нимъ поступить".

8 Марта изъ Грозной князь Барятинскій писалъ слѣдующее:

„Пользуюсь послѣднимъ курьеромъ, котораго еще застаю здѣсь, чтобы донести вамъ, что всѣ рубки, которыя я хотѣлъ сдѣлать прежде чѣмъ распустить войска, покончены вполнѣ и безъ выстрѣла. Баклановъ, съ своей стороны, вырубилъ все, что̀ я расчитывалъ на Гудермесѣ около Умаханъ-Юрта. Лѣса, которые оставались на Гойтѣ, для входа на Устархановское поле, и на Урусъ-Мартанѣ со стороны послѣдняго убѣжища

*) Генералъ Меллеръ-Закомельскій сдѣлалъ выговоръ Семену Воронцову за то, что онъ вышелъ на встрѣчу Хаджи-Мурату безъ разрѣшенія.

Чеченцевъ совершенно расчищены, благодаря дѣятельности Ляшенки, которому я далъ 4 батальона и 400 казаковъ. Съ этой стороны приближеніе къ Чернымъ горамъ внѣ всякой опасности для нашихъ войскъ. Теперь остается колонизировать всѣхъ, кто захочетъ перейти на нашу сторону, и устроить надъ ними управленіе изъ лицъ, которыхъ бы они уважали, любили, боялись и были бы намъ полезны. Я нѣсколько разъ повергалъ на ваше усмотрѣніе мои взгляды на этотъ счетъ, и вы изъявляли удовольствіе относительно того способа, которымъ я хотѣлъ соединить и устроить въ Грозной все Чеченское управленіе. Теперь настало время, вполнѣ согласное съ обстоятельствами для того, чтобы создать новый порядокъ".

„Бата́ отправится въ Куринское выводить аулы, которые ему обѣщали переселиться. Я смотрю на него какъ на своего лучшаго помощника во время моего отсутствія, и я хотѣлъ бы, чтобы онъ возвратился сюда, когда я буду въ Тифлисѣ. Его высшее желаніе — представиться вамъ, что́ вы ему и позволили; поэтому я отправляю его къ вамъ одного на нѣсколько дней, съ тѣмъ чтобы онъ возвратился ко времени засѣва Чеченцами полей. До того времени я сдѣлаю всѣ необходимыя распоряженія на этотъ счетъ, а около Пасхи буду имѣть честь лично явиться за вашими приказаніями".

„Семенъ уѣзжаетъ завтра съ княгинею Маріею Васильевной въ Тифлисъ".

12 Марта князь Барятинскій послалъ князю Воронцову еще письмо:

„Въ настоящую минуту я очень занятъ окончаніемъ тѣхъ дѣлъ, которыя накопились во время нашихъ зимнихъ дѣйствій, и необходимыми распоряженіями на время моего отсутствія".

„Сегодня утромъ Бата́ уѣхалъ въ Тифлисъ; онъ просилъ меня отправить съ нимъ четверыхъ изъ его семейства. Когда онъ вернется, я пошлю его въ Куринское перевести на нашу сторону тѣ изъ деревень, которыя ему преданы".

„Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ письмо отъ Майделя, который мнѣ пишетъ, что Лорисъ-Меликовъ боленъ; климатъ Ташъ-Кичу въ это время года очень опасенъ, и я бо-

юсь за него. Отправляясь въ Ташъ-Кичу, Хаджи-Муратъ не проѣзжалъ черезъ Грозную; но Лорисъ, оставивъ его въ Слѣпцовской, заѣхалъ ко мнѣ въ отрядъ, гдѣ пробылъ всего нѣсколько часовъ и затѣмъ уѣхалъ, чтобы сопровождать Хаджи-Мурата далѣе черезъ Магометъ-Юртъ".

„Каждый день я принимаю многочисленныя депутаціи изъ Большой и Нагорной Чечни, которыя хотятъ отдаться подъ наше покровительство. Жители деревни Ханкале частью уже перешли къ намъ; также нѣсколько сотенъ изъ тѣхъ деревень, гдѣ мы были нынѣшней зимою. Но все это еще не имѣетъ никакого значенія; положительныхъ результатовъ я ожидаю черезъ мѣсяцъ или полтора. Если буду въ состояніи уѣхать отсюда около конца будущей недѣли, то пріѣду въ Тифлисъ еще постомъ".

„Князь Воронцовъ отвѣчалъ князю Барятинскому 17-го Марта: „Сегодня утромъ я получилъ ваше письмо отъ 12-го и благодарю васъ отъ всего сердца за подробности, которыя вы мнѣ въ немъ сообщаете. Утромъ я видѣлъ Бату, который пріѣхалъ вчера вечеромъ; я принялъ его, какъ вы можете представить, съ открытыми объятіями. Онъ мнѣ очень нравится, и я вполнѣ согласенъ со всѣмъ, что́ вы мнѣ о немъ говорили. Онъ торопится возвратиться къ вамъ, и изъ вашего письма я вижу, что вы хотите его видѣть какъ можно скорѣе. Сегодня вечеромъ онъ будетъ у насъ слушать музыку, завтра утромъ придетъ побесѣдовать со мною и затѣмъ уѣдетъ, когда захочетъ. Квартира и содержаніе его здѣсь хорошо устроены, и съ нимъ будутъ обращаться не хуже, чѣмъ обращались съ Хаджи-Муратомъ. Я очень радъ съ нимъ поговорить и вамъ напишу обо всемъ подробно черезъ него же".

„Благодаря вашему позволенію и вашей постоянной добротѣ къ Семену, онъ къ намъ пріѣхалъ прошлую Среду со своею женою въ полномъ восторгѣ отъ переѣзда черезъ горы. Вы можете себѣ представить, какъ намъ было пріятно увидѣть ихъ и какъ я и жена вамъ благодарны за проявленія вашей искренней дружбы".

„Теперь я поговорю съ вами о Хаджи-Муратѣ, послѣ всего, что́ мнѣ говорилъ Семенъ, потомъ Николаи, а главное послѣ того, что́ мнѣ сообщилъ Лорисъ-Меликовъ. Онъ находится въ Ташъ-Кичу въ очень ложномъ положеніи, и я не понимаю какъ ему долѣе оставаться въ этомъ аулѣ; а если онъ переберется въ тамошнюю крѣпость, то какимъ образомъ онъ будетъ выполнять свои религіозныя обязанности? Нужно же рѣшить—останется ли онъ тамъ, или слѣдуетъ ему отправиться (до вашего возвращенія отсюда) въ Кизляръ, либо въ Ставрополь? Предоставляю вамъ рѣшить этотъ трудный вопросъ. Я просилъ генерала Коцебу написать вамъ объ этомъ формально, и разумѣется отвѣтственность за все что̀ вы рѣшите и предпримите будетъ лежать на мнѣ. Отъ васъ зависитъ заставить его (или скорѣе одного Лорисъ-Меликова) пріѣхать въ Червленную, чтобы переговорить съ вами и рѣшить дѣло послѣ полученія бо́льшихъ подробностей“.

„Здоровье Лорисъ-Меликова меня безпокоитъ; но, несмотря на нехорошій климатъ въ Ташъ-Кичу, можетъ быть особенной опасности для его груди не представляется. Вы сдѣлаете все, что́ вы найдете лучшимъ, чтобы сохранить намъ этого славнаго молодаго человѣка; къ тому же мнѣ кажется, что Ставрополь мѣсто наилучшее какъ для него, такъ и для Хаджи-Мурата. Разъ это будетъ рѣшено, вы пріѣдете къ намъ какъ можно скорѣе; съ истиннымъ нетерпѣніемъ я ожидаю минуты свиданія, чтобы обнять васъ и переговорить обо всѣхъ дѣлахъ, которыя насъ съ вами занимаютъ“.

Отъ 21-го Марта: „Это письмо вамъ доставитъ Бата̀, котораго я видѣлъ здѣсь каждый день. Съ нимъ я два раза разговаривалъ по долгу; онъ мнѣ очень нравится по своему уму и обширнымъ свѣдѣніямъ; при всемъ томъ это человѣкъ замѣчательной скромности“.

„Я долженъ былъ часто благодарить его за тѣ славныя услуги, которыя онъ намъ оказалъ во время вашей прекрасной зимней экспедиціи, и ни разу я не слыхалъ, чтобы онъ тщеславился или говорилъ о себѣ. Мы много говорили съ нимъ о колонизаціи Чеченцевъ за Качкалыкомъ. Я очень

радъ, что уже совершенно уполномочилъ васъ на этотъ счетъ и послѣ тѣхъ подробностей, которыя онъ мнѣ сообщилъ, я окончательно убѣдился въ громадной важности этой мѣры. Мнѣ кажется совершенно яснымъ, что Кумыки не имѣютъ никакого права на тѣ земли, которыми мы хотимъ располагать, начиная съ трехугольника между Герзель-ауломъ, Умаханъ-Юртомъ и Амираджи-Юртомъ, далѣе до Аксая, исключая одного или двухъ ауловъ, построенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Я убѣжденъ въ чрезвычайной пользѣ этой мѣры, на которую уполномочіе, просимое вами, послано, и я хотѣлъ бы, чтобы эту мѣру привели теперь же въ исполненіе, сдѣлавъ переселенцамъ всевозможныя облегченія. Необходимо (буде предоставится въ этомъ надобность) снабдить новыхъ колонистовъ съѣстными припасами, если только наши магазины будутъ въ состояніи это сдѣлать. Я просилъ Бату настоятельно твердить жителямъ сѣверной части Большой Чечни, что мы имъ не позволимъ ни сѣять, ни косить, если они не изъявятъ покорности на мѣстѣ и не перейдутъ зя Качкалыкъ. Послѣ сильныхъ пораженій, которыя вы имъ нанесли, вся эта часть Большой Чечни въ нашемъ распоряженіи, и жители должны это чувствовать. Кажется, Бата́ уѣзжаетъ отсюда довольнымъ. При семъ я прилагаю вамъ списокъ всего, что́ я ему далъ, а также его сыну и тремъ его спутникамъ. Я увѣренъ, что этотъ человѣкъ еще будетъ намъ очень полезенъ, и вы оказали большую услугу, такъ ободривъ его и употребивъ его съ такою пользою въ теченіи зимы. Я надѣюсь, что въ Петербургѣ не представится никакахъ трудностей для утвержденія всего, что̀ вы испрашиваете для Баты. Я напишу объ этомъ князю Чернышову возможно убѣдительнѣе".

„P. S. Мы говорили съ Батою еще о двухъ вещахъ, которыя я предоставляю на вашъ судъ, чтобы вы ихъ прослѣдили и согласились бы въ этомъ съ нимъ. Первое, это стѣснить болѣе или менѣе торговлю, которую ведутъ немирные въ нашихъ крѣпостяхъ, покупая у насъ соль, преимущественно для выгодъ Шамиля, предъявляющаго на нее свои большія права, да и имъ соль необходима; можетъ быть, от-

казывая имъ въ ней, мы будемъ много способствовать къ ихъ покоренію. Второе, это дѣло, о которомъ я уже говорилъ съ вами, но мнѣ показалось, что вы имѣете причины быть противъ него: дѣло идетъ объ основаніи аула около бывшаго Большаго Меченя. Бата́ полагаетъ, что вы ничего не имѣете противъ и если это такъ, то я опять буду стоять за это дѣло, которое мнѣ кажется очень хорошимъ. Можно было бы выстроить тамъ аулъ и поселить нѣсколько сотенъ семействъ, которые были бы способны сами защищаться, находясь въ разстояніи, близкомъ и отъ Грозной, и отъ Воздвиженской, откуда, въ случаѣ нужды, наши войска могутъ имъ оказать помощь. Мнѣ кажется, что съ этимъ новымъ ауломъ, выстроеннымъ вблизи Большаго Меченя, затѣмъ съ колоніею въ Качкалыкѣ и съ тою поддержкою, какую они могли бы имѣть отъ насъ, поселяясь на правомъ берегу Сунжи, между Грозной и напротивъ Тепли-Кичу, мы въ состояніи поставить въ безопасность почти всѣхъ жителей Большой Чечни, которые захотятъ дѣйствительно покориться“.

Глава XVI.

Письмо князя Барятинскаго.—Письмо князя Воронцова о катастрофѣ съ Хаджи-Муратомъ.—Письмо князя Барятинскаго. — Устройство управленія Чеченцами. — Письма князя Воронцова о предпріятіяхъ Шамиля и Даніель-бека, о поѣздкѣ въ Крымъ и проч. Письма князя Барятинскаго о дѣлахъ на Лѣвомъ флангѣ.

По возвращеніи изъ Тифлиса, гдѣ князь Барятинскій былъ принятъ съ большимъ почетомъ и искреннимъ уваженіемъ, онъ изъ Червленной 19-го Апрѣля 1852 года отправилъ къ главнокомандующему слѣдующее письмо:

„По возвращеніи моемъ на Лѣвый флангъ, я нашелъ болѣе 300 семействъ Чеченцевъ, перешедшихъ на нашу сторону и водворенныхъ въ нашихъ мирныхъ аулахъ на Кумыкской и Чеченской плоскостяхъ. Я велю составить подробный имъ списокъ и представлю вамъ его при слѣдующемъ письмѣ. Отправляюсь теперь на Кумыкскую плоскость, чтобы устроить тамъ все на этотъ счетъ. Шамиль съ своей стороны принимаетъ самыя энергичныя мѣры, чтобы защитить Мичикъ и держать населеніе въ повиновеніи. Онъ строитъ преграды и завалы съ цѣлью продать свои владѣнія по возможности дороже. Наиба Гиху онъ прогналъ и замѣстилъ его извѣстнымъ Иски, котораго я давно знаю за человѣка болѣе предпріимчиваго, нежели его предшественникъ. Во время моего отсутствія, Талгикъ также успѣлъ частью перейти въ Мезеинъ, но это не особенно важно. Дѣла въ общемъ идутъ хорошо, и я надѣюсь, что въ этомъ году переселеніе нашихъ непріятелей будетъ очень значительно. Надѣюсь также, что устройство Чеченскаго управленія будетъ крайне полезно для покоренія страны. Возвратясь изъ Хасавъ-Юрта, я отправлюсь осмотрѣть часть Сунженской линіи, которую вы мнѣ недавно довѣрили. Меня всегда поражало большое количество ночныхъ постовъ, требуемыхъ станицами Алханъ-Юртъ и Самашки; я посмотрю, не будетъ ли возможно замѣнить ихъ хотя отчасти, собаками, какъ это дѣлается на восточномъ берегу Чернаго моря“.

Въ Апрѣлѣ 1852 года съ Хаджи-Муратомъ произошла катастрофа, о которой я уже упоминалъ. Вотъ два послѣднихъ письма князя Воронцова, отъ 28-го и 29-го Апрѣля, по этому поводу.

1) „Генер. Коцебу писалъ вамъ уже о печальномъ концѣ похожденій Хаджи-Мурата; но чтобы вамъ знать подробности, я прилагаю здѣсь копію съ рапорта полковн. Корганова [1]. Бучкіевъ, который замѣстилъ нашего храбраго Лорисъ-Меликова, не сумѣлъ во́ время принять предосторожности и позволялъ Хаджи-Мурату прогуливаться съ недостаточнымъ конвоемъ; однако превосходныя мѣры, принятыя Коргановымъ, все сгладили и, вмѣсто непріятныхъ для насъ послѣдствій, катастрофа съ Хаджи-Муратомъ оказалась счастливою и полезною для насъ, и въ особенности для меня, такъ какъ на моихъ плечахъ лежала громадная отвѣтственность. Ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Мансурадзева, и если съ этой стороны ничто не измѣнитъ моихъ убѣжденій, то я останусь увѣреннымъ, что только одна невозможность освобожденія его семейства и то ложное положеніе, въ которое онъ былъ у насъ поставленъ, вынудили его на роковой для него поступокъ. Онъ умеръ храбрецомъ. Съ четырьмя пулями въ тѣлѣ, шатаясь, онъ съ однимъ изъ своихъ людей бросился съ шашкой въ рукѣ впередъ и былъ изрубленъ саблями и кинжалами. Пять головъ были отправлены въ Нуху, а голова Хаджи-Мурата будетъ прислана сюда, гдѣ Андріевскій [2]) хочетъ ее препарировать и отослать въ Академію. Посылаю вамъ два оттиска печатей, найденныхъ на его трупѣ [3]). Это будетъ предметомъ любопытства для вашихъ ученыхъ“.

2) „Я писалъ вамъ вчера черезъ Богдановича, а сегодня пишу черезъ Бартоломея, ѣдущаго къ вамъ съ искреннею готовностью исполнять ваши приказанія и содѣйство-

---

[1]) Начальникъ Нухинскаго уѣзда.

[2]) Докторъ Андріевскій, одно изъ весьма близкихъ и вліятельныхъ лицъ при князѣ Воронцовѣ.

[3]) Т.-е. въ карманѣ его архалука. У каждаго Азіатца, занимающаго болѣе или менѣе видное положеніе, есть печать, которую онъ вмѣсто подписи прикладываетъ къ письму.

вать, на сколько можетъ, успѣху важнаго дѣла, вами предпринятаго. Мнѣ очень хотѣлось бы знать о результатѣ тѣхъ мѣръ, которыя вы употребите по части переселенія и администраціи уже поселившихся у насъ выходцевъ и какъ все это примутъ Чеченцы вообще".

„Ожидаю съ живымъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Мансурадзева *). Можетъ быть, мы узнаемъ что нибудь, какъ себя вели личности, которыхъ Мансурадзевъ отправился отыскивать: была ли между ними и Хаджи-Муратомъ связь и къ какому времени относится его рѣшеніе намъ измѣнить? Надѣюсь, вы мнѣ сообщите все, что̀ узнаете о толкахъ въ горахъ на счетъ катастрофы съ Хаджи-Муратомъ. Было бы любопытно узнать, какой оборотъ съ самаго начала придастъ Шамиль этому дѣлу? Есть люди, которые утверждаютъ, будто бѣгство Хаджи-Мурата было заранѣе устроено между нимъ и Шамилемъ. Хорошо было бы узнать навѣрное, кѣмъ онъ въ дорогѣ былъ преслѣдуемъ за сутки до его пріѣзда въ Воздвиженскую, и вѣрно ли, будто наканунѣ прибытія къ намъ одинъ изъ его людей былъ убитъ преслѣдующими? Если только это была одна комедія, устроенная между нимъ и Шамилемъ,—то тѣмъ лучше для насъ и тѣмъ хуже для Шамиля, который, потерявъ своего лучшаго помощника, не получилъ отъ этой затѣи никакой выгоды".

Между тѣмъ князь Барятинскій писалъ князя Воронцову слѣдующее изъ Грозной отъ 2-го Мая 1852 года.

„Богдановичъ мнѣ только что сообщилъ о болѣзни Семена. На мнѣ очень грустно отозвалась эта новость. Впрочемъ, время его болѣзни крайне удобно, потому что для его полка до половины Іюня работы положительно никакой не предстоитъ, и Ляшенко отлично выполнитъ всѣ порученія и приказанія своего начальника. 6-го или 8-го я думаю отправиться въ Воздвиженскую и напишу Семену, въ какомъ положеніи я найду его полкъ".

„Въ санитарномъ отношеніи эта весна была роковая для

*) Мансурадзевъ, войсковой старшина изъ Моздокскихъ Грузинъ, былъ начальникомъ конвоя главнокомандующаго; онъ былъ посланъ въ Нуху и Воздвиженское для разслѣдованій обстоятельствъ выхода къ намъ Хаджи-Мурата.

войскъ: цынга приняла грандіозные размѣры, и доктора объясняютъ это чрезмѣрною засухою, которая длилась до настоящаго времени; но теперь, вотъ уже нѣсколько дней, идутъ дожди, и больныхъ гораздо меньше. Наличное состояніе Кабардинскаго полка уже съ нѣкотораго времени уменьшилось въ общемъ на цѣлый батальонъ, и Майдель очень проситъ о подкрѣпленіи; я съ своей стороны нахожу его требованіе вполнѣ справедливымъ и буду имѣть честь представить вамъ его въ офиціальномъ рапортѣ".

„Больница на водахъ въ Старомъ-Юртѣ будетъ открыта къ 4-му числу этого мѣсяца, и если я найду кого-нибудь оставить въ Грозной на случай тревоги, то по возвращеніи изъ Воздвиженской и Сунженской линіи расчитываю отправиться туда, т.-е. въ Старый-Юртъ, на нѣкоторое время, полечиться, относительно чего я уже испрашивалъ вашего разрѣшенія. Состояніе моего здоровья серьезно требуетъ этого лѣченія".

„Прежде я думалъ на это время перевести въ Грозную Бакланова; но онъ болѣе необходимъ на Мичикѣ, гдѣ переселеніе, хотя и частями, все болѣе и болѣе увеличивается. Въ Истису насчитывается уже болѣе 80-ти домовъ, и Куринское также мало-по-малу разрастается".

„Соображаясь съ вашимъ разрѣшеніемъ, я выдалъ переселенцамъ провіантъ, безъ котораго на этой выдвинутой линіи они не могли бы существовать. По моему мнѣнію, эта мѣра чрезвычайной важности и крайне полезна въ видахъ будущаго переселенія Чеченцевъ. Здѣсь я узналъ, что полковникъ Майдель, который былъ тяжело раненъ при Дахинъ-Прзау, представленъ къ производству въ генералы. Этотъ офицеръ вполнѣ заслуживаетъ поощренія, тѣмъ болѣе, что по старшинству и заслугамъ это повышеніе почти принадлежитъ ему по праву".

„Такимъ образомъ мѣсто въ полку освободится для барона Николаи, который будетъ намъ очень полезенъ въ управленіи Кумыками. Баклановъ же будетъ командовать войсками на всей плоскости. Майдель, кажется, хочетъ остаться еще нѣкоторое время на Кавказѣ и получить егерскую бригаду 20-й дивизіи. Если у васъ нѣтъ никого другаго

въ виду, я буду очень радъ видѣть его въ Грозной, хотя мое настоящее желаніе было всегда просить у васъ Кишинскаго, какъ только онъ будетъ генераломъ. Онъ прекрасно знаетъ страну и по своимъ способностямъ былъ бы очень полезенъ во всѣхъ случаяхъ".

„Смерть Хаджи-Мурата есть утѣшительное событіе, которое произвело здѣсь прекрасное впечатлѣніе. Вы до самаго конца обращались съ нимъ великодушно, и вотъ какою неблагодарностью онъ отплатилъ вамъ. Я вполнѣ раздѣляю общій взглядъ по этому поводу. Если бы онъ былъ болѣе терпѣливъ и дождался, пока мы бы освободили его семейство, онъ могъ бы быть намъ очень полезенъ. Но онъ не могъ ждать и сдѣлался жертвою своей натуры. Всѣ, также и мусульмане, поняли это и видятъ тутъ перстъ Божій. Во всякомъ случаѣ, съ нимъ было много затрудненій, и теперь однимъ смѣлымъ врагомъ у насъ меньше. Шамиль, потерявъ въ немъ своего лучшаго помощника, не можетъ впрочемъ считать эту потерю единственною съ 1845 года. Его звѣзда съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе меркнетъ".

„Мансурадзе прекрасно выполнилъ данное ему порученіе: всѣ аресты были сдѣланы безъ малѣйшихъ затрудненій. Мнѣ остается просить у васъ позволенія обмѣнять плѣнныхъ, задержанныхъ ради семейства Хаджи-Мурата, на нашихъ плѣнныхъ Чеченцевъ и Русскихъ".

Дѣла Лѣваго фланга идутъ прекрасно; встрѣчалось нѣсколько небольшихъ партій Тавлинцевъ отъ 2-хъ до 300 человѣкъ, посланныхъ Шамилемъ въ Большую и Малую Чечню; но въ общемъ ничего не было серьезнаго. Являлись фальшивые лазутчики съ извѣстіями о какихъ-то громадныхъ сборищахъ, но я прогналъ ихъ. Это ихъ обычай приходить каждую весну и стараться поставить насъ на сторожѣ, чтобы помѣшать нашимъ работамъ".

По этому же поводу князь Барятинскій изъ Алханъ-Юрта, 7-го Мая 1852 года, писалъ главнокомандующему:

„Вы желали знать о тѣхъ слухахъ, которые ходятъ относительно бѣгства и смерти Хаджи-Мурата. Ихъ такъ много и такъ они различны, что я затрудняюсь передать ихъ всѣ. Ограничусь нѣкоторыми. Говоря откровенно, я ду-

маю, что мусульмане жалѣютъ о немъ, исключая Шамиля (который, впрочемъ, показываетъ видъ, что оплакиваетъ его) и затѣмъ нѣкоторыхъ его личныхъ враговъ: они очень довольны теперь, избавясь отъ Хаджи-Мурата. Онъ былъ очень популяренъ не столько по своему религіозному фанатизму, сколько по ненависти къ Русскимъ, ненависти, вошедшей въ пословицу въ горахъ, гдѣ смотрѣли на него какъ на преемника Шамиля. Прежде всего хотѣли распустить слухъ, будто бы его побѣгъ и смерть есть дѣло вымысла, чтобы ослабить надзоръ за его семействомъ, которое вслѣдствіе этого можно было бы легче освободить. Но такъ какъ этой хитрости Шамиль не повѣрилъ и уже публично молился по случаю смерти Хаджи-Мурата, то этотъ слухъ исчезъ самъ собою. Теперь говорятъ, что это было дѣломъ Русскихъ, обдуманнымъ заранѣе, что Хаджи-Муратъ никогда не хотѣлъ бѣжать, но что за городомъ, на охотѣ, на него напали и, заставивъ бѣжать, убили, такъ чтобы повидимому все приняло законный видъ. Тѣмъ которые полагаютъ, что между нимъ и Шамилемъ было соглашеніе, я не имѣю никакого основанія вѣрить. И много еще другаго слышится по этому поводу. Если я узнаю что-нибудь положительное, то не премину немедленно вамъ о томъ сообщить". „Возвращаюсь восхищенный отъ Куринцевъ, осмотръ которыхъ я сегодня кончилъ. Въ Воздвиженской я вмѣстѣ со всѣми искренно сожалѣлъ объ отсутствіи хозяина *), который самъ бы остался очень доволенъ своимъ полкомъ".

„Сегодня я прибылъ въ Алханъ-Юртъ, чтобы осмотрѣть новую линію, которую вы мнѣ довѣрили, а завтра уѣду въ Самашки. Переселеніе хотя и медленно, но идетъ впередъ какъ въ Малой, такъ и въ Большой Чечнѣ; но семейства переселяются малыми партіями, въ виду того, что надзоръ за ними очень усилился, и 300—400 Тавлинцевъ зорко сторожатъ ихъ. Необходимо будетъ устроить осенью двѣ башни на Кумыкской плоскости, одну въ Гошкельди, другую въ Истису, такъ какъ невозможно постоянно держать тамъ войска, и жители изъ боязни, что не могутъ сами защищаться, никогда не согласятся тамъ оставаться. Ходатайствую пе-

*) Т. е. князя Семена Михаиловича Воронцова.

редъ вами имѣть эту постройку въ виду къ осени. Позвольте мнѣ представить рапортъ съ планами и все относящееся къ этому". „Бартоломей, который пріѣхалъ третьяго дня (ранѣе чѣмъ вступить въ должность) мало-по-малу будетъ привыкать къ дѣламъ Чечни, такъ какъ необходимо прежде всего составить управленіе, чтó въ сущности говоря, дѣло довольно трудное; а слишкомъ торопиться я не хочу, чтобы не упустить чего нибудь; но разъ все устроится, я извѣщу васъ и буду ждать вашихъ приказаній".

*

Послѣ военныхъ дѣйствій 1851 года, особенно 1852-го, выселеніе Чеченцевъ изъ непокорныхъ мѣстностей приняло вдругъ такіе усиленные размѣры, что пришлось серьезно позаботиться на счетъ устройства управленія и особенно хорошаго суда, примѣненнаго къ ихъ обычаямъ. Князь Барятинскій, какъ уже было упомянуто, за долго до этого установилъ свои взгляды на управленіе горцами и придавалъ особо важное значеніе этому дѣлу. Онъ въ данномъ случаѣ выказалъ замѣчательную прозорливость и вѣрность сужденій.

Шамиль стремился къ рѣшительной нивелировкѣ всего подвластнаго ему населенія; онъ не допускалъ никакихъ мѣстныхъ особенностей, строго преслѣдовалъ всякія преданія и легенды, уничтожилъ суды по обычаямъ и все подчинилъ одному общему для всѣхъ шаріату, т.-е. духовному суду по Корану. Стремясь обратить всѣхъ горцевъ въ родъ особаго духовнаго ордена, помыслы котораго были бы преимущественно посвящены укрѣпленію мусульманской религіи, въ исключительной идеѣ борьбы съ невѣрными, онъ требовалъ забвенія всего, не-неизбѣжно необходимаго для поддержанія жизни и отрѣшенія отъ всякихъ матеріальныхъ удобствъ. Онъ запретилъ, подъ страхомъ жестокихъ казней, курить табакъ, употреблять шелковыя матеріи и всякія украшенія въ одеждѣ (только оружіе позволялось украшать съ желаемою роскошью), пѣть пѣсни, вообще все, чтó могло считаться нѣкоторымъ признакомъ довольства, жизненной радости...

Князь Барятинскій задумалъ какъ разъ противоположное этому, стремясь возрождать Чеченскій народъ, какъ пле-

менную особь, имѣющую свой языкъ, свои нравы, обычаи, черты характера и даже наружность. Это тѣмъ болѣе было умѣстно, что Чеченцы, отличаясь отъ всѣхъ другихъ горцевъ Кавказа, считали себя нѣкоторымъ образомъ аристократами и называли Тавлинцевъ, т.-е. Дагестанскихъ горцевъ, Лезгинскими мужиками.

Положеніе объ управленіи Чеченцами и судъ (мехкеме) сразу заслужили полное одобреніе населенія. Вліяніе этой мѣры вообще было благотворно, тѣмъ болѣе, что избранные княземъ Барятинскимъ для руководства учрежденіемъ штабъ-офицеры Бартоломей, послѣ Бѣликъ, съ полнымъ сознаніемъ пользы и съ усердіемъ стремились къ наилучшему осуществленію мысли князя. Положеніе было утверждено императоромъ Николаемъ, при чемъ онъ повелѣлъ имѣть въ виду постепенное сближеніе покоряющихся съ кругомъ обязанностей казачьей службы, пріучая ихъ подчиняться одному съ казаками начальству. Тогда же, при князѣ Барятинскомъ, изъ Чеченцевъ формировались сотни милиціи, приносившей намъ несомнѣнную пользу, и вообще только что покорившіеся люди неоднократно вступали въ бой съ своими единоземцами.

Въ этомъ политическо-административномъ дѣлѣ, къ которому казалось, князь Барятинскій вовсе не былъ подготовленъ, онъ однако показалъ, что въ немъ таится не одна лишь чисто-военная доблесть: тутъ уже ясны были задатки ума и соображеній болѣе обширнаго, государственнаго круга дѣятельности. Неудивительно, поэтому, что князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и генералъ Коцебу относились къ нему не только какъ къ лихому, смѣлому, молодому генералу и пророчили ему блестящую будущность, не исключительно вслѣдствіе близкихъ отношеній его къ Наслѣднику Престола, какъ усиливались увѣрять и тогда и впослѣдствіи завистники, или мало знавшіе князя Барятинскаго люди...

*

Въ Маѣ 1852 г. Шамиль дѣлалъ попытку вторженія въ Владикавказскій округъ, съ цѣлью возмутить противу насъ тамошнее мирное населеніе. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе,

князь Барятинскій тотчасъ же, съ собранными наскоро войсками, поспѣшилъ на помощь сосѣду своему, барону Вревскому. Но все обошлось благополучно, и вообще тревога оказалась преувеличенною. По этому поводу князь Барятинскій послалъ князю Воронцову нѣсколько писемъ, которыя приводятся здѣсь почти вполнѣ:

Отъ 27-го Мая 1852, изъ Грозной.

„Дѣла Лѣваго фланга во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя болѣе тихи и удовлетворительны. Непріятель насъ оставляетъ въ покоѣ. Это большое счастье, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи, какъ вы знаете, теперь, до сѣнокоса, очень мало войска,—батальонъ Куринцевъ у Вревскаго и двѣ роты этого же полка на все лѣто на водахъ въ Старомъ Юртѣ; въ Грозной и Воздвиженской едва хватаетъ того, что ихъ остается, для ежедневной службы. На Кумыкской плоскости двѣ роты Кабардинскаго полка въ Истису и двѣ другія роты для устройства новой линіи по Тереку“.

„Вотъ что я узналъ изъ Веденя: Шамиль хочетъ сдѣлать нападеніе на Дагестанъ; говорятъ даже, что онъ немедленно начнетъ кампанію. Если это такъ, то дѣло принимаетъ серьезный характеръ и, можетъ быть, будетъ необходимо послать туда подкрѣпленіе. Меня очень стѣснитъ, когда придется посылать также и отъ себя. Если вы меня уполномочите вновь соединить на моей линіи все что̀ Владикавказскій округъ можетъ дать, тогда я могу собрать хорошую кавалерію и два Кабардинскихъ батальона для Дагестана. Жду съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзда, чтобы представить много вопросовъ крайней важности относительно моей мѣстности. Все это я желалъ бы передать вамъ лишь словесно. До тѣхъ поръ я надѣюсь устроить Чеченское управленіе и когда вы пріѣдете въ Грозную, я буду въ состояніи все подробно представить вамъ. Бартоломей съ рѣдкимъ усердіемъ мнѣ много помогаетъ“.

Назранъ, 3-го Іюня 1852 г.

„30-го Мая я узналъ черезъ лазутчиковъ, что сборы Шамиля не подлежатъ болѣе никакому сомнѣнію. Мы думали, что онъ въ Дагестанѣ; а оказывается, что, спустясь съ горъ, онъ двинулся на Вревскаго, отъ котораго я получилъ 31-го числа рапортъ съ этою новостью. Вслѣдствіе этого я, собравъ 1-го числа въ Самашкахъ три батальона пѣхоты, 10

орудій и 11 сотенъ казаковъ, прибылъ сюда, вопервыхъ, чтобы защитить эту страну, гдѣ нѣтъ никакихъ войскъ, а во вторыхъ, чтобы успокоить жителей, которыхъ я нашелъ въ большомъ волненіи. Вотъ тѣ новости, которыя я узналъ здѣсь и въ силу которыхъ я принялъ вышесказанныя мѣры. Вревскій мнѣ пишетъ, что Шамиль, видя свою попытку поднять Галашки неудавшеюся, началъ отступать и что онъ, Вревскій, преслѣдуетъ его; но лазутчики говорятъ, что Шамиль хочетъ частью своей пѣхоты завлечь Вревскаго и въ это время пройти съ своею кавалеріею (которая составляетъ большую часть его войска) въ ущелье Терека. Таковы причины, заставляющія меня остаться пока здѣсь и не распускать войскъ по квартирамъ. Говорятъ, Шамиль дѣйствуетъ въ соглашеніи съ Магомедъ-Эминомъ, который, развлекая войска Праваго фланга и центра, далъ бы ему возможность соединиться съ Осетинами и Дигорцами, заранѣе подговоренными. Передаю вамъ эти слухи, только что доставленные мнѣ лазутчиками. Не имѣя никакихъ сношеній ни съ Правымъ флангомъ, ни съ Центромъ, я не могу провѣрить эти свѣдѣнія; но въ виду важности обстоятельствъ, ранѣе чѣмъ не узнàю положительно намѣреній непріятеля,—моя обязанность оставаться здѣсь".

„Лѣвый флангъ значительно ослабленъ; но покамѣстъ для обороны его будетъ достаточно того, что̀ я тамъ оставилъ; надѣюсь, черезъ нѣсколько дней все войдетъ въ свою обычную колею".

Камбилеевка, 4 Іюня 1852 г.

„Шамиль дѣйствительно отступилъ, и Вревскій, преслѣдовавшій его насколько было возможно, возвратился и сталъ лагеремъ въ Мужичи, на Ассѣ; это мѣсто онъ считаетъ лучшимъ стратегическимъ пунктомъ и центромъ, откуда онъ можетъ получать отвсюду свѣдѣнія и, оставаясь тамъ нѣсколько дней, положительно узнать, распустилъ ли Шамиль свой сборъ. Что касается меня, я расчитываю сегодня отправиться тихимъ шагомъ назадъ, чтобы не утомлять войскъ и быть готовымъ, смотря по обстоятельствамъ, двинуться впередъ. Мой отрядъ совершаетъ невозможное: Куринцы пришли

изъ Воздвиженской въ Назранъ, сдѣлавъ только два привала, по часу каждый*). Пока у нихъ всего только двое больныхъ. Бата̀ мнѣ передалъ много интереснаго относительно секретныхъ происковъ Шамиля у Осетинъ. Онъ надѣялся вполнѣ возмутить ихъ и занять Военно-грузинскую дорогу; но жители оказали ему большое сопротивленіе, такъ какъ видятъ кругомъ себя одни лишь Русскія войска, и отказали выдать ему заложниковъ. Я думаю, что онъ не возобновитъ болѣе своихъ попытокъ".

„Какъ только вернусь въ Грозную, я пришлю вамъ рапортъ о томъ состояніи, въ которомъ я найду дѣла Лѣваго фланга. Мой авангардъ, составленный изъ 4 сотенъ Моздокскихъ казаковъ, находится уже въ Алханъ-Юртѣ, и одинъ батальонъ съ двумя пушками ушелъ отсюда сегодня утромъ. Ночевать мы будемъ въ Назранѣ".

Слѣпцовская, 5 Іюня 1852 г.

„Слухи о рѣшительномъ отступленіи Шамиля подтверждаются. Съ разсвѣтомъ направляюсь къ Грозной, строя батальоны эшелонами, какъ хвостъ змѣи, дабы мнѣ удобно было переноситься, смотря по обстоятельствамъ, съ одной стороны на другую. Я думаю, что все еще слѣдуетъ быть осторожнымъ и имѣть войска хорошо отдохнувшими. Въ настоящее время мое пребываніе въ Слѣпцовской, гдѣ и бо́льшая часть моей кавалеріи съ 4 конными орудіями; въ Алханъ-Юртѣ 4 сотни Моздокцевъ, съ двумя другими орудіями. Мой послѣдній батальонъ покинетъ Назранъ завтра, если не будетъ ничего новаго. Вревскій оставляетъ сегодня свою позицію въ Мужичи, чтобы занять ее на Алгузали. Если отступательное движеніе Шамиля не болѣе какъ ложное, сдѣланное только чтобы запастись провіантомъ и затѣмъ начать наступленіе снова, Вревскаго и меня будетъ совершенно достаточно, чтобы ему помѣшать, или совершенно разбить его, буде онъ настойчиво станетъ преслѣдовать свое намѣреніе. Если же, съ другой стороны, видя свой проэктъ неудавшимся, онъ двинется на Лезгинскую линію или въ Дагестанъ, я заставлю его вернуться тѣмъ, что проникну въ

*) Разстояніе около ста верстъ.

центръ Большой Чечни. По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я могъ получить по дорогѣ и по наблюденіямъ, которыя я сдѣлалъ раньше, Шамиль сумѣлъ привлечь на свою сторону нѣсколько вліятельныхъ людей между народомъ намъ покорившимся, особенно среди Осетинъ; легко предвидѣть, что̀ можетъ изъ этого выйти, и потому, какъ я думаю, нужны немедленное дознаніе и жестокій урокъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, цѣль Шамиля занять Военно-грузинскую дорогу, возмутивъ горцевъ, которые живутъ по ея сторонамъ, и въ то время когда онъ будетъ у Тагаурцевъ, Махомедъ-Эминъ долженъ будетъ съ своей стороны поднять Карачай и населеніе Кабарды".

„Планъ смѣлъ и хорошо составленъ; тѣмъ не менѣе я думаю, что его исполненіе невозможно, принимая во вниманіе наши славныя войска и ихъ расположеніе. Необходимо, и какъ можно скорѣе, освободиться отъ нѣкоторыхъ скверныхъ личностей. Одинъ изъ тѣхъ кого подозрѣваютъ—полковникъ Муса-Кундуховъ, затѣмъ Тугановъ и др."

На эти письма князь Воронцовъ, изъ Боржома, 9-го Іюня отвѣчалъ: „Не могу не поблагодарить васъ отъ всего сердца за тѣ новости, которыя вы мнѣ сообщаете и въ особенности за ту скорость, съ которою вы прибыли на помощь вашему сосѣду Вревскому, какъ только узнали, что онъ будетъ атакованъ. Кажется, что все это предпріятіе Шамиля, если оно дѣйствительно такъ важно, какъ вы полагаете, благодаря Бога, обрушилось на него же и послужитъ ему новымъ и сильнымъ доказательствомъ его возрастающей слабости и того, какъ мало наши мирные расположены въ его пользу. Что касается до Махомедъ-Эмина, то еще не выяснилось, чтобы кто-нибудь двинулся съ этой стороны и были ли у него намѣренія соединиться съ Шамилемъ, для занятія нашей главной военной дороги. Я не расположенъ этому вѣрить, ибо дѣло было бы труднымъ и даже нелѣпымъ. Вотъ уже пять-шесть дней какъ не имѣю никакихъ извѣстій отъ нашихъ начальниковъ Центра и Праваго Фланга. Жду рапорта отъ Вревскаго на счетъ окончательнаго заключенія по всему этому дѣлу".

„Пока Шамиль былъ занятъ съ вами, Даніель-бекъ хотѣлъ сдѣлать нападеніе со стороны Лезгинской линіи; но оттѣсненный на всѣхъ пунктахъ, онъ держится еще въ нашихъ горныхъ магалахъ и думаетъ тамъ укрѣпиться“.

„Около 15-го числа баронъ Врангель пойдетъ, чтобы вытѣснить его и оттуда, для чего ему князь Орбеліани поможетъ 4-мя батальонами. Между тѣмъ, воюя, султанъ Даніель-бекъ началъ переговоры, чтобы добиться прощенія и возвращенія къ намъ, но подъ нелѣпымъ условіемъ остаться жить въ Цахурѣ. Когда Врангель мнѣ сообщилъ это предложеніе, я ему отвѣчалъ, что султанъ насмѣхается надъ нами; но Врангель, до полученія моего отвѣта, безразсудно прислалъ ко мнѣ одного назыря (казначея) отъ Даніель-бека, все съ тѣмъ же предложеніемъ. Послѣ продолжительнаго разговора, я отправилъ его вчера съ такимъ же отвѣтомъ; я ему объяснилъ подробно, что намъ невозможно вѣрить Даніель-беку, уже разъ измѣнившему, и что если онъ хочетъ получить прощеніе, то долженъ сдаться безъ условій“.

„Все это доказываетъ, что дѣла ихъ идутъ плохо, и что вліяніе Шамиля съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Мы будемъ продолжать нашу систему осторожности и настойчивости, и съ Божіею помощью, по немногу, достигнемъ добраго конца. Я думаю, что Вревскій сумѣетъ отличить настоящихъ виновниковъ, если они есть въ его округѣ, и тогда надо будетъ для примѣра нѣсколькихъ наказать“.

Привожу еще слѣдующія три письма князя Барятинскаго:

Слѣпцовская, 6 Іюня 1852 года.

„Всѣ лазутчики единогласно говорятъ, что Шамиль положительно отступилъ и распустилъ свое войско. Уже нѣсколько дней идетъ сильный дождь, такъ что всѣ ручейки въ горахъ превратились въ потоки и дороги вездѣ стали непроходимы. Мои войска возвратятся завтра. Ожидаю здѣсь сегодня Вревскаго, чтобы поговорить съ нимъ о событіяхъ минувшихъ и грядущихъ. Завтра отправлюсь въ Грозную и снова займусь тамъ дѣлами. Въ моемъ будущемъ письмѣ я напишу вамъ подробно о новомъ Чеченскомъ управленіи, открывшемъ уже свои дѣйствія; туземцы, кажется, имъ очень довольны. Я

очень вамъ благодаренъ, что вы прислали мнѣ гененала Багговута, человѣка съ истиннымъ мужествомъ, который горитъ желаньемъ отличиться. Такъ какъ мое здоровье требуетъ, чтобы я отправился въ Старый-Юртъ, то теперь я могу остаться спокойнымъ на случай тревогъ въ Грозной. При послѣднемъ движенiи я поручалъ Багговуту кавалерiю. Всѣ войска пришли по моему требованiю съ замѣчательной быстротой, и смѣю у васъ ходатайствовать для нихъ благодарности, въ особенности для Гребенскихъ казаковъ и Куринцевъ, которые сдѣлали 106 верстъ въ 33 часа".

Воды Стараго-Юрта, 9 Iюня 1852 г.

„Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ ваши два письма, одно доставленное мнѣ Iедлинскимъ и другое, гдѣ вы говорите о счастливой случайности, заставившей Семена уѣхать въ Ноябрѣ въ Тифлисъ. Радуюсь мысли скоро увидать Семена, во-первыхъ изъ за удовольствiя его видѣть и во-вторыхъ потому, что мнѣ необходимо поговорить съ нимъ о дѣлахъ его полка".

„Будущее назначенiе Iедлинскаго въ Моздокскiй полкъ меня очень радуетъ. Съ нѣкотораго времени носятся глухiе слухи на счетъ приготовленiй, которыми занимается Шамиль, собираясь въ дальнiй путь. Одни говорятъ, что онъ идетъ на помощь къ Данiель-беку; другiе, что онъ еще не покинулъ свой планъ поднять Осетiю и соединиться съ Махомедъ-Эминомъ. На Лѣвомъ флангѣ все идетъ отлично, солдаты заняты уборкою сѣна, чѣмъ я и пользуюсь: беру ванны въ Старомъ-Юртѣ, которыми очень доволенъ".

Воды Стараго-Юрта, 21 Iюня 1852 г.

„Въ теченiи послѣднихъ дней я оставался въ Ташъ-Кичу, гдѣ мнѣ надо было покончить съ нѣкоторыми дѣлами, и теперь я нахожусь здѣсь, въ Старомъ-Юртѣ, и беру ванны. Въ Грозной я оставилъ генерала Багговута съ надлежащими инструкцiями, на случай тревоги; самъ же занимаюсь здѣсь вообще всѣми дѣлами. Вотъ нѣкоторыя подробности о Чеченскомъ управленiи. Судъ составленъ изъ предсѣдателя (Бартоломей), двухъ офицеровъ, его помощниковъ, одинъ по

административной, другой по исполнительной части и для начальства надъ милиціею (Машковъ и Бѣликъ); два переводчика, одинъ ученый и другой словесный (Касимъ и Бата̀), главный кади (Али-Мурза) и три старика для совѣта и для тѣхъ дѣлъ, которыя должны разбираться по адату (обычному праву). Весь персоналъ составленъ мною изъ самыхъ лучшихъ людей по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, какихъ я только могъ выбрать среди Русскихъ и Чеченцевъ. По случаю уразы (постъ у мусульманъ) на нѣкоторое время засѣданія этаго собранія закрыты; поэтому не могу еще подвергнуть окончательному обсужденію, какихъ дополненій или измѣненій потребуетъ эта организація. Это составитъ предметъ небольшой записки, надъ которой я теперь работаю и которая будетъ закончена къ вашему пріѣзду сюда; тогда я повергну на ваше усмотрѣніе мои дальнѣйшіе планы относительно этаго управленія. Чеченцы имѣютъ очень довольный видъ; имъ нравится, что о нихъ заботятся, а Кумыки просятъ теперь устроить и у нихъ тоже самое“.

22-го Іюня изъ Боржома князя Воронцовъ отвѣчалъ:

„Пока нѣтъ ничего новаго, но черезъ день или два жду рапорта генерала Врангеля на счетъ его вступленія въ горы и, надѣюсь, что съ Божіею помощью, при содѣйствіи войскъ изъ Дагестана, онъ скоро прогонитъ Даніель-бека изъ нашихъ верхнихъ магаловъ. Сильный отрядъ горцевъ сдѣлалъ серьозное нападеніе на границы Нухинскаго уѣзда; но, благодаря хорошимъ распоряженіямъ и быстрому движенію полковника Корганова и подполковника Жукова, командира рабочаго отряда Военно-Ахтинской дороги, горцы были отовсюду оттиснуты, не имѣвъ возможности нанести намъ какой-либо вредъ“.

„Надѣюсь, у васъ все спокойно; ожидаю вашихъ сообщеній о свѣдѣніяхъ отъ вашихъ лазутчиковъ относительно происходящаго въ Дагестанѣ и что́ дѣлаетъ Шамиль. Былъ слухъ, что онъ самъ хотѣлъ прибыть на помощь Даніельбеку и сдѣлать нападеніе на Кахетію; но я этому не вѣрю. Очень хотѣлъ бы я знать, куда онъ направился послѣ отступленія изъ вашихъ мѣстностей, пошелъ ли въ Андію собирать наибовъ и людей изъ Дагестана, или же уѣхалъ пре-

спокойно домой? Одинъ изъ лазутчиковъ генерала Граматина увѣрялъ, будто видѣлъ Шамиля и его свиту въ Назранѣ, гдѣ жители возмутились, и что это произошло какъ разъ въ то время, когда вы были тамъ съ храбрыми Куринцами. Я очень радъ, что вы довольны, имѣя въ своемъ распоряженіи ген. Баговута; это храбрый человѣкъ, и я прошу васъ передать ему мой привѣтъ, также и Бартоломею. Ожидаю съ нетерпѣніемъ подробностей, которыя вы мнѣ обѣщали насчетъ начала вашихъ мѣръ по администраціи мирными Чеченцами".

Слѣдующее письмо было отъ 27-го Іюня: „Около 15-го Іюля я покидаю Боржомъ и отправляюсь въ Ахалцыхъ и Ахалкалаки, оттуда поѣду въ Тифлисъ. Недѣли полторы я отдохну въ Коджорахъ и около 1-го Августа поѣду во Владикавказъ, а оттуда къ вамъ, гдѣ бы вы ни находились. У насъ будетъ время переговорить обо всѣхъ нашихъ дѣлахъ и о моихъ предположеніяхъ относительно зимнихъ предпріятій. Разумѣется, я ничего не рѣшу, не выслушавъ вашего мнѣнія и не согласившись вполнѣ съ вами. Послѣ моего посѣщенія Праваго фланга, если ничто мнѣ не помѣшаетъ, я отправлюсь черезъ Ейскъ и Бердянскъ въ Крымъ, куда надѣюсь прибыть въ началѣ Сентября. Я не хотѣлъ бы пробыть въ Крыму долѣе одной недѣли, или самое большое двухъ; но это будетъ зависить вполнѣ отъ рѣшенія, которое приметъ Государь въ своей поѣздкѣ на Югъ, для осмотра войскъ 5-го корпуса въ Вознесенскѣ. Генералъ Коцебу мнѣ пишетъ изъ Петербурга, что Императоръ имѣетъ намѣреніе быть тамъ въ концѣ Сентября. Такъ какъ мнѣ нѣтъ надобности одному быть въ Крыму долѣе 8 или 10 дней, то я, какъ только узна̀ю навѣрное о путешествіи Государя около конца Сентября, буду очень радъ пробыть нѣкоторое время съ вами, а на Правомъ флангѣ, можетъ быть, проѣду даже до Шуры. Во всякомъ случаѣ, если послѣ моего свиданія съ Государемъ, я ничего не узнаю въ Тамани о васъ, что́ меня могло бы удержать, то возвращусь въ Тифлисъ по Восточному берегу и черезъ Имеретію, такъ какъ мнѣ многое нужно осмотрѣть въ этой сторонѣ, гдѣ я не былъ съ 1849 года. Впрочемъ, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ рас-

полагаетъ; но это не мѣшаетъ все-таки составлять заранѣе, на сколько возможно, планы для будущаго".

„Въ общемъ ничего новаго нѣтъ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ генерала Врангеля, который теперь долженъ быть въ горахъ. Съ Праваго фланга Евдокимовъ, которому все представляется въ преувеличенномъ видѣ, пишетъ мнѣ, что Магомедъ-Эминъ далекъ отъ того, чтобы предпринять что-нибудь, будучи покинутъ всѣми Абадзехами и другими племенами, которыхъ онъ созвалъ, такъ что возвратился почти одинъ. Прощайте, князь; письмо вышло довольно длиннымъ *), но это благодаря нашему доброму Мирскому: онъ пишетъ точно Англійскій адвокатъ, которому платятъ постранично и даже построчно, и потому старается растянуть письмо елико возможно длиннѣе".

Затѣмъ изъ Коджоръ, отъ 23-го Іюля, князь Воронцовъ писалъ: „Хочу сообщить вамъ о разговорѣ, который я имѣлъ въ Боржомѣ съ Хассаемъ относительно исторіи между Гиналъ-Гебекомъ, нашимъ бывшимъ другомъ Хаджи-Муратомъ и бывшимъ полковникомъ, а теперь генераломъ Майделемъ. Я обѣщалъ ему написать обо всемъ вамъ, такъ какъ не получилъ отъ васъ никакихъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ, послѣ того какъ вы сами были на мѣстѣ. Онъ утверждаетъ, что его двоюродный братъ былъ причиною несправедливаго ареста Гиналъ-Гебека и другихъ, и что не всѣ князья были согласны съ этимъ, и такимъ образомъ все раздѣлилось на двѣ партіи. Хассай говорилъ, что Асланъ-ханъ Уцміевъ служитъ отлично и очень полезенъ на настоящемъ своемъ посту старшаго князя; но, быть можетъ, вы найдете справедливымъ дать ему маленькій урокъ за то оскорбленіе, которое онъ причинилъ Гиналъ-Гебеку, человѣку испытанному и служащему намъ такъ преданно. Затѣмъ онъ говоритъ, что никто не могъ бы разсудить этого дѣла такъ справедливо, какъ вы, и что всѣ должны подчиниться вполнѣ вашему рѣшенію. Вотъ все, дорогой князь, что́ я хотѣлъ вамъ сказать по этому поводу, и я прошу васъ увѣдомить меня,

*) Въ этомъ письмѣ было много подробностей о семейныхъ дѣлахъ князя Семена Михайловича и т. п..

какъ вы разрѣшите всю эту путаницу. Я съ живымъ интересомъ отношусь къ Гиналъ-Гебеку, такъ какъ онъ служилъ болѣе семи лѣтъ при мнѣ вѣрою и правдою, и это доказалъ въ особенности въ теченіи неудачныхъ 1843 и 1844 годовъ. Я припоминаю теперь разсказъ генерала Гурки, что когда онъ шелъ на помощь Пассеку, въ самый критическій моментъ, онъ вдругъ замѣчаетъ, что покинутъ всѣми туземцами и даже лучшими людьми Шамхала, исключая Гиналъ-Гебека, который одинъ остался съ нимъ, какъ это сдѣлалъ бы благороднѣйшій изъ Русскихъ“.

„Вы вѣрно уже узнали, какъ удачно окончилась славная экспедиція противъ Даніель-бека на Лезгинской линіи, изгнаніемъ его изъ нашихъ верхнихъ магаловъ, причемъ мы не потеряли ни одного человѣка. Но, что̀ болѣе всего важно, это устраненіе трудности переселенія всѣхъ жителей этихъ магаловъ, со всѣми семействами и съ ихъ имуществомъ, на плоскость. Еще въ 1850 году, когда я былъ на мѣстѣ и въ Лучекѣ, и когда мы рѣшили укрѣпить этотъ пунктъ, я былъ увѣренъ, что мы не будемъ имѣть ни мира, ни перемирія на Правомъ флангѣ Лезгинской линіи и во всей долинѣ Алазани, пока верхніе магалы не будутъ покинуты ихъ жителями; да это было необходимо и для нихъ самихъ: они сами не могли защищаться противъ непріятеля, защищать же намъ ихъ нѣтъ возможности по причинѣ суроваго климата; и такимъ образомъ они вынуждены были принимать и кормить всѣ отряды непріятеля, помогая ему въ набѣгахъ на насъ. Но въ 1850 году находившійся со мною генералъ Бельгардъ былъ вполнѣ неспособенъ ни понять, ни выполнить этой мѣры; затѣмъ другія важныя дѣла отвлекли меня отъ этого вопроса. И только теперь, благодаря глупому предпріятію Даніель-бека, мы могли взять на себя это дѣло, да и были достаточно сильны, чтобы переселить 15 ауловъ и болѣе 1500 семействъ, которыя, вслѣдствіе движенія Даніель-бека, ради собственнаго спасенія, почти всѣ, безъ исключенія, желали этой перемѣны въ своемъ существованіи. Шамиль долженъ быть крайне недоволенъ Даніель-бекомъ, который, имѣвъ безумное намѣреніе укрѣпиться и держаться въ странѣ намъ принадлежащей, кончилъ тѣмъ, что вынужденъ ее по-

кинуть, окончательно передавь ее въ наши руки, и тѣмъ лишить Шамиля немалой пользы, приносимой ему населеніемъ верхнихъ магаловъ въ видѣ значительнаго денежнаго оброка".

„Врангелю въ этомъ дѣлѣ была оказана сильная помощь вопервыхъ, четырьмя баталіонами, посланными ему княземъ Григоріемъ Орбеліани, и затѣмъ переговорами и сношеніями съ жителями, которые велъ нашъ храбрый Илико *), бывшій тамъ съ своими гренадерами, и наконецъ разумнымъ усердіемъ князя Тарханова. Теперь батальоны, посланные княземъ Григоріемъ, уже возвращены и, я думаю, его первая забота должна быть о возстановленіи порядка между подданными Шамхала, изъ которыхъ въ особенности аулъ Губденъ вышелъ совсѣмъ изъ повиновенія и постоянно производитъ разбои противъ насъ".

„Несмотря на предсказаніе относительно конца байрама, Шамиль и его сподвижники во всѣхъ пунктахъ теперь остаются спокойными, и всеобщее уныніе съ каждымъ днемъ возрастаетъ въ Дагестанѣ".

„Я не могу еще съ точностью опредѣлить время моего пріѣзда въ Владикавказъ; недѣля жары въ Боржомѣ мнѣ доказала сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, что я болѣе не въ состояніи долгое время переносить подобную температуру, и теперь мнѣ необходимо, во что бы ни стало, возстановить свои силы въ болѣе свѣжемъ воздухѣ Коджоръ. Объ этомъ я вамъ напишу вѣроятно съ Семеномъ и надѣюсь дней черезъ 12 буду въ состояніи подумать объ отъѣздѣ. Очень хотѣлось бы васъ повидать, чтобы переговорить и согласиться съ вами насчетъ дѣлъ Чечни и вашихъ будущихъ предпріятій. Я пока ничего болѣе объ этомъ вамъ говорить не буду, но, думаю, вы сами видите, что теперь мы не можемъ вамъ дать подкрѣпленія, какъ вы прежде этого желали, изъ отрядовъ Вревскаго или Дагестанскихъ безъ того, чтобы не поставить въ опасность наши границы. Невозможно также

*) Орбеліани, командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка.

обезсилить начальниковъ резервовъ, такъ какъ они должны быть всегда готовы слѣдить за непріятелемъ, который изъ своей центральной позиціи можетъ переноситься въ ту, или другую сторону нашихъ отдѣловъ и въ особенности къ тому или другому племени, гдѣ ему обѣщаютъ помощь или содѣйствіе. Если непріятель до сихъ поръ и не добился ничего, то это потому, что мы всегда готовы и достаточно сильны, чтобы его встрѣтить".

„Со стороны Праваго фланга, въ населеніи за Кубанью, господствуютъ также утомленіе и уныніе: тамъ часто сопротивляются и открыто не повинуются Магомедъ-Эмину. Кажется, это человѣкъ дѣятельный и разсудительный; онъ хотя воинъ и не важный, но пользуется симпатіею молодежи и вообще тѣхъ, которые живутъ только грабежами и безпорядками. Это обстоятельство, можетъ быть, будетъ мѣшать нѣкоторое время покоренію многихъ обществъ, гдѣ люди болѣе пожилые и благоразумные почти всѣ склонны подчиниться".

„Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ; о подробностяхъ же мы переговоримъ, когда я буду имѣть удовольствіе васъ видѣть. Отъ всего сердца желаю, чтобы воды Стараго-Юрта принесли вамъ пользу. Но пишите, какъ вы себя чувствуете и сообщите мнѣ подробности о ходѣ гражданскаго управленія мирными, и что́ думаютъ объ этомъ немирные, въ особенности переселившіеся съ Мичика. Эти деревни на Мичикѣ очень меня занимаютъ, и послѣ всего, что̀ вы мнѣ говорите, я хотѣлъ бы надѣяться, что въ теченіи зимы мы съ этой стороны освободимся отъ сосѣдства непріятеля".

И опять оттуда же, 31-го Іюля: „Письмо это передаетъ вамъ Семенъ и сообщитъ, что наконецъ я опредѣлилъ свой маршрутъ на столько, на сколько можно опредѣлять что-нибудь на этомъ свѣтѣ. Уѣзжаю отсюда 11-го, два дня пробуду въ Тифлисѣ и 14-го надѣюсь быть на освященіи и открытіи моста въ Дарьялѣ, гдѣ мы съ Наслѣдникомъ положили первый камень. Въ этотъ же день, или на другой утромъ, мы думаемъ прибыть во Владикавказъ, гдѣ останемся до 18-го, и этого числа будемъ ночевать или въ станицѣ Михайлов-

ской или въ Алханъ-Юртъ; прибудемъ 19-го въ Воздвиженскую и останемся тамъ до 20-го или 21-го, 22-го думаемъ быть въ Грозной, а 23-го въ Червленной. Если ходъ леченія въ Старомъ-Юртѣ позволитъ вамъ встрѣтить меня во Владикавказѣ, это будетъ очень хорошо; мы можемъ тамъ переговорить и условиться о многихъ дѣлахъ съ Вревскимъ, Вольфомъ и др. Чтò меня особенно обрадовало бы, это пробыть все время съ вами, начиная съ 14-го и до 22-го или 23-го. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я говорилъ вамъ о своемъ мнѣніи относительно вашей зимней экспедиціи; Семену я передалъ объ этомъ лишь слегка. Надо держать наши планы въ полномъ секретѣ; это впрочемъ никѣмъ такъ хорошо не исполняется какъ вами“.

„Теперь я прибавлю только, что ваши послѣдніе рапорты меня еще болѣе убѣждаютъ въ правильности предполагаемаго въ эту зиму движенія, которое принесетъ намъ много пользы и много вреда непріятелю. И вотъ на чемъ опять я основываю свое мнѣніе: во первыхъ, на продолжающихся хищныхъ происшествіяхъ около Алханъ-Юрта и Тепли-Кичу, затѣмъ на послѣдовательныхъ атакахъ непріятеля на Истису и, наконецъ, на безпокойствѣ мирныхъ въ Умаханъ-Юртѣ, которые хотятъ даже покинуть эту столь важную для насъ мѣстность. Все это заставляетъ меня думать, что самое главное для насъ—покорить или, вѣрнѣе,разорить до основанія все, чтó остается на Мичикѣ, и сдѣлать тоже самое съ непріятелемъ въ четырехугольникѣ долины, которая окружена съ Юга лѣсами и лѣсистыми частями Большой Чечни, съ Востока—Мичикомъ, съ Сѣвера—Сунжей и съ Запада—рѣкою Бассъ или Аргуномъ. Затѣмъ окончательно установить нашъ авторитетъ и спокойствіе на нашей линіи по Сунжѣ, уничтоживъ все, чтó могло бы остаться подозрительнаго, и съ небольшимъ количествомъ людей хорошенько осмотрѣть линію между Сунжею, Ачхоемъ, Урусъ-Мартаномъ и Воздвиженскою. Я думаю, что, по примѣру прошлаго года, въ два мѣсяца можно все это совершенно окончить и если даже Шамиль соберетъ опять значительныя силы, чтобы противустоять намъ, то его игра будетъ неудачна въ этихъ малолѣсистыхъ мѣстностяхъ,

гдѣ вы будете всегда имѣть удобное сообщеніе и находиться въ небольшомъ разстояніи отъ нашихъ укрѣпленій, съ той или другой стороны. Подумайте объ этомъ хорошенько, и, не говоря никому ни слова, сообщите мнѣ ваши мысли вообще; а о подробностяхъ мы согласимся, когда я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ и пробыть съ вами нѣсколько дней. Если исполненіе всего этого возможно, какъ я надѣюсь, то наше общее положеніе значительно улучшится и то, что̀ насъ укрѣпитъ — ослабитъ непремѣнно непріятеля. Между тѣмъ, ваше гражданское управленіе должно идти впередъ“.

„Мы только что упрочили нашу Лезгинскую линію, обративъ въ пустыню тѣ мѣста, по которымъ непріятель могъ всегда приходить къ намъ и которыя мы не могли защищать зимою. Я думаю, что мы также можемъ укрѣпить вашу позицію на Лѣвомъ флангѣ, разрушивъ все, что̀ не можетъ быть покорено въ главной части Большой Чечни и на Мичикѣ“.

Глава XVII.

Мѣры Шамиля противъ выселенія Чеченцевъ.—Набѣгъ на Гурдали.—Письма объ этомъ князя Барятинскаго.—Пріѣздъ князя Воронцова и движеніе въ Шали.—Квасной анекдотъ.—Неудачный набѣгъ Чеченцевъ и письмо объ этомъ князя Барятинскаго.—Замыселъ Чеченскаго наиба убить князя Барятинскаго.—Письмо князя Воронцова.—Разореніе аула Ханкале.—Письмо объ этомъ князя Барятинскаго.—Еще письмо князя Воронцова.—Конецъ дѣйствій 1852 года.

Когда выселеніе къ намъ Чеченцевъ приняло, наконецъ, еще болѣе усиленные размѣры, Шамиль рѣшился прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ противъ этого, крайне ему непріятнаго, обстоятельства. Онъ приказалъ собрать какъ можно больше тѣхъ Чеченскихъ семействъ, которыя были особенно озлоблены ихъ разореніемъ и пылали ненавистью къ Русскимъ, и поселить ихъ въ удобномъ мѣстѣ на берегу Мичика, съ тѣмъ, чтобы они, пользуясь близостью Кумыкской площади, безпрестанными набѣгами тревожили наши войска, наносили имъ, и особенно переселенцамъ изъ Чечни, какъ можно больше вреда, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляли бы родъ прибрежной стражи, для пресѣченія выходцамъ кратчайшаго, удобнѣйшаго пути къ Русскимъ укрѣпленіямъ.

Распоряженіе Шамиля было исполнено, и въ аулѣ Гурдали, лежащемъ на самомъ берегу Мичика, было сосредоточено значительное число собранныхъ изъ разныхъ разоренныхъ нами ауловъ семействъ, которыя и принялись исполнять съ усердіемъ возложенную на нихъ задачу.

Князь Барятинскій рѣшилъ уничтожить этотъ притонъ враждебныхъ намъ людей. Въ Августѣ самъ онъ, по примѣру предыдущаго года, предпринялъ изъ Грозной движеніе въ Чечню, чтобы пожать плоды своихъ зимнихъ дѣйствій и по широкимъ просѣкамъ выдти на засѣянныя Чеченцами поля, истребить ихъ посѣвы, лишить средствъ существованія и способовъ продовольствовать зимою вспомогательныя горскія сборища. Въ тоже время князь приказалъ полковнику Бакланову, какъ старшему на Кумыкской плоскости, собравъ безъ огласки отрядъ, не менѣе трехъ батальоновъ, напасть

11 Августа на Гурдали и, по истребленіи его, возвратиться въ укрѣпленіе Куринское. Въ тотъ же день князь выступилъ изъ Грозной къ Шали, предполагая, что одновременное движеніе двухъ отрядовъ облегчитъ каждому исполненіе ихъ задачи, развлекая силы непріятеля и ставя его между двухъ огней.

Къ сожалѣнію, расчетъ не совсѣмъ оправдался. Тогда какъ Грозненскій отрядъ благополучно выполнилъ свою задачу и, почти безъ потерь, уничтожилъ много Чеченскихъ посѣвовъ, отрядъ Бакланова, хотя и ворвался въ Гурдали, сжегъ часть его и угналъ 300 штукъ скота, но при отступленіи чрезъ густой лѣсъ, при страшной въ 40° жарѣ, понесъ громадную потерю, весьма и весьма не соотвѣтствовавшую ни достигнутому результату, ни самой цѣли. У насъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными 14 офицеровъ и болѣе 250 нижнихъ чиновъ, 16 тѣлъ нашихъ было брошено въ лѣсу; были минуты, когда положеніе казалось безвыходнымъ....

И опять подтвержденіе высказанному мною выше, по поводу дѣлъ въ Малой Чечнѣ въ Январѣ 1852 года, что набѣги съ ничтожными результатами, а нерѣдко и вовсе безъ результатовъ, поглощали громадныя напрасныя жертвы, особенно, когда неосторожно рисковали предпринимать ихъ лѣтомъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ; Чеченцы же, когда хотѣли и, по условіямъ, могли защищаться, безъ всякой поддержки Шамиля и его орудій, дѣлали это съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, нужно сказать, что въ этотъ разъ опытный и смѣтливый Баклановъ весьма неудачно распоряжался движеніемъ отряда; а Ба̀та̀, оказывавшій столько пользы, находясь при князѣ Барятинскомъ, здѣсь Бакланову не только не былъ полезенъ, но своими совѣтами наводилъ на сомнѣніе въ его искренности. Но война остается войною; безъ жертвъ, иногда и лишнихъ, она не обходится; неизбѣжны въ ней и ошибки, и непредвидимыя случайности; главное—конецъ вѣнчаетъ дѣло, а конецъ, именно благодаря князю Барятинскому, его соображеніямъ, рѣшимости и настойчивости, вскорѣ увѣнчалъ дѣло, какъ можно будетъ убѣдиться изъ дальнѣйшаго фактическаго изложенія хода событій на Кавказѣ.

Князь Барятинскій написалъ главнокомандующему слѣдующее письмо:

Старый-Юртъ, 16 Августа 1852.

„Чтобы помѣшать населенію Мичика переходить на нашу сторону и не допустить утвердиться тамъ равнодушному отношенію къ движеніямъ нашихъ войскъ, Шамиль нѣсколько времени тому назадъ вздумалъ вторично населить разоренный аулъ Гурдали людьми изъ самыхъ горячихъ фанатиковъ и наиболѣе ненавидящими Русскихъ. Это тѣже самые, которые съ новымъ наибомъ Иски производили всѣ набѣги, упомянутые въ вашемъ послѣднемъ ко мнѣ письмѣ. Они мнѣ причинили много непріятнаго: я видѣлъ, что упавшій было воинственный духъ Мичиковцевъ поднимается и что плоды моей зимней экспедиціи, если не потеряны совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ ослаблены. Надо было совершенно разрушить ихъ надежды однимъ ударомъ, выбравъ удобный моментъ, когда ихъ сѣно и хлѣбъ не были еще свезены въ аулы. Вотъ почему я рѣшился 11-го, 12-го и 13-го числа этого мѣсяца предпринять рѣшительную экспедицію, до основанія разрушить Гурдали и уничтожить сѣно и жатву въ Большой Чечнѣ. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія, благодаря храбрости нашихъ войскъ и разумной смѣлости ихъ начальниковъ. Гурдали болѣе не существуетъ: жители, послѣ сильнаго сопротивленія (причемъ мы понесли немало жертвъ) были всѣ перебиты, исключая 52 плѣнныхъ, отправленныхъ вмѣстѣ съ скотомъ въ Куринское. Сѣно и хлѣба́ на Мичикѣ, въ аулахъ Мезеинѣ, Шали, Зармай-Юртѣ, близъ Тепли, совершенно уничтожены. Потеря непріятеля громадна, но мы также многихъ лишились: у насъ болѣе 200 раненыхъ, изъ нихъ 10 офицеровъ и около 40 убитыхъ, въ томъ числѣ два офицера.“

„Могу смѣло сказать, что ни зимой, ни лѣтомъ непріятель не испытывалъ столь жестокихъ потерь и такого смертельнаго удара. На слѣдующій день погрома въ Гурдали, болѣе 30 семействъ Мичиковцевъ перешли на нашу сторону и присоединились къ населенію аула Истису. Я надѣюсь, что къ вашему пріѣзду число переселенцевъ еще значительно увеличится. Я не могу нахвалиться войсками, принимавшими участіе въ этомъ дѣлѣ. Генералы Баговутъ и Майдель, полковники Баклановъ, князь Семенъ и Николаи были мнѣ глав-

ными помощниками. Два послѣдніе, во главѣ своихъ храбрыхъ полковъ, снова покрыли себя честью и славою, и оба остались цѣлы и невредимы. Подъ Николаи только была убита лошадь: но его полкъ, къ несчастью, очень пострадалъ. Хотя я и далъ Бакланову въ проводники Бату; но думаю, что они лучше сдѣлали бы, выбравъ для отступленія болѣе дальнюю дорогу, именно ту, по которой я проходилъ зимою, вмѣсто того, чтобы двигаться по лѣсистой сторонѣ Мичика, подобной Ичкеринскимъ лѣсамъ. Если я вамъ теперь не посылаю еще подробнаго офиціальнаго рапорта обо всемъ этомъ дѣлѣ, то это лишь потому, что я не получалъ еще таковаго отъ Бакланова. Черезъ нѣсколько дней я перешлю вамъ его. Смѣю просить васъ оцѣнить жертвы и тяжелые труды офицеровъ и солдатъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, вновь поощрить ихъ вашимъ милостивымъ словомъ и разрѣшить мнѣ сдѣлать представленіе о наградѣ наиболѣе отличившихся".

„P. S. Въ то время, когда я кончалъ письмо, пріѣхалъ князь Семенъ съ донесеніемъ о новой побѣдѣ, славной и необыкновенной по своей смѣлости и какъ нельзя болѣе кстати совершенной. Вчера съ разсвѣтомъ онъ проникъ въ Аргунское ущелье съ пятью ротами своего полка, овладѣлъ тремя аулами и сжегъ ихъ. Жители не хотѣли сдаться, дрались какъ львы и почти всѣ были перебиты. Его потеря очень незначительна: 50 раненыхъ и 10 убитыхъ, въ томъ числѣ одинъ убитый и 7 раненыхъ офицеровъ. Генералъ Пулло былъ тамъ когда-то съ 8-ю батальонами и потерялъ 500 человѣкъ. „Побѣдителя не судятъ", какъ говорила Екатерина Великая; но я не могу скрыть отъ васъ, что этотъ черезъ чуръ смѣлый ударъ былъ нанесенъ безъ моего вѣдома; стало-быть поступокъ не совсѣмъ правиленъ, что̀ я, какъ начальникъ, и высказалъ князю Семену. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могъ скрыть отъ него мое удивленіе, съ какимъ умомъ, смѣлостью и энергіею было произведено это дѣло, которое стоило такой незначительной потери" *).

---

*) Ради исторической истины не могу скрыть, что князь Барятинскій въ этомъ письмѣ счелъ нужнымъ пощадить самолюбіе главнокомандующаго-отца и

Вскорѣ послѣ Августовскаго движенія князя Барятинскаго изъ Грозной за р. Бассъ, на Лѣвый флангъ пріѣхалъ главнокомандующій черезъ Заканъ-Юртъ, Урусъ-Мартанъ, въ Воздвиженскую. Отсюда князь Барятинскій устроилъ ему прогулку на Шали, въ окрестности Герменчука и Автура. Отрядъ состоялъ изъ всѣхъ пяти батальоновъ Куринскаго имени князя Воронцова полка, подъ командою сына его, князя Семена, при нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ и множествѣ вновь покорившихся Чеченцевъ. У Автура, стоя на курганѣ, старый ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ пропустилъ церемоніяльнымъ маршемъ свой полкъ, съ развѣвающимися знаменами, подъ звуки полковой музыки, подъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ. Мы торжествовали покореніе значительной части Большой Чечни, дальнѣйшее сопротивленіе которой было очевидною невозможностью: нищета ея замѣтно усиливалась, хлѣба уже не хватало для собственнаго продовольствія, вывозъ въ горы прекратился. Непріятель издали пикетами слѣдилъ за этимъ Русскимъ торжествомъ, по всей обстановкѣ едва-ли не единственнымъ на Кавказѣ, и въ тотъ день не раздалось ни одного съ его стороны выстрѣла. Само собою, главнокомандующій былъ въ восхищеніи и не могъ не сознавать, что онъ обязанъ этимъ кратковременной дѣятельности князя Барятинскаго.

Къ этому времени относится забавный случай, о которомъ не могу не разсказать здѣсь. По возвращеніи въ Грозную, князь Воронцовъ за обѣдомъ попросилъ напиться квасу. Квасъ чрезвычайно понравился. Князь Михаилъ Семеновичъ, выпивъ два-три стакана, говорилъ, что пилъ такой только въ Одессѣ и то рѣдко, и спросилъ у князя Александра Ивановича, откуда онъ его добываетъ? Князь затруднился

скрыть истину о полковомъ командирѣ-сынѣ. Попытка проникнуть въ Аргунское ущелье съ нѣсколькими ротами была одна изъ тѣхъ безцѣльныхъ выходокъ, которыя позволяли себѣ иногда на Кавказѣ частные начальники, не подвергаясь, къ сожалѣнію, строгой карѣ. Никакого результата подобное вторженіе въ тѣснину Аргуна имѣть не могло, а къ крупной потерѣ, по условіямъ мѣстности, слѣдовало быть готовыми; 60 солдатъ и 8 офицеровъ были совершенно напрасною жертвой, а фраза, что „жители почти всѣ перебиты“ есть только реторическая фигура, одна изъ тѣхъ, къ которымъ принято прибѣгать въ военныхъ реляціяхъ.

отвѣтомъ (самъ никогда квасу не пилъ), но стоявшій тутъ камердинеръ его сказалъ: „изъ госпиталя“.

— За такое лакомство и я, и всѣ больные въ госпиталѣ обязаны вамъ, князь, и единственно вашему попеченію.

Князь Александръ Ивановичъ поклонился...

На другой день главнокомандующій, осматривая госпиталь, потребовалъ квасовара, благодарилъ его, похвалилъ за искусство, спросилъ, какой онъ губерніи, и когда тотъ сказалъ: „Кіевской, ваше сіятельство“, князь Воронцовъ удивился и спросилъ:—гдѣ же ты научился такой квасъ дѣлать?

„Самоучкой, ваше сіятельство“.

— Ну, молодецъ; а подай-ка намъ квасу.

Приносятъ стаканъ; князь Воронцовъ глотнулъ,—плюнулъ, передалъ князю Барятинскому; тотъ сдѣлалъ тоже. Главнокомандующій разсердился, сдѣлалъ выговоръ госпитальному начальству, а комисара приказалъ посадить на гауптвахту, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ еще какіе-то безпорядки.

Князь Александръ Ивановичъ былъ сконфуженъ и серьезно огорченъ. Возвратясь домой, онъ призвалъ камердинера и спросилъ, откуда онъ взялъ квасъ, что̀ подавалъ за обѣдомъ.

— Изъ госпиталя.

„Почему же въ госпиталѣ мы пробовали, квасъ оказался отвратительною мерзостью?“

— Очень просто: я его мѣшалъ пополамъ съ шампанскимъ...

Это не анекдотъ, а фактъ. Не отвѣчаю, впрочемъ, за вѣрность хронологическую; можетъ быть, это случилось и не въ другой пріѣздъ князя Воронцо́ва въ Грозную. Послѣдствій, конечно, никакихъ это квасное приключеніе не имѣло.

—

Шамиль, какъ бы желая уничтожить впечатлѣніе, произведенное торжественнымъ проѣздомъ князя Воронцова и показать, что до покорности Чеченцевъ еще далеко, вскорѣ приказалъ собрать двѣ тысячи конныхъ и одною частью, появясь со стороны Ханкальскаго ущелья, отвлечь туда войска изъ Грозной, а другою въ это время ударить на мирный аулъ подъ Грозной, угнать весь скотъ и вообще наказать жителей за покорность Русскимъ.

Планъ былъ составленъ хорошо, партіи собраны лихія; исправныя, и по всей вѣроятности онѣ достигли бы полнаго успѣха, еслибы не тотъ же прошлогодній лазутчикъ, сообщившій ночью князю Барятинскому всѣ подробности. Такимъ образомъ, когда рано утромъ появилась для демонстраціи со стороны Ханкале партія, войска выскочили противъ нея, но сейчасъ же за крѣпостью повернули внизъ по Сунжѣ и встрѣтили на переправѣ преслѣдуемую съ другой стороны партію, гнавшую огромное стадо скота. Непріятель отъ такой неожиданной встрѣчи растерялся и тутъ-то, сжатый съ двухъ сторонъ казаками и мирными Чеченцами-хозяевами скота, былъ жестоко наказанъ: около 200 человѣкъ было изрублено и заколото, большая половина потеряла своихъ лошадей, спасаясь въ кусты, въ обрывы къ Сунжѣ. Повторилась, однимъ словомъ, исторія, бывшая ровно годъ тому назадъ. Уныніе распространилось по Чечнѣ всеобщее, а наибъ Талгикъ долгое время не рѣшался никуда выходить, опасаясь мщенія со стороны родственниковъ тѣхъ людей, которые погибли въ набѣгѣ подъ его начальствомъ. Отъ Шамиля, кромѣ того, досталось ему жестоко, и онъ выслушалъ отъ Имама всенародное названіе трусомъ.

Объ этомъ происшествіи князь Барятинскій послалъ князю Воронцову слѣдующее письмо:

Грозная, 19-го Сентября 1852 года.

„Послѣ смотра, который вы произвели въ Шали и послѣ нашихъ побѣдъ въ Августѣ мѣсяцѣ, вліяніе Шамиля въ Чечнѣ очевидно ослабѣло. 15-го числа Имамъ собралъ въ Веденѣ всѣхъ наибовъ и порѣшилъ съ общаго согласія нанести здѣсь рѣшительный ударъ нашимъ войскамъ, дабы удержать свою власть, отомстить и поднять нравственный духъ жителей. Предупрежденный объ этомъ лазутчиками, я могъ прослѣдить все шагъ за шагомъ“.

„17-го числа, въ три часа пополудни, болѣе 2000 всадниковъ съ семью наибами окружили со всѣхъ сторонъ Грозную. Въ одно мгновеніе весь нашъ скотъ былъ захваченъ, и жители, находившіеся въ полѣ, забраны. Но одна рота вашего полка (Куринскаго), заранѣе поставленная въ засаду

чтобы защитить работавшихъ въ полѣ, бросилась на непріятеля въ штыки. Весь нашъ гарнизонъ, заранѣе подготовленный, вышелъ въ одно мгновеніе ока. Непріятельская конница пробовала атаковать его; но наши храбрые казаки и милиція, поддерживаемые пѣхотою и сильнымъ огнемъ артиллеріи, разбили всю непріятельскую колонну. Совершенно опрокинутые, они искали спасенія въ бѣгствѣ. Вся добыча до послѣдней штуки скота была отбита, и 62 тѣла остались въ нашихъ рукахъ. Потеря непріятеля значительна, какъ ранеными такъ и мертвыми; 10 плѣнныхъ, много лошадей и оружія также достались побѣдителямъ. Часть раненыхъ Чеченцевъ была унесена теченіемъ Сунжи".

„Вы позволите мнѣ умолчать относительно нравственнаго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ дѣломъ. Вы сами отлично знаете духъ и настоящее положеніе этого народа, чтобы не предвидѣть послѣдствій такого полнаго пораженія. Съ другой стороны, я не могу умолчать о моемъ восхищеніи войсками. Обращаю особенное ваше вниманіе на казаковъ и милицію. Я надѣюсь, вы разрѣшите мнѣ сдѣлать представленіе о наиболѣе причастныхъ къ этой побѣдѣ. Позвольте мнѣ въ особенности отмѣтить генерала Майделя, полковника Бартоломея, подполковника Камкова, капитана Бѣлика, подпоручика Машкова, и многихъ другихъ, имена которыхъ находятся въ спискѣ; копію съ него я пришлю вамъ съ моимъ адъютантомъ княземъ Гагаринымъ. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и можетъ сообщить вамъ тѣ подробности, которыя могли отъ меня ускользнуть".

„Вообще дѣла Лѣваго фланга и, насколько я знаю, дѣла моихъ сосѣдей, Дагестана и Владикавказа, въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Съ весны уже, гдѣ бы непріятель ни показался, вездѣ ему наносили уронъ. Нѣсколько дней тому назадъ Баклановъ жестоко разбилъ наиба Иски при Истису, и онъ едва не былъ тамъ схваченъ. Въ Воздвиженской все идетъ превосходно. Согласно вашимъ приказаніямъ, на Кумыкской плоскости начали рыть каналы. Кромѣ той пользы, которую мы отъ этого получимъ населеніемъ пространства въ 37000 десят., мы, избороздивъ эту плоскость, помѣшаемъ непріятелю производить здѣсь свои набѣги. Я

надѣюсь окончить эту работу ранѣе зимы. Что касается до записки, которую вы мнѣ приказали составить относительно пользы моста у Наура, я пришлю вамъ ее при слѣдующемъ письмѣ; въ настоящее время я собираю всѣ необходимыя по этому предмету свѣдѣнія. Черезъ нѣсколько дней я начну инспекторскій смотръ дивизіи".

Озлобленіе Талгика противъ князя Барятинскаго за двукратное пораженіе и вообще за всѣ послѣднія дѣла въ Чечнѣ не имѣло границъ. Съ чисто-Азіатскою подлостью, онъ рѣшился отомстить самымъ гнуснымъ, коварнымъ образомъ. Призвавъ одного изъ своихъ родственниковъ, Чеченца лѣтъ 22-хъ, онъ убѣдилъ его взять на себя рискованное порученіе убить князя Барятинскаго. Для этого Чеченецъ долженъ былъ бѣжать, изъявить якобы покорность Русскимъ, поселиться въ аулѣ Ячинъ-Юртъ, построенномъ подъ стѣнами Грозной, и тутъ искать удобнаго случая для исполненія адскаго замысла. Молодой Чеченецъ, очень бойкій, ловкій, красивый и приличный, явился въ Ячинъ-Юртъ, и аульный старшина представилъ его князю, который очень ласково его принялъ и, по просьбѣ старшины, зачислилъ въ свой конвой, въ которомъ, кромѣ казаковъ, находилось до 25-ти человѣкъ мирныхъ Чеченцевъ. Постепенно князь полюбилъ этого молодаго джигита и оказывалъ ему особенныя ласки.

Князь Барятинскій часто выѣзжалъ верхомъ для прогулокъ за крѣпость и бралъ съ собою лишь ординарца-урядника, да 3—4 Чеченцевъ, въ числѣ которыхъ неоднократно ѣздилъ и означенный, подосланный Талгикомъ человѣкъ. Случаевъ убить князя у него, такимъ образомъ, было очень много и весьма удобныхъ; даже при неизбѣжныхъ въ такихъ происшествіяхъ замѣшательствахъ, сидя на добромъ скакунѣ, онъ могъ расчитывать и ускакать безнаказанно; но онъ не рѣшился посягнуть на жизнь человѣка, оказавшаго ему столько довѣрія и ласки: у него, полудикаго сына воинственно-хищной Чечни, не поднялась рука на такое подлое дѣло. Очарованіе, производимое княземъ на всѣхъ его окружавшихъ, было настолько сильно, что ему не могъ не подчиниться и этотъ человѣкъ, пришедшій съ злымъ намѣреніемъ... Много времени спустя, когда князь уже уѣхалъ съ Лѣ-

ваго фланга, преступный замыселъ Талгика былъ открытъ: подкупленный имъ Чеченецъ самъ сознавался начальнику Чеченцевъ Бѣлику и говорилъ, что сразу почувствовалъ такое уваженіе къ князю Барятинскому, какое можно чувствовать только къ отцу, и потому отказался отъ исполненія взятаго на себя порученія. Неизвѣстно, узналъ ли объ этомъ когда-нибудь самъ князь Александръ Ивановичъ.

Привожу опять нѣсколько интересныхъ писемъ князя Воронцова.

Изъ Ейска, отъ 13-го Сентября:

„Я не хочу покинуть Кавказъ, хотя бы и на короткое время, безъ того чтобы не написать вамъ нѣсколько словъ. Но прежде всего я долженъ поблагодарить васъ отъ всего сердца за все, что́ я видѣлъ у васъ и въ особенности за ту очаровательную прогулку, которую вы устроили намъ изъ Воздвиженской и которая никогда не будетъ забыта ни однимъ изъ участвовавшихъ въ ней".

„Я думаю, она произвела немалое впечатлѣніе въ горахъ. Очень прошу васъ сообщить мнѣ все, что̀ касается до этого, а въ особенности о нашемъ другѣ Шамилѣ. Съ тѣхъ поръ какъ я васъ покинулъ, я имѣю только однѣ хорошія извѣстія со всѣхъ сторонъ. На Правомъ флангѣ я нашелъ все спокойнымъ, а Евдокимова болѣе довольнымъ и ободреннымъ, чѣмъ онъ обыкновенно бываетъ. Это вполнѣ военный человѣкъ и очень разумный; но событія 1843 года вселили въ него полное недовѣріе ко всему и заставили его смотрѣть на непріятеля всегда въ преувеличенномъ свѣтѣ".

„Не менѣе удовольствія доставили мнѣ дѣйствія князя Эристова по новой должности атамана линейныхъ казаковъ и генерала Граматина по дѣламъ центра".

„Генералъ Реадъ не могъ слѣдовать сюда за мною; онъ все еще помнитъ про свое столкновеніи съ нашимъ добрымъ Викентіемъ Михайловичемъ (Козловскимъ). Онъ возвратился на воды въ Пятигорскъ, и если совершенно поправится, то присоединится къ намъ въ Тамани, послѣ рѣшенія маршрута моей поѣздки обратно въ Грузію сухимъ путемъ, или по восточному берегу Чернаго моря. Здѣсь, въ Ейскѣ, я былъ удивленъ преуспѣяніемъ этого новаго города;

я скорѣе назвалъ бы его *Чародѣевъ* (фамилія мѣстнаго начальника), такъ какъ дѣйствительно нужна была его сила воли, чтобы достигнуть такого успѣха".

„Вчера былъ сильный вѣтеръ, и мы не въ состояніи были сѣсть на пароходъ. Сегодня утромъ погода стихла. Я надѣюсь быть на „Эльборусѣ", ранѣе заката и увидѣть восходъ солнца уже въ Бердянскѣ. Адмиралъ Серебряковъ отправился къ мысу Адлеру, такъ какъ распространился слухъ о нѣкоторыхъ движеніяхъ Магометъ-Эмина съ Убыхами; но мнѣ сказали, что онъ надѣется быть въ Керчи къ моему прибытію".

Въ письмѣ изъ Алупки, отъ 18-го Сентября, князь прибавляетъ: „Князь Григорій Орбеліани мнѣ пишетъ, что наша прогулка 28-го Августа въ Большой Чечнѣ поразила и обезпокоила настолько Шамиля, что онъ послалъ собирать отряды по всему Дагестану. Надѣюсь, вы мнѣ сообщите обо всемъ, что̀ узнаете относительно этого и вообще что̀ дѣлается въ горахъ".

6-го Октября изъ Грозной князь Барятинскій писалъ князю Воронцову:

„Князь Семенъ имѣлъ на дняхъ, около Воздвиженской, блестящее дѣло, гдѣ непріятелю нанесено сильное пораженіе; я не получалъ еще отъ него рапорта и все что̀ знаю пока не болѣе какъ слухи, доставленные мнѣ лазутчиками. Послѣ завтра самъ поѣду въ Воздвиженскую. Вчера я возвратился съ Кумыкской плоскости, гдѣ все находится въ полномъ порядкѣ. Теперь тамъ заняты работами по проведенію канавъ. Кабардинскій полкъ очень ослабленъ потерями, которыя онъ понесъ за послѣднее время: тамъ не хватаетъ цѣлаго баталъона. Пополнить составъ этого прекраснаго полка до начала зимней кампаніи, дѣло крайней важности; безъ этого я боюсь, чтобы онъ не разстроился; офицеровъ тамъ также очень мало".

„Если я найду свободное время, то, съ вашего позволенія, пріѣду въ Тифлисъ на 8 или 10 дней передъ началомъ зимней экспедиціи, чтобы офиціально переговорить съ вами. Еслибы Майдель не возвратился, я хотѣлъ бы имѣть Кишинскаго на его мѣстѣ; онъ въ тоже время могъ бы замѣ-

нить Бартоломея. Съ его энергіею и знаніемъ туземцевъ онъ могъ бы быть намъ очень полезенъ, и кромѣ того на время моихъ отсутствій я имѣлъ бы всегда человѣка, который меня замѣститъ и на котораго я могу вполнѣ положиться. На этихъ дняхъ я пришлю вамъ записку, которую вы мнѣ велѣли составить относительно важности моста чрезъ Терекъ у Наура; ожидаю справокъ о линіи отъ Сунжи до Моздока и Наура. За тѣмъ, посовѣтовавшись съ Ивановымъ, могу представить уже всѣ собранныя мною заключенія. Если вы найдете нужнымъ сдѣлать нѣсколько возраженій или замѣчаній, по поводу разныхъ подробностей, -я прошу васъ написать мнѣ объ этомъ, чтобы я могъ пополнить свою записку".

Между тѣмъ князь Воронцовъ отправилъ князю Барятинскому слѣдующее письмо изъ Алупки, отъ 5-го Октября:

„Не теряю ни минуты, я посылаю вамъ сегодня же чрезъ Гагарина копію съ приказа отъ 1-го Октября, гдѣ вы увидите: 1) что вы утверждены въ вашихъ настоящихъ должностяхъ начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга; 2) благодаря вашей благосклонности. Семенъ и Баклановъ произведены въ генералъ-маіоры. Никто изъ насъ не забудетъ, что это вамъ обязаны мы такимъ повышеніемъ по службѣ Семена. Да благословитъ и сохранитъ его Господь, какъ это было до сихъ поръ! Затѣмъ вы увидите, что онъ зачисленъ въ свиту съ оставленіемъ командиромъ Куринскаго полка. Чавчавадзе обязанъ также вамъ своимъ повышеніемъ; я писалъ и говорилъ Государю, что вы были имъ очень довольны въ теченіе всей вашей зимней кампаніи. Государь самъ пожелалъ подписать этотъ приказъ 1-го Октября, отложивъ производство за отличіе по службѣ до Николина дня".

„Въ теченіе 10-ти дней, предъ отъѣздомъ въ Севастополь и во время моего тамъ пребыванія, я былъ очень разстроенъ и слабъ. Теперь я поправляюсь, но долженъ былъ всетаки отказаться отъ поѣздки въ Одессу и отдохнуть здѣсь. Я разсчитываю выѣхать отсюда 12-го и съ Божіею помощью прибыть въ Тамань не позже 14-го или 15-го. Надѣюсь получить тамъ извѣстія отъ васъ и выѣхать оттуда въ Тифлисъ, какъ мнѣ хотѣлось бы и какъ мнѣ необходимо, т.-е. по восточному берегу и черезъ Имеретію".

„Кончаю тѣмъ, съ чего мнѣ нужно было бы начать: благодарю васъ горячо за ваши новости, которыя вы мнѣ прислали черезъ Гагарина. Вамъ будетъ пріятно узнать, что Государь читалъ вашъ рапортъ съ крайнимъ удовольствіемъ и говорилъ о немъ со всею свитою, такъ какъ я его послалъ Адлербергу ранѣе, чѣмъ самъ увидѣлъ Государя. Сохраненіе тайны и разумность вашихъ распоряженій (отъ чего вполнѣ зависѣли успѣхи) не могли быть иначе оцѣнены".

Изъ Тамани, отъ 17-го Октября. „Вчера я нашелъ здѣсь ваше письмо отъ 6-го: благодарю васъ горячо за все, что́ вы мнѣ пишете. Семенъ меня также увѣдомляетъ объ удачномъ дѣлѣ, которое онъ имѣлъ и о неуспѣхѣ Талгика близъ Воздвиженской. Я всегда радуюсь, когда наши мирные такъ хорошо защищаются противъ своихъ единовѣрцевъ, предводимыхъ лучшими наибами Шамиля. Вообще, вы съумѣли поставить Чеченцевъ почти въ отчаянное положеніе. Шамиль долженъ быть очень опечаленъ: но это лишній поводъ, чтобы быть осторожнѣе повсюду и, главное, имѣть всегда подъ рукою резервы. Онъ еще будетъ драться отчаянно и испытывать судьбу: можно ожидать еще нѣсколько дерзкихъ попытокъ; но, благодаря вашей бдительности, я надѣюсь, онъ нигдѣ не будетъ имѣть успѣха, и наша система терпѣнія, но терпѣнія вооруженнаго и мужественнаго, приведетъ дѣло къ концу. Обстоятельства сложатся такъ, что мы будемъ въ состояніи ослабить вліяніе Шамиля въ Дагестанѣ и на тѣхъ Чеченцевъ, которые находятся еще теперь подъ его желѣзной рукою".

„Радуюсь при мысли увидѣть васъ въ Тифлисѣ; я напишу вамъ оттуда сейчасъ же по моемъ прибытіи (что́, какъ я надѣюсь, будетъ въ первыхъ числахъ Ноября), а вы между тѣмъ опредѣлите время вашей поѣздки. Чѣмъ ранѣе она состоится, тѣмъ лучше; но надо будетъ рѣшить, кому передать начальство надъ Лѣвымъ флангомъ на время вашего отсутствія. Семенъ мнѣ пишетъ, что отношенія Чеченцевъ къ Шамилю становятся съ каждымъ днемъ все хуже. Сообщите мнѣ обо всемъ, что́ узнаете относительно Мичика и

новаго поселенія въ Истису и продолжается ли къ намъ, хотя частями, переходъ жителей изъ Большей Чечни".

Изъ Тифлиса, отъ 7-го Декабря: „Мы написали официально князю Григорію *) о великой пользѣ движенія съ его стороны въ Салатавію, въ одно время съ началомъ вашихъ зимнихъ дѣйствій. Эта диверсія послужитъ отвлеченіемъ и помѣхою для Шамиля собрать значительныя силы противъ васъ въ Большой Чечнѣ. Я написалъ ему, между прочимъ, и частное письмо, очень подробное, которое онъ покажетъ князю Аргутинскому, какъ только тотъ пріѣдетъ его смѣнить. Впрочемъ, прежде чѣмъ мы подумали ему написать, князь Григорій самъ снарядилъ экспедицію подъ начальствомъ генерала Волкова, который доходилъ до самаго Бортуная, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. По краямъ Терегтула онъ нашелъ стѣну длиною отъ 4 до 5 верстъ, которую Шамиль выстроилъ, и которая вѣроятно можетъ послужить ему также, какъ и знаменитый большой окопъ въ Шали... Волковъ не нашелъ тамъ ни единаго защитника этой стѣны и разрушилъ часть ея, чтобы показать уваженіе, которое мы къ ней имѣемъ. Оффиціальнаго и подробнаго рапорта объ этомъ маленькомъ движеніи еще не получено, но какъ только я его получу, сейчасъ же пришлю вамъ копію. Подобное дѣло непремѣнно произведетъ хорошее дѣйствіе, потому что это докажетъ Тавлинцамъ, что мы можемъ отправиться ихъ искать къ нимъ же, какъ скоро у нихъ явится желаніе идти на помощь къ Чеченцамъ. Это можетъ также служить хорошимъ предлогомъ для тѣхъ, которые не хотятъ идти въ Чечню; они могутъ объяснить Шамилю, что имъ невозможно отлучаться, когда они сами должны ожидать нападенія Русскихъ. Князь Орбеліани пишетъ также на счетъ Халатъ-еффенди, называя его Халатъ-Дебиръ, который въ настоящее время находится въ Владикавказѣ; онъ приходится братомъ извѣстному Калвацъ-Дебиру, личности очень важной въ Дагестанѣ. Князь Аргутинскій мнѣ говорилъ, что въ отношеніи религіозныхъ дѣлъ это единственный человѣкъ, могу-

---

*) Орбеліани, исправлявшему тогда должность отсутствующаго князя Аргутинскаго.

щій замѣнить Шамиля. Калвацъ-Дебиръ былъ долгое время наибомъ въ Карату, и Шамиль поручилъ ему съ самаго начала своего сына Кази-Магому: но затѣмъ они перессорились между собою во время недоразумѣній съ Хаджи-Муратомъ, и съ тѣхъ поръ онъ находится въ опалѣ и въ подозрѣніи. Говорятъ, что Шамиль глубоко опечаленъ отъѣздомъ Халатъ-Дебира, а также свѣдѣніями, доставляемыми ему о Даніель-бекѣ. Шамиль видѣлъ, будто бы, что Даніель - бекъ серьезно хотѣлъ перейти къ намъ, и учредилъ надъ нимъ въ Ирибѣ надзоръ чрезъ шайку людей, преданныхъ Имаму; обязанность ихъ постоянно наблюдать за поступками бывшаго султана Элисуйскаго.

*

На лѣвомъ берегу Аргуна оставался единственный непріятельскій аулъ, гнѣздившійся въ труднопроходимой лѣсной чащѣ, на восточномъ скатѣ Ханкальской горы, почти у самой дороги изъ Грозной въ Воздвиженскую. Жители его дѣлали это важное для насъ сообщеніе крайне опаснымъ; ходить можно было только подъ прикрытіемъ значительной колонны съ артилеріею, иначе подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ; малѣйшая неосторожность, отлучка на нѣсколько сотъ саженъ отъ колонны, влекли за собою смерть или плѣнъ. Жившіе въ этомъ аулѣ Чеченцы, увѣренные въ неприступности мѣстности и невозможности внезапнаго на нихъ нападенія нашихъ войскъ, съ поразительною дерзостью, какъ бы смѣясь надъ близкимъ нашимъ сосѣдствомъ, упражнялись въ хищническихъ продѣлкахъ и долго оставались безнаказанными. Но насталъ, наконецъ, и ихъ часъ...

Князь Барятинскій, со свойственнымъ ему умѣніемъ скрыть свои намѣренія (а въ этомъ-то и заключался весь залогъ успѣха), 14-го Декабря 1852 года, собралъ самымъ незамѣтнымъ образомъ отрядъ и ночью такъ скрытно пробрался къ аулу, по едва виднымъ тропинкамъ, чрезъ лѣсъ и овраги, что жители были захвачены въ расплохъ. Тѣмъ не менѣе, они оказали отчаянное сопротивленіе. Однако это не спасло аула отъ совершеннаго истребленія и все чтó не успѣло бѣжать за Аргунъ, было захвачено. Потери наши

были незначительны. Князь поступилъ съ жителями самымъ великодушнымъ образомъ: оставилъ весь скотъ и уцѣлѣвшее имущество въ ихъ рукахъ и переселилъ ихъ въ мирные аулы близъ Грозной. Сообщеніе наше было съ тѣхъ поръ обезпечено. Донесеніе объ этомъ дѣлѣ князь отправилъ въ Тифлисъ съ состоявшимъ при немъ маіоромъ В. В. Зиновьевымъ, и кромѣ того въ частномъ письмѣ писалъ слѣдующее:

Грозная, 16 Декабря 1852 года.

„Согласно вашему желанію, чтобы аулъ Ханкале и занятая имъ мѣстность оказалась въ нашихъ рукахъ, я собралъ 14-го числа сего мѣсяца войска и 15-го, разрушивъ этотъ аулъ, возвратился въ Грозную съ большою добычею: 350 плѣнныхъ и болѣе 3000 головъ скота! Всѣ распоряженія были отданы согласно съ тѣмъ, что́ во время моего пребыванія въ Тифлисѣ было вами одобрено: результатъ получился полный. Наша потеря незначительна: 2 убитыхъ и 9 раненыхъ. Я остался очень доволенъ Куринскимъ полкомъ. Посылаю вамъ подробный рапортъ черезъ Зиновьева, который дастъ вамъ всѣ свѣдѣнія, какія вы пожелаете имѣть: онъ все время находился со мною и знаетъ всѣ подробности этого дѣла. Я полагаю, что такое пораженіе можетъ быть крайне важно для всей остальной Чечни, гдѣ это случилось въ первый разъ. Будьте добры дать Зиновьеву ваши секретныя приказанія какъ поступать съ плѣнниками, если подобный случай повторится, и прошу васъ также не отказать въ вашемъ согласіи на то, что́ уже сдѣлано для настоящихъ плѣнныхъ. Маіору Зиновьеву поручено представить вамъ всѣ касающіяся этого предмета подробности. Вчера я получилъ ваше письмо отъ 7-го числа; но отъ князя Григорія Орбельяни нѣтъ никакихъ извѣстій относительно диверсіи, о которой вы мнѣ говорите“.

На это письмо главнокомандующій отвѣчалъ князю Барятинскому отъ 20-го Декабря:

„Не могу достаточно отблагодарить васъ за донесенія, привезенныя Зиновьевымъ. Какъ я всегда говорилъ, вы дѣлаете все и лучше и скорѣе, чѣмъ можно ожидать. Истребленіе вами этаго разбойничьяго гнѣзда—Ханкале, было дѣломъ

вполнѣ славнымъ. Вы разрушили его совершенно и какъ нельзя болѣе разумно. Это событіе принесетъ много пользы вашей зимней кампаніи, такъ какъ, съ одной стороны, вы поселили страхъ между тѣми, которые намъ сопротивляются, а съ другой, оказываете столько преимущества покоряющимся намъ и дѣлаете имъ столько снисхожденія. Зиновьевъ вамъ передастъ, что я, не дочитавъ еще вашего письма и не выслушавъ еще словеснаго порученія, которое вы ему дали, сказалъ, что необходимо поступить какъ можно милостивѣе и разумнѣе съ жителями этаго разореннаго аула, чтобы сильнѣе нравственно подѣйствовать на тѣхъ, которые позже подвергнутся вашимъ нападеніямъ, и что это не будетъ дѣломъ труднымъ, послѣ того какъ ваши войска вели себя при взятіи этаго аула, убивая только сопротивлявшихся и щадя прочихъ. Тысячу разъ повторяю вамъ свою благодарность за этотъ новый подвигъ, свершенный непосредственно за цѣлымъ рядомъ такихъ же, которые такъ славно ознаменовали ваше начальство надъ Лѣвымъ флагомъ".

„Пишу вамъ офиціально на счетъ продовольственныхъ припасовъ, которые мы должны послать перешедшимъ на нашу сторону. Посылаю вамъ 22 Георгіевскихъ креста, по тому расчету, который мы здѣсь сдѣлали съ Зиновьевымъ и Вольфомъ, а также согласно просьбѣ Семена за его штуцерниковъ".

Отъ 21-го Декабря: „Надѣюсь, что вы пришлете намъ, какъ можно скорѣе, списокъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ вы хотите представить къ наградѣ, и думаю вы представите Ляшенку *) къ 3-й степени Владимира. Составляя завтра рапортъ для Государя, я испрошу для васъ особенное благоволеніе Его Величества, и полагаю доставить вамъ удовольствіе, представивъ Зиновьева къ чину подполковника; надѣюсь, что, въ виду прекраснаго случая, не затруднятся утвержденіемъ, не взирая на то, что онъ еще столь короткое время въ настоящемъ чинѣ.

*) Полковникъ Ляшенко — правая рука князя Семена Михайловича въ Куринскомъ полку и впослѣдствіи командиръ этого полка.

„Я увѣренъ, что вы примете всѣ мѣры, какъ того требуютъ обстоятельства, чтобы аулъ Ханкале не былъ занятъ вновь непріятелемъ“.

„Ваше славное дѣло избавило насъ отъ позора имѣть непріятельскій аулъ на нашей землѣ; ибо лѣвую сторону Аргуна, послѣ постройки Воздвиженской и вообще такъ близко отъ нашей большой дороги, я долженъ считать нашею землею, или по меньшей мѣрѣ нейтральною; это пространство никогда не должно служить Шамилю и его наибамъ ни для обработки, ни для опоры въ хищничествахъ на пути нашихъ транспортовъ и оказій. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе по этому вопросу. Также прошу васъ извѣстить, какое вліяніе произвело ваше блестящее дѣло на Чеченцевъ и на самого Шамиля; я думаю, что эфектъ въ нашу пользу во всякомъ случаѣ громадный. Вѣроятно все это много уменьшитъ затрудненія для вашихъ зимнихъ предпріятій. Можетъ быть, аулы на Мичикѣ предпочтутъ покориться, чѣмъ раздѣлить участь Ханкале. Но, можетъ быть, еще не смѣя подчиниться на мѣстѣ, они рѣшатъ перейти съ имуществомъ по ту сторону хребта, въ треугольникѣ Кумыкской плоскости, который вы назначили для покорившихся Чеченцевъ. Сообщите мнѣ обо всемъ, что́ знаете и какъ вы объ этомъ думаете“.

„Вчера я получилъ отъ князя Григорія *) письмо, копію съ котораго посылаю вамъ. Это письмо доставитъ вамъ большое удовольствіе, такъ какъ оно вполнѣ согласно съ вашимъ мнѣніемъ объ этомъ человѣкѣ, который по истинѣ такъ милъ и благороденъ, совершенно въ вашемъ вкусѣ, какъ воинъ и администраторъ“.

„Онъ говоритъ, что написалъ вамъ непосредственно; я вамъ совѣтую (впрочемъ это зависитъ отъ васъ) находиться съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ для пользы вашихъ взаимныхъ дѣйствій, чтобы какъ можно вѣрнѣе обезпечить ихъ

*) Орбеліани.

успѣхъ. Надѣюсь, что, въ особенности послѣ вашего дѣла, вы не будете имѣть противъ себя много Тавлинцевъ".

„Совѣтую вамъ, когда вы будете имѣть надобность въ перепискѣ съ княземъ Григоріемъ, то посылайте письма черезъ нарочныхъ вѣрныхъ и расторопныхъ, такъ какъ на обыкновенныхъ дорогахъ теряется много времени, а дороже времени ничего не можетъ быть въ мірѣ... Каждое письмо отъ васъ важно; пусть вашему посланному снаряжаютъ нарочную, вполнѣ безопасную оказію изъ Хасавъ-Юрта черезъ Чиръ-Юртъ въ Шуру и такимъ же образомъ обратно".

„Генералъ Вольфъ сказалъ мнѣ вчера, что вамъ можетъ быть нуженъ будетъ еще батальонъ для зимней кампаніи, и что Вревскій въ своемъ настоящемъ положеніи не могъ бы послать вамъ четыре батальона; потому что одинъ батальонъ, на который онъ расчитывалъ съ Праваго фланга, долженъ тамъ и остаться, вслѣдствіе моего словеснаго согласія, которое я будто далъ Заводовскому, когда мы были въ Кисловодскѣ. Это согласіе было передано оффиціально на бумагѣ Заводовскимъ Вольфу въ Октябрѣ; но, между прочимъ, Вольфъ до вчерашняго дня мнѣ ни разу не заикался объ этомъ, хотя онъ и былъ со мною въ Кисловодскѣ и долженъ былъ бы знать, что́ могло произойти по этому поводу между мною и Заводовскимъ".

„Тутъ очевидно какая-то ошибка, и я въ этомъ дѣлѣ ничего понять не могу; отказать Заводовскому нельзя, и мы ему напишемъ сегодня же, чтобы, руководясь данными ему нами наставленіями, онъ снарядилъ одинъ батальонъ изъ Центра или изъ Ставрополя во Владикавказъ. Во всякомъ случаѣ, Вревскій имѣетъ положительное приказаніе послать вамъ необходимые четыре батальона".

*

Такъ окончился 1852 годъ, одинъ изъ блистательнѣйшихъ по дѣламъ и результатамъ на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи послѣ возстанія Чечни. Съ 1840 года, почти въ теченіе 12-ти лѣтъ, ни разу мы не торжествовали такихъ

частыхъ, полныхъ удачъ, какъ въ этомъ году. Удары нанесенные Чечнѣ отозвались на всемъ восточномъ Кавказѣ и сильно умалили обаяніе власти Шамиля; тутъ, едвали не въ первый разъ послѣ его изумительныхъ успѣховъ 1840—50 годовъ, пришлось ему задуматься о своемъ положеніи и усумниться въ прочности воздвигнутаго имъ зданія... И всѣмъ этимъ мы рѣшительно были обязаны князю Барятинскому. Князь Воронцовъ не льстилъ ему въ своихъ письмахъ: онъ дѣйствительно дѣлалъ больше и лучше, чѣмъ кто-либо могъ ожидать. Очевидно, самою судьбою былъ онъ предназначенъ для роли, выпавшей ему какъ бы случайно. По всѣмъ условіямъ общественнаго положенія, казалось, ему слѣдовало оставаться въ Петербургѣ, блистать при дворѣ, на парадахъ Марсоваго поля, или въ Европейскихъ столицахъ въ качествѣ дипломата, какъ блистали многіе изъ его круга; но нѣтъ: три раза возвращался онъ на тотъ же Кавказъ, который долженъ былъ послужить фундаментомъ его быстраго возвышенія, его славы, его великихъ заслугъ Россіи, и его памятника, который, рано ли, поздно ли, будетъ ему воздвигнутъ.

О СТАРИННОМЪ ДВОРЯНСКОМЪ РОДѢ ЗМѢЕВЫХЪ.

Письмо къ Н. Ѳ. Змѣеву.

(По поводу родословія, помѣщеннаго въ I томѣ „Родословнаго Сборника", изд. барономъ Руммелемъ).

Вы вполнѣ правы, многолюбезный сородичъ, что родоначальника нашего „честна мужа Льва" звали по батюшкѣ не Ивановичемъ. Это отчество приставлено въ родословной нашей (помимо моей корректуры) бар. Руммелемъ. Онъ будто взялъ его изъ родословія Козловыхъ, чего мнѣ въ старыхъ родословіяхъ однако не попадалось.

Будемте искать другаго отчества. Не знаю, сохранилось ли въ вашемъ домѣ одно преданіе, а въ нашемъ оно осталось. Изъ переписки дѣдовъ моихъ Якова и Квинтиліана съ Блудовымъ *) видно, что преданіе это гласило, будто родъ нашъ происходитъ отъ „князька Тверскаго, воспитаннаго Московскимъ княземъ".

Это легко могло быть. Первое, документально-точное указаніе мѣстности, гдѣ сидѣли Змѣевы въ концѣ XV вѣка, говоритъ: „Ѳедоръ Семеновъ Змѣевъ, Тверской землевладѣлецъ". Потомъ на свадьбѣ князя Данилы Холмскаго (6 колѣно) съ дочерью царя Ивана, 1500 года, въ числѣ близкихъ, за княземъ-женихомъ ѣхали два Змѣева (6 и 7 колѣно), и при томъ старшіе. За царевной же невѣстой въ поѣзжанахъ, уже во второмъ десяткѣ, шли двое Змѣевыхъ (7 и 8 колѣно), и при томъ младшіе (слѣдов. изъ приличія лишь, какъ придворные, а съ женихомъ были родственники). И именно это только родство могло уволить отъ необходимаго, (по службѣ и этикету) бытія за невѣстой, какъ царевной, старшихъ, а не младшихъ въ родѣ, что́ видимъ на той же свадьбѣ у другихъ фамилій. Такимъ образомъ родство съ князьми Холмскими считаю доказаннымъ.

Первый князь Холмскій Всеволодъ былъ вторымъ сыномъ (первый Ѳедоръ убитъ отрокомъ съ отцомъ въ Ордѣ) Александра Михайловича Тверскаго, а третій его сынъ Михаилъ княжилъ въ Твери. У него былъ сынъ тоже Александръ. Сопоставьте съ этимъ слѣдующее мѣсто Тверской лѣтописи: „1321 года родися князю Александру сынъ Левъ". По хронологіи онъ могъ быть только сыномъ князя Александра I-го Тверскаго, а не внука его, тоже Александра Михайловича. Кромѣ нихъ въ томъ столѣтіи было лишь два Александра, князь Суздальскій, да князь Новосельскій; но оба много позднѣе. Взгляните на крестныя имена князей Тверскихъ, Холм-

*) Мать графа Д. Н. Блудова, Екатерина Ермолаевна Тишина, была близкая родня матери дѣдовъ нашихъ, Авдотьѣ Тихоновнѣ Ступишиной, бывшей фрейлинѣ Высочайшаго двора.

скихъ, Дорогобужскихъ, Микулинскихъ: Семенъ, Иванъ, Андрей, Василій, Юрій, Борисъ, Ѳедоръ, Владимиръ. Исключительно тѣже имена и въ нашемъ тогда родѣ.

Теперь припомнимъ, что Иванъ Калита, княжившій въ Москвѣ съ 1328 года, перемѣнилъ политику желѣза своихъ предшественниковъ на мирную политику купли и тонкаго разсчета. Не забудьте, что князья Холмскіе изстари были близки къ царямъ Московскимъ, и вамъ покажется возможнымъ, что малолѣтокъ Левъ, послѣ убіенія въ Ордѣ отца, женатаго на родственницѣ князей Московскихъ, былъ взятъ, съ правомъ на удѣлъ, въ Москву и тамъ любовно воспитанъ. Возмужавъ онъ, вслѣдствіе тогдашней политики, не получилъ своего княжескаго удѣла и потому, княжъ сынъ, онъ не княжилъ, а слѣдовательно и княземъ не именовался. Но въ силу правъ рода и мѣстничества названъ (можетъ быть и послѣ смерти) „честенъ мужъ Левъ". Слова же „пришедшій изъ Прусскія земли"—позднѣйшая приставка XVII вѣка. Земли его лежали вѣроятно не въ далекѣ отъ Московскихъ (по Волоку Ламскому, въ Бѣжецкомъ Верху) земель, въ нынѣшнихъ Старицкомъ иль Пошехонскомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ, гдѣ и донынѣ сохранились извѣчныя владѣнія Змѣевыхъ.

Въ пользу именно такого происхожденія нашего рода можно привести и еще много доказательствъ, помимо родства съ Кошкиными, Колычевыми, Захарьевыми и другими старыми княжескими фамиліями, какъ по преданію, такъ и по документамъ. Но не буду объ этомъ распространяться.

Допустивъ пріѣздъ нашего Льва не изъ Пруссъ, а съ р. Тверцы, мы получимъ наглядное и вполнѣ точное объясненіе многихъ нашихъ семейныхъ преданій, кажущихся за давностію лѣтъ баснословными. Упомяну объ одномъ изъ нихъ, благо я надъ нимъ работалъ. Въ нашемъ колѣнѣ сохранился грубой работы мѣдный тѣльникъ—нашейный, двухвершковый крестъ (теперь онъ у меня). По разсказамъ *) онъ былъ на шеѣ нашего предка въ Куликовскомъ бою. Во дни моего студенчества, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ Москвѣ, у Натальи Николаевны Змѣевой (Дмитровской помѣщицы, урожденной тоже Змѣевой; домъ ея былъ близъ Пречистенки, по Гагаринскому иль Толстовскому переулку, не помню), я видѣлъ изображеніе небольшой церкви, въ которой монахъ, въ епитрахили у аналоя, благословляетъ двухъ колѣнопреклоненныхъ витязей (одинъ въ латахъ) образомъ Божіей Матери. На уровнѣ колѣнъ, по темному платью, желтыми буквами имена: подъ латникомъ трудно разобрать (читаю—Левъ), а подъ другимъ Иванъ. По полу же надпись въ лѣвомъ углѣ „пов. Еп. Тр. Ст.", а въ правомъ „Инречмес". Преданіе гласитъ, что эти два воина были Змѣевы, благословляемые св. Сергіемъ на Донскую битву. А самымъ образомъ благословилъ архіерей голову пищальниковъ Змѣева, отправлявшагося подъ Казань.

---

*) А документально отъ Данилы Степановича (1610—1705), прадѣда дѣдовъ моихъ Якова и Квинтиліана.

Много лѣтъ спустя, извѣстный Маковскій-отецъ прочиталъ, на моемъ наброскѣ карандашемъ, подпись „Сем. Черни.“ съ объясненіемъ, что встарь подпись живописца на копіяхъ дѣлалась обратная. Кажется, В. Е. Румянцевъ помогъ мнѣ розыскать, что въ 1344 году монастырскую церковь Спаса въ Москвѣ расписывалъ Русскій живописецъ Семенъ Черный. В. М. Ундольскій прочиталъ и лѣвую подпись „повелѣніемъ епископа Трифона (Суздальскаго) Ступишина“, умершаго 1556 г. архіепископомъ Полоцкимъ. Ступишины изстари намъ сродни. Икона благословляющая оказалась Гребенской Божіей Матерью, что̀ Гребенскіе казаки принесли въ Москву къ Дмитрію Донскому. Изображенная церковь была снимкомъ съ подземнаго храма въ Троицкой Лаврѣ. Прибавьте къ этому, что въ описи одного изъ Коломенскихъ монастырей, близъ Серпухова, основаннаго преподобнымъ Сергіемъ, мы встрѣчаемъ деревни и пустоши Змѣевы, какъ вкладъ, и передъ вами голое сказаніе о мѣдномъ крестѣ, пріобрѣтая плоть и кровь, оживаетъ въ осмысленное историческое событіе.

Читая все это, вамъ конечно придетъ въ голову, отъ чего при такомъ блестящемъ прошломъ, такое болѣе чѣмъ скромное настоящее? Гдѣ причины захуданія рода? Ихъ много, начиная съ тѣхъ поръ, когда еще не было надобности въ фамиліяхъ, а довольствовались, по духу народа, отчествомъ да прозвищемъ *), личной характерной кличкою; дѣти Змѣева напр. прозывались Несмѣяновы, и т. п. Тутъ съ дробленіемъ рода дробились имущество и родовая связь. Разселеніе: съ 1479, 1488 въ Новгородѣ, а съ покореніемъ Казани и тамъ, какъ въ Новгородѣ, и въ казакахъ даже видимъ Змѣевыхъ. Опять дробленіе и достатка, и вліянія, за дальностію, что̀ особенно было важно въ пору „заѣзжанія пришлыхъ родовъ“, когда новыхъ выходцевъ ставили выше своихъ старыхъ. Родственныя связи порывались, отъѣхавшія колѣна начинали вдали захудать. Уходы въ монашество съ имуществомъ (Нифонтъ съ 10,000 нынѣшнихъ десятинъ), дареніе туда земель на поминъ иль по обѣту (Гостунскому и мн. др.), исключительно-военная служба и ранняя смерть въ бою, или отъ ранъ и болѣзней, давали численный перевѣсъ женскому потомству, а съ нимъ имущество уходило изъ рода, ослабляя его тѣмъ. Начиная съ Казани (въ поминальникѣ Ивана Грознаго 5 человѣкъ Змѣевыхъ), если не съ Мамаева побоища, едва ли найдемъ хоть одну болѣе замѣтную битву, гдѣ бы не были наши сродичи въ числѣ убитыхъ или раненыхъ. На стѣнахъ Московскаго Спаса (храма Христа въ память 1812 г.), вы прочтете имена пяти изъ нихъ. И такъ до самыхъ послѣднихъ времянъ. Изъ пяти напр. сыновей дѣда моего Якова, старшій дядя и отецъ мой ранены подъ Цюрихомъ, 2-й дядя плѣнный, калѣка отъ ранъ подъ Аустерлицемъ, 3-й умеръ отъ раны подъ Измаиломъ, а 4-й тамъ же умеръ отъ чумы. Даже въ самый расцвѣтъ нашего рода, въ 1640—1690 годахъ, когда въ немъ скоп-

*) Въ одномъ историческомъ романѣ Кукольника довольно правдоподобно разсказано происхожденіе прозвища Змѣевыхъ.

лялись огромныя земельныя богатства, когда службы Змѣевыхъ были близки къ подножію престола, и тогда дѣйствіе сказанныхъ причинъ не прекращалось, а наоборотъ къ нимъ присоединились еще новыя и сильныя причины біологическаго и политическаго свойства.

Возьму для примѣра хоть двухъ родичей, подписавшихъ родословную, поданную 1685 г. въ Розрядъ. Венедиктъ Андреевичъ, окольничій, начальникъ надворной пѣхоты, одно время и Стрѣлецкаго съ Пушкарскимъ приказовъ (что теперь гофмаршалъ, начальникъ гвардейскаго корпуса, военный министръ и Московскій генералъ-губернаторъ) кромѣ наслѣдственной земли получалъ содержанія въ годъ 830 рубл. и 2050 четвертей земли, да въ вотчину ему жаловано 7600 четвертей. Теперь это 25,000 десятинъ земли. Да и денежное жалованіе 830 рубл. было по тогдашней жизни большое: въ началѣ царствованія Петра на весь царскій дворъ расходовалось въ годъ 430 рубл. Родные 4 брата Венедикта имѣли вмѣстѣ почти столько же. Состояніе думнаго дворянина (теперь сенатора) Василія Ивановича, близкаго къ царю Ѳедору, такъ было значительно, что когда Петръ разложилъ постройку кораблей для Азовскаго похода на собственниковъ земли, то напр. 5 епархій духовенства складывались для постройки одного корабля и т. п.; Василію же Ивановичу пришлось одному строить цѣлый корабль. Ни у Венедикта, ни у Василія не было сыновей, и потому такое громадное состояніе ушло въ приданое за дочерьми. Каждый родъ живетъ физически, какъ и отдѣльный человѣкъ, имѣя свое дѣтство, юношество, мужество, старость и отмираніе. Поздняя женитьба, многобрачіе, исключительно женское потомство—явный признакъ вымиранія. Еще въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на пространствѣ С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, Тверской губерній, было много и далеко не бѣдныхъ помѣщиковъ Змѣевыхъ, а теперь тамъ одинъ Бѣжецкій помѣщикъ—вы. Отъ Казанскихъ Змѣевыхъ не осталось и слѣда, а громадное состояніе ихъ ушло къ Толстымъ; какъ подъ Москвой въ родъ Вечёсловыхъ и др. Ступишинское богатство ушло въ боковую линію, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, и немало другихъ.

Наконецъ, не осталась безъ дѣйствія и смѣна государственной политики. Извѣчные слуги старой царской идеи не могли въ нѣсколько поколѣній измѣнить въ себѣ духовный смыслъ жизни, да еще при вымираніи біологическомъ; и потому естественно, отставая отъ жизни, отодвигаясь болѣе и болѣе въ тѣнь, родъ Змѣевыхъ и силою, и связями, и вліяніемъ захудалъ. Участь, постигшая многіе старые Русскіе роды.

„Честенъ мужъ Левъ“ былъ Александровичъ, а не Ивановичъ.

Левъ Ѳ. Змѣевъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1854 годъ *).

Новый годъ! Что-то онъ дастъ? Европѣ я желаю сблизить государственную власть съ наукой: ибо она представляетъ собою лучшую часть народа, съ которою всѣ эти милліоны, Наполеоновскимъ плебисцитомъ, рано и поздно, соединятся.... Россіи я желаю поменѣе поглощаться политикой, которая, при нашемъ богатствѣ и при массѣ военныхъ силъ, всегда будетъ съ голосомъ, и прилежнѣе заняться управленіемъ и законодательствомъ, которыя заключаютъ въ себѣ существенно-вредныя начала и особенно несообразныя, вслѣдствіе заимствованія ихъ съ Запада. Безсмысленный исходъ легкомысленно-заимствованной наказательной системы (системы заключенія) есть не первое и не послѣднее тому доказательство. Къ сожалѣнію, при исключительности вліянія западныхъ ученій, по застою собственныхъ, для выраженія которыхъ цензура не представляетъ никакихъ удобствъ, управленіе дѣйствуетъ въ самомъ анти-монархическомъ направленіи. Особенно желательно, чтобъ дано было болѣе независимости церкви и чтобъ была настоящая проповѣдь, болѣе близкая народу и болѣе примѣнимая, нежели рѣчи и бесѣды Московскаго митрополита Филарета.

Судя по общему говору, и особенно по словамъ Государя, сказаннымъ на нынѣшнемъ выходѣ генераламъ и кавалергардамъ съ припоминаніемъ Кульма и Шампенуаза, судя по статейкамъ Греча въ «Сѣверной Пчелѣ» и какого-то Бѣднякова въ «Инвалидѣ; судя, наконецъ, по говору о наборѣ по 14 съ тысячи—должна быть война. Но гдѣ война? Развѣ придетъ флотъ въ Балтику? Подъ Одессу, подъ Севастополь? Можетъ быть, заставятъ Нѣмцевъ выдти изъ нейтралитета? Впрочемъ, если, по предположенію «Times», принудить Турцію дать широкія права Турецкимъ христіанамъ, мы будемъ преобладающими, ибо наша церковь тамъ сильнѣе другихъ. Война страшна всѣмъ.

---

*) См. выше, стр. 0133.

Наградъ не такъ много. Сенаторы получили: Степанъ, какъ зовутъ его въ Москвѣ «Фарисей ***—Александра Невскаго, старикъ Горголи—бриліанты; Челищевъ—членомъ Государственнаго Совѣта, Дурасовъ—Владимира 2-й ст.; Башуцкій—Бѣлаго Орла. Старикъ П. Г. Бутковъ перемѣщенъ въ 1-й департаментъ. Ко мнѣ назначенъ балагуръ кн. Дм. Эр—овъ. Графъ Панинъ съ 1846 г. не получаетъ никакой награды и теперь сравнялся съ своимъ товарищемъ Илличевскимъ, получившимъ Александра Невскаго. Графа Панина очень не любятъ; однако, общественные слухи, по случаю болѣзни канцлера гр. Нессельроде и гр. Блудова, назначаютъ его и канцлеромъ, и главнымъ начальникомъ законодательной канцеляріи. Вмѣсто кн. Эристова, оставленнаго членомъ морскаго аудиторіата, Великій Князь Константинъ Николаевичъ назначилъ князя Николая Голицына.

Вотъ огласилась и Французская нота отъ 30 Ноября о входѣ соединеннаго флота въ Черное море... Мѣра вызванная Синопскимъ дѣломъ и имѣющая цѣлью предупредить, чтобъ Османскія владѣнія и Османскій флагъ не подверглись новому нападенію со стороны Русскаго флота. Нота считаетъ эту мѣру «ручательствомъ возстановленія мира на Востокѣ на такихъ условіяхъ, которыя не измѣняли бы распредѣленія силъ великихъ Европейскихъ государствъ». У насъ ждутъ манифеста въ день Богоявленія, ждутъ набора, говорятъ о посылкѣ трехъ гвардейскихъ полковъ въ Финляндію. Страшно становится, слушая разговоры о начинающейся войнѣ. В. А. Шереметевъ, М. Н. Муравьевъ и др. приписываютъ Англіи виды истребленія нашего флота для монополіи на всѣхъ моряхъ. Они цитуютъ сочиненіе Капфига «о союзѣ съ Россіей» и по случаю слуховъ объ отъѣздѣ графа Орлова считаютъ возможнымъ сближеніе и дружбу съ Наполеономъ. Возможно-ли это? Можетъ-ли быть, чтобъ законный самодержавный Императоръ вступилъ въ союзъ съ незаконнымъ диктаторомъ?

По смѣтѣ Министерства Юстиціи на 85 судебныхъ палатъ, на 600 судовъ назначается 1,327,493 р. Графъ Панинъ рѣшился, наконецъ, усилить штаты судебнаго вѣдомства; но въ 1849 году, пишетъ онъ, помѣшала война съ Венграми, а теперь война Турецкая. Однако министръ нашелъ способы: увеличилъ крѣпостные сборы съ 4% на 5%, увеличилъ канцелярскія отъ 3 до 25 за актъ; обложилъ частныя жалобы 5-ю и 10-ю р. и судейскій штрафъ за неправую апелляцію обратилъ на суды. Всего требуется на увеличеніе штатовъ судебнаго вѣдомства не много болѣе 800 тысячъ р. Изъ такой ничтожной суммы такія хлопоты! Графу Панину и въ умъ не пришло обратить вниманіе, что спасеніе или улучшеніе судебныхъ учрежденій зависитъ не отъ 800 т., а состоитъ въ реформѣ дѣлопроизводства, въ измѣненіи

постановленій о подсудимости и въ болѣе правильномъ устройствѣ судебныхъ инстанцій.

Журналы трубятъ о войнѣ. Ожидаютъ вѣстей отъ Парламента. У насъ всюду пожертвованія, торжественныя встрѣчи и проводы, множество стиховъ, которыхъ удостоился даже воевода Пальмерстонъ. Толкуютъ о запискѣ профессора Погодина, не заключающей въ себѣ, впрочемъ, ничего замѣчательнаго; о видѣніи надъ Кавказской арміей во время схватки съ Турками, о Богородицѣ съ двумя войнами, являвшейся Туркамъ и ихъ плѣннымъ надъ нашими рядами. Объ этомъ писалъ экзархъ Грузіи Исидоръ митрополиту Московскому. Филаретъ напутствовалъ 16-ю дивизію и сказалъ слово.

Ждутъ возвращенія графа Орлова, опасаясь и отказа Нѣмецкаго, и вооруженій Шведскихъ. Положеніе наше, въ виду этихъ вооруженій, въ самомъ дѣлѣ весьма затруднительное. Эта борьба Богомъ даннаго наслѣдственнаго права съ избирательнымъ чрезвычайно сплетается съ меркантилизмомъ и реакціею, а также съ опасеніемъ усиленія демократіи. Англія, чтобы ни говорили д'Израэли и Кобдэнъ, хочетъ Чернаго моря. (Если она слишкомъ будетъ стремиться къ этому, легко, съ теченіемъ времени, можетъ быть, что она лишится и Средиземнаго моря и пожалуй вызоветъ могущество Французское)... Я увѣренъ что избирательное право отвергнется опытомъ. Страшно подумать, что, по всей вѣроятности, поплатимся мы и, каковъ бы ни былъ исходъ, нравственное вліяніе наше будетъ въ ущербѣ. Говоря поканцелярски, мы требуемъ—въ объясненіяхъ о флотахъ—указа на указъ; и даже Нѣмцы, смотря на нашу нерѣшительность и податливость, радуются униженію Московской гордыни и, смѣясь спрашиваютъ: «Was will denn Rüssland? *) Посольство графа Орлова имѣетъ видъ упрашиванія; желаніе же выиграть время порождаетъ предубѣжденіе къ нашей силѣ.

Сегодня мы смотрѣли съ Глинками (Ѳедоромъ Николаевичемъ и Авдотьей Павловной) публичную библіотеку при указаніяхъ главнаго начальника бар. Мод. Андр. Корфа. Порядокъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательный. Интересно, что Государь Императоръ въ этомъ храмѣ просвѣщенія представленъ на портретѣ въ казацкомъ мундирѣ, и портретъ очень дуренъ; напротивъ, портреты Государя Александра Павловича (рисовалъ Дау) и особенно Екатерины II-й, Левицкаго, очень хороши. Драгоцѣнностей много, готовности отъ начальства тоже много. Читающихъ весьма мало.

Февраль. Телеграфъ передалъ рѣчь королевы Викторіи не точно. Выраженія о противодѣйствіи «общему врагу» тамъ не было. Это

*) Чего, наконецъ, желаетъ Россія?

насъ нѣсколько обрадовало; но при радости, мы не замѣтили, что и безъ грубой фразы слова королевы многозначительны. Повидимому хотять заставить насъ согласиться на миръ и при этомъ выговорить условія, при которыхъ повтореніе настоящихъ обстоятельствъ не имѣло бы мѣста. Хотятъ нравственнаго униженія нашего. Будетъ ли война и чѣмъ можетъ кончиться война при такомъ смѣшеніи началъ нынѣшняго порядка, сказать трудно; но не подлежитъ сомнѣнію, что миръ умалитъ наше значеніе и вліяніе, и въ лицѣ господина эпохи, Наполеона III, демократическое начало получитъ новую силу. Нынче пришелъ манифестъ о наборѣ (по 9 чел. съ тысячи). Бруновъ и Киселевъ, говорятъ, уже оставили свои посты; Сеймуръ и Кастельбажакъ оставляютъ ихъ на дняхъ. Отовсюду дѣлаются пожертвованія; лицеисты посылаютъ 1500 р. Московскіе студенты вызываются вступить въ военную службу. Иванъ Яковлевъ, слышно, предложилъ заемъ безъ % въ 40 милл. По рукамъ ходитъ каррикатура. Изображенъ султанъ, котораго ведутъ подъ руки толстая дама и усастый мущина; султанъ встрѣчается съ казакомъ и проситъ «недруга» освободить его отъ «друзей», которые тащатъ его противъ его воли. Движеніе въ Москвѣ, а особенно за Москвой, очень сильно; въ газетахъ смѣлыя статьи объ Англіи и Франціи помѣщаются часто и свободно... Но возгласы Англіи и Франціи тверды. Графъ Орловъ боленъ въ Вѣнѣ... Объ отношеніяхъ къ намъ Австріи и Пруссіи носятся самые отрицательные слухи и, кажется, государства Нѣмецкія сознаютъ всю важность свою. Внѣшнія дѣла поглощаютъ теперь все и всѣхъ, а дѣла внутреннія идутъ по прежнему: безъ единства, безъ системы, почти безъ вниманія.

Я помню войну 1828 года г. и Польскую распрю 1830 г. и могу сдѣлать сравненіе расположенія умовъ и общественныхъ явленій тогдашняго и настоящаго времени. Разница большая, и она обличаетъ большіе успѣхи, сдѣланные въ двадцать лѣтъ нашимъ обществомъ. Сознаніе отдаленной опасности государства самимъ государствомъ уже замѣчательное явленіе. Благодаря участію возникающей гласности, нѣтъ лица, которое не принимало бы къ сердцу самаго мимолетнаго извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и о журнальныхъ статьяхъ по восточному вопросу. Братъ А. А. Боборыкинъ*) и Е. И. Елагина, живущіе въ глуши Орловской губерніи, разсказываютъ, что привозъ газетъ съ почты ожидается не только господами, но и прислугою съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ ждутъ праздника, и нерѣдко газеты прочитываются прежде въ лакейской, а потомъ уже господами. Сейчасъ съ одной стороны всѣ предчувствуютъ опасность, а съ другой

*) К. Н. Лебедевъ женатъ былъ на Александрѣ Александровнѣ Боборыкиной.

боятся посрамленія—вѣрнѣе продолженія того посрамленія, которое мы все время испытываемъ: мы все уступаемъ, уступаемъ и уступаемъ. Поѣздка въ Ольмюцъ—самая огромная уступка, повлекшая за собой дальнѣйшія назойливыя требованія: поѣздка графа Орлова; Севастопольскій портъ запертъ; благородный Черноморскій флотъ бездѣйствуетъ. Кстати замѣчу, что введеніе на Западѣ винтовыхъ пароходовъ на десятки лѣтъ отбросило нашъ флотъ на задній планъ. Секретарь одного посольства въ легкомъ разговорѣ за обѣдомъ о томъ, чего хотятъ Франція и Англія, объяснилъ, что, comme disent les gazettes, elles ne veuillent qu'apprendre ce que veut la Russie (... какъ говорятъ газеты, онѣ желаютъ знать только, чего хочетъ Россія). Въ самомъ дѣлѣ, читая и перечитывая брошюры, мирный гражданинъ безотвѣтно спрашиваетъ: Чтó нарушила Турція? Чего мы отъ нея требуемъ? О какой обязательности мы говоримъ?

Сегодня родилась Великая Княжна Вѣра Константиновна. Говорятъ, что ей хотѣли дать имя Софіи, но пожелали избѣгнуть намековъ...

Между тѣмъ какъ тучи сбираются на Западѣ и внѣшняя политика поглощаетъ всѣ заботы правительства, внутреннія распоряженія идутъ своимъ чередомъ. Особенно много говорятъ о перемѣнахъ въ откупной системѣ, предполагаемой въ 1855 г. и о введеніи инвентарей. По департаменту моему я знаю и вижу изъ дѣлъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, какъ несоотвѣтственны эти инвентарныя правила и какъ мало привычны къ нимъ и крестьяне, и помѣщики, имѣющіе теперь столько поводовъ къ столкновенію. Мѣра политическая—сокращеніе числа католическихъ владѣльцевъ—есть распоряженіе, которое портитъ самыя хорошія основанія крѣпостнаго права и переходитъ цѣль своего установленія. Нынѣ хотятъ ввести эти правила, кромѣ губерній западныхъ, во всѣ Бѣлорусскія и потомъ въ Малороссійскія. Дурно здѣсь то, что все это дѣлается мимо Государственнаго Совѣта и Сената. Самыя правила пишутся безъ знанія особенностей мѣстныхъ и безъ спроса лицъ, которыя заинтересованы въ этомъ. Крѣпостное право наше дурно, очень дурно и особенно потому, что не организовано. Безъ патримоніальныхъ судовъ обойтись намъ нельзя, и статья 1680-я т. XV-го должна получить точнѣйшее развитіе.

Другая мѣра—свободная торговля виномъ—устрашаетъ тѣмъ, что можетъ породить непомѣрное пьянство. Это не безъ основанія, но все будетъ зависѣть отъ устройства этой части. Говорятъ, для столицъ свобода получитъ большія ограниченія, которыя уже и утверждены даже прежде введенія самой системы.

Въ Февральской книжкѣ Современника помѣщено начало біографіи Гоголя. Статья эта (гг. Кулиша и Маркевича) много дѣлаетъ шуму

въ молодомъ обществѣ и много читается. Я не нашелъ въ ней ничего новаго, кромѣ писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя замѣчательны, иныя по выражающейся въ нихъ суетности и легкомыслію молодаго человѣка, юноши (17 л.), не чуждаго стремленія къ модѣ и т. п., другія по прекраснымъ чувствамъ къ матери. Видно, что Гоголь учился плохо. Онъ рано бросился въ авторство. Изученіе типовъ всегда было существеннымъ условіемъ великихъ писателей. При громадной способности и талантѣ Гоголя подмѣчать дѣйствительность, изученіе могло бы довести его до значенія великаго писателя, и изображеніе его пошлостей людскихъ, можетъ быть, при высшемъ кругозорѣ, представило бы разрѣшеніе вопросовъ, которыхъ мы еще не нашли. Напрасно другъ Жуковскаго Кернеръ, при свиданіи съ Гоголемъ, въ Баденѣ, не заставилъ его выучить стихи его:

«In Tiefen unberühret
«Wächst einsam das Metall;
«Wo's nachtet und gefrieret,
«Sich bildet der Kristall» *)

Гоголь не любилъ ни Шиллера, ни Гёте, у которыхъ эта мысль выражена и сильнѣе, и прекраснѣе. Изъ многихъ мѣстъ Гоголя можно заключить, что онъ любилъ «удаленіе»—«Verlassensein». Оставленный самому себѣ, гордый писатель находитъ пищу для творчества; но эта пища тщеславія, самообольщенія и, прочтя Переписку съ друзьями, гдѣ Гоголь является всесвѣтнымъ совѣтникомъ, невольно подумаешь, что его «удаленіе» не образовало ни кристалла, ни металла. Надо замѣтить однако, что, послѣ Пушкина и его созвѣздій, Гоголь больше всѣхъ отдѣлилъ литературу отъ вліянія господствующихъ лицъ и сословій. Литература еще слаба, но она имѣетъ уже нѣкоторую самостоятельность, независимую отъ правительственныхъ школъ и меценатовъ. Къ счастію онъ попалъ въ домъ Александра Толстаго, который дышетъ оппозиціей и не сошелся съ Віельгорскимъ, гдѣ и комизмъ, и лиризмъ его приняли бы видъ общественной забавы.

Еслибы слабый Абдулъ-Меджидъ зналъ свою будущность, онъ принялъ бы Православіе и, породнясь съ нами, объявилъ бы себя христіанскимъ Восточнымъ императоромъ. Турція въ томъ переходномъ положеніи, когда Азіатскій элементъ постепенно уступаетъ Европейскому, а Европейское населеніе христіанское съ прибытіемъ Англичанъ и Французовъ усилится до той степени, что его положеніе сдѣлаетъ невыносимымъ положеніе Турецкаго управленія.

---

*) Металлъ растетъ неприкосновенно и одиноко въ глубинѣ; кристаллъ образуется тамъ, гдѣ нѣтъ свѣта и гдѣ морозно.

.... Съ приближеніемъ весны приближается и война. Я ей не вѣрилъ. Теперь вѣрю. Между тѣмъ, какъ «добрый другъ» печатаетъ письма и предательски понуждаетъ Австрію, между тѣмъ какъ Дж. Россель, Кларендонъ, Пальмерстонъ нападаютъ на насъ всею силою парламентской брани, а мы отвѣчаемъ то манифестомъ, то наборомъ, то нынѣ вышедшею объяснительною нотою (18 Февраля) и безпрерывными стихами въ журналахъ, напоминающими иногда остроуміе Русское: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ» и т. д. (Ал. Петр. Опочинина), по городу ходятъ слухи о запрещеніи брать дачи на морскомъ берегу, о распилкѣ льда для перевода остальной дивизіи въ Свеаборгѣ. Говорятъ о чрезвычайномъ наборѣ и ополченіи, о тайныхъ сношеніяхъ съ Франціей.

Я думаю, что послѣ этой войны Франція низведется съ мѣста первенствующей державы... Когда-нибудь, не сейчасъ... Выиграетъ Англія. Но во всякомъ случаѣ потеряемъ мы. Я не вижу и не могу себѣ представить никакого счастливаго для насъ исхода. Особенно страшно то, что эти внѣшнія войны совершенно отвратятъ правительство отъ усовершенствованій внутреннихъ, и даже по окончаніи войны истощеніе казны не позволитъ приняться за необходимѣйшія улучшенія, всегда требующія денегъ. Вся Западная часть Имперіи объявлена въ военномъ положеніи. Сибирь и Кавказъ всегда въ этомъ положеніи. Указы объ этомъ громки и грозны; но прочтите 1607 ст. XV-го т. по 18-му продолженію, и вы увидите, что мы постоянно въ военномъ положеніи и поймете, какъ одолѣваютъ насъ не Англичане, не Французы, а собственное положеніе.

Мартъ. Константинъ Николаевичъ ѣздилъ въ Свеаборгъ и не нахвалится пріемомъ Финляндіи, которая предоставила ему всѣ суда и лодки, какъ говорятъ злые языки, чтобы спасти ихъ отъ Англійскихъ пушекъ. Государь Цесаревичъ, съ озабоченнымъ видомъ, неохотно говоритъ о войнѣ, и данныя ему права главнокомандующаго (вѣроятно Балтійскою или Сѣверной арміями) тяготятъ мирную и человѣколюбивую его душу.

Главнокомандующіе: князь Воронцовъ, князь Паскевичъ и Цесаревичъ. На Югѣ отдѣльные корпусные командиры; князь Горчаковъ, генералъ Хомутовъ, Остенъ-Сакенъ; на Сѣверѣ—адмиралъ Болль, генералъ Бергъ въ Эстляндіи, князь Суворовъ въ Лифляндіи, графъ Ридигеръ, намѣстникъ Паскевича, въ Финляндіи. Итакъ три арміи и семь отдѣльныхъ начальниковъ.... Князь Воронцовъ увольняется; старость Паскевича внушаетъ мало довѣрія. Гдѣ же настоящій главнокомандующій?

Объявленное военное положеніе не произвело никакой перемѣны въ нашемъ обыкновенномъ положеніи и даже въ объяснительной объ этомъ

вопросѣ статьѣ, напечатанной въ Сѣверной Пчелѣ и перепечатанной въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ 3 Марта, ученый профессоръ написалъ такую непонятную и неясную вещь (о военномъ судѣ), что невольно спросишь: «когда же мы были не въ военномъ положеніи?» (NB. Мы такъ мало въ военномъ положеніи, что бѣшеный волкъ прибѣжалъ съ Елагина острова на Литейную и окрестныя улицы и перекусалъ 36 человѣкъ).

Война все ближе и ближе. Острова наши и всѣ берега укрѣпляются.... Непріятельскій флотъ на дняхъ ожидается въ Балтикѣ. Я провелъ вечеръ у В. А Шереметева, и этотъ отставной баринъ серьезно опасается за Петербургъ и ожидаетъ всего возможнаго отъ Чарльса Непира, обѣщавшаго, передъ отъѣздомъ изъ Англіи, праздновать день рожденія королевы въ Зимнемъ дворцѣ.

Сегодня графъ Зубовъ, сотоварищъ мой по консультаціи, сидѣлъ у меня и очень критически относился къ распоряженіямъ и дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ Дм. Гавр. Бибикова. Къ нему такъ относятся очень многіе изъ нашихъ помѣщиковъ. Дѣло все изъ инвентарей. Мы неправильно ввели у себя крѣпостное право, неправильно его и отмѣняемъ. Объ отмѣнѣ, съ 1830 годовъ, говорили много, потомъ замолкли и дѣйствовали тайкомъ, неудачно и непослѣдовательно, главное, неоткровенно. По дѣламъ это еще ощутительнѣе. Стараются всѣми путями ограничить кругъ лицъ, имѣющихъ право крѣпостнаго владѣнія; рядомъ съ этимъ желаютъ оградить законами дѣйствіе этого права. При такомъ направленіи существующее учрежденіе какъ бы не существуетъ и въ основномъ своемъ началѣ почти совсѣмъ отвергнуто. Разумѣется, все это въ Петербургѣ, все это въ законодательствѣ, на бумагѣ; на самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ, за Москвой право это сильно, хотя мало-по-малу ослабляется и исчезаетъ. Противъ дѣйствій правительства говорить нечего. Несостоятельное право это не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ и особенно въ такомъ, гдѣ могутъ быть законы «о дворянахъ, происходящихъ изъ крѣпостныхъ» и это—en plein XIX siècle! Но нерѣшительныя и неоткровенныя дѣйствія правительства вредятъ существеннымъ выгодамъ общества, и послѣдствія принятаго, но не выраженнаго въ законахъ, начала совершенно противны Римскому правилу: quod vero contra rationem juris receptum est, non est perducendum ad consequentias *) (Dig. l. 3, de legibus XIV). Эти-то послѣдствія, неправомѣрныя и часто вопіющія, весьма часто и почти никогда не могутъ быть соглашены съ требованіемъ

*) То что принято въ противность смыслу права не можетъ привести къ послѣдствіямъ.

правосудія. Со введеніемъ инвентарей крѣпостное право прекратится de jure, но de facto оно долго будетъ существовать въ прежнемъ видѣ.

Кажется, Государь, получивъ ультиматумъ о выступленіи изъ княжествъ до 30 Апрѣля, далъ приказаніе князю Горчакову перейти Дунай, и говорятъ, что корпусъ Лидерса перешелъ подъ Браиловымъ по направленію къ Троянскому валу. Константинъ опять въ Свеаборгѣ. Кромѣ слуховъ и говора о переходѣ и о флотѣ, въ городѣ читаютъ анекдотъ объ эхо въ Тюльерійскомъ саду:

Луи-Наполеонъ кричитъ:	Эхо отвѣчаетъ:
Autriche!	triche!
Prusse	russe!
Suède	aide
Paris	rit *)

Много неудовольствій съ патріотическими пожертвованіями. Докторъ Мейеръ и сенаторъ Веймарнъ внѣ себя отъ этихъ патріотическихъ предложеній пожертвовать; со стороны людей, которые съ большою щедростью дѣлаютъ налоги на другихъ. Положили съ душъ и домовъ 50 к. (это составитъ 200 т. р.) Въ Москвѣ эти собиранія доходятъ до смѣшнаго: дамы ѣздятъ по домамъ, купцовъ берутъ за бороды, подчиненнымъ приказываютъ жертвовать!

К. И. Арсеньевъ и Карамзина дочери читаютъ Императрицѣ Русскую исторію. Возстаніе Запада обращаетъ насъ на себя, и вотъ уже первое вліяніе этого. Урокъ, который намъ дадутъ, усилитъ это полезное вліяніе, а торжество, пожалуй, еще ослабитъ его.... Это дѣло, обращая насъ въ себя, сопровождается и другимъ явленіемъ, которое многіе называютъ утѣшительнымъ зрѣлищемъ: это энтузіазмъ, который проявляется не въ Нѣмецкомъ и злорѣчивомъ Петербургѣ, а въ Москвѣ и за Москвой. Тамъ бредятъ и думаютъ о взятіи Византіи и Восточной имперіи, тамъ всѣ готовы на пожертвованія, и въ проповѣдяхъ, возглашеніяхъ и пр. и пр., въ стихахъ и прозѣ, не только нѣтъ недостатка, но даже изобиліе. Какъ во всемъ, въ нашъ противурѣчивый вѣкъ, здѣсь нѣтъ ни постепенности, ни мѣры, и едвали тѣ, кто одобряетъ такое настроеніе умовъ и воспаленіе сердецъ, впослѣдствіи не раскаются въ своемъ неумѣренномъ возбужденіи: ибо очаровать молодую націю легко, но за то она легко и разочаровывается; а раздраженіе массы, какъ болѣзнь сердца, тѣмъ особенно вредно, что

**) Игра словъ непереводимая. Смыслъ тотъ, что когда Наполеонъ говоритъ: „Австрія!" эхо отвѣчаетъ: „плутуетъ!" Пруссія! — Русская! Швеція — „помогаетъ!" — „Парижъ" — „смѣется."

притупляетъ чувствительность и порождаетъ недовольство, тѣмъ болѣе тягостное, чѣмъ болѣе было дано неисполнимыхъ надеждъ и поводовъ питать неосновательныя ожиданія.

Во Франціи вмѣсто 250 милл. подписали 500. Я опасаюсь, чтобы и у насъ не вздумали, въ подражаніе, обратиться къ подобному доказательству народнаго сочувствія. Вѣдь сознались же мы, что проконсульское посольство князя Меншикова было подражаніе г. Лявалетту и графу Лейнингену. Сила народной воли удивительна и ужасна въ преодоленіи препятствій, но тѣмъ опаснѣе и рѣже надобно обращаться къ этой силѣ. Мы слишкомъ близки къ лицамъ и событіямъ и потому едва ли можемъ вѣрно обозрѣть и ихъ безпристрастно цѣнить; но и теперь очевидны, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые недостатки и противорѣчія, несообразныя съ учрежденіями благоустроеннаго государства. Угнетеніе литературы, лишающее насъ внѣ и внутри самостоятельности нравственной и усиливающее тѣмъ вліяніе ученій западныхъ; поверхностное воспитаніе; преобладаніе военнаго порядка, дурное законодательство, а особенно дурные органы его исполненія: восемь разъ Танѣевъ объявлялъ высочайшее повелѣніе не представлять прямо Государю законоположеній на утвержденіе, а вносить въ Государственный Совѣтъ.

Умеръ у меня молодой человѣкъ Голубовъ. Это уже второй случай (Штернгольмъ). Миръ праху вашему, милые, дорогіе люди! Это были юноши необыкновенно благородные, чистые, благонравные. Грустно смотрѣть на нашу молодежь; чѣмъ она даровитѣе, тѣмъ еще болѣе грустно. Особенно ощутительна разница въ дѣтяхъ нашихъ богатыхъ магнатовъ и дѣтяхъ бѣдныхъ личныхъ дворянъ. Одни бѣгутъ, другіе догоняютъ, и въ этомъ соревнованіи и тѣ, и другіе прыгаютъ и перепрыгиваютъ, доколѣ одни не истощатся, а другіе не переломаютъ или не сломаютъ головы... Конечно есть и будутъ хорошія фамиліи, и они начинаютъ образумливаться; но недостатокъ дѣльнаго воспитанія, утопаніе въ удовольствіяхъ сдѣлали то, что общее мнѣніе потеряло къ нимъ довѣріе, и предубѣжденіе къ имени влечетъ за собой предубѣжденіе къ способности. По стеченію обстоятельствъ, и у насъ какъ во Франціи съ 1830 годовъ, имя, давность, опытность, привычка замѣнились талантами и способностями, и мы хотѣли имѣть своихъ Тьеровъ, Гизо, Казиміровъ-Перье. Это дало необыкновенный ходъ нашему среднему сословію, такъ что изъ него явились новые графы и князья, овладѣвшіе главными мѣстами управленія. Но что̀ же вышло? Послѣ бурь 1848 года правительство перепугалось и постановило разныя ограниченія; старые, уже испорченные графы и князья ощетинились противъ правительства, а новые князья и графы

начинаютъ портиться. Страшно дѣлается, когда войдешь внутрь этой толпы и проникнешь въ сердцевину личностей: стремленіе безъ отдыха, никакой привязанности къ преданію, самая смѣшная перемѣнчивость въ привычкахъ, вкусахъ, занятіяхъ. Государственная служба словно рекрутскій наборъ по жеребьевой системѣ; общественная жизнь—оперный маскарадъ...... И надобно сказать, что, благодаря различнымъ причинамъ, молодому поколѣнію трудно утвердить въ себѣ какія либо убѣжденія. Всѣ, кажется, достаточно сильны для всего; всѣ, кажется, за все берутся не по силамъ... Въ самыхъ громкихъ именахъ найдется сочувствіе самымъ громкимъ преобразованіямъ, и я никакъ не забуду, какъ много было преданности совершившимся событіямъ 1848—1849 годовъ въ гр. Т—омъ, въ гр. С—овѣ, А. Н. П—овѣ, В. А. Ш—вѣ, А. Я. К—ѣ и пр. и пр.... И въ то время какъ въ объятой пламенемъ Франціи, само гражданство твердо вѣрило, что преданіе, цивилизація и здравое ученіе возмутъ свое, у насъ лучшіе изъ магнатовъ не имѣли къ этимъ оплотамъ человѣчества ни малѣйшаго довѣрія.

Вотъ и послѣдніе акты секретной переписки по Восточному вопросу. Вотъ и рѣчь министра Кларендона о Гуннахъ, кнутахъ, Вандалахъ... Вотъ и докладъ коммиссіи Прусской палатѣ о займѣ 30 мил. талеровъ или «о той глубокой антипатіи Прусскаго народа къ Россіи, съ которой (Россіей) mittelbar, ни unmittelbar, ни bedingt, ни unbedingt не заключать союза»—иначе: не давать денегъ (Allgem. Zeitung №№ 93, 96—99). Брайтъ, приверженецъ мира, говоря о тягостяхъ войны, которыя лягутъ исключительно, по его мнѣнію, на владѣльцевъ, пластически объяснилъ имъ мысль свою: «у каждаго изъ васъ, милорды, здѣсь присутствующіе, сидитъ на плечахъ Турокъ»...... Повидимому, если не во Франціи, безнравственной и исключительно-преданной мыслямъ о наживѣ и стремленію утопиться въ наслажденіяхъ, если не въ Австріи безвѣрной и безхарактерной со своими многочисленными національностями, при ея постоянно-ложномъ положеніи; если ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ свободы слова и мнѣнія: то нельзя ли поискать ея въ парламентахъ Англіи и Пруссіи, у этихъ здравомыслящихъ и самоуправляемыхъ Англичанъ, у этихъ глубокомысленныхъ и руководимыхъ учеными убѣжденіями Нѣмцевъ? А между тѣмъ, посмотрите, что́ они дѣлаютъ? Какое значеніе даютъ они этой войнѣ? Кому льстятъ и кому потакаютъ? Куда стремятся и куда придутъ? Война очищаетъ грѣхи поколѣній, и возрожденіе совершается кровавымъ крещеніемъ. Но знаете ли вы, Англичане, Французы, Нѣмцы и Австрійцы, для кого вы работаете?.... Вы работаете, для насъ Русскихъ! Все что̀ вы совершаете—ложь и клевета. Вы

хотите оградить Турцію? Гдѣ же эта независимая Турція подъ вашимъ покровительствомъ и наводненная чужими войсками и племенами, съ сильной, негодующей партіей Ислама, безъ денегъ, среди внутреннихъ бунтовъ и смятеній? Вы называете насъ Гуннами и Вандалами, насъ съ нашими кроткими нравами гостепріимства, у которыхъ что ни шагъ, то Англійскій клубъ, то магазинъ Парижанки, то иновѣрческая кирка, то Нѣмецкая колонія. О какомъ кнутѣ говорите вы? Чтó значатъ наши неустроенныя наказанія противъ вашихъ плахъ и изощренныхъ работъ и наказаній? Вы боитесь нашего варварства? Но развѣ не вы сами пріѣзжаете къ намъ, и развѣ не было у насъ представителей Русскаго общества, влекомыхъ къ свѣту истины: Бецкаго, Татищева, Посошкова... и позже: Ломоносова, Муравьева, Державина, Карамзина, Пушкина? Вы пугаете насъ демократіей? Она намъ не страшна: мы искони демократы... Вы работаете для насъ и во всякомъ случаѣ противъ себя. Вы отвратите насъ отъ себя и обратите насъ, великую націю, къ самой себѣ. Это непомѣрное вліяніе Запада прекратится, и мы, можетъ быть, разбитые, займемся собою, обдумаемся и явимся вамъ въ томъ зрѣломъ и благоустроенномъ состояніи, въ которомъ всѣ сопредѣльные и соплеменные намъ народы признàютъ насъ главою, владыкою судебъ полсвѣта.

Сегодня, 11-го Апрѣля, послѣ обѣдни, при пушечной пальбѣ, читанъ намъ, въ церквахъ, подписанный вчера въ 11 часовъ вечера, манифестъ о томъ, что Англія и Франція, скинувъ всякую личину, рѣшились унизить Русь православную и отторгнуть ея области... Съ нами Богъ!.. Демонстрація эта не произвела у насъ никакого впечатлѣнія; ибо манифестъ слишкомъ коротокъ, слабѣе прежнихъ и не содержитъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго и ничего болѣе новаго, чѣмъ то, чтò всѣмъ уже извѣстно. Въ манифестѣ сказано, что мы не искали и не ищемъ завоеваній; а между тѣмъ стихотворцы, особенно Московскіе и Замосковскіе, трубятъ о Цареградѣ и о Св. Софіи, всюду дѣлаются пожертвованія, и войска доблестно перешли черезъ Дунай... Едва ли послѣ возбужденнаго воодушевленія не наступитъ разочарованіе... Молимся мы прилежно.

ЧУДОВИЩНАЯ СЦЕНА ВЪ РЕВЕЛѢ.

(1858).

Наканунѣ ожидаемаго преобразованія уѣздной полиціи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ нелишнимъ будетъ вспомнить объ одномъ вопіющемъ дѣлѣ, происшедшемъ 30 лѣтъ тому назадъ въ Эстляндской губерніи и возмутившемъ своей жестокостью даже иностранную Нѣмецкую печать, обыкновенно столь снисходительную въ такихъ случаяхъ. Но прежде чѣмъ перейти къ разсказу о случаѣ, вѣрно характеризующемъ прелести баронской полиціи, припомнимъ тѣ земельныя условія, въ которыхъ жило и по большей части находится и по сіе время сельское населеніе Эстляндіи.

Эсты, коренные обыватели этой страны, покорителями ихъ Датчанами были проданы магистру Нѣмецкаго ордена, который подарилъ ихъ Лифляндскому ордену; затѣмъ они переданы Швеціи и, наконецъ, перешли во власть Русскаго Государя. Всѣ эти переходы отъ одного подчиненія къ другому совершались, по выраженію одного писателя *), безъ малѣйшаго соучастія Эстонскаго народа, хотя во время войнъ поля Эстляндіи орошались его кровью, а въ мирное время его потомъ.

Германскіе выходцы, покоривъ Прибалтійскій край огнемъ и мечемъ, конечно не преминули подчинить его своимъ феодальнымъ порядкамъ. Крѣпостная зависимость крестьянъ доходила до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что владѣлецъ, нерѣдко самъ убѣждаясь, что никакая человѣческая сила не въ состояніи удовлетворить всѣмъ условіямъ барщины, считалъ нужнымъ ослаблять ихъ. При этомъ онъ, конечно, не забывалъ всякій разъ выставлять на видъ правительству свое великодушіе. До царствованія императрицы Елисаветы Петровны Эстонецъ безъ позволенія помѣщика не имѣлъ права вступать въ бракъ; помѣщики, освобожденные Русскимъ правительствомъ отъ поставки рекрутъ, продавали ихъ во внутреннія губерніи для той же потребности, пока этотъ гнусный торгъ не былъ запрещенъ Екатериной II-й. Вообще можно сказать, что Прибалтійское дворянство, несмотря на нѣкоторыя по большой части мнимыя уступки духу времени, пользовалось гораздо бо́льшимъ просторомъ относи-

---

*) Der Ehste und sein Herr. Zur Beleuchtung der oekonomischen Lage der Bauern in Ehstland 1861. Berlin.

тельно своихъ крѣпостныхъ правъ при Русскомъ правительствѣ, чѣмъ при Шведскомъ. Что касается Эстляндскаго рыцарства, то его уступки постоянно клонились лишь къ тому, чтобъ еще болѣе узаконить безвыходное положеніе крестьянъ. Такъ въ 1811 г. его просьба объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія сопровождалась условіемъ, чтобы вся крестьянская земля считалась собственностью помѣщика и крестьянамъ не предоставлялось права уходить за границы губерніи. Крестьянское Положеніе 1816 г. столь мало послужило къ улучшенію быта Эстляндскихъ крестьянъ, что одинъ изъ помѣщиковъ могъ, торжествуя, заявлять: „лишь теперь, по дарованіи крестьянамъ личной свободы, дворянство можетъ сказать, что оно вполнѣ завоевало страну". Новый законъ, правда, предоставлялъ крестьянину право покупать землю; но продавцевъ не оказывалось: владѣльцу было гораздо выгоднѣе сдавать землю въ аренду крестьянину, который, волей-неволей, долженъ былъ подчиняться всѣмъ условіямъ, какъ бы они ни были тяжки для него *). Между тѣмъ какъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ со времени раскрѣпощенія помѣщичье хозяйство по большей части пришло въ упадокъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, напротивъ, уничтоженіе крѣпостнаго состоянія увеличило число такъ называемыхъ образцовыхъ хозяевъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и бѣдность крестьянъ, освобожденныхъ безъ малѣйшихъ средствъ къ существованію.

При такихъ условіяхъ и при сохраненіи за собой права суда и расправы надъ сельскимъ населеніемъ, Прибалтійскому дворянству не требовалось большаго труда и капитала, чтобы привести свое хозяйство, сравнительно съ Русскимъ, въ цвѣтущее состояніе.

Теперь посмотримъ, какъ пользовалось Эстляндское дворянство предоставленнымъ ему важнымъ правомъ суда и расправы и что́ такое въ сущности вотчинная полиція, за сохраненіе которой въ Прибалтійскомъ краѣ высказывалось даже нѣсколько Русскихъ голосовъ, именно изъ среды людей недовольныхъ порядками земской полиціи во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ.

До 1858 г., когда совершилось нижеизложенное событіе, вотчинный господинъ имѣетъ право наказывать своего арендатора 15-ю ударами палокъ (Stockschläge), а женщинъ и дѣтей 30-ю розгами. Если вотчинникъ желалъ усилить наказаніе, то съ помощью всегда послушной ему волостной полиціи онъ могъ доводить и число палочныхъ ударовъ до 40. Однажды гакерихтеръ (исправникъ) наказалъ крестьянина 80-ю палочными ударами за то, что тотъ, въ противность арендному условію расходовать на мѣстѣ сѣно своего участка, свезъ сѣно въ городъ. Принести жалобу на помѣщика крестьянинъ могъ неиначе какъ съ его разрѣшенія. За превышеніе нормы наказанія помѣщикъ штрафовался 10—25 рублями, которые шли въ дворянскую же кассу, на потребности помѣщичьи!

*) Со времени дарованія крестьянамъ личной свободы пріобрѣтено ими въ Эстляндіи въ полную собственность 5708 дворовъ. Всѣхъ крестьянскихъ арендныхъ дворовъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, значится 23,969.

Конечно были попытки, какъ со стороны правительства, такъ и нѣкоторыхъ мягкосердыхъ помѣщиковъ, согласовать средневѣковые порядки уѣздной полиціи съ болѣе современными требованіями, и Положеніемъ о крестьянахъ Эстляндской губерніи 1856 власть помѣщика была нѣсколько ограничена; но такъ какъ это Положеніе было сочинено на ландтагахъ, т.-е. составителями его были тѣже дворяне, то оно было такъ ловко написано, что противъ одной статьи, повидимому, предоставляющей арендатору нѣкоторое право, находились двѣ другія статьи, значительно ограничивающія это право. Послѣдствіемъ пристрастнаго толкованія Положенія и были крестьянскія волненія, окончившіяся печальнымъ эпизодомъ, къ изложенію котораго мы приступаемъ.

Помѣщики хотѣли увѣрить своихъ крестьянъ-арендаторовъ, что та статья Положенія 1856 г., которою отмѣнялись барщина и денежныя повинности, возъимѣетъ свое дѣйствіе не ранѣе какъ по истеченіи 10-ти лѣтъ; крестьянамъ же показалось это объясненіе мало вѣроятнымъ. Не можетъ быть, толковали они, чтобы нашъ добрый Государь наградилъ насъ такимъ закономъ, который получитъ свою силу не ранѣе какъ черезъ десять лѣтъ. Сомнѣнія крестьянъ усилились тѣмъ обстоятельствомъ, что Положеніе прочитано въ киркахъ крестьянамъ лишь одинъ разъ, а слѣдовало, какъ со всякимъ новымъ закономъ, прочитать его три Воскресенья подрядъ.

Это произвольное заторможенье давно ожидаемой льготы не могло, наконецъ, не вывести изъ себя забитаго и вообще тяжелаго на рѣшеніе Эстонца. Но вмѣсто того, чтобы предоставить компетентному суду (только не сословному, ибо немыслимо, чтобы дворяне, связанные родственными и матерьяльными между собой отношеніями, когда-либо могли принять сторону арендатора противъ помѣщика) рѣшить споръ аграрно-юридическаго свойства. Эстляндское дворянство раздуло это дѣло, представило его бунтомъ, и надъ несчастными арендаторами былъ наряженъ военный судъ, въ которомъ засѣдали тѣже дворяне. И вотъ какъ распоряжался подобный судъ. Помѣщикъ Н. Ш., гакенрихтеръ близъ Гапсаля, узнавъ или можетъ статься только предполагая, что его арендаторы осмѣлились „разсуждать" про облегченія касающіяся барщинной повинности и предоставляемыя новымъ крестьянскимъ Положеніемъ, дабы искоренить зло, какъ онъ выразился, въ самомъ его зародышѣ, потребовалъ войска. Призванные солдаты ночью ворвались въ избы, захватили ничего не подозрѣвавшихъ и перепуганныхъ крестьянъ и, притащивъ ихъ въ Ригу, угостили порядочнымъ количествомъ палокъ и розогъ.

Въ томъ же 1858 г. двое волостныхъ старшинъ съ мызы А. отправились къ приходскому судьѣ (помѣщику) и униженно попросили его объяснить имъ ту статью новаго Положенія, по которой уменьшается барщинная повинность на 26 процентовъ. Судья сталъ ихъ укорять въ непокорности и бунтѣ и для примѣра приказалъ заковать въ кандалы и въ такомъ видѣ препроводить въ Ревель. Тамъ они долгое время томились въ

тюрьмѣ разлученные съ своими семействами и, недопрошенные, присуждены были дворянскимъ судомъ: одинъ—къ заключенію въ тюрьмѣ на три года, другой (его помощникъ) на два года,—за злоупотребленіе служебными обязанностями [1].

Крестьяне помѣстья Аннія (барона У.-Ш...) не видя облегченій, обѣщанныхъ Положеніемъ 1856 г., рѣшились отправиться въ Ревель въ числѣ 60 хозяевъ въ качествѣ депутатовъ. По этому случаю Ревель сдѣлался позорищемъ возмутительной экзекуціи. Главными дѣйствующими лицами были совѣтникъ губернскаго правленія фонъ-Ш... и комендантъ баронъ З.... Губернаторъ Гринвальдъ находился въ отсутствіи, а исправлявшій его должность вице-губернаторъ баронъ Р. была личность слабохарактерная, находившаяся подъ вліяніемъ упомянутаго фонъ-Ш..., который приходился родственникомъ барону У.-Ш. Должно замѣтить, что всѣ три представителя губернской администраціи принадлежали къ сектѣ піетистовъ, имѣющей и въ настоящее время очень много послѣдователей между Эстляндскимъ дворянствомъ, особенно въ его женской половинѣ.

Пришедшіе въ Ревель депутаты отъ арендаторовъ мызы А... первоначально явились къ начальнику жандармскаго управленія г. м. Грессеру [2]), который, сказавъ имъ, что ихъ дѣло до него не касается, направилъ ихъ въ Губернское Правленіе; при этомъ онъ далъ имъ совѣтъ явиться туда не болѣе какъ въ числѣ трехъ человѣкъ. Депутаты такъ и сдѣлали, но поддались коварному совѣту одного изъ губернаторскихъ чиновниковъ и попались въ ловушку. Этотъ ревнитель баронскихъ интересовъ объявилъ имъ, что необходимо выслушать всѣхъ 60 депутатовъ и чтобы пришли и остальные 57. Когда это было исполнено, тотчасъ же вся депутація была окружена заблаговременно приготовленной ротою солдатъ. Между тѣмъ совѣтникъ фонъ-Ш..., ссылаясь на письмо помѣщика, просившаго наказать его арендаторовъ какъ можно построже и на то обстоятельство, что депутація явилась въ противозаконномъ числѣ (скопомъ), убѣждалъ нерѣшительнаго вице-губернатора произвести экзекуцію и когда тотъ колебался, то далъ ему часъ на размышленіе. Какъ правитель канцеляріи губернатора, такъ и прочіе совѣтники Губернскаго Правленія (къ чести ихъ будь сказано) сдѣлали все возможное, чтобы отклонить барона Р. отъ несправедливаго и жестокосердаго рѣшенія; но вліяніе фонъ-Ш., а можетъ быть и правила унаслѣдованныя отъ предковъ, покорившихъ Эстляндію огнемъ и мечемъ, одержали верхъ надъ нерѣшительностью набожнаго администратора, и казнь несчастныхъ Эстонцевъ была разрѣшена. Узнавъ объ этомъ, торжествующій піетистъ богохульно воскликнулъ „Gelobet sei der Herr Jesus Christus“ (Слава Господу Іисусу Христу!)—наконецъ то!“ Комендантъ г.-м. фонъ-З. предложилъ свои услуги обставить экзекуцію приличною торжественностью. Описаніе ея передаемъ словами современнаго

---

[1]) Gartenlaube 1862 г. №21.

[2]) Отцу бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника.

иностраннаго журнала (Gartenlaube), дополненными воспоминаніями одного очевидца. Свидѣтельство органа Нѣмецкой печати, имѣющей обыкновеніе судить о дѣлахъ нашей Прибалтійской окраины съ точки Германской исключительности, устраняетъ всякое сомнѣніе въ правдивости разсказа.

Въ Понедѣльникъ, 26 Іюля 1858 года, въ 4 часа попол., мирнымъ обывателямъ города Ревеля пришлось быть свидѣтелями такого страннаго зрѣлища. Шествіе открывалъ квартальный надзиратель (жандармерія отсутствовала), за нимъ шла рота солдатъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка съ музыкантами, игравшими какой-то веселый маршъ, затѣмъ члены Эстонской депутаціи, блѣдные, изнуренные, но бодро выступающіе. Ихъ окружала со всѣхъ сторонъ другая рота солдатъ.

Когда несчастныя жертвы баронской мести были приведены на лобное мѣсто (на „Русскомъ Рынкѣ"), двое солдатъ, схвативъ депутата и сдернувъ съ него одежду, повергали его на мостовую, такъ что его лице обагрялось кровью и выбивались зубы. Затѣмъ одинъ солдатъ садился на шею, другой на ноги распростертому, а третій исправлялъ должность палача, постоянно поощряемый комендантомъ. (Плацъ-адъютантъ Б. отказался участвовать въ экзекуціи и за то комендантомъ былъ подвергнутъ аресту). Среди огромной толпы народа, привлеченнаго воплями истязуемыхъ, послышались рыданія, женщины падали въ обморокъ, сталъ раздаваться громкій ропотъ, и неизвѣстно какой катастрофой окончилась бы эта потрясающая сцена, еслибы экзекуція не была прекращена неожиданно явившимся начальникомъ жандармовъ генераломъ Грессеромъ.

Такъ распоряжалась баронская полиція и ея приспѣшники въ царствованіе благодушнѣйшаго изъ Государей, даровавшаго Россіи судъ милостивый и праведный.

Послѣ этого какой злой ироніей отзываются самохвальныя вѣрноподданническія фразы ландтаговъ! „Эстляндское рыцарство, говорится въ одномъ сеймовомъ отчетѣ, издавна поняло свое положеніе въ государствѣ, налагающее на него обязанность заботиться объ улучшеніи современнаго быта обязанныхъ благодарностью крестьянъ. Пришедшая шесть вѣковъ назадъ въ эту землю, корпорація наша внесла въ нее христіанство, Нѣмецкое право и культуру... дала крестьянину кодексъ, предоставившій ему и личную свободу, и защиту закона, въ обезпеченіе личныхъ правъ и въ основаніе благосостоянія каждаго гражданина. Постановленія нашего ландтага да послужатъ позднѣйшимъ поколѣніямъ свидѣтельствомъ благородныхъ (!!!) чувствъ Эстляндскаго дворянства".

А. Ч...

ДУХОВЕНСТВО И ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

II [1]).

Очищая отъ времени до времени духовенство отъ „безмѣстныхъ поповичей“, правительство Петра и Екатерины, хотя медленнымъ и притомъ непрямымъ, а отрицательнымъ путемъ, достигало и другой цѣли—нравственнаго усовершенствованія въ наличномъ составѣ церковнаго клира. Главный источникъ, изъ котораго пополнялся этотъ клиръ, состоялъ именно въ безмѣстныхъ поповичахъ, проживавшихъ въ семействахъ своихъ родителей (наличныхъ членовъ клира) и съ нетерпѣніемъ выжидавшихъ для себя удобнаго случая къ тому, чтобы, по мѣткому выраженію одного историческаго памятника, „водраться“ въ духовный чинъ. Во внутренней своей жизни множество этихъ кандидатовъ на церковнослужительскія должности представляло изъ себя крайнее невѣжество и нравственную распущенность. Акты XVII вѣка переполнены жалобами на то, что „безмѣстные поповичи безчинствують во время богослуженія“ даже и въ „алтарѣ“, ругаются въ церкви скаредною бранью, занимаются воровствомъ, чернокнижіемъ, звѣздочетствомъ, держатъ у себя разныя книги ересныя, приговоры, рафли, тетради гадательныя [2]). Почти тоже было и въ послѣдующее время Петровскихъ преобразованій. Правда, теперь, быть можетъ, не стало въ этой средѣ прежнихъ грубыхъ пороковъ, но за то невѣжество попрежнему господствовало здѣсь во всей силѣ. Заслуживающій всякаго вѣроятія, безспорный историческій свидѣтель Петровскаго времени и свидѣтель, конечно, безпристрастный, святитель Ростовскій Димитрій о поведеніи этихъ людей, объ ихъ небрежности и невниманіи къ отправленію самоважнѣйшихъ и священнѣйшихъ обязанностей каждаго христіанина по отношенію къ церкви замѣчаетъ: „Іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста, и мы ихъ спрашиваемъ: давно ли причащались? И они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О, окаянные іереи, не радящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о святой церкви люди, домашнихъ своихъ къ причастію не приводящіе?“ [3]).

Со введеніемъ обязательнаго образованія для дѣтей священноцерковнослужительскихъ въ духовныхъ семинаріяхъ правительство Екатерины, разумѣется, въ большей или меньшей степени, достигало до настойчиво преслѣдуемыхъ имъ цѣлей; тѣмъ не менѣе такъ какъ самое просвѣщеніе прививалось здѣсь весьма туго, то и нравственное усовершенствованіе духовенства шло медленно. Достаточно вспомнить, напримѣръ, начальный шагъ административной дѣятельности Московскаго митрополита Платона. При вступленіи на Московскую каѳедру онъ потребовалъ отъ благочин-

---

[1]) См. выше, стр. 0129.—[2]) Правосл. Собесѣдникъ 1863 г.—[3]) Исторія Россіи Соловьева, т. XV, стр. 126.

ныхъ свѣдѣній о священно и церковнослужителяхъ, кто изъ нихъ былъ въ школахъ и въ какихъ и кто не былъ? Изъ вѣдомостей, доставленныхъ благочинными, оказалось, что число ученыхъ, т.-е. бывшихъ въ школахъ священнослужителей, очень незначительно, именно: изъ 303 протоіереевъ и священниковъ „ходившихъ до богословіи и философіи“ было только 95, а остальные большею частію даже совсѣмъ не были въ школахъ [4]).

Въ царствованіе Павла Петровича былъ только одинъ разборъ духовенства. 22-го Декабря 1796 г. Св. Синодъ получилъ именной указъ слѣдующаго содержанія: „Видѣвъ изъ вѣдомостей отъ Синода представленныхъ, сколь великое число состоитъ священно и церковнослужительскихъ дѣтей праздно живущихъ при отцахъ своихъ... повелѣваемъ, наполня изъ нихъ мѣста вопервыхъ штатныя священническія и церковнослужительскія, а вовторыхъ учительскія, не только въ духовныхъ училищахъ, но и въ городовыхъ школахъ, по губерніямъ учрежденныхъ, всѣхъ прочихъ, остающихся затѣмъ излишними, обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались“ [5]). 12-го Генваря 1797 года Сенатъ, въ слѣдствіе представленія Св. Синода о разборѣ духовенства, сдѣлалъ циркулярное распоряженіе, кому принимать присылаемыхъ отъ духовнаго правительства церковниковъ и священно и церковнослужительскихъ дѣтей и куда ихъ распредѣлять [6]). Въ скоромъ времени потребовалось особымъ изъяснительнымъ указомъ того же Сената немедленно остановить чрезмѣрное усердіе свѣтскихъ властей въ разборѣ дѣтей духовенства. Губернскія правленія, помимо исполненія прямыхъ обязанностей, возлагавшихся на нихъ Сенатомъ въ данномъ вопросѣ, потребовали отъ существовавшихъ тогда такъ называемыхъ духовныхъ правленій точныхъ списковъ всѣмъ находящимся въ ихъ вѣдѣніи священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ и настойчиво требовали представленія въ губернскія правленія самихъ дѣтей для опредѣленія ихъ въ гарнизонныя школы. Сенатъ нашелъ нужнымъ разъяснить, что къ опредѣленію въ военную службу требуются только дѣти священно и церковнослужителей, праздно живущія [7]).

На сколько ревностны были свѣтскія учрежденія, въ это время, къ забору въ военную службу дѣтей духовенства, видно изъ послѣдовавшаго при Павлѣ Первомъ указа Св. Синода, съ разрѣшеніемъ производить на священно и церковнослужительскія мѣста *сторожей* при консисторіяхъ, духовныхъ правленіяхъ и семинаріяхъ, которые происходили изъ духовнаго званія [8]). Нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра къ пополненію штатныхъ вакансій лицами ранѣе того занимавшими мѣста прислуги въ разныхъ духовныхъ учрежденіяхъ, явилась слѣдствіемъ того усердія, съ какимъ сталъ производиться разборъ духовенства въ это время. Духовныя и свѣтскія власти, вѣроятно, такъ усердно принялись за исполненіе Мо-

---

[4]) Истор. Моск. епарх. управл. ч. 3, стр. 102, примѣч. 37.— [5]) П. С. Законовъ, т. 24, № 17625.—[6]) Тамъ же, № 17728.—[7]) Тамъ же, № 18109.

наршей воли объ исключеніи изъ духовнаго вѣдомства всѣхъ лишнихъ членовъ, что скоро почувствовался недостатокъ въ кандидатахъ на священно и церковнослужительскія мѣста.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго очищеніе духовнаго сословія отъ лишнихъ и непригодныхъ для него членовъ производилось на основаніи узаконеній Екатерины II-й. Наслѣдственность духовнаго служенія успѣла сдѣлать еще нѣсколько новыхъ шаговъ въ своемъ развитіи. Указами 1808 и 1814 гг. въ духовноучилищное вѣдомство велѣно зачислять безъ исключенія всѣхъ дѣтей духовенства съ 6 до 8 лѣтъ. Послѣ этого духовная школа каждый свой курсъ стала выпускать изъ стѣнъ своихъ такъ много людей на церковныя мѣста, что сквозь ихъ плотные ряды для посторонняго человѣка невозможно было пробираться даже и на низшія церковныя должности. Родовое сословіе духовенства могло теперь безъ всякой помѣхи продолжать практику своихъ старыхъ обычаевъ и наслѣдныхъ счетовъ при занятіи церковныхъ мѣстъ. Митрополитъ Серафимъ требовалъ, напр., чтобы духовенство не смѣшивалось съ другими сословіями даже посредствомъ браковъ и въ резолюціяхъ объ опредѣленіи на мѣста разныхъ духовныхъ воспитанниковъ писалъ, чтобъ они вступали въ бракъ непремѣнно съ дѣвицами духовнаго же званія. Благодаря этой замкнутости, духовное сословіе переполнялось праздными членами. Наличный составъ его за это время далеко не былъ соразмѣренъ съ числомъ мѣстъ въ клирѣ. Вотъ почему не обошлось безъ разбора и въ это время. Прежде всего теперь возстановлено было вновь во всей силѣ дозволеніе безмѣстнымъ членамъ клира свободно избирать родъ жизни. Затѣмъ въ 1806 г. произведенъ самый разборъ. Этотъ послѣдній простирался преимущественно на церковниковъ, опорочившихъ себя дурнымъ поведеніемъ и неграмотныхъ дѣтей духовенства свыше 15 л. Но такъ продолжалось всего одинъ годъ. Потомъ разборы не повторялись ни разу. Даже въ 1812 году лица духовнаго званія поступали въ ополченіе и въ армію только по доброй волѣ. Въ 1812 г. воспитанникамъ духовныхъ семинарій дано дозволеніе поступать въ ополченіе, но только „не выше риторическаго класса“.

Со вступленіемъ на престолъ Николая Павловича разборы дѣтей духовенства для военной службы получили болѣе или менѣе опредѣленный характеръ. Духовенство теперь больше чѣмъ когда-либо стало замкнутымъ сословіемъ. Выходъ изъ него въ другія званія дѣлался почти невозможнымъ. Съ одной стороны духовная власть стала усиленно заботиться объ удержаніи лучшихъ силъ въ кругу сословія, съ другой и само духовенство находило больше интереса оставаться въ прирожденномъ званіи. Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ была составлена въ 1853 году записка объ отчисленіи дѣтей духовенства для военной службы, которая и возъимѣла практическое значеніе. Позволяемъ себѣ привести здѣсь эту записку.

„Въ прошедшемъ столѣтіи и въ первой половинѣ текущаго, писалъ м. Филаретъ, отъ времени до времени, по особымъ распоряженіямъ пра-

---

[1]) Тамъ же, т. 25, № 18920

вительства, производимъ былъ такъ называвшійся *разборъ* людей духовнаго званія, по которомъ излишніе и неупотребительные въ ономъ, но способные къ званію военному, отчисляемы были въ военное вѣдомство. Послѣднее сего рода распоряженіе было въ 1830 году; и хотя оно было снисходительно, такъ что молодые люди, безмѣстные, но по образованію могущіе быть полезными въ духовномъ званіи, были въ немъ оставлены, и даже изъ малообразованныхъ оставлено было по одному сыну для матерей-вдовъ; однако, видно, правительство взирало на сію мѣру, какъ на нелегкую, потому что немалое число взятыхъ изъ духовнаго званія въ военную службу, по просьбамъ ихъ родителей и родственниковъ, оставшихся въ духовномъ званіи, въ теченіе года и болѣе, возвращены въ сіе званіе не безъ ущерба для военнаго вѣдомства, которое безполезно употребило издержки и труды на ихъ обмундированіе, содержаніе и обученіе, и не къ прибыли для духовнаго вѣдомства, которое, отдавъ малоспособныхъ, получило ихъ обратно еще менѣе способными къ церковной службѣ, утратившими прежнее къ ней приспособленіе среди занятій совсѣмъ инаго рода".

„По данному такимъ образомъ обратному ходу дѣла можно усомниться, будетъ ли правительство расположено впредь употреблять мѣру, которую, употребивъ прежде, само какъ бы старалось ослабить. Но при вниканіи въ существо дѣла, нельзя еще почитать рѣшеннымъ, а надобно представлять ожидающимъ разрѣшенія вопросъ: не надобно ли и впредь по временамъ избытокъ людей духовнаго званія отчислять въ военное, на правилахъ, согласуемыхъ съ общимъ и частнымъ благомъ?"

„Въ нѣкоторыхъ званіяхъ, напримѣръ въ земледѣльческомъ, умноженіе числа людей есть прибыль и для государства, и для частнаго благосостоянія. Не всегда такъ въ званіи духовномъ. Доколѣ недостаетъ способныхъ для наполненія мѣстъ службы, дотолѣ умноженіе людей есть прибыль и въ духовномъ званіи. Но когда мѣста службы наполнены и, сверхъ нѣкотораго запаса людей, для незатруднительнаго занятія открывающихся мѣстъ, остается избытокъ людей, которые въ теченіе многихъ лѣтъ мѣстъ не находятъ, тогда сіи люди суть бремя для званія и для государства. И таковы по необходимости избыточествующіе люди духовнаго званія, потому что они, кромѣ рѣдкихъ исключеній, не имѣютъ наслѣдственныхъ способовъ пропитанія и, составляя разрядъ людей приготовительный къ духовной службѣ, не довольно могутъ употреблять себя на другія занятія, доставляющія хлѣбъ, и особенно менѣе способные изъ нихъ и менѣе образованные. Такое состояніе тѣмъ болѣе искусительно, что сіи безпомощные люди большею частію принуждены держаться въ губернскихъ городахъ, чтобы стеречь открытіе вакансій и чтобы не опаздывать просьбами о занятіи оныхъ; и на сей стражѣ менѣе достойные остаются по нѣскольку лѣтъ, предупреждаемые достойнѣйшими".

„Уже духовное начальство чувствуетъ обремененіе своего вѣдомства избыткомъ людей и помышляетъ о средствахъ противъ сего. Между прочимъ оно старается ограничить число учащихся въ духовныхъ училищахъ,

дабы не истощать своихъ способовъ на людей, которые не будутъ ему нужны. Но сія мѣра можетъ доставить только нѣкоторое облегченіе отъ бремени издержекъ, но не отъ бремени людей. И если, вслѣдствіе стѣсненія входа въ духовныя училища, вновь произойдетъ въ духовномъ вѣдомствѣ бывшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ прошедшемъ столѣтіи многочисленный разрядъ людей, не только излишнихъ, но притомъ и вовсе необразованныхъ, то не будетъ ли это такое бремя, котораго нельзя нести и отъ котораго особенно трудно освободиться?“.

„Куда пойдутъ необученыя дѣти духовенства? При совершенной необразованности для нихъ въ виду одинъ путь—въ податное состояніе. Но если человѣколюбивое правительство желаетъ дѣйствовать сколь возможно не тяжкими мѣрами, какъ сіе видно въ вышеприведенномъ примѣрѣ 1830 года, то оно не употребитъ усилій къ перемѣщенію изъ духовнаго званія въ податное и предоставитъ сіе только желающимъ. Закрыть для дѣтей путь къ образованію и чрезъ образованіе исходъ въ неподатное состояніе,—это были бы двѣ мѣры тяжкія, которыя отчасти могла бы извинять нужда и которыхъ не можетъ оправдать правосудіе. Притомъ для вступленія въ податное состояніе городское нуженъ хотя малый капиталъ, котораго дѣти духовенства не имѣютъ, а для вступленіе въ сельское требуется приспособленіе къ земледѣльческимъ работамъ, котораго въ городскомъ духовенствѣ не можетъ быть и которое и въ сельскомъ постепенно утрачено съ тѣхъ поръ, какъ указомъ Государя Императора Павла Перваго обработываніе земель сельскаго духовенства возложено было на прихожанъ“.

„Изъ сего можно по справедливости заключить, что хотя переведеніе изъ духовнаго званія въ низшій разрядъ военнаго званія всегда казалось мѣрою нелегкою, однако это легче, нежели загражденіе путей къ образованію и переведеніе въ податное состояніе: во первыхъ, потому, что военное званіе есть почетное; во вторыхъ, потому, что оно представляетъ болѣе или менѣе надежду выслуги и потомъ свободный покой въ отставкѣ; въ третьихъ потому, что отчисленіе изъ духовнаго званія въ военное учреждается обыкновенно такъ, что мѣра сія оправдывается правосудіемъ, ибо отчисляются такіе, которые свободнымъ употребленіемъ своихъ способностей менѣе другихъ приспособили себя къ званію духовному“.

„Съ такимъ разборомъ и правосудіемъ производимое отчисленіе излишнихъ людей въ военное званіе можетъ быть не безполезно военному званію, доставляя ему людей, безъ сомнѣнія болѣе способныхъ къ военному образованію, нежели рекруты изъ крестьянъ; и въ тоже время можетъ быть соединено съ нравственною пользою для званія духовнаго, освобождая его не только отъ излишнихъ, но и отъ менѣе способныхъ и надежныхъ, а чрезъ то побуждая остающихся въ духовномъ званіи усовершать себя по духу сего званія, дабы не подвергнуться исключенію изъ онаго“.

„Если изложенныя теперь соображенія признаны будутъ справедливыми, то дабы отчисленіе изъ духовнаго званія въ военное производимо было согласно съ правосудіемъ и по возможности облегчительнымъ образомъ, для сего представляются разсмотрѣнію слѣдующія предположенія:“

„I. До обученія въ духовныхъ училищахъ допустить всѣхъ дѣтей духовенства по желанію ихъ родителей, съ тѣмъ что достойнѣйшіе изъ нихъ по ученію и по поведенію употреблены будутъ въ духовной службѣ, а затѣмъ излишніе и вмѣстѣ менѣе способные и достойные обязаны будутъ избрать себѣ другое званіе или быть отчислены въ званіе военное“.

„II. Въ неопредѣленныя времена, по усмотрѣнію правительства, или въ опредѣленные сроки, напримѣръ чрезъ каждыя семь или десять лѣтъ, производить пересмотръ людей духовнаго званія для отчисленія излишнихъ въ военное“.

„III. Въ военное званіе отчисляются: 1) Ученики, исключенные и уволенные изъ семинаріи прежде окончанія богословскаго ученія, имѣющіе не менѣе 17 лѣтъ возраста“. „2) Ученики того же возраста, исключенные и уволенные изъ низшихъ духовныхъ училищъ и непоступившіе въ семинарію“. 3) „Дѣйствительные ученики семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ, которыхъ семинарское правленіе признаетъ неблагонадежными къ духовному званію“. „4) Безмѣстные дѣти священно- и церковно-служителей, звонарей и пономарей, неучившіеся въ училищахъ, имѣющіе не менѣе 17 лѣтъ возраста“. „5) Причетники въ теченіе трехъ лѣтъ причетнической службы, знаніемъ службы и поведеніемъ незаслужившіе посвященія въ стихарь. „6) Причетники, сторожа и звонари, два раза и болѣе осужденные въ проступкахъ противъ должности и благоповеденія“.

„IV. Впрочемъ, сынъ вдовы, слѣдующій къ отчисленію въ военное званіе, можетъ быть оставленъ въ духовномъ, если она не имѣетъ другаго сына при мѣстѣ и если онъ не совсѣмъ неблагонадеженъ къ духовной службѣ“.

„V. Причетникъ, слѣдующій къ отчисленію въ военное вѣдомство, также можетъ по особому разсмотрѣнію епархіальнаго архіерея быть оставленъ въ духовномъ, если имѣетъ мать-вдову, неимѣющую другаго сына при мѣстѣ, или если имѣетъ большое семейство и притомъ не совсѣмъ неблагонадеженъ для духовной службы“.

„VI. Вѣроятно, правительство найдетъ сообразнымъ съ справедливостью и милосердіемъ, чтобы отчисляемымъ изъ духовнаго званія въ военное съ одобреннымъ поведеніемъ, назначенъ былъ не очень долгій срокъ службы и хотя довольно продолжительный срокъ выслуги до офицерскихъ чиновъ; потому что (если позволено доброму намѣренію коснуться сужденіемъ чужаго дѣла) офицеры, достигшіе сего званія многолѣтнею службою и дѣятельными опытами боевой жизни, могутъ быть иногда полезны не менѣе, особенно же въ походѣ и сраженіи иногда и болѣе, нежели молодые офицеры, произведенные вслѣдствіе учебнаго образованія“ [*]).

15 Іюля 1853 г. [*]).

Н. Кедровъ.

[*]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, т. III-й, стр. 514.

ПИСЬМО Г. А. ПОТЕМКИНА КЪ ГРАФУ П. И. ПАНИНУ.

Милостивой государь графъ Петръ Ивановичъ.

Въ проѣздъ мой черезъ Москву слышалъ я отъ вашего сіятельства, что вы желали бъ охотно принять команду войскъ, отряженныхъ противъ бунтовщика и государственнаго злодѣя Пугачева. По смерти общаго нашего пріятеля Александра Ильича обстоятельства тамошнихъ дѣлъ, и съ успѣхами, столь худы сдѣлались, что уже однимъ оружіемъ кончить ненадежно, а нуженъ мужъ испытанный въ искуствѣ и ревности, могущій возстановить порядокъ, обратить каждаго къ своей должности и, словомъ, вложить душу въ разстроенный народъ. Сіи качества, соединенныя въ особѣ вашей, подали мнѣ поводъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ открыть Ея Величеству желаніе ваше, въ чемъ подтвердилъ предъ Ея Величествомъ и его сіятельство братецъ вашъ. Я благонадеженъ, что ваше сіятельство сей мой поступокъ вмѣните въ пріятную для себя услугу. Я же пустился на сіе еще болѣе тѣмъ, что мнѣ извѣстна безпредѣльная ваша вѣрность къ Монархинѣ. Г-нъ капитанъ гвардіи Лунинъ, съ которымъ посланы къ вамъ указы, желаетъ быть при васъ; будьте къ нему милостивы.

Если братъ мой ген.-маіоръ Потемкинъ освободится отъ порученныхъ ему комиссій, то покорно прошу взять его въ дежурные генералы; вы конечно будете имъ довольны.

Милостивой государь, естли я найдусь къ чему ни есть вамъ потребенъ, не щадите меня: я всякое ваше приказаніе съ охотою исполню. Не нарядилъ къ вамъ гвардіи офицеровъ, не зная, нужны ли. Ежели вы оныхъ желаете, то прошу лишь объявить. Я съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашего сіятельства, милостиваго государя, покорный слуга Г. Потемкинъ *).

Іюня 29-го (1774). Петергофъ.

P. S. Ея сіятельству милостивой государынѣ графинѣ Марьѣ Родіоновнѣ приношу мое почтеніе.

Письмо это, важность котораго безъ нашихъ поясненій очевидна для лицъ знакомыхъ съ тогдашними обстоятельствами, печатается съ подлинника, хранящагося въ семейномъ архивѣ правнучки графа П. И. Панина, княгини Марьи Александровны Мещерской. П. Б.

---

*) Конечно такого письма не написалъ бы графу Панину своякъ его графъ З. Г. Чернышовъ, предмѣстникъ Потемкина въ управленіи Военною Коллегіею. П. Б.

ИЗОБРАЖЕНІЕ РУССКОЙ ЧАСОВНИ ВЪ ТУРИНѢ *).

Письмо къ издателю:

Согласно желанію вашему, спѣшу сообщить вамъ подробное описаніе изображенія часовни надъ прахомъ княгини Бѣлосельской въ Туринѣ, а также и текстъ подписи.

Гравюра величиною—12 вершк. выш. и 6 съ полов вершк. шир. Подпись подъ ней слѣдующая: „Estampe du Mausolée de Barbe Princesse Béloselsky, née à Moscou le 27 Mars 1764, morte et remontée à son origine le 25 Nov. à 792 à Turin".—„Fait en marbre par Innzo Spinacci Sculpteur de S. A. R. le Grand-Duc de Toscane; érigé à Turin l'année 1795".—„Gravé à Turin par Valperga G-eur du Roi".—Гравюра изображаетъ разрѣзъ часовни съ куполомъ, опирающимся на 4 пилястра. На окружности основанія купола находится гербъ князей Бѣлосельскихъ. Внутри часовни, на 4-хъ угольномъ, высокомъ цоколѣ, помѣщены: справа 3 дѣтскія фигуры, съ скорбнымъ выраженіемъ лицъ, въ разныхъ позахъ, поддерживающія овальный медальонъ съ портретомъ княгини Бѣлосельской, въ профиль вправо. Слѣва отъ дѣтскихъ фигуръ помѣщается на томъ же цоколѣ стоячая женская фигура въ ростъ, простирающая лѣвую руку надъ медальономъ съ портретомъ, а правою рукой, держащею потиръ, поддерживающая опирающуюся на лѣвое колѣно ея раскрытую Библію. Лице этой фигуры покрыто флёромъ, и черты не вполнѣ ясно видны. Задрапирована она въ псевдоклассическомъ вкусѣ. На сторонѣ цоколя, обращенной къ зрителю, высѣчена надпись: „O sentiment! Sentiment! Douce vie de l'âme! Quel est le coeur que tu n'a jamais touché? Quel est l'infortuné mortel à qui tu n'as jamais donné le doux plaisir de répandre des larmes? Et quelle est peut-être l'âme impitoyable qui à l'aspect de ce monument, si simple et si pieux, ne se recueille avec mélancolie et ne pardonne généreusement aux défauts du malheureux époux qui l'a élevé!"

А. Станкевичъ.

Замѣтка.

Читая въ 5-мъ выпускѣ „Р. Архива" сего года. „Путешествіе стольника П. А. Толстаго" на стр. 57, замѣтилъ я недоумѣніе ваше о значеніи слова „*сапецъ*". Какъ морякъ, я нахожу возможность объяснить, что упомянутый морской (старинный) терминъ обозначаетъ *холодное абордажное оружіе*, напр. сабли, а главное—топоръ. (Французск. гласомъ „saper" подсѣкать). На стр. же 59-й, „*караякъ*", если не ошибусь прочтено невѣрно; это—*коралль*.

Н. Акатьевъ.

---

*) См. „Р. Архивъ" сего года", I, 211. Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ любезно сообщилъ намъ и снимокъ съ самой гравюры. П. Б.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1839-й годъ *).

(Командованіе на Кавказской линіи и въ Черноморіи).

1-го Мая прибылъ я къ отряду въ кр. Внезапную, изъ Кизляра, чрезъ Могаммедовъ мостъ, Кази-Юртъ и Костекъ (оба на Сулакѣ).

Отрядъ состоитъ изъ

2-хъ	баталіоновъ	Кабардинскаго	егерскихъ	див. начальникъ
4-хъ	„	Куринскаго	полковъ	г.-м. Голофѣевъ.

Артилеріи:

Единороговъ $^1/_4$ пудовыхъ 4
Пушекъ 6-ти фунтовыхъ .. 4
Горныхъ единороговъ..... 4, ожидаются 6-го. Рота саперовъ.
300 лин. казаковъ конныхъ Моздокскаго и Гребенскаго полковъ.
200 пѣшихъ изъ тѣхъ же полковъ.
650 чел. конной милиціи.

---

*) См. 5-й выпускъ „Русскаго Архива" сего года. Съ 1835 года въ „Дневникѣ" графа П. Х. Граббе большой перерывъ. Онъ пополняется отчасти нѣсколькими страницами о поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1834 году и о Вознесенскихъ маневрахъ 1837 года, напечатанными въ „Р. Архивѣ" 1873 года (стр. 781 и слѣд.). Изъ послужнаго его списка видно, что въ 1835 году, будучи начальникомъ драгунской дивизіи, онъ былъ уволенъ для излеченія болѣзней къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ на одинъ годъ, 18-го Апрѣля 1837 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 10 Апрѣля 1838 года назначенъ командовать войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи. *П. Б.*

Со стороны Темиръ Ханъ-Шуры въ моемъ распоряженіи 4 баталіона Апшеронскаго полка. Г.-м. Пантелѣевъ и 6 орудій. Шамхалъ Тарковскій и Ахметъ Мехтулинскій правитель Аваріи.

2-го дождь и туманъ. Войска расположены лагеремъ въ полутора верстахъ отъ аула Андреева, на удобномъ мѣстѣ, при водѣ и лѣсѣ. Занялся устройствомъ моего штаба, окончательными и побудительными мѣрами по продовольствію, отысканіемъ лазутчиковъ и пріемомъ разныхъ здѣшнихъ князей.

3-го. Сѣрый, но безъ дождя день. Смотръ войскамъ и лагерю. Все бодро и надежно. Гошпиталь въ крѣпости въ порядкѣ. Дѣло по заготовленію продовольственныхъ запасовъ для дѣйствующаго отряда производится не съ должною дѣятельностью и вниманіемъ.

5-го. Поѣздка въ лагерь два раза. Прекрасная природа этого края, достойная живописи и изученія. Воспоминаніе происшествій въ этихъ мѣстахъ во времена Кази-Муллы, коего Шамиль теперь преемникъ.

6-го. Прекрасный день. Два выѣзда по окрестности съ цѣлію осмотрѣть свойства здѣшнихъ лѣсистыхъ мѣстоположеній. Эти лѣса непроницаемы. Такіе ожидаютъ насъ въ мѣстахъ, куда я намѣренъ идти. Посмотримъ, что̀ могутъ сдѣлать быстрота и нечаянность при навыкѣ войскъ. Горные единороги прибыли. Получено извѣстіе о проѣздѣ г.-л. Головина чрезъ Грозную. Шамиль, противникъ нашъ, по полученному извѣстію, лѣсистыми высотами подходилъ съ тремя человѣками къ нашему лагерю и высматривалъ его. Въ ночи со 2-го на 3-е сподвижникъ его Ташавъ-хаджи напалъ на Герзели-аулъ, порубилъ заготовленный нами лѣсъ для предполагаемой тамъ къ постройкѣ крѣпости, увелъ два семейства и скрылся. Поставленный тамъ постъ не исполнилъ своего дѣла. Изслѣдовать.

7-го. Осмотръ на лѣвомъ берегу Акташа старинныхъ двухъ крѣпостей. Подробности блокады одной изъ нихъ, нагорной, Кази-Муллою, который отрѣзалъ гарнизону воду. Восхитительный съ горы видъ на новую крѣпость, долину Акташа, нашъ лагерь, аулъ Андреевскій, на ближнія и дальнія горы. Пріемъ Андійскихъ депутатовъ и изгнанниковъ. Въ 6-мъ часу, послѣ обѣда, прогулка верхомъ безъ дороги, кустарникомъ по горамъ. Колючій кустарникъ, названный нашими „Держи-дерево“. Любопытные перекаты въ горахъ и по долинѣ послѣ выстрѣла. Пріѣздъ Шамхала Тарковскаго.

8-го. Пріемъ Шамхала. Пріѣздъ г.-л. Головина.

9-го. Молебенъ и парадъ войскамъ. Выступленіе. Ночной походъ до Герзели-аула. Приказъ войскамъ.

10-го. Передовой отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Кабардинскаго полка, при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Лабинцова, взялъ приступомъ укрѣпленіе и башню Ташава-хаджи, который бѣжалъ. Все сравнено съ землей. Взяты знамя, лафетъ, разное оружіе. Въ семь часовъ вечера общее наступленіе на высокія и лѣсистыя горы, безъ остановки. Все опрокинуто. Примѣчательный переходъ чрезъ дремучіе лѣса и стремнины. Вышли на Яманъ-су и аулъ абрековъ Баланъ-су, преданный опустошенію. Здѣсь еще никогда не бывали Русскіе.

11-го. Лагерь на горахъ необыкновенно-живописный. Изобиліе во всемъ. Въ часъ пополудни выступилъ тремя колоннами, главная по долинѣ и руслу Яманъ-су до Реванкаша, верстъ семь; восемь ауловъ сожжено. Лагерь открытый, крѣпкій и удобный.

12 го. Два баталіона Кабардинскаго и двѣ роты Куринскаго полка, весь отрядъ подъ начальствомъ полк. Лабинцова, съ двумя горными единорогами и съ милиціею, отправлены противъ Сеясана. Нашли укрѣпленіе и башню, съ нѣкоторымъ искусствомъ построенную, съ бойницами и съ труднымъ доступомъ. Взята штыками и, также какъ Сеясанъ, предана огню. Между тѣмъ горцы собрались въ большомъ числѣ, и Ташавъ-хаджи самъ начальствовалъ ими съ мюридами. На возвратномъ пути они кинулись на арьергардъ и преслѣдовали почти до самаго лагеря, всегда отражаемые. Начальникъ милиціи маіоръ Мезенцовъ раненъ и еще четыре офицера. Убито рядовыхъ 5, ранено 30. Кромѣ того, ранены князь Кабардинскій и три узденя.

13-го. Отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Куринскаго полка съ двумя орудіями ходилъ въ аулъ Беллетли, который преданъ огню. Опытъ указываетъ, что нужно при здѣшнихъ войскахъ гораздо болѣе горныхъ единороговъ 10-ти линейнаго калибра и саперный баталіонъ для совершеннаго преодолѣнія всѣхъ трудностей.

14-го. Отрядъ выступилъ на разсвѣтѣ въ возвратный путь тремя колоннами, сперва по той же дорогѣ, потомъ по новой, средняя колонна по ущелью Яманъ-су. Сломавшіяся у горнаго

единорога ось и артилерiйская кузница подали поводъ къ дѣлу въ арьергардѣ главной колонны, которая настижена была горцами. Завязался довольно жаркiй бой, не разъ холоднымъ оружiемъ; но порядокъ не нарушался. Горцы, вездѣ отраженные, отстали. Переходя чрезъ перевалъ отъ Яманъ-су къ Ярыкъ-су, нѣсколько абрековъ, изъ мирнаго аула Ярыкъ-су, сблизи выстрѣлили по мнѣ и по свитѣ. Пущенная на поискъ милицiя поймала шесть человѣкъ. Предательство могло повлечь за собою истребленiе всѣхъ жителей и аула; нуженъ былъ примѣръ. Пятеро прогнаны сквозь строй чрезъ тысячу два раза; шестой, по просьбѣ жителей, прощенъ. Лагерь при Ярыкъ-сѣ-аулѣ. Прекрасное мѣсто и большой аулъ.

15-го. Возвращенiе во Внезапную. Всего убито 26 нижнихъ чиновъ, ранено 2 шт.-офицера, 10 об.-офицеровъ и 103 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, человѣкъ 20 получило контузiи. Всѣ удобно помѣщены въ приготовленныхъ палаткахъ. Письма отъ жены. Прiѣздъ семейства въ Пятигорскъ. Приказъ войскамъ.

17-го. Внезапная. Продолжается навалка провiанта на арбы. Донесенiе г.-м. Пантелѣева вслѣдствiе данныхъ ему г.-л. Головинымъ въ смыслѣ моихъ идей предписанiя. Разборъ дурныхъ распоряженiй при атакѣ Ирганая. Извѣстiя изъ горъ. Большая прогулка. Посѣщенiе раненыхъ. Раненые офицеры не хотятъ оставаться и просятся въ строй. Мой благодарительный отказъ. Высокiя и густыя травы, совершенно готовыя къ сѣнокосу, capri-folio цѣлыми кустарниками въ лѣсахъ. Воззванiе Салатовцамъ съ приглашенiемъ оставаться мирно въ своихъ домахъ при слѣдованiи войскъ чрезъ ихъ земли отправлено съ Андреевскими князьями.

20-го. Измѣнилъ планъ дѣйствiй, сблизивъ болѣе къ истиннымъ правиламъ войны, повелѣвающимъ избѣгать отдаленныхъ диверсiй и стараться на одной главной точкѣ нанести сильный и рѣшительный ударъ. Все прочее второстепенно и подчиняется этимъ главнымъ началамъ. Прохладный день Прiятная прогулка. Вревскiй отправленъ къ Пантелѣеву. Посѣщенiе раненыхъ. Надежда успѣха съ Божiею помощью.

21-го. Выступленiе къ Хубару въ горы. Проливной дождь. Очень трудная дорога. Прiятный привалъ и завтракъ въ палаткѣ. Дождь перестал на привалѣ. Прекрасный и удобный

лагерь въ виду хребта Дюсъ-Тау, между ауловъ Кастали и Инха, въ 10-ти верстахъ отъ Мятлинской переправы. Ночью партія горцевъ, уже ожидаемая, подкралась къ пикету въ тылу лагеря и завязала перестрѣлку, въ которой убитъ рядовой, ранены унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ тяжело. 15 верстъ.

22-го. Дневка. Прекрасный день. Письмо отъ жены. Донесеніе отъ г.-м. Пантелѣева, что Шамиль, по полученіи извѣстія о пораженіи Ташава, оставилъ Гимры и весь правый берегъ Андійскаго Койсу, чтобы, усилившись всѣмъ, что̀ могъ собрать, идти противъ меня. Это и было нужно. Салатовская земля вся въ волненіи, завтра хотятъ насъ встрѣтить. Посмотримъ. Въ 6 часовъ вечера прибыли два баталіона Апшеронскаго полка съ двумя орудіями. Донесеніе г-лу Головину. Письмо къ женѣ. Засада на вершинѣ горы на случай ночнаго нападенія. Ни одного выстрѣла цѣлую ночь.

23-го Мая. Въ 6 часовъ утра отрядъ выступилъ. Подъемъ шесть верстъ на вершину Дюсъ-Тау. Небольшая перестрѣлка, двое ранены. Абреки бѣгутъ передъ отрядомъ въ виду. Живописный привалъ въ горахъ. Дорога кромѣ крутизны вообще хороша. Лагерь при селеніи Хубарѣ на самой вершинѣ. Сакли каменныя выше и лучше Ичкеринскихъ. Деревянные заборы. Селеніе пощажено. Для охраненія поставленъ караулъ. Часовые на плоскихъ крышахъ. Бѣжавшіе жители возвращаются. Послѣ обильнаго подножнаго корма здѣсь уже начался скудный; только по оврагамъ можно съ нуждой косить. Вода въ родникахъ превосходная. Лагерь съ пѣснями отдыхаетъ отъ труднаго перехода. Безконечный видъ на равнины Тарковскія и Кумыкскія до Каспійскаго моря, сливающагося съ горизонтомъ. Прохладный день. Музыка Апшеронскаго полка оживила лагерь.

24-го. Отрядъ выступилъ въ Гертмели; но, не доходя Бортуная, который долженъ былъ остаться въ сторонѣ и по недоступности своей не тронутъ, не смотря на непокорность свою, показались пикеты Шамиля и вскорѣ потомъ на высотахъ скопище тысячи въ четыре, подъ личнымъ начальствомъ этого возмутителя. Перешедши не останавливаясь изъ походнаго въ боевой порядокъ, я пошелъ на него. Бортунайскій бой, продолжавшійся часа три по чрезвычайнымъ трудностямъ мѣстъ, до того неприступными почитавшихся, кончился совершеннымъ по-

раженіемъ горцевъ. Они даже дурно стрѣляли въ этотъ день. Нашъ уронъ не превышаетъ 45 чел. изъ строя. Аулъ Бортунай, прекрасно обстроенный, большой какъ городокъ, преданъ солдату и огню. Я ночевалъ въ каменной саклѣ. Проливной дождь.

25-го. Походъ до подъема на Соукъ-Булакъ. Обозъ пошелъ другой дорогой. Дождь. Провалъ Теренгулъ раздѣлялъ обѣ колонны.

26-го. Подъемъ на вершины Соукъ-Булака. Новое скопище на противуположной горѣ. Градъ и снѣгъ.

27-го. Къ вечеру подошла колонна г.-м. Пантелѣева съ вагенбургомъ. Исправивъ спускъ взрывами, порохомъ и разработкой, отрядъ спустился на прекрасную, зеленую плоскость. Видъ необыкновенной красоты. Артилерію и повозки на рукахъ. Крики и пѣсни горцевъ. Депутація отъ Черкея. Артлугъ-аулъ въ шести верстахъ разбирается на дрова. Травы почти еще нѣтъ.

28 го. Лагерь въ урочищѣ Хира-Кирки. Для облегченія дальнѣйшаго движенія въ край и по дорогамъ неизвѣстнымъ приказалъ построить на весьма выгодномъ мѣстѣ укрѣпленіе, назвавъ его *Удачное*. Вооружилъ его пятью легкими орудіями и баталіономъ Апшеронскаго полка подъ начальствомъ маіора Тарасевича. Раненые и весь тяжелый вагенбургъ свезены и поставлены внутри его. Уздени Кабардинской мициліи прислали ко мнѣ съ жалобой на содержаніе свое, на что я приказалъ имъ объявить, что они мнѣ ненужны и могутъ оставить мой лагерь. Униженные, просили не отсылать ихъ, а содержать какъ простыхъ казаковъ и рядовыхъ.—Сборище горцевъ на противоположныхъ горахъ, у подошвы коихъ лежитъ наша дорога, усилилось. Ночью капитанъ Кабардинскаго полка Балашъ убитъ своими пулями при неосторожномъ осмотрѣ постовъ.

29-го. Выступилъ въ полдень. Горцы стали спускаться, но удачнымъ дѣйствіемъ артилеріи изъ крѣпости прогнаны и разсѣяны. Ужасная дорога. Страшная гроза остановила движеніе. Поздно уже пришли на позицію при Данухѣ, разобранномъ на дрова и сожженномъ. 3 артилерійскихъ ящика, нѣсколько повозокъ и лошадей обрушились въ пропасть.

30-го. Походъ къ Аргуани. Прошедши съ величайшимъ трудомъ и работой версты три, открылся этотъ огромный аулъ на неприступной каменистой горѣ, преграждавшей намъ совершен-

но дорогу. Градъ пуль и невозможность слѣдовать далѣе заставили остановиться. Въ тоже мгновеніе тысячи горцевъ покрыли горы и заняли дорогу позади насъ. Мы были окружены превосходными силами и остановлены крѣпостью, которая со всѣхъ сторонъ объявлена неприступною, послѣ рекогносцировки, стоившей генерала, который раненъ (Пантелѣевъ), нѣсколько офицеровъ и болѣе ста человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Положеніе наше внезапно стало критическимъ. Ночью сдѣлана диспозиція для приступа къ двумъ точкамъ и по направленію, гдѣ успѣхъ казался менѣе невѣроятнымъ. Въ восемь часовъ утра я подалъ сигналъ къ штурму, выставивъ бѣлый флагъ. Шамиль, главные его мюриды и нѣсколько тысячъ засѣвшихъ на смерть защищали крѣпость. Исполинскій бой. Совершенный успѣхъ. Всё кончилось только къ разсвѣту слѣдующаго дня. Шамиль ушелъ, какъ говорятъ, раненый. Всѣ горцы, насъ окружавшіе, разсыпались и прислали ко мнѣ за приказаніемъ. Донесеніе военному министру. Прекрасный планъ и рисунокъ этой необыкновенной позиціи. Долго будутъ помнить въ горахъ этотъ громовой ударъ. Сотни тѣлъ остались въ нашихъ рукахъ, кромѣ увезенныхъ по ихъ обычаю. Человѣкъ 25 взято въ плѣнъ. Булава Шамиля и два значка съ надписями изъ Корана взяты. Нашъ уронъ великъ: убиты одинъ штабъ-офицеръ и пять оберъ-офицеровъ, унтеръ-офицеровъ 21, рядовыхъ 113; ранены генералъ, 2 штабъ-офицера, 21 оберъ-офицеръ, 57 человѣкъ унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ, 418 рядовыхъ. Смерть молодаго барона Гейсмара, сына извѣстнаго генерала, очевидно ее искавшаго. На этотъ штурмъ, получивъ донесеніе полковника Лабинцова о невозможности приступа къ аулу каменному и сильно занятому, особливо безъ артилеріи, которой не было возможности пройти, послано къ нему повелѣніе: „Послѣднія силы, послѣдняго человѣка. Начинай!“ Для атаки каменныхъ сакель отправлены были гранаты; солдаты зажегши трубки, бросали ихъ чрезъ трубы во внутренность сакель, въ которыхъ заперлись горцы. Сообщеніе между саклями и чрезвычайно трудная мѣстность дали многимъ возможность уйти.

1-го Іюня. Отправилъ два баталіона съ двумя горными единорогами и линейными казаками подъ начальствомъ подполковника Циклаурова отвезти раненыхъ въ Удачную и доставить

мнѣ оттуда на четыре дня провіанта. Ужасная погода. Пожаръ и уничтоженіе Аргуани.

2-го. Безпрерывный дождь. Огромные костры огня. Страшный вихрь, срывавшій палатки.

3-го. Возвращеніе отряда Циклаурова безъ выстрѣла. Дождь продолжался, и снѣгъ покрылъ ближайшія горы. Отдалилъ войска отъ мѣста побоища, страшась заразы отъ труповъ. Ужасный вихрь ночью, заставившій погасить около артилеріи огни изъ опасенія взрывовъ. Письмо отъ Головина. Онъ выступилъ изъ Хазры на Ахту 28-го Мая.

4-го. Выступилъ и дошелъ, пройдя верстъ двѣнадцать, до горы, съ которой открылись въ глубокомъ ущельи Андійскаго Койсу Чиркатъ, Ахульго, Ашильты, Ихале. Безподобный видъ. Разработка саперами и порохомъ страшнаго спуска.

5-го. Отправилъ полковника Лабинцова съ двумя Кабардинскими баталіонами и двумя горными единорогами занять Чиркатъ, въ которомъ не замѣтно было приготовленій къ оборонѣ. Трудность состояла въ томъ, чтобы пройти по каменистой тропинкѣ, по которой верхомъ проѣхать было невозможно. Все преодолѣно, орудія разобранныя перенесены людьми, и Чиркатъ взятъ послѣ незначительной перестрѣлки, въ которой у насъ раненъ одинъ офицеръ. Я сошелъ съ четырьмя баталіонами на второй уступъ горы по страшной кручѣ, одинъ баталіонъ послалъ въ подкрѣпленіе Лабинцову, Власова съ линейными казаками также. Одинъ баталіонъ со всею полевою артилеріею остался въ аріергардѣ на горѣ. Послалъ Толстаго въ Чиркей и Темиръ-Ханъ-Шуру для доставленія мнѣ провіанта на вьюкахъ чрезъ Чиркей, развѣданія, что̀ сдѣлалось съ моимъ транспортомъ въ Зыранахъ съ полковникомъ Поповымъ, баталіономъ его полка, Ахметъ-ханомъ Мехтулинскимъ и Шамхаломъ Тарковскимъ, и для побужденія всѣхъ ихъ содѣйствовать послѣднему удару.—Ахульго, замокъ и пещера Шамиля, слыветъ совершенно недоступнымъ ни съ какой стороны и, кажется, дѣйствительно таковъ. Гарнизонъ весь въ виду и многочисленъ. Еще не знаю, къ чему приступлю. Быть можетъ, съ Божіею помощью, одолѣемъ и эту необыкновенную твердыню. Мостъ на Койсу горцами сожженъ, дороги на томъ берегу вовсе нѣтъ на ужасную крутизну, на вершинѣ которой лежитъ Ашильта̀. Отъ нея была продѣлана

г-омъ Фези дорога до Москона. Толстой возвратился послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ пробраться кратчайшими путями въ Чиркей. Положеніе мое затрудняется. Поповъ въ движеніи своемъ съ однимъ баталіономъ и транспортомъ на Ашильту можетъ попасть въ трудное и даже опасное положеніе, безъ сообщенія чрезъ Койсу со мною. Что̀ покажетъ завтрашній день. Прекрасная погода благопріятствуетъ разработать горы. Взятіемъ Чирката кампанія не кончится.

6-го. Продолжалась разработка спуска къ Чиркату. Выбрано мѣсто для наводки моста. Толстой нашелъ наконецъ проводниковъ въ Чиркей. Послѣ зари, къ общей радости всего лагеря, на самой высокой вершинѣ горы Арактау увидѣли двѣ пущенныя ракеты, отвѣчали имъ тѣмъ же и залпомъ изъ орудій. Итакъ всѣ мѣры оказались точны, и транспортъ подойдетъ во̀-время Прекрасное время. Горькая вода на всѣхъ подѣйствовала.

7-го. Отрядъ перешелъ въ Чиркатъ по разработанному, но чрезвычайно крутому спуску, такъ что въ два часа времени мы прошли отъ облакъ и сосны до персиковъ, абрикосовъ, Волошскаго орѣшника и винограда. Аріергардъ оставленъ на горѣ. Весьма трудная постройка моста на чрезвычайно быстрой Андійской Койсу. Удастся ли? Чиркатъ по крѣпкому своему положенію могъ защищаться какъ Аргуани. Я безъ бою съ трудомъ доѣхалъ до своей сакли, состоящей изъ просторной комнаты съ галереей. Шелковичный червь и тутовое дерево во множествѣ.

8-го Іюня. Продолжается съ величайшимъ трудомъ постройка моста. Пять сажень отъ лѣваго берега уже готовы. Канатъ изъ виноградныхъ лозъ перекинутъ на правый берегъ и укрѣпленъ къ большому камню. Быстрота рѣки такова, что камень, брошенный въ воду, нѣсколько секундъ не тонетъ, а увлекается по поверхности быстриною. Донесенія отъ Ахметъ-хана и Шамхала. Первый показался вчера на высотахъ: транспорта съ баталіономъ при немъ нѣтъ. Онъ потянулся къ Ихале. Второй около полудня явился также на высотахъ по дорогѣ отъ Унцукуля, также ничего не предпринимая. Флигель-адъютантъ полковникъ Катенинъ отправленъ съ двумя батальонами при двухъ орудіяхъ для овладѣнія мостомъ Сагритлохскимъ, для содѣйствія и побужденія обоихъ къ бо̀льшей предпріимчивости. Всѣ вмѣстѣ должны идти и взять Ашильту, куда направленъ и транспортъ.

Полковникъ Катенинъ донесъ, что мостомъ онъ овладѣлъ и исправитъ его. Это счастливое событіе на всякій случай, хотя дорогу онъ описываетъ едва проходимою. Одинъ Бабуковскій Татаринъ оборвался въ воду и утонулъ, лошадь выплыла. Завтра многое можетъ объясниться. Шамиль ожидаетъ помощи отъ Богулальцевъ, къ которымъ отправилъ Сурхая. Появленіе ихъ въ 1837-мъ году у Ашильты противъ г. л. Фези привело его въ отчаянное положеніе, изъ котораго онъ вышелъ съ огромною потерею и оставилъ часть своего лагеря. Въ первый разъ видѣлъ скорпіона.

9-го. Положеніе наше проясняется. Полковникъ Катенинъ послѣ труднаго перехода занялъ Ашильту; Ахметъ-ханъ съ нимъ соединился. Мы владѣемъ обоими берегами Андійскаго Койсу. Войска начинаютъ терпѣть недостатокъ въ провіантѣ. Апшеронскій полкъ нуждается даже въ соли, отъ нераспорядительности своего полковаго командира. Продовольствіе было на людяхъ до 14-го съ нѣкоторой натяжкой, но проливные дожди испортили много сухарей въ мѣшкахъ, и кромѣ того были дни, въ которые люди каши не варили, а ѣли хлѣбъ съ водой и потому болѣе обыкновеннаго. Мы окружены въ близкомъ разстояніи большими запасами, но сообщенія трудны. Надѣюсь, что завтра на вьюкахъ будетъ провіантъ доставленъ. Журналъ военному министру и письмо къ женѣ отправлены. Мостъ развѣ завтра къ вечеру будетъ готовъ и то не навѣрное. Работа производится съ обоихъ береговъ.

10-го. Донесенія отъ полк. Катенина, Шамхала, Ахметъ-хана и Попова. Провіантъ еще не доставленъ, по нераспорядительности послѣдняго. Мостъ не готовъ, но есть надежда успѣха. Завтра къ полудню обѣщаютъ. Лошади начинаютъ доходить до крайняго изнуренія отъ недостатка корма. Нѣсколько уже пало. Въ 9 часовъ утра рекогносцировка по лѣвому берегу къ Ахульго. Горные единороги обстрѣливали совершенно плоскость, на которой построенъ аулъ. По всему видно, что съ этой стороны насъ не ожидали и что всѣ средства обороны обращены противъ покушенія отъ Ашильты. Журналъ генералу Головину. Прекрасная погода къ счастію продолжается.

11-го. Мостъ готовъ. Провіантъ на вьюкахъ пришелъ. Подполковникъ Норденштамъ пріѣхалъ. Донесеніе отъ полк. Попова,

что транспортъ съ провіантомъ и снарядами въ Ашильту идетъ. Въ Хунзахъ первый транспортъ прошелъ. Изъ Чиркея еще нѣтъ. Донесенія Толстаго, полк. Катенина. Распоряженія о приготовленіи гошпиталя въ Шемиръ-Ханъ-Шурѣ, о безостановочномъ доставленіи провіанта и снарядовъ оттуда въ Зырани и къ отряду. Туда изъ Внезапной. Веселіе въ лагерѣ при пріемѣ провіанта. Доходило до послѣдняго сухаря.

12-го. Съ утра переправа войскъ въ Ашильту. Дождался ея окончанія у моста, гдѣ и обѣдалъ. Осмотръ позиціи при Ахульго. Немедленный приступъ къ стѣсненію непріятеля. Ужасный подъемъ изъ Чирката. Прекраснѣйшая погода. Удивительная лунная ночь. Свиданіе съ Ахметъ-ханомъ.

13-го. Окончены движенія войскъ для совершеннаго обложенія укрѣпленной позиціи непріятеля. Неудачное покушеніе занять ст. Ахульго. Транспортъ съ продовольствіемъ и снарядами при бат. Апшеронскаго полка съ двумя горными единорогами прибылъ. Свиданіе съ Шамхаломъ. Прекраснѣйшая погода продолжается, всему способствующая.

14-го. Отрядъ съ лѣваго берега Койсу переведенъ на правый и вò-время, потому что вода отъ таянія снѣговъ прибыла и стала подмывать пристани нашего смѣлаго и непрочнаго моста. Хорошія вѣсти во весь день. Рѣшилъ точки, на которыя вести атаки подъ руководствомъ саперныхъ офицеровъ. Свиданіе съ Ахметъ-ханомъ. Кадій Araканскій. Вечерняя тревога. Прекрасное время.

15-го. Ночью дождь. Прохладный день. Отправилъ Толстаго въ Темиръ-Ханъ-Шуру для надзора и побужденія по распоряженіямъ относительно продовольствія, пріема раненыхъ въ гошпиталь, отправленія артилеріи и снарядовъ. Разработка дорогъ продолжается. Мѣры обложенія совершенствуются. Рѣшаюсь на правильную осаду. Извѣстія изъ горъ тому благопріятствуютъ. Новыя скопища не смѣютъ собираться. Ночью закладывается батарея для двухъ полевыхъ орудій, дѣйствіе которой должно способствовать переходу чрезъ глубокій оврагъ для овладѣнія старымъ Ахульго.

16-го. Полевыми орудіями сбита до основанія восточная башня и часть завала на новомъ Ахульго. Рекогносцировка всего блокаднаго расположенія войскъ и окружности верстъ на пят-

надцать. Открытіе и утвержденіе для разработки тропы, гораздо лучше оставшейся дороги отъ похода генерала Фези. Выгодное во всѣхъ отношеніяхъ расположеніе войскъ въ настоящей позиціи. Убѣжденіе въ хорошемъ выборѣ мѣста для атаки укрѣпленной позиціи непріятеля.

17-го. Продолженіе работъ для подхода къ станицѣ Ахульго. недостатокъ снарядовъ. Противорѣчащія вѣсти о скопищахъ въ верхнихъ обществахъ и о числѣ непріятеля въ Ахульго. Письмо отъ Толстаго. Ахметъ-ханъ отправленъ для наблюденія за верхними обществами. У г. л. Головина все окончено, и адъютантъ съ донесеніемъ о томъ проѣхалъ въ Петербургъ. Знойные дни наступили. Въ 10-мъ часу вечера нѣсколько пуль на площадку, которую занимаю, и одна въ кибитку.

18-го. Заботливый день. Жаркое время. Порывы нетерпѣнія. Неизвѣстность о вагенбургѣ. Отправилъ Булгакова съ побудительными предписаніями о подъемѣ его и доставкѣ во Внезапную. Пріѣздъ подполковника Муравьева съ двумя письмами отъ г. л. Головина, исполненными признательности.

19-го. До развѣта опытъ спуска лѣстницъ въ каменный оврагъ для овладѣнія ст. Ахульго. Неудачная попытка. Лѣстницы оказались коротки. Уронъ незначительный, но вторично жестоко раненъ неустрашимый Шульцъ, офицеръ Генеральнаго Штаба, соскочившій самъ-четвертъ съ кручи въ оврагъ съ открытою еще раною въ ногѣ. Въ тоже время тысячи двѣ горцевъ изъ верхнихъ обществъ, просмотрѣнные Ахметъ-ханомъ, быстро и съ крикомъ напали на отрядъ съ тылу. Готовый резервъ еще быстрѣе ихъ опрокинулъ, захвативъ нѣсколько тѣлъ и одного плѣннаго. Все вмѣстѣ представляло живую и занимательную картину. Приказъ по отряду. Отправленіе молодаго Головина къ его отцу съ отвѣтомъ на его письма. Прошу подкрѣпленія, чтобы упрочить пріобрѣтенныя выгоды. Осмотръ передъ вечеромъ саперныхъ работъ противъ ст. Ахульго. Недоволенъ ими и вообще духомъ командованія на этой точкѣ. Изъявилъ это особымъ предписаніемъ г. м. Голофѣеву.

20-го. Сильный зной. Дополнительныя мѣры противъ нападеній подобныхъ вчерашнему. Приготовленіе мѣстъ для новыхъ батарей. Приказъ отряду по случаю отъѣзда фл.-адъютанта полковника Катенина. Гроза съ проливнымъ дождемъ ввечеру.

21-го. Свѣдѣніе, что отраженные горцы остановились у Сагритлохскаго моста и усиливаются. Распоряженія по этому поводу.

22-го. До свѣта выступилъ съ отрядомъ изъ 4-хъ баталіоновъ, 4-хъ горныхъ единороговъ, съ полусотней конныхъ линейныхъ казаковъ и столько же сводной милиціи къ Сагритлохскому мосту, около 9-ти часовъ утра поспѣлъ туда и нашелъ до трехъ тысячъ горцевъ, тѣснившихъ и обошедшихъ Ахметъ-хана. Увидѣвъ насъ, они его оставили и въ балкѣ заняли позицію противъ насъ. Я приказалъ двумъ Кабардинскимъ баталіонамъ выкинуть ихъ оттуда. Бѣглымъ шагомъ бросились они на горцевъ впередъ и въ обходъ. Все дрогнуло, паническій страхъ погналъ ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія, не отстрѣливаясь. Нѣсколько тѣлъ осталось. У насъ ни одного раненаго. Между тѣмъ транспортъ, на который они покушались, прошелъ, а вагенбургъ изъ Удачной въ глазахъ нашихъ выступилъ. Нельзя было сдѣлать болѣе кстати движенія. Ахметъ-ханъ имѣлъ убитаго и нѣсколько раненыхъ.

23-го. Переночевавъ и отобѣдавъ на мѣстѣ, возвратился съ отрядомь въ Ашильту. Въ ночь на это число горцы сдѣлали изъ Ахульго вылазку и съ потерей были отражены. Получены снаряды и 4 кегорновы мортирки. Письма все пріятныя. Наконецъ, довольно покойная ночь.

24-го. Благородный приказъ генерала Головина отряду.

25-го. Множество писемъ и бумагъ. Изъ нихъ видно, что донесеніе объ Аргуанскомъ штурмѣ пропало. Это неудача. Дважды разбитое сборище разсѣялось. Ночью человѣкъ сорокъ горцевъ пытались изъ верхней башни спуститься къ водѣ, но обращены съ потерей нѣсколькихъ тѣлъ.

27-го. Жестокій зной. Прибыли еще два полевыя орудія. Письмо отъ генерала Головина Напрасныя опасенія на счетъ вагенбурга и моего положенія. Три баталіона фельдмаршала полка съ 4-мя орудіями отправлены ко мнѣ въ подкрѣпленіе. Они должны прибыть чрезъ двѣ недѣли. Шамиль дѣлаетъ первую попытку вступить въ переговоры чрезъ Чиркеевцевъ. Оставленъ безъ отвѣта. Письмо къ барону Гейсмару съ извѣщеніемъ о смерти сына.

28-го. Донесеніе, что вагенбургъ прошелъ благополучно во Внезапную, а баталіонъ съ пятью полевыми орудіями на Мятлинскую переправу. Чиркей трепещетъ и оправдывается. Подтвержденіе о всеобщемъ разсѣяніи и страхѣ горцевъ. Плѣнный изъ башни. Прибытіе транспорта съ снарядами. Письма ген. Головину, Толстому, женѣ. Распоряженія къ приступу къ башнѣ завтра въ пять часовъ утра. Что̀ Богъ дастъ!

29-го Іюня. Приступъ въ продолженіи цѣлаго дня къ башнѣ Сурхая на высокой скалѣ. Не удался. Слишкомъ много потребовалъ отъ войскъ. Первая неудача. Смерть Власова. Значительная потеря, у горцевъ также.

30-го. Успокоеніе. Прежніе успѣхи такъ рѣшительны, что вчерашнее происшествіе нимало не измѣняетъ положенія дѣлъ. Прекрасное оффиціальное письмо г. л. Головина съ препровожденіемъ его приказа отряду подъ моимъ начальствомъ.

1-го Іюля. Неудачная попытка горцевъ спуститься ночью изъ Сурхаевой башни за водой. Одинъ убитъ, пятеро ушли въ Новое Ахульго. Кувшины и бурдюки взяты. Али-беку, послѣднему притязателю на владѣніе Аваріею, оторвало руку. Полномочіе судить и наказывать смертью, съ Божіею помощью, не употреблю во зло.

2-го. Два солдата измѣннически убиты подъ Гимрами. Отправилъ туда старшиной Улу-бея, смѣнивъ назначеннаго Шамхаломъ. По извѣстіямъ устроенъ у непріятеля мостъ или кладка чрезъ Анд. Койсу при Новомъ Ахульго. Гумбетовцы обѣщали усилить гарнизонъ 300-ми человѣкъ.

3-го. Какъ жаль, что не стало Бестужева, нашего поэта Кавказа! Въ нынѣшнюю экспедицію онъ увидѣлъ бы новыя картины и новые бои, достойные его кисти. Истинный поэтъ-рѣдкій посланникъ Неба, одинъ въ столѣтія и между милліонами живыхъ и отжившихъ. Тысячи стоятъ въ изумленіи передъ чудною картиною природы; тысячи воспламененныя военною честію совершаютъ подвигъ, достойный жить въ памяти людей, и впечатлѣнія ихъ и подвигъ остаются въ забвеніи. Между ними нѣтъ одного, одареннаго съ Неба творческимъ словомъ, оживотворяющимъ природу и подвигъ. Пушкинъ!—Прибылъ Апшеронскій баталіонъ съ четырьмя орудіями.

4-го. Приступъ къ башнѣ Сурхая съ пяти часовъ пополудни до глубокой ночи. Занята, но оставшіеся въ живыхъ ушли въ Ахульго. Этотъ успѣхъ принадлежитъ наиболѣе артилеріи.

5-го. За̀мокъ пылаетъ. Чудное лунное освѣщеніе. Горскую милицію отпускаю домой, съ благодарственнымъ приказомъ по отряду. Пріѣздъ молодаго Головина съ письмомъ отъ отца, изъявляющимъ опасенія на счетъ нашего положенія, благодаря Бога напрасныя. Молодой сынъ Шамиля раненъ въ ногу картечью. Али-бекъ умеръ. Многіе изъ лучшихъ его любимцевъ пали на вчерашнемъ приступѣ.

6-го. Пріемъ городской милиціи при ихъ выступленіи.

7-го. Заложена брешъ-батарея противъ новаго за̀мка. Приготовленіе къ заложенію другой. Безпокойство на счетъ долгаго неполученія почты изъ Ставрополя. Журналъ военному министру.

8-го. Осмотръ позиціи непріятеля; рѣшительно неприступна, а надобно однако все испытать. Передъ саклей Шамиля на шестъ воткнута голова.

9-го. Припадокъ помраченія въ глазахъ, вѣроятно, отъ прилива крови. Странныя явленія въ этомъ болѣзненномъ состояніи.

10-го. Письмо военнаго министра съ изъявленіемъ благоволенія Государя за Ичкеринскую экспедицію. Письмо Вревскаго объ удовольствіи, съ которымъ принято донесеніе о Бортунайскомъ дѣлѣ. На линіи все покойно. Травля въ Ставропольскомъ лѣсу разбойника Бокаленко.—Отказъ въ правителѣ канцеляріи. Настоять непремѣнно, чтобы его назначили. Ермоловскія воды также исчезли.

11-го. Удачное дѣйствіе по саклѣ Шамиля, устроенной блокгаузомъ. Благородное письмо Е. А. Головина въ отвѣтъ на мое. Журналъ Раевскаго съ эпизодами, вовсе не идущими къ дѣлу. Смерть молодаго Мищенки, офицера Апшеронскаго полка, сына г. м. Мищенки, съ которымъ я только что познакомился въ Кизлярѣ.

12-го. Прибыло три баталіона фельдмаршала князя Паскевича полка. Отличный полковой командиръ полковникъ Врангель (благородная, рыцарская его наружность), пользующійся общимъ уваженіемъ. Съ нимъ прибыли м. Фитингофъ и князь Козловскій съ письмомъ отъ г. л. Головина. Отвѣтъ въ длин-

номъ и подробномъ письмѣ.—Письмо къ женѣ.—Рядъ высокихъ ощущенiй. Соблюденiе законовъ чести и нравственности—единственный ихъ проводникъ, говоря языкомъ физики

13-го. Одна изъ башень зàмка на Ахульго разрушена огнемъ артилерiи. Чудная вечерняя сцена. Восхожденiе мѣсяца, отбрасывавшаго по небу лучи, какъ никто изъ бывшихъ со мной не видалъ, и въ тоже время жаркая перестрѣлка на близкомъ разстоянiи, съ визгомъ горцевъ, нашимъ ура и дѣйствiемъ орудiй и мортирокъ. Чрезъ четверть часа все смолкло. Готовимся къ приступу. У насъ двое убито и трое ранено.

14-го. Изъ подробностей ночнаго дѣла мнѣ показалось, что Апшеронцы отстаютъ отъ прочихъ войскъ въ неустрашимости и рѣшительности. Чтобы скорѣе доставить имъ случай поправить это и возвыситься въ собственныхъ глазахъ, я приказалъ среди бѣла дня, въ шесть часовъ послѣ обѣда, занять ротѣ этого полка послѣднiй уступъ горы, на четверть ружейнаго выстрѣла отъ зàмка. Это исполнено быстро и рѣшительно подъ батальнымъ огнемъ горцевъ, поражаемыхъ перекрестнымъ и чрезвычано мѣткимъ огнемъ артилерiи. Всего пять человѣкъ раненыхъ. Сейчасъ по занятiи уступа Апшеронцы запѣли пѣсни.—Извѣстiя о новомъ сборищѣ горцевъ. Записка къ правителю канцелярiи. Первый проливной и благотворный дождь въ продолженiе шести недѣль.

15-го. Ослѣпительный свѣтъ луны. Чудное освѣщенiе окружныхъ горъ и нашего разбросаннаго по уступамъ ихъ лагеря.

16-го. Въ четыре часа пополудни приступъ къ Новому Ахульго, сначала бодрый и удачный, но къ вечеру неопытностью полка, давно уже не бывшаго въ дѣлѣ, испорченный. На приступѣ были три баталiона фельдмаршала Паскевича полка. Огромная потеря съ обѣихъ сторонъ, особливо съ нашей. Два баталiона Апшеронскихъ въ фальшивой атакѣ также претерпѣли уронъ. Жестокiй день! Съ Божiею помощью управимся и здѣсь. Письмо Вревскаго, въ которомъ онъ сообщаетъ о лестныхъ наградахъ, которыми Государь почтилъ меня и отрядъ за Аргуанскую побѣду. Я сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Приказъ еще не присланъ. Никакая награда не могла для меня быть прiятнѣе; но я читалъ письмо въ самую ту минуту, когда успѣхъ штурма сдѣлался сомнительнымъ, и скоро потомъ отбитъ. Сово-

купное ощущеніе отъ двухъ подобныхъ происшествій меня нѣсколько разстроило. Все опять по своимъ мѣстамъ и, кромѣ потери, никакихъ послѣдствій. Нарочный Татаринъ, везшій эту почту, найденъ убитымъ, бумаги и посылки привязаны къ сѣдлу его лошади. Казакъ съ лошадью, провожавшій его, не отысканъ. Странное и непонятное происшествіе. Это было между Шурой и Эрпели.

17-го. На лѣвомъ берегу Койсу показались два значка и человѣкъ двѣсти горцевъ. Вечеромъ они подошли и вступили въ сношеніе съ Ахульго.—Нѣсколько постыдныхъ поступковъ въ рядахъ фельдмаршальскаго и Апшеронскаго полковъ.—Посѣтилъ Врангеля и Муравьева *).—Письмо къ женѣ. Потеря при штурмѣ не менѣе 600-тъ человѣкъ. Штабъ и оберъ-офицеры вели себя превосходно. Всѣ убиты или ранены, потому что всѣ были впереди.

18-го. Перемѣщеніе батарей. Грустное расположеніе духа, усиленное мрачнымъ письмомъ жены, которая какъ бы по инстинкту пишетъ о своихъ опасеніяхъ обо мнѣ. И это на другой же день по полученіи извѣстія о царской милости, которой она всегда болѣе всякой другой желала! Но все это съ Божіею помощію пройдетъ, или да будетъ святая воля Его! Вооружусь терпѣніемъ, надеждой и твердостію. Нельзя въ судьбѣ человѣческой безъ черныхъ дней. Сколько благъ послало мнѣ Провидѣніе на украшеніе жизни! Милыхъ дѣтей, благосклонность Государя, почетныя мѣста, счастливое тѣлосложеніе и глубокое чувство признательности за все это и еще многое!—Получилъ кстати книги изъ Петербурга.

19-го. Тоже расположеніе. Дни продолжаются знойные. Письмо отъ Е. А. Головина. Онъ выѣзжаетъ изъ Ахты 16-го и прибудетъ 25-го въ Тифлисъ. Счастливецъ! Когда мнѣ Богъ приведетъ окончить свое трудное дѣло?—Письмо къ нему, къ женѣ.—Вечеромъ метеоръ, разсыпавшаяся огнемъ звѣзда. Ночныя работы для прикрытія спуска къ непріятелю.

---

*) Это, если не ошибаемся, будущій графъ Муравьевъ-Амурскій. *П. Б.*

20-го. Совершенное успокоеніе духа. Письмо отъ жены въ лучшемъ расположеніи духа. Всѣ, благодаря Небу, здоровы. Поздравительныя письма; но приказа все еще нѣтъ, что̀ по времени довольно странно. Чтеніе Иммермана, Гейне, Якоби и другихъ лучшихъ писателей Германіи доставило пріятное и успокоительное развлеченіе. Душа отлегла совершенно отъ тяжкихъ и грустныхъ ощущеній послѣдняго штурма. Музыка и пѣсни въ лагерѣ. Войска также забыли неудачу. Большая часть проигранныхъ сраженій основана не столько на матеріальномъ уронѣ, сколько на нравственномъ впечатлѣніи. Послѣднее одолѣть, и часто останется очень мало исправить. Это дѣло начальника.

21-го. Все идетъ хорошо. Паскье похвальное слово безсмертному Кювье прекрасно.

22-го. Наконецъ, приказы и письма. Великодушный Государь! Сколько счастія посылаетъ мнѣ Небо въ сумерки моей жизни!—Ночью отчаянная вылазка горцевъ противъ работъ. Свалили нѣсколько туровъ, но скоро отбиты съ урономъ. Рѣдкое ночное зрѣлище.

Въ Петербургѣ праздники по случаю бракосочетанія Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ.

24-го. Небольшой дождь освѣжилъ воздухъ. Новая попытка Шамиля вступить въ переговоры. Посѣщеніе раненыхъ полка фельдмаршала; между ними юнкеръ Челяевъ семью пулями, изъ которыхъ пять вынуто, двѣ въ тѣлѣ. Надѣются его спасти. Навѣстилъ и полкъ фельдмаршала, также Кабардинцевъ. Письмо отъ жены изъ Кисловодска.

25-го. Благотворный дождь. Набѣгъ горцевъ на Кумыцкую землю. Отраженіе и отнятіе почти всей захваченной добычи. Бой скорпіона съ фалангой; послѣдняя одержала верхъ.

26-го. Распоряженія для состава летучаго отряда около Внезапной.—Продолженіе работъ на спускѣ.—Поручилъ г.-м. Лабинцову непремѣнно устроить переправу на Койсу. Повѣрка пищи въ войскахъ чрезъ адъютантовъ. Ночью вылазка противъ работъ, быстро отраженная. Чрезвычайные жары.

27-го. Письмо къ Государю.—Освѣжительный дождь и гроза. Переговоры съ присланнымъ отъ Шамиля; выгналъ его. Два часа перемирія. Усиленныя мѣры для устройства переправы. Кажется, дѣло близко къ развязкѣ.

28-го. Опять посланный отъ Шамиля для переговоровъ. Не принялъ его, требуя непремѣнно выдачи сына въ аманаты, какъ залогъ покорности. Неудача въ устройствѣ переправы. Письмо къ Государю по поводу назначенія меня въ генералъ-адъютанты. Прибылъ транспортъ съ провіантомъ и снарядами. Сапа подведена къ самому спуску и начатъ плацъ-дармъ.

29-го. Настаиваю, чтобы всѣ представляемыя мнѣ трудности и самая невозможность переправы чрезъ Койсу, въ присутствіи непріятеля, были непремѣнно преодолены. Собираю для этого матеріальныя средства и употребляю нравственныя побужденія. Транспортъ съ снарядами. Казаки для поправленія изнуренныхъ лошадей отправлены на Коранайскую гору. Чрезвычайный зной, дѣйствіе котораго замѣтно надъ всѣми. Для блокады удобнѣйшее время. Движеніе и работы почти невозможны. Даже ночь душна. Частые метеоры, падающія звѣзды.

30-го. Тотъ же зной. Ночная вылазка безъ труда и безъ урона отбита. Письма отъ г-ла Головина, Заводовскаго, Траскина и два отъ жены. Оканчиваются приготовленія къ переправѣ на бурдюкахъ.—Смерть султана.—Еще разбитый термометръ присланъ, а любопытно бы знать степень этого необыкновеннаго жара.

31-го. Поутру переправа Кабардинскаго полка егерей вплавь чрезъ Койсу, въ присутствіи непріятеля, который дрогнулъ. Устроить переправу не съумѣли, не смотря на то, что непріятель не мѣшалъ; канатъ былъ перекинутъ и утвержденъ. И такъ одна важная и нѣсколько мелкихъ неудачъ. Надѣюсь, что терпѣніе и настойчивость съ Божіею помощію приведутъ къ доброму концу.

1-го Августа. Отправилъ нарочнаго съ письмомъ къ г-лу Головину. Успокоеніе духа. Чрезвычайной жаръ, даже теперь въ 10 часовъ ночи. Потъ течетъ какъ вода съ тѣла. Надобно сильное здоровье для перенесенія такого зноя. Почти всѣ стра-

даютъ разслабленіемъ желудка. La vie d'un député par Viennet, полная и умная статья. Des littérateurs du temps par Kératry также. Транспортъ. Какъ трудна всякая работа въ такое жаркое время! Всего легче еще блокада. Свѣдѣнія отъ начальника Лѣваго фланга отъ 28-го пр. м. Все совершенно спокойно.

2-го Авг. Ночь прошла спокойно. Почти всѣ болѣе или менѣе разстроены въ своемъ здоровьѣ отъ чрезмѣрнаго зноя; наиболѣе страдаютъ желудкомъ. Пособіе нѣкоторымъ раненымъ офицерамъ и юнкерамъ. Адъютанты посылаются ежедневно по всѣмъ частямъ войска осматривать пищу. Съ тѣхъ поръ пошло хорошо. Полк. Врангель, подп. Муравьевъ, Фитингофъ и другіе раненые шт. и об. офицеры отправлены въ Шуру. Подп. Викторовъ назначенъ мною въ должность дежурнаго штабъ-офицера. Постройка моста продолжается и на этотъ разъ, кажется, идетъ успѣшно. Чиркеевской Джемалъ въ Шурѣ. Добрыя вѣсти оттуда относительно Ахульго. Десять часовъ ночи, кибитка открыта сверху и съ боку, а потъ течетъ съ меня какъ вода; а я хорошо переношу жаръ.

3-го Августа. Мостъ въ присутствіи горцевъ окончательно устроенъ. Три роты переправились. Горцы бѣжали. Нарочной отъ полк. Безобразова. Зной продолжается. Къ дѣйствіямъ этой жестокой для горцевъ экспедиціи присоединился еще неурожай отъ засухи. Измѣнническое поведеніе Чиркеевцовъ, накликающее на нихъ громъ нашего оружія. Частыя, хорошо выстроенныя, прекрасными садами на террасахъ окруженныя селенія, трудъ многихъ поколѣній, возбуждаютъ живое мое участіе. Покорить ихъ силой съ неизбѣжными отъ того къ несчастію послѣдствіями и потомъ сберечь и привязать — вотъ цѣль моихъ дѣйствій и управленія. Это безъ сомнѣнія настоящая мысль и цѣль Государя. — Начало письма къ Траскину. — Невыгодные слухи изъ отряда г.-л. Раевскаго надѣюсь, что окажутся ложными или преувеличенными. — Юнкеръ Челяевъ, семью пулями раненый, умеръ.

4-го Августа. Мостъ совершенно оконченъ. Два батальона Кабардинцовъ съ двумя орудіями переправлены. Чиркатъ опять занятъ и сожженъ. Ахметъ-ханъ съ милиціею переправленъ

также для отысканія семействъ и стадъ. Извѣстіе о небольшихъ еще покуда сборищахъ въ Ихали по убѣжденіямъ Шамиля спасти его. Чрезвычайной зной; размноженіе мухъ отъ долгаго здѣсь пребыванія.

5-го. Не такъ жаркой день. Разсѣянное и почти грустное расположеніе духа, усиленное чтеніемъ „Ста одного Французскихъ писателей“. Сколько посредственности, гоняющейся за остроуміемъ! Сколько нелѣпостей! Нѣсколько прекрасныхъ статей не выкупаютъ цѣлаго. Не потому ли это нашло у насъ подражателей? Можно надѣяться, что хуже не будетъ.

Перестрѣлка цѣлой день. Вечеромъ ѣздилъ на батарею Штемпеля.—Нарочный съ письмомъ и журналомъ къ г-лу Головину; послѣдній военному министру.

6-го Августа. Первой день довольно прохладной. Громъ вдали.—Блокада съ лѣваго берега Койсу болѣе и болѣе стѣсняется. Мостъ, соединявшій его съ Ахульго, горцами разобранъ. Упорное ихъ сопротивленіе становится примѣчательно. Отвѣчать имъ еще большею настойчивостію. Распоряженія по продовольствію и снарядамъ съ этою цѣлію. Журналъ г.-л. Раевскаго. Письмо отъ Донскаго атамана Власова, отъ Колбухина, отъ вдовы Менгли-Гирея. Нѣмецкая литература изгладила нечистыя впечатлѣнія Французской.

7-го. Пріятной, прохладной день. Письмо отъ г. Головина. Онъ комплектуетъ полкъ фельдмаршала штабъ и оберъ-офицерами, и командою рядовыхъ. Благородной и высокой тонъ его письма. Новое предложеніе покорности Шамиля. Требую сдаться военно-плѣннымъ. Сцена изъ Црини Кернера: смерть Солимана.

8-го Августа. Начались хотя безоблачные, солнечные, но беззнойные дни. Горская партія, занимавшая вершины лѣваго берега съ провіантомъ для Ахульго, прогнана. Толстой извѣщаетъ о новыхъ попыткахъ Шамиля чрезъ Джемала вступить въ переговоры.—Андалальскіе депутаты изъ Чохи, кроткія и умныя лица. Красивая и богатая ихъ одежда. Гердера Ideen zur Philosophie der Menschengeschichte превосходно. Изящная атти-

ческая форма слога отвѣчаетъ возвышенной и ясной мысли. Семь человѣкъ изъ Ахульго ушли вплавь чрезъ Койсу.

9-го. Опять жаркой день. Осажденные пользуются водой изъ двухъ горныхъ рѣчекъ Ашильты и Акента, отказавшись отъ Койсу, которая подъ выстрѣлами. Я приказалъ отвести обѣ рѣчки; чрезъ два дни надѣются успѣть въ этомъ. Новый посредникъ Кибидъ-Магома, важнѣйшее въ краѣ лице послѣ Шамиля. Я велѣлъ ему пріѣхать не для посредничества, котораго, надѣюсь, не нужно, а чтобы взглянуть на него.—Андійцы и Гумбетовцы разошлись по домамъ.

11-го. Нестерпимо жаркой день. Возвращеніе Бакая съ увѣреніемъ, что Шамиль выдастъ сына своего въ аманаты въ изъявленіе совершенной своей покорности. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіе, что Чеченцы, Ичкеринцы и Андійцы изъявили Тамавухаджи готовность собраться, гдѣ онъ пожелаетъ, для спасенія Шамиля Ночью вылазка противъ нашихъ работъ, съ урономъ отбитая: четыре тѣла остались въ нашихъ рукахъ. Виновные въ нападеніи на почту открыты и схвачены. Убійца г. Ивлича также, и съ нимъ другой, подающій примѣръ непослушанія Гимринцамъ.

12-го. Переговоры кончились по азіатски—ничѣмъ; но мы ихъ сочли во время трехчасоваго перемирія.—Зной.—Придется кончить штурмомъ, не смотря на неприступность мѣста.—Рѣчь Тіера при вступленіи его въ Академію.

13-го. Письмо отъ г. Головина. — Пріѣздъ Джемала изъ Чиркея, котораго не принялъ, недовольный его болѣе чѣмъ двумысленнымъ поведеніемъ. Ахметъ-ханъ.

14-го. Прохладной день. Письма отъ жены отъ 6-го, отъ Траскина *), журналы. Судьба Джемала, по всѣмъ вѣроятіямъ измѣнника, дерзнувшаго пріѣхать въ мой лагерь безъ позволенія, колеблется на вѣсахъ правосудія, моей рукѣ ввѣренныхъ. Въ своемъ дѣлѣ, отъ избытка осторожности, можно даже умышленно вдаться, по мнѣнію другихъ, въ обманъ; но въ дѣлѣ общественномъ?

---

*) Траскинъ — одинъ изъ дѣятельныхъ чиновниковъ въ тогдашнемъ Военномъ Министерствѣ при князѣ А. И. Чернышовѣ. *П. Б.*

15-го. Почти холодной день. Письмо къ женѣ. Опять переговоры, по азіатски оконченные—ничѣмъ.

16-го. Пріятная погода. Послѣднія условія Шамилю. Соглашается отдать сына, лишь бы не сдаваться и гарнизону не сложить оружія, какъ я требую. Приготовленія къ приступу. Нѣсколько часовъ перемирія.

17-го. Въ 6 часовъ утра приступъ двумя батальонами Куринскаго полка. Замокъ занятъ, и горцы, устрашенные большой потерей и несомнѣннымъ успѣхомъ, выставили бѣлой флагъ. Шамиль выслалъ ко мнѣ въ залогъ покорности своего сына. Штурмъ остановленъ. Переговоры до утра. У насъ уронъ убитыми и ранеными человѣкъ полтораста.

18-го. Осмотръ мѣста сраженія. Чрезвычайныя трудности преодолѣны. Сынъ Шамиля девяти лѣтъ, бойкой мальчикъ, безъ робости распоряжается какъ у себя дома. Свиданіе Шамиля съ г.-м. Пулло. Просилъ сутки на размышленіе о строгихъ условіяхъ мною предложенныхъ. Сурхай убитъ. Приготовленія къ послѣднему штурму въ случаѣ отказа Шамиля сдаться.

19-го. Весь день въ переговорахъ. Четыре старика прибыли депутатами и пали на колѣна, прося Шамилю пощады. Въ плѣну онъ долженъ быть, прочимъ свободный выходъ. Два письма отъ него, въ которыхъ по-азіатски проситъ остаться на мѣсяцъ въ Ахульго, чтобы поселиться потомъ въ Гимрахъ, увѣряя въ вѣрности и покорности. Я требую выхода въ три дни и содержанія въ Грозной. Мы не въ дѣтскія игры съ нимъ забавлялись, чтобы кончить почти ничѣмъ. Приготовленія къ штурму. Письма къ женѣ и Траскину. Извѣстіе о смерти маіора Ульяновскаго и 6-ти козаковъ, въ дѣлѣ съ партіей Юнуса въ 30 человѣкъ, перешедшихъ за Терекъ въ Кизлярскомъ полку. Прохладной день.

20-го Ничего не помню.

21-го. Приступъ. Утвердились въ замкѣ. Трудная ночь.

22-го. Отпраздновали день вѣнчанія на царство Государя взятіемъ обоихъ Ахульго. 36 часовъ безпрерывнаго боя то ру-

копашнаго, то на десяти шагахъ. Успѣхъ полной. Дѣло невозможное исполнено съ помощію Неба. Этотъ приступъ не уступитъ славнѣйшему изъ всѣхъ извѣстныхъ. Страшныя сцены остервенѣнія горцевъ. Если бы они такъ защищали свои посты какъ свою жизнь, то цѣлая армія не должна бы ихъ одолѣть. Войска покрылись славой.

23-го. Письма къ военному министру, г-лу Головину и женѣ. Продолжается бой съ укрывшимися въ сакляхъ. Плѣнныхъ безпрестанно приводятъ. Смерть к. Гуріеля.

24-го. Окончено донесеніе и военной журналъ. Представленіе за Аргуанское дѣло. Муравьевъ младшій съ письмомъ отъ г-ла Головина. Письмо къ Траскину. Молодой Головинъ отправленъ къ военному министру, князь Козловской въ Тифлисъ. Нарочной съ письмомъ къ женѣ.

25-го. Свирѣпость горцевъ. Двое плѣнныхъ: одинъ изрубленъ, другой заколотъ. Первой ранилъ переводчика, другой бросился на ружья караульныхъ, между тѣмъ какъ они нашли продовольствіе; заботливость о нихъ, когда женщинъ и дѣтей ихъ встрѣтило человѣколюбіе не только офицера, но и солдата. Это дикіе звѣри.—Говорятъ, будто Шамилю удалось переплыть Койсу и спастись. Покуда въ пещерахъ видны еще горцы; не повѣрю этому и не выступлю, пока послѣдняго не добуду.— Награды Ахметъ-ханцамъ и Шамхальцамъ.

26-го. Жаркой день. Еще до ста плѣнныхъ. Въ пещерахъ продолжаютъ защищаться.

27-го. Зной.—Еще тринадцать человѣкъ плѣнныхъ. Посѣщеніе Шульцу, третій разъ въ экспедиціи раненому.—Необыкновенная красота осьмилѣтней дочери Сурхая.—Въ пещерахъ еще полагаютъ до полутораста горцевъ. Отправилъ адъютанта Булгакова въ горы, гдѣ, по словамъ одного Чирнатскаго жителя, въ пещерѣ скрывается Шамиль съ тремя оставшимися съ нимъ мюридами.

28-го и 29-го. Окончательныя распоряженія къ выступленію. Артилерія вывезена на гору. Шамиль ушелъ съ помощію

Черкеевцовъ. Муравьевъ отправленъ въ Тифлисъ съ послѣдними извѣстіями и журналомъ. Къ военному министру также.

30-го. Выступленіе въ лагерь на гору послѣ слишкомъ двухмѣсячнаго пребыванія при Ашильтѣ. Отрадное чувство дышать чистымъ воздухмоъ послѣ смрада, задушавшаго насъ въ зараженной трупами Ашильтинской пропасти. Сто одинъ выстрѣлъ ознаменовали день коронованія Государя и счастливое окончаніе нашего труднаго дѣла.

31-го. Переходъ чрезъ Унцукуль въ Гимры, по вновь проложенной дорогѣ. До Унцукуля хорошо. Привалъ въ прекрасномъ этомъ селеніи. Радостной пріемъ жителей (въ головѣ ихъ старшина Алило), которые имѣли благоразуміе не только остаться покорными, но и дѣйствовать противъ Шамиля. Завтракъ подъ огромнымъ орѣшникомъ, покрывшимъ насъ своею тѣнью. Дальнѣйшій переходъ сперва очень пріятный садами Унцукуля, потомъ чрезвычайно трудный и опасный по дорогѣ, проложенной по отвѣсному почти берегу Аварскаго Койсу. Ночь застигла насъ на маршѣ и остановила отрядъ, гдѣ кого застала. Я доѣхалъ и дошелъ пѣшкомъ до Гимринскаго мосту при зажженныхъ кострахъ, перешелъ его и остался на переправѣ до утра, этотъ разъ очень утомленный и покрытый холоднымъ потомъ.

1-го Сентября. Въѣхалъ въ Гимры, родину Шамиля, съ трепетомъ ожидавшую своей участи Расположился лагеремъ при селеніи въ глубокой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ или, лучше сказать, стѣсненной отвѣсными и угрюмыми скалами. Совершенное прощеніе возвратило жителямъ спокойствіе. Улу-бей оставленъ старшиной надъ ними, и сакля съ садами Шамиля отдана ему въ собственность. Письмо къ женѣ.— Очень хорошій и уже спѣлый виноградъ, которымъ селеніе славится. Прекрасные сады, не смотря на двукратное опустошеніе. Войска стянулись въ продолженіе дня.

2-го Сентября. Переходъ до Караная чрезвычайно занимательный по грознымъ и красивымъ видамъ на эту необыкновенную горную природу. Мѣста сраженія, гдѣ Казы-мулла убитъ. Подвигъ примѣчательный. Этимъ, можно сказать, почaты горы. Трудный Каранайскій подъемъ работы А. А. Вельяминова. Видъ

на часть театра нашей экспедиціи. Выходъ на плоскость; чувство новое для меня и чрезвычайно отрадное. Этотъ безконечный горизонтъ, послѣ тѣсно-ограниченнаго, пріятныя, легкія покатости, красивое селеніе Каранай съ минаретомъ въ небольшой впадинѣ между двухъ холмовъ, со скирдами хлѣба, обширныя золотыя жнива, облака свободно ходящія, все это произвело на меня и на всѣхъ радостное впечатлѣніе. Тяжело было бы возвратиться тотчасъ опять въ горы. Встрѣча Шамхала. Сталъ лагеремъ, не доѣзжая селенія.

3-го Сентября. Переходъ до Темиръ-Ханъ-Шуры. Прекрасный край. Встрѣча. Посѣщеніе раненымъ. Сталъ въ лагерѣ на красивой равнинѣ подъ крѣпостью. Черкеевскіе депутаты съ трепетомъ ждутъ рѣшенія. Оставляю ихъ въ заслуженномъ недоумѣніи на счетъ судьбы Черкея. Генералъ-маіоръ Клюке-фонъ-Клугенау. Быстрый и огромный переходъ моихъ верблюдовъ.

4-го Гумбетовскіе депутаты покорились всѣмъ предписаннымъ условіямъ. Отправляю пристава въ Мехельту.—Нарочные отъ г-ла Головина изъ Тифлиса и отъ жены изъ Кисловодска возвратились съ письмами. У г.-л. Раевскаго на правомъ флангѣ тысяча человѣкъ больныхъ; мы несравненно счастливѣе.

5-го. Сряду все прекрасные, прохладные дни. Шамиль изъ Саясана проситъ быть принятымъ въ покорность вмѣстѣ съ Ташавъ-хаджи, Шаибъ-муллой и Ичкеринскимъ народомъ, предлагая въ аманаты остальнаго сына. Отвѣтъ ему ободрительный. Прогулка верхомъ въ окрестностяхъ лагеря.

6-го. Черкеевскіе депутаты уѣхали безъ отвѣта и недопущенные. Всѣ верхнія общества покоряются. Прогулка верхомъ.

7-го. Прекрасные дни и ночи. Письмо къ г-лу Головину. Жители Черкея, устрашенные моимъ молчаніемъ, разбѣжались. Прогулка въ первый разъ на лошади, доставшейся отъ Шамиля. Легкое животное. Превосходный виноградъ. Соленое озеро. Полное чувство здоровья.

8-го Сентября. Благодарственный молебенъ съ пушечной пальбой въ лагерѣ и въ крѣпости. Раздача крестовъ за Ичкеринскую экспедицію.

9-го. Переходъ до Черкея. Депутація съ хлѣбомъ-солью. Авангардъ изъ трехъ баталіоновъ фельдмаршала полка и одного Апшеронскаго подошелъ къ селенію, занявъ мостъ на Койсу послѣднимъ. Три баталіона съ четырьмя горными орудіями тронулись съ ихъ старшинами впереди, чтобы, перейдя селеніе, занять за нимъ позицію. Измѣна при самомъ приближеніи ко входу въ селеніе. Постыдное поведеніе этого полка. Человѣкъ шестьдесятъ переранено, и осталось одно горное орудіе. Мостъ горцами сожженъ.

10-го. Строгое слово баталіонамъ фельдмаршала полка. Переходъ до Мятлы сначала подъ выстрѣлами горцевъ. Часа три чрезвычайнаго зною, потомъ холодный вѣтеръ. Выгодный лагерь.

11-го. Отдыхъ. Полевая артилерія съ двумя бат. Кабард. и паркомъ подошли вчера же. Захвачено нѣсколько тысячъ Черкеевскихъ барановъ и много рогатаго скота. Депутаты изъ Черкея отъ большей части жителей просятъ помилованія.— Письмо отъ Дюгамеля, нашего посланника въ Тегеранѣ, два отъ жены. Нарочный съ письмомъ къ г-лу Головину и къ женѣ. Очень холодный вѣтеръ.

12-го. Холодный, но къ вечеру тихій день. Успокоительныя извѣстія. Страхъ послѣ прежнихъ пораженій удерживаетъ Салатовцовъ отъ открытаго участія въ дѣлѣ Черкеевцовъ. Селенія, никогда не дававшія доселѣ подводъ, выслали ихъ по требованію. Приказалъ смѣнить караулъ при мнѣ отъ баталіоновъ полка фельдмаршала, какъ недостойныхъ этой чести. Три нашихъ тѣла, найденныхъ по дорогѣ отсюда къ Шурѣ. Распоряженія къ обезпеченію сообщенія.

13-го. Черкей проситъ прощенія и пощады. Возвращены офицеръ и три рядовыхъ, взятыхъ вчера въ плѣнъ. Посмотримъ. Ночью морозъ. Переправа на лѣвый берегъ Сулака на двухъ паромахъ.

14-го. Переходъ до Инчао. Пріѣздъ фельдъегеря съ радостною вѣстью необыкновеннаго благоволенія и милостей Го-

сударя за взятіе приступомъ обоихъ Ахульго. Мнѣ Александра Невскаго при рескриптѣ безконечно-лестномъ. Всѣ поименованные въ моемъ донесеніи осыпаны наградами. Нижнимъ чинамъ по рублю серебромъ; Апшеронскому, Кабардинскому и Куринскому полковыя отличія, и въ память штурма выбита медаль для ношенія на Георгіевской лентѣ всѣмъ участвовавшимъ. Выраженія мои въ письмѣ къ военному министру о благородномъ самоотверженіи молодыхъ офицеровъ гвардіи и арміи, взросшихъ въ его царствованіе, Государь повелѣлъ сдѣлать извѣстными во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Все признаки особеннаго ко мнѣ благоволенія великодушнаго Государя. Чрезвычайно выгодный лагерь, но безпрерывный дождь.

15-го. Старѣйшины Черкея, пораженнаго ужасомъ, пришли съ орудіемъ и на колѣняхъ просили о помилованіи. И такъ все по милости Божіей обратилось въ успѣхъ и торжество. Фельдъегерь отправленъ къ г-лу Головину. Толстой на линію съ письмами къ женѣ и Траскину. Глубокое чувство признательности къ Богу и Государю. Приготовленія къ окончанію этой счастливой экспедиціи. Пора доставить войскамъ заслуженный отдыхъ на квартирахъ.

16-го. Рѣшился распустить отрядъ по квартирамъ. Приказъ по этому случаю.

17-го. Прекрасный осенній день. Присяга Гумбетовцовъ. Плата сосѣдственнымъ селеніямъ за взятые стоги сѣна. Веселіе въ лагерѣ. Одинъ солдатъ убитъ подкравшимся абрекомъ. Адъютантъ Булгаковъ отправленъ къ женѣ съ извѣстіемъ о скоромъ моемъ пріѣздѣ на линію. — Вѣсти изъ Бородинскаго лагеря. Славный приказъ Государя войскамъ. Награды при этомъ случаѣ.

———

Je ne sais rien de plus noble et de meilleur que la vie du grand air menée par un homme d'intelligence.

———

Es giebt gewisse Momente, wo der General keinen Schritt auf Rechnung des Glücks unternehmen darf.

———

Der Gehorsam sey freilich, aber unter vielen andern Obliegenheiten, die Pflichf eines Generals. Die grosse Pflicht sey aber immer diejenige, die das Wohl des Staates und sein eigenes Gewissen auferlege: die Truppen niemals dem Eigensinne eines dritten aufzuopfern, da sie zu einem andern Zwecke bestimmt seyen (Евгенiй Савойскiй).

——

Tout est miracle ou rien n'est miracle. Aussi sommes nous portés à envier l'homme qui conserve dans la puissance de l'âge mûr l'étonnement naïf de l'enfance, et affranchi des liens de l'habitude trouve toujours nouveau ce q'u'il a déjà vu mille fois.

——

L'injustice des contemporains et l'amertume de la vie semblent, par une loi fatale, former le patrimoine des hommes en qui la Providence a mis le feu sacré de l'invention. Le vautour de Promethée n'est point une fable; c'est une histoire véritable de tous les jours.

——

C'est la raillerie souvent qui prépare les révolutions, c'est la passion toujours qui les achève.

——

Il faut détruire les défauts de sa femme ou les supporter: en les détruisant on se donne une compagne plus commode; en les supportant on se rend meilleur soi-même.

Si Varron pense que, dans le cas où on ne peut corriger les défauts de sa femme, il faut les supporter, c'est que cette patience n'a rien de déshonorant: il s'agit en effet de défauts, et les défauts sont plus supportables que les vices.

——

En souffrant les colères de ma femme dans mon intérieur, disait Socrate, je m'exerce et m' habitue à supporter sans peine les vivacités et les injures des autres hors de chez moi.

——

Le moyen de faire aimer la paix et d'en perpétuer le règne, c'est de la montrer non seulement féconde, mais pleine de majesté et même d'audace. Il faut qu'elle possède le don d'étonner les hommes, de les passionner s'il se peut, en même tems que celui de les enrichir. Malheur à elle, ou plutôt malheur à nous-mêmes, si elle paraissait condamnée à être froidement égoïste dans ses sentiments, mesquine dans ses conceptions, pusillanime dans ses entreprises.

——

Guizot. Jamais la nature humaine n'a manquée à ce que les circonstances ont exigé d'elle; plus on lui demande, plus elle donne; sa richesse croît avec sa dépense.

——

En aucune chose, peut-être, il n'est donné à l'homme d'arriver au but; sa gloire est d'y marcher.

——

Les bienfaits du despotisme sont courts, et il empoisonne même les sources qu'il ouvre. Il ne possède, pour ainsi dire, qu'un mérite d'exception, une vertu de circonstance; et dès que son heure est passée, tous les vices de sa nature éclatent, et pésent de toutes parts sur la société.

——

En tout pays, en tout tems, quelque soit même le régime politique, au bout d'un intervalle plus ou moins long, par le seul effet de la jouissance du pouvoir, de la richesse, du développement intellectuel, de tous les avantages sociaux, les classes supérieures s'usent, s'énervent; elles ont besoin d'être sans cesse excitées par l'émulation, renouvellées par l'immigration des classes qui vivent et travaillent au dessous d'elles.

Ce mouvement de ressentiment qu'une offense fait à notre âme et auquel on donne le nom de colère, quand l'offense nous a blessé vivement, ne doit pas, selon Taurus, être entièrement banni par le sage: ce qu'on demande au sage, ce n'est pas l'absence complète de cette passion, c'est l'art de la modérer.

——

1844.

13-го Ноября 1844 года, Кіевъ. Природа имѣетъ свои праздничные дни. Въ одинъ изъ такихъ дней въ Ноябрѣ по утру я былъ въ Кіевскомъ саду, въ павильонѣ, на высокомъ берегу Днѣпра, одинъ. На небѣ ни одного облачка, воздухъ прозрачный и живительный при 7-ми град. мороза; ледъ, какъ необозримый кружевной шарфъ, катился по темносинему полю Днѣпра. За лѣвымъ берегомъ открывался видъ довольно дикой, но безконечной. Влѣвѣ нижняя торговая часть города, Подолъ, ярко освѣщенный солнцемъ, рисовался до мелкихъ подробностей. Андреевская гора съ своею живописною прелестною церковію, памятникъ Растрелли, еще не бросала на него ни малѣйшей тѣни, и вновь-посребренный легкій куполъ ея весело игралъ лучами солнца. Съ правой стороны, ближе ко мнѣ, нѣсколько скромныхъ деревянныхъ домовъ у подошвы Днѣпровскаго берега, дымомъ своихъ трубъ давали признаки жизни. Отдаленный грохотъ движенія въ городѣ доходилъ глухо до меня, то усиливаясь, то прерываясь вовсе. Подобная картина невольно располагаетъ къ задумчивости. Важнѣйшіе вопросы, заглушаемые шумомъ жизни, возникаютъ передъ вами одинъ за другимъ и находятъ иногда если не рѣшенія (ихъ нѣтъ на нѣкоторые вопросы), то по крайней мѣрѣ отвѣты болѣе успокоительные. Прошедшее, многое давнозабытое возстаетъ какъ утѣшеніе, часто какъ укоръ, предъ памятью вашею. Нѣтъ человѣка, требующаго отъ себя отчета за свою жизнь, который бы не закрывалъ иногда глазъ и не чувствовалъ на лицѣ краски, его внезапно покрывающей. Счастливъ, когда на этотъ смотръ совѣсти предстанутъ болѣе ошибки, неловкости, чѣмъ умышленные проступки. Когда я выходилъ изъ калитки сада, мимо меня проне-

слась на тройкахъ съ дикими пѣснями простонародная свадьба, и тотчасъ вслѣдъ за нейпоказа лись похороны, деревянный крестъ двѣ хоругви, священникъ, гробъ довольно украшенный, и за нимъ ни одной души! Кто могъ быть этотъ одинокій сирота, котораго не нашелся проводить до могилы, хотя бы изъ приличія, ни родственникъ, ни знакомый? Не путешественникъ ли, для котораго неожиданно пробилъ здѣсь послѣдній его часъ?

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 съ перес. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

7.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

ОСТАВШІЯСЯ ВЪ НЕБОЛЬШОМЪ ЧИСЛѢ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1887 ГОДА.

Три большія книги.

(Въ каждой книгѣ по четыре выпуска).

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

Къ характеристикѣ Петра Великаго. **Н. И Кедрова** (съ выдержками изъ донесеній **Кампредона**).

Французскій террористъ Жильберъ Роммъ и графъ П. А. Строгановъ съ портретами. Статья **издателя**.

Густавъ IV-й и великая княжна Александра Павловна. Составлено по Шведскимъ источникамъ **А. А. Чумиковымъ**. (Съ письмами **Екатерины Великой**).

Спренгтпортенъ, герой Финляндіи. Статья **К. Ф. Ордина**.

Какъ я сдѣлался „Апостоломъ". Разсказъ **И. М. Муравьева-Апостола**.

Записки **графини Эдлингъ**.

Замѣтки **Д. А. Деменкова** о путешествіяхъ императора Александра Павловича по Россіи.

Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. 1828—1833. **Я. И. Костенецкаго**.

Дорожныя письма **С. А. Юрьевича** во время путешествія по Россіи съ покойнымъ Государемъ въ 1837 году.

Воспоминаніе объ А. С. Хомяковѣ. **Н. А. Муханова**.

Адмиралъ И. С. Унковскій. Разсказы изъ его жизни, записанные **В. К. Истоминымъ**.

Николай Христофоровичъ Кетчеръ. Воспоминанія **А. В. Станкевича**.

Очерки Русскаго народнаго хозяйства. Экономическіе провалы, по воспоминаніямъ съ 1837 года. **В. А. Кокорева**.

Изъ переписки **И. С. Аксакова** съ **Н. М. Павловымъ** о древней Русской исторіи.

Анекдоты о Екатеринѣ Великой, записанные **А. С. Шишковымъ**.

Письма **императора Павла Петровича** къ Московскому митрополиту Платону.

Празднество въ Павловскѣ 27 Іюля 1814 года по возвращеніи императора Александра Павловича изъ покореннаго Парижа. Статья **М. А. Веневитинова**.

Къ исторіи Московскаго университета: Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Статья его сына **Д. Д. Голохвастова**.

Письма **А. И. Герцена** къ Д. П. Голохвастову.

Переписка **графа Закревскаго съ Д. П. Голохвастовымъ** о профессорахъ Московскаго университета.

Филаретъ архіепископъ Черниговскій, съ портретомъ. **И. С. Листовскаго**.

Записки графа Фицтума-фонъ Экштета 1852 года. **Издателя**.

(См. на третьей стр. обложки).

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Августа въ 13-й день. Поутру рано пріѣхалъ я въ Римъ и сталъ въ Римѣ въ остаріи, которая зовется Шкудо-де-Франца, и того жъ числа той остаріи хозяинъ извѣстилъ обо мнѣ папежскому ближнему человѣку, которому о томъ надлежитъ вѣдать, и въ тѣхъ часахъ пришелъ ко мнѣ въ остарію одинъ Литвинъ, который живетъ въ Римѣ въ уніатскомъ монастырѣ для науки и называется Иванъ Шперковичъ, и взялъ у меня на письмѣ имя мое, чтобъ подлинно могъ обо мнѣ сказать тому сенатору, которому о томъ надлежитъ вѣдать. И того числа до обѣда изъ остаріи никуды не ходилъ.

А какъ я взъѣзжалъ въ Римъ, и меня въ воротахъ Римскихъ остановили и осмотрѣли у меня въ сундукѣ по обыкновенію своему вещей купецкихъ, какъ у нихъ обыкность всякихъ проѣзжихъ людей осматривать: хотя бы кто ѣхалъ великій сенаторъ, безъ осмотру въ Римъ проѣхать не можетъ. И осмотря у меня моихъ вещей, тотчасъ мнѣ дали лиценцію, т. е. позволеніе, ѣхать въ Римъ.

Въ той остаріи, въ которой я стоялъ, порядился фурманъ мой съ хозяиномъ, чтобъ ему кормить меня изрядно и за палату, въ которой мнѣ стоять и за постелю по семи павловъ на день, а тѣ павлы суть Римская монета, мѣняютъ ихъ на золотой червонный по осьмнадцати павловъ. И хозяинъ отвелъ мнѣ палату изрядную, обитую всю кожами золотными, и въ ней кроват изрядная и постеля изрядная жъ и столы и стулы и кресла—все изрядное и всякія потребы, которымъ надлежитъ быть.

Того жъ числа по обѣдѣ пришелъ ко мнѣ въ остарію помяненный Литвинъ попъ Иванъ Шперковичъ и сказалъ мнѣ, что онъ о пріѣздѣ моемъ въ Римъ воеводѣ Римскому сказалъ, и воевода-де

---

*) См. выше стр. 113.

велѣлъ ко мнѣ ѣхать одному папежскому дворянину, который называется Урбанъ, и ему было ѣхать ко мнѣ невозможно, для того что былъ боленъ ѳеброю, и воевода Римскій, то увѣдавъ, что тотъ Урбанъ лежитъ боленъ, приказалъ ко мнѣ, что онъ назначилъ мнѣ на услугу другого папежскаго дворянина и обѣщалъ его ко мнѣ прислать Августа въ 14-й день поутру рано, а сего числа тотъ дворянинъ ко мнѣ не бывалъ; и затѣмъ я того числа никуды не ѣздилъ и, не дождався себѣ подлинной вѣдомости отъ Римскаго воеводы, кареты нанять не хотѣлъ, а пѣшимъ ходить знатнымъ особамъ въ Римѣ, то подъ зазоромъ. Также того числа и ко мнѣ пріѣзжихъ отъ папы никого не было.

Августа въ 14-й день. Поутру рано пришелъ ко мнѣ тотъ же Литвинъ Иванъ Шперковичъ и, увѣдавъ, что назначенный дворянинъ на услугу мнѣ у меня не бывалъ и никого не присылывалъ и тотъ Литвинъ того часу пошелъ до Римскаго воеводы, и я съ нимъ, о томъ до того воеводы приказалъ, чтобъ мнѣ было отъ папежского величества въ Римѣ увольнено гулять и смотрѣть святынь и всякихъ вещей, которыя надлежитъ форестирамъ видѣть, а о присылкѣ ко мнѣ для услуги дворянина какъ ихъ воля, а я себѣ могу и нанявъ карету ѣздить по Риму, только бъ позволеніе папежскаго величества ко мнѣ было, чтобъ мнѣ видѣть въ Римѣ въ костелахъ святыню и всякія вещи. Тотъ Литвинъ Иванъ Шперковичъ, бывъ у воеводы Римскаго, пришедъ ко мнѣ, сказалъ, что-де воевода Римскій совсѣмъ отправилъ ко мнѣ одного дворянина съ каретою мнѣ на услугу, и будетъ-де ко мнѣ тотъ дворянинъ вскорѣ съ каретою, въ которой ѣздить мнѣ по Риму.

Того жъ числа во обѣдни пошелъ я пѣшъ въ уніатскую церковь, для того что та церковь отъ той остаріи, въ которой я стоялъ, зѣло близко; и къ той уніатской церкви пріѣхалъ ко мнѣ тотъ дворянинъ, которому отъ воеводы Римскаго назначено быть у меня во услугѣ и просилъ меня о томъ, чтобъ я на него не сердитовалъ за то, что онъ сего числа до обѣда не можетъ со мною никуда ѣхать, для того что имѣетъ нѣкоторую нужду, а обѣщался ко мнѣ быть по обѣдѣ за 4 часа до ночи.

Церковь уніатская невелика, строенія недобре хорошаго. Въ той церкви настоящій алтарь уніатскій во имя св. Аѳанасія Александрійскаго сдѣланъ подобіемъ Греческимъ, а царскія двери и южныя и сѣверныя затворовъ не имѣютъ, только одни завѣсы. Престолъ въ алтарѣ подобіемъ Римскаго престола, только сдѣланъ среди алтаря жертвенникъ подобіемъ Греческимъ. Образъ св. Аѳанасія поставленъ во алтарѣ за престоломъ высоко у стѣны; можно его ви-

дѣть стоя въ церкви чрезъ иконостасъ, потому что иконостасъ невысокій. Въ иконостасѣ на правой сторонѣ поставленъ образъ Пресвятыя Богородицы, а на лѣвой сторонѣ образъ Іоанна Предтечи. Въ той же церкви по сторонамъ сдѣланы четыре престола Римскихъ, на которыхъ служатъ католики. И какъ я въ ту церковь вшелъ, въ то время служилъ обѣдню одинъ попъ Римскій на одномъ Римскомъ престолѣ, а уніаты всѣ слушали той Римской обѣдни, стоя на колѣняхъ. И какъ та Римская обѣдня скончилась, и въ то время пришелъ въ ту церковь уніатскій архіепископъ, который пріѣхалъ въ Римъ изъ Албани, породою Грекъ, мантію и клобукъ имѣетъ подобно Греческимъ архіереямъ и бороды и уса не брѣетъ, именемъ Онуфрій. И пришедъ онъ въ ту церковь, сталъ близко царскихъ дверей на правой сторонѣ у однихъ креселъ, которыя поставлены къ алтарю бокомъ; такъ же и онъ сталъ Римскимъ обыкновеніемъ, къ алтарю бокомъ же, и началъ одинъ уніатскій попъ обѣдню Греческимъ языкомъ подобно такъ, какъ обѣдни отправляются Греческаго закону, и пѣли уніаты по крылосамъ Греческимъ же языкомъ. Во время словъ Христовыхъ тотъ уніатскій архіерей и всѣ уніаты стояли на колѣняхъ и четыре свѣчи держали, стоя на колѣняхъ предъ царскими дверьми четыре человѣка; а какъ пропѣли „Тебе поемъ", и тотъ архіепископъ и всѣ уніаты встали и вышепомяненныя четыре свѣчи отъ царскихъ дверей отнесли. Потомъ какъ попъ сказалъ „Святая святымъ", также архіерей и всѣ уніаты стояли на колѣняхъ, и тѣжъ четыре свѣчи предъ царскими дверьми четыре жъ человѣка держали стоя на колѣняхъ. Также чинили въ то время, какъ попъ сказалъ „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите", и всю обѣдню чинили обыкновеніемъ Греческимъ на квасномъ хлѣбѣ, имѣя едину просфору, на которой есть пять печатей. По отпускѣ обѣдни тотъ уніатскій архіерей держалъ антидоръ, который у него брали одни уніаты. И такъ на всякій день повинны тѣ уніаты слушать прежде Римскую обѣдню, потомъ свою уніатскую и молятъ Бога на своей обѣдни за папу Римскаго. У той церкви служатъ два попа уніатскихъ, и мудрствуютъ всѣ уніаты о исхожденіи Святаго Духа равно съ католиками.

У той уніатской церкви поставлена вода святая въ чашахъ по Римскому обыкновенію.

При той уніатской церкви построенъ домъ; въ томъ домѣ живутъ три человѣка Езувитовъ, которые учатъ уніатовъ до философіи и до богословіи и иныхъ высокихъ наукъ, а держатъ у себя уніатскихъ учениковъ по 24 человѣка на папежской платѣ, и архіепископу уніатскому даетъ папа изъ своей казны на годъ по 500

шкудовъ Римскихъ. И какъ уніаты обѣдню отпѣли и просили меня, чтобъ я пришелъ смотрѣть палатъ ихъ, въ которыхъ они живутъ и учатся, и по тому ихъ прошенію пошелъ я въ палаты ихъ и смотрѣлъ, гдѣ они живутъ и учатся, и видѣлъ въ палатахъ ихъ двѣ библіотеки. И потомъ пришелъ къ нимъ мастеръ ихъ Езувита и привѣтствовалъ меня любовно, показывалъ мнѣ свои палаты. Потомъ сошелъ я съ нимъ изъ палатъ его въ садъ, въ которомъ много изряднаго деревья плодовитаго и цвѣтовъ и травъ изрядныхъ. Въ томъ же саду построена изрядная фонтана, въ которой власно какъ въ прудѣ бываетъ всегда живая рыба. Изъ того уніатскаго дому пошелъ я къ себѣ въ остарію, для того что приспѣлъ часъ обѣда.

По обѣдѣ прислалъ ко мнѣ Римскій воевода своего человѣка и велѣлъ мнѣ сказать, что карета его ко мнѣ будетъ сего числа за четыре часа до ночи.

И я, не дождався той его кареты, нашелъ себѣ одну карету и поѣхалъ въ той каретѣ къ тому мѣсту, гдѣ есть тюрьма, въ которой во дни мучителя-Нерона сидѣли святые апостоли верховные Петръ и Павелъ и страдали за Христа, проповѣдуя Святое Евангеліе. На томъ мѣстѣ сдѣлана церковь во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла Римская. Подъ тою церковью въ землѣ одна палата темная, въ ту палату сверху сдѣлано круглое окно, какъ можетъ въ него пройтить человѣкъ. И въ древнія лѣта при мучителяхъ въ ту тюрьму не было дверей; метали въ нее узниковъ въ то вышепомяненное круглое окно сверху. Въ той тюрьмѣ нынѣ сдѣлана Римская церковь во имя св. апостолъ Петра и Павла, и всегда горитъ лампада, для того что свѣту въ ту тюрьму нѣтъ ни откуду. Подъ тою тюрьмою низко въ землѣ есть другая тюрьма; въ ту нижнюю тюрьму изъ верхней тюрьмы сдѣлано круглое жъ окно величиною подобно вышеписанному окну, въ которое окно древле метали узниковъ. Изъ той же верхней тюрьмы въ нижнюю тюрьму есть при сторонѣ одна лѣстница, по которой веденъ былъ въ нижнюю тюрьму св. апостолъ Петръ и отъ одного мучителева слуги ударенъ былъ по лицу, и отъ того ударенія св. апостолъ Петръ ударился главою своею о каменную стѣну, и на томъ мѣстѣ на твердомъ камени изобразилось его святое лицо, какъ бы на мягкомъ воску, и нынѣ явно знать, котораго и я сподобился видѣть. Потомъ сошелъ въ нижнюю тюрьму; въ той нижней тюрьмѣ есть одинъ каменный столбъ вышиною отъ земли аршина въ полтора, а толщиною какъ можно обнять тремя пядьми. У того столба были привязаны святые апостолы Петръ и Павелъ во время своего за Хри-

ста страданія. Нынѣ тотъ столбъ огороженъ желѣзною рѣшеткою; подлѣ того столба колодезь, въ которомъ есть изрядная чистая вода, а тотъ колодезь учиненъ волей Божескою во время бытности въ той тюрьмѣ св. апостола Петра: когда онъ возжаждалъ въ той тюрьмѣ пить и не имѣлъ никакого напою, тогда положилъ перстъ на одинъ камень, изъ того каменя за положеніемъ его святаго перста волей Божіею истекла вода изрядная, которая и нынѣ не оскудѣваетъ, юже и я сподобился пить. Близко того колодезя есть въ той же нижней тюрьмѣ малый столбъ, на которомъ отправлялъ святую литургію святой Селиверстъ папа Римскій. Потомъ я, вышедъ изъ той темницы, пріѣхалъ въ монастырь, который построенъ въ дому Флавіана, отца св. Алексѣя человѣка Божія и проѣхалъ ворота, которые построены въ Римѣ древле на честь древнихъ цесарей Римскихъ за побѣду надъ непріятельми. Тѣ ворота сдѣланы изъ бѣлаго мрамору изрядною работою рѣзною. Такихъ воротъ въ Римѣ есть по улицамъ много, а дѣланы тѣ ворота на тріумфъ, т. е. на похвалу древнихъ Римскихъ цесарей и воеводъ за побѣду непріятельскую. Потомъ мы, проѣхавъ помяненные ворота, видѣли столбовъ много великихъ и высокихъ каменныхъ древняго зданія изрядной работы, на которыхъ былъ построенъ домъ проклятаго мучителя-Нерона. Тотъ его домъ былъ зѣло великъ на 6 миляхъ Ит. Потомъ видѣлъ бани, которыя были построены при томъ же мучителѣ-Неронѣ древняго жъ зданія. Потомъ пріѣхалъ къ монастырю, который построенъ въ дому вышепомянутаго Флавіана. Въ томъ монастырѣ живутъ законники Римской вѣры закону св. Геронима. Въ томъ монастырѣ костелъ Римскій немалый, имѣетъ въ себѣ 22 столба каменныхъ, украшеніе въ томъ костелѣ среднее подъ алтаремъ. Въ томъ костелѣ лежатъ мощи св. Алексѣя человѣка Божія и св. мученика Вонифатія, замурованы въ камени и никѣмъ видимы. По правую сторону того алтаря придѣлъ малый Римской же вѣры. Надъ тѣмъ престоломъ поставленъ образъ Пресвятыя Богородицы Дѣвы письма Греческаго, высокостію въ аршинъ, а широкостью въ три четверти аршина; а какимъ подобіемъ написанъ, того подобія дали мнѣ въ томъ монастырѣ печатный образъ на бумагѣ. А на лѣвой сторонѣ того костела также придѣлъ малый Римской же вѣры. У того придѣла придѣлана малая палата, въ которой вырѣзанъ образъ Карла арцибискупа Медіоланскаго изъ алебастру пречуднымъ мастерствомъ. Сводъ въ той палатѣ сдѣланъ изъ самаго мелкаго камени разныхъ цвѣтовъ зѣло преудивительнымъ мастерствомъ. Потомъ сошелъ я въ томъ костелѣ внизъ подъ алтарь. Подъ тѣмъ алтаремъ сдѣлана внизу церковь Римская, и подъ

тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежатъ мощи св. Алексѣя и мученика Вонифатія, сдѣланъ престолъ Римскій, въ которомъ замурованы въ столбахъ многія части мощей многихъ святыхъ мучениковъ. Потомъ, вышедъ изъ подъ алтаря въ верхній костелъ, пришелъ къ одному колодезю, который колодезь есть въ томъ костелѣ, изъ котораго пилъ воду св. Алексѣй человѣкъ Божій во время нищеты своей, какъ жилъ за нищаго Христа ради въ дому отца своего Флавіана. Изъ того колодезя и я сподобился пить воду. Въ томъ же костелѣ близко того колодезя стоитъ лѣстница—та, подъ которой св. Алексѣй въ дому отца своего жилъ и трудился Христа ради. Та лѣстница сдѣлана изъ дерева и стоитъ и нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ была и прежде, на которомъ мѣстѣ подъ тою лѣстницею св. Алексѣй преставился. Отъ той лѣстницы законники того монастыря, отрѣзавъ малую часть дерева, дали мнѣ за святыню. Близко той лѣстницы въ стѣнѣ того костела стоитъ образъ св. Алексѣя человѣка Божія вырѣзанъ изъ дерева съ самого его св. лица и подобія. Тутъ же въ стѣнѣ того костела стоитъ образъ мученика Вонифатія вырѣзанъ изъ дерева такъ же съ самого лица его святаго и подобія. Потомъ изъ того монастыря поѣхалъ я до той церкви, гдѣ св. Григорій папа Римскій умолилъ Бога за душу умершаго сродника своего и молитвою своею ту душу и приношеніемъ жертвы избавилъ отъ мученія. Та церковь Римскаго закону невеликая, а строенія изряднаго. Потомъ пріѣхалъ я въ то мѣсто, гдѣ при древнихъ цесаряхъ Римскихъ, которые были гонители на христіанскую вѣру и мучители за имя Христово, святыхъ мучениковъ отдавали въ томъ мѣстѣ на снѣдѣніе звѣрямъ. То мѣсто сдѣлано округло древняго строенія, стѣны зѣло высоки каменныя, по которымъ древніе мучители ходили и смотрѣли, какъ святыхъ мучениковъ звѣри терзали. При тѣхъ стѣнахъ въ землѣ подѣланы каменныя печуры, въ которыхъ жили звѣри. Въ томъ мѣстѣ снѣдѣнъ отъ звѣрей св. Игнатій Богоносецъ, и земля въ томъ мѣстѣ вся есть обагрена кровью святыхъ мучениковъ.

Потомъ пріѣхалъ къ тому дому, гдѣ учатся всякихъ народовъ люди пріѣзжіе въ Римъ не токмо христіане и басурманы, которые хотятъ просвѣтиться святымъ крещеніемъ. И бываютъ въ томъ домѣ ученики на папежскомъ корму.

Потомъ видѣлъ домы пословъ Гишпанскаго и Венецкаго. Тѣ домы суть великіе и строенія изряднаго. Близко дому Венецкаго посла сдѣлана церковь Римскаго закону во имя св. евангелиста Марка.

Потомъ пріѣхалъ къ себѣ въ остарію, и въ тѣхъ часахъ воевода Римскій прислалъ ко мнѣ свою карету и просилъ меня, чтобы

я въ той его каретѣ поѣхалъ гулять и смотрѣть, гдѣ чего хочу, и я въ той его каретѣ пріѣхалъ въ домъ, въ которомъ учатся Римскихъ князей и всякихъ чиновъ людей дѣти всякимъ воинскимъ дѣламъ: биться на шпады, играть древками и бандерами, т. е. знаменами, и инымъ всякимъ оружіемъ; а видѣть дѣла ихъ не могъ, для того что въ томъ часѣ науку свою того дня скончa разошлись по домамъ.

Потомъ пріѣхалъ я къ одной фортецѣ, т. е. замку, который построенъ на берегу рѣки Тиверя въ срединѣ Рима, и черезъ рѣку Тиверь къ тому замку сдѣланъ мостъ каменный великій и широкій предивнымъ мастерствомъ; по обѣ стороны того мосту сдѣланы перила каменныя съ рѣшетками желѣзными предивнаго мастерства; по тѣмъ периламъ сдѣланы 12 столбовъ каменныхъ по шести столбовъ на сторонѣ; на тѣхъ всѣхъ столбахъ сдѣланы ангелы рѣзные изъ алебастру изрядною работою, и каждый ангелъ имѣетъ въ рукахъ часть отъ страстей Христовыхъ.

Рѣка Тиверь не малая, а течетъ зѣло; мутна вода въ ней видится, какъ бы смѣшана съ пескомъ. И переѣхавъ я ту рѣку Тиверь по тому мосту, пріѣхалъ къ замку. Тотъ замокъ сдѣланъ изрядною крѣпостью древней работы, рвы имѣетъ около себя изрядные, также и всякія крѣпости около того замку изрядныя.

Потомъ пріѣхалъ я къ великой церкви св. апостола Петра и, не доѣзжая той церкви сдѣлана пляца, т. е. площадь изрядная, ровная и великая; около той площади округло построены столбы каменные, которыхъ есть числомъ 576, зѣло высокіе и великіе, круглые; на тѣхъ столбахъ вокругъ помяненной площади до церкви апостола сдѣланы площади для гулянія изрядныя, вымощены камнемъ съ перилами, и по периламъ поставлены образы рѣзные изъ алебастру святыхъ седьмидесятныхъ апостолъ всѣхъ изряднымъ мастертвомъ сдѣланы, и каждый имѣетъ въ рукахъ своихъ то оружіе, которымъ былъ біенъ за проповѣдь Слова Божія. Посреди той площади поставленъ столбъ каменный сдѣланъ четвероуголенъ, изъ одного камени вытесанъ, внизу зѣло толстъ, а кверху тонокъ, изряднымъ мастерствомъ сдѣланъ и зѣло высоко. На верху того столба поставленъ крестъ небольшой четвероконечный; по сторонамъ того столба на той же площади сдѣланы изрядныя двѣ фонтаны великія, изъ которыхъ истекаютъ изрядныя воды чистыя и зѣло высоко и многоводно прыщутъ вверхъ.

Церковь св. апостола Петра зѣло велика, какой другой величестью на всемъ свѣтѣ нигдѣ не обрѣтается и предивнымъ мастерствомъ сдѣлана. Передъ тою церковью сдѣланъ рундукъ превеликій, и такимъ предивнымъ мастерствомъ и препорціею тотъ рундукъ

построенъ, что подробну его описать трудно. Съ того рундука входъ въ паперть, которая сдѣлана передъ той церковью зѣло велика и предивнымъ мастерствомъ устроена. Изъ той паперти въ ту церковь сдѣланы зѣло превеликія пятеры двери рядомъ, у которыхъ изрядные мѣдные литые затворы предивнымъ мастерствомъ сдѣланы. Въ той церкви превеликіе столбы, на которыхъ утверждены церковные своды.

Между тѣхъ столбовъ подѣланы престолы по Римскому обыкновенію предивнымъ мастерствомъ, и украшеніе въ той церкви изрядное. Посреди той великой церкви сдѣланъ алтарь Римскій, надъ которымъ сдѣлана сѣнь на четырехъ столбахъ зѣло высокихъ. Та сѣнь и столбы устроены преудивительнымъ рѣзнымъ мастерствомъ, и на тѣхъ столбахъ поставлены по угламъ ангелы рѣзные дивною работою сдѣланы, и та сѣнь и столбы и ангелы всѣ вызолочены изрядно. Подъ тѣмъ алтаремъ лежатъ тѣлеса святыхъ апостолъ Петра и Павла въ землѣ низко, и къ тѣмъ святымъ тѣлесамъ верховныхъ апостолъ сдѣланы сходы-лѣстницы изрядныя съ обѣихъ сторонъ и огорожены рѣшетками мѣдными предивными. Около тѣхъ сходовъ и внизу при самыхъ святыхъ мощахъ повѣшено сто двѣ лампады серебрянныя великія и малыя, въ которыхъ всегда горитъ масло деревянное. А къ самимъ святымъ апостольскимъ мощамъ сдѣланы двери изрядныя, и никто тамъ не входитъ кромѣ папы самого, и тотъ однажды въ годъ, на праздникъ святыхъ апостолъ Петра и Павла или для цесаря или короля котораго, когда бъ пріѣхалъ въ Римъ, тѣ двери отпираютъ и святыя апостольскія мощи кажутъ.

За тѣмъ вышеписаннымъ великимъ алтаремъ у стѣны церковной высоко поставлена та каѳедра, на которой сидѣлъ св. апостолъ Петръ, проповѣдуя святую во Христа вѣру и поучалъ народы. Та его каѳедра апостольская устроена изряднымъ мастерствомъ рѣзьбами золочеными. Подъ той каѳедрой поставлены образы литые мѣдные св. Василія Великаго, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и Августина святаго, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы; также и иныхъ образовъ рѣзныхъ изъ алебастру въ той великой церкви множество, изрядною работою сдѣланы. На правой сторонѣ у столба сдѣланъ образъ рѣзной изъ алебастру святаго апостола Петра изрядною работою, сидящаго на каѳедрѣ, и входящіе въ церковь христіане могутъ достать поцѣловать того святаго апостольскаго образа ногу.

Въ той же церкви позади алтаря на лѣвой сторонѣ стоятъ органы великіе, обвѣшены коврами, а строенія около тѣхъ органъ никакого нѣтъ.

Та великая церковь изнутри вся сдѣлана изъ бѣлаго мрамору изряднымъ мастерствомъ, и многія мѣста въ той церкви алебастровыя рѣзныя дивной работой устроены.

Мостъ въ той церкви весь мраморовый изъ розныхъ мраморовъ собранъ предивной работою.

Письма въ той церкви по стѣнамъ и сводамъ зѣло преудивительныя преславной Итальянской живописной работы.

Въ то время я въ той церкви святынь никакихъ не видалъ и всю ту великую церковь не осмотрѣлъ, для того что о видѣніи святыхъ вещей, въ той великой церкви обрѣтающихся, позволенія отъ папы мнѣ не было. И пошелъ я изъ той церкви смотрѣть дому папежскаго, который построенъ при самой соборной апостольской церкви. Однакожъ въ то время того дому всего смотрѣть не могъ, для того что въ лѣтѣ въ томъ домѣ папа никогда не живетъ, а живетъ въ особомъ дому, для того что апостольская соборная великая церковь покрыта вся оловомъ чистымъ, и отъ великаго солнечнаго жару на той кровлѣ бываютъ лучи, отъ которыхъ происходитъ жаръ великій въ тѣ папины палаты; для того папа въ лѣтѣ изъ того дому выѣзжаетъ, а живетъ въ другомъ домѣ, а въ зимѣ пріѣзжаетъ жить въ сей домъ, и для того я въ то время тѣхъ папиныхъ палатъ не видалъ, что ключей отъ папы того дому не взялъ; только видѣлъ въ томъ папинѣ домѣ огородъ изрядный, въ которомъ много изрядныхъ плодовитыхъ деревъ и цвѣтовъ разныхъ родовъ и посажены изрядно растутъ предивною препорціею. Въ томъ же саду множество преславныхъ фонтанъ, изъ которыхъ истекаютъ предивныя чистыя воды. Между тѣми фонтанами видѣлъ одну чудную фонтану, которая преудивительно сдѣлана власно какъ великая гора и зѣло высока. Изъ той горы текутъ многія воды въ одно огороженное бѣлымъ каменемъ мѣсто, и стоитъ въ томъ мѣстѣ тѣхъ водъ прудъ немалый; по срединѣ того пруда сдѣланъ мѣдный корабль великостью въ длину сажени въ полторы, а въ ширину аршина въ три. На томъ кораблѣ сдѣланы щеглы и раины и пушки; а какъ въ тотъ корабль пустили воды, и на томъ кораблѣ сдѣлались изъ воды веревки и парусы и всякіе инструменты, которымъ на кораблѣ быть потребно; также изъ пушекъ, которыя на томъ кораблѣ сдѣланы, побѣжали воды и отдавались голосы власно какъ бы стрѣляли. Также иные въ томъ саду изрядные многіе фонтаны сдѣланы преудивительнымъ мастерствомъ.

Потомъ пришелъ въ папежскую библіотеку, въ которую вступя видѣлъ по сторонамъ поставлены образы рѣзные изъ алебастру святыхъ апостолъ Петра и Павла сдѣланы сидящіе предивнымъ

мастерствомъ. Въ той библіотекѣ видѣлъ одинъ столбъ каменный сдѣланъ витою гладкою работою, толстотою въ верхнемъ концѣ мало будетъ меньше полу-аршина, а въ нижнемъ концѣ будетъ въ три четверти аршина. Тотъ столбъ сдѣланъ изъ такого чистаго камени, что съ одной стороны поставить у того столба запаля свѣчу, и тотъ огонь отъ свѣчи будетъ виденъ скрозь того столба на другой сторонѣ; а сказывали, что тотъ столбъ зѣло высокой цѣны, многихъ тысячъ червонныхъ золотыхъ стоитъ.

Въ той же библіотекѣ видѣлъ зѣло великіе глобусы земной и небесный, изряднымъ математицкимъ мастерствомъ сдѣланы. Въ той же библіотекѣ видѣлъ множество древнихъ книгъ розныхъ языковъ, между которыми видѣлъ басурманскій Алкоранъ, писанъ рукою лживаго басурманскаго пророка Магомета, и иныя старыя письма видѣлъ, которыя писаны разными языки по берестѣ и по дереву, зѣло древнія удивительныя вещи. Въ той библіотекѣ всѣхъ книгъ обрѣтается 40000 слишкомъ. Та библіотека зѣло велика, на три стороны длинныя палаты, во всякую сторону сажень по 30 слишкомъ. Въ тѣхъ палатахъ подлѣ стѣнъ и около столбовъ, на которыхъ столбахъ утверждены въ тѣхъ палатахъ своды, подѣланы изрядные шкафы, которые полны накладены книгъ разныхъ. Изъ той библіотеки поѣхалъ я въ остарію къ себѣ, и ко мнѣ въ остарію того вечера пріѣхалъ одинъ дворянинъ отъ Римскаго воеводы и сказалъ мнѣ, чтобъ я Августа въ 15-й день поѣхалъ рано поутру въ одно мѣсто, которое называется Фрашкато, отъ Риму 12 мил. Ит., смотрѣть предивныхъ фонтанъ, а воевода-де Римскій возьметъ у папы позволеніе и ключи, чтобъ мнѣ могъ показать всѣ святыя вещи, обрѣтающіяся въ Римѣ, и какъ-де ты изъ того мѣста въ Римѣ поворотишься, и въ тоже время увидишь святыню всю, которая есть въ Римѣ. И за ту его любовь я приказалъ чрезъ того дворянина благодареніе и по волѣ его учинилъ.

Августа въ 15-й день. Рано по утру поѣхалъ я до того помяненнаго мѣста Фрашкату, которое отъ Риму разстоянія имѣетъ 12 миль Ит., и, пріѣхавъ въ то мѣсто, сталъ въ остаріи и обѣдавъ изъ той остаріи, пошелъ въ домъ одного Римскаго князя, который называется Бургезо, а тотъ его домъ называется Мондрагонъ. Отъ вышепомяненнаго мѣста Фрашкату шелъ я до того Бургезова дому до Мондрагона изрядными садами, которые построены предивною препорціею изъ кипарисовъ и иныхъ предивныхъ деревъ. Пришедъ въ тотъ домъ, смотрѣлъ палатъ зѣло изрядныхъ и великихъ, въ которыхъ видѣлъ множество предивныхъ картинъ, писанныхъ преславною Итальянскою живописною работою, и иныхъ уборовъ

изрядныхъ въ тѣхъ палатахъ много; обитья кожъ золотыхъ, кроватей съ изрядными завѣсы и зеркалъ и шкатулъ изрядныхъ много жъ. Въ томъ же домѣ видѣлъ изрядныхъ фонтанъ, предивною работою устроенныхъ, много, и на палатахъ въ томъ домѣ устроены изрядныя гульбища, вымощены мелкими каменьи разныхъ цвѣтовъ изрядными узорами преудивительно. Также на тѣхъ палатахъ построены изрядные огороды и цвѣтники предивные, и фонтаны зѣло штуковатыя и предивныя на тѣхъ палатахъ подѣланы, изъ которыхъ великія и многія воды истекаютъ изрядно чистыя.

Потомъ изъ того дому пошелъ до другого дому Римскаго жъ князя, которыя называется Панфилій, а тотъ его домъ зовется Бельведеръ, отъ Бургезова дому недалеко. Около того Панфиліева дому сады зѣло великіе, въ которыхъ растутъ деревья и кипарисныя и иныя всякія зѣло штучно сплетяся вѣтвьемъ, а подъ ними подѣланы проходы изрядные; также домъ его Панфиліевъ построенъ при тѣхъ садахъ зѣло изрядный и великій. При томъ его домѣ передъ палатами его подѣланы великія площади, площадь площади выше; а около тѣхъ площадей подѣланы каменные перила изрядной работы, по которымъ периламъ поставлены горшки великіе и зѣло изрядные; изъ тѣхъ горшковъ растутъ деревья: лимоны, помаранцы и иныя плодовитыя, и цвѣты изрядные разныхъ родовъ, и поставлены тѣ горшки по вышеписаннымъ периламъ изрядною препорціею. На тѣхъ же площадяхъ подѣланы во многихъ мѣстахъ предивныя фонтаны, изъ которыхъ зѣло дивно текутъ вверхъ высоко чистыя, изрядныя воды.

Потомъ пришли въ палаты того Панфилія. Тотъ его домъ изрядною архитектурой построенъ и зѣло великъ и житей множество. Въ тѣхъ палатахъ обоевъ стѣнныхъ много изрядныхъ и картинъ предивныхъ живописныхъ, также кроватей со изрядными завѣсами и всякихъ уборовъ изрядныхъ зѣло жъ много. Передъ тѣми палатами сдѣланъ рундукъ, по которому въ тѣ палаты всходятъ, и когда похочешь и отопрешь воду, тогда изъ того рундука множество потечетъ источниковъ водъ зѣло высоко и идущихъ людей по тому рундуку помочетъ. Также и на дворѣ передъ тѣми палатами предивныя фонтаны; первая фонтана—вырѣзанъ левъ изъ камени, противъ его также изъ камени вырѣзанъ песъ и, когда отопрутъ воду, тогда левъ со псомъ учнутъ биться водою, и та вода отъ нихъ зѣло высоко брызжетъ, и около ихъ потекутъ вверхъ многіе источники водъ зѣло высоко. Потомъ противъ тѣхъ вышеписанныхъ палатъ съ высокой горы течетъ вода многая шириною въ три аршина, а течетъ по ступенямъ власно какъ лѣстница стоитъ узоромъ, а на

верху той горы поставлены высокіе два столба сдѣланы изрядною работою витые; изъ тѣхъ столбовъ изъ верховъ прыщутъ воды вверхъ и упадаютъ сверху тѣ воды паки на тѣжъ столбы и текутъ съ верху тѣхъ столбовъ на ницъ кругомъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, какъ тѣ столбы виты, и обвиваются тѣ воды сами кругомъ тѣхъ столбовъ и сходятъ въ ту воду, которая течетъ съ той помяненной горы лѣстницею, и вся та вода, которая лѣстницей течетъ, сходитъ внизъ на одинъ великій мѣдный глобусъ, который сдѣланъ подъ тою горою у стѣны. На томъ глобусѣ воображены небесныя планеты и звѣзды. И та вода изъ того глобуса течетъ во всякую звѣзду зѣло прытко; а тотъ глобусъ держитъ одинъ человѣкъ сдѣланъ изъ каменя изрядною работою; а передъ тѣмъ каменнымъ человѣкомъ, который тотъ глобусъ на головѣ у себя держитъ, сдѣлано великое творило каменное, въ которое та вода изъ того глобуса впадаетъ, и среди того каменнаго творила сдѣлана предивная фонтана, изъ которой вода брызжетъ вверхъ высоко. По правую сторону того помяненнаго глобуса сдѣланъ человѣкъ изъ камени, держитъ флейты и, когда пустятъ къ нему воду, тогда онъ на тѣхъ флейтахъ заиграетъ изрядные танцы зѣло громогласно. А по лѣвую сторону того жъ глобуса сдѣлано одно подобіе человѣка по поясъ, а отъ пояса сдѣланъ конь изъ камени жъ предивною работою, держитъ въ рукѣ одинъ великій рогъ и тою же водою дѣйствуетъ въ тотъ рогъ, трубитъ подобно тому, какъ зовутъ въ роги при псовой охотѣ, и зѣло громогласно можетъ тотъ голосъ рѻга слышаться въ пяти верстахъ мѣрныхъ. Потомъ сдѣланъ одинъ мужикъ изъ камени жъ, держитъ волынку, воднымъ же дѣйствомъ въ ту волынку играетъ. А какъ тѣ воды всѣ вдругъ во всѣ фонтаны пустятъ, и тѣ воды гремятъ власно какъ бы въ барабаны били. И около тѣхъ фонтанъ многія есть иныя фонтаны, которыя описать подробну трудно. Потомъ вошелъ я въ одни малыя сѣни каменныя, сдѣланныя при тѣхъ фонтанахъ, и въ тѣхъ сѣняхъ изъ своду и изъ помосту и изъ всѣхъ стѣнъ потекло водъ множество, отъ которыхъ не можетъ человѣкъ въ тѣхъ сѣняхъ укрытися никакими мѣрами, чтобы не обмоченъ былъ. Потомъ пришелъ въ одну палату, въ которой видѣлъ пречудныя вещи: первое, что та палата изнутри устроена предивными рѣзьбами и письмами преузорочными живописными подписана. Длиною та палата пяти сажень, а шириною трехъ сажень. Въ той палатѣ противъ дверей у стѣны сдѣлана гора высокая преславнымъ мастерствомъ. По той горѣ сидятъ десять дѣвицъ, вырѣзанныя изъ камени зѣло предивнымъ мастерствомъ и расписаны красками и золотомъ власно какъ живыя, а у каждой дѣвицы

въ рукахъ флейты серебрянныя. А за тою горою поставлены органы изрядные великіе. Передъ тою горою въ той же палатѣ поставленъ одинъ крыластый конь, сдѣланъ изъ алебастру преузорочною работою и, когда пустятъ воду, тогда заиграютъ органы, изрядные куранты, потомъ органы престанутъ, и заиграютъ тѣ вышеписанныя всѣ десять дѣвицъ на всѣхъ флейтахъ такъ изрядно, что уму человѣческому непостижно. Въ той же палатѣ по срединѣ на полу сдѣланъ каменный кругъ, а въ серединѣ того круга просверлено; изъ того мѣста выходитъ изъ той палаты отъ воды вѣтръ, и на то просверленное мѣсто положатъ одно яблоко, которое тѣмъ вѣтромъ подыметъ отъ полу на поларшина вверхъ, и не даетъ ему тотъ вѣтръ упасть, и такъ стоитъ то яблоко на воздухѣ, сколько времени потребно. Въ дверяхъ той палаты съ обѣихъ сторонъ въ притолокахъ утверждены трубы, изъ которыхъ выходитъ отъ воды жъ великій вѣтръ. Также и иныя многія штуки въ томъ домѣ есть, которыхъ подробну всѣхъ описать невозможно; и по инымъ мѣстамъ въ томъ домѣ множество изрядныхъ фонтанъ, изъ которыхъ истекаютъ воды предивными штуками.

Изъ того дому пріѣхалъ въ домъ одного Римскаго жъ князя, въ которомъ видѣлъ много предивныхъ фонтанъ, между которыми одна фонтана, изъ которой вода течетъ въ высоту на 30 сажень и зѣло многоводна. Также иныя фонтаны подѣланы съ горъ, подобно вышеписаннымъ фонтанамъ предивнымъ мастерствомъ устроены, и садовъ изрядныхъ множество, которые растутъ преславною препорціею. Въ томъ же домѣ подѣланы фонтаны въ воротахъ, которыми проходятъ въ сады дѣвицы Римскія гулять и за потѣху тѣми фонтанами обливаются веселясь. Въ томъ же домѣ въ одномъ саду сдѣланъ столъ мраморный немалый, противъ того стола у стѣны сдѣлана одна фонтана отъ того стола въ саженяхъ пяти изрядною работою и, когда въ томъ саду гуляя Римляне или жены ихъ и дѣвицы сядутъ около того стола обѣдать или ужинать или такъ забавиться, и въ то время ту фонтану отопрутъ, и вода изъ той фонтаны прольется на тотъ столъ сверху и сидящихъ около того стола помочитъ всѣхъ, а чинятъ то за утѣху въ любовь и тѣмъ веселятся. И смотря я того дому, поѣхалъ изъ того Фраскату до Риму.

Пріѣхавъ въ Римъ, пришелъ къ одному мѣсту, которое называется по-итальянски Санта-скала, а по-славянску святая лѣстница. Въ томъ мѣстѣ сдѣлана небольшая церковь Римская; въ той церкви положены части мощей многихъ святыхъ; а Римляне говорятъ, что тутъ положены части мощей всѣхъ святыхъ, и заперта та церковь

накрѣпко, и никто въ нее отнюдь не входитъ, и говорятъ Римляне такъ, что тотъ костелъ сдѣланъ въ древнихъ лѣтахъ, и нѣкоторые прежде бывшіе папы покушались въ ту церковь войтить и возбранены были невидимою силою Божіею ослѣпленіемъ очей, и отъ того времени и донынѣ въ ту церковь отнюдь никто не входитъ; а подѣланы въ тотъ костелъ окна и вставлены стекла и, кто хочетъ молитися тамо положеннымъ святымъ мощамъ, тѣ приходятъ къ тѣмъ вышеписаннымъ окнамъ и смотрятъ въ ту церковь скрозь стеколъ и молятся, гдѣ и я, въ тѣ окна смотря, молился тамо лежащимъ святымъ мощамъ. И есть у Римлянъ о той церкви пословица, что будто ту церковь отворитъ, пришедъ на землю, Илья пророкъ и Енохъ. Къ той церкви поставлена лѣстница, та, которая была во Іерусалимѣ у палатъ Пилатовыхъ, по которой лѣстницѣ къ Пилату веденъ Спаситель нашъ Христосъ во время спасительныхъ Своихъ страстей, и на той лѣстницѣ кровь Его божественная истекшая отъ пречистаго Его тѣла, въ трехъ мѣстахъ; и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Его пречистая божественная кровь, положены кресты мѣдные. Та лѣстница сдѣлана изъ бѣлаго мрамору, шириною въ 5 аршинъ, а въ высоту 28 ступеней, а ступени невизкія и зѣло широкія и, кто хочетъ по той лѣстницѣ идтить вверхъ, тотъ повиненъ идтить на ту лѣстницу на колѣняхъ, а ногами по тѣмъ ступенямъ ступать, по которымъ Спаситель нашъ шелъ пречистыми Своими божественными ногами, нынѣ никто не можетъ; и, ставъ на первую ступень на колѣняхъ, повиненъ всякъ проговорить молитву „Отче нашъ“ и, поцѣловавъ ступень, также на колѣняхъ стать на вторую ступень и, на второй ступени стоя на колѣняхъ, туже молитву проговоря и поцѣловавъ третью ступень, стать на третьей ступени на колѣняхъ же, и такъ чинить даже до самаго верху; такъ же и я на ту святую лѣстницу взойтить сподобился. А кто такъ на ту лѣстницу взойтить не похочетъ или за немощью не можетъ того учинить, тотъ можетъ идтить другими лѣстницами, которыя сдѣланы двѣ лѣстницы по обѣ стороны той святой лѣстницы; а внизъ сходятъ отъ того вышеписаннаго костела, въ которомъ положены всѣхъ святыхъ мощи, по другимъ вышеписаннымъ лѣстницамъ.

Потомъ отъ той святой лѣстницы поѣхалъ я до церкви св. мученицы Евпраксіи. Та церковь построена на томъ мѣстѣ, на которомъ мѣстѣ та св. Евпраксія во время мучителя-Нерона въ Римѣ святыхъ мучениковъ, которыхъ тотъ проклятый Неронъ за имя Христово мучилъ, сбирала кровь и покладала въ одномъ мѣстѣ въ землѣ; и нынѣ то мѣсто посредь той церкви, и сдѣлано надъ

тѣмъ мѣстомъ каменное творило, въ которомъ поставленъ мученицы Евпраксіи образъ рѣзной алебастровый, сдѣланъ предивною работою; и мощи мученицы Евпраксіи погребены на томъ же мѣстѣ.

Въ томъ же костелѣ на правой сторонѣ въ притворѣ есть столбъ, у котораго былъ Спаситель нашъ Христосъ привязанъ отъ Евреевъ и бичеванъ во время святыхъ и спасительныхъ Своихъ вольныхъ страданій. Тотъ столбъ высотою въ полтора аршина, а шириною внизу въ поларшина, а вверху тонѣ, и сдѣланъ наверху капитель гладкою работою и отъ древнихъ лѣтъ поизбился. И сдѣланъ тотъ столбъ изъ мраморовато камени цвѣтомъ мѣшаяся бѣлый цвѣтъ съ чернымъ, какъ обычайно быть аспиду. Тотъ столбъ поставленъ надъ алтаремъ, и около его повѣшаны четыре лампады серебрянныхъ небольшихъ, въ которыхъ всегда горитъ масло деревянное, а противъ его сдѣлано подъ тотъ алтарь окно, въ которое тотъ столбъ можно совершенно видѣть. Та церковь святыя мученицы Евпраксіи великая, изряднымъ украшеніемъ убрана. И бывъ я у того столба, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ.

И того жъ числа пріѣхалъ ко мнѣ отъ Римскаго воеводы одинъ папежскій дворянинъ съ каретою и говорилъ мнѣ, чтобъ я въ той каретѣ поѣхалъ видѣть нѣкоторыя святыни, и я въ той каретѣ поѣхалъ въ одинъ дѣвическій монастырь, въ которомъ живутъ законницы, которыя называются Францишканки. Въ томъ монастырѣ церковь во имя Іоанна Крестителя великая, изнутри устроены своды и стѣны преудивительною алебастровою рѣзьбою золоченою и мраморами изрядными. Въ той церкви сподобился я видѣть нерукотворенный образъ Спасителя нашего Христа, который образъ Свой святой творецъ нашъ Іисусъ Христосъ послалъ ко Авгарю. Тотъ пресвятой образъ мѣрою въ высоту въ поларшина, а въ ширину мало поуже, и нынѣ обложенъ весь золотомъ, только знатно воображеніе пресвятаго божественнаго Его лица, которое подобится древнимъ Греческимъ письмамъ, а на какой матеріи то Его спасительное лицо воображено, того за многими годы познать невозможно.

Потомъ видѣлъ въ той же церкви главу св. Іоанна Крестителя, которая имѣетъ на себѣ плоть и кожу и власы и очи растворенныя. Положена та его святая глава на золотой доскѣ и оставлена вся хрусталями, скрозь которыхъ вся явственно видима. Изъ того дѣвическаго монастыря, поблагодарствовавъ игуменьѣ, поѣхалъ до езувитскаго монастыря, въ которомъ есть академія великая, въ той академіи учится всегда множество учениковъ. Въ томъ мона-

стырѣ церковь во имя апостола св. Варѳоломея великая и зѣло предивная, украшена изнутри рѣзьбами алебастровыми предивными золочеными и мраморами преславными. Въ той церкви подъ алтаремъ положена часть мощей св. апостола Варѳоломея. Изъ того езувитскаго монастыря пріѣхалъ я до другого езувитскаго монастыря, въ которомъ церковь видѣлъ зѣло предивнымъ украшеніемъ убрану, также алебастрами разными золочеными преславною работою сдѣланными и мраморами предивными разныхъ цвѣтовъ. Въ той церкви на лѣвой сторонѣ дѣлаютъ въ придѣлѣ алтарь весь изъ предивныхъ разныхъ мраморовъ такою преудивительною работою, что которой преславной работы подробну описать невозможно.

Потомъ пріѣхалъ до церкви, которая сдѣлана во имя Пресвятыя Богородицы, а по-итальянски называется та церковь Кезаля Мадона. Та церковь изнутри сдѣлана вся изъ разнымъ цвѣтныхъ мраморовъ предивнымъ мастерствомъ. Когда въ тотъ костелъ придешь, и отъ тѣхъ мраморовъ отдается глянецъ власно какъ отъ зеркалъ. Сводъ той церкви весь рѣзной алебастровый вызолоченъ.

Потомъ былъ въ домѣ одного кардинала, который называется Отобони. Кардиналъ тотъ породою Венеціанинъ, и домъ его превеликій строенія предивнаго, и уборы въ палатахъ преузорочные.

Потомъ былъ въ домѣ одного Римскаго князя, который домъ былъ изготовленъ для пріѣзду Московскихъ пословъ, когда чаяли имъ быть въ Римъ. Въ томъ домѣ видѣлъ высѣченнаго изъ одного камени превеликаго быка предивною работою сдѣланнаго; также видѣлъ изъ камени высѣчены подобія древнія Геркулеса, Меркурія, Ахиллеса и иныхъ изрядною работою сдѣланы, а сказываютъ, что тѣ подобія древнихъ лѣтъ найдены въ землѣ.

Потомъ пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ, и тотъ папежскій дворянинъ, который со мною ѣздилъ, проводилъ меня до той остаріи и поѣхалъ къ себѣ.

Августа въ 16-й день. Поутру рано пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію тотъ же папежскій дворянинъ съ каретою. Поѣхалъ я съ нимъ до великой соборной апостольской церкви и, пріѣхавъ къ той церкви, вошелъ въ палату, которая у той церкви есть сосудохранительница. Та палата великая, подлѣ стѣнъ вокругъ той всей палаты подѣланы шкафы, въ которыхъ стоятъ сосуды и кладутъ ризы и всякія церковныя вещи. На срединѣ той палаты сдѣланъ зѣло великій шкафъ съ выдвижными ящиками, поставленъ на рундукѣ. На томъ шкафѣ стоитъ крестъ, на которомъ сдѣлано тѣло Господа Іисуса рѣзною работою изъ дерева зѣло пречудно. У того шкафа

облачаются попы, хотящіе служить обѣдни. Въ ящикахъ того шкафа лежатъ ризы, въ которыхъ служатъ повсядневно, и сосуды повсядневные стоятъ тутъ же. Въ той сосудохранительницѣ видѣлъ одну чѣпь желѣзную немалую, которую въ древнихъ лѣтахъ взялъ одинъ кесарь Римскій изъ Турецкаго порту, т. е. изъ пристанища морского, которою чѣпью тотъ портъ Турки отъ приходу непріятельскихъ людей запирали.

Въ той вышепомяненной сосудохранительницѣ три попа Римскихъ, которые называются каноники, облачались и, взявъ запаленныя свѣчи, пошли къ тому мѣсту въ великую церковь, гдѣ стоитъ нерукотворенный образъ Господа Іисуса Христа и иныя многія святыя вещи. То мѣсто въ той великой церкви позади великаго алтаря въ стѣнѣ отъ помосту церковнаго высоко, сдѣлана одна палата; изъ той палаты сдѣланы въ великую церковь двери, предъ тѣми дверьми сдѣланъ помостъ и огороженъ перилами; и тѣ вышепомяненные три каноника, которые облачась на то мѣсто пошли, пришедъ на томъ помостѣ зажгли по периламъ свѣчи числомъ восемь свѣчъ великихъ бѣлаго воску. Потомъ зазвонили въ той верхней церкви въ колоколъ, и всѣ люди, которые въ то время были въ великой церкви, стали на колѣни, и изъ вышепомяненныхъ трехъ каноников одинъ вынесъ изъ дверей той верхней палаты на помостъ крестъ святой, сдѣланъ изъ дерева самаго креста Христова и обложенъ золотомъ изрядною работою съ каменьемъ. Тотъ крестъ величествомъ въ поларшина, сдѣланъ четвероконеченъ. И держалъ тотъ святой крестъ на томъ помостѣ время немалое, показывая его мнѣ; потомъ отнесъ его въ ту палату и, паки зазвоня въ колоколъ, вынесъ на тотъ же помостъ нерукотворенный образъ Спасовъ, который образъ Творецъ нашъ во время спасительныхъ Своихъ страстей подалъ одной вѣрной женѣ, которая именовалась Вероника. Тотъ святой образъ мѣрою въ поларшина въ высоту, а въ ширину мало меньше подобіемъ какъ пишутъ Греческія иконы, однакожъ съ тѣмъ святымъ нерукотвореннымъ образомъ, о которомъ я писалъ въ сей книгѣ выше сего, и обложенъ сей святой образъ золотомъ съ каменьемъ предивною работою. И держалъ его тотъ каноникъ на томъ помостѣ часъ довольный, чтобъ я могъ его совершенно видѣть; однакожъ на какой матеріи тотъ святой образъ воображенъ, того видѣть неможно, для того что отъ меня былъ высоко. И отнесъ тотъ святой образъ въ тужъ палату, паки зазвонилъ въ колоколъ. И вынесъ тотъ же каноникъ на тотъ же помостъ копіе, которымъ во время страданія Господа нашего Іисуса Христа на крестѣ пробитъ былъ божественный Его бокъ, и дер-

жалъ то копіе на томъ помостѣ также немало времени, чтобъ я могъ его добре видѣть; однакоже совершенно осмотрѣть было неможно, для того что отъ меня было высоко. И задѣлано то копіе въ срединѣ одного хрусталя чистаго и скрозь тотъ хрусталь видится. То святое копіе длиною въ четверть аршина или мало больше, а какимъ подобіемъ сдѣлано, того подлинно усмотрѣть неможно. Однакожъ видѣлъ я написано того копья подобіе сдѣлано, какъ дѣлаются рогатины, не длинно, широковато. И тотъ хрусталь, въ которомъ то копье задѣлано, оправленъ золотомъ съ алмазы и съ инымъ каменьемъ изряднымъ мастерствомъ; и, показавъ мнѣ, отнесъ его паки въ тужъ палату и сошелъ ко мнѣ нанизъ и сказалъ мнѣ, чтобъ я пошелъ съ нимъ въ особую палату, которая придѣлана къ вышеписанной сосудохранительницѣ. Въ той палатѣ множество стоитъ святыхъ мощей и всякихъ святынь, которыя мнѣ всѣ показывали.

Изъ той палаты пошелъ я внизъ въ тѣ палаты, которыя подъ великою церковью сдѣланы. Тѣхъ палатъ есть множество, между которыми есть и каплицъ, т. е. церквей Римскихъ множество. Въ тѣхъ нижнихъ каплицахъ видѣлъ я образъ святыхъ апостолъ Петра и Павла древняго письма Греческаго. Написаны святые апостоли на одной доскѣ, мѣрою въ вышину три четверти аршина, а въ ширину мало меньше. Тотъ образъ явился-де царю Констянтину въ Римѣ и тѣмъ явленіемъ понудилъ его воспріять святое крещеніе. Также и иныхъ святыхъ вещей древнихъ множество, которыхъ подробну описать невозможно. Въ тѣхъ же нижнихъ каплицахъ видѣлъ святые образы, сдѣланные въ стѣнахъ изъ мелкихъ каменей безъ красокъ пречуднымъ мастерствомъ. Тамъ же въ нижнихъ палатахъ видѣлъ множество гробовъ древнихъ Римскихъ кесарей и папъ и иныхъ всякихъ. Тамъ же видѣлъ образовъ рѣзныхъ изъ алебастру и иныхъ всякихъ каменей, изрядною предивною работою древнею сдѣланныхъ, между которыми видѣлъ образъ св. апостола Петра, который прежде сего стоялъ въ великой церкви на правой сторонѣ, котораго приходя народъ въ церковь цѣловалъ въ ногу, а нынѣ на томъ мѣстѣ поставленъ образъ св. апостола Петра литой изъ мѣди. Сей святой образъ апостола Петра, который въ нижнихъ палатахъ, высѣченъ изъ алебастру изрядной древней работою, сидящій, котораго и нынѣ въ тѣхъ нижнихъ палатахъ приходящіе цѣлуютъ ногу, юже и я сподобился цѣловати. Тамъ же въ нижнихъ палатахъ одна малая церковь Римская у того мѣста, въ которомъ мѣстѣ лежатъ святыя тѣлеса апостольскія Петра и Павла. На томъ престолѣ стоитъ образъ святыхъ апостолъ Петра и Павла спи-

санъ съ вышеписаннаго образа, который явился царю Констянтину. Та церковь сдѣлана близко тѣлесъ святыхъ апостолъ Петра и Павла, для того что на великомъ алтарѣ, который сдѣланъ въ великой церкви, надъ тѣлесами святыхъ апостолъ Петра и Павла, кромѣ самого папы Римскаго служить никто не можетъ; и которые попы хотятъ служить на алтарѣ святыхъ апостолъ Петра и Павла близко ихъ святыхъ тѣлесъ, тѣ сходятъ нанизъ подъ великую церковь и служатъ на семъ вышеписанномъ алтарѣ. Тотъ алтарь сдѣланъ во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла. Въ тѣхъ же нижнихъ палатахъ видѣлъ множество всякихъ древнихъ вещей, которыхъ для продолженія времени подлинно не записывалъ.

Потомъ, вышедъ я изъ нижнихъ палатъ въ великую церковь, просилъ о томъ вышепомяненныхъ каноников, чтобъ мнѣ идтить на верхъ той великой церкви, и тѣ каноники тотчасъ отперли мнѣ двери, въ которыя я пошелъ на верхъ той великой церкви изрядными пространными всходами круглыми и прямыми, которые всходы преизряднымъ мастерствомъ сдѣланы и зѣло пространны. И какъ взошелъ я на ту великую церковь, и на той церкви построено много великихъ изрядныхъ палатъ для всякихъ потребъ церковныхъ. Кровля на той церкви вся оловянная, а въ иныхъ мѣстахъ крыта желѣзомъ бѣлымъ и черепицею. Потомъ пошелъ я на верхъ осмерика, который сдѣланъ на той великой церкви зѣло великъ и высокъ безмѣрно, покрытъ весь оловомъ. Съ того осмерика видѣть весь Римъ съ подлежащими къ нему ближними мѣсты, и въ дальнихъ мѣстахъ верстахъ въ двадцати и больше видѣть многіе городы и села и деревни. Съ того жъ осмерика видѣть море отъ Риму 25 миль Итальянскихъ. Съ того осмерика пошелъ я еще вверхъ на шею, которая сдѣлана на томъ осмерикѣ зѣло велика и высока. Изъ той шеи по самымъ тѣснымъ лѣстницамъ каменнымъ и желѣзнымъ взошелъ въ самое верхнее яблоко, которое сдѣлано изъ мѣди и вызолочено. То яблоко великостью какъ можно въ него вмѣститься 20 человѣкамъ, а съ земли видится таково мало, какъ бы можно обнять двумя пядьми, для того что та церковь безмѣрно высока до осмерика, потомъ осмерикъ превеликій и зѣло высокій, на томъ осмерикѣ шея безмѣрной же высокости, на той шеѣ то вышеписанное яблоко, на томъ яблокѣ поставленъ крестъ великій, который видится отъ земли зѣло малъ.

Внутри та церковь убрана предивнымъ Итальянскимъ живописнымъ письмомъ и рѣзьбами алебастровыми преславными и каменьемъ мраморовымъ узорочнымъ, котораго убору той церкви подробну никто описать не можетъ. Въ той великой церкви подѣ-

лано много зѣло алтарей Римскихъ, по которымъ множество есть святыхъ мощей, между которыми на лѣвой сторонѣ той великой церкви въ одномъ придѣлѣ подъ алтаремъ обрѣтаются святыя мощи крѣпкаго столпа церковнаго и учителя вселенной, проповѣдника покаянія, святѣйшаго Константинопольскаго патріарха киръ Іоанна Златоустаго, а сказываютъ, что-де тѣ его всѣ святѣйшія мощи принесены въ Римъ изъ Константинополя въ древнихъ лѣтахъ. Также и иныхъ святыхъ мощей по тѣмъ придѣламъ множество. Высокостью та церковь въ длину и со алтаремъ сажень, а въ ширину сажень *). У той великой церкви есть канониковъ и поповъ больше ста человѣкъ. Богатства въ той великой церкви, каменью узорочнаго, алмазовъ, яхонтовъ и изумрудовъ, лаловъ во всякомъ церковномъ строеніи, также жемчугу, золота, серебра и иныхъ всякихъ дорогихъ узорочныхъ вещей неудобь-сказаемое множество, собрано отъ древнихъ лѣтъ папежами и самими кесарями Римскими древними. Иконъ святыхъ предивныхъ Греческихъ древнихъ писемъ множество, также и по стѣнамъ есть во многихъ мѣстахъ древнія Греческія письма святыхъ иконъ. Передъ рундукомъ, который сдѣланъ къ той церкви, о которомъ писано выше сего, сдѣланы по сторонамъ два столба каменные невысокіе, на одномъ святаго Петра, на другомъ святаго Павла апостоловъ образы, вырѣзаны изъ алебастру предивнымъ мастерствомъ. Св. Петръ имѣетъ въ рукѣ ключи, а св. Павелъ держитъ въ рукѣ мечъ, изъявляя, что его пречестнѣйшая глава за исповѣданіе Христово отъ проклятаго Нерона мечемъ усѣчена. Тамъ же подъ великою церковью видѣлъ я ретрату, т.-е. персону, высѣченную изъ бѣлаго камени, проклятаго мучителя, Нерона, которая не токмо дѣломъ, и видѣніемъ подобится самому дьяволу.

Въ ту великую церковь изъ паперти сдѣланы пятеры двери, между которыми среднія самыя двери бываютъ всегда заперты мѣдными литыми затворы, которые сдѣланы изрядною работою. Въ тѣ двери никогда никто не входитъ, и никогда ихъ ни для никого не отворяютъ, и самъ папа тѣми дверьми въ ту церковь не всегда входитъ, только входитъ въ ту церковь папа тѣми дверьми въ то время, когда за какое великое къ народу Божіе милосердіе похочетъ папа благодареніе Богу воздать публично, т.-е. соборно. Тогда придетъ папа къ тѣмъ дверямъ, держа въ рукѣ молотокъ желѣзный, и тѣмъ молоткомъ ударитъ въ тѣ двери трожды и, стоя при тѣхъ дверяхъ, говоритъ нѣкоторыя ко Богу благодарныя молитвы; потомъ тѣ двери за третьимъ удареніемъ вышеписаннаго

*) Такъ въ рукописи. *П. Б.*

молотка отворяются, и папа со всѣмъ соборомъ въ тѣ двери войдетъ и за то всему католицкому народу учинитъ отпущеніе грѣховъ, на сколько лѣтъ по разсужденію своему похочетъ.

Изъ той церкви поѣхалъ я до папежскаго шпиталя и пришелъ въ нижнія палаты, въ которыхъ на срединѣ каплица, т.-е. церковь Римская для болящихъ. При той церкви поставлены изрядные великіе органы. Въ тѣхъ палатахъ видѣлъ я множество болящихъ, лежатъ по кроватямъ на перинахъ и на бѣлыхъ простыняхъ, и всякій тамъ болящимъ покой въ пищѣ и въ лекарствахъ и во всемъ чинится папиною казною. Потомъ изъ тѣхъ нижнихъ палатъ въ томъ шпиталѣ взошелъ я въ верхнія палаты, гдѣ видѣлъ лежатъ болящіе дворянскихъ породъ, которые за бѣдностью не могутъ себѣ особно имѣть дохтура. Тѣ приходятъ въ тотъ шпиталь и лежатъ въ тѣхъ палатахъ. Кровати имъ подѣланы хорошія съ завѣсами, и всякіе покои устроены изрядно. На другой сторонѣ тѣхъ верхнихъ палатъ сдѣланы предивныя палаты и убраны изнутри изрядными уборами. Въ тѣхъ палатахъ поставлены кровати изрядныя золоченыя съ камчатыми завѣсами и постели изрядныя съ чистыми изрядными простынями. И когда заболитъ высокой породы человѣкъ или князь Римскій или сенаторскаго роду честнаго и за недостатками своими дохтура нанять себѣ не можетъ, тѣ приходятъ въ тотъ шпиталь папежскій и лежатъ въ тѣхъ убранныхъ палатахъ. Потомъ пришелъ я въ аптеку, которая построена у того шпиталя для потребъ болящихъ. Въ той аптекѣ видѣлъ инструменты многіе, которыми отрѣзываютъ у людей руки и ноги и пальцы. Тутъ же видѣлъ инструментъ, на который посадя человѣка привяжутъ, у котораго хотятъ вырѣзать камень изъ нутри. Также видѣлъ въ той аптекѣ много лекарствъ убранныхъ въ изрядныхъ сосудахъ, а поставлены по препорціи предивно. Въ той аптекѣ для услуги болящихъ есть четыре человѣка дохтуровъ, потомъ лекари, аптекари, медицины—всѣ на папежской платѣ. Потомъ видѣлъ поварню, въ которой про тѣхъ вышеписанныхъ болящихъ держатъ ѣсть. Та поварня сдѣлана изрядно и судовъ множество мѣдныхъ и оловянныхъ, и зѣло всѣ чисты. Потомъ пришелъ въ ту палату, гдѣ обѣдаютъ тѣ люди, которые въ томъ шпиталѣ болящимъ служатъ, дохтуры и иныхъ чиновъ. Въ тотъ часъ, какъ я въ ту палату вошелъ, и въ той палатѣ тѣхъ болящихъ слуги обѣдали. А со мною въ ту палату вошелъ одинъ законникъ породою Полякъ, который въ томъ шпиталѣ устроенъ отъ папы начальникомъ надо всѣми. Тотъ законникъ тѣмъ людямъ, которые тамъ обѣдали, велѣлъ пить вино за мое здоровье всѣмъ, которые наливъ по рюмкѣ

всѣ вдругъ, поздравя мнѣ, выпили и рюмки всѣ за почтеніе наше побили. Такихъ шпиталей есть въ Римѣ 18 по разнымъ мѣстамъ. Потомъ изъ того шпиталя поѣхалъ я къ себѣ въ остарію, для того что уже приспѣлъ часъ обѣда.

Того жъ числа по обѣдѣ пріѣхалъ ко мнѣ тотъ же папежскій дворянинъ, который и прежде со мной ѣздилъ, и привезъ ко мнѣ карету, въ которой я поѣхалъ до костела, который называется Санта-Марія Маіоръ, т. е. святой Маріи Большой. Въ той церкви видѣлъ богатства много въ сосудохранительницѣ сосудовъ золотыхъ съ алмазы и разными каменьи, и серебра въ церковныхъ вещахъ множество. Видѣлъ тутъ на алтарь Римскій вмѣсто пелены литую серебрянную доску великую предивнымъ мастерствомъ сдѣлану, въ которой вѣсомъ много будетъ серебра. Потомъ видѣлъ образъ Христовъ и образы двунадесятъ апостолъ литые серебрянные, который каждый въ себѣ имѣетъ вѣсу по 30 фунтовъ, также въ подсвѣчникахъ и лампадахъ и въ крестахъ и въ иныхъ вещахъ церковныхъ зѣло много серебра.

Въ той же церкви видѣлъ налоицы небольшіе изрядные сдѣланы складные изъ одного дерева Хинской работы, а прислалъ тѣ налои въ Римъ Хинскій царь въ тотъ вышеписанный костелъ въ нынѣшнемъ времени, имѣя вѣру къ образу Пресвятыя Богородицы, который Ея образъ въ томъ есть костелѣ письма Луки евангелиста; а сдѣлалъ то Китайскій царь для проповѣди езувитской, которые езувиты есть и нынѣ въ Хинахъ, т. е. въ Китаяхъ на проповѣди Слова Божія, обращаютъ идолопоклонниковъ на вѣру Христову.

Другихъ святыхъ вещей въ той церкви того числа видѣть я не могъ, для того что которыя есть святыя вещи, обрѣтаются въ той церкви, тѣ всегда бываютъ замкнуты, и сего числа поповъ, у которыхъ бываютъ ключи, въ той церкви не было. Тотъ костелъ зѣло великъ; была предъ тѣмъ церковь Греческая, а нынѣ Римская; украшеніе въ той церкви предивное, рѣзьбы алебастровыя, мѣстами золоченыя, и мраморы изрядные разныхъ цвѣтовъ.

Отъ той церкви поѣхалъ я до церкви, которая называется Санъ-Янъ-Лютеранъ. Та церковь была Греческая, построена царемъ Константиномъ близко его дому и была при царѣ Константинѣ церковь Римская соборная; зѣло суть велика, и много въ ней столбовъ. Въ длину въ той церкви построены столбы въ четыре ряда, изъ которыхъ въ ней есть безъ мала сто столбовъ. При тѣхъ столбахъ нынѣ придѣланы алтари Римскіе предивною работою изъ розныхъ мраморовъ, которые цѣнятся каждый алтарь по пяти тысячъ шкудовъ Римскихъ; также и все украшеніе въ той церкви изрядное.

Среди того костела противъ настоящаго алтаря поставленъ престолъ, на которомъ св. апостолъ Петръ отправлялъ святую литургію. Тотъ престолъ сдѣланъ изъ кипарисныхъ досокъ простою плотничною работою и сколоченъ желѣзными гвоздями. Длиною тотъ престолъ аршина въ три, а шириною въ аршинъ, а высотою съ четвертью въ аршинъ. Около того престола убрано пеленами изрядными, а хотящимъ его голый видѣть тѣ пелены отнимаютъ и кажутъ. Около того престола по угламъ поставлены высокіе четыре столба сдѣланы изъ дерева изрядною сницарскою работою золочены. На тѣхъ столбахъ сдѣлано мѣсто великое также изрядною сницарскою работою, и все вызолочено. На томъ мѣстѣ положены главы святыхъ апостолъ Петра и Павла. Также надъ тѣми ихъ святыми главами и кровля сдѣлана изрядною рѣзною работою вся золоченая жъ. И того числа я тѣхъ святыхъ апостольскихъ главъ видѣть не сподобился, для того что некому было ихъ показать, поповъ въ то время тутъ не было; только я въ той церкви того числа видѣлъ доску того стола, на которомъ Царь Славы Іисусъ Христосъ учинилъ тайную вечерю въ дому Зеведеевѣ со святыми Своими ученики. Та доска сдѣлана простою плотничною работою изъ кипарисныхъ досокъ и нынѣ отъ многихъ лѣтъ черна, а гнилости въ ней нимало нѣтъ, вся цѣла, и побиты въ той столовой доскѣ во многихъ мѣстахъ желѣзные гвозди, а въ иныхъ мѣстахъ такими жъ малыми желѣзными гвоздьми прибиты обрѣзки бѣлаго желѣза, т. е. жести. Мѣрою та доска была въ длину аршина въ полчетверта, а шириною въ аршинъ съ небольшимъ, а нынѣ перерѣзана пополамъ, и сложены обѣ половины вмѣстѣ и поставлены въ церковной стѣнѣ за стекольчатой окончиною и желѣзною рѣшеткою заставлена наглухо.

Въ той же церкви того жъ числа видѣлъ ковчегъ стараго закону, въ которомъ была у Іудей манна. Тотъ ковчегъ сдѣланъ изъ досокъ простою плотничною работою, невеликъ, въ длину аршинъ, а въ ширину и въ высоту меньше аршина, поставленъ въ шкафѣ въ церковной стѣнѣ за желѣзною рѣшеткою. Подъ тѣмъ ковчегомъ видѣлъ положенный жезлъ Аароновъ переломленъ пополамъ, а сдѣланъ былъ изъ бѣлыхъ и черныхъ костей узоромъ на желѣзномъ прутѣ подобіемъ тѣмъ, какъ дѣлаютъ посохи Римскихъ архіереевъ.

Потомъ я отъ того костела поѣхалъ въ домъ одного Римскаго князя, въ которомъ видѣлъ изрядный огородъ. Въ томъ огородѣ изрядныя плодовитыя деревья и цвѣты и травы изрядныя разныхъ родовъ, посажены всѣ изрядною препорціею. Въ томъ же саду мно-

жество предивныхъ фонтанъ, которыя нечаянно обливаютъ входящихъ въ тотъ огородъ по дорогамъ, которыя подѣланы въ томъ огородѣ, и изъ дверей, которыя сдѣланы въ тотъ огородъ и изъ того огорода фонтаны, и въ палаты во всѣхъ мѣстахъ подѣланы предивныя фонтаны. Въ томъ же саду у стѣны сдѣланъ одинъ чердакъ небольшой обвѣшенъ сѣтками, и въ немъ много птицъ изрядныхъ. Передъ тѣмъ чердакомъ при дверяхъ лежитъ одинъ камень, и кто, хотя въ тотъ чердакъ войтить или посмотрѣть, и вступитъ ногою на тотъ камень, тогда тотъ камень мало поворотится, и потекутъ вверхъ изъ земли многія около того камня воды, которыя обольютъ того человѣка всего, который на тотъ камень вступитъ. И въ иныхъ мѣстахъ такіе же камни положены, около которыхъ нечаянно брызжутъ воды и обливаютъ вступившихъ на тѣ камни. Также во многихъ мѣстахъ кто похочетъ отворить которую дверь и тѣмъ отвореніемъ отопретъ фонтаны, изъ которыхъ всего его водами обольетъ. Потомъ пошелъ въ палаты, которыя построены въ томъ огородѣ, и вошелъ въ подземныя сѣни; тутъ видѣлъ каркадиловъ и змѣевъ зѣло великихъ, повѣшены для показанія въ тѣхъ сѣняхъ подъ сводомъ. Потомъ взошелъ въ среднія палаты, въ которыхъ сдѣланы у дверей затворы склянишные подобно тому, какъ дѣлаютъ окончины, а по сторонамъ тѣхъ дверей поставлены многія кресла, между которыми есть одни кресла сдѣланы фигурою; когда кто въ тѣхъ креслахъ сядетъ, и на тѣхъ креслахъ, гдѣ опираться руками, сдѣланы яблоки точеныя деревянныя, которыя вертятся и, когда кто похочетъ скрозь тѣ склянишныя двери посмотрѣть и тотъ, который сидитъ въ тѣхъ вышеписанныхъ креслахъ, которыя сдѣланы фигурою, вышеписаннымъ яблокомъ поворотитъ, и изъ тѣхъ вышеписанныхъ склянишныхъ дверей потечетъ между стеколъ изъ свинцу вода изъ многихъ мѣстъ и хотящаго въ тѣ двери смотрѣть нечаянно всего обольетъ. Потомъ взошелъ въ верхнія палаты, въ которыхъ видѣлъ много ружья-пищалей Турецкихъ и Московскихъ работъ и Нѣмецкихъ, между которымъ ружьемъ видѣлъ два карабина предивные въ серебряныхъ ложахъ; по тѣмъ по всѣмъ ложамъ множество яхонтовъ червчетыхъ поставлено въ золотѣ узоромъ. Также и иныхъ вещей въ томъ домѣ въ верхнихъ палатахъ видѣлъ множество, между которыми вещьми видѣлъ среди палаты на изрядной кровати лежитъ мумія, т. е. древнихъ лѣтъ человѣкъ, которыхъ находятъ въ песчаномъ морѣ: когда котораго человѣка въ песчаномъ морѣ засыплетъ пескомъ, тогда тотъ человѣкъ и съ платьемъ не можетъ сгнить даже до кончины свѣта. Тѣхъ людей съ великимъ трудомъ достаютъ дохтуры для того, что употребляютъ ихъ въ лекар-

ства, и такой мумій въ тѣхъ палатахъ на помяненной кровати лежитъ цѣлый человѣкъ и въ платьѣ, въ которомъ былъ засыпанъ въ песчаномъ морѣ, и одѣтъ одѣяломъ на той кровати, которое одѣяло сдѣлано изъ птичьяго перья зѣло изрядно. Въ той же палатѣ видѣлъ кожу человѣческую выдѣланную, которая цѣлая снята съ одного Турчанина и выдѣлана подобно тому, какъ выдѣлываютъ оленьи кожи. Та кожа толста, толще оленьи, подобна толщиною толстому сафьяну, а цвѣтомъ была какъ бумага, и лоскъ съ одной стороны какъ на бумагѣ, а съ другой стороны подобна оленьи кожѣ. Въ той же палатѣ видѣлъ множество птицъ и звѣрей и змѣй разныхъ родовъ засушенныхъ для показанія, также и костей цѣлыхъ мартышекъ и Индѣйскихъ мышей, которыя кости ихъ не развалились, только съ нихъ сняты кожи, и мясо и жилы отравлены. Тутъ же видѣлъ четыре птицы, которыя называются гамаяны, цѣлыя и въ перьяхъ, также и иныхъ разныхъ родовъ птицъ положены въ скляннишныхъ сосудахъ въ двойное вино и съ перьемъ для того, что всякое животное въ двойномъ винѣ не истлѣваетъ. Въ той же палатѣ видѣлъ кожу одного барана, который имѣлъ двѣ головы. Тамъ же видѣлъ теленковую кожу о двухъ головахъ и объ осми ногахъ и два хвоста: тѣ обѣ кожи, баранья и телячья, для смотрѣнія набиты сѣномъ и стоятъ власно какъ живы. Тамъ же видѣлъ древнихъ людей, которые назывались гиганты; зубъ зѣло великъ и кость отъ шеи такъ велика, какъ бы небольшой стулъ. Тутъ же видѣлъ иныхъ древнихъ лѣтъ предивныя вещи, которыхъ всѣхъ подробну описать вскорѣ трудно. Между тѣми вещами видѣлъ одинъ пенязь—той монеты, которую монету отъ проклятыхъ Жидовъ за Спасителя нашего Христа Іисуса взялъ проклятый сатанинъ угодникъ Іуда.

Потомъ изъ того дому пошелъ я до своей кареты, а карета моя стояла у воротъ того огорода, и меня изъ того огороду Римляне, проводя до кареты, отдали мнѣ виватъ, отперли фонтаны, изъ которыхъ потекли многія воды около моей кареты. Изъ того дому пріѣхалъ я въ вечеръ въ остарію, въ которой стоялъ. Въ томъ часѣ прислалъ ко мнѣ папа конюшаго своего кавалера Мальтійскаго командатора, который называется Шпрето. Тотъ конюшій поздравилъ мнѣ отъ папы и говорилъ мнѣ, что папино величество велѣлъ меня спросить, которыхъ еще хочу въ Римѣ видѣть вещей, и чтобы тотъ его конюшій со мною ѣздилъ и все, чего я хочу видѣть, чтобъ мнѣ показывалъ. За ту папежскую милость я благодарствовалъ и чего хотѣлъ видѣть, о томъ ему сказалъ, и тотъ конюшій отъ меня того вечера поѣхалъ и обѣщалъ ко мнѣ быть поутру рано.

Того жъ вечера прислалъ ко мнѣ папежъ 20 сулей винъ розныхъ и пять сыровъ изрядныхъ по обыкновенію своему, какъ есть обычай папамъ изъ своего дому обсылать пріѣзжихъ знатныхъ форестировъ, за которыя присланныя вещи я присланнымъ отъ папы благодарствовалъ и подарилъ ихъ чѣмъ надлежало.

Августа въ 17-день. Поутру рано пріѣхалъ ко мнѣ помяненный Мальтійскій кавалеръ папежскій конюшій съ папежскими двумя каретами, въ которыхъ каретахъ я съ нимъ поѣхалъ гулять и пріѣхалъ прежде до одного шпиталя зѣло великаго, въ которомъ болящихъ есть 500 человѣкъ мужеска полу, а на другой сторонѣ въ томъ же шпиталѣ въ особыхъ палатахъ есть болящихъ женскаго полу 300 душъ. Сдѣланъ тотъ шпиталь подобно тому, что̀ я прежде въ Римѣ видѣлъ, о которомъ писалъ въ сей книгѣ выше сего; только сей шпиталь съ вышеписаннымъ разнится въ томъ, что въ семъ шпиталѣ пріѣзжая Римскіе князи и сенаторы и всякіе честные люди и дѣти ихъ мужеска полу служатъ болящимъ изъ произволенія своего Христа ради, надѣвъ на себя худое платье, которое носятъ того шпиталя работники, и привозятъ изъ домовъ своихъ изрядныя яства въ тотъ шпиталь болящимъ и сахары и конфекты и фрукты на изрядныхъ серебряныхъ блюдахъ изрядно убранные, и тѣми яствами и сахарами и конфектами и фруктами потчиваютъ болящихъ и служатъ имъ со всякимъ усердіемъ. Также и жены честныхъ людей и дочери - дѣвицы чинятъ сему подобно въ томъ же шпиталѣ болящимъ женамъ и дѣвицамъ, а дѣлаютъ такое милосердіе неимущимъ, желая себѣ милосердія Божія.

Изъ того шпиталя пріѣхалъ я въ костелъ, который называется Санъ-Янъ-Лютеранъ, о которомъ я писалъ въ сей книгѣ выше сего, и показали мнѣ сего числа въ той церкви главы святыхъ апостолъ Петра и Павла. Тѣ ихъ святыя главы сдѣланы въ серебрѣ, и сдѣланы изъ серебра жъ образы ихъ поясные, и на тѣхъ ихъ образахъ поставлены пречестныя ихъ главы, и тѣ ихъ святые образы поставлены со пречестнѣйшими ихъ главами на томъ мѣстѣ, которое среди того костела сдѣлано высоко надъ престоломъ св. апостола Петра, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего. Смотря я тѣхъ верховныхъ апостолъ главъ, изъ той церкви пришелъ пѣшъ въ домъ царя Констянтина, для того что тотъ домъ отъ церкви зѣло близокъ. Тотъ домъ великій, сдѣланъ четвероуголенъ, по всѣмъ стѣнамъ построены великія палаты въ четыре житья вверхъ, которыхъ есть множество, сдѣланы изрядною архитектурою и знатно, что были подписаны стѣннымъ изряднымъ письмомъ Греческимъ

предивныхъ работъ древнихъ, которыя письма по стѣнамъ и нынѣ знатны. Сводовъ въ тѣхъ палатахъ нѣтъ, во всѣхъ накатные потолоки и отъ половъ до тѣхъ потолоковъ въ тѣхъ палатахъ зѣло высоко, сажень будетъ по семи трехаршиныхъ; также двери въ тѣхъ палатахъ и окна зѣло широки и высоки. Около тѣхъ палатъ изнутри дому вокругъ сдѣланы изрядные широкіе переходы съ перилами, по которымъ периламъ поставлены вмѣсто столбовъ вырѣзаны изъ бѣлаго камени мраморовато подобія человѣческія мужеска полу и женскаго изрядною предивною работою. Также лѣстницы къ тѣмъ палатамъ подѣланы предивныя широкія зѣло господственны, также и въ палатахъ тѣхъ подѣланы сходы зѣло широкіе и рундуки къ поварнямъ предивные господственные. Входя я въ тѣ палаты, прежде вошелъ въ одни сѣни высокія и великія, изъ тѣхъ сѣней сдѣланы двери великія за дворъ царя Констянтина на площадь, и передъ тѣми дверьми за палатами сдѣланы малыя ганки съ перилами, а лѣстницы къ тѣмъ дверямъ съ площади нѣтъ. И когда въ Римѣ учинятъ вновь папу, тогда тотъ новый папа повиненъ пріѣхать въ тотъ царя Констянтина домъ; тогда тѣ помяненныя двери отворятъ, и папа сядетъ въ тѣхъ дверяхъ и подаетъ благословеніе народу, стоящему на площади при дворѣ царя Констянтина на колѣняхъ. Нынѣ въ томъ царя Констянтина домѣ живутъ сироты, неимущія отцовъ и матерей, дѣвки на корму папиномъ. Берутъ въ тотъ домъ дѣвокъ малыхъ отъ семи лѣтъ, а ниже семи лѣтъ не возьмутъ; и есть въ томъ домѣ жены старыя устроены для того, что тѣхъ вышеписанныхъ дѣвокъ учатъ всякому ремеслу—прясть, ткать, шить, чулки вязать, кружевъ плесть. Тѣхъ дѣвокъ въ томъ домѣ бываетъ больше 500 и непрестанно работаютъ, которая что̀ умѣетъ дѣлать и, что̀ которая сдѣлаетъ, то продаютъ; изъ той цѣны одну треть отдаютъ тѣмъ дѣвкамъ на ихъ потребы, другую треть имъ же на пищу, третьею третью покупаютъ ленъ и шерсть, изъ чего имъ дѣлать на продажу всякія вещи. А къ тому прибавливаетъ папа изъ своей казны, когда на ихъ потребу чего недостаетъ. И когда малолѣтнюю дѣвку въ тотъ домъ возьмутъ, тогда прежде учатъ ее грамотѣ, а потомъ учатъ ремеслу и никуда ихъ изъ того дому не выпускаютъ, а которая дойдетъ лѣтъ до рослыхъ, и той есть воля изъ того дому идтить хотя въ монастырь до закону или замужъ, которая какъ похочетъ.

Въ тѣхъ же вышеписанныхъ царя Констянтина палатахъ сдѣлана церковь Римская, въ которой по вся дни отправляютъ обѣдни для пребывающихъ тамъ женъ и дѣвокъ, чтобъ каждая на всякій

день слушала обѣдню для того, что у Римлянъ на одномъ престолѣ въ одинъ день можетъ быть много обѣдень, только разные попы служатъ, а одинъ попъ двухъ обѣдень на одинъ день служить не можетъ кромѣ праздника Рождества Христова.

Изъ того дому царя Констянтина пріѣхалъ я къ церкви, которая называется Санта Марія Маіоръ, о которой я въ сей книгѣ писалъ выше сего. Въ той церкви показали мнѣ предивное сокровище — колыбель святую, въ которой Творецъ всего свѣта, Господь нашъ Іисусъ Христосъ не возгнушался лежать съ пречистою Своею плотію по рождествѣ Своемъ во младенчествѣ. Та колыбель сдѣлана изъ простого дерева самою простою плотничною работою подобіемъ тѣмъ, какъ нынѣ обрѣтаются въ деревняхъ малыя колыбели у неимущаго простого народу; только знатно, что та колыбель была повѣшена на четырехъ ремняхъ, потому что по сторонамъ прорѣзаны на ней такія мѣста, въ которыя мѣста были проняты ремни или тесьмы; а въ которыхъ мѣстахъ колыбель порасколօлась, въ тѣхъ мѣстахъ знатно, что была сбита желѣзомъ простой же работы кузнецкой и въ иныхъ мѣстахъ повязана тонкими снурками, и лоскутки нѣкоторыхъ небогатыхъ матерій снурками жъ тонкими привязаны, видомъ лазоревые, какъ крашенина. Въ той святой колыбели есть сѣно, которое было подъ самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и пелены нѣкоторыя малыя въ той колыбели есть, которыми пречистое божественное тѣло Христово было повито; а поставлена та колыбель въ серебрянный ящикъ, у котораго наверху сдѣланъ Предвѣчный Младенецъ изъ серебра предивною работою, и съ тѣмъ серебряннымъ ящикомъ ставится та святая колыбель въ деревянный ящикъ обитый лазоревымъ бархатомъ, и тотъ ящикъ поставленъ на каѳедрѣ высоко на четырехъ столбахъ, которая каѳедра сдѣлана у лѣваго крылоса изрядною работою. Противъ той каѳедры въ той же церкви у праваго крылоса каѳедра слово въ слово такъ, какъ та вышепомяненная каѳедра, на которой стоитъ святая Христова колыбель, и на сей помяненной каѳедрѣ, которая сдѣлана у праваго крылоса, положены святыя мощи многихъ святыхъ, которыя мнѣ всѣ показывали; а кто о тѣхъ святыхъ мощахъ хочетъ подлинно вѣдать, которыхъ они святыхъ, тѣхъ я отсылаю до читанія Римской гишторіи печатной, а здѣсь для продолженія времени подлинно о томъ описывать оставляю. Въ томъ же костелѣ на правой сторонѣ въ придѣлѣ подъ алтаремъ есть ясли—тѣ, которыя были въ вертенѣ при рождествѣ Христовѣ; въ тѣхъ ясляхъ не возгнушался Господь нашъ Іисусъ Христосъ плотію возлещи, а нынѣ

тѣхъ яслей никто видѣти не можетъ, для того что задѣланы подъ алтаремъ наглухо, и около того алтаря горитъ масло въ серебряныхъ лампадахъ. Въ той же церкви въ придѣлѣ на лѣвой сторонѣ есть поставленъ надъ алтаремъ образъ Пресвятыя Богородицы, на рукахъ имѣетъ Предвѣчнаго Младенца, Господа нашего Іисуса Христа, а написанъ тотъ Пречистыя Дѣвы образъ Лукою евангелистомъ въ Римѣ. Того святого образа сподобился я смотрѣть близко и, взявъ въ той церкви печатный образъ на бумагѣ подобенъ тому образу Пресвятыя Богородицы, потомъ изъ той церкви поѣхалъ я во время обѣда къ себѣ въ остарію.

Того жъ числа послѣ обѣда прислалъ ко мнѣ папа карету на четырехъ коняхъ и приказалъ ко мнѣ, чтобъ я въ той каретѣ поѣхалъ смотрѣть того мѣста, гдѣ усѣчена глава св. апостола Петра; и мы въ той каретѣ поѣхали къ тому помяненному мѣсту и, выѣхавъ за Римъ, видѣлъ то мѣсто, гдѣ святые апостоли Петръ съ Павломъ прощались, когда веденъ былъ на смерть. На томъ мѣстѣ нынѣ поставлена каплица, и надъ дверьми той церкви поставленъ образъ св. апостолъ Петра и Павла вырѣзанъ на алебастрѣ тѣмъ подобіемъ, какъ они, святые апостоли, прощаясь межъ собою, обнимали другъ друга, цѣловали, плакавъ и радуясь, что умираетъ за проповѣдь Слова Божія.

Потомъ пріѣхалъ я къ одной церкви Римскаго закону, которая была прежде сего Греческая. Та церковь зѣло велика, въ ней великихъ 90 столбовъ каменныхъ, придѣловъ къ той церкви придѣлано немало. Алтарь въ той церкви немалый подписанъ весь мусіею древнимъ Греческимъ письмомъ. Противъ того великаго алтаря сдѣлана каѳедра изряднымъ мастерствомъ, и вокругъ той каѳедры подѣланы перила изрядныя, по которымъ стоятъ лампады серебрянныя, и въ иныхъ всегда горитъ масло. Подъ тою каѳедрою положены нѣкоторыя части святыхъ мощей великаго верховнаго апостола Павла, а сдѣлана та каѳедра на томъ мѣстѣ, для того что прежде сего, когда апостолъ Павелъ былъ въ Римѣ, стоялъ на томъ мѣстѣ и училъ народы вѣровать въ Христа Бога.

Въ той же церкви видѣлъ крестъ, на которомъ есть тѣло Іисусово вырѣзано изъ дерева изрядною работою древнею и нынѣ видимо ветхо, и сказываютъ Римляне, что отъ того святаго креста былъ гласъ къ одной женѣ послѣ разорванія вѣры Греческой съ Римскою, которая жена была Римской вѣры и называлась Бридзида и была закону Бенедиктинскаго. Ту жену и нынѣ имѣютъ Римляне за святую, и тѣло ея лежитъ въ землѣ въ той церкви.

Потомъ изъ той церкви поѣхавъ, пріѣхалъ я къ тому мѣсту, гдѣ усѣчена честная глава великаго свѣтильника и учителя вселенной верховнаго апостола Павла, и вошелъ прежде въ церковь Римскую зѣло великую, въ которой никогда убору нѣтъ. Въ той церкви есть образъ святаго Анастасія, который во время иконоборной ереси на соборѣ кладенъ въ огонь и, невредимъ бывъ многое время въ огнѣ, вынятъ изъ огня; и нынѣ тотъ образъ является ветхъ. Въ той церкви есть и мощей святыхъ немало, которыхъ подлинно описывать за продолженіемъ исторіи оставляю.

Изъ той церкви пришелъ въ ту палату, которая сдѣлана надъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ глава апостола Павла усѣчена. Та палата немалая и зѣло широка, на правой сторонѣ той палаты сдѣланъ алтарь Римскій во имя св. апостола Павла, а на лѣвой сторонѣ противъ того алтаря сдѣланъ алтарь же Римскій во имя апостола Петра, и надъ тѣми алтарями поставлены св. апостолъ Петра и Павла образы тѣмъ подобіемъ, какъ тѣ св. апостоли за Христа пострадали, писаны по полотну такимъ предивнымъ живописнымъ мастерствомъ, котораго мастерства на всемъ свѣтѣ быть лучше невозможно. Подлѣ алтаря св. апостола Павла поставленъ тотъ столбъ, на которомъ отсѣчена св. его глава. Тотъ столбъ мраморовый не добре высокъ и нетолстъ, а нынѣ около его обдѣлано деревомъ изрядною столярною работою, и на одной сторонѣ на томъ деревѣ сдѣлано окно, въ которое тотъ столбъ можетъ быть видимъ; и еще около того столба сверхъ дерева поставлены рѣшетки желѣзныя. Отъ того столба съ одну сажень есть одинъ источникъ, въ которомъ вода изрядная, которую когда кто пьетъ, и та вода отзывается молокомъ. Отъ того источника сажени съ три другой источникъ, въ которомъ всегда есть теплая вода. Отъ того теплой воды источника сажени съ три третій источникъ, въ которомъ холодная вода. Тѣ всѣ три источника рядомъ, и никогда изъ нихъ вода не оскудѣваетъ, хотя бы кто множество бочекъ взялъ воды изъ тѣхъ источниковъ. И учинились тѣ источники въ то время, когда повелѣніемъ проклятаго Нерона, кесаря Римскаго, отсѣчена честная глава св. апостола Павла и, упадчи, молвила „Іисусъ“. И на томъ мѣстѣ въ тотъ часъ искипѣлъ первый источникъ воды, которая отзывается молокомъ. Потомъ та апостольская глава отсѣченная скочила на другое мѣсто и рекла тожъ „Іисусъ“, и на томъ мѣстѣ паки искипѣлъ источникъ теплой воды. Паки съ того мѣста тажъ апостольска св. глава прескочила на третье мѣсто и рекла паки „Іисусъ“, и на томъ мѣстѣ искипѣлъ источникъ студеной воды. И нынѣ

надъ тѣми тремя источниками сдѣланы изрядные анкеры изъ розныхъ мраморовъ предивнымъ мастерствомъ, и у всякаго источника сдѣланы черпалки мѣдныя на желѣзныхъ чѣпяхъ, которыми приходящіе люди къ тѣмъ источникамъ пьютъ изъ нихъ воды, и называютъ Итальяне тѣ источники Трефонтане. Отъ тѣхъ источниковъ поѣхавъ, я пріѣхалъ къ одной церкви круглой, которая сдѣлана во имя святаго Римскаго Бернарда, и говорятъ Римляне, что-де молясь св. Бернардъ на томъ мѣстѣ и служа обѣдни, извелъ молитвою своею одну нѣкоторую душу изъ огня чистительнаго, который католики признаютъ. Подъ той церковью лежатъ мощи св. мучениковъ 10000, которые замучены съ Зенономъ, и къ тѣмъ мученическимъ мощамъ изъ той церкви внизъ подѣланы сходы; и подъ той церковью сдѣлана малая каплица; подлѣ той каплицы въ придѣлѣ лежатъ тѣ мученическія мощи затворены и запечатаны папиною печатью, и никому тѣхъ св. мощей не кажутъ. Потомъ изъ той церкви поѣхалъ я до Риму и, пріѣхавъ къ Риму къ городовымъ воротамъ, видѣлъ у тѣхъ воротъ въ городовой стѣнѣ построена немалая палата, на которой зѣло высокая четвероугольная шатровая кровля покрыта свинцомъ. Въ той палатѣ погребенъ одинъ Римскій купецъ зѣло богатый человѣкъ, который, умирая, велѣлъ себя погресть въ томъ мѣстѣ, чтобъ тѣла его половина была въ Римѣ, а другая за городомъ Римомъ, и по той его волѣ, такъ его погребши, сдѣлали надъ его тѣломъ ту помяненную палату. Потомъ, въѣхавъ въ Римъ, пріѣхалъ къ одной остаріи, которая сдѣлана близко Римской городовой стѣны внутри города подлѣ горъ, которыя горы сдѣланы въ Римѣ изъ ценинныхъ черепковъ такимъ случаемъ, что есть въ Римѣ устроены такіе люди, которые ходятъ по всѣмъ домамъ Римскимъ и, сбирая разбитые ценинные суды, отвозятъ на ту вышепомяненную гору и высыпали ценинными черепками ту гору зѣло высоко, а нынѣ сыплютъ въ другихъ мѣстахъ тѣжъ черепки ценинные близко той же вышеписанной горы; и уже насыпаны и другія горы немалыя тѣхъ ценинныхъ черепковъ. Подъ той черепковой горою подѣланы великіе погребы каменные, въ которыхъ непрестанно великій холодъ отъ ценинныхъ черепковъ больше того, нежели отъ льду или отъ снѣгу, и въ тѣхъ погребахъ стоитъ вино изрядное, какого вина лучше въ Римѣ нѣтъ. И въ ту остарію для гулянья по вся дни пріѣзжаютъ Римскіе жители честные люди и купцы съ женами и съ дѣтьми. И близко тѣхъ черепковыхъ горъ поставлены многіе столы и скамьи, гдѣ пріѣзжіе всякіе сидятъ для охлажденія отъ великихъ жаровъ и изъ вышеписанныхъ погребовъ пьютъ вина изрядныя; а которые похотятъ, тѣ и ѣдятъ изъ той

остаріи, и для такихъ пріѣзжихъ держатъ въ остаріи изрядныя яства. И пріѣхавъ я въ ту остарію, гулялъ и пилъ изрядное вино и фрукты всякіе ѣлъ. Потомъ пріѣхалъ я къ себѣ въ остарію и раздѣлался съ хозяиномъ той остаріи во всемъ, заплатилъ ему за постоялое и за пищу, для того что намѣрился Августа въ 18-й день изъ Риму отъѣзжать.

Того жъ вечера былъ я въ домѣ папиномъ, въ которомъ онъ лѣтомъ живетъ. Тотъ его домъ зѣло великъ, и множественное въ немъ число палатъ въ четыре жилья въ высоту, и около того папежскаго дому его жъ особливые домы конюшенные и другіе, въ которыхъ живутъ солдаты для сторожи, въ другихъ его жъ палатахъ живутъ офицеры. Въ томъ же домѣ въ особыхъ палатахъ живутъ кавалерія, т. е. рейтарія его жъ папежская, также и мастеровые многіе люди живутъ въ его жъ домѣ.

И около того его дому зѣло великіе и изрядные сады его жъ папежскіе. Тѣ палаты, въ которыхъ живетъ самъ папа, предивныя со изрядными уборы, и домъ его сдѣланъ зѣло господственъ и преестественно великъ. Въ томъ его домѣ есть каплицы, въ которыхъ по вся дни отправляютъ обѣдни, гдѣ слушаетъ самъ папа, а особно есть въ самыхъ его палатахъ малая каплица, гдѣ всегда папа слушаетъ обѣдни. Изъ того дому папина пріѣхалъ я къ себѣ въ остарію и убрался совсѣмъ, какъ могу ѣхать въ дорогу и фурману своему приказалъ, чтобъ ко мнѣ въ остарію пріѣхалъ съ коляскою Августа въ 18-й день поутру рано.

ОПИСАНІЕ РИМУ.

Городъ Римъ есть мѣсто великое, а не зѣло многолюдное, стоитъ близко горъ на ровномъ мѣстѣ, имѣетъ въ срединѣ себя малыя пологія горы, по которымъ суть селитьба.

Скрозь Римъ течетъ рѣка Тиверь немалая и глубокая, крутоберегая, всегда течетъ мутна власно какъ бы смѣшана съ глиною, и жители Римскіе той воды изъ Тиверя не употребляютъ въ пищу и питье для ея мутности и имѣютъ себѣ въ каждомъ домѣ фонтаны. Та рѣка течетъ отъ Риму 30 миль Ит. и впадаетъ въ море Андріатицкое. По той рѣкѣ отъ моря приходятъ суды невеликія со всякими торговыми вещьми. Около Риму городовыя стѣны каменныя древней работы не зѣло высоки и толсты, и во многихъ мѣстахъ развалилось. Башни невелики, только зѣло часты, воротъ проѣзжихъ есть въ Римъ немало. Первые, которые называются Портопопули, потомъ ворота, которыя называются Санъ-Янъ-Лютеранъ,

близко дому царя Константина, потомъ ворота, которые называются Пинчана, потомъ ворота, которые называются Салюре, потомъ ворота, которые называются Ди-Сан-Петро, потомъ ворота, которые называются Ди-Сан-Павло, потомъ еще двои вороты.

Въ Римѣ есть два дома папежскихъ, о которыхъ я подлинно писалъ въ сей книгѣ выше сего. Тѣ его домы зѣло великіе; въ одномъ домѣ, которой близко церкви св. апостолъ Петра и Павла, одиннадцать тысячъ палатъ жилыхъ; въ другомъ домѣ живетъ папа лѣтомъ, въ немъ шесть тысячъ палатъ жилыхъ.

Въ Римѣ есть монастырей разныхъ законовъ и церквей приходскихъ всего двѣ тысячи, а всѣ предивно изрядно построены, и украшеніе въ нихъ удивительное и снаружи преславнымъ мастерствомъ построены рѣзьбами дивными алебастровыми и мраморами цвѣтными узорочными убраны.

Въ Римѣ по многимъ мѣстамъ, а паче при костелахъ и на площадяхъ есть столбы высокіе изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, древнихъ и новыхъ работъ, между которыми сдѣланъ одинъ столбъ изрядный, къ которому придѣланы три улицы великія; изъ тѣхъ трехъ улицъ тотъ столбъ и изъ самыхъ концовъ чрезъ всѣ тѣ улицы видѣть. Также площадей зѣло много изрядныхъ намощенныхъ каменемъ. Въ Римѣ есть одна площадь великая и зѣло изрядная на высокомъ мѣстѣ, къ которой сдѣланы зѣло высокіе въѣзды каменные, которые можно назвать лѣстницами, и на въѣздѣ съ той лѣстницы на площадь поставлены два подобія конскія, сдѣланы изъ бѣлаго камени древней изрядной работы; среди того пляца или площади поставлено на столбѣ подобіе конское жъ сдѣлано изъ мѣди древлѣ при царѣ Констянтинѣ зѣло преудивительной работою. Близко той площади есть палаты предивныя, въ которыхъ сидятъ для совѣтованія о государственныхъ дѣлахъ Римскіе князи и сенатори.

Въ Римѣ есть юстицiя т. е. приказы великіе, которые управляетъ воевода Римскій. Тѣ приказы устроены изрядно, въ которыхъ есть судьи и писарей многолюдно и о всякихъ дѣлахъ докладываютъ воеводу Римскаго, а воевода которыя можетъ дѣла дѣлаетъ самъ, а о великихъ дѣлахъ докладываетъ папежа.

При папежскомъ домѣ всегда бываетъ 500 человѣкъ солдатъ для сторожи, а тѣ солдаты также есть и рейтары, всѣ Цесарцы. живутъ на папежской платѣ, и у тѣхъ солдатъ, и у рейтаръ начальные люди всѣ Цесарцы жъ на папежской платѣ.

Сенатори и князи Римскіе и кардиналы ѣздятъ въ каретахъ изрядныхъ въ праздничные дни о шести лошадяхъ, а за просто о

двухъ лошадяхъ зѣло господовато и кареты зѣло предивныя и богатыя, также и лошади узорочныя и шоры преславныя; и за ними ѣздятъ слуги ихъ въ каретахъ же, а иные люди ходятъ за ними пѣши многолюдствомъ. Также княжескія и сенаторскія жены и дочери-дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ изрядныхъ, и людей пѣшихъ за ними ходитъ немало. Также и купцы и жены ихъ и дѣти ѣздятъ въ каретахъ, а пѣши честные люди и купцы богатые и жены ихъ и дѣти въ Римѣ не ходятъ и то имѣютъ подъ зазоромъ. Мущины платье носятъ своею модою, больше черное, а наипаче любятъ Французское платье и употребляютъ его многіе, а женскій полъ въ Римѣ убираются изрядно особою модою, и народъ въ Римѣ мужеска и женска полу благообразенъ и зѣло политиченъ. Солдатовъ въ Римѣ всѣхъ на папежской платѣ всегда бываетъ 5000 человѣкъ для карауловъ.

Въ Римѣ есть одинъ монастырь, въ которомъ живутъ законники Езувиты разныхъ народовъ: Итальянцы, Гишпанцы, Французы, Цесарцы, Агличане и Голандцы и Шведы и Турчане, которые застали католиками, и Венгры и Греки уніаты и Поляки и Славяне, также Турки, Татары, Арапы, Армяне, Персы. Хинцы, Бухарцы, Калмыки, которые застали католиками жъ. А держитъ ихъ папа на своей платѣ для того, когда котораго ни есть народу человѣкъ католицкой вѣры или изъ кальвиновъ или лютерановъ или изъ басурмановъ или изъ болванохвальцевъ, заставъ католикомъ, похочетъ исповѣдатися, а Итальянскаго и Латинскаго и никакого кромѣ своего природнаго языка не знаетъ, тогда изъ того монастыря возьмутъ одного Езувита того языка, котораго тотъ человѣкъ, который желаетъ исповѣданія; и велятъ тому Езувиту того человѣка исповѣдать природнымъ его языкомъ, чтобъ ему можно было совершенно о грѣсѣхъ своихъ каятися и чтобъ исповѣдникъ совершенно зналъ его покаяніе, чтобъ могъ его о грѣсѣхъ его судити истиною.

Въ Римѣ суть двѣ академіи великія, въ которыхъ множество есть учениковъ разныхъ народовъ, а учители суть въ тѣхъ академіяхъ Езувиты.

Хлѣбъ въ Римѣ изрядный бѣлый пшеничный, и мясо и рыба и всякій харчъ недорогъ, и фруктовъ всякихъ множество и зѣло дешевы. Народъ Римскій къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло ласковъ и привѣтенъ, а паче къ Московскимъ людямъ безмѣрно пріятны.

Нынѣ еще значится стараго Риму околичность, по которымъ мѣстамъ былъ прежній Римъ сдѣланъ, и знатно, что былъ старый Римъ неудобь-сказаемаго величества. Которыя древнія палаты Рим-

скія были древлѣ въ самомъ Римѣ, до тѣхъ палатъ нынѣ отъ Риму есть миль по 12 и по 15 и больше во всѣ стороны; и которыя мѣста были древлѣ въ срединѣ Рима, на тѣхъ мѣстахъ нынѣ великія пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы и винограды заведены многіе, гдѣ и до днесь есть древняго каменнаго зданія разваленныя палаты и столбы во многихъ мѣстахъ. А около нынѣшняго Риму зѣло много домовъ Римскихъ жителей, построенныхъ для гулянія, при которыхъ есть изрядные и великіе сады; въ тѣхъ садахъ множество деревъ плодовитыхъ: лимоновъ, цукатовъ, орѣховъ миндальныхъ, померанцевъ, винныхъ ягодъ, шкотовъ, ситроновъ, каштановъ, персовъ, орѣховъ грецкихъ, райскихъ яблокъ, черешни, вишенъ, грушъ, дуль, яблокъ, сливъ разныхъ родовъ, черносливу и иныхъ всякихъ плодовитыхъ деревъ, промежъ которыми сажены деревья кипарисныя великія для украшенія тѣхъ садовъ; также много виноградовъ розныхъ бѣлыхъ и красныхъ, и убраны тѣ сады травами прединными, которыя растутъ фигурами дивными и всякими узорами, а промежъ тѣхъ травъ сажены цвѣты изрядные разныхъ родовъ; также подѣланы горшки зѣло великіе и предивные, въ которыхъ растутъ деревья плодовитыя великія и цвѣты преславные; поставлены тѣ горшки въ садахъ между деревью и травъ предивными препорціями. Потомъ въ тѣхъ садахъ преславныя фонтаны, изъ которыхъ непрестанно истекаютъ воды предивныя чистыя и холодныя; а какими узорочными фигурами тѣ фонтаны подѣланы, того за множествомъ ихъ никто подлинно описать не можетъ, а ежели бы кто хотѣлъ видѣть всѣ фонтаны въ Римѣ, тому бы потребно жить два или три мѣсяца и ничего иного не смотрѣть, только бъ однихъ фонтанъ, и насилу бъ могъ всѣ фонтаны осмотрѣть.

Воздухъ въ Римѣ тягостный ко пребыванію людскому, а наипаче въ лѣтѣ, и для того среди лѣта, когда солнце бываетъ въ Леонѣ, т. е. во Львѣ, что́ Итальяне называютъ „каникула“, т. е. Славянскимъ языкомъ „собачьи дни“, выѣзжаютъ изъ Риму многіе Римскіе жители въ посторонніи мѣста и не пріѣзжаютъ въ Римъ до того времени, когда солнце изъ Виргины, т. е. Дѣвицы, вступитъ въ Либры, т. е. въ Вѣсы; тогда уже бываетъ въ Римѣ воздухъ холодный и людямъ здоровый.

Оперовъ и комедій свѣтскихъ въ Римѣ нынѣшній папа чинить заказалъ кромѣ духовныхъ и тѣ чтобъ не великія были.

Нынѣшній папа которыя каплицы, т. е. церкви, имѣетъ въ своемъ домѣ, гдѣ по вся дни слушаетъ обѣдни, изъ тѣхъ органы и всякую музыку вынесъ и партеснаго пѣнія пѣть у себя въ домѣ и во всемъ Римѣ отнюдь никому не велитъ, а велитъ пѣть простое пѣ-

ніе, а наипаче заказалъ, чтобъ въ дѣвическихъ монастыряхъ дѣвки-законницы отнюдь не пѣли, а пѣли бъ попы, которые въ тѣхъ монастыряхъ служатъ, также на комедіяхъ и на операхъ чтобъ отнюдь дѣвки никогда не пѣли.

Однакожъ музыка въ Римѣ спѣванная и игранная есть изрядная мужеска полу и по праздникамъ у приходскихъ церквей и въ комвентахъ, т. е. въ монастыряхъ, выпрося у папы лиценцію, т. е. соизволеніе, по сему поютъ и партесы, только не часто.

Когда папа хочетъ въ Римѣ куда идтить, въ которой церкви праздникъ или въ шпиталь или въ домъ царя Константина, гдѣ живутъ сироты, тогда его носятъ въ одной сѣдіи. Та сѣдія сдѣлана подобна коляскѣ безъ колесъ и безъ станка изрядною работою; а когда похочетъ, тогда ѣздитъ въ каретѣ, а ѣздитъ нынѣшній папа во всякой недѣлѣ въ субботу въ домъ царя Константина, въ которомъ держитъ на своей платѣ бѣдныхъ сиротъ-дѣвокъ Христа ради. Другой домъ сдѣлалъ нынѣшній же папа за рѣкою Тиверемъ изрядною архитектурою, на которомъ есть множество палатъ изрядныхъ; въ тѣхъ палатахъ живутъ на папиной же платѣ сироты мужеска полу, и учатъ ихъ прежде грамотѣ, и какъ придетъ до 9 лѣтъ, тогда учатъ ихъ разнымъ ремесламъ—портному, сапожному, столярному, золотарному, серебрянному и инымъ всякимъ мастерствамъ, и то ихъ дѣло продаютъ и дѣлятъ на три части, такъ же какъ и у дѣвокъ, которыя живутъ въ домѣ царя Константина.

За Тиверемъ же рѣкою построенъ вновь домъ великій, на которомъ есть множество палатъ великихъ; а сдѣланъ тотъ домъ для того, когда приплывутъ въ Римъ рѣкою Тиверемъ отъ моря какіе бастименты, т. е. суды отъ кораблей или отъ галеръ съ товарами, и тѣ товары покладаютъ въ томъ домѣ и продаютъ по волѣ, чтобъ тѣмъ судамъ, въ которыхъ тотъ товаръ въ Римъ привозятъ, ни малаго отнюдь задержанія не было ни одного.

Женскій народъ въ Римѣ зазоренъ и не наглъ и блудный грѣхъ держитъ подъ великимъ смертнымъ грѣхомъ и подъ зазоромъ, а наипаче подъ страхомъ; также пьянство въ Римѣ подъ великимъ зазоромъ: не токмо въ честныхъ людяхъ, и между подлымъ народомъ пьянствомъ гнушаются. Вино двойное продаютъ въ Римѣ на всякій день поутру рано, а въ отдачу часовъ ночныхъ носятъ по улицамъ, для того что всякій Римскій житель на всякій день зѣло рано до свѣту или на разсвѣтѣ имѣетъ выпить двойного вина малый рюмокъ, а наипаче тѣ люди двойного вина поутру рано употребляютъ по-малу, которые хотятъ ѣхать изъ Риму на поля. А чинятъ то Римскіе жители для воздуху злого, чтобъ духъ вина двойного от-

гонялъ заразительный воздухъ, а въ часъ дни или позже отнюдь въ Римѣ не бываетъ двойного вина продажнаго по улицамъ, для того что въ тѣ часы никто его не пьетъ.

Всегда въ Римѣ живутъ послы Цесарскій, Гишпанскій, Французскій, Венецкій и иныхъ христіанскихъ государствъ и домы имѣютъ великіе и зѣло предивные, на которыхъ множество палатъ съ преудивительными уборами; также тѣ послы имѣютъ у себя кареты и возники и шоры преузорочные и ѣздятъ зѣло славно и многолюдно во изрядныхъ уборахъ. Между тѣми послами у Гишпанскаго посла одна карета преестественно хороша и богата, цѣнятъ ее въ 8000 шкудовъ Римскихъ, а на Московскія деньги будетъ слишкомъ 5000 рублей, и велика та карета зѣло, могутъ въ ней сидѣть десять человѣкъ безъ нужды, а какою работою и какимъ богатствомъ сдѣлана, того подлинно описать трудно. Тотъ Гишпанскій посолъ въ мою бытность въ Римѣ умеръ.

Въ Римѣ есть библіотеки изрядныя во многихъ мѣстахъ, въ которыхъ библіотекахъ множество всякихъ книгъ розныхъ языковъ. Въ тѣхъ же библіотекахъ много есть глобусовъ земленоводныхъ и небесныхъ и шверъ армилярисъ *), также и иныхъ всякихъ математичныхъ инструментовъ.

Въ Римѣ во многихъ мѣстахъ печаютъ книги на Латинскомъ и на Греческомъ и на Итальянскомъ языкахъ, также печатаютъ глобусы небесные и земленоводные и карты космографичныя и иные всякіе листы и книги архитектурныя изрядныя домовныя и фонтальныя и иныхъ всякихъ предивныхъ вещей печатаютъ куншты, т. е. образцы всякіе.

Въ Римѣ держитъ папа галеры воинскія, которыя ходятъ по вся годы въ Морею на Востокъ и стоятъ въ Мореѣ во все лѣто купно съ Мальтійскими галерами и съ Венеціанскими противъ Турковъ. Папа Римскій беретъ отъ Гишпанскаго короля многую казну за то, что Неаполь и вся Цицилія надлежатъ быть папины области, а онъ уступилъ ихъ королю Гишпанскому и за то отъ него по вся годы беретъ великую казну.

Табаку дымового Римскіе жители честные не употребляютъ и тѣмъ гнушаются, а употребляютъ непрестанно табакъ носовой, который въ Римъ привозятъ изъ Мальту, изъ Гишпани, изъ Болони и изъ иныхъ мѣстъ и купятъ добрый носовой табакъ зѣло дорого—по золотому червонному фунтъ. И духовные всѣ въ Римѣ табакъ носовой непрестанно употребляютъ, и кардиналы и арциби-

*) Такъ. *П. Б.*

скупы и законники всѣ безъ того быть не могутъ. Князи Римскіе и всякіе честные люди и купцы зѣло богаты, имѣютъ вотчины великія и винограды и сады, съ которыхъ берутъ великія казны.

Въ Римѣ бываетъ каранавалу только 15 дней, и въ тотъ каранавалъ только ходятъ въ машкарахъ по три часа въ день и обыкновеніе имѣютъ такое, что честныхъ людей жены и дочери-дѣвицы ѣздятъ въ изрядныхъ каретахъ, убрався предивно, и возятъ съ собою въ каретахъ мелкихъ сахаровъ много и, когда съ кѣмъ встрѣтятся со знакомымъ или и съ незнакомымъ, тогда другъ въ друга мечутъ сахарами и тѣмъ веселятся, и столько много насыплется сахаровъ по Римскимъ улицамъ власно какъ бы снѣгомъ были прикрыты. Тотъ сахаръ подбираютъ неимущіе, и никто имъ въ томъ не возбраняетъ. Въ тожъ время каранавала дѣлаютъ оцеры и комеди небольшія, и то духовныя, для того что о томъ нынѣ отъ папы заказано.

Римляне носятъ волосы накладные короткіе и легкіе для великихъ жаровъ лѣтнихъ, легчать себѣ, а въ зимѣ студености великой въ Римѣ не бываетъ, и для того что въ Римѣ нигдѣ въ палатахъ печей нѣтъ и не дѣлаютъ, не во многихъ мѣстахъ въ Римѣ есть камины; а дрова въ Римѣ купятъ дорого, для того что возятъ дрова въ Римъ изъ дальнихъ мѣстъ, а въ ближнихъ отъ Риму дровъ взять негдѣ, потому что лѣсовъ никакихъ нѣтъ, а которые и есть не во многихъ мѣстахъ, и тѣ мелкіе.

Въ Римѣ есть одна Греческая церковь, которая мало что не пустѣетъ для изгнанія отъ Римлянъ; для того что Римляне желаютъ того, чтобъ всѣ Греки были съ ними во единеніи вѣры.

Близко той Греческой церкви есть въ Римѣ церковь Армянская, которая суть соединена во всемъ съ западной церковью. Въ Римѣ есть 15000 Жидовъ, которые суть зѣло бѣдны, для того что имъ заказано отъ папы, чтобъ ни одинъ Жидъ никакими новыми вещьми не торговалъ, а торговали бы Жиды всѣ ветошьми, и то недорогими, и во всемъ есть Жидамъ, живущимъ въ Римѣ, отъ Римскихъ жителей тѣснота и обиды. А во время Страстной недѣли на всякій день приходитъ одинъ казнодей въ то мѣсто, гдѣ Жиды живутъ и взошедъ на каѳедру сказываетъ казаніе, а Жиды всѣ того поученія слушать подъ неволею повинны; а которые того поученія слушать не хотятъ, тѣхъ солдаты Римскіе бьютъ и принуждаютъ, чтобъ всѣ шли и того казанія слушали, и такъ на всякій годъ человѣка по два и по три Жидовъ, раскаявся о своей злобѣ, входятъ во христіанство и бываютъ католиками.

Въ Римѣ торговыхъ пріѣзжихъ людей всякихъ вѣръ много, христіанскихъ и басурманскихъ и изъ самыхъ дальнихъ краевъ, изъ Хины и изъ Индіи и съ Перси пріѣзжаютъ съ товарами.

Звѣрей дикихъ, львовъ, слоновъ, бобровъ, барсовъ и иныхъ всякихъ у папы нѣтъ и не бываетъ.

Въ Римѣ у княжескихъ и у сенаторскихъ и у кардинальскихъ и у арцибискупскихъ и у всякихъ честныхъ людей домовъ надъ воротами ставятъ по два герба: на правой сторонѣ гербъ папинъ, а на лѣвой сторонѣ гербъ господина дому. Также и у пословъ, которые въ Римѣ живутъ, розныхъ государствъ, ставятъ у домовъ ихъ надъ воротами по два жъ герба, на правой сторонѣ гербъ папежскій, а на лѣвой сторонѣ гербъ того государства, котораго тотъ посолъ.

Лошадей великихъ каретныхъ возниковъ въ Римѣ много изрядныхъ, а Турецкихъ аргамаковъ и коней Ногайскихъ въ Римѣ нѣтъ, для того что Римскіе жители честные и подлые люди верховыхъ лошадей не держатъ, а имѣютъ у себя Нѣмецкія лошади каретныя и ѣздятъ въ каретахъ и въ колясках; а кому случится и верхомъ ѣхать, и тѣ ѣздятъ на Нѣмецкихъ же на лошадяхъ.

Въ самомъ Римѣ и около Риму множество лошаковъ и муловъ предивныхъ и буйволовъ, на которыхъ подлый народъ ѣздитъ и всякія работы отправляютъ и въ дороги ѣздятъ на нихъ же.

Въ самомъ Римѣ и около Риму много животины рогатой—быковъ, коровъ великихъ, а шерстью всѣ половые; также множество барановъ и овецъ великихъ, которые имѣютъ на себѣ шерсть долгую и хвосты безмѣрно долгіе, а всѣ бѣлые, а черныхъ нѣтъ. Также множество свиней великихъ и толстыхъ, а всѣ черныя, а иными шерстьми нѣтъ. Также множество козъ великихъ; также множество куръ Индѣйскихъ, которыхъ въ Римъ гоняютъ великими стадами, сотъ по пяти и по тысячи и больше въ одномъ стадѣ Индѣйскихъ куръ бываетъ; а гусей и утокъ въ Римѣ не зѣло много, а Русскихъ куръ множество, а въ остаріяхъ больше жарятъ про форестировъ голубей и въ похлебкахъ подаютъ голуби жъ больше чѣмъ куръ. Въ Римѣ у Римскихъ жителей у честныхъ всякихъ людей въ домахъ ихъ и въ остаріяхъ про форестировъ держатъ изрядныя яствы—жаркія и похлебки и пироги Французскіе и всякія яствы предивныя. Форестиры въ Римѣ знатные люди и честные пѣши мало ходятъ, нанимаютъ кареты и коляски и ѣздятъ въ каретахъ и колясках, куды хотятъ, а иные въ Римѣ и пѣши ходятъ, которыхъ мало знаютъ. А кто хочетъ въ Римѣ нанять себѣ на цѣлый день карету изрядную на двухъ добрыхъ возникахъ, и

за ту карету потребно заплатить золотой червонный и ѣздить въ ней день цѣлый гдѣ изволитъ; а когда въ Римѣ бываетъ много форестировъ зимою, а наипаче во время каранавалу, тогда платятъ за карету добрую на цѣлый день по два допія Гишпанскихъ, а Московскихъ будетъ 4 рубля слишкомъ. Для того въ то время за кареты въ Римѣ дорого платятъ, что форестировъ бываетъ много въ Римѣ, а всякій хочетъ ѣздить уборно и видѣть во время каранавала обыкновеніе Римскихъ жителей.

Въ Римѣ говорятъ Итальянскимъ языкомъ изрядно, чисто, многихъ Итальянскихъ мѣстъ лучше.

Остаріи въ Римѣ, въ которыхъ ставятся форестиры, зѣло богаты и уборны; палаты въ нихъ обиты кожами золочеными и убраны изрядными картинами; кровати изрядныя золоченыя, завѣсы атласныя и камчатныя хорошія, постели также хорошія, простыни всегда бѣлыя съ кружевами изрядными, и когда хозяинъ остаріи кормитъ форестеровъ, тогда на столахъ бываютъ скатерти изрядныя бѣлыя и полотенца ручныя бѣлыя жъ по вся дни, блюда и тарелки оловянныя изрядныя, чистыя, ножи съ серебрянными череньями, а вилки и ложки и солонка серебрянныя, все изрядно и чисто всегда бываетъ. Суды, изъ которыхъ пьютъ, склянишныя предивныя и чистыя, рукомойники и лохани ценинные чистые жъ всегда. И которые форестиры стоятъ въ которой остаріи, и на всякій день платятъ по семи павловъ Римской монеты со всякаго человѣка и того будетъ на Московскія деньги полтина, и за ту полтину въ той остаріи дадутъ ему обѣдъ и ужину изрядную, также палату ему дадутъ уборную изрядную со столомъ, креслами и со стулами и кровать ему изрядная съ завѣсомъ и съ постелью и съ простынями чистыми, а поутру на всякій день камареръ, т. е. тотъ человѣкъ, который ему будетъ въ той остаріи служить, за той же платою подаетъ ему обуться и умыться; и мыло и полотенце—все отъ хозяина той остаріи; и ввечеру во всякую камору, въ которыхъ форестиры стоятъ, повиненъ господинъ остаріи давать свѣчи сальныя въ чистыхъ хорошихъ шандалахъ; а когда лягутъ спать, тогда камареры поставятъ во всякой палатѣ лампады съ деревяннымъ масломъ, чтобъ во всю ночь во всякой палатѣ былъ огонь, а то все дѣлаютъ за той же платою.

Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина къ князю Сергѣю Николаевичу Долгорукову.

Это одно изъ раннихъ писемъ славнаго графа Растопчина. Оно писано когда ему шелъ 22-й годъ отъ роду и для довершенія своего образованія онъ находился въ Берлинѣ, гдѣ посланникомъ нашимъ былъ тогда графъ С. П. Румянцовъ, предшественникъ котораго (24 года сряду остававшійся представителемъ Россіи при Фридрихѣ Великомъ), князь Владиміръ Сергѣевичъ Долгоруковъ, еще не успѣлъ уѣхать въ Россію. Письмо писано къ родному его племяннику. Оба они вѣроятно находились гдѣ нибудь на дачѣ подъ Берлиномъ. Письмо живо и характерно, какъ и все, выходившее изъ подъ Ростопчинскаго пера. *П. Б.*

Ce 6 août 1786.
Berlin.

Mon prince.

J'ai reçu hier votre lettre et celle que le prince votre oncle a voulu me faire l'honneur d'écrire. Je suis très sensible à ses bontés et si je ne viens pas aujourd'hui à mon choix, c'est uniquement pour avoir plus que deux jours à rester avec vous et à lui prouver ma reconnaissance.

Vous m'avez envoyé une lettre de madame votre mère. Vous ne sauriez quel plaisir elle m'a fait. Elle me fait savoir qu'elle se porte bien et me donne beaucoup de conseils que je vous ferai voir à notre entrevue. J'ai reçu encore d'elle par la dernière poste une grande lettre qui sert à augmenter ma reconnaissance et mes regrets.

Ne soyez pas fâché si je vous désobéis en remettant mon voyage à mon choix. D'abord il vaut mieux que j'attende quelques jours et que je vienne en passer quatre ou cinq, si ou le peut et si cela ne vous sera pas désagréable. Vous voyez que je suis un peu sur les compliments avec vous; quoique cela ne soit pas mon caractère, mais dans le com-

mencement il faut toujours des assurances où il y ait de la grâce au défaut du bon sens. Je me suis presque tout-à-fait arrangé avec les maîtres qui auront l'honneur de m'inculquer leurs profondes connaissances. Je n'ai pas voulu pour les mathématiques d'autre maître que Castillon le fils; j'irai prendre mes leçons chez lui trois fois par semaine, et outre cela je prendrai des leçons de la fortification. J'ai arrangé de manière mes leçons qu'elles commencent à 7 heures du matin et durent jusqu'à une heure; alors je songe au dîner et je recommence à 3 heures jusqu'à 7. Vous voyez que je mets du tems pour apprendre. Dieu sait si cela réussira. Adieu. Faites moi savoir quand je dois venir vous assurer de l'attachement sincère et de l'amitié avec laquelle j'ai l'honneur d'être, mon prince, votre très-humble el très-obéissant serviteur

Rastopchinn.

P. S. Présentez mes respects au prince votre oncle; je me prive de l'honneur de lui écrire pour ne pas lui donner la peine de faire la réponse et le fatiguer par ma lettre qui ne pourra pas exprimer que je voudrais. J'ai l'honneur de saluer respectueusement vos hôtes et je vous envoye des vers tous nouveaux de ma fabrique qui n'est pas royale.

ROMANCE.

Air: „Je suis Lindor".

J'ai vu la cour, la ville et le village,
J'ai parcouru les palais fastueux,
Je n'ai rien vu; rien n'offrait à mes yeux,
O ma Chloé, tes traits ni ton image.

———

On peut encore, au sein de l'abondance,
Former des voeux, regretter et gémir;
Près de Chloé j'ai trouvé le plaisir,
Et son amour me tient lieu de l'opulence.

———

Pour toi, Chloé, ces campagnes fleuries,
Ces bois, ces prés, ces fleurs et ces ruisseaux,
Ces orangers, ces concerts des oiseaux
Entretiendront mes douces rêveries.

———

C'est la nature au lever de l'Aurore
Que dans Chloé ma voix célebrera;
Je chanterai, l'amour m'inspirera,
Et ma Chloé sera plus belle encore.

——

Te souvient-il, jeune bergère,
Te souvient-il de ces beaux jours,
Où sur un trône de fougère
Tous deux nous connûmes l'amour?
L'Aurore venait de paraître,
L'oiseau matinal sous le hêtre
Célébrait tes charmes naissants,
Et de Flore l'amant fidèle,
Zephire ramenait sur son aile
Les ris, les jeus et le printems.

——

D'un ruisseau l'onde claire et pure
Roulait sur un tapis de fleurs;
Le calme heureux de la nature
Se refléchissait dans nos coeurs.
Nous étions seuls dans le bocage.
Tes attraits, nos désirs, notre âge,
Tout nous disait: soyez heureux!
Nos coeurs l'étaient par notre ivresse.
Désirs, pudeur, amour, jeunesse,
Tout a favorisé nos voeux.

(Съ подлинника, сообщеннаго въ „Русскій Архивъ" внукою князя С. Н. Долгорукова, Александрою Александровною Львовою, урожденною княжною Долгоруковой).

Переводъ. 6 Августа 1786. Берлинъ. Князь! Я получилъ вчера письмо ваше и письмо, которымъ князю вашему дядюшкѣ угодно было почтить меня. Я очень чувствителенъ къ его милостямъ и если не отправляюсь сегодня по моему выбору, то единственно для того, чтобы еще два лишнихъ дня побыть съ вами и засвидѣтельствовать ему мою благодарность. — Вы мнѣ прислали письмо вашей матушки *). Не можете представить, какое удовольствіе оно мнѣ доставило. Она увѣдомляетъ меня, что здорова и даетъ мнѣ много совѣтовъ, которые я вамъ сообщу при свиданіи. Съ послѣднею почтою я получилъ отъ

*) Мать князя С. Н. Долгорукова, Наталья Сергѣевна, была урожденная Салтыкова.

нея еще большое письмо, которое послужило къ усиленію моей признательности и моихъ сожалѣній. — Не гнѣвайтесь, что я васъ не послушался и отложилъ путешествіе по моему выбору. Лучше мнѣ подождать нѣсколько дней и изъ нихъ на четыре или на пять съѣздить къ вамъ, если это возможно и вамъ не непріятно. Вы видите, что я съ вами держусь-таки свѣтскихъ любезностей. Это не въ моемъ нравѣ, но при началѣ всегда необходимы увѣренія, съ нѣжностями, въ ущербъ здравому смыслу.—Я почти вполнѣ устроился съ учителями, которые будутъ имѣть честь набивать меня своими глубокими познаніями. Для математики я захотѣлъ непремѣнно учиться у Кастильона-сына [1]): буду ходить къ нему на уроки по три раза въ недѣлю, и кромѣ того стану брать уроки фортификаціи. Я распредѣлилъ такъ мои уроки, что они будутъ начинаться съ семи часовъ утра и продолжаться до часу; затѣмъ обѣдъ и снова за работу съ 3 до 7. Вы видите, что на ученье я не щажу времени. Богъ вѣсть, удастся ли это. Простите. Дайте мнѣ знать, когда мнѣ къ вамъ быть, чтобы увѣрить васъ въ искренней привязанности и дружбѣ, съ коими имѣю честь быть вашимъ, князь, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Растопчинъ. P. S. Передайте мое почтеніе князю, вашему дядюшкѣ; я лишаю себя чести писать къ нему, чтобы не затруднить его отвѣтомъ и не утомить письмомъ моимъ, которое не выразитъ того, что бы я желалъ. Имѣю честь почтительно привѣтствовать вашихъ хозяевъ и посылаю вамъ съ моей фабрики, которая не королевская [2]), самыхъ новыхъ стиховъ [3]).

---

1) Объ урокахъ у Кастильона-сына графъ Растопчинъ упоминаетъ въ своемъ Берлинскомъ дневникѣ, напечатанномъ въ рѣдкой книгѣ: Matériaux pour la biographie future du comte Th. Rastaptchine, rassemblés par son fils. Bruxelles 1864, стр. 8, 23 и др. *П. Б.*

2) Выраженіе это вѣроятно относится къ стихотвореніямъ короля Фридриха Великаго (который въ это именно время умиралъ въ Потсдамѣ). *П. Б.*

3) Стихи эти оставляются безъ перевода. *П. Б.*

КЪ ИСТОРІИ ВТОРИЧНАГО ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ МИТАВѢ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА XVIII-ГО.

Второй братъ короля Французскаго Людовика XVI, Станиславъ-Ксаверій графъ Прованскій, бѣжалъ изъ Франціи 9 Іюня 1791 года. Послѣ казни Людовика XVI, онъ провозгласилъ себя регентомъ Франціи, а когда въ 1795 году умеръ малолѣтній Людовикъ XVII, онъ объявилъ себя королемъ подъ именемъ Людовика XVIII.

Новый король безъ королевства велъ скитальческую жизнь по Европѣ: онъ не могъ нигдѣ долго оставаться на одномъ мѣстѣ; его отовсюду вытѣсняли, то вслѣдствіе требованій Французскаго республиканскаго правительства, то вслѣдствіе дипломатическихъ интригъ. Въ 1796 году онъ былъ выпровоженъ изъ Венеціи и временно поселился въ Бланкенбургѣ, городкѣ въ Брауншвейгскихъ владѣніяхъ. Здѣсь онъ проживалъ въ самомъ печальномъ положеніи, перебиваясь изо дня въ день и ежеминутно ожидая, что его удалятъ изъ Бланкенбурга, какъ удалили изъ Венеціи. Но вотъ пришла вѣсть о кончинѣ императрицы Екатерины II, послѣдовавшей 6 Ноября 1796 года, и о воцареніи въ Россіи Павла Петровича, на покровительство котораго Людовикъ XVIII имѣлъ основанія разсчитывать. Дѣйствительно, императоръ Павелъ Петровичъ при самомъ воцареніи выразилъ свое вниманіе къ королю-претенденту и отнесся покровительственно къ Французскимъ бѣглецамъ. Очень многіе изъ нихъ поступили въ Русскую службу генералами (герцогъ Броліо былъ принятъ даже генералъ-фельдмаршаломъ), а съ Августа 1797 года дворянско-Французскій корпусъ принца Конде находился на Русскомъ содержаніи. Корпусъ этотъ, состоявшій изъ трехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ, въ числѣ 7000 человѣкъ, былъ приведенъ въ Россію подполковникомъ княземъ Горчаковымъ, по высочайшему при-

казу отъ 27 Ноября 1797 года принятъ въ Русскую службу и размѣщенъ въ городахъ Волынской губерніи: Владимирѣ, Луцкѣ и Ковелѣ. Императоръ не оставилъ безъ поддержки и короля-претендента: онъ послалъ ему 200000 р. и предложилъ поселиться въ Іеверѣ, наслѣдственномъ имѣніи покойной императрицы Екатерины, недалеко отъ Голландіи. Людовикъ XVIII не согласился переѣхать въ Іеверъ, боясь близости республиканскихъ войскъ, а просилъ Императора поселить его въ Россіи. Вслѣдствіе этой просьбы, Императоръ пригласилъ его въ Декабрѣ 1797 года поселиться въ Митавѣ, во дворцѣ (замкѣ), нѣкогда построенномъ на Русскія деньги герцогомъ Эрнстомъ-Іоганномъ Бирономъ.

Людовикъ XVIII охотно принялъ приглашеніе и съ супругою (дочерью короля Сардинскаго, Маріею-Жозефиною-Луизою), племянникомъ герцогомъ Ангулемскимъ и многочисленною свитою прибылъ въ Митаву 9 Марта 1798 г. На переѣздъ Государь прислалъ Людовику XVIII 60000 р , приказалъ генералъ - лейтенанту Ферзену встрѣтить его на границѣ и проводить въ Митаву, а полковнику Лаврову привести въ Митаву же 100 человѣкъ изъ корпуса Конде для службы при особѣ короля въ видѣ тѣлохранителей (gardes-du-corps). Курляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ это время былъ Дризенъ, а вице-губернаторомъ Н. И. Арсеньевъ[1]). Дризену и было предписано приготовить въ замкѣ помѣщеніе для короля и его свиты[2]). Митавскій костелъ былъ предоставленъ въ распоряженіе короля, а затѣмъ 6 Іюля 1798 года Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ отпускать изъ государственнаго казначейства по 200000 р. ежегодно „на содержаніе Французскаго короля съ фамиліею и принадлежащими ему людьми, выдавая сіи деньги при началѣ каждаго полугодоваго срока по ровной части".

Людовику XVIII слѣдовало бы благодарить Господа Бога, что послѣ семилѣтнихъ скитаній явилась ему возможность жить въ полнѣйшей безопасности, въ даровомъ обширномъ помѣщеніи, и получать огромныя для того времени деньги на свое содержаніе; но не такой былъ человѣкъ Людовикъ XVIII, чтобъ остаться довольнымъ щедростію и гостепріимствомъ Россійскаго императора. Претензіонный, страшно-эгоистичный, онъ положительно привередни-

---

[1]) Николай Ивановичъ, родной дѣдъ нынѣшняго директора Морскаго училища, Дмитрія Сергѣевича Арсеньева.

[2]) Мебель, комнатныя украшенія, постели и пр. были доставлены изъ Петербурга изъ тамошнихъ дворцовъ; отопленіе и освѣщеніе замка казна приняла на свой счетъ.

чалъ въ Митавѣ, жалуясь, что-де хотя покои для него, королевы и герцога были и пышно меблированы, но свита размѣщена плохо, ничего ей не дали на первое обзаведеніе, не назначили особаго содержанія для 100 гвардейцевъ и пр., ни топлива имъ не отпустили, ни фуража и пр. и пр. (король-претендентъ все какъ-то забывалъ, что ему Русская казна отпускала въ годъ 200000 р. именно на содержаніе его и свиты). Вотъ-де пришлось мебель и обзаведеніе для свиты покупать на свой счетъ!

Подобныя жалобы, болѣе чѣмъ не основательныя, доходили до вспыльчиваго Императора и, конечно, не служили къ пользѣ претендента. 4 Іюня 1799 года въ Митаву прибыла дочь Людовика XVI, принцесса Марія-Терезія-Шарлота, и 10 Іюня въ домовой церкви Митавскаго замка была повѣнчана съ герцогомъ Ангулемскимъ, старшимъ сыномъ королевскаго брата, графа д'Артуа (впослѣдствіи короля Карла X).

Событія между тѣмъ шли своимъ чередомъ, и императоръ Павелъ Петровичъ, столь благосклонный къ эмигрантамъ вначалѣ, скоро разочаровался въ нихъ. Французско-дворянскій корпусъ Конде оказался такимъ сбродомъ своевольниковъ, что Императоръ вынужденъ былъ отдать приказъ отъ 21 Февраля 1798 года, коимъ повелѣвалось предавать военному суду по Русскому уставу своевольниковъ корпуса Конде, „отъ коихъ неоднократно и смертоубійства происходили".

Въ 1799 г. наступила знаменитая Итальянская кампанія Суворова, а съ нею и новыя разочарованія Павла. Раздраженный двоедушіемъ и своекорыстіемъ Австріи, едва было не погубившей Суворова, Государь прервалъ всякія связи съ этою державою, чѣмъ весьма искусно воспользовался Наполеонъ, тогдашній первый консулъ Французской республики. Онъ съумѣлъ преклонить на свою сторону императора Павла, завязалъ съ нимъ сношенія, и Императоръ призналъ неудобнымъ держать у себя короля-претендента. Генералу Ферзену, тому самому, который встрѣчалъ и провожалъ Людовика XVIII, было приказано въ Январѣ 1801 года объявить сему послѣднему, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Митавы въ первый же слѣдующій день послѣ сообщенія ему этого императорскаго приказанія. У претендента не было денегъ на отъѣздъ, но тутъ помогъ вице-губернаторъ Арсеньевъ, снабдивъ его свидѣтельствомъ, что онъ не дополучилъ изъ казны 100000 рубл., слѣдовавшихъ ему за истекшеее полугодіе (что̀ было дѣйствительно правда), и по этому свидѣтельству Рижскіе банкиры выдали Людовику XVIII на дорогу 3604 червонца. Король-претендентъ оставилъ Митаву 10 Ян-

варя 1801 года и поселился подъ именемъ графа Делиля на жительство въ Варшавѣ, въ то время принадлежавшей Пруссіи. Выдача Русской пенсіи была прекращена, а чрезъ мѣсяцъ ни одного Француза изъ его свиты уже не было въ Митавѣ *).

Прошло еще три года, и событія, одно другаго поразительнѣе, слѣдовали съ быстротою чрезвычайною. Императоръ Павелъ Петровичъ кончилъ свои дни въ ночь съ 11 на 12 Марта 1801 года, на Всероссійскій престолъ вступилъ императоръ Александръ Павловичъ, не замедлившій (4 Іюля 1801 года) высказать державамъ основанія своей будущей иностранной политики. Первый консулъ 29 Апрѣля 1802 г. уничтожилъ всѣ законы, какіе были изданы противъ эмигрантовъ, но изъ общей амнистіи исключилъ эмигрировавшихъ Бурбоновъ и Французовъ, которые или командовали войсками дѣйствовавшими противъ Франціи, или служили при Бурбонскихъ принцахъ. 22 Марта 1804 года разстрѣлянъ герцогъ Энгіенскій, а 18 Мая 1804 года первый консулъ былъ провозглашенъ императоромъ Французовъ; Французская республика превратилась въ имперію. Казнь герцога Энгіенскаго показала всѣмъ Бурбонамъ, какая участь ихъ ждетъ, если который попадется въ руки новаго императора. Людовикъ XVIII съ фамиліей не замедлили протестовать предъ всѣми дворами и противъ беззаконной казни герцога Энгіенскаго, и противъ принятія Наполеономъ титула императора. Въ отвѣтъ на эти протесты Наполеонъ потребовалъ отъ Прусскаго правительства удалить изъ Пруссіи графа Делиля. Людовикъ XVIII очень хорошо видѣлъ, что тогдашнее Прусское правительство, раболѣпствовавшее предъ новымъ императоромъ, готово не только удалить его изъ Варшавы, но, пожалуй, и выдать Наполеону со всею фамиліею. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился въ Октябрѣ 1804 года обратиться къ Россійскому императору съ просьбою объ убѣжищѣ. Государь уважилъ просьбу и предложилъ Людовику XVIII поселиться въ Кіевѣ. Въ то время стояла распутица, и добраться изъ Варшавы до Кіева было нелегко; потому королю-претенденту было дано знать, что онъ можетъ, буде желаетъ, поселиться въ Митавскомъ замкѣ, въ которомъ онъ уже жилъ въ 1798—1801 годахъ. Король, конечно, согласился лучше жить въ знакомомъ городѣ, чѣмъ ѣхать въ отдаленный Кіевъ.

---

*) Подробности о первомъ пребываніи Людовика XVIII въ Митавѣ см. въ статьѣ Д. Д. Рябинина „Людовикъ XVIII въ Россіи", помѣщенной въ Русскомъ Архивѣ 1877 г. III, 48.

Ни тогдашній Рижскій военный губернаторъ графъ Буксгевденъ, ни Курляндскій гражданскій губернаторъ, Ник. Иван. Арсеньевъ ничего не знали о предстоящемъ пріѣздѣ Людовика XVIII въ Митаву. Но вотъ 7 Декабря 1804 года Арсеньевъ получилъ отъ графа Даваре письмо, въ переводѣ съ Французскаго, гласившее такъ:

Честь имѣю сообщить вашему превосходительству, что Его Величество Государь Императоръ письмомъ отъ 26 Ноября далъ знать графу Делилю (le comte de L'isle), что распоряженія о пріемѣ графа въ Митавскомъ замкѣ уже сдѣланы. Вслѣдствіе этого позволяю себѣ просить ваше превосходительство, отъ имени моего государя (de la part de mon maître), войти въ сношеніе со мною объ ускореніи времени, когда бы графъ Делиль могъ пріѣхать въ Митаву и воспользоваться милостивыми распоряженіями вашего августѣйшаго Монарха. Я счастливъ представившимся случаемъ возобновить увѣренія въ чувствахъ высокаго почтенія, съ какимъ имѣю честь быть, господинъ губернаторъ, вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою графъ Даваре *).

Получивъ это письмо, Н. И. Арсеньевъ представилъ его 9 Декабря 1804 года въ подлинникѣ въ Ригу къ Рижскому военному губернатору и главноуправляющему гражданскою частію въ трехъ Ливонскихъ губерніяхъ, графу Буксгевдену. „Ожидаю отвѣта, писалъ онъ графу, дабы по желанію графа Делиля сдѣлать для пріема его нужныя распоряженія".

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, получившій отъ Даваре письмо такого же содержанія, какое получилъ Арсеньевъ, на другой день, 10 Декабря, написалъ въ Митаву къ Арсеньеву слѣдующее:

„Милостивый государь мой Николай Ивановичъ! На письмо вашего превосходительства съ доставленіемъ таковагожъ отъ графа Даваре присланнаго, отзываюсь, что и я отъ него же графа Даваре получилъ увѣдомленіе, что Государь Императоръ высочайше указать изволилъ отвести Митавскій замокъ для пребыванія его величества короля Французскаго, предполагающаго изъ Варшавы переселиться со свитою своею въ Митаву; а поелику я не имѣю отъ Его Императорскаго Величества высочайшаго о томъ повелѣнія, то и не могу препоручить вашему превосходительству о принятіи короля Французскаго въ Митавскомъ замкѣ. Въ такомъ случаѣ покорно васъ прошу во первыхъ, подъ видомъ нужныхъ въ замкѣ поправленій и подъ предлогомъ, что тамъ расположенныхъ людей

---

*) Графъ Даваре (Antoine-Louis-François, comte d'Avaray), одинъ изъ самыхъ преданныхъ Людовику XVIII эмигрантовъ, сопутствовавшій ему всюду, познакомился съ Н. И. Арсеньевымъ во время первой бытности короля-претендента въ Митавѣ. Это былъ едвали не единственный человѣкъ въ мірѣ, кого любилъ эгоистичный по натурѣ Людовикъ XVIII. Онъ родился въ 1748 году и умеръ въ 1810 году, не дождавшись реставраціи.

вывесть остается въ прочія мѣста, отлагать переѣздъ его величества короля Французскаго отъ времени до времени, пока не изволите получить отъ меня или изъ Петербурга о томъ предписаніе; во вторыхъ, въ самомъ дѣлѣ замокъ привесть въ должную опрятность, разумѣя относительно чистоты, но безъ ущерба казны; и въ третьихъ, на случай моего пріѣзда въ Митаву (необходимаго особливо по имѣющему быть тамъ ландтагу дворянъ) отвесть его величеству покои, но и выгадать покои для моего пріѣзда и пребыванія: ибо если не останутся для меня въ замкѣ покои, въ такомъ случаѣ долженъ будетъ изготовить оные городъ, который, однакоже, желательно отъ того избавить и оному чрезъ наемъ квартиры не навлечь бы излишней траты.

Недоумѣніе графа Буксгевдена продолжалось недолго. На другой же день послѣ отправленія въ Митаву своего письма, онъ получилъ изъ Петербурга слѣдующій отъ 6 Декабря 1804 года за № 5467 отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея:

Графъ де-Лиль испрашивалъ высочайшаго соизволенія основать пребываніе его въ Россіи. Его Императорское Величество соизволилъ предложить ему для жительства его городъ Кіевъ; а между тѣмъ буде по настоящему зимнему времени пожелаетъ онъ остаться въ Курляндіи, то Государь Императоръ изъявилъ ему соизволеніе, чтобъ занялъ онъ Митавскій замокъ. Я имѣю честь сообщить вашему сіятельству о сей высочайшей волѣ для учиненія надлежащихъ распоряженій, дабы согласно высочайшему предназначенію Митавскій замокъ для принятія графа де-Лиля былъ изготовленъ.

Сообщивъ 13 Декабря 1804 года за № 3351 содержаніе этого отзыва Н. И. Арсеньеву, графъ Буксгевденъ писалъ ему: „Извольте приказать замокъ тотъ для принятія графа Делиля приготовить и о томъ, равно о количествѣ комнатъ къ принятію графа Делиля предполагаемыхъ, меня увѣдомить обстоятельно“.

Вскорѣ послѣ того, именно 20 Декабря 1804 года, графъ Буксгевденъ получилъ отъ графа Даваре списокъ лицамъ, которыя имѣютъ прибыть въ Митаву съ графомъ Делилемъ и герцогомъ и герцогинею Ангулемскими. Всѣхъ лицъ поименовано 35. Изъ нихъ первенствующими были: архіепископъ Реймскій, абатъ Эджевортъ, герцоги: д'Омонъ, де-Грамонъ, де-Пьенъ, д'Авре, де-Флери; графы: де-ла-Шапель, де-Дамасъ, Этьенъ де-Дамасъ, д'Аваре; виконтъ д'Агу; гг. де-Вассе и де-Бонне. Особы женскаго пола: герцогиня де-Серанъ, графиня де-Нарбонъ (дочь ея), графиня де-Дамасъ, дѣвица де-Шуази *).

---

*) Изъ поименованныхъ лицъ абатъ Эджевортъ де-Фирмонъ извѣстенъ тѣмъ, что 21 Января 1793 года напутствовалъ Людовика XVI предъ его казнію и сопровождалъ его на эшафотъ. Онъ состоялъ при Людовикѣ XVIII и въ первую его бытность въ Митавѣ; умеръ въ Митавѣ 10 Мая 1807 года не задолго до

Получивъ этотъ списокъ, графъ Буксгевденъ въ тотъ же день, 20 Декабря, донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, что положеннаго для отопленія замка, въ которомъ никто не жилъ, количества дровъ не достанетъ на полное отопленіе всѣхъ комнатъ, потому слѣдуетъ-ли дрова отпускать отъ казны или же предоставить отопленіе комнатъ на счетъ самого короля. Отвѣтъ министра послѣдовалъ 31 Декабря за № 5951: „Его Величество указать изволилъ отнестись къ г. министру финансовъ, чтобы въ разсужденіи отапливанія Митавскаго замка поступаемо было и нынѣ на томъ основаніи, какъ сіе происходило во время пребыванія тамъ Людовика XVIII" (дрова отпускались въ то время изъ казенныхъ лѣсовъ).

На этотъ разъ и рѣчи никакой не заходило объ отпускѣ изъ казны какихъ бы то ни было денежныхъ суммъ на содержаніе короля-претендента и его свиты.

Въ то время, какъ происходила эта переписка, Наполеонъ настоятельно требовалъ отъ Прусскаго правительства, чтобы оно не держало въ предѣлахъ Пруссіи Бурбоновъ. Людовикъ XVIII съ цѣлію повидаться съ братомъ, графомъ д'Артуа, еще въ Октябрѣ 1804 года изъ Варшавы отправился въ Шведскій городъ Кольмаръ. Здѣсь король Густавъ IV Шведскій устроилъ ему торжественно-пышный пріемъ, здѣсь состоялось свиданіе между братьями, но здѣсь же Людовикъ XVIII получилъ официіальное запрещеніе возвращаться въ Варшаву. Въ Декабрѣ братья разстались: графъ д'Артуа поѣхалъ въ Англію, а графъ Делиль въ Ригу, чтобы отсюда проѣхать въ Митаву, куда онъ со свитою прибылъ 3 Января 1805 года. Супруга его и герцогиня Ангулемская*) остались за распутицею въ Варшавѣ.

Н. И. Арсеньевъ, донеся 5 Января за № 24 графу Буксгевдену о прибытіи въ Митаву графа Делиля и герцога Ангулемскаго, присовокупилъ, что для помѣщенія ихъ со свитою очищено въ Митавскомъ замкѣ въ бель-этажѣ 72 комнаты, въ нижнемъ этажѣ 9 комнатъ и кухня, въ погребахъ 2 комнаты, въ деревянной пристройкѣ 5 комнатъ, а всего 88 комнатъ.

выѣзда изъ этого города Людовика XVIII. Герцоги д'Омонъ, де-Флери и де-Пьенъ и виконтъ д'Агу состояли при Людовикѣ XVIII и въ первую его бытность въ Митавѣ. Имъ слѣдовательно, былъ уже знакомъ и городъ, и замокъ.

*) Герцогиня Ангулемская отличалась мужествомъ и твердостью воли. Про нее Наполеонъ говорилъ, что „это единственный мужчина женскаго пола въ семьѣ женщинъ мужескаго пола (Бурбоновъ)". Она овдовѣла въ 1844 г. и умерла 7 Октября 1851 г. во Фрошдорфѣ (въ Иллиріи).

Повидимому, какъ не размѣститься въ 88 комнатахъ; но оказалось, что ихъ мало. Вотъ что писалъ графу Буксгевдену министръ внутреннихъ дѣлъ:

1) *Отъ 11 Января 1805 года за № 175.* Графъ Блакасъ, находящійся здѣсь по дѣламъ графа де-Лиля, представлялъ мнѣ, что въ Митавскомъ замкѣ не имѣетъ онъ того помѣщенія, которое прежде онъ имѣлъ, не пользуяся также 8-ю квартирами, кои разные чиновники свиты его занимали, что потому долженъ будетъ онъ нанимать теперь квартиры въ городѣ, не имѣя никакихъ почти на сіе по недостаточнымъ доходамъ способовъ; что кромѣ сего въ замкѣ нужны многія починки и что недостаетъ также въ немъ многихъ мебелей, которыя долженъ былъ онъ сбыть съ рукъ за весьма низкую цѣну при скоропостижномъ выѣздѣ своемъ изъ Митавы въ 1801 году. На докладъ мой о сихъ отзывахъ графа Блакаса Его Императорскому Величеству угодно было повелѣть, чтобъ я снесся съ вашимъ сіятельствомъ: 1) О тѣхъ 8-ми квартирахъ, коими графъ де-Лиль пользовался прежде, и какія могутъ быть препятствія, чтобъ онѣ на прежнемъ основаніи не были ему предоставлены? 2) Какія исправленія въ замкѣ нужны быть могутъ? Его Величество, считая, что замокъ сей находится всегда въ исправности надлежащей, не полагаетъ, чтобъ какія-либо важныя исправленія нужны быть могли и, что вы, милостивый государь мой, легко можете хозяйственно распорядиться о приведеніи оныхъ въ дѣйство. Государь Императоръ тѣмъ наипаче излишнимъ признавать изволитъ дѣлать какія-либо значущія издержки, что пребываніе графа де-Лиля въ Митавѣ предполагается только на самое короткое время. 3) Что касается до мебелей, то какъ замокъ Митавскій оными запасенъ, то и желательно было ы, чтобъ и на сіе не чинимо было новыхъ издержекъ; однакожъ, не угодно ли будетъ вашему сіятельству и по сему случаю поручить кому за благо признаете узнать, какія мебели нужны быть могутъ, и что онѣ статутъ, если бы сдѣлать ихъ было приказано за благо, увѣдомивъ меня о семъ, дабы я представить все сіе могъ на высочайшее усмотрѣніе.

2) *Отъ 27 Января 1805 года за № 435.* Вслѣдъ за отношеніемъ моимъ къ вашему сіятельству отъ 11 Января о приготовленіи для пребыванія графа де-Лиля Митавскаго замка, я получилъ теперь отъ господина товарища министра иностранныхъ дѣлъ (князя Адама Чарторыжскаго) отношеніе, въ коемъ онъ сообщилъ мнѣ высочайшее повелѣніе, дабы учинены были распоряженія къ исправленію всего въ ономъ замкѣ, что по жительству тамъ графа де-Лиля необходимо будетъ нужно. Хотя я предполагаю, что ваше сіятельство уже приняли для сего мѣры, тѣмъ не меньше имѣю обязанностію увѣдомить васъ, милостивый государь мой, о сей волѣ монаршей. Относительно до отапливанія замка князь Чарторыжскій меня извѣстилъ о высочайшемъ повелѣніи, чтобы потребное количество дровъ туда было доставлено. Вмѣстѣ съ симъ я не оставилъ дать знать о семъ обстоятельствѣ господину министру финансовъ. Какъ ваше сіятельство въ замкѣ занятомъ графомъ де-Лилемъ оставили нѣкоторое отдѣленіе на случай вашего въ Митаву пріѣзда, то господинъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ ко мнѣ пишетъ, что Государь Императоръ, желая доставить графу де-Лилю всякія возможныя удобности въ его помѣщеніи, высочай-

ше мнѣ повелѣлъ отнестись къ вамъ, милостивый государь мой, что Его Величеству угодно бы было, дабы и сіе отдѣленіе было очищено и предоставлено ему для помѣщенія со всею его свитою *).

Поселившись съ 3 Января 1805 года въ Митавскомъ замкѣ, Людовикъ XVIII уже не имѣлъ того приволья, съ какимъ онъ жилъ тутъ съ 1798 по 1801 годъ. Во первыхъ, на содержаніе его и его свиты отъ казны не шло уже ни копѣйки денегъ: онъ долженъ былъ жить и содержать свиту на свой счетъ; во вторыхъ, казна не желала уже входить въ лишніе расходы ни на перестройки въ замкѣ, ни на меблировку, ни на обстановку помѣщеній; напротивъ, министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ Буксгевдену по отношенію Митавскаго замка соблюдать строгую экономію, лишняго не дѣлать, лишней мебели не заводить и пр. Содержать замокъ въ исправности всетаки было нужно; но тутъ-то и обнаружилось, что по отношенію содержанія въ исправности замка порядка не было: смотрителя зданія не состояло, сторожей никакихъ не нанималось. Мебель для замка въ 1798 году, въ первую бытность Людовика XVIII, была доставлена изъ Петербурга отъ дворцоваго вѣдомства; но описей доставленнымъ вещамъ не было, по крайней мѣрѣ въ Казенной Палатѣ никакихъ описей не оказалось, такъ что оставалось совершенно неизвѣстнымъ, сколько именно и какія вещи должны были находиться въ замкѣ. На ремонтное содержаніе замка никакихъ денегъ не отпускалось въ теченіе пяти лѣтъ, а между тѣмъ починки были совершенно необходимы, потому что нельзя же было жить въ комнатахъ, въ которыхъ печи не исправны, въ которыхъ, напр. окна выбиты и пр. Объ устраненіи всѣхъ этихъ непорядковъ графъ Буксгевденъ и началъ ходатайствовать.

Прежде всего онъ 11 Февраля 1805 года за № 338 донесъ графу Кочубею, что въ замкѣ дѣйствительно недостаетъ мебели; въ скоромъ времени въ Митаву должны прибыть графиня Делиль и герцогиня Ангулемская, недостатокъ мебели будетъ тогда еще ощутительнѣе; потому онъ, графъ Буксгевденъ, и распорядился купить въ Ригѣ мебель по реестру, полученному отъ графа Делиля, на 903 руб. и 1362 талера и 20 марокъ. Затѣмъ совершенно необходимо опредѣлить для надзора за замкомъ смотрителя (шлосфохта) и двухъ служителей, съ жалованьемъ смотрителю по 200 талеровъ въ годъ и служителямъ по 60 талеровъ въ годъ каждому. Необходимо также назначить къ ежегодному отпуску по 1000 р. на

---

*) Было очищено, а для жительства графа Буксгевдена, въ случаѣ его пріѣзда въ Москву, совѣтникъ Губернскаго Правленія предложилъ семь комнатъ въ своемъ домѣ безплатно. Городъ чрезъ это освободился отъ необходимости отводить и нанимать для графа квартиру.

ремонтное содержаніе замка въ исправности; но пока онъ, графъ Буксгевденъ, уже распорядился произвести необходимѣйшихъ починокъ въ замкѣ на 239 талеровъ.

Графъ Кочубей, вслѣдствіе этого представленія, увѣдомилъ графа Буксгевдена отъ 24 Февраля 1805 года за № 792, что Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ деньги за мебель и за починки въ замкѣ уплатить изъ суммъ Кабинета. Затѣмъ было разрѣшено отпускать съ 1 Марта 1805 года изъ суммъ Курляндской казенной палаты по 1000 рублей въ годъ на ремонтъ замка, и по 200 талеровъ въ годъ на жалованье смотрителю и по 60 талеровъ двумъ служителямъ. Смотрителемъ замка опредѣлили поручика фонъ-Рейбница, который подъискалъ себѣ двухъ служителей.

Въ Петербургѣ между тѣмъ отыскали вѣдомости мебели и вещамъ, которыя были отправлены въ 1798 году въ Митаву для Митавскаго замка и для замка Вирцау, также предоставленнаго въ пользованіе Людовику XVIII. Вѣдомости эти графъ Буксгевденъ отослалъ къ Курляндскому губернатору Арсеньеву для повѣрки и сличенія что̀ имѣется на лицо и чего нѣтъ. Арсеньевъ 18 Апрѣля 1805 года за № 249 донесъ графу, что Вирцаускій замокъ со всею мебелью и вещами предоставленъ по высочайшему повелѣнію отъ 25 Сентября 1801 года герцогу Людвигу Виртембергскому для его жительства тамъ, что мебель и вещи въ этомъ замкѣ цѣлы и находятся въ такомъ именно количествѣ, какъ означено въ вѣдомости, присланной изъ Петербурга. Что̀ же касается до мебели и вещей въ Митавскомъ замкѣ, то тутъ многаго не оказалось противъ вѣдомости, но много имѣется и такого, чего въ вѣдомости не значится. Причина такого разногласія заключается въ томъ, что въ Январѣ 1801 года Людовику XVIII было приказано выѣхать изъ Митавы въ 24 часа: вслѣдствіе такой поспѣшности приходилось принять отъ королевскаго коммиссара Гю мебель и вещи безъ всякой описи и реестра. Разыскать куда дѣвались недостающія вещи и откуда явились лишнія—нѣтъ никакой возможности: надобно составить описи и реестры вновь всему, что̀ имѣется на лицо, и затѣмъ уже слѣдить за цѣлостію имущества.

Такъ и сдѣлали: составили подробную опись и по ней сдали все имущество королевскому коммиссару Гю (Hue). Изъ вѣдомости этой видно, что г. Гю принялъ: занавѣсовъ оконныхъ атласныхъ, шелковыхъ, камчатныхъ и миткалевыхъ съ кистями и безъ кистей 55 паръ; столовъ краснаго дерева, мраморныхъ и простыхъ 56; зеркалъ 29; люстръ 7; лампадъ 4; жирандолей 2; канапе 7; софъ 7; креселъ 83, стульевъ 210; стольчаковъ 4; кроватей съ постелями 15; постельныхъ принадлежностей — матрасовъ 9, перинъ 8, поду-

шекъ 6; одѣялъ 9, простыней 9, наволочекъ 8, валиковъ 3; комодовъ 9; экрановъ 6; ширмъ 5; подсвѣчниковъ 20, ковровъ 1 и пр.

Всей этой мебели на 100 комнатъ было, конечно, очень недостаточно. Графъ Буксгевденъ хотя и прикупилъ въ Ригѣ мебели, но и того всего было крайне мало. Графу Делилю приходилось заводить недостающее на свой счетъ, что̀ онъ, вѣроятно, и сдѣлалъ.

Между тѣмъ 24 Апрѣля 1805 года чрезъ Полангенъ прибыла въ Митаву герцогиня Ангулемская. Съ нею прибыли: герцогиня де-Серранъ, г-жа де-Шуази, графъ де-Дамасъ, камеръ-фрау герцогини: госпожи Гю и Клери, ея камердинеръ, госпожа Тюрже, три лакея, Жиль, лекарь графа Делиля, двѣ служанки герцогини Серранъ и Шуази, лакей графа Делиля, всего 10 лицъ.

Дней чрезъ пять, 29 Апрѣля, прибыла въ Митаву чрезъ Вильну и графиня Делиль. Съ нею пріѣхали герцогъ Давре съ камердинеромъ и лакеемъ, графиня Нарбонъ съ горничною и лакеемъ; камеръ-фрау графини: дѣвицы Перонне и Прео; докторъ Колиньонъ съ лакеемъ, духовникъ абатъ де-Турмельни съ лакеемъ; поваръ и два лакея, всего 15 лицъ.

Багажъ и вещи графини и герцогини везли чрезъ Полангенъ въ Ригу. Въ Полангенѣ на таможнѣ весь транспортъ задержали и опечатавъ отослали въ Митаву. Графъ Буксгевденъ запросилъ министра торговли, графа Николая Петровича Румянцова, какъ быть съ пошлинами на багажъ. Отвѣтъ послѣдовалъ 13 Мая за № 1135: вещи пропустить безъ досмотра и пошлинъ.

Въ Маѣ 1805 года пріѣхалъ графъ Дамасъ съ супругою; пріѣхала и остальная прислуга графа Делиля. Всего въ замкѣ размѣстилось человѣкъ 60.

Графъ Буксгевденъ все думалъ, что пребываніе короля-претендента въ Митавѣ будетъ непродолжительное; но проходили мѣсяцы за мѣсяцами, а Людовикъ XVIII не уѣзжалъ, и его коммисаръ безпрестанно докладывалъ Арсеньеву, что замокъ требуетъ большихъ починокъ, что мебель въ комнатахъ обветшала и ея черезъ чуръ ужъ мало на всѣ покои, что и дровъ даже отпускается мало. Арсеньевъ докладывалъ объ этомъ графу Буксгевдену, но однакожъ изъ докладовъ его ничего не выходило: денегъ на перестройки и починки въ замкѣ и на покупку новой мебели не отпускалось; впрочемъ время было такое, что нашему казначейству нельзя было и думать объ удобствахъ жизни короля-претендента въ Митавѣ. То было время первой коалиціи противъ Наполеона и Австро-русской войны съ нимъ. Графа Буксгевдена временно вызвали къ арміи, Государь былъ также въ отсутствіи; не до Митавы и не до короля было тогда.

Союзники подъ Аустерлицемъ потерпѣли сильное пораженіе; походъ 1805 года былъ очень неудаченъ. Но вотъ весною 1806 года графъ Буксгевденъ возвратился въ Ригу, и Арсеньевъ не замедлилъ донести ему, что Митавскій замокъ сильно обветшалъ, требуетъ и наружныхъ, и внутреннихъ починокъ; по составленной губернскимъ архитекторомъ смѣтѣ на эти починки нужно 25808 талеровъ. Что касается до мебели, то выгоднѣе было бы прислать изъ Петербурга готовую мебель. Графъ Буксгевденъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ, и тотъ 12 Августа 1806 года за № 1212 отвѣчалъ, что Государь Императоръ приказалъ доставить въ Митаву мебель изъ Петербургскихъ дворцовъ и что оберъ-гофмаршалъ, графъ Николай Александровичъ Толстой, уже отозвался, что мебель и уборы для Митавскаго замка можно заимствовать изъ Михайловскаго дворца; но для этого нужно знать размѣры оконъ и комнатъ, для коихъ мебель и уборы предназначаются. Свѣдѣнія объ этомъ были посланы въ Петербургъ лишь въ концѣ Октября 1806 года.

Мебель и уборы доставили изъ Петербурга и замокъ починили, но въ размѣрахъ очень скудныхъ, такъ что и самый замокъ и убранство его комнатъ представлялись въ видѣ далеко не блестящемъ. Это свидѣтельствуетъ офицеръ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, Левшинъ, имѣвшій случай 18 Марта 1807 года (см. Рус. Стар. 1876, томъ XVI, 61) съ полковымъ командиромъ, графомъ Сенъ-При, представляться Людовику XVIII. „Старинный, совершенно обветшалый замокъ, пишетъ Левшинъ, представился глазамъ нашимъ. По нечистой лѣстницѣ вошли мы въ комнаты, которыя отъ древности и непризору удивили насъ. Мебели, самыя старыя, обтертыя и оборванныя, показывали, сколь въ бѣдственномъ положеніи находятся обитатели его. Стѣны хотя и были обтянуты штофными обоями, но изодранными, и лоскутки ихъ висѣли со стѣнъ, а золоченыя рамки полиняли, и золоченіе кое-гдѣ блестѣло... Кабинетъ короля не былъ украшенъ и меблированъ лучше всѣхъ прочихъ апартаментовъ, которые мы проходили“.

18 Мая 1807 года, Государь Императоръ, проѣзжая къ арміи черезъ Митаву, посѣтилъ Людовика XVIII. Въ концѣ 1806 года графъ Буксгевденъ былъ снова отозванъ къ арміи, а его мѣсто въ Ригѣ временно занялъ генералъ-отъ-кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ. Въ началѣ 1807 года открылась новая война съ Наполеономъ. Наши войска терпѣли большую убыль въ людяхъ не столько вслѣдствіе битвъ, сколько отъ непогодъ, всякаго рода лишеній и болѣзней, развившихся вслѣдствіе именно этихъ лишеній. Больныхъ и раненыхъ приходилось увозить съ театра войны

и размѣщать въ пограничныхъ губерніяхъ въ постоянныхъ и временныхъ госпиталяхъ. Часть больныхъ и раненыхъ привезли и въ Митаву, гдѣ кромѣ небольшаго госпиталя никакихъ особыхъ помѣщеній для раненыхъ и больныхъ не было. Губернатору Арсеньеву другаго средства для помѣщенія прибывшихъ людей не было, какъ отвести казарменныя помѣщенія въ томъ же самомъ замкѣ, гдѣ жилъ Людовикъ XVIII. Такое сосѣдство было, конечно, крайне непріятно и неудобно королю, и онъ послалъ графа Блакаса въ Ригу къ А. П. Тормасову похлопотать, нельзя-ли перевести госпиталь въ другое мѣсто. Тормасовъ, вслѣдствіе этого, писалъ Арсеньеву 30 Мая 1807 г. за № 667:

Пріѣхавшій изъ Митавы графъ Блакасъ, увѣдомляя меня, что помѣщеніе лазарета въ Митавскомъ замкѣ не только подаетъ изъ оконъ комнатъ герцогини Ангулемской противный и завсегда растрогивающій видъ, когда больныхъ ведутъ на свѣжій воздухъ или когда выносятъ мертвыхъ, но и вредныя для здоровья испаренія, входя въ покои, заставляютъ опасаться заразительныхъ болѣзней, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя особы изъ свиты чрезъ посѣщеніе больныхъ были уже жертвою своего усердія *), и потому проситъ вывода лазарета въ другое помѣщеніе. Зная, сколько ваше превосходительство споспѣшествовать готовы къ удаленію всего того, что̀ достойнымъ, но судьбою угнетеннымъ, симъ особамъ пребываніе ихъ въ Митавѣ непріятнымъ сдѣлать можетъ, прошу васъ, милостивый государь мой, буде нѣтъ особаго повелѣнія Государя Императора, чтобы возвращающіеся изъ арміи больные и раненые нижніе воинскіе чины именно въ Митавскомъ замкѣ помѣщены были, и буде они по тѣснотѣ въ госпиталѣ томъ не могутъ тамъ расположиться, тогда всѣхъ ихъ перевесть по усмотрѣнію и лучшему вашему о мѣстоположеніи познанію либо въ Шведгофъ, либо въ Кесгофъ, либо въ другое какое въ близости отъ города состоящее мѣсто, изъ какого, если оно занято подъ квартированіе милиціи, постой сей, послѣ нарочитаго вычищенія казармъ въ замкѣ, туда переведенъ быть можетъ. Если же у вашего превосходительства получено какое противное сему постановленію предписаніе, то прошу покорно мнѣ съ онаго сообщить копію.

Такого предписанія не было, потому лазаретъ былъ выведенъ изъ замка.

Недолго послѣ этого пришлось Людовику XVIII жить въ Митавѣ. 27 Іюня 1807 года былъ предписанъ Тильзитскій миръ, императоръ Александръ Павловичъ сблизился съ Наполеономъ, и Людовикъ XVIII увидѣлъ, что ему нечего уже ждать чего либо отъ Россіи. Онъ рѣшился выѣхать изъ Митавы и, написавъ о томъ Государю, просилъ Тормасова распорядиться поставкою лошадей

*) А. П. Тормасовъ говоритъ объ аббатѣ Эджевортѣ, умершемъ въ Митавѣ 10 Мая 1807. Аббатъ посѣщалъ раненыхъ и больныхъ Французовъ, взятыхъ въ плѣнъ и привезенныхъ въ Митаву.

отъ Митавы до Либавы. Тормасовъ поручилъ это дѣло Арсеньеву, который и распорядился выставить на станціяхъ подъ 6 экипажей 46 лошадей. 20 Авг. 1807 г. за № 839 Арсеньевъ писалъ Тормасову:

Имѣю честь вашему превосходительству доносить, что сегодня по утру въ 6-мъ часу графъ Делиль со свитою отправился въ Либаву. Сдѣлавъ къ безостановочному путешествію его всѣ нужныя распоряженія, пріятнѣйшею обязанностію себѣ поставилъ доставить графу Делилю въ пути и въ случаѣ пребыванія его за противными вѣтрами въ Либавѣ возможнаго спокойствія и удобностей, отрядивъ Митавскаго оберъ-гауптманскаго суда камеръ-юнкера Медема, на коего усердіе и расторопность въ успѣхѣ сдѣланнаго ему препорученія я совершенно положиться могу.

Людовикъ XVIII прибылъ въ Либаву 22 Августа и на Шведскомъ фрегатѣ въ тотъ же день отправился въ Швецію, откуда онъ въ томъ же 1807 году перебрался въ Англію, гдѣ и проживалъ до самаго 1814 года, когда былъ возстановленъ Французскимъ королемъ.

Нѣкоторыя лица изъ свиты Людовика XVIII остались въ Митавѣ и цѣлый годъ еще жили, съ высочайшаго разрѣшенія, въ Митавскомъ замкѣ.

Неизлишне здѣсь отмѣтить, что высочайшимъ указомъ отъ 1 Августа 1807 года было повелѣно отпустить изъ государственныхъ доходовъ министру иностранныхъ дѣлъ генералу Будбергу на меблированіе Митавскаго замка 19875 рублей *). Отъ 2 Августа министръ Будбергъ увѣдомилъ генерала Тормасова, что Государь Императоръ повелѣлъ означенныя деньги отдать въ распоряженіе находящагося въ свитѣ графа Делиля маркиза Дебонне. Деньги 19875 рублей Курляндская Казенная Палата выдала маркизу Дебонне 6 Сентября, слѣдовательно уже послѣ отъѣзда Людовика XVIII изъ Митавы. Заготовилъ-ли онъ что-либо изъ отпущенной суммы— неизвѣстно; ибо никакого отчета въ употребленіи денегъ не представилъ, какъ то видно изъ донесенія Курляндскаго гражданскаго губернатора, барона Гоггера (смѣнившаго въ концѣ 1808 года Арсеньева) графу Буксгевдену отъ 30 Января 1809 года за № 233.

Е. Чешихинъ.

*) Вообще пребываніе Людовика XVIII въ Митавѣ обошлось Россіи не дешево: въ 1797 г. ему было пожаловано единовременно 200000 р., да на подъемъ при переѣздѣ въ Митаву 60000 р. Въ 1798, 1799 и 1800 г. г. на содержаніе ему было отпущено по 200 т. въ годъ, всего 600000 р. Въ 1807 г. дано, якобы на мебель, 19875 р. Если къ этому прибавить издержки по перевозкѣ мебели изъ Петербурга, издержки на топливо и др. расходы, то въ общемъ итогѣ, конечно, сумма расходовъ выразится въ милліонѣ рублей. Извѣстно, что, водворившись во Франціи, король немедленно отплатилъ Россіи черною неблагодарностью.

ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЙСКО НА РУССКОМЪ СОДЕРЖАНІИ

(КОРПУСЪ ПРИНЦА КОНДЕ).

Подлинныя современныя бумаги.

А. Рескрипты императора Павла князю В. Н. Горчакову [1]).

1.

3 Августа 1797 г. Павловскъ.

По прошенію принца Конде рѣшившися принять войска подъ его командою состоящія въ службу нашу, за благо признали мы отправить васъ вмѣстѣ съ присланнымъ отъ него генералъ-маіоромъ барономъ Де-Ла-Рошефукольдъ въ то мѣсто, гдѣ помянутый принцъ находится, какъ съ отвѣтнымъ нашимъ къ нему письмомъ, такъ и съ указомъ къ тайному совѣтнику Алопеусу, уполномоченному отъ насъ для надлежащихъ распоряженій относительно отправленія и перехода означенныхъ войскъ въ наши границы. Къ наблюденію же вашему предписываемъ слѣдующее:

Первое. По прибытіи вашемъ въ квартиру принца Конде настоять, чтобы учинены были вѣрныя вѣдомости и списки всѣмъ

---

[1]) Этотъ князь В. Н. Горчаковъ въ «Росс. Род. Книгѣ» кн. Долгорукова значится подъ № 38. Онъ дослужился до ген. маіорскаго чина. Въ нашемъ экземплярѣ рукою покойнаго М. Н. Лонгинова противъ его имени отмѣчено: «сосланъ въ 1803 г. въ Сибирь за фальшивые векселя». Потомства отъ него не осталось. Единственная дочь его, княжна Екатерина Васильевна — супруга министра внутр. дѣлъ графа Л. А. Перовскаго, которая умерла въ чужихъ краяхъ (тѣло ея, по привозѣ въ Россію, онъ велѣлъ вскрыть, изъ побужденій ревности). Сестра кн. В. Н. Горчакова, гр. Пелагея Николаевна Толстая—родная бабка графа Льва Николаевича Толстаго. *П. Б.*

наличнымъ людямъ въ томъ войскѣ, дабы узнать прямо, сколько ихъ отправится въ границы наши и по тому размѣрять издержки на нихъ. Тутъ и должно предостеречь, что принятіе сего войска въ службу нашу единственно въ пользу однихъ Французовъ, а отнюдь не чужестранцевъ всякаго рода. И таковые вѣдомости и списки со всѣми при томъ потребными свѣдѣніями доставить къ намъ немедленно.

Второе. По соглашенію съ принцомъ Конде и тайнымъ совѣтникомъ Алопеусомъ составить маршрутъ черезъ какія земли и мѣста онымъ войскамъ слѣдовать, располагая оные по лучшей близости и удобности какъ для сокращенія пути и расходовъ, такъ и во избѣжаніе, чтобъ не у многихъ дворовъ дѣлать реквизиціи о пропускѣ, а потому и опредѣлить маршъ войска, раздѣляя оное по частямъ, и намъ обстоятельно донести.

Третіе. Въ разговорахъ вашихъ съ принцомъ Конде изъяснить ему, что войска сіи, покуда достигнутъ опредѣляемыхъ имъ квартиръ, останутся какъ они теперь есть; по прибытіи же въ квартиры могутъ сформированы быть въ полки пѣхотные и конные, сообразно прочимъ арміи нашей, но плату и содержаніе получать будутъ по ихъ прежнему положенію; что всѣ чины въ оныхъ состоящіе въ нашей службѣ тѣми же точно рангами считаться будутъ, въ каковыхъ они дѣйствительно по 1-е сего Августа состояли, разумѣя однакожъ особыми списками, не смѣшивая вообще съ прочими нашими; что по прибытіи въ границы наши назначатся имъ выгодныя квартиры между Пружани, Шеретова, Мелетичъ, Крынкова, Опалина, Ковеля, Владимира, Луцка, Домбровицы и Драгичина, гдѣ все дешевле и къ содержанію лучшая удобность и что всѣ тѣ, которые пожелаютъ въ отставку, имѣютъ получить оную и по волѣ ихъ или отправиться внѣ государства или же поселиться на земляхъ имъ назначенныхъ въ Новороссійской губерніи.

Четвертое. Объ артилеріи при войскахъ имѣющейся предоставить самому принцу Конде на волю, по частямъ-ли оную отправить или же послать водою по Эльбѣ, а оттуда моремъ до Риги, съ тѣмъ что оная ему, конечно, доставлена будетъ. Объ экипажахъ постановить, какимъ образомъ облегчить путь сокращеніемъ ихъ, ограничa оные въ самомъ необходимомъ и при порядочныхъ войскахъ употребляемомъ числѣ, продавъ излишніе и поступя такимъ же образомъ со всѣми непрочными и лишними багажами.

Пятое. Долгъ вашъ наблюдать, чтобъ маршъ сихъ войскъ происходилъ въ надлежащемъ порядкѣ и чтобъ они въ прокормленіи и въ прочемъ необходимо потребномъ не имѣли недостатка и оста-

новки, для чего и доставляется къ тайному совѣтнику Алопеусу векселями или кредитивомъ 60/т. червонныхъ, которые по соглашенію съ принцемъ Конде и съ помянутымъ тайнымъ совѣтникомъ раздѣлить по частямъ, и всему тому вы должны вести вѣрный счетъ, присылая къ намъ рапорты. На случай же буде бы сія сумма оказалася недостаточна, въ запасъ снабденъ будетъ генералъ и военный губернаторъ Каменецъ-Подольскаго Беклешовъ повелѣніемъ нашимъ о поданіи помощи симъ войскамъ по мѣрѣ сближенія ихъ къ Подольской и Волынской губерніямъ, къ которому вы, въ чемъ потребно, и относиться должны.

Шестое. Увѣдомлять насъ часто о слѣдованіи войскъ и о всемъ къ свѣдѣнію нашему нужномъ, а дабы въ случаѣ надобности могли вы послать и нарочнаго, опредѣляются къ вамъ 4 фельдъегеря.

Седьмое. Къ послу графу Разумовскому писано отъ насъ, чтобы испросилъ дозволеніе отъ Вѣнскаго двора на проходъ сихъ войскъ черезъ области Австрійской монархіи, съ которымъ вы во время слѣдованія войскъ должны имѣть надлежащее сношеніе; а дабы таковой же переходъ черезъ земли курфирста Баварскаго безпрепятственно учиненъ быть могъ, посылается теперь письмо отъ канцлера къ повѣренному въ дѣлахъ, при томъ курфирстѣ находящемуся.

Поручая вамъ сію комиссію, мы надѣемся, что вы потщитеся исправить оную съ усердіемъ и точностію и тѣмъ заслужите наше монаршее благоволеніе.

Павелъ.

2.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Въ дополненіе къ наставленіямъ вамъ уже даннымъ относительно отправленія вашего къ принцу Конде, поручаемъ вамъ наблюдать, чтобъ всѣ части его арміи, коль скоро достигнутъ наши предѣлы, были бъ приведены безъ изъятія къ присягѣ, по обряду законами нашими установленному. Мы не оставили дать по сему наши повелѣнія генералу отъ инфантеріи Беклешову.

Павелъ.

3-го Августа 1797 г. Въ Павловскѣ.

3.

11 Сентября 1797 г. Гатчино.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Для караула при королѣ Французскомъ во время пребыванія его въ замкѣ Еверскомъ нужно, чтобъ изъ находящихся подъ командою принца Конде

прежнихъ gardes-du-corps сто человѣкъ съ потребнымъ числомъ офицеровъ по выбору и назначенію его величества отдѣлены и въ помянутый замокъ отправлены были партіями, какъ выгоднѣе, по соглашенію съ принцемъ Конде и тайнымъ совѣтникомъ Алопеусомъ, который въ случаѣ надобности долженъ рекламировать для нихъ свободный переходъ черезъ земли, на пути ихъ лежащія. Ко вдовствующей же принцессѣ Ангальтъ-Цербстской*) по управленію ея въ Еверѣ прилагаемое письмо, извѣщающее ее о таковой нашей волѣ, доставьте завременно. Впрочемъ увѣрены мы, что вы въ расходахъ на отправленіе сего войска необходимыхъ соблюдете всевозможную бережливость, донеся намъ, во сколько то обойдется, а равно и какая сумма востребуется на годовое содержаніе ихъ при королѣ. Построеніе же и цвѣтъ мундировъ помянутаго войска будетъ зависѣть отъ выбора и воли его величества.

Павелъ.

4.

5 Октября 1797 г. Гатчино.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Донесенія ваши отъ 17 (28) Сентября получивъ и видя усердіе ваше и искуство, съ коимъ вы исправляете порученное вамъ дѣло, изъявляемъ вамъ монаршее наше благоволеніе; находя однако же нужнымъ дать вамъ еще нѣкоторыя наставленія, повелѣваемъ:

Первое. Имѣя намѣреніе взять двѣ Швейцарскія роты сюда и содержать ихъ здѣсь, должны вы вслѣдствіе сего сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, чтобъ, по прибытіи оныхъ въ наши предѣлы и по удобности весенняго времени, были сіи двѣ роты отправлены прямо въ Гатчину; прочія же расположены быть должны по квартирамъ тѣмъ войскамъ назначеннымъ.

Второе. Вступить, не теряя время, въ переписку съ генераломъ отъ инфантеріи Беклешовымъ, увѣдомляя его о времени вступленія войскъ въ Имперію нашу и о числѣ оныхъ, дабы онъ былъ въ состояніи предупредить ихъ нужды и взять надлежащія съ своей стороны мѣры.

Третье. Имѣющимъ желаніе оставаться для окончанія дѣлъ своихъ вы не препятствуйте въ томъ, объявя, что жалованье имъ производимо не будетъ до того времени, пока они не возвратятся къ мѣстамъ своимъ; что тѣ, кои не явятся къ своимъ командамъ

---

*) Это была супруга брата Екатерины Великой (умершаго въ 1793).

къ 1-му будущему Апрѣля не будутъ уже приняты и что таковые должны имѣть виды объ отпускѣ своемъ или отъ самаго принца Конде или отъ тайнаго совѣтника Алопеуса, или же отъ васъ, и съ оными явиться къ которому либо изъ нашихъ министровъ, какъ-то: въ Вѣну, Берлинъ, Дрезденъ, Гамбургъ, Стутгардъ и Регенсбургъ, для полученія паспортовъ, кои повелѣли мы давать имъ прямо на тѣ провинціи, гдѣ квартиры ихъ войскамъ ассигнованы, и напослѣдокъ

Четвертое. Поручаемъ вамъ, сношеніями вашими съ принцемъ Конде, стараться о приведеніи формированія полковъ въ единообразіе съ нашими, такъ чтобъ у васъ вся нужная работа была изготовлена до прибытія еще вашего въ предѣлы наши, дабы тогда уже разомъ и безъ проволочки исполнить оное.

Павелъ.

5.

20 Мая 1798 г. Нижній-Новгородъ.

Господинъ подполковникъ князь Горчаковъ! Вслѣдствіе донесенія вашего отъ 1-го Мая повелѣваю вамъ, отнесясь къ принцу Конде, войти въ разсмотрѣніе, какого сорта люди находятся въ услуженіи у Французскихъ офицеровъ и ежели найдутся таковые, коихъ поведеніе терпимо быть не можетъ, то оныхъ немедленно выслать за границу.

Чтожъ касается до учрежденныхъ ими станцій, для развозу приказовъ и рапортовъ, то оные тотчасъ уничтожить, такъ какъ вещи противныя нашимъ распоряженіямъ. Какъ же скоро кто нибудь изъ составляющихъ оное войско окажется въ какомъ бы то ни было худомъ умыслѣ противъ вводимаго порядка службы, или вздумаетъ разсѣевать Якобинскія правила, таковаго, не смотря на его чинъ и званіе, изыскавъ вѣрныя на то доказательства, отправить къ генералу отъ инфантеріи графу Гудовичу, коему по сему случаю даны отъ меня нужныя повелѣнія. Пребываю вамъ благосклонный *Павелъ.*

6.

24 Сентября 1799 г. Гатчино.

Господинъ полковникъ князь Горчаковъ! Выключенныхъ изъ службы моей по инспекціи принца Конде военнослужащихъ, да и вообще тѣхъ иностранцевъ пришедшихъ въ мои предѣлы съ принцемъ Конде, коихъ по желанію самаго принца надлежало, по причинѣ дурнаго ихъ поведенія, выслать за границу и которыхъ Авст-

рійское начальство не впускаетъ въ предѣлы Римско-Императорскіе, повелѣваю отправить въ Сибирь, не яко осужденныхъ для употребленія къ работамъ, но яко людей, коихъ примѣръ можетъ быть вреденъ прочимъ, на безъисходное пребываніе, которыхъ вы и отправите по лучшей удобности къ генераламъ отъ инфантеріи графу Гудовичу или Беклешову. Впрочемъ апробую учиненное вами относительно исправленія обоза и артилеріи и пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

7.

Господинъ генералъ-маіоръ князь Горчаковъ 3-й! Такъ какъ корпусъ принца Конде выходитъ изъ нашей сольды на Англійскую, то и повелѣваю вамъ, взявъ съ собою всю денежную казну для продовольствія сего корпуса находящуюся у васъ, равномѣрно всѣ чины коммисаріатскіе и провіантскіе, состоящіе при ономъ корпусѣ, отправиться со всѣмъ онымъ въ Брестъ-Литовскій. Пребываю вамъ благосклонный

23 Февраля 1800 г. *Павелъ.*

А самимъ вамъ быть сюда.

8.

Господинъ генералъ-маіоръ князь Горчаковъ 3-й! Я съ удивленіемъ усмотрѣлъ изъ донесенія вашего отъ 18 Марта, что безъ позволенія моего осмѣлились вы требовать отъ его свѣтлости принца Конде знамена, данныя мною его корпусу. То за таковой вашъ неосновательный поступокъ дѣлаю вамъ выговоръ и повелѣваю отнестись къ принцу Конде съ объясненіемъ, что вы сдѣлали сіе безъ вѣдома моего.

7 Апрѣля 1800 г. *Павелъ.*

Б. РЕСКРИПТЪ АЛОПЕУСУ.

Господинъ тайный совѣтникъ Алопеусъ! При самомъ отправленіи подполковника князя Горчакова получили мы донесенія ваши изъ Иберлингена. Къ принцу Конде отвѣтствовать намъ нечего послѣ подробнаго письма къ нему писаннаго, и копія къ вамъ препровождается для свѣдѣнія вашего, тѣмъ болѣе что мы не находимъ за нужное перемѣнять содержаніе онаго, а равномѣрно наставленія, къ вамъ отправляемыя и инструкцію, князю Горчакову данную. Въ дополненіе къ коимъ прибавляемъ слѣдующее:

Первое. Есть ли принцъ Конде будетъ затруднять порученное вамъ дѣло требованiями о сохраненiи своихъ обрядовъ службы и установленiй, также мундировъ, герба и кокардъ, отступая отъ смысла нашихъ предписанiй, къ вамъ посылаемыхъ и сообщенiй, принцу самому дѣлаемыхъ, мы находимъ, что принятiе войскъ его въ службу нашу имѣть мѣста не можетъ, и на случай таковой повелѣваемъ вамъ рушить сiю негоцiяцiю возвращенiемъ къ намъ подполковника князя Горчакова и отъѣздомъ вашимъ.

Второе. Объявите принцу Конде, что если принятiе въ службу нашу войскъ его рѣшится, то, конечно, и плата имъ должна начаться изъ казны нашей съ 1-го Сентября, яко время, съ котораго союзники оную пресѣкаютъ.

Третiе. Относительно зимнихъ квартиръ находя разсужденiе ваше справедливымъ, поручаемъ вамъ убѣдить принца Конде, что нѣтъ почти возможности зимовать войскамъ въ Нѣмецкой землѣ и что мы непремѣнно желаемъ, чтобъ они слѣдовали прямо и безъ остановокъ, хотя малыми маршами, въ назначаемыя имъ квартиры; однакожъ мы вамъ дозволяемъ въ сущей крайности списаться съ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ, графомъ Разумовскимъ и министромъ въ Берлинѣ, графомъ Панинымъ. Тѣхъ же дворовъ министрамъ будутъ сдѣланы здѣсь нужныя внушенiя.

Четвертое. Упоминаемые двѣсти Швейцарцовъ въ донесенiи вашемъ и полкъ подъ командою принца Гогенлоэ могутъ быть причислены къ войскамъ Французскимъ; по прибытiи же въ наши предѣлы и по полученiи рапорта отъ князя Горчакова о состоянiи ихъ, дальнѣйшiя наши повелѣнiя относительно образованiя ихъ по примѣру армiи нашей даны будутъ. Что же касается до дезертировъ, мы и въ семъ случаѣ уважить готовность свою покажемъ заступленiю принца Конде; но непремѣнно вы имѣть должны наблюденiе, чтобы тѣ только отправились къ намъ, о коихъ начальники обяжутся письменно отвѣтствовать.

Пятое. Подполковникъ князь Горчаковъ будетъ вамъ наилучшимъ помощникомъ, о прочихъ же вамъ потребныхъ повелѣнiя наши даны нашему канцлеру, за исключенiемъ канцелярiи совѣтника барона Билера; а для курьерскихъ посылокъ отправлены при князѣ Горчаковѣ четыре фельдъ-егеря.

Шестое. Доставленiемъ къ вамъ на надобности войскъ шестидесяти тысячъ червонныхъ и ассигнованiемъ для нихъ же ста пятидесяти тысячъ рублей въ распоряженiе генерала отъ инфантерiи Беклешова мы довольно предупредили всѣ затрудненiя пути; а потому и находимъ удобнѣе всего, чтобъ отъ войскъ принца Конде

были отправлены коммиссары, которые бы продовольствовать старались войска въ ихъ переходѣ, платя за все чистыми деньгами и избѣгая быть въ тягость жителямъ земель, на пути ихъ лежащихъ.

Седьмое. Земли, назначаемыя нами для поселенцевъ, вамъ извѣстны изъ указа нашего отъ 7-го Іюня, слѣдовательно принцу Конде и предложите отправить теперь довѣренныхъ людей, кои могли бъ осмотрѣть оныя обще съ генераломъ лейтенантомъ Бердяевымъ, имѣющимъ наши повелѣнія, и всѣ нужныя и предварительныя мѣры для выгодъ поселенцевъ. Но что касается до отдѣленія крестьянъ для обработыванія ихъ земель, вы въ томъ прямо и наотрѣзъ откажите именемъ нашимъ.

Восьмое. Принцъ Конде можетъ располагать собою и фамиліею своею по лучшему своему усмотрѣнію и тогда пріѣхать къ намъ, когда онъ за благо признаетъ *).

Девятое. Вы можете увѣрить принца Конде, что какъ съ одной стороны покуда войска, его армію составляющія, будутъ въ предѣлахъ нашихъ, должны всѣ они то наблюдать, что̀ военный нашъ уставъ содержитъ въ себѣ и чему подчинены наши войска, такъ съ другой они свободны будутъ выйти изъ нашей имперіи, коль скоро принцъ Конде того пожелаетъ.

Десятое. Въ доводъ нашего благоволенія къ вамъ, данъ указъ нашъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о доставленіи вамъ ежегодно, доколѣ будете внѣ государства по волѣ нашей, по восьми тысячъ рублей на годъ жалованья, считая рубль въ пятьдесятъ штиверовъ. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонный.

Павелъ

Въ Павловскѣ, Августа 6-го 1797 года.

---

*) Извѣстно, что принцъ Конде припожаловалъ и въ Петербургъ, гдѣ былъ осыпанъ Русскими щедротами и получилъ даже великолѣпный домъ. *П. Б.*

В. ДВѢ ЗАПИСКИ РАСТОПЧИНА КНЯЗЮ В. Н. ГОРЧАКОВУ.

1.

3 Ноября 1798 г. С.-Петербургъ.

Государь Императоръ соизволилъ указать мнѣ написать къ вашему сіятельству, чтобъ вы сдѣлали внушеніе его свѣтлости принцу Конде ограничить себя въ его перепискѣ съ Государемъ единственно въ дѣлахъ до инспекціи его касающихся и распространяться какъ можно меньше объ усердіи къ службѣ, о благодарности, о преданности и проч.—вещи, кои доказываются на дѣлѣ, а не на словахъ. Изъ всего сего вы сдѣлаете употребленіе таковое, чтобы его свѣтлость не обидясь унялся бы отъ пространнаго писанія.

2.

23 Февраля 1800 г. С.-Петербургъ.

Включая у сего письмо мое къ послу г. Колычову, извѣщающее его о роспускѣ корпуса принца Конде, прошу покорно ваше сіятельство оное доставить въ Вѣну, не удержавъ, чѣмъ крайне обяжете имѣющаго честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и пр.

Письма князя П. А. Вяземскаго, изъ Петербурга въ чужіе края, къ А. О. Смирновой.

Сообщены дочерью А. О. Смирновой, Ольгою Николаевной Смирновой и печатаются съ дозволенія князя Павла Петровича Вяземскаго. Первое письмо писано по возвращеніи князя Петра Андреевича изъ его перваго заграничнаго путешествія. Въ Римѣ скончалась у него въ 1835 году взрослая дочь, княжна Прасковья Петровна, памяти которой посвящены трогательные стихи княгини Зинаиды Волконской (можетъ быть единственные, какіе ей вполнѣ удались. См. Р. Архивъ, 1867, стр. 313). Три остальныя письма въ особенности любопытны по отношенію къ А. С. Пушкину. А. О. Смирнову изобразилъ князь Вяземскій въ своей «Старой Записной Книжкѣ» подъ имененемъ *Donna Sol* (См. Р. Архивъ 1874, II, стр. 186). *П Б.*

1.

St.-Pétersbourg, le 1-r décembre 1835.

Je vous remercie du fond de mon coeur, chère et bonne madame Smirnow, pour tout ce que vos lettres contiennent d'affectueux. L'intérêt que vous me témoignez me touche profondement. Si mon coeur est à moitié frappé de mort, il lui reste encore assez de vie pour être sensible et reconnaissant à ceux qui partagent sa douleur. J'aurais voulu vous écrire une longue lettre, mais ce n'est qu'hier soir que j'ai appris le départ de Lomonossoff, qui ne me donne le tems de vous dire que quelques mots. Vous me recommandez de *prier*. Prier c'est espérer, et le malheur détruit jusqu'à l'espérance. J'ai été convaincu du néant de la prière, et c'est cette conviction qui porte la mort dans l'âme. Que de nuits douloureuses et pleines cependant de hautes émotions ai-je passé en prière là, où, au chevet du lit de ma pauvre victime, je pouvais me croire face à face avec Celui que j'implorais. Tant mon exaltation était forte et tant toutes les puissances de tout mon être se concentraient en un seul sentiment, un seul

voeux! Il serait trop long et même déplacé de vous conter l'histoire de mon coeur et de mes croyances durant cette époque d'épreuves et de tribulations. Il suffit de vous dire que la prière a été refoulée au fond de mon âme et que cette sève a été desséchée. N'allez pas croire cependant que le malheur m'aye rendu impie et rebelle envers la Providence. Il est vrai que je suis complètement découragé et désorienté, mais non endurci, ni même aigri. Tout ce que je puis dire après le malheur qui m'a frappé, c'est: Grand Dieu, je ne Vous comprends pas! Et ce n'est pas à force d'études qu'on peut approfondir ce mystère. Je conçois qu'un Etre tout-puissant et tout-bon puisse se révéler au coeur de l'homme par des épreuves, mais il y a des coups qui portent des blessures, d'autres qui portent la mort. Je suis dans ce dernier cas.

Voici deux lettres pour vous que j'ai eu le tems de demander hier à la soirée de Joukowski, qui a pris les Samedis, et Pletnew pour son épouse légitime et maîtresse de maison à cette occasion. Vous aurez du plaisir à faire la connaissance de Bénédiktow. C'est une source vive et rafraîchissante qui vient de jaillir au moment où l'on s'y attendait le moins dans le désert de notre littérature. Je n'ai rien à vous dire de Pétersbourg, car je continue à ne voir personne, au moins de la partie remuante de sa population. Marie est la seule de la famille qui aye paru à quelques bals. Pouchkin, Joukowsky, Wielhorsky, vos frères et surtout Clément et encore trois ou quatre individus de deux sexes viennent de tems en tems achever leur journée chez nous. Clément est le seul qui aye le secret de me faire rire quelquefois et particulièrement dans les jours d'humeur noire; car c'est alors que toute l'originalité, tout le rossétisme de son esprit s'échappe et éclate avec le plus de vigueur et de portée. Je suis bien aise d'apprendre que votre santé et vos dispositions aillent mieux. Mais je crains pour vous Berlin: ce Pétersbourg en miniature. Quand vous avez besoin de changer d'élément pour vous retremper, comment ne pas aller à Paris pour deux ou trois mois? Cela ne vous serait pas refusé, comme moyen curatif. Et d'ailleurs, vos opinions schischkoviennes sont trop bien connues pour craindre la contagion, et puis les loix *d'intimidation* ne sont-elles pas là pour purifier l'air et le préserver des miasmes du libéralisme? La comtesse Lavale y est bien? Serait-elle d'une nature plus imperméable que vous? Ses pores cependant paraissent passablement ouverts. Une fois que vous êtes à Berlin, voici du moins ce que vous devez y faire: faites vous peindre par Krüger et faites litografier ce portrait pour vos amis.

Ma femme et Marie se rappelent à votre bon souvenir. Dites, je vous prie, bien des choses amicales de ma part à votre cher mari; présentez mes hommages à mesdemoiselles vos filles et croyez à l'attachement sincère, dévoué et inviolable que je vous porte. Wiasemsky.

Ne m'oubliez pas auprès des Mansouroff et des Ozerow.

Переводъ. Спб. 1-е Декабря 1835. Изъ глубины сердечной благодарю васъ, дорогая и добрая г-жа Смирнова, за чувства, выраженныя въ вашихъ письмахъ. Меня глубоко трогаетъ участіе, которое вы мнѣ оказываете. Если сердце мое на половину поражено смертью, то все таки въ немъ еще довольно жизни, чтобы оставаться чувствительнымъ и признательнымъ къ людямъ раздѣляющимъ его скорбь. Я хотѣлъ писать къ вамъ большое письмо, но только вчера вечеромъ узналъ, что Ломоносовъ [1]) отправляется въ путь такъ скоро, и я могу сказать вамъ лишь нѣсколько словъ. Вы мнѣ совѣтуете *молиться*. Молиться значитъ надѣяться, а горе разрушаетъ даже и надежду. Я приведенъ къ убѣжденію въ ничтожности молитвы, и это убѣжденіе мертвитъ душу. Сколько горестныхъ и въ тоже время полныхъ высокими ощущеніями ночей провелъ я въ молитвѣ, у изголовья бѣдной моей жертвы, тамъ, гдѣ я могъ думать, что нахожусь лицомъ къ лицу съ Тѣмъ, Кого я умолялъ: до такой степени былъ я возбужденъ и до того всѣ силы моего существованія сосредоточивались въ одномъ чувствѣ, въ одномъ желаніи! Было бы долго, да и неумѣстно, передавать вамъ исторію сердца моего и моихъ вѣрованій въ эпоху этого испытанія и бѣдствія. Достаточно вамъ сказать, что молитва отхлынула въ глубь души моей, и что эта струя изсякла. Не подумайте однако, чтобы горе обратило меня въ нечестивца и ожесточило на Провидѣніе. Правда, что я вполнѣ упалъ духомъ и вышелъ изъ колеи, но я не очерствѣлъ и даже не озлобленъ. Могу только сказать послѣ поразившаго меня несчастія: „Великій Боже, не понимаю Тебя!“ Въ эту тайну не проникнешь изученіемъ. Я понимаю, что всемогущее и всеблагое Существо можетъ открываться человѣческому сердцу посредствомъ испытаній; но одними ударами наносятся раны, а другими смерть. Постигшій меня относится къ послѣднимъ.

Прилагаются къ вамъ два письма, которыя я успѣлъ спросить вчера на вечерѣ у Жуковскаго. У него Субботы, и по этому случаю онъ взялъ себѣ въ законную супругу и домоправительницу Плетнева [2]). Вамъ было бы пріятно познакомиться съ Бенедиктовымъ. Это живой и освѣжительный источникъ, пробившійся въ пустыни нашей словесности, въ такое время, когда можно было наименѣе ожидать того. О Петербургѣ мнѣ нечего вамъ сообщить, потому что я продолжаю никого не видать изъ дѣятельной части его населенія. Изъ нашей семьи одна Маша [3]) была на нѣкоторыхъ балахъ. Пушкинъ, Жуков-

---

[1]) Товарищъ Пушкина, посланникъ нашъ въ Лиссабонѣ.

[2]) На субботнихъ вечерахъ у Жуковскаго, въ такъ называемомъ Шепелевскомъ домѣ Зимняго дворца, собирались лучшіе писатели и иные представители умственныхъ и художественныхъ силъ тогдашняго Петербурга.

[3]) Вторая дочь князя Вяземскаго, Марья Петровна († 1848), съ 22 Мая слѣдующаго 1836 года первая супруга П. А. Валуева (нынѣ графа).

скій, Вьельгорскій, ваши братья [4]) (всѣхъ чаще Клементій), да еще три-четыре лица обоихъ половъ отъ времени до времени проводятъ у насъ послѣдніе часы сутокъ. Одинъ Клементій владѣетъ тайною разсмѣшить меня иной разъ, въ особенности, когда я бываю въ мрачномъ настроеніи: въ такія минуты вспыхиваетъ и разливается съ наибольшею силою и свѣжестью вся своебытность, все россетство ума его. Я очень радъ, узнавъ, что ваше здоровье и настроепіе стали лучше; но боюсь за васъ Берлина. Это въ миніатюрѣ Петербургъ. Если вамъ понадобится перемѣнить обстановку для укрѣпленія силъ, какъ не съѣздить въ Парижъ на два или на три мѣсяца? Вамъ не откажутъ въ этомъ, какъ въ средствѣ цѣлительномъ. Къ тому же ваши Шишковскія мнѣнія слишкомъ извѣстны, чтобы опасаться, что вы заразитесь; въ добавокъ, существуютъ законы напугиванья для очищенія воздуха и предохраненія его отъ вредныхъ испареній либерализма. Вѣдь графиня Лаваль тамъ же? Развѣ у нея природа непромокаемѣе вашей? Повидимому, поры ея достаточно раскрыты [5]). Но какъ скоро будете въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ сдѣлайте вотъ что: закажите съ себя портретъ Крюгеру и велите приготовить литографію съ этого портрета для вашихъ друзей.

Жена и Маша поручаютъ себя вашему доброму воспоминанію. Пожалуста, передайте мои дружескія привѣтствія любезному вашему мужу; поклоны мои вашимъ дочерямъ, и вѣрьте моей искренней, преданной и неизмѣнной привязанности. Вяземскій. Напомните обо мнѣ Мансуровымъ и Озеровымъ.

2.

(Февраль 1837).

Que direz-vous de l'affreux malheur qui est venu tomber sur nos têtes, comme la foudre, au moment où nous nous y attendions le moins, quoique à dire vrai l'horizon du pauvre Pouchkin aye été toujours couvert de nuages depuis ces infâmes lettres anonymes? Votre frère vous donne certainement des détails sur tout ce qui s'est passé. Quant à moi, je n'ai pour le moment ni le courage, ni la force, ni le tems de vous en écrire au long. Pouchkin a été sublime de fermeté, de résignation, de tendres sollicitudes pour sa femme, au milieu de sa cruelle souffrance, sentant sa mort approcher, calculant sa marche de sens-froid, mais sans aucune affectation, ni jactance, et sans penser à faire effet sur l'auditoire. Tel il a été aussi sur le champ du combat. Autant était-il impétueux, ardent, désordonné, emporté dans toutes les démarches qui devaient amener le fatal résultat, autant a-t-il été calme, simple et plein de dignité une fois qu'il l'eût atteint: car il

---

[4]) Клементій, Аркадій и Осипъ Осиповичи Россеты.

[5]) Забавное сопоставленіе съ богачкой, графиней Лаваль, ур. Козицкой, тещею декабриста князя С. П. Трубецкаго.

avait soif de ce moment. Il y a deux sortes de cocus, disait-il à d'Archiac, le témoin de son adversaire, en lui expliquant les motifs de son duel: ceux qui le sont de fait, ceux-là savent à quoi s'en tenir, et ceux qui le sont par la grâce du public, leur position est plus embarassante. C'est mon cas. — Oui, certainement c'est le monde qui l'a assassiné. Ces infâmes lettres, ces infâmes commérages qui lui revenaient de toute part, son caractère ardent et concentré ont, d'un autre côté, été cause de la catastrophe. Il ne nous consultait pas, et une certaine fatalité le poussait toujours à agir dans une fausse direction.

Au chagrin de le pleurer se joint encore le chagrin de savoir que le monde ou au moins une partie de monde, après avoir déchiré son coeur de son vivant par la malveillance, s'acharne encore contre son cadavre. On oublie, on ignore que c'est cependant une des gloires nationales que nous avons perdu, la plus puissante, la plus vivante peut-être de nos gloires, que l'existance de Pouchkin après celle de l'Empereur était pour la Russie l'existncae la plus précieuse, celle qui appartenait le plus à la nation; car qu'entendez-vous donc par l'amour de la patrie, si vous ne comprenez pas le culte que l'on doit porter à ces élus que le Ciel envoye à votre patrie.

L'Empereur a été grand et beau à cette occasion, surtout quand il a agi par sa propre impulsion et qu'il s'exprimait lui-même et non par les organes qui ont défiguré, dénaturé et faussé ses inspirations. Arendt, en quittant Pouchkin le premier jour de sa maladie, lui demanda: Что прикажете сказать Государю?—Скажите, что умираю и прошу у него прощенія. Arendt revient quelque tems après et lui apporte un billet écrit de la main de l'Empereur et conçu à peu près en ces termes: «Если Богъ не велитъ уже намъ свидѣться на здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и мой послѣдній совѣтъ умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки». C'est ce qu'il a fait. Il a donné déjà une pension de 11 mille roubles à la veuve et aux enfants, et il y a encore plusieurs autres grâces qu'il leur accorde et qui assure complètement l'avenir de la famille. Mais aussi une fois que la police, la haute police, a mis la main sur le cercueil de Pouchkin, on n'a fait que sottise sur sottise. C'était réellement à en rire, malgré la douleur et les larmes. Je tâcherai de vous conter cela une autre fois. Cette lettre part avec d'Archiac, qui a été le témoin de Heckeren. Il pourra vous donner de détails sur cette triste affaire. C est un homme d'honneur. Pouchkin en mourant a dicté la note de ses dettes, et vous y êtes aussi. C'est la seule disposition qu'il ait faite. Adieu.

Переводъ. (Февраль 1837). Чтó скажете вы о страшномъ несчастіи, обрушившемся на наши головы, какъ громовой ударъ, когда мы всего менѣе того ожидали, хотя, сказать по правдѣ, послѣ этихъ проклятыхъ безъимянныхъ писемъ, небосклонъ бѣднаго Пушкина посто-

янно былъ покрытъ облаками? Братъ вашъ вѣроятно сообщаетъ вамъ подробности обо всемъ происшедшемъ [1]). Что до меня, не имѣю ни случая, ни духу, ни силы, ни времени много писать вамъ о томъ. Въ жестокихъ страданіяхъ своихъ Пушкинъ былъ великъ твердостію, самоотверженіемъ, нѣжною заботливостію о женѣ своей. Чувствуя, что смерть близка, онъ хладнокровно высчитывалъ шаги ея, но безъ малѣйшаго желанія порисоваться, похорохориться и подѣйствовать на окружающихъ. Таковъ онъ былъ и во время поединка. Необузданный, пылкій, безпорядочный, самъ себя не помнящій во всѣхъ своихъ шагахъ, имѣвшихъ привести къ роковому исходу, онъ сдѣлался спокоенъ, простъ и полонъ достоинства, какъ скоро добился чего желалъ; ибо онъ жаждалъ этого исхода. Секунданту противника своего Даршіаку говорилъ онъ, объясняя поводы поединка: „Есть два рода рогоносцевъ; одни въ самомъ дѣлѣ таковы, и они знаютъ какъ имъ быть; другіе суть рогоносцы по милости публики, и положеніе ихъ болѣе затруднительно. Это моя участь". — Да, конечно, свѣтское общество его погубило. Проклятыя письма, проклятыя сплетни приходили къ нему со всѣхъ сторонъ. Съ другой стороны причиною катастрофы былъ его пылкій и замкнутый характеръ. Онъ съ нами не совѣтовался, и какая - то судьба постоянно заставляла его дѣйствовать въ невѣрномъ направленіи. Горько его оплакивать; но горько также и знать, что свѣтское общество (или по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены онаго) не только терзало ему сердце своимъ недоброжелательствомъ когда онъ былъ живъ, но и озлобляется противъ его трупа [2]). Не хотятъ знать или забываютъ, что мы лишились въ немъ

---

[1]) Изъ братьевъ А. О. Смирновой знали мы лично Аркадія Осиповича (скончавшагося сенаторомъ въ Москвѣ). Онъ до конца сохранялъ благоговѣніе къ памяти Пушкина, который, высоко цѣня сестру, любилъ и ласкалъ ея молодыхъ братьевъ. А. О. Россети вспоминалъ нерѣдко, какъ обѣдалъ онъ у Пушкина когда принесли (въ концѣ 1836 года) письмо отъ Дантеса-Гекерна. Прочитавъ его, Пушкинъ черезъ столъ подалъ его старшей своей свояченицѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ, примолвивъ: «поздравляю!» Та, какъ только пробѣжала письмо, стремительно кинулась изъ за обѣда къ себѣ въ комнату. Окалалось, что красавецъ-кавалергардъ просилъ ея руки. Стали толковать, что она переселится въ домъ къ Голандскому посланнику (старому холостяку) и будетъ играть роль хозяйки, т. е. принимать дипломатовъ. Свадьба совершилась въ первыхъ числахъ Января слѣд. года; но до того времени женихъ такъ дурно велъ себя, что Пушкинъ не принялъ молодыхъ и нѣкоторое время запрещалъ Натальѣ Николаевнѣ бывать у сестры.—А. О. Россетъ участвовалъ въ перенесеніи тѣла со стола въ гробъ. «Удивительно былъ легокъ!» припоминалъ онъ. *П. Б.*

[2]) Нынѣ извѣстно, что въ числѣ ихъ была графиня Нессельроде. — Живы еще лица, помнящія, какъ С. С. Уваровъ (воспитанникъ аббата и выученикъ князя Адама Чарторижскаго, а тогда угодникъ графа Бенкендорфа) явился блѣдный и самъ не свой въ Конюшенную церковь на отпѣваніе Пушкина, и какъ отъ него сторонились. Онъ и его положеніе припоминались намъ недавно на отпѣваніи И. С. Аксакова, при видѣ одного писателя, который былъ тоже совсѣмъ растерянъ и отъ котораго тоже сторонились. *П. Б.*

одного изъ представителей народной славы, самаго сильнаго и можетъ быть наиболѣе неувядаемаго; что существованіе Пушкина послѣ Государя было самымъ дорогимъ для Россіи; что онъ больше всѣхъ принадлежалъ народу: ибо что̀ же такое и любовь къ отечеству, коль скоро она не соединяется съ уваженіемъ къ этимъ избранникамъ, которыхъ посылаетъ Отечеству Небо? Государь былъ тутъ великъ и прекрасенъ, въ особенности когда онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію и выражалъ свою волю самъ, а не чрезъ посредниковъ, которые искажали и обезсмысливали его намѣренія. Въ первый день болѣзни, уходя отъ Пушкина, Арендтъ спросилъ его: что̀ прикажете сказать Государю?—Скажите, что умираю и прошу у него прощенія. Черезъ нѣсколько времени Арендтъ пріѣзжаетъ назадъ и привозитъ ему собственноручную записку Государя, въ такихъ приблизительно выраженіяхъ: „Если Богъ не велитъ уже намъ свидѣться на здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и мой послѣдній совѣтъ — умереть христіаниномъ; о женѣ и дѣтяхъ не безпокойся; я беру ихъ на свои руки". Вотъ что онъ сдѣлалъ: вдовѣ и дѣтямъ онъ уже далъ пансіонъ въ 11.000 рублей и оказалъ имъ еще много другихъ милостей, вполнѣ обезпечивающихъ будущность семейства *). Но полиція, высшая полиція наложила свою руку на трупъ Пушкина, и тутъ пошли нелѣпости за нелѣпостями. По истинѣ было чему посмѣяться, не смотря на слезы и горесть. Я постараюсь въ другой разъ разсказать вамъ объ этомъ. Письмо это идетъ съ Даршіакомъ, секундантомъ Гекерна; онъ можетъ передать вамъ подробности этого печальнаго дѣла. Человѣкъ онъ честный. Умирая, Пушкинъ продиктовалъ записку, кому что̀ онъ долженъ; вы тамъ упомянуты. Это единственное его распоряженіе. Прощайте.

3.

St.-Pétersbourg, le 2 (14) mars 1837.

Vous et votre mari serez certainement curieux d'avoir encore quelques détails sur la mort de notre cher Pouchkin. Voici une copie de ma lettre à Boulgakow, qui vous en donnera. Je suis fâché de n'avoir pas le tems de vous envoyer plusieurs pièces justificatives de ce malheureux procès. Si vous allez en Italie, ou si vous rencontrez le grand-duc Michel ailleurs, demandez les lui. Il doit les avoir. Voici aussi un mauvais portrait de Pouchkin et qui n'a que l'intérêt de la circonstance. L'inscription que vous y trouverez biffée de la main de la police est tirée d'Onéguine: Потухъ огонь на алтарѣ! La police a

---

*) Д. В. Дашковъ передавалъ князю Вяземскому, что Государь сказалъ ему: «Какой чудакъ Жуковскій! Пристаетъ ко мнѣ, чтобы я семьѣ Пушкина назначилъ такую же пенсію какъ семьѣ Карамзина. Онъ не хочетъ сообразить, что Карамзинъ человѣкъ почти святой, а какова была жизнь Пушкина?» *П. Б.*

voulu y voir une impiété. En général on ne permet plus aux journaux de parler de lui. Bien des vers ont été faits sur sa mort, et comme vous pensez bien il y en a dans le nombre de très inoffensifs (par exemple ceux d'Esper Béloselski, de Noroff, la jambe de bois); ils sont tous confinés dans les cartons de la police. Et n'oubliez pas que tout ceci se fait après que l'Empereur, en digne et puissant représentant de son pays, a rendu au talent et à la mémoire de Pouchkin l'honneur qui était du à cette gloire nationale. Mais le fait est que la police ne peut pas empêcher l'Empereur d'être bon Russe et d'agir comme tel toutes les fois que ses nobles sympathies se réveillent en lui, et que pour nous autres elle nous fait un crime d'avoir le sentiment national, et voit quelque chose de factieux et de démagogue dans les regrets que nous donnons à notre plus belle gloire littéraire. C'est vraiment pitoyable et fait saigner le coeur.

Merci pour votre lettre du 15 février et pour tout ce qui l'accompagnait; mais Pradt n'y était pas. Какъ это похоже на нашу Петербургскую красавицу быть въ отношеніяхъ съ Парижскимъ гражданскимъ губернаторомъ! Les hommes à bonnes fortunes à Moscou sont ordinairement les amis des grands-maîtres de police. Cela donne du relief et le pas à la tour aux promenades publiques et à la sortie du spectacle, да и квартальные вытягиваются передъ вами. Si je n'étais pas aussi triste et découragé que je le suis, quel pamphlet que je vous lancerais pour tout ce que vous me dites au sujet de la camaraderie de Scribe! Умная женщина, а какой вздоръ говоритъ, и все оттого, что умъ засорился предубѣжденіями. Vous voulez que je juge des choses et des hommes d'apres une comédie de Scribe. Vaut tout autant juger de l'humanité par m-r de Pourceaugnac! La malignité et les illusions du public ne prouvent rien. Dites-vous donc bien une fois pour toutes que les hommes sont partout les mêmes. Le fait est qu'en France la cuisine se fait sur la place publique et que bien des choses, qui ailleurs restent cachées, là se font au grand jour et à la barbe des Athéniens, ce qui doit souvent soulever le coeur des passants. Ceci est vrai, et je n'y ai pas le mot à dire. Allez un peu faire écorcher devant vous, non seulement un veau, mais la plus belle femme du monde, et vous me direz si elle reste toujours belle. Распотрошите, напримѣръ, нашу графиню передъ вашимъ *старымъ псомъ*, и онъ подожметъ хвостъ и убѣжитъ. La publicité a ses inconvéniens et son côté immoral, mais on dirait que le mystère ne l'a pas? Je pourrais vous en donner de nouvelles.

Nous voici entrés dans le calme du grand carême. J'ai pris peu de part à l'effervescence du carnaval, mais j'en ai aussi attrapé un petit bout. Femme à précaution, n'ayez pas celle de la jalousie à mon égard! Il n'y a plus pour moi ni de Bobo, ni de Dodo (la comtesse Rostopchin) ni de *dos-dos* (la belle Élisa) au monde. J'ai tourné le dos à toutes les faces

et à tous les dos possibles. Je suis vieux comme m-me Zagriajsky, qui se meurt à l'heure qu'il est et ne se ranime un peu, moyennant un verre de Champagne, que pour faire sa partie de boston. C'est historique. Les cartes sont chez nous une seconde nature qui survit à l'autre et prolongent l'existence quand tous les ressorts sont déjà épuisés. Que direz-vous, madame Fonvisin, d'une société qui n'a que ce seul mobile, ce seul intérêt permanent pour activité et pour but? Ceci n'est plus de la comédie de Scribe; c'est la vérité toute nue, comme les épaules de notre amie. Basile Peroffski disait l'autre jour en la regardant: il serait bien tems de jeter un voile sur le passé.—N'avez-vous par conscience de vous être emparé de ce pauvre André, comme vous l'avez fait? Il n'a vu que vous à Paris. C'est une niche que vous avez voulu me jouer d'abord pour me donner de la jalousie et puis pour vous mettre entre lui et la vérité, de façon qu'il n'a rien pu juger par lui-même. Ses lettres, qui n'étaient remplies que de vous, me rappèlent la réponse d'un vieux Titow, qui après un séjour d'un an à Paris disait à ceux qui lui en demandaient des nouvelles: я тамъ очень пріятно провелъ время, у насъ каждый день была своя партія. Voici d'ailleurs ce que quelqu'un m'écrit en me parlant d'André: il s'est en ce moment tout énamouré de la spirituelle m-me Smirnow. Voici un commérage européen que je vous fais, vous qui aimez les commérages. Sur ce adieu. Je vous baise les mains et vous prie de dire mille choses affectueuses à votre mari. Écrivez moi donc plus souvent. Je n'ai plus de coquetterie que dans mes lettres avec vous, et la coquetterie est ma seconde nature, comme le boston pour m-me Zagriajsky.

Переводъ. С.-Петербургъ, 2 (14) Марта 1837. Вамъ и мужу вашему конечно будетъ любопытно узнать еще нѣкоторыя подробности о смерти нашего дорогаго Пушкина. Онѣ находятся въ письмѣ моемъ въ Булгакову, которое прилагаю при семъ [1]). Мнѣ жаль, что я не имѣю времени сообщить вамъ нѣсколько подтвердительныхъ статей къ этому злосчастному процессу. Попросите ихъ у великаго князя Михаила Павловича, если отправитесь въ Италію или встрѣтите его гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Онѣ должны быть у него [2]).

---

[1]) Это письмо многократно напечатано. *П. Б.*

[2]) Великій князь Михаилъ Павловичъ, высоко цѣнившій Пушкина и любившій съ нимъ бесѣдовать, лечился въ этомъ году въ Баденъ-Баденѣ, куда пріѣхалъ высланный изъ Россіи убійца Пушкина. По гвардейской службѣ въ Петербургѣ, по придворнымъ баламъ и вечерамъ его высочество хорошо зналъ барона Гекерна, и ему часто случалось встрѣчать его: какъ извѣстно, оба они блистали остроуміемъ и мѣткими каламбурами. Представиться прямо Русскому великому князю послѣ смерти Пушкина баронъ Гекернъ не рѣшился, но въ одномъ изъ Баденскихъ садовъ, изъ-за куста, онъ выкинулъ ему какой-то ружейный пріемъ и заставилъ расхохотаться. *П. Б.*

Вотъ еще плохой портретъ Пушкина, любопытный только потому, что онъ появился теперь. Надпись на немъ, искалѣченная рукою полиціи, взята изъ Онѣгина: Потухъ огонь на алтарѣ! Полиція усмотрѣла тутъ нечестіе. Вообще въ газетахъ больше не позволяютъ говорить о Пушкинѣ. На смерть его писано много стиховъ, и разумѣется въ числѣ ихъ есть весьма невинные (напр. Эспера Бѣлосельскаго, Норова, что̀ ходитъ на деревяшкѣ); но всѣ они запрещены полиціею. И вспомните, что это дѣлается послѣ того, какъ Государь, достойный и могущественный представитель страны своей, воздалъ дарованію памяти Пушкина честь, подобающую этой народной славѣ. Дѣло въ томъ, что полиція не можетъ помѣшать Государю быть добрымъ Русскимъ и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ всякій разъ, какъ пробуждаются въ немъ его благородныя сочувствія; а намъ она ставитъ въ преступленіе то, что мы имѣемъ народное чувство и видитъ что-то заговорщическое и демагогическое, когда мы оплакиваемъ самую лучшую славу нашей словесности. Это поистинѣ жалко и седценадрывательно. — Благодарю за ваше письмо отъ 15-го Февраля и за все, что̀ къ нему приложено; но Прадта тамъ не было. Какъ это похоже на нашу Петербургскую красавицу быть въ отношеніяхъ съ Парижскимъ гражданскимъ губернатомъ! Въ Москвѣ люди въ большимъ состояніемъ обыкновенно дружатъ съ оберъ-полицеймейстеромъ. Это служитъ отличіемъ, даетъ ходъ экипажу на общественныхъ прогулкахъ и при разъѣздѣ изъ театра, да и квартальные вытягиваются передъ вами. Не будь я такъ печаленъ и въ такомъ упадкѣ духа, какимъ памфлетомъ разразился бы я противъ всего, что̀ вы мнѣ пишете по поводу сообщества со Скрибомъ! Умная женщина, а какой вздоръ говоритъ, и все отъ того, что умъ засорился предубѣжденіями. Вамъ хочется, чтобы я судилъ о вещахъ и о людяхъ по комедіи Скриба; это все тоже, что̀ судить о человѣчествѣ по Пурсоньяку *). Злость и намеки публики ничего не доказываютъ. И такъ, разъ навсегда скажите себѣ, что люди вездѣ одни и тѣже. Дѣло въ томъ, что во Франціи кухню держатъ на общественномъ мѣстѣ, и много такого что́ въ другихъ мѣстахъ бываетъ скрыто, творится тамъ среди бѣла дня и подъ самымъ носомъ, что́ и должно часто возмущать сердца прохожихъ. Это правда, я нисколько не возражаю. Попробуйте приказать, чтобы передъ вами содрали кожу не только съ теленка, но съ самой красивой женщины, и скажите мнѣ тогда, останется ли она все таки красива. Распотрошите напр. нашу графиню предъ вашимъ старымъ псомъ, и онъ подожметъ хвостъ и убѣжитъ. Гласность имѣетъ свои неудобства и свою безнравственную сторону. А у припрятыванія развѣ нѣтъ ихъ? Я бы вамъ могъ о

*) Извѣстная комедія Мольера: Пурсоньяка, пріѣхавшаго въ Парижъ жениха, обманываютъ слуги, приставленные къ нему его соперникомъ. *П. Б.*

томъ поразсказать.—Теперь у насъ наступила тишина великаго поста. Я мало принималъ участія въ разгулѣ Масляницы; но она и меня нѣсколько задѣла. Вы женщина съ предубѣжденіями и вздумайте ревновать меня. Для меня нѣтъ больше ни Бобо [1]), ни Додо (графиня Растопчина), ни Досъ-Досъ (прекрасная Элиза). Я повернулъ спину ко всѣмъ лицамъ и ко всѣмъ возможнымъ спинамъ; я старъ какъ Загряжская, которая въ настоящее время умираетъ, подкрѣпляя себя нѣсколько стаканомъ Шампанскаго, лишь для того, чтобы поиграть въ бостонъ. Въ самомъ дѣлѣ такъ. Карты у насъ вторая природа, которая переживаетъ настоящую; онѣ длятъ существованіе, когда уже всѣ силы истощены. Что̀ вы скажете, г-жа Фонъ-Визина [2]), про общество, у котораго только и есть что этотъ одинъ рычагъ, этотъ одинъ постоянный двигатель и направитель? Это уже не комедія Скриба; это—истина, совсѣмъ голая, какъ плечи нашей пріятельницы. Гляда на нее, Василій Перовскій сказалъ однажды: пора бы уже давно набросить покрывало на прошедшее.—Какъ вамъ не совѣстно завладѣть этимъ бѣднымъ Андреемъ [3])? Въ Парижѣ онъ видѣлъ только васъ. Это вы захотѣли подразнить меня, во первыхъ для того, чтобы возбудить во мнѣ ревность и поставить себя между нимъ и истиною, такъ что ни о чемъ онъ не могъ судить отъ себя лично; его письма, наполненныя исключительно вами, напомнили мнѣ старика Титова, который прожилъ въ Парижѣ цѣлый годъ, и когда его распрашивали о Парижѣ, отвѣчалъ: я тамъ очень пріятно провелъ время, у насъ каждый вечеръ была своя партія [4]). Вотъ что пишетъ мнѣ нѣкто по поводу Андрея: „Въ настоящую минуту онъ совсѣмъ влюбленъ въ умницу Смирнову“. Это вамъ Европейская сплетня, а вѣдь вы любите сплетни. Затѣмъ прощайте. Цѣлую ваши ручки и прошу наговорить любезностей вашему мужу. Пишите же мнѣ почаще. Я кокетничаю только въ моихъ письмахъ къ вамъ; а кокетство у меня вторая природа, какъ бостонъ у Загряжской.

---

1) Вѣроятно графиня Софья Александровна Бобринская, урожденная графиня Самойлова. Далѣе подъ именемъ прекрасной Элизы князь Вяземскій разумѣетъ конечно Елисавету Михайловну Хитрову, мать скончавшейся недавно графини Е. Ѳ. Тизенгаузенъ и про ея же плечи, часто обнажавшіяся, потомъ вспоминаетъ. Увѣряютъ, что однажды она приняла Пушкина и князя Вяземскаго въ ваннѣ, закрывшись шалью. *П. Б.*

2) Князь Вяземскій въ это время занимался своею книгою о Фонъ-Визинѣ и его именемъ называетъ Смирнову, отличавшуюся тоже мѣткостью наблюденій и откровенностью своихъ шутокъ. *П. Б.*

3) Андреемъ Николаевичемъ Карамзинымъ. *П. Б.*

4) Объ этомъ Титовѣ часто говоритъ Кристинъ въ письмахъ своихъ къ княжнѣ Туркестановой, изданныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882—1884 годовъ.

4.

Le 25 mars (v. s.) 1837.

Comment avez-vous le courage de dire que je vous néglige, moi, qui ne laisse pas partir un courrier sans vous décocher une lettre? J'espère que vous avez reçu ma dernière avec la copie de ma lettre à Boulgakow. Vous devriez donner un peu de publicité aux détails que vous y trouverez relativement aux derniers moments de Pouchkin pour refuter les contes absurdes que débitent vos journaux sur son *républicanisme*, *athéisme*, et tout cela part sûrement d'ici, tandis que nos journaux et les amis de Pouchkin n'osent rien publier sur son compte. Съ нимъ точно то, чтò съ Пугачевымъ, котораго память велѣно было предать забвенiю. Статья въ Журналѣ Дебатовъ Лёва Веймара не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана съ доброжелательствомъ; а клеветы пропускаются. Мнѣ хотѣлось написать письмо къ Лёву Веймару, но у меня послѣ третьей гриппы осталась такая слабость въ глазахъ, что съ трудомъ могу читать и писать. Il ne me manquait plus que cela pour m'achever au physique et au moral. Au reste, on me rassure sur l'état de mes yeux qui est intact; ce doit être quelque chose de nerveux. Ce qui est positif, c'est que c'est quelque chose de bien contrariant, surtout pour moi, qui n'aime pas à entendre lire, ne sait pas dicter et n'ai guère l'humeur et l'esprit à la causerie. Votre mari compâtira mieux que vous à mes souffrances, ou plutôt à mes ennuis. Joukowsky vous envoye son Ondine; vous y trouverez une inscription avec la date de son jour de naissance et de la mort de Pouchkin. Quelle triste coïncidence! Pouchkin a laissé des choses admirables dans ses papiers. Le tout sera publié. Le 1-er cahier du Современникъ paraîtra, j'espère, pour Pâques.

C'est hier que j'ai reçu votre lettre et l'envoi pour m-me Karamsine, et c'est aujourd'hui que part le courrier français. Je n'ai donc guère le tems de vous en dire davantage, tout en étant prêt à sacrifier mes yeux pour vos beaux yeux. Marie porte encore son fardeau. Le reste de mon monde va assez bien, il n'y a que moi qui vais à la diable, et peut être au diable. Je voudrais bien encore vous voir, cependant avant d'aller lui rendre visite. Adieu, chère et bonne dame.

La vieille Zagriajsky est enfin morte, et la princesse Anette de Géorgie épouse Alexandre Tolstoy (frère de la Gouriew et Apraxin). Tourguénew est parti pour Moscou et compte être à Paris au moi de mai. Il a fort bien arrangé ses affaires, grâce à ses paperasses et au prince Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Здѣсь *маленькiя игры* процвѣтаютъ.

Переводъ, 25 Марта ст. ст. 1837. Какъ вы можете говорить, будто я вами пренебрегаю, тогда какъ я не пропускаю ни одного курьера,

чтобы не пустить къ вамъ письма? Надѣюсь, что вы получили то, при которомъ приложенъ списокъ съ моего письма къ Булгакову. Вамъ слѣдовало бы нѣсколько разгласить содержащіяся въ немъ подробности относительно послѣднихъ минутъ Пушкина, чтобы опровергнуть глупые разсказы вашихъ журналовъ объ его республиканствѣ, атеизмѣ и пр. Навѣрно все это сообщается отсюда, тогда какъ наши журналы и друзья Пушкина не смѣютъ ничего про него печатать; съ нимъ точно то что̀ съ Пугачовымъ, котораго память велѣно было предать забвенію. Статья въ Журналѣ Дебатовъ Лёва Веймара не пропущена, хотя она довольно справедлива и писана съ доброжелательствомъ, а клеветы пропускаются. Мнѣ хотѣлось написать письмо къ Лёву Веймару [1]), но у меня послѣ третьей гриппы осталась такая слабость въ глазахъ, что съ трудомъ могу читать и писать. Только этого не доставало, чтобы доканать меня въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Впрочемъ меня увѣряютъ, что зрѣніе мое не испорчено и что тутъ дѣйствуютъ нервы. Дѣло въ томъ, что это обстоятельство очень несносно, особливо для меня, не любящаго слушать чтеніе, не умѣющаго диктовать, не расположеннаго и не способнаго къ болтовнѣ. Мужъ вашъ лучше васъ пойметъ, какъ я страдаю или вѣрнѣе какъ мнѣ скучно. Жуковскій посылаетъ вамъ свою Ундину; вы найдете на ней подпись съ означеніемъ дня его рожденія и дня кончины Пушкина. Какое печальное совпаденіе! Въ бумагахъ Пушкина остались превосходныя вещи. Все будетъ напечатано. Первая книжка „Современника" выйдетъ, надѣюсь, къ Пасхѣ.

Вчера я получилъ ваше письмо и посылку къ Карамзиной, а сегодня ѣдетъ Французскій курьеръ; стало-быть мнѣ некогда написать вамъ болѣе, хотя я готовъ пожертвовать моими глазами для вашихъ прекрасныхъ глазъ. Маша все еще не родила. Остальная моя семья довольно здорова, лишь я одинъ живу по дьявольски и можетъ быть иду къ дьяволу. Но прежде чѣмъ его навѣстить, хотѣлось бы мнѣ очень еще повидать васъ. Прощайте, дорогая и добрая госпожа. Старуха Загряжская наконецъ умерла, а княжна Анета Грузинская выходитъ за мужъ за Александра Толстаго (брата Гурьевой и Апраксиной). Тургеневъ [2]) уѣхалъ въ Москву и въ Маѣ думаетъ быть въ Парижѣ; онъ отлично устроилъ дѣла свои, благодаря своему старому хламу и князю Александру Николаевичу Голицыну.

Здѣсь *маленькія игры* процвѣтаютъ.

---

[1]) Французскій писатель Лёве Веймарсъ (Loewe Weimars) былъ у насъ, и Пушкинъ перевелъ для него пофранцузски нѣсколько нашихъ народныхъ пѣсенъ. См. Р. Архивъ. 1885, I, 451. *П. Б.*

[2]) Александръ Ивановичъ. Подъ старымъ хламомъ разумѣются историческія бумаги о Россіи, которыя Тургеневъ собиралъ въ чужихъ краяхъ и представлялъ Николаю Павловичу. *П. Б.*

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА И КНИГИНИ ВѢРЫ ѲЕДОРОВНЫ ВЯЗЕМСКИХЪ.

(Записано въ разное время, съ позволенія обоихъ).

Въ 1816 году для Карамзина отвели казенный домъ въ Царскомъ Селѣ, прямо противъ Лицейскаго сада (второй домъ отъ угла). Бруни, отецъ знаменитаго художника, занимавшійся при дворѣ реставраціею картинъ, нарисовалъ нарочно на стѣнѣ одной комнаты этого дома портретъ Карамзина. Карамзинъ очень этому удивился и немедленно велѣлъ замазать портретъ. — Рядомъ съ нимъ жилъ графъ Толстой (женатый на Протасовой), который не мало удивлялся, за что Карамзину такая милость.

Чадаевъ познакомился съ Пушкинымъ у Карамзина. Еще прежде онъ слышалъ о немъ отъ своего товарища по Московскому университету А. С. Грибоѣдова, который хвалилъ ему стихи Пушкина на возвращеніе Государя изъ чужихъ краевъ въ 1815 году (этихъ стиховъ Пушкинъ никакъ не хотѣлъ печатать).

Въ 1818 г. И. В. Васильчиковъ сказалъ Чадаеву, своему адъютанту: „Вы любите словесность. Не знаете ли вы молодаго поэта Пушкина? Государь желаетъ прочесть его стихи, не напечатанные". Чадаевъ передалъ о томъ Пушкину и съ его согласія отдалъ Васильчикову „Деревню", которая отмѣнно полюбилась Государю (была переписана самимъ Пушкинымъ, разумѣется съ ея послѣдними стихами, которые долго не разрѣшались къ печати).

Карамзинъ писалъ князю Вяземскому отъ 24 Декабря 1817 изъ С.-Петербурга въ Варшаву: „Нашъ усердный собесѣдникъ — поэтъ Пушкинъ, который у насъ въ домѣ смертельно влюбился въ Пиѳію Голицыну [1]) и теперь проводитъ у нея вечера: лжетъ

---

[1]) Извѣстная Княгиня Ночная (Princesse Nocturne), супруга Московскаго богача князя Сергѣя Михаиловича, жившая съ нимъ въ розвь. Она писала и печатала по французски. *П. Б.*

отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви. Признаюсь, что я не влюбился бы въ Пиѳію: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ".

Въ другомъ письмѣ Карамзинъ писалъ:

„*Царское Село, 17 Мая 1820.* А. Пушкинъ былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на Свободу и нѣкоторыхъ эпиграмъ, далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять [1]). Ему дали рублей 1000 на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чертомъ еще до отбытія своего въ адъ. Увидимъ, какой эпилогъ напишетъ онъ къ своей поэмкѣ"! [2])

Княгиня Вяземская въ 1824 г. ѣздила въ Одессу съ сыномъ Николаемъ, лѣтъ 7-ми. Пушкинъ очень его любилъ и училъ всякимъ пакостямъ.—„Будь онъ постарше, я бы васъ до него не допустила". Въ Одессѣ Пушкинъ прибѣгалъ къ княгинѣ Вяземской и, жалуясь на Воронцовыхъ, говорилъ, что подастъ въ отставку. Когда рѣшена была его высылка изъ Одессы, онъ прибѣжалъ въ попыхахъ съ дачи Воронцовыхъ, весь растерянный, безъ шляпы и перчатокъ, такъ что за ними посылали человѣка отъ княгини Вяземской. Иногда онъ пропадалъ. Гдѣ вы были?—На корабляхъ. Цѣлые трое сутокъ пили и кутили. — Разъ, во время прогулки по морю на лодкѣ, онъ прочиталъ княгинѣ своего Демона. Онъ признавался княгинѣ въ своей любви къ Ризничъ и сказывалъ, что мужъ отослалъ ее за границу изъ ревности.

Когда Пушкинъ былъ женихомъ, свадьба долго откладывалась; княгиня Вяземская по его просьбѣ ѣздила къ Н. И. Гончаровой и просила скорѣе кончать. Пушкинъ отдалъ своихъ 25 т. на приданое. Будущаго Пушкинскаго теотя, умоповрежденнаго Николая Аѳанасьевича Гончарова, княгиня Вяземская видала въ церкви у Большаго Вознесенія въ Москвѣ и говѣла съ нимъ въ одно время. Онъ прекрасно говорилъ пофранцузски и любилъ употреблять отмѣнныя выраженія. „Je vous félicite avec la réception de la sainte cène".

Лѣто 1826 года князь Вяземскій провелъ въ Ревелѣ съ осиротѣвшею семьею Карамзиныхъ. Княгиня оставалась въ Москвѣ.

---

[1]) Важное показаніе. И такъ ссылка въ Екатеринославъ къ Инзову предполагала и поѣздку въ Крымъ, красота котораго уже тогда была извѣстна Государю Александру Павловичу; при томъ Пушкинъ высылался не на долго. Вѣроятно дальнѣйшія его выходки понудили продлить наказаніе. *П. Б.*

Возвращенный Пушкинъ тотчасъ явился къ ней. Изъ его разсказа о свиданіи съ царемъ княгиня помнитъ заключительныя слова: „Ну теперь ты не прежній Пушкинъ, а мой Пушкинъ". Къ послѣднимъ праздникамъ коронаціи возвратился въ Москву князь Вяземскій. Узнавъ о томъ, Пушкинъ бросился къ нему, но не засталъ дома, и когда ему сказали, что князь уѣхалъ въ баню, Пушкинъ явился туда, такъ что первое ихъ свиданіе послѣ многолѣтняго житья въ разныхъ мѣстахъ было въ номерной банѣ.

Въ письмѣ своемъ къ будущей тещѣ (въ Р. Архивѣ 1873 года) Пушкинъ говоритъ: le mot de bienveillance и пр. Князь Вяземскій думаетъ, что это относится вотъ къ чему. Зная, что Пушкинъ давно влюбленъ въ Гончарову и увидавъ ее на балу у кн. Д. В. Голицына, князь Вяземскій поручилъ И. Д. Лужину, который долженъ былъ танцовать съ Гончаровой, заговорить съ нею и съ ея матерью мимоходомъ о Пушкинѣ, съ тѣмъ, чтобы по ихъ отзыву довѣдаться, какъ они о немъ думаютъ. Мать и дочь отозвались благосклонно и велѣли кланяться Пушкину. Лужинъ поѣхалъ въ Петербургъ, часто бывалъ у Карамзиныхъ и передалъ Пушкину этотъ поклонъ.

Н. Н. Пушкина сама сказывала княгинѣ Вяземской, что мужъ ея въ первый же день брака, какъ всталъ съ постели, такъ и не видалъ ея. Къ нему пришли пріятели, съ которыми онъ до того заговорился, что забылъ про жену и пришелъ къ ней только къ обѣду. Она очутилась одна въ чужомъ домѣ и заливалась слезами.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ Царскомъ Селѣ, она пришла къ Вяземскимъ въ полномъ отчаяніи: мужъ трое сутокъ пропадаетъ. Оказалось, что на прогулкѣ онъ встрѣтилъ дворцовыхъ ламповщиковъ, ѣхавшихъ въ Петербургъ, добрался съ ними до Петербурга, гдѣ попался ему возвратившійся изъ Польши изъ полку своего К. К. Данзасъ, и съ нимъ пошелъ кутежъ...

Еще за мѣсяцъ или за полтора до роковаго дня, Пушкинъ, преслѣдуемый анонимными письмами, послалъ Гекерну, кажется, черезъ брата жены своей, Гончарова, вызовъ на поединокъ. Названный отецъ Гекерна, старикъ-Гекернъ, не замедлилъ принять мѣры. Князь Вяземскій встрѣтился съ нимъ на Невскомъ, и онъ сталъ разсказывать ему свое горестное положеніе: говорилъ, что всю жизнь свою онъ только и думалъ, какъ бы устроить судьбу своего питомца, что теперь, когда ему удалось перевести его въ Петербургѣ, вдругъ приходится разстаться съ нимъ; потому что во всякомъ случаѣ, кто изъ нихъ ни убьетъ другъ друга, разлука несомнѣнна. Онъ передавалъ князю Вяземскому, что онъ желаетъ

сроку на двѣ недѣли для устройства дѣлъ, и просилъ князя помочь ему. Князь тогда же понялъ старика и не взялся за посредничество; но Жуковскаго старикъ разжалобилъ: при его посредствѣ Пушкинъ согласился ждать двѣ недѣли.

Исторія разгласилась по городу. Отецъ съ сыномъ прибѣгли къ слѣдующей уловкѣ. Старикъ объявилъ, будто сынъ признался ему въ своей страстной любви къ свояченицѣ Пушкина, будто эта любовь заставляла его такъ часто посѣщать Пушкиныхъ и будто онъ скрывалъ свои чувства только потому, что боялся не получитъ отцовскаго согласія на такой ранній бракъ (ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ). Теперь Гекернъ позволялъ сыну жениться, и для самолюбія Пушкина дѣло улаживалось какъ нельзя лучше: стрѣляться ему было уже не изъ чего, а въ городѣ всѣ могли понять, что Французъ женится изъ трусости. Свадьбу сыгрыли въ первой половинѣ Генваря. Друзья Пушкина успокоились, воображая, что тревога прошла.

Послѣ этого Государь, встрѣтивъ гдѣ-то Пушкина, взялъ съ него слово, что если исторія возобновится, онъ не приступитъ къ развязкѣ, не давъ знать ему напередъ. Такъ какъ сношенія Пушкина съ Государемъ происходили черезъ графа Бенкендорфа, то передъ поединкомъ Пушкинъ написалъ извѣстное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для Государя. Но письма этого Пушкинъ не рѣшился посылать, и оно найдено было у него въ карманѣ сюртука, въ которомъ онъ дрался. Письмо это многократно напечатано. Въ подлинникѣ я видалъ его у покойнаго Павла Ивановича Миллера, который служилъ тогда секретаремъ при графѣ Бенкендорфѣ; онъ взялъ себѣ на память это не дошедшее по назначенію письмо.

Въ 1836 году княжна Марья Петровна Вяземская была невѣстою (она вскорѣ и вступила въ бракъ съ П. А. Валуевымъ). Родители принимали лучшее Петербургское общество. Н. Н. Пушкина бывала очень часто, и всякій разъ какъ она пріѣзжала, являлся и Гекернъ, про котораго уже знали, да и онъ самъ не скрывалъ, что Пушкина очень ему нравится. Сберегая честь своего дома, княгиня-мать напрямикъ объявила нахалу-Французу, что она проситъ его свои ухаживанья за женою Пушкина производить гдѣ нибудь въ другомъ домѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять пріѣзжаетъ вечеромъ и не отходитъ отъ Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно—приказать швейцару, коль скоро у подъѣзда ихъ будетъ нѣсколько каретъ, не принимать г-на Гекерна. Послѣ этого онъ прекратилъ свои посѣ-

щенія, и свиданія его съ Пушкиной происходили уже у Карамзиныхъ. Княг. Вяземская предупреждала Пушкину относительно послѣдствій ея обращенія съ Гекерномъ. „Я люблю васъ, какъ своихъ дочерей; подумайте, чѣмъ это можетъ кончиться!“—„Мнѣ съ съ нимъ весело. Онъ мнѣ просто нравится. Будетъ тоже, что было два года сряду.“ — Пушкинъ самъ виноватъ былъ: онъ открыто ухаживалъ сначала за Смирновою, потомъ за Свистуновою(ур. гр. Сологубъ). Жена сначала страшно ревновала, потомъ стала равнодушна и привыкла къ невѣрностямъ мужа. Сама она оставалась ему вѣрна, и все обходилось легко и вѣтренно.

Между тѣмъ посланникъ (которому досадно было, что сынъ его женился такъ невыгодно) и его соумышленники продолжали распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи. Въ Петербургъ пріѣхали дѣвицы Осиповы, Тригорскія пріятельницы поэта; ихъ распросы, что значатъ ходившіе слухи, тревожили Пушкина. Между тѣмъ онъ молчалъ, и на этотъ разъ никто изъ друзей его ничего не подозрѣвалъ. Князь Вяземскій жилъ открыто и принималъ къ себѣ большое общество. За день до поединка онъ возвращается домой поздно вечеромъ. Жена говоритъ ему, что имъ надобно на время закрыть свой домъ, потому что нельзя отказать ни Пушкину ни Гекерну; а между тѣмъ въ тотъ вечеръ они пріѣзжали оба; Пушкинъ волновался, и присутствіе Гекерна было для него невыносимо. На другой день князь Вяземскій съ однимъ знакомымъ своимъ Ленскимъ, гуляя по Невскому, встрѣчаютъ старика Гекерна въ извощичьихъ саняхъ. Ихъ удивило, что посланникъ ѣдетъ въ такомъ экипажѣ. Замѣтя ихъ, онъ вышелъ изъ саней и сказалъ имъ, что гулялъ далеко, но вспомнилъ, что ему надо написать письма, и чтобы скорѣе поспѣть домой, взялъ извощика. Послѣ они узнали, что онъ ѣхалъ съ *Черной Рѣчки*, гдѣ ждалъ, чѣмъ кончится поединокъ. Пушкина, какъ болѣе тяжело раненаго, повезли домой въ каретѣ Гекерна. Арендъ, исполняя желаніе Пушкина, поѣхалъ къ Государю; но тотъ былъ въ театрѣ и долго не возвращался. Прождавши до поздняго часа, Арендъ оставилъ ему записку, и уже на другой день привезъ къ Пушкину письмо Государя.

Влюбленная въ Гекерна, высокая, рослая старшая сестра Екатерина Николаевна Гончарова нарочно устраивала свиданія, Натальи Николаевны съ Гекерномъ, чтобы только повидать предметъ свой тайной страсти. Наряды и выѣзды поглощали все время. Хозяйствомъ и дѣтьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна, нынѣ Фризенгофъ. Пушкинъ подружился съ нею...

Княгиня Вяземская говоритъ, что Пушкинъ былъ у нихъ въ домѣ, какъ сынъ. Иногда, не заставая ихъ дома, онъ уляжется на большой скамейкѣ передъ каминомъ и дожидается ихъ возвращенія или возится съ молодымъ княземъ Павломъ. Разъ княгиня застала, какъ они барахтались и плевали другъ въ друга. Съ княгинею онъ былъ откровеннѣе, чѣмъ съ княземъ. Онъ прибѣгалъ къ ней и разсказывалъ свое положеніе относительно Гекерна. Наканунѣ новаго года у Вяземскихъ былъ большой вечеръ. Въ качествѣ жениха Гекернъ явился съ невѣстою. Отказывать ему отъ дому не было уже повода. Пушкинъ съ женою былъ тутъ же, и Французъ продолжалъ быть возлѣ нея. Графиня Наталья Викторовна Строгонова говорила княгинѣ Вяземской, что у него такой страшный видъ, что, будь она его женою, она не рѣшилась бы вернуться съ нимъ домой. Наталья Николаевна съ нимъ была то слишкомъ откровенна, то слишкомъ сдержанна. На разъѣздѣ съ одного бала Гекернъ, подавая руку женѣ своей, громко сказалъ, такъ что Пушкинъ слышалъ: Allons, ma légitime. (Пойдемъ, моя законная). Мадамъ NN, по настоянію Гекерна, пригласила Пушкину къ себѣ, а сама уѣхала изъ дому. Пушкина разсказывала княгинѣ Вяземской и мужу, что когда она осталась съ глазу съ Гекерномъ, тотъ вынулъ пистолетъ и грозилъ застрѣлиться, если она не отдастъ ему себя. Пушкина не знала, куда ей дѣваться отъ его настояній; она ломала себѣ руки и стала говорить какъ можно громче. По счастію, ничего не подозрѣвавшая дочь хозяйки дома явилась въ комнату, и гостья бросилась къ ней.

Пушкинъ не скрывалъ отъ жены, что будетъ драться. Онъ спрашивалъ ее, по комъ она будетъ плакать. По томъ, отвѣчала Наталья Николаевна, кто будетъ убитъ. Такой отвѣтъ бѣсилъ его: онъ требовалъ отъ нея страсти, а она не думала скрывать, что ей пріятно видѣть, какъ въ нее влюбленъ красивый и живой Французъ. „Я готова отдать голову на отсѣченіе, говоритъ княгиня Вяземская, что все тѣмъ и ограничивалось и что Пушкина была невинна“. Наканунѣ дуели, вечеромъ, Пушкинъ явился на короткое время къ княгинѣ Вяземской и сказалъ ей, что его положеніе стало невыносимо, и что онъ послалъ Гекерну вторичный вызовъ. Князя не было дома. Вечеръ длился долго. Княгиня Вяземская умоляла Василья Перовскаго и графа М. Ю. Вельегорскаго дождаться князя и вмѣстѣ обсудить, какія надо принять мѣры. Но князь вернулся очень поздно. На другой день Наталья Николаевна прислала сказать своей пріятельницѣ, дочери Вяземскихъ, Марьѣ Петровнѣ Валуевой, о случившемся у нихъ страш-

номъ несчастіи. Валуева была беременна, и мать не пустила ее въ домъ смертной тревоги, но отправилась сама и до кончины Пушкина проводила тамъ всѣ сутки. Она помнитъ, какъ, въ одну изъ предсмертныхъ ночей, доктора, думая облегчить страданія, поставили промывательное, отчего пуля стала давить кишки, и умирающій издавалъ такіе крики, что княгиня Вяземская и Александра Николаевна Гончарова, дремавшія въ сосѣдней комнатѣ, вскочили отъ испуга. Прощаясь съ женою, Пушкинъ сказалъ ей: „Vas en campagne, porte mon deuil pendant deux années, puis remaries-toi, mais pas avec un chenapan“ *). Диванъ, на которомъ лежалъ умиравшій Пушкинъ, былъ отгороженъ отъ двери книжными полками. Войдя въ комнату, сквозь промежутки полокъ и книгъ можно было видѣть страдальца. Тутъ стояла княгиня Вяземская въ самыя минуты послѣднихъ его вздоховъ. Даль сидѣлъ у дивана; кто-то еще былъ въ комнатѣ. Княгиня говоритъ, что нельзя забыть божественнаго спокойствія, разлившагося по лицу Пушкина, того спокойствія, о которомъ пишетъ Жуковскій.

На одномъ вечерѣ Гекернъ, по обыкновенію, сидѣлъ подлѣ Пушкиной и забавлялъ ее собою. Вдругъ мужъ, издали слѣдившій за ними, замѣтилъ, что она вздрогнула. Онъ немедленно увезъ ее домой и дорогою узналъ отъ нея, что Гекернъ, говоря о томъ, что у него былъ мозольный операторъ, тотъ самый, который обрѣзывалъ мозоли Натальѣ Николаевнѣ, прибавилъ: Il m'a dit que le cor de madame Pouchkine est plus beau que le mien. Пушкинъ самъ передавалъ объ этой наглости княгинѣ Вяземской.

Пушкина чувствовала къ Гекерну родъ признательности за то, что онъ постоянно занималъ ее и старался быть ей пріятнымъ.

На выносъ тѣла изъ дому въ церковь Н. Н. Пушкина не явилась отъ истомленія и отъ того, что не хотѣла показываться жандармамъ.

Пушкинъ не любилъ стоять рядомъ съ своею женою и шутя говаривалъ, что ему подлѣ нея быть унизительно: такъ малъ былъ онъ въ сравненіи съ нею ростомъ.

Жену свою Пушкинъ иногда звалъ: моя косая Мадонна. У нея глаза были нѣсколько вкось. Пушкинъ восхищался природнымъ здравымъ ея смысломъ. Она тоже любила его дѣйствительно. Княгиня Вяземская не можетъ забыть ея страданій въ предсмертные

---

*) Ступай въ деревню, носи по мнѣ трауръ два года, и потомъ выходи за мужъ, но за человѣка порядочнаго.

дни ея мужа. Конвульсіи гибкой станомъ женщины были таковы, что ноги ея доходили до головы. Судороги въ ногахъ долго продолжались у нея и послѣ, начинаясь обыкновенно въ 11 часовъ вечера.

Venez m'aider à faire respecter l'appartement d'une veuve. Эти слова графиня Юлія Строгонова повторяла неоднократно и даже написала о томъ мужу въ запискѣ, отправленной въ III-е Отдѣленіе, гдѣ тотъ находился по распоряженіямъ о похоронахъ. Пушкина хоронили на счетъ графа Г. А. Строгонова. Митрополитъ Серафимъ, по чьимъ-то внушеніямъ, дѣлалъ разныя затрудненія.

Старикъ баронъ Гекернъ былъ извѣстенъ распутствомъ. Онъ окружалъ себя молодыми людьми наглаго разврата и охотниками до любовныхъ сплетень и всяческихъ интригъ по этой части; въ числѣ ихъ находились князь Петръ Долгоруковъ и графъ Л. С.

Наканунѣ дуели былъ раутъ у графини Разумовской. Кто-то говоритъ Вяземскому: „Пойдите, посмотрите, Пушкинъ о чемъ-то объясняется съ Даршіакомъ; тутъ что-нибудь недоброе.“ Вяземскій направился въ ту сторону, гдѣ были Пушкинъ и Даршіакъ; но у нихъ разговоръ прекратился.

Княгинѣ Вяземской говорили, что отецъ и мать Гекерна жили въ Страсбургѣ вполнѣ согласно, и никакого не было подозрѣнія, чтобы молодой Гекернъ былъ чей-нибудь незаконный сынъ. Одинъ изъ чиновниковъ Голандскаго посольства Геверсъ открыто говорилъ, что посланникъ ихъ лжетъ, давая въ обществѣ знать, будто молодой человѣкъ его незаконный сынъ.

Пушкинъ говаривалъ, что, какъ скоро ему понравится женщина, то, уходя или уѣзжая отъ нея, онъ долго продолжаетъ быть мысленно съ нею и въ воображеніи увозитъ ее съ собою, сажаетъ ее въ экипажъ, предупреждаетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ будетъ толчокъ, одѣваетъ ей плечи, цѣлуетъ у нея руку и пр. Однажды княгиня Вяземская, посылая къ нему слугу, велѣла спросить, съ кѣмъ онъ тотъ день уѣзжаетъ.—„Скажи, что самъ-третей“, отвѣчалъ Пушкинъ.—Услыхавъ этотъ отвѣтъ, „третьею вѣрно ты“, замѣтилъ князь Вяземскій своей женѣ.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО *).

1822 и 1823 годы.

(Май 1822 — Декабрь 1823).

Передъ въѣздомъ въ Тарки я былъ встрѣченъ мирзою Исмаиломъ и однимъ изъ сыновей шамхала, Али-Бури. Шамхала въ Таркахъ не было; онъ выѣхалъ въ Буйнаки подъ предлогомъ встрѣтить Вельяминова, но вѣроятно для того, чтобы избѣжать хлопотъ, предстоящихъ ему при построеніи крѣпости.

Тарковская крѣпость, названная Бурной, строилась съ весьма малыми средствами отъ казны, почти на счетъ обывателей, которыхъ все прошлое лѣто Вельяминовъ безъ пощады понуждалъ въ возкѣ матеріаловъ. Она вся каменная и построена на отвѣсномъ обрывѣ скалы, подъ которой и по покатости горъ расположенъ городъ Тарки. Шамхалъ, по свойственной Азіятцамъ лѣни и безпечности, медленно способствовалъ къ производству, но не могъ и отказаться отъ сего, боясь съ одной стороны главнокомандующаго, а съ другой—непріятелей своихъ: Ахметъ-султана Аварскаго (котораго лишили, два года тому назадъ, ханства и отдали владѣнія шамхалу) и Шихъ-Али-хана, который за два дни до моего пріѣзда умеръ. Мирза-Исмаилъ, умный и расторопный Персіянинъ, въѣхавшій нѣкогда изъ Казбека въ Астрахань для взысканія долговъ своихъ, помѣстился у шамхала на службу и управляетъ всѣмъ владѣніемъ. Человѣкъ сей храбръ, дѣятеленъ и смышленъ. Онъ преданъ намъ, трудится въ доставленіи матеріаловъ и нарядѣ жителей на работу и черезъ то нажилъ себѣ непріятеля въ шамхалѣ. По прибытіи моемъ въ Тарки явились ко мнѣ баталіон. командиры: маіоръ Мурзановъ Апшеронскаго 2-го и маіоръ Износковъ

---

*) См. выше, стр. 97. Читатели припомнятъ, что Н. Н. Муравьевъ посланъ былъ А. П. Ермоловымъ въ Тарки начальствовать надъ двумя баталіонами, окончить строеніе Тарковской крѣпости и наблюдать за спокойствіемъ недавно покоренныхъ жителей. Многими чертами дальнѣйшаго разсказа обновляется въ памяти извѣстный „Амалатъ-бекъ“ Марлинскаго. П. Б.

Куринскаго 3-го, шт.-капитанъ Мейендорфъ піонерной роты 8-го полубаталіона, поручикъ Суворовъ 21-ой артилерійской бригады № 3-й легкой роты и Георгіевскій гарнизонной артилеріи прапорщикъ Кочерухинъ.

26 Мая я ѣздилъ смотрѣть лагерь и крѣпость. Въ лагерѣ я нашелъ большое неустройство, въ крѣпости же строенія въ очень хорошемъ состояніи, чего нельзя было ожидать, потому что работы производились въ прошломъ году очень поздно осенью.

27-го я отдалъ въ приказѣ, чтобы маіоръ Мурзановъ былъ начальникомъ въ лагерѣ и чтобы къ нему относились прочіе частные начальники, между тѣмъ приказалъ приступить къ починкѣ и пріемкѣ инструментовъ.

30-го начались каменныя работы закладной стѣны, служащей перилами на краю скалы. Офицерскія строенія и прочіе дома внутри крѣпости начнутся только по прибытіи Алексѣя Александровича *), который самъ хотѣлъ ихъ назначить. Вчера явился ко мнѣ приставъ Мехтулинскихъ владѣній Батыревъ, прапорщикъ Кизлярскаго войска, у котораго я распросилъ о расположеніи жителей намъ непріязненныхъ деревень.

31-го Мая я командировалъ въ Кубу имѣющіяся здѣсь 6-ть орудій, которыя смѣнились прибывшими сюда три дня тому назадъ 4-мя орудіями Кавказской гренадерской артилерійской бригады № 3 легкой роты съ прапорщикомъ Куколь-Яснопольскимъ.

Третьяго дни я былъ у жены шемхала Джегалъ-Пери-Ханумъ, сестры Шихъ-Али-хана, недавно умершаго. Я доставилъ ей письмо и шкатулку въ подарокъ отъ Алексѣя Петровича.

1-го Іюня я ѣздилъ ввечеру на гору смотрѣть работы, какъ и всякій день сіе дѣлаю. Каменная стѣна, которую я заложилъ на краю скалы, примѣтно подвигается.

3-го приходило ко мнѣ посольство отъ шамхала. Посольствомъ правилъ Али-Бури, побочный сынъ его, которому я запретилъ вмѣшиваться въ дѣла по нарядамъ жителей, потому что онъ мѣшалъ только Мирзѣ-Исмаилу въ его распоряженіяхъ. Съ нимъ пришли всѣ почетные старшины съ жалобою на Исмаила за то, что онъ билъ рабочихъ и что я потакалъ ему въ семъ. Али-Бури я прогналъ, съ другими поговорилъ и велѣлъ объявить шамхалу, что я болѣе обѣщаніямъ его исполнить возложенныя на него порученія Алексѣя Александровича Вельяминова не вѣрю, что онъ можетъ самъ ко мнѣ писать,

*) Вельяминова, который былъ тогда начальникомъ штаба у А. П. Ермолова. П. Б.

если дѣло имѣетъ, а не сноситься черезъ Али-Бури, а что я между тѣмъ буду продолжать съ лѣнивыхъ требовать.

4-го ввечеру прiѣхалъ гонецъ отъ шамхала съ письмомъ, которымъ онъ упрекаетъ меня въ упрекѣ, сдѣланномъ ему за неизготовленiе матерiаловъ, о которыхъ ему было приказано въ прошломъ году. Онъ обѣщается все доставить, но обѣщанiя его считать нечего.

5-го прiѣхалъ сюда начальникъ штаба съ генераломъ Базилевичемъ. Они прибыли ввечеру и остановились въ домѣ шамхала, который самъ еще остался въ Буйнакахъ, гдѣ онъ будетъ праздновать байрамъ. Маiоръ Износковъ, не смотря на приказанiе отданное мною не являться къ генералу, пришелъ къ нему и отдалъ рапортъ. Я просилъ генерала устроить должный порядокъ въ отрядѣ или позволить мнѣ распорядиться для заведенiя должнаго повиновенiя; онъ обѣщался сiе сдѣлать.

6-го генералъ поѣхалъ въ лагерь и смотрѣлъ крѣпость. Я сталъ выговаривать Износкову его неповиновенiе; онъ имѣлъ дерзость отвѣчать мнѣ, что онъ имѣетъ всегда право видѣть начальника своего, не смотря на мое запрещенiе. Я просилъ генерала арестовать его; но генералъ не согласился на сiе, говоря, что онъ имѣетъ порученность при провiантѣ и что онъ его уймѣтъ.

7-го генералъ призывалъ маiоровъ и отдѣлалъ ихъ какъ должно; они стали смирны. Вчера я былъ три раза на горѣ.

9-го я получилъ на дняхъ слѣдующую жалобу. Одинъ Армянинъ взялъ прошлаго года откупъ для продажи водки у шамхала; другой, товарищъ его, прiѣхалъ вскорѣ, и шамхалъ отдалъ ему откупъ, а перваго заставилъ взять деньги свои назадъ. За нимъ прiѣхалъ третiй, который еще больше денегъ далъ, и шамхалъ у втораго отнялъ откупъ и отдалъ ему. Износковъ былъ тогда здѣсь старшимъ; онъ запретилъ сему Армянину продавать Русскимъ водку, потому что онъ подрывалъ симъ прежняго товарища своего; но, желая воспользоваться симъ случаемъ, запечаталъ его лавку и поставилъ часоваго. Онъ 22 дня его держалъ такимъ образомъ и просилъ съ него подарка. Армянинъ поднесъ ему три пуда сахару, подарилъ его наложницѣ водки, чаю, и получилъ позволенiе продавать солдатамъ водку. Я увидѣлся съ Износковымъ и сказалъ ему о жалобѣ, на него поданной. Онъ признался и хотѣлъ заплатить все Армянину. Когда же дѣло дошло до расплаты, то сталъ показывать, что Армянинъ съ него лишнее требовалъ. Я ему два раза приказывалъ удовлетворить маркитанта, стращая его тѣмъ, что донесу о семъ по начальству. Армянина удовлетворили. Послѣ того я послалъ его къ Износкову же для полученiя двухъ сотъ ударовъ за то, что онъ давалъ подарки, что, пользуясь нѣсколько мѣся-

цевъ исключительною продажею водки, онъ желалъ воротить убытки свои, которые уже давно были вознаграждены на счетъ солдатъ.

Вчера уѣхалъ отсюда Базилевичъ на линію. Послѣ обѣда было въ лагерѣ наказаніе 10 здѣшнихъ деревень обывателей, которые бѣжали съ наряженными на работу подводами; нѣкоторыхъ сквозь строй прогнали, а другихъ наказали просто. Всѣ сіи дни я былъ очень занятъ службою и работами въ крѣпости, такъ что едва имѣлъ время для отдыха. И кажется, что все лѣто мнѣ не удастся приняться за чтеніе привезенныхъ мною книгъ или за собственныя занятія свои. Третьяго дня былъ у мусульмановъ праздникъ ихъ разговленія и новый мѣсяцъ.

11-го кончилось наказаніе маркитанта, котораго Износковъ жестоко билъ. Я боялся, чтобы онъ не умеръ отъ побоевъ; но къ вечеру ему было лучше.

12-го пріѣхалъ сюда шамхалъ. Ввечеру я ходилъ къ нему съ Алексѣемъ Александровичемъ. Человѣкъ немолодой, тучный безъ мѣры, обрюзглый и лѣнивый, впрочемъ говорятъ добрый, но безпечный и неспособный къ какому бы то ни было дѣлу.

13-го уѣхалъ отсюда Вельяминовъ поутру.

14-го Ввечеру прибылъ бригадный командиръ г.-маіоръ баронъ Вреде, а съ нимъ и Петровичъ.

15-го баронъ Вреде дѣлалъ смотръ войскамъ, по чему работы были прекращены. Онъ обѣдалъ у меня.

16-го я обѣдалъ у шамхала съ барономъ, который попеременно съ шамхаломъ меня пилили. Баронъ, умный, воспитанный и любезный человѣкъ, не щадитъ разговоромъ своего сосѣда.

17-го баронъ уѣхалъ поутру рано, и я сталъ нѣсколько спокойнѣе. Занятія мои очень обширны; но я могу поспѣть съ ними, распредѣливъ порядочно свое время.

18 и 19 я былъ очень занятъ бумагами и разборами, розысками виновныхъ въ батальонахъ, въ невысылкѣ на работу людей. Татаръ я сталъ за наказаніе сажать подъ караулъ и отдавать въ крѣпостную работу.

20-го ввечеру я отправился въ табунъ для осмотрѣнія его. Прибывъ ночью къ табуну тайкомъ, я приказалъ отогнать его, буде его плошно караулятъ; но нашелъ его въ должномъ порядкѣ и приказалъ бить тревогу, дабы увидѣть, скоро ли изъ лагеря казачьго поспѣетъ помощь. Едва прошло полминуты, какъ пѣхота и конница изъ казачьго лагеря прибыли; едва по мнѣ не выстрѣлили. Я ночевалъ въ шалашѣ у есаула Сѣрякова, а на другой день

21-го возвратился въ Тарки, гдѣ нашелъ новые безпорядки, про-

исшедшіе отъ слабости маіора Мурзанова, котораго я принужденъ былъ посадить на гауптвахту и написать о семъ Вельяминову не рапортомъ, а письмомъ.

22-го пріѣхалъ сюда ввечеру Донской подполковникъ Кузнецовъ, который ведетъ табунъ Ширванскихъ бывшихъ Мустафы-хана кобылицъ на казенные заводы въ Воронежскую губернію.

23-го я узналъ о случившемся новомъ происшествіи. Износковъ, оставаясь послѣ ареста Мурзанова, отдалъ приказаніе наряженнымъ на работу офицерамъ не приниматься за дѣло до прибытія артилерійскихъ офицеровъ. Сіе сдѣлано на зло имъ, потому что они опаздывали. Между тѣмъ работа два часа не продолжалась; я спрашивалъ его о причинѣ такого поступка бумагою, онъ отвѣчалъ мнѣ безтолковымъ рапортомъ; невнятное оправданіе его будетъ представлено Алексѣю Петровичу.

24-го прибылъ сюда табунъ Кузнецова. Я послалъ донесеніе Алексѣю Петровичу, въ коемъ представилъ ему гнусное и своевольное поведеніе Износкова, прося удалить его отсюда на все время командованія моего отрядомъ.

26-го Износковъ сдѣлалъ новую дерзость: онъ подписалъ проѣзжему билетъ для слѣдованія въ Дербентъ. Я уличилъ его въ винѣ, билетъ представилъ къ главнокомандующему. Ввечеру я купался въ бассейнѣ, выстроенномъ мною на горѣ въ скалахъ, висящихъ почти надъ моею квартирою и осѣненныхъ тѣнью большихъ деревьевъ. Поутру ушелъ отсюда съ казеннымъ табуномъ Кузнецовъ въ Енги-юртъ

27-го происходилъ судъ двухъ Персіянъ, изъ коихъ одинъ отказывался за бѣдностью заплатить другому 1000 р. сер., которые онъ ему долженъ былъ. Я посылалъ осмотрѣть его лавку, и въ ней нашлось 600 р. сер., которыми удовлетворенъ былъ ссудитель, давши ему еще 4 мѣсяца для уплаты остальныхъ.

30-го Іюня. Къ шамхалу пріѣхало нѣсколько дней тому назадъ два человѣка умершаго Шихъ-Али-хана съ просьбою, чтобы позволили семейству и служителямъ его переѣхать въ Кубу или Дербентъ, для свободнаго житья, а тѣло похоронить на кладбищѣ его праотцевъ, тоже въ Кубѣ. Шамхалъ мнѣ самъ объявилъ сіе и сказалъ, что онъ безъ моего позволенія людей сихъ не отпуститъ, а между тѣмъ просилъ меня, дабы я доложилъ о семъ Алексѣю Петровичу. Третьяго дня онъ прислалъ мнѣ сказать, что не можетъ болѣе держать ихъ, ибо онъ обѣщался отправить ихъ черезъ три дня и просилъ моего согласія на ихъ отправленіе. Я отвѣчалъ ему, что надѣюсь на данное имъ слово не отправлять ихъ безъ меня, что впрочемъ онъ воленъ у себя въ домѣ дѣлать чтó хочетъ. Шамхалъ вчера поутру,

рано отправилъ ихъ. Я послалъ сдѣлать имъ засаду; ихъ захватили внѣ города и посадили въ крѣпость, послѣ чего я послалъ сказать шамхалу, что поймано два человѣка Шихъ-Али-хана и чтобы онъ своихъ двухъ не выпускалъ согласно данному мнѣ обѣщанію; въ противномъ же случаѣ я и ихъ поймаю. Въ письмахъ ихъ ничего не было замѣтно дурнаго, но я не могу отпустить ихъ безъ воли Алексѣя Петровича, не взирая на то, что шамхалъ за сіе на меня очень сердится.

2-го Іюля. Акушинцы привели ко мнѣ двухъ Русскихъ, которыхъ они уже десять лѣтъ содержали и просили, чтобъ я возвратилъ имъ захваченныхъ ихъ людей, которыхъ я заставлялъ въ крѣпости работать. Я имъ отдалъ 24 человѣка, а оставшихся 20 обѣщался тогда возвратить, когда приведутъ имѣющихся у нихъ еще двухъ человѣкъ Русскихъ.

4-го. Ввечеру обрывали порохомъ верхній край скалы противъ середины крѣпости для устроенія веревочной машины къ подъему воды. Большіе камни, падая съ 30-ти саженной вышины, ударялись съ большою силою объ землю и скалу и отпрыгивая катились далеко по покатостямъ.

5-го. Акушинцы привели мнѣ еще одного плѣннаго, который у нихъ уже 27 лѣтъ содержался. Онъ притворился, что уже не зналъ порусски; но когда его пристрастили, то онъ сталъ говорить. Я его отдалъ подъ караулъ, велѣлъ съ него снять показаніе и отдалъ приведшимъ его 28 человѣкъ Кутенгелинцевъ или жителей той деревни, гдѣ находился сей плѣнный (которому хотѣлось возвратиться къ нимъ).

7-го. Вчера получилъ я письмо изъ Туркменіи отъ Кіата, который извѣщаетъ меня, что разбитое прошлою зимою судно въ Туркменіи попалось къ Карабугазу, откуда приплыло къ нему въ Челекень три человѣка на бударѣ, въ числѣ коихъ былъ штурманъ 12-го класса Барановъ съ погибшаго судна, который и просилъ вспомоществованія для выгрузки казеннаго провіанта тамъ оставшагося и спасенія остальныхъ людей. Кіатъ отправился съ ними къ Карабугазу, взявъ съ собою 58 человѣкъ вооруженныхъ Челекенцевъ; по прибытіи туда они увидѣли, что остальные семь музуровъ были уже взяты въ плѣнъ и что набѣжало 200 человѣкъ вооруженныхъ Туркменъ Мангышлакскаго поколѣнія Игдырь. Кіатъ увѣщевалъ ихъ по крайней мѣрѣ людей отдать, но они не соглашались на то и едва не отняли у него одного изъ трехъ имъ привезенныхъ. Угдыри вынули сабли, и Кіатъ принужденъ былъ уступить; и такъ онъ отправилъ сихъ трехъ человѣкъ на шкоутѣ Вартанга, ходившемъ въ нынѣшнемъ году туда на промыслъ. Кіатъ еще извѣщаетъ меня, что

Шахъ-Зада посылалъ 350 человѣкъ конницы въ оставленную мною Вознесенскую крѣпость и велѣлъ разорить ее, и что всякій изъ сихъ людей взялъ по одному мѣшку камней изъ крѣпости и привезъ ихъ къ Шахъ-Задѣ Астрабадскому. Онъ также извѣщаетъ меня о дурныхъ расположеніяхъ Хивинскаго хана къ намъ, который отказался возвратить украденнаго въ прошломъ году, въ бытность мою, мальчика Шахъ-Мамета, за то, что служилъ Русскимъ, говоря, что онъ еще въ передпрошломъ году показалъ свою вражду къ Русскимъ, желалъ похоронить живаго ихъ посланника (то-есть меня), но что онъ уступилъ тогда просьбѣ Ніасъ-Батыря, а что нынѣ Туркмены, Русскимъ преданные, могутъ сами выкупить мальчика. Наконецъ, онъ пишетъ ко мнѣ, что проситъ главнокомандующаго о исполненіи прежнихъ желаній его и возвратить ему сына Якши-Мегмеда, если онъ здѣсь болѣе не нуженъ, и прилагаетъ письмо, которое проситъ меня доставить къ Алексѣю Петровичу. Человѣкъ сей, преданный Россіи и служившій намъ, теперь оставленъ и не имѣетъ въ родинѣ своей почти убѣжища отъ окружающихъ его непріятелей.

15-го. Имѣя болѣе свободы отъ письменныхъ дѣлъ, я сталъ опять заниматься Арабскимъ языкомъ и Персидскимъ, чтеніемъ и музыкою, какъ въ Тифлисѣ.

20-го. Всѣ сіи дни проходили какъ по обыкновенному, кромѣ вчерашняго, въ который я получилъ бумаги отъ Алексѣя Петровича. Разрѣшая мнѣ нѣкоторые случаи, онъ велѣлъ мнѣ выпустить Зейкенъ-бега, и если отпускъ его ободритъ другихъ товарищей его (которыхъ онъ называетъ) сюда пріѣхать, то ихъ захватить и содержать какъ преступниковъ; между тѣмъ онъ запрещаетъ шамхалу женить сына своего на дочери убившаго князя Циціанова Бакинскаго хана. Онъ пишетъ мнѣ, чтобы я выручалъ Русскихъ изъ Акуши, что Износкова онъ приказалъ смѣнить и что я скоро получу другое порученіе. Между тѣмъ онъ пишетъ ко мнѣ своеручное письмо, которымъ извѣщаетъ меня о томъ, что уже въ приказахъ есть о моемъ назначеніи въ командиры 7-го карабинернаго полка. Извѣстіе сіе меня чрезвычайно порадовало.

26—28. Провелъ я въ сильныхъ занятіяхъ; бумагъ было множество. Я отправлялъ двѣ летучія карты къ старому Вельяминову и къ Алексѣю Петровичу; словомъ, я цѣлый день сидѣлъ за бумагами и вчера еще долженъ былъ отправить отсюда Трубникова въ отрядъ къ Алексѣю Петровичу, по предписанію начальника штаба. Вчера ушибло на известковой работѣ двухъ Татаръ, изъ коихъ одинъ подъ вечеръ сталъ опамятоваться, а другой былъ безъ надежды и безъ памяти, и вѣроятно въ сію ночь умеръ.

29-го числа. Былъ наряженъ въ караулъ одинъ офицеръ Куринскаго баталіона, прапорщикъ Ктитаревъ, котораго я не велѣлъ наряжать въ должность, потому что онъ приставленъ къ пріемкѣ лѣса. Когда я спросилъ причину сего бумагою у Износкова, то онъ свалилъ вину сего на самого Ктитарева, стараясь оправдаться невѣдѣніемъ сего. Я не принялъ сего пустаго оправданія и, причитая поступокъ сей къ неповиновенію, предписалъ Мурзанову арестовать его въ крѣпости. Износковъ прислалъ ко мнѣ шпагу свою, объявивъ, что болѣзнь препятствуетъ ему идти на гауптвахту. Вчера я предписалъ Мурзанову сходить къ нему съ лѣкаремъ и буде онъ въ состояніи идти, то употребить силу для отведенія его, на что онъ грозился Мурзанову, показывая ему руки свои, которыя, говорилъ онъ ему, еще здоровы. Мурзановъ оставилъ его и донесъ мнѣ о происшедшемъ. Участь Износкова послѣ сего поступка быть солдатомъ. Не желая сдѣлать его несчастнымъ, я послалъ вчера ввечеру за Куколь-Яснопольскимъ, къ которому онъ имѣетъ довѣренность, и просилъ его уговорить Износкова идти на гауптвахту, что за старые проступки ему позволено будетъ выдти въ отставку безъ всякаго посрамленія, но что за сіе онъ будетъ неминуемо солдатомъ, и такъ что я ему позволяю одуматься и идти самовольно въ крѣпость на гауптвахту.

31-го. Пришелъ отвѣтъ отъ Износкова, коимъ онъ соглашался идти въ крѣпость, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему не на гауптвахтѣ сидѣть, а чтобы ему палатку разбили среди крѣпости. Видя, что съ безумцемъ никакого толка не будетъ, я представилъ Алексѣю Петровичу о семъ рапортомъ.

6-го. Получилъ я предписаніе отъ И. А. Вельяминова, коимъ онъ предписываетъ мнѣ смѣнить Износкова кѣмъ-либо другимъ изъ офицеровъ баталіона его, до назначенія бригаднымъ командиромъ другаго штабъ-офицера на его мѣсто.

8-го. Пріѣхалъ ко мнѣ Бакинскій мирза мой Магмедъ-Гуссейнъ, а Петровичъ уѣхалъ назадъ въ Дербентъ. Первый пріѣхалъ за полученіемъ 500 рублей ассигнаціями, подаренныхъ ему Алексѣемъ Петровичемъ въ награжденіе за службу его въ Туркменіи.

15-го Августа. Вчера ввечеру прибыла летучая отъ начальника штаба отъ 9-го Августа, въ коей онъ, разрѣшая мнѣ почти всѣ вопросы, ничего не пишетъ на счетъ Износкова. Кажется, что онъ еще не получилъ рапорта моего, написаннаго однакоже отъ 1-го Августа.

Давно уже не писалъ я сего журнала. Обыкновенный ходъ моихъ занятій прервался, время мое пропадало. Я дожидался отвѣта на счетъ Износкова дѣла; я не зналъ еще, какъ Алексѣй Петровичъ приметъ сіе дѣло, но зналъ, что часто строгимъ взысканіемъ онъ пренебрегаетъ и ба-

луетъ черезъ сіе своихъ подчиненныхъ. Онъ часто бываетъ слишкомъ ласковъ и слишкомъ милостивъ съ людьми, не заслуживающими сего. Боялся узнать, что онъ недоволенъ моимъ поступкомъ, тогда какъ мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ или арестовать Износкова, или позволить совершенное возмущеніе въ баталіонѣ его.

На дняхъ я получилъ предписаніе начальника штаба, въ коемъ онъ пишетъ мнѣ, что я не долженъ былъ подвергать аресту офицера, имѣющаго Георгіевскій крестъ, и что Алексѣй Петровичъ приказалъ мнѣ замѣтить сіе. Я не отдалъ затѣмъ шпаги Износкову, ибо сіе произвело бы весьма дурныя послѣдствія; не писалъ къ Алексѣю Петровичу, ибо, стараясь оправдываться, я бы болѣе обвинилъ себя, и потому рѣшился дождаться: можетъ быть, время приведетъ новыя обстоятельства, которыя дадутъ мнѣ случай поправить сіе дѣло, въ коемъ я долженъ былъ избрать изъ двухъ отвѣтственностей меньшую; можетъ быть, самъ Алексѣй Петровичъ, сожалѣя о замѣчаніи мнѣ данномъ, одумается и поправитъ сіе письмомъ; можетъ быть, Верховскій пріѣдетъ и скажетъ мнѣ подробнѣе, какъ главнокомандующій сіе дѣло понимаетъ, и дастъ мнѣ хорошій совѣтъ. Я рѣшился дождаться 15-го числа сего мѣсяца, въ которое время я долженъ доносить Алексѣю Петровичу объ успѣхѣ работъ. Если время не приведетъ никакого полезнаго обстоятельства для сего дѣла, я еще обдумаю порядочно и, можетъ быть, рѣшусь написать къ Алексѣю Петровичу. На дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Тифлиса урядникъ казачій, привезшій мнѣ сумму отъ И. А. Вельяминова для уплаты рабочимъ. Сей урядникъ объявилъ мнѣ вчера, передъ обратнымъ отъѣздомъ своимъ, когда я ему отдавалъ бурку, обѣщанную мною князю Бебутову, для доставленія ему, что старикъ сей передъ выѣздомъ его изъ Тифлиса умеръ. Меня поразило сіе извѣстіе, ибо я уважалъ его и люблю дружески сына его и все семейство.

10-го. Обстоятельства перемѣнились; но я все еще не покоенъ, и время мое пропадаетъ всякій день. Въ теченіи сего времени прибылъ сюда маіоръ Асѣевъ, для командованія баталіономъ Износкова. Онъ принялъ баталіонъ, а Износкову я возвратилъ шпагу. Недавно пріѣзжалъ сюда Карчевскій, командиръ Апшеронскаго полка. Въ бытность его здѣсь Износковъ, уже прежде сего намѣревавшійся просить у меня прощенія, пришелъ ко мнѣ и, повинясь совершенно, просилъ меня быть ходатаемъ о его прощеніи у Алексѣя Петровича.

4 го Октября Карчевскій уѣхалъ отсюда, а Износковъ написалъ письмо къ Ермолову, которое онъ мнѣ вручилъ, а я отправилъ при своемъ письмѣ, прося, чтобы по отбытіи моемъ отсюда ему возвра-

тили баталіонъ, коего онъ лишился. Я ожидаю рѣшенія, которое выйдетъ сему дѣлу, дабы взять мѣры, чтобы замѣчаніе, посланное мнѣ Алексѣемъ Петровичемъ, загладилось. Между тѣмъ Износковъ, просившійся у меня на 12 дней въ Кубу, отпущенъ мною *).

*

Уже нѣсколько разъ прерывались записки сіи, но ни однажды не прерывались онѣ еще на столь долгое время какъ нынѣ: вотъ уже болѣе года какъ я не принимался за нихъ. Не въ лѣности заключается причина сего: я былъ крайне занятъ дѣлами по службѣ, и теперь принимаюсь за нихъ. Не полагаю, чтобы возрастъ мой или лѣта были сему причиною. Почему не писать и въ сорокъ лѣтъ журнала, а мнѣ еще 30-ти нѣтъ. Положимъ, что когда за 40 лѣтъ, то занятіе сіе можетъ показаться скучнымъ, а всего болѣе безполезнымъ: мало останется въ предположеніи лѣтъ для того, чтобы, перечитывая прошедшее, воспользоваться ошибками своими и впередъ ихъ не дѣлать; да и самая опытность созрѣвши не будетъ имѣть такой нужды въ сихъ справкахъ; и такъ останется въ виду уже не та цѣль, съ которою записки сіи писались въ молодыя лѣта. Тогда уже я всякій день долженъ приводить себѣ на память, что я пишу для своего потомства. Чтó же я передамъ потомству? Скучное описаніе поступковъ своихъ, изложенное во многихъ книгахъ, дурнымъ слогомъ, не переправленнымъ, записки писанныя въ торопяхъ, которыя, попавши въ руки постороннихъ людей, будутъ служить болѣе посмѣялищемъ, чѣмъ для пользы! Мысль сія, нѣсколько прискорбная, должна бы заблаговременно остановить меня въ семъ дѣлѣ; но, разсмотрѣвъ съ другой стороны, что я могу поручить ихъ человѣку, который не обратитъ во зло моей довѣренности, и главное, что злословіе, не имѣя уже предмета, могущаго оспаривать или огорчаться дѣйствіями онаго, умолкнетъ въ тѣсномъ кругу своего дѣйствія и въ скоромъ времени пресѣчется, ибо станетъ говорить о вещахъ и человѣкѣ, мало кого занимающихъ; притомъ же, вспомнивъ, что мертвыхъ ничто не безпокоитъ, я рѣшаюсь продолжать записки сіи для того единственно, что велъ ихъ до сего времени и не находилъ въ семъ обыкновеніи ни зла, ни большой траты времени. Тебѣ же, кому онѣ повѣрятся, если возмешь терпѣніе прочесть ихъ и хранить, поручаю прибавить къ нимъ обстоятельства моей смерти, дабы сдѣлать ихъ совершенно полными. Ты будешь въ правѣ истребить ихъ или держать у себя въ порядкѣ;

*) Дальнѣйшее писано слишкомъ черезъ годъ, въ Бешкегетѣ, гдѣ Н. Н. Муравьевъ командовалъ полкомъ, именно 17-го Декабря 1823. П. Б.

но предваряю тебя, что въ первомъ случаѣ ты долженъ бы выписать изъ нихъ все, касающееся до описанія видѣнныхъ мною мѣстъ. Статей таковыхъ много здѣсь найдется, и онѣ не должны пропадать, а служить для распространенія свѣдѣній, особливо о краѣ, еще столь мало извѣстномъ. Цѣль сія меня болѣе побуждаетъ вести сіи записки. Я бы самъ сдѣлалъ сіи выписки, если бы имѣлъ на то время; теперь же буду продолжать ихъ прежнимъ порядкомъ, смѣшивая свѣдѣнія сіи съ описаніемъ происшествій моей жизни.

Я видѣлъ ошибку, сдѣланную мною въ Таркахъ, когда обращался справедливо и строго съ подчиненными своими. Признавая только одно строгое исполненіе своихъ обязанностей, я начальствовалъ до того времени армейскимъ отрядомъ, не имѣлъ понятія о людяхъ составляющихъ общество офицеровъ въ полкахъ и не полагалъ, чтобы можно было пропускать важныя упущенія по службѣ, что даже должно было сіе дѣлать, особливо подъ начальствомъ Алексѣя Петровича, для того чтобы самому не навязаться на неудовольствіе. Я не имѣлъ еще въ виду того важнаго правила нашей военной службы, нынѣ узнаннаго мною—дѣлать только то, что̀ необходимо для того, чтобы не подвергнуть себя отвѣтственности, не помышляя много объ успѣхѣ дѣла и искорененіи зла. Я долженъ былъ скрывать неисправности подчиненныхъ, когда онѣ меня не вводили въ отвѣтственность и, судя по малому вниманію моего начальства къ поступкамъ частныхъ начальниковъ, не заботиться о всѣхъ упущеніяхъ и мерзостяхъ людей, мнѣ подчиненныхъ на самое короткое время, за коихъ дурную нравственность я ни предъ кѣмъ не отвѣчалъ. Правила сіи казались бы мнѣ странными и безчестными тогда; теперь, видя необходимость ихъ, порицаю поступки свои, называя ихъ безразсудными, но отнюдь не противными справедливости и чести.

Меня очень безпокоило замѣчаніе, полученное отъ Алексѣя Петровича черезъ начальника штаба. Мнительность и одиночество, въ которыхъ я находился, меня тревожили безъ мѣры. Я чрезвычайно желалъ видѣться съ кѣмъ нибудь изъ находившихся при главнокомандующемъ во время полученія моихъ донесеній, дабы узнать, какое впечатлѣніе онѣ сдѣлали, полагая, что сіе обстоятельство могло занять его столько, сколько и меня, и не подумавъ, что главнокомандующій, не имѣвшій причины сомнѣваться въ моей справедливости, могъ въ семъ случаѣ, при многихъ занятіяхъ своихъ, видѣть только неопытность мою, но, все таки заключить долженъ весьма дурно о моихъ подчиненныхъ, извѣстныхъ и доселѣ своею неисправностію и упущеніями. Не менѣе того, обстоятельство сіе меня столько безпокоило, что я готовъ былъ бы въ отставку подать, еслибъ домашнія обстоятель-

ства меня не понуждали въ службѣ оставаться. Тутъ я въ первый разъ узналъ настоящимъ образомъ, что̀ значитъ служить изъ необходимости и сожалѣлъ, что не могъ оставить сего скользкаго поприща, чтобы удалиться и жить въ независимости. Я узналъ, что Верховскій, возвратившійся изъ отряда Алексѣя Петровича, долженъ былъ на дняхъ пріѣхать къ командованію Куринскимъ полкомъ въ Дербентъ. Я послалъ Мещерякова съ письмомъ къ нему, въ коемъ убѣдительно просилъ его прибыть въ Буйнаки, что̀ въ 45 или 50 верстахъ отъ Тарковъ по дорогѣ къ Дербенту, для свиданія со мною. Богатая деревня сія принадлежитъ къ владѣніямъ шамхала и есть удѣлъ одного изъ законныхъ сыновей его Зобаира, мальчика 10 или 11 лѣтъ, который тамъ живетъ. Онъ принялъ меня, какъ владѣлецъ того мѣста, съ особенною ловкостью, несвойственной его лѣтамъ.

Верховскій прибылъ въ назначенный день. Я крайне обрадовался ему, тѣмъ болѣе, что много уважалъ сего человѣка и старался перенять отъ него благоразумную осторожность его въ обращеніи съ людьми, и хотя она была основана на сильной мнительности, но я видѣлъ, что безъ сего нельзя было обойтись въ службѣ, въ кругу людей совершенно постороннихъ одинъ другому и не связанныхъ ни дружбою, ни одними правилами. Мы провели ночь вмѣстѣ, всю почти въ разговорахъ, и онъ меня успокоилъ на счетъ дѣла Износкова, увѣривъ, что точно главнокомандующій никогда не сомнѣвался въ справедливости моихъ поступковъ и не показалъ даже большаго неудовольствія, узнавъ объ арестованіи маіоровъ, не обратилъ даже большаго вниманія на сей случай, не переставалъ знать меня таковымъ какъ и всегда полагалъ меня, и что я нисколько не лишился его довѣренности. И я долженъ былъ отъ души радоваться сему, видя необходимость оставаться въ службѣ, внутренно стыдился сему, но не открывалъ Верховскому чувствъ своихъ, зная, что онъ тутъ ничѣмъ не могъ утѣшить меня.

Это было въ Ноябрѣ. Мы разстались, и я далъ ему обѣщаніе въ путь свой ѣхать черезъ Дербентъ, дабы еще съ нимъ увидѣться, не взирая на просьбы Унгерна, уговаривавшаго меня ѣхать черезъ Кизляръ.

Холодъ усиливался, бури становились несносны на горѣ Тарковской, снѣга покрывали ее, и морозы начинали препятствовать работамъ; между тѣмъ по безпечности начальства отрядъ не распускался, и строеніе продолжалось. Я нѣсколько разъ уже писалъ о семъ къ начальнику штаба и не получалъ отвѣта. Жители приходили въ изнуреніе, лишались скота своего и не переставали изъ страха къ наказаніямъ повиноваться; но справедливая злоба не прекращалась противъ

насъ, и я очень опасался, чтобы не произошло отъ сего возмущенія, но не прекращалъ работъ безъ приказанія, ожидаемаго мною отъ начальника штаба.

Я перевелъ около 10-го числа Ноября мѣсяца отрядъ изъ лагеря въ городъ, и люди ежедневно ходили на гору на работу, пока я 23 или 24-го числа не получилъ по летучей картѣ предписанія, дабы прекратить работы и распустить отрядъ. Я немедленно сдѣлалъ сіе, и къ 1-му числу Декабря мѣсяца оставался уже въ Таркахъ одинъ Куринскій баталіонъ на зимовкѣ; въ крѣпость же ходила одна рота для занятія караула. Казармы хотя и были выстроены въ крѣпости, но по выдумкѣ инженеръ-капитана Газана (Француза, вкравшагося въ довѣренность къ начальнику штаба) онѣ покрывались уже два года сряду цементомъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дождевая вода, стекающая съ нихъ, собиралась въ бассейны, которые должны были напоять весь гарнизонъ; но цементъ сей, стоющій весьма дорого, солдатами, деньгами и обывателями, не удавался и, пропуская и вбирая въ себя воду дождевую, сгноилъ потолки. Примѣръ 1821 года былъ недостаточенъ для начальника штаба, который и въ 1822 велѣлъ тоже сдѣлать, отъ чего лишились мы успѣха деревянныхъ работъ, многихъ денегъ, нѣсколькихъ солдатъ и до 30 обывателей: ибо онъ заготовлялся въ весьма нездоровомъ мѣстѣ, откуда вывезено было до 300 больныхъ обывателей съ работъ. Вся крѣпость Тарковская была бы отпечаткомъ глупости, если бы не знали, что она предположена начальникомъ штаба, коего умъ и познанія извѣстны; но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно также упрямство и непомѣрный эгоизмъ, которые заставятъ его всѣмъ на свѣтѣ, чтò только не его собственное, пренебречь, лишь бы настоять на своемъ, хотя бы онъ и видѣлъ ошибку свою. Оттого самаго и выстроилась Тарковская крѣпость на высокой скалѣ, куда забраться весьма трудно, гдѣ нѣтъ ни капли воды и, чтó всего страннѣе, на сей высотѣ командуютъ ею на ружейный выстрѣлъ окрестныя возвышенія. Она выстроена по правиламъ фортификаціи и ничего не защищаетъ, ибо всѣ дороги идутъ мимо, и еслибы когда нибудь принуждены мы были Дагестанъ оставить, то оставили бы вмѣстѣ и крѣпость сію, въ коей нельзя держаться за неимѣніемъ воды. Для правильной защиты ея потребно до трехъ тысячъ человѣкъ. Казармъ въ ней дѣлается на двѣ роты, которыя уже всегда должны оставаться въ ней въ случаѣ военныхъ дѣйствій, для охраненія укрѣпленія, котораго никто не придетъ брать, ибо оно никому не мѣшаетъ и не вредитъ; и потому роты сіи должны быть исключены изъ числа дѣйствующихъ войскъ въ Грузіи.

Успѣхи сдѣланные въ строеніи въ 1822-мъ году были велики. Я самъ держалъ неослабный присмотръ за онымъ и, имѣя въ отрядѣ только половину того количества людей, которое находилось при семъ дѣлѣ въ 1821 году, я сдѣлалъ болѣе чѣмъ вдвое работы противъ того, чтò тогда было сдѣлано, оставя то, что работа моя была вся изъ тесаннаго бѣлаго камня, высѣченнаго и обточеннаго правильно, а работа прошлаго года была изъ простаго камня, кладеннаго на известкѣ. Сію похвалу отдамъ себѣ: она справедлива и пріобрѣтена трудами.

Инженеръ-капитанъ Газанъ, который имѣлъ надзоръ за работами, былъ человѣкъ умный и со свѣдѣніями, но совершенно безъ правилъ и чрезвычайно тяжелаго характера. Онъ дѣлалъ многіе поступки, которые заслуживали, чтобы его выгнать изъ службы нашей: воровалъ у жителей куръ, телятъ, нарушалъ права свои съ рабочими. Я иногда останавливалъ его ласковыми словами, и если бы не происшествіе Износкова, то принялся бы за него; но двухъ дѣлъ разомъ дѣлать нельзя. Онъ и въ 1821 году былъ уже замѣченъ съ весьма дурной стороны артилерійскимъ подполковникомъ Кацаревымъ, который завѣдывалъ работами и который, выведенный изъ терпѣнія, отказалъ ему отъ оныхъ; въ нынѣшнемъ же 1823 году піонерный подполковникъ Евреиновъ, который управлялъ работами, ему также отказалъ отъ работъ, и ссора ихъ была доведена обоими до свѣдѣнія начальника штаба, черезъ что Евреиновъ получилъ большія неудовольствія.

30-го Ноября Апшеронскій баталіонъ съ артилеріею выступилъ изъ Тарковъ въ Кубу; піонерная рота на линію съ казаками, а я, отпустивъ къ своимъ мѣстамъ артилерійскихъ офицеровъ, надзиравшихъ за работами, отправился самъ 1-го Декабря въ Тифлисъ, черезъ Дербентъ, весьма довольный тѣмъ, что въ бытность мою не случилось возмущенія, чего легко можно было ожидать отъ насильственныхъ работъ, къ коимъ я по приказанію начальника штаба побуждалъ жителей. Одна строгость могла ихъ содержать въ порядкѣ при такихъ трудахъ и повинностяхъ; они сознавались, что строеніе сей крѣпости было для нихъ съ неба сосланное наказаніе за то, что они въ 1820 году взбунтовались противъ добраго владѣльца своего шамхала. Жители Мехтулинскихъ деревень, недавно покоренные Алексѣемъ Петровичемъ, до того времени были народъ вольный, управлявшійся всегда своими древними обычаями, а нынѣ подъ надзоромъ одного Русскаго пристава прапорщика Батырева повиновались съ покорностію и терпѣливо переносили строгія взысканія за то, что они иногда избѣгали разорительныхъ требованій, подводами и людьми на нихъ налагаемыхъ. Шамхалъ не зналъ чтò дѣлать: весь народъ его былъ на построеніи; онъ боялся насъ, боялся своихъ подданныхъ и сосѣдей Акушинцевъ,

которые также были озлоблены тѣмъ, что я выручилъ отъ нихъ 46 человѣкъ Русскихъ, изъ коихъ иные уже по 20 и 30 лѣтъ у нихъ въ неволѣ были. Выручалъ же я ихъ, забирая въ плѣнъ жителей ихъ, пріѣзжавшихъ за солью въ шамхальство, заставляя ихъ работать въ крѣпости и возвращая по пяти человѣкъ за одного Русскаго, что̀ также было сдѣлано съ воли начальника штаба; но Акушинцы помнили зимній походъ къ нимъ Алексѣя Петровича и сраженіе подъ Лаватою и не смѣли тронуться. Они посылали ко мнѣ нѣсколько посольствъ; но я высылалъ ихъ изъ Тарковъ, не допуская до себя и содержалъ ихъ въ страхѣ бумагами, которыя къ нимъ писалъ; забратыхъ же въ плѣнъ заставлялъ работать въ крѣпости, преимущественно при добываніи воды посредствомъ машины и вѐрота, которые я устроилъ въ крѣпости, на берегу скалы, и которыми добывалось ежедневно одною бочкою воды на двѣ роты, изъ родника, находящагося въ городѣ у подошвы скалы. Бдѣніемъ и строгостію мнѣ удалось содержать въ порядкѣ Лезгинъ, привыкшихъ до того времени къ свободѣ и самоуправству. Но порядокъ сей не могъ долго существовать. Въ нынѣшнемъ году все взбунтовалось. Мехтулинцы убили пристава своего Батырева, Шамхальцы не стали повиноваться владѣтелю своему, и Алексѣй Петровичъ принужденъ былъ идти туда съ отрядомъ, гдѣ и остался зимовать. Но онъ не имѣлъ никакихъ дѣлъ, и возмущеніе было прекращено дѣйствіями бригаднаго генерала Фонъ-Краббе, который ходилъ къ нимъ съ отрядомъ изъ Кубы. Не менѣе того кажется, что дѣла были порядочныя; но присутствіе главнокомандующаго привело все въ порядокъ. Выѣзжая изъ Тарковъ, я долженъ былъ поручить край остававшемуся старшимъ и передалъ начальство новому командиру Куринскаго баталіона маіору Асѣеву, человѣку необразованному, развратнаго поведенія и вѣроятно корыстолюбивому, при томъ же слабому и весьма ограниченныхъ способностей ума. Шамхалъ, слабый, старый, боящійся своего народа и нашего правительства, не могъ управляться какъ настоящій владѣлецъ въ землѣ своей. Еслибы онъ могъ сіе дѣлать, то былъ бы опасенъ для насъ, потому что онъ не могъ переносить равнодушно тяжелыя и многочисленныя повинности, которыми мы разоряли народъ его; но, помня примѣръ 1819 года, когда всѣ почти его деревни взбунтовались, онъ оставался довольнымъ тѣми почестями, которыя ему Русскіе оказывали, и доходами съ жителей, въ надеждѣ, что онъ остатокъ старости своей проведетъ въ покоѣ и мало заботясь о томъ, что̀ послѣ него будетъ съ шамхальствомъ. Подполковникъ Евреиновъ, отправленный въ Тарки нынѣшней весною для командованія отрядомъ и строенія крѣпости Бурной, имѣлъ тѣже неопредѣленныя права на жителей, какъ и я. Не знаю поступ-

ковъ его; но человѣкъ сей, совершенный Европеецъ, со всѣми предубѣжденіями нашими, новый въ Азіи и чуждый обхожденію со здѣшними народами, вѣроятно не могъ и управлять ими ни строгостью, ни ласками, тѣмъ болѣе, что онъ и о языкахъ здѣшнихъ понятія не имѣетъ. Мирза-Исмаилъ, хитрый Персіянинъ, который находился при шамхалѣ, былъ человѣкъ умный и дѣятельности необыкновенной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокій и злой: онъ не разбиралъ почетныхъ людей между Лезгинами, не уважалъ старости и за неисполненіе приказаннаго взыскивалъ съ непомѣрною строгостью, черезъ что могъ способствовать къ озлобленію народа противъ насъ, еслибы его не воздерживать. При всемъ томъ онъ былъ необходимъ для насъ, и можно сказать, что во всемъ шамхальствѣ единый былъ человѣкъ, которому бы можно поручить непосредственное управленіе деревень. Онъ былъ честенъ, если не отъ природы, то изъ благоразумія, когда служилъ подъ моимъ начальствомъ. Сіе самое оправдывало его часто въ излишней взыскательности и не позволяло жителямъ на него жаловаться; но преданностью своею къ намъ онъ сдѣлалъ себѣ изъ шамхала естественнаго врага, который не могъ его съ рукъ сбыть, и давно бы истребилъ, еслибъ не опасался черезъ то оскорбить насъ. Полковникъ Верховскій, коему поручено было имѣть наблюденіе за краемъ, переносилъ въ нынѣшнемъ году штабъ-квартиру полка своего изъ Дербента; говорятъ, что большое число подводъ и повинности, наложенныя имъ по сему случаю на Каракайдакскія деревни, весьма ожесточили народъ противъ него. Алексѣю Петровичу мѣстное начальство доносило о готовящемся возмущеніи въ сихъ деревняхъ; онъ предписалъ Верховскому слѣдовать туда съ баталіономъ, что̀ онъ и исполнилъ и, не замѣтя никакого движенія, донесъ, что все находится въ совершенномъ повиновеніи и что никто и не думалъ о возмущеніи. Вмѣстѣ съ симъ написалъ онъ письмо къ губернатору, въ коемъ извѣщалъ его, что въ слѣдъ за симъ пріѣдетъ въ Тифлисъ для женитьбы; ибо невѣста его, Пузыревскаго вдова, уѣхавшая самымъ оскорбительнымъ для него образомъ изъ Тифлиса, когда они уже были помолвлены, раскаявшись въ своемъ поступкѣ, возвращалась. Верховскій посылалъ офицера за нею въ Митаву, и она прибыла въ Тифлисъ въ одинъ день почти со смертью жениха своего.

Верховскій, слѣдуя обратно съ баталіономъ изъ деревень Каракайдакскихъ, былъ уже въ недальнемъ разстояніи отъ Дербента, какъ, разговаривая съ своимъ полковымъ лекаремъ, онъ отъѣхалъ непримѣтнымъ образомъ на разстояніе одной версты отъ слѣдующаго за нимъ баталіона. За нимъ ѣхалъ Амулатъ съ тремя слугами своими, всѣ вооруженные. Спускаясь съ небольшаго пригорка, всѣ четверо

выстрѣлили въ него и, попавъ четырьмя пулями въ спину несчастному благодѣтелю своему, ускакали. Лѣкарь Амарантовъ, испугавшійся при видѣ полковника своего упавшаго въ крови съ лошади, поскакалъ къ баталіону съ симъ извѣстіемъ. Въ мигъ всѣ разсыпались нагонять Амулата, но уже поздно было: Амулатъ, имѣвшій сообщниковъ въ семъ злодѣйствѣ въ сосѣдственныхъ деревняхъ, перемѣнилъ лошадей и ускакалъ въ Аварію, гдѣ, по случаю смерти тамошняго хана Султанъ-Ахмета, его провозгласили ханомъ. Султанъ-Ахметъ, бывшій генералъ-лейтенантъ или генералъ-маіоръ и получавшій отъ двора нашего значительное жалованье, былъ естественный врагъ шамхалу и, имѣя владѣнія свои въ горахъ, въ надеждѣ на неприступность ихъ, не хотѣлъ покориться Алексѣю Петровичу, когда онъ съ войскомъ вступилъ въ Дагестанъ. Онъ сдѣлался намъ непримиримымъ врагомъ. Амулатъ заступилъ его мѣсто. Но дабы видѣть всю гнусность злодѣйства, сдѣланнаго Амулатомъ, надобно знать, что Амулатъ сей, женатый на дочери шамхала, былъ изгнанникъ изъ его владѣній. Фамилія его, оспоривавшая владѣніе сіе нынѣшнему Мехти-шамхалу, была въ гоненіи, можетъ быть несправедливымъ образомъ; но правительство наше предпочитало нынѣшняго слабаго старика сему молодому, храброму и пылкому человѣку. Онъ не переставалъ во все время кампаніи 1819 г. въ Дагестанѣ дѣйствовать противъ насъ, возмущалъ горцевъ, былъ въ дѣлахъ противъ нашихъ войскъ, разбойничалъ. Верховскій оставался зимою въ 1820 году командиромъ отряда во вновь завоеванныхъ деревняхъ Мехтулинскихъ, принадлежавшихъ Гассанъ-хану, и ему поручено было изловить Амулата и представить его какъ преступника для полученія казни. Смѣлый Амулатъ, терпя нужду въ горахъ и видя безполезность своего сопротивленія, рѣшился самъ явиться къ Верховскому и просить великодушной пощады. Онъ ее получилъ, и Алексѣй Петровичъ, уваживъ представленія Верховскаго, съ удовольствіемъ даровалъ ему жизнь. Амулатъ, лишенный всего большаго родоваго имущества въ шамхальствѣ, жилъ при Верховскомъ до Сентября или Августа мѣсяца сего года, въ который онъ умертвилъ измѣнническимъ образомъ своего благодѣтеля. Въ Тифлисѣ, въ походахъ, Верховскій его всегда при себѣ имѣлъ, помогалъ ему деньгами, содержалъ его и слугъ его съ лошадьми, ласкалъ, обучилъ нѣсколько Русской грамотѣ и берегъ его какъ сына, полюбивъ въ немъ казавшееся благородство души. Онъ примирилъ Алексѣя Петровича съ нимъ, доставилъ ему чинъ прапорщика и жалованье, наконецъ, передъ отъѣздомъ въ Дербентъ, выпросилъ позволеніе взять его и держать при себѣ, защищая его отъ обидъ шамхала. И кто бы могъ подумать, чтобы сей извергъ, облагодѣтельствованный Верховскимъ, могъ

быть его убійцею, по наученію горцевъ, обѣщавшихъ принять его къ себѣ въ ханы? Непростительно и Верховскому, позволившему Амулату столь ослѣпить себя, что онъ увѣрилъ его совершенно въ спокойствіи жителей и скрылъ всеобщій заговоръ, о коемъ узналъ командовавшій Чеченскою линіей г. м. Грековъ и увѣдомилъ главнокомандующаго о томъ и о намѣреніи убить Верховскаго, за два дни до его смерти!

Вотъ начало и причины возмущенія, случившагося въ нынѣшнемъ году въ Дагестанѣ. Амулатъ, прибывши въ Аварію, немедленно собралъ войско и напалъ на транспортъ, слѣдующій къ отряду. Поспѣвшіе на помощь баталіоны Апшеронскаго полка дрались цѣлые сутки. Непріятель, бывшій въ весьма большихъ силахъ, нападалъ храбро, и сраженіе происходило цѣлые сутки на холодномъ оружіи. Ночью непріятель исчезъ, разбѣжавшись. Были еще другія дѣла, въ коихъ г.-маіоръ Фонъ-Краббе, тамошній бригадный командиръ, остался побѣдоноснымъ, тѣмъ что сжегъ нѣсколько деревень. Подполковникъ Евреиновъ также ходилъ съ отрядомъ въ Мехтулинскія деревни, которыя отказались высылать рабочихъ и захватили въ плѣнъ, изранивши сперва, своего пристава и переводчика при Евреиновѣ Мещерякова, который находился въ прошломъ году при мнѣ. Амулатъ, спѣшившій съ войскомъ, дабы захватить ихъ, опоздалъ: они уже были освобождены самими Мехтулинцами, опасавшимися мщенія нашего; но вслѣдъ за симъ, приставъ ихъ Батыревъ и переводчикъ его Митрофановъ были убиты изъ 30 ружей скрывавшимися въ засадѣ Мехтулинцами. Я слышалъ, что большія злоупотребленія и корыстолюбіе озлобили народъ противъ него; въ мою бытность онъ себя честно велъ. Алексѣй Петровичъ, взявшій для усиленія своего отряда 1-й баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка изъ Тифлиса, засталъ уже все усмиреннымъ и покорнымъ и, по извѣстіямъ мною полученнымъ, остается нынѣшнюю зиму въ Дагестанѣ на квартирахъ съ отрядомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему описанію моихъ происшествій, я упомяну о нравахъ и обычаяхъ Лезгинъ, съ коими провелъ цѣлое лѣто. Дагестанъ занимаетъ всю восточную часть Кавказскихъ горъ, которая населена множествомъ народовъ разныхъ племенъ, одной вѣры, различныхъ обычаевъ, съ различными языками и управленіемъ. Я не въ состояніи войти въ подробное исчисленіе ихъ, по малому своему знанію ихъ; но что̀ знаю изложу здѣсь.

Восточная часть Кавказскихъ горъ можетъ раздѣлиться по мѣстному положенію своему на двѣ части: низменную, прилегающую къ берегу Каспійскаго моря, къ коей принадлежитъ также и часть покатости горъ, и горную, до самой вершины снѣговой цѣпи. Начиная описаніе сіе отъ праваго берега рѣки Сулака и простирая оное на

Югъ до Дербента, сѣверную часть низменнаго Дагестана составитъ шамхальское владѣніе, а за нимъ къ Югу до Дербента Каракайдакское уцмейство. Нынѣшній шамхалъ Мехти-ханъ ведетъ свой родъ отъ пророковъ. Правленіе всегда было болѣе патріархальное, чѣмъ самовластное, и онъ самъ всегда находился подъ вліяніемъ обычаевъ, которыхъ боялся преступить. Во владѣніяхъ его имѣется до 30 деревень, изъ коихъ главныя суть: Тарки, Буйнаки, Губденъ и Казалиши. Законная жена его—умная Персіянка, Пери-Джегалъ-Ханумъ, отъ которой онъ имѣетъ 5 или 6 сыновей, изъ коихъ старшій Солейманъ-паша, наслѣдникъ, 18 лѣтъ, избалованный мальчикъ, такъ какъ и всѣ наслѣдники у восточныхъ владѣльцевъ. Отецъ даже не заставляетъ его грамотѣ учиться, говоря, что онъ самъ обошелся безъ сего въ своей жизни, не забывалъ Бога и дожилъ благополучно до старости. Мальчикъ сей, пользующійся разными правами, но окруженный молодыми людьми развратными, проводитъ время на охотѣ и въ волокитствѣ. Меньшіе братья его имѣютъ свои удѣлы; они еще всѣ въ ребячествѣ, но обѣщаютъ болѣе старшаго. Удѣлы ихъ состоятъ въ деревняхъ, въ коихъ они и живутъ, подъ присмотромъ дядекъ своихъ; ибо обычай у шамхаловъ такой, что ни одного изъ сыновей своихъ не воспитываютъ дòма, а отдаютъ ихъ богатому человѣку, который содержитъ ихъ на свой счетъ, воспитываетъ какъ хочетъ, имѣя въ виду управленіе удѣла за малолѣтняго и потому воспитаніе ихъ бываетъ совершенно пренебрежено, и шамхальскій сынъ наравнѣ съ другими мальчиками бѣгаетъ и играетъ на улицѣ, усовершенствуя дурныя или хорошія качества, данныя ему отъ природы.

Кромѣ сихъ сыновей шамхалъ имѣетъ еще другихъ, рожденныхъ отъ наложницъ, которые воспитываются такимъ же образомъ, называются ченке и пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ въ народѣ, но оказываютъ всегда, хотя они уже и во взрослыхъ лѣтахъ, почтеніе къ законнымъ дѣтямъ шамхала. Они не пользуются удѣльными деревнями, но жалуются землями, отъ коихъ получаютъ доходы. Вообще все потомство нынѣшняго шамхала отличается красотою своей.

Тарки можетъ быть названо столицею шамхальства. Обширная деревня сія лежитъ въ 4 верстахъ отъ моря, на покатости горъ; тутъ имѣется и замокъ шамхала—простое каменное строеніе, расположенное по азіятскому обычаю, въ коемъ шамхалъ большею частью имѣетъ свое пребываніе; но иногда живетъ онъ въ Казалишахъ и Буйнакахъ. Послѣдняя деревня расположеніемъ своимъ весьма похожа на Тарки.

Шамхалъ ведетъ жизнь умѣренную и не пышную; онъ часто показывается народу, который къ нему подходитъ безъ всякаго подобострастія, не такъ какъ въ Персіи, гдѣ народъ убѣгаетъ владѣтель-

ныхъ хановъ. Шамхалъ былъ прежде преданъ пьянству и съ окружающими его проводилъ по нѣскольку дней безъ просыпа, въ какое время и пользовались, дабы заставить его раздавать деньги и земли и дѣлать приговоры жестокихъ наказаній, какъ отрѣзаніе рукъ, выкалываніе глазъ, тѣмъ изъ подданныхъ, которые противны были окружавшимъ его. Палачъ, собесѣдникъ шамхала, съ нимъ вмѣстѣ напивался и исполнялъ велѣнія его со звѣрскимъ удовольствіемъ; но съ тѣхъ поръ какъ онъ далъ обѣщаніе Алексѣю Петровичу перестать пить, онъ сдержалъ свое слово, ведетъ жизнь умѣренную и трезвую, и добрый отъ души старикъ сей занимается разборомъ судебныхъ дѣлъ, когда просители къ нему приходятъ.

Владѣтели въ Дагестанѣ совершенно не то что̀ въ Персіи и въ другихъ восточныхъ странахъ. Они могутъ болѣе называться старшими изъ старшихъ, чѣмъ государями. Правленіе ихъ патріархальное, и нарушеніе сихъ правъ можетъ только терпѣться въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда владѣтель покорилъ умы народа особенною бойкостью, смѣлостью или богатствомъ и пышностію, и въ особенности когда, имѣя владѣнія свои ближе къ морю, онъ находится подъ вліяніемъ могущественныхъ сосѣдей, которые находятъ выгоду свою въ утвержденіи власти его, для лучшаго содержанія въ покорности народа, подъ предлогомъ уваженія къ древнимъ обычаямъ ихъ и законному правленію. Послѣдній случай сей видимъ мы въ шамхальствѣ.

Шамхалъ часто бываетъ самъ судья, но никогда онъ не посягаетъ на разборъ дѣлъ, рѣшенныхъ уже духовнымъ судомъ и самъ въ распряхъ съ сосѣдями прибѣгаетъ къ оному.

Я былъ любопытенъ узнать, какимъ образомъ могъ водвориться владѣтель въ земляхъ вольныхъ, сохранившихъ еще и до сихъ поръ всѣ древнія права, нравы и обычаи свои и не гнушающихся владыкою своимъ. Я узналъ, что соблюденіе правъ ихъ содѣлываетъ для нихъ шамхала совершенно сноснымъ. Водворенію же его начало было положено завоеваніями Аравитянъ, покорившихъ земли сіи, введшихъ въ оную законъ мусульманскій и оставившихъ, для поддержанія онаго, своихъ военачальниковъ, изъ числа родственниковъ Пророка. И такъ шамхалъ и прочіе владѣльцы Дагестана не ведутъ рода своего изъ числа природныхъ Лезгинъ; древнее же родство ихъ доставляетъ имъ уваженіе въ народѣ.

Весь народъ Дагестана исповѣдуетъ вѣру мусульманскую, Сунитскаго толка, и имѣетъ по сему непримиримую вражду къ Персіянамъ, принадлежащимъ къ расколу Али.

Окружающіе шамхала въ весьма маломъ количествѣ; ихъ почти никого и нѣтъ. Нѣкоторые старики, съ которыми онъ любитъ прово-

дить время, приходятъ съ нимъ совѣщаться и молиться. Законные сыновья его живутъ въ своихъ удѣлахъ или въ домахъ дядекъ своихъ; незаконныя же дѣти служатъ въ родѣ повѣренныхъ и употребляются въ разсылки съ различными порученіями, а также и на войнѣ, гдѣ они въ видѣ военачальниковъ находятся при небольшихъ толпахъ дурно вооруженныхъ поселянъ, несмѣлыхъ въ бою и не схватывающихся никогда съ непріятелемъ какъ слѣдуетъ. Безпорядки—главное свойство сего войска, неспособнаго ни къ какому дѣлу.

Доходы шамхала могли бы быть значительнѣе, судя по числу деревень въ его владѣніяхъ находящемуся; но жители не обременены налогами. Какъ онъ расходовъ совершенно почти никакихъ не имѣетъ, то и владѣетъ довольно великими сокровищами. Онъ одѣвается просто, ѣстъ пищу обыкновенную въ землѣ его, наложницъ беретъ безъ платы, и такимъ образомъ, довольствуясь произведеніями земли, не издерживаетъ ничего на роскошь и живетъ какъ простой Лезгинъ. Главные его доходы состоятъ въ жалованьи, получаемомъ отъ нашего двора, что составляетъ 6000 р. сер. ежегодно. Откупъ рыбной ловли, на устьяхъ рѣки Сулака, доставляетъ ему отъ Астраханскихъ промышленниковъ до 17,000 рублей въ годъ, и таможенные сборы съ товаровъ слѣдующихъ по дорогѣ изъ Кизляра въ Баку и обратно. Несправедливый налогъ сей на товары и до сихъ поръ еще при Россійскомъ правленіи позволяется ему; но сборщики при семъ обогащаются больше шамхала, ибо не даютъ никакихъ отчетовъ во взимаемыхъ ими деньгахъ и представляютъ ему что̀ хотятъ. Къ сему присоединить штрафныя деньги, имъ получаемыя съ провиняющихся, и сокровища оставленныя ему предками. Онъ сливаетъ серебро имъ получаемое въ слитки по свойственному Азіятцамъ корыстолюбію, хранитъ слитки у себя въ комнатахъ въ сундукахъ, и считаетъ себя совершенно счастливымъ, презирая всѣ суеты и будучи доволенъ своимъ состояніемъ. Шамхалъ не умѣетъ даже пользоваться доходами, которые бы могло ему доставлять въ большомъ количествѣ озеро съ солью, находящееся близъ Тарковъ, южнѣе, въ 8 или 10 верстахъ къ берегу моря, изъ коего всѣ жители Кавказскихъ горъ приходятъ брать соль. Она расходится изъ рукъ въ руки до Чернаго моря, и безъ нея не могутъ существовать зимою многочисленныя стада ихъ овецъ. Онъ ничего не беретъ за сіе.

На Югъ отъ шамхальства находится уцмейство или владѣніе Каракайдакское, также прилежащее къ морю, коего владѣтель уцмій, такой же какъ шамхалъ, не желая совершенно покориться Русскимъ и принять войска наши, бѣжалъ въ 1819 году изъ своихъ владѣній, скрылся въ горахъ и воевалъ противъ насъ. Въ прошломъ году онъ

былъ убитъ измѣнническимъ образомъ, кажется племянникомъ своимъ, оставшимся подъ нашимъ покровительствомъ. Богатыми владѣніями уцмія управляетъ Русскій начальникъ Куринскаго полка, расположенный ротою въ селеніи Беркеяхъ, въ 25 или 30 верстахъ на Сѣверъ отъ Дербента, по дорогѣ въ Тарки ведущей.

За симъ владѣніемъ слѣдуетъ Дербентъ, бывшее достояніе Шихъ-Али-хана, бѣжавшаго отъ насъ во время похода Зубова въ Персію. Онъ обладалъ почти всѣмъ Дагестаномъ какъ законный правитель, или вліяніемъ на другихъ владѣльцевъ и вольныя общества. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ вредить намъ, гдѣ только могъ, и начальствовалъ въ 1819 году собравшимся со всего Дагестана войскомъ подъ Акушею, гдѣ и былъ разбитъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

На Западъ отъ шамхальства находятся Мехтулинскія деревни, лежащія въ горахъ, коихъ владѣлецъ былъ также изгнанъ главнокомандующимъ, и надъ оными поставленъ былъ приставъ изъ Кизлярскаго войска, который былъ убитъ въ возмущеніи нынѣшняго года. Жители сихъ деревень говорятъ особымъ языкомъ.

За ними къ Западу находится Аварія, коей ханъ Султанъ-Ахметъ также не покорился намъ. Неприступная земля его служила предѣломъ распространенію нетвердыхъ границъ нашихъ. Онъ умеръ въ прошломъ или нынѣшнемъ году, и мѣсто его заступилъ убійца Верховскаго Амулатъ-бекъ.

Къ Западу находятся также деревни Чиркейскія и Андійскія, лежащія уже почти на сѣверныхъ покатостяхъ горъ Кавказскихъ и граничащія съ Чечнею. Они намъ никогда не покорялись. Послѣдняя деревня славится лучшими бурками въ горахъ, и слѣдовательно во всемъ свѣтѣ. Деревни сіи не имѣютъ владѣльцевъ, управляются міромъ, составляя подобіе республики. Но гдѣ болѣе замѣтно сего рода правленіе, то въ союзныхъ деревняхъ Гергебильскихъ и Унцукульскихъ. Тамъ 32 деревни, лежащія на Юго-Западъ отъ Мехтулей, составили между собою оборонительный союзъ. Всякая изъ нихъ управляется особенно своими правами; на совѣщанія же для сношеній съ сосѣдями, миролюбивыхъ или военныхъ, собираются со всѣхъ старшины и на общемъ совѣтѣ рѣшаютъ дѣла сіи, къ коимъ не можетъ приступить одна изъ сихъ деревень въ особенности. За ними къ Западу въ горахъ лежатъ пять уѣздовъ, составляющихъ вмѣстѣ общество Акушинское. Акуша, одинъ изъ сихъ пяти уѣздовъ, пользуется преимуществомъ старшинства между ними, и тамъ находятся главные кази и старшины, рѣшающіе дѣла, которыя не могли рѣшиться въ каждомъ изъ сихъ уѣздовъ имѣющимися въ оныхъ второстепенными казіями и старшинами. Всякій изъ сихъ уѣздовъ имѣетъ свои деревни, и каждая

деревня опять тѣже права поодиночкѣ и тѣхъ же судей. Деревни Акушинскія богаты, многочисленны и сильны въ Дагестанѣ. Общество сіе, отличающееся отъ прочихъ образованіемъ своимъ, мудрымъ правленіемъ и силою, всегда имѣло большое вліяніе на всѣ другія общества и владѣнія Дагестана, такъ что оно даже имѣло у себя въ залогѣ сыновей владѣльческихъ (шамхаловъ сынъ находился тамъ въ залогѣ до 1819 года). Многочисленныя войска Акушинскія считались непобѣдимыми до вторженія къ нимъ Алексѣя Петровича, послѣ чего и довѣренность къ нимъ другихъ народовъ уменьшилась и гордость ихъ понизилась. Дабы сдѣлать ихъ подданными нашими, не обременяя налогами, главнокомандующій возложилъ на Акушинцевъ до 2000 барановъ ежегодной дани, которую они и доставляютъ, хотя теперь и съ меньшою исправностью, въ Дербентъ. Они видѣли, въ чемъ состояла цѣль нашего правительства, налагавшаго сію подать, для нихъ ничего незначущую, просили отмѣны оной, но не получили на то согласія главнокомандующаго, и старшины ихъ принесли присягу вѣрности Государю въ самой Акушѣ. Прежній же кази ихъ, человѣкъ вѣроятно бойкій и умный, возмущавшій народъ противъ насъ, былъ смѣненъ другимъ, нынѣшнимъ Зугумъ-кадіемъ: человѣкъ слабый, коему народъ не повинуется и который равно боится и насъ, и своихъ. Въ бытность свою въ Акушѣ Алексѣй Петровичъ плѣнилъ жителей оной своимъ великодушіемъ; но впечатлѣніе сіе, поддержанное страхомъ, скоро изчезло, и они къ намъ питаютъ сильную вражду.

Языкъ Акушинцевъ совершенно разный отъ другихъ, кои въ употребленіи въ Дагестанѣ; но письменный языкъ есть Арабскій, который весьма хорошо извѣстенъ всякому казію или муллѣ.

Въ сихъ земляхъ находятся во множествѣ окаменѣлости необыкновенной величины; окаменѣлыя улитки, имѣющія въ поперечникѣ до полъаршина и больше, довольно часто встрѣчаются на скалахъ; нерѣдко находятъ и въ большихъ камняхъ совершенно круглыхъ, по разбитіи ихъ, такія улитки. Цѣлыя змѣи огромной величины находились также на сихъ скалахъ окаменѣлыми. Не должно ли заключать по симъ рѣдкостямъ природы о потопѣ, покрывавшемъ нѣкогда Кавказскія горы? Я получилъ послѣ Акушинскаго похода одну такую улитку отъ начальника штаба, которая и хранится съ прочими, имѣющимися у меня камнями въ минералогическомъ собраніи.

Южнѣе Акуши находится Казыкумыхское владѣніе, коего прежній ханъ Сурхай, бывшій родственникъ Шихъ-Али-хана, бѣжавъ отъ насъ, скитался въ горахъ и наносилъ намъ всевозможный вредъ. Онъ, кажется, теперь умеръ; мѣсто же его занимаетъ Асланъ-ханъ, человѣкъ пьяный, имѣющій чинъ генераль-маіора и преданный намъ, вѣ-

роятно, только до перваго случая. Владѣнія его, довольно обширныя, были посѣщены въ 1820 году генераломъ Мадатовымъ, который разбилъ толпу возмутившагося народа.

Занимательнѣе прочихъ находится одно небольшое общество на Западъ отъ Казыкайдакскаго владѣнія, называющееся, по имени своей столичной деревни, Кубечи. Въ нынѣшнія времена люди сего общества заслуживаютъ вниманія тѣмъ, что у нихъ находятся самыя лучшія оружейныя фабрики. Ремесло сіе общее занятіе почти всѣхъ жителей, и они снабжаютъ всѣ горы оружіемъ. Кубечинцы богаты, образованы поазіатскому, трудолюбивы, не занимаются разбоями, живутъ въ согласіи съ сосѣдями, любятъ миръ, тишину, опрятность и порядокъ. Они также Магометанскаго исповѣданія, но имѣютъ совершенно особый свой языкъ, ни въ чемъ не схожій съ языками окружающихъ ихъ сосѣдей. Они полагаются выходцами Европейскими, изъ общества Моравской братіи, оставившими свою родину по причинѣ гоненія и поселившимися въ горахъ Кавказскихъ. Имѣвъ случай, въ бытность мою въ Таркахъ, находиться съ ними въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ, я видѣлъ старшинъ ихъ, пріѣзжавшихъ ко мнѣ, и распрашивалъ ихъ о происхожденіи ихъ. Они мнѣ сказали тоже самое, что они происходятъ отъ Франковъ. Они во всемъ отличны отъ прочихъ горцевъ: чертами лица, обхожденіемъ, нравомъ и языкомъ. Желая сравнить его съ Европейскими, я спрашивалъ ихъ объ ономъ и собралъ до 300 словъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ, изъ коихъ я нашелъ сходство только въ одномъ словѣ, помнится мнѣ *оксъ*, значущемъ *быкъ*; но сіе похоже больше на случайное сходство. Они сказывали мнѣ также, что вблизи Кубечей находится старинное одно зданіе, коего строенія не помнятъ и старики ихъ и о коемъ даже преданія ничего не говорятъ, и что на семъ зданіи есть надпись, которая по описаніямъ ихъ должна быть писана Латинскими буквами. Сколько мнѣ ни желательно было увидѣть сіе строеніе въ обратный проѣздъ къ Дербенту, но мнѣ не удалось сдѣлать сіе за краткостію времени. Собраніе же словъ я отдалъ, по возвращеніи своемъ въ Тифлисъ, Грибоѣдову, который меня просилъ о семъ.

На самой цѣпи Кавказскихъ горъ живетъ народъ, называемый Каракъ, менѣе образованный прочихъ, принадлежащій также къ роду Лезгинъ и имѣющій съ ними общее сходство въ одеждѣ и обычаяхъ. Каракцы находятся въ сношеніяхъ съ жителями, лежащими по обѣ стороны Кавказскихъ горъ и нанимаются въ войска для нападеній на Грузію, или въ войнахъ противъ сосѣдей у Лезгинъ Чарскихъ и Бѣлоканскихъ, имѣющихъ жилища свои на границахъ Кахетіи и Кизика.

Сѣвернѣе отъ шамхальства находятся Кумыкскія деревни, въ коихъ Яндрева деревня, по многимъ обстоятельствамъ весьма занимательная, есть главная. Она теперь во владѣніи нашемъ. Кумыкскій народъ по обычаямъ своимъ можетъ назваться ступенью перехода народовъ, обитающихъ по восточной сторонѣ Кавказскихъ горъ и называемыхъ Лезгинами, въ народы, занимающіе сѣверную покатость сихъ горъ, подъ названіемъ Чеченцевъ; они схожи и на тѣхъ, и на другихъ. Такъ какъ я ихъ хорошо не знаю, то и не помѣщу здѣсь описанія ихъ.

Но прежде чѣмъ далѣе слѣдовать въ описаніи своихъ происшествій, нахожу еще нужнымъ обратить общій взглядъ на Лезгинъ, коихъ племена и названія отчасти мною здѣсь описаны. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ горахъ, не могутъ существовать безъ помощи прибрежныхъ къ морю Лезгинъ. Имѣя большія стада овецъ, они принуждены сгонять ихъ на зимнее время къ морю, въ шамхальскія и Каракайдакскія земли, гдѣ климатъ несравненно теплѣе, и потому они платятъ шамхальцамъ дань за луга ихъ овцами, изъ числа пригоняемыхъ ими, и занимаютъ хутора или зимовки, однажды ими выстроенныя. Сіе самое содержитъ ихъ въ нѣкоторой зависимости отъ шамхальцевъ, а въ теперешнемъ времени отъ насъ; хотя и запрещено главнокомандующимъ шамхалу пускать къ себѣ на зимовку барановъ враждебныхъ намъ народовъ, но сіе мало соблюдается шамхаломъ, который, опасаясь лишиться нѣсколькихъ податныхъ барановъ, принимаетъ къ себѣ барановъ непріятельскихъ намъ Лезгинъ, переданныхъ на имя мирныхъ племенъ. Извѣстно навѣрное по крайней мѣрѣ то, что люди Акушинской земли, скрывающіе у себя плѣнныхъ или бѣглыхъ солдатъ, пригоняли въ шамхальскія владѣнія барановъ своихъ на зимовку; но не велѣно было трогать ихъ, изъ опасенія, чтобы не возстановить черезъ сіе горцевъ и не быть принужденными предпринять къ нимъ новый походъ, который могъ быть не столь удаченъ какъ первый, совершенный Алексѣемъ Петровичемъ въ 1819 году.

Лезгины вообще просты и честны, придерживаются болѣе обычаевъ своихъ чѣмъ вѣры; гостепріимство считается у нихъ первою добродѣтелію, и нарушившій оное теряетъ все уваженіе между ними. Трудно согласовать качества сіи со столь многими примѣрами убійствъ, между ними случающимися и со мщеніемъ крови, у нихъ введеннымъ. Но первое случается большею частію когда они пьяны, ибо они очень привержены къ крѣпкимъ напиткамъ, не взирая на законъ имъ запрещающій сіе; второе же есть обыкновеніе, въ справедливости коего они совершенно увѣрены и которое исполняется ими безъ всякой злобы убійцы противъ убіеннаго. Лезгины рослы, сильны, здоровы;

лица ихъ значительны, и чѣмъ далѣе они простираются въ горы, тѣмъ черты лица становятся выразительнѣе, изображая нѣкоторое звѣрство. Женщины ихъ вообще прекрасны и умны. Жены ихъ не находятся въ такомъ рабствѣ, какъ въ прочихъ частяхъ Азіи, и хотя онѣ несутъ всѣ трудныя работы домашнія, но за то открыты и не заперты въ гаремахъ. Однако права супружества строго наблюдаются, и нарушительница онаго съ прельстителемъ неминуемо лишается жизни отъ руки мужа, если онъ ихъ вмѣстѣ застанетъ. За незамужними присмотръ у нихъ не такъ строгъ бываетъ, и хотя и сіи также строги въ сохраненіи своего цѣломудрія, но бываютъ случаи, что они нарушаютъ оное, соглашаясь жить съ полюбившими ихъ, которые могутъ купить право сіе деньгами, отданными родителямъ, и послѣ молитвы, которую имъ даетъ мулла или кази на совокупное житье. Обрядъ сего, такъ сказать, полубрака считается у нихъ законнымъ.

Просвѣщеніе народное весьма ограниченно въ Дагестанѣ. Свѣдущими можно назвать только однихъ духовныхъ; прочіе всѣ почти безграмотны, какъ и самъ шамхалъ и прочіе владѣльцы. Но и самыя свѣдѣнія духовныхъ не простираются далѣе словесности въ Арабскомъ языкѣ и знанія законовъ своей вѣры. Арабскій языкъ между ними очень обыкновененъ; они его съ малолѣтства знаютъ и также съ нимъ знакомы какъ со своимъ природнымъ языкомъ, и потому всѣ письменныя дѣла, даже частныя письма, свидѣтельства, памятныя записки, все дѣлается на Арабскомъ языкѣ во всемъ Дагестанѣ. Языку сему обучаются по всѣмъ правиламъ, изучая вмѣстѣ съ онымъ грамматику, синтаксисъ, риторику и поэзію.

Россійское правительство, водворившееся нынѣ въ сихъ земляхъ, истребитъ, безъ сомнѣнія, многіе вредные обычаи въ сей странѣ, но вмѣстѣ съ симъ поселитъ и развратъ въ нравахъ Лезгинъ, не говоря о всеобщей ненависти, которое оно уже успѣло пріобрѣсти здѣсь намъ. Сему причиною бываютъ распутство и корыстолюбіе чиновниковъ и неуваженіе къ тѣмъ, въ которыхъ народъ привыкъ видѣть судей и посредниковъ своихъ. Необразованный чиновникъ нашъ, зараженный всѣми пороками и всего болѣе предубѣжденіемъ Европейскимъ, что все несхожее съ нашими обычаями есть отпечатокъ невѣжества, полагаетъ порядочными людьми только тѣхъ, которые имѣютъ класные чины; почтеннаго же старика, пользующагося довѣренностью въ народѣ, считаетъ онъ уже за совершенно ничтожнаго человѣка, потому что онъ бороды не брѣетъ, или одѣвается не въ тонкое сукно. Несправедливое презрѣніе сіе и вышеозначенные пороки суть конечно причины всеобщей ненависти, которую правительство наше успѣваетъ пріобрѣсти въ самое короткое время посредствомъ своихъ чиновниковъ.

Я выѣхалъ 1-го Декабря (1822) изъ Тарковъ, въ сопровожденіи Туркменскаго аманата, сына Кіатъ-аги, Якши-Магмеда, который находился при мнѣ во все время, какъ я въ Таркахъ начальствовалъ работами. Отъѣхавъ верстъ 10 или 15, я встрѣтился съ отставнымъ полковникомъ Левенцовымъ, бывшимъ командиромъ Апшеронскаго (прежде Троицкаго) пѣхотнаго полка (его смѣнилъ Карчевскій). Хитрый старикъ Левенцовъ уже болѣе неспособенъ былъ командовать полкомъ; онъ былъ слабъ, и многія странности дѣлали его смѣшнымъ и даже несноснымъ для подчиненныхъ и начальниковъ. Впрочемъ говорятъ, что онъ былъ исполнителенъ и честенъ, но грубъ, своеобычливъ и необыкновенный чудакъ, изъ роду тѣхъ, которые мало къ чему способны въ нашемъ вѣкѣ. Говорятъ, что Алексѣй Петровичъ предлагалъ ему мѣсто главнаго смотрителя надо всѣми госпиталями въ Грузіи (самое приличное для него), но онъ не пожелалъ его имѣть. Карчевскій принималъ отъ него полкъ болѣе года, и пріемка сія наполнена любопытными и смѣшными происшествіями; наконецъ, онъ послѣ многихъ затрудненій и жалобъ, поплатился за полкъ дорогою цѣною и уѣхалъ, какъ говорятъ, съ большими деньгами, но не переставалъ выставлять себя бѣднымъ и неимущимъ человѣкомъ, дабы вселить въ другихъ состраданіе къ себѣ. Онъ ѣхалъ съ большимъ обозомъ, женою, дѣтьми, взрослыми сыновьями, которые по дурнымъ правиламъ ихъ и дурнымъ примѣрамъ родителей не годились къ службѣ и иногда били отца своего или вступали съ нимъ въ драку. Мнѣ жаль было сего старика, и я желалъ бы видѣть такихъ людей (кои прежде, можетъ быть, и вѣроятно, приносили пользу) оставляющими службу довольными. Онъ былъ весьма огорченъ своимъ положеніемъ и заслуживалъ состраданія по лѣтамъ своимъ. Начальство само было виновато, поручая ему мѣсто свыше силъ его и способностей.

Въ тотъ же день я прибылъ ночевать въ Буйнаки, гдѣ засталъ на ночлегѣ Апшеронскій баталіонъ, слѣдовавшій изъ Тарковъ въ Кубу. На другой день я пріѣхалъ ночевать въ деревню Берекей, столицу Каракайдакскаго уцмейства, въ коемъ начальствовалъ капитанъ Якубовскій, расположенный тамъ съ ротою Куринскаго полка.

3-го числа я пріѣхалъ въ Дербентъ, гдѣ и остановился у Верховскаго. Тутъ я получилъ орденъ Владимира 3-й степени, къ коему я былъ представленъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ въ награжденіе за послѣднюю экспедицію въ Туркменію. Онъ желалъ симъ вознаградить то, чтó я потерялъ въ первую экспедицію въ Хиву, за которую я получилъ полковничій чинъ, достававшійся мнѣ на вакансію. Тутъ, въ теченіе 4-хъ или 5-ти дней, я успѣлъ переговорить съ Верхов-

скимъ о всемъ предовольно и простился съ нимъ, не полагая, чтобы сіе было навсегда. Мы надѣялись увидѣться на свадьбѣ его въ Тифлисѣ, куда ожидали невѣсту его, вдову Аделаиду Пузыревскую. Но смерть для него была, можетъ быть, счастіе; ибо невѣроятно, чтобы чета сія могла ужиться, будучи совершенно различныхъ свойствъ, и послѣ поступка невѣсты его, оскорбившей его столь сильно.

7-го или 8-го числа я выѣхалъ изъ Дербента къ Кубѣ. Вечеръ провелъ я у барона Вреде, а на другой день пустился далѣе въ путь, въ сопровожденіи Петровича, который провожалъ меня до перваго ночлега. Я не хотѣлъ пропустить сего случая, чтобы не видать прямой верховой дороги, ведущей изъ Кубы въ Старую Шемаху; по ней считается только до 100 верстъ, тогда какъ по большой дорогѣ, идущей мимо Баки, считается ихъ до 300. Я поѣхалъ прямо черезъ горы и ночевалъ первую ночь въ деревнѣ Рустовѣ, въ 25 или 30 верстахъ отъ Кубы. Деревня сія лежитъ въ лѣсу и знаменита побѣдою, одержанною здѣсь при Тормасовѣ, помнится мнѣ, надъ Лезгинами, собравшимися подъ начальствомъ Шихъ-Али-хана. Тутъ я встрѣтился съ Кубинскимъ ханомъ, нынѣ пользующимся небольшимъ уѣздомъ, ибо все ханство управляется комендантомъ.

На другой день проѣхалъ я черезъ деревню Конакъ-Кентъ, коей названіе свидѣтельствуетъ о прославленномъ гостепріимствѣ жителей оной. Я остановился у тамошняго бека, который былъ предупрежденъ на счетъ моего пріѣзда. Онъ меня отвелъ въ холодный сарай, и пока приготовляли кушанье, вся деревня собралась ко мнѣ смотрѣть на меня, и самъ бекъ глупыми вопросами своими, для узнанія новостей, такъ надоѣлъ мнѣ, что я притворился незнающимъ Турецкаго языка, сколь ни былъ голоденъ, ничего не ѣлъ и, перемѣнивъ лошадей, уѣхалъ сердитый. Бекъ послалъ сына своего провожать меня, котораго я отпустилъ вскорѣ, велѣвъ ему сказать отцу, что напрасно онъ носитъ съ деревнею своею названіе гостепріимныхъ людей, что настоящее гостепріимство состоитъ въ угожденіи гостю, а не въ томъ, чтобы поставить передъ нимъ чашку съ вареннымъ пшеномъ, собрать всю деревню для любопытства и мучить глупыми вопросами; что онъ видѣлъ меня усталымъ отъ дороги и долженъ былъ мнѣ дать покой, а не хвалиться неопрятною, неумѣстною и незаслуживающею вниманія пышностію; чтобы впередъ онъ лучше умѣлъ принимать гостей, дабы заслуживать имя гостепріимнаго, ему данное.

Я скоро переѣхалъ хребетъ отрога горъ, идущаго отъ главной цѣпи Кавказскихъ. До сихъ мѣстъ видѣлъ я прекрасную природу, быстрые потоки рѣчекъ, шумящихъ въ тѣсныхъ и утесистыхъ ущельяхъ, по коимъ ѣхалъ, въ иныхъ мѣстахъ равнины, лѣса. Пріятное

разнообразіе сіе занимало меня всю дорогу, до вышеупомянутаго хребта, за которымъ южная покатость горъ не вездѣ уже представляла тѣ красоты. Стояла зима, и хотя снѣга не было на горахъ, но погода была холодная. Я пріѣхалъ очень поздно ночевать въ небольшую деревушку, составленную, такъ сказать, на границахъ Ширвани и Кубы, Татарами, бѣжавшими въ разныя времена изъ Ширвани и принадлежащими уже нынѣ, кажется, къ Кубинскому округу. Толпа любопытныхъ также сбѣжалась смотрѣть меня, оставя дома свои, въ коихъ они давно уже покоились; но такъ какъ деревня сія не пользовалась пышнымъ названіемъ Конакъ-Кента, какъ предъидущая, то я безъ всякихъ околичностей прогналъ докучливыхъ и на другой день не успѣлъ прибыть въ Шемаху, а спустившись въ обширную долину рѣки Перисагата, остановился ночевать въ маленькой и бѣдной деревушкѣ Татарской, носящей также имя Конакъ-Кента, но гдѣ и тѣни гостепріимства не было замѣтно. На слѣдующій день я пріѣхалъ къ обѣду въ Шемаху и засталъ всѣ окрестности города покрытыми снѣгомъ. Хотя разстояніе по сей дорогѣ отъ Кубы до Шемахи и считается только 100 верстъ, но я полагаю ихъ до 140. Дорога сія занимательна дикостью ущелій, по коимъ она проведена; по многимъ мѣстамъ она даже опасна, будучи весьма узка и идя по крутымъ скалистымъ покатостямъ горъ. Я доволенъ, что проѣхалъ ею и въ другой разъ неиначе бы рѣшился безъ надобности ѣхать по ней какъ лѣтомъ.

Въ Старой Шемахѣ былъ комендантомъ пріятель мой подполковникъ Старковъ, который принялъ меня съ удовольствіемъ и былъ очень радъ моему пріѣзду. Въ то время находился тамъ и прежній комендантъ подполковникъ Высоцкій, надъ коимъ пріѣхавшій генералъ-маіоръ Мерлинъ производилъ слѣдствіе по многимъ злоупотребленіямъ имъ сдѣланнымъ, за что̀ онъ былъ отрѣшенъ отъ должности. Высоцкій былъ одинъ изъ приверженцевъ Ладинскаго (моего предмѣстника по полку) и поддержанъ покойнымъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ полковникомъ Наумовымъ, который умеръ въ теченіе прошлаго лѣта. Ладинскій, видя, что онъ не могъ устоять безъ сильной помощи при главнокомандующемъ, завладѣлъ совершенно Наумовымъ, который въ немъ души не зналъ; онъ имѣлъ своихъ приверженцевъ, посредствомъ которыхъ дѣйствовалъ по всей Грузіи, и по его назначеніямъ смѣнялись пристава, коменданты и сажались на ихъ мѣста люди нужные ему для совершенія мошенническихъ дѣлъ. Наумовъ однако кажется былъ честнымъ человѣкомъ, и вины его должны быть болѣе послѣдствія слѣпой довѣренности его къ Ладинскому, чѣмъ намѣренныя. Пользуясь довѣренностью Алексѣя Петровича, онъ успѣвалъ все дѣлать въ пользу Ладинскаго, котораго главнокомандующій зналъ за мошенника

и не велѣлъ даже пущать къ себѣ. Впрочемъ, я самъ слышалъ отъ Алексѣя Петровича, что онъ обвинялъ Наумова въ важныхъ ошибкахъ и грѣхахъ. Ладинскому надобно было овладѣть Наумовымъ со слабой его стороны; такъ какъ явно деньгами ему не удалось бы склонить его, онъ провѣдалъ въ немъ пристрастіе къ женщинамъ и подвелъ къ нему прокуроршу Мелину, платя ей за то въ видѣ вспомоществованія большія деньги. Развратная жена и нужда были причиною тому, что прокуроръ рѣшился украсть мѣшокъ съ червонцами изъ казначейства казенной экспедиціи. Она и дѣти ея умерли въ дорогѣ на обратномъ пути въ Россію, а прокуроръ самъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Женщина сія, кромѣ собственнаго явнаго разврата, развратила также многихъ другихъ и поселила раздоръ во многихъ семействахъ. Послѣ сего Ладинскій обратился къ другой женщинѣ. Въ Тифлисѣ была нѣкая княгиня Сумбатова, недурная собой и коей мужъ, человѣкъ глупый, безтолковый, снисходительный и добрый, согласился уступить, по исканіямъ Ладинскаго, жену свою Наумову; но для сего надобно было наградить значительно и мужа, и жену. Вотъ какъ сіе сдѣлалось. Въ Борчалинской дистанціи находился приставомъ отставной маіоръ Харьковскаго драгунскаго полка Брежинскій, человѣкъ простой и неспособный къ сему дѣлу; но онъ правилъ гораздо честнѣе Ладинскаго. Такъ какъ 7-й карабинерный полкъ, коего Ладинскій былъ командиръ, расположенъ въ сей дистанціи, то ему весьма выгодно было бы имѣть ее подъ своимъ управленіемъ. Онъ сдѣлалъ доносъ на Брежинскаго въ злоупотребленіяхъ, имъ производимыхъ по дистанціи, и устроилъ дѣло такимъ образомъ, что его же назначили для произведенія слѣдствія надъ обвиненнымъ имъ. Онъ уговорилъ многихъ жителей принести присягу въ утвержденіе его показаній, и послѣ того приставъ былъ преданъ суду въ исполнительной экспедиціи по волѣ главнокомандующаго. Какъ ни розыскивали дѣло, но его совершенно обвинить не могли; открыли небольшія злоупотребленія весьма простительныя, именно, что жители сами дѣлали ему бездѣльные подарки, какъ-то одну или двухъ лошадей, нѣсколько незначущихъ ковровъ, иногда барана и прочее. Приставъ оправдался; но, дабы отмстить Ладинскому, онъ открылъ разные поступки его, которые, какъ я слышалъ отъ Ивана Александровича, дѣлали его преступникомъ. Ладинскій не могъ оправдаться. Говорятъ, что онъ участвовалъ въ побѣгѣ Александра-царевича, котораго онъ также назвался было ловить; что онъ передавалъ за большія деньги письма въ Персію и сообщалъ туда важныя бумаги, содержаніе коихъ онъ узнавалъ посредствомъ своихъ приверженцевъ. Я бы не рѣшился по однимъ слухамъ воспріять о немъ такого дурнаго

мнѣнія (хотя всѣ поступки его явно отвращали отъ него всякаго порядочнаго человѣка), но меня въ семъ увѣрилъ самъ Алексѣй Петровичъ, который о немъ относился самымъ презрительнымъ образомъ. Не менѣе того онъ умѣлъ снискать себѣ защитниковъ въ князѣ Горчаковѣ, которому помогъ въ званіи посредника въ сдачѣ 41-го егерскаго полка подполковнику Авенаріусу, и въ П. Н. Ермоловѣ, который, по добродушію своему, не зналъ дурнаго человѣка въ свѣтѣ. Приставъ былъ уволенъ отъ должности и уѣхалъ въ Россію; но съ сего времени и Ладинскій совершенно потерялся во мнѣніи Алексѣя Петровича, который помнилъ еще, что если бы не уѣхалъ отсюда вскорѣ маркизъ Паулучи (бывшій главнокомандующій въ Грузіи), то бы Ладинскій былъ солдатомъ за воровство, коимъ онъ занимался во время Персидской войны и голода, когда онъ самъ былъ приставомъ Борчалинской дистанціи и оставлялъ войска безъ провіанта. Онъ тогда былъ отрѣшенъ отъ должности и скитался по деревнямъ безъ мѣста; но отъѣздъ маркиза спасъ его, и Ртищевъ, смѣнившій Паулуччи, помогъ ему подняться и даже далъ ему полкъ. Старикъ сей былъ завлеченъ окружавшими его, которыхъ Ладинскій всѣхъ успѣлъ подкупить. Не менѣе того, послѣ сего происшествія Ладинскій еще держался и успѣлъ доставить, посредствомъ Наумова же, мѣсто Борчалинскаго пристава князю Сумбатову, коего жену доставилъ Наумову и самъ былъ ея любовникомъ. Чета, а болѣе мужъ и Наумовъ, остались довольными; но надобно было и жену наградить. Онъ заставилъ Наумова выстроить ей каменный домъ въ Тифлисѣ, на что̀ и далъ ему своихъ нижнихъ чиновъ, и самъ пользовался тѣмъ, что въ пріѣзды свои въ Тифлисъ останавливался и жилъ въ семъ домѣ, сборищѣ развратныхъ женщинъ и единомышленныхъ заговорщиковъ его. Распоряженія сіи доказывали хитрый и изобрѣтательный умъ его; всѣ остались довольными, и онъ получилъ желаемое.

Бѣгство Мустафы-хана Ширванскаго оставляло мѣсто комендантское вакантнымъ въ Ширванѣ; туда былъ назначенъ пріятель же Ладинскаго подполковникъ Высоцкій. Генералъ Мадатовъ, начальникъ трехъ ханствъ, былъ въ явной ссорѣ съ Ладинскимъ; но тайныя сношенія ихъ были непонятны. Онъ былъ друженъ съ Наумовымъ, и они иногда видались другъ у друга и не дѣлали себѣ взаимно никакого зла. Сокровища ханскія, на полученіе коихъ льстилась казна, исчезли, тогда какъ всѣмъ извѣстно было, что ханъ не могъ увезти ихъ и бѣжалъ безо всего, съ одною женою своею и нѣсколькими только слугами. Макаевъ, грубый Грузинъ и вѣроятно корыстолюбивый, былъ тогда приставомъ въ Ширванѣ; по прибытіи своемъ въ Тифлисъ, онъ

былъ посаженъ подъ арестъ, хотѣлъ что-то объявить начальству, послана была къ нему коммисія, и онъ внезапно умеръ.

Высоцкій, прибывъ въ Ширванъ, захотѣлъ поживиться въ сей богатой землѣ. Онъ много на себя взялъ, выдалъ себя за родственника Алексѣя Петровича, получалъ большіе подарки отъ жителей, кромѣ того получалъ большія выгоды отъ различныхъ употребленій, и какъ послѣ говорили, отправилъ однажды цѣлый обозъ къ Ладинскому. Но куда дѣлись вещи сіи, неизвѣстно; знаютъ только, что Ладинскій, уже сбиравшійся выѣхать изъ Грузіи и ожидавшій меня для сдачи полка, отправилъ въ Россію также большой обозъ и такъ скоро, что начальство не успѣло и освидѣтельствовать прибывшихъ верблюдовъ изъ Ширвана; а потому и полагаютъ, что онъ былъ участникомъ въ утаеніи ханскихъ сокровищъ, что̀ весьма легко можетъ статься. Говорятъ, что и самъ Мадатовъ былъ въ семъ дѣлѣ участникомъ. Онъ былъ нѣкоторое время въ немилости у Алексѣя Петровича, что̀ было весьма замѣтно; но дѣло сіе, развертывающееся въ отсутствіе главнокомандующаго изслѣдованіями И. А. Вельяминова, вдругъ замялось по прибытіи главнокомандующаго, неизвѣстно почему; но если справедливы слухи о семъ, то вѣроятно потому, чтобы не запутать Мадатова, столь выхваленнаго имъ предъ Государемъ и безпримѣрно щедро награжденнаго богатѣйшимъ имѣніемъ въ Карабахѣ.

Ширванскіе беки и народъ не могли долѣе терпѣть притѣсненій, дѣлаемыхъ имъ Высоцкимъ, и по наущенію генерала Мадатова первые пріѣхали въ Тифлисъ жаловаться Алексѣю Петровичу на своего начальника. Его вызвали изъ Ширвана, и онъ долго находился въ Тифлисѣ, между тѣмъ какъ дѣло его разсматривали. Поводомъ къ сему обстоятельству былъ случай, который я узналъ слѣдующимъ образомъ. Будучи еще въ началѣ 1822 года въ Тифлисѣ, я часто видалъ Высоцкаго, съ которымъ прежде едва былъ знакомъ, и не зналъ настоящей причины, по которой онъ такъ долго жилъ въ Тифлисѣ. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ, и когда всѣ посторонніе вышли, онъ показалъ мнѣ секретное предписаніе къ нему И. А. Вельяминова, въ коемъ было сказано, что, не взирая ни на какія обстоятельства, онъ долженъ былъ приступить къ розыску дѣла, въ коемъ нечего ему опасаться мщенія отъ своего непосредственнаго начальника Мадатова, ибо онъ исполнялъ симъ свою обязанность. Когда онъ былъ въ Ширванѣ, онъ доискался, что Мадатовъ переселилъ оттуда до 300 дворовъ въ Карабахъ на тѣ земли, о утвержденіи коихъ за нимъ старался Алексѣй Петровичъ у Государя, и написалъ сіе въ письмѣ къ Наумову, который показалъ письмо И. А. Вельяминову, а сей послѣдній далъ предписаніе розыскать дѣло, на что̀ Высоцкій отвѣчалъ, что

не могъ приступить къ розыску дѣла обвиняющаго его начальника. Въ отвѣтъ на сіе получилъ онъ отъ него секретное предписаніе, которое показалъ мнѣ. «Вотъ за что меня гонятъ, сказалъ онъ мнѣ, вотъ какъ я невинно попался. Теперь меня здѣсь держутъ безъ всякаго дѣла и даже не объявляютъ причины, за которую меня держутъ; хотя бы нарядили слѣдствіе или судъ, то бы я доволенъ былъ. Узнайте вину мою, окажите мнѣ сію милость, я болѣе ничего не прошу; или помогите мнѣ совѣтомъ, какъ узнать ее. Я хочу писать письмо Алексѣю Петровичу; совѣтуете ли мнѣ сдѣлать сіе? Я отвѣчалъ ему, что для узнанія вины его самое лучше средство сходить къ Алексѣю Петровичу или Ивану Александровичу и спросить о ней, если онъ полагалъ себя невиннымъ; письмо же писать я не совѣтовалъ ему, потому что средство сіе не понравится Алексѣю Петровичу. Онъ благодарилъ меня и вышелъ. Я въ тотъ же день, сострадая о немъ, былъ у Вельяминова и, заведши разговоръ, старался узнать мнѣніе, которое онъ о немъ имѣлъ, и получилъ самый неблагопріятный отзывъ: его называли преступникомъ, мошенникомъ и всѣми именами уличеннаго въ большихъ злоупотребленіяхъ. Я догадался изъ сего, что дѣло его вѣрно уже разобрано и что онъ обманулъ, представилъ себя незнающимъ вины своей, для того единственно, чтобы вывѣдать отъ меня что-нибудь или найти во мнѣ человѣка, который бы по незнанію дѣла сталъ бы просить о немъ. Но я болѣе еще въ семъ увѣрился, когда въ тотъ же или на другой день, зашедши къ Мадатову, засталъ его въ сильномъ безпокойствѣ. Первое слово его было о Высоцкомъ. «Вы не хорошо сдѣлали, сказалъ онъ мнѣ, что совѣтовали Высоцкому писать къ Алексѣю Петровичу; онъ написалъ, и главнокомандующій былъ очень недоволенъ симъ».—«Я ему не совѣтовалъ, отвѣчалъ я, а напротивъ того отговаривалъ его отъ сего, сказавъ, что къ сему средству, которое неприлично, должно бы только приступить уже въ самой крайности, когда бы онъ не въ состояніи былъ самъ спросить начальство о винѣ своей».—«Зачѣмъ же онъ у васъ былъ?» спросилъ Мадатовъ.—«Онъ приходилъ за совѣтомъ».—Были ли при томъ посторонніе?»—«Никого не было».—«И вы никому о семъ не говорили?—«Никому»—«Черезъ кого же могло бы сіе выдти?»—«Вѣроятно черезъ Высоцкаго».—«Итакъ, вы видите, съ какимъ человѣкомъ вы дѣло имѣли. Теперь же я скажу вамъ, что онъ давно уже какъ былъ разруганъ главнокомандующимъ за его вины, и не велѣно ему туда и ходить. Онъ весьма хорошо знаетъ свои грѣхи и былъ подосланъ къ вамъ отъ шайки своихъ покровителей, Ладинскаго и Наумова, которые не могутъ дѣло его поправить». Я удивился и радъ былъ, что не вмѣшался въ сіе дѣло, особливо услышавъ имена людей,

изъ коихъ перваго гнушался, а другаго убѣгалъ, какъ глупаго и грубаго человѣка, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ я въ ссорѣ былъ и о связи коихъ съ Высоцкимъ я ничего не зналъ. Я оправдался у Мадатова, хотя и его считалъ не лучше сихъ двухъ, и болѣе не видалъ у себя Высоцкаго, который, вѣроятно, отъ него же узналъ, что я уже извѣстенъ о его дурныхъ намѣреніяхъ. Дѣло Высоцкаго продолжалось, и онъ теперь смѣненъ Старковымъ, бывшимъ Кубинскимъ комендантомъ.

Въ теченіе лѣта Наумовъ ѣздилъ на воды Кавказскія и, обручившись тамъ съ дѣвицею Бахметьевой, въ которую онъ былъ влюбленъ и которая его терпѣть не могла, возвратился въ Тифлисъ женихомъ и ожидалъ невѣсты своей, какъ вдругъ смерть скоропостижно застала его и открыла всѣ дѣла. Ладинскій въ то время былъ въ Тифлисѣ. Онъ много плакалъ, называя Наумова своимъ единственнымъ другомъ; но слезы его были вѣроятно притворныя: онъ мыслилъ только о томъ, чтобы достать всѣ бумаги и письма покойнаго и истребить всѣ тѣ изъ оныхъ, которыя могли бы обнаружить его собственные поступки. Ему удалось сдѣлать сіе: объявивъ, что Наумовъ ему передъ смертью поручилъ ихъ, онъ ихъ взялъ, большею частію, и многое скрылъ черезъ сіе. Но другая часть попалась Ивану Александровичу, который по нимъ сталъ открывать всѣ связи и дѣйствія сего общества. Алексѣй Петровичъ не хотѣлъ терпѣть сего, объявивъ, что мертвыхъ судить не будетъ, самъ прочелъ нѣкоторыя бумаги и всѣ сжегъ, желая черезъ то спасти отъ поношенія память человѣка, къ которому онъ имѣлъ слишкомъ большую довѣренность и вмѣстѣ съ симъ спасъ и Ладинскаго, коего дѣла онъ узналъ, но не преслѣдовалъ его, потому что тотъ уже оставлялъ Кавказскій корпусъ. Можетъ быть, причиною сему служило и то, что въ сихъ дѣлахъ былъ замѣшанъ Мадатовъ, котораго онъ не могъ преслѣдовать за злоупотребленія, представивъ его столь отличнымъ образомъ Государю. Съ тѣхъ поръ Ладинскій совершенно потерялся въ мысляхъ начальства и не поправилъ мнѣнія о себѣ; дѣла же сіи остались скрыты.

Увидясь въ Ширванѣ съ Высоцкимъ, я не могъ не вспомнить поступка его противъ меня. Я не напоминалъ ему объ ономъ, но видно было, что и онъ помнилъ его. Я не болѣе двухъ разъ видѣлся у Старкова съ нимъ и принялъ его холодно.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ о Старой Шемахѣ въ сихъ запискахъ, имѣя нѣсколько разъ случай видѣть ее; но теперь она

заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ прежде. По изгнаніи или побѣгѣ Ширванскаго Мустафы-хана, новая столица Фитагъ, находящаяся на высокихъ горахъ въ 40 верстахъ почти отъ большой дороги, была истреблена по приказанію нашего правительства, и всѣ жители переведены въ развалины Старой Шемахи. Сіе случилось въ 1821 году. Жителямъ симъ, проведшимъ съ трудомъ зиму въ шалашахъ и кибиткахъ, не позволяли строиться, потому что городъ сей хотѣли выстроить по плану, который еще не былъ утвержденъ главнокомандующимъ. Лѣто 1822 года и часть прошедшей зимы прошли также въ ожиданіи сего разрѣшенія. Безпокоиваемые непогодою, стужею и зноемъ, многіе просили позволенія строиться, и имъ позволили, наконецъ, сдѣлать сіе, взявъ подписку съ нихъ, что по первому требованію правительства они безпрекословно сломаютъ сіи дома и выстроятъ новые на тѣхъ мѣстахъ и по тѣмъ планамъ, которые имъ укажутъ. Они принуждены были согласиться на сіе изъ нужды, выстроили базаръ и нѣкоторые дома; но главнокомандующій въ проѣздъ свой зимою въ семъ году въ Шемаху, кажется, разрѣшилъ имъ строиться по новому плану, который утвердилъ. Не менѣе того я уже засталъ въ проѣздъ свой множество новаго строенія въ городѣ, обширный базаръ и многіе домики среди обширныхъ и величественныхъ развалинъ. Правда, что новыя строенія сіи были самыя пустыя, такъ что и оставить не могло быть жаль. Новый городъ сей долженъ быть одинъ изъ многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Грузіи, ибо жители ханства сего богаты и ведутъ значительную торговлю. Медленность правительства нашего въ позволеніи строиться внушила недовѣрчивость въ жителяхъ къ намъ; если же заставятъ ихъ еще строиться по Европейскимъ фасадамъ, сіе будетъ самое вѣрное средство совершенно расположить народъ противъ насъ и довершить къ намъ ненависть и неуваженіе, вселенныя до сего также злоупотребленіями чиновниковъ нашихъ. Я узналъ въ Шемахѣ, что Алексѣй Петровичъ, выѣхавъ изъ Тифлиса, намѣревался проѣхать въ Карабахъ, откуда хотѣлъ прибыть въ Шемаху. Имѣя надобность видѣться съ нимъ и опасаясь разъѣхаться съ нимъ въ Елисаветполѣ, я ожидалъ извѣстія о выѣздѣ его изъ сего города, чтобы самому немедленно отправиться въ Шушу по прямой дорогѣ, переправляясь черезъ Куру въ Зардабѣ. Сіе самое понудило меня провести около 5 или 6 дней въ Старой Шемахѣ. Наконецъ, не дождавшись настоящаго отвѣта, я пустился въ путь, ночевалъ первую ночь въ Новой Шемахѣ, вторую, послѣ 35 или 50 верстнаго перехода влѣво отъ большой дороги, въ деревнѣ называющейся, помнится мнѣ, Гардемуръ, а на третью прибылъ въ Зардабу, послѣ 40 слишкомъ верстъ ѣзды,

гдѣ ночевалъ на лѣвомъ берегу у Куры у тамошняго бека Рагима, который надоѣлъ мнѣ хвастовствомъ своимъ и несноснымъ гостепріимствомъ подобнаго Конахъ-Кентскому. Со мною былъ Туркменъ Якши-Магмедъ и слуга его, прочихъ же людей своихъ съ лошадьми и вьюками я отправилъ по прямой дорогѣ въ Елисаветполь, гдѣ они должны были дожидаться меня.

На другой день, переправясь черезъ Куру и проѣхавъ около 40 верстъ, я прибылъ ночевать въ деревню Карабахскаго ханства, начинающагося уже у самой Куры. Тамъ я засталъ на ночлегѣ всю Ширванскую конницу, составленную изъ лучшихъ и богатѣйшихъ бековъ, которые ѣздили встрѣчать Алексѣя Петровича, проводили его до Шушинской горы въ Карабахѣ и на обратномъ пути своемъ расположились въ сей деревнѣ ночевать. Встрѣча сія главнокомандующему, приготовленная Мадатовымъ, была довольно пышная: всѣ беки, всадники и наѣздники трехъ ханствъ Ширванскаго, Нухинскаго и Карабахскаго, были собраны въ самыхъ богатыхъ сбруяхъ и одеждахъ своихъ на первомъ посту отъ Елисаветполя къ Карабаху и встрѣтили Алексѣя Петровича съ пальбою и ристаніемъ.

Съ сего ночлега переѣхалъ я еще около 40 верстъ, въ сопровожденіи посланнаго со мною Рагимъ-бекомъ племянника его, и прибылъ ночевать въ небольшую деревню, лежащую у подошвы Карабахскихъ горъ, а на другой, выѣхавъ въ горы, прибылъ въ Шушу, гдѣ и явился въ тотъ же день къ главнокомандующему, который меня принялъ ласково, нисколько не думая о происшествіи Износкова, столько меня занимавшемъ. Я прибылъ въ Шушу, помнится, 24-го числа и засталъ тамъ также генерала Мадатова и подполковника Реута, командира 42 егерскаго полка, расположеннаго при Чанахчаѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Шуши.

Я хотѣлъ однакоже поговорить съ Алексѣемъ Петровичемъ на счетъ дѣла Износкова и поручилъ Воейкову намекнуть ему, что меня очень безпокоило замѣчаніе, мною полученное по сему предмету. На другой день ввечеру, за ужиномъ, разговорились о Таркахъ, и я не упустилъ случая напомнить ему, что я освободилъ 46 Русскихъ изъ Акуши, въ бытность мою тамъ. Онъ вѣрно былъ дурно расположенъ въ то время; ибо, вмѣсто похвалы, я заслужилъ отъ него замѣчаніе, что мы, частные начальники, разстраиваемъ миръ и дружбу, которую онъ пріобрѣтаетъ съ неповиновавшимися намъ доселѣ народами. Я сказалъ ему, что дѣлалъ сіе по приказанію его, объявленному мнѣ начальникомъ штаба его письменно, и замолчалъ. Разговоръ сей еще

болѣе далъ поводу мнительности моей думать о своей службѣ, и 28-го числа, поутру, я пришелъ къ нему проститься, не зная еще, что́ предпріиму по прибытіи въ Тифлисъ, и полагая, что самое лучшее будетъ отказаться отъ полка; но онъ почувствовалъ обиду мнѣ нанесенную. Прежде всего началъ онъ разговоръ о строеніяхъ Тарковской крѣпости. Я обязанъ былъ ему правду сказать и, вопреки неудовольствій, которымъ подвергался черезъ сіе со стороны начальника штаба, объявилъ ему, сколь несообразно со здравымъ распоряженіемъ построеніе сей крѣпости, сколь дорого стоили, и людьми, и деньгами, плохія известковыя крыши, тогда какъ опытъ прошлаго года удостовѣрялъ въ непрочности ихъ; что отъ сего средства погнили потолки казармъ и, показавъ ему, что на сей счетъ можно бы уже давно покрыть всѣ казармы желѣзомъ, не изнуряя людей и не озлобляя жителей на насъ безмѣрными требованіями, говорилъ о несообразности архитектуры сей крѣпости и дурномъ выборѣ мѣста, а также и о дурномъ расположеніи жителей. Ему было непріятно слушать сіе, и я можетъ быть неосторожно сдѣлалъ; ибо ошибки сіи, слишкомъ явныя, относились на счетъ начальника штаба; но я не расположенъ былъ никого щадить, видя, что всѣ труды мои ни во что ставились.

„Я слышалъ, продолжалъ онъ, что ты полагаешь меня, недовольнымъ тобою за арестованіе Износкова? Пустое! Я знаю тебя и имѣю полную довѣренность къ тебѣ, знаю труды твои; но не должно было арестовать Георгіевскаго кавалера: это противно уставу“.

„Я прошу васъ объ его прощеніи, сказалъ я. Извините меня, если я васъ такъ безпокоилъ своею жалобою; но я не видалъ другихъ средствъ къ укрощенію его; впрочемъ я просилъ объ удаленіи его только на время командованія моего; ему послужитъ урокомъ сіе наказаніе; теперь же прошу васъ возвратить ему баталіонъ“.—„Нѣтъ, сказалъ онъ, обнявъ меня, не дамъ ему баталіона; я самъ мерзавцевъ не терплю, и онъ не будетъ служить у меня въ корпусѣ; но я доставлю ему отставку“. И въ самомъ дѣлѣ Износковъ получилъ ее съ повышеніемъ чина и, кажется, съ пенсіономъ половиннаго жалованья.

„Не полагай, чтобы я сомнѣвался въ справедливости твоей, сказалъ мнѣ Алексѣй Петровичъ; поѣзжай теперь въ Тифлисъ. Пора полкъ принимать. Предупреждаю тебя, что будешь имѣть дѣло съ Ладинскимъ, первымъ и естественнымъ мошенникомъ; не вѣрь ему, будь крайне остороженъ и не торопись, чтобы онъ тебя не обманулъ“.

Я простился съ нимъ. Разговоръ сей вознаградилъ всѣ безпокойства, перенесенныя мною въ теченіе 4 или 5 мѣсяцевъ, и я вышелъ отъ него довольнымъ. Онъ принялъ ласково Якши-Магмеда и приказалъ, по просьбѣ моей, продолжать ему дачу столовыхъ денегъ, которыя онъ прежде получалъ.

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Шуши, я въ тотъ же день, послѣ прощанія съ Алексѣемъ Петровичемъ, пошелъ къ подполковнику Реуту. Домъ его былъ обставленъ пѣхотою; я вошелъ и увидалъ у него на постелѣ сидящаго Джафаръ-Кули-агу Карабахскаго, прощающагося съ дѣтьми и матерью.

Побѣгъ или изгнаніе Карабахскаго Мехти-Кули-хана случились лѣтомъ 1822 года, по стараніямъ правительства, желавшаго овладѣть симъ ханствомъ. Мехти-Кули былъ человѣкъ боязливый, развратнаго поведенія, пьяный и проматывалъ ужасныя доходы свои на людей, кои удовлетворяли неукротимую страсть его къ.... Ему стоили напитки до 80,000 червонцевъ въ годъ, и онъ никогда ничего не имѣлъ. Желая удержаться въ своемъ ханствѣ, онъ не замедлилъ утвердить за Мадатовымъ земли и деревни, принадлежащія Шахъ-Назаровымъ, въ надеждѣ на его покровительство; но Мадатовъ, получивъ ихъ, не замедлилъ взять на себя порученіе склонить его къ побѣгу, такъ какъ и Ширванскаго хана. Мехти-Кули-ханъ бѣжалъ, опасаясь, по разнымъ подложнымъ наговорамъ, чтобы его въ Россію не увезли, и облагодѣтельствованный имъ Мадатовъ былъ орудіемъ правительства въ семъ случаѣ, такъ какъ и въ изгнаніи Ширванскаго хана и въ отравленіи Нухинскаго.

Джафаръ-Кули-ага, который имѣлъ права на ханство, былъ любимъ народомъ въ Карабахѣ и врагъ хану. Когда ханъ бѣжалъ, полагая, что онъ заступитъ его мѣсто, онъ прострѣлилъ себѣ руку въ двухъ мѣстахъ пулями самымъ осторожнымъ образомъ, и распустилъ слухъ въ народѣ, что ханъ при выѣздѣ своемъ хотѣлъ его убить и ранилъ его; я же полагаю, что онъ былъ наученъ къ сему Мадатовымъ для того, чтобы имѣть достаточный предлогъ выслать его за сей поступокъ въ Россію и завладѣть совершенно ханствомъ. Но какъ его заставили молчать о данномъ ему совѣтѣ Мадатовымъ, того не понимаю; вѣроятно страхомъ, ибо онъ меня всегда увѣрялъ, что его ранили ханскіе слуги при побѣгѣ его.

Джафаръ-Кули-ага, молодой человѣкъ, молодецъ собой, бойкій и довольно образованный, былъ намъ всегда естественный врагъ. Онъ приводилъ Абабъ-Мирзу въ 1811 году съ войскомъ, когда онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ остатки Троицкаго баталіона въ Карабахѣ. Онъ послѣ того получилъ прощеніе и позволеніе возвратиться, но былъ замѣченъ съ дурной стороны правительствомъ, былъ захваченъ и везомъ въ Россію за конвоемъ, но въ 4-хъ переходахъ отъ Шуши бѣжалъ отъ провожавшихъ его казаковъ; вторично былъ прощенъ, возвратился изъ Персіи и нынѣ захваченъ въ квартирѣ Реута, куда онъ былъ зазванъ будто за другимъ дѣломъ. Ему дали только два часа времени собраться въ дорогу и проститься съ родными.

Я его засталъ въ семъ положеніи. Онъ былъ крайне изумленъ. Съ нимъ находился сынъ его Керимъ, 15-ти лѣтній мальчикъ, который обучался въ Тифлискомъ училищѣ и вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ. Народъ, любящій его, собирался толпами на площадяхъ и улицахъ и рядилъ о участи его.

Я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Шуши и ночевалъ на Поджалинскомъ посту, гдѣ засталъ д. с. с. Могилевскаго и П. Н. Ермолова, ѣдущихъ въ Шушу для описи ханства, открытія доходовъ и введенія нашего правительства. Въ туже ночь прибылъ туда и Джафаръ-Кули-ага, съ сыномъ своимъ Керимомъ, въ сопровожденіи казачей и пѣшей команды, подъ надзоромъ войсковаго старшины Грекова.

Петръ Николаевичъ, ослѣпленный Ладинскимъ, превозносилъ мнѣ его отличныя качества и хорошее состояніе полка; но я уже былъ предупрежденъ Алексѣемъ Петровичемъ, который самъ говорилъ: „братъ мой Петръ въ немъ души не знаетъ и не видитъ его мошенничествъ; его никакъ не разувѣришь на счетъ Ладинскаго“. И въ самомъ дѣлѣ, сколько я ни увѣрялъ Петра Николаевича въ противномъ, все было тщетно: онъ прямо за него заступался, увѣря, что Алексѣй Петровичъ обманутъ. Наконецъ, я пересталъ говорить, видя, что мои слова напрасны, и взялъ даже отъ добраго Петра Николаевича (увѣрившагося молчаніемъ моимъ, что я перемѣнилъ свое мнѣніе) письмо отъ него къ Ладинскому, гдѣ онъ меня описывалъ преданнымъ человѣкомъ ему, съ коимъ не трудно будетъ кончить дѣло о сдачѣ полка.

Вторая ночь меня застала на Тертерѣ, гдѣ ночевалъ и Джафаръ-Кули-ага, въ сопровожденіи одной казачьей команды. Всю дорогу до Тифлиса я съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ и игралъ по вечерамъ въ шахматы. Онъ очень безпокоился на счетъ своей участи и все спрашивалъ ме-

ня, куда его везутъ, отпустятъ ли его въ Петербургъ, позволятъ ли ему въ службу вступить и не лишится ли онъ носимаго имъ чина полковника. По незнанію моему, я не могъ ему отвѣчать на сіи вопросы и старался его всячески утѣшать въ его несчастіи, проводя съ нимъ довольно пріятно вечера на станціяхъ.

На третій день я прибылъ въ Елисаветполь, гдѣ пробылъ два дни и проводилъ время свое съ Пономаревымъ, принимавшимъ меня съ извѣстнымъ его гостепріимствомъ. Кажется, что я 31-го числа выѣхалъ оттуда и встрѣтился на Шамхорѣ опять съ Джафаръ-Кули-агой, котораго провожалъ уже казачій подполковникъ Долотинъ до Демургасава, гдѣ выѣхалъ къ нему на встрѣчу переводчикъ маіоръ Назаровъ, который уже повезъ его въ Россію и, привезши въ Симбирскъ, возвратилъ ему жалованную отъ Государя саблю, оставилъ его, а самъ возвратился въ Тифлисъ *).

*) Писано 31 Декабря 1823 года въ Башкегегѣ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1854-й годъ *).

Апрѣль. Теперь, по вскрытіи Невы и прочтеніи приказовъ Непира, всѣ трубятъ и злые, и добрые: „Во всемъ виноватъ князь Меньшиковъ. Онъ не умѣлъ заготовить ни одного винтоваго корабля, запустилъ все вѣдомство, не знаетъ своей обязанности, преданъ любимцамъ, думаетъ объ остротахъ, а во время посольства не сумѣлъ воспользоваться выгодою своего положенія... бравадами своими возстановилъ противъ насъ даже партію, преданную нашимъ видамъ". Правда-ли все это? А между тѣмъ, громъ военныхъ дѣйствій уже раздается на Балтикѣ и на Черномъ морѣ. Одесса обложена, Севастополь, Свеаборгъ, Кронштадтъ заперты. Однако у насъ въ Петербургѣ все скромно и тихо; опасеній мало, хотя движеніе войскъ чрезвычайно. „J'ai demandé à Papa", говорила одна великая княжна графинѣ Комаровской (которая мнѣ это пересказывала) „qu'il rétablisse l'empire Grec. Il m'a dit, qu'il ne sait lui-même ce qu'en sera fait par les puissances". Конечно, сказать трудно. Несомнѣнно то, Турціи не будетъ, и анекдотъ Константинопольскій оправдается: князь Меньшиковъ спросилъ Коранъ и требовалъ, чтобъ въ немъ были уничтожены нѣсколько строчекъ; Англо-Французы потребовали Коранъ и бросили его въ Босфоръ. Несомнѣнно, что теперь разыгрывается все таже драма 1848 года. Можетъ быть, что война продлится надолго, союзники утвердятся на Босфорѣ, намъ моря будутъ заперты.

Бомбардированіе Одессы, торжество Щеголевской батареи и награды. Ожиданіе нападеній на Кронштадтъ и Свеаборгъ, военныя мѣры по разнымъ частямъ города, пожертвованія, рвеніе молоде-

*) См. выше стр. 0232.

жи и новый наборъ по 12 съ тысячи. Удаленіе наше изъ Молдо-Валахіи и вступленіе въ Сербію Австрійцевъ; гадательное выжиданіе Германіи, которая конвенціей 9 Апрѣля (Augs. Zeit. № 124) связала себя съ западными державами, хотя все еще держится системы Мантейфеля: auf dem bisher verfolgten Wege in voller Einigkeit mit Oestreich und ganz Deutschland und im Einvernehmen mit den andern europäischen Grossmächten fortzuschreiten... Все это еще чревато событіями, послѣдствія которыхъ, едвали ожидаемыя, обнаружатся скорѣе, нежели думаютъ. Во всякомъ случаѣ съ той и другой стороны разочарованіе будетъ непремѣнно. Но посреди восторженныхъ пѣснопѣній всей Россіи, замѣчательно равнодушіе Петербурга, всегда эгоистическаго, и упреки Москвы, всегда оппозиціонной... Графиня Ростопчина написала стихи:

Пускай въ Россіи нѣтъ дворянъ,
Пускай всѣ Русскіе вельможи
Изъ Чухонъ, Ляховъ и Армянъ,
На Русскихъ вовсе не похожи;
  Пускай, наслѣдіе Петра,
Страшилище враговъ и внутреннихъ, и внѣшнихъ,
Вся наша гвардія осталася вѣрна
Названью прежнему—потѣшныхъ.
А слава древняя дружинъ,
Сословіе дѣтей боярскихъ,
На мѣсто теплое, иль заряся на чинъ,
Погрязло въ дрязгахъ канцелярскихъ,
И саблю замѣнивъ перомъ,
Кольчугу бранную позорнымъ вицмундиромъ,
Ярыжкамъ уподобилось во всемъ
И стало мерзостнымъ вампиромъ,
Который день и ночь сосетъ
Всѣ соки лучшіе изъ Русскаго народа
И даже ухомъ не ведетъ,
Что есть ужъ два изданья Свода;
  Пускай и самый нашъ народъ,
Врагъ ненавистныхъ иноземцевъ,
По праздникамъ мертвецки пьянъ,
По буднямъ трудится на Нѣмцевъ.
  Пускай казна истощена,
И намъ по прежнему пристала
Та фраза старая, что „наша Русь сильна,
Обильна, только въ ней порядка мало,“—

Все это ничего! Придетъ, придетъ пора:
Ударитъ часъ, возстанетъ Русь Святая,
И вотъ тогда изгонятъ васъ,
Наемниковъ иноплеменныхъ стая!...

А Хомяковъ въ стихотвореніи, ходящемъ по рукамъ, „Къ Россіи“, выразился еще сильнѣе въ религіозномъ своемъ одушевленіи. Онъ говоритъ:

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Я получилъ эти стихи отъ А. П. Глинки. Порицатели этихъ стиховъ находятъ однако пріятнымъ и распространять ихъ...
...Займы сдѣланы повсюду и еще будутъ сдѣланы: это не подлежитъ сомнѣнію. Текущихъ доходовъ едва достаточно для установившихся требованій, не говоря уже о тѣхъ расходахъ, которые придумываютъ династическіе интересы, случайная политика и несоразмѣрное возникновеніе требованій мелкихъ, но тѣмъ не менѣе жгучихъ и важныхъ. У насъ назначеніе частыхъ наборовъ и частныя пожертвованія (ихъ насчитываютъ теперь до 6 мил., включая сюда пожертвованія Яковлева 500 т., Штиглица 300 т., князя Юсупова 180 т., графа Шереметева 150 т.) ослабляютъ частныя достоянія и, при недостаткѣ сбыта за границу, окажутъ вліяніе на поступленіе подушной и земской подати, и можетъ оказаться огромный недочетъ. Съ другой стороны это должно имѣть вліяніе и на откупа, такъ что уже и теперь новая система свободной винопродажи отложена до 1857 года, и г. Броку предоставлено дискреціонное право, не производя торговъ, войти въ соглашеніе съ откупщиками, которые не упустятъ сей оказіи и не потеряютъ ни копѣйки... Кромѣ того уменьшится таможенный доходъ. Уменьшеніе важной этой статьи, и при томъ довольно значительное, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и 28 или 30 мил. сократятся по крайней мѣрѣ на половину. Чтò мы будемъ дѣлать? Сдѣлаемъ внутренній заемъ и выпустимъ билеты и серіи. Но это можетъ уронить курсъ и породить смущеніе. Уменьшить расходы? Но они уже уменьшены, и эта мѣра едвали принесетъ пользу. Министры и члены Совѣта втайнѣ радуются затрудненію новаго министра финансовъ; но чтò сами они сдѣлали бы въ данномъ случаѣ? Былъ у меня Г. И. Кузьминскій (начальникъ ссуд-

ной казны) и говорилъ, что пріемъ залоговъ и закладовъ такъ увеличился за последнее время, что казна хочетъ принять нѣкоторыя ограниченія, опасаясь и за недостатокъ денегъ, и за помѣщенія. Это не безъ связи съ событіями и не безъ вліянія на будущее.

Мы получили для разсмотрѣнія на консультаціи проэктъ Межеваго Устава. Послѣ инструкцій 1754 и 1766 годовъ, это третья попытка. Онъ составленъ въ 1835—1845 г. особымъ комитетомъ. Управляющій Межевымъ Корпусомъ М. Н. Муравьевъ такъ отзывается (на 83 стр. своей записки) объ этомъ Уставѣ: „Онъ вовсе не соотвѣтствуетъ настоящему направленію и развитію межевой части. Уставъ этотъ не могъ бы остаться въ своей силѣ и безъ всѣхъ перемѣнъ, совершившихся въ межевомъ управленіи; ибо въ Уставѣ или повторенъ дѣйствующій законъ, или безъ всякой практической необходимости допущены произвольныя и весьма серьезныя измѣненія въ противность 52 статьѣ Свода, не говоря уже о безпрестанной и совершенно ненужной перефразировкѣ существующихъ законовъ. Поэтому оставить проэктъ безъ разсмотрѣнія и безъ всякихъ послѣдствій“. О дѣйствующихъ межевыхъ законахъ (Св. Зак., т. X) статсъ-секретарь Блудовъ приложилъ особую записку, въ которой, между прочимъ значится (стр. 5), что „Сводъ такъ недостаточенъ, что можно исправить его только однимъ способомъ: новою передѣлкой всего Свода на основаніи коренныхъ законовъ, а въ особенности же на основаніи Межевой Инструкціи, которой ясность и послѣдовательность совершенно исчезла въ Сводѣ“ (стр. 8), что „сіи постановленія такъ сбивчивы, что даже трудно рѣшить, есть ли тутъ противорѣчія или нѣтъ“ и проч... И это говорятъ лучшіе сановники управленія и по важнѣйшей части государственнаго благоустройства!... Опаснѣйшій нашъ врагъ, это наше внутреннее управленіе.

Молодыя великія княгини ѣздили къ Сергію и путь до Москвы совершили въ 10 часовъ! Это птичій полетъ. Графъ Клейнмихель встрѣтилъ ихъ на станціи, и Марья Николаевна жаловалась, что ѣхали тихо. Надобно сказать правду, что желѣзная дорога идетъ у насъ хорошо: ни неисправностей, ни безпорядковъ, ни несчастій почти не было и нѣтъ. Но за то выручка нисколько не соотвѣтствуетъ издержаннымъ капиталамъ. Въ послѣднее время, когда насъ заперли съ Юга и съ Сѣвера, отправленіе и привозъ тяжестей значительно уменьшились и грозятъ совершенно прекратиться. Государь это зналъ и выразилъ, при самомъ началѣ дѣла, что дорога не будетъ окупаться, но что она важна въ государственномъ и военномъ отношеніяхъ.

Глупому дѣлу въ Силистрійской вылазкѣ, стоившей намъ такъ много народа, никто не вѣритъ. Говорятъ, что не можетъ быть, чтобъ дивизіонный генералъ С. рѣшился самъ на такое дѣло, вблизи, въ виду корпуснаго командира и самого главнокомандующаго и чтобъ въ такомъ неосновательномъ предпріятіи такъ неосновательно приняли участіе свитскій генералъ князь П. Урусовъ и флиг.-адъют. гр. Орловъ (раненый; мать уже поѣхала къ нему третьяго дня, а отецъ, какъ сказывалъ мнѣ Кочубей, плакалъ, выходя изъ кабинета Государя). Неблагонамѣренные говорятъ, что это ошибка самого Паскевича; другіе предполагаютъ, что это было просто недоразумѣніе. Къ этому непріятному слуху присоединилась и молва о сожженіи Улеаборга, едва-ли вполнѣ достовѣрная; ибо союзный флотъ щадитъ Финляндію.

Іюнь. Военныя обстоятельства все болѣе и болѣе налегаютъ на всѣхъ враждующихъ и особенно на насъ. Всякое плаваніе на двухъ моряхъ прекращено. Строгой блокады нѣтъ, но корабли берутся и нейтральные. Дѣйствія Австріи, обнародованіемъ актовъ Греческихъ дѣлъ, все болѣе и болѣе оказываются предательскими. Нѣтъ сомнѣнія, что обсерваціонная армія эрцгерцога Фердинанда вызываетъ и съ нашей стороны обсерваціонную армію барона Остенъ-Сакена, независимо отъ Дунайской арміи князя Горчакова (а князь Паскевичъ, оконфуженный, ѣдетъ въ Гомельское свое имѣніе). Адъютантъ Прусскаго короля, молодой Мантейфель, пріѣхалъ, опереженный Берлинскимъ военнымъ посланникомъ графомъ Бенкендорфомъ, конечно не съ предложеніемъ услугъ. Греція, Сербія и др. если не заняты, то будутъ заняты союзными войсками. Между тѣмъ кромѣ внутренняго займа въ 30 мил. р., кромѣ приношеній 20 мил., кромѣ экстраординарныхъ суммъ 11 мил., мы уже, черезъ посредство Штиглица, дѣлаемъ заемъ въ 50 мил. И это все еще въ началѣ. А потери на Балтійскомъ и Черномъ морѣ! Но все это ничего. Мы вытерпимъ и вынесемъ. Главное—нравственное униженіе.

Стихи Хомякова зашли далеко и вызвали два отвѣта. На выговоры графа Закревскаго за написаніе такихъ стиховъ Хомяковъ отвѣчалъ, что онъ не сочинялъ ихъ, а перевелъ со Славянскаго изъ молитвъ, читаемыхъ при молебствіи 25 Декабря. Черезъ Третье Отдѣленіе сочинителю запрещено не только печатать или распространять, но даже и читать друзьямъ эти стихи *).

*) Графъ Закревскій, лично знавшій Хомякова еще по службѣ его въ гвардіи (въ царствованіе Александра Павловича), хорошо знакомый и съ его

На нихъ отвѣчала графиня Ростопчина, 9 Апрѣля 1854 г.

Самъ Богъ сказалъ: „Чти мать свою!“
И грѣхъ тебѣ, о сынъ лукавый,
Когда, врагъ материнской славы,
Поносишь бранію неправой
Ты мать родимую свою и пр!...

Другой отвѣтъ, написанный тоже Московскою (Арсеньевой, ур. Камыниной), менѣе грозенъ и заносчивъ:

Стыдись, о сынъ неблагодарный,
Отчизну-матерь укорять,
И рѣчью жесткой и коварной
Покровы съ язвъ ея срывать!
То правда: древле гласъ Пророка
Каралъ въ бѣдахъ Ерусалимъ;
Но, чуждый страсти и порока,
Онъ духомъ Божьимъ былъ водимъ,
И вдохновенія лежала на немъ
Священная печать.
Но чья же власть намъ указала
Тебя пророкомъ почитать? и т. д.

18 Іюня. Ну, всѣ отдохнули: Паскевичъ болѣе не командуетъ арміей. Онъ поздно началъ и поздно кончилъ. Въ городѣ много говорятъ о письмѣ графа Сологуба. И точно, написано прекрасно. На 25 Іюня *) ожидаютъ нападенія соединенныхъ флотовъ на Кронштадтъ. Едвали, впрочемъ, оно будетъ. Однако ни эта медленность флотовъ, ни побѣда князя Андронникова не въ состояніи утвердить въ насъ увѣренности въ успѣхъ, ни вызвать хоть одного голоса въ Европѣ въ нашу пользу. Нашихъ Мейндорфовъ, Бруновыхъ Европа не удостоиваетъ и простыхъ сообщеній, а бумаги старика Нессельроде прямо называютъ канцелярскими придирками. Буря западная грозила намъ давно, и давно мы, не увѣреные въ Австріи и Пруссіи, желали имѣть на своей сторонѣ Англію. Этими союзами мы хотѣли окружить своевольную Францію и

———

матерью, призвалъ къ себѣ Хомякова и объявилъ ему повелѣніе не читать своихъ стиховъ даже и знакомымъ. „Ну а матушкѣ можно?“ спросилъ Хомяковъ. — „Можно, но только съ осторожностью“, отвѣчалъ улыбаясь тогдашній хозяинъ Москвы. *П. Б.*

*) День рожденія Николая Павловича. *П. Б.*

положить начало строгаго Русскаго порядка въ Европѣ. Путешествіе великихъ княгинь въ Англію и переписка Сеймура конечно не имѣли другой цѣли. Посольство Меньшикова, назначенное въ подражаніе графу Лейнингену, было поводомъ къ объясненію нашего положенія, и съ того времени отъ бравадъ и уступокъ мы пришли къ тому безвыходному состоянію, изъ котораго выведетъ насъ (хотя не время смѣяться) развѣ какой нибудь загадочный планъ примиренія старика Меттерниха. Очевидно, что событія выбили совершенно изъ колеи знаменитый тріумвиратъ: Меттернихъ, Абердинъ и Нессельроде. Дѣло идетъ о народныхъ массахъ, столкнулся Западъ съ Востокомъ. Мы пытались поправить дѣло бравадами. Занятіе княжествъ, Синопское дѣло, переходъ черезъ Дунай—все это отвѣты на надменныя предложенія Англо-Франціи. Бравады не помогли, напротивъ вызвали соотвѣтственныя мѣры. Наконецъ, насъ заперли на Югѣ и Сѣверѣ. Мы пытались поправить дѣло уступками: посольства графа Орлова, принца Мекленбургскаго, нота Нессельроде 17 Марта, чествованіе Англійскихъ плѣнныхъ, наконецъ инструкція князю Горчакову (Штутгардскому) въ Вѣну, въ отвѣтъ на требованіе объ очищеніи княжествъ и Дуная. И это не помогло! Пруссія, въ докладѣ графа Гольца о займѣ 30/м., обругала насъ; Австрія показала совершенное недовѣріе къ намъ, какъ видно изъ трактатовъ 20 Апрѣля. Прусскій король сказалъ:... que c'est avec un regret bien sincère que le roi se voit obligé à renoncer, pour le moment au moins, à cette attitude médiatrice, qui lui semblait prescrite et par les sentiments personnels, et par les intérêts de son pays, tant qu'il pouvait s'en promettre de salutaires résultats. Францъ-Іосифъ отвѣчаетъ, что онъ не можетъ обязаться за исполненіе того, что̀ не въ его власти. Франція, найдя поводъ (браваду Меньшикова) вмѣстѣ съ Англіей, настоящей нашей соперницей, никогда не думала согласиться на statu quo ante. На это была бы согласна Австрія; но теперь и она уже идетъ далѣе, и предательская политика ея, еще такъ недавно оглашенная въ исторіи Итальянской кампаніи Суворова и союзной войны Венгерской, снимаетъ личину и выставляетъ армію. Буоль-Шауенштейнъ, еще въ Январѣ, тихонько писалъ Англіи: „Русскіе продали свои корабли Грекамъ въ Тріестѣ. Принимайте мѣры; а теперь они прямо заключаютъ конвенцію съ Турціей о занятіи княжествъ и Сербіи“. Конечно предательская эта политика можетъ и, по правдѣ, должна перейти и на нашу сторону; но для этого нужна великая побѣда; а гдѣ она? На пораженіе Азіатскихъ шаекъ и полчищь никто не обращаетъ вниманія, а на Дунаѣ все идетъ, какъ и говорили при отправле-

ніи Паскевича, очень плохо: людей потеряно множество; осада Силистріи снята, княжества очищаются; въ Крыму ожидаютъ высадки, а у насъ и главнокомандующаго нѣтъ. Все это великое дѣло, надо признаться, ведено такъ дурно, такъ по всероссійскому манеру, что надежда Европейскихъ журналовъ — отреченіе или кончина Государя (страшно сказать!) повторяется и у насъ. И въ самомъ дѣлѣ, могущество наше на съѣздахъ въ Варшавѣ и Ольмюцѣ достигло страшной своей степени, а легкомысленная довѣрчивость въ перепискѣ Сеймура доказываетъ такое надменное забвеніе отношеній взаимности и народнаго права, что, кажется, намъ придется получить тяжкій урокъ и узнать, что не въ этомъ состоятъ сила и величіе, не въ Балтикѣ можно имѣть флотъ надежный, не такъ слѣдовало преслѣдовать завоеваніе Кавказа, не такими путями примирять Польшу. Я не могу себѣ выяснить, гдѣ поворотъ и рѣшеніе вопроса: въ возстаніи-ли демократіи нетерпѣливой или въ обращеніи Германіи; не могу представить положеніе Государя даже и по заключеніи какого бы то ни было мира; не могу представить и Россію безъ этой сильной личности при столь слабыхъ нашихъ учрежденіяхъ.

Минье приводитъ отрывокъ одного письма Людовика XIV отъ 29 Апрѣля 1709 года (слѣдов. въ старости и въ годы неудачъ противъ всей Европы), гдѣ надменный властитель говоритъ съ большою откровенностью: „Je me suis toujours soumis à la volonté divine, et les maux dont il lui plaît d'affiger mon royaume, ne me permettent plus de douter du sacrifice qu'elle demande que je lui fasse de tout ce qui me pourrait être le plus sensible. J'oublis donc ma gloire!" Эти слова не совсѣмъ искренни, и старикъ едвали хотѣлъ то сказать, что̀ сказалъ... Забыть славы нельзя. Но развѣ Россія похожа сколько нибудь на Францію? Все Европейское принято у насъ чрезвычайно формально. Формальности эти гнетутъ даже наше общество (стоитъ посмотрѣть Москву) чуждыми наростами, которые въ разладѣ и съ вѣрою, и съ обычаями, и съ нуждами нашими...

Іюль. Съ тѣхъ поръ, какъ молодое поколѣніе заняло мѣста оберъ-секретарей и оберъ-прокуроровъ, приказный порядокъ во многомъ измѣнился: прежнія формы начинаютъ гнуться и ломаться, крючкотворство въ веденіи дѣлъ замѣняется общими выводами теоріи права, рѣдко уважающими прежній опытъ. Я не думаю, чтобъ какъ прежнее, такъ и новое не имѣло вредныхъ послѣдствій для утвержденія въ народѣ довѣрія къ правосудію. Это особенно относится къ дѣламъ гражданскимъ, въ которыхъ признаніе истины, при непрочномъ у насъ понятіи о пріобрѣтеніи и собственности,

и безъ того весьма трудно. Назначеніе юношей на мѣста судей и прокуроровъ дошло до того, что даже Танѣевъ вынужденъ былъ въ прошломъ году придумать ограниченія. Это породило въ общемъ мнѣніи убѣжденіе въ неопытности молодыхъ дѣятелей, а нелюбовь къ министру юстиціи производитъ то, что Совѣтъ всегда готовъ отвергнуть всякую общую мѣру, предлагаемую имъ или объ улучшеніи штатовъ, или о лучшей подсудности; Сенатъ же, ропща на произвольныя распоряженія министра по отпускамъ, перемѣщеніямъ и наградамъ, тихомолкомъ подкарауливаетъ его на дѣлахъ, имѣющихъ какую нибудь важность. Къ этому и соперничество Комиссіи Прошеній дошло до того, что ни одной Субботы (засѣданія консультаціи оберъ-прокуроровъ) не проходитъ, чтобъ мы не перерѣшили нѣсколько дѣлъ, рѣшенныхъ въ другіе дни. Что̀ же касается уголовнаго правосудія, то здѣсь, за неимѣніемъ противорѣчія сторонъ, другая крайность, едвали не горшая для государства. При дѣйствіи стараго XV тома наказанія были весьма однообразны: плети, Сибирь, кнутъ. Это отмѣнено; ибо ссылка только увеличивала число бродягъ, доведшее правительство до клейменія, и по Уложенію 1845 года, по Европейскимъ примѣрамъ, установили розги и заключеніе въ роты, рабочіе дома, смирительные, тюрьмы и проч., т. е. въ такія мѣста, которыхъ не было и нѣтъ ни въ одной губерніи. Присужденные къ заключенію завалили и безъ того плохія и тѣсныя тюрьмы. Въ 1853 приняты были опять ссылка и розги. На долго-ли, неизвѣстно; но ослабленіе видовъ наказанія бросается въ глаза. Не смотря, однако, на это ослабленіе, старики-сенаторы первый вопросъ ставятъ такъ: какъ бы наказать полегче? И Уложеніе въ 3000 статей даетъ этому всевозможныя удобства: выборомъ видовъ преступленія, пріисканіемъ статей, понижающихъ и мѣру, и степень наказаній, и особенно 1177-я статья XV тома, требующая исключенія всякой возможности сомнѣнія въ невинности или виновности. Статья эта требуетъ совершенно невозможнаго. Главнѣйшая причина столь неудовлетворительнаго положенія дѣлъ, по мнѣнію моему, есть централизація. При этомъ порядкѣ всевозможная гласность немного пособитъ, а у насъ и гласности нѣтъ, и порядокъ жалобъ чрезвычайно неудовлетворителенъ...

Вотъ все ждали объявленія войны Австріи, а газеты извѣщаютъ объ обѣдахъ и тостахъ князя Горчакова въ Вѣнѣ. Гвардейскіе полки пріостановлены, новаго набора нѣтъ, и повидимому все обѣщаетъ сближеніе съ Германіей. Но этотъ застой конечно

не нормальное явленіе, и Луи-Наполеонъ всматривается, гдѣ бы ударить побольнѣе. А между тѣмъ конституціонный вопросъ уже всплылъ: возстаніе о'Доннеля въ Испаніи принимаетъ широкіе размѣры, молодой императоръ Австрійскій вводитъ совѣщательныя собранія, Англійское министерство торжественно объявляетъ, что оно не выйдетъ въ отставку единственно потому, что кромѣ него, ни Дерби, никто кабинета не составитъ. Оксфордскій билль прошелъ, Шведское духовенство эмансипируетъ Евреевъ. Все это явленія знаменательныя.

Вчерась Великій Князь Константинъ пустился въ море съ своими адъютантами: княземъ Голицынымъ, Истоминымъ и Юсуповымъ на Американской лодкѣ новаго устройства. Вѣтеръ опрокинулъ лодку. Князь спасся на высланномъ за лодкой катерѣ, прочіе также спаслись. Князь Голицынъ потонулъ. Это единственный сынъ князя Александра Ѳедоровича. Извѣстіе это въ Петергофѣ и здѣсь произвело самое непріятное впечатлѣніе. Чувствительный Рикордъ, въ глазахъ котораго все это происходило, говорятъ, разбитъ ударомъ. Всѣ сожалѣютъ князѣ о Голицынѣ, какъ о прекрасномъ молодомъ человѣкѣ и опытномъ морякѣ.

Сегодня Государь Императоръ, за то, что команда корабля не отвѣчала ему: „здравія желаемъ!“ посадилъ капитана В. П. Опочинина на сальникъ. Это посрамленіе глубоко оскорбило весь Балтійскій флотъ, и безъ того убитый своимъ положеніемъ.

Въ Августѣ я ѣздилъ въ деревню (въ Орловскую губернію, Болховскаго уѣзда). Въ деревнѣ меня не поразили ни это отсутствіе общественной жизни, такъ лѣниво обновляемой запоздалыми извѣстіями и газетами, ни грязь, ни слякоть; меня поразили бѣдность до дикости нашего народа и дурная ѣзда до невозможности по деревенскимъ дорогамъ. Крестьяне, я увѣренъ, въ теченіи вѣковъ, въ большинствѣ своемъ, не подвинулись ни на шагъ впередъ. Они очень недалеки отъ домашнихъ животныхъ. Этотъ старикъ не мытый, никогда нечесанный, босоногій; эта женщина полуобнаженная, мальчишки грязные, растрепанные, валяющіеся въ грязи и на соломѣ, все это не человѣческія фигуры! Всѣ они, какъ будто внѣ черты государственной жизни, какъ будто незаконныя дѣти Россіи, какъ будто побѣжденные мечемъ побѣдителей имъ не соплеменныхъ; какъ будто записки совѣтовъ и комитетовъ, всѣ эти дѣла въ судахъ и палатахъ не объ нихъ, не для нихъ... Какая неизвинительная безпечность высшихъ и низшихъ правителей! А дороги! Онѣ въ томъ же состояніи, какъ были тотчасъ послѣ потопа.

Молитва діакона о плавающихъ, путешествующихъ (они же страждущіе) ничего не помогаетъ. Къ довершенію бѣдствія, мы, помѣщики, ѣздимъ по этимъ дорогамъ въ Европейскихъ экипажахъ.

Я имѣлъ три любопытныя встрѣчи въ деревнѣ: а) наборъ, б) архіепископъ Смарагдъ и в) А. П. Ермоловъ. О наборѣ я узналъ, когда, сидя на балконѣ, услышалъ какіе то вопли и отголоски. Что̀ такое? „Это бабы голосятъ". Наборъ—это захватъ, угонъ, плачъ!... Едвали Ермоловъ теперь можетъ быть народнымъ полководцемъ...

Сентябрь. Дѣла мірскія идутъ своимъ порядкомъ, и демократическое начало, т. е. гласность, независимая отъ перламентаризма, и народность, независимая отъ политической власти, все расширяется и усиливается. Мы оставили княжества. Мы потеряли Аландскіе острова, мы утратили довѣріе къ нашей непобѣдимости, къ обилію нашихъ средствъ и къ самой твердости характера нашего Государя. Несчастныя дѣйствія на Дунаѣ, настойчивость Франціи и сближающейся съ ней Австріи привели насъ къ уступчивости. Только одна Пруссія не вполнѣ отъ насъ отступилась, и то можетъ быть потому, что демонстрація Французская въ Булонскомъ лагерѣ выразилась немного поспѣшно. Странное дѣло! Все личное вліяніе Николая, столь явно и сильно ощутительное, повидимому, перешло къ Наполеону. Онъ налегъ всею силою своей демократичной власти на Австрію, на которую онъ можетъ послать легіоны Венгровъ и Поляковъ; онъ пробудилъ мысль объ единствѣ Германіи, увлекъ всѣхъ Нѣмцевъ. Онъ вызвалъ къ себѣ для свиданія Альберта Англійскаго, Леопольда Бельгійскаго и юношу Португальскаго. Взятіе Аландскихъ островомъ не представляетъ важности; важнѣйшаго надо ожидать въ Крыму. Нравственное, политическое униженіе наше въ настоящее время очевидно и едва ли скоро минуетъ. Сгоряча мы мало чувствуемъ потери и убытки, но они очень велики, и послѣдствія ихъ долго будутъ тягостны. Противъ всякаго ожиданія, Паскевичъ опять въ Варшавѣ. Говорятъ, и Воронцовъ опять будетъ на Кавказѣ. Внутри никакихъ распоряженій: второй наборъ—и только! О лучшемъ устройствѣ и помину нѣтъ. А между тѣмъ этотъ вопросъ чрезвычайно упростилъ бы и вопросъ внѣшній, уменьшеніемъ опасенія и недовѣрія къ Азіатскому нашему управленію, пробудя сочувствіе въ соплеменныхъ намъ народахъ и вызвавъ лучшихъ дѣятелей, съ благородными стремленіями. Демократическое начало и у насъ проявляется: записками, стихами, письмами профессоровъ, унтеръ-офицеровъ, крестьянъ. Профессоръ Погодинъ снова написалъ записку,

гдѣ предлагаетъ отпустить на волю Поляковъ; унтеръ-офицеръ Крыловъ прославляетъ Суворова, а Костромской крестьянинъ Комаровъ пишетъ Государю, посылая 10 р.: „Государь-батюшка, кабы ты зналъ, какъ мы тебя жалѣемъ и любимъ!" Говоръ въ Москвѣ неумолчно требуетъ драться, идти на проломъ; на большихъ дорогахъ ямщики читаютъ газеты, въ деревняхъ лакеи интересуются новостями, а мы принимаемъ пункты Вѣнской конференціи, а мы восхваляемъ прокламаціи Турокъ при занятіи Валахіи. Къ этому грустному состоянію дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ присоединяются случайности общія и мѣстныя: плохой урожай озимыхъ, страшные ураганы и феномены, пожары, особенно въ Самарѣ, въ Москвѣ и даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ, гдѣ 13 Августа сгорѣло 130 домовъ (цѣлый кварталъ Измайловскаго полка), холера, не прерывающаяся и неоднократно возобновляющаяся то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, болѣзнь на картофель и застой торговли.

Едва огласилась нота 10 Августа въ отвѣтъ на Австрійскіе 4 пункта, какъ общее ожиданіе, хотя и приготовленное, было поражено донесеніемъ князя Меньшикова о высадкѣ непріятеля въ Крыму, у Евпаторіи! Духъ занимается. Чтò будетъ? Мы считаемъ минуты и молимъ Бога. Говорятъ, что высадка послѣдовала въ двухъ мѣстахъ, и въ Ѳеодосіи особый корпусъ Турокъ. Говорятъ, обложатъ Севастополь съ суши и съ моря. Многіе надѣятся, многіе сомнѣваются; но никто не боится.

Съ 10 по 13 нѣтъ никакихъ извѣстій, и никто не знаетъ ничего. Слухи темные, толки дерзкіе, участіе общее. Конечно, какъ бы ни разыгралось это дѣйствіе военной драмы, рѣшительнаго тутъ ничего не будетъ, хотя бы на голову разбили насъ и сожгли весь флотъ. Все это потери, неудачи, опытъ... Но Крымъ — это перлъ въ вѣнцѣ нашей короны; онъ тѣсно связанъ съ Кавказомъ: двѣ страны, въ которыхъ Европейская, Русская образованность думала дѣйствовать благодѣтельно. Не можетъ быть, чтобъ до сихъ поръ не было болѣе обстоятельнаго донесенія отъ князя Меньшикова и чтобъ его не обнародывали, если оно благопріятно. Сомнѣваюсь, чтобъ Англо-Французы рѣшились на такое важное предпріятіе, не обдумавъ зрѣло, не взвѣсивъ всѣхъ случайностей. Но во всякомъ случаѣ мы дешево не уступимъ и, чѣмъ сильнѣе пораженіе, тѣмъ глубже возчувствуемъ его и тѣмъ сильнѣе воспрянемъ. Убійственно слушать, что мы, послѣ 80 лѣтъ владычества въ Крыму, какъ въ Польшѣ, не можемъ положиться на сочувствіе туземцевъ.—Недостатки, неустройства внутренняго управленія пре-

слѣдуютъ насъ повсюду. Дай Боже, чтобъ хоть эти неудачи открыли глаза и показали намъ, какъ важно (важнѣе всякихъ предпріятій задуманныхъ о Китаѣ, Японіи, Индіи), какъ важно благоустройство внутреннее, которое влекло бы къ намъ крайнія наши провинціи. Эти временные успѣхи Запада неопасны. Какъ ни вредно вліяніе его, какъ ни безчестны поступки воителей съ беззащитными прибрежными Финляндцами, съ женами и малолѣтками (краснѣешь за образованность), съ отдаленными подснѣжными берегами Бѣлаго моря, гдѣ не пощажены ни бѣдная хижина, ни бѣдная церковь—временные успѣхи Запада не останутся для насъ безъ пользы: они укажутъ намъ ошибки наши въ прошедшемъ и лучшіе пути въ будущемъ, внеся въ народъ новыя понятія, новыя требованія и сознаніе своей самостоятельности.

13 Сентября. И нынче ничего нѣтъ изъ Севастополя, или и нынче ничего не хотятъ сказать. Видно только и слышно только, что тамъ наборъ, а здѣсь заемъ.

15 Сентября. Нынче есть донесеніе, что князь Меньшиковъ оставилъ свою позицію. Вѣрно, было дѣло и проиграно.

Перешелъ р. Качу и остановился подъ Севастополемъ! Не нынче, завтра надо ожидать рѣшительнаго извѣстія. Нѣкоторые думаютъ, что, напечатавъ такое непріятное извѣстіе, правительство имѣетъ еще болѣе непріятное. Какой говоръ, какой ропотъ, какое нетерпѣливое ожиданіе и какое громкое осужденіе! Мы теряемъ Севастополь, а съ нимъ и вліяніе на морѣ, на христіанъ, на Кавказъ, на Востокъ! У меня сидѣли генералы, старикъ Обручевъ и Раговскій; потомъ я былъ у стариковъ Кочубеевъ: какой гвалтъ, какія порицанія! Разговаривая о войнѣ, на вопросъ министра Брока, достаточно-ли войскъ у князя Меньшикова, князь Д. отвѣчалъ: qui est ce qui s'attendait à une entreprise aussi gigantesque? Но авось не все потеряно!

Сраженіе при Альмѣ было жаркое... Княжевичъ пишетъ брату своему (сенатору), что они бунтуютъ Татаръ и что это отчасти удается. Газеты выдаются въ самомъ оборванномъ видѣ. Чего опасаются и чтó скрываютъ? Порицанія громки. Никто понять не можетъ донесенія 18 Сентября. Какъ могли Французы, отдѣлясь отъ Англичанъ (и кн. Меньшиковъ объ этомъ не имѣлъ свѣдѣній), перейти съ Сѣверной стороны на Южную, пройдя мимо Меньшикова и Корнилова, непонятно.

27 Сентября. И все хуже и хуже! Слышали, что С. Арно умеръ. Пришла вѣсть о страшномъ пожарѣ въ Мемелѣ, гдѣ сгорѣло на 6 мил. товаровъ нашихъ, нами запроданныхъ.

Октябрь. Уныніе въ городѣ общее. Князь М. Д. Горчаковъ назначенъ главнокомандующимъ южной арміей.

Послѣ завтра, 2 Октября, мы разсматриваемъ дѣла о Байдарской долинѣ и о Бессарабскихъ межахъ, обагряемыхъ кровью. Оттого-ли, что мы любимъ просторъ или оттого, что не привыкли къ осѣдлости долины и межи у насъ не удерживаются, долины мы захватимъ, какъ захватилъ Байдарскую Потемкинъ, а межи отнесемъ или запашемъ. Такъ поступали мы на Сѣверѣ съ Пермскими землями, такъ поступали на Востокѣ съ землями Калмыцкими и Башкирскими, такъ дѣлали мы на Югѣ съ землями Татаръ, такъ дѣлаемъ на Западѣ съ конфискованными имѣніями Поляковъ. Конечно захватить, обработать и получить отъ земли пользу, покрайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи, еще извинительно; но мы захватимъ и начнемъ мѣнять, торговать и, не получая существенной пользы, отдаляемъ отъ себя и возстановляемъ противъ себя мѣстное населеніе, такъ что въ мирное время мы—завоеватели своихъ собственныхъ земель, а во время войны мы должны опасаться и защищаться отъ этихъ нашихъ подданныхъ. Неуваженіе собственности, захватъ, воровство—главнѣйшіе недостатки непостоянной, выбитой изъ историческихъ границъ нашей жизни.

Избави, Боже, безпорядковъ внутреннихъ! Возгораемыхъ матеріяловъ такъ много, что пожаръ можетъ обнять все пространство, и демократія, и необузданная анархія далеко превзойдутъ въ своихъ разрушеніяхъ тѣ государства, гдѣ разъяренное поколѣніе встрѣчаетъ какое нибудь препятствіе въ порядочныхъ учрежденіяхъ, историческихъ преданіяхъ и привычкахъ. Всѣ эти крѣпостные, всѣ эти обобранные крестьяне и инородные, церковные, мелкопомѣстные владѣльцы, и эти безпомѣстные мѣщане и разночинцы, срочные арестанты, безсрочные отпускные, все это обнаруживаетъ неустройство и безпорядокъ.

По 27 Сентября все еще не было никакихъ дѣйствій. А между тѣмъ, какое торжество всей Европы вслѣдствіе слуховъ о взятіи Севастополя! Но чему вы радуетесь? Чего торжествуете? Вы поднимаете на себя Русскую націю и подрываете собственный оплотъ. Сентъ-Арно умеръ, Барбесъ прощенъ. Повидимому наши дѣла поправляются. Для насъ каждый часъ—выигрышъ. Осуждаютъ холодность кн. Меньшикова. Не подѣйствуютъ-ли на старика великіе князья Николай и Михаилъ, уѣхавшіе въ Крымъ? Хвалятъ Корнилова, который будто-бы сказалъ: „отступленія не будетъ, и если я самъ прикажу отступать—поднимите меня на штыки!» Войска все идутъ; на Югѣ и на Западѣ, кажется, собираются тучи гроз-

нѣе прежнихъ. Говорятъ о назначеніи Остенъ-Сакена на Кавказъ, но указа еще нѣтъ. Толки въ гостиныхъ и въ иностранныхъ журналахъ все объ Альмскомъ сраженіи. Хвалятъ стойкость нашихъ. Привезенные плѣнные, кажется де-Мортье и Гонди, признаютъ, что положеніе соединенной арміи становится затруднительнымъ. Говорятъ, что знаменитые генералы Шангарнье и Ламорисьеръ допущены во Францію и вступаютъ въ службу. Сомнѣваюсь. Говорятъ о партіи, направленной противъ Меньшикова, къ которой присоединяется и такъ называемая Нѣмецкая; во главѣ ея Нессельроде и Мейндорфъ. Въ самомъ дѣлѣ, оставленіе его съ слабыми силами, самый рескриптъ, чрезвычайно сухой и блѣдный, гдѣ какъ бы говорится: „съ распространеніемъ правъ и власти вы оправдаете вполнѣ наше къ вамъ довѣріе"... Какъ будто прежде онъ не оправдывалъ? Князь три раза писалъ о подкрѣпленіяхъ и получилъ отвѣтъ лишь тогда, когда написалъ объ опасности, угрожающей Оріандѣ! Нынче, говорятъ, пріѣхалъ изъ арміи курьеръ съ важными депешами. Курьеръ этотъ—сынъ князя. Молодой князь не привезъ собственно ничего и прибылъ (хоть и не время было оставлять въ настоящую минуту Крымъ) для представленія личныхъ объясненій, безъ которыхъ, какъ выразился Государь, онъ ничего не понимаетъ изъ донесеній. Что́ значитъ переходъ съ Сѣверной стороны на Южную? Какъ могъ пропустить непріятеля князь Меньшиковъ?

10 Октября. Въ обществѣ говорятъ о трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Іюльскихъ—Сентябрьскихъ книжкахъ Revue de Deux Mondes. Статьи эти о Россіи и въ самомъ дѣлѣ замѣчательны. Одна: „Les Allemans en Russie и les Russes en Allemagne". Сочинитель слишкомъ много придаетъ значенія такъ называемому имъ тріумвирату: Остермана, Бирона и Миниха. Выходцы эти дѣйствовали исключительно своекорыстно и безъ общаго плана; они дѣйствовали тогда, когда младенчествующее государство было игрушкою партій, не однихъ Нѣмцевъ (являлись и Шетарди и Лестокъ), и даже маленькая Швеція, въ манифестѣ Левенгаупта, хотѣла силою прекратить игру этихъ вліяній. Талландье не выставилъ ни одного факта, важнаго въ нашей исторіи. Польскія дѣла и раздѣлъ производили у насъ (за исключеніемъ Репнина) Нѣмцы, и вообще этотъ элементъ былъ болѣе рабскимъ исполнителемъ, нежели добросовѣстнымъ слугою. Вторая статья о Герценѣ. Онъ товарищъ мой по Университету. Это разборъ его сочиненій, весьма поверхностный, сочиненій соціалистическихъ, обличающихъ талантъ и силу. Въ Сентябрьской книжкѣ появилось еще его сочиненіе „Тюрьма и Ссылка";

ничего особеннаго, хотя очень вѣрно и занимательно. Разсказаны процессъ его 1834 года и пребываніе его въ Вяткѣ при сатрапѣ Тюфяевѣ. Три изгнанника наши: Тургеневъ, Головинъ и Герценъ много способствуютъ усиленію невыгоднаго о насъ общаго мнѣнія Замѣчательнѣйшая статья третья: La guerre et les finances de la Russie, Леона Фоше. Я не предполагалъ и не полагаю, чтобъ мы шли къ банкротству. Думаю, что дефицитъ будетъ гораздо болѣе 100 т. франковъ. Порицая кредитныя учрежденія наши, Л. Фоше приходитъ къ несостоятельности, кажется, потому, что смотритъ на насъ съ Французской точки зрѣнія. Справедливы его разсужденія о томъ, что необразованность, крѣпостное право и непомѣрное преобладаніе государственной власти чрезвычайно замедляютъ развитіе цѣнностей и ослабляютъ силу самаго правительства. Наша страна слишкомъ поздно вступила на историческое поприще, чтобъ безъ драгоцѣннаго наслѣдія Римскихъ остатковъ выработаться самостоятельно. Страна континентальная, Россія едва чувствуетъ необходимость juris gentium и до сихъ поръ почти чужда Европейскому праву; но конечно не въ той степени, какъ желаютъ и убѣждены приверженцы „Святой Россіи": они хотятъ жить съ волками, а имѣть въ дѣлежахъ часть льва. Россія чужда Европейскому праву, по отдаленности своей и по молодости.

Съ 1 Сентября по 12 Октября дѣла мало поправились. Союзники разъѣзжаютъ по полуострову, берутъ что̀ хотятъ, идутъ и переходятъ куда пожелаютъ. Приступаютъ къ правильной осадѣ Севастополя; входъ въ гавань прегражденъ шестью затопленными кораблями. Нынче напечатанъ журналъ князя Меньшикова по 1 Октября и откровенное описаніе Альмской битвы (тутъ недостаетъ двухъ извѣстій: что изъ строя у насъ выбыло болѣе 7 т. и что при ретирадѣ князя Меньшикова захваченъ непріятелемъ не хвостъ обоза, а между прочимъ цѣлыхъ 50 патронныхъ ящиковъ). Но что же все это значитъ? Молодой и ученый генералъ-адъютантъ князь Ливенъ помѣстилъ вчера въ Journal de St.-Pétersbourg объяснительныя похвалы движеніямъ князя Меньшикова; но легче-ли намъ отъ этого? Развѣ это маневры, чтобъ разсматривать такія бѣдствія съ точки зрѣнія науки? По трупамъ нашимъ повѣряютъ свои теоріи! А между тѣмъ современно съ осадой журналы предсказываютъ движеніе Омера-паши къ Измаилу (Лидерсу во избѣжаніе столкновеній съ Австріей приказано не начинать дѣла), прибытіе Балтійскаго флота въ Ревель. По донесеніямъ отъ 5 и 6 Октября должно заключить, что дѣло идетъ не на животъ, а на смерть. Съ земли и съ моря союзники обложили крѣпость. Корниловъ убитъ, Нахи-

мовъ раненъ, лучшіе моряки сгибли; осада приближается, и князь Меньшиковъ объявилъ морякамъ готовиться при штурмѣ къ рукопашному бою. Все это грустно, все это плохо; я не военный человѣкъ и судить не смѣю, но невольно представляются вопросы: 1) Неужели съ 1 Сентября не могли подослать войскъ въ большемъ числѣ? 2) Затопивъ входъ въ гавань кораблями, не умножилъ-ли князь Меньшиковъ силы союзниковъ, развязавъ имъ руки располагать матросами на сухомъ пути и осудивъ нашъ остатокъ флота на бездѣйствіе? Война развивается въ огромныхъ размѣрахъ и, конечно, борьба великихъ началъ, столь долго замедлявшаяся, рѣшится не на этомъ маломъ полуостровѣ. На Западѣ собираются новыя силы: пославъ 700 судовъ, Англія готова послать еще столько же; во Франціи война сдѣлалась дѣломъ національной чести, для чего счастливый и ловкій выходецъ готовъ протянуть руку и соціалисту Барбесу, и легитимисту Ларошфуко. Австрія принимаетъ рѣшительное положеніе, къ которому общее мнѣніе клонитъ и Пруссію...

Пары и электричество, машины и печатаніе, наука и соревнованіе производятъ чудеса, и нашъ вѣкъ по справедливости можетъ гордиться успѣхами обширными, быстрыми, пожалуй, непомѣрными. Но какъ объяснить себѣ, при этихъ успѣхахъ, тѣ страшныя бѣдствія, которыя насъ окружаютъ? То пожары: Самарскій, Вандейскій, Мемельскій, Нью-Кастльскій, то потопленіе пароходовъ и столкновеніе поѣздовъ, наводненія, подобно бывшему въ Силезіи, эти игры биржи и банкротства. Я объясняю себѣ это тѣмъ, что своекорыстныя стремленія употребляютъ во зло всѣ эти достиженія вѣка; развитіе вообще идетъ такъ поспѣшно, такъ невнимательно, что огражденія, необходимыя для самого его, за нимъ не поспѣваютъ. Эту мысль, примѣняя къ частностямъ и даже къ мелочамъ, невольно слѣдующимъ общему потоку, я хотѣлъ между прочимъ доложить министру, когда представлялся ему дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; но министръ такъ былъ веселъ, такъ былъ доволенъ, что я не могъ ничего сказать ему и почти испугался этой веселости въ настоящее время, когда разрушеніе городовъ и потоки крови колеблятъ въ основаніяхъ государства и угрожаютъ нескончаемою борьбою... Въ исторіи, особенно современной (nous sommes satisfaits, говорилъ Луи-Филиппъ своимъ министрамъ въ Январѣ 1848 года) этотъ покой, это довольство знаменуютъ окончаніе порядка, уступающаго мѣсто другому...

7 и 8 Октября. У меня сидѣлъ графъ А. П. Толстой и разсказывалъ, что министръ государ. имуществъ получилъ повелѣніе о выселеніи Татаръ изъ Крыма. Не отвѣчая за достовѣрность, я

нисколько не сомнѣваюсь въ такой мѣрѣ. И послѣ этого удивляются, что Татары приняли союзниковъ, какъ друзей? Говорятъ, у насъ теперь въ Крыму 150 т. войска, а Французы отправляютъ весь южный лагерь, 40 т., въ Крымскій отрядъ... Вообще, судя по подробнымъ письмамъ Княжевича, по журналу, присланному вдовою Корнилова, и по самымъ распоряженіямъ послѣдняго времени, Севастополь не былъ укрѣпленъ!... А вотъ и побѣда 13 Октября, благодаря дивизіи Липранди, и побѣда хорошая, хотя и не дешево намъ стоившая. Любопытенъ анекдотъ, разсказываемый изъ Гатчины, гдѣ въ небольшомъ кругу генералъ-адъютантъ О—въ говорилъ о нашемъ могуществѣ: „Достаточно Государю сказать одно слово, и мы передушимъ враговъ его". На этотъ патетическій возгласъ сухо и строго замѣтила В. Н.: „Les ennemis de l'Empereur sont ceux qui ne lui disent pas ce qui est", и за симъ общее молчаніе придало этимъ словамъ особое значеніе.

Ноябрь. Императорская фамилія формируетъ, подъ распоряженіемъ графа Перовскаго, полкъ стрѣлковъ изъ опытныхъ въ стрѣльбѣ удѣльныхъ крестьянъ Архангельской, Вологодской и Новгородской губерній, въ Русской формѣ, можно съ бородой. Сюда допускаются и охотники изъ свободныхъ состояній. Это вызовъ, кличъ, и можно навѣрно сказать, что на него откликнутся полки желающихъ (3 р. въ мѣсяцъ и паекъ привлекутъ и не патріотовъ). Должно надѣяться, что этому примѣру послѣдуютъ и помѣщики; можетъ быть, явится цѣлая армія. Но какая же это будетъ армія, развѣ въ замѣнъ внутренней стражи? Въ большомъ размѣрѣ это будутъ казаки, гверильясы безъ достоинствъ казаковъ. И кому противопоставить этихъ охотниковъ съ ружьями, предназначенными для дичи и зайцевъ? Врагамъ, съ штуцерами, противъ которыхъ лучшіе наши полки стоять не могутъ! Положеніе Севастополя ужасно. По мнѣнію Княжевича, это не война, а бойня. Въ Симферополѣ сверхъ 11 гошпиталей приказано открыть всѣ казенные дома. Лекарей весьма мало, а Медицинскій Департаментъ Военнаго Министерства спрашиваетъ, въ какой мѣрѣ они потребуются тамъ! Посланъ знаменитый операторъ Пироговъ съ 10 врачами.

Извѣстія съ Кавказа по обыкновенію лучше, хотя имъ или не вѣрятъ, или не обращаютъ на нихъ вниманія. Баронъ Николаи разбилъ Шамиля и, положивъ 1000 чел., потерялъ 35 (!?).

Ноябрь. Гудитъ по городу общій говоръ о потеряхъ при вылазкѣ 24 Октября. Въ самомъ дѣлѣ, если у насъ 10 т., да у непріятеля столько же—это страшное побоище. Повидимому непріятель нашелъ насъ въ Крыму такъ не приготовленными, что, одержавъ

блестящую побѣду подъ Альмой и пройдя смѣло между Севастополемъ и нашей арміей на Южную сторону, онъ занялъ превосходную позицію, и пришедшія многочисленныя подкрѣпленія не въ состояніи выбить его. Мы исключительно заняты военнымъ дѣломъ; три четверти бюджета расходуется на войско, а между тѣмъ, какъ мы отстали въ технической части отъ враговъ нашихъ!

Сегодня сидѣлъ у меня и разсказывалъ о Крымскихъ дѣлахъ очевидецъ, ст. сов. Вар—ндтъ, посланный въ началѣ Сентября для наблюденія за перемѣщеніемъ судебныхъ управленій. Страшно становится при разсказахъ о томъ, что̀ было въ Евпаторіи, гдѣ уѣздный судья, выѣхавшій съ дѣлами и канцеляріей, взятъ въ плѣнъ, дѣла пропали, канцелярія разбѣжалась, одинъ засѣдатель Генцель тайкомъ, черезъ недѣлю, пробрался въ Перекопъ; въ Симферополѣ, гдѣ безсмысленный губернаторъ бѣжалъ безъ спросу и по приказанію князя Меньшикова догнанъ за 18 верстъ или, какъ говорятъ Симферопольскія бабы, взятъ Меньшиковымъ въ плѣнъ; въ Ялтѣ, гдѣ В—андтъ не нашелъ ни людей, ни лошадей, и только тѣнь порядка поддерживалась полицеймейстеромъ маіоромъ Кузьминскимъ. Вообще, по словамъ В—ндта, экспедиція застала Крымъ въ совершенный расплохъ, и послѣ Альмскаго сраженія, 8 Сентября, прямое движеніе непріятеля на Севастополь или Симферополь могло-бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія: въ Симферополѣ Татары уже праздновали торжество непріятелей, и В—андтъ видѣлъ ихъ въ Татарской части города шумными и гуляющими.

Рѣчь Брайта. Въ городѣ много говорятъ о письмѣ члена парламента Брайта, перепечатанномъ изъ Times въ J. de St. Pétersbourg 7 и въ С.-Петерб. Вѣд. 9 Ноября. Это возгласъ противъ войны, выраженный по случаю Манчестерской подписки въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ. Политическое письмо Брайта замѣчательно тѣмъ, что оно совершенно чуждо политикѣ и разсуждаетъ о бѣдствіяхъ войны, о томъ, какъ умирающіе Русскіе, утоляя жажду изъ рукъ врага, стрѣляютъ въ него при самомъ издыханіи, а врагъ грабитъ съ труповъ образа Христа и Богородицы. Какъ Русскій, я болѣе нежели кто бы то ни былъ соболѣзную объ утратахъ государства, объ этихъ 30 т. убитыми и ранеными, о разграбленіяхъ на берегахъ Бѣлаго моря, Балтики и Крыма, соболѣзную неустройству, въ которомъ нашла насъ Понтійская экспедиція. Особенно оскорбительно читать эти ноты Нѣмецкихъ педантовъ и не видѣть кругомъ себя ни одного союзника, а напротивъ видѣть повсюду болѣзни, страхи, колебанія высшихъ, негодованіе среднихъ, неудовольствіе всѣхъ. Но опять же, какъ Русскій, я

люблю думать, что эти событія приведутъ къ повороту и, способствуя самостоятельному развитію внутренней жизни, откроютъ Русскому генію поприще высшее и лучшее, нежели наружный, парадный блескъ, поприще, на которомъ полицейское, военное государство со временемъ явится сильнымъ и великимъ не одною численностью полчищъ, но мыслію и словомъ, учрежденіями и дѣятельностью.

Четвертаго дня, встрѣтя старика Кочубея извѣстіемъ о потеряхъ непріятеля отъ бури, я, скрѣпя сердце, выслушалъ отъ него: „Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе Божіе“. У Кочубея племянникъ взятъ въ плѣнъ и теперь находится въ Калифорніи; а сынъ Нессельроде, состоящій при посольствѣ въ Мюнхенѣ, пріѣхалъ изъ Берлина. Молодой дипломатъ утверждаетъ, что Германія болѣе за насъ. Этого быть не можетъ: кромѣ газеты Герлаха ни одного листка не найдешь, въ которомъ можно было бы замѣтить эту наклонность. Лучшая газета Аусбургская совершенно не за насъ; правда, что она и противъ Франціи, и противъ Пруссіи.

Есть какое-то ослѣпленіе, какая-то мечтательная самоувѣренность во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Убытки терпимъ страшные, народу гибнетъ множество, политическое униженіе крайнее, уступчивость неслыханная, а мы не приступаемъ ни къ чему! Я полагаю отъ того, что у насъ нѣтъ ни людей, ни денегъ и что всякое усиліе грозитъ скорымъ истощеніемъ.

По разговорамъ въ обществѣ многіе согласны сверхъ четырехъ пунктовъ уступить Кавказъ по Кубань. Болѣе: уступить Финляндію по Кемь. Болѣе: возстановить царство Польское. Но, боги безсмертные, гдѣ же остановятся эти уступки? Кемь и Нева, Польша и Малороссія.... и попробуйте начать уступать: васъ въ грязь столкнутъ. Видно какое-то опасеніе въ сужденіяхъ о нашемъ положеніи. Но несомнѣнно, что одни недовольные радуются; другіе, осторожные, равнодушны; мы третьи, удручаемся, хотя тоже робко. (Такъ искоренено честное чувство національнаго достоинства, такъ рабски скованы самыя благородныя чувства гражданина). Я страшусь особенно за войну внутреннюю: войди въ Россію армія, она, съ этимъ крѣпостнымъ правомъ и съ этимъ легіономъ безпутныхъ и недовольныхъ, можетъ возобновить страшную Пугачевщину. Нашъ главный врагъ—это наше дурное управленіе.

Декабрь. Императрица очень больна, и дворъ не переѣзжаетъ въ столицу. Новый наборъ съ восточной полосы. Это уже третій. Договоръ Австріи съ западными державами все еще неизвѣстенъ. Ее ругаютъ, особенно министра Баха. Острякъ Тютчевъ отзывается: „La position du bon Dieu n'est pas une sinécure à présent; quand au diplo-

mates errants, il faut dire: des diplomates, qui ont errés". Говорятъ о стихахъ князя Вяземскаго про принца Наполеона (онъ боленъ кровавымъ поносомъ), проливающаго кровь за отечество, о принцѣ Кембриджскомъ, помѣшавшемся въ разсудкѣ (Preuss. Zeit говоритъ о 38 человѣкахъ тоже помѣшавшихся при Инкерманѣ), о лордѣ Рагланѣ, будто бы повѣсившемся съ отчаянія... По письмамъ изъ Крыма бездѣйствіе князя Меньшикова и нераспорядительность властей готовы возбудить ропотъ. Онъ ссорится тамъ съ Иннокентіемъ, выпроводя несвоевременнаго утѣшителя изъ Севастополя, бравируетъ популярность и Петербургскія распоряженія и ждетъ... Чего онъ ждетъ? Какъ бы ловчѣе поймать звѣря или ускользнуть отъ него. Вотъ и 6 Декабря прошло. Кромѣ наградъ, и съ ними неудовольствій и порицаній, ничего нѣтъ. Генералъ Дохтуровъ сообщилъ мнѣ свой разговоръ съ генераломъ Гербелемъ о недостаткѣ пороха.

7 Декабря разнесся слухъ, что Балаклава сожжена войсками Липранди, и пришли газеты (Ind. Belge и Ausburg. Zeit) съ нотою гр. Нессельроде къ барону Будбергу о нашемъ согласіи на 4 пункта, а именно: 1) Общее ручательство за сохраненіе религіозныхъ и гражданскихъ правъ христіанскаго народонаселенія Османской Имперіи, безъ различія исповѣданій, со стороны пяти державъ; 2) покровительство княжествъ, принадлежащее вообще пяти державамъ на тѣхъ же условіяхъ, которыя въ ихъ пользу постановлены нашими договорами съ Портою. 3) Пересмотръ договора 1841 г.; Россія не воспротивится уничтоженію онаго, если султанъ, какъ ближайшій участникъ въономъ, на то согласится. 4) Свободное плаваніе по Дунаю, которое постановлено и которое ограничивать Россія никогда не намѣревалась. Само собой разумѣется, что основанія сіи принимаются въ томъ убѣжденіи, что Западныя державы останутся вѣрны обязательствамъ, которыя онѣ приняли въ виду всей Европы относительно огражденія будущности религіозныхъ и гражданскихъ правъ христіанскаго народонаселенія, предоставляемыхъ отнынѣ ручательству всѣхъ державъ и что, такимъ образомъ, будетъ достигнута главная цѣль, которую въ настоящую войну имѣла Россія въ виду.

14 Декабря. Что долженъ значить манифестъ, сегодня обнародованный? Куда пойдемъ мы съ жезломъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ? Какое святое дѣло будемъ защищать послѣ согласія на четыре пункта? Что же это за игра войною и миромъ? Такія обнародыванія, не принося никакой существенной пользы внутри Имперіи, ослабляя повтореніями святость долга, вредятъ во мнѣніи

нашихъ сосѣдей-враговъ, и я увѣренъ, что манифестъ 14 Декабря (день дурной памяти) вызоветъ не только непріятныя толкованія, но и открытый разрывъ общественнаго мнѣнія.

Въ дѣлахъ войны нѣтъ ничего новаго. Въ Моск. Вѣдом., № 149, помѣщена статья экономиста Молинари о томъ, что блокада приноситъ болѣе вреда Англіи и Франціи, нежели Россіи. Конечно, при молодыхъ интересахъ нашихъ это, повидимому, такъ представляется, но въ существѣ едва-ли такъ. Остановка развитія молодыхъ элементовъ чрезвычайно вредна въ будущемъ. Прекращеніе хлѣбной торговли на Югѣ и въ Балтикѣ, независимо отъ уменьшенія благосостоянія внутренняго, можетъ послужить къ открытію другихъ рынковъ, увеличивъ производительность въ Америкѣ и въ самой Турціи съ Молдо-Валахіей. Война въ Крыму и Кавказѣ подавитъ возникающія тамъ отрасли винодѣлія и шелководства. Здѣсь рѣшаютъ цифры, а не разсужденія. Во всякомъ случаѣ, жалобы на строгость блокады не совсѣмъ основательны.

Загадочный трактатъ 2 Декабря Австріи, кажется, объясняется. Тайныя статьи вѣроятно обязываютъ ее съ 1 Января къ союзу наступательному (отсюда и нашъ манифестъ 14 Декабря). Пруссія послала полномочныхъ въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ. Но чего она можетъ ожидать? Угрозъ и принужденія. Ее заставятъ принять участіе и силою, и общественнымъ мнѣніемъ. Если и послѣ нашего объявленія 28 Ноября о безусловномъ согласіи на 4 пункта Австрія и союзники не даютъ отвѣта и военныя снаряженія усиливаются, то что̀ сдѣлаетъ одна Пруссія? Непонятно, до чего мелочны расчеты Англійскихъ министровъ (особенно самаго мелочнаго изъ нихъ, военнаго, герцога Ньюкестля). Повидимому ближайшая цѣль ихъ, подорвавъ нашу внѣшнюю торговлю, возвысить столь ослабленную Робертомъ Пилемъ земельную собственность и овладѣть рынками Востока; какъ будто они не знаютъ, какъ маловажна для насъ эта торговля, для насъ, націи бѣдной и не связанной торговыми системами? Какія средства употребляютъ они? Блокаду. Да мы въ блокадѣ и безъ того семь мѣсяцевъ въ году. Формированіе легіона наемныхъ иностранцевъ? Но гдѣ они ихъ найдутъ? Развѣ въ Англіи и Ирландіи. Пойдутъ ли Нѣмецкіе демократы (чего именно хочется и Германіи и Франціи) въ легіонъ наемниковъ? Сомнительно. Демократія занимаетъ положеніе, которое ей дѣлаетъ честь въ глазахъ друзей ея. Она чуждается Французскаго выходца и дѣйствуетъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ....

МИХАИЛЪ СУХАНОВЪ КРЕСТЬЯНИНЪ-ПОЭТЪ.

Въ первомъ изданіи „Стихотвореній“ извѣстнаго поэта-крестьянина Ѳедора Слѣпушкина, вышедшемъ въ 1828 году, въ предисловіи сказано: „Михаилъ Сухановъ, Архангельскій крестьянинъ, заслуживающій особеннаго вниманія къ его участи, первый счастливо послѣдовалъ примѣру Слѣпушкина; но дарованіе сего новаго крестьянина-поэта раскрылось не столько въ сельскихъ картинахъ, какъ въ басняхъ, остроумно и пріятно написанныхъ“.

О Михайлѣ Сухановѣ мы встрѣтили нѣсколько извѣстій въ тетрадяхъ Курскаго помѣщика Дмитрія Андріановича Деменкова *). Въ „замѣчаніяхъ во время пребыванія въ Архангельскѣ съ 15 Сентября до 6 Декабря 1823г.“ Деменковъ упоминаетъ, между прочимъ, о знакомствѣ своемъ съ Сухановымъ, этимъ, какъ онъ его называетъ, „самороднымъ Русскимъ поэтомъ“.

По словамъ Деменкова, Михаилъ Сухановъ былъ „лавочникомъ“. Родомъ Сухановъ былъ изъ „разносошныхъ“ (не *черносошныхъ*-ли?) крестьянъ Архангельской губерніи, Княже - Островской волости, деревни Славянской, находящейся неподалеку отъ города Холмогоръ, гдѣ жилъ отецъ его, занимавшійся мелочной торговлей. Сухановъ рано выучился грамотѣ и пристрастился къ чтенію. Случайно попали къ нему въ руки стихотворенія Ломоносова, и онъ съ жаромъ принялся изучать ихъ, имѣя цѣлью начать писать самому такія же стихотворенія, какія писалъ его великій соотечественникъ. Скоро онъ, дѣйствительно, началъ пописывать стишки; послѣдніе выходили на первыхъ порахъ плохи, но онъ былъ очень доволенъ ими и читалъ ихъ всѣмъ своимъ знакомымъ. Нѣкоторые одобрили его занятія; онъ сталъ работать неутомимо, просиживалъ за стихами цѣлыя ночи, но не забывалъ при этомъ и своихъ торговыхъ дѣлъ. Отецъ его, чтобы пристроить сына, завелъ для него лавочку въ Архангельскѣ и посадилъ за прилавокъ, передавши всю торговлю на его полную отчетность.

Въ Архангельскѣ молодой Сухановъ познакомился, благодаря своимъ стихамъ, съ нѣкоторыми молодыми лицами изъ моряковъ, которые въ то время, какъ извѣстно, отличались образованностію, и они уговорили его послать стихи въ „Русскій Инвалидъ“, гдѣ они и были напечатаны съ полной подписью имени Суханова.

„Онъ еще молодъ, говоритъ Деменковъ, имѣетъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ исторіи, географіи, литературѣ; видно, что достаточно читалъ; но его образованіе не имѣетъ ничего законченнаго и систематичнаго. Порою онъ выказываетъ такія знанія о нѣкоторыхъ предметахъ, какихъ нѣтъ ни у одного изъ насъ (моряковъ, такъ какъ Деменковъ въ это время служилъ во флотѣ), а иногда доходитъ до на-

*) См. о немъ „Русскій Архивъ 1887, I, 305 и слѣд.

ивности ребяческой, потому что не знаетъ самыхъ простыхъ вещей. Онъ хочетъ учиться французскому языку и желаетъ побывать гдѣ-нибудь за границею. Онъ достаетъ книги отовсюду, гдѣ только можно достать, и собралъ у себя уже достаточное количество ихъ, но жалѣетъ, что не можетъ достать лучшихъ для руководства и заняться ими на свободѣ къ основательному изученію и образованію себя".

Уже потомъ, когда Деменковъ уѣхалъ изъ Архангельска и жилъ въ своемъ Курскомъ имѣніи, его товарищъ и пріятель, тоже изъ моряковъ, М. Ф. Рейнеке, прислалъ ему нѣсколько коротенькихъ стишковъ, относившихся непосредственно къ Деменкову и другимъ его товарищамъ-морякамъ.

1. Г-ну Д(еменкову).

Таланты рѣдкіе, умъ лучшій, превосходный
И въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ!
Ну, можетъ ли кто быть тебѣ подобный?
Конечно, нѣтъ.

2. Г-ну Р(ейнеке).

Нѣтъ совершеннаго, всѣ въ мірѣ утверждаютъ;
Но всѣ сознаются, что есть, какъ васъ узнаютъ.

3.

УСТАРѢВШЕЙ КРАСАВИЦѢ (г-жѣ Нестеровой).

Прелестная! Чтó сдѣлалось съ тобою?
Нѣтъ прелестей, исчезнулъ огнь очей!
Увяла ты, какъ вешній цвѣтъ отъ зною,
И не придетъ къ намъ радость прошлыхъ дней!

5.

БУХВОСТОВУ.

Не блескомъ золота, не титлами отцовъ,
Но вѣрностью къ царю и добрыми дѣлами
Сталъ первымъ наряду съ великими мужами.
Умрешь, но Россъ тебя чтить будетъ въ вѣкъ вѣковъ!

6.

ПОРОКЪ И ДОБРОДѢТЕЛЬ.

(подражаніе).

Порокъ.

Вселенная моей подвластна волѣ!

Добродѣтель.

А я—на небесахъ! Чего еще мнѣ болѣ?...

Приведя эти стихи, Деменковъ замѣчаетъ, что нельзя не признать въ Сухановѣ „поэтическаго дарованія и замѣчательныхъ способностей, которыя со временемъ еще болѣе могутъ усовершенствоваться".

Н. Добротворскій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1846-й годъ. [1]).

1846-го года 22-го Марта, Пятница. Тимчиха [2]). Это первый настоящій весенній день этого года. Мнѣ пришло на мысль, возвратясь вечеромъ въ свой флигель, отдать себѣ отчетъ въ немъ, передавъ его простыя подробности бумагѣ. Кто знаетъ, доживу ли до новаго перваго дня весны и если доживу, то въ такомъ ли ощущеніи полнаго тѣлеснаго и душевнаго здоровья, съ семействомъ, въ полномъ ли комплектѣ, какъ нынѣ, меня окружающемъ, и даже подъ своей ли, какъ теперь, домашней крышкой?

Я проснулся въ половинѣ седьмаго. Солнце, сквозь зеленыя сторы, вызвало меня бодро на ноги; каминъ запылалъ, сторы подняты, и ясный тихій день взглянулъ въ мой кабинетъ. Термометръ показывалъ три град. Реомюра; но не прошло получаса, какъ уже поднялся до 6-ти. Я рѣшился выдти въ утреннемъ платьѣ, съ военнымъ плащемъ сверхъ него, по лѣтнему обычаю, на зеленый кругъ передъ домомъ и флигелями, такъ недавно еще бывшій подъ снѣгомъ, подъ плакучую березу еще безлистную, и ждать тамъ свой кофе. Между тѣмъ какъ я

---

1) Въ послужномъ спискѣ графа П. Х. Граббе значится, что 18 Сентября 1842 г. онъ уволенъ отъ командованія войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. *П. Б.*

2) Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи. Тамъ долго жилъ, провелъ последніе годы, кончилъ дни свои и похороненъ графъ Павелъ Христофоровичъ. *П. Б.*

медленно, съ трубкой, наслаждаясь ежеминутно болѣе и болѣе грѣющимъ солнцемъ, допивалъ свою чашку, на лѣстницѣ главнаго корпуса дома показалась вереница моихъ дѣтей, одинъ за однимъ, покрывшая семь ступенекъ, кто съ палкой, кто съ зонтикомъ. Три мальчика и четыре дочери взошли въ такомъ порядкѣ на кругъ и съ громкимъ ура всѣ на перерывъ кинулись ко мнѣ или, лучше сказать, на меня. Утро показалось мнѣ еще прекраснѣе, такъ что классы отмѣнены. Новое ура. На кругу пошли разныя игры. Собаки домашнія и дворовыя окружили, ласкали и забавляли дѣтей, обгоняя ихъ, чтобы прежде завладѣть мячикомъ. Софья сѣла въ срединѣ разщелины, раскинувшейся на три пня отъ корня березы, не подозрѣвая, какую прекрасную картину этимъ для меня составила. Чрезъ нѣсколько времени показалось новое, важное лице, между двумя нянями: дитя по четвертому году восхитительной, трогательной красоты, мое восьмое дитя, четвертый сынъ, еще у груди матери, которую оба они, ни она отнять, ни онъ оставить рѣшиться не могутъ. Одѣтый въ пальто, въ панталончикахъ, въ шапкѣ съ кисточкой и съ козырькомъ, какъ его братья, будто большой человѣкъ, онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ важно руку и умными карими своими глазками окинулъ новую для него сцену. Собаки большія и малыя окружили его почтительно, какъ онѣ по инстинкту почти всегда дѣлаютъ съ дѣтьми. Начались новыя игры для забавы дитяти. Наконецъ, и мать, отдавъ свои приказанія по хозяйству, вышла къ намъ. Скоро ея присутствіе напомнило ребенку, гдѣ искать своего завтрака. Пошли споры: онъ требовалъ, чтобы мать сѣла тутъ же на траву; мать указывала ему на присутствіе двухъ учителей и, наконецъ, рѣшили войдти въ мой кабинетъ, и я съ ними. Но тутъ уже не до груди. Разныя вещи на моихъ столахъ приводятъ его въ искушеніе и со столовъ переходятъ на коверъ, на полъ. Между тѣмъ время общаго завтрака въ полдень близко; мнѣ надобно одѣваться; насилу уговорили дитя идти въ домъ. Всѣ усѣлись, раскраснѣвшіе отъ игръ и весенняго солнца, около домашняго стола. Разговоръ не помню какъ палъ на малолѣтнаго сына Шамиля, потребованнаго мною и выданнаго отцемъ въ критическую минуту штурма передъ взятіемъ Ахульго. Какъ свойственно женщинѣ, жена замѣтила, почему на дѣтяхъ отражаются также ужасы

войны и зачѣмъ я настаивалъ на выдачѣ сына. Трудно было объяснить, почему война, особливо съ народомъ полудикимъ, доводитъ до поступковъ, обыкновенному понятію о человѣколюбіи противныхъ. Имена тутъ ничего не значатъ—Шамиль или другой; но онъ былъ представитель секты мюридовъ, непримиримыхъ враговъ Россіи, котораго надобно было уничижить или уничтожить. Разговоръ перешелъ къ военной дисциплинѣ, торжество которой я разсказалъ въ остановленномъ, какъ жезломъ волшебнымъ, штурмѣ почти взятой уже Варшавы, также Парижа въ 1814-мъ году. Наконецъ, трогательныя сцены добродушія нашихъ солдатъ на штурмѣ Ахульго. Затѣмъ прибавилъ я общія замѣчанія о важности, какую дисциплина имѣла у всѣхъ народовъ, безсмертнаго величія въ Исторіи достигшихъ и разсказалъ казнь юнаго Манлія, побѣдившаго противъ повелѣнія консула-отца. Это возмутило противъ меня жену, и напрасно оправдывался я, что разсказываю объ этомъ, какъ о самомъ крайнемъ, жесточайшемъ выраженіи военной дисциплины. Она, казалось, страшилась за своихъ мальчиковъ, и чтобы обезоружить и вмѣстѣ съ тѣмъ кольнуть меня, напомнила о моемъ собственномъ поступкѣ противъ старшаго въ Грузіи. Вмѣсто оправданія, ею ожидаемаго, я призналъ себя совершенно виновнымъ и поступокъ этотъ, хотя противъ человѣка недостойнаго, объяснилъ, не думая извинять, разстройствомъ тѣлеснымъ и душевнымъ, тогда постигшимъ меня. Новая бѣда, зачѣмъ передъ дѣтьми и при чужихъ признаю свою вину, накликая на себя будто опасность.—Между тѣмъ завтракъ давно кончился; мы весело встали. Черезъ полчаса поданы мнѣ, двумъ старшимъ мальчикамъ и учителю музыки, верховыя лошади, и мы выѣхали въ поле. Дороги почти просохли; новые всходы начинаютъ зеленѣть, невидимые жаворонки наполняютъ воздухъ своимъ звонкимъ веселымъ гимномъ, теряясь въ синевѣ воздуха, такъ что дѣти молодыми своими глазами едва отыскивали ихъ, какъ черную точку въ пространствѣ. Сегодня мы не могли дождаться, а вчера удалось видѣть, какъ одинъ изъ жаворонковъ, послѣ долгой неутомимой пѣсни своей, какъ бы истощенный чрезмѣрнымъ усиліемъ, спустился какъ пуля съ высоты на землю.—Захвативъ край села Блотницы, мы взъѣхали на дворъ къ сосѣду, помѣщику Мазараки; не слѣзая, вызвали его. Онъ вышелъ

съ сонными глазами на крыльцо и сплеча началъ разсказъ объ обидахъ, сдѣланныхъ ему его братьями. Въ промежуткѣ двухъ словъ я простился съ нимъ, и мы отправились далѣе. Вдали увидѣли коляску съ дочерьми, возвращавшимися также съ прогулки домой. Мы сдѣлали тоже, но въ домъ не вошли. Я вызвалъ жену, чтобы показать новые парники и доставить ей часто забываемое движеніе. Длинная и широкая тополевая аллея въ плодовомъ саду, надъ которою работали, понравилась ей и дѣтямъ. Отведя ее домой, съ мальчиками и однимъ учителемъ мы пошли далѣе въ паркъ, куда звали насъ крики журавлей, перелетавшихъ надъ нимъ; на силу отыскали ихъ глазами въ вышинѣ. Въ верховой прогулкѣ видѣли два раза дикихъ утокъ и одного дикаго гуся, низко летѣвшаго съ крикомъ, вѣроятно по потерянномъ товарищѣ. Такъ наступила половина шестаго, часъ нашего обѣда и, не смотря на искушеніе спущенной на воду лодки, надобно было идти домой.—Обѣдъ прошелъ мирно; только Володя, не сидящій еще за столомъ, шумно кружилъ около него, преслѣдуя разныхъ воображаемыхъ звѣрей съ палкой въ рукахъ, съ ожесточеніемъ и не слушая никого. Наконецъ, онъ согласился однакоже присѣсть за особенный столъ на собственный обѣдъ. — Когда столъ былъ убранъ, продольный коверъ и боковые сняты, тогда учитель музыки сѣлъ за рояль и, послѣ прелюдіи изъ Преціозы, веселый галопъ вызвалъ легкими парами дѣтей въ залу, гдѣ начались танцы, галопъ, полька и заключились кадрилью. Въ восемь часовъ, приласкавъ прежде у груди менѣе трехъ другихъ счастливо рожденную дочь Марію, я ушелъ тихонько въ свой флигель, гдѣ пылалъ уже каминъ и горѣла лампа. Здѣсь, усѣвшись въ кресла и болѣе обыкновеннаго тронутый признательностію къ Творцу за тихія и нѣжныя ощущенія дня, вмѣсто чтенія развертутой уже книги, мнѣ пришло желаніе отмѣтить этотъ день безискусственнымъ разсказомъ. Но вотъ и одиннадцать часовъ ночи; огонь въ каминѣ погасъ; вокругъ меня давно все успокоилось. Благодарю Небо за протекшій день, моля о подобныхъ до послѣдняго дня.

1846. **Блотница. 15 Ноября.** Ibrabim ne se crut pas précisément égal de Napoleon, mais il ne voyait pas entre l'empereur et lui une distance bien grande, et il exprimait avec la franchise naturelle à son caractère *l'admiration qu'il éprouvait pour lui-même.*

Cela n'est rien en comparaison des choses que je viens d'entendre, il n'y a pas plus de quinze jours, à Varsovie. *Je suis grand*, *je suis bon*, *je suis généreux*. Et ces énormités se disaient avec une naïveté comme s'il s'agissait d'autrui.

17-го Ноября. Никто не можетъ точнѣе опредѣлить, какіе спасительные успѣхи Европа, эта представительница, глава человѣчества, сдѣлала въ протекшее тридцатилѣтіе не только въ матеріальномъ своемъ бытѣ, но и въ понятіяхъ о взаимныхъ истинныхъ отношеніяхъ и потребностяхъ народовъ и правительствъ, какъ тѣ, которые жили, видѣли ее и дѣйствовали съ первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія. Главное пріобрѣтеніе, по моему мнѣнію, общественнымъ духомъ и разумомъ сдѣланное, есть это общее опасеніе войны между Европейскими государствами, это ясное о ней понятіе, способствовавшее рѣшить перомъ и договорами столько щекотливыхъ и раздражительныхъ вопросовъ, которые не задолго еще передъ тѣмъ несомнѣнно предоставлены были бы кровавому рѣшенію меча. Не говорю о неоднократныхъ возстаніяхъ покоренныхъ въ прошедшемъ періодѣ народовъ, недавно подавленныхъ силою; но и здѣсь торжество новыхъ понятій удержало смуты въ ихъ предѣлахъ, не допустивъ до всеобщей войны, неопытностію и буйствомъ вызываемой. Конгрессы и протоколы предпочтительнѣе армій и сраженій. — Какое удивительное развитіе получили въ это время силы умственныя и промышленныя во всей Европѣ и отразились даже на другихъ частяхъ свѣта! Конечно огромные капиталы употребляются еще на содержаніе армій, по видимому безполезныхъ и въ нѣкоторыхъ большихъ государствахъ вѣроятно превышающихъ дѣйствительную потребность. Но кромѣ осторожной постепенности, съ которою должны производиться всѣ важныя измѣненія (а уничтоженіе или уменьшеніе постоянныхъ армій есть одно изъ важнѣйшихъ) Провидѣніе указало каждому изъ сильнѣйшихъ трехъ государствъ употребленіе оружія въ образовательномъ духѣ противъ народовъ, коснѣющихъ въ полудикомъ состояніи и вѣковыми предразсудками общій ходъ человѣчества къ лучшему затрудняющихъ. И будто нарочно, вездѣ противупоставило оно новыя и неожиданныя препятствія каждому изъ нихъ, чтобы новому порядку вещей въ Европѣ, еще не привычному, способствовать самою трудно-

стію отступить отъ него, чтобы дѣйствовать по прежнему. Между тѣмъ и внутренніе вопросы, каждое изъ государствъ нынѣ занимающіе, вопросы раздражительные и опасные, волнующіе массы, требуютъ, чтобы правительства, кромѣ нравственнаго могущества, имѣли бы и матеріальное въ ежеминутномъ своемъ распоряженіи.

Нисходя съ этихъ головокружительныхъ высотъ политическихъ умозрѣній, коснемся нѣкоторыхъ частностей, которыми упрекаютъ новый порядокъ вещей. Утверждаютъ, будто число бѣдныхъ вообще (paupеrisme), а въ нѣкоторыхъ государствахъ, гдѣ усовершенствованныя машины замѣнили руки, въ особенности, чрезвычайно умножилось. Очень подозрѣваю, что бѣдныхъ было много и въ исчезающемъ прежнемъ поколѣніи; но некогда было въ общихъ тогда тревогахъ войны обращать на нихъ вниманіе, и вопли ихъ заглушались шумомъ оружія. Теперь ихъ конечно много, но не одно вниманіе всѣхъ правительствъ и общества обращено на эту язву человѣчества; и тѣ и другія обладаютъ средствами и волею употреблять ихъ на облегченіе бѣдствующихъ. Общественная благотворительность, даже тщеславіемъ подстрекаемая, вмѣсто прежней личной, всегда недостаточной, дѣйствуетъ въ обширномъ размѣрѣ на пособіе неимущимъ, между тѣмъ какъ лучшіе умы изслѣдуютъ политическія и нравственныя причины и изыскиваютъ средства если не уничтожить вовсе, то по крайней мѣрѣ ослабить уничижительную болѣзнь народовъ. Новыя понятія о свободной торговлѣ, прежде одной наукѣ и немногимъ мыслящимъ головамъ принадлежавшія, нынѣ примѣромъ Англіи, можетъ быть изъ личныхъ исключительныхъ видовъ, въ исполненіе приводимыя и недовѣрчивость возбуждающія, но въ существѣ своемъ непреложныя, обойдутъ со временемъ весь свѣтъ и съ осторожностію и вниманіемъ къ мѣстнымъ интересамъ всѣми или главнѣйшими государствами принятыя, болѣе нежели что либо должны возвысить уровень общественнаго благосостоянія. Администрація или внутреннее управленіе, цѣлью котораго есть облегченіе подробностей и взаимныхъ обязанностей жизни для всѣхъ и каждаго, смягчила свои суровыя формы и видимо совершенствуется.

Пути сообщенія — одна изъ главнѣйшихъ потребностей и въ одно и тоже время причина и признакъ возрастанія богат-

ства народнаго, въ остальной Европѣ даже до безразсудныхъ спекуляцій доходящія, отъ Сѣвера нашего огромнаго отечества начинаютъ досягать середину его и не замедлятъ, позволено надѣяться, оживить дѣятельностію производительныя силы плодороднаго Юга имперіи.

Монархическое начало, чрезъ страшное горнило опыта въ западной Европѣ перешедшее, всѣ утопіи убѣжденіемъ въ своемъ преимуществѣ побѣдившее, просвѣщеніемъ смягченное, степенью процвѣтанія народовъ условленное, для Россіи столько же необходимое, сколько священное, никакимъ умозрѣніямъ болѣе не подлежащее, спасительно и, безъ малѣйшей тѣни раздражающаго сопротивленія, благодѣтельно царитъ надъ великой имперіей, и неисповѣдимыя судьбы готовитъ ей въ будущемъ.

Есть вопросъ важный, опасный, неизбѣжный, коего разрѣшеніе, дѣти, предстоитъ вашему времени: измѣненіе отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ. Съ намѣреніемъ избѣгаю выраженія *освобожденіе крестьянъ*, подавшаго поводъ къ столькимъ ложнымъ, опаснымъ и мечтательнымъ понятіямъ. Совокупныя пользы правительства, владѣльцевъ и крестьянъ этого требуютъ; но исполненіе требуетъ величайшей осторожности, усерднаго и безкорыстнаго содѣйствія владѣльцевъ мѣрамъ правительства. Это подвигъ будущаго полустолѣтія. Это его опасность.

1847.

4-го Марта 1847. Блотница. Теперь только, послѣ почти трехлѣтняго уединенія, въ тишинѣ кабинета, когда волны прошедшаго улеглись мало по малу въ успокоенной душѣ, ясно представляется мнѣ, какъ мало предоставлено человѣку времени на размышленіе во время плаванія его по бурному морю жизни и сколько причинъ быть глубоко признательнымъ къ провидѣнію Творца имѣетъ тотъ, кто, не смотря на то, вошелъ, наконецъ, въ тихую пристань, съ совѣстью не вовсе истерзанною, съ душею не раздраженною и не совсѣмъ притупленною, простымъ и вѣрнымъ наслажденіямъ природою и семействомъ еще доступною, съ остаткомъ тѣлесныхъ силъ и здоровья, позволяющимъ забывать накопившіеся годы и недалекую уже старость.

Конечно на этотъ смотръ прошедшей своей жизни, важ-

нѣйшій изъ всѣхъ смотровъ для человѣка, первыя спѣшатъ представиться ошибки, упущенія, неудачи, проступки; а все похвалы достойное, искупающее, какъ бы съ усиліемъ и ослабленное является на вызовъ памяти.

7-го Марта. Къ вамъ обращаюсь, мои мальчики; вы, еще играющіе на порогѣ жизни, подъ крышей и крыломъ родителей; вы, ихъ забота, ихъ радость, любовь ихъ. На васъ озираюсь я, тоже съ порога жизни, но противоположнаго, обдумываю, разсматриваю свою протекшую жизнь, выбираю изъ нея, что̀ можно бы поставить вамъ въ подражаніе, чего избѣгать. Природа хотя въ различной степени, но не скупо надѣлила васъ наружными дарами, кажется и здоровьемъ. Вы растете и цвѣтете подъ небомъ Малороссіи, подъ климатомъ, въ умѣренной степени знакомящимъ васъ съ дѣтства съ суровостію Сѣвера, по которому ширится ваше огромное отечество, и со зноемъ Юга, куда оно уже такъ далеко и еще далѣе готово нести свое владычество. Вы старшіе уже привыкли и рады тому и другому. Каждый день вы съ отцемъ своимъ, молодѣющимъ для васъ, зимою ходите безъ разбора полями, чрезъ глубокіе снѣга, по лѣсамъ, долинамъ, прыгаете черезъ рвы, катаетесь по льду, забывая о морозѣ, вѣтрѣ, застигаемые иногда вьюгой, безъ страха, напротивъ съ радостію; весной же, лѣтомъ и осенью до первыхъ снѣговъ, верхомъ, безъ дорогъ, носясь вскачь по полямъ, рытвинамъ, и проводя всѣ часы, отъ ученія свободные, на открытомъ воздухѣ, не пользуясь даже для обѣда палаткой, подъ дубами разбитой, купаясь, плавая или сами управляя лодкой и выдумывая разныя безконечныя игры, вашему возрасту свойственныя. Все это не только дѣлаетъ отроческіе годы ваши счастливыми, но готовитъ васъ къ доброму вступленію на поприще, гдѣ толпа чуждыхъ вамъ людей столкнетс̀я съ вами и вступитъ въ состязаніе за все, что̀ обѣщаетъ жизнь и въ чемъ такъ часто обманываетъ. Смѣло впередъ, дѣти! Вооруженные чувствомъ чести, душевнаго благородства, съ долею необходимыхъ первоначальныхъ познаній, открывающихъ вамъ виды и пути къ тѣмъ, которыя впередъ нужны или манить васъ будутъ, принимайте, встрѣчайте бодро всѣ навѣванія жизни, благородно и охотно всѣ требованія долга, на пути вамъ предстоящемъ, съ довѣріемъ и чистосердечіемъ давая руку испытаннымъ, честнымъ, и съ

осторожною привѣтливостію встрѣчая чужихъ, неизвѣстныхъ, съ холоднымъ, но безобиднымъ достоинствомъ отталкивая негодныхъ.

10-го Марта. Изъ первыхъ встрѣчъ самая упоительная, опасная, слишкомъ часто на всю жизнь рѣшительная, встрѣча женщины! И теперь, при опытности цѣлой продолжительной жизни, не очень знаю, что̀ бы я могъ посовѣтовать, какъ уберечься отъ опаснаго, обаятельнаго, неодолимаго увлеченія. Строгое, не говорю даже совершенное отъ нихъ удаленіе, потемняетъ разсудокъ, раздражаетъ чувственность до изступленія, придаетъ прелести и достоинства тѣмъ изъ нихъ, которыя мало или вовсе ихъ не имѣютъ и въ ослѣпленіи чувствъ и разсудка не рѣдко предаетъ въ руки ихъ на долго или даже на всю жизнь молодость, лучшей участи достойную. Всего вѣрнѣе было бы со многими изъ этихъ прелестныхъ, но колючихъ цвѣтковъ, играть съ осторожностію, удовлетворяя взаимной чувственности, до встрѣчи съ тою, которой должны принадлежать уже нераздѣльно и сердце и чувства. Хорошо бы до двадцати, но непремѣнно до восемнадцати лѣтъ должно, воздерживаться отъ удовлетворенія чувственности для полнаго развитія физическихъ силъ, такъ тѣсно связанныхъ съ умственными и душевными. И позже этого неумѣренность, хотя не столько вредная, но можетъ имѣть пагубныя послѣдствія. Ничѣмъ нельзя лучше удержать или возстановить разстроенное равновѣсіе, какъ привычкою къ занятіямъ умственнымъ, строгимъ исполненіемъ обязанностей жизни, на каждомъ лежащихъ, разностороннимъ образованіемъ всѣхъ даровъ, въ удѣлъ Богомъ намъ данныхъ, сильнымъ и правильнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ всякаго рода, притупляющимъ излишнюю чувственность и возобновляющимъ истощенныя силы. Исторія полна громкихъ, но не высказала всѣхъ тайныхъ бѣдствій, неумѣренностію этой страсти порожденныхъ. Какъ рѣдки Улиссы, затыкающіе уши отъ Сиренъ при страстномъ и соблазнительномъ ихъ призывѣ!

Праздность придаетъ необыкновенную силу этой потребности, которая, разсудкомъ и твердыми правилами управляемая, должна бы доставлять одно неукоризненное и натурѣ человѣческой необходимое наслажденіе. Но бѣдный разсудокъ! Тутъ трудно и много ему дѣла.

Ранняя женитьба была бы лучшимъ умирителемъ въ этомъ непобѣдимомъ влеченіи къ женщинѣ. Но сколько условій должны соединиться, чтобы сдѣлать ее счастливою!

Обольщеніе невинности и разстройство семейнаго быта останутся всегда проступками, не смотря ни на какіе софизмы.

12-го Марта. Je ne suis pas seulement retiré des emplois publics, je rentre en moi-même. Je puis promener mes regards dans la solitude et marcher dans les sentiers de la vie privée avec une vraie satisfaction de coeur. Ne portant envie à personne, je suis décidé à être content de tous, et dans cette disposition je descendrai doucement le fleuve de la vie, jusqu' à ce que je m'endorme avec mes pères.

Je sais que, malgré la force de ma constitution, je suis d'une famille oú l'on vit peu et que je dois m'attendre à reposer bientôt dans la tombe. Je ne veux pas me plaindre. J'ai eu mon jour.

——

13-го Марта. Съ новымъ удовольствіемъ прочелъ я Введеніе Гизо къ описанію жизни Вашингтона. Счастливы оба, и великій мужъ, нашедшій себѣ такого историка, и писатель, встрѣтившій въ исторіи людей такую полную и неукоризненную жизнь. Ни въ одномъ изъ твореній Гизо, вообще примѣчательныхъ, не отзывается такое теплое чувство удивленія и любви къ нравственному величію, котораго можетъ достичь человѣкъ, въ борьбѣ съ необыкновенными обстоятельствами, и котораго съ такимъ полнымъ успѣхомъ достигъ Вашингтонъ, какъ въ этомъ Введеніи. Это игра виртуоза, исполнившаго свою любимую піесу. Нельзя не чувстворать, что Гизо въ одно и тоже время изображалъ и дѣйствительную жизнь лучшаго изъ всѣхъ героевъ человѣчества, и идеалъ, которому предполагалъ слѣдовать на поприщѣ для него самого готовое открыться. Онъ еще на сценѣ, и его біографія впереди.

——

L'histoire des peuples est une échelle de misère dont les révolutions forment les différents dégrés.

——

Je sais m'attendrir sur le malheur des autres; mais dans ce siècle de philantropie nous avons trop déclamé contre la fortune. Les pauvres dans les états sont infiniment plus dangereux que les riches, et souvent ils valent moins qu'eux.

Partout où un petit nombre d'hommes réunit pendant de longues années le pouvoir et les richesses, quels que soient d'ailleurs la naissance de ces gouvernants, prébécienne ou patricienne, le manteau dont ils se couvrent, républicain ou monarchique, ils doivent nécessairement se corrompre dans la même progression qu'ils s'éloignent du premier terme de leur institution. Chaque homme alors a ses vices, plus les vices de ceux qui l'ont précédé.

1847. 2-го Апрѣля. Сильный вѣтеръ поутру; къ вечеру теплый дождь до 5° тепла.—По прошествіи долгаго времени опять за Тацита, и тѣмъ пріятнѣе чѣмъ болѣе нашелъ его знакомымъ. До ночи кончилъ 1-й томъ его Исторіи. Арминій болѣе прежняго обратилъ мое вниманіе своимъ значеніемъ въ собственномъ народѣ и въ исторіи Римской имперіи. Начальные признаки слабости послѣдней въ возмущеніи и въ самыхъ средствахъ укрощенія легіоновъ при восшествіи Тиверія.

Драма Германика и Пизона, безъ содѣйствія Тиверія въ пользу послѣдняго непонятная; тогдашняя медленность въ сообщеніяхъ могла способствовать тому. Скорость объясненій остановила бы все и заставила бы прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Какъ могла столько времени оставаться неопредѣленною зависимость Пизона отъ Германика; а послѣ его смерти управленіе Востокомъ оспориваться Сентіемъ и Пизономъ?

Въ нѣсколькихъ словахъ какъ бы неумышленно отражается понятіе о могуществѣ Парѳянской имперіи; а какъ мало слѣдовъ осталось отъ нея въ исторіи!

Пріятная прогулка пѣшкомъ съ тремя сыновьями и учителемъ ихъ.

3-го Апрѣля. Наконецъ, опять теплый весенній день. Утро съ Тацитомъ. Первыя девять лѣтъ правленія Тиберія, смѣсь добра и зла. Извѣщеніе Беллизара о посылкѣ книгъ. Ольга окончила Иліаду и Одиссею. Прочла первую часть Виргиліевой Енеиды. Сѣверная Пчела съ трудомъ перебивается, и фельетонъ повторяетъ старое. Journal des Débats на этотъ разъ мало занимателенъ; но нѣсколько строкъ выскоблено.—Въ приказахъ страшный приговоръ за покушеніе на смертоубійство (кого не сказано) надъ подпор. Веригой.

Опять въ кабинетѣ за давно оставленнаго Тацита. Послѣднія одиннадцать лѣтъ Тиверія въ Капреѣ. Страшный періодъ Рим-

ской жизни и человѣчества. Между тѣмъ я отыскалъ въ Тацитѣ знакомыхъ, кажется, еще никѣмъ не замѣченныхъ. Въ описаніи войны царя Иберіи (Грузіи) Фаразмана съ Артабаномъ царемъ Парѳянскимъ, Тацитъ въ числѣ вспомогательныхъ войскъ перваго называетъ Шепсуховъ (Sceptuchi). На сѣверной покатости Кавказа и у подошвы его до Кубани, между племенами Абадзеховъ, Натухайцовъ и Убыховъ, существуетъ до нынѣ сильное и воинственное племя Шапсуговъ. Довольно правдоподобно, что по непроходимости Кавказской цѣпи на этомъ пространствѣ, по неимѣнію вовсе никакихъ путей кромѣ тропинокъ въ странѣ ихъ, они мало могли потерпѣть отъ нашествій въ разныя времена различныхъ народовъ изъ Азіи въ Европу и изъ Европы въ Азію, по необходимости избиравшихъ два существующіе только пути для перехода чрезъ Кавказскія горы: ворота Кавказскіе (Даріальская тѣснина) и Каспійскіе ворота (Дербентъ)

Впрочемъ Кавказъ по сіе время скрываетъ богатыя сокровища для будущихъ изслѣдователей въ разныхъ любопытныхъ отношеніяхъ, особенно въ происхожденіи народовъ. Многія племена носятъ въ неискаженномъ видѣ названія издревле передаваемыя Исторіей. Анды, Авары, Осеты или Осетины. Послѣдніе особенно замѣчательны. Они занимаютъ главное ущелье, чрезъ Кавказскіе ворота изъ Европы въ Азію почти по серединѣ Кавказской цѣпи пролегающее. Наружность ихъ отлична отъ всѣхъ другихъ Кавказскихъ племенъ, и языкъ ихъ по звуку и даже по сходству нѣкоторыхъ словъ поминаетъ языкъ Нѣмецкій. Они обратили уже на себя вниманіе оріенталистовъ Германіи.

Poppaeus Sabinus obtint le consulat, les ornements du triomphe, et régit pendant vingt quatre ans les provinces les plus importantes, non qu'il eut des talents distingués, mais parce que, au neveau de ses emplois, il n'était point au-dessus.

Лыбопытно свидѣтельство Тацита о Вителліѣ (отцѣ императора гнусной и прожорливой памяти) во время управленія его при Тиверіѣ легіонами на Востокѣ: Je n'ignore point la renommée sinistre qu'a maintenant ce Romain et ce qu'on impute de honteux à sa mémoire; mais il n'est pas moins vrai que dans l'administration des provinces il montra une vertu antique.

5-го Апрѣля. Въ два часа по полудни 15° тепла, солнце, но сильный вѣтеръ. Утро прошло въ приготовленіи писемъ, брату Карлу, Македонцу, Мельникову, отношеній, дежурному генералу и въ департаментъ военныхъ поселеній. Софьѣ лучше и выходитъ; Катя опять съ пароксизмомъ лихорадки. Завтракъ веселый. Верхомъ съ моими всегдашними спутниками верстъ десять. Въ 4 часа возвратились. За Тацита. Невознаградимая потеря многихъ его книгъ. Какіе вымыслы могутъ сравниться съ безумными неистовствами Калигулы? Этотъ не обманывалъ, какъ другіе, кроткимъ и умѣреннымъ началомъ правленія, но почти тотчасъ показался въ чудовищномъ своемъ безобразіи, заставивъ жалѣть даже о Тиверіѣ.

Клавдій жалокъ и ужасенъ. Но какъ жалокъ тогдашній Римскій міръ! Куда укрыться отъ ряду чудовищъ, давившихъ его? Какъ, въ тогдашнемъ положеніи имперіи, униженіи Сената, развратѣ Римской черни, буйствѣ преторіанцевъ, всегдашней готовности къ возмущенію легіоновъ, узнавшихъ свое могущество, какъ измѣнить порядокъ и духъ правленія? Тациты, Пливіи и немногіе подобные имъ должны были и въ лучшія времена глубоко это чувствовать. И какъ это чувство отзывается грустію во всѣхъ ихъ твореніяхъ!

Между обѣдомъ и чаемъ дѣти упросили меня прочесть имъ изъ IX т. Исторіи Карамзина царствованіе Іоанна Грознаго. Мы взяли Казань. Я читалъ съ удовольствіемъ и одушевленіемъ, замѣтивъ непритворное вниманіе старшихъ дѣтей, даже и младшихъ, слушавшихъ краснорѣчивый разсказъ, какъ сказку. Пересталъ во время, чтобы не утомить въ нихъ охоту къ слушанію.

7-го Апрѣля. Послѣ многихъ мѣсяцовъ безвыѣзднаго пребыванія дома, въ семействѣ, уступая наконецъ приличіямъ, ѣздилъ на дрожкахъ вчера за десять верстъ къ сосѣду и родственнику И. М. Скор. Встрѣтилъ его семейство на прогулкѣ въ колясках. Обѣдалъ у нихъ и возвратился къ семи часамъ вечера домой. Обычный порядокъ моего дня отъ этой короткой поѣздки однако разстроился; глаза потерпѣли отъ пыли и вѣтра, душа отъ незанимательнаго разговора. Даже во снѣ тревожными грезами отозвалось отступленіе отъ ежедневной жизни. Дороги просохли; всходы едва замѣтны. Ввечеру дѣти танцовали и маскировались. Остался за общимъ чаемъ. Вчера по-

утру отправлены письма и дѣловыя бумаги на почту. Привезли только Débats и Библіотеку. Нѣсколько строкъ изъ послѣдней; исповѣдь Булг. въ вымышленной повѣсти о терпимыхъ имъ гоненіяхъ въ званіи журналиста. Какъ хорошъ, восхитителенъ мой Владиміръ! Да осѣнитъ его благое Провидѣніе Своимъ покровомъ.

10-го. Третьяго дня, 8-го, ѣздилъ за тринадцать верстъ къ доброму сосѣду А. Е. Риттеру, одинъ. Этимъ, кажется, заключу мои визиты; порядокъ жизни ими разстраивается; цѣпь дневныхъ занятій и кроткихъ семейныхъ ощущеній разрывается; нужно ихъ опять связывать, а они нѣжны и требуютъ безпрерывнаго вниманія для искуснаго, но незамѣтнаго направленія и умиренія наклонностей и страстей, всегда и вездѣ и безъ важныхъ причинъ не перестающихъ дѣйствовать. Къ тому же есть и грызущая забота: сына надобно везти въ Петербургъ, а средствъ къ тому нѣтъ въ виду.

Замѣчательна рѣчь Дюшателя (министра внутреннихъ дѣлъ) въ Палатѣ депутатовъ по поводу предложенія Duvergier de Hauranné умножить число избирателей. Также и рѣчь Гизо. Предложеніе отринуто.

Хорошъ въ Б. для Ч. разборъ біографіи Крылова, въ предисловіи къ общему новому изданію его сочиненій, Плетневымъ прибавленной. Это портретъ.

Вчера же вечеромъ и сегодня по утру опять за Тацита. Люблю всѣ роды краснорѣчія, но Тацитово мнѣ болѣе всѣхъ по сердцу; такъ глубоки взгляды его въ душу человѣческую, такъ важенъ и всеобъемлющъ его обзоръ Римскаго міра, такъ поразительно мѣтко выраженіе!

Въ приказахъ большое производство въ генералъ-лейтенанты. Есть изъ нихъ непостижимые. За то два генер.-лейт.: Тришатный (бывшій начальникъ внутренней стражи и инспекторъ резервной пѣхоты) и Добрынинъ, начальникъ резервной Кавказской дивизіи, преданы военному суду арестованными за злоупотребленія, слѣдствіемъ которыхъ была непомѣрная смертность между нижними чинами. Знаю обоихъ, особливо послѣдняго, имѣвъ даже случай быть ему полезнымъ.

Заговоръ Пизона, смерть Сенеки, пожаръ Рима—мастерскія картины!

11-го Апрѣля. Пасмурный тихій день, 9° тепла. Утро съ Тацитомъ. Книги конца царствованія Нерона и смерть его, не дошедшія до насъ; горестная потеря. Переходъ отъ лѣтописи къ Исторіи. Превосходное вступленіе. Общій обзоръ положенія имперіи послѣ смерти Нерона. Гальба въ Испаніи. Виндексъ въ Галліи. Вергиній и Капитонъ въ Германіи. Внезапное сраженіе между легіонами двухъ послѣднихъ. Муціанъ въ Сиріи. Веспасіанъ въ Іудеѣ. Возмущеніе Оттона въ самомъ Римѣ. Четырехъ-дневное цесарство Пизона. Смерть его и Гальбы.

Судьбы такой имперіи и такого народа какъ Римляне вообще достойны вниманія потомства, особливо рѣзцомъ Тацита начертанныя; но твореніе его особенно заслужило безсмертіе множествомъ мыслей и приговоровъ вѣрныхъ, глубокихъ, въ сердцѣ человѣка всѣхъ временъ, всѣхъ состояній, подсмотрѣнныхъ и выраженныхъ неподражаемо. Какое разнообразіе въ оттѣнкахъ добродѣтели и порока, какъ въ самой природѣ!

14-го. Être de tous les partis par leur côté généreux, n'être d'aucun par leur côté mauvais (Hugo).

Весна Петербургская пожираетъ стариковъ. Трое сановниковъ: Васильчиковъ, Потаповъ, Храповицкій умерли одинъ за другимъ. Всѣхъ троихъ коснулся я различно въ моей жизни. Я узналъ ихъ въ моей молодости уже генералами. Память Васильчикова почтена строками уваженія къ его душевнымъ качествамъ и благородной службѣ, строками, какъ говорятъ изъ души Государя излившимися.—О Потаповѣ никто ни слова; о дарованіяхъ его говорить нечего; но о сердцѣ его я могъ бы сказать много похвалы достойнаго, мною самимъ испытаннаго, если бы не отвращеніе непреодолимое къ печатной извѣстности. Къ тому же обстоятельства, на которыя должно было бы сослаться, гласности еще не терпятъ. Они найдутъ, я надѣюсь, свое мѣсто въ этой скромной книгѣ, въ свое время, если Провидѣніемъ суждено и мнѣ, уже самому въ преддверіи старости, еще нѣсколько лѣтъ не сломленныхъ ею, какъ теперь, ни душой ни тѣломъ. — Будетъ ли Храповицкій счастливѣе? Жизнь его была замѣтнѣе жизни Потапова; но былъ ли онъ лучше,— не знаю. Съ нимъ я только сталкивался; съ Потаповымъ прожилъ въ первый разъ нѣсколько недѣль, въ которыя много ему

обязанъ за оказанное участіе и благородство; потомъ годы, какъ подчиненный по службѣ, въ различныхъ отношеніяхъ пріязни и отдаленія; въ послѣдствіи въ непоколебимой дружбѣ, нѣжно-внимательной съ его стороны и до конца. Въ Петербургѣ я замѣчу его пустое для меня мѣсто.

15-го Апрѣля. Семейное небо пасмурно. Николай также занемогъ лихорадкой, Софья простудой. Нѣтъ моихъ привычныхъ спутниковъ въ прогулкахъ! И погода кажется отъ того хуже нежели на самомъ дѣлѣ.

Прекрасная въ Revue des Deux Mondes повѣсть Le Roman dans le monde; сельскій докторъ — лучшее возраженіе противъ паровыхъ романовъ новой школы, наполняющихъ фельетоны.

Боде путешествіе къ развалинамъ Персеполя и Сузы очень занимательное. Я слѣдилъ его путь на картѣ Арросмита, которую онъ уступилъ мнѣ въ проѣздъ свой чрезъ Ставрополь, еще до путешествія въ Персію. — Луристанъ и Хузистанъ.— Въ какихъ неуклюжихъ рукахъ бѣдствуетъ этотъ земной рай!

— —

16-го Вчера день былъ весенній; въ два часа по полудни жена съ Ольгой въ дрожкахъ; вмѣстѣ съ ними я съ однимъ учителемъ Маттеи верхомъ. Пѣшкомъ съ Владимиромъ удить рыбу, неудачно. Послѣ обѣда рано въ свой кабинетъ. Napoléon et Marie Louise, третій томъ Менневаля. Полагаю, что это прибавленіе къ двумъ прежнимъ, весьма занимательнымъ, должна быть спекуляція; такъ мало оно похоже на нихъ. Часто прорывается слогъ и даже лживость бюллетеней, сужденія недостойныя человѣка такъ близко бывшаго къ Наполеону и къ событіямъ; занимательны только въ концѣ письма Наполеона и Іосифа въ 1814-мъ году и записки Екатерины Виртембергской, супруги Іеронима, короля Вестфальскаго.

Поздно, уже ночью продолжительный и близкій, зловѣщій по понятію многихъ крикъ совы, какъ никогда въ жизни еще не слышалъ. Страненъ и особенно непріятенъ смѣхъ ея. Какъ нарочно собаки, которыхъ полонъ дворъ, на этотъ разъ всѣ молчали, лая обыкновенно при малѣйшемъ звукѣ по вечерамъ.

La chaîne qui lie entre eux les événements de ce monde est quelquefois bien étrange! Souvent ce qui est sage combinaison échoue; ce qui est faute réussit. Ce n'est pas un motif toutefois pour déclarer

toute prudence vaine, et pour lui préférer les impulsions du caprice dans le gouvernement des empires. Non, il faut toujours préférer le calcul à l'entraînement dans la conduite des affaires; mais on ne peut s'empêcher de reconnaître qu'au-dessus des desseins de l'homme planent les desseins de la Providence, plus sûrs, plus profonds que les siens. C'est une raison de modestie, non d'abdication pour la sagesse humaine.

——

17-го Апрѣля. Въ домѣ грустно. Четверо старшихъ нездоровы. Теплый день, небольшой дождь, недостаточный для сухихъ полей. Кончилъ шестой томъ Консульства и Имперіи Тьера. Въ этомъ томѣ, кажется мнѣ, онъ сошелъ нѣсколько ступеней съ исторической высоты, съ которой въ прежнихъ смотрѣлъ и описывалъ происшествія. Описаніе затрудненій Французскаго банка, довольно запутанное, занимаетъ слишкомъ много мѣста и не меньше трехъ разъ возвращается подъ его перо. Хорошо описано быстрое и мастерское движеніе Булонскаго лагеря и прочихъ войскъ къ Ульму на сокрушеніе Мака. Сцены передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, по собственнымъ моимъ воспоминаніямъ того времени, должны быть недалеки отъ истины. Записки графа Ланжерона о канунѣ и ночи передъ Аустерлицемъ въ квартирѣ Кутузова я не зналъ. Она умна́ и живописна. Характеры нѣкоторыхъ нашихъ генераловъ у Тьера написаны несправедливо. Милорадовичъ названъ порочнымъ. Онъ былъ безпорядо́ченъ, но великодушенъ и добръ; рѣдко платилъ долги, сдѣлавъ ихъ много, но отдавалъ послѣднее иногда безъ толку. Сужденіе о Кутузовѣ рѣзко и потому также несправедливо; распутнымъ (dissolu) нѣтъ достаточныхъ причинъ называть его: онъ любилъ женщинъ, въ чемъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, былъ съ ними очень любезенъ и ловокъ даже въ старости. Этотъ упрекъ тѣмъ замѣтнѣе, что достался только на его долю, когда онъ гораздо справедливѣе могъ быть направленъ противъ многихъ изъ замѣчательныхъ лицъ Франціи. Положеніе его въ арміи при Александрѣ передъ Аустерлицомъ было такъ затруднительно, что требовало бы болѣе осторожности въ осужденіи его историкомъ. По обвиненію въ лѣни онъ оправданъ безсмертіемъ.

——

Il voulait user du moyen très facile en théorie, très difficile dans la pratique de battre ses ennemis les uns après les autres.

Des gouvernements irrésolus qui délibèrent quand ils devraient agir, des gouvernements imprévoyants qui songent à organiser leurs forces quand déjà elles devraient être sur le champ de bataille et, au-dessous d'eux des généraux subordonnés qui peuvent à peine se mouvoir sur le théâtre circonscrit assigné à leurs opérations.

Dans le chaos de ces rapports l'esprit supérieur discerne la vérité, l'esprit médiocre se perd.

Mack à Ulm. Du reste l'expérience enseigne que dans ces situations l'âme humaine abattue, quand elle a commencé à descendre, descend si bas, qu'entre tous les partis elle prend le plus mauvais.

Le courage malheureux n'est pas moins admirable que le courage heureux: il est plus touchant.

Ajoutons que ces grandes résolutions sont faites pour les grands hommes, que les hommes ordinaires y succomberaient etc. etc.

Nulle-part les fautes ne sont assitot punies qu'à la guerre, car nulle-part les causes et les effets ne s'enchaînent aussi rapidement.

L'art de se diviser pour vivre et de se concentrer pour combattre.

La plus admirable des habiletés est celle de la force qui sait se contenir.

Pour les espris refléchis et calmes, s'il en restait quelques-uns en presence de tels évènements, il n'y avait qu'un sujet de crainte, c'était l'inconstance connue de la fortune et, ce qui est plus redoutable encore, la faiblesse de l'esprit humain, qui quelquefois supporte le malheur sans faillir, rarement la prospérité sans commettre de grandes fautes.

Ou n'a des alliés comme des amis qu'à la condition de ménager leur orgueil autant que leur intérêt, à la condition, en appercevant leurs torts, même en les sentant vivement, de ne pas s'en donner de pareils à leur égard.

Et à quoi seraient bonnes les forces des nations, si non à essayer de dominer les unes sur les autres? Des vastes dominations sont dans les desseins de la Providence. Ce qu'un homme de génie est à une nation, une grande nation l'est à l'humanité. Les grandes nations

civilisent, éclairent le monde et le font marcher plus rapidement dans toutes les voies. Seulement il faut leur conseiller d'unir à la force la prudence, qui fait réussir la force et la justice, qui l'honore.

——

Il était loin d'être insensible aux charmes du repos. Avec la puissante mobilité de son âme, il était aussi disposé à goûter les douceurs de la gloire, des arts utiles, qu'à se transporter de nouveau sur les champs de bataille pour bivouaquer sur la neige, au milieu des rangs de ses soldats.

Il avait rétabli les cultes et il l'avait fait avec la profonde conviction qu'il faut une religion à toute société, non pas comme un moyen de police de plus, mais comme une satisfaction due aux plus nobles besoins de l'âme humaine.

——

Въ прошломъ году, при посѣщеніи Пулковской обсерваторіи, нѣсколько счастливыхъ часовъ, проведенныхъ мною въ обществѣ астронома Струве, кромѣ удовольствія и поученія въ его разговорѣ и наблюденій для меня новыхъ сквозь могущественные телескопы обсерваторіи, породили во мнѣ мысль, потомъ разсѣянную, но сію минуту во мнѣ пробужденную: какую тихую и вѣроятно счастливую жизнь можно было бы приготовить для одного изъ моихъ сыновей, отдавъ его въ семью учениковъ этого достойнаго астронома, привязавъ всю его жизнь къ этой горѣ, съ которой, какъ съ безопаснаго утеса, среди бури жизни, онъ могъ бы смотрѣть на растилающуюся вдали столицу, подъ вѣчнымъ ея покровомъ тумана и дыма, слышать отдаленный ея шумъ, сливающійся съ шумомъ всегда грозящаго ей моря, угадывать, не испытывая самому, страсти громкія и тайныя, терзающія эти тысячи собратій, живущихъ въ этой людской пучинѣ, и самую горечь сострадація забывать, углубляясь въ неистощимое созерцаніе вѣчной картины стройнаго и великолѣпнаго неба, изучая съ помощію глубокихъ исчисленій дивные законы Творца, коими движутся міріады свѣтилъ въ необъятномъ хороводѣ съ нашею атомическою и заботливою планетой—землею.

Это было въ первой половинѣ Августа; вечеръ прекрасный и тихій; онъ остался у меня въ памяти по возвышеннымъ и кроткимъ ощущеніямъ душевнымъ, по множеству мыслей, мол-

ніями въ умѣ мелькнувшихъ, по умному, поучительному разговору Струве и по особенному всегдашнему настроенію души моей, когда вырываюсь изъ вихря жизни, особливо придворной и столичной, мало, кажется, для меня свойственной.

20 Апрѣля.

— —

Въ 1839 году въ Августѣ мѣсяцѣ, во время блокады Ахульго, при чрезвычайномъ жарѣ, я читалъ разъ книгу, и вдругъ слова стали представляться мнѣ только въ половину. Я тотчасъ отнялъ глаза отъ книги и направилъ ихъ на дежурную казачью команду, стоявшую у меня подъ ногами, въ нѣсколькихъ шагахъ на горной терассѣ, и тутъ къ удивленію моему различалъ только туловище съ головою, а ногъ не видалъ; также и лошади ихъ казались безъ ногъ. Это состояніе моего зрѣнія продолжалось минутъ двадцать; впослѣдствіи оно возобновлялось раза два на нѣсколько секундъ. Мнѣ случилось разсказывать это Государю какъ дѣйствіе, какъ я полагалъ, чрезмѣрнаго жара. Сегодня, читая въ Revue Britannique біографію William Hyde Wollaston'a, я нашелъ, что этотъ знаменитый ученый испыталъ также эту полуслѣпоту, доказывающую болѣзнь оптическаго нерва и отъ нея умеръ. Біографъ замѣчаетъ: „Lorsqu'on fit l'autopsie de son corps, on découvrit une large tumeur dans la portion du cerveau, d'où part le nerf optique. Si l'on est fondé à supposer que la singulière espèce de demi-cécité, dont il souffrait quelquefois, était un des premiers symptomes de sa maladie, les progrès en avaient été lents; car l'essai de Wollaston sur la demi-paralysie des nerfs optiques avait été publié en 1824. Il est mort en 1828.—Un fait psychologique assez curieux à constater c'est que, malgré le développement de cette maladie du cerveau, les facultés de Wollaston restèrent intactes jusqu'au dermier moment: aucun nuage ne couvrit cette belle intelligence».

Эти подробности полупаралича глазнаго нерва и его послѣдствія касаются до меня очень близко.—Да будетъ святая воля Твоя!

— —

22. Lorsqu' un homme me demande à quoi servent les arbres d' agrément et les fleurs, mon premier mouvement est de regarder la longueur de ses oreilles. Je suis las jusqu'au dégoût de voir tout me-

surer au pied de l'utile et du profit. J'ai grand pitié de l'homme qui ne voit de bon dans la vie que l' argent ou la satisfaction des appetits animaux, tels que le boire et le manger.

——

Все утро вчера прошло въ окончаніи и отправленіи въ Прилуки дѣловыхъ бумагъ запоздавшихъ по Польскому маіорату. Послѣ сильнаго и необходимаго ночнаго дождя, прекрасный весенній день. И Александръ занемогъ лихорадкой! Катѣ и Софіи хуже. Верховыхъ лошадей перековывали. Надо было отказаться отъ привычной прогулки верхомъ. Съ женою въ дрожкахъ. Прелесть первыхъ листьевъ березы и кустарниковъ. Поймалъ десять окуней на удочку.

Въ Revue Britannique статья Англичанина, посѣтившаго гр. Браницкую въ Александріи близъ Бѣлой Церкви, напомнившая мнѣ мое пребываніе тамъ въ 1827-мъ году, въ ея отсутствіе въ Петербургъ. Все довольно вѣрно, кромѣ смѣшнаго заключенія, по ея привычкамъ забавной скупости, объ обычаяхъ другихъ помѣщиковъ въ краѣ. Говоря напримѣръ о томъ, что гр. Браницкая за обѣдомъ, посыпавъ сахаромъ свой кусокъ дыни, отослала сахарницу, прибавивъ, что дыня довольно сладка и безъ того, и что одна только бутылка Шампанскаго стояла передъ нею, въ которой никто не участвовалъ, а передъ прочими пиво, квасъ или Донское вино, путешественникъ прибавляетъ что вообще въ краѣ обычай, навѣщая другъ друга, привозить съ собою свой сахаръ и свое вино. Это нелѣпость, которой онъ могъ легко избѣжать. Напротивъ, помѣщики того края отличаются скорѣе неосторожнымъ гостепріимствомъ и готовы угостить всѣмъ лучшимъ чтò есть въ хозяйствѣ. Графиня Браницкая, при огромномъ своемъ состояніи, была скупа до невѣроятности. Въ буквальномъ смыслѣ можно сказать, que c'était une économie des bouts de chandelles. Александрійскій садъ мнѣ показался пріятнѣе Софійскаго, въ Умани, въ которомъ искусство и затѣйливость слишкомъ замѣтны и нѣтъ дали. Въ Александріи пространство, свѣтъ, горизонты, а искусство помогало и только украшало прекрасную саму собой природу.

Lord Sidmouth (Addington), en vantant dans ses Mémoires l'espèce de fascination exercée par Pitt sur ses amis (he was the most fascinating companion), ajoute quelques traits qui nous montrent jusqu'où allait cette faculté. „Il avait, dit-il, le talent d'exprimer les sentiments de ses interlocuteurs beaucoup mieux qu'eux-mêmes et de les leur rendre dans le meilleur style qu'il leur prêtait. Un jour, dit lord Sidmouth, que j'avais dîné chez m-r Pitt avec Dundas et Adam Smith, „En vérité, me dit ce dernier après le dîner, Pitt est un homme bien extraordinaire; il m'a fait comprendre mes propres idées plus clairement que je ne les comprenais avant de l'avoir entendu". Ce qui charmait le grand économiste ne séduisit pas moins un homme pratique, m-r Walker, riche manufacturier, qui était allé avec lord Stanley et m-r Blackburn entretenir m-r Pitt des intérêts de l'industrie cotonnière. Cette députation était entrée chez le ministre avec des vues tout opposées aux siennes, mais en sortant de l'hôtel de Downing-Street, m-r Walker dit à m r Blackburn: „Ne croirait-on pas que cet homme a passé sa vie dans une fabrique? Me voilà tout à fait de son avis". Où m-r Pitt avait-il pris tout ce qu'il savait, lui qu'on ne vit presque jamais un livre à la main après être arrivé au pouvoir, lui qui restait longtemps à table, ne se levait qu'à onze heures et allait généralement faire sa promenade au parc? Il devait donc extraire ses connaissances si variées de tous ceux avec qui il causait, comme les plantes s'imprégnent de leur nourriture au milieu de l'air où ils vivent.

Это самое свойство имѣлъ въ высокой степени кн. Потемкинъ. Быстро постигать и изо всего дѣлать вѣрные выводы — тайна превосходства надъ другими и отличіе отмѣченныхъ Провидѣніемъ людей для управленія другими или вліянія на нихъ.

23-го Апрѣля. Вчера первая и сильная гроза съ градомъ и проливнымъ дождемъ, разстроившая первую попытку завтракать въ паркѣ подъ небомъ. Сегодня жаркій лѣтній день, 19° въ 4 часа дня. Въ Прилуки дѣловую бумагу.—Le Dépit amoureux и les Fâcheux.—Ранняя прогулка пѣшкомъ. Настоящій праздникъ весны послѣ благотворнаго дождя. Все распускается и зеленѣетъ роскошно. Завтракъ на воздухѣ. Въ два часа жена съ Владиміромъ на дрожкахъ, я верхомъ съ старшими и учителемъ. Они въ первый разъ, еще слабые послѣ лихорадки. Пріятная двухъ-часовая прогулка. Потомъ весь день въ паркѣ; обѣдъ также.—Истребленіе гусеницъ.

Первая рѣчь Прусскаго короля при открытіи соединеннаго сейма. Она должна подать поводъ къ тысячѣ толковъ. Затруднительное положеніе Англійскаго правительства въ изобрѣтеніи средствъ помочь бѣдствующей Ирландіи. Странный и жалкій народъ Ирландцы—эти лаззарони Великобританіи. Частыя кораблекрушенія пароходныхъ судовъ Французскихъ и Англійскихъ. Послѣднее Tweed хорошо описано.

Tant il est vrai que les hommes qui sont au dessus des autres par les talents s'en rapprochent presque toujours par les faiblesses; car pourquoi les talents nous mettraient-ils au-dessus de l'humanité?

25-го Апрѣля. Праздникъ весны наступилъ во всемъ великолѣпіи. Деревья одни передъ другими спѣшатъ одѣться своею зеленью. Дернъ покрылся бархатомъ и цвѣтами. Новые голоса раздаются въ рощѣ и слышны уже первыя трели соловья. Тысячи блестящихъ мошекъ въ быстрыхъ своихъ движеніяхъ струятъ поверхность става, и по временамъ окунь съ плескомъ прыгаетъ изъ воды. Лягушки оглашаютъ теплый вечеръ своимъ кваканьемъ на разные тоны. Поле ожило подъ тяжелымъ плугомъ и легкою бороною. Хороша весна въ этомъ уголку Малороссіи! Природа надѣлила его разнообразной красотою. Поля вездѣ окаймлены рощами; глубокія и далеко прорѣзанныя долины скрываютъ въ себѣ прелестные виды.

Кабинетныя занятія почти вовсе оставлены. Весь день проходитъ на воздухѣ. Вчера съ моими неразлучными спутниками ѣздилъ верхомъ въ Юрковцы, гдѣ обширная долина рѣки Лѣсогора представляетъ картину прекрасную. Выздоровѣвшіе мальчики выдержали безъ усталости пятнадцати-верстную прогулку.

Отрадныя ощущенія дня среди нѣжно-любимаго семейства и услажденія красивою природою заключены однако также и умственнымъ наслажденіемъ. L'École des femmes et l'École des maris напомнили мнѣ Парижскій театръ въ его совершенствѣ въ 1814-мъ и въ 1815-мъ годахъ, въ особенности неподражаемую m-lle Mars въ Dépit amoureux; я будто теперь еще вижу ее. Сценическія удовольствія, доставляемыя безсмертными творцами, каковъ Моліеръ и актрисою, какова Марсъ, оставляютъ глубокій и образовательный слѣдъ въ жизни.

2-го Мая. Я до того предался весенней жизни подъ открытымъ небомъ, что перо оставалось эти дни вовсе празднымъ. Между тѣмъ не только береза, липа, кленъ, вязъ, тополь и почти всѣ кустарники одѣлись новою зеленью, но даже дубъ, всегда опаздывающій, покрылся листьями. Хоръ соловьевъ всю ночь и почти цѣлый день не умолкаетъ. Кукушка давно уже оглашаетъ рощу. Ласточки и иволги явились послѣднія. Люблю звонкую и короткую пѣснь иволги, вѣстницу жаркихъ дней.

Рѣчь Прусскаго короля, при открытіи соединеннаго сейма, странна, грозна и длинна. Вмѣсто спокойнаго величія и довѣренности, приличныхъ слову, нисходящему съ престола, при столь торжественномъ случаѣ, къ избраннымъ народа и которое долженствовало, такъ сказать, дать имъ тонъ при предстоящихъ имъ важныхъ для судьбы королевства совѣщаніяхъ, рѣчь короля страстными, даже оскорбительными выраженіями, должна неминуемо возбудить страсти, которыя, безъ этого вызова, быть можетъ, долго еще таились бы или обнаружились бы съ умѣренностію и приличіемъ. Длиннотою эта рѣчь превосходитъ даже обыкновенно очень длинныя рѣчи президентовъ Американскихъ Штатовъ. Вообще ее можно почитать важнымъ происшествіемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и страннымъ, особливо при общемъ доселѣ выгодномъ мнѣніи объ умѣ и дарѣ слова короля Прусскаго.

Но за то какъ неподражаемо уменъ Моліеръ въ своемъ Мизантропѣ, вчера опять мною прочитанномъ! Какое совершенство стиха, какъ выдержанъ ходъ и характеры піесы и лицъ! Какая мѣра и приличіе во всемъ!

——

3-го Мая. День прекрасный и прохладный. Весь подъ открытымъ небомъ. Теперь одиннадцатый часъ ночи, и соловьи подъ моими окнами въ кустахъ поютъ свою любовную пѣснь, перекликаясь между собою. Нѣсколько дней сряду уже купаюсь въ палаткѣ разбитой на ставу, въ согрѣтой однако водѣ. Кофе, завтракъ и обѣдъ въ саду на открытомъ воздухѣ.

Вечеромъ прочелъ Médecin malgré lui. Это конечно фарсъ, но какой уморительный!

4-го Мая, утро. На дворѣ дождь и всего 9° тепла. Для Воскресенья погода непріятная, но полезная для жаждущей земли и для хозяина. Успѣлъ однако до наступленія дождя сдѣ-

лать рано небольшую прогулку около цвѣтниковъ, полюбоваться на первые распустившіеся тюльпаны, ирисы и болѣе распустившіяся сирени; отъ купанья отказался. Соловьи продолжаютъ однако вокругъ дома свою пѣснь любви, то стенящую, то торжествующую; иволга также по временамъ будто отвѣчаетъ имъ своимъ короткимъ, но звонкимъ кликомъ. Отъ дыханія вѣтра шумящая, уже многолиственная, роща напоминаетъ совершеннымъ подобіемъ шумъ волнъ морскихъ, къ которому еще такъ недавно я любилъ прислушиваться въ одинокихъ прогулкахъ Петергофскихъ на Петровской терассѣ Монплезира.

Пересмотрѣлъ нѣсколько страницъ медленно подвигающихся записокъ моихъ 1812-го года *. Потомъ прочелъ Тартюфа. И эта комедія Моліера написана для безсмертія, какъ по изображенію главнаго характера, всѣмъ временамъ принадлежащаго, такъ и по совершенству исполненія, въ этой степени никѣмъ послѣ его недостиженнаго. И Тартюфа я видѣлъ на Парижской сценѣ и неподражаемую m-elle Mars въ роли Эльмиры.

6-го. Сегодня послѣ грозы свѣжо и сыро. Утро провожу въ кабинетѣ. Поучительная статья Кошю о колонизаціи въ Алжиріи.

Si une colonie apporte un accroîssement de puissance, ce n'est pas par l'acquisition d'un nouveau territoire, c'est par la vitalité qu'elle excite parmi le peuple colonisateur.

——

Il en est des erreurs comme des mauvaises herbes. elles se répandent sans qu'on sache comment jusqu'au jour, où une main laborieuse entreprend de les extirper.

——

Поучительная статья Альфонса Эскироса: Des maladies de l'esprit.

8-го, утро. Вчера погода хотя свѣжая однако поправилась. Вечеръ наступилъ тихій: ни малѣйшаго дыханія вѣтра—безмолвіе совершенное. Долго, сидя у окна, наслаждался я одинъ изъ гостиной величавымъ молчаніемъ всей природы, между тѣмъ какъ въ залѣ раздавались сребристые и звонкіе голоса обрадованныхъ новыми игрушками малютокъ. Потомъ уступилъ увле-

*) Напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 года. *П. Б.*

ченію и, не смотря на свѣжесть и сырость, пошелъ прогуляться въ своемъ паркѣ.

Отмѣчаю эти дни гораздо пространнѣе чѣмъ дни дѣятельности, въ короткихъ замѣткахъ первымъ листамъ этой же книги переданныхъ; оттого что, неувлеченный страстями публичной жизни и помня мои накопляющіеся годы, въ чувствѣ еще полнаго здоровія и живой пріимчивости ко всему прекрасному въ созданіи Божіемъ, каждый день считаю за новый даръ Творца и наслаждаюсь имъ съ размышленіемъ и признательностію.

Сегодня раннее утро, хотя довольно свѣжее, было прекрасно и вызвало меня въ одинъ изъ моихъ зеленыхъ кабинетовъ пить кофе, когда все мое семейство еще покоилось. Потомъ пѣшкомъ по саду почти до усталости.

9-го Мая. Термометръ на точкѣ замерзанія; дождь со снѣгомъ густыми нитями валитъ изъ сѣраго неба. Закрытый, казалось, до зимы каминъ открылся, и огонь въ немъ опять запылалъ съ трескомъ. Изъ всѣхъ птицъ одинъ соловей, какъ бы жалуясь, пробуетъ по временамъ свою пѣснь, но скоро умолкаетъ, послѣ немногихъ жалобныхъ нотъ.

Еще сошелъ со сцены одинъ изъ главныхъ героевъ великаго времени: эрцгерцогъ Карлъ умеръ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ дни Вѣнскаго конгресса, сопровождавшаго на поляхъ Асперна и Ваграма императора Александра и съ скромностію дополнявшаго короткими замѣчаніями разсказъ генерала Гардена о безсмертныхъ событіяхъ, эти мѣста ознаменовавшихъ.

11-го Мая. Вчера свѣжій день; термометръ доходилъ только до 6°; по временамъ шелъ дождь. Это не удержало меня сдѣлать нѣсколько прогулокъ, не выходя однако изъ парка. Около завтрака подъѣхалъ къ моему флигелю незнакомый. Доложили мнѣ о Сологубѣ. До чего врѣзываются въ памяти черты людей, видѣнныхъ въ дѣтствѣ! Только что я вышелъ къ нему, то лице представилось мнѣ знакомымъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ однако, что никогда со мною не встрѣчался, но что мы вмѣстѣ воспитывались въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. Этому сорокъ два года, какъ я его оставилъ. Толстенькій, маленькій человѣкъ, съ носикомъ въ видѣ запятой, забитый уѣздною и семейною жизнію, отъ которой хочетъ искать развлеченія въ званіи окружнаго началь-

ника по казеннымъ имуществамъ въ уѣздѣ, чего и добивается у начальства.

Сегодня Троицынъ день, о чемъ я вовсе было забылъ; но, взглянувъ изъ своего флигеля на домъ, увидѣлъ балконъ весь обстановленный березками, между тѣмъ какъ домъ окруженъ и безъ того со всѣхъ сторонъ зеленью.

«Москва и Москвичи» Загоскина принесли мнѣ вчера истинное удовольствіе. У него Русскій языкъ гибокъ, гладокъ, текучъ, выразителенъ и содержаніе; такъ счастливо облеченное этимъ слогомъ умно и пріятно занимаетъ разсудокъ и душу. Это теплота кабинетнаго камина. Ни одинъ изъ нынѣшнихъ писателей, изъ которыхъ иные съ похвальнымъ искусствомъ владѣютъ Русскимъ перомъ, не возбудилъ во мнѣ такой живой надежды, что близокъ уже желанный день, когда Русскій чистый языкъ вытѣснитъ и въ высшемъ обществѣ изъ разговора господство Французскаго языка. Спасибо Загоскину!

Моя тихая и пріятная жизнь на дняхъ получила примѣсь грусти, усилившей мою нѣжность къ семейству, привязанность къ созданной такъ удачно усадьбѣ и къ жизни, которую я здѣсь веду. Съ послѣднею почтою полученное отъ директора Пажескаго Корпуса увѣдомленіе, что старшій мой сынъ поступилъ уже въ прошедшемъ Августѣ въ комплектъ пажей, а второй близокъ къ тому, заставляетъ меня чрезъ два мѣсяца отправиться съ ними въ Петербургъ, и безъ сомнѣнія самому тамъ на долго оставаться. Такъ раздѣлится соединенное теперь счастливое семейство; такъ прервется нить отрадныхъ дней, съ нимъ проведенныхъ, въ пріятномъ и занятомъ уединеніи, въ которомъ такъ охотно бы остался до послѣдняго верховнаго дня, судьбами Божіими мнѣ опредѣленнаго. Да будетъ Его святая воля!

Не смотря на наступившее холодное время, могучіе члены дуба почти совсѣмъ одѣлись своею свѣтлою и красивою зеленью. Только нѣжная бѣлая акація едва выпускаетъ тонкіе свои листики. Цвѣтники притаились въ ожиданіи живительныхъ лучей солнца.

Статья въ Revue Britannique объ ученомъ морскомъ путешествіи Сѣверо-Американской экспедиціи, подъ начальствомъ капитана Wilkes'а отъ 1838-го до 1842-го, заняла часть моего утра. Сколько еще канибаловъ въ Полинезіи! Странны дѣйствія

Англійскихъ миссіонеровъ между дикими. Съ какой невыгодной стороны часто представляютъ они христіанскую религію! Описаніе состоянія, въ которомъ Вилькесъ нашелъ Лонгвудъ, послѣднее пребываніе Наполеона на Св. Еленѣ, грустно и не дѣлаетъ чести Англійскому правительству.

Школы сорванцовъ (Écoles Déguénillées), статья въ томъ же номерѣ журнала, въ страшномъ видѣ показываетъ слѣдствія огромныхъ населеній въ городахъ подобно Лондону. Парижъ можетъ представить подобныя картины. Утѣшительны дѣйствія многихъ частныхъ лицъ, безъ пособія правительства, облегчить судьбу этихъ полудикихъ несчастливцевъ.

Между завтракомъ и обѣдомъ прогулялся пѣшкомъ и возвратился промоченый дождемъ. Свою прекрасную Софію засталъ опять въ припадкѣ лихорадки. Это уже ея третій возвратъ.

Послѣ обѣда молодая крестьянка съ подругами, на дняхъ вышедшая замужъ, приходила съ хлѣбомъ-солью. Онѣ проплясали намъ трепака подъ музыку моего Николая. Допущенныя въ гостиную, всѣ кинулись прежде всего къ зеркаламъ, простодушно любуясь собою.

Канадскіе очерки (Esquisses Canadiennes) бывшаго въ Канадѣ Англійскаго губернатора отличаются живымъ чувствомъ природы, высокимъ понятіемъ о своемъ долгѣ, просвѣщеннымъ человѣколюбіемъ и даромъ описанія. Трогателенъ разсказъ его о смерти генералъ-губернатора обѣихъ Канадъ Шарля Леннокса, герцога Ричмонда. Онъ замѣчателенъ кромѣ того какъ новое разительное доказательство силы воли и ума въ человѣкѣ надъ физическою его натурою. Объѣзжая область, имъ управляемую, онъ былъ внезапно пораженъ страшнымъ недугомъ — водобоязнію. Но такова была его власть надъ собою, что долго сопровождавшіе его не догадывались о его болѣзни, между тѣмъ какъ многія обстоятельства впослѣдствіи доказали, что онъ самъ нѣсколько дней уже зналъ родъ болѣзни, его постигшей, и неизлечимость ея. Справедливо прибавляетъ авторъ: je ne connais pas d'exemple qui puisse mieux montrer ce que peut une âme fortement trempée pour tenir tête au malheur le plus affreux, à la ruine la plus complète qui puisse menacer notre débile organisation.

Говоря о краснокожихъ природныхъ Американцахъ, съ которыми авторъ, какъ правитель области, имѣлъ близкія и важ-

ныя сношенія, онъ заключаетъ замѣчательнымъ описаніемъ ихъ. Ils ont l'ouïe plus fine, la vue plus longue, l'odorat plus exercé que nous; ils peuvent supporter plus de fatigue, vivre avec moins d'aliments; en tout ils sont sujets à moins de besoins que leurs frères blancs, et cependant sans cesse, en admiration devant le miroir où se réfléchit notre vanité, nous qualifions dedaigneusement de barbares les Peaux Rouges de l'Amérique. Это глубокое замѣчаніе еще болѣе относится до другихъ народовъ, многими степенями выше Американцевъ стоящихъ и варварами называемыхъ, какъ напримѣръ Кавказцы. Много пріобрѣтаетъ человѣкъ, составляющій болѣе или менѣе замѣтное звѣно просвѣщеннаго и благоустроеннаго Европейскаго общества, но много и отдаетъ. Государство могущественно достигаетъ высокихъ и благихъ цѣлей; большинство отдѣльныхъ лицъ упадаетъ сравнительно до гораздо низшаго уровня душевныхъ и тѣлесныхъ качествъ, чѣмъ нѣкоторыя племена, воспитанныя въ борьбѣ съ трудною природою и съ опасностями общественнаго быта, слабою нитью связаннаго.

13-го Мая. Je ne confierai pas volontiers un second navire au capitaine, qui m'en aurait perdu un. Sans être fataliste, je crois qu'il y a des gens prédestinés à réussir. C'est un préjugé, sans aucun doute, mais les préjugés nous servent souvent mieux dans la pratique que de belles et sonores maximes.

Безпокойная ночь отъ слишкомъ сильнаго впечатлѣнія, оставленнаго однимъ изъ предметовъ вчерашняго чтенія. Это одна изъ опасностей уединенной жизни. Общежительность быстро смѣняетъ одни ощущенія другими и не легко допускаетъ исключительное преобладаніе одной мысли.

14-го Мая. Вчерашній день, послѣ свѣжаго утра, сдѣлался изряднымъ. Пѣшкомъ нѣсколько одинокихъ прогулокъ; по возвращеніи нашелъ гостя, сосѣда Олифера, оставшагося обѣдать. Поздній вечеръ провелъ на балконѣ и тамъ же пилъ чай. Совершенная тишина въ воздухѣ; мѣсяцъ, освѣщавшій голубое небо и волнистыя облачка, по временамъ его заслонявшія, неподвижность листьевъ, казавшихся висящими безъ стебельковъ на воздухѣ, безъ легчайшаго колебанія, красота деревьевъ, будто для кисти живописца стоявшихъ, дальній говоръ и пѣсни крестьянъ: все вмѣстѣ составляло такую величавую сельскую картину, что я рѣшился вызвать жену, чтобы раздѣлить съ нею

это наслажденіе. Въ эти минуты нельзя не пожалѣть о тѣхъ, которые волею или неволею заключены въ пыльныхъ и неблагоухающихъ городахъ.

Сегодня свѣжо, тихо, пасмурно, и мелкій дождь падаетъ на дерновый кругъ передъ домомъ, только что скошенный.

Въ прошломъ году я проводилъ эти дни въ Бухарестѣ, ожидая прибытія султана въ Рущукъ на Дунаѣ. Не смотря на значительность моего тогдашняго положенія, на предупредительность обоихъ господарей Валахіи и Молдавіи, гостепріимство ихъ и высшаго общества, на неизбѣжное обаяніе, производимое этимъ настоящимъ городомъ Цитеры, новость предметовъ, оригинальность этого полу-азіатскаго города-деревни, жаркаго, глубокаго и растлѣвающаго неба, прекрасной природы и дружескаго общества Дашкова, нашего генеральнаго консула и его любезнаго семейства, не промѣняю живыхъ впечатлѣній тѣхъ дней на тихія, умиряющія, которые провожу среди своей семьи, подъ умѣреннымъ небомъ Малороссіи. То — праздники, это — отдыхъ; нужны то и другое для полноты жизни.

15-го Мая. Вчерашній день, послѣ дождливаго утра, подулъ сильный, порывистый вѣтеръ до самой ночи. Раза два выходилъ пѣшкомъ, благодаря скорому просыханію дорогъ въ паркѣ. Вечеръ заключилъ комедіей Les femmes savantes, однимъ изъ лучшихъ твореній Моліера. Ни одно не оставило въ употребленіи столько мѣстъ въ пословицы вошедшихъ, какъ эта прекрасная комедія.

16-го Мая. Les chefs des révolutions gagnent à être considérés de loin; après le développement de leur ouvrage, quand ce qu'ils entrevoyaient est devenu visible à tous, quand ce qu'ils pressentaient est devenu l'opinion du monde, leurs misères personnelles, leurs politesses, leurs vices s'effacent, disparaissent dans l'ombre, tandis qu'ils empruntent aux institutions, qui grandissent une gloire, qui grandit avec elles. Mais le rôle de révolutionnaire exige de rares qualités. Cet instinct de besoin d'un peuple, ces confidences de l'avenir ne s'adressent qu'à des esprits fermes, à des intelligences libres et hardies, à des coeurs capables de foi et d'élan, et c'est là précisément ce qui fait la grandeur parmi les hommes.

Le comble de l'art était de toucher le but sans le dépasser, ni rester en deça.

Son attitude fut celle d'un esprit éclairé et ferme, qui plia sous les arrêts du destin, mais qui conserve intactes et ferventes ses convictions et sa foi dans l'avenir.

Mais il est dans les habitudes de la cour de Vienne de temporiser, même dans le malheur: ce que d'autres attendent de l'énergie, elle l'espère du bénéfice du temps; le temps est l'auxiliaire constant de sa politique.

Si cet homme ne trouve pas dans l'excellence de son jugement un frein à ses passions, si Dieu qui l'a fait si grand ne lui a pas donné la modération qui prévient les excès de la force, il sera comme impossible qu'il n'abuse pas tôt ou tard de sa fortune et qu'il ne commette de ces fautes qui mettent en question les destinées de tout un peuple.

17-го Мая. Il avait bien une sorte de fermeté; mais c'était une fermeté négative qui s'épuisait à combattre les résolutions audacieuses.

Le plan de conduite que l'Autriche se traça et qu'elle suivit jusqu'au mois d'Août 1805 avec une imperturbable constance, prouve à quelle dissimulation le malheur peut descendre et le peu de foi qu'en politique on doit ajouter aux protestations de la faiblesse.

Le mot n'était pas dit; mais l'art par excellence du comte de Haugwitz était de caractériser ce qu'il ne jugeait pas à propos de nommer. A la pétulance de son esprit, on l'aurait cru un brouillon; mais avec la plus grande vivacité il restait toujours maître de sa parole, trouvant dans les nuances délicates d'une langue qui n'était pas la sienne le secret de tout dire, et de le dire sans qu'on pût l'accuser de dépasser le but.

Lorsque les faveurs se pressent l'une sur l'autre, elles atteignent rarement le but qu'on se propose. Au lieu de provoquer l'attachement de la puissance à laquelle on les prodigue, on ne s'attire que sa pitié; on croit lui donner la mesure de sa complaisance, on ne lui donne que celle de sa faiblesse. C'est un vice de notre orgueilleuse nature que cette disposition incurable à nous exagérer notre importance et notre force, et notre cœur à besoin d'être contenu et limité par les droits

et l'action de nos semblables. Cela est vrai surtout des états dans leurs rapports entre eux. Les sentiments délicats et modestes, l'abnégation et le dévouement sont des vertus sans valeur auprès des gouvernements, et il est bien rare qu'ils n'en abusent.

Les conjurations qui échouent, sont comme les batailles perdues: elles retrempent, elles fortifient les pouvoirs dont elles poursuivaient la ruine.

Les mêmes situations commandent les mêmes roles, et les plus grands hommes en sont réduits à copier leurs dévanciers.

21-го Мая. En l'éprouvant toujours, Dieu semble dire à l'homme: Fais passer ton esprit à travers le malheur; comme le grain du crible, il sortira meilleur.—J'ai vécu, j'ai souffert, je juge et je m'apaise.

27-го. Il y a deux classes d'hommes supérieurs: les uns destinés à un nom seulement historique, les autres à un nom poétique. Ceux-ci, quoiqu'en puisse penser le philosophe, sont hors de toute atteinte et pour ainsi dire au-dessus du jugement humain. Pour eux se reproduit, au milieu de nos sociétés mécréantes, cette transformation des héros des temps primitifs; ils passent à ce qu'on pourrait appeler l'état fabuleux; on croit en eux, on ne les juge pas. Je doute que pour bien peu d'hommes cette apothéose par la poésie ait commencé aussi vite que pour Napoléon.—Et Pierre-le-Grand?

———

La philosophie, la littérature, les arts, pour tout dire en un mot, les opinions, étaient resserrées dans d'étroites limites: on mettait la sagesse dans la contrainte. Peu de mouvement, point de nouveauté, beaucoup de prudence. On se défiait du raisonnement dans les choses de raisonnement, de l'imagination dans les choses d'imagination. Quelqu'un disait vers ce temps-là a m-r Sieyes: Que pensez-vous?—Je ne pense pas, répondait le vieux métaphisicien dégoûté et intimidé, et il disait le mot de tout le monde.

2 Juin. C'est un pays d'où l'on était chassé par les armes, si l'on était en petit nombre, et par la faim, si l'on était en force.

———

4-го Іюня. Перо оставалось эти дни праздно, по разстройству душевному, слѣдствіе настоящаго положенія моего семейства. Дѣти хотя выздоравливаютъ, но медленно оправляются, еще слабы и блѣдны. Занятія ихъ прерваны, а время поѣздки Николая и Михаила въ Петербургъ для вступленія въ Паже-

ской корпусъ приближается. Необходимыя для этой поѣздки денежныя средства еще не открываются. Погода въ Маѣ не отвѣчала прекрасному началу весны. Онъ почти безпрерывно былъ холоденъ и сыръ. Лучшими часами въ эти дни я былъ обязанъ Корнелю. Сидъ, Горацій, Цинна, Поліектъ, смерть Помпея, рядъ великихъ картинъ, одна послѣ другой, закрывали предъ моей душей разстройство природы и семейнаго быта.

Чета ласточекъ лѣпитъ свое гнѣздо въ верхнемъ углу фронтона—милости просимъ! Это еще первые гости въ обновленномъ домѣ, гдѣ гнѣздились недавно однѣ летучія мыши, теперь исчезнувшія.

1847. 11-го Іюня. Наступили жары нерѣдко свыше 20° въ тѣни. Рѣдкой день обходится безъ грозы и ливня. Люблю это время года; на этотъ разъ однако наслаждаюсь имъ съ грустью, иногда со страхомъ. Мой прекрасный и умный малютка тоже получилъ лихорадку. Сегодня свободный отъ нея день прошелъ для меня отрадно. Утро послѣ вчерашней грозы было превосходно. Долго одинъ, на зеленомъ кругу подъ плакучей березой, я наслаждался этимъ праздникомъ лѣта. Лазурь неба, перелетныя облака, воздухъ напитанный ароматами земли, радостное пѣніе птицъ, раннія пѣсни рабочихъ въ полѣ въ близи и въ дали, мычаніе воловъ, лай собакъ, отголосками богатой ими усадьбы повторяемый, красота самаго мѣста во всемъ его лѣтнемъ убранствѣ, передо мной еще едва пробудившійся домъ, все дорогое для меня подъ своей крышей вмѣщающій: все это вмѣстѣ навело на меня сладкую задумчивость, пробужденіемъ семейства пріятно нарушенную.

Родогюна Корнеля хотя слыветъ однимъ изъ лучшихъ его твореній, менѣе всѣхъ прежнихъ увлекла меня. Съ трудомъ, почти со скукой выпутался я изъ вводныхъ сценъ. Шероховатый и часто напыщенный стихъ, преступленія безъ достаточныхъ причинъ, даже въ лучшихъ мѣстахъ пятаго акта неровности, о которыя спотыкаешься. Корнель часто прорывается, но ни въ одной изъ лучшихъ его трагедій столько не отзывается неопредѣленность языка и невѣрность вкуса того времени.

14-го Іюня. Bacon l'a remarqué le premier: les hommes d'état les plus adroits et les plus habiles ont toujours été des littérateurs.

Richelieu qui s'y connaissait, préférait à toutes autres vertus chez un négociateur la patience, la fermeté.

——

Choiseul disait de Vergennes: Il trouve toujours des raisons contre ce qu'on lui propose, mais jamais de difficultés pour l'exécuter, et si nous lui demandions la tête du grand-vizir, après nous avoir écrit combien cela est dangereux, il nous l'enverrait à coup sûr.

——

Kaunitz, si frivole dans ses goûts et si profond dans les affaires.

Car enfin, c'est par une longue discipline, et seulement par elle, que les hommes peuvent devenir grands négociateurs, ambassadeurs, habiles et préparés à tout. C'est en étudiant l'histoire et la politique des nations, les conditions diverses et les prévisions de chaque traité, que l'intelligence d'un jeune diplomate se prépare à comprendre les doctrines fondamentales du droit des gens, l'origine et la portée de toutes les règles auxquelles il soumet les peuples; c'est par là qu'il arrive à pouvoir se rendre compte de cette délimitation si délicate, qui fixe pour chaque état les bornes de son indépendance; absolue en ce qui le concerne seul, limitée dès que les affaires touchent à celle des peuples voisins: car un état, prenons-y bien garde, est par rapport à la grande famille dont il fait partie, comme l'individu par rapport à la société, protégé tour à tour et comprimé par une autorité commune, qui s'exerce en définitive au profit de tous. Pour saisir en toute occurrence, dans toutes ses applications, le vrai sens de cette règle première, l'étude individuelle, si appliquée, si intelligente qu'on la suppose, ne saurait vraiment suffire; il y manquera toujours cette certitude, cette cohérence méthodique, dont les avantages se font si bien sentir dans le progrès rapide de l'enseignement, lorsqu'il est centralisé, surveillé, amélioré par l'influence des gouvernements.

——

On a justement remarqué, dit Gibbon en parlant des deux empereurs Arcadius et Honorius, que, malgré le méprisable caractère de tous deux, les lois rendues par eux respirent, à très peu d'exceptions près, les plus admirables sentiments et les principes de la plus sage politique; mais cela prouve seulement qu'il y avait des gens de talent employés à la confection de ces lois. C'était tout autre chose de les faire exécuter, et la situation déplorable où ils laissèrent l'empire prouve que tous ces édits si magnifiques ne représentaient rien que des mots

vides de sens et de vaines paroles avec lesquelles l'administration publique se mettait perpétuellement en contradiction.

Leur système de conquête universelle fut ruiné, lorsqu'il provoqua des sentiments d'hostilité irréconciliable sur toutes les frontières de leur vaste empire.

——

28-го Іюня. Дневникъ мой пріостановился. Грусть и забота ослабили душевныя силы, для всякаго добровольнаго занятія необходимыя. Домашній порядокъ разстроился. Лихорадка безжалостно перебирала дѣтей и хотя кажется прекратилась, но оставила свои слѣды на ихъ блѣдныхъ лицахъ. Письма, даже дѣловыя, оставались безъ отвѣта. Даже чтеніе не всегда пробуждало привычное вниманіе. Однако les Girondins Ламартина прочтены съ жадностію. Увлекательное дарованіе!—Между тѣмъ лѣто установилось. Рядъ прекрасныхъ дней, не смотря на расположеніе духа, доставлялъ въ разные, особливо въ утренніе росистые часы, тихую отраду встревоженной душѣ. Уничижительныя денежныя заботы, болѣе возбужденныя близкою и неизбѣжною поѣздкой въ Петербургъ, хотя не порождаютъ ни раскаянія, ниже сожалѣнія за всегдашній объ этомъ предметѣ образъ мыслей и дѣйствій, но затрудняютъ. Рѣдкая женщина оцѣняетъ родъ чувствъ, по которымъ умноженіе состоянія подчиняется инымъ, высшимъ понятіямъ. Для нея, для ея семейства, нужно излишество, а о нуждѣ она и слышать не хочетъ. Скорѣе всѣмъ пожертвовать, чѣмъ безропотно ей покориться.

Соловьи вовсе смолкли между тѣмъ. Сѣнокосъ оживляетъ надушенныя поля. Верхомъ прогулки также прерванныя начались опять съ старшими сыновьями. Вишни, клубника, смородина, радость дѣтей, запрещены имъ, и только искушаютъ ихъ.

——

La parole, par elle-même, inspire un profond respect chez ces peuples, qui ont été si longtemps muets.

9-го. Я усталъ. Солнечное и росистое утро рано вызвало меня на зеленый кругъ передъ домомъ. Въ домѣ всѣ еще спали, когда я пилъ свой кофе съ трубкой и любуясь на безчисленные брилліанты, на каждой травкѣ скошеннаго луга висѣвшіе. На цвѣтникѣ раскрылись новые маки и даліи разнообразныхъ цвѣтовъ. Резеда наполняла воздухъ благоуханіемъ. Ни одинъ

листокъ не колебался. Торжественная тишина, какъ безмолвная молитва, царствовала всюду. Давно не было такого утра. Ежедневные дожди, часто проливные, сырость и свѣжесть продолжались почти весь Іюнь и доселѣ.— Въ одинокой своей прогулкѣ по парку, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на войну семьи иволгъ съ сорокой, вѣроятно что нибудь у нихъ унесшей. Съ какой быстротой онѣ налетали на нее и клевали въ голову, такъ что сорока, не обороняясь, закрывала только глаза и наклонялась. Вижу, что мнѣ приходится вмѣсто труднаго описанія кампаній моей жизни, начатаго и нѣсколько мѣсяцевъ уже оставленнаго, ограничиться описаніями войнъ воронъ и сорокъ съ иволгами и ласточками. Уровень душевныхъ и безъ сомнѣнія умственныхъ силъ будто понизился. Болѣзни дѣтей, положеніе горестное старшаго брата, трудное младшаго, безъизвѣстность о сестрѣ, вѣроятно умершей, безконечныя затрудненія денежныя, ихъ и мои собственныя, все это вмѣстѣ, кажется, наконецъ, поколебало привычное равенство и бодрость духа, живыми красками разцвѣчавшія для меня жизнь. Уединеніе стало потребностію, а его надо скоро оставить и ринуться въ эту мятель жизни Петербургской, такъ мало и въ лучшіе дни мнѣ свойственной.

Прочелъ между прочимъ на дняхъ исторію революціи Louis Blanc, первый томъ. Взгляды безъ сомнѣнія ошибочные, близорукіе, выводы натянутые; но подробности чрезвычайно занимательныя и перо часто блистательное.

Космосъ Гумбольдта, признаюсь, съ трудомъ читается, не смотря на славу автора и важность предмета. Что-то неопредѣленное въ слогѣ при описаніяхъ, быть можетъ слишкомъ уже общихъ; но всего вѣрнѣе то, что не доставало съ моей стороны двухъ вещей для достойной оцѣнки творенія великаго ученаго— вниманія и свѣдѣній. Первое будетъ при новомъ чтеніи.

Въ Ромнѣ теперь ярмарка, изъ важнѣйшихъ въ имперіи. Не смотря на близость, она не привлекаетъ меня.

Князь Воронцовъ, по собственному его донесенію, въ Сѣв. Пчелѣ помѣщенному, при штурмѣ Гергебиля, отбитъ съ потерею болѣе пяти сотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ Грузіи и въ самомъ Тифлисѣ появилась холера, по описанію еще не очень злокачественная. Саранча также опустошаетъ на большихъ пространствахъ несчастный тотъ край.

А. П. Ермоловъ давно мнѣ не отвѣчаетъ. Что̀ бы это значило? Или потому что ожидаетъ моего пріѣзда, о которомъ въ письмѣ упоминаю. Лишь оставался бы здоровъ и бодръ!

——

22-го Іюля. Лихорадка постигла моего Николая и заставитъ отложить на нѣсколько недѣль поѣздку съ нимъ въ Петербургъ. Затрудненія всякаго роду дѣлаются ощутительнѣе и грознѣе. Прочелъ Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère, par Proudhon. Это вопль отчаянія и возстаніе противъ Творца и всего существующаго въ обществахъ человѣческихъ. Система разрушенія безъ возсозданія, заключенная бредомъ.

Во Французской палатѣ перовъ судъ надъ генер.-лейт. Кюбіеромъ, Тестомъ, бывшимъ министромъ публичныхъ работъ, Пармантье и Пеллагра, обвиненными въ подкупѣ и взяткѣ, принятой Тестомъ, получилъ драматическую занимательность.

Маршалъ Бюжо отказался отъ начальства въ Алжиріи.— Г.-л. Бедо временно назначенъ въ это званіе.

Въ Пруссіи соединенный сеймъ распущенъ; нѣтъ сомнѣнія, что для нея наступила новая эра; къ добру ли—это другой вопросъ. Въ Австрійскихъ владѣніяхъ должно быть возбуждено вниманіе, тревожное для правительства.

10-го Августа. Давно не принимался за перо, даже не писалъ ни къ кому писемъ. Хорошо бы, кажется, сдѣлалъ, когда бы и теперь оставилъ его въ покоѣ. По расположенію духа едва ли можетъ отозваться что либо безъ примѣси грусти; но почему же и ей не оставить здѣсь своего отголоска, всякому столь знакомаго? Причинъ нѣсколько. Чрезъ недѣлю надобно ѣхать въ Петербургъ, доставить въ Пажескій корпусъ моего Николая, тому годъ какъ уже тамъ зачисленнаго. — Я было привыкъ къ уединенію, и прибавившіеся годы еще болѣе сдѣлали его для меня приличнымъ. Ужели снова начинать не только столичную, но и придворную суматошную жизнь? Въ мои лѣта, если нить общественной дѣятельности волею или обстоятельствами прервана, лучше воспользоваться этимъ, чтобы скрыть остатокъ жизни отъ шума и взоровъ свѣта̀. Я бы охотно это сдѣлалъ; но долгъ отца требуетъ лично вывести на стезю жизни нѣжно любимаго сына и, покуда можно, вблизи слѣдить за пер-

выми его шагами. А въ будущемъ году надобно везти втораго сына туда же. И такъ прости, тихое уединеніе, желанный пріютъ наступившей уже и для меня старости, чтобы назвать ее ненавистнымъ ея именемъ. А между тѣмъ кого оставляю здѣсь?

14-го Августа. Чтò унываешь, душа моя, чтò смущаешься? Если настоящія скорби тѣснятъ тебя, то долго ли остается тебѣ терпѣть? Вотъ уже оканчивается еще десятилѣтіе къ пройденному полувѣку. Тревожитъ ли будущность большаго семейства? Вспомни, съ чего самъ началъ и каковы были твои младенческіе и отроческіе годы! Твои дѣти проводятъ ихъ счастливо подъ крыломъ родительскимъ и подъ собственной крышкой. Сомнѣнія ли осѣтили умъ твой на исходномъ порогѣ жизни? Разрѣшеніе ихъ для тебя не далеко. Продолжай слѣдовать Богомъ данному путеводителю—совѣсти, просвѣщенной опытностію и разумомъ: не ошибешься или ошибешься мало и рѣдко. Это все чтò человѣкъ можетъ.

20-го Августа. Вчера былъ день, назначенный для отъѣзда въ Петербургъ съ Николаемъ и свадебный обѣдъ въ Секиринцахъ, на который я былъ приглашенъ. Ни то ни другое не состоялось; первое по письму, наканунѣ отъ директора Пажескаго Корпуса полученному, съ увѣдомленіемъ, что просрочка сыну не повредитъ; на обѣдъ же не поѣхалъ потому, что засидѣлся дома и не могъ въ послѣднихъ дняхъ пребыванія отъ него оторваться, хотя люблю Секиринское семейство и зналъ, что встрѣчусь съ Кочубеями, отъ которыхъ могъ бы узнать многое о дворѣ и лицахъ, съ коими придется скоро имѣть дѣло. Привычная съ нѣкотораго времени грусть уступила вчера вліянію прекраснаго дня; и душа и тѣло какъ бы нашли свое прежнее равновѣсіе.—Въ пять часовъ передъ обѣдомъ въ первый разъ выѣхалъ съ нами верхомъ и третій мой сынъ, прекрасный Александръ, такъ что съ тремя моими мальчиками, учителемъ и рейткнехтомъ, мы составили довольно шумную кавалькаду по уединеннымъ сельскимъ дорогамъ. Однако поля теперь оживлены уборкой всякаго рода жатвы, и крестьяне съ любопытствомъ оставляли на минуту свои работы, чтобы взглянуть на проѣзжающихъ.—Wahrheit und Dichtung Гёте придали застоявшимся воображенію и мысли новое движеніе, которое не ищу сознательно опредѣлить, а предаюсь просто

разнымъ впечатлѣніямъ, этою часто заманчивою біографіей возбуждаемымъ; занимательно въ ней не только то чтò высказано, но гораздо болѣе того чтò умолчано, мелькомъ, иногда одною фразою, однимъ словомъ указано. Гёте съ молоду и до смерти былъ, какъ говорится, себѣ на умѣ. Я увѣренъ, что онъ въ тысячу разъ болѣе оставилъ про себя, смолчалъ, чѣмъ въ твореніяхъ своихъ выразилъ, изъ расчета и всего болѣе изъ презрѣнія къ людямъ и мнѣніямъ ихъ. Будто политическія судьбы народовъ и Германіи въ особенности, въ то бурное время переворотовъ, каковы революція во Франціи, исполинскій періодъ явленія Наполеона и Олимпійскій его бѣгъ по Европѣ, Египту и Сиріи, разныя значительныя лица и событія ту міровую эпоху ознаменовавшія, не болѣе заслуживали вниманія и словъ, нежели тѣ, которыя онъ будто мимоходомъ и пренебрежительно кое-гдѣ, какъ бы невольно, набросалъ? А кто лучше его могъ чувствовать, оцѣнить происходившее передъ его глазами? Откровенный его разговоръ, въ послѣдніе годы его жизни, если онъ кого либо имъ почтилъ, долженъ былъ имѣть величайшую занимательность. Понимаю это воздержаніе ума и слова.

21-го Августа. Вчера былъ самый жаркій день настоящаго лѣта; 26° по Реомюру и ночь была тепла. День проведенъ довольно пріятно. Прогулка верхомъ съ тремя сыновьями сокращена внезапнымъ налетомъ тучъ, насъ однако вблизи обошедшихъ съ громомъ. Въ окрестности былъ дождь. Время отъѣзда подходитъ. Начинаю полагать его и для себя благовременнымъ. Три года жизни уединенной, почти безвыѣздной, проведены съ энергіей и, думаю, не безъ пользы, если мнѣ еще предназначена служебная дѣятельность; но отъ самаго ли продолженія уединеннаго образа жизни или отъ причинъ одолѣвшихъ, наконецъ, привычную бодрость ума, грусть въ послѣднее время разстроила равновѣсіе духа и перемѣна, хотя бы временная, будетъ для меня, быть можетъ, полезна.

22-го Августа. Къ 6-ти часамъ по полудни набѣжавшія грозовыя тучи заставили накрыть столъ въ домѣ. Скоро разразилась гроза, до ночи продолжавшаяся. Мы любовались ею съ балкона. Освѣщеніе тучъ при закатѣ и послѣ заката солнца было великолѣпно, и вообще свѣтъ, которымъ облиты были всѣ

предметы, ненагляденъ. Картины Пуссеня и Клодъ-Лорреня возобновились въ моей памяти.

Холера появилась въ разныхъ мѣстахъ полуденной Россіи и, говорятъ, замѣчена уже въ Харьковѣ.

Теперь, послѣ вчерашней грозы, утро торжественное. Тишина въ воздухѣ совершенная. Капли блестятъ на каждой травкѣ.

Во Франціи будто что-то готовится. Кабинетъ Гизо износился. Въ Лиссабонѣ неосторожность и легкомысліе. Въ Мадридѣ что-то постыдное, грозящее переворотомъ изъ негодованія. Въ Германіи вниманіе обращено на Пруссію; сеймъ, теперь распущенный, и Польскій процессъ. Папа расшевелилъ Италію, къ тревогѣ Австріи. Польскій процессъ въ Лембергѣ. Казнь двухъ изъ зачинщиковъ при ободрительномъ присутствіи множества женщинъ въ траурѣ, бросавшихъ осужденнымъ букеты цвѣтовъ на эшафотъ, махая имъ платками. Чтобы такія сцены не породили подражателей!

Въ Турціи мой прошлогодній знакомый и пріятель Мехметъ-Али, зять султана и генералъ-адмиралъ, свергнутъ происками Риза-паши. Это угрозительно и для Решида.

А мы хоть чувствуемъ по-русски,
Но говоримъ все по-французски!

25-го Августа. Эти строки вѣроятно послѣднія, которыя вписываю до моего предстоящаго въ Петербургъ отъѣзда, въ тишинѣ кабинета, подъ шумомъ березъ, на зеленомъ кругу передъ домомъ. Когда и вообще возвращусь ли, извѣстно одному невидимому Распорядителю судебъ всего живущаго! Ѣду самъ по своей волѣ, по долгу отца, непризванный. Готовлюсь къ пріему холодному, забытый и чуждый двору и обществу. А были дни, въ которые я встрѣчалъ тысячи глазъ на меня обращенныхъ! Не тѣ дни однако были счастливѣйшіе въ моей жизни, хотя для пользы семейства можно было употребить болѣе искусства и настойчивости, чтобы удержать на себѣ это вниманіе и извлечь законныя выгоды, облегчающія жизнь и удаляющія настоящія уничижительныя заботы.

Къ исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. Показанія генералъ-адъютанта **А. Е. Тимашева.**

Артистическая семья. Статья **А. Н. Сиротинина.**

Письмо княгини **Е. Р. Дашковой** къ графу Герману Кейзерлингу: новыя показанія о восшествіи на престолъ Екатерины Великой.

Татьяна Михайловна Троепольская. Актриса прошлаго вѣка. Біографическій очеркъ **А. Н. Сиротинина.**

Верельскій мирный договоръ съ Швеціею 3-го Августа 1790 года. (По документамъ изъ архива графа Игельстрома). **Графа Д. А. Толстаго.**

Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ. Очеркъ **сенатора Н. П. Семенова.**

Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ-де-Гелль въ 1840 году. Статья **П. П. Вяземскаго.**

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

8.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

СОДЕРЖАНІЕ

РУССКАГО АРХИВА 1886 ГОДА.

Три большія книги съ приложеніями.

Цѣна 9 руб., безъ пересылки 8 руб.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ:

Дворъ и правительство въ Россіи сто лѣтъ назадъ. **Н. А. Ратынскаго.**

Журнальная записка происшествіямъ во время экспедиціи князя Ю. В. Долгорукова въ Черногорію.

Полякъ-конфедератъ въ Сибири. **М. К. Серно-Соловьевича.**

Изъ записокъ Екатерининскаго **доктора Вейкарта.**

Екатерина Великая и **А. Д. Ланской.**

Письма и записки **Екатерины Великой къ графу Валерьяну Александровичу Зубову.**

Записки **Николая Николаевича Муравьева. 1813—1814.** Со времени вступленія въ Богемію до вступленія во Францію изъ Франкфурта на Майнѣ. Со вступленія въ походъ изъ Петербурга въ Вильну въ 1815 году.—Путешествіе въ Персію, въ посольствѣ А. П. Ермолова. **1816** и **1817** годы. Экспедиція въ Туркменію 1818 и 1819.

Разсказы князя **А. Н. Голицына.** Изъ записокъ **Ю. Н. Бартенева.**

Къ исторіи Московскихъ учрежденій Императорскаго Воспитательнаго Дома, по поводу писемъ Маріи Ѳеодоровны къ князю **С. М. Голицыну.**

Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ.

Изъ бумагъ поэта **И. И. Козлова.**

Изъ бумагъ **Александра Николаевича Попова:** письма **М. А. Стаховича, А. П. Елагиной, М. В. Кирѣевской, А. И. Кошелева**

Правда о Лжедмитріи. **Н. М. Павлова.**

Авраамій Палицынъ какъ писатель. **С. И. Кедрова.**

Возраженіе **патріарха Никона** на Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича. **В. М. Ундольскаго.**

1812 годъ. Изъ семейныхъ воспоминаній **А. Ѳ. Кологривовой.**

Три письма **императора Александра Павловича** къ маркизу Паулуччи о фонъ-Бокѣ и г-жѣ Криднеръ.

Папство и Римскій вопросъ, съ Русской точки зрѣнія. Сочиненіе **Ѳ. И. Тютчева.**

Первые шаги освобожденія крестьянъ въ Россіи. Статья **Ѳ. П. Еленева.**

Сто восемьдесятъ писемъ **императрицы Екатерины Великой** къ фельдмаршалу графу Петру Семеновичу Салтыкову.

(См. на третьей стр. обложки).

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Августа въ 18-й день. Поутру рано пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію фурманъ мой, который меня везъ изъ Неаполя до Риму съ коляскою, и я, убрався на коляску совсѣмъ, поѣхалъ изъ Риму на первомъ часу дня и, выѣхавъ изъ Риму, пріѣхалъ къ рѣкѣ Тиверю, гдѣ черезъ ту рѣку сдѣланъ великій мостъ каменный на великихъ каменныхъ столбахъ. На семъ Римскомъ мосту въ древнихъ лѣтахъ Римскій кесарь Константинъ видѣлъ святой крестъ, на небѣ сложенный изъ звѣздъ, и нѣкоторыя литеры, также изъ звѣздъ сложенныя, какъ о томъ повѣствуетъ исторія; и побѣдилъ царь Константинъ на томъ мосту Максентія. И, тотъ мостъ переѣхавъ, пріѣхалъ къ однимъ воротамъ, которыя построены на концѣ того мосту; и стоятъ въ тѣхъ воротахъ солдаты на заставѣ для осмотру у проѣзжихъ всякихъ людей купецкихъ всякихъ вещей. Въ тѣхъ воротахъ отдавъ я по обыкновенію Римскому что̀ надлежало со своей коляски, поѣхалъ Флоренскою дорогою ко Флоренціи. Отъ Риму до того мѣста 2 мили Италіянскія. Того числа о полудни пріѣхалъ въ остарію, которая называется Бакана, отъ Риму 17 миль Ит. По сей дорогѣ отъ Риму до сей остаріи есть горы небольшія, а въ иныхъ мѣстахъ есть и поля ровныя, по которымъ много пашни подъ пшеницы, также есть и лѣса мелкіе не во многихъ мѣстахъ. Въ той остаріи, которая называется Бакана, я того дня обѣдалъ и по полудни, изъ той остаріи выѣхавъ, пріѣхалъ за часъ до ночи въ городъ папежской области, который называется Риджеліонъ; въ томъ городѣ я ночевалъ, отъ помяненной остаріи 15 миль Итальянскихъ. Отъ той остаріи до сего города по дорогѣ есть горы же небольшія и поля ровныя, по которымъ

*) См. выше, стр. 225.

пшеницы сѣютъ; также есть и лѣса мелкіе. Въ томъ помяненномъ городѣ стоялъ я въ остаріи, которая называется Фортуна.

Августа въ 19-й день. За часъ до дня поѣхалъ я изъ той остаріи и пріѣхалъ къ одному городу папиной области, который называется Тивербо, отъ остаріи Фортуны 10 миль Ит. Тотъ городъ великій, строеніе въ немъ все каменное, а добраго строенія мало. Въ томъ городѣ есть изрядныя фонтаны. По сей дорогѣ отъ остаріи Фортуна до города Тиверба горы великія каменистыя. Тотъ городъ проѣхалъ я, не стоявъ въ немъ, и пріѣхалъ того жъ числа къ городу Монто-Фіашкону, отъ Тиверба 8 миль Ит. По той дорогѣ есть горы великія каменистыя. Близко того города стоялъ я въ остаріи, чтó называется Ляшкала, и стоялъ тутъ того дня до девятаго часу, а въ девятомъ часу поѣхавъ пріѣхалъ къ одному городу Бонзене. Тотъ городъ проѣхавъ, не стоялъ въ немъ. Тотъ городъ невеликій, строеніе въ немъ все каменное. Потомъ пріѣхалъ того числа во второмъ часу ночи въ городъ Аква-Пинентъ, въ томъ городѣ сталъ въ остаріи, чтó называется тѣмъ же именемъ Аква-Пинентъ, и въ той остаріи ночевалъ. По той дорогѣ много горъ, по которымъ растутъ мелкіе лѣса. Отъ остаріи Ляшкала до сей остаріи Аква-Пинентъ 15 миль Итальянскихъ.

Августа въ 20-й день. Поутру рано изъ того города Аква-Пинента я поѣхавъ пріѣхалъ къ городу Редегофону. Тотъ городъ стоитъ на высокой горѣ и суть невеликій. Я его проѣхалъ того числа о полудни и пріѣхалъ въ остарію, которая зовется Лямаджина-де-Редегофона, отъ того города, гдѣ ночевалъ, 19 миль Итальянскихъ. По той дорогѣ превеликія каменныя горы, на которыя не могъ я взъѣхать въ коляскѣ, шелъ на тѣ горы пѣшъ. И стоялъ я въ той остаріи три часа, а за четыре часа до ночи поѣхавъ пріѣхалъ въ городъ Акварико, близко того города сталъ въ остаріи, чтó зовется Фонте-Алявина, отъ той остаріи, гдѣ обѣдалъ, 14 миль Итальянскихъ. По той дорогѣ горы великія, и вся та дорога безмѣрно камениста; тутъ я ночевалъ.

Августа въ 21-й день. Изъ той остаріи пріѣхалъ въ одно мѣсто, которое зовется Люціанъ, и сталъ въ остаріи, которая зовется тѣмъ именемъ же Люціанъ, отъ остаріи, гдѣ ночевалъ, 16 миль Итальянскихъ. По той дорогѣ горы великія каменистыя, а въ иныхъ мѣстахъ есть и ровныя поля изрядныя; и стоялъ я въ той остаріи до 9-го часа того дни, а въ 9-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ въ городъ Сану. Тотъ городъ великаго князя Флоренскаго и зѣло великъ, стоитъ на высокой горѣ; въ томъ городѣ есть высокія каменныя зданія изряднымъ мастерствомъ сдѣланы, строеніе все камен-

ное. Тотъ городъ многолюдный, и люди въ немъ живутъ изрядной политики, честныя особы, ѣздятъ въ изрядныхъ каретахъ и возники и шоры имѣютъ изрядные. Также и жены и дѣвицы того города ѣздятъ въ каретахъ же. Торговыхъ людей въ томъ городѣ много, лавокъ и товаровъ въ томъ городѣ довольно. Монастыри и костелы въ томъ городѣ изряднаго строенія. Отъ остаріи до сего города 8 миль Ит. Въ томъ городѣ я не стоялъ и проѣхалъ его мимо и пріѣхалъ того числа ввечеру въ остарію, которая называется Каштель-де-Лянцеліо, отъ того города Саны 8 миль Ит.; въ той остаріи и ночевалъ.

Августа въ 22-й день. Изъ той остаріи поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, что̀ называется Тавернели, отъ той остаріи, гдѣ ночевалъ, 15 миль Ит. Та остарія въ одномъ маломъ мѣстечкѣ Тавернели. По сей дорогѣ мало есть горъ, а которыя и есть, и тѣ небольшія; тутъ есть мѣста ровныя и много виноградовъ, а по полямъ и деревъ много оливныхъ, которыя растутъ по пригоркамъ и по ровнымъ мѣстамъ. Много по сей дорогѣ селъ и деревень и остарій, строеніе все каменное. По той дорогѣ есть воды изрядныя текучія во многихъ мѣстахъ, есть и мосты каменные. И стоялъ я въ той остаріи, которая зовется Тавернели, того числа Августа въ 22-й день до 9-го часу, для того что въ помяненной остаріи Делянцеліо забылъ, поѣхавъ изъ нея, нѣкоторыя свои вещи, и для тѣхъ вещей посылалъ я съ дороги фурмана своего, и тотъ мой фурманъ пріѣхалъ ко мнѣ, а забытыхъ моихъ вещей не привезъ и сказалъ, что тѣхъ-де моихъ вещей тамъ не съискалъ; и я, не съискавъ тѣхъ своихъ вещей, въ путь свой ѣхать не хотѣлъ и ночевалъ того числа въ той же остаріи.

Августа въ 23-й день. Поутру рано, отъискавъ я свои забытыя вещи, поѣхалъ изъ остаріи Тавернели ко Флоренціи; отъ той остаріи до Флоренціи 15 миль Ит. По той дорогѣ все каменныя горы, по которымъ горамъ и между горъ много селъ великихъ и людныхъ, въ которыхъ все строеніе каменное. По тѣмъ же горамъ и промежъ горъ много пашни подъ пшеницы, также есть деревья: дубы, березы, осины по тѣмъ горамъ и промежъ горъ, между котораго деревья множество посажено виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, которые оплетаяся растутъ около вышеписанныхъ деревъ и приносятъ великое довольство плоду. Не доѣзжая до Флоренціи миль за 6, есть жилье зѣло часто, строеніе все каменное, между которымъ строеніемъ есть великіе котвенты, т.-е. монастыри, въ которыхъ каменное изрядное великое строеніе, также домы великіе, стройные, съ великими палатами. Въ тѣхъ же мѣстахъ межъ

домами есть рощи кипарисныхъ великихъ деревъ. А какъ я прiѣхалъ ко Флоренскимъ воротамъ, и въ воротахъ которые солдаты стоятъ для караулу хотѣли по обыкновенiю своему осмотрѣть у меня въ сундукѣ всякихъ купецкихъ вещей, и какъ услышали обо мнѣ, что я Московскаго государства человѣкъ, и они, у меня ничего не осматривая, тотчасъ меня во Флоренцiю пропустили, и я, въѣхавъ во Флоренцiю, сталъ въ остарiю, которая называется Санлянци. Въ той остарiи хозяинъ отвелъ мнѣ палату изрядную, въ которой была кровать золоченая съ завѣсомъ изряднымъ, также постеля хорошая съ бѣлыми чистыми простынями и съ одѣяломъ изряднымъ, и столъ и стулы и креслы изрядные и всякiй уборъ, зеркалы, картины, какъ обыкновенiе Итальянамъ убирать палаты. Въ той остарiи за пищу и за палату и за всякiй покой платилъ я хозяину за себя по семи павловъ Римскихъ на сутки, а Московскихъ денегъ будетъ по полтинѣ.

Того жъ числа по обѣдѣ пошелъ гулять и пришелъ перво къ церкви Iоанна Предтечи. Та церковь великая, сдѣлана осьмигранная изрядною архитектурою и мастерствомъ предивнымъ, также и уборъ въ ней хорошiй. На той церкви четверы двери великiя, у тѣхъ дверей затворы подѣланы мѣдныя, предивнымъ мастерствомъ высѣканыя, на тѣхъ дверяхъ фигуры изъ мѣди власно какъ бы изъ дерева вырѣзаны зѣло предивно.

Потомъ пришелъ къ соборной церкви, которая называется Итальянскимъ языкомъ Санта-Марiя-Фiоре, т. е. святой Марiи Цвѣтковой. Та церковь зѣло велика, а снаружи сдѣлана вся изъ бѣлаго мрамору, а въ бѣлый мраморъ врѣзываны черные каменья изрядными фигурами, и препорцiею та церковь сдѣлана дивною; а внутри той церкви убору никакого нѣтъ, только алтарь сдѣланъ изрядною рѣзной работою изъ алебастру, и помостъ въ той во всей церкви сдѣланъ изъ разныхъ мраморовъ изрядною же работою.

Потомъ пришелъ въ одинъ домъ, въ которомъ Флоренскаго великаго князя сидятъ звѣри и птицы. Въ томъ домѣ подѣланы звѣрямъ мѣста пространныя и палаты, въ которыхъ звѣри живутъ, изрядныя. Въ тѣ мѣста подѣланы окна великiя, и вставлены рѣшетки желѣзныя толстыя, въ которыя окна сквозь тѣ рѣшетки могутъ люди звѣрей видѣть. Среди того дому сдѣлано между палатъ мѣсто пространное, среди того мѣста стоитъ столбъ деревянный великiй, а сдѣлано то мѣсто для того, когда похочетъ Флоренскiй великiй князь тѣми звѣрьми веселиться, тогда на то мѣсто выпускаютъ звѣрей, и тѣ звѣри на томъ мѣстѣ бьются, а великiй

князь смотритъ того сверху, гдѣ подѣланы вокругъ того помянен-наго мѣста переходы каменные изрядные. И если звѣрь звѣря учнетъ одолѣвать, и ихъ людямъ разнять невозможно за ихъ лютостію, и для того разъему сдѣланъ инструментъ такой: сдѣлано изъ глины одно воображеніе великое, безмѣрно страшливое, подобіемъ нѣкакой зѣло устрашительной жабы, и въ то изображеніе войдутъ люди и запалятъ въ немъ огонь, чтобъ дымъ и пламя огня исходило у того изображенія изо рту и изъ глазъ и изъ ушей и изъ сторонъ, и такъ тѣ люди въ томъ страшилищѣ въѣдутъ въ то мѣсто, гдѣ тѣ звѣри бьются, и какъ звѣри то изображеніе увидятъ, испужаются, чаютъ, что живое нѣчто вошло къ нимъ, и разбѣгутся розно, покинувъ драться. Тогда ихъ звѣровщики взявъ посадятъ въ ихъ мѣста, въ которыхъ живутъ. А сдѣлано то страшливое изображеніе на колесахъ, и могутъ въ немъ бывшіе люди идтить куды хотятъ. Въ томъ домѣ видѣлъ я льва великаго, которому, сказываютъ, 9 лѣтъ; потомъ видѣлъ львицу великую жъ, и сказываютъ объ ней вещь удивительную, будто она больна лихорадкою, которую я видѣлъ лежащую, и зѣло громогласно ревѣла, власно какъ бы стонетъ. Потомъ видѣлъ льва молодаго, у котораго еще нѣтъ гривы и на хвостѣ кисти; а сказываютъ, что тотъ левъ еще трехъ лѣтъ. Потомъ видѣлъ два льва малыхъ, въ одномъ мѣстѣ сидятъ и играютъ между собою, а величествомъ тѣ малые львы съ посредственнаго волка; а сказываютъ, что тѣмъ львамъ еще отъ роду по 7 мѣсяцевъ и привезены изъ Гишпани.

Въ томъ же домѣ видѣлъ одного барса великаго и зѣло изряднаго. Въ томъ же домѣ видѣлъ трехъ медвѣдей великихъ, между которыми одинъ половой великій; а сказываютъ, что тотъ половой медвѣдь въ томъ домѣ сидитъ уже 30 лѣтъ. Въ томъ же домѣ видѣлъ немало волковъ великихъ. Въ томъ же домѣ видѣлъ одну лисицу черную; а сказываютъ, что-де та лисица привезена въ давнихъ лѣтахъ во Флоренцію съ Москвы.

Тамъ же видѣлъ много орловъ великихъ сѣрыхъ.

Потомъ изъ того дому пришелъ къ церкви св. архидьякона Лаврентія, которая зачата дѣлать тому 94 года, и непрестанно отъ того времени какъ начата и по сіе время дѣлаютъ, а еще недокончена, и чаютъ, что еще больше десяти лѣтъ той церкви докончить невозможно. Та церковь немалая, осмероугольная, во всѣ стѣны ровная, съ лица сдѣлана изъ сѣраго камени предивнымъ мастерствомъ; по многимъ мѣстамъ кругомъ оконъ вставленъ алебастръ изрядною гладкою работою, а изнутри та церковь вся сдѣлана изъ

розныхъ мраморовъ такою преславною работою, какой работы на всемъ свѣтѣ лучше не обрѣтается. И въ тѣ мраморы врѣзываны каменья цвѣтные Индѣйскiе и Персидскiе и раковины и корали и янтари и тунпасы и хрустали такою преудивительною работою, котораго мастерства подлинно описать невозможно. Около тѣхъ розныхъ мраморовъ кладены дорожники мѣдные литые, золоченые запарнымъ *) золотомъ. Тѣ цвѣтные мраморы такъ въ лицѣ поставлены власно какъ изрядныя зеркалы, и въ тѣхъ камняхъ та церковь и бывающiе въ ней люди видимы власно какъ въ зеркалахъ. Въ ту церковь изготовленъ алтарь Римскiй, сдѣланъ весь изъ чистаго золота преудивительнымъ мастерствомъ, которому цѣна одинъ милiонъ червонныхъ золотыхъ.

Въ той же церкви у стѣнъ подѣланы изъ розныхъ же мраморовъ гробы, въ которыхъ лежать будутъ тѣла древнихъ великихъ Флоренскихъ князей; между тѣми сдѣланъ гробъ, гдѣ лежать по смерти тѣлу нынѣшняго грандуки, т. е. великаго князя Флоренскаго. Тѣ гробы подѣланы такой преузорочной работою, что уму человѣческому непостижно, и надъ тѣми гробами поставлены персоны вышеименованныхъ Флоренскихъ великихъ князей, также и нынѣшняго великаго князя Флоренскаго надъ его гробомъ стоитъ, а высѣчены всѣ тѣ персоны ихъ изъ алебастру изряднымъ мастерствомъ и съ такими фигурами, которыхъ подробну описать невозможно.

Изъ той церкви сошелъ я внизъ подъ ту церковь, гдѣ сдѣлана церковь же Римская, на которомъ алтарѣ стоитъ образъ распятiя Христова и образъ Пресвятыя Богородицы и образъ Іоанна Богослова, вырѣзаны изъ алебастру такимъ предивнымъ мастерствомъ, какого мастерства на всемъ свѣтѣ мало обрѣтается; и подѣланы подъ той церковью столбы для укрѣпленiя верхней церкви, а стѣны той нижней церкви сдѣланы толщиною четырнадцати локтей Итальянскихъ, а локоть Итальянскiй меньше Московскаго аршина двумя вершками. Изъ подъ той церкви вышедъ, пошелъ до церкви, которая называется Итальянскимъ языкомъ Нунцiата, т. е. Благовѣщенiе Пресвятыя Богородицы. У той церкви есть монастырь, въ которомъ живутъ законники Бенедиктiане. Передъ тою церковью сдѣлана одна площадь вмѣсто паперти четвероугольная, во всѣ стѣны по семи сажень трехаршинныхъ. На той площади высоко подлѣ стѣнъ поставлены персоны многихъ Римскихъ папежевъ рѣзныя, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы и расписаны кра-

*) Такъ. П. Б.

сками власно какъ живы. На той же площади подлѣ стѣнъ же поставлены многія персоны древнія разныхъ людей, которые получили милость отъ образа Пресвятыя Богородицы, который образъ въ томъ костелѣ стоитъ; и на ту память ставили свою персону у того костела такъ сдѣлану, какъ были въ какихъ причинахъ въ болѣзняхъ или ранены или въ какихъ печаляхъ, такъ и поставлены тѣ персоны и донынѣ стоятъ.

Потомъ вошелъ въ ту церковь, въ которой видѣлъ строеніе изрядное; убрана та церковь изнутри мраморами цвѣтными изрядными и алебастровыми рѣзьбами изрядными же. Своду въ той церкви нѣтъ, сдѣланъ потолокъ накатной рѣзной предивной работою, весь вызолоченъ, также и иные изрядные уборы въ той церкви предивно устроены. Въ той же церкви каплица, т. е. придѣлъ сдѣланъ во имя Пресвятыя Богородицы невеликъ, а строенъ, строеніе въ немъ предивное, престолъ весь литой серебрянный, также подсвѣчники невеликіе серебрянные, на престолѣ подѣланы образы святыхъ ангелъ литые серебрянные великіе; также около престола поверху подѣланы образы херувимовъ и серафимовъ и ангеловъ литые жъ серебрянные. Лампадъ великихъ серебрянныхъ въ томъ придѣлѣ множество, между которыми въ срединѣ виситъ одна лампада велика зѣло, серебрянная вся вызолочена, сдѣлана изряднымъ мастерствомъ. А отгороженъ тотъ костелъ малый отъ великаго костела перилами мѣдными изрядными, и по тѣмъ периламъ поставлены зѣло великіе шандалы серебрянные, сдѣланные подобіемъ великихъ кувшиновъ, въ которыхъ ставятъ свѣчи и цвѣты для украшенія церкви; тѣхъ шандаловъ числомъ 25. Также и въ иныхъ фигурахъ серебра множество и уборъ всякій предивный и зѣло богатый.

Изъ той церкви пошелъ я къ себѣ въ остарію для того, что было отъ солнечнаго паленія зѣло жарко, и больше того гулять для того жару не могъ.

Потомъ, какъ солнечный жаръ умалился, и я паки пошелъ гулять и пришелъ паки къ великой соборной церкви, на которой съ передней стѣны для входу въ церковь сдѣланы трои двери, и надъ двоими дверьми подписано Латинскими литерами, а именно надъ первыми дверьми: Соборъ вселенскій во Флоренціи чинится трудныхъ зѣло временъ, когда были Викторъ Второй папежъ наибольшій и ГендрикъЦесарь Августъ, въ лѣто Господне 1055. Аминь.

На другихъ дверяхъ той же церкви написано: Святой вселенскій седьмый надесять соборъ въ той Флоренской церкви чинится, въ которой такъ Грецы яко и Латини до единой самой правой вѣры приступили предъ Евгеніемъ Четвертымъ, вселенскія церкви

папежемъ, и предъ Іоанномъ Августомъ, Греческимъ царемъ въ лѣтѣ Господнѣ 1439-мъ.

У той соборной церкви сдѣлана колокольня зѣло высокая четвероугольная предивной работою, рѣзьбы изрядныя изъ бѣлаго и чернаго камени, и работа во всемъ зѣло субтельная и изрядная.

Потомъ пришелъ въ одно мѣсто, гдѣ сдѣлана одна широкая улица, а по сторонамъ той улицы подѣланы домы великіе изрядною архитектурою. Тутъ построены предивныя палаты, вверху юстици, т. е. приказы, а пониже ихъ палатахъ подѣланы еще вверхъ два жилья, палаты жъ изрядныя, которыя называются пофлоренску галлярія. Въ тѣхъ палатахъ лежатъ Флоренскаго княжества древнія всякія вещи предивныя. Въ концѣ тѣхъ палатъ чрезъ улицу сдѣланы изъ палатъ въ палаты переходы широкіе, изряднымъ мастерствомъ построены и рѣзьбами алебастровыми изрядными убраны.

Потомъ пришелъ я на одинъ великій мостъ, который сдѣланъ черезъ рѣку на каменныхъ столбахъ высоко зѣло и широкъ. На томъ мосту по обѣ стороны подѣланы лавки, въ которыхъ сидятъ марканты, т. е. купцы, и торгуютъ серебромъ; въ тѣхъ лавкахъ серебра есть малое число, и работъ въ серебрѣ самыхъ добрыхъ въ тѣхъ лавкахъ я не видалъ.

Потомъ я, перешедъ тотъ мостъ, пришелъ ко двору Флоренскаго князя. Тотъ его дворъ стоитъ на пригоркѣ, палаты великія, строенія и моды древней. У воротъ его стоитъ одинъ караульщикъ съ протазаномъ, и у двора его никого я не видалъ. А на дворъ его я не пошелъ, для того, что я ходилъ тамъ гулять тайнымъ лицомъ, а не явною своею особою, для того что мое намѣреніе было такое, чтобъ больше одного дня во Флоренціи не жить. А если бы мнѣ сказаться своимъ лицомъ во Флоренціи, и меня бы великій князь Флоренціи задержалъ любовно для имени Государя моего, хотѣлъ бы мнѣ учинить гоноръ и тѣмъ бы дорогѣ моей учинилъ препятіе. И смотря я того великаго князя дому, пришелъ къ себѣ въ остарію.

Того жъ числа приказалъ фурманамъ своимъ, чтобъ они Августа въ 24-й день пріѣхали ко мнѣ въ остарію поутру рано, чтобъ мнѣ изъ Флоренціи того числа выѣхать поутру рано; а самъ я, сего вечера убрався со всѣмъ, расплатился съ хозяиномъ, чтобъ мнѣ задержанія ни отъ кого не было.

ОПИСАНІЕ ФЛОРЕНЦІИ.

Флоренція есть мѣсто великое между великихъ горъ на ровномъ мѣстѣ, и въ немъ обитаетъ грандука, т. е. великій князь, который имѣетъ корону, т. е. вѣнчанный; имѣэтъ подъ собою и другія мѣста немалыя, и владѣтельство его немалое и многолюдное.

Около самаго мѣста Флоренціи городъ каменный древняго строенія съ башнями каменными и ворота проѣзжіе древней моды, однако жъ изряднаго мастерства.

Во Флоренціи домовъ самыхъ изрядныхъ, которые бы были самой изрядной пропорціи, мало; всѣ домы Флоренскіе древняго зданія. Весь городъ Флоренція вымощена каменемъ, и палаты есть высокія въ три и въ четыре жилья въ высоту, а строены просто, не по архитектурѣ.

Скрозь Флоренцію течетъ рѣка немалая, которая называется Арни. Чрезъ ту рѣку сдѣланы четыре моста каменныхъ великихъ на каменныхъ столбахъ, между которыми одинъ зѣло великъ, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, на которомъ построенъ серебрянный рядъ.

Монастырей и церквей во Флоренціи всѣхъ слишкомъ 200, которые изрядное имѣютъ въ себѣ украшеніе и богаты серебромъ и всякими церковными утварями зѣло.

Во Флоренціи народъ чистый и зѣло пріемный къ форестирамъ, платье носятъ Французское честные люди, а иныя особы подобно Римскому платью, а купцы платье носятъ такое, какъ Венецкіе купцы—черное, а женскій полъ во Флоренціи убирается поримски.

Честные люди во Флоренціи и купцы богатые ѣздятъ въ каретахъ и въ колznскахъ изрядныхъ, и лошадей каретныхъ и шоръ изрядныхъ во Флоренціи много; также жены и дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ же, изрядно убрався, на добрыхъ лошадяхъ. Рядовъ, въ которыхъ сидятъ купцы и мастеровые люди, во Флоренціи много и всякихъ товаровъ довольно; также и мастеровыхъ всякихъ людей много; а наипаче Флоренція хвалится мастерствомъ, что дѣлаютъ всякія вещи великія и малыя изъ розныхъ мраморовъ зѣло предивно, цвѣты и живности власно какъ бы живописное.

Во Флоренціи хлѣбъ и мясо и всякая живность недорого, и есть того въ ней довольно, также и рыбы много и недорого, а фруктовъ всякихъ множество и зѣло дешевы, а паче много изрядныхъ виноградовъ, изъ которыхъ дѣлаютъ изрядныя вина, кото-

рыя на всемъ свѣтѣ славныя Флоренскія вина, и зѣло ихъ много бѣлыхъ и красныхъ, которыя безмѣрно вкусны и непьяны, и купятъ ихъ тамъ дешево, а покупая отвозятъ въ дальнія мѣста за славу, что есть Флоренскія вина славныя.

Остарій во Флоренціи много, въ которыхъ каморы изрядныя и кровати и столы и стулы и кресла и постели изрядные жъ; и скатерти и простыни и полотенца бѣлыя; также пища и питье форестирамъ изрядныя и довольныя. Подлый народъ во Флоренціи побоженъ, политиченъ и зѣло почитателенъ и правдивъ.

Около Флоренціи вокругъ великія горы, по которымъ горамъ и промежъ горъ много зѣло жилья, строеніе все каменное великое; есть въ иныхъ мѣстахъ и хорошее; также есть и сады хорошіе со всякими плодовитыми деревьи и съ кипарисами и съ цвѣтами розными.

Во Флоренціи есть столбы многіе, на которыхъ поставлены въ память древнихъ прешедшихъ временъ славныхъ людей персоны вырѣзаныя изъ алебастру и изъ бѣлыхъ каменей, а на иныхъ мѣдныя на лошадяхъ сдѣланы преславными работами. Во Флоренціи есть не во многихъ мѣстахъ фонтаны, которыя есть и попорченныя, однако жъ хорошаго мастерства, только не такія какъ въ Римѣ, и не изо всѣхъ фонтанъ во Флоренціи воды текутъ. Во Флоренціи много мастеровъ изрядныхъ, живописцевъ изряднаго Италіянскаго мастерства, которые изрядно пишутъ и за одинъ небольшой образъ берутъ золотыхъ червонныхъ по 50 и больше.

Августа въ 24-й день. Поутру рано поѣхалъ я изъ Флоренціи и пріѣхалъ къ обѣду въ остарію, которая называется Понта, отъ Флоренціи 12 миль Ит. Та дорога по великимъ горамъ каменистымъ, а жилыхъ мѣстъ по тѣмъ горамъ и между горъ много и зѣло часто и многолюдно; есть и лѣса мелкіе не во многихъ мѣстахъ, виноградовъ множество по полямъ, есть и пашни подъ пшеницы, и между горъ есть воды чистыя, а изъ горъ есть ключи изрядныхъ холодныхъ водъ. И стоялъ я въ той остаріи до 10-го часа дня, а въ 10-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ въ городъ папежской области Римской, который называется Флоренцано, отъ остаріи, гдѣ обѣдалъ, 12 миль Ит. По сей дорогѣ великія и зѣло каменистыя горы, и съ горъ шелъ я пѣшъ. По тѣмъ горамъ и межъ горъ есть лѣса немалые и деревья много плодовитаго, на которыхъ родятся каштаны. На тѣхъ же горахъ есть немало пашни, на которыхъ сѣютъ пшеницы и другія пшеницы, которыя называются Цареградскія; также тамъ есть мѣста сѣнокосныя, а жилья по тѣмъ горамъ немало. И въ томъ городѣ Флоренцанѣ стоялъ я въ остаріи, которая

зовется Ляшкала, и ночевалъ тутъ. Тотъ городъ Флоренцана невеликій, стѣны около его каменныя стародавней работы, и строеніе въ томъ городѣ все каменное. Въ томъ городѣ я ночевалъ.

Августа въ 25-й день. Изъ той остаріи поутру я поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, которая зовется Люяна, отъ остаріи Ляшкала 17 миль Ит. По той дорогѣ отъ остаріи Ляшкала до остаріи Люяны превеликія каменныя горы, на которыя невозможно было взъѣхать въ коляскѣ, и мой витуринъ, т.-е. фурманъ, нанялъ мнѣ верховую лошадь, на которой я на тѣ горы взъѣхалъ. По тѣмъ горамъ и между горъ много лѣсовъ; въ тѣхъ лѣсахъ все плодовитыя деревья, на которыхъ родятся каштаны. Въ тѣхъ горахъ много водъ изрядныхъ, чистыхъ, ключевыхъ, которые ключи изъ тѣхъ горъ истекаютъ. Во многихъ мѣстахъ подѣланы мосты каменные. По той дорогѣ есть жилья немало; также по горамъ и между горъ есть пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы и проса; также есть и сѣнокосныя мѣста. Въ той остаріи того числа обѣдалъ и стоялъ до 9-го часа дни, а въ 9-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ того-жъ числа за часъ до ночи въ городъ Болонію и сталъ въ остаріи, которая зовется Санмарко, т.-е. Св. Марка. Въ той остаріи хозяинъ отвелъ мнѣ палату пространную, изрядную, обитую золочеными кожами и убрану изрядно картинами и зеркалами великими. Въ той же палатѣ кроват изрядная, столъ, стулы, кресла, обитые бархатомъ. Та остарія въ Болоніи лучшая, и зѣло много въ ней палатъ изрядныхъ великихъ съ предивными уборами для того, что въ ней стоятъ многіе форестиры. Отъ остаріи Люяны до Болоніи 16 миль Ит. Ѣхалъ я отъ Люяны 10 миль Ит. по великимъ каменнымъ горамъ, на которыя не могъ взъѣхать въ коляскѣ, всходилъ пѣшъ. По тѣмъ горамъ жилья мало, а много по нихъ лѣсовъ розного всякаго деревья, есть пашни небольшія и сѣнокосныя мѣста. Потомъ, не доѣзжая Болоніи за 6 миль Итальянскихъ, съ тѣхъ горъ съѣхалъ и поѣхалъ ровными мѣстами межъ горъ; по тѣмъ низкимъ мѣстамъ почало быть многое частое жилье, домы строенія каменнаго и при нихъ огороды изрядные; также въ тѣхъ мѣстахъ есть воды изрядныя прокопныя, черезъ которыя подѣланы каменные мосты. Потомъ чѣмъ ближе почалъ пріѣзжать къ Болоніи, то жилью почало быть чаще, а за три мили до Болоніи зѣло частое жилье, въ которомъ живутъ мастеровые люди, портные, сапожники, каретники, кузнецы, столяры и иные всякіе; а строеніе все каменное, и между тѣмъ строеніемъ много есть каплицъ, т.-е. церквей малыхъ Римской вѣры.

Потомъ пріѣхалъ къ Болоніи къ городовымъ воротамъ. Въ тѣхъ воротахъ, которые стоятъ для заставы, записали имя мое и

котораго я государства и, спрося меня, что нѣтъ ли со мною какихъ купецкихъ вещей, тотчасъ пропустили въ Болонію, и ночевалъ тутъ, а на утро изъ Болоніи поѣхалъ во 2-мъ часу дня.

ОПИСАНІЕ БОЛОНІИ.

Болонія во Италіи суть мѣсто великое и славное владѣнія папы Римскаго, стоитъ на ровномъ мѣстѣ, стѣны городовыя и башни каменныя зданія древняго. Домы въ Болоніи есть великіе, строеніе все каменное, палаты есть изрядныя. Улицы и переулки въ Болоніи широкіе, и по обѣ стороны улицъ и переулковъ подлѣ домовнаго строенія построены столбы каменные высокіе, и на тѣхъ столбахъ строены палаты, и во всей Болоніи, хотя бъ великій былъ дождь, и пѣшіе люди могутъ во время дождя ходить по всей Болоніи въ добрыхъ одеждахъ безъ епанчи, и никогда не помочитъ ихъ дождь, и грязи на тѣхъ мѣстахъ нѣтъ подъ столбами и никогда не бываетъ; хотя бъ кто въ изрядныхъ башмакахъ ходилъ по всей Болоніи, и никогда ихъ не замараетъ. И такъ въ Болоніи тѣми стройными улицами всегда пѣшіе ходятъ, а вымощены тѣ стройныя улицы изрядно камнемъ, а въ иныхъ мѣстахъ кирпичемъ, а середними улицами въ Болоніи межъ столбовъ ѣздятъ въ каретахъ и въ телѣгахъ и верхомъ и всякіе проѣзжіе люди въ колябскахъ. Скрозь Болонію течетъ рѣка, которую называютъ каналомъ. Та рѣка немалая, ходятъ по ней изъ Венеціи въ Болонію и изъ Болоніи въ Венецію барки и иныя небольшія суды.

Лавокъ со всякими товарами въ Болоніи довольно, также купцовъ богатыхъ и всякихъ мастеровыхъ людей много. Монастырей и церквей Римскихъ въ Болоніи сказываютъ больше двухъ сотъ и съ каплицами, а всѣ монастыри и церкви изряднаго строенія каменнаго.

Въ Болоніи за губернатора живетъ присланный отъ папы изъ Риму одинъ кардиналъ, который управляетъ въ Болоніи всякія дѣла мірскія и духовныя.

Болонскіе жители люди добрые и зѣло привѣтные, платье носятъ Римской моды, а купцы Болонскіе ходятъ подобно Венецкимъ купцамъ, а говорятъ въ Болоніи всѣ по-итяльянски, однакожъ ниже Флоренскаго языку. Женскій народъ въ Болоніи изрядный, благообразный, платье носятъ власно такъ какъ Римлянки.

Въ Болоніи честные и богатые люди и жены ихъ и дѣвицы ѣздятъ въ каретахъ изрядныхъ и въ коляскахъ на добрыхъ лошадяхъ, и уборы на нихъ каретные изрядные, а пѣши честные люди и жены ихъ и дочери не ходятъ и имѣютъ то подъ зазоромъ.

Хлѣбъ и всякій харчъ, рыба и мясо и всякая живность въ Болоніи недорого, дешевле Венецкаго.

Въ Болоніи всякихъ фруктовъ много и зѣло дешево, а паче всего много луку великаго и зѣло дешевъ; во многія Итальянскія мѣста изъ Болони лукъ отвозятъ. Остарій въ Болоніи много изрядныхъ; а лучшая, гдѣ я стоялъ, Святаго Марка.

Форестировъ въ Болоніи всегда бываетъ много: Цесарцевъ, Французовъ, Агличанъ, Гишпанцевъ, Голандцевъ, Еновцевъ, Туринцевъ и иныхъ государствъ.

Въ Болоніи при домахъ честныхъ людей есть изрядные и немалые сады, въ которыхъ есть плодовитыхъ розныхъ деревъ много, также и цвѣтовъ и травъ всякихъ и кипарисныхъ деревъ много.

Фонтанъ въ Болоніи я не видалъ ни худыхъ ни добрыхъ.

Въ Болоніи есть въ езувитскихъ монастыряхъ академіи и школы изрядныя, въ которыхъ учатся до высокихъ наукъ, до философіи и до богословіи.

Въ Болоніи есть домъ великій, въ которомъ печатаютъ всякія книги на Латынскомъ и на Итальянскомъ языкахъ всякихъ розныхъ высокихъ наукъ; также печатаютъ карты географичныя и морскія и иныя всякія фигуры розныя изряднымъ мастерствомъ.

Въ Болоніи много предивныхъ собакъ постельныхъ, которыя на всемъ свѣтѣ славныя и зѣло малы и хороши безмѣрно, и купятъ ихъ тамъ зѣло дорого, за одну собаку добрую надобно дать 20 или 30 золотыхъ червонныхъ.

Августа въ 26-й день. Во второмъ часу дня изъ Болоніи я въ коляскѣ своей поѣхалъ и пріѣхалъ въ остарію, отъ Болоніи 20 миль Ит. Та остарія называется Паджа. По той дорогѣ есть жилье, строеніе каменное, изрядное, и садовъ изрядныхъ много со всякимъ плодомъ и съ цвѣтами; въ тѣхъ садахъ много деревъ изрядныхъ, которыя растутъ преудивительными фигурами: на одномъ деревѣ растетъ власно какъ лодка, на иномъ власно человѣкъ, на иномъ звѣрь или птица, а иное дерево высокое стоитъ, и растутъ по немъ вѣтвья и листья снизу великою округлостью со изрядными фигурами, а отъ того круга вверхъ растутъ вѣтвья и листы власно какъ круглая лѣстница кругомъ того дерева, а наверху того дерева растетъ власно какъ изрядный чердакъ и съ кровлею, и поверхъ кровли растутъ на томъ же чердакѣ изрядныя фигуры, и такихъ деревъ по той дорогѣ есть много. Также по той дорогѣ есть множество изрядныхъ виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ. Отъ Болоніи до остаріи Паджи мѣста ровныя полистыя, по тѣмъ полямъ много пашни и сѣнокосовъ. Та дорога зѣло изрядная, ровная и каменистая,

только есть по сторонамъ той дороги стоячія худыя воды, отъ которыхъ бываетъ временемъ тягостный духъ. Въ той остаріи я обѣдалъ и стоялъ до 10-го часа дни, а въ 10-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ къ рѣкѣ, которая называется Ренъ, отъ остаріи Паджи 6 миль Ит. Та рѣка Ренъ немалая, течетъ зѣло мутно съ пескомъ и съ глиною, и по ней власно какъ сало самая глина. Изъ той рѣки ни пить, ни ѣсть, ни мыться тою водою никому невозможно: не токмо человѣкамъ, непотребна и скотамъ. Та дорога до той рѣки гладкая, горъ и каменью нѣтъ, а по сторонамъ той рѣки великія болота, по которымъ растетъ зѣло великая и высокая осока и тростникъ, и по той дорогѣ есть гати подобны Московскимъ, дѣланы хворостомъ и бревнами.

И переѣхавъ я ту рѣку, поѣхалъ къ городу Ферарѣ, отъ той рѣки до Ферары 4 мили Итальянскихъ. По той дорогѣ по обѣ стороны много деревья, осинъ, и ивъ и березъ, между которыми множество растетъ виноградовъ красныхъ и бѣлыхъ, которые оплетаяся около тѣхъ деревъ растутъ и приносятъ плоду множество. Также въ тѣхъ мѣстахъ есть пашни, гдѣ сѣютъ пшеницы, и сѣнокосныхъ мѣстъ немало; также и жилыхъ мѣстъ много, гдѣ строеніе все каменное. Потомъ того жъ числа на послѣднемъ часу дня пріѣхалъ въ городъ Фераpу и, какъ пріѣхалъ къ городовымъ воротамъ, тутъ караулъ записали имя мое и взяли у меня пищали и пистоли мои всѣ, которые со мною были, для того что въ Ферарѣ есть обычай такой, что никого въ Фераpу проѣзжаго форестира съ ружьемъ не пустятъ, и сколько кто въ Ферарѣ похочетъ жить, то все время ружье будетъ лежать за карауломъ. А изъ тѣхъ пищалей, вывертя по одному щурупу, и отдадутъ тому, чья та пищаль, и какъ тотъ форестиръ изъ Ферары поѣдетъ и проѣдетъ городовые ворота, тогда долженъ въ тѣхъ воротахъ показать тотъ щурупъ, и тѣ его пищали и пистоли вынесутъ за нимъ солдаты загородъ и отдадутъ ему ихъ за городомъ, а въ городѣ отнюдь никому пищалей не отдадутъ проѣзжимъ людямъ. Также, пріѣзжая въ Фераpу, въ городовыхъ воротахъ повиненъ всякій пріѣзжій взять болетину, т.-е. одинъ листъ проѣзжій, и съ тѣмъ листомъ можетъ выѣхать всякій проѣзжій изъ Ферары, а безъ того листа изъ Ферары никого не выпустятъ. И то все вышеписанное, въѣзжая въ Фераpу и выѣзжая изъ Ферары, я чинилъ, и въѣхавъ въ Фераpу, сталъ я въ великой остаріи, которая называется Святого Ангела. Въ той остаріи отвели мнѣ великую изрядную палату, въ которой были столы и стулы и креслы и кровать изрядные, и постеля съ чистыми простынями и съ одѣяломъ изряднымъ. Въ той остаріи я ужиналъ и ночевалъ.

Городъ Ферара есть владѣніе папы Римскаго, зѣло великій; около его построенъ городъ каменный новою модою съ бельвардами изрядными и со всякими крѣпостьми, и ворота въ тотъ городъ проѣзжіе изрядные жъ, устроены съ великими крѣпостьми, и по воротамъ стоятъ солдаты на караулахъ. Въ Ферарѣ много церквей и монастырей, всѣ каменные, также и домовное строеніе все каменное жъ изрядное. Есть въ Ферарѣ палаты великія и зѣло высокія; въ томъ же городѣ есть одна площадь великая, около той площади вокругъ поставлены столбы низкіе каменные, столбъ отъ столба сажени по три, и по тѣмъ столбамъ по верхамъ подѣланы пробои желѣзные толстые, и въ тѣ пробои проняты чѣпи желѣзныя нетонкія, и вся та площадь тѣми чѣпьми отъ столба до столба обвѣшена, чтобъ невозможно было никому по той площади въ каретѣ или въ телѣгѣ или верхомъ проѣхать. И растетъ на той площади трава великая, а посреди той площади поставленъ одинъ великій столбъ каменный, бѣлый зѣло высокъ и толстъ, изъ одного камени высѣченъ, круглый, изрядною рѣзною работою сдѣланъ; на верху того столба сдѣланы изъ того жъ камени кресла изрядныя, и въ тѣхъ креслахъ посажена персона папы Римскаго высѣченная изъ камени предивною работою; и кругомъ того столба поставлены также низкіе столбы каменные жъ, по которымъ также подѣланы пробои и повѣшены чѣпи желѣзныя, чтобъ никто близко того столба пройтить не могъ, а сдѣлано то все для почтенія персоны папиной.

Въ Ферарѣ много лавокъ со всякими товарами, а наипаче много мыла изряднаго, которое на всемъ свѣтѣ славное. Также славныя водки, и недорого ихъ тамъ купятъ; также виноградное красное вино изрядное, которое называютъ Итальяне виндольцъ; также хлѣба и харчу всякаго и живности всякой и рыбы много, и все дешево.

Въ Ферарѣ живетъ одинъ кардиналъ, который присланъ изъ Риму отъ папы вмѣсто губернатора, и управляетъ тотъ кардиналъ всякія дѣла, мірскія и духовныя.

Въ Ферарѣ народъ природы чистой, мужескій полъ и женскій, платье носятъ мущины и жены подобіемъ Римскимъ.

Въ Ферарѣ каретъ и колясокъ и лошадей каретныхъ изрядныхъ много, также и всякіе уборы каретные изрядные, и честные люди въ Ферарѣ и жены ихъ и дѣвицы пѣши не ходятъ, ѣздятъ въ каретахъ и въ коляскахъ; а кто пойдетъ въ Ферарѣ пѣшъ, честный человѣкъ или жена или дѣвица честная, то ставятъ въ зазоръ.

Деньги въ Ферарѣ ходятъ Римскія серебряныя и мѣдныя.

Обыкновеніе въ Ферарѣ такое, что въ ночи никакой человѣкъ со шпагою или съ саблею и ни съ какимъ оружіемъ ходить не поволенъ, а кого въ ночи съ какимъ ни есть оружіемъ поймаютъ, тотъ человѣкъ по обыкновенію Ферарскому подлежитъ казни, а которымъ есть позволеніе отъ Ферарскаго кардинала, тѣ люди ходятъ и въ ночи со шпагою.

Купцовъ и ремесленныхъ всякихъ людей въ Ферарѣ много.

Августа въ 27-й день. Поутру изъ Ферары я поѣхалъ, и въ городовыхъ воротахъ отдали мнѣ, вынесчи за городъ, мое ружье такимъ обыкновеніемъ, какъ о томъ писано выше сего. Потомъ пріѣхалъ я къ одной рѣкѣ, которой имя есть По. Та рѣка велика гораздо, течетъ зѣло мутно, смѣшався съ пескомъ. На той рѣкѣ ходитъ паромъ на веслахъ, на которомъ и я переѣхалъ. Отъ Ферары до той рѣки 5 миль Ит. По той дорогѣ по полямъ зѣло много саженныхъ растутъ деревъ ивовыхъ,посажены изрядно по препорціи, и между ихъ множество растетъ виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, однакожъ красныхъ больше. По той же дорогѣ много пашни, также и сѣнокосныя мѣста есть, а въ иныхъ мѣстахъ и болоты, въ которыхъ растетъ зѣло высокая осока сажени въ двѣ вышиною. По той же дорогѣ много есть строенія каменнаго, въ которомъ живутъ Итальяне пахотные люди.

Перевезясь я ту рѣку и отъѣхавъ двѣ мили Ит., пріѣхалъ на границу Венецкую, въ которомъ мѣстѣ провинція Венецкая граничитъ съ владѣтельствомъ папы Римскаго. Отъ той границы отъѣхавъ 4 мили Ит., пріѣхалъ къ рѣкѣ, которая называется Канале-Бянка. По той дорогѣ есть много виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, также есть пашни и сѣнокосы и болоты. На тѣхъ помяненныхъ обѣихъ рѣкахъ есть построены многія мельницы на стругахъ, которыхъ я видѣлъ на рѣкѣ По 18; также и на другой рѣкѣ есть тѣхъ мельницъ немало, и построены тѣ мельницы изрядно и зѣло штучно. И перевезясь я рѣку Канале-Бянку, пріѣхалъ въ одинъ городъ Венецкой провинціи, которой называется Рувиго, и въ томъ городѣ сталъ въ остаріи, которая называется Корона. Въ той остаріи обѣдалъ и стоялъ до 10-го часа дня, а въ десятомъ часу изъ того города поѣхалъ. Тотъ городъ Рувиго немалое мѣсто, строеніе въ немъ каменное, церквей и монастырей есть немало, стоитъ на ровномъ мѣстѣ. Отъ Ферары до Рувига дорога изрядная, гладкая, горъ нѣтъ, все поля ровныя, гдѣ множество виноградовъ бѣлыхъ и красныхъ, однакожъ больше красныхъ. Въ томъ городѣ хлѣбъ и харчъ всякій и живность всякая и рыба и фрукты всякіе дешево, и есть всего въ томъ городѣ довольно. И поѣхавъ я изъ

того города, пріѣхалъ того же числа на ночь въ городъ Венецкой же державы, которой зовется Молтъ-Селизе, и сталъ въ остаріи, которая зовется Шетекеза, отъ Рувига 14 миль Ит. По той дорогѣ отъ Рувига, отъѣхавъ недалеко, пріѣхалъ я къ рѣкѣ, которая называется Лядиже, или Фиме, и ту рѣку перевозился на паромѣ, которой поромъ сдѣланъ зѣло штучно: ходитъ черезъ ту рѣку безъ работы людской; только одинъ человѣкъ стоитъ на кормѣ и правитъ сапцомъ. На той рѣкѣ много есть мельницъ, которыя сдѣланы на судахъ изрядною штукою. И, переѣхавъ ту рѣку, ѣхалъ до города Молтъ-Селизе ровными мѣстами, горъ никакихъ нѣтъ, по обѣ стороны той дороги много деревъ ивовыхъ, между которыми множество виноградовъ красныхъ; также есть пашни и сѣнокосы и болота. Много тутъ и жилья строенія каменнаго, есть домы предивные и зѣло великіе, въ которыхъ палаты изрядныя построены изрядною архитектурою и мастерствомъ предивнымъ. Также есть изрядные сады съ плодовитыми деревьи, съ цвѣтами разными, изрядною препорціею построены; тутъ же многія есть текучія воды, черезъ которыя переѣзжалъ я по каменнымъ мостамъ; также по обѣ стороны дороги и вокругъ виноградовъ прокопаны рвы широкіе и глубокіе, и пропущены воды. Городъ Молтъ-Селизе Венецкой, строеніе въ немъ все каменное, стоитъ при высокой горѣ. За̀мокъ того мѣста построенъ на верху той горы и зѣло крѣпокъ. Тотъ городъ невеликъ, а хлѣбъ и харчъ всякій и живность и рыба и всякіе фрукты недорого, и есть всего довольно, и вина виноградныя красныя изрядныя сладкія. Въ томъ городѣ въ помяненной остаріи я того числа ужиналъ и ночевалъ, гдѣ мнѣ отведена была изрядная палата, обита кожами золочеными, и въ ней столы, стулы и кресла изрядныя и кровать изрядная жъ золоченая и постеля съ чистыми простынями и одѣяло атласное; въ той же палатѣ картинъ изрядныхъ и зеркалъ великихъ много.

Августа въ 28-й день. Поутру рано я изъ того города поѣхалъ къ городу Падвѣ. По той дорогѣ много жилья подлаго народу, а строеніе все каменное; между тѣмъ жильемъ многіе домы великіе и предивные, въ которыхъ домахъ палаты великія и зѣло стройныя изрядною архитектурою построены; также сады есть съ изрядными плодовитыми деревьи и съ кипарисами и огороды изрядные, въ которыхъ подѣланы цвѣтники предивные и наполнены цвѣтовъ изрядныхъ разныхъ родовъ. По той же дорогѣ есть многія каменныя каплицы. Отъ города Молтъ-Селизе до Падвы течетъ вода, прокопная шириною въ 10 сажень и глубока, по которой водѣ изъ

Падвы въ Молтъ-Селизе и паки оттуды въ Падву ходятъ немалыя барки съ дровами и каменьемъ и со всякими потребами. Черезъ ту прокопную воду во многихъ мѣстахъ подѣланы мосты каменные изрядные, широкіе, по которымъ безъ нужды можно въ каретахъ разъѣзжатися. При тѣхъ мостахъ на той же прокопной водѣ подѣланы изрядныя мельницы, амбары каменные и при одномъ амбарѣ по четыре колеса и по пяти. Отъ города Молтъ-Селизе до Падвы 10 миль Ит. Дорога вся ровная, горъ нѣтъ и не камениста, по обѣ стороны по полямъ много саженныхъ деревъ растутъ: березы, осины, ивы и дубью и иныя, а сажены изрядною препорціею, и между того деревья множество виноградовъ растетъ, оплетаяся около того деревья, и приносятъ плодъ красный и бѣлый, а паче больше краснаго. Также по обѣ стороны той дороги есть пашни, по которымъ сѣютъ пшеницы и проса; тутъ же и сѣнокосныя мѣста изрядныя, а въ иныхъ мѣстахъ есть и болота.

Того жъ числа въ четвертомъ часу дня пріѣхалъ я въ городъ Падву и сталъ въ остаріи и стоялъ въ ней до 8-го часа того дня, а въ 8-мъ часу изъ Падвы поѣхалъ.

Падва есть мѣсто великое Венецкой провинціи, а каково то мѣсто, о томъ писалъ я въ сей книгѣ выше сего подлинно.

Того жъ числа фурманъ мой просилъ меня о томъ, чтобы ему меня изъ Падвы до Местра въ коляскѣ не везть, а нанять бы ему мнѣ изъ Падвы до Венеціи судно, которое называется піота, и въ той бы піотѣ ѣхать мнѣ изъ Падвы до Венеціи водою. И по тому его прошенію я ему то учинить поволилъ, и онъ нанялъ мнѣ одну піоту, въ которой я того жъ числа по обѣдѣ изъ Падвы поѣхалъ въ Венецію и ѣхалъ тѣми водами, которыя учинены для проѣзду отъ Венеціи до Падвы и изъ Падвы до Венеціи, о которыхъ я прежде сего писалъ подлинно въ сей книгѣ.

Того жъ числа въ той піотѣ пріѣхалъ я изъ Падвы въ Венецію въ 6-мъ часу ночи и сталъ въ остаріи, которая называется Леонбанко. Въ той остаріи хозяинъ отвелъ мнѣ палату, въ которой я стоялъ Августа до 30-го числа и платилъ на сутки за палату и за пищу и за постелю и за всякія потребы по дукату за себя Венецкой монеты, а Московскихъ денегъ въ дукатѣ 15 алтынъ.

Августа въ 30-й день. Нанялъ я себѣ домъ, въ которомъ было мнѣ палатъ довольно со всякими уборами и въ тотъ домъ изъ остаріи Леонбанко съѣхалъ сего Августа въ 30-й день. За тотъ домъ платилъ я на мѣсяцъ по 6 дукатовъ Венецкихъ. Въ томъ домѣ па-

латъ мнѣ и солдату, которой былъ со мною, и человѣку моему было довольно, а пищу себѣ и солдату и человѣку своему я покупалъ особо кромѣ той платы 6 дукатовъ; также свѣчи и иныя потребы покупалъ особо жъ; только въ томъ домѣ были столы, стулы, кресла, шкафы и постели готовые, также поварня въ томъ домѣ и суды всякіе были хозяйскіе. И стоялъ въ томъ домѣ я одинъ мѣсяцъ, а Сентября въ 30-й день изъ того дому съѣхалъ на другой домъ, нанялъ себѣ новый домъ близко Греческой церкви св. Георгія, гдѣ живетъ Греческій митрополитъ.

Въ томъ домѣ была палата мнѣ изрядная, обита вся червчатыми камками изрядными, и зеркалы, и картины въ ней изрядныя жъ и всякія потребы нужныя, также и кровать предивная золоченая и постеля изрядная. Солдату и человѣку моему покои были изрядные жъ, и поварня была со всякими судами хозяйская жъ, а пищу себѣ и солдату и человѣку своему покупалъ я отъ себя, и стоялъ я въ томъ домѣ Октября до 28-го числа, а заплатилъ за него 8 дукатовъ Венецкихъ.

Октября въ 25-й день. Прислалъ ко мнѣ съ Москвы письмо бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, а въ немъ пишетъ:

„Государь мой Петръ Андреевичъ, здравіе твое да сохранитъ Господь во вѣки, чего я истинно желаю; а о себѣ тебѣ, мой государь, извѣствую, что за помощію Божіею живъ на Москвѣ Сентября въ 29-й день. Еще милости твоей извѣстно чиню, что указано всѣмъ стольникамъ, которые познали науку, быти къ Москвѣ изъ Венеціи и изъ Амстердама и, если воля твоя будетъ, изволь ѣхать безъ опасности. Ѳедька Головинъ. Съ Москвы, Сентября въ 29-й день.“

По тому письму говорилъ я съ мастерами своими, чтобъ они о наукахъ моихъ дали мнѣ свидѣтельствованные листы, на которыя мои слова мастеры мои, чего я былъ достоинъ, дали мнѣ листы со свидѣтельствомъ.

Учитель мой, который меня училъ вещей математическихъ, далъ мнѣ свидѣтельствованный листъ, а въ немъ пишетъ:

„Во имя Христово. Аминь.

Бываютъ науки предивный щитъ людямъ, а особливо гоноромъ породнымъ; не есть дивно, что они повинны съ великою охотою прикладатися до такъ тяжкаго изобрѣтенія, а нижеподписанный имѣлъ явное того дѣла испытаніе, и съ моею присягою подтверждаю, что подалъ уразумѣніе наукъ математицкихъ теоричныхъ

и практичныхъ, безъ которыхъ никто доступить не можетъ совершенной науки морской, т. е. прежде училъ сферы армилярной, глобусовъ небесныхъ и земныхъ со всѣмъ цѣлымъ трактатомъ науки морской. Былъ моимъ ученикомъ его милость господинъ Петръ Андреевичъ, дворянинъ Московскій маестату пресвѣтлаго величества царскаго, которой со всякой усильностью трудился и былъ достойной до той науки и нынѣ есть обрѣтенной, способной и годной и заслуженной быть припущенной до порядковъ, принадлежащихъ до навтики, на волю и диспозицію каждаго бѣглаго въ той наукѣ, что̀ для увѣренія моею рукою власною подписую и означаю моею власною печатью изъ моей школы отъ математики. Дня 27 Октября лѣта Господня 1698."

У подлиннаго письма подпись руки учителевой сице: „Ксендзъ Петръ Луціаній Венетъ, майстеръ и профессоръ."

Подлинный листъ объявленъ Венецкому князю и подписанъ канцлерской рукою сице:

„Чиню вѣрность я, нижеподписанный канцлеръ, яко видѣлъ отъ велебнаго отца Петра Луціана въ томъ мѣстѣ вышеписанное письмо, которое чрезъ меня канцлера показанному принесъ свою присягу, что писано его власною рукою и печатано его печатью, на что̀ для лучшаго увѣренія означено. Писано есть въ Венеціи дня 27-го мѣсяца Октября лѣта Господня 1698-го, безо всякаго записанія. Я, Янъ Петръ Россій, публичный Венецкій канцлеръ для увѣренія рукою власною писалъ, подписалъ и назначилъ."

Тотъ вышеписанный листъ предъ самимъ княземъ Венецкимъ чтенъ и записанъ въ книгу, а на учителя моего помяненнаго Петра Луціана и на его листъ и на науку отъ князя Венецкаго данъ листъ, писанъ на пергаментѣ, и печать приложена оловянная, а въ томъ листѣ пишетъ самого князя Венецкаго подтвержденіе сице:

„Селиверстъ Валеріо, Божіею милостію князь Венецкій, всѣмъ и каждому особно такъ пріятелямъ, яко и инымъ вѣрнымъ, тотъ нашъ листъ видящимъ, знать даемъ, что канцлеръ Петръ Россій, которой въ день сего мѣсяца 27-й призналъ подпись велебнаго отца Петра Луціана, которой есть добрыхъ учинковъ и доброй славы, и его письму здѣсь и повсюду полное увѣреніе дано быть повинно. Записалося въ нашей княжеской палатѣ дня 27-го Октября подъ индикціею шестаго лѣта Господня 1698-го. Доминикъ Баллій."

Потомъ мастеръ мой капитанъ морской далъ мнѣ отъ себя свидѣтельствованной же листъ о морской наукѣ, а въ немъ пишетъ:

„Не есть большаго аргументу великости добраго сердца господскаго яко прикладатися до учениковъ высокихъ и до наукъ изрядныхъ, съ которыми примножается ясность фамиліи высокихъ и честно-урожденныхъ; такимъ далъ познатися его милость господинъ Петръ Андреевичъ, дворянинъ Московскій, которой, будучи подъ моею дирекціею капитанскою, желая понять науку морскую,

не только хотѣлъ приложитися до наукъ теоричныхъ, но тожъ имѣлъ чинить и практикою, когда всѣлъ на корабль Св. Елисаветы моимъ повелѣніемъ купно со единымъ солдатомъ и, плавая по морю въ мѣсяцахъ и въ часахъ небезстрашныхъ, показалъ силу отважности своей, въ припадкахъ несчастливыхъ, прикладаяся до всякаго труда такъ въ наукѣ буссола и карты морской, яко и во усмотрѣніи мѣстъ, гдѣ есть маловодныя и каменистыя и иныя мѣста не безопасныя на морѣ; также прикладаяся до разсужденія тимона и до употребленія деревъ и парусовъ и сортіямовъ, т. е. веревокъ, которымъ имена позналъ зѣло добро и все, какъ и когда имѣетъ употреблятися и до чего суть потребны для дирекціи морской корабля и галеры; также прикладаяся совершенно до употребленія пушекъ и до всякой иной вещи потребной до той науки и до употребленія парусовъ и веревокъ и иныхъ вещей, которыя надлежати повинны такъ для корабля, какъ и для галеры. Также взялъ совершенную вѣдомость вѣтровъ и всякую практику для употребленія корабля и галеры; а, хотя жъ и не была оказія до битвы, однакожъ съ практики взялъ доскональную вѣдомость и познаніе и есть способнымъ достаточно. Я для того, чтобы былъ познанный за способнаго и годнаго до того уряду, я для того чиню вѣру и совершенное даю свидѣтельство на всякомъ мѣстѣ и во всякомъ времени, чтобъ ото всѣхъ за такого былъ познанной, и для лучшей вѣры тотъ листъ нынѣшній обрѣтается подписанъ моею власною рукою и печатанъ моею обыкновенною печатью. Дается дня 27-го Октября 1698-года въ Венеціи."

У подлиннаго листа внизу подписано капитанскою рукою сице: „Я, капитанъ Георгій Раджи, вышепомяненной, подтверждаю яко выше." У того жъ листа печать капитанская.

Потомъ при отъѣздѣ своемъ изъ Венеціи былъ я у Венецкаго князя, кланялся ему при отъѣздѣ своемъ и благодарствовалъ за любовь его, которую онъ являлъ ко мнѣ въ бытность мою въ Венеціи, и князь Венецкой любовно меня изъ господства своего отпускалъ и при самомъ моемъ отъѣздѣ прислалъ ко мнѣ секретаря своего, которой называется Савони, велѣлъ меня ему съ любовью проводить и съ нимъ прислалъ ко мнѣ отъ лица своего листъ, писанъ на пергаментѣ подъ золотымъ гербомъ Венецкаго княженія подъ изображеніемъ льва, что являетъ образъ св. Евангелиста Марка, а въ томъ листѣ пишетъ сице:

„Селиверстъ Валерій, вождь, князь Венецкій.

Честнѣйшему господину Петру Андреевичу, дворянину престола царя Московскаго и всѣмъ такъ пріятелямъ, яко и инымъ вѣрнымъ листъ нашъ видящимъ здравія желаю. Сердца твоего смиреніе между иными твоими товарищами народа твоего такъ намъ явно быть показалось, что въ томъ нашемъ Венецкомъ мѣстѣ пребывающаго и изъ нашего государства до отеческихъ пороговъ возвращающагося нашими тебя въ ту дорогу умыслили отпроводити листами и тѣми для твоего постоянства и особливой науки

во свидѣтельствѣ вещей военныхъ по морю всѣмъ и всякому особно и самому также (ежели бы того потребно было наисильнѣйшему монарху твоему) вручаю листъ, для чего не въ силѣ тѣхъ листовъ нашихъ знать даемъ, яко честнѣйшій Петръ Андреевичъ, дворянинъ престола царя Московскаго, прилежно около наукъ своихъ имѣя прилежаніе такъ теоричныхъ, яко математичныхъ до науки морской надлежащихъ, яко и въ самой практикѣ до лучшаго понятія трудностей морскихъ явное труда своего приложилъ прилежаніе, когда по оповѣданію предъ нами разныхъ капитановъ, а особливо капитана нашего морскаго на кораблѣ Св. Маріи Елисаветы Ивана Лазаревича, явно намъ далося слышать, что помяненной Петръ Андреевичъ лѣта 1697-го во время осени въ дорогу морскую пустился, гольфу нашу преѣзжалъ, на которой чрезъ два мѣсяца цѣлыхъ былъ неустрашенной въ бурливости морской и въ фалѣ фортунъ морскихъ не устрашился, но во всемъ съ тѣми непостоянными вѣтрами шибко боролся и зѣло того желалъ, чтобъ непріятеля креста Христова обрѣвши на морѣ, и съ нимъ бы бился, до которой его охоты тогда ему такой оказіи Богъ не допустилъ. Обаче напрасно времени не тратилъ, паки нынѣшняго лѣта поворотился на море и, преѣхавши гольфы наши на фрегадонѣ, пустился землею, чтобъ въ скорыхъ часахъ пріѣхалъ на море Медитеранское, гдѣ, всѣдши на другой бастиментъ, ѣхалъ чрезъ Калабрію и Цицилію, гдѣ встрѣтился съ Турецкими кораблями, которые за ними гонили даже до самаго Мальту, до котораго пріѣхавши, для вѣры христіанской и для почтенія народу своего, желалъ на галерѣ Мальтійской пуститься противъ непріятеля, самъ же непріятель утеченіемъ своимъ такой ему оказіи не допустилъ. Для его такой отважности и особливой науки и тихости въ бытность его въ нашемъ господствѣ наши ему дали листы, чтобъ на всякомъ мѣстѣ, гдѣ бъ того потребно было, и его славнымъ ученикамъ вѣра совершенная дана была и чтобъ ото всѣхъ до кого надлежитъ, за мужа смѣлаго, разумнаго и способнаго былъ принятой. Далося въ Венеціи, въ палатѣ нашей княжеской, дня 30-го Октября 1698-го года съ повелѣнія княжескаго. Ермій Баллій намѣстникъ канцлерскій подтверждаю то, что̀ выше".

У подлиннаго листа печать воображенія льва на красномъ воску въ желѣзной коробкѣ.

Потомъ выѣхалъ я изъ Венеціи, убрався со всѣмъ на берегъ, Октября въ 30-й день въ городъ Местеръ, отъ Венеціи 5 миль Ит. моремъ и воздалъ благодареніе Богу, что въ добромъ здоровьѣ съ моря на землю съѣхалъ и поѣхалъ къ своему государству.

Ноября въ 1-й день. Нанялъ я фурмановъ, которымъ меня и солдата, которой былъ со мною, и человѣка моего изъ Местра везть въ колыскахъ до Вѣны и всякія при мнѣ бывшія вещи; а далъ за провозъ съ себя и съ солдата и съ человѣка своего отъ Венеціи до Вѣны по 7 золотыхъ червонныхъ, да въ томъ же уговорѣ всякому человѣку взять съ собою вещей своихъ по полтора пуда, а что̀ сверхъ того будетъ тягости, за то платить особо за

пудъ по золотому червонному отъ Венецiи до Вѣны. И, убрався, того числа изъ Местру поѣхалъ и прiѣхалъ ночевать въ городъ Тривизъ, отъ Местра 10 миль Итальянскихъ.

Ноября во 2-й день. Отъ Тривизу отъѣхавъ 10 миль Ит., переѣхалъ на паромѣ черезъ рѣку Пiяву, а за перевозъ платилъ съ персоны по лирѣ, того будетъ по 7 коп. Московскихъ. Отъ той рѣки отъѣхавъ Нѣмецкую милю, прiѣхалъ въ городъ Кенеманъ Венецкой державы, отъ Тривизу 15 миль Ит. Въ томъ городѣ ночевалъ. Тотъ городъ великiй, много въ немъ деревъ кипарисныхъ.

Ноября въ 3-й день. Прiѣхалъ въ городъ Шаделей Венецкаго владѣнiя, отъ Кенемана 15 миль Ит., тотъ городъ каменный, и прiѣхалъ того числа ночевать въ остарiю, которая называется Фаттомъ - Дадризо, тутъ ночевалъ, отъ города Шаделея три мили Итальянскихъ.

Ноября въ 4-й день. Прiѣхалъ обѣдать въ остарiю, которая называется Кардинала, отъ помяненной остарiи 8 миль Ит. Того жъ числа прiѣхалъ ночевать въ остарiю Провезакъ, отъ помяненной остарiи 10 миль Итальянскихъ.

Ноября въ 5-й день. Переѣхалъ рѣку Тяляменто въ двухъ мѣстахъ на паромахъ; та рѣка невелика, а быстра безмѣрно, и, переѣхавъ ее, обѣдалъ въ остарiи, которая называется Таяменъ, отъ помяненной остарiи 5 миль Ит. Оттуду прiѣхалъ ночевать въ остарiю, которая называется Сантомасей, отъ помяненной остарiи 10 миль Ит., и, не доѣзжая той остарiи, проѣхалъ городъ Санданалъ владѣнiя Венецкаго, стоитъ на горѣ, строенiе въ немъ все каменное.

Ноября въ 6-й день. Прiѣхалъ къ горамъ въ городъ Вендонъ. Въ томъ городѣ ночевалъ, стоялъ въ остарiи, которая зовется Кавалябянка, отъ помяненной остарiи 14 миль Ит. Въ томъ городѣ стоялъ до 8-го числа, для того что чрезъ всю ночь и день былъ дождь, и рѣка, которая была напереди моего пути, отъ дождя зѣло наводнилась и переѣхать ее было невозможно. Меня позвала нѣкорая нужда вскорѣ ѣхать въ Вѣну, а съ возами вскорѣ ѣхать не могъ, для того что горами путь прискорбной и зѣло было грязно, и я въ томъ городѣ Вендонѣ возы свои и солдата и человѣка покинулъ а самъ, нанявъ себѣ верховую лошадь, поѣхалъ одинъ напередъ, Ноября въ 8-й день, и прiѣхалъ на Итальянскую заставу, гдѣ заплатилъ съ лошади пошлину, и прiѣхалъ обѣдать на Цесарскую границу въ городъ Палтаву, отъ Вендона 8 миль Ит. Въ томъ

городѣ стоялъ въ остаріи Цесарской, которая зовется Аквилянегро. Того жъ дня пріѣхалъ ночевать въ село Мольбергетъ и ночевалъ въ остаріи у Золотаго Солнца, отъ города Палтавы 5 миль Ит.

Ноября въ 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Орлштанъ и стоялъ въ остаріи, которая называется Мальтъ, отъ Мольбергета 3 мили Нѣмецкихъ. Того же дня пріѣхалъ ночевать въ городъ Филокъ, отъ Орлштана 2 мили Нѣм.

Ноября въ 10-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Фелткирха, отъ Филока 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Сенфантъ, отъ Фелткирха 3 мили Нѣм.

Ноября въ 11 день. Пріѣхалъ обѣдать въ остарію, которая зовется Гіертъ, отъ Сенфанта 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ остарію, которая зовется Потъ, отъ помяненной остаріи 2 мили Нѣмецкихъ.

Ноября въ 12-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Гунцморкъ, отъ помяненной остаріи 4 мили Нѣмецкихъ, и стоялъ въ остаріи, которая зовется Упайнресилъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Юдинбургъ, отъ Гунцморка 3 мили Нѣмецкихъ, и ночевалъ въ остаріи, которая зовется Пайнъ Гершинъ.

Ноября въ 13 й день. Пріѣхалъ обѣдать въ остарію Кубеницъ, отъ Юдинбурка 2 мили Нѣмецкихъ, Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Люимъ, отъ остаріи Кубеницъ Прукулъ 4 мили Нѣмецкихъ.

Ноября въ 14-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Прухтъ, отъ Люима 2 мили Нѣмецкихъ, и стоялъ въ остаріи Щварцъ-Кокъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Кинберхъ и стоялъ въ остаріи у Чернаго Орла, отъ Прухта 3 мили Нѣмецкихъ.

Ноября въ 15-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Мерцюлшлыхъ, отъ Кимберха 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ дня пріѣхалъ ночевать въ село Шотвейнъ, отъ помяненнаго села 2 мили Нѣм.

Ноября въ 16-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Пратнаувтъ, отъ Шотвейна 10 миль Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Нялштатъ, отъ помяненнаго села 2 мили Нѣмецкихъ. Въ томъ городѣ стоялъ въ остаріи у Чернаго Орла и лошадь свою, на которой ѣхалъ, тутъ покинулъ и нанялъ себѣ коляску до Вѣны, далъ четыре Римскихъ, того золотой червонный, и поѣхалъ Ноября въ 17-й день поутру и пріѣхалъ того числа обѣдать въ село

Траскиркъ, отъ Налштата 14 миль Нѣмецкихъ, и стоялъ въ остаріи у Бѣлаго Лебедя и того дня далѣ не могъ ѣхать, для того что была безмѣрная погода снѣжная и вѣтръ, и всю дорогу занесло снѣгомъ; для того въ томъ селѣ ночевалъ.

Ноября въ 18-й день. Поутру изъ Траскирха пріѣхалъ въ коляскѣ въ Вѣну и сталъ въ остаріи у Чернаго Орла за городомъ, на берегу рѣки Дуная. Въ той остаріи отвели мнѣ изрядную палату со всякими потребами и съ постелью на изрядной кровати; и платилъ я въ той остаріи за палату и за постелю и за пищу и за всякія потребы на сутки по ефимку и стоялъ въ той остаріи Ноября до 30-го числа.

Ноября въ 28-й день. Былъ я въ Вѣнѣ въ костелѣ святаго Стефана. Тотъ день у католиковъ былъ праздникъ Зачатіе Св. Анны, и въ тотъ день въ костелѣ св. Стефана былъ цесарскій сынъ Іосифъ, король Венгерскій, стоялъ на своемъ мѣстѣ на хорахъ, гдѣ ставится цесарь. Съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, опущенъ былъ въ костелъ коверъ бархатный червчатый съ кружевомъ, другой коверъ обьеринный золотной. При немъ стояли его ближніе люди, а на низу въ костелѣ противъ мѣста его стояла гвардія, т. е. солдаты съ алебардами, великая и играли на разныхъ инструментахъ и на трубахъ и на литаврахъ. На королѣ Іосифѣ платье было Французское черное.

Ноября въ 30-й день. Въ пятомъ часу дня поѣхалъ я изъ Вѣны и переѣхалъ рѣку Дунай въ четырехъ мѣстахъ по мостамъ и пріѣхалъ ночевать въ остарію, которая называется Штаруштаверъ, отъ Вѣны полъ 2 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 1-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Каунашторъ, отъ Штаруштавера 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Бешкель, отъ помяненнаго мѣстечка 2 мили Нѣмецкихъ.

Декабря во 2-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ остарію Деикъ, отъ помяненнаго мѣстечка полъ 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать на мельницу, отъ остаріи полъ 2 мили Нѣмецкихъ, а не доѣхавъ той мельницы за милю, проѣхалъ городъ Николшпуркъ, о которомъ я писалъ подлинно выше сего въ сей книгѣ. И отъ Николшпурка пошла Моравская граница и земля.

Декабря въ 3-й день. Поѣхалъ оттуды и пріѣхалъ обѣдать въ деревню Яцино, 2 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Вицы, отъ Яцина 1 миля.

Декабря въ 4-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Вышковъ, полъ 4 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Бродокъ, онъ Вышкова одна миля.

Декабря въ 5-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Кральнецъ, отъ Бродка 2 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Цесарскій городъ Ульмунцъ, отъ Кральнеца 2 мили Нѣмецкихъ. О городѣ Ульмунцѣ писалъ я въ сей книгѣ подлинно выше сего.

Декабря въ 6-й день. Пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Берокъ, отъ Ульмунца 3 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 7-й день. Поѣхалъ изъ мѣстечка Берока и пріѣхалъ обѣдать къ рѣкѣ Морѣ отъ Берока 2 мили Нѣм. Та рѣка раздѣляетъ Моравію со Шленской землею. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать отъ рѣки Моры 2 мили Нѣмецкихъ къ корчму Герлицъ.

Декабря въ 8-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Качицы, отъ Герлица 15 миль Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Цесарскій городъ Раценбуръ, отъ Качицъ 2 мили Нѣмецкихъ. О томъ городѣ писалъ я въ сей книгѣ выше сего подлинно.

Декабря въ 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Енковичъ, отъ Рацибура полныхъ 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Пулховецъ, отъ Енковичъ полныхъ 3 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 10-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Гливицы, отъ Пулховицъ 1 миля Нѣмецкая. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Цесарскій Терновыя Горы, отъ Гливицъ 3 мили Нѣм. О томъ городѣ писалъ я въ сей книгѣ выше сего.

Декабря въ 11-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Сару, отъ Терновыхъ Горъ 3 мили Нѣмецкихъ. Того жъ числа переѣхалъ рѣку Каменицу, та рѣка граничитъ Цесарскую землю съ Польшею. Отъ деревни Сары до границы 2 м. Нѣм. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Збовъ, отъ границы 1 м. Нѣмецкая и полъ.

Декабря въ 12-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Ченстоховъ въ Польскій городъ, отъ Збова одна миля Польская и полъ, и того дни былъ я въ Ченстоховскомъ монастырѣ у чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы во время обѣдни. О томъ монастырѣ подлинно писалъ я въ сей книгѣ выше сего. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ село Радомокъ, отъ Ченстохова 3 мили Нѣмецкихъ.

Декабря въ 13-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Радомской, отъ Радомокъ 3 м. Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Горольдокъ, отъ Радомока 2 м. Польскихъ и полъ.

Декабря въ 14-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Распря, отъ Горольдока Польскихъ 2 м. полныхъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Польской городъ Петроковъ, отъ Распри 2 м. Польскихъ.

Декабря въ 15-й день. Стоялъ въ Петроковѣ до полудни, для того что въ тотъ день у католиковъ былъ праздникъ Рождества Христова, и фурманъ мой поутру ѣхать не хотѣлъ, былъ въ костелѣ. Того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ корчму Заборовъ, отъ Петрокова 4 мили Польскихъ.

Декабря въ 16-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Равву, отъ Заборова 4 мили Польскихъ. То мѣстечко немалое, въ немъ два костела каменныхъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Бобскъ, отъ Раввы 2 мили Польскихъ.

Декабря въ 17-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Мстяновъ, отъ Бобска 3 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ корчму Борецъ, отъ Мстянова 3 мили Польскихъ.

Декабря въ 18-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Варшаву, отъ Борца 4 мили Польскихъ. Городъ Варшава столица Польская, писалъ я объ ней подлинно въ сей книгѣ выше сего. Въ сихъ числахъ короля Польскаго въ Варшавѣ не было, былъ въ Литвѣ въ Гроднѣ. И жилъ я въ Варшавѣ до 24-го Декабря, наймывалъ фурмановъ.

Декабря въ 24-й день. Выѣхалъ изъ Варшавы поутру рано и стоялъ у рѣки Вислы до 6-го часа дня за тѣмъ, что дождь и вѣтръ былъ великій, и паромъ былъ на другой сторонѣ. И того дни переѣхалъ рѣку Вислу и ночевалъ въ Прагѣ у Вислы.

Декабря въ 25-й день, т. е. въ день Рождества Христова, обѣдалъ и ночевалъ тутъ же въ Прагѣ.

Декабря въ 26-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Окуневъ, отъ Праги 3 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Михалеву, отъ Окунева 1 миля Польская.

Декабря въ 27-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Доброе, отъ Михалева 3 мили Польскихъ и полъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ корчму Маковецъ, отъ Добраго полмили Польскихъ.

Декабря въ 28-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Ливецъ, отъ Маковца 3 мили Польскихъ и полъ. Того жъ дни и ночевалъ въ томъ же селѣ, для того что подъ тѣмъ селомъ рѣка Ливецъ разлилась, и переѣхать ее было невозможно.

Декабря въ 29-й день. Поѣхалъ въ объѣздъ и пріѣхалъ въ село Фортецы воеводы Кіевскаго, отъ Ливца одна миля Польская. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Старводу, отъ Фортецова 2 мили Польскихъ.

Декабря въ 30-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Старовецъ, отъ Старводы 5 миль Польскихъ, а рѣку Ливецъ переѣзжалъ подъ тою деревнею, гдѣ ночевалъ, по мосту. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣсто Венгровъ, отъ Старовеца одна миля Польская. Мѣстечко Венгровъ на рѣкѣ Ливцѣ, та рѣка Ливецъ раздѣляетъ Мазовшу съ Подляшіемъ.

Декабря въ 31-й день. Изъ Венгрова поѣхалъ по обѣдѣ и пріѣхалъ ночевать въ деревню Кремень къ рѣкѣ Бугу, отъ Венгрова 5 миль Польскихъ.

1699-й годъ.

Генваря въ 1-й день. Поѣхавъ изъ деревни Кременя, переѣзжалъ рѣку Бугъ на паромѣ. Перевозъ былъ самый трудный, для того что закраины были великія, и переѣхалъ съ великимъ трудомъ, а, переѣхавъ, на берегу той рѣки въ корчмѣ и обѣдалъ и того жъ дни пріѣхалъ ночевать въ деревню Городицы, отъ рѣки Бугу 2 мили Польскихъ.

Генваря во 2-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Буцъ, отъ Городицъ 3 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Бѣльскъ, отъ Буцка 2 мили Польскихъ. Въ томъ городѣ есть церковь благочестивая Чудотворца Николая.

Генваря въ 3-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму Гнильшицъ, отъ Бѣльска 2 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Наровъ, отъ корчмы 2 мили Польскихъ. То село на рѣкѣ на Наровѣ, которая рѣка раздѣляетъ Корону съ Литвою.

Генваря въ 4-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму на лѣсу, отъ Нарвы 2 мили Польскихъ. Подъ селомъ Нарвою переѣзжалъ рѣку Нарову по мосту и переѣхалъ мостъ; трудная мнѣ переправа

была, для того что ледъ былъ некрѣпкій. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Еловку, отъ корчмы 2 мили Польскихъ.

Генваря въ 5-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ деревню Студень, отъ Еловки 4 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Лысковъ, отъ Студени 3 мили Польскихъ.

Генваря въ 6-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Рожаный, отъ Лыскова 3 мили Польскихъ. То мѣстечко великое гетмана Литовскаго Сапѣги, живутъ въ немъ все уніаты, одна церковь каменная уніатская, а другая деревянная Римская. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Девятковичи, отъ Рожаной 3 мили Польскихъ.

Генваря въ 7-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Журавичи, отъ Девятковичей 2 мили Польскихъ. Въ Журавичахъ есть монастырь уніатскій, въ томъ монастырѣ церковь великая каменная, въ той церкви стоитъ чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Журавицкой, икона самая малая, округлая, малымъ чѣмъ больше ефимка, сдѣлана мастерствомъ рѣзнымъ на камени на аспидѣ; стоитъ та икона на правой сторонѣ царскихъ дверей, украшена золотомъ, и каменью, алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ, лаловъ около той иконы въ украшеніи немало. Былъ я въ той церкви во время литургіи, служилъ обѣдню попъ уніатскій на большомъ престолѣ въ алтарѣ съ дьякономъ Славянскимъ азыкомъ, поютъ тамъ покіевски, пѣли при мнѣ во время той литургіи партесъ на хорахъ на 8 голосовъ. Въ той же церкви много подѣлано предъ святыми иконами престоловъ Римскихъ. Братіи въ томъ монастырѣ 50 человѣкъ, всѣ уніаты, одежды носятъ какъ монахи Греческаго закону, и называются тѣ уніаты, Базильяне, т. е. закону св. Василія Великаго. И былъ я въ томъ монастырѣ у намѣстника въ кельѣ. Въ томъ же монастырѣ есть другая каменная церковь; въ той церкви камень, на которомъ явился вышеписанный чудотворный Пресвятыя Богородицы образъ, и многое, сказываютъ, исцѣленіе недужнымъ отъ того камени бываетъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Полонку, отъ Журавичъ 2 мили Польскихъ.

Генваря въ 8-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ мѣстечко Стволовичъ, отъ Полонки 4 мили Польскихъ. Тогожъ числа пріѣхалъ ночевать въ корчму Вольну, отъ Стволовичъ 2 мили Польскихъ.

Генваря 9-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Миръ, отъ Вольны 3 мили Польскихъ, и въ Мирѣ стоялъ до 11-го числа, для того что того жъ дни пріѣхалъ въ Миръ стольникъ Литовскій

Сапѣга и поѣхалъ прежъ меня переѣзжать рѣку Немолтъ, а съ нимъ было зѣло людно, и я того ожидалъ какъ онъ рѣку Немолтъ со всѣми своими переѣдетъ.

Генваря въ 11-й день. Поѣхавъ изъ Миру, переѣхалъ рѣку Немолтъ на паромѣ, отъ Миру полъ 2 м. Польскихъ, и пріѣхалъ обѣдать въ корчму Засулью, отъ Немолта полныхъ 3 м. Польскихъ, а отъ Миру 4 м. Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Кайданово, отъ Засулья 3 м. Польскихъ и полъ.

Генваря въ 12-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ корчму Вязинъ, отъ Кайданова полъ 2 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Минскъ, отъ Вязина полныхъ 4 мили Польскихъ, и стоялъ въ Минску 2 дни для того что перекладывался съ телѣгъ въ сани.

Генваря въ 14-й день. Поѣхалъ ночевать въ корчму Городище, отъ Минска полъ 4 мили Польскихъ.

Генваря въ 15-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Смолевичи, отъ Городища полъ 4 мили Польскихъ. Въ томъ селѣ есть Греческой вѣры церковь. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ городъ Борисовъ, отъ Смолевичъ 7 миль Польскихъ, и въ Борисовѣ былъ у образа Пресвятыя Богородицы, о которомъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и на томъ образѣ чернаго мѣста прибыло много предъ тѣмъ, какъ я видѣлъ тотъ святой образъ, ѣхавъ съ Москвы.

Генваря въ 16-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Начу, отъ Борисова 6 миль Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Крупецъ, отъ Начи 2 мили Польскихъ.

Генваря въ 17-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ село Славенъ, отъ Крупеца 5 миль Польскихъ, а не доѣхавъ до того села за двѣ мили, проѣхалъ мѣстечко Бобръ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Переволочну, отъ Славени 5 миль Польскихъ, а недоѣхавъ той деревни за 3 мили, проѣхалъ мѣсто великое, которое называется Толочинъ.

Генваря въ 18-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Оршу, отъ Переволочни 6 миль Польскихъ. Городъ Орша мѣсто было немалое, замокъ былъ каменный, а нынѣ развалился, и въ городѣ все пусто стоитъ. Орша на рѣкѣ на Днѣпрѣ. Въ Оршѣ 4 кляштора Римскихъ, Езувитскій, Бернадынскій, Домниканскій, Францишкан-

скій, а кромѣ того Римскихъ костеловъ нѣтъ, и народу больше Греческой вѣры, церкви всѣ Греческія, уніатовъ и церквей ихъ въ Оршѣ нѣтъ. Въ Оршѣ на другой сторонѣ Днѣпра рѣки есть монастырь Греческой вѣры, зовется Кутейскій, тутъ же и другой такой же; въ одномъ живутъ монахи, въ другомъ—монахини, въ томъ и чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Смоленской. Въ Оршѣ я ночевалъ, для того что лошади фурманскія, на которыхъ я ѣхалъ, пристали.

Генваря въ 19-й день. Подъ Оршею переѣхалъ Днѣпръ рѣку по льду и пріѣхалъ обѣдать въ городъ Дубровну, отъ Орши 3 мили Польскихъ. Городъ Дубровна не гораздо великъ, около его валъ земляной на рѣкѣ на Днѣпрѣ. Въ томъ городѣ три церкви Греческихъ деревянныя; одна во имя чудотворца Николая, строенія изряднаго. Въ Дубровнѣ люди живутъ мало не всѣ Греческой вѣры, уніатской нѣтъ ни одной церкви. Въ томъ же городѣ одинъ костелъ Римскій, при немъ живутъ Барнадины; въ томъ же городѣ немало Жидовъ, пребываютъ домами. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Баево, отъ Дубровны 5 миль Польскихъ. Подъ Дубровною я Днѣпра не переѣзжалъ.

Генваря въ 20-й день. Отъ села Баева отъѣхавъ пол-мили Польской, пріѣхалъ на границу Московскую къ рѣкѣ Ивотѣ. Та рѣчка граничитъ Московское государство съ княжествомъ Литовскимъ; и пріѣхалъ обѣдать того дня въ дворцовое село Звѣровичи, отъ Боева 2 мили Польскихъ. Того жъ числа пріѣхалъ въ село Красное, отъ Звѣровичей 2 мили Польскихъ. Того жъ числа ночевать пріѣхалъ въ село Жерновки, отъ Краснаго 3 мили Польскихъ.

Генваря въ 21-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Смоленскъ.

Генваря въ 23-й день. Поѣхалъ изъ Смоленска и пріѣхалъ обѣдать въ ямскую слободу близъ села Пнёва, отъ Смоленска 40 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ деревню Быково, отъ Пнева 25 верстъ.

Генваря въ 24-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ городъ Дорогобужъ, отъ Быкова 15 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Чеботово, отъ Дорогобужа 30 верстъ.

Генваря въ 25-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Вязьму, отъ Чеботова 40 верстъ. Тогожъ числа пріѣхалъ ночевать въ село Царево-Займище, отъ Вязьмы 40 верстъ.

Генваря въ 26-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ Острожскъ, отъ Царева-Займища 40 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ ночевать въ Можайскъ, отъ Острожска 30 верстъ.

Генваря въ 27-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ вотчину боярина князя Бориса Алексѣевича Голицина, въ село Вязему, отъ Можайска 60 верстъ. Того жъ числа пріѣхалъ въ 3-мъ часу ночи въ царствующій градъ Москву въ домъ свой въ добромъ здоровьѣ, за что̀ благодарилъ Всемилостиваго Господа Бога и Пресвятую Богородицу и угодниковъ Божіихъ, что изъ такъ далекихъ краевъ и изъ нужнаго странствія волею Божескою возвратился во отечество свое въ добромъ здоровьѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ РУССКИХЪ КУПЦОВЪ ВЪ ТАШКЕНТЪ

1741—1742.

I.

Знакомство Россіи съ ея нынѣшними Туркестанскими владѣніями началось съ очень давнихъ поръ. Существуютъ извѣстія, что еще въ 1404 г. Русскіе торговые люди появлялись въ Самаркандѣ, куда привозили кожи, мѣха и льняныя ткани [1]). Возможно, что это былъ не первый и не единственный случай появленія Русскихъ торговцевъ въ глубинѣ Средне-азіатскихъ степей: подчиненіе Руси Монголамъ должно было очень рано вызвать торговыя сношенія Средней Азіи съ Сѣверо-восточной Европой. Но до конца XVI в., т. е. до покоренія Русскими Сибири, эти сношенія не могли быть часты; только съ этого времени начинаютъ завязываться болѣе правильныя и постоянныя торговыя связи Россіи съ Средней Азіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвигается впередъ и изученіе Русскими этого края.

Русскіе застали въ Сибири значительное число Бухарскихъ и др. Средне-азіатскихъ торговцевъ и переселенцевъ [2]). Большая ихъ часть приняла Русское подданство, пополняясь время отъ времени новыми пришельцами изъ Бухары, Хивы, Джунгаріи и др. Эти выходцы положили первое начало знакомству Русскихъ съ ихъ родиной.

Такую же роль играли и пріѣзжавшіе въ Сибирь торговцы изъ разныхъ Средне-азіатскихъ государствъ. Первоначально караваны ихъ появлялись только у озера Ямыша, а затѣмъ стали доходить и до новыхъ Русскихъ городовъ въ Сибири. Въ Сибирскихъ документахъ первыя упоминанія о торговыхъ сношеніяхъ съ Бухарой относятся къ городу Сургуту, подъ 1599 г. [3]) и къ Тобольску, подъ 1601 г. [4]).

Также рано должны были происходить и попытки Сибирскихъ промышленныхъ и торговыхъ людей проникнуть въ глубь Средней Азіи и *добраться* до прославленныхъ богатствомъ странъ ея. Сохранились извѣстія о хищническихъ набѣгахъ на Среднюю Азію Сибирскихъ и др. казаковъ. Самые ранніе набѣги на Хивинскій оазисъ произведены Яиц-

---

[1]) *Н. Аристова* „Промышл. древней Руси“, 194, 196.

[2]) *Г. Н. Потанина* „О караван. торговлѣ съ Джунгар. Бухаріей“ („Чтенія въ Общ. Ист. и Др.“, 1868, кн. 11, 68—71).

мики казаками въ первыхъ годахъ XVII в., подъ предводительствомъ атамановъ Нечая и Шамая, именно два набѣга [5]).

Всѣми этими путями зарождалось знакомство Русскихъ съ Средней Азіей. Русское правительство съ своей стороны скоро обратило вниманіе на изученіе безпокойныхъ Сибирскихъ сосѣдей. Въ «наказахъ» Сибирскимъ воеводамъ правительство требовало отъ нихъ собиранія «вѣстей» о Средне-азіатскихъ дѣлахъ. Усердное собираніе воеводами этихъ «вѣстей» проходитъ чрезъ весь XVII в., такъ что къ началу XVIII в. правительство уже начинаетъ выступать съ разными предпріятіями въ этой области (экспедиціи капитана Бухгольца и генералъ-маіора Лихарева въ Малую Бухарію, князя Бековича въ Хиву, капитана Ивана Унковскаго въ Джунгарію, Флоріо Беневени (Беньени) въ Бухару и Хиву, Гладышова и Муравина туда же и др.).

Однимъ изъ крупныхъ событій въ этой области было основаніе въ 1735 г. Оренбурга и другія предпріятія „Оренбургской экспедиціи", Ив. Кирилова и его преемниковъ, вызванныя именно оживленіемъ торговыхъ и политическихъ сношеній съ Средней Азіей и надеждами на еще большее развитіе ихъ въ будущемъ [6]).

Дѣйствительно, торговыя сношенія съ Средней Азіей усиливаются въ XVIII в. Число Бухарскихъ, Кашгарскихъ, Хивинскихъ и др. каравановъ, приходившихъ въ Сибирскіе города, умножается съ каждымъ годомъ вплоть до 1750-хъ годовъ (т. е. до покоренія Китаемъ Джунгаріи). Въ тоже время Средне-азіатскіе караваны начали проникать и до Оренбурга [7]).

Русскіе торговые караваны также стали смѣлѣе прежняго углубляться въ Среднюю Азію, не смотря на опасность пути, особенно въ Калмыцкихъ и Киргизскихъ кочевьяхъ. Извѣстны за это время многіе случаи разграбленія Русскихъ каравановъ и убійства купцовъ въ Киргизскихъ ордахъ и въ Джунгаріи [8]). Однако, въ той же Джунгаріи не переводились Русскіе торговцы, и многіе изъ нихъ даже принимали подданство знаменитаго Джунгарскаго владѣльца *Галданъ-Церена*... Такъ, въ 1746 г. въ его владѣніяхъ проживало для торговли

---

3) См. въ Москов. Арх. Мин. Юст. *Сибирск. Прик.* кн. № 1, л. л. 56—61.

4) Тамъ же кн. № 2, л.л. 26—27.

5) *Рычкова* „Топогр. Оренб. губ." *Миллера* „Сочиненія и переводы", 1762 г., т. 11, с.с. 112—117.

6) *Рычковъ. Миллера* „Соч. и пер.", 1762, т. 1, 604—5.—У Кирилова были блестящіе планы о покореніи Ташкента, Бадахшана, Балка и пр., о торговлѣ съ Индіей и т. п. (см. *Соловьева*, XX, 326—7, 335; *Н. А. Попова* „Татищевъ и его время" 175—6). Подобными проэктами интересовался впослѣдствіи и Татищевъ (см. *Поповъ*, 362—5, 560—6).

7) *Потанинъ*, 43—66, 106; *Рычковъ* т. 1, 605—8.

8) *Потанинъ*, 87—88.

и для собиранія долговъ 20 Русскихъ купцовъ; а 23 мужчины и 2 женщины приняли его подданство и жили въ Угрѣ, Еркендѣ, Кашкарѣ и др. городахъ Малой Бухаріи. Это были чисто-Русскіе уроженцы (исключая одного Томскаго Татарина) Сибирскихъ городовъ, и Великорусскихъ—Устюга, Гороховца, Вологды и др. [9]).

Въ тоже время начинаютъ двигаться въ Среднюю Азію Русскіе караваны и изъ Оренбурга. Первый караванъ отсюда вышелъ въ Ташкентъ въ 1738 г., при В. Н. Татищевѣ. При караванѣ былъ отправленъ поручикъ Миллеръ, съ наказомъ добиться права безпошлинной торговли для Русскихъ купцовъ и разузнать о положеніи Ташкента и др. сосѣднихъ владѣній [10]). Но эта первая попытка кончилась полною неудачею: за два дня пути до Ташкента караванъ былъ разграбленъ Киргизъ-кайсаками Большой Орды [11]).

Однако эта неудача не остановила новыхъ попытокъ: такъ, въ 1741 г. вышелъ изъ *Орска* въ Ташкентъ караванъ *Вятскаго* Татарина *Шубая Арасланова*, *Курскаго* купца Семена *Дроздова и Казанскаго* Татарина *Мансура Юсупова*. Сохранилась любопытная „*сказка*“ Шубая Арасланова объ этомъ путешествіи. Она находится въ „*дѣлахъ Сената*“, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи [12]).

„Сказка“ Арасланова была отправлена въ Сенатъ при „доношеніи“ тайнаго сов. Ив. Неплюева, отъ 27 Сентября 1742 г.

Араслановъ внимательно всматривался въ политическое и экономическое положеніе посѣщенныхъ имъ странъ, изучалъ торговые вопросы, наблюдалъ народный бытъ, отчасти природу края и все это передаетъ въ своей „сказкѣ“ въ довольно подробныхъ и яркихъ чертахъ.

II.

Караванъ Шубая Арасланова (родомъ изъ дер. Нижній Погостъ, Слободскаго уѣзда, Вятской провинціи) снарядился въ путь лѣтомъ 1741 г., въ Орской крѣпости, послѣ разрѣшенія, даннаго мѣстными начальниками—подполковникомъ Останковымъ и комиссаромъ Бобровскимъ. Къ Шубаю примкнули въ качествѣ компаньоновъ Курскій купецъ Семенъ Дроздовъ и Казанскій купецъ Мансуръ Юсуповъ. У каждаго изъ нихъ была своя партія товару и по нѣскольку работниковъ (изъ Русскихъ Татаръ).

Одинъ изъ главныхъ вопросовъ—наемъ проводника—удачно былъ рѣшенъ еще въ Орскѣ. Здѣсь купцы нашли очень надежнаго человѣка—Киргизъ-кайсака *Тюлекъ-батыря*, изъ Аргинской волости Сред-

---

[9]) Тамъ же, 66—68.

[10]) *Соловьевъ*, XX, 348.

[11]) *Рычковъ* т. 1, 608.

[12]) „Дѣла и приговоры Прав. Сената“ кн. № $^5/_{136}$, л. л. 185—196.

ней Орды. Тюлекъ согласился вести и охранять караванъ до Ташкента и обратно въ Орскъ за 100 р. Впослѣдствіи, находясь въ улусѣ Тюлека, Арасдановъ договорилъ въ проводники еще двухъ братьевъ его—Бердыша и Байгузко, за 20 р. туда и обратно.

Караванъ вышелъ изъ Орска въ Августѣ 1741 г. и черезъ 5 дней прибылъ въ Киргизскій улусъ на р. *Илекъ*, откуда были родомъ проводники. Здѣсь Арасдановъ простоялъ 20 дней, занимаясь окончательнымъ изготовленіемъ каравана въ путь (наймомъ лошадей, верблюдовъ и пр.) и выжидая попутчиковъ. Не найдя послѣднихъ, Русскіе купцы сами двинулись дальше. Шли они „тѣмъ улусомъ“ около 4 дней, а затѣмъ вступили въ степь. Черезъ 20 дней они догнали 20 К.-кайсаковъ, также ѣхавшихъ съ товарами въ Ташкентъ. Русскій караванъ присоединился къ нимъ и шелъ вмѣстѣ до Туркестана.

На 18-й день движенія въ степи, не доѣзжая 5 верстъ до р. *Тургая*, съ караваномъ случилось несчастіе: неожиданно умеръ товарищъ Арасланова—Курскій купецъ Семенъ Дроздовъ. Произошло это такъ: во время остановки каравана передъ р. Тургаемъ, Дроздовъ съ нѣсколькими Киргизами поѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть переправу черезъ рѣку и поохотиться на звѣрей. Отъѣхавши какъ-то въ сторону отъ своихъ спутниковъ, Дроздовъ въ рѣчныхъ камышахъ неожиданно натолкнулся на цѣлое стадо дикихъ *кабановъ*. Кабаны бросились на него, лошадь испугалась и шарахнулась въ сторону. Дроздовъ не усидѣлъ въ сѣдлѣ, свалился съ него, зацѣпившись одною ногою въ стремени. Преслѣдуемая кабанами лошадь продолжала скакать, таща за собою Дроздова... Когда замѣтили это его спутники и остановили лошадь—Дроздовъ уже былъ убитъ до смерти. Одинъ изъ Киргизовъ бросился къ каравану и сообщилъ о несчастіи Шубаю и Мансуру. Они поѣхали туда, но не застали уже Дроздова въ живыхъ. Здѣсь же, на мѣстѣ смерти, и похоронили его, а товары Дроздова „приказали“ работнику его Казанскому Татарину Заиту Салтанаеву.

За 8 дней до Туркестана караванъ зашелъ, для покупки харчей, въ небольшой улусъ (около 15 кибитокъ) *Уксюнской* волости Большой Орды. Улусъ былъ расположенъ на р. *Ездлъ*, у большой горы, корую Киргизы называли *Улутау*. Предводитель улуса—*Хара-Худай-Берды*, доставилъ немало тревогъ и хлопотъ Русскому каравану. Когда Арасдановъ и Юсуповъ вошли къ нему въ кибитку онъ встрѣтилъ ихъ такими словами:—„Хорошо-де, что вы изъ Россіи пріѣхали!.. Только-де вамъ цѣлыми отсель не выѣхать... Мы васъ такъ не отпустимъ...“

Шубай и Мансуръ не нашутку перепугались, особенно, когда Берды напомнилъ имъ о томъ, какъ Киргизы не побоялись задержать ѣхавшаго съ первымъ Оренбургскимъ караваномъ секундъ-маіора *Миллера*—„Русскаго *тюрю*“ („то есть судью“—поясняетъ Шубай).

Шубай съ товарищемъ выпили у Берды по чашкѣ кумыса и поспѣшили къ своимъ „кошамъ“. Они передали свои опасенія главному

проводнику Тюлеку. „Развѣ-де я самъ пропаду, то васъ тогда только ограбятъ“, успокоивалъ ихъ Тюлекъ.

Вечеромъ Берды отдалъ визитъ Шубаю и Мансуру — явился къ нимъ съ 30 Киргизами. Берды просилъ Русскихъ купцовъ развязать тюки и показать ему разные товары, увѣряя, будто онъ хочетъ купить ихъ. Но Шубай не повѣрилъ этому и, справедливо предполагая, что Берды товары возьметъ, а денегъ не отдастъ, рѣшительно отказалъ ему въ осмотрѣ тюковъ. Онъ отдѣлался тѣмъ, будто у него нѣтъ спрашиваемыхъ Бердою товаровъ, что другіе есть, но далеко увязаны въ тюкахъ и что продать онъ онъ не можетъ, такъ какъ они назначены въ Ташкентъ. Тогда Киргизы стали грозить, что могутъ все ограбить, и снова напомнили, какъ они не поцеремонились ограбить и „Русскаго тюрю“ (Миллера), не безъ ироніи прибавивъ: „токмо *ничего* за нимъ не взято“... Тутъ вступились за Русскихъ купцовъ ихъ проводники, Тюлекъ съ друзьями. Они горячо отстаивали Русскихъ и отговаривали Киргизовъ отъ ихъ дурныхъ намѣреній. Однако, чтобы успокоить „задоръ“ Берды и его товарищей, Шубай и Мансуръ вынуждены были подарить имъ нѣсколько товаровъ. Только тогда Берды и Киргизы ушли (не смотря на поднявшуюся снѣжную бурю).

Этотъ случай очень напугалъ немногочисленный Русскій караванъ (всего было въ немъ съ работниками и проводниками 8 человѣкъ). Попутчики ихъ — Киргизы — стояли подлѣ Русскаго каравана „особливымъ кошемъ“ и не мѣшались въ столкновеніе съ Бердою. Русскимъ приходилось постоянно быть на сторожѣ; заряженныя ружья они держали всегда наготовѣ.

На другой день Берды съ ранняго утра подступилъ, съ еще бо́льшимъ „задоромъ“, къ Русскому кошу, съ толпою человѣкъ въ 35, даже „съ малыми робятами“. Онъ вызвалъ Тюлека и требовалъ, чтобы проводники отказались отъ защиты Русскихъ и бросили Русскій кошъ: тогда-де онъ смѣло ограбитъ Шубая и Мансура и разбогатѣетъ отъ нихъ, какъ разбогатѣла Большая Орда отъ грабежа перваго Оренбургскаго каравана... Все утро, до самого полдня, проводники и особенно Тюлекъ „весьма спорили“ съ Бердою и другими „озорниками“ и не допускали ихъ „до наглости“. Только благодаря честности и вѣрности своему слову Тюлека съ братьями удалось Шубаю и Мансуру отсидѣться отъ Берды. И на этотъ разъ Бердѣ и его товарищамъ подарили „немалое число“ товаровъ.

Каравану приходилось поскорѣе уходить отъ гостепріимства Берды. Въ тотъ же день Арасалновъ уговорился съ своими попутчиками Киргизъ-кайсаками и поспѣшилъ двинуться дальше. 6 дней они ѣхали благополучно, а когда стали приближаться къ Туркестану, за два дня пути до него, у *Чорной* горы, опять случилось происшествіе, сильно напугавшее Русскихъ. Въ числѣ ихъ попутчиковъ былъ одинъ Ташкентскій Киргизъ, ѣздившій для торговли въ Киргизъ-кайсацкіе улусы

и теперь возвращавшійся домой. Онъ объявилъ вдругъ своимъ товарищамъ, во время остановки у Чорной горы, что поѣдетъ впередъ въ свой улусъ сказать о приходѣ каравана и предложитъ ограбить его... Одинъ Киргизъ предупредилъ объ этомъ умыслѣ Шубая и Мансура. Тѣ всполошились, стали совѣтоваться съ проводниками и съ Киргизами, державшими сторону Русскихъ. Всѣ принялись уговаривать Ташкентца и едва его уломали, подаривъ ему нѣсколько товару...

На 40-й день „по отбытіи отъ орды" на р. Илекѣ Русскій караванъ прибылъ въ городъ *Тукестанъ*. Здѣсь онъ простоялъ 35 дней, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и верблюдамъ и найдти попутчиковъ. Русскіе не рѣшались одни ѣхать дальше, такъ какъ впереди лежало „самое опасное мѣсто". Шубай и Мансуръ не сидѣли въ Туркестанѣ сложа руки, а понемногу начали торговать съ Сартами. Они мѣняли свои Русскіе товары на мѣстныя *сукна*, *кожи*, *выдры*, *лисицы*, *корсаки* и „*волчата*".

О приходѣ Русскаго каравана въ Туркестанъ узнали сыновья *Хуйгшедина* и *Хуйайдара*, ограбившихъ въ 1738 г. первый Оренбургскій караванъ. Сыновья этихъ грабителей тоже самое задумали продѣлать и съ караваномъ Шубая. Они пріѣхали въ Туркестанъ и цѣлую недѣлю караулили выходъ каравана въ Ташкентъ, чтобы дорогою ограбить его. Однажды сынъ Хуйгшедина пришелъ во дворъ, гдѣ остановились Шубай и Мансуръ, и сталъ говорить имъ, что какъ прежній караванъ былъ ограбленъ отцомъ его, такъ не уцѣлѣть и Шубаю съ Мансуромъ, если они не возмутъ въ провожатые его и сына Хуйайдара. Но Шубай и Мансуръ, конечно, поняли, что это предложеніе поведетъ ихъ къ „пущей бѣдѣ". Они наотрѣзъ отказали Киргизамъ и объявили имъ, что изъ Туркестана дальше не поѣдутъ. Киргизы тогда еще „пуще" стали грозить грабежомъ.

Чтобы обезопасить себѣ дальнѣйшій путь отъ этихъ и другихъ охотниковъ на чужое добро, Шубай и Мансуръ, по совѣту Туркестанцевъ, отправили гонца къ сосѣднему Киргизскому хану („знатному Кайсаченину") *Тюле-бію*, кочевавшему съ своимъ улусомъ подъ Ташкентомъ. Они много слышали о честности и добротѣ Тюле-бія, и рѣшились просить его, чтобы онъ „отъ того страху охранилъ" ихъ. Тюле-бій прислалъ къ нимъ въ Туркестанъ двухъ сыновей въ провожатые. Тѣ сейчасъ готовы были тронуться съ караваномъ въ путь, но, узнавши о подкарауливаніи вышеупомянутыхъ сыновей Хуйгшедина и Хуйайдара, рѣшились нѣсколько обождать, „не смѣя на свои руки взять" Шубая и Мансура.

Такъ прожили они въ Туркестанѣ еще 8 дней, выжидая, пока удалятся тѣ „воры" и отыскивая попутчиковъ. „Лутчіе и главные люди" Туркестана совѣтовали Шубаю и Мансуру не брать съ собою въ Ташкентъ всѣхъ товаровъ, а для лучшей сохранности оставить въ Туркестанѣ „въ запасъ хотя половину" ихъ. Тоже самое они совѣ-

товали и прежнему Оренбургскому каравану, но тогда ихъ не послушались: повезли всѣ товары въ Ташкентъ и всѣхъ ихъ лишились. Шубай и Мансуръ послушались этого совѣта и оставили половину товаровъ у Туркестантскаго „*нахиба*“ *Хозе*. Съ товарами остались и два работника (одинъ—умершаго Дроздова, другой—Арасланова).

Дождавшись, наконецъ, когда уѣхали изъ Туркестана вышеупомянутые „воры“, Русскій караванъ, въ сопровожденіи дѣтей Тюле-бія и своихъ прежнихъ проводниковъ, Тюлека съ братьями, ночью выѣхалъ изъ города и двинулся къ Ташкенту, но не обычною дорогою (изъ опасенія тѣхъ же „воровъ“), а вправо отъ нея, ближе къ р. *Сыръ-Дарьѣ*. Дорогою они заѣзжали къ Тюле-бію поблагодарить его за покровительство каравану и присылку сыновей. Здѣсь они прожили два дня. Тюле-бій принялъ ихъ «изрядно»: каждый день давалъ имъ по барану, а третьяго барана далъ на дорогу. Шубай и Мансуръ въ благодарность за все это поднесли Тюле-бію нѣсколько подарковъ изъ Русскихъ товаровъ. Черезъ 7 дней по выѣздѣ изъ Туркестана караванъ прибылъ въ *Ташкентъ*.

III.

Подъѣхавши къ Ташкенту, Шубай и Мансуръ оставили свои „вьюки» у городскихъ воротъ, а сами отправились на конскій дворъ „къ *сидящему* въ томъ городкѣ вмѣсто хана“ *Кусекъ-беку* (изъ Ташкентскихъ уроженцевъ). Они вручили ему нѣсколько подарковъ и „объявили о себѣ“. Кусекъ-бекъ принялъ ихъ сначала очень любезно, сталъ разсуждать съ ними, гдѣ ихъ лучше поставить: на „гостиномъ дворѣ“ (нарочно построенномъ въ Ташкентѣ—замѣчаетъ Аpаслановъ—для пріѣзжихъ торговыхъ людей), или на вольной квартирѣ, гдѣ они пожелаютъ? Однако, ханъ порѣшилъ тѣмъ, что велѣлъ поставить Русскій караванъ на собственномъ дворѣ (это былъ другой его дворъ, помимо „ханскаго двора“), на которомъ жилъ *Шукуръ-батыръ*.

Не успѣли они здѣсь устроиться, какъ явился къ нимъ самъ Кусекъ, со свитою въ 12 человѣкъ. Здѣсь были братья его, „старшины и батыри“. Кусекъ потребовалъ развязать вьюки, разложить товары и принялся разсматривать ихъ. О взысканіи пошлинъ съ товаровъ онъ ничего не говорилъ. Оцѣнивши товары очень низко, онъ отобралъ себѣ *выдры* и *красныя кожи*, предлагая за все 2100 „*тенекъ*“ (мѣстная монета: 20 тенекъ шло на Русскій 1 рубль—замѣчаетъ Арасланов). Однако и этихъ денегъ (а товары стоили много дороже) Кусекъ тотчасъ не отдалъ, а приказалъ зайдти за ними послѣ.

Положеніе Русскихъ было очень затруднительное. У нихъ не хватало даже денегъ на ежедневную покупку харчей для себя—на мясо, хлѣбъ и пр., также на солому и ячмень для коней, на дрова и проч. На все это каждый день требовалось не меньше 25 „тенекъ“. Особенно было дорого мясо.

Нѣсколько разъ Шубай и Мансуръ ходили къ Кусеку за деньгами, но онъ постоянно отказывалъ, откладывая расплату „до завтрея". Такъ они ходили къ нему цѣлую недѣлю. Наконецъ, Кусекъ разсердился, что они такъ „приступаютъ" къ нему и сказалъ имъ: „развѣ на мнѣ пропадетъ!"... Онъ обѣщалъ расплатиться съ ними передъ отъѣздомъ ихъ изъ Ташкента.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Ташкентъ Араслановъ отпустилъ домой сыновей Тюле-бія. Впрочемъ, они не разъ послѣ этого наѣзжали въ Ташкентъ провѣдать Русскихъ купцовъ.

Русскіе продолжали „праздно" жить въ Ташкентѣ. Для содержанія себя они стали въ убытокъ продавать имѣвшіеся у нихъ въ небольшомъ количествѣ мелочные товары, а нерѣдко и прямо занимали деньги у Ташкентскихъ купцовъ. Наконецъ, Араслановъ сталъ просить Кусека, чтобы тотъ „показалъ купцовъ" на краску. Кусекъ сказалъ, что купцы есть, но что Русскіе запрашиваютъ очень дорогую цѣну. Араслановъ согласился, чтобы ханъ самъ назначилъ цѣну на краски, лишь бы только позволилъ продавать ихъ. Кусекъ тогда далъ разрѣшеніе, и купцы явились. Краски были проданы съ убыткомъ, особенно потому, что продавали ихъ, по ханскому приказу— „на тяжелой противъ настоящаго вѣсъ, которой у нихъ производится на *каменья*, коихъ если по настоящему (вѣсить), то изъ пуда выходитъ по семи, а оную краску вѣсили не болѣе $5^1/_2$ въ пудъ"...

Около этого времени пріѣхавшіе изъ Туркестана Сарты привезли письмо работника Арасланова, сообщавшаго, что работникъ Дроздова Заитъ Салтанаевъ „умеръ такимъ образомъ, что на затылкѣ у него вышелъ „*червь*" (чирей?).

Тогда же заболѣлъ въ Ташкентѣ главный проводникъ Русскаго каравана Тюлекъ-батырь. Араслановъ отпустилъ его въ Туркестанъ, а самъ остался съ двумя его братьями и съ Юсуповымъ.

За 20 дней до отъѣзда Арасланова изъ Ташкента пріѣхалъ туда посланный отъ извѣстнаго „Калмыцкаго владѣльца „*Галданъ-Церена*" *Хасымъ* (*Хасыръ*) - *Хузя*, уроженецъ *Самарканта* (откуда въ молодости уѣзжалъ къ Калмыкамъ), „опредѣленный для правленія" въ Ташкентъ „въ товарищество" къ Кусекъ-беку. Онъ потребовалъ къ себѣ Арасланова съ Юсуповымъ и сказалъ имъ: „Знаете, что я пріѣхалъ?!.. Что же вы не дѣласте, какъ въ прочихъ мѣстахъ водится? Что вы никакого почтенія мнѣ не учинили?... Ежели-де вы надлежащаго поклона не отдадите, то я васъ велю ограбить!.. Знайте: у меня въ командѣ имѣется *Калмыкъ* человѣкъ съ 500!"...

Нечего дѣлать—пришлось и Хасымъ-Хузѣ поднести нѣсколько подарковъ изъ Русскихъ товаровъ.

Когда вся краска была распродана, Араслановъ и Юсуповъ рѣшились возвратиться въ Россію, не смотря на то, что для такой дальней дороги наступило уже „позднее время". Явившись къ Кусеку, они

просили выдать деньги за взятые имъ товары. Но онъ все попрежнему откладывалъ расплату и уговаривалъ, между прочимъ, не ѣхать въ Россію, „объявляя такія *непристойности*, аки бы *Казань* и *Москву* и всее Россію взяли *Кубанцы*“ (sic)... Но наши купцы настаивали, что, въ какомъ бы положеніи ни была Россія, они непремѣнно желаютъ вернуться въ свое отечество...

Такъ и въ этотъ разъ, и въ послѣдующія посѣщенія они ничего не добились отъ Кусека. Только за пять дней до отъѣздахъ изъ Ташкента Кусекъ „едва и съ великимъ жестокосердіемъ“ раздѣлался съ ними, да и то съ большимъ убыткомъ для Русскихъ. Вмѣсто денегъ онъ заплатилъ имъ мѣстными „*бумажными* вещами и самыми послѣдними“ (нисшаго сорта), да и тѣ ставилъ по очень высокой цѣнѣ. Всего они получили съ Кусека не больше половины противъ той цѣны (2100 тенекъ), которую онъ же самъ назначилъ, когда отбиралъ товары въ день ихъ пріѣзда въ Ташкентъ. Въ это же время разыгралась одна очень непріятная для Шубая Арасланова исторія. У Ташкентскихъ Сартовъ Шубай купилъ за 120 р. „плѣнную *Калмыцкую дѣвку*“, добытую Сартами у Киргизъ-кайсаковъ. Отъ скуки ли въ чужой сторонѣ или по другимъ причинамъ, но Шубай очень скоро привязался къ своей „дѣвкѣ“ и хотѣлъ непремѣнно взять ее съ собою въ Россію. Когда онъ собирался съ товарищемъ уѣхать изъ Ташкента, хозяинъ ихъ дома Шукуръ-батырь и какой-то „человѣкъ“ Кусека донесли послѣднему о Калмыцкой дѣвкѣ Шубая, расхвалили ея красоту и совѣтывали отобрать ее у Шубая, или даже украсть.

Однажды Шубай и Мансуръ ушли на базаръ со всѣми своими людьми. Калмычка осталась дома одна. Къ ней тотчасъ пришли Шукуръ съ двумя батырями, и принялись ее уговаривать, чтобы она бросила Шубая. Они ее „стращали“, будто Шубай хочетъ ее продать Кирзизъ-кайсакамъ, „у которыхъ — увѣряли они — противъ Ташкентскаго жить весьма труднѣе. Но Калмычка не давала вѣры ихъ словамъ: она знала привязанность къ себѣ Шубая, видѣла его хорошее обращеніе и не хотѣла его бросать.

Когда Араслановъ вернулся домой, пропажа Калмычки сейчасъ обнаружилась. Кто-то передалъ Шубаю, что это продѣлка Шукура. Послѣдній дразнилъ Шубая, говоря: — „Я слышалъ, что у тебя несчастье сдѣлалось: Калмычка убѣжала?!“.... Шубай прямо отвѣчалъ на это, что она не сбѣжала, а сидитъ у Кусека и тотчасъ же пошелъ къ сему послѣднему. Потеря Калмычки очень печалила его...

Чтобы не ссориться съ Кусекомъ, Шубай не сталъ прямо обвинять его въ похищеніи, а замѣтилъ только, что у него-де „сбѣжала“ Калмычка къ беку и, что бекъ большое одолженіе сдѣлаетъ ему, если вернетъ ее обратно. Кусекъ отвѣчалъ: — „Я знаю, что сбѣжала.... и теперь она у меня.... Отъ людей я слышалъ, что ты ее продать хочешь; того ради чѣмъ другимъ продавать—то-де продай мнѣ!....“

— „Дѣвки продажной у меня нѣтъ“, замѣтилъ Араслановъ.

Кусекъ разсердился и закричалъ: „Какъ?! Ужо ты мнѣ не продашь?.....“ — „Хоть всѣ товары отбери, а дѣвки продажной у меня нѣтъ“, твердо стоялъ на своемъ Шубай.

Много разъ ходилъ Шубай къ Кусеку все по поводу той же Калмычки, но успѣха не имѣлъ. Кусекъ подъ-конецъ даже „въ задоръ сталъ приметываться“ и началъ привязываться къ Арасланову за другіе предметы, напримѣръ говорилъ: „пріѣхали-де вы изъ Россіи съ товарами, а пошлинъ не платите!....“ Между тѣмъ, раньше и рѣчи и намека не было объ этихъ пошлинахъ. Однако, Шубай согласился уплатить пошлины (если даже прежде они не собирались съ Русскихъ купцовъ и если рѣшено только съ нихъ однихъ взять), только бы Кусекъ отдалъ ему дѣвку!....

— „Что̀ ты сдѣлаешь противъ того, чего мы захочемъ?“ спрашивалъ Шубая Кусекъ.... Шубай согласился, что онъ ничего противъ Кусека не можетъ сдѣлать, но просилъ отдать Калмычку..... Однако, Кусекъ не сдавался на просьбы Шубая.

Шубай и Мансуровъ, видя, „что время у нихъ туне проходитъ“, стали собираться къ отъѣзду.

Всѣ товары Русскихъ уже были распроданы: они сбыли свои краски, выдры, красныя кожи, *бѣльи* мѣха, „шитые *каѳтаны*“, *иглы* и проч. Въ Ташкентѣ накупили они лисицъ, волковъ, корсаковъ, *синяго кумачу*, „*выбойки*“ и другихъ бумажныхъ товаровъ. Всѣ эти товары они навьючили на верблюдовъ и отправили ихъ въ улусъ Тюле-бія, подъ охраною брата его *Абыллы* и съ своими проводниками. Караванъ ушелъ тайно, безъ вѣдома Кусека.

Шубай и Мансуръ остались пока въ Ташкентѣ, съ сыновьями Тюле-бія, чтобы получить отъ Кусека дѣвку и взять отъ него „совершенный отпускъ“. Они имѣли неосторожность оставить при себѣ товаръ „подороже и поуютнѣе“, на 200 р.

На другой день по уходѣ каравана Арасланов и Юсуповъ явились къ Кусеку и объявили ему, что товаръ свой они уже отправили впередъ, а сами пришли къ нему проститься. Кусекъ „съ весьма жестокимъ сердцемъ закричалъ: „Для чего безъ вѣдома моего, да и не заплатя пошлинъ, товары свои отпустили?!“...

Араслановъ отвѣчалъ, что онъ съ товарищемъ давно уже говорили Кусеку о своемъ отъѣздѣ и „въ пошлинахъ не спорили“...

Кусекъ закричалъ своимъ „*аксакаламъ*“, чтобы сейчасъ же 10 человѣкъ отправились догонять караванъ и вернули бы его въ Ташкентъ. Аксакалы замѣтили, что если караванъ уже „въ степи“, то имъ не отбить его отъ проводниковъ — Киргизъ-кайсаковъ. Кусекъ сказалъ на это: „мы Шубая и Мансура удержимъ!...“ Однако, онъ отпустилъ ихъ на квартиру.

Только что они вернулись туда, какъ Кусекъ-бекъ и Хасырь-Хузя (2-й ханъ) прислали къ нимъ своихъ братьевъ и трехъ батырей, съ приказаніемъ отобрать у Русскихъ купцовъ все, что̀ ни найдется у

нихъ. Пришлось отдать посланнымъ всѣ вышеуказанные цѣнные товары, на 200 р. Калмычка также осталась у Кусека.

Ханскіе братья ушли съ отнятыми товарами. Оставшіеся батыри совѣтовали купцамъ, чтобы они какъ можно скорѣе уходили изъ города — „*берегли бы свои головы!...*“ Батыри говорили: „Видите вы сами, какія здѣсь, въ Ташкентѣ, *справедливыя обхожденія!...*“

Шубай и Мансуръ сами хорошо поняли, что медлить имъ нельзя. Они вскочили на коней и поспѣшили удрать изъ города.

Кусекъ скоро узналъ объ изъ исчезновеніи и послалъ за ними въ погоню своего племянника „Бія“, съ людьми. Они догнали Русскихъ и требовали, чтобы тѣ вернулись въ Ташкентъ. Завязался споръ. Дѣти Тюле-бія „не дали“ Русскихъ Ташкентцамъ. Было много „крику“; проводники Араcланова едва не стали стрѣлять изъ луковъ въ посланныхъ Кусека. Наконецъ, одинъ изъ сыновей Тюле-бія закричалъ:—„Если Шубай и Мансуръ нужны Кусеку, то я поѣду; пущай-де, что надобно дѣлаетъ!...“ Сынъ Тюле-бія дѣйствительно повернулъ коня и поѣхалъ съ посланными Кусека. Въ Ташкентѣ онъ оставался до самаго отъѣзда Русскихъ купцовъ изъ улуса Тюле-бія въ Россію.

IV.

Въ улусѣ Тюле-бія Арасlановъ и Юсуповъ прожили три дня. Онъ попрежнему принялъ ихъ очень хорошо и „во всемъ довольствовалъ“. Тюле-бій не одобрялъ хищническихъ отношеній къ Русскимъ купцамъ Кусекъ-бека и говорилъ, что Русскій торгъ „всѣмъ къ общей пользѣ“ и Русскихъ купцовъ „не токмо какъ другіе обижать не слѣдуетъ, но и *приласкивать* надобно“.

Тюле-бій посылалъ въ Ташкентъ втораго своего сына—провѣдать о Кусекѣ. Вернувшись, онъ разсказывалъ, что „только поклонъ отдалъ“ Кусеку, „а больше ничего у нихъ не было“. Очевидно, Кусекъ примирился съ отъѣздомъ Русскихъ купцовъ, такъ какъ уже достаточно попользовался отъ нихъ. Въ Туркестанъ Арасlановъ отправился въ сопровожденіи 7 братьевъ Тюле-бія, ѣхавшихъ туда для торгу. Первые три дня въ пути провожалъ Русскій караванъ самъ Тюле-бій, а дальше, до Туркестана — одинъ изъ его сыновей. Въ Туркестанѣ Русскіе пробыли только одни сутки.

Находясь еще въ Ташкентѣ, Арасlановъ и Юсуповъ всячески уговаривали тамошнихъ Сартовъ пріѣзжать для торгу въ Оренбургъ. Сарты отказывались, опасаясь встрѣтить тамъ дурной пріемъ за то, что первый Русскій караванъ „неблагополучно вышелъ“ отъ нихъ. Но Арасланову удалось успокоить ихъ, и „множество“ Сартовъ собиралось выѣхать въ Оренбургъ съ товарами, а другіе тотчасъ же тронулись въ путь. Ко дню пріѣзда Арасланова въ Туркестанъ собрался

тамъ для поѣздки въ Оренбургъ большой караванъ, около 700 человѣкъ. Караванъ уже совсѣмъ изготовился въ путь; а потому Арасланов и Юсуповъ, переночевавъ въ Туркестанѣ, забрали оставленные здѣсь раньше свои товары и выѣхали вмѣстѣ съ Туркестанскимъ караваномъ и съ прежними своими проводниками, Тюлекомъ и съ его братьями. Сына Тюле - бія они отпустили домой, одаривъ надлежащимъ образомъ

До Орска Русскій караванъ дошелъ вполнѣ благополучно.

Вслѣдствіе неудачнаго торга въ Ташкентѣ, Арасланов и Юсуковъ понесли „великій убытокъ". Неудача ихъ зависѣла „отъ того наипаче, что они туда ѣздили *вновѣ* и малымъ числомъ людей"; поэтому, куда ни пріѣзжали они, вездѣ вынуждены были, для собственной безопасности, тратиться на подарки. Съ другой стороны, товары ихъ были „не во всемъ *на Ташкентскую руку*", притомъ не высокаго достоинства. Они повезли въ Ташкентъ остатки отъ бывшаго въ Орскѣ торга. Наконецъ немало подѣйствовали на неудачу торга въ Ташкентѣ и притѣсненія Кусекъ-бека. Главный товаръ Русскихъ — краска — стоила имъ по 70 р. пудъ, а въ Ташкентѣ, по приказу Кусека, они вынуждены были продать ее по 40 рублей за пудъ... Впрочемъ Араслановъ признаетъ, что торговля въ Ташкентѣ можетъ принести пользу, хотя и небольшую. Первымъ условіемъ для этого онъ считаетъ, чтобы Русскіе караваны не были такъ малолюдны, какъ его караванъ, затѣмъ чтобы караваны шли съ надежными проводниками (какіе и были у Арасланова), чтобы люди каравана были хорошо вооружены и проч.

Въ Ташкентѣ, по словамъ Арасланова, всѣ жители болѣе или менѣе торгуютъ, но „малымъ числомъ" товаровъ. Всѣ тамъ—мелкіе торговцы; а такихъ совсѣмъ нѣтъ, чтобы торговали на капиталъ въ 1000 р. и больше. Главные товары ихъ — *бумажные* и отчасти *шелковые*, мѣстнаго производства.

Гораздо выгоднѣе торговля съ пріѣзжими въ Ташкентъ торговцами, каковы, напримѣръ, "*Зюнгорскіе Калмыки*" и „вѣдомства ихъ, кочующіе съ ними Татары, называемые ими *Кашкары*" (т. е. Кашгарцы). Они покупаютъ въ Ташкентѣ *кишмишъ*, лисицъ, корсаковъ, бумажные товары, а изъ Русскихъ товаровъ—выдры и красныя кожи. Араслановъ называетъ здѣсь только тѣ Русскіе товары, какіе были у него, но выражаетъ увѣренность, что и другіе Русскіе товары охотно будутъ покупаемы Калмыками и Кашкарами. Съ своей стороны Калмыки пригоняютъ въ Ташкентъ скотъ, барановъ, быковъ, коровъ и коней, которыхъ они „мѣняютъ сходно" на товары.

Бухарцы привозятъ въ Ташкентъ *мерлушку* въ небольшомъ количествѣ, красный и черный *бархатъ*, *кушаки*, „шолковую *парчу*", и мѣняютъ ихъ на всякіе Ташкентскіе и Россійскіе товары.

Пріѣзжаютъ также въ Ташкентъ торговцы изъ подчиненнаго ему города *Хузяна*, который лежитъ въ 6 дняхъ ѣзды отъ перваго и считается богаче его. Хузянскіе купцы пріѣзжаютъ съ „лучшими бумажными товарами", также съ разными ягодами, кишмишемъ (который не родится въ Ташкентѣ) и др., а мѣняютъ свои товары охотнѣе всего на Россійскіе. Изъ Русскихъ товаровъ особенно „способны" для тамошней торговли — „добрыя кармазинныя красныя *сукна*", черные „*Нѣмецкіе бобры*", „*Нѣмецкія выдры*„, *кожи*, „*канцелярское сѣмя*", „брусковая *краска*" и др. Впрочемъ все это Хузянскіе купцы „покупаютъ малымъ числомъ, а *стаями* не берутъ".

Въ Ташкентѣ, говоритъ Арасланов, „*ханы производятся* такимъ образомъ, что кто усилится и хана убить можетъ, тотъ себѣ ханство тѣмъ и получитъ; и народъ уже тому, когда убьетъ, не препятствуетъ, а напротивъ того—ежели еще кто выищется и того уже убійцу убьетъ, то оной потому же и ханство принять удостоится".

Прежде Ташкентомъ владѣлъ ханъ *Юлбарсъ*, изъ Киргизъ-кайсацкой орды, „обще" съ *Тюле-біемъ* (у котораго есть домъ въ Ташкентѣ, откуда и жена его родомъ). Тогда Ташкентъ былъ подчиненъ Большой Киргизъ-кайсацкой Ордѣ. Тюле-бій съ своими „старшинами" бралъ съ Ташкента ежегодную дань въ 40 тысячъ „тенекъ". Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Юлбарса „не стало; не знаемо убитъ, не знаемо выгнатъ вонъ отъ тутошнихъ Сартовъ". Въ этомъ темномъ дѣлѣ главную роль игралъ *Кусекъ-бекъ*, который и завладѣлъ Ташкентомъ, но „токмо ханомъ отъ народа и понынѣ еще не учиненъ». Хотя Кусекъ выжилъ Тюле-бія изъ города, но не могъ лишить его прежнихъ правъ на Ташкентское ханство, такъ что Тюле-бій и старшины Большой Орды попрежнему получаютъ съ Ташкента дань. Ташкентцы не могутъ отказаться отъ нея, такъ какъ они „весьма утѣснены" кочевьями Киргизъ-кайсаковъ, которыя близко подходятъ къ городскимъ „пашнямъ и дровосѣкамъ". Когда Ташкентцы вздумаютъ „не удовольствовать" Каргизовъ, то изъ города нельзя бываетъ выѣхать даже за дровами и на пашни, а кто осмѣлится выѣхать, того Киргизы „забираютъ въ полонъ".

Хотя Кусекъ „дѣйствительнаго ханства" еще не получилъ, „но такъ усилился, что паче настоящаго хана". Причину этого Арасланов видитъ въ томъ, что онъ имѣетъ „родъ свой весьма великъ" (трехъ сыновей и пр.). Кромѣ того, онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ здѣшнихъ „знатныхъ *батырей*", которыхъ Кусекъ „къ себѣ въ ближніе старшины подобралъ и *весьма* ихъ награждаетъ". Но *народъ* имъ недоволенъ, потому что „за самыя малыя дѣла со всѣми домами разоряетъ". Однако Ташкентцы „сами *дивятся*, что у нихъ никогда *ханы болѣе трехъ лѣтъ не сиживали*, а Кусекъ 4-ой годъ уже сидитъ"...

Впрочемъ, въ бытность Арасланова въ Ташкентѣ образовался тамъ заговоръ противъ Кусека. Подъ предводительствомъ бека

Сали-Хузя (который нѣкогда самъ въ Ташкентѣ „нѣсколько ханствовалъ") собралось заговорщиковъ около 40 Сартовъ. Они порѣшили убить Кусека и посадить на ханство Сали-бека. Въ назначенную ночь заговорщики собрались ко двору Кусека, отворили „дворовые ворота" и пробрались до „покоя", гдѣ Кусекъ „спалъ съ невѣстою".... (выбрасываю неудобныя для печати слова)..... При немъ былъ одинъ изъ его прислужниковъ. Покой былъ запертъ. Только что „*согласники*" (заговорщики) стали ломиться въ дверь „покоя", какъ прибѣжала толпа, предводительствуемая сыновьями Кусека и *Шукуръ*-батыремъ (у котораго Арaслановъ и Юсуповъ жили въ Ташкентѣ) и отбила „согласниковъ" отъ ханскаго покоя. Пятеро заговорщиковъ были пойманы, а остальные разбѣжались и „пропали безвѣстно". Оказалось, что одинъ изъ „согласниковъ", Сартъ измѣнилъ товарищамъ, „испужався" ихъ замысла. Когда они отправились къ ханскому двору, этотъ Сартъ побѣжалъ къ сыновьямъ Кусека и къ Шукуръ-батырю и предупредилъ ихъ о заговорѣ. Кусекъ жестоко отомстилъ „согласникамъ". Какъ всѣ пятеро пойманныхъ, такъ отцы и братья важнѣйшихъ изъ бѣжавшихъ заговорщиковъ—всего около 25 человѣкъ—были казнены: иныхъ повѣсили, другимъ отрубили головы, нѣкоторыхъ „кололи".... Кусекъ, родичи его и старшины разобрали „въ холопство" женъ и дѣтей казненныхъ. Дома ихъ были „въ конецъ" разорены.

Тюле-бій, котораго Кусекъ выжилъ изъ Ташкента, питаетъ къ своему врагу большую ненависть. Онъ много разъ „войною наступалъ" на Ташкентъ, убилъ нѣсколькихъ родичей Кусека и замышлялъ убить его самого, пользуясь услугами Ташкенскихъ Сартовъ, изъ которыхъ многіе „дружны" Тюле-бію. Послѣдній охотно принимаетъ всѣхъ тѣхъ Сартовъ, которые бѣгутъ изъ Ташкента отъ притѣсненій Кусека. „Согласники" бѣжали главнымъ образомъ именно къ Тюле-бію. Самъ Тюле-бій, однако, не рѣшается въѣхать въ Ташкентъ, такъ какъ Кусекъ грозился, что непремѣнно поймаетъ его и „посадитъ въ заточеніе". Въ разстояніи полудня отъ Ташкента Тюле-бій поставилъ „городокъ", въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ изъ рѣки *Цырцюта* проведенъ *каналъ* въ Ташкентъ. Городокъ населенъ главнымъ образомъ выходцами изъ Ташкента, бѣжавшими отъ Кусека, также выѣхавшими изъ другихъ мѣстъ, „полоненными людьми" и проч. Всѣ они пашутъ здѣсь хлѣбъ на Тюле-бія. Но задача постройки городка была совсѣмъ другая: онъ поставленъ „съ такимъ утѣсненіемъ" для Ташкента, что если Тюле-бій захочетъ, то можетъ запрудить каналъ и отвести воду въ другую сторону, т. е. можетъ заставить Ташкентцевъ умереть отъ жажды и голода, такъ какъ городъ и пашни горожанъ останутся безъ воды.

Тюле-бій не прочь и сейчасъ начать войну съ Кусекомъ, но боится идти противъ Зюнгорскаго владѣльца *Галданъ-Церена*, которому подчинены теперь какъ Ташкентъ, такъ и Большая Киркизская Орда.

Но Тюле-бій собирался послѣ отъѣзда Арасланова ѣхать къ Галданъ-Церену, объявить ему всѣ „непорядки“ Кусека (въ томъ числѣ и „обиды“, нанесенныя имъ Арасланову и Юсупову) и просить себѣ Ташкентскаго ханства.

Ташкентъ подчинился Галданъ-Церену незадолго передъ пріѣздомъ туда Арасланова Галданъ-Церенъ и *Хузянскій* владѣтель *Абдулъ-Каримъ-бекъ* много разъ присылали въ Ташкентъ пословъ; каждый изъ нихъ склонялъ Ташкентцевъ на свою сторону и требовалъ аманатовъ, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Эти переговоры долго продолжались, пока, наконецъ, Кусекъ не подчинился болѣе сильному Галдану. Въ аманаты Кусекъ отдалъ своего сына и 12 батырей. Они уѣхали къ Галгану въ бытность Арасланова въ Ташкентѣ. Послѣ этого Тюле-бій лишился своей дани съ Ташкента; ее стали теперь посылать къ Галдану. „Властію“ могущественнаго Галдана Ташкентцы довольны.

Однако, Хузянскій ханъ не бросилъ своихъ притязаній на Ташкентъ, а потому Галданъ отправилъ къ городу Хузяну 40 тыс. войска. Кромѣ Хузяна, этотъ отрядъ долженъ воевать также съ непокорными Галдану Киргизъ-кайсацкими племенами, кочующими подлѣ Хузяна—*Куромой* и *Чанчкилемъ*. Араслановъ слышалъ, что эти племена „люди военные“, а потому Галданъ-Церенъ особенно желаетъ подчинить ихъ своей власти.

„Укрѣпленіе“ Ташкента „*мазанковое*“; вокругъ города устроенъ небольшой „мазанковый валъ“, величиною въ родѣ *Казанскаго* вала, съ 12 воротами. У воротъ караулы не стоятъ, а вмѣсто нихъ въ „особливыхъ мазанкахъ“ сидятъ „*пристава*“, осматривающіе всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ.

Пушекъ въ Ташкентѣ нѣтъ. Но въ нѣкоторыхъ домахъ Араслановъ встрѣчалъ „*долгіе стволы*, на подобіе ружей, и сказываютъ, что оные выстрѣломъ берутъ далеко“. Они дѣлаются въ самомъ Ташкентѣ.

Вобще, Ташкентъ „осторожностію и силою весьма плохъ“. Нерѣдки случаи, что человѣкъ 10 Киргизъ врываются въ ворота, нападаютъ на Сартовскіе дворы, грабятъ ихъ и угоняютъ скотъ. Жилья такъ разбросаны въ Ташкентѣ, что о такомъ нападеніи весь городъ узнаётъ только черезъ нѣсколько дней, причемъ 10 — 15 человѣкъ разбойниковъ разростается въ народномъ говорѣ „въ великое войско“. Вообще, Ташкентцы „*къ отпору очень робки*“...

„Домовное строенье“ въ Ташкентѣ „мазанковое, токмо весьма непорядочно“. Сколько именно домовъ въ городѣ — трудно сказать. Почти каждый домъ окруженъ садомъ, такъ что весь городъ прячется въ зелени. Въ городѣ много мечетей, изъ нихъ 83 большихъ мечети, въ родѣ „Русскихъ соборовъ“; въ нихъ молятся по праздникамъ.

Ташкентскія деньги—„*теньки*“—„старинныя“. Они похожи на „Россійскія *денежки*“, только „весьма тонки и неуравнительны“. Тень-

ки „ходятъ однимъ числомъ, безъ всякаго сложенія“... Вновь тенекъ не дѣлаютъ, а вслѣдствіе небольшаго запаса старинныхъ немало находится въ обращеніи „воровскихъ“ (фальшивыхъ) тенекъ.

Объ Оренбургскомъ торгѣ Ташкентскіе Сарты достаточно знаютъ и отзываются о немъ „хорошо“.

Между Ташкентомъ и Туркестаномъ есть пять небольшихъ *городковъ*, которые по мѣстному называются „*курганами*“. Всѣ они расположены нѣсколько въ сторонѣ отъ большой дороги. Они находятся во владѣніи Киргизъ-кайсаковъ Большой Орды. Населеніе ихъ составляютъ главнымъ образомъ бѣглые изъ Ташкента и другихъ мѣстъ и плѣнные Сарты, а также живутъ въ нихъ и „убогіе“ Киргизъ-кайсаки. Жители этихъ городковъ сѣютъ хлѣбъ на Киргизъ-кайсацкихъ «владѣтелей».

Туркестанъ похожъ на Ташкентъ, но гораздо меньше его: въ немъ всего 1005 дворовъ. Въ окружающемъ городъ валу находится 4 воротъ. Городъ населенъ *Сартами*. Владѣетъ городомъ «опредѣленный» отъ Галданъ-Церена *Сеитъ-ханъ*, а помощникомъ его состоитъ мѣстный «главный житель» *Хузя-нахибъ* (наибъ). Сынъ послѣдняго три года тому назадъ посланъ аманатомъ отъ Туркестана къ Галданъ-Церену. Городъ уплачиваетъ дань какъ послѣднему, такъ и Киргизъ-кайсакамъ Большой Орды. Кромѣ того, какъ Туркестанскіе, такъ и Ташкентскіе ханы берутъ съ жителей «подать» въ свою пользу, но сколько именно—Арaслановъ не могъ узнать.

Въ заключеніе своей «сказки» Арaслановъ сообщаетъ извѣстіе объ удачныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Галданъ-Церена со стороны „народа природы *Калмыцкой*“, подчиненнаго *Китаю*, но какъ „особливое владѣніе“. Съ этимъ народомъ Зюнгорскіе Калмыки воюютъ уже около 20 лѣтъ. Очевидно, Арaслановъ говоритъ здѣсь о началѣ тѣхъ событій, которыя въ слѣдующемъ десятилѣтіи повлекли за собою паденіе сильной Джунгаріи и подчиненіе ея обширныхъ владѣній Китайскому государству.

Н. Оглоблинъ.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XVIII.

Предположенія о дѣйствіяхъ 1853 г.—Переписка князя Барятинскаго съ княземъ Воронцовымъ.—Назначеніе князя Барятинскаго генералъ-адъютантомъ.—Экспедиція 1853 г. — Дѣло 17-го Февраля.—Недоразумѣніе по поводу требованія подкрѣпленій.—Письмо князя Воронцова по этому поводу.—Отказъ князя Барятинскаго отъ должности начальника Лѣваго фланга и пріѣздъ въ Боржомъ.—Неудовольствіе съ генераломъ Вольфомъ.—Назначеніе князя начальникомъ штаба Кавказской арміи.

Предположенія князя Барятинскаго о дѣйствіяхъ въ 1853 году, встрѣтившія полное согласіе въ Тифлисѣ и Петербургѣ, состояли въ томъ, чтобы отъ Автура прорубить въ лѣсахъ просѣку до Качкалыковскаго хребта и чрезъ него до укрѣпленія Куринскаго; другую же просѣку отъ Умаханъ-Юрта перпендикулярно первой, съ цѣлью вынудить гнѣздившееся здѣсь Чеченское населеніе къ покорности или къ выселенію въ Черныя горы. Такимъ образомъ и долина Мичика очутилась бы въ нашихъ рукахъ. Затѣмъ, въ лѣтніе мѣсяцы предполагалось, пользуясь доступомъ по вырубленнымъ просѣкамъ къ полянамъ, уничтожать посѣвы, запасы, жечь аулы, все съ тою же цѣлью довести жителей до необходимости рѣшиться на одно или другое, т.-е. покориться или уходить; а вмѣстѣ съ тѣмъ, удаляя непокорныхъ съ плоскости, уменьшить возможность ихъ набѣговъ и хищничествъ среди нашихъ поселеній. Въ теченіе 1853 года, кромѣ того, надлежало довершить поселеніе 2-го Сунженскаго казачьяго полка, весьма важное для обезпеченія нашей линіи.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпуски 1—4.

До начала военныхъ дѣйствій, князь Барятинскій продолжалъ съ главнокомандующимъ, по обыкновенію, самую дѣятельную переписку. Привожу здѣсь три письма князя Воронцова, относящіяся къ даннымъ обстоятельствамъ.

Отъ 15-го Января: „Третьяго дня я получилъ ваше интересное письмо отъ 10-го и нашелъ его столь важнымъ, что отвѣчаю вамъ сейчасъ же, съ нарочнымъ. Не могу ничего болѣе сдѣлать, какъ только похвалить вашъ образъ дѣйствій и вполнѣ положиться на нихъ въ будущемъ; во-первыхъ потому, что никто такъ хорошо не знаетъ мѣстности и людей, съ которыми вы имѣете дѣло; во вторыхъ, опытъ меня убѣждаетъ, что вы не подчинитесь мнѣніямъ отдѣльныхъ Чеченцевъ, или какимъ бы то ни было предложеніямъ даже цѣлыхъ деревень, безъ того, чтобы не убѣдиться въ ихъ рѣшимости дѣйствовать въ нашу пользу и сбросить съ себя иго Шамиля; наконецъ, располагая впереди временемъ и видя, что волненія и неудовольствія въ Чечнѣ возрастаютъ, благодаря стѣсненному ея положенію, вы, тѣмъ не менѣе, не упустите воспользоваться удобнымъ моментомъ и въ особенности тѣми преимуществами, которыя даетъ намъ зима, чтобы выполнить главную часть вашего плана на счетъ Мичика и покоренія или разоренія ауловъ между Мичикомъ и Аргуномъ. Меня очень радуютъ надежды, основанныя на благопріятномъ нашемъ положеніи, созданномъ благодаря вашимъ же разумнымъ мѣрамъ и неоднократнымъ смѣлымъ на непріятеля нападеніямъ. Это столь выгодное для насъ положеніе будетъ для Шамиля не только теперь очевиднымъ неудобствомъ, но и постоянно возрастающимъ непріятнымъ обстоятельствомъ“.

„Между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что Шамиль съ своими преданными мюридами и съ тѣми пушками, которыя онъ имѣетъ, располагаетъ еще достаточными средствами, чтобы держать въ страхѣ и безпощадно наказывать (какъ это онъ всегда дѣлаетъ) всѣхъ жителей, не находящихся подъ защитою огня нашихъ крѣпостей, или тѣхъ, которые хотѣли бы сопротивляться его власти. Вотъ о чемъ я хотѣлъ переговорить съ вами, князь. Вполнѣ ввѣряюсь вамъ и, зная вашу опытность, энергію и умѣніе дѣйствовать, я

убѣжденъ, что вы все сдѣлаете къ лучшему, подвинете наши дѣла, на сколько Господь вамъ въ этомъ поможетъ и не упустите важнаго момента, наиболѣе для насъ благопріятнаго, чтобы окончить все на Мичикѣ".

„Ожидаю вашихъ послѣдующихъ новостей, въ особенности на счетъ продолженія и осложненія, если можно на это надѣяться, неудовольствій между Чеченцами и Шамилемъ и ожидаемыхъ отъ того послѣдствій".

„Сообщите, что́ имѣете новаго, о Дагестанѣ и о результатѣ вашей переписки съ княземъ Григоріемъ (Орбеліани) или съ княземъ Аргутинскимъ. Пріѣхалъ ли онъ въ Шуру? Мы до сихъ поръ никакихъ извѣстій о немъ не имѣемъ".

Отъ 19-го Января: „Зиновьевъ доставилъ мнѣ вчера ваше письмо отъ 15-го и передалъ словесныя порученія, о которыхъ мы уже успѣли съ нимъ побесѣдовать; затѣмъ я имѣлъ другой разговоръ съ нимъ и Вольфомъ. Почти все мое письмо отъ 15-го могло бы служить полнымъ отвѣтомъ, какъ на только что полученное отъ васъ, такъ и на предъидущее. Я вамъ вполнѣ предоставилъ весь ходъ дѣла. Послѣ того, какъ я узналъ вашъ характеръ, послѣ всѣхъ вашихъ заслугъ и послѣ всего, что̀ вы сдѣлали за послѣдніе годы,— имѣю къ вамъ полное довѣріе, и все это заставляетъ меня передать дѣло цѣликомъ въ ваши руки. Я убѣжденъ, что вы сами справитесь гораздо лучше, нежели получая распоряженія отсюда; сами вы скорѣе можете пользоваться всѣми обстоятельствами и скорѣе доведете дѣло до желаннаго конца. То, что̀ я уже сказалъ вамъ, повторяю еще разъ: я вполнѣ довѣряюсь вамъ и раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое должно отразиться на Шамилѣ и Чеченцахъ, вслѣдствіе вашего мнимаго бездѣйствія съ начала этого мѣсяца. Повторяю вамъ также, что вѣроятно вы не упустите изъ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыя касаются вашего главнаго предпріятія на Мичикѣ и не будете терять времени нужнаго для рубки лѣса, лежащаго на пути соединенія двухъ Чеченскихъ равнинъ (т.-е. между Аргуномъ и Мичикомъ)".

„Есть еще одно обстоятельство, которое не слѣдуетъ упускать изъ виду: это необходимость Вревскому во второй по-

ловинѣ Марта дѣйствовать въ Черныхъ горахъ и въ Малой Чечнѣ. Я просилъ Вольфа приготовить записку, которую вы получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ и гдѣ увидите, что̀ мы должны предпринимать съ этой стороны *). Зиновьевъ говоритъ, что вы надѣетесь сдѣлать все предстоящее вамъ въ теченіи шести недѣль; если вы начнете сейчасъ же, то время потеряно не будетъ, и 15-го Марта Вревскій можетъ начать свои дѣйствія, крайне важныя для нашего будущаго положенія въ Малой Чечнѣ и для обезпеченія всѣхъ покорныхъ жителей Владикавказскаго округа".

„Я просилъ Зиновьева передать вамъ мою просьбу на счетъ присылки сюда всѣхъ подробностей, какія вы узнаете отъ вашихъ лазутчиковъ, о числѣ сборовъ въ Дагестанѣ, которые Шамиль могъ бы двинуть въ Чечню, объ ихъ начальникахъ и вообще о болѣе значительныхъ людяхъ, съ которыми эти храбрецы выступятъ противъ васъ. Они вѣдь должны быть въ самыхъ скверныхъ отношеніяхъ съ Чеченцами и, Богъ знаетъ, до чего эти отношенія дойдутъ и какія могутъ быть послѣдствія; но вѣроятно они не покинутъ Чечни до конца Февраля или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока вы имъ не дадите хорошій урокъ, или удобный предлогъ удалиться, не смотря на приказанія Имама".

„Сообщите мнѣ, въ какихъ отношеніяхъ находитесь вы съ княземъ Аргутинскимъ, который, наконецъ, 10-го Января пріѣхалъ въ Шуру. Князь Григорій долженъ былъ уѣхать оттуда 15-го, но онъ отправится прямо въ Закаталы смѣнить барона Врангеля и не будетъ въ состояніи пріѣхать въ Тифлисъ ранѣе, чѣмъ ознакомится съ дѣлами своего новаго мѣста".

Отъ 23-го Января: „Съ истинною радостью поздравляю васъ съ генералъ-адъютантскими аксельбантами. Жалуя ихъ,

---

*) Эта записка и была главною причиною, что настойчивыя представленія князя Барятинскаго оставались безъ послѣдствій и вскорѣ привели къ неожиданному столкновенію. Въ запискѣ доказывалась важность предстоявшихъ барону Вревскому дѣйствій въ Мартѣ мѣсяцѣ и необходимость возвратить ему съ Лѣваго фланга войска. На запискѣ собственною рукою князя Воронцова написано: „Одобряя эту записку, посылаю оную князю Александру Ивановичу".

Государь лишь слѣдовалъ чувству справедливости. Я не могъ просить ихъ для васъ офиціально, потому что на званіе генералъ-адъютанта я смотрю всегда, какъ на дѣло частное, личное. Говоря о вашемъ блестящемъ дѣлѣ при Ханкале, я писалъ, что, по моему мнѣнію, вы достойны получить особый знакъ удовольствія Его Величества. И такъ, вы теперь въ томъ положеніи, которое вполнѣ заслужили и которое всѣ уже давно нашли бы совершенно естественнымъ. Узнавъ эту новость сегодня утромъ, мы очень обрадовались, и жена моя просила оставить уголокъ въ этомъ письмѣ, чтобы васъ поздравить. Поздравьте отъ меня Зиновьева; здѣсь всѣ очень рады его повышенію. Я надѣюсь, что скоро мы будемъ имѣть возможность представить и другихъ храбрецовъ, которые такъ хорошо помогали вамъ въ этомъ дѣлѣ".

„У насъ ничего новаго, мы только отъ васъ ожидаемъ чего-нибудь интереснаго. Надѣюсь скоро получить извѣстіе о прибытіи князя Григорія Орбеліани въ Закаталы. Адмиралъ Серебряковъ соединилъ до 6,000 человѣкъ изъ Черноморіи, подъ начальствомъ заступающаго мѣсто Рашпиля—полковника Кухаренки, и долженъ быть теперь въ разгарѣ дѣйствій противъ Натухайцевъ".

Приписка княгини Е. К. Воронцовой: „Отвѣчая на ваше любезное письмо, я не могу скрыть отъ васъ своей искренней радости по поводу пожалованныхъ вамъ аксельбантовъ, столь славно заслуженныхъ въ блестящихъ дѣлахъ; я такъ довольна этимъ, какъ если бы чувствовала ихъ на своихъ плечахъ".

—

Приступая къ исполненію вышесказаннаго плана дѣйствій, князь Барятинскій предпочелъ исполнить его въ обратномъ порядкѣ, т.-е. вмѣсто рубки просѣки отъ Автура къ Куринскому, начать отъ Куринскаго и открыть отсюда свободный во всякое время доступъ въ глубь Большой Чечни. Съ этою цѣлью, онъ еще во время движеній въ 1852 году, внимательно осмотрѣлъ Качкалыковскій хребетъ, отдѣляющій Кумыкскую плоскость отъ долины Мичика, а также поручилъ генералъ-маіору Бакланову изъ Куринскаго осмотрѣть подробно всѣ перевалы и тропинки, чтобы избрать самое удобное направленіе просѣки.

Выборъ палъ на переходъ противъ аула Гурдали, по Хоби-Шавдонской высотѣ. Здѣсь южная покатость представляла чистый, отлогій спускъ, кое-гдѣ поросшій кустарниками; вершина была покрыта вѣковыми чинарами, а самая дорога не представляла особыхъ затрудненій для движенія съ артилеріей и обозами.

Обыкновенно зимнія военныя дѣйствія начинались въ Декабрѣ и не позже начала Января. Въ этотъ разъ князь Барятинскій, приказавъ войскамъ быть въ полной готовности къ выступленію, медлилъ, выжидалъ и не трогался изъ Грозной. Цѣль его была преждевременно утомить непріятеля, заставить его переносить всѣ невзгоды зимняго пребыванія въ бивуакахъ на снѣгу и морозѣ, расходовать скудные запасы кукурузной муки и сѣна, забиравшихся почти исключительно даромъ у Чеченцевъ, въ видѣ налога, и возбуждавшихъ между ними ропотъ на Шамиля и вражду къ Дагестанскимъ горцамъ.

Конечно, подобный образъ дѣйствій имѣлъ свое значеніе и ставилъ Шамиля, съ приведенными въ Чечню толпами горцевъ, въ затруднительное положеніе; но, съ другой стороны, князь очевидно не принялъ въ соображеніе особеннаго обстоятельства, очень важнаго для его плановъ, при тогдашнихъ условіяхъ нашихъ на Кавказѣ. Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ отдѣльныхъ раіоновъ (а Лѣвый флангъ Кавказской линіи въ особенности) не имѣлъ для наступательныхъ дѣйствій достаточнаго числа собственныхъ войскъ и потому, на время экспедицій, назначались изъ сосѣднихъ раіоновъ по нѣскольку батальоновъ, но лишь на опредѣленное время, послѣ чего они должны были возвращаться въ свои мѣста. Это вызывалось потребностью въ нихъ тамъ, гдѣ тоже должны были совершиться извѣстныя, заранѣе опредѣленныя дѣйствія, гдѣ также могли ожидаться нападенія непріятеля, пользовавшагося ослабленіемъ у насъ оборонительныхъ силъ; наконецъ и потому, что всякій начальникъ весьма неохотно отдавалъ свои войска другому, и чтобы отстоять ихъ отправку, или по крайней мѣрѣ уменьшить число батальоновъ и срокъ ихъ отсутствія, приводилъ въ своихъ представленіяхъ множество доводовъ, оспаривать которыя изъ Тифлиса

было и трудно, и неудобно, въ виду лежавшей на каждомъ особомъ начальникѣ отвѣтственности за свой раіонъ. Тутъ съ дѣйствительностью сталкивались и самолюбія, а непринимать ихъ въ разсчетъ не всегда возможно. Тоже было и въ настоящемъ случаѣ. Къ князю Барятинскому, для экспедиціи 1853 года, были посланы четыре батальона изъ Владикавказскаго округа отъ генерала Вревскаго и два батальона съ четырьмя эскадронами драгунъ изъ Дагестана, отъ князя Аргутинскаго-Долгорукова. Срокъ пребыванія ихъ былъ опредѣленъ до первыхъ чиселъ Марта, т.-е. два съ небольшимъ мѣсяца. Такимъ образомъ, медля начинать экспедицію, князь Барятинскій сокращалъ время, въ теченіе котораго чужіе батальоны могли быть употреблены имъ для дѣйствій и, слѣд., или долженъ былъ выполнить свой планъ въ гораздо меньшій срокъ, или не успѣть выполнить его вполнѣ.

Такъ и случилось. Изъ послѣдующаго изложенія, читатель увидитъ, какія это имѣло послѣдствія, и при этомъ только станутъ понятны нѣкоторыя мѣста въ нижеприводимыхъ письмахъ князя Воронцова, которыя безъ этого могутъ показаться неясными, особенно для читателя, незнакомаго съ давно минувшими дѣлами Кавказа.

Наконецъ, 28-го Января, часть войскъ выступила изъ Грозной чрезъ Умаханъ-Юртъ и, соединясь 29-го съ другими, прибывшими изъ Хасавъ-Юрта къ Истису, свернула направо, на дорогу чрезъ перевалъ; всей кавалеріи приказано было между тѣмъ пройти изъ Куринскаго по второму пути, на Мичикъ, и этимъ развлечь непріятеля, собравшагося, подъ начальствомъ сына Шамиля, въ значительныхъ силахъ за Мичикомъ, въ укрѣпленной позиціи Шуаибъ-Капа; самъ Имамъ находился въ аулѣ Бата-Юртъ, на рѣчкѣ Гонсоулъ, впадающей въ Мичикъ. Вся эта береговая мѣстность вообще была укрѣплена завалами довольно сильной профили; переходы чрезъ Мичикъ, и безъ того обрывистые (отвѣсные берега имѣютъ до четырехъ саженъ), едва доступные пѣшему человѣку, и то въ сухое время, испорчены; пять орудій были размѣщены такъ, чтобы продольно обстрѣливать атакующихъ. Однимъ словомъ, Шамиль, убѣжденный, что мы непремѣнно будемъ брать его укрѣпленную позицію и форси-

ровать переходъ чрезъ рѣку, употребилъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать этому или, по крайней мѣрѣ, продать намъ успѣхъ какъ можно дороже. Сборъ его простирался до 10-ти тысячъ человѣкъ, всѣ лучшіе наибы были съ нимъ.

Подъемъ къ Хоби-Шавдонскимъ высотамъ представляетъ длинную, узкую ложбину, поросшую лѣсомъ, кустарникомъ и вьющимся дикимъ виноградомъ. Занявъ вершину, безъ всякаго сопротивленія непріятеля, войска прошли безпрепятственно по этой покрытой инеемъ и казавшейся отъ того трущобой мѣстности, осмотрѣли спускъ, расчистили кое-гдѣ отъ кустарника дорогу и вдругъ получили приказаніе прекратить работу и отступить въ укрѣпленіе Куринское. Всѣ недоумѣвали; но князь Барятинскій считалъ нужнымъ ввести непріятеля въ обманъ на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній нашихъ.

30-го Января весь отрядъ простоялъ въ Куринскомъ и окончательно сформировался (10 батальоновъ, четыре эскадрона драгунъ, 14 сотенъ казаковъ, 32 орудія, нѣсколько сотенъ милиціи), а 31-го, послѣ обычнаго молебствія, выступилъ опять по той же дорогѣ къ Хоби-Шавдону на рубку, занявъ лагерь на южной покатости хребта.

Съ 1-го Февраля началась рубка просѣки назадъ, чтобы обезпечить сообщеніе съ базой для движенія обозовъ. Непріятель почти не показывался; лишь изрѣдка въ цѣпяхъ раздавалось нѣсколько выстрѣловъ, да ядра и пустыя гранаты со свистомъ проносились надъ лагеремъ.

6-го Февраля, при сильномъ туманѣ, совершено опять передвиженіе всего отряда на другую позицію Хоби-Шавдонскую, откуда открывается обширный видъ на всю восточную часть Чечни; у ногъ протекаетъ Мичикъ, принимая въ себя Гонсоулъ; вдали видны Маюртупъ, Индо-Юртъ, Гельдыгенскія поля, налѣво живописныя ущелья Черныхъ горъ, въ которыхъ виднѣются аулы Бачинъ-Юртъ и Бата-Юртъ; пра вѣе—далекое теченіе Мичика, съ разбросанными по берегу аулами. Здѣсь разбили лагерь; сообщенія съ Куринскимъ были совершенно обезпечены; воды оказалось достаточно.

Непріятель очевидно находился въ совершенномъ недоумѣніи, вслѣдствіе непонятныхъ ему передвиженій нашихъ и

самъ производилъ перемѣщеніе своихъ партій, собирая главныя силы на равнинѣ между Мичикомъ и Гонсоуломъ и продолжая бросать въ нашъ лагерь ядра.

7-го Февраля начали здѣсь рубку лѣса; въ продолженіе нѣсколькихъ дней почти не слышно было выстрѣла.

11-го числа генералъ Баклановъ произвелъ съ кавалеріею рекогносцировку и убѣдился, что переходы чрезъ Мичикъ въ этомъ мѣстѣ совершенно невозможны. По мѣрѣ удаленія нашей конницы, непріятель приближался, открывая огонь, и главныя толпы сосредоточивались въ Аку-Юртѣ, гдѣ на крышѣ главной мечети стоялъ окруженный своими наибами Шамиль, благодарившій своихъ людей за отраженіе Русскихъ... Въ подзорную трубу ясно былъ видѣнъ Имамъ, въ большой бѣлой чалмѣ; близъ него зеленый значекъ съ красной каймой. Совершивъ тутъ же молитву, онъ около заката солнца сошелъ съ крыши и уѣхалъ въ Бачинъ-Юртъ; толпы стали расходиться, только часть осталась на ночь за укрѣпленными линіями.

12-го числа видны были новыя подкрѣпленія, прибывшія изъ Чечни съ орудіемъ, расположившіяся по берегу Мичика, въ аулѣ Мазлагашъ; но непріятель ничего не предпринималъ. Рубка продолжалась въ послѣдующіе дни почти безъ потерь; изрѣдка артилерійскій огонь усиливался, ядра летали въ лагерь, все больше по направленію палатки князя Барятинскаго, непріятель усердно работалъ надъ усиленіемъ своихъ укрѣпленій, и завалы принимали громадные размѣры.

Наконецъ, князь рѣшился овладѣть непріятельскими укрѣпленными линіями, но не такъ какъ ожидалъ Шамиль. Днемъ атаки назначено 17-ое Февраля, любимое число князя Барятинскаго, уже ознаменовавшееся прежде удачными дѣлами.

Войска ничего не знали до минуты выступленія; только главнымъ начальникамъ частей войскъ сообщено подробное распоряженіе. Вообще тайна, отъ которой зависѣлъ весь успѣхъ предпріятія, была такъ хорошо сохранена, что до послѣдней рѣшительной минуты непріятель ничего не подозрѣвалъ. Все предпріятіе было основано на томъ, чтобы овладѣть укрѣпленною позиціею съ наименьшею потерею и для этого, ведя открытую атаку съ фронта фальшиво, въ дѣй-

ствительности ударить непріятелю во флангъ и тылъ обходною колонною, чтó по неожиданности должно было неминуемо навести на него страхъ и заставить бѣжать... Трудность выполненія этого плана состояла въ томъ, что дороги, по которымъ могла двинуться обходная колонна, составленная главнѣйшимъ образомъ изъ кавалеріи съ конною артилеріею (ибо только онѣ быстрой и грозной атакою могли произвести требуемое впечатлѣніе)—были наблюдаемы непріятелемъ и вели къ той переправѣ чрезъ Мичикъ, которая была испорчена, укрѣплена и бдительно охраняема массами горцевъ. Нужно было, слѣдовательно, найти во чтò бы ни стало, гдѣ-нибудь тропу, по которой можно было бы незамѣтно пройти къ Мичику, также незамѣтно переправиться чрезъ него и совершенно-неожиданно появиться на флангѣ непріятеля въ то самое время, когда онъ обратитъ все свое вниманіе на атакуемый Русскими войсками фронтъ.

Исполненіе этой задачи князь Барятинскій возложилъ на Бакланова. Это былъ типъ лихаго Донскаго атамана старыхъ временъ, съ своего рода военными дарованіями и опытностью, пріобрѣтенною нѣсколько-лѣтними, безпрерывными дѣлами въ Чечнѣ. Онъ командировалъ нѣсколько казаковъ своего полка отыскивать удобную для движенія тропинку. Въ теченіе нѣсколькихъ ночей эти молодцы пробирались изъ укрѣпленія Куринскаго чрезъ Качкалыковскій хребетъ въ разныхъ мѣстахъ, пока не открыли какой-то заглохшей тропы, по которой они полагали возможнымъ пройти, ведя лошадей въ поводу, а артилерію съ помощью людей и веревокъ. Послѣ самъ Баклановъ осмотрѣлъ эту тропу, убѣдился въ вѣрности показанія своихъ людей и доложилъ объ этомъ князю, отъ котораго и получилъ приказаніе выступить, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы не позже 12-ти часовъ дня 17-го Февраля появиться на равнинѣ, въ углу Мичика при впаденіи Гонсоула, т.-е. на правомъ флангѣ непріятельской позиціи, и ринуться въ атаку въ ту минуту, когда пѣхота начнетъ форсировать переходъ чрезъ Мичикъ съ фронта.

Между тѣмъ непріятель, ничего не подозрѣвая и ободренный нашимъ относительнымъ бездѣйствіемъ, все продол-

жалъ усиливать свои укрѣпленія, устраивать батареи и по ночамъ безпокоить лагерь пушечными выстрѣлами.

17-го Февраля утро было прекрасное; вся кавалерія, по обыкновенію, отправилась на водопой, и непріятель, которому это было видно, тѣмъ менѣе имѣлъ основаніе ожидать какого-нибудь движенія съ нашей стороны. Часу въ 8-мъ, какъ бы на заказъ, вдругъ палъ туманъ, и вся окрестность скрылась. Въ эту минуту драгуны и линейные казаки съ артилеріей выступили въ Куринское, тамъ присоединили къ себѣ Донцовъ Бакланова и тронулись по изслѣдованной тропинкѣ къ Мичику; за ними, почти бѣгомъ, слѣдовали два батальона съ горными орудіями. Часу въ 10-мъ изъ лагеря къ Мичику было выдвинуто 14 орудій, открывшихъ по непріятельской позиціи учащенный огонь, на который горцы изъ пяти орудій отвѣчали довольно упорно, но безъ особаго вреда для насъ. Вслѣдъ за артилеріей выступила штурмовая колонна съ лѣстницами, фашинами и проч. и расположилась въ ожиданіи минуты, когда можно будетъ броситься къ обрывистой переправѣ „на ура“.

Теперь все зависѣло отъ того, появится ли въ опредѣленный часъ Баклановъ на той сторонѣ рѣки и, само собою, всѣмъ отрядомъ, отъ начальниковъ до солдатъ (уже узнавшихъ въ чемъ дѣло) овладѣло самое напряженное, нетерпѣливое ожиданіе. Жестокій огонь артилеріи не умолкалъ; мы старались по возможности разрушить завалы и сбить батарею непріятеля, чтобы ослабить его энергію, затѣмъ подойти ближе къ берегу, осыпать его картечью, подготовивъ панику, неизбѣжную при появленіи кавалеріи съ 8-ю конными орудіями, и тогда уже броситься на штурмъ переправы. А Шамиль, съ своей стороны, вполнѣ убѣжденный, что форсировать переходъ чрезъ рѣку мы будемъ гораздо ниже, противъ ауловъ Гурдали и Мазлагаша (гдѣ берега отложе и удобнѣе) считалъ всю эту канонаду за демонстрацію и обратилъ главное вниманіе внизъ по теченію рѣки, направивъ туда подкрѣпленія изъ лучшихъ бойцевъ-Чеченцевъ. Самъ онъ съ резервами оставался въ Аку-Юртѣ.

Было уже 11 часовъ; продолжали гремѣть орудія; всѣ съ возраставшимъ волненіемъ ожидали разрѣшенія сомнѣній: по-

явится Баклановъ на той сторонѣ, или какія-нибудь неожиданныя препятствія задержатъ его, или вовсе не пропустятъ?

А Баклановъ въ это время осторожно двигался, перенося на рукахъ артилерію, и никѣмъ не замѣчаемый, уже приближался къ Мичику. Вдругъ, подъ однимъ изъ ящиковъ сломалась ось, и все остановилось... Хотѣли уже бросить ящикъ, но лихіе Донцы-артилеристы, извѣстной на Кавказѣ батареи Долотина, въ нѣсколько минутъ поддѣлали новую ось и двинулись дальше. Переходъ чрезъ Мичикъ гораздо выше, по сравнительно менѣе крутымъ и неудобнымъ откосамъ, совершили благополучно, а близъ лежащая караулка оказалась пустою!... Людей не встрѣчалось; туманъ оказывалъ наилучшую помощь. Счастіе очевидно намъ покровительствовало: вѣдь будь движеніе Бакланова заранѣе открыто и займи нѣсколько сотъ человѣкъ лѣсъ, чрезъ который почти безъ дороги тянулась кавалерія, ей заградили бы путь и, до прибытія пѣхоты, она понесла бы большія потери, весь планъ бы рушился, и штурмъ—или стоилъ бы неимовѣрныхъ жертвъ, или вовсе бы не состоялся и далъ бы непріятелю случай торжествовать побѣду.

Наконецъ, въ началѣ 1-го часа, эскадронъ за эскадрономъ, сотня за сотней, орудіе за орудіемъ, выскакивала наша кавалерія чрезъ Мичикъ изъ лѣса, и вдругъ, при поднявшемся туманѣ, всѣ увидѣли развертывающійся фронтъ, охватившій всю чистую поляну на флангѣ непріятеля. Залпъ изъ всѣхъ орудій, бой барабановъ къ атакѣ, музыка, оглушительное ура и „Баклановъ, Баклановъ!“ раздались на нашей сторонѣ. Какой-то вопль ужаса, отчаянія, трудно передаваемые звуки завыванія донеслись съ непріятельской линіи, и десяти - тысячная толпа бросилась въ паническомъ страхѣ бѣжать на право къ лѣсу, преслѣдуемая свистомъ ядеръ и гранатъ съ одной стороны, пиками Донцовъ, шашками драгунъ и линейцевъ, да картечью конныхъ орудій съ другой!... Картина была рѣдкая, эпизодическая: бѣгущіе горцы, рубящіе ихъ драгуны и казаки, кое-гдѣ кучки непріятеля, сбивающіяся въ сторону, бросающіяся съ обрывовъ Гонсоула, разбивающіяся лошади, трескотня ружей, Кабардинскіе

батальоны, лѣзущіе по отвѣснымъ обрывамъ, подсаживая другъ друга, цѣпляясь за камни и кусты...

Вслѣдъ несется князь Барятинскій, окруженный свитою, съ конвоемъ казаковъ и милиціи, встрѣчаемый и провожаемый воодушевленными криками ура, бросаніемъ вверхъ папахъ, звуками трубъ, грохотомъ орудій,—какой-то общій гулъ и стонъ, глухо повторяемые мрачными, лѣсистыми горами, которыя, какъ бы насупившись, изъ подъ покрытыхъ снѣгомъ верхушекъ вѣковыхъ чинаровъ, взирали на побоище, на весь этотъ воинственно-живописный хаосъ... Особенно живо и восторженно проявляли свое удовольствіе мирные Чеченцы съ своимъ начальникомъ Бѣликомъ; откуда-то нашлась у нихъ и бутылка Шампанскаго, тутъ же, при громкихъ ура, роспитая за здоровье начальника отряда.

Всѣ расчеты Шамиля, всѣ труды его, всѣ надежды на непропускъ Русскихъ за Мичикъ и на пораженіе ихъ при штурмѣ, оказались пустой мечтой. Окончательно нравственно-убитый, потерявъ много людей, въ томъ числѣ нѣсколько любимыхъ, лучшихъ наибовъ, Имамъ,—до послѣдней минуты остававшійся въ Аку-Юртѣ,—замѣтивъ несущуюся туда кавалерію и бѣгущихъ за нею два Кабардинскихъ батальона, рѣшился оставить поле сраженія. Онъ поскакалъ въ Бачинъ-Юртъ въ глубь ущелья Гонсоула, и вó время: ибо Аку-Юртъ былъ немедленно занятъ, а по Бачинъ-Юрту открытъ сильный огонь изъ конныхъ орудій.

Соображенія князя Барятинскаго, благодаря ловкости Бакланова, вполнѣ оправдались, и дѣло, казавшееся почти невыполнимымъ, возбуждавшее большія сомнѣнія и опасенія, грозившее громадною потерею, было совершено, напротивъ, почти безъ всякой потери: потому что десятокъ человѣкъ, раненыхъ въ этотъ день преимущественно ядрами — уронъ ничтожный въ виду такого успѣха. Но нужно сказать, безъ преувеличеній и риторики, что противъ войскъ, до такой степени воодушевленныхъ, идущихъ на бой какъ на пиръ, на празднество, ничто устоять не можетъ, и успѣхъ долженъ увѣнчать всякое предпріятіе. 17-го Февраля 1853 года можно было во очію убѣдиться, что для предпріимчиваго Русскаго генерала,

умѣющаго возбудить въ своихъ войскахъ энтузіазмъ, нѣтъ ничего невозможнаго.

Послѣ перехода большей части войскъ за Мичикъ и совершеннаго бѣгства полчищъ Шамиля, въ углу, образуемомъ впаденіемъ Гонсоула, былъ на скоро возведенъ полевой редутъ на батальонъ съ 2-мя орудіями, разрушались непріятельскія укрѣпленія, сжигались аулы по берегу, разработывались удобные спуски и подъемы чрезъ оврагъ Мичика и расчищались ближайшія лѣсныя поросли.

Занятія продолжались 20 дней, пока не дошли до рѣки Гудермеса; много ауловъ было истреблено и все почти безъ выстрѣла. У аула Бейбулатъ-Юрта, наконецъ, опять появился непріятель, и завязалась довольно жаркая перестрѣлка, стоившая намъ болѣе 10-ти человѣкъ.

9-го Марта отрядъ былъ распущенъ. Князь Барятинскій считалъ почти законченнымъ всѣ подготовленія къ выполненію своихъ дальнѣйшихъ плановъ, состоявшихъ въ упраздненіи укрѣпленія Куринскаго въ перенесеніи его на Хоби-Шавдонъ и въ обезпеченіи переправы чрезъ Мичикъ постройкою моста съ предмостнымъ укрѣпленіемъ и вырубкою извѣстнаго Маюртупскаго орѣшника. Тогда, во всякое время года, совершенно неожиданно, небольшія колонны могли бы вторгаться и съ этой стороны въ Чечню, не допуская ея до посѣвовъ или сбора жатвы, чтò, безъ сомнѣнія, должно было привести ее къ скорой и окончательной покорности.

Однако планамъ этимъ не суждено было сбыться...

Опять обращаюсь къ интереснѣйшимъ письмамъ князя Воронцова за это время.

Отъ 9-го Февраля: „Я былъ очень радъ, дорогой князь, узнать о началѣ вашихъ дѣйствій; какъ я вамъ уже говорилъ, никто лучше васъ не можетъ знать мѣста и способы дѣйствій. Вы отлично можете судить послѣ нашихъ съ вами разговоровъ и послѣ всего, чтò я говорилъ Зиновьеву, что дѣло начатое теперь вами вполнѣ согласно съ моимъ мнѣніемъ, ибо въ этомъ я вижу возможность скораго покоренія Мичика съ полнымъ успѣхомъ и съ малыми потерями. Оттуда вы направитесь на орѣшникъ около Маюртупа и побьете тамъ Шамиля, если онъ вздумаетъ атаковать васъ. Весь во-

просъ заключается теперь во времени и если вы будете въ состояніи прорѣзать лѣсъ и гору отъ Истису до Гурдали и затѣмъ пройти орѣшникъ у Маюртупа ранѣе половины Марта (какъ вы и надѣетесь), то это будетъ великолѣпнымъ дѣломъ и громаднымъ шагомъ для покоренія Большой Чечни. Мнѣ кажется, что послѣ этихъ двухъ предпріятій, все что́ есть въ долинѣ между новой „Русской дорогой“ и Сунжей, затѣмъ всѣ аулы по Мичику и въ особенности между Гурдали и Умаханъ-Юртомъ не будетъ имѣть болѣе возможности существовать; жителямъ ничего болѣе не останется какъ уйти въ Черныя горы и тамъ скитаться, или покориться на мѣстѣ, или наконецъ отправиться—куда вы сами имъ назначите для ихъ поселенія. Въ этомъ случаѣ ваша мнимая бездѣятельность въ Январѣ мѣсяцѣ увеличитъ раздоръ между Шамилемъ, Чеченцами и Тавлинцами; и вы не потеряете времени для того главнаго дѣла, за которое вы такъ горячо взялись и которое будетъ такъ полезно. Если Шамиль вамъ не будетъ серьозно мѣшать, то онъ поставитъ себя въ крайне смѣшное положеніе относительно своихъ наибовъ и людей Дагестана, которыхъ онъ силою привелъ сражаться противъ васъ. Если онъ атакуетъ васъ, въ особенности когда вы спуститесь въ долину Мичика, то есть большое вѣроятіе, что вы его совершенно разобьете; и если онъ будетъ продолжать упорствовать, то можетъ потерять нѣсколько своихъ пушекъ“.

„Мирскій мнѣ сказалъ, что ваша кавалерія превосходна и горитъ желаніемъ сразиться въ долинѣ. Да благословитъ Господь васъ и ваши войска и поможетъ вамъ въ успѣхахъ, которыхъ вы такъ достойны! Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ новостей и прошу васъ прислать мнѣ самые простые отчеты о количествѣ вырубленнаго вами лѣса по обѣимъ сторонамъ горъ, затѣмъ о количествѣ остающагося къ вырубкѣ и о ширинѣ вашей просѣки. Что́ касается до ретраншаментовъ, устроиваемыхъ Шамилемъ на Мичикѣ, то, разъ вы перейдете чрезъ Качкалыковскія горы и уничтожите лѣсъ до Гурдали, эта позиція послужитъ ему также, какъ и знаменитая большая канава на Шали, и онъ долженъ будетъ покинуть ее, или она будетъ взята и послужитъ въ пользу вамъ же. Пишу

Вревскому, чтобы онъ распорядился отправить вамъ это письмо съ надежнымъ человѣкомъ. Я думаю, удобнѣе всего послать его по Тереку и Кумыкской долинѣ; впрочемъ Вревскій устроитъ уже все, чтобы доставка была скорая и вѣрная".

„Халатъ-еффенди уѣхалъ отсюда во Владикавказъ; я имѣлъ съ нимъ серьезныя бѣсѣды. Эта личность совершенно выдѣляется изъ среды людей его страны; все, что онъ говоритъ—очень разумно и носитъ отпечатокъ истины. Онъ разсматриваетъ положеніе Шамиля, какъ очень плачевное, и говоритъ, что если вы будете продолжать дѣйствовать такъ какъ дѣйствуете теперь, то Имамъ не будетъ въ состояніи долго продержаться въ Веденѣ, а въ Дагестанѣ его едвали хорошо примутъ. Затѣмъ, если даже онъ и найдетъ тамъ временное убѣжище, все же у него не будетъ лѣсовъ для защиты противъ насъ: эти лѣса его единственная помощь и его единственное спасеніе въ Большой Чечнѣ и въ Ичкеріи".

„Только что получилъ письмо отъ князя Аргутинскаго, которое нахожу на столько интереснымъ, что сообщаю вамъ копію. Нельзя съ нимъ не согласиться, что вести войска въ верхнюю часть Салатавіи не только неудобно, но и опасно, разъ зима тамъ установится. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣлаетъ прекрасное предложеніе, говоря, что готовъ, если указываетъ надобность, самъ вести четыре батальона и кавалерію на Кумыкскую плоскость, чтобы помочь вамъ въ рѣшительную минуту вашихъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ. Я говорю вамъ объ этомъ потому, что не знаю, писалъ ли онъ вамъ самъ. Прошу васъ вести съ нимъ живую переписку, отправляя письма съ нарочными офицерами, что́ вамъ легко исполнить въ вашемъ настоящемъ положеніи, и затѣмъ эти офицеры могутъ доставлять вамъ также отвѣты и даже словесныя порученія. Вы хорошо понимаете, князь, что не слѣдуетъ обольщаться этимъ предложеніемъ; его хорошо оставить про запасъ на нѣсколько дней для рѣшительной минуты, когда вы встрѣтите затрудненія и необходимость сильнаго подкрѣпленія. Например̀ъ, если, окончивъ рубку въ Гурдали, вы найдете необходимымъ атаковать Шамиля съ фронта, ожидая при этомъ встрѣтить сильное сопротивленіе, то въ

рѣшительную минуту вы могли бы взять три батальона изъ вашихъ собственныхъ войскъ, замѣнивъ ихъ въ вашей настоящей позиціи отрядомъ изъ Дагестана".

„Скажите мнѣ что́ вы объ этомъ думаете; я съ своей стороны признаюсь, что, въ виду настоящихъ и будущихъ обстоятельствъ, читалъ это письмо Аргутинскаго съ большимъ удовольствіемъ" *).

Отъ 14-го Февраля: „Нѣтъ надобности говорить вамъ, князь, съ какимъ удовольствіемъ я встрѣтилъ третьяго дня моего адъютанта, князя Грузинскаго, который привезъ мнѣ ваше письмо и оффиціальныя бумаги, сообщающія о прекрасномъ движеніи и удачномъ дѣлѣ на самомъ Качкалыкскомъ хребтѣ, гдѣ вы могли употребить въ дѣло вашу кавалерію. Вы правы, говоря, что теперь, какъ Мичикъ, такъ и свободный, удобный входъ во всѣ равнины Большой Чечни въ нашихъ рукахъ: потому что, занимая этотъ лагерь, вы можете производить рубку лѣса до тѣхъ поръ, пока достигнете цѣли. Что̀ касается до Мичика, я полагаю, что всѣ деревни между Гурдали и Умаханъ-Юртомъ должны будутъ или покориться, или убраться. Дороже всего то, что намъ это ничего не будетъ стоить. Вы два раза обманули Шамиля вашими прекрасно-выполненными диверсіями и затѣмъ заняли весь лѣсъ, который вамъ былъ нуженъ. То что̀ вы совершили, очень важно, и со вчерашнею почтою я, черезъ князя Долгорукаго, сообщилъ обо всемъ Государю. Я увѣренъ, онъ будетъ доволенъ, что, благодаря вашей опытности, знанію дѣла и страны, вы достигли столь важнаго результата безъ пролитія капли драгоцѣнной крови нашихъ храбрецовъ. Рѣшительно Шамиль долженъ находиться въ смѣшномъ и ложномъ положеніи. Онъ не смѣетъ васъ атаковать, не смотря на то, что привелъ съ собою для этого все, что́ могъ собрать среди преданныхъ ему обществъ, даже въ отдаленныхъ

---

*) Принять такое предложеніе князя Аргутинскаго (къ тому же старшаго въ чинѣ) значило бы нѣкоторымъ образомъ отказаться отъ всей славы предстоявшихъ дѣйствій. На такое, не вызываемое никакими крайними обстоятельствами самоотреченіе едвали согласится кто-нибудь изъ полководцевъ, и странно было даже думать, чтобы это сдѣлалъ молодой, пылкій князь Барятинскій, особенно подъ обаяніемъ столькихъ послѣдовательныхъ успѣховъ.

углахъ Дагестана. Онъ обреченъ каждый день наблюдать наши движенія безъ выстрѣловъ и наши мѣры, которыя въ не очень отдаленномъ будущемъ доставятъ намъ прочное положеніе въ Большой Чечнѣ".

„Вы мнѣ говорите, что вамъ нужно около 10-ти дней для того, чтобы уничтожить лѣса, стѣсняющіе и затрудняющіе свободный проходъ чрезъ Качкалыкъ; я думаю, что вамъ достанетъ времени покончить такъ или иначе съ Шамилемъ и прорѣзать орѣшникъ у Маюртупа. Мнѣ кажется, что Шамиль и его приверженцы не будутъ на столько дерзки, чтобы вступить съ вами въ дѣло, а затѣмъ ихъ постоянно-ложные расчеты заставятъ многихъ Тавлинцевъ уйдти домой. Вообще же отсюда мнѣ трудно судить объ этомъ; да мнѣ нѣтъ и надобности этимъ заниматься, такъ какъ я вполнѣ увѣренъ, что никто лучше васъ не знаетъ что̀ нужно дѣлать для достиженія большей пользы".

„Вѣрьте, князь, я былъ бы очень радъ, если бы могъ найти возможность оставить вамъ въ отрядѣ всѣхъ вашихъ людей не только на Мартъ, но и на Апрѣль; но вамъ не безъизвѣстны также важныя причины, заставляющія насъ озаботиться, хотя уже немного и поздно, дѣлами генерала Вревскаго. Необходимо, чтобы онъ, ранѣе чѣмъ листья распустятся на деревьяхъ, очистилъ лѣса и дороги отъ Бумута къ Гандельбасу и по направленію къ Мереджи. Это дѣло очень важное, потому что окончаніе его предоставитъ въ наши руки лѣтомъ равнины между Черными горами и главнымъ хребтомъ, уничтожитъ совершенно всякое вліяніе Шамиля на все населеніе Владикавказскаго округа и, если ему когда нибудь вздумается побывать въ этой сторонѣ, мы ему отрѣжемъ всякое отступленіе, прибывъ туда тою дорогою, которую теперь подготовитъ Вревскій. Можетъ быть, уничтоживъ Маюртупскій лѣсъ, вамъ тутъ же на равнинѣ придется имѣть дѣло съ отрядомъ сравнительно-слабымъ; жители этой равнины, на сколько мнѣ это отсюда кажется, едва ли въ состояніи долѣе сопротивляться; а если они будутъ находиться на мѣстахъ, еще вами незанятыхъ, то можетъ быть вы найдете возможность дѣйствовать противъ нихъ тамъ и уничтожите ихъ жатву лѣтомъ. Въ случаѣ же какихъ-нибудь

серьезныхъ движеній съ ихъ стороны, можетъ быть вы найдете способъ согласиться съ княземъ Аргутинскимъ, вслѣдствіе того письма, которое нѣсколько дней тому назадъ я вамъ сообщалъ“.

Приписка княгини Е. К. Воронцовой: „Молодецъ, ей Богу, молодецъ! Вотъ все, что́ могу сказать вамъ“.

И генералъ Коцебу въ письмѣ отъ 20-го Февраля писалъ между прочимъ:

„Вы доставляете мнѣ такъ часто пріятный случай поздравлять васъ со всевозможными успѣхами, что я, наконецъ, затрудняюсь пріискивать новыя выраженія, чтобы изъявить вамъ свои чувства; къ тому же я не охотникъ до фразъ, и вы поймете меня, если я совершенно просто скажу вамъ, что ваше движеніе въ Большой Чечнѣ превосходно и чрезвычайно полезно, и что я, привыкнувъ къ этого рода неожиданностямъ съ вашей стороны, нисколько не удивился, когда увидалъ, что вы воспользовались удобнымъ моментомъ выполнить это движеніе лучше, чѣмъ вы предполагали въ началѣ экспедиціи“.

„Въ вашемъ письмѣ къ князю Воронцову вы говорите о рубкѣ лѣса на Урусъ-Мартанѣ и на Гойтѣ; это будетъ крайне полезно, я въ этомъ увѣренъ; но сомнѣваюсь, чтобы вы нашли время совершить эти два дѣла основательно: ибо мнѣ кажется, что входы въ ущелья этихъ двухъ рѣкъ слишкомъ еще лѣсисты. Генералъ Вольфъ, который пріѣдетъ къ вамъ съ Вревскимъ, переговоритъ съ вами на счетъ устройства дѣлъ съ этимъ послѣднимъ: это совершенно Гордіевъ узелъ, который можетъ быть разрубленъ лишь ударомъ топора“.

„Передайте привѣты отъ меня Мирскому, жена и дѣти котораго находятся въ добромъ состояніи. Черезъ двѣ недѣли я надѣюсь видѣть васъ здѣсь и повторить еще разъ, какъ искренно я къ вамъ привязанъ“.

Отъ 26-го Февраля князь Воронцовъ опять писалъ: „Я уже привыкъ, князь, получать отъ васъ все только однѣ хорошія новости: но на этотъ разъ, признаюсь, я не ожидалъ получить такъ скоро извѣстія о блестящихъ результатахъ вашихъ пріемовъ, разумныхъ и полезныхъ, о которыхъ подробности доставлены мнѣ отъ васъ черезъ князя Вахтан-

га Орбеліани. Не могу достаточно отблагодарить васъ за все, что̀ совершено вами съ такимъ благоразуміемъ, вслѣдствіе чего мы достигли столь блестящаго успѣха при такой ничтожной потерѣ, почти сводящейся къ нулю. Относительно этого счастливаго дѣла я уже писалъ военному министру и представилъ вниманію Императора: я увѣренъ, что Государь будетъ очень доволенъ и отнесется съ полною справедливостью къ прекраснымъ мѣрамъ, которыя вы постоянно и неутомимо преслѣдовали съ самаго начала вашихъ военныхъ дѣйствій. Посылаю вамъ съ этимъ же нарочнымъ 30 солдатскихъ крестовъ, изъ которыхъ пять для магометанъ. Если вы непремѣнно хотите, я пришлю вамъ еще: но такъ какъ, благодаря вашимъ распоряженіямъ, непріятель не смѣлъ нигдѣ сопротивляться, мнѣ кажется, что посылаемое мною количество будетъ пока достаточнымъ, чтобы распредѣлить его по вашему усмотрѣнію между тѣми храбрыми Кабардинцами, которые первые бросились на завалы, думая встрѣтить тамъ болѣе серьезное сопротивленіе, между артиллеріею, такъ прекрасно исполнившею ваши приказанія и кавалеріею, которая рѣшила бѣгство непріятеля".

„Что́ касается до нашего дорогаго Николаи, то дума Георгіевскихъ кавалеровъ, собравшись завтра, выскажется вѣроятно въ пользу храбраго и прекраснаго командира вашего стариннаго полка. Рапортъ думы, вмѣстѣ съ моимъ, отправится въ Петербургъ на этихъ же дняхъ, и я надѣюсь, что крестъ героевъ будетъ утвержденъ за нимъ безъ всякихъ затрудненій".

„И такъ, мы теперь полные хозяева Мичика. Ничто болѣе не можетъ вамъ помѣшать окончить рубку большой просѣки, гдѣ величина и толщина деревьевъ доставляетъ вамъ столько трудностей: ничто не можетъ задержать теперь раззореніе и покореніе деревень, лежащихъ по обоимъ берегамъ Мичика до Умаханъ-Юрта. То что̀ вы мнѣ говорите на счетъ Маюртупскаго орѣшника вполнѣ согласуется съ моими взглядами, и, какъ вы знаете, я еще съ прошлаго года былъ убѣжденъ, что это будетъ полезнѣйшимъ дѣломъ въ вашей настоящей экспедиціи. Весною или осенью вы легко справитесь съ этимъ орѣшникомъ безъ всякаго ущерба лю-

дей, какъ вы и сами о томъ говорите; но теперь, пока непріятель вблизи васъ, это можетъ стоитъ вамъ потерь, что̀ разумѣется будетъ отрицательнымъ для насъ успѣхомъ и во всякомъ случаѣ для Шамиля послужитъ до нѣкоторой степени удачей, такъ какъ, нанеся намъ уронъ, онъ постарается загладить тотъ позоръ, который покрываетъ его теперь, когда, воздвигая постоянно столько укрѣпленій и перенося съ своими людьми во всѣ углы этого несчастнаго края, онъ все-таки не можетъ нанести вамъ ни малѣйшаго вреда и препятствовать вашимъ дѣйствіямъ. Я положительно не понимаю, какимъ образомъ онъ до сего времени еще удерживаетъ своихъ людей. Вѣроятно, черезъ вашихъ лазутчиковъ, вы узнаете о бѣгствѣ большой массы Тавлинцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ваше блестящее дѣло 17-го числа произведетъ большое впечатлѣніе въ горахъ и возбудитъ отчаяніе въ однихъ, недовольство и даже ненависть въ другихъ противъ Шамиля“.

„Признаюсь, я не думаю, чтобы князь Аргутинскій могъ вамъ дать четыре батальона, о которыхъ вы говорите; главный ударъ уже нанесенъ, и теперь остается воспользоваться всѣмъ, чтобы окончить, не торопясь, все что̀ нужно на Мичикѣ и чтобы совершенно довести до конца большую просѣку, которая соединитъ равнину Чечни съ Кумыкскою. У Аргутинскаго есть также свои дѣла: покореніе, насколько возможно полное, бывшихъ въ волненіи Кайтаха и Табасарани и устройство дорогъ въ этихъ провинціяхъ, крайне важныхъ во всѣхъ отношеніяхъ; теперь онѣ пока скорѣе нейтральны, нежели покорны. Впрочемъ, мы увидимъ что̀ еще случится до лѣта, и, можетъ быть, окажется возможность (если это будетъ для васъ необходимо) помочь вамъ двумя или тремя батальонами изъ Дагестана на то время, когда вы рѣшитесь идти въ Маюртупскій орѣшникъ“.

„Князю Аргутинскому необходимо уѣхать на воды въ Пятигорскъ на два мѣсяца, а въ его отсутствіе командовать въ Дагестанѣ будетъ генералъ Сусловъ. Князь Аргутинскій хотѣлъ уѣхать въ Апрѣлѣ; но я просилъ его подождать до первыхъ чиселъ Мая, такъ какъ имѣю неотложную надобность его видѣть и говорить съ нимъ о дѣлахъ

Дагестана, котораго я по невозможности не посѣтилъ въ прошломъ году. По плану моего путешествія (въ которомъ приметъ участіе моя жена), если мое здоровье позволитъ, я посѣщу Лезгинскую линію и могу прибыть въ Шуру между 10-мъ и 12-мъ Мая. Аргутинскій можетъ продолжать со мною свой маршрутъ, черезъ Чиръ-Юртъ и Хасавъ-Юртъ, до Червленной. Такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, пріѣдетъ встрѣтить меня въ Дербентѣ или въ Кубѣ, то мы проведемъ съ нимъ нѣсколько дней вмѣстѣ, и если вы пріѣдете къ намъ на встрѣчу въ Чиръ-Юртъ, въ нашемъ распоряженіи будетъ цѣлыхъ три дня, которые мы, проведя втроемъ, можемъ употребить съ большою пользою во многихъ отношеніяхъ. Я думаю выѣхать отсюда 26-го или даже 25-го Апрѣля. Если вы, безъ всякаго ущерба дѣлу, можете пріѣхать въ концѣ Марта или началѣ Апрѣля провести три или четыре дня съ нами въ Тифлисѣ, повѣрьте, это доставитъ мнѣ большое удовольствіе; но если вы встрѣтите въ этомъ хотя малѣйшее неудобство, то дѣлайте какъ найдете лучше; но, во всякомъ случаѣ я надѣюсь встрѣтить васъ въ Чиръ-Юртѣ".

Отъ 1-го Марта: „Кохановъ [1]) доставилъ мнѣ вчера ваше письмо отъ 26-го [2]). Наканунѣ я получилъ письмо отъ князя

---

[1]) Артилерійскій офицеръ, состоявшій при князѣ Воронцовѣ по особымъ порученіямъ.

[2]) Письма этого нѣтъ въ числѣ сохранившихся въ архивѣ князя Воронцова: но я привожу здѣсь цѣликомъ рапортъ князя Барятинскаго отъ 26-го же Февраля, изъ котораго ясно, что побуждало князя Барятинскаго настаивать на усиленіи его хотя бы однимъ батальономъ. „Облеченный довѣріемъ вашей свѣтлости и стараясь исполнять ваши виды и въ точности осуществить ваши указанія, я не могу не обратить особеннаго вниманія вашего на слѣдующіе предметы. Такъ какъ въ настоящее время, съ проложеніемъ главныхъ просѣкъ со стороны Аргуна и Мичика въ глубь Большой Чечни, намъ открылись свободные во всякое время года доступы къ ея равнинамъ и полянамъ: то, по указаніямъ вашимъ, главная цѣль военныхъ дѣйствій нашихъ должна состоять теперь въ томъ, чтобы препятствовать Чеченцамъ обрабатывать и засѣвать свои поля. Я убѣжденъ, что если въ нынѣшнемъ году рѣшительнымъ образомъ сему воспрепятствовать, то при истощеніи, въ которомъ находится Чечня отъ постоянныхъ вторженій въ нее нашихъ войскъ въ послѣдніе годы и при ущербѣ, который нанесенъ непогрѣшимости Шамиля въ глазахъ мюридовъ послѣдними нашими успѣхами, такой способъ дѣйствій необходимо произведетъ окончательный переворотъ въ краѣ, для насъ вполнѣ благопріятный".

Аргутинскаго относительно просимыхъ вами у него 4-хъ батальоновъ на шесть недѣль и даннаго имъ по этому поводу вамъ отвѣта. Принимая во вниманіе обстоятельства, въ которыхъ находятся Дагестанъ и Лѣвый флангъ, и вспоминая условія, на которыхъ была предложена вамъ княземъ Аргутинскимъ, въ случаѣ надобности, временная помощь (о чемъ я писалъ вамъ подробно), я долженъ вполнѣ согласиться съ княземъ Аргутинскимъ. Ваша просьба относительно этихъ 4-хъ батальоновъ, безъ особенной нужды и на такой долгій срокъ, поставила меня къ Аргутинскому въ очень тяжелое и непріятное положеніе. Я могъ бы ему все объяснить, пославъ копію съ моего письма къ вамъ отъ 9-го Февраля, еслибы я сохранилъ черновую".

„Ваша свѣтлость, во время пребыванія вашего на Лѣвомъ флангѣ, въ Августѣ прошедшаго года, изволили сами убѣдиться, какъ удобны доступы въ Чечню со стороны Аргуна. Не менѣе удобны они теперь и со стороны Мичика, когда мы завладѣли новымъ переваломъ чрезъ Качкалыковскій хребетъ и расположены лагеремъ частью на этомъ перевалѣ, а частью на лѣвомъ берегу Мичика. Но если мы сойдемъ съ этой позиціи, не упрочивъ за собою сдѣланныхъ пріобрѣтеній, то нѣтъ сомнѣнія, что непріятель снова лишитъ насъ этого удобнаго доступа и воспользуется для того Мичикомъ, берега котораго, при незначительной работѣ, могутъ быть сдѣланы непроходимыми, что́ изъ представленныхъ мною при рапортѣ отъ 21-го Февраля плана и профили усмотрѣть можно; а тогда Шамиль заставитъ Чеченцевъ обработать и засѣять свои поля, и тѣмъ снова и крѣпко привяжетъ ихъ къ себѣ. Извѣстно, что до засѣва полей Шамиль беретъ аманатовъ, а когда зерно (залогъ привязанности земледѣльца къ полю) бываетъ опущено въ землю, онъ отпускаетъ ихъ, будучи убѣжденъ, что Чеченцы сами будутъ упорно отстаивать поля свои отъ нашихъ вторженій."

„Чтобы не допустить непріятеля сдѣлать это, необходимо на время хозяйственныхъ заготовленій жителей удержать за нами переправы черезъ Мичикъ. Всѣ войска, находящіяся въ моемъ распоряженіи, уже получили назначеніе; занятія и работы, имъ предназначенныя, не терпятъ отлагательства. Такая крайность положенія вынуждаетъ меня подвергнуть всѣ эти обстоятельства благоусмотрѣнію вашей свѣтлости, и убѣдительнѣйше просить объ усиленіи Лѣваго фланга на нѣкоторое время однимъ батальономъ пѣхоты, и о дозволеніи расположить и укрѣпить его на Мичикѣ".

„Такъ какъ сообщеніе Мичика съ Кумыкскою плоскостью нынѣ совершенно свободно даже для небольшихъ колоннъ, то для обезпеченія батальона ничего не требуется, кромѣ временнаго укрѣпленія, которое можетъ быть сдѣлано весьма скоро, и изъ средствъ находящихся подъ рукою; я полагаю расположить это укрѣпленіе на мысѣ, образуемомъ рѣками Мичикъ и Гонсоулъ, при ихъ сліяніи, и буду отвѣчать передъ вашею свѣтлостію за безопасность батальона".

„Сколько разъ я уже говорилъ вамъ, дорогой князь, что мы не можемъ дать вамъ болѣе войскъ, чѣмъ вамъ назначено, и не смотря на превосходныя ваши распоряженія и на успѣхъ разумныхъ и энергичныхъ мѣръ противъ непріятеля, съ которымъ вамъ приходится имѣть дѣло, и на ту задачу, которая вамъ опредѣлена,—я не имѣю права и не могу ослаблять отряды другихъ начальниковъ нашихъ окраинъ, чтобы увеличить силы Лѣваго фланга. Каждый видитъ, какое центральное положеніе занимаетъ Шамиль, и долженъ оберегать свои границы, дѣйствуя когда нужно наступательно. Ни одинъ изъ начальниковъ не имѣетъ людей больше, чѣмъ ему дѣйствительно необходимо“.

„Дагестанскій отрядъ снабдилъ васъ къ 1-му Января двумя батальонами и 4-мя эскадронами драгунъ. Князь Аргутинскій не виноватъ, если, по причинамъ отъ него независящимъ, но которыя можетъ быть и были основательны, вы, располагая этимъ подкрѣпленіемъ, оставались въ теченіе всего Января въ бездѣйствіи. Когда вы прислали Зиновьева, я ему говорилъ, что боюсь, не потеряли ли вы время необходимое для достиженія цѣли вашей экспедиціи, то есть для отраженія непріятеля на Мичикѣ и для полнаго соединенія двухъ долинъ; а это все, чего я ожидалъ отъ нашихъ дѣйствій зимою этаго года. Я повторялъ Зиновьеву при этомъ, что у насъ нѣтъ войскъ для вашего усиленія и что вы должны расчитывать лишь на свои собственныя силы. Зиновьевъ мнѣ отвѣчалъ отъ вашего имени, что ихъ у васъ достанетъ на Февраль и на первыя числа Марта, и что, кромѣ того, вы думаете уничтожить лѣсъ у Маюртупа. Вникая въ ваше положеніе и принимая во вниманіе потерянное время, я находилъ это дѣло уже свыше того, чтò было необходимо, и потому вполнѣ одобрилъ ваше предположеніе, присланное чрезъ Вахтанга Орбеліани, чтобы оставить рубку лѣса у Маюртупа на позднѣйшее время. Послѣ этаго произошло ваше прекрасное дѣло 17-го числа, и вы выражали увѣренность, оффиціально и частнымъ образомъ, что Мичикъ навсегда въ нашихъ рукахъ; затѣмъ Шамиль прогнанъ въ Черныя горы, а просѣка между двумя равнинами вырублена. Представьте же себѣ, дорогой князь, послѣ всего этаго, какъ меня огорчила ваша

просьба о присылкѣ четырехъ батальоновъ отъ Аргутинскаго и потомъ ваше вчерашнее письмо, гдѣ вы говорите, что если вамъ не дадутъ подкрѣпленія, то всѣ ваши успѣхи этаго года будутъ сведены къ нулю и что все надо будетъ начинать съизнова! Между тѣмъ я писалъ въ Петербургъ, съ приложеніемъ вашихъ рапортовъ, что Мичикъ нашъ, что равнины Чечни соединены съ Кумыкскою плоскостью и что все, чего я желалъ и на что́ надѣялся, вполнѣ достигнуто. Какъ объяснить теперь это противорѣчіе? Увѣряю васъ, что не съумѣю этаго сдѣлать и что все это ставитъ меня въ крайне-жестокое затрудненіе".

„Теперь вы мнѣ пишете, и Кохановъ повторилъ, что вы можете удовольствоваться однимъ батальономъ, но на неопредѣленное время и по меньшей мѣрѣ на нѣсколько недѣль; но откуда я его вамъ возьму? Писать объ этомъ Аргутинскому положительно невозможно, въ особенности послѣ вашей несвоевременной къ нему просьбы, безъ особыхъ причинъ, о четырехъ батальонахъ, просьбы—вопреки всѣмъ прежнимъ сношеніямъ. Это требованіе его такъ напугало, что онъ мнѣ пишетъ: если я поддержу ваше требованіе, то онъ проситъ разрѣшенія немедленно оставить службу. Если бы вы еще не обращались къ нему съ этою несчастною просьбою, можетъ быть мы его и уговорили бы дать вамъ одинъ батальонъ на нѣсколько недѣль; но послѣ того, что̀ произошло между вами, я боюсь, что это невозможно; для меня же вполнѣ немыслимо требовать этого отъ Аргутинскаго".

Дальше слѣдуютъ строки, рисующія отношенія незабвеннаго главнокомандующаго князя М. С. Воронцова къ не менѣе незабвенному, будущему фельдмаршалу князю А. И. Барятинскому, и я считаю за лучшее привести ихъ въ подлинникѣ".—Voilà, cher et très cher prince, ce que je dois vous répondre par Kochanoff. Je crains que vous ne soyez mécontent de moi pour ce que je vous dis, et je vous jure en conscience que je suis bien puni de ne pas pouvoir abonder dans votre sens et de ne pas pouvoir faire ce que vous voudriez que je fasse; mais vous êtes trop juste pour ne pas considérer les devoirs de ma situation et les rapports et les ménagements que je dois avoir sur tous les points de notre théâtre d'opération et avec

tous les chefs de nos différents détachements.—Vous devez savoir comme je sais et comme j'aime à vous rendre justice et combien j'admire tout ce que vous avez déjà fait et, permettez-moi d'ajouter avec confiance, tout ce que vous ferez encore pour la gloire de nos armes et le grand objet de pacification que nous avons en vue; mais mettez-vous, je vous en conjure, à ma place et considérez que, quelque soit l'importance du commandement qui vous est confié et dans lequel vous vous êtes attiré l'estime et l'admiration de toutes les braves troupes du Caucase. et je puis le dire de toute la Russie, je ne puis oublier, ni négliger tous les autres points, sur lesquels nous agissons quelquefois déffensivement, quelquefois offensivement et qui pèsent tous sur ma responsabilité personnelle. Ici, comme vous le savez mieux que personne (car vous le faites aussi mieux que personne), il s'agit non seulement de coups de fusils ou de canons, mais aussi de contenir et d'administrer sur beaucoup de points, beaucoup de races et de peuplades différentes, sur lesquelles nous ne pouvons tenir une main ferme qu'en présentant partout des moyens suffisants et toujours prêts à agir. L'ennemi est affaibli, mais il tient encore sa position centrale et dès que nous aurions un défaut dans notre cuirasse, il trouverait moyen de s'y glisser, et c'est alors que nous perdrions peut-être une grande partie des résultats, que 8 années d'efforts constants et jusqu'à présent, grâce à Dieu, toujours heureux, nous ont obtenus.—Personne ne peut, ni ne doit mieux concevoir tout cela que vous, cher prince: vos services éminents, ceux que vous avez encore à rendre, la gloire que vous vous êtes encore acquise et qui ne peut encore manquer de s'accroître, tout cela doit vous disposer à songer au total de nos devoirs, et à l'affaire en masse plutôt qu'aux intérêts et au succès (quelques beaux et agréables qu'ils soyent) sur un seul point. Ce point vous intéresse plus que les autres pour le moment, mais vous êtes en passe et en position de devoir vous-même bientôt encore plus diriger qu'exécuter. De grands commandements seront certainement bientôt à votre disposition, et je suis sincèrement d'avis, que mon poste actuel sera le vôtre sous peu d'années, et peut-être plus tôt que la chose ne se présente dans ce moment. — Pensez à cela, cher ami; ne vous laissez pas décourager par un

mécompte fictif et imaginaire de ce que vous auriez pu faire immédiatement dans la Tchetchnia si on vous donnait quelques batallions de plus; mais surtout, je vous en supplie, ne m'en voulez pas, ne vous fâchez pas contre moi: car vous me feriez une peine cruelle, et je ne mérite pas par mes sentiments bien de coeur que je vous porte et par la reconnaissance bien sincère, dont je suis rempli pour les éminens services que vous avez rendus et que vous rendez dans ce moment". *)

---

*) Вотъ, дорогой князь, что̀ я долженъ отвѣчать вамъ черезъ Коханова. Боюсь, что вы будете недовольны тѣмъ, что̀ я вамъ скажу; но увѣряю васъ, мнѣ крайне тяжело, что я не могу быть съ вами одного мнѣнія и не въ состояніи исполнить то, о чемъ вы меня просите. Вы однако слишкомъ справедливы, чтобы не признать важность обязанностей въ моемъ положеніи и осторожности, съ которою я долженъ поступать на всѣхъ пунктахъ нашего театра военныхъ дѣйствій, и со всѣми начальниками различныхъ отрядовъ. Вы знаете, какъ я люблю отдавать вамъ во всемъ справедливость, и какъ удивляюсь всему, что̀ вы совершаете и что̀ свершите еще для славы нашего оружія и для великой цѣли умиротворенія, которую мы имѣемъ въ виду; но поставьте себя на мое мѣсто и разсудите, что, какъ бы ни было важно то командованіе, которое довѣрено вамъ и гдѣ вы стяжали себѣ столько уваженія и удивленія всѣхъ войскъ Кавказа и, можно сказать, всей Россіи,—я все таки не могу пренебрегать и забывать другіе пункты, гдѣ намъ приходится иногда дѣйствовать какъ наступательно, такъ и оборонительно и гдѣ все ложится на мою личную отвѣтственность.

Здѣсь, вы это знаете лучше кого бы то ни было, недостаточно только одного огнестрѣльнаго оружія, потому что необходимо удерживать и управлять во многихъ пунктахъ разными племенами, а чтобы держать ихъ въ рукахъ, нужно располагать достаточными средствами и быть всегда готовымъ дѣйствовать. Непріятель ослабленъ; но онъ стоитъ еще на центральной позиціи, и какъ только мы обнаружимъ слабое мѣсто, онъ найдетъ возможность туда проскользнуть, и тогда, можетъ быть, мы понесемъ большую потерю, могущую подорвать плоды восьмилѣтнихъ постоянныхъ трудовъ, бывшихъ, благодаря Бога, до сихъ поръ для насъ удачными. Никто не можетъ и не долженъ знать всего этого лучше васъ, дорогой князь. Ваше блестящее служебное поприще, которое вы должны пройти до конца, слава, къ которой вы еще стремитесь и которая не можетъ со временемъ не увеличиться, все это должно располагать васъ подумать о *цѣломъ* нашихъ обязанностей и скорѣе о всемъ дѣлѣ вообще, чѣмъ объ интересахъ и успѣхахъ одного пункта, какъ бы они важны и заманчивы ни были. Въ данную минуту этотъ пунктъ васъ занимаетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе; но вѣдь вы стоите уже на хорошей дорогѣ и вамъ, по обязанности службы, скоро придется болѣе приказывать, чѣмъ исполнять. Въ вашемъ распоряженіи будутъ большія командованія, и я *увѣренъ, что мой настоящій постъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ вашимъ и, можетъ быть, скорѣе чѣмъ въ настоящую минуту обстоятельства позволяютъ это предвидѣть.* Подумайте объ этомъ и не обезкураживайте себя невѣрными разсчетами, что вы могли бы многое сдѣлать въ Чечнѣ, если бы вамъ дали нѣсколько батальоновъ болѣе.

Въ заключеніе письма князь Воронцовъ говоритъ: „Кохановъ горячо раздѣляетъ ваши взгляды и интересы вашего настоящаго дѣла. Онъ имѣлъ со мною совѣщаніе, три раза возобновляемое, подробности котораго онъ сообщитъ вамъ и увѣритъ васъ, какъ, мнѣ показалось, я его увѣрилъ, что только одна полная невозможность мѣшаетъ мнѣ исполнить ваше желаніе и дать вамъ подкрѣпленіе. Онъ передастъ вамъ, что, по моему мнѣнію, если бы вы не просили у Аргутинскаго 4-хъ батальоновъ, то можно бы было какъ нибудь устроить и дать одинъ на нѣсколько недѣль. Если вы уговорите его на это, то я буду очень радъ, но дать ему предписаніе я положительно не могу; онъ будетъ знать, что если обстоятельства позволятъ ему это сдѣлать, я буду этимъ очень доволенъ и признателенъ ему. Кохановъ передастъ вамъ обо всемъ, что́, по моему мнѣнію, вамъ останется еще сдѣлать на Мичикѣ; но здѣсь, какъ и всегда, я предоставляю все на ваше полное усмотрѣніе и лишь повторяю вамъ, что только овладѣвъ Мичикомъ и проложеніемъ большой просѣки мы достигли нашей великой цѣли, которая, какъ вы знаете, была давно уже единственнымъ моимъ стремленіемъ“.

„Прощайте, дорогой князь; сердечно обнимаю васъ и еще разъ заклинаю не обезкураживать себя; бросьте думать, что вы сдѣлали слишкомъ мало; вѣдь только при извѣстныхъ условіяхъ и можно было бы сдѣлать больше“.

Слѣдующее письмо отъ 17-го Марта опять привожу къ подлинникѣ:

Tiflis, 17 mars 1853.

Je n'ai jamais été plus étonné, ni plus affligé, et cependant cela m'est arrivé souvent dans ma longue carrière, qu'en recevant, cher prince, votre lettre par Ermoloff *). Vous voulez nous quitter, et cela par la raison, dites-vous, que vous avez remarqué par le papier que vous a envoyé le g-al Wolff par mon ordre

---

Умоляю васъ, не сердитесь на меня: это было бы мнѣ слишкомъ тяжело, и я не заслуживаю этого по тѣмъ чувствамъ, которыя я питаю къ вамъ, и по той признательности, которою мое сердце наполнено за всѣ ваши высокія заслуги, въ прошломъ и настоящемъ.

*) Клавдій Алексѣевичъ, бывшій адъютантомъ у князя Воронцова.

que je n'ai plus de confiance en vous, et c'est vous qui dites cela, vous, à qui j'ai constamment montré plus de confiance, qu'à qui que ce soit des généraux commandants des détachements; vous que j'ai toujours aimé et que j'aime plus que tous les autres, et cela, non seulement par les sentiments personnels que je vous porte depuis longtems, mais par la reconnaissance véritable et sincère que je vous dois pour la manière plus que distinguée, dont vous avez servi ces dernières années, et pour toutes les choses si belles et si utiles que vous avez faites depuis que vous êtes au flanc gauche. Je vous assure que je n'y entends rien et que je ne conçois pas qu'est-ce qui a pu vous changer si soudainement et si complétement à mon égard, et ce qui vous fait voir si faussement les sentiments que je vous porte, et que je vous porte, comme je l'ai dit plus haut, non seulement de coeur, mais aussi par devoir pour les éminents services que vous avez rendus à la cause qui nous occupe tous ici. J'ai devant moi le brouillon du papier de Wolff, dont vous vous plaignez; je l'ai lu et rélu hier et je ne puis concevoir comment vous avez pu y trouver la confirmation de cette perte de confiance que je ne reconnais pas: car non seulement j'ai toujours la même confiance en vous, mais elle est encore augmentée par tout ce que vous avez fait dans l'expédition d'hiver qui vient de finir si heureusement et qui est la première de toutes celles que nous faisons depuis 1845, dans laquelle nous avons obtenus de grands résultats sans presque aucune perte de sang de nos braves soldats. Que vous soyez mécontent de moi, parce que je n'ai pas crû pouvoir remettre à un autre temps l'expédition de Wrewsky, et que je n'ai pu vous soutenir dans une demande de troupes au prince Argoutinsky, qu'il lui était impossible de vous envoyer, je puis le concevoir, quelque injuste que me paraisse ce mécontentement; mais que ce soit là un manque de confiance de ma part envers vous directement, je vous l'avoue, je ne puis le concevoir. Je ne puis concevoir aussi comment vous pouvez vouloir quitter, sans raison, la belle position que vous occupez ici dans le moment le plus vital sous le point de vue et militaire et administratif, dans le pays et avec les troupes et les populations qui vous sont confiées. Cela me paraît un mystère tout-à-fait inexplicable, qui ne

peut se débrouiller que quand nous en aurons parlé avec vous à coeur ouvert et verbalement. Je ne puis qu'espérer que vous reviendrez sur votre intention actuelle et que vous me rendrez personnellement, quant à mes sentiments pour vous, la justice que je sens que vous me devez. Mais pour cela il faut que nous nous voyons, et cela au plus tôt et puisque, d'après la phrase si cruelle pour moi dans votre lettre, que vous voudriez me voir avant de quitter le Caucase, vous avez vous-même l'intention de venir à Tiflis, je vous supplie de le faire au plus tôt, et sans perdre un seul jour, dès que vous verrez que vous pouvez faire ce voyage sans détriment, ni danger pour le poste auquel vous pourrez revenir dans une dixaine de jours. De grâce, cher prince, venez tout de suite: ne me laissez pas dans la douloureuse incertitude, dans laquelle votre lettre m'a plongé et, ne fut-ce que pour l'amitié, dont vous m'avez donné tant de preuves, n'augmentez pas, en différant le moment de votre arrivée ici, les soucis, dont je suis déjà entouré dans ma position et que votre lettre a si fortement et si injustement augmenté pour moi. Je vous envoie un exprès pour avoir plus vite votre réponse et j'espère avoir la nouvelle que vous consentez à vous mettre tout de suite en route. Je n'en dirai pas davantage aujourd'hui, et je ne le puis, car j'ai le coeur trop plein, et ce n'est pas par écrit qu'on peut s'expliquer d'une manière satisfaisante sur un mystère si difficile à éclaircir. Arrivez donc, cher prince, et le plus tôt que vous pourrez, tout de suite si vous le trouvez possible; il me tarde de vous voir, de vous embrasser et de m'expliquer avec vous à coeur ouvert. Soyez sûr, en attendant, des sentiments que je vous porte, que je vous ai toujours portés, et que je vous porterai même encore toujours et quand même *).

---

*) Я никогда не былъ такъ удивленъ и опечаленъ, несмотря на то, что со мною это часто случалось въ теченіе моей долгой службы, какъ послѣ полученія вашего письма черезъ Ермолова. Вы хотите покинуть насъ, потому что я не имѣю, какъ вы говорите, болѣе довѣрія къ вамъ, что̀ вы замѣтили изъ бумаги, которую, по моему приказанію, вы получили отъ генерала Вольфа. И это говорите вы, которому я всегда оказывалъ больше довѣрія, чѣмъ кому-либо другому изъ генераловъ, командующихъ отрядами; вы, котораго я всегда любилъ и люблю болѣе всѣхъ другихъ и не только по личному чувству, но и по искренней призна-

Изъ писемъ князя Воронцова, особенно изъ послѣдняго, можно видѣть, до какой степени онъ цѣнилъ заслуги князя Барятинскаго, какое значеніе для будущаго придавалъ ему и какъ искренно обезпокоился опасеніемъ, что Александръ

тельности за вашу службу послѣднихъ лѣтъ и за все, что вы сдѣлали полезнаго и хорошаго съ начала вашего присутствія на Лѣвомъ флангѣ. Увѣряю васъ, что я здѣсь ничего не могу понять и недоумѣваю, что могло такъ внезапно васъ измѣнить и заставить видѣть въ ложномъ свѣтѣ чувства, которыя я питаю къ вамъ, не только по сердцу, но, какъ я сказалъ уже выше, по признательности за блестящія услуги, оказанныя вами въ дѣлѣ, интересующемъ здѣсь всѣхъ насъ. Черновая бумага Вольфа, на которую вы жалуетесь, передо мною; вчера я ее читалъ и перечитывалъ; не могу понять, что вы могли найти тамъ, какъ доказательство потери моего довѣрія къ вамъ: не могу этого понять, потому что я не только питаю къ вамъ все тоже довѣріе, но оно еще увеличилось, послѣ всего, что вы сдѣлали въ зимней экспедиціи, которая такъ счастливо окончена теперь и которая послѣ 1845 года первая, гдѣ мы достигли громадныхъ результатовъ, почти безъ пролитія крови нашихъ храбрыхъ солдатъ. Если вы не довольны мною за то, что я не могъ отложить экспедицію Вревскаго до другаго времени и поддержать вашу просьбу къ Аргутинскому о присылкѣ вамъ 4-хъ батальоновъ, необходимыхъ ему самому, то я могу еще видѣть нѣкоторую справедливость вашего неудовольствія; но чтобы это было отсутствіемъ моего довѣрія къ вамъ лично, то, признаюсь, не могу этого понять. Не могу также сообразить, какъ вы хотите покинуть безъ причины прекрасное положеніе, которое вы занимаете, покинуть въ самый важный, живой моментъ—какъ съ точки зрѣнія военной, такъ и управленія страной, войскомъ, народомъ, вамъ довѣренными! Все это мнѣ кажется тайной, которую не возможно разобрать иначе, какъ поговоривъ съ вами лично и совершенно откровенно. Надѣюсь, что вы откажетесь отъ вашего настоящаго желанія и отдадите мнѣ справедливость въ моихъ личныхъ чувствахъ къ вамъ. Но для этого необходимо намъ увидѣться и какъ можно скорѣе. Судя по вашей жестокой фразѣ, что вы хотѣли бы увидать меня ранѣе, чѣмъ покинуть Кавказъ, я вижу ваше намѣреніе пріѣхать въ Тифлисъ. Прошу васъ сдѣлать это какъ можно скорѣе, не теряя ни одного дня и какъ только вы увидите, что можете предпринять поѣздку безъ всякаго ущерба и опасности для вашего поста, къ которому вы можете возвратиться чрезъ десять дней. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе; не оставляйте меня въ той неизвѣстности, въ которую меня повергло ваше письмо, сдѣлайте это по дружбѣ,—въ ней вы мнѣ уже дали столько доказательствъ. Съ вашимъ пріѣздомъ сюда не увеличивайте заботъ, окружающихъ меня въ моемъ положеніи: ихъ и безъ того прибавилось немало послѣ вашего несправедливаго письма. Посылаю вамъ нарочнаго, чтобы скорѣе получить отвѣтъ. Болѣе ничего не буду писать сегодня, да и не могу, потому что сердце мое полно, и письменно невозможно удовлетворительно высказаться и уяснить эту трудную загадку. Пріѣзжайте, дорогой князь, какъ можно скорѣе, и если можно сейчасъ же; мнѣ хочется васъ видѣть, обнять васъ и откровенно объясниться съ вами. Будьте увѣрены въ моихъ чувствахъ, которыя я всегда питалъ къ вамъ, питаю и буду питать, что бы ни случилось.

Ивановичъ оставитъ службу на Кавказѣ. Взгляды такого опытнаго государственнаго человѣка, какимъ, при нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ у всякаго слабостяхъ, несомнѣнно былъ князь Михаилъ Семеновичъ, нельзя не считать дѣйствительно серьезной оцѣнкой достоинствъ, а не послѣдствіями лишь извѣстныхъ отношеній и частнаго, дружескаго расположенія. Но, при этомъ, все же проглядываетъ и нѣкоторое недовѣріе къ серьезности мотивовъ, на которыхъ основывались требованія князя Барятинскаго объ усиленіи его войсками, послѣ занятія Мичика и достиженія, повидимому, цѣли, составлявшей задачу зимней экспедиціи 1853 года. Въ этомъ отношеніи, однако, старый главнокомандующій не вполнѣ оцѣнивалъ настойчивость князя Барятинскаго.

Княземъ Барятинскимъ тогда уже было сознано, что *безпрерывность* дѣйствій противъ горцевъ представляетъ лучшее, чуть ли не единственное средство къ ихъ покоренію; что только при условіи этой безпрерывности можно достигнуть ихъ нравственнаго и матеріальнаго истощенія и окончанія Кавказской войны: но практиковавшіяся до того времени, такъ называвшіяся экспедиціи, прекращаясь послѣ достиженія назначенной цѣли, и то не всегда вполнѣ успѣшно, послѣ опредѣленнаго для нихъ краткаго срока, давали непокорному населенію время и возможность отдохнуть, оправиться, исполнить всѣ хозяйственныя работы и быть готовыми къ новому упорному сопротивленію, а Шамилю придумывать новыя мѣры для борьбы, мѣры, хотя большею частью безрезультатныя, но поддерживавшія въ населеніи надежды на успѣхъ и извѣстное обаяніе силы и власти Имама.

Такая система дѣйствій могла продлить Кавказскую войну на неопредѣленно-долгое время. Князь Барятинскій находилъ необходимымъ положить начало ея отмѣнѣ и продлить экспедицію въ Чечнѣ далѣе назначеннаго ей срока; для этого-то онъ и требовалъ такъ настойчиво усиленія его отряда войсками другихъ сосѣднихъ раіоновъ. Къ этому же плану слѣдуетъ отнести и введенныя имъ движенія лѣтомъ, для уничтоженія посѣвовъ въ Чечнѣ, что́ до него пытался дѣлать только генералъ Фрейтагъ.

Основательность требованія князя Барятинскаго не подлежитъ никакому спору, хотя, очень можетъ быть, онъ недостаточно подробно мотивировалъ его; но князь Воронцовъ, высоко цѣня заслуги командующаго войсками въ Дагестанѣ князя Аргутинскаго и зная его строптивый характеръ, стѣснялся прямо противорѣчить ему; баронъ же Вревскій, начальникъ Владикавказскаго округа, нашелъ горячаго заступника въ лицѣ исправлявшаго должность начальника штаба (послѣ отъѣзда П. Е. Коцебу) генерала Вольфа. Это былъ человѣкъ умный, ученый теоретикъ, холодный и равнодушный, питавшій однако пристрастную дружбу къ Вревскому, человѣку свѣтскому, умѣвшему располагать къ себѣ нужныхъ людей, а быть можетъ отчасти и потому, что Вревскій, подобно Вольфу, былъ офицеръ генеральнаго штаба. Вольфъ еще 19-го Января представлялъ главнокомандующему особый докладъ, въ которомъ настаивалъ на строгомъ исполненіи ранѣе утвержденныхъ предположеній, вслѣдствіе коихъ войска, взятыя изъ Владикавказа должны были непремѣнно 15-го Марта быть возвращены туда. На этомъ докладѣ князь Воронцовъ надписалъ: „одобряя эту записку, посылаю оную князю Александру Ивановичу“.

Бумага эта послужила главнымъ основаніемъ перемѣнъ въ служебномъ положеніи дѣйствующихъ лицъ.

Поставленный въ затруднительное положеніе этимъ столкновеніемъ, князь Воронцовъ, кромѣ писемъ такого дружески-убѣдительнаго содержанія, быть можетъ съ цѣлью выиграть время, возложилъ на состоявшаго при немъ ротмистра Лорисъ-Меликова дипломатическое порученіе: повести между княземъ Аргутинскимъ, Вревскимъ и кн. Александромъ Ивановичемъ примирительные переговоры.

Эта попытка осталась безъ всякаго результата и только породила нерасположеніе князя Барятинскаго къ Лорисъ-Меликову, дѣйствія котораго показались кн. Александру Ивановичу не вполнѣ искренними или несоотвѣтствовавшими его собственнымъ словамъ. Батальоны изъ Дагестана и Владикавказскаго округа были отправлены въ свои мѣста, экспедиція должна была прекратиться, собственно говоря, недоконченная въ важнѣйшей своей цѣли, именно вырубкѣ пресловутаго

Маюртупскаго орѣшника, оставшагося твердымъ оплотомъ Чечни со стороны Мичика, овладѣніе которымъ, такимъ образомъ, лишалось половины своего значенія, тѣмъ болѣе, что мы не оставили переправы въ нашихъ рукахъ.

Князь Барятинскій былъ въ отчаяніи. Особенно возмущало его поведеніе Вольфа, съ которымъ онъ до того былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и даже, во время пріѣздовъ въ Тифлисъ, останавливался у него. Особыхъ симпатій между ними, конечно, существовать не могло: это были слишкомъ разнородные люди, чтобы прочно сблизиться: но и для противодѣйствія, казалось, не было поводовъ. Здѣсь кстати привести случай, самъ по себѣ мелкій, но характеризующій обоихъ.

Николай Ивановичъ Вольфъ любилъ играть въ комерческія игры, игралъ хорошо и по сравнительно большой; по вечерамъ у него собиралась партія такихъ же серьезныхъ игроковъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ князя Барятинскаго, остановившагося у Вольфа, ему предложили принять участіе въ игрѣ. Онъ согласился не потому, чтобы любилъ игру, а чтобы не отказываться когда приглашаютъ; къ тому же онъ игралъ невѣроятно дурно, безъ вниманія; онъ даже не понялъ, по какой цѣнѣ играютъ... Ему вскорѣ разъ-другой замѣтили, и не безъ досады, что онъ играетъ не такъ какъ слѣдуетъ, играетъ безъ вниманія: но это не помогало по очень простой причинѣ: онъ не умѣлъ лучше играть. Между тѣмъ партнёры, особенно Вольфъ, которымъ казалось непонятнымъ, чтобы человѣкъ здраваго ума могъ играть такъ дурно, сочли поведеніе князя Барятинскаго оскорбительнымъ: имъ показалось, что онъ импонируетъ имъ своимъ барствомъ, пренебрегая крупнымъ проигрышемъ. Кончилось тѣмъ, что встали, не доигравъ партіи...

Князь разсказывалъ объ этомъ случаѣ шутя, какъ о забавномъ анекдотѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, что Вольфъ вынесъ совсѣмъ иное, недоброжелательное впечатлѣніе.

Какъ бы то ни было, между Вольфомъ и княземъ Барятинскимъ отношенія постепенно ухудшались, и князь наконецъ счелъ невозможнымъ при такихъ условіяхъ командовать Лѣвымъ флангомъ, даже не взирая на дружески-убѣди-

тельное письмо князя Михаила Семеновича. Онъ сдалъ должность, пріѣхалъ въ Боржомъ, гдѣ тогда находился главнокомандующій, и объявилъ, что служить съ Вольфомъ не можетъ.

Князь Воронцовъ былъ поставленъ въ необходимость выбирать между Вольфомъ и княземъ Барятинскимъ. Всѣ ожидали съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ кончится дѣло. Толкамъ не было конца; не обходилось и безъ интригъ, хотя ни одинъ изъ двухъ главныхъ заинтересованныхъ лицъ въ этихъ интригахъ участія не принималъ.

Князь Воронцовъ все медлилъ рѣшеніемъ, и вопросъ оставался въ неопредѣленномъ положеніи. Главнокомандующій цѣнилъ достоинства, хотя и совершенно различныя, князя Барятинскаго и Вольфа и вѣроятно дорожилъ обоими. Однако постепенно стало замѣтно, что онъ къ Вольфу становился все менѣе и менѣе благосклоннымъ, наконецъ даже рѣзкимъ. Такъ, по возвращеніи въ Тифлисъ, когда Вольфъ прислалъ къ подписи главнокомандующаго благодарственный приказъ князю Григорію Орбеліану за его дѣйствія во время нашествія Шамиля на Лезгинскую линію, князь Воронцовъ, прочитавъ приказъ и находя его несоотвѣтствующимъ его указаніямъ, разорвалъ бумагу и въ такомъ видѣ отослалъ ее съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ къ Вольфу. Вольфъ ничего не сказалъ, только сильно покраснѣлъ. Послѣ этого случая сомнѣнія исчезли. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней, князь Воронцовъ заявилъ, что, въ виду готовой вскорѣ вспыхнуть войны съ Турціей, онъ не можетъ имѣть начальникомъ штаба человѣка, который боится сѣсть на лошадь, и что онъ, по этому, сдѣлалъ представленіе о назначеніи на это мѣсто князя Барятинскаго.

Генералъ Вольфъ, какъ уже сказано, былъ человѣкъ умный, способный, съ большими свѣдѣніями, кабинетно-канцелярскій, методически-усердный работникъ; но онъ не обладалъ качествами истинно-*боеваго* человѣка, что́ было замѣчено уже во время Даргинской экспедиціи 1845 года. Важный ли это недостатокъ въ начальникѣ штаба,—вопросъ рѣшеніе котораго можетъ быть различно вообще и особенно въ зависимости отъ взгляда главнокомандующаго, хотя по-

добный недостатокъ въ военномъ человѣкѣ, во всякомъ случаѣ, какъ-то невольно говоритъ не въ его пользу... Князь же Барятинскій, совершенно напротивъ, менѣе всего страдалъ именно этимъ недостаткомъ: ни при какомъ случаѣ страха онъ не чувствовалъ; онъ и страхъ—это что-то въ родѣ огонь и вода. Но изъ всѣхъ возможныхъ должностей, самая неподходящая къ его наклонностямъ, привычкамъ и подготовкѣ была именно должность начальника штаба. Онъ питалъ отвращеніе къ „бумагамъ", терпѣть не могъ письменныхъ занятій, совершенно не зналъ хозяйственной части, подробностей механизма въ управленіи арміею и вообще той сложной канцелярской машины, безъ которой, однако, никакая армія еще не съумѣла обойтись. Его назначеніе было командовать: это была его сфера, его врожденная способность.

Очень быть можетъ, что князь Воронцовъ и сознавалъ это; можетъ быть онъ и предпочиталъ оставить начальникомъ штаба ученаго, кабинетнаго работника Вольфа, еслибы чувствовалъ въ себѣ силы сѣсть за него на коня, когда это потребуется; но ему было тогда уже 72 года, и дряхлость видимо близилась быстрыми шагами; поэтому, въ виду грозившей Кавказу серьезной опасности, уже не говоря о личныхъ симпатіяхъ, выборъ палъ на кн. Барятинскаго, и 5-го Іюля 1853 состоялся приказъ по Кавказской арміи о назначеніи его исправляющимъ должность начальника штаба. Князь впрочемъ самъ былъ нѣсколько смущенъ своимъ новымъ назначеніемъ, хотя на вопросъ одного изъ приближенныхъ: какъ это онъ, врагъ переписокъ и вообще канцелярщины, согласился принять должность начальника штаба,—отвѣчалъ: „Я не буду, подобно Вольфу и отчасти Коцебу, заниматься разстановкою точекъ и запятыхъ: мое дѣло отдать приказаніе и наблюсти, чтобы въ точности и быстро было исполнено, а формальности должны знать штабные чиновники".

Генералу Вольфу было оказано все возможное, чтобы „позолотить пилюлю". Онъ подалъ рапортъ о болѣзни и отпускѣ, былъ написанъ приказъ о сожалѣніи по поводу его отъѣзда, ему выдали впередъ содержаніе и т. п. 6 Іюля № 196 князь Воронцовъ писалъ военному министру, что жалѣетъ о

болѣзни г. Вольфа и проситъ объ утвержденіи князя Барятинскаго, „какъ знающаго подробно Кавказъ, знакомаго съ его службою и обладающаго всѣми условіями для этого важнаго поста". 19 Іюля послѣдовалъ Высочайшій приказъ, подтверждавшій окончательное увольненіе генерала Коцебу и порученіе исправлять должность князю Барятинскому. По этому поводу Коцебу писалъ ему между прочимъ (письмо отъ 10-го Августа изъ Бухареста): L'ordre du jour du 19 juillet m'apprit à la fois mon rappel du Caucase et votre nomination à mon poste. J'y étais préparé par une lettre du pr. Worontsoff et je vis donc avec plaisir se réaliser l'inspiration, qui me vint un jour à Tiflis en causant avec vous sur le cas éventuel de mon remplacement. Recevez mes sincères félicitations, cher prince, et soyez persuadé que personne plus que moi ne s'est réjoui de votre nomination, et cela, tout égoïsme de côté, rien que pour l'avantage du service et pour le repos de votre digne chef, auquel vous avez rendu la santé par votre prompte entrée en fonctions. Maintenant je vous souhaite de tout mon coeur santé et forces pour supporter les fatigues d'une existence de travail continuel et pour vous rendre aussi utile à votre nouveau poste, que vous l'étiez à celui que vous venez de quitter [1]).

Однако прошло три съ половиною мѣсяца, а полное утвержденіе въ должности не приходило. Очевидно въ Петербургѣ, гдѣ вообще представленія кн. Воронцова пользовались особымъ вниманіемъ, на этотъ разъ нашли поводъ медлить. Вѣроятно отступленіе отъ традиціоннаго обычая назначать

---

[1]) Приказъ отъ 19 Іюля извѣстилъ меня одновременно о моемъ отозваніи съ Кавказа и о вашемъ назначеніи на мое мѣсто. Я былъ приготовленъ къ этому письмомъ кн. Воронцова и вижу съ большою радостью исполненіе моего предчувствія, которое я высказалъ въ Тифлисѣ во время разговора съ вами на счетъ замѣщенія меня въ случаѣ моего выбытія. Примите мои искреннія поздравленія и будьте увѣрены, что никто не обрадовался такъ вашему назначенію какъ я, и это не по личному лишь расположенію, а въ интересахъ службы и ради спокойствія вашего достойнаго начальника, которому вы возвратили здоровье скорымъ вступленіемъ въ отправленіе вашихъ обязанностей. За тѣмъ желаю вамъ сердечно здоровья и силъ, чтобы переносить постоянные труды и быть столько же полезнымъ на вашемъ новомъ мѣстѣ, сколько вы были на только что оставленномъ.

на должности начальниковъ штаба исключительно офицеровъ генеральнаго штаба, а можетъ быть и опасеніе, чтобы слишкомъ пылкій начальникъ штаба не увлекъ стараго главнокомандующаго въ рискованныя предпріятія, заставили Петербургъ задумываться.

Поэтому князь Воронцовъ нашелся вынужденнымъ (24 Сентября № 471) вторично писать военному министру: „Способности князя Барятинскаго для этой важной и трудной обязанности были уже извѣстны мнѣ, когда я представлялъ объ его назначеніи; теперь, при событіяхъ Турецкихъ, онъ далъ мнѣ новое удостовѣреніе, что вполнѣ обладаетъ достоинствами сего званія. Его трудами и дѣятельностью, при обширныхъ заботахъ по управленію дѣлами корпуса, исполнены быстро и основательно всѣ мои указанія по сформированію и обезпеченію дѣйствующихъ войскъ на границѣ, также по разнымъ другимъ предметамъ, относящимся какъ до войскъ, такъ и по приведенію въ оборонительное положеніе пограничныхъ крѣпостей и укрѣпленій. На семъ основаніи покорно прошу исходатайствовать утвержденіе князя Барятинскаго въ должности начальника главнаго штаба“.

Послѣ этого, наконецъ, 9 Октября состоялся Высочайшій приказъ, утверждавшій князя Александра Ивановича въ этой должности.

Въ служебной дѣятельности князя Барятинскаго наступилъ рѣзкій переворотъ. Обязанности его особенно расширялись возникавшею войною, которая вызывала совершенно особыя положенія въ общемъ ходѣ Кавказскихъ дѣлъ.

Глава XIX.

(1853—1854).

Возгорѣвшаяся Восточная война.—Очеркъ положенія нашего на Кавказѣ.—Переписка съ княземъ Воронцовымъ.—Командированіе на границу.—Сцена съ княземъ Мирскимъ.—Движеніе съ отрядомъ и возвращеніе въ Александрополь.—Неудачное столкновеніе казаковъ съ Турецкою конницею.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Письмо А. П. Ермолова.

О политическомъ положеніи Европы и о причинахъ, вызвавшихъ кровопролитную войну 1853—1856 г. не только съ Турціею, но и съ коалиціею всей Европы, я здѣсь говорить не буду. Восточная, или, какъ ее называютъ, Крымская война имѣетъ уже цѣлую литературу; всего подробнѣе она описана покойнымъ генераломъ М. И. Богдановичемъ, къ исторіи котораго (изд. 1876 г. 4 тома) и отсылаю любознательныхъ читателей. Ограничусь краткимъ изложеніемъ положенія нашего на Кавказѣ въ этотъ періодъ надвигавшейся грозы, чтобы яснѣе видны были предстоявшія Кавказскому начальству заботы.

Борьба съ непокорными горцами была въ полномъ разгарѣ. На Восточномъ Кавказѣ были одержаны нѣкоторые успѣхи въ Чечнѣ, отчасти ослабившіе Шамиля, но не лишившіе его еще власти и обаянія среди массы непокорнаго населенія; наши укрѣпленія и кордоны тоже еще не были выдвинуты на такіе пункты, которые могли бы удерживать населеніе плоскости, не говоря о горахъ, въ должномъ спокойствіи; прорывы непріятельскихъ партій, при малѣйшей оплошности или ослабленіи войскъ на какомъ нибудь пунктѣ, вовсе не были устранены; а при малѣйшемъ успѣхѣ Шамиля и все покорное населеніе могло возстать, какъ это уже бывало и прежде.

Въ Дагестанѣ (Прикаспійскомъ краѣ) за послѣднія нѣсколько лѣтъ мы держались оборонительнаго образа дѣйствій, успѣшно ограждая наши предѣлы отъ непріятельскихъ вторженій, или подавляя вспышки частныхъ возстаній; но въ подвластныя

Шамилю мѣстности мы, по прежнему, уже не вторгались, что облегчало ему управленіе горцами и собираніе ихъ для военныхъ предпріятій.

Со стороны Грузіи (Лезгинская кордонная линія) образъ нашихъ дѣйствій, уже по самому свойству мѣстности, былъ чисто-оборонительный, тѣмъ болѣе, что близость мусульманскаго населенія Закавказья вызывала къ особой осторожности, а Шамилю съ этой стороны представлялась ближайшая возможность прорываться въ самыя важныя для насъ мѣстности, прилегающія къ Тифлису.

На западномъ Кавказѣ мы были еще гораздо дальше отъ окончанія борьбы. Укрѣпленія наши на Восточномъ берегу Чернаго моря не приносили почти никакой пользы, подвергались гибели въ случаѣ одновременной атаки съ суши Черкесами и съ моря непріятельскимъ флотомъ; въ нихъ напрасно были заперты нѣсколько тысячъ войскъ, подвергавшихся жестокимъ болѣзнямъ и лишеніямъ. Съ сѣверной стороны мы занимали линію по Кубани и Лабѣ, защищая свои предѣлы отъ нападенія Черкескихъ наѣздниковъ, а впереди этихъ линій имѣли два-три мало обезпеченныхъ укрѣпленія. Полумиліонное Черкеское населеніе оставалось внѣ всякой отъ насъ зависимости, и даже мысль о возможности быть покоренными въ голову имъ не приходила.

На границѣ съ Турціею и Персіею (ее тоже нельзя было упускать изъ вида), на огромномъ пространствѣ отъ береговъ Чернаго почти до Каспійскаго моря, у насъ было лишь нѣсколько линейныхъ батальоновъ, составлявшихъ гарнизоны крѣпостей, и нѣсколько Донскихъ казачьихъ полковъ на кордонныхъ постахъ.

Что же касается внутренняго положенія Кавказскаго края въ то время, приходится обозначить его усиленно-сомнительнымъ; потому что, кромѣ обычнаго нерасположенія мусульманскаго населенія къ Русской власти, война съ Турками, султанъ которыхъ есть калифъ всѣхъ Суннитовъ, вызываетъ чувства симпатіи къ нашему противнику и затаенное желаніе оказать ему содѣйствіе. Особенною опасностью угрожало подобное настроеніе въ тѣ времена, когда въ горахъ владычествовалъ Шамиль, окруженный ореоломъ славнаго

и могущественнаго Имама, хранителя чистаго исламизма. Турецкіе эмисары, съ агентами Шамиля, могли расчитывать на успѣхъ пропаганды, особенно при какой нибудь нашей неудачѣ; легкомысліе Кавказскаго населенія—весьма благодатная почва для подобной дѣятельности.

При такомъ положеніи нашемъ на Кавказѣ, мы не могли собрать достаточно войскъ для дѣйствій противъ Турокъ въ полѣ. Князь Воронцовъ доносилъ Государю, что можетъ выставить не болѣе 4-хъ батальоновъ и просилъ прислать изъ Россіи 16 батальоновъ. Конечно, указанная цыфра 4-хъ батальоновъ для дѣйствій была уже слишкомъ уменьшена (ее можно было смѣло удвоить); но и въ такомъ случаѣ, что̀ значило 8 или даже 10 батальоновъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Турокъ, которые могли выставить не менѣе 40-50 тысячъ войска, кромѣ массы Курдовъ и другаго сброда, не страшнаго въ сраженіи, но способнаго распространить грабежъ и ужасъ среди христіянскаго и волненіе среди мусульманскаго населенія края?

Требованіе подкрѣпленія въ 16 батальоновъ было не только вполнѣ основательнымъ, но даже скромнымъ. Къ сожалѣнію, рѣшеніе вопроса объ отправленіи 13-й пѣхотной дивизіи съ ея артилеріею изъ Севастополя за Кавказъ встрѣчало сначала несогласіе Государя, затѣмъ затянулось въ продолжительной перепискѣ, и дивизія прибыла лишь осенью, когда дожди дѣлаютъ дороги, особенно въ приморскомъ краѣ и Имеретіи, едва проходимыми. (Къ этому времени относится переписка кн. Барятинскаго съ кн. Меншиковымъ и адмираломъ Корниловымъ. Письма ихъ см. въ Приложеніи).

Удивительно, какъ у насъ повторяются однѣ и тѣже ошибки. При началѣ каждой войны, мы все какъ бы не рѣшаемся развернуть наши силы, надѣемся обойтись малою частью арміи, не признаёмъ опасности гдѣ она дѣйствительно есть, и затѣмъ уже, когда потеряно много самаго удобнаго времени, когда понесены напрасныя потери и испытаны неудачи, начинаемъ съ поспѣшностью выдвигать корпуса за корпусами, движеніе которыхъ по нашимъ ужаснымъ путямъ сообщенія, въ слякоть, обходится дороже проигранныхъ сраженій.

Такъ было и въ 1853 году. Обстоятельства приняли такой оборотъ, что пришлось отправить за Кавказъ не только 13-ю, но и 18-ю пѣхотную дивизію изъ Москвы и резервную Кавказскаго корпуса изъ Таганрога, два драгунскихъ и 6 Донскихъ казачьихъ полковъ. Было приказано даже и 17-ю дивизію двинуть туда же; но послѣ ее повернули въ Крымъ. Но пока рѣшенія отправить эти подкрѣпленія за Кавказъ еще не послѣдовало, наконецъ, пока онѣ двигались, совершая двухтысячеверстный маршъ по грунтовымъ дорогамъ осенью, положеніе на Кавказѣ было серьезно и не могло не возбуждать опасеній. Главнокомандующій, кн. Воронцовъ, не сочувствовавшій политикѣ Государя въ возникшемъ спорѣ о свмѣстахъ и особенно въ дальнѣйшихъ усложненіяхъ, имѣвшихъ неминуемо привести къ столкновеніямъ съ Западными державами, не вѣрившій сначала даже въ рѣшимость Государя доводить дѣло до войны, былъ къ тому же въ описываемый періодъ времени уже старикъ, ослабѣвшій физически, отчасти и нравственно. Тяжесть работы, при наступившихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, очевидно должна была пасть на начальника штаба.

Князь Воронцовъ проводилъ лѣто 1853 года въ Боржомѣ, а князь Барятинскій оставался вблизи Тифлиса, въ Коджорахъ. Почти каждый день они пересылались письмами. Привожу здѣсь письма главнокомандующаго; писемъ же князя Барятинскаго за это время я не нашелъ.

Отъ 12 Іюля:

„Посылаю вамъ оффиціально бумаги Серебрякова [1]) съ моими на нихъ замѣтками, и частное письмо, полученное мною вчера отъ Меншикова. Вы увидите изъ него, что́ Бруновъ пишетъ Горчакову, относительно тѣхъ миролюбивыхъ взглядовъ, съ которыми Англія и Франція относятся къ занятію княжествъ. Я нахожу пока эти извѣстія весьма хорошими; но посмотримъ еще, какъ отнесутся къ этому Турки и что́ рѣшитъ Государь.

„Что касается до Серебрякона, то мнѣ кажется, что все о чемъ онъ пишетъ, крайне разумно; только онъ ошибается

---

[1]) Вице-адмиралъ, начальникъ Черноморской береговой линіи.

относительно возможности предоставить ему начальствованіе надъ 13-ю дивизіею и ея дѣйствіями, если она прибудетъ къ намъ. Разумѣется, Обручевъ [1]) неспособенъ къ этому дѣлу; съ другой стороны, чтобы эта экспедиція [2]) имѣла успѣхъ наиболѣе полный, необходима помощь Черноморскихъ казаковъ и отчасти войскъ Праваго фланга. Государь отлично рѣшилъ, что главное начальство должно быть поручено Заводовскому, а на случай его болѣзни Реаду. Въ крайнемъ случаѣ, мы можемъ устроить, согласно проектамъ адмирала Серебрякова, чтобы все касающееся знаменитаго треугольника (?) сдѣлалось приблизительно, и чтобы главнымъ образомъ онъ, Серебряковъ, тамъ участвовалъ. Однако незачѣмъ предполагать, чтобы эта диверсія могла осуществиться.

„Странно видѣть, какъ плохо сохраняется тайна въ Петербургѣ относительно тѣхъ предметовъ, которые пересылаются намъ подъ строгимъ секретомъ. Серебряковъ очень удивился, когда, послѣ такого секрета, кн. Меншиковъ вдругъ поручилъ ему получить отъ интенданства всѣ бумаги относительно снабженія провіантомъ 13-й дивизіи. Онъ очень разумно отвѣчалъ имъ, что положительно ничего не зналъ относительно этого дѣла и не понимаетъ задаваемыхъ ему вопросовъ... А между тѣмъ онъ принимаетъ прекрасныя мѣры и испрашиваетъ у насъ инструкціи, чтобы дать имъ ходъ [3]).

„Исторія Колюбякина [4]) съ адмираломъ меня не удивляетъ. Онъ прекрасный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ, храбрый, образованный, преданный, но неисправимый по своему тщеславію и вспыльчивости. Разумѣется, необходимо его устранить оттуда и постараться доставить ему какое нибудь скромное положеніе у насъ. Жду вашихъ извѣстій изъ Тифлиса, и очень хотѣлось бы, чтобы вы нашли возможность пріѣхать къ намъ ранѣе чѣмъ обѣщали.

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ, начальникъ 13-й дивизіи.

[2]) Серебряковъ предлагалъ внезапно захватить Батумъ, Ардаганъ, кажется даже Трапезонтъ, а укрѣпленія наши по берегу моря бросить.

[3]) Очевидно, все это относится къ проекту захватить Батумъ, Трапезонтъ и Ардаганъ и подготовить все къ снятію безъ потерь нашихъ береговыхъ укрѣпленій.

[4]) Николай Петровичъ (немирной), извѣстный своими приключеніями. Умеръ въ Москвѣ сенаторомъ.

„Обнимаю васъ и еще разъ благодарю за вашу дружбу, которую вы доказали мнѣ, принявъ на себя настоящую должность и оказавъ этимъ мнѣ большую услугу“.

Отъ 14-го Іюля:

„Я получилъ ваше письмо отъ третьяго дня и благодарю васъ за сообщенныя извѣстія; но я долженъ признаться, что измѣнилъ свои намѣренія относительно нашихъ консуловъ. Лелли [1]) по всей вѣроятности отправится самъ въ Карсъ, и слѣдовательно намъ нѣтъ надобности въ консулѣ этого города; что же касается до Батумскаго консула, который намъ болѣе всего необходимъ, то у меня нашелся способъ, ускользнувшій отъ меня въ то время когда мы съ вами о немъ бесѣдовали. Гагаринъ [2]), посѣщая Гурію, часто вызывалъ къ себѣ изъ Батума нашего консула; теперь, такъ какъ Гагаринъ въ Гуріи, я отправляю ему курьера, чтобы онъ велѣлъ Батумскому консулу пріѣхать въ Озургеты или Кутаисъ, гдѣ онъ найдетъ мое приглашеніе пріѣхать сюда. Это будетъ гораздо естественнѣе и скорѣе сдѣлано.

„Очень прошу васъ пріѣхать сюда какъ можно скорѣе, ибо въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, намъ необходимо быть вмѣстѣ. Письмо Левина (?) крайне любопытно. Было бы интересно узнать результатъ втораго свиданія Козловскаго съ тѣмъ эмисаромъ, о которомъ онъ говоритъ [3]). Затѣмъ, воззваніе къ Полякамъ и медаль *короля* Адама Чарторижскаго намъ извѣстны съ 1848 года, и въ то время у меня ихъ было нѣсколько экземпляровъ“.

Между тѣмъ забота по обезпеченію Турецкой границы и сосредоточенію хоть сколько-нибудь самостоятельнаго отряда въ Александрополѣ возбуждала лихорадочную дѣятельность. Въ числѣ войскъ, стягивавшихся небольшими частями съ разныхъ концовъ Кавказа, былъ двинутъ и Нижегород-

---

[1]) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лелли былъ правителемъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ Кавказскомъ.

[2]) Князь Александръ Ивановичъ, тогда Кутаисскій военный губернаторъ.

[3]) Очевидно рѣчь идетъ о какомъ-нибудь подосланномъ Турками къ Черкесамъ эмисарѣ, который нашелъ выгоднымъ служить и нашимъ и вашимъ, и явился къ генералу Козловскому, исправлявшему тогда должность командующаго войсками на Кавказской линіи.

скій драгунскій полкъ, стоявшій на Сулакѣ. При распоряженіи о передвиженіи на границу драгунъ, князь Барятинскій, письмомъ отъ 14-го Августа изъ Коджоръ, просилъ разрѣшенія князя Воронцова присоединить къ нимъ и конную артилерію, о которой до того не было рѣчи. Такимъ образомъ, благодаря указанію князя Александра Ивановича, отрядъ получилъ Донскую № 7-й батарею Долотина, которая блистательно участвовала въ первомъ же сраженіи съ Турками подъ Башъ-Кадыкляромъ и оказала неоцѣненныя услуги.

По личному назначенію Государя, командованіе войсками на Азіатско-Турецкой границѣ было возложено на генералъ-лейтенанта князя Бебутова, бывшаго тогда начальникомъ гражданскаго управленія на Кавказѣ. До Октября князь Бебутовъ оставался въ Александрополѣ въ невольномъ бездѣйствіи, потому что война не была еще офиціально объявлена, да и отрядъ его былъ слишкомъ незначителенъ, не только для наступленія, но и для обороны. Подкрѣпленія все еще только ожидались, и какъ ихъ ни торопили, но разстояніе и дороги брали свое. Между тѣмъ Турки придвигались къ границѣ, и массы Курдовъ, баши-бузуковъ, уже стали показываться предъ нашими пограничными Армянскими селами. Въ это время князь Бебутовъ заболѣлъ и пріѣхалъ въ Тифлисъ лечиться, а для его замѣны главнокомандующій былъ вынужденъ командировать на границу князя Барятинскаго.

Вскорѣ послѣ этого, Турки, до офиціальнаго объявленія войны, внезапно атаковавъ наше приморское укрѣпленіе Николаевское, овладѣли имъ, истребивъ двѣ роты линейнаго баталіона и сотню Гурійской милиціи. Получивъ это печальное извѣстіе, старый герой, кн. Воронцовъ, и безъ того уже больной, еще болѣе былъ разстроенъ и ослабленъ, такъ что съ трудомъ могъ заниматься дѣлами. Онъ былъ очевидно надломленъ... Въ довершеніе его огорченія, онъ оставался безъ начальника штаба. До какой степени тяжко было старику это лишеніе, можно видѣть изъ слѣдующихъ его писемъ къ князю Барятинскому въ Александрополь.

Отъ 18-го Октября:

„Пользуюсь отъѣздомъ подполковника Циммермана, чтобы написать вамъ. Ваше отсутствіе замѣчается мною каждый

часъ въ теченіе цѣлаго дня, что́ для меня крайне тяжело. Я хочу положительно или имѣть васъ опять близъ себя, или быть вмѣстѣ съ вами на границѣ. Пошли мнѣ Богъ физической силы осуществить эту послѣднюю надежду. Пока намъ остается только переписываться; но я думаю, что князь Бебутовъ въ состояніи скоро уѣхать и что вы вслѣдъ за этимъ возвратитесь къ намъ.

„Я прочелъ сегодня рапортъ генерала Врангеля [1]) относительно слуховъ о предположеніи Шамиля атаковать его. Я ему отвѣчалъ частнымъ письмомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы имѣли съ вами разговоръ на счетъ защиты Лѣваго фланга. Я повторилъ ему ваше предложеніе относительно казачьихъ сотенъ Гребенскаго и Моздокскаго полковъ и просилъ его быть въ частныхъ сношеніяхъ съ княземъ Аргутинскимъ и Сусловымъ, для защиты Кумыкской плоскости.

„Отъ Гагарина мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Случилось непріятное замедленіе въ переходѣ Бѣлостокскаго полка, благодаря ужасной дорогѣ изъ Квирилы въ Бѣлогорію. Вы помните, я предсказалъ это, и не могу понять, почему Гагаринъ сталъ держаться этого направленія, зная, что одинъ день дождя дѣлаетъ сообщенія на этой станціи почти невозможными.

„Такимъ образомъ мы не будемъ имѣть для Ахалкалакъ защиты, на которую мы эти дни надѣялись, если Шликевичъ [2]), который долженъ завтра или послѣ завтра прибыть, опоздаетъ къ этому времени. Я отсюда не могу вмѣшиваться въ эти распоряженія, и вамъ нужно будетъ озаботиться принять необходимыя мѣры.

„По всей вѣроятности, вы уже видѣли гг. Жаба и Боцо [3]), и они сказали вамъ, что одинъ изъ главныхъ пунктовъ, который Турки хотятъ атаковать, какъ разъ Ахалкалаки. Вы увидите, что́ тамъ нужно будетъ дѣлать. Мнѣ кажется, имъ трудно будетъ повсюду вести наступленіе; самая крѣпость

---

[1]) Баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель, вступившій на мѣсто князя Барятинскаго въ должность начальника 20-й дивизіи и Лѣваго фланга.

[2]) Полковникъ, командиръ одного изъ полковъ.

[3]) Консулы въ Эрзерумѣ и Карсѣ.

Ахалкалаки не можетъ быть въ опасности, и Турки, я надѣюсь, не захотятъ съ этой стороны углубиться въ страну, когда Ковалевскій [1], будучи на ихъ флангѣ, такъ мало удаленъ отъ этого пункта. Полагаю, что Шликевичъ долженъ оставаться тамъ до прихода Бѣлостокскаго полка; но, какъ я уже сказалъ выше, вамъ, находящемуся на мѣстѣ, предоставляется все рѣшить. Назаровъ [2]) пишетъ, что Илико Орбельянъ [3]) соединился съ двумя Мингрельскими ротами, которыя должны были идти изъ Делижана въ Эривань. Вы должны знать, въ чемъ тамъ дѣло. Разумѣется наша первая забота заключается въ томъ, чтобы отрядъ, который находится теперь на Арпачаѣ, былъ усиленъ и могъ устоять противъ сильнаго нападенія; но до прибытія въ Эривань пяти ротъ съ Лезгинской линіи (изъ которыхъ три пришли уже сегодня сюда и выступятъ послѣ завтра), я полагаю необходимымъ, чтобы батальонъ гренадеровъ, который находится у Хрещатицкаго [4]), отправился на подкрѣпленіе гарнизону Эривани, такъ какъ безъ этого сама крѣпость находится въ опасности. Дай Богъ, чтобы Турки подождали 10—12 дней начинать кампанію. Ихъ настоящее бездѣйствіе и затѣмъ все, чтó мы читали въ послѣднихъ извѣстіяхъ изъ Константинополя и въ полученной нами вчера послѣдней газетѣ, заставляетъ предполагать, что дѣло стоитъ еще за переговорами, и если они ведутся для того, чтобы намъ выиграть нѣкоторое время, то разумѣется это будетъ намъ очень кстати. Жду съ нетерпѣніемъ вашихъ извѣстій изъ Александрополя и прошу васъ не щадить почтовыхъ лошадей и курьеровъ каждый разъ, когда будетъ у васъ что-нибудь интересное мнѣ сообщить. Мы съ женою молимъ Бога за васъ. Благословляю и цѣлую васъ самымъ сердечнымъ образомъ“.

Отъ 19-го Октября:

„Когда я писалъ вамъ вчера, то не зналъ еще ничего объ извѣстіяхъ, полученныхъ мною вечеромъ. Турки начали

---

[1]) Петръ Петровичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ 13-й дивизіи.

[2]) Эриванскій губернаторъ.

[3]) Командиръ Грузинскáго гренадерскаго полка.

[4]) Начальникъ кордона на Персидской границѣ.

войну въ ночь съ 15-го на 16-е, какъ кажется, съ значительными силами, атаковали и заняли фортъ Св. Николая. Гарнизонъ храбро защищался, но былъ почти весь перебитъ, и только 24 человѣка съ тремя офицерами, всѣ по большей части раненные, пробились сквозь нападающихъ и прибыли къ намъ.

„Надо думать, что батальоны (13-й дивизіи), которые мы предполагали уже въ Марани, туда еще не прибыли. Вы легко поймете, съ какою тоскою ожидаю я слѣдующихъ извѣстій. Въ настоящую минуту я, быть можетъ, обезпокоенъ еще болѣе тѣмъ, что́ происходитъ у васъ, такъ какъ отъ этого зависятъ спокойствіе страны вообще и честь нашего оружія.

„Если, взявъ Шликевича и все что́ не составляетъ необходимости у другихъ, вы соберете отъ восьми до десяти батальоновъ въ ваше распоряженіе, то мы можемъ ничего не бояться, въ особенности когда къ вамъ прибудутъ драгуны и другія подкрѣпленія отсюда. Если вы не будете въ состояніи вести кампанію съ тѣмъ, что́ вы уже имѣете и съ тѣмъ что́ вы можете собрать въ вашихъ окрестностяхъ, то возникнетъ вопросъ, какимъ образомъ различныя войска отсюда найдутъ возможность соединиться съ вами; ибо если вся страна будетъ въ рукахъ непріятеля, то имъ трудно будетъ добраться до васъ. Драгуны, задержанные одинъ день въ горахъ, прибудутъ завтра. Князь Григорій Орбеліанъ послалъ вамъ два баталіона гренадерской бригады. Вчера я просилъ князя Андроникова поторопиться отправкою Татарской конной милиціи. Пишу вамъ все это чрезъ Гагарина [1]), который обѣщаетъ скоро ѣхать. Признаюсь, меня пугаетъ мысль, что наши сообщенія могутъ быть отрѣзаны, какъ для курьеровъ, такъ и для передвиженія маленькихъ отрядовъ. Жду вашихъ извѣстій съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ. Повторяю вамъ, что вся увѣренность и нашъ успѣхъ въ будущемъ зависятъ отъ тѣхъ силъ, какія вы найдете возможнымъ собрать у Александрополя, и нужно, чтобы онѣ были достаточно значительны и могли бы

[1]) Молодой офицеръ, бывшій адъютантомъ у князя Барятинскаго.

противиться непріятелю, каковъ бы онъ ни былъ. Для этого ничего не щадите, лишь бы гарнизоны крѣпостей были достаточно подкрѣплены. Лучше взять все, чѣмъ располагаете около Орловки и около Ахалкалаки, и даже взять два баталіона отъ Ковалевскаго, нежели чувствовать себя слабымъ въ главномъ пунктѣ. Тогда вы можете показать себя непріятелю и даже атаковать его главныя силы. Только такимъ образомъ и мы можемъ быть спокойны до прибытія къ вамъ войскъ, которыя посылаются отсюда, такъ какъ они, отправляясь малыми частями, могутъ попасть въ руки болѣе сильнаго непріятеля.

„Чтò касается до осадной артилеріи, нужно оставить ее совершенно готовой въ Эривани и не думать о перевозкѣ ея въ Александрополь до тѣхъ поръ, пока дѣла не выяснятся и мы не будемъ хозяевами мѣстности и нашихъ дѣйствій“.

Отъ 23-го Октября:

„Едва имѣю силы написать вамъ нѣсколько строчекъ въ отвѣтъ на ваше милое письмо изъ Александрополя; оно мнѣ доставило много удовольствія, за которое отъ всего сердца васъ благодарю. Болѣзненность, которую я испытываю ужасно давно отъ усталости, безпокойствъ и необходимости работать головою, перешла въ желчную болѣзнь.

„Князь Бебутовъ черезъ три дня ѣдетъ, и я буду очень радъ, если все будетъ спокойно до тѣхъ поръ, пока вы прибудете сюда, чтобы помочь мнѣ въ трудныхъ дѣлахъ, которыя свалились намъ на плечи въ ту минуту, какъ я чувствую себя малоспособнымъ ими заняться.

„Вы прекрасно сдѣлали, что перевели войска изъ лагеря, гдѣ имъ было очень холодно.

„Чтó дѣлаютъ Турки, находясь противъ васъ? Вашъ отрядъ усиливается съ каждымъ днемъ, и скоро вы будете достаточно сильны, чтобы противустоять имъ, въ какомъ бы числѣ они ни были. Мои главныя опасенія теперь за Гурію и за наше побережье. Я послалъ вчера курьера къ Меньшикову и Серебрякову, къ которому и Гагаринъ написалъ отъ себя. Дай Богъ, чтобы они намъ помогли“.

Отъ того же 23-го Октября:

„Въ настоящее время я все также боленъ, какъ и былъ ранѣе, и вотъ почему не могъ отвѣчать вамъ на ваши интересныя письма, которыя я получилъ. Князь Бебутовъ передастъ вамъ, въ какомъ положеніи я находился и нахожусь еще теперь. Трудно, если не невозможно, поправиться при такихъ обстоятельствахъ, которыя меня обрекли теперь на постоянную тяжелую работу. Не знаю, чѣмъ все это кончится; я предаю себя на волю Божію. Князь Бебутовъ сообщитъ вамъ также, что для уменьшенія своей механической работы и чтобы имѣть немного отдыха, я возложилъ на генерала Реада мелочи военнаго дѣла, исключая трехъ главныхъ пунктовъ. Во первыхъ, все что̀ относится до дѣйствующаго корпуса и до событій на границѣ; во вторыхъ, всеобщее провіантоснабженіе, и втретьихъ, всѣ денежные отпуски, такъ какъ я не имѣю права ихъ передать кому бы то ни было и такимъ образомъ освободиться отъ отвѣтственности. Когда я буду имѣть счастіе видѣть васъ здѣсь, мы посмотримъ, можно ли будетъ все такъ оставить, или же придется все перевести опять на обыкновенный порядокъ. Я болѣе всего безпокоюсь за Гурію, такъ какъ въ Батумѣ теперь находится значительное количество Турецкихъ войскъ, которыя смѣло могутъ дѣйствовать въ этомъ тепломъ климатѣ, тогда какъ въ большинствѣ мѣстъ нашей границы холодъ составляетъ уже препятствіе для обширныхъ дѣйствій. Что̀ касается до Эриванской стороны, нашъ отрядъ, я надѣюсь, опять займетъ старыя позиціи, и можно будетъ ему помочь въ этомъ, подкрѣпивъ его немного, по тѣмъ соображеніямъ, что если мы пока и не имѣемъ еще права перейти границу, за то мы удержимъ за собою право бить и гнать непріятеля, который незаконнымъ образомъ вступилъ на нашу землю. Было бы желательно по этой же причинѣ выгнать Турокъ изъ Николаевскаго поста, но при этомъ существуетъ опасность: ибо, подвигаясь съ этой стороны, мы можемъ ослабить отрядъ въ Озургетахъ, составляющій нашу единственную защиту въ Гуріи и Имеретіи. Успѣха въ этомъ дѣлѣ мы можемъ ожидать лишь тогда, какъ покажется нашъ флотъ у взморья. Что̀ касается до Ахалциха и до Боржомскаго ущелья, то мнѣ кажется, что

съ тѣмъ, что̀ имѣетъ Ковалевскій и съ Грузинской дружиной въ Ацхурѣ, съ этой стороны представляется мало опасности, въ особенности въ теперешнее время года. Изъ Петербурга ни слова о ходѣ все еще колеблющихся переговоровъ" *).

Около этого же времени было получено донесеніе Эриванскаго губернатора, что Турки наступаютъ отъ Баязета съ цѣлью захватить Эчміадзинъ (мѣсто пребыванія Армянскаго патріарха) и что у него нѣтъ достаточныхъ средствъ защитить столь важный пунктъ.

Получивъ это тревожное извѣстіе, больной князь Воронцовъ послалъ за неоправившимся отъ болѣзни княземъ Бебутовымъ для совѣщанія. Грустно и жалко было смотрѣть на немощныхъ старцевъ, совершенно растерявшихся и не знавшихъ на что̀ рѣшиться...

Князь Воронцовъ позвалъ своего адъютанта князя Мирскаго, бывшаго при немъ безотлучно въ качествѣ секретаря по военной части, и потребовалъ свѣдѣній о движеніяхъ разныхъ частей войскъ, слѣдующихъ на подкрѣпленіе Александропольскаго отряда. Князь Мирскій объяснилъ подробно, гдѣ въ данный моментъ находится каждая изъ сихъ частей и откуда можетъ быть направлена къ Эривани; но замѣтилъ при этомъ, что врядъ ли удобно принять какую-либо мѣру безъ вѣдома князя Барятинскаго, который, находясь на мѣстѣ, лучшій судья въ этомъ дѣлѣ. Послѣ этого, князь Михаилъ Семеновичъ, со слезами на глазахъ, сказалъ Мирскому слѣдующее: „Я хочу просить у тебя большой жертвы. Эчміадзинъ спасти необходимо, но распорядиться этимъ отсюда неудобно и даже опасно. Ты понимаешь дѣло, Барятинскій имѣетъ къ тебѣ большое довѣріе; поѣзжай въ Александрополь, объясни ему наши мысли и желанія".

Очевидно, что въ этой командировкѣ оба старика нашли подобіе выхода изъ безвыходнаго положенія.

Князь Мирскій немедленно поскакалъ и на другой день къ вечеру былъ въ Александрополѣ. Начиная отъ Караклиса, населеніе было въ большой тревогѣ: жители пограничныхъ деревень спасались бѣгствомъ отъ нашествій башибузуковъ

*) Помѣщая эти письма князя Воронцова, имѣю въ виду ихъ значеніе какъ матеріала для исторіи войны 1853 года за Кавказомъ. А. З.

и Курдовъ; дороги были покрыты арбами съ семействами и имуществомъ; со всѣхъ сторонъ гнали скотъ. Многія Армянскія селенія уже разграблены, нѣкоторыя вырѣзаны. Картина была ужасная!

Князь Мирскій засталъ князя Александра Ивановича взволнованнымъ, страдающимъ признаками подагры и въ высшей степени раздраженнымъ вслѣдствіе тяжелаго положенія, неожиданно ему созданнаго его калифствомъ на часъ и, правду говоря, на самый тяжелый часъ. Онъ и слышать не хотѣлъ о посылкѣ подкрѣпленія для защиты Эчміадзина.

Долго и, можетъ быть, нѣсколько горячо настаивалъ князь Мирскій, объясняя, что ограбленіе Эчміадзина было бы весьма печальнымъ и важнымъ событіемъ, уже непоправимымъ; что самой незначительной части регулярныхъ войскъ будетъ достаточно для избѣжанія этой катастрофы, такъ какъ въ Эриванскую губернію могутъ вторгнуться только Курды, а не регулярныя Турецкія войска; что присутствіе въ Александрополѣ лишнихъ 4-хъ или даже 6-ти ротъ (которыя предполагалось отправить) не измѣнитъ существенно къ худшему положенія здѣсь, при оборонительномъ ожиданіи, на которое мы вынуждены, до прибытія всѣхъ находящихся въ пути подкрѣпленій.

Все больше и больше раздражаясь, князь Барятинскій наконецъ страшно вспылилъ и, обратясь къ Мирскому, сказалъ: „Если вы присланы сюда главнокомандующимъ, чтобы меня замѣнить, то покажите предписаніе, и я послушаюсь; если же у васъ его нѣтъ (князь Воронцовъ отправилъ Мирскаго въ торопяхъ даже безъ письма къ Барятинскому), то вы самозванецъ и бунтовщикъ, и я васъ разстрѣляю!“

При этой сценѣ присутствовалъ только Василій Васильевичъ Зиновьевъ [1]). Князь Мирскій не отвѣчалъ ни слова, оставаясь совершенно хладнокровнымъ. Вдругъ, послѣ долгаго молчанія, князь Александръ Ивановичъ подошелъ къ Мирскому, пожалъ ему руку и сказалъ: Вы правы, нужно спасти Эчміадзинъ. Надѣюсь, что вы не обидѣлись?

— Въ такихъ обстоятельствахъ обидчивости нѣтъ мѣста, отвѣчалъ князь Мирскій.

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, нынѣ гофмейстеръ Высочайшаго двора.

Положеніе было дѣйствительно ужасно. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались въ Александрополь несчастные жители, умоляя о защитѣ и спасеніи. Являлись раненые, привозили трупы на арбахъ. Плачъ, вой женщинъ и дѣтей раздирали сердце. Многіе изъ бывшихъ тамъ начальниковъ войскъ уговаривали князя Барятинскаго выслать нѣсколько батальоновъ для защиты окрестныхъ деревень, но онъ оставался непоколебимымъ въ своемъ рѣшеніи: не удаляться отъ Александрополя до прибытія *всѣхъ* ожидаемыхъ подкрѣпленій. „Мы находимся здѣсь не для защиты какой-нибудь деревни, а для обороны и спасенія всего края; я не могу рискнуть скомпрометировать исполненіе этой важной задачи изъ одного чувства сожалѣнія“. Это былъ его отвѣтъ. Однако для защиты Эчміадзина былъ отправленъ батальонъ; но не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ переходовъ отъ Александрополя, получились извѣстія, что угрожавшіе вторженіемъ въ Эриванскую губернію Курды отступили: потому ли что узнали о движеніи къ Эчміадзину нашихъ войскъ, или потому что вдругъ начался сильный холодъ, или по приказанію Турецкихъ властей, имѣвшихъ въ виду наступленіе своей арміи къ Александрополю, положительно сказать нельзя. Отступленіе ихъ пришлось весьма кстати: батальонъ тотчасъ повернулъ назадъ, и онъ еще подоспѣлъ къ 2-му Ноября, когда послѣ неудачнаго Баяндурскаго дѣла отрядъ нашъ былъ слишкомъ ослабленъ.

Для разъѣздовъ по направленію къ с. Баяндуру высылались сотни линейныхъ казаковъ. 29-го Октября стали появляться густыя толпы непріятельской конницы, и казаки начали отступать. Курды бросились въ Армянскія деревни и начали неистовствовать. Жалостные крики женщинъ и дѣтей вынудили казаковъ остановиться и идти на помощь; но ихъ мгновенно окружили двѣ тысячи Турокъ. Казаки даже не успѣли дать знать въ отрядъ... Произошло жестокое побоище. Наши молодцы Кубанцы, все отборные старые казаки, геройски защищались и избѣгли совершеннаго пораженія, благодаря лишь подошедшей сотнѣ, высланной изъ Александрополя по тревогѣ. Однако потеря оказалась громадная: изъ 300 человѣкъ пало 77.

Наконецъ, 31 Октября возвратился въ Александрополь князь Бебутовъ, а князь Барятинскій на другой же день уѣхалъ въ Тифлисъ къ нетерпѣливо ожидавшему его главнокомандующему.

До какой степени вѣренъ былъ тогда выраженный княземъ Барятинскимъ взглядъ, что до прибытія всѣхъ ожидаемыхъ подкрѣпленій не слѣдовало трогаться изъ Александрополя, не взирая даже на опасность положенія Армянскихъ селеній, доказывается, кромѣ печальнаго случая съ казаками, увлекшимися въ противность даннаго имъ приказанія, еще слѣдующимъ эпизодомъ. Какъ только князь Александръ Ивановичъ 1-го Ноября уѣхалъ, нѣкоторые частные начальники уговорили князя Бебутова выдвинуть отрядъ на семь верстъ впереди Александрополя къ Баяндуру. 2-го Ноября 7 батальоновъ, съ частью драгунъ и казаковъ, при 20 орудіяхъ, подъ начальствомъ князя Ильи Орбельяна, выступили изъ Александрополя; не доходя Баяндура, они встрѣтили на позиціи весь Турецкій корпусъ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, совершенно безцѣльно, подверглись ужасной канонадѣ, стоившей намъ болѣе семи сотъ человѣкъ лучшихъ старыхъ гренадеръ и артилеристовъ. Князь Бебутовъ съ остатками войска вынужденъ былъ поспѣшить туда, чтобы дать возможность отряду Орбельяна отступить.

Будь вмѣсто Турокъ другой, болѣе предпріимчивый непріятель, дѣло, быть можетъ, окончилось бы гораздо печальнѣе. Между тѣмъ, когда всѣ ожидаемыя войска собрались, 19 числа того же Ноября, подъ Башъ-Кадыкляромъ, Турки были нами разбиты на голову.

Къ этому времени относится переписка князя Александра Ивановича съ А. П. Ермоловымъ. По какому поводу она возникла—не знаю; вѣроятно изъ-за сына Алексѣя Петровича, Клавдія, бывшаго адъютантомъ у князя Воронцова. Привожу здѣсь письмо нашего знаменитаго ветерана, отъ 2-го Ноября 1853 года.

„Письмо ваше имѣлъ честь получить и скажу прямо, что пріятнѣйшаго для меня написать невозможно. Вы растрогали душу стараго солдата, котораго страстью была нѣкогда военная служба. Въ ней замѣчаемъ я былъ особеннымъ къ

молодцамъ уваженіемъ. Конечно, угадывая это, ваше сіятельство расположились ко мнѣ столь обязательнымъ образомъ.

„*Вы напомнили мнѣ о томъ, чего я не забываю и горжусь. Нѣкогда перекрестилъ я на бой храбраго молодаго офицера; теперь въ душѣ моей благословляю отличнаго начальника, предводящаго войска во славу Государя и отечества*. Непріятель предоставитъ вамъ и другіе подобные случаи!

„Благодарю ваше сіятельство за милостивый отзывъ о Клавдіѣ Ермоловѣ. Поздравлю его, если заслужитъ ваше вниманіе. Съ высокимъ уваженіемъ и душевною преданностью вашъ А. Ермоловъ“.

Въ тоже время князь Барятинскій велъ весьма оживленную переписку съ военнымъ министромъ княземъ Долгоруковымъ. Письма послѣдняго не лишены интереса не только по отношенію къ князю Александру Ивановичу, но и къ эпохѣ Крымской войны, и потому помѣщаю нѣкоторыя изъ нихъ въ особомъ приложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XIX.

А) Два письма адмирала Корнилова къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Сухумъ-Кале, 20 Сентября 1853 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ открываю переписку съ вами, любезный князь Александръ Ивановичъ. Думали-ли мы въ Лондонѣ, что придется работать, какъ мы моряки выражаемся, въ однихъ водахъ?

Изъ оффиціальныхъ бумагъ вы знаете, что Черноморскій флотъ привезъ вамъ 16 батальоновъ и 2 батареи. Говорю привезъ, потому что флотъ въ виду, погода благопріятная, и чрезъ нѣсколько часовъ полечу на пароходѣ, чтобы вести его въ Анаклію.

Надѣюсь, что князь Михаилъ Семеновичъ не будетъ недоволенъ этимъ измѣненіемъ программы, намъ данной. Анаклія избавитъ войска отъ пяти трудныхъ маршей и приблизитъ ихъ къ мѣсту дѣйствій. Лошадей и нѣкоторыя тяжести и продовольствіе выгрузимъ въ Сухумѣ. Опасно посылать транспорты, приходящіе по одиночкѣ, дѣлать выгрузку на открытомъ и даже среди лѣта опасномъ рейдѣ.

Адъютантъ мой Желѣзновъ, податель сего письма, можетъ дать вамъ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлается у насъ. Прошу взять его подъ свое покровительство: онъ достойный и свѣдущій офицеръ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю кого-нибудь отъ васъ позначительнѣе подполковника Кузьмина, который однако очень проворный и распорядительный офицеръ.

Желательно бы было, чтобъ дивизія не оставалась съ однимъ настоящимъ дивизіоннымъ начальникомъ *). Онъ добрый человѣкъ, усердный слуга, крайне точный въ своихъ дѣйствіяхъ, но вовсе не военный, и страшно его пустить одного даже въ теперешнихъ обстоятельствахъ (это разумѣется между нами).

Въ дивизіи есть бригадный командиръ г.-м. Ковалевскій, старый Кавказецъ, и на этого, кажется, положиться можно.

Желаю успѣха и встрѣтиться въ Стамбулѣ. Преданный В. Корниловъ.

Не забудьте насъ разрѣшить на счетъ продовольствія. Намъ нужно знать, какое именно, если надобно, чтобы немедленно привезть. Кузьминъ говоритъ, что никакого ненужно.

2.

Севастополь, 30 Сентября 1853 года.

Весьма радъ, что погода поблагопріятствовала флоту доказать, что онъ на что-нибудь пригоденъ. О батарейныхъ батареяхъ я передалъ князю Меншикову, и онъ уже писалъ Государю и князю Михаилу Семеновичу; между тѣмъ готовимъ средства перевоза. Назначеніе двухъ легкихъ послѣдовало изъ Бреста; послѣдній транспортъ втораго и послѣдняго рейса, кромѣ батарейныхъ батарей, сегодня выходитъ изъ Севастополя. Онъ нагруженъ огнестрѣльными снарядами по требованію вашему, любезный князь, и кромѣ того князь Меншиковъ прибавилъ еще капсюлей, такъ какъ ружья 13-й дивизіи имѣютъ капсюльные курки. Транспортъ этотъ для скорости буксируется пароходомъ и передастся начальству береговой линіи.

Новости изъ Константинополя самыя воинственныя; князь Меншиковъ сообщаетъ ихъ князю Михаилу Семеновичу, слѣдовательно вы всѣ будете знать. Если это все не ухищренія Редклифа, Кошута, Мадзини и К°, да Европейскихъ газетъ, то—да благословитъ насъ Богъ!

Серебряковъ жалуется, что мы мало даемъ крейсеровъ; вѣроятно это отъ него было писано къ князю Михаилу Семеновичу; но Черноморскій флотъ болѣе выслать не въ силахъ: вѣдь суда требуютъ отдыха, подновленія, а то будутъ неисправны; да и сплошное крейсерство, особенно въ зимнее время, можетъ отозваться на здоровьи команды. Мнѣ кажется, надлежало бы большія суда держать противъ Редутъ-Кале, а мелочь по линіи, и чаще посылать Кавказскіе пароходы, которые противъ контрабанды дѣйствительнѣе парусныхъ крейсеровъ.

P. S. Братъ вашъ Викторъ явился изъ Одессы, гдѣ лѣчился. Кажется, ему лучше; но я боюсь его употреблять на службу. Считаю это лишеніемъ для службы.

*) Ген. Обручевымъ. А. З.

Б) Два письма князя Меншикова къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Николаевъ, 10 Сентября 1853 года.

Письмо это доставитъ вамъ капитанъ Краббе, котораго, можетъ быть, вы знаете по прежнимъ береговымъ экспедиціямъ. Я посылаю его въ Тифлисъ для передачи вамъ подробностей погрузки 13-й дивизіи. Много затрудненій причиняетъ перевозъ тяжестей и лошадей, количество которыхъ превосходитъ все, что̀ перевозилось въ экспедиціяхъ Наполеона, Аберкромби и Алжирской.

Что̀ касается собственно до войскъ, мы могли бы вамъ привезти ихъ въ двойномъ количествѣ, только безъ тяжестей. Эти затрудненія соединены съ необходимостью перевезти изъ Одессы въ Севастополь одну бригаду и двѣ батареи, для замѣны дивизіи, которую вы у насъ берете.

Въ Константинополѣ фанатики проповѣдуютъ сопротивляться намъ, представляютъ султану возмутительные адресы, а Омеръ-паша съ своей стороны ищетъ вызвать стычку на Дунаѣ, чтобы довести до непріязненныхъ дѣйствій. Я очень расположенъ думать, что годъ не закончится безъ открытой войны. Пришлите мнѣ черезъ Краббе одинъ экземпляръ вашей большой карты Грузіи въ трехверстномъ масштабѣ и, если возможно, еще карту, гдѣ показана граница владѣній Турокъ отъ Батума до Персидской границы.

2.

Севастополь, 27 Сентября 1853 года.

Капитанъ Краббе доставилъ мнѣ ваше письмо и карты, за что̀ я вамъ весьма благодаренъ. Въ настоящее время я занятъ всѣми подробностями громадной нагрузки; второе отдѣленіе отправки 13-й дивизіи, въ которое входятъ 487 лошадей съ значительнымъ обозомъ, находится еще въ Севастополѣ. Суда, которыя должны ихъ забрать, приходятъ послѣдовательно изъ Редуткале. Какъ только послѣдній транспортъ будетъ внѣ порта, я покину Севастополь, чтобы отправиться въ Николаевъ, въ надеждѣ отдохнуть черезъ нѣкоторое время въ Москвѣ и болѣе не возвращаться къ берегамъ Понта Евксинскаго.

В) Письмо П. Е. Коцебу къ князю А. И. Барятинскому.

(Переводъ съ Французскаго).

Бухарестъ, 9 Декабря 1853 года.

Пишу вамъ подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ извѣстій о вашихъ побѣдахъ и въ особенности побѣды князя Бебутова 19 Ноября, о которыхъ мы только что получили извѣстіе. Наша армія шлетъ вамъ единодушный привѣтъ. Ура храбрымъ Кавказцамъ!

Но изъ всѣхъ сердецъ, бьющихся здѣсь за васъ, мое, разумѣется, наиболѣе горячее, и вы повѣрите, что давно уже я не испытывалъ чувства

радости въ такой живой степени, какъ при чтеніи рапортовъ Андроникова и Бебутова. Также лучше, чѣмъ кто-либо здѣсь, я понимаю важность вашихъ побѣдъ въ Азіи, разсматривая ихъ съ трехъ сторонъ: по отношенію Европы, Персіи и вашихъ горъ. Я знаю, что звуки этихъ побѣдъ, дѣйствуя на общее дѣло примиренія, заставятъ Персію оставить свое непостоянство, охладятъ ярость Шамиля и Магометъ-Эмина. Съ другой стороны я надѣюсь, что счастливыя вѣсти, которыя не перестаютъ приходить въ Тифлисъ, произведутъ благопріятное впечатлѣніе на здоровье князя Воронцова и помогутъ ему оправиться отъ болѣзни. Однимъ словомъ, эти счастливыя событія—благодать съ неба во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ числѣ раненыхъ я съ грустью увидалъ князя Илико Орбеліана; но я надѣюсь, что пули не тронули серьезно костей. Напишите мнѣ нѣсколько словъ по этому поводу, а также и о другихъ убитыхъ и раненыхъ товарищахъ. Я былъ очень тронутъ тѣмъ, какъ вы приняли мой портретъ. Я предложилъ его вамъ, какъ человѣку, котораго я люблю отъ всего сердца и уважаю и въ которомъ я умѣю цѣнить дружескую память, доказываемую вами мнѣ при каждомъ случаѣ. Я очень польщенъ желаніемъ князя и княгини Воронцовой имѣть мою литографію и не премину имъ предложить ее.

Изъ того журнала, который мы вамъ посылаемъ, вы въ состояніи судить о нашихъ здѣсь дѣлахъ. Въ ожиданіи пріѣзда главы третьяго корпуса, мы оставляемъ Турокъ въ Калафатѣ, но примемъ мѣры ихъ оттуда выгнать, или по меньшей мѣрѣ ихъ окружить настолько близко, что они не въ состояніи будутъ двинуться. Къ несчастью, зима, грязь, Дунай и въ особенности полное отсутствіе фуража въ Болгаріи не позволяютъ намъ переправиться въ настоящее время черезъ рѣку. Мы приготовляемся къ веснѣ.

Депеша барона Мейендорфа, копію съ которой князь Горчаковъ посылаетъ князю Воронцову, очень интересна. Извѣстія изъ Константинополя были ранѣе вашихъ побѣдъ. Онѣ смягчатъ этихъ господъ; но, не смотря на то, я не вѣрю въ принятіе предложеній мира. Напротивъ, морская побѣда можетъ быть произведетъ противуположное впечатлѣніе, вынудивъ Англичанъ и Французовъ послать свой флотъ въ Черное море, что̀ по всей вѣроятности будетъ равносильно объявленію войны. Поживемъ—увидимъ.

Г. Два письма военнаго министра князя В. А. Долгорукова къ князю А. И. Барятинскому.

(Переводъ съ Французскаго).

1.

Петербургъ, 29-го Ноября 1853 г.

Вы написали мнѣ письмо отъ 13-го сего мѣсяца съ цѣлью представить необходимость дать вамъ подкрѣпленіе войсками. Я повергнулъ ваше письмо на усмотрѣніе Его Величества. Государь прочелъ его съ большимъ интересомъ и ничего не желалъ бы лучше, какъ отправить къ вамъ цѣлые корпуса; но гдѣ ихъ взять? Все, чѣмъ мы могли располагать, было посвящено Кавказу, а именно 13-я дивизія, два драгунскихъ полка и казачья

батарея. Въ настоящую минуту положительно ничего больше дать невозможно; но, кто знаетъ, можетъ быть, обстоятельства измѣнятся, и тогда Государь постарается найти возможность послать вамъ еще нѣкоторую помощь, но отнюдь на нее не разсчитывайте. Дѣйствуйте съ тѣмъ, что̀ у васъ есть и что̀ къ вамъ прибываетъ; ваша сила уже съ этимъ однимъ громадна. Андрониковъ и Брунеръ (но не Бебутовъ и Орбеліанъ, пусть это остается между нами) доказали, на что̀ можно быть способнымъ, даже съ горстью храбрецовъ. Пусть слѣдуютъ ихъ примѣру, и все пойдетъ хорошо. Вотъ что̀ вы найдете въ сегодняшнихъ моихъ оффиціальныхъ бумагахъ къ князю Воронцову. Постарайтесь убѣдить себя, что войскъ у васъ достаточно, и что Турки, какъ только вы имъ твердо рѣшитесь показать свои зубы, удерутъ отъ васъ.

Сегодня у насъ былъ благодарственный молебенъ за побѣду, одержанную княземъ Андрониковымъ и за блестящее дѣло Нахимова въ Черномъ морѣ. Эскадра, состоящая изъ 7 фрегатовъ, 1 шкуны, 2 пароходовъ и нѣсколькихъ пакетботовъ, уничтожена совершенно. Это что-нибудь да составляетъ! У васъ должно быть много заботъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ князь боленъ; у васъ нѣтъ ни помощниковъ, ни начальниковъ для нѣкоторыхъ командованій крупной важности. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю узнать, кѣмъ будетъ замѣщенъ Завадовскій. Государь ожидаетъ объ этомъ представленія отъ васъ, то есть со стороны князя Воронцова.

2.

Петербургъ, 14-го Декабря 1853 г.

Извѣстія о результатахъ блестящей побѣды, одержанной княземъ Бебутовымъ, утверждаютъ между прочимъ, что Курды, бывшіе на сторонѣ Турокъ, видя ихъ стремительное бѣгство, начали ихъ же грабить. Это обстоятельство, кажется, поясняетъ, что Порта не можетъ разсчитывать на преданность Курдовъ, и что эти горцы, становясь подъ знамена Оттоманской арміи, руководились единственною надеждою на безнаказанные грабежи на нашей границѣ. Князь Воронцовъ предвидѣлъ эти наклонности Курдовъ, когда вносилъ въ военный бюджетъ сумму, спеціально назначенную для того, чтобы поднять Курдовъ противъ Порты. Кажется, минута настала осуществить этотъ проектъ. Наши успѣхи на Азіатской границѣ разсѣяли тотъ эфемерный престижъ, которымъ Турецкая армія пользовалась, благодаря лишь своему дерзкому почину. Возможно, что Курды, образумившись, будутъ склонны воспользоваться прекраснымъ случаемъ избавиться отъ цѣпей зависимости, связывающихъ ихъ еще съ нашими врагами. Даже не достигнувъ вполнѣ этого, всегда будетъ очевидная для насъ выгода лишить Турокъ части этой вспомогательной кавалеріи. Я могу ошибаться въ моихъ соображеніяхъ и долженъ былъ бы сообщить ихъ князю Воронцову; но я прошу васъ передать ему все это въ томъ случаѣ, если вы найдете нужнымъ сдѣлать что-нибудь по этому обстоятельству. Буду вамъ очень обязанъ, если вы мнѣ сообщите на этотъ счетъ ваше мнѣніе.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ГОРОДѢ КАСИМОВѢ ВЪ 1837 ГОДУ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ прошлаго 1887 г. миновало пятьдесятъ лѣтъ со времени проѣзда черезъ Касимовъ покойнаго императора Александра Николаевича, бывшаго тогда Наслѣдникомъ Престола. Событія подобнаго рода хотя и рѣдко бываютъ въ провинціальной глуши (изъ всѣхъ государей дома Романовыхъ кромѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, въ Касимовѣ былъ только Петръ Великій, во время Персидскаго похода; о пребываніи его также сохранились нѣкоторыя преданія), но воспоминаніе о нихъ надолго остается. Однако время проходитъ, и многое забывается. По этому нелишнимъ будетъ собрать, что̀ сохраняется донынѣ въ памяти мѣстныхъ старожиловъ объ этомъ путешествіи.

—

По первоначальному росписанію, проѣздъ Государя Наслѣдника предполагался черезъ Касимовъ на 16-е Августа, и въ городѣ предназначался ночлегъ. Посему и приготовлено было помѣщеніе въ домѣ купца Баркова на Большой или Соборной улицѣ [1]). Но дня за два получены были депеши, ускорившія путешествіе, и пріѣздъ въ Касимовъ состоялся днемъ раньше, а именно Наслѣдникъ подъѣзжалъ къ Касимову раннимъ утромъ 15-го Августа. Наканунѣ и все утро шелъ сильный дождь. Муромская дорога, по которой приближались путешественники, вообще песчаная, такъ что сдѣлали ее только удобнѣе для проѣзда. Но при въѣздѣ въ Касимовъ тянется Ямская слобода, на протяженіи которой въ трехъ мѣстахъ весьма топкія мѣста; они были наскоро завалены хворостомъ и землею, и даже, какъ говорятъ, кочками срѣзанными съ выгона. Дорога не успѣла осѣсть. Сильные дожди сдѣлали то, что экипажи врѣза̀лись въ одну изъ насыпей на топкомъ мѣстѣ, завязли, и прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ были вытащены народомъ.

Вообще первое впечатлѣніе Касимова не могло быть особенно благопріятно. Ямская слобода, и теперь весьма не богатая часть города, тогда положительно походила на грязную деревню. Да и самая большая улица не представляла въ то время того что́ теперь, когда она вся застроена

---

[1]) Домъ этотъ, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ, теперь принадлежитъ почетному гражданину С. Л. Салазкину. Онъ двухэтажный, каменный съ круглымъ бельведеромъ и балконами, нынѣ значительно увеличенъ пристройками въ обѣ стороны.

двухъ и трехъэтажными каменными домами. Не было тогда ни новаго собора, ни зданія присутственныхъ мѣстъ, ни дома Городской Думы (нынѣ уступленнаго подъ женскую гимназію) и проч. Около небольшаго стариннаго собора тѣснились деревянныя лавочки; грязная площадь, и посреди нея старое полуразвалившееся зданіе воеводской канцеляріи. Все это не могло никому понравиться, и путешественники проѣхали мимо заготовленной для нихъ квартиры, зайдя лишь на нѣсколько минутъ въ соборъ, гдѣ отслушали краткое молебствіе. Совершенно другую картину представляетъ Касимовъ, когда переѣхать Оку, съ луговаго ея берега. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ изгибъ въ видѣ подковы, и весь городъ представляется какимъ-то амфитеатромъ, съ одного бока упираясь въ столѣтнюю сосновую рощу. На правой рукѣ высятся старинныя весьма красивыя церкви, Троицкая, Пятницкая, Монастырская, Успенская, Егорьевская и Ильинская. Особенно замѣчательны по архитектурѣ Троицкая и Егорьевская [2]). Всѣ онѣ существовали и въ то время. Стояла также и Татарская мечеть съ минаретомъ, построенная еще въ XV столѣтіи. Затѣмъ домà на набережной—лучшіе въ городѣ, и тутъ же огромный вязъ, помнящій вѣроятно путешествіе Олеарія, который въ своихъ запискахъ довольно подробно говоритъ о Касимовѣ. (Къ запискамъ этимъ приложенъ и видъ Касимова, на которомъ весь берегъ рѣки Оки показанъ заросшимъ деревьями).

Отслушавъ молебенъ въ соборѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ спустился къ Окѣ, гдѣ подъ экипажи были поданы большіе паромы, которые ходили черезъ Оку на канатахъ; для самого же Наслѣдника и сопровождавшихъ его лицъ приготовленъ катеръ, и на немъ гребцами молодые люди изъ лучшихъ фамилій, нѣкоторые изъ нихъ и понынѣ здравствуютъ (Н. В. Барковъ, И. М. Вереинъ и др.). На катерѣ путешественники переѣхали Оку, въ этомъ мѣстѣ весьма широкую (до 180 саж.), и съ луговаго берега любовались городомъ, который изъ-за рѣки дѣйствительно очень красивъ. Государь Наслѣдникъ вслухъ сказалъ: „съ того конца Касимовъ похожъ на деревню—отсюда на губернскій городъ“.

Народъ окружалъ Наслѣдника при проѣздѣ его черезъ городъ; толпы его перебрались на лодкахъ и за рѣку и тутъ окружали его плотною стѣной. Съѣхались окрестные помѣщики съ семействами. Въ ожиданіи переправы экипажей, Наслѣднику представленъ былъ извѣстный знатокъ мѣстныхъ древностей, Касимовскій купецъ Иванъ Сергѣевичъ Гагинъ, который поднесъ свое описаніе Касимова и его древностей, планы и рисунки проектируемаго имъ грандіознаго храма. Нѣкоторые его рисунки переданы

---

[2]) У Егорьевской церкви похороненъ извѣстный Балакиревъ. Нося при Петрѣ Великомъ шутовское названіе хана Касимовскаго, при Екатеринѣ I-й онъ успѣлъ получить нѣкоторыя имѣнія этого хана: Старый Посадъ, с. Семицы, Чланову Гору, Вешки и проч. По смерти его имѣнія эти были отписаны въ казну, а при Елисаветѣ Петровнѣ пожалованы Симонову за содѣйствіе его въ извѣстную Ноябрскую ночь. Самъ Симоновъ пожалованъ былъ оберъ-цалмейстеромъ. Отъ Симонова имѣнія перешли частью гг. Пряженцовымъ, частью сенатору Толмачеву, которымъ проданы г. Мансурову.

были въ Рязанскій статистическій комитетъ и нынѣ хранятся въ витринахъ Рязанской ученой архивной коммиссіи. За это поднесеніе Гагину впослѣдствіи присланъ перстень изъ кабинета Его Величества.

Переѣхавъ Оку, путешественники направились далѣе по Рязанскому тракту. Первая станція была въ с. Токаревѣ, имѣніи бывшаго тогда Касимовскаго предводителя Николая Ефимовича Клевезаля *). Здѣсь приготовленъ былъ чай, и послѣ непродолжительнаго отдыха путешествіе продолжалось далѣе по направленію къ Рязани.

Проѣздъ старшаго сына царскаго, будущаго Императора, произвелъ на мѣстныхъ жителей чрезвычайное впечатлѣніе; восхищались его красотою, привѣтливостью; многіе обращались къ нему съ прошеніями; все связанное съ этимъ путешествіемъ сохранялось самымъ тщательнымъ образомъ. Катеръ, на которомъ переѣзжалъ Наслѣдникъ черезъ рѣку Оку, тщательно хранится и до сихъ поръ въ особо выстроенномъ для него павильонѣ, каменномъ, крытомъ желѣзомъ, довольно изящной архитектуры. Павильонъ этотъ построенъ на берегу рѣки, при самомъ въѣздѣ въ городъ. На катерѣ этомъ сдѣлана надпись рукою Жуковскаго: „15-го Августа 1837 года, на этомъ катерѣ переправлялся Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ". „Жуковскій". Надпись эта тщательно охраняется, прикрытая стекломъ въ рамкѣ, на внутренней стѣнкѣ катера. Чашка, изъ которой пилъ чай Наслѣдникъ въ с. Токаревѣ, долго стояла на мраморной тумбѣ въ гостинной Н. Е. Клевезаля, подъ стеклиннымъ колпакомъ, служила воспоминаніемъ дорогаго посѣщенія и показывалась всѣмъ пріѣзжающимъ.

Чтобы ознакомить Государя Наслѣдника съ производительными силами Рязанской губерніи, къ пріѣзду его приготовлена была выставка естественныхъ и мануфактурныхъ произведеній. Составленъ былъ и указатель этой выставки, по которому можно судить отчасти что̀ было сдѣлано. Очевидно

---

*) Н. Е. Клевезаль—личность весьма замѣчательная. Отставной полковникъ Изюмскихъ гусаръ, участникъ Кульмскаго сраженія, украшенный Кульмскимъ крестомъ, былъ Касимовскимъ предводителемъ съ 1830 по 1851 годъ, т.-е. сряду семь трехлѣтій. Женатъ онъ былъ на Варварѣ Владимировнѣ Чихачевой, отецъ которой В. А. Чихачевъ былъ также предводителемъ дворянства въ 1809—1811 годахъ. Родъ Чихачевыхъ весьма извѣстенъ въ старину въ нашей мѣстности; нынѣ онъ угасъ. Представитель его П. А. Чихачевъ былъ первымъ предводителемъ дворянства въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда учреждены были эти должности. Изъ Клевезалей никто въ Касимовскомъ уѣздѣ нынѣ не живетъ. Дѣти покойнаго Н. Е. Клевезаля участвовали въ Севастопольской кампаніи, были ранены и за отличіе переведены въ гвардію. Одинъ изъ нихъ, командиръ Орловскаго полка, и въ послѣднюю кампанію несъ боевую службу и былъ взятъ въ плѣнъ подъ Еленой. Имѣнія ихъ также распроданы въ разныя руки, по частямъ, купцамъ Анурину, Баранаевымъ, Харламову. Старинный каменный домъ съ флигелями въ с. Токаревѣ разобранъ по кирпичику, паркъ вырубленъ и распаханъ. Обычная картина помѣщичьяго землевладѣнія въ нашей мѣстности. А. М.

Могъ ли проѣзжавшій эти мѣста Цесаревичъ думать, что они очутятся, въ его же царствованіе, вслѣдствіе великодушныхъ, но недостаточно согласованныхъ преобразованій, въ такомъ разореніи! П. Б.

и выставка, и указатель составлялись поспѣшно: въ указателѣ всего девять страницъ; но прибавлено дополненіе къ каталогу вещамъ и издѣліямъ, доставленнымъ на Рязанскую губернскую выставку съ 1-го Іюля по 1-е Августа 1837 года; дополненіе это на седьмой страницѣ. На выставкѣ появилось все, что можно было успѣть собрать по краткости времени; доставлены были естественныя произведенія растительнаго царства, образцы ржи, овса, ячменя, вики, клевера, Тимоѳеевки и проч. изъ имѣнія г. Титова, Спасскаго уѣзда; образцы хмѣля изъ Егорьевскаго уѣзда помѣщика Аѳанасьева. Затѣмъ земледѣльческія орудія, плугъ Дабмаля, Американскій плугъ отъ г. Бибикова; орало, борона, катокъ и скоропашка отъ г. Титова, и кромѣ того цѣлая коллекція моделей: соломорѣзка, терка для картофеля, молотилка, вѣялка и проч., также отъ г. Бибикова. Издѣлья промышленности мануфактурной и заводской представлены были на выставкѣ значительно полнѣе. Стеклянное производство, и нынѣ господствующее въ сѣверныхъ лѣсныхъ уѣздахъ, имѣло представителемъ своимъ заводы Мальцова и Корсакова. Игольные заводы Полторацкаго (нынѣ Губонина), литье чугунное разнаго рода заводовъ Баташева, Бѣгичева и Мосолова. Сукна разнаго рода фабрикъ князя Салтыкова, Кознова, купца Малашкина, дѣйств. ст. совѣтн. Муромцевой, тайнаго совѣтн. Шредеръ. Полотна большею частью домашняго производства, въ томъ числѣ изъ имѣнія г. Луниной, изъ талекъ имѣющихъ вѣсу отъ 6—12 золотниковъ, слѣдовательно замѣчательно высокой доброты. Затѣмъ цѣлый отдѣлъ выставки занимало кожевенное производство, большею частью Касимовскихъ заводчиковъ: Милованова, Вереина, Бараваева, Хамзы-Салахова, Пустовалова, Умнова и друг., большая часть которыхъ и понынѣ существуетъ, и промышленность эта составляетъ прочное основаніе благосостоянію города. Другая отрасль промышленности Касимова — желѣзное дѣло—имѣла на выставкѣ тоже своихъ представителей, но не въ видѣ громадныхъ произведеній заводовъ гг. Баташевыхъ, донынѣ существующихъ, а въ видѣ мелкихъ издѣлій, напримѣръ вѣсовъ, работы купца Муратова, топоровъ купца Грошева и т. под.

Но выставка произведеній Рязанской губерніи была бы не полна, если бы не представляла собою нѣкоторыхъ оттѣнковъ крѣпостнаго строя экономической жизни края, когда руководствовались не мѣстными потребностями и условіями, а иногда фантазіею и прихотью помѣщика. Такъ напримѣръ на выставкѣ были часы башенные, работы кузнецовъ г. Лунина, или фортепьяно въ 400 рубл. двороваго человѣка подполковника Рахманова (Рязанскаго уѣзда, с. Ходынина). Очевидно, что ни башенные часы, ни фортепьяно не были предметомъ особой производительности Рязанской губерніи; устройство ихъ и появленіе на выставкѣ было явленіемъ совершенно случайнымъ.

А. Мансуровъ.

Касимовъ,
20-го Мая 1888 года.

ПИСЬМА М. Н. КАТКОВА КЪ А. Н. ПОПОВУ [1]).

1843—1857.

А. Н. Поповъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей недавно-прошедшаго времени, замѣтный дѣятель по Русскому законовѣдѣнію, законодательству и исторіи, пріятель и товарищъ М. Н. Каткова по Московскому университету и по слушанію Берлинскихъ профессоровъ, разошелся съ нимъ и прекратилъ сношенія въ 1857 году въ виду увлеченій Каткова Англійскою конституціей и послѣ помѣщенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ" статей съ оскорбительными намеками противъ людей, которые нѣкогда обоимъ были дороги и которымъ А. Н. Поповъ оставался вѣренъ до конца. Прошли года, и впослѣдствіи у Каткова все живое и плодотворное оказалось почти тождественнымъ съ ученіемъ Хомякова и его друзей, и лишь благодаря умному возврату къ этимъ лучшимъ завѣтамъ своего студенчества, когда онъ проводилъ цѣлые дни въ домѣ Аксаковыхъ, посчастливилось ему обѣлить себя въ общемъ мнѣніи, заслужить ненависть враговъ Россіи и умереть, „осѣненному хоругвью горести народной". П. Б.

1.

Дайте мнѣ знать, любезный Александръ Николаевичъ, можно ли сегодня вечеромъ произвести чтеніе моей тетради. Я могъ бы пріѣхать къ Хомякову въ 8-мъ часу. Сверхъ того я буду просить васъ сообщить о томъ Буслаеву. Было бы очень хорошо, если бы Петръ Васильевичъ Кирѣевскій былъ въ числѣ слушателей. Если не будетъ мнѣ отвѣта, я буду полагать, что можно, и пріѣду; если же почему бы то ни было нельзя, то дайте знать. Мих. Катковъ.

Адресъ: На Собачьей площадкѣ въ домѣ Хомякова [2]).

2.

(Писано за границу).

Москва, 20-го Февраля 1843.

Ну какъ вы поживаете, любезный Поповъ, и если еще не совсѣмъ забыли меня, то чѣмъ объясняете мое долгое молчаніе? Я же передъ вами кругло-виноватъ; впрочемъ, кажется, равно виноватъ чтó передъ вами, то

---

[1]) Сообщены наслѣдникомъ А. Н. Попова, Н. Ѳ. Эверлингомъ.

[2]) На этой запискѣ нѣтъ числа. П. Б.

предъ Ефремовымъ [3]) и Елагинымъ [4]): всѣ трое вы равно обязали меня и извѣдали мою неаккуратность, которая, повѣрьте, не есть же однако мое всегдашнее свойство. Несмотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ сбить въ это время столько денегъ, чтобы уплатить всѣ долги, которые я сдѣлалъ въ Берлинѣ. Шуба еще не продана, но продается; я не хотѣлъ однакоже болѣе медлить письмами, чтобы вы не оставались въ неизвѣстности. Я прошу Ефремова принять всѣ мѣры, чтобы это дѣло не могло васъ нисколько безпокоить; если вы скоро ѣдете, то пусть онъ приметъ все поручительство на себя. Всего на всего протянется это проклятое дѣло, можетъ быть, еще мѣсяцъ. Бога ради не тревожьтесь: будьте увѣрены, что вся неаккуратность моя ограничится только неустойкою во времени, что вмѣсто назначеннаго срока уплата придетъ нѣсколькими недѣлями позднѣе. Что̀ же касается до денегъ, которыя я занялъ у васъ недавно (50 талеровъ, изъ которыхъ 6 талеровъ, заплачены мною въ Берлинѣ, стало быть 44 талера), то мнѣ такъ совѣстно, что я даже извиняться не имѣю духа. Вотъ 60 талеровъ, которые я успѣлъ добыть и которые тутъ же посылаю. Я назначилъ ихъ Елагину; но если онъ согласится, если ему деньги теперь менѣе нужны, чѣмъ вамъ, то вычтите вы изъ нихъ свое, а къ остальнымъ 16 талерамъ я дошлю Елагину (чрезъ Ефремова, который возьмется переслать деньги, если Елагина или васъ не будетъ уже въ Берлинѣ) 66 талеровъ. Сдѣлайте милость, устройте все это, какъ для васъ удобнѣе.

Мнѣ бы хотѣлось однако, любезный Поповъ, чтобы корреспонденція наша поддержалась и послѣ всѣхъ этихъ сдѣлокъ. Мы, кажется, съ вами довольно сошлись, и мнѣ было бы очень интересно получить иногда объ васъ извѣстія и побесѣдовать съ вами.

Все это время былъ я въ расположеніи духа самомъ эксцентрическомъ; бѣготня, хлопоты о мѣстѣ, о деньгахъ занимали меня всего и не давали ни минуты времени собраться. Вотъ результаты: въ Петербургѣ обѣщано мнѣ мѣсто при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, сначала въ качествѣ помощника столоначальника, а тамъ въ концѣ лѣта и въ желанномъ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ. Хорошо еще, что служба здѣсь имѣетъ отчасти теоретическій характеръ и не занимается текущими дѣлами: она состоитъ въ редакціи проектовъ объ улучшеніи городоваго благоустройства (временное отдѣленіе при хозяйственномъ департаментѣ, учрежденное недавно теперешнимъ министромъ); для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи городовъ назначаются ревизіи въ каждую изъ губерній, особенно характеристическихъ. Такимъ-то ревизоромъ надѣюсь быть и я. А между тѣмъ, числясь при министерствѣ въ качествѣ помощника столоначальника и не имѣя большихъ дѣлъ, я буду

---

[3]) Александромъ Павловичемъ, впослѣдствіи профессоромъ географіи. П. Б.

[4]) Васильемъ Алексѣевичемъ, старшимъ сыномъ А. П. Елагиной, въ домѣ которой, въ свое студенчество, Катковъ также былъ принятъ, какъ и въ домѣ Аксаковыхъ. П. Б.

писать свою диссертацію. Темы я еще по сію пору окончательно не выбралъ, но думаю, что остановлюсь на свойствѣ корней и образовательныхъ частицъ Русскаго языка.

Въ Петербургѣ видѣлся я нѣсколько разъ съ Строгановымъ; онъ, казалось, принималъ во мнѣ большое участіе и не совсѣмъ охотно смотрѣлъ на мое поступленіе въ гражданскую службу. Онъ безпрестанно меня заманивалъ надеждами на университетскую дѣятельность; но вы знаете, что надежда очень хорошая вещь для покрышки, а не для основанія. Строгановъ меня увѣрялъ, что нѣкоторыхъ изъ насъ, окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, какъ напр. васъ, а также и меня, имѣютъ въ виду для новыхъ каѳедръ и для старыхъ, имѣющихъ упраздниться. Если это дѣйствительно такъ, то ничто мнѣ не помѣшаетъ послѣ перейти. Хотѣлось бы мнѣ много кое о чемъ написать вамъ; но сегодня почтовый день (только два раза въ недѣлю ходитъ изъ Москвы почта за границу), и я спѣшу, чтобъ не опоздать.

Съ интересами, которые теперь, сколько я могъ замѣтить, господствуютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, я нахожу въ себѣ мало сочувствія. Только и слышишь, что Гоголь, да Гегель, да Гомеръ, да Жоржъ-Зандъ. Здѣсь теперь я совсѣмъ безпріютенъ, не къ кому прислониться, не съ кѣмъ быть откровеннымъ; но я, впрочемъ, небольно и горюю объ этомъ. Хорошо имѣть кружокъ единомысленный, съ одною, одинаково понимаемою цѣлью; но хорошъ также и уединенный трудъ и болѣе искренняя бесѣда съ самимъ собою. Я здѣсь молчу и только слушаю: тамъ слышишь, что Россія гніетъ; здѣсь, что Западъ околѣваетъ какъ собака на живодернѣ; тамъ, что философія цвѣтетъ теперь въ Россіи и надо бы держать ее какъ можно далѣе отъ жизни, заключить ее въ формулы, чтобы толпа не смѣла въ нее вмѣшиваться; здѣсь, что философія—морска-сука, что она есть неболѣе какъ выраженіе Нѣмецкаго филистерства. Но надъ всѣмъ царитъ въ непоколебимой высотѣ Гоголь. Впрочемъ, брошюрка Аксакова возбудила и здѣсь общій смѣхъ.

Аксаковъ съ Самаринымъ не окончили своихъ диссертацій и только говорятъ, что скоро окончатъ. Буслаевъ прилежно занимается своими археологическими и филологическими изученіями. Съ нимъ недавно случилась вотъ какая исторія. Онъ былъ у И. И. Давыдова; разговоръ коснулся книги Павскаго. „Что̀ вы о ней думаете?“ вопросилъ ученый мужъ.—У меня коечто набросано, отвѣчаетъ Буслаевъ. „Принесите мнѣ взглянуть ваши замѣтки“. Буслаевъ ихъ приноситъ, и что же? Недѣли черезъ двѣ имѣетъ удовольствіе читать ихъ четко напечатанными въ Москвитянинѣ, въ критической статьѣ, подписанной именемъ Ив. Ив. Давыдова. Валуева[5]) засталъ я нездоровымъ и мало съ нимъ говорилъ. Видѣлся съ А. И. Тургеневымъ; кутитъ себѣ напропалую.

---

[5]) Дмитрія Александровича, жившаго у Хомякова (который женатъ былъ на его родной теткѣ). П. Б.

Прощайте пока, любезный Поповъ, пишите мнѣ пожалуйста; да нельзя ли вамъ всѣмъ троимъ вмѣстѣ [6]), да поскорѣе.

3.

Любезный Александръ Николаевичъ. Странно, конечно, должно было показаться вамъ мое молчаніе; но вы, я увѣренъ, не растолковали его въ худую сторону. Давно-давно и усильно хотѣлось мнѣ перемолвиться съ вами. Вы для меня человѣкъ не *случайный*, но *потребный* (слово нехорошо, но вы поймете, что̀ я хочу сказать): видѣться съ вами, говорить съ вами для меня потребность, которая даетъ мнѣ себя чувствовать, когда бываетъ невыполнима. Новое положеніе, въ которое я сталъ, такъ меня взволновало, отъ преисподней доверху, что я все время курса былъ почти какъ угорѣлый; къ тому же плохое здоровье, частыя простуды. Но и тутъ брался я за перо, чтобы писать къ вамъ; глупая бѣлая бумага, вмѣсто оживленной, вызывающей физіономіи Попова, становилась мнѣ досадна, и тѣмъ еще досаднѣе, что въ головѣ толпилось множество, что̀ хотѣлъ бы сказать вамъ и что̀ трудно и некогда было строчить на бумагѣ.

Я сказалъ вамъ, что новое положеніе мое меня очень взволновало; такъ, прибавлю, что даже и теперь все во мнѣ, какъ въ водѣ послѣ бури: все смутно и тревожно. Дѣло застигло меня такъ внезапно, а дѣло—вы знаете какое трудное дѣло! Сколько условій я долженъ былъ имѣть въ виду: и наука, согласно съ моими собственными, внутренними требованіями, наука притомъ не имѣющая предметнаго содержанія, а потому необязательная для непривычныхъ, какими я долженъ былъ (и не ошибся) считать моихъ слушателей, наука, перешедшая столько системъ и головъ, и доселѣ столь спорная; и слушатели, которымъ нужно было многое разжевывать, многое обрѣзывать, соображаясь съ ихъ понятіемъ; и наконецъ, зловѣщія рожи, которыя, какъ филины, смотрѣли на меня изо всѣхъ угловъ профессорской. И хоть, конечно, съ ними нечего было соображаться, и на содержаніе и ходъ моихъ лекцій они не могли имѣть вліянія, но на меня,—признаюсь вамъ, грѣха таить нечего,—имѣли вліяніе при моемъ глупо-раздражительномъ и нервномъ характерѣ. Хоть я никому изъ нихъ не показывалъ ни малѣйшаго вида того, но тѣмъ паче тревожился внутри.

Отъ такого дѣла, каково мое, нельзя, безъ сомнѣнія, ожидать скорыхъ плодовъ. Къ тому же самой прочности этихъ плодовъ могла бы повредить излишняя торопливость и заботливость о минутномъ успѣхѣ. Однако я не могу пожаловаться на невнимательность: особенно въ юридическомъ факультетѣ замѣтилъ я интересъ къ дѣлу; въ аудиторію мою сходились слушатели и другихъ факультетовъ и курсовъ. Но лекціи мои, особенно первыя, перевирались въ запискахъ студентовъ такъ безбожно, что я приходилъ въ отчаяніе. Экзаменъ постарался я сдѣлать сколь можно легче, и потому онъ сошелъ довольно порядочно.

[6]) Т.-е. А. Н. Попову, В. А. Елагину и А. П. Ефремову. П. Б.

Но что вы такъ мало пишете о себѣ, о вашемъ положеніи и дѣлахъ? Я не имѣю о васъ почти никакихъ извѣстій. Чѣмъ занимаетесь вы теперь? Готовите ли еще что-нибудь для сборника Панова? Что же касается до напечатанной статьи вашей, то поздравляю васъ съ полнымъ успѣхомъ. Вообще изъ сборника, неправда ли, вышла книга очень дѣльная? Статью Самарина читалъ я съ большимъ удовольствіемъ: написана умно, ловко и метко. Кланяйтесь ему отъ меня.

Я прочитываю теперь новыя работы Французовъ по философіи и преимущественно по исторіи философіи. Много дѣльнаго, основательнаго; они далеко опередили теперешнюю толпу Нѣмецкихъ газентромпетеровъ. Ихъ мысль гораздо шире, свѣжѣе; въ ней больше положительности; у нихъ развивается также и смыслъ для уразумѣнія высшихъ вопросовъ; а у Нѣмцевъ, кажется, онъ теряется все болѣе и болѣе въ ихъ распухшей фразѣ, въ ихъ филистерской безцѣльности.

Вы теперь ближе къ Европѣ, и до васъ скорѣе долетаютъ всякія новости оттуда; подѣлитесь же ими со мною. Что слышно о Шеллингѣ? Я не имѣю о немъ почти никакихъ свѣдѣній [7]). Да не сберетесь ли вы сами побывать какъ нибудь въ Москвѣ? Пріѣзжайте, очень бы насъ обрадовали.

У насъ пока нѣтъ ничего новаго, а если что случалось, то вы навѣрно извѣщались въ свое время.

Языковъ живетъ теперь на дачѣ въ Сокольникахъ; тамъ же проживаетъ и Ефремычъ. Водное леченіе очень помогаетъ Языкову: онъ видимо поправляется. Въ Москвѣ же живетъ пріѣхавшій на два дня, но, слава Богу, прожившій здѣсь два мѣсяца и каждый день сбирающійся уѣхать Петръ Васильевичъ Кирѣевскій. Пановъ уѣхалъ, но скоро будетъ. Сборникъ однако не перестаетъ печататься, и теперь окончена Санскритская драма, переведенная Коссовичемъ.

Читали ли вы рѣчь Рѣдкина, произнесенную на актѣ „О современныхъ требованіяхъ отъ юриста". Прочтите—вотъ отличился-то!

Не сердитесь же на меня, простите великодушно мое долгое молчаніе, пишите и вѣрьте, что каждая строка отъ васъ или о васъ будетъ прочтена мною съ живѣйшимъ участіемъ.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва 1846 г. Іюля 23 [8]).

---

[7]) Вліяніе Шеллинга однако становится замѣтнымъ во многихъ книгахъ и журналахъ.

[8]) Въ концѣ этого письма приписка Меѳодія Никифоровича Каткова. Этотъ единственный братъ Каткова, человѣкъ очень образованный и дружный съ нимъ съ дѣтства, впослѣдствіи возненавидѣлъ жившаго съ Катковымъ П. М. Леонтьева и, какъ извѣстно, два раза покушался застрѣлить его: въ первый разъ въ Лицеѣ Цесаревича Николая на Большой Дмитровкѣ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на Университетскомъ праздникѣ 12 Января. Извѣщая о первомъ покушеніи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", Катковъ заявилъ объ умоповрежденіи брата. Несчастный повѣсился въ Московскомъ Пересыльномъ замкѣ (гдѣ протекло его дѣтство при матери, которая нѣкогда служила тамъ кастеляншею). П. Б.

4.

Любезный Александръ Николаевичъ, здравствуйте! У насъ началась и весна, и вакація. Я теперь свободенъ, но еще не рѣшился, какъ воспользоваться свободою. Мнѣ предлагаютъ съѣздить за границу полѣчиться и отдохнуть; но трудно на это рѣшиться: слишкомъ хлопотно, не по деньгамъ, да и трата времени. Но если окажется, что купанье въ морѣ мнѣ полезно, то можетъ быть скоро увидимся. Говорятъ только, что въ Ревелѣ неудобно: квартиры и сыры, и дороги, вода въ морѣ не такъ дѣйствительна. Ѣхать же въ Одессу или Крымъ было бы слишкомъ продолжительно и дорого: это почти тоже, что за границу.

На этихъ дняхъ я узналъ, что въ Москву переселяется Барановскій [9]); жду его съ нетерпѣніемъ. Вамъ убыль, намъ прибыль. Что же ваша „Черногорія" медлитъ показаться на свѣтъ? Что вы теперь дѣлаете? Я не имѣю о васъ почти никакого извѣстія.

Пановъ уже уѣхалъ въ страну Симбирскую; съ Хомяковымъ, вѣроятно, вы увидитесь скоро: онъ ѣдетъ съ женою за границу. Ѣдетъ за границу и Коссовичъ за Санскритскимъ языкомъ: вѣроятно, вы уже слышали, что факультетъ и графъ Строгановъ представили его на каѳедру Санскритскаго языка. Онъ въ восторгѣ: всѣ его стремленія сбываются [10]).

У меня къ вамъ просьба: снеситесь немедленно съ Петербургскими книгопродавцами касательно сочиненія покойнаго Линовскаго: „Бесѣды о Сельскомъ Хозяйствѣ". Не рѣшится ли кто-либо изъ нихъ купить его? Въ Москвѣ никакъ не уладишь этого дѣла: мошенники притѣсняютъ, даютъ по четвертаку за экземпляръ, состоящій, какъ вамъ извѣстно, изъ двухъ томовъ. Къ этимъ двумъ томамъ можно было бы присоединить еще ненапечатанный томъ, который служитъ имъ продолженіемъ (въ немъ идетъ рѣчь о скотоводствѣ) и который совсѣмъ приготовленъ покойнымъ къ печати. Дѣло не ждетъ: постарайтесь объ этомъ справиться поскорѣе и извѣстить меня. Особенно желалось бы, чтобы какой-нибудь книгопродавецъ купилъ всѣ экземпляры битомъ, разумѣется, съ большою уступкою противъ прежней цѣны.

Не имѣете ли свѣдѣній о Чижовѣ? Говорятъ, онъ въ Маѣ вернется. Языковы, кажется, уступаютъ деньги [11]).

---

[9]) Егоръ Ивановичъ, нынѣ почетный опекунъ, тогда еще не женатый. П. Б.

[10]) Поѣздка эта не состоялась почему-то. К. А. Коссовичъ поѣхалъ за границу лишь въ 1851 году на средства А. С. Хомякова, о чемъ не только не стѣснялся, но любилъ заявлять; на книгахъ купленныхъ имъ въ чужихъ краяхъ написано имъ на каждой: „благодѣяніе А. С. Хомякова". Уже это одно—черта рѣдкая, особливо между Поляками; между тѣмъ въ газетныхъ некрологахъ приписывалось Коссовичу Польское происхожденіе. Незабвенный Каэтанъ Андреевичъ былъ вовсе не Полякъ, а Бѣлоруссъ, по вѣрѣ до 1839 г. уніатъ, и воспитывался въ Слуцкой гимназіи. П. Б.

[11]) О чемъ тутъ говорится, намъ непонятно. Языковы—братья поэта, съ которымъ былъ друженъ Ѳ. В. Чижовъ. П. Б.

Съ великимъ удовольствіемъ читалъ вашу статью о Шлёцерѣ. Написано прекрасно, отчетливо и во всѣхъ отношеніяхъ дѣльно. Желалъ бы знать, чѣмъ занимаетесь вы теперь между казеннымъ дѣломъ? Пишите ко мнѣ пожалуйста.

Въ Москвѣ все тихо и мирно. Впрочемъ, я почти никуда не выхожу: у меня опухъ глазъ, такъ что даже и заниматься трудно.

У Ефремова было семейное торжество: его сестра вышла замужъ. Но физіономія его однако нисколько не торжественна: попрежнему ходитъ понурившись.

Соловьевъ кончилъ свой экзаменъ и защищалъ въ факультетскомъ засѣданіи свою диссертацію съ блистательнымъ успѣхомъ. Неправда ли, какой чудесный трудъ его диссертація? Какъ все въ ней зрѣло, обдуманно и живо? Прекрасно разработаны Москва, Иванъ В. Честь ему и слава!

Аксаковъ ратовалъ противъ Сюзора, который пріѣзжалъ сюда читать лекціи; возмущалъ противъ него Московскую публику и, кажется, много успѣлъ, потому что у Сюзора сбирался очень небольшой кружокъ.

Нѣтъ ли какихъ новостей у Нѣмецкихъ или Французскихъ книгопродавцевъ въ Петербургѣ? Напишите мнѣ объ нихъ. Нѣтъ ли какихъ-нибудь новыхъ изданій Шарпантье, которыя такъ дешевы? Кстати нельзя ли въ Петербургѣ достать Diogène Laërce, trad. par Zévort, éd. Charpentier? Буде можно, напишите, у кого.

Шевыревъ хочетъ этимъ лѣтомъ сдѣлать поѣздку по нѣкоторымъ губ. (какъ-то Тверской и Новгородской) для своихъ розысканій. Доброе дѣло, давно бы пора! Какъ бы хотѣлъ отправиться и я на такую поѣздку!

1 Мая 1847 г.
Москва.

5.

Москва, Іюня 7-го 1847 г.

Душевно благодарю васъ, любезный Александръ Николаевичъ, и за книгу, и за письмо. Несмотря на нравственную и физическую испорченность Ефремыча [12]), я получилъ отъ него вашу „Черногорію“ вовремя, безъ воровства и утайки. Первымъ дѣломъ моимъ было заняться ею; я прочиталъ ее и отъ души поздравляю васъ. Все существенное въ вашей книгѣ прекрасно; но, желая полной искренности въ нашихъ отношеніяхъ, я не скрою, что мнѣ не все въ ней показалось существеннымъ, и что есть нѣкоторыя вещи (хоть ихъ относительно очень немного), которыя мнѣ не совсѣмъ понравились, какъ не совсѣмъ умѣстныя. Вы знаете мой образъ мыслей касательно Славянскаго вопроса; знаете, что онъ для меня не кажется дѣломъ празднымъ; но всякое новое начало въ мірѣ появляется сначала зарею, которая не только своею теплотою мало ощутительна, но и

---

[12]) Шуточное выраженіе про А. П. Ефремова, котораго Катковъ отмѣнно любилъ и цѣнилъ. Это былъ прекраснѣйшій человѣкъ, оставившій по себѣ живую память въ друзьяхъ и знакомыхъ своихъ. Сестра его, о которой говорится выше, вышла замужъ за князя Владиміра Львовича Шаховскаго. П. Б.

свѣтомъ распространяется не вдругъ и прежде открывается немногимъ и на немногомъ. Тѣмъ бóльшая отвѣтственность на тѣхъ, которые выступаютъ на служеніе новому началу: надобно быть очень осторожну и опасаться, чтобы въ нашихъ рукахъ дѣло не показалось какъ-нибудь и въ чемъ-нибудь похожимъ на фразу. Ваша книга, кромѣ другихъ внутреннихъ своихъ достоинствъ, понравилась мнѣ и еще тономъ своимъ, умѣреннымъ и ровнымъ. Тѣмъ непріятнѣе было мнѣ встрѣчать кое-гдѣ перерывы этого тона, какъ будто нѣкоторую заносчивость. Между прочимъ, зачѣмъ вы затронули Лейбница и Бёма? Не покажется ли это какъ будто признакомъ безсилія защищаемаго вами дѣла? Отношеніе Лейбница и Бёма (особенно послѣдняго) къ Славянскому міру темно и сомнительно. Если мы будемъ выискивать у Нѣмцевъ Славянъ, то пожалуй и Нѣмцы вздумаютъ отыскивать у насъ Нѣмцевъ,—и сколько истыхъ Русскихъ, добрыхъ и вѣрныхъ орудій народа, ушло бы отъ насъ! Но такіе поиски съ цѣлью возвысить народность—совершенно безплодны: ибо народъ, какъ и всякая сила, самъ дѣйствуетъ своими органами и тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ способнѣе и самое чуждое превратить въ свое достояніе, въ свой органъ. Далѣе. Если на избранномъ нами планѣ мы по самому свойству этого плана не можемъ удовлетворительно высказать что-либо или рѣшить что-либо, то лучше вовсе не заговаривать о томъ: иначе непремѣнно пострадаетъ дѣло, будетъ несоотвѣтствіе между средствами и цѣлью, да и самое дѣло въ своей истинѣ поневолѣ скроется, а на его мѣстѣ окажется только тѣнь его, его призракъ, его образъ, можетъ быть и напоминающій его своими чертами, но не замѣняющій его дѣйствительно. Общій характеръ вашего сочиненія свидѣтельствуетъ, что и вы того же мнѣнія объ этомъ пунктѣ; но мѣстами вы какъ будто измѣняете себѣ, и иногда выходитъ нѣчто недосказанное, смутное и даже похожее на мечтанье. Нѣкоторыя дѣльныя вещи изложены вами какъ-то отрывисто: это вредитъ имъ. Я разумѣю все то, чтò вы говорите объ юридическомъ бытѣ Славянъ и Черногоріи. Тутъ много прекраснаго и блестящаго; но слишкомъ отрывисто, чтò производитъ видъ какой-то парадоксальности. Этотъ недостатокъ замѣтенъ и въ другихъ вашихъ сочиненіяхъ (всего менѣе однако въ статьѣ о Шлецерѣ, которую тоже прочиталъ я съ великимъ удовольствіемъ).

Наконецъ—маленькій совѣтъ: будьте немного порачительнѣе въ литературномъ отношеніи. Многое писанное вами не производитъ должнаго дѣйствія единственно потому, что замѣтна въ изложеніи какая-то небрежность и торопливость [13]). Сюда же относится и тьма опечатокъ, искажающихъ вашу книгу. Изъ опечатокъ особенно непріятно было мнѣ встрѣчать постоянное смѣшеніе Сербскихъ ћ и ђ въ одной Русской буквѣ ч, такъ что

---

[13]) Замѣчаніе, вѣрность котораго испытали издатели трудовъ А. Н. Попова: при сильномъ умѣ, большихъ знаніяхъ, добросовѣстности въ изысканіяхъ и мастерствѣ въ расположеніи мыслей, онъ плохо владѣлъ языкомъ, такъ что даже самъ просилъ поправлять его слогъ. П. Б.

у васъ выходитъ мечу вмѣсто међу (т.-е. медю или меджю) и т. д. Это рѣшительная неправильность.

Но будетъ играть роль Аристарха. Обнимемся и поцѣлуемся; жалѣю, что могу обняться съ вами только черезъ письмо. Доктора̀ не совѣтуютъ мнѣ ѣхать въ Ревель, а вмѣсто того присудили брать теплыя ванны съ углекислымъ натромъ. Главная болѣзнь моя состоитъ въ ревматизмѣ, отъ котораго разстроились нервы. Не знаю, какъ благодарить васъ за обѣщаніе касательно Діогена Лаертія; поторопите только Исакова: теперь эта книга мнѣ очень нужна; деньги пришлю немедленно. Да напишите, что̀ есть еще у Исакова или у Нѣмцевъ замѣчательнаго по моему предмету, особенно по исторіи философіи; я бы выписалъ отъ него: въ Петербургѣ заграничныя книги гораздо дешевле. Благодарю васъ также за хлопоты касательно Линовскаго сочиненія; постарайтесь только докончить это дѣло. Всѣхъ экземпляровъ продано небольше 300 или 350; теперь на лицо 1400 экз.; въ продажѣ почти нѣтъ ничего.

P. S. Опоздалъ на почту, и письмо пролежало лишній день. Пользуюсь этимъ, чтобъ еще перемолвить съ вами нѣсколько словъ. Вчера былъ диспутъ Соловьева. Возражали Грановскій (ex officio), Бодянскій, Кавелинъ и еще кто-то. Вы, я думаю, замѣтили, читая диссертацію Соловьева, нѣсколько рѣзкій систематизмъ въ первой главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о родовыхъ отношеніяхъ. Эта рѣзкость отчасти полезна и нужна, производя и впечатлѣвая рѣшительнѣе внутреннее начало древняго быта; но тѣмъ не менѣе этимъ изложеніемъ производится невѣрный видъ, что древній бытъ управлялся какъ бы заранѣе обдуманною и постановленною системою. Эта система еще только сама вырабатывалась жизнью и потому вездѣ вылита не въ строгихъ очеркахъ, а въ смѣшеніи съ другими ингредіентами, вслѣдствіе которыхъ фактъ слагался часто иначе, нежели какъ можно было ожидать. На это бы и слѣдовало обратить вниманіе; но Кавелинъ завязалъ споръ, не оставляя своей любимой мысли о присутствіи и развитіи подъ сѣнью родовыхъ отношеній другаго начала, именно семейнаго, которымъ разлагалась и растраивалась система первыхъ, откуда будто бы исключительно выходитъ вотчинный характеръ сѣверныхъ княженій. Оба противника вспылили, но споръ кончился не совсѣмъ удовлетворительно или, лучше сказать, былъ оставленъ безъ конца.

Что же касается до оставшихся послѣ покойнаго Линовскаго рукописей, то оказалась вполнѣ составленною 9-я часть курса; но едва ли наберется изъ рукописей мелкихъ статей для 4-го тома; развѣ напечатать въ этомъ предполагаемомъ 4-мъ томѣ прежнія его статьи и брошюры, какъ-то: 1) статьи, помѣщенныя въ Москвитянинѣ; 2) объ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи изъ Сборника [14]); 3) его диссертацію: Критическій разборъ мнѣній ученыхъ объ условіяхъ плодородія земли, которая тоже была помѣщена въ Москвитянинѣ, и еще, можетъ быть, кое-что, Но пре-

---

[14]) Т. е. изъ „Московскаго Сборника", изданнаго В. А. Пановымъ. П. Б.

жде вы бы условились касательно напечатанныхъ частей (1400 экз.). Похлопочите пожалуйста [15]). Жду отъ васъ елико можно скорѣе письма.

М. Катковъ.

О подателѣ этой записки говорить мнѣ нечего: онъ вамъ не меньше, чѣмъ мнѣ, извѣстенъ – Преображенскій [16]). Продолжайте по прежнему любить его: онъ славный малый, съ умомъ, съ душой, съ живымъ стремленіемъ къ знанію. По обстоятельствамъ переходитъ онъ теперь въ Петербургскую академію. У насъ все по прежнему; только доходятъ отголоски о неудовольствіяхъ правительства касательно такъ называемой Славянской партіи. Вѣроятно, это слѣдствіе дѣла Шевченки, Кулѣша и проч.

Недавно прибыли сюда новые преподаватели: Кудрявцевъ (для исторіи), Леонтьевъ, Пѣховскій (для древней филологіи). Съ Кудрявцевымъ видѣлся. Вы, кажется, его знаете. Университетъ, кажется, можетъ ожидать отъ него многаго. Онъ много разсказывалъ мнѣ о Шеллингѣ, котораго слушалъ три лѣта и который произвелъ на него самое сильное, жизненное вліяніе; тоже и на Леонтьева, съ которымъ однако я еще не успѣлъ видѣться. Для меня утѣшительно, что около меня будутъ люди, съ которыми я схожусь въ этомъ пунктѣ.

Я въ продолженіе лѣта только и дѣлалъ, что лѣчился: бралъ содовыя ванны; теперь чувствую себя получше—что̀ Богъ дастъ дальше!

Да, совсѣмъ забылъ. Бѣдный Ефремычъ былъ очень огорченъ графомъ [17]), который какъ-то недавно призывалъ его къ себѣ и наговорилъ ему много колкихъ и непріятныхъ вещей, такъ что онъ, не теряя времени, долженъ былъ подать въ отставку. Сначала на него сильно подѣйствовало это, но теперь намъ удалось его утѣшить; онъ успокоился и хочетъ по прежнему остаться въ Москвѣ, а то было думалъ ѣхать. Хотя и досадно, что это сдѣлалось такъ обрывисто и бурно; но съ другой стороны я доволенъ, что онъ снялъ съ себя университетскую обязанность. Ему непремѣнно надо жениться—напишите-ка къ нему эпиталаму.

Пановъ уже женился и – все еще въ деревнѣ.

Москва, 8 Августа 1847 г.

*

Поступивъ въ Московскій университетъ въ Августѣ 1847 г., пишущій эти строки два года былъ слушателемъ Каткова. Къ сожалѣнію, читалъ онъ изрѣдка, почти постоянно хворая. Онъ приходилъ въ аудиторію худой, слабый, блѣдный, и мы боялись, что у него чахотка. Психологію на первомъ курсѣ преподавалъ онъ по системѣ Бенеке, главное положеніе которой состояло въ томъ, что человѣкъ является на свѣтъ столь же нагъ

---

[15]) Трогательна эта заботливость Каткова о сочиненіи покойнаго его товарища, Ярослава Линовскаго, высокодаровитаго профессора, который въ 1846 году былъ зарѣзанъ своимъ слугою. П. Б.

[16]) Петръ Алексѣевичъ Преображенскій, нынѣ священникъ въ Москвѣ у Ѳеодора Студита и издатель „Православнаго Обозрѣнія“. П. Б.

[17]) Т. е. попечителемъ Московскаго университета графомъ С. Г. Строгановымъ. П. Б.

душою, какъ и тѣломъ, и что все дальнѣйшее развитіе зависитъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и силы въ воспріятіи ихъ. На второмъ курсѣ прочтено Катковымъ лишь нѣсколько лекцій объ исторіи философіи по Шеллингу съ его тремя началами. Разъясненіемъ служили намъ одновременныя лекціи Леонтьева о миѳологіи, которыя велись послѣдовательно и отличались необыкновенною ясностью, въ противоположность довольно смутному изложенію Каткова. Доброе вліяніе на студентовъ Катковъ производилъ не столько своими лекціями, какъ бесѣдами на дому. Мы горячо его полюбили и сокрушались сердечно, когда онъ лишился каѳедры вслѣдствіе возникшаго тогда общаго гоненія на философію и возобладавшаго убѣжденія, что можно „фельдфебеля въ Вольтеры дать". Очутившись снова въ бѣдности, Катковъ держалъ себя съ великимъ достоинствомъ и никогда, даже намеками, не питалъ въ насъ раздраженія противъ властей. Мы усердно посѣщали его въ скромномъ его помѣщеніи на Цвѣтномъ бульварѣ, гдѣ намъ случалось видать и его матушку Варвару Екимовну (урож. Тулаеву, Грузинку родомъ), достопочтенную и прекрасную въ глубокой старости женщину. Про нее разсказывали, что, при наружной своей строгости, она горячо любила сына: когда онъ возвращался домой съ уроковъ и спѣшилъ облечься въ халатъ, чтобы снова засѣсть за работу, она сама прибирала его одежду и цаловала ее. (Отца своего Катковъ не помнилъ; онъ служилъ въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи и умеръ отъ удара, въ молодыхъ лѣтахъ. Отличался красотою и отмѣнно высокимъ ростомъ; происходилъ, кажется, изъ Костромскихъ личныхъ дворянъ; въ формулярѣ Каткова значилось, что онъ сынъ оберъ-офицера). По кончинѣ матери, Катковъ переѣхалъ къ братомъ въ зданіе Обсерваторіи за Трехгорной заставой, гдѣ жилъ у товарища своего по профессорству А. Н. Драшусова. Слѣдующія письма его къ А. Н. Попову относятся къ этому времени, когда ему снова пришлось добиваться насущнаго хлѣба. П. Б.

7.

Спѣшу въ двухъ строкахъ увѣдомить васъ, что, на другой день по полученіи вашего письма, я отправилъ письмо къ министру. Если вы придаете этому особенную важность, то я боюсь только, не слишкомъ ли поздно это сдѣлано. Жаль, что вы не посовѣтовали мнѣ этого нѣсколько ранѣе, потому что, какъ говорятъ, отъ здѣшняго попечителя пошло уже представленіе.

Душевно благодарю васъ за ваше участіе и за пріятельскую готовность похлопотать обо мнѣ, и признаюсь вамъ, что больше всего проку ожидаю я отъ вашихъ хлопотъ. Скажите, почему вы не совѣтуете въ Тифлисъ? Нѣтъ сомнѣнія, что для меня лучше всего остаться въ Москвѣ, и въ письмѣ къ министру я только и прошу объ этомъ; но почему не имѣть Тифлисъ про запасъ? [18])

Ноября 12 (1849)
Москва.

P. S. Строгановъ не получалъ еще отвѣта на свои письма.

---

[18]) Можетъ быть, разсказы матери манили Каткова въ родную Грузію. П. Б.

8.

Москва, 28 Октября 1850 г.

Вотъ, любезный Александръ Николаевичъ, пришла теперь пора, когда вы можете сдѣлать для меня полезное дѣло. Не знаю, получили ли вы мою записку на ваше послѣднее письмо, писанную мною на дачѣ за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Москвы. Я писалъ вамъ, что, согласно съ вашими совѣтами, буду выжидать болѣе благопріятнаго времени для своихъ исканій. Теперь, кажется, оно наступило. Послѣ того, какъ я отправилъ къ вамъ мою записку, было нѣсколько довольно важныхъ для меня случаевъ. Въ Москвѣ былъ министръ просвѣщенія, которому я былъ какъ слѣдуетъ представленъ. Онъ самъ очень хорошо видѣлъ невыгоды моего настоящаго положенія [19]) и далъ мнѣ слово, что будетъ имѣть меня постоянно въ виду, а по возвращеніи въ Петербургъ непремѣнно постарается найти мнѣ такое мѣсто, которое и удовлетворитъ, и вознаградитъ меня. Что онъ имѣлъ въ виду, я не знаю, а на мой вопросъ отвѣчалъ, что онъ и самъ теперь положительно не знаетъ, какое доставитъ мнѣ мѣсто, но что я могу оставаться спокойнымъ и съ терпѣніемъ ожидать его рѣшенія. Нашъ университетъ выразилъ мнѣ свое полное сочувствіе и желалъ всячески удержать меня при себѣ. Мнѣ были сдѣланы различныя предложенія. Остановились было на томъ, чтобы представить меня къ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора въ уваженіе прежнихъ заслугъ, а также и въ вознагражденіе за внезапный перерывъ моей дѣятельности, сопряженный для меня съ весьма важными невыгодами, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживало то, что уже мною приготовлена была докторская диссертація по исторіи философіи, и эта диссертація, еслибы не реформа, была бы защищена мною въ этотъ семестръ. Но такъ какъ каѳедры для меня теперь въ нашемъ университетѣ нѣтъ, то въ ожиданіи могущей впредь оказаться подручной мнѣ каѳедры, положено было ходатайствовать о томъ, чтобы меня удержать въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора при ученыхъ трудахъ, которые назначены для 1855 года по случаю юбилея столѣтняго существованія Московскаго университета [20]). Но безъ всякаго сомнѣнія, это представленіе, по своей необыкновенности, не имѣло бы успѣха. Да и что за странное положеніе—быть профессоромъ безъ каѳедры и заниматься Богъ знаетъ какими трудами! Между тѣмъ мнѣ было сдѣлано отъ ректора Петербургскаго университета, П. А. Плетнева, предложеніе: не захочу ли я принять мѣсто адъюнкта по Русской словесности? Признаюсь вамъ откровенно, что профессорствовать во всякомъ другомъ университетѣ кромѣ Московскаго мнѣ рѣшительно не хочется, и тѣмъ болѣе когда, вмѣсто нѣкотораго вознагражденія, я подвергаюсь деградаціи. Доселѣ хоть я и

---

[19]) Т.-е. быть причислену къ Московскому университету, безъ опредѣленной должности и жалованья. П. Б.

[20]) Это была мысль С. П. Шевырева, который потомъ такъ много потрудился для исторіи Московскаго университета. П. Б.

служилъ адъюнктомъ, но мѣсто мое не было адъюнктскимъ: каѳедра принадлежала мнѣ одному, я былъ на ней хозяинъ, и отъ меня зависѣло, съ представленіемъ докторской диссертаціи, получить званіе и окладъ профессора. Благодаря Петра Александровича, я писалъ ему, что еслибы я и принялъ сдѣланное имъ предложеніе, то не иначе какъ при условіи, чтобы меня перевели исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора и обезпечили мнѣ возможность получить ординарную профессуру, т.-е. чтобы это мѣсто не было адъюнктскимъ. Не знаю, какъ приняты мои условія: отвѣтнаго письма я еще не получалъ. Но во всякомъ случаѣ, повторяю вамъ, только въ случаѣ крайней необходимости рѣшился бы я перейти въ Петербургскій университетъ: пусть; конечно, это останется между нами. Но главное дѣло, въ которомъ вы можете оказать мнѣ содѣйствіе, состоитъ въ слѣдующемъ.

Пока все мною описанное происходило, въ Москвѣ не было графа Строганова [31]), который, принимая во мнѣ постоянное участіе, могъ бы пособить мнѣ тутъ и совѣтомъ, и дѣломъ: онъ уѣзжалъ на свои заводы и воротился очень недавно. При первомъ свиданіи со мною онъ возбудилъ во мнѣ мысль искать мѣсто цензора. Прежде эта мысль вовсе и не приходила мнѣ въ голову. Я было сдѣлалъ ему на это нѣкоторыя возраженія; но онъ отвѣчалъ, что я имѣю всѣ права на это мѣсто, по крайней мѣрѣ не меньшія, нежели приватъ-доцентъ въ Кіевскомъ университетѣ по упраздненіи каѳедры философіи, Гогоцкій, которому министръ обѣщалъ тамъ это мѣсто; если же должность цензора по своему характеру не удовлетворяетъ меня, то я не буду къ ней прикованъ; что для меня лучше провизорно оставаться на такомъ мѣстѣ, нежели на другомъ, которое въ матеріальномъ отношеніи будетъ несравненно хуже, или даже оставаться вовсе безъ мѣста при однихъ надеждахъ; что для меня впослѣдствіи будетъ очень легко съ этого мѣста перейти снова въ университетъ въ случаѣ вакансіи или новой каѳедры. Онъ совѣтовалъ мнѣ объ этомъ подумать и извѣстить его о моемъ рѣшеніи. Онъ обѣщалъ мнѣ хлопотать за меня. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, едва ли это не лучшее за что я долженъ схватиться. Какъ ни расположенъ ко мнѣ министръ, но если не указать ему рѣшительно, какое мѣсто можетъ онъ мнѣ дать, не просить его объ опредѣленномъ мѣстѣ, то онъ можетъ мнѣ сдѣлать такое предложеніе, отъ котораго, можетъ быть, я долженъ буду отказаться (какъ напр. профессорствовать въ Харьковѣ, Кіевѣ или даже въ Петербургѣ съ 700 р. с. жалованья), и тогда остаться заштатнымъ и быть въ весьма непріятномъ положеніи искать мѣста не отъ мѣста. Правда, должность цензора—и это пока только между нами—не можетъ быть мнѣ по нраву; но она дала бы мнѣ до будущаго случая хорошее провизорное положеніе. Итакъ содѣйствіе графа Строганова можетъ быть, безъ сомнѣнія, для меня полезно; но я думаю, что и другими путями дѣйствовать будетъ не менѣе полезно, и этотъ путь я вижу въ васъ. Ваша пріязнь

---

[31]) Тогда уже оставившаго попечительство въ Московскомъ университетѣ. П. Б.

ко мнѣ ручается мнѣ за ваше желаніе, а ваши отношенія къ графу Блудову [22]) даютъ надежду, что это желаніе не было бы безплодно. Я не буду плодить словъ и увѣренъ, представивъ вамъ на видъ дѣло, что вы не откажетесь помочь мнѣ въ немъ. Вы лучше меня знаете, что̀ можете сдѣлать и навѣрное сдѣлаете, что̀ отъ васъ зависитъ. Во всякомъ случаѣ сдѣлайте милость—отвѣчайте мнѣ какъ можно скорѣе, хоть въ двухъ словахъ [23])

Всею душою вамъ преданный М. Катковъ.

Мой адресъ: на Трехъ Горахъ, въ домѣ Университетской Обсерваторіи.

9.

Едва отправилъ къ вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, одно письмо, какъ вотъ посылаю и другое о томъ же дѣлѣ. Не медлите, если можете пособить мнѣ въ немъ: дѣло кипитъ, и съ каждой минутой можно потерять надежду на успѣхъ. Я былъ у попечителя [24]). Онъ добрый человѣкъ, но дѣлаетъ все только по рекомендаціямъ. Онъ мнѣ не отказалъ, но и не обѣщалъ; намекалъ, что онъ обѣщалъ уже нѣкоторымъ важнымъ лицамъ представить къ должности цензора по ихъ ходатайству другихъ, но что онъ будетъ радъ, если министръ дастъ мнѣ это мѣсто. Въ числѣ тѣхъ, кого онъ думаетъ представить, находится нѣкто *., учитель математики въ гимназіи, зять Перевощикова, человѣкъ совершенно ничтожный, снискавшій себѣ добрую славу взяточника. Можно помириться съ неуспѣхомъ, когда успѣхъ достается достойнѣйшему въ какомъ-нибудь отношеніи; когда же предпочитается кто-нибудь въ родѣ этого моего соперника, то не только самому заинтересованному въ дѣлѣ, но и постороннему должно быть досадно. Всѣ друзья и знакомые теперь еще сильнѣе побуждаютъ меня искать этого мѣста, чтобы спасти нашу бѣдную Московскую литературу.

Я еще не знаю, какъ вы приняли мою просьбу: возьметесь ли что-нибудь сдѣлать для меня по ней? Если, какъ я надѣюсь, вы не откажетесь, то я теперь еще съ бо̀льшей энергіей возобновлю мою просьбу, потому что теперь у меня только на васъ одна надежда. Графъ Строгановъ обѣщалъ непремѣнно писать къ министру именно объ этомъ мѣстѣ (до этого онъ уже писалъ къ нему, но только вообще, не указывая никакого опредѣленнаго мѣста) вчера, т.-е. во Вторникъ, 31-го Октября; но вчера же у него умеръ зять, князь Мещерскій [25]), и навѣрно ему было не до того. По

---

[22]) А. Н. Поповъ служилъ во II-мъ отдѣленіи собственной канцелярія, которымъ управлялъ графъ Д. Н. Блудовъ. П. Б.

[23]) Обезпеченное мѣсто было тогда крайне нужно Каткову. Въ Москвѣ жило милое, любезное, образованное семейство доктора Делоне, въ старшую дочь котораго (воспѣтую Н. В. Бергомъ и обожаемую К. А. Коссовичемъ) Катковъ влюбился и едва не сталъ ея женихомъ. (Позднѣе Елисавета Николаевна Делоне вышла за извѣстнаго психіатра Балинскаго). П. Б.

[24]) В. И. Назимова. П. Б.

[25]) Князь Александръ Васильевичъ, впослѣдствіи Московскій губернскій предводи-

этому несчастному случаю мнѣ, вѣроятно, не такъ скоро придется побывать у него; а между тѣмъ время уйдетъ, и если вы изъ пріязни ко мнѣ не приложите вашихъ стараній, то уйдетъ и мѣсто.

Ноября 1-го, 1850 г. Москва.

P. S. Прежнее письмо Строганова къ министру, полученное имъ не такъ давно, должно было произвесть на него хорошее дѣйствіе. Строгановъ мнѣ разсказывалъ его содержаніе. Теперь-то и дѣйствовать.

10.

Извѣстіе о смерти Мещерскаго оказалось ложнымъ: онъ очень боленъ и почти при смерти, однако еще не умеръ; а Строгановъ, какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ: письмо его уже теперь въ рукахъ министра, если только онъ уже воротился въ Петербургъ. Я спѣшу васъ извѣстить объ этомъ, полагая, что вы легче и успѣшнѣе можете дѣйствовать въ мою пользу, когда будете знать, что министръ уже предупрежденъ. Но я говорю: вы можете дѣйствовать, когда еще не знаю, хотите ли, рѣшитесь ли дѣйствовать. Я вамъ не даю опомниться и шлю письмо за письмомъ, а еще отъ васъ не получалъ никакого отзыва. Надѣюсь, любезный Александръ Николаевичъ, что такъ или иначе, а вы не замедлите отозваться. Между тѣмъ сообщу вамъ еще кое-что къ свѣдѣнію. Явились новые кандидаты: одинъ, вѣроятно, вамъ извѣстный Хавскій; другой Ржевскій, какъ говорятъ, братъ того Ржевскаго, что̀ былъ инспекторомъ въ Дворянскомъ Институтѣ, молодой малый, безъ всѣхъ условій, нужныхъ для этого мѣста, но по какимъ-то связямъ успѣвшій расположить въ свою пользу попечителя, который, какъ я уже прежде писалъ вамъ, существуетъ только номинально, а вмѣсто него дѣйствуютъ различныя тетушки, дядюшки и вся сволочь Московскихъ барынь. Онъ самъ жалуется на свое иго, но не смѣетъ и подумать стряхнуть его. Только разъ какъ-то онъ рѣшился отказать одной барынѣ, которая ходатайствовала за одного новопріѣхавшаго Нѣмца музыканта, чтобы онъ сдѣлалъ его директоромъ гимназіи. Долго колебался и мучился онъ, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ и только наконецъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ всѣхъ благонамѣренныхъ и неблагонамѣренныхъ (потому что дѣло было уже черезъ чуръ нелѣпо), онъ рѣшился отказать. Спрашивается, что̀ я могу получить отъ него, не имѣя никакой барыни или не будучи такъ богатъ этою статьею, какъ другіе? Строгановъ съ нимъ въ разладѣ и прямо на него дѣйствовать не можетъ. Какъ ни мало я придаю себѣ значенія, однакоже, говоря откровенно, не могу не признаться, что при сколько-нибудь безпристрастной оцѣнкѣ подобные соперники не могли бы быть мнѣ страшны.

Я думаю, что мнѣ можетъ въ настоящихъ моихъ исканіяхъ повредить доброжелательство Плетнева: если онъ будетъ хлопотать о томъ,

---

тель дворянства, которому Катковъ такъ помогалъ въ его памятной Москвѣ дѣятельности. П. Б.

чтобы перевесть меня въ Петербургскій университетъ, то министръ радъ будетъ случаю отдѣлаться отъ меня этимъ предложеніемъ. Какъ вы думаете, не писать ли мнѣ къ Плетневу?

Жду съ нетерпѣніемъ вашего письма.

Москва, 3 Ноября 1850 г. [26])

11.

Если вы когда либо мнѣ доброжелательствовали, любезный Александръ Николаевичъ, то теперь можете доказать мнѣ это вполнѣ. Вы уже знаете о замышляемомъ мною дѣлѣ отъ Леонтьева. Какъ кажется, планы наши относительно „Сына Отечества" не состоялись. Его перебилъ Кукольникъ съ компаніей. Остается только Дерикеръ и „Сѣверное Обозрѣніе". Вы говорили Леонтьеву, что для исходатайствованія разрѣшенія на изданіе журнала, уже прекратившагося, какъ „Сѣверное Обозрѣніе", требуется хлопотъ не менѣе, чѣмъ для испрошенія права на изданіе новаго. Конечно, это было бы очень хорошо, и мы собрали бы черезъ это порядочную сумму денегъ. Но Дерикеръ берется хлопотать самъ, если ему будетъ дано три тысячи рублей? Онъ надѣется на какія-то отношенія. Во всякомъ случаѣ мы, хоть бы и за деньги, получили бы право на изданіе, безъ всякихъ хлопотъ съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что эти *хлопоты могутъ и не удасться*, а между тѣмъ мы можемъ упустить „Сѣверное Обозрѣніе". До меня дошли слухи, изъ достовѣрнаго источника, что нѣкоторые господа, какъ-то Щепкинъ, Фроловъ, Коршъ, уже вступили въ переговоры съ Дерикеромъ объ его журналѣ. Бога ради, освѣдомьтесь объ этомъ. Я увѣренъ, что вы болѣе бы желали успѣха мнѣ въ этомъ дѣлѣ, нежели помянутымъ господамъ. Я васъ уполномочиваю вести переговоры съ Дерикеромъ; предлагайте ему все, что̀ вы сочтете нужнымъ для того, чтобы не упустить журнала. Но прежде всего я просилъ бы васъ убѣдительно повидаться за этимъ дѣломъ съ графомъ С. Г. Строгановымъ, который теперь въ Петербургѣ и принимаетъ большое участіе въ моемъ планѣ. Онъ взялся развѣдать отъ лицъ, могущихъ имѣть вліяніе на ходъ этого дѣла, чего можно ожидать и какъ лучше поступить. Поговорите съ нимъ. Если дѣйствительно

[26]) Въ началѣ слѣдующаго 1851 года, благодаря случайному обстоятельству (увольненію Хлопова), Катковъ назначенъ былъ отъ университета редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей, что̀ вполнѣ его обезпечило и дало возможность вступить въ бракъ (съ княжною Софьей Петровной Шаликовой). Съ той поры зажилъ онъ на Страстномъ бульварѣ и совершенно обновилъ Московскія Вѣдомости. Это было самое свѣтлое время его дѣятельности, когда онъ былъ богатъ дружбою лучшихъ людей. Исторія съ Хлоповымъ разсказана у насъ еще при жизни Каткова (см. Р. Архивъ 1887, II, 367). Слѣдующее письмо (безъ означенія времени) должно относиться уже къ началу 1855 года, когда умножавшееся семейство понудило Каткова воспользоваться пріобрѣтеннымъ издательскимъ навыкомъ и искать болѣе прибыльной журнальной дѣятельности. П. Б.

окажется *сильная* надежда на полученіе права на новое изданіе, то, конечно, было бы лучше; но если это чуть немного сомнительно, то дѣйствуйте на Дерикера. Пусть онъ немедленно напишетъ *довѣренность* хоть на имя Леонтьева для заключенія контракта со мною, съ прописаніемъ всѣхъ условій этого контракта, который состоится тотчасъ же, какъ онъ исхлопочетъ право. Только постарайтесь, ради Бога, чтобы у насъ не перебили, и мы не остались на мели. Предложите Дерикеру болѣе, если это понадобится.

Впрочемъ, я предоставлю все вашей пріязни ко мнѣ. Я увѣренъ, что вы не упустите ничего, а вы съ своей стороны можете быть вполнѣ увѣрены въ моей благодарности: журналъ, мною издаваемый, не можетъ быть вамъ чуждъ.

Всею душою вамъ преданный М. Катковъ.

12.

Жду отъ васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, любезный Александръ Николаевичъ, обѣщанную вами для „Русскаго Вѣстника" статью о Стенькѣ Разинѣ. Заранѣе уже увѣренъ, что она будетъ украшеніемъ нашего журнала. Ефремовъ сказывалъ мнѣ, что вы представляете мнѣ на выборъ—либо напечатать только нѣсколько главъ изъ этого труда, либо напечатать весь текстъ его, а приложеніе помѣстить во „Временникѣ" [27]). Рѣшить это я могу только тогда, когда весь трудъ вашъ будетъ въ моихъ рукахъ; но думаю однако, что было бы лучше напечатать въ „Русскомъ Вѣстникѣ" все сочиненіе. Я измучился въ хлопотахъ по изданію. Въ Москвѣ все, что относится до типографскаго дѣла, находится въ страшномъ неустройствѣ и младенчествѣ. Бьюсь какъ рыба объ ледъ. Думаю уже основать свою типографію. Журналъ нашъ идетъ очень хорошо: уже 3,000 подписчиковъ, и скоро должны мы будемъ закрыть подписку за неимѣніемъ экземпляровъ для удовлетворенія прибывающихъ подписчиковъ. Во внутреннемъ отношеніи „Русскій Вѣстникъ", будетъ, какъ я надѣюсь, все улучшаться и къ концу года представитъ доказательство, что на свѣтѣ прогрессъ существуетъ. Каковъ бы ни былъ нашъ журналъ, но въ немъ есть сильное и небезплодное стремленіе идти впередъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта и статьи отъ васъ, обнимаю васъ отъ всего сердца. Передайте отъ меня привѣтствіе вашей супругѣ.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва. 5 Марта (1856).

Плата за ученыя статьи, печатаемыя въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 50 р. [28]) съ листа (въ 16 стран.). За Стеньку Разина „Русскій Вѣстникъ" заплатитъ 50 р. съ листа. Впрочемъ, мы будемъ согласны на всѣ ваши условія [29]).

---

[27]) Изданія Общества Исторіи и Древностей. П. Б.

[28]) Сначала было написано и зачеркнуто 30 р. П. Б.

[29]) Сочиненіе А. Н. Попова о Стенькѣ Разинѣ появилась въ „Русской Бесѣдѣ", а приложенія вышли отдѣльною книгою. Катковъ былъ издательски правъ, уклонившись отъ помѣщенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ" этого труда, написаннаго весьма не занимательно. П. Б.

13.

Спѣшу набросать вамъ, любезный Александръ Николаевичъ, нѣсколько весьма важныхъ строкъ. Дѣло вотъ въ чемъ: какъ вамъ уже извѣстно, Назимовъ, попечитель Московскаго учебнаго округа, назначенъ въ Вильну генералъ-губернаторомъ. Кто будетъ назначенъ на его мѣсто? Вопросъ этотъ имѣетъ великую важность, и при томъ не для одной Москвы. Намъ здѣсь извѣстно, что графъ Строгановъ не затруднился бы снова занять это мѣсто. Хотя по своему служебному значенію онъ имѣлъ бы право претендовать на что-либо высшее; однако, повторяю, онъ не отказался бы и отъ этого мѣста. Вы понимаете всю важность такого назначенія. Но графъ Строгановъ, какъ тоже извѣстно намъ, не сдѣлаетъ шагу, чтобы заявить свою готовность возвратиться къ прежней своей дѣятельности. Вѣроятно, въ высшихъ кругахъ потому только не вспомнятъ о немъ, что побоятся его обидѣть. Надобно разсѣять это опасеніе. Намекните, напримѣръ, графу Блудову о возможности такого назначенія и о томъ, что Строгановъ готовъ принять его (это положительно); отъ него можетъ это распространиться далѣе, и кто знаетъ, можетъ быть, это и состоится. Славное было бы дѣло!

Я въ страшныхъ хлопотахъ по журналу. Не забывайте, что вы нашъ сотрудникъ и что на васъ возлагаю я большія надежды для своего изданія. Съ нетерпѣніемъ буду ждать отъ васъ обѣщанныхъ статей. Подписка въ Москвѣ и въ другихъ городахъ идетъ очень хорошо.

Отъ всей души обнимаю васъ М. Катковъ.

Москва, 12 Декабря (1856).

P. S. Ради Бога, дѣйствуйте и говорите положительно, что Строгановъ будетъ готовъ принять мѣсто попечителя.

14.

Я не отвѣчалъ на первое письмо ваше, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, по разнымъ причинамъ. Вопервыхъ, оно застало меня въ расплохъ; я былъ въ страшныхъ хлопотахъ, которыя усилились вслѣдствіе болѣзни моей жены; потомъ я самъ былъ нездоровъ, а отослать къ вамъ рукопись вашу безъ объясненія я не хотѣлъ. Къ тому же я надѣялся, что время нѣсколько ослабитъ то побужденіе, которое заставило васъ требовать у меня возвращенія вашей статьи. Я надѣялся, что вы будете справедливѣе ко мнѣ.

Признаюсь, письмо ваше очень удивило и огорчило меня. Мой братъ, передавая вамъ, что статья ваша отложена мною до 1857 года, вѣроятно, объяснялъ и причины этого. При свиданіи вы согласились со мною, чтобы печатаніе статьи вашей было отложено до того времени, какъ вы вышлете вторую ея половину. Эта послѣдняя часть была доставлена мнѣ въ Ноябрѣ

прошедшаго года. Такъ какъ я не думалъ, чтобы вы полагали какое-нибудь существенное различіе между появленіемъ ея въ послѣднихъ книжкахъ истекавшаго года или въ первыхъ новаго, то я и отложилъ ее, побуждаемый къ тому весьма настоятельными причинами: я долженъ былъ всячески стараться окончить всѣ начатыя въ этомъ году статьи, изъ которыхъ многія вышли гораздо длиннѣе, нежели я предполагалъ. Въ двухъ послѣднихъ книжкахъ появилась только одна новая статья—о фотографіи и гравюрѣ, Стасова, и то только потому, что она лежала въ редакціи съ Января мѣсяца.

Теперь я узнаю̀, что вы потому хотѣли, чтобы статья ваша была напечатана въ прошедшемъ году, что не хотѣли на будущее время участвовать въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Вы упрекаете „Русскій Вѣстникъ" за оскорбительныя выходки противъ „Русской Бесѣды". Я рѣшительно не понимаю васъ, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, и если вы намекаете, что изъ-за меня дѣйствуютъ такъ неприлично другія лица, мои сотрудники, то позвольте и мнѣ думать, что въ этихъ незаслуженныхъ упрекахъ слышится не вашъ голосъ. Я увѣренъ, что вы сами, сообразивъ хладнокровно, согласитесь, что если и можно въ чемъ упрекнуть „Русскій Вѣстникъ", то, конечно, не въ излишествахъ полемики [30]). Сдѣлайте милость, хоть по чувству справедливости, пересмотрите всѣ тѣ статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ", которыя вызваны были несогласіемъ съ нѣкоторыми статьями „Русской Бесѣды". Въ моихъ замѣткахъ не можете вы не усмотрѣть желаніе соглашенія, полное доброжелательство и готовность сочувствовать во многомъ существенномъ, конечно, при желаніи, чтобы это сочувственное выразилось явственнѣе и отдѣлилось отъ того, что̀, по моему мнѣнію, болѣе или менѣе невѣрно или составляетъ случайную примѣсь къ дѣлу. Я всегда такимъ образомъ отзывался о такъ называемыхъ Славянофилахъ, и вы сами всегда бывали не прочь соглашаться со мною во многомъ по этому предмету. Во всякомъ случаѣ замѣтки мои не могли оскорбить никого: это засвидѣтельствовано даже и въ „Русской Бесѣдѣ". Статья Чичерина о народности въ наукѣ также не представляетъ ничего оскорбительнаго, каково бы ни было ея достоинство. Сравните съ этими статьями, напримѣръ, статью Самарина о народномъ образованіи, гдѣ онъ такъ насмѣхается надъ своими противниками. У насъ бы достало умѣнья отвѣчать на это; поводовъ трунить было и намъ немало; но „Русскій Вѣстникъ" не воспользовался ими. Вотъ почти все, что̀ было собственно полемическаго противъ „Русской Бесѣды" въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Если же въ моемъ журналѣ появлялись статьи, которыя по своему содержанію не согласовались со взглядами „Рус-

---

[30]) Вскорѣ за тѣмъ Катковъ началъ считать полемику необходимостью для повременнаго изданія и позднѣе даже отзывался, что если нѣтъ противниковъ, то надо ихъ выдумать и дѣйствовать противъ нихъ безпощадно. Статьи „Бай-бороды" (изъ за которыхъ и намъ пришлось выдержать съ нимъ горячіе споры и затѣмъ не видаться нѣсколько лѣтъ сряду) появились послѣ этого письма и по разрывѣ съ А. Н. Поповымъ. П. Б.

ской Бесѣды“, то можетъ ли быть это поставлено въ укоръ журналу? Статьи эти писаны лицами спеціальными, писаны съ прямою и единственною цѣлью разъяснить предметъ ихъ занятій и сообщить публикѣ результатъ ихъ изслѣдованій. Какое бы право имѣлъ я отлучать подобныя статьи? Кое съ чѣмъ, особенно въ статьяхъ Чичерина, я самъ не очень сочувствую; но я не могу въ своемъ журналѣ дѣйствовать деспотически и гнуть всѣхъ подъ одну мѣрку. Въ статьѣ ученой я прежде всего долженъ смотрѣть, въ духѣ ли науки постановленъ вопросъ; а болѣе или менѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе вопроса придетъ само собою. Главная задача журналиста въ настоящее время у насъ возбуждать вопросы и вызывать мысль на дѣятельность. Приглашая васъ къ участію въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, я видѣлъ въ васъ представителя того, что̀ было мнѣ особенно сочувственно въ людяхъ, собравшихся теперь подъ знаменемъ „Русской Бесѣды“; я надѣялся найти въ васъ живую связь между обоими журналами. Какъ присланную вами статью, такъ и вообще ваше участіе, я ставлю высоко и очень огорченъ теперешней нашей размолвкой. Не отнимайте у меня статьи и не оставляйте меня; а я всегда былъ, такъ и желалъ бы всегда остаться, къ вамъ въ самой доброй пріязни. Если вы отмѣните ваше прежнее рѣшеніе, то сдѣлайте милость, не откажите написать мнѣ двѣ-три строки, и статья ваша будетъ тотчасъ же напечатана; она была бы напечатана въ первыхъ книжкахъ, еслибы не письмо ваше. Если же я въ теченіи недѣли не получу отъ васъ отвѣта или получу отвѣтъ неблагопріятный, то я, скрѣпя сердце, возвращу ее вамъ черезъ контору.

Во всякомъ случаѣ примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи къ вамъ.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва, 7 Марта (1857 г.).

15.

Простите мнѣ, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, за неаккуратность въ корресподенціи: такъ замотался, что ей Богу некогда бываетъ и два слова написать.

Меня удивляетъ, что вы не получаете „Русскаго Вѣстника“, тогда какъ съ начала года было сдѣлано мною распоряженіе, чтобъ выдавали вамъ экземпляръ попрежнему. Въ лавкѣ Базунова есть списокъ лицъ, которымъ она должна выдавать безплатно, и вы находитесь въ этомъ спискѣ. О деньгахъ сдѣлано также распоряженіе, и вы получите ихъ на дняхъ.

Заранѣе радуюсь, что увижу васъ въ Москвѣ. Вѣрьте моей искренней пріязни и глубокому уваженію.

Весь вашъ М. Катковъ.

Москва, 3 Мая (1857).

ЗА ПУШКИНА.

Въ примѣчаніяхъ къ новымъ изданіямъ Пушкина, превосходное стихотвордніе его Эхо: „Ревет ли звѣрь въ лѣсу глухомъ“ и пр., до сихъ поръ считавшееся оригинальнымъ и въ такомъ видѣ даже переведенное по-французски, не знаю на какомъ основаніи отмѣчено переводомъ изъ Томаса-Мура. Я перелядѣлъ всего Мура и не нашелъ въ немъ ничего подобнаго. Единственные стихи подъ этимъ названіемъ ни по мысли, ни по выраженію не имѣютъ никакого сходства со стихотвореніемъ Пушкина. Привожу ихъ въ подлинникѣ и въ подстрочномъ переводѣ.

E c h o.

How sweet the answere Echo makes
To music at night,
When, roused by lute or horn, she wakes
And far away, o'er lawns and lakes,
Goes answering light.

—

Yet Love hath echoes truer far
And far more sweet,
Than e'er beneath the moonlight's star
Of horn or lute, or soft guitar
The songs repeat.

—

T'is when the sigh in youth sincere,
And only then,
The sigh that breath'd for one to hear
Is by that one, that only dear
Breathed back again!

Э х о

(изъ Мура).

Какъ сладостно отвѣчаетъ Эхо
Музыкѣ ночью,
Когда пробужденное лютней или звукомъ рога оно просыпается
И далеко по лугамъ и по водамъ
Идетъ, слегка ей отвѣчая.

—

Но Эхо любви гораздо вѣрнѣе
И гораздо сладостнѣе,

Чѣмъ когда-либо, при свѣтѣ мѣсяца,
Роговъ или лютни, или томной гитары
Повторенные звуки.

—

Такъ бываетъ, когда, во дни простосердечной юности,
И только тогда,
Вырывается у насъ изъ груди вздохъ слышимый *ею* одною,
И когда, *она*, единственно дорогая,
Отвѣчаетъ намъ на него вздохомъ.

Къ тому же извѣстно, что Пушкинъ винилъ Жуковскаго въ его пристрастіи къ Муру. „Жуковскій меня бѣситъ (писалъ онъ еще въ 1822 г. князю Вяземскому). Чтó ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла-Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди“. Или еще (въ Апрѣлѣ 1825 года, ему же): „Знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черезъ чуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранять вкусъ и взоръ Европейца“.

Случалось, что самъ Пушкинъ иногда приписывалъ другимъ свои собственныя творенія. *Скупаго Рыцаря* назвалъ онъ переводомъ изъ небывалаго Англійскаго поэта Ченстона. Отрывокъ: *Не дорого цѣню я громкія права* и пр. приписалъ онъ малоизвѣстному Итальянскому поэту Пиндемонте. Великолѣпное обличеніе графа С. С. Уварова (На выздоровленіе Лукулла) названо у него подражаніемъ Латинскому. Но до сихъ поръ никто не говорилъ, чтобы его стихотвореніе „Эхо“ принадлежало Томасу-Муру. Козловъ заимствовалъ изъ Мура Вечерній Звонъ (Those evening bells), Лермонтовъ „Вечерніе выстрѣлы“ (The evenig guns). Въ изданіяхъ ихъ сочиненій не означено, что это переводы; съ Пушкинымъ же выходитъ совершенно обратное: мы приписываемъ свое Англійскому поэту.

И. Х.

ТЕРУАНЬ-ДЕ-МЕРИКУРЪ.

Четверть вѣка тому назадъ похититель Французскаго престола писалъ біографію Цезаря и печаталъ собраніе писемъ геніальнаго Корсиканца. Въ современной намъ республиканской Франціи дѣятельно занимаются исторіей большой Французской революціи: безпрестанно выходятъ подробныя біографіи не только главныхъ, но и второстепенныхъ ея дѣятелей. Къ числу этого рода разысканій принадлежитъ небольшая, но занимательная книжка о знаменитой дѣвицѣ Теруань-де-Мерикуръ, этой амазонкѣ свободы или площадной и безстыжей Іоаннѣ д'Аркъ, по выраженію Ламартина (Étude historique et biographique sur Théroigne de Méricourt, par Marcelin Pellet. Paris, 1886, мал. 8-ка, 126 стр.)

Но для чего объ этой книжкѣ говорить въ «Русскомъ Архивѣ»? скажутъ читатели. Вопервыхъ для того, что Французская революція, истинною героинею которой была Теруань - де - Мерикуръ, имѣла значительное политическое, умственное и бытовое вліяніе и на судьбы Россіи; а вовторыхъ, въ частности, наши читатели припомнятъ, что этой женщинѣ жертвовалъ своимъ достояніемъ и силами одинъ изъ замѣтнѣйшихъ представителей Русскаго общества, храбрый воинъ, другъ императора Александра Павловича, образованнѣйшій человѣкъ, имѣвшій обширный кругъ вліянія по самому богатству своему, графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. Подробности изложены въ статьѣ нашей «Жильберъ-Роммъ и графъ П. А. Строгановъ», въ первомъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1887 года. Вышеназванная книжка показываетъ намъ, какими чарами владѣла Теруань-де-Мерикуръ и заставляетъ признать въ ней хотя и наглую безпутницу, но съ дарованіями необыкновенными. Авторъ приводитъ нѣкоторыя публичныя рѣчи ея о женской равноправности и о необходимости допускать женщинъ къ дѣятельности общественной, въ качествѣ примирительницъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи это была предшественница славной Жоржъ-Зандъ, которой у насъ поклонялись не за одинъ высокій талантъ ея, но и за самое содержаніе непутёвой ея проповѣди, понятной во Франціи (гдѣ и до сихъ поръ женщина въ имуще-

ственномъ отношеніи рабыня мужа, если повѣнчана съ нимъ церковнымъ, а не гражданскимъ образомъ), но совершенно непримѣнимой къ исконному полноправію Русской женщины. Умнѣйшіе люди находили удовольствіе въ бесѣдѣ даровитой Теруань-де-Мерикуръ. Она отличалась умомъ и начитанностью. Большая часть разсказовъ о развратѣ ея, по словамъ г-на Пелле, опровергается при точномъ и безпристрастномъ изученіи обстоятельствъ. Она любила родныхъ своихъ (бѣдныхъ Бельгійцевъ) и пеклась о своихъ братьяхъ. Въ клубѣ «Друзей Закона», который основанъ былъ Роммомъ, она завѣдывала архивомъ, а графъ Строгановъ (18 лѣтъ отъ роду) библіотекою.

Теруань-де-Мерикуръ ходила въ голубой курткѣ, въ круглой шляпѣ съ перьями трехъ цвѣтовъ, носила за поясомъ два пистолета и съ боку саблю. Она была на десять лѣтъ старше своего Русскаго поклонника. Приложенный къ книжкѣ портретъ ея, въ цвѣтѣ красоты и молодости, отличается заманчивою живостью и подвижностью; но въ концѣ книжки находимъ другой портретъ, когда она была сумашедшею старухою. Сличеніе этихъ портретовъ производитъ дѣйствіе подавляющее.

Графъ Строгановъ былъ увезенъ изъ Парижа въ Декабрѣ 1790 г. и стало быть не видалъ подругу свою во время наиболѣе рѣзкихъ ея выходокъ. Но до него конечно доходили въ Россію извѣстія о томъ, какъ ее задержали въ родномъ ея городѣ Люттихѣ, какъ сидѣла она въ крѣпости Куфштейнѣ въ Тиролѣ, откуда въ 1791 году освободилъ ее новый императоръ Леопольдъ и велѣлъ на свой счетъ доставить въ Брюссель; какъ она вновь появилась въ Парижѣ и принимала участіе въ бурныхъ событіяхъ революціи; какъ, наконецъ, плачевно довершилась ея дѣятельность: 15-го Мая 1793 года въ уличной схваткѣ овладѣли ею Парижскія рыночныя торговки и на глазахъ толпы, которую такъ часто она увлекала своими рѣчами, раздѣли до нага и высѣкли розгами. Отвезенная своими приверженцами въ больницу, Теруань-де-Мерикуръ повредилась въ умѣ. Ея сумашествіе доходило до ужасающихъ размѣровъ: она не терпѣла одежды, голая выползала на четверенькахъ изъ своего затвора, ѣла солому, перья, всякій соръ, пила изъ навозной лужи.... Въ этомъ состояніи прожила она слишкомъ 24 года!

Неизвѣстно, навѣстилъ ли ее графъ Строгановъ въ 1814 году, находясь съ побѣдоносными нашими войсками въ Парижѣ (послѣ того, какъ на глазахъ его убитъ былъ при Краонѣ единственный его сынъ). Онъ не такой былъ человѣкъ, чтобы совсѣмъ забывать прошлое. Зять его, графъ С. Г. Строгановъ, разсказывалъ про него, что иногда

въ Петербургѣ, ни съ того, ни съ сего, онъ становился страненъ, по цѣлымъ часамъ проводилъ время за панибрата съ прислугою, изъ роскошныхъ залъ своего дворца на Невскомъ проспектѣ уходилъ къ дворникамъ, обѣдалъ въ людской. Черты лица его на превосходномъ портретѣ, работы Монье, писанномъ еще до кончины сына, запечатлѣны грустью. Чего, чего не переиспыталъ этотъ ученикъ Ромма, участникъ сначала Французской революціи, а потомъ похода къ Стокгольму по льду Ботническаго залива и великихъ войнъ 1812—1814 годовъ! Самая кончина его была необыкновенна: онъ умеръ одиноко у Датскихъ береговъ, на кораблѣ, въ злой чахоткѣ, въ одинъ и тотъ же годъ и мѣсяцъ, какъ и Теруань-де-Мерикуръ (Іюнь 1817).

Здѣсь кстати сообщить, что подлинныя записки его наставника Ромма о путешествіи его по Россіи пріобрѣтены Одесскимъ археологомъ И. И. Курисомъ; а письма Ромма къ графу А. С. Строганову хранятся въ богатомъ семейномъ архивѣ князя П. П. Голицына, въ селѣ Марьинѣ (близъ станціи Ушаки, подъ Петербургомъ). Такимъ образомъ вышеюмянутая статья о Роммѣ и графѣ Строгановѣ могла бы нынѣ обратиться въ цѣлую книгу *).

П. Б.

---

*) Въ статьѣ этой сдѣлана ошибка, при исчисленіи пожертвованій графа Строганова на успѣхи революціи: онъ отдалъ не серьги, а застежки. П. Б.

СТИХОТВОРНАЯ ШУТКА С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

Нѣкогда въ Ревелѣ пользовался морскимъ купаньемъ баронъ Врангель, про котораго говорили, что въ него влюбилась одна знакомая Соболевскому особа, Анна Васильевна. Соболевскій по своему обычаю подтрунивалъ надъ нею. Прошло много лѣтъ и, встрѣтивъ ее въ Москвѣ уже старухою, онъ сочинилъ и послалъ ей слѣдующія строфы.

Вы о маіорѣ Врангелѣ
Говаривали мнѣ
Какъ будто бы объ ангелѣ.
Чтó онъ теперь не въ рангѣ ли
Des gens abandonnés? [1])

—

Когда морскою ванною
Лечился онъ отъ ранъ,
Вы были ему манною,
И тамъ-то съ вами, съ Анною,
Затѣялъ онъ романъ.

—

Онъ (въ слѣдствіе усилья) внѣ
Любви вамъ не казалъ;
Но часто о Васильевнѣ
Вздыхая: Va, si elle v'nait! [2]),
Сквозь слезы онъ шепталъ.

---

[1]) Людей покинутыхъ.
[2]) Ахъ, еслибъ она пришла!

О ЗАМѢТКѢ г-на Н. АКАТЬЕВА НА СЛОВО „САПЕЦЪ" *).

Если бы г. Акатьевъ для объясненія слова „сапецъ" (правильнѣе по Двинскому говору „сопéцъ"), прочелъ то мѣсто „Путешествія стольника П. А. Толстаго" (стр. 57), гдѣ говорится о сапцѣ, и обслѣдовалъ стоящіе въ этомъ мѣстѣ „Путешествія" Русскіе предлоги „*въ*" и „*отъ*", то не наткнулся бы на Французскій глаголъ „*saper*", и черезъ это не потерпѣлъ бы крушенія, сказавъ: „Какъ морякъ, нахожу возможность объяснить, что упомянутый морской (старинный) терминъ обозначаетъ *холодное абордажное оружіе*, напр. саблю, а главное—топоръ (Французск. глаголъ „saper" подсѣкать)".

Не сказалъ бы г. Акатьевъ такихъ словъ, потому что „Путешествіе" вразумительно и ясно говоритъ, что между оружіемъ, находившимся у стольника П. А. Толстаго *въ* фелукѣ, и между сопцомъ, снятымъ *отъ* фелуки, нѣтъ ничего общаго, что̀ и видно изъ словъ П. А. Толстаго: „что̀ было у насъ *въ* филюгѣ ружья моего и маринерскаго, то ружье все и *отъ* филюги сапецъ взяли у насъ къ тому вышеписанному кавалеру во дворъ за караулъ".

Затѣмъ, еслибъ г. Акатьевъ взялъ вмѣсто Французскаго лексикона Русскій словарь В. И. Даля, то нашелъ бы въ немъ точное значеніе сопца, то-есть: „Сопéцъ *Сиб.* и *стар.* руль, правило, кормило, стернó, стар. копéцъ. *И съ людей парусы и сопцы обралъ.* Акты. *Всѣ матрозы должны караулить у рура или сопца.* Инструкція Петра I-го".

Правильность объясненія В. И. Даля можно подтвердить еще актами, вошедшими въ III-й томъ „Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ", недавно изданный Археографическою Коммиссіею. Въ томѣ этомъ помѣщены: челобитная князя В. В. Голицына, отписка состоящаго при немъ пристава П. Скрябина и сказка или показаніе капитана Московскихъ стрѣльцовъ И. Бардадатова и бывшихъ съ ними людей, гдѣ на столбцахъ: 1303, 1307, 1347, 1351 и 1352 значится, что послѣ выхода лодьи съ княземъ Голицынымъ и его семействомъ изъ Двинскаго устья въ море, „пришла погода встрѣшная съ туманомъ, и кинуло (лодью) на песокъ и било, и сопецъ переломило, и насилу спаслись, и отошли назадъ къ острову Третьякову".

Аскалонъ Труворовъ.

17-го Іюня 1888 г.

---

*) См. „Русскій Архивъ" 6-й выпускъ текущаго года, внизу страницы 256-й.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

Графъ П. Х. Граббе, вслѣдствіе переѣздовъ и служебныхъ занятій, не рѣдко прерывалъ свой дневникъ и записную книжку. И дневникъ, и записная книжка, съ выдержками изъ множества прочитанныхъ книгъ и отрывочными набросками приходившихъ въ голову мыслей и соображеній, размѣщены не такъ какъ у Н. Н. Муравьева (писавшаго постоянно въ одинаковыхъ тетрадяхъ, съ оглавленіями каждой, и даже съ перемѣченными послѣдовательно въ теченіи многихъ лѣтъ страницами), а смотря по тому, какая тетрадь попадалась подъ руку: кавалерійскому генералу, человѣку характера отмѣнно-живаго и впечатлительнаго, поэту въ душѣ, трудно бывало держаться строгаго порядка въ бумагахъ своихъ. Въ записную книгу вносилъ онъ иногда и черновыя письма свои, которыя для насъ служатъ теперь отчасти пополненіемъ вышеназванныхъ перерывовъ. Изъ нихъ видно, что, въ 1842 году, оставивъ службу на Кавказѣ, послѣ непріятностей съ непосредственнымъ своимъ начальникомъ Е. А. Головинымъ, которыя возникли, кажется, при тайныхъ пройскахъ П. Е. Коцебу, графъ Граббе поселился въ Кіевѣ. Въ началѣ Апрѣля 1845 года онъ былъ въ Петербургѣ, откуда перебрался на жительство въ Малороссійское помѣстье свое Тимчиху. Къ новому Кавказскому правителю, князю Воронцову, онъ относился критически. Въ одномъ письмѣ 1845 года читаемъ:

«Пассекъ былъ одною изъ самыхъ героическихъ фигуръ Кавказа, гдѣ ихъ столько; въ этомъ видѣ я сдѣлалъ его извѣстнымъ Государю. И три холодныя и пошлыя строчки въ донесеніи графа Воронцова сообщили это довольно однако необыкновенное происшествіе— смерть трехъ генераловъ! За тѣмъ умолчаны имена погибшихъ офицеровъ, чтобы общее распространить въ семействахъ безпокойство. Я крѣпко тревожусь за Беклемишева. — Г.-м.-Фрейтагъ опять имѣлъ случай оказать важную военную услугу быстрымъ содѣйствіемъ графу

Воронцову выдти изъ опаснаго положенія. Надѣюсь, что это для него будетъ полезно».

Къ одному пріятелю графъ Граббе пишетъ уже изъ сельскаго уединенія своего, Декабря 8-го 1845 г. «Семейство мое, въ главномъ корпусѣ, хорошо ограждено отъ нашествія зимы. Я же въ своемъ флигелѣ, который не успѣли оштукатурить и гдѣ въ кабинетѣ моемъ нѣтъ даже печки, а только камины, проведу эту зиму нѣсколько побивачному. Не смотря на неугасимый огонь, не скажу, чтобы было тепло, и я наглядно могу ежеминутно удостовѣряться въ своемъ дыханіи».

Въ 1846 г., лѣтомъ, графъ Граббе былъ посыланъ въ Молдавію для привѣтствія пріѣхавшаго туда Турецкаго султана. «On est satisfait ici de la manière dont je me suis acquitté de ma mission. J'ai ordre de rester à la cour, qui se trouve à Peterhoff, j'ignore pour combien de tems».

Приводимъ нѣсколько писемъ его, относящихся къ тому времени, когда, будучи уже генералъ-адъютантомъ, онъ оставался не у дѣлъ.

Къ А. П. Ермолову.

Декабря 16-го 1845, Тимчиха.

Трудно и неловко послѣ многолѣтняго молчанія приняться за первое письмо; но не могу и не хочу долѣе молчать, чтобы за неудовольствіемъ не послѣдовало и полное забвеніе, что́ быть можетъ уже и случилось. Но въ нашемъ взаимномъ отношеніи, вашемъ, благодѣтеля, начальника рѣдкаго, потомъ (могу ли сказать?) почти друга; въ моемъ, — вами въ нѣжной молодости взысканнаго благодѣяніями, ободреніемъ, примѣромъ столь высокаго образца, самымъ лестнымъ сближеніемъ, тогда отеческимъ, потомъ дружескимъ: для васъ это молчаніе незамѣтно, и если вами замѣчено, то это новое доказательство вашего снисхожденія. Для меня же, — оно тяготитъ меня, какъ упрекъ, тяжело выговорить, почти какъ упрекъ въ неблагодарности и въ неразуміи: ибо кто можетъ не дорожить перепискою съ Ермоловымъ? Если сердитесь, то вы сами строже этого ничего не выдумаете. Но вы уже не сердитесь! Я знаю въ вашей душѣ уголокъ, мало кому извѣстный, вами тщательно отъ свѣта скрываемый, въ которомъ таится сокровище, всегда готовое, доброты и нѣжнаго снисхожденія для немногихъ, между которыми я занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ свое время. Такъ ли, Алексѣй Петровичъ? А это просто была лѣнь, общая знакомая.

Но о чемъ можетъ писать къ вамъ добровольный отшельникъ, зарывшійся въ деревнѣ, въ Малороссіи, занятый почти исключительно обязанностями отца большаго семейства, важными и утѣшительными для него, но безъ занимательности для всякаго другаго. Впрочемъ счастье ваше, что я пишу къ вамъ зимою; иначе не миновать бы

вамъ идиллическаго описанія красиваго мѣстоположенія пріятнаго моего пріюта, теплаго неба Малороссіи, полнаго счастія, которое я почти догонялъ на этотъ разъ верхомъ въ ежедневныхъ скачкахъ съ моими старшими мальчиками чрезъ поля и долы. Все это продолжалось до 1-го Декабря и прекратилось внезапнымъ нашествіемъ зимы со всѣмъ ея причетомъ. Мы остаемся и зиму въ деревнѣ и вообще не располагаемъ (я могъ бы сказатъ и не можемъ) ее оставить безъ новыхъ какихъ либо обстоятельствъ. Призывъ на дѣйствительную службу нашелъ бы меня совершенно здоровымъ и столько же готовымъ; но чѣмъ я долѣе здѣсь остаюсь, тѣмъ менѣе онъ становится вѣроятнымъ: ибо продолжительное отсутствіе мое безъ сомнѣнія толкуютъ тамъ не въ мою пользу, если вообще не вовсе меня забыли. Но я не имѣю средствъ для поѣздокъ въ Петербургъ, чтобы освѣжать себя въ памяти; тѣмъ менѣе могу прожить тамъ, даже въ какомъ бы то ни было городѣ. Спѣшу прибавить, что въ этомъ не могу обвинять никого кромѣ себя; ибо содержанія мною получаемаго при собственныхъ, хотя небольшихъ средствахъ, было бы достаточно вездѣ, еслибы я не былъ окруженъ большимъ семействомъ: восемь человѣкъ дѣтей съ учителями и гувернанткой! Но по важности болѣзни моей жены, пятеро уже были опредѣлены въ казенныя заведенія самымъ милостивымъ образомъ и сходно съ моимъ желаніемъ; остальныхъ также готова была взять на свое попеченіе великодушная Императрица, а жену для излѣченія отправить съ докторомъ за границу. Но по ея выздоровленіи, для сохраненія дѣтямъ матери, вовсе не постигающей возможности разлуки съ ними, я собралъ ихъ опять всѣхъ около себя. Отъ того только мнѣ иногда трудно, но за то сколько утѣшенія и отрады! Привычка къ занятіямъ пріятно наполняетъ все остальное отъ семейства время. Вотъ вамъ, Алексѣй Петровичъ, кажется довольно полный отчетъ въ моемъ положеніи, котораго выгодныя и слабыя стороны вы проникните однимъ взглядомъ. Покуда Небо хранитъ здоровье въ моей дѣтской колоніи, какъ доселѣ, будьте увѣрены, что мнѣ хорошо. Отзовитесь хоть однимъ словомъ.

Къ графу А. Ѳ. Орлову.

5 Января. Тимчиха (1846).

Вамъ, кому уже столько и съ такимъ удовольствіемъ признаю себя обязаннымъ, рѣшился я въ возможной краткости открыть то, что̀ въ моемъ настоящемъ положеніи меня безпрерывно мучитъ. На службѣ и генералъ-адъютантъ, я живу въ деревнѣ и праздно. Если бы я былъ утомленъ и здоровье мое разстроено, то могъ бы безъ стыда и угрызенія совѣсти пользоваться отдыхомъ, послѣ сорокалѣтней, всегда дѣятельной службы, понятнымъ. Но я здоровъ, ношу въ душѣ глубочайшую признательность за всѣ милости Государя, без-

предѣльную преданность за нѣсколько счастливыхъ дней особеннаго ко мнѣ благоволенія, драгоцѣннѣйшее воспоминаніе цѣлой моей жизни. Къ тому же я глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что въ царствованіе славное, упрочивающее подвигами войны и мира на долгія времена могущество Россіи, человѣку уже съ дѣлами знакомому и себя чувствующему непростительно оставаться терпѣливо и безмолвно празднымъ, и (что̀ несравненно еще мучительнѣе) показаться, можетъ быть, даже неблагодарнымъ. Эта послѣдняя нестерпимая мысль выше всѣхъ, другихъ побужденій заставила меня прервать молчаніе, быть можетъ, болѣе приличное. Безпрестанно порываюсь ѣхать въ Петербургъ; но долженъ выговорить, что безъ ободрительнаго востребованія не только жизнь въ Петербургѣ, но даже подъемъ съ мѣста при моемъ большомъ семействѣ (которое бы я впрочемъ на время здѣсь оставилъ) съ моими ограниченными средствами для меня весьма затруднительны. Въ этомъ единствено заключается вся причина моего вынужденнаго удаленія даже изъ Кіева. Какое бы употребленіе ваше сіятельство ни сдѣлали изъ этого письма (а оно не можетъ иначе быть, какъ васъ достойное), я успокоился уже, написавъ его.

Къ А. П. Ермолову.

31 Марта. (1846). Тимчиха.

Недавно получилъ я ваше письмо отъ 8-го Февраля, напомнившее мнѣ пріятнѣйшимъ образомъ всѣ прежнія, лучшихъ лѣтъ моей жизни, ваши письма.

Въ положеніи моемъ ничто не перемѣнилось. Все таже тихая, занятая жизнь, ни для кого кромѣ собственнаго семейства, и то мало, полезная, но столько однако, сколько отъ меня зависитъ. Относительно жизни служебной, вы пишите точно какъ будто отъ меня зависитъ выборъ новаго поля служенія. Нѣтъ, любезный Алексѣй Петровичъ, я кажется сбитъ съ большой дороги; побочныхъ никогда не зналъ и не знаю. Честолюбіе мое, видно, никогда не было велико или было особеннаго рода, потому что ничтожество переношу съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ. Не сержусь, а смѣюсь даже въ случаяхъ, гдѣ немногое отъ временъ моей дѣятельности, мнѣ принадлежащее, другому присвоивается. Напримѣръ, вы недавно могли прочесть въ журналахъ обнародованное будто новое учрежденіе о назначеніи капитала для вознагражденія линейныхъ казаковъ за убитыхъ, раненныхъ и загнанныхъ, при преслѣдованіи горцевъ, лошадей. Это все существуетъ съ 1840 года. Я захватилъ тогда у возмутившихся Черкесовъ 50 тысячъ барановъ и вырученныя за нихъ деньги обратилъ на этотъ предметъ, получивъ на то одобреніе начальства. Капиталъ и положеніе, мною составленные, безъ самомалѣйшаго измѣненія теперь выданы за новые. Но тогда о Кавказѣ не печатали.

Многое тоже можно сказать о реляціяхъ, въ которыхъ описаны новыми доступными разные пути и мѣста, будто прежде неизвѣстные и не пройденные. Въ Андіи и Мехельтѣ по взятіи Ахульго и покореніи Черкесъ были наши пристава; въ послѣдствіи они возмутились. Возвращаясь изъ Ахульго въ 1839 году чрезъ Гимры и осмотрѣвъ мѣсто сраженія подъ начальствомъ А. А. Вельяминова, съ его собственнымъ описаніемъ въ рукахъ, я въ оффиціальномъ донесеніи упомянулъ, какъ знаменитъ этотъ подвигъ и въ заключеніи прибавилъ, что съ этой стороны *имъ початы горы*. Сердиться было бы смѣшно, но смѣяться можно всѣмъ неловкимъ и съ успѣхомъ, къ сожалѣнію, незнакомымъ продѣлкамъ запоздавшаго честолюбія. Мой девизъ былъ:

Да возвеличится Россія,
И сгинутъ наши имена! *)

Впрочемъ никто не сотретъ медали за 1839 годъ, развѣ истребленіемъ носящихъ ее въ кровавыхъ неудачахъ. Этотъ девизъ остался и теперь моимъ, и останется, если бы случилось еще быть допущеннымъ къ общественной дѣятельности. Страхъ люблю въ другихъ, когда дарованіе честолюбиво: оно непрерывнѣе и долѣе тогда полезно Государю и Отечеству. Но съ дарованіемъ или безъ него, честолюбіе есть самый тревожный спутникъ жизни и врагъ душевнаго спокойствія; отъ него надобно лѣчиться, какъ отъ тяжкаго недуга.

Прочитавъ этотъ безсвязный отрывокъ исповѣди отшельника, вы вѣрно вывели заключеніе, что онъ выжилъ изъ ума, выдохся и ни на что болѣе не годенъ, развѣ няньчить дѣтей, что̀ я и дѣлаю, хлопочу о разведеніи огромнаго огорода, плодоваго сада, увеличеніи и безъ того большаго парка, постройкѣ мостиковъ на искуственномъ ручьѣ, удачно созданномъ изъ болота, расположеніи табачныхъ плантацій и проч. А тихіе и занятые досуги кабинета! А домашній каминъ! Приведется ли мнѣ еще посидѣть съ вами передъ вашимъ каминомъ, если вы, при всегдашнемъ пренебреженіи къ удобствамъ жизни, не забыли устроить его въ вашемъ домѣ?

У насъ уже весна, и мои ежедневныя скачки верхомъ съ двумя старшими сыновьями начались опять съ прежнимъ удовольствіемъ и съ чувствомъ несломленной еще силы и полнаго здоровья. Порадуйте меня тѣмъ же и о себѣ.

Что̀ опять затѣяли неугомонные Поляки? Изъ исторіи Польши можно извлечь всѣ отрицательныя правила, какъ не должны себя вести правительства и народы ни въ періоды могущества, ни въ несчастіи.

---

*) Стихи Н. М. Языкова. *П. Б.*

Къ графу П. Д. Киселеву.

(Начало 1846 г.).

Allez vous du haut de votre grandeur froncer les sourcils, cher comte, en recevant une lettre inattendue, et aura-t-elle le malheur de vous paraître importune? A Dieu ne plaise que cela arrive, et cela n'arrivera pas, j'en ai la certitude, tel que je crois vous connaître. Mais vite, vite, le but de la lettre, pensera le ministre, habitué à en chercher à toute action. Et bien, ce n'est pas au ministre, ou très indirectement au moins, que je m'adresse, mais à l'ancien ami, dont j'ai éprouvé depuis si longtemps et si agréablement la bienveillance. Souffrez donc à ce titre de la part d'un campagnard retiré un peu de verbiage, mais le moins possible.

Vous saurez donc que je suis depuis huit mois retiré avec ma famille à une petite, très petite campagne en Petite Russie, non parce que dans ma position il serait désagréable (ce qui est vrai pourtant) d'habiter toute autre ville que Pétersbourg, mais par une raison plus impérieuse, puisque il faut la nommer: faute de moyens, même pour rester à Kiew, dont j'avais fais l'expérience. A la campagne on vit comme on veut, ou comme on peut, sans être en spectacle, à moins que cela ne soit à quelques voisins insignifiants, dont on ne tient pas compte. Nous nous sommes donc réduits au stricte nécessaire, et même un peu au-dessous, puisque, malgré l'hiver, qui ne laisse pas quelquefois de nous faire sentir ses 20 degrés et plus de froid, je me passe d'un poèle dans mon cabinet en me contentant d'une grossière cheminée, n'ayant pas eu le temps d'achever mes préparatifs d'hiver et comme de raison ayant cédé tout ce qui est habitable à ma nombreuse famille et à tout ce qui nécessairement l'augmente, les maîtres et les gouvernantes. J'ai huit enfants, quatre garçons et quatre filles, outre moi et ma femme. Quelque agréable et piquant que tout cela puisse être, le père d'une telle famille n'en est pas à penser seulement à ses aises et, au moment présent, il faut songer à leur avenir, quelque indifférent qu' on puisse être sur le sien propre, après s'être consciencieusement acquitté de ses longs devoirs. Qui songera à eux, si je venais à leur manquer dans ma situation actuelle? Et puis je me sens fort, mes facultés telles que le Ciel a plu de me les accorder toutes entières...

Къ А. П. Ермолову.

26-го Іюля 1846 (Петербургъ)

Мнѣ грустно было оставаться здѣсь послѣ вашего отъѣзда и кромѣ того, вовсе не убѣжденный въ необходимости моего здѣсь пребыванія, я рѣшился на дняхъ, противъ мнѣнія нѣкоторыхъ доб-

рыхъ людей, совѣтовавшихъ мнѣ, не спрашиваясь, оставаться до маневровъ, объявить военному министру о моемъ намѣреніи отъѣхать и желаніи получить на то высочайшее соизволеніе. Военный министръ очень благосклонно нашелъ, что нѣтъ никакого препятствія къ моему немедленному отъѣзду; но сегодня я получилъ съ фельдъегеремъ высочайшее повелѣніе остаться здѣсь, чтобы быть посредникомъ при Финляндскомъ отрядѣ на большихъ маневрахъ, которые начнутся 1-го и кончатся 5-го Августа включительно. Это—дѣло другое. Теперь я остаюсь по обязанности, а не на удачу.

Левъ Васильевичъ Давыдовъ [1]) останавливался у меня на нѣсколько часовъ; я не успѣлъ съ нимъ наговориться, а вы знаете наиболѣе о комъ. Ему нужно многихъ навѣстить и къ нѣсколькимъ явиться. Надѣюсь однако, что удастся еще съ нимъ посидѣть. Онъ глубоко тронутъ вниманіемъ, оказаннымъ вами больному его сыну.

Я теперь остаюсь безвыѣздно въ Петербургѣ тунеядцемъ и приказалъ вещи мои изъ дому г. Закревскаго, гдѣ приступили къ передѣлкѣ, перевезти на другую квартиру. Нѣсколько вечеровъ сряду провожу на терасѣ Монплезира въ обществѣ Ларіона Васильевича [2]) и его семейства. Его здоровье очень плохо.

Послѣ васъ было нѣсколько праздниковъ прекрасныхъ, но праздникъ на Царицыномъ острову былъ очарователенъ. Само небо, казалось, приняло участіе въ немъ. Такъ тихъ и тепелъ былъ воздухъ, такъ красиво и будто неподвижно, всталъ надъ островами мѣсяцъ, то опоясываясь легкими облачками, то серебря только края ихъ. Но не берусь описывать этой на волшебный сонъ похожей ночи. Записка ваша, на отъѣздѣ изъ Петербурга ко мнѣ написанная, не въ одной памяти останется у меня. Я было занемогъ тогда, но это кажется была только грусть въ высшей степени и слѣдствіе непривычной для меня праздности.

*

Дневникъ возобновляется въ 1847 году съ пріѣздомъ въ Петербургъ, куда графъ П. Х. Граббе привезъ старшаго сына для поступленія въ Пажескій корпусъ.

---

1) Двоюродный братъ А. П. Ермолова и родной—партизана. *П. Б.*

2) Васильчикова, тогда предсѣдателя Государственнаго Совѣта. *П. Б.*

ДНЕВНИКЪ.

1847-й годъ.

7-го Сентября 1847. Въ восемь часовъ утра пріѣздъ въ С.-Петербургъ. 8-го. У военнаго министра.—Вревской.

9-го. У барона Штиглица. Кобденъ. Пріѣздъ г. Блудова изъ Рима. Князь Менщиковъ уѣхалъ ночью въ Москву. В. А. Перовскій въ Царскомъ Селѣ. Г. Киселевъ въ Царскомъ. Смерть Холмскаго на пути въ Малороссію. Левъ Алексѣев. Перовскій—засталъ. Холера въ Малороссіи. Князь Воронцовъ.—Ермоловъ за границу. Причина. Не поѣхалъ.

10-го. Съ пріѣзда сѣрое небо и мелкой дождь. Съ сыномъ въ Александро-Невскій монастырь. Памятники Крылова и Гнѣдича надъ близкими ихъ могилами. Карамзина. Мавзолей Демидова. Церковь гр. Шереметевыхъ. Ихъ гробницы. Изящная внутренность церкви Александро-Невской. Замѣчательная живопись.—Вечеромъ въ Александринской театръ на Русской спектакль. Давали продолженіе Вертера и „Въ свѣтѣ ангелъ не жена, дома съ мужемъ сатана“. Съ удовольствіемъ увидѣлъ игру Русскихъ актеровъ; обѣ Самойловы, Сосницкая. Театръ на половину пустой. Встрѣча нѣсколькихъ знакомыхъ. Добрый совѣтъ г. Генрикова.

11-го. Въ 12-мъ ч. въ Пажескій корпусъ. Пріязненный пріемъ моему сыну. Осмотръ корпуса. Мраморныя доски съ именами падшихъ на полѣ сраженія воспитанниковъ корпуса. Баронъ Гейсмаръ въ Аргуани, Ридигеръ, Попандопуло въ Ахульго. Вечеромъ въ театръ Михайловской — Duchesse de Marsan. M-me Volnys актриса замѣчательная, выходящая однако нерѣдко

изъ предѣловъ натуры. Бертонъ былъ посредственъ, даже въ нѣкоторыя минуты ниже посредственности.

12-го Сентября. Посѣщеніе m-me Оомъ, у которой воспитывалась Александра Павловна Сурхаева, моя крестница съ Императрицей, прекрасная дѣвушка, взятая въ плѣнъ при штурмѣ Ахульго. На порогѣ встрѣтила меня горестная вѣсть о ея смерти; подробности услышалъ отъ m-me Оомъ. Похоронена у Троицы Сергія. Надгробный камень по повелѣнію Императрицы покроетъ ея могилу. Счастливая встрѣча на Невскомъ съ г-ней Тизенгаузенъ. Она взялась доложить Императрицѣ о моемъ желаніи представиться съ сыномъ.—Англійскій магазинъ. Непривычныя покупки. Башуцкой.—Вечеромъ пріѣхалъ инспекторъ классовъ Пажескаго корпуса полковникъ Ортенбергъ и доставилъ мнѣ два пріятныхъ часа. Остатокъ вечера—7-й томъ Consulat et l'Empire.

13-го. Нѣсколько часовъ у г-ла Данилевскаго. Обвинительный пасквиль противъ меня, напечатанный г-мъ Головинымъ въ Ригѣ, мимо ценсуры, по его словамъ, въ 10-ти экземплярахъ. Надобно достать. Это можетъ имѣть послѣдствія и заставить, наконецъ, взяться за перо. Mémoires d'un proscrit. Порученіе Данилевскому написать исторію войнъ настоящаго царствованія.—Левенштернъ.—Гдѣ дѣвалось безмятежное спокойствіе сельскаго дома! Возвратясь нашелъ карточку пріѣзжавшаго г. Киселева.

14-го Воскресенье. Во 2-мъ часу ѣздилъ къ г. Киселеву, Врончено, г. Левашеву и г. Нессельроде; никого не засталъ. Пѣшкомъ по Невскому; встрѣтилъ Врончено и г. Левашева. День заключилъ дома съ книгой Тьера.

15-го Сентября. Прекрасное солнечное утро. Въ 1-мъ часу въ лѣтній садъ съ сыномъ. Встрѣтилъ тамъ генераловъ Эйлера и Гербеля. Оттуда на Петербургскую сторону, Аптекарскій, Каменный, на Елагинъ островъ. Осмотръ дворца. Копія съ Тиціановой Венеры и Майкова противень (pendant). Прекрасный видъ по просѣкѣ. Кругомъ по острову, дача Манзея, на Крестовской, Петровской, остановились передъ дачей г-ла Шильдера, не заставъ его дома; маленькій дворецъ Петра Великаго въ разрушеніи, по Колтовской, мимо Дворянскаго и Перваго корпусовъ, на Васильевскомъ, по Исакіевскому мосту домой въ два часа времени. Вечеромъ Александринской театръ. Играли Русскіе

актеры и Мартыновъ. Это актеръ! И въ совокупности все право хорошо, лучше Нѣмцевъ и покуда не хуже Французовъ. Это пріятная неожиданность.

16-го. Вторникъ. Въ 9 ч. утра отвезъ и послѣ молитвы въ церкви Пажескаго Корпуса, призывавшей милость и благословеніе Всевышняго на благороднаго, нѣжнаго и кроткаго юношу, оставилъ сына въ корпусѣ. Экзаменъ ему теперь дѣлается безъ меня, что̀ казалось мнѣ приличнѣе.

17-го. Полковникъ Ортенбергъ въ 7-мъ часу вечера привезъ мнѣ сына. Онъ по экзамену поступилъ прямо въ 3-й классъ, а по Исторіи и Географіи признанъ достойнымъ втораго.

18-го Сент. Зашелъ къ г.-л. Дубельту. По разсѣянности отдалъ лорнетъ для перемѣны стеколъ, не взявъ адреса магазина. Не знаю, отыщу ли.

19-го. Абу-Мусселимъ-Каплановъ пріѣхалъ поутру; изъ прекраснаго юноши вышло Монгольское лицо съ ушами выгнутыми впередъ по звѣриному. Онъ Кумыкъ изъ Ташъ-Кичу. Съ печалію говорилъ мнѣ о прежней безопасности, въ которой они въ мое время жили. Странное послѣдствіе огромнаго усиленія войсками, властію и всякаго рода средствами. Аулъ и домъ Бековича противъ Моздока Шамилемъ выжженъ. Бековичъ въ Кизлярѣ.—Въ часъ къ г. Киселеву. На этотъ разъ засталъ и глазъ на глазъ передъ пылавшимъ каминомъ, уже пріятнымъ, съ трубками, часа два провелъ въ живомъ, занимательномъ разговорѣ. Съ приходомъ Бутурлина оставилъ его; пѣшкомъ по Невскому. Какъ мало уже знакомыхъ лицъ между незнакомыми!

20-го, Суббота. Утро свѣжее, но прекрасное. Съ балкона въ 7 часовъ утра, до пробужденія большей части жителей Петербурга, я любовался на борьбу взошедшаго солнца съ густымъ туманомъ; вѣтеръ гналъ его сѣрыми клубами вправо отъ меня надъ массою домовъ къ морю; а налѣво шпиль Инженернаго замка и позолоченныя стрѣлы рѣшетки Михайловскаго дворца блестѣли, отбрасывая лучи солнца; стрѣлки казались свѣтлымъ газовымъ огнемъ. Живителенъ воздухъ ранняго утра; я обливаю имъ всякой день мои комнаты, отворяя балконъ. Здѣсь воздухъ въ это время имѣетъ какой-то пріятный для меня запахъ, напоминающій близкое море. Вчера въ первомъ часу я пѣшкомъ ходилъ въ Пажескій Корпусъ, гулялъ съ сыномъ по

саду, потомъ въ спальной залѣ взглянулъ на его кровать. Въ часъ пошелъ съ пажами на ихъ обѣдъ, занявъ мѣсто возлѣ сына. Трогательны молитвенные хоры ихъ передъ обѣдомъ и послѣ. Столъ скромный, но достаточный. Сейчасъ послѣ обѣда фехтовальный классъ подъ руководствомъ старика Вальвиля.—Кончилъ 7-й т. Consulat et l'Empire—мастерски написанъ; въ концѣ общій обзоръ дѣяній Наполеона, исполинскіе шаги его къ первому между завоевателями мѣсту въ три года отъ Ульма до Фридланда.—Тоска непривычнаго одинокаго обѣда. Это значитъ ѣсть, а не обѣдать.—Странно, что я пропустилъ въ воспоминаніяхъ дня два пріятныхъ часа, доставленныхъ мнѣ до обѣда братьями Мельниковыми. Одинъ изъ нихъ, г.-м. путей сообщенія, строитъ половину Московской желѣзной дороги, человѣкъ весьма занимательный и съ благородной страстію преданный своему дѣлу и всему полезному.

21-го Сентября. Проснувшись въ 7 ч. и оглянувшись, увидѣлъ на улицѣ снѣжную вьюгу; крыши и мостовая покрыты снѣгомъ. Не грусть овладѣла мною, но мысль—съ какимъ наслажденіемъ встрѣтятъ новую весну тѣ, которымъ суждено до нея дожить, не въ городѣ однако, а въ деревнѣ, гдѣ для меня это ежегодное явленіе всегда составляетъ истинный праздникъ. Упорствующіе оставаться на дачахъ вѣроятно уступятъ этому первому позыву зимы и возвратятся въ городъ. Едва успѣлъ я это написать, какъ небо внезапно очистилось, и благотворное солнце озарило ослѣпительнымъ блескомъ эту слишкомъ раннюю зимнюю сцену. Весь этотъ пухъ обратится въ грязь.

23-го. Вчера поутру безъимянное письмо по городской почтѣ, которымъ вызывали мое участіе въ судьбѣ г-жи Девель съ дѣтьми, дочери брата Петра, пріѣхавшей на дняхъ изъ Ст. Русы, о чемъ я не зналъ. Я поѣхалъ ее отыскивать и не засталъ. Объ ней уже заботятся. Заѣхалъ къ Екатеринѣ Александровнѣ Струковой. Живѣйшая радость встрѣчи съ этой достойной женщиной. Предложеніе квартиры у Фоковъ до отысканія наемной. Еще колеблюсь. Заѣхалъ къ почтенному старику Григорьеву и племяннику Андрею, все въ преслѣдованіи г-жи Девель... Близнята-дѣвочки, изъ которыхъ одна моя крестница. Душевная награда за исполненный долгъ. Въ десятомъ вечера пріѣхалъ г. Мих. Данилевскій, и мы пробесѣдовали безъ умолку до половины

перваго. Всегда поражаетъ меня въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ противоположность его жизни, чувствъ и поступковъ съ живымъ и быстрымъ и увѣренъ, что непритворнымъ сочувствіемъ ко всему высокому, изящному, благородному, даже нѣжному. Онъ возбудилъ во мнѣ вчера сострадавіе. On me tue à coups d'épingles, повторялъ онъ мнѣ часто. О, всѣ ошибки, всѣ пороки влекутъ неминуемо за собою наказаніе! Это Немезида древнихъ. Надобно было видѣть на его лицѣ выраженіе страданія, которое не могло бы сильнѣе быть на лицѣ мученика, влекомаго на казнь. Ни на комъ еще не видалъ я такого убѣдительнаго доказательства благотворнаго дѣйствія, производимаго занятіями, какъ на немъ. Наканунѣ я засталъ его съ перомъ, окруженнаго матеріалами для исторіи Суворова, имъ приготовляемой; лице его было свѣтло, складки почти изгладились, другой человѣкъ! Я вспомнилъ у Шиллера лирическое обращеніе къ этому истинному утѣшителю человѣка, безъ котораго даже при условіяхъ счастія нѣтъ его. (Die Beschäftigung). Мѣсто его займутъ скука и пороки.

25. Въ полдень пришли Кабардинецъ Хату-Анзоровъ и Абу-Мусселимъ-Каплановъ, Кумыкской князь. Поступки князя Влад. Голицына, поставленнаго мною начальникомъ Кабарды, особливо при вторженіи Шамиля. Но почему не смотрѣли за нимъ? Онъ имѣетъ мужество, умъ, но требуетъ строгаго надзора.—Ничто столько не возноситъ души къ Небу, какъ благотворительный поступокъ съ самопожертвованіемъ, а не отъ избытка.

26-го Сент. Заѣхалъ къ г-лу Данилевскому. Разговоръ его открываетъ одни за другими отдѣлы моей памяти, навсегда, казалось, закрытые и доставляетъ ей новые любопытные матеріалы изъ важныхъ документовъ, ему доступныхъ. Письмо императора Павла, которымъ онъ извѣщаетъ г-ла Германа о приглашеніи Суворова принять главное начальство надъ соединенною Австро-Россійскою арміею, поручая его однако надзору Германа для обузданія въ Суворовѣ, какъ въ письмѣ выражено, слишкомъ дерзкаго духа предпріимчивости. Узнать, какимъ средствомъ отстраненъ этотъ надзоръ.—Согласился на переѣздъ къ Фокамъ.

27-го Сент. Благородное и лестное для меня восклицаніе г-ла Лидерса при чужомъ разсказѣ о военныхъ дѣйствіяхъ

послѣ меня на Кавказѣ. Первая и покойная ночь въ новой квартирѣ. Вещи не сыскали еще своего обычнаго мѣста, пока обживешься. Пріятное и здѣсь рѣдкое чувство живой родственной пріязни семейства Фоковъ, перешедшее на моего сына.

3-го Октября. Обѣдъ у г-ла Сухозанета съ Бутурлинымъ, Гербелемъ, Арендтомъ и Яковлевымъ. Князь Воронцовъ ослѣпъ совершенно на лѣвый глазъ, а правымъ едва видитъ и не можетъ даже подписывать бумаги. Слухъ о новой неудачѣ и снятіи осады Салты. Печальная судьба человѣка, проведшаго жизнь до назначенія главнокомандующимъ на Кавказъ до преклонныхъ лѣтъ истиннымъ баловнемъ судьбы. Шуточное пророчество обо мнѣ хозяина. Генералъ Мельниковъ прислалъ мнѣ свою рукопись объ устройствѣ главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

Извѣстія о кн. Воронцовѣ подтверждаются. Такъ недавно еще предметъ общаго вниманія и преждевременныхъ торжествъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, онъ теперь возбуждаетъ уже состраданіе.

———

Восточная линія желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго будетъ имѣть около 400 верстъ и стоитъ до 24 м. р. с. Продолженіе на Казань прибавитъ еще 350 в. Южная должна очевидно направляться къ Одессѣ на Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Полтаву и Кременчугъ. Эта линія послужитъ главнымъ проводникомъ торговли съ Востокомъ и сблизитъ Черное море съ Балтійскимъ на разстояніи 2 или 3 сутокъ для пассажировъ и отъ 5 до 7 сутокъ для тяжестей клади. Вѣтвь отъ Москвы до Одессы будетъ имѣть до 1260 верстъ (по почтовому тракту 1358) и можетъ стоить до 55 м. р. серебромъ. Западная вѣтвь соединитъ Москву чрезъ Варшаву. Съ Западной Европой, проходя черезъ Смоленскъ, Минскъ и Гродно, или Смоленскъ, Витебскъ и Вильно, на Варшаву. Съ окончаніемъ строющейся теперь Австрійской линіи отъ Польской границы черезъ Вѣну въ Тріестъ, Петербургъ находиться будетъ въ разстояніи менѣе 3-хъ сутокъ, Москва въ разстояніи $2^{1}/_{4}$, а Одесса $3^{1}/_{2}$ сутокъ отъ *Вѣны* и менѣе нежели полусутками далѣе отъ *Тріеста*. Вѣтвь на Варшаву будетъ имѣть около 1200 верстъ (по почтовому 1315) и можетъ стоить до 60 м. р. серебромъ. Общая

сложность трехъ вѣтвей (кромѣ строющейся уже дороги между С.-Петербургомъ и Москвой) составляетъ до 2800 верстъ и приблизительно до 140 м. р. с.

Доводы, почему не компаніи, а правительству полезнѣе принять на себя постройку главныхъ линій. Особыя средства правительства въ Россіи для устройства главныхъ линій: работа войсками. Проектъ учрежденія военнаго резерва общественныхъ работъ.

——

5-го Октября. Первый фельетонъ Булгарина свѣжій и умный—слѣдствіе занятаго досуга въ деревнѣ, всегда благотворнаго. Парижскія письма Греча тяжелымъ слогомъ, повтореніе Французскихъ журналовъ. Булгаринъ оставитъ память, Гречъ грамматику. Князь Воронцовъ, холера и ожиданіе пріѣзда Государя—настоящіе предметы разговоровъ. Состраданіе, страхъ и любопытство. Городъ кажется мнѣ болѣе прошлогодняго оживленнымъ и многолюднымъ.

6-го. Вчера въ часъ къ М. Н. Муравьеву; засталъ его и жену. Пріятные полчаса. Нашелъ у нихъ Вячеслава Якушкина. Изъ двухъ предполагаемыхъ преемниковъ почти ослѣпшаго князя Воронцова (князь Михаилъ Горчаковъ и Н. Н. Муравьевъ). По моему мнѣнію первый отличается умной головой, второй—даромъ начальствованія. Не трудно угадать, котораго бы я предпочелъ, хотя перваго люблю, а втораго нисколько. Потомъ къ гр. Арсенію Андреевичу Закревскому; засталъ у него к. Лобанова, скоро оставившаго насъ. Письмо А. П. Ермолова къ Устрялову по поводу одного мѣста объ немъ въ его исторіи нынѣшняго царствованія. Нахожу, что нѣсколько вычурно. Главное возраженіе не могло быть высказано по вышинѣ, откуда брошена молнія.

7-го Октября. Утро. Туманъ. Къ князю В. А. Долгорукову, просидѣлъ часа два занимательно по важности предмета, надъ которымъ засталъ его. Поутру приходилъ баронъ Паленъ гв. артилеріи, бывшій въ числѣ прикомандированныхъ подъ моимъ начальствомъ, въ послѣдней экспедиціи на Кавказѣ. Ночью несносно выѣзжать по нестерпимому смраду отъ вывозимыхъ нечистотъ.

8-го. Визиты г.-а. Игнатьеву; пріятный пріемъ и разговоръ. Мое лишнее слово. Дѣла Кавказскія. Новый генер.-адъют. Молодой князь Воронцовъ принятъ прямо шт.-кап. Преображенскаго полка и назначенъ флигель-адъютантомъ. Г.-л. Аргутинскій-Долгоруковъ раненъ. Онъ, по сознанію въ донесеніи, управлялъ дѣйствіями войскъ. Въ немъ готовится по видимому полезный генералъ. Князь Воронцовъ воспаленіемъ глазъ удержанъ былъ въ бездѣйствіи въ лагерѣ. Сознаніе благородно. Гарнизонъ съ потерею, но пробился.—Холера въ Москвѣ.—У Данилевскаго посидѣлъ. Признаніе въ побужденіяхъ благодарности и осторожности при составленіи біографіи заживо князя П. М. Волконскаго. Въ донесеніи о дѣлѣ при занятіи Салты намекъ на бой подъ Ахульго. Не принимаю сравненія. У насъ кромѣ 1300 плѣнныхъ истребленъ весь гарнизонъ при отчаянной оборонѣ. Шамиль втроемъ не пробился, а прокрался. Для нашихъ дѣйствій въ Салтѣ предстоялъ цѣлый фронтъ аттаки, а тамъ одна точка, за нею лезвее скалы, передъ нею гранитный щитъ, на вершинѣ которой Сурхаева башня. Въ Салтѣ новое доселѣ неизвѣстное лице Омаръ; тамъ Шамиль, Сурхай, Алибекъ, весь цвѣтъ мюридовъ. Да Богъ съ вами! Слава Богу, что одолѣли, и снова явился геройскій духъ въ офицерахъ и солдатахъ.

9-го Октября. Четвергъ. Вчера пріѣхалъ Государь въ Царское Село. Поутру пріѣзжали г.-а. Анрепъ, Дашковъ, генер. консулъ въ княжествахъ, адмиралъ Колзаковъ. По выѣздѣ гг. П. П. Паленъ, г.-а. Игнатьевъ.

10-го. Осмотръ квартиры на Невскомъ у Энгельгардта. Оставилъ ее за собой. Во Французскій театръ; играли m-me Вольнисъ и Плесси; изъ актеровъ сравнительно-хорошъ одинъ Алланъ; прочіе ниже посредственности. Не дождался конца.—Графъ Коллоредо женится на Сабаньской, урожденной гр. Потоцкой.—В. К. Марія Николаевна была въ театрѣ. Лидія Кандалинцова.

11-го Октября. Пробѣгалъ Французскіе журналы, какъ вошелъ М. Н. Муравьевъ. Часа полтора занимательной бесѣды развлекли и настроили умъ и душу. Г. Ридигеръ возведенъ въ графское достоинство. Душевно радъ за него. Увѣренъ, что по его понятіямъ это одинъ изъ счастливыхъ дней его жизни.

12-го. Неожиданный пріѣздъ г-ла Норденстама. Часть утра до 2-хъ ч. съ нимъ. Толковый отчетъ его на всѣ мои вопросы о Кавказѣ. Иное ново, многое угадалъ. Князь Воронцовъ выше сталъ въ моихъ глазахъ. Ставрополь продолжаетъ строиться. Мой бульваръ разросся и даетъ тѣнь; водоемъ въ центрѣ города полонъ превосходной воды и бьетъ фонтаномъ. Садъ, мною посаженный, преданъ преемниками запущенію; но благодарная природа дѣлаетъ свое: деревья ужъ въ обхватъ; оранжерея опустѣла. Варвары, готоваго не сберегутъ! Тамъ уже 12 т. жителей. Пѣшкомъ по Невскому, съ г-мъ Павломъ Петровичемъ Мельниковымъ. Рабочіе желѣзной дороги отъ опасенія холеры распущены. Потомъ къ Дюгамелямъ. Заѣхалъ къ г-лу Данилевскому и просидѣли вдвоемъ до пяти. Необыкновенно-лестный рескриптъ князю Воронцову. Первое недоразумѣніе: г-лъ-адъютанты приглашены въ Царское, я не увѣдомленъ. Ошибкой или съ намѣреніемъ, или потому что нужно прежде представиться Государю. Увидимъ! „Тарантасъ“ не такъ поверхностенъ, какъ говорили завистливые критики. Тутъ вездѣ проглядываетъ въ полу-серіозной усмѣшкѣ Русскій умъ, въ слогѣ бойкомъ и народномъ, безъ преувеличенія и гримасы.

15-го Октября. Пропустилъ два дня безъ замѣтокъ. Въ Понедѣльникъ, въ половинѣ восьмаго утромъ, по желѣзной дорогѣ въ Царское Село. Мнѣ досталось сидѣть вдвоемъ съ г.-а. Анненковымъ, директоромъ канцеляріи военнаго министерства, и занимательный разговоръ сократилъ и безъ того короткую ѣзду. Комнаты отвели мнѣ во дворцѣ рядомъ съ гр. П. П. Паленомъ. Посидѣлъ съ нимъ съ полчаса. Въ 11 ч. собрались въ залѣ передъ церковью. Увидѣлъ много знакомыхъ. Въ четверть 12-го вошелъ Государь съ невѣстой Константина Николаевича и прошелъ въ церковь, гдѣ началась обѣдня. Церковь великолѣпна и прекрасна; пѣвчіе восхитительны: гармонія отрывающая отъ земли и возносящая къ Творцу. Записавшись у Государя Наслѣдника и Государыни Наслѣдницы, у принца Виртембергскаго, князя П. М. Волконскаго, поспѣшилъ съ г. Анненковымъ къ желѣзной дорогѣ, куда пріѣхалъ и е. в. Михаилъ Павловичъ. Мы получили мѣста вмѣстѣ съ е. в Остатокъ дня въ городѣ прошелъ въ какомъ-то разсѣяніи.

Важнѣйшее—цѣль приглашенія въ Царское. Тотчасъ по выходѣ изъ церкви, Государь Императоръ представилъ генераль и флигель-адьютантовъ и гвардіи генераловъ августѣйшей невѣстѣ. Императрица велѣла гр. Апраксину подозвать меня, благосклонно поговорила со мною, но не оставила замѣтить продолжительность моего пребыванія въ Петербургѣ, не представляясь ей. Болѣзнь сына была моимъ оправданіемъ.

Вчера, 14-го, въ 11 ч. утра былъ у графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова и засталъ его одного. Обязательный пріемъ и разговоръ. *Давать и все давать. Онъ пожелалъ отдыха.* *) Странныя слова послѣ всего прошедшаго и противъ человѣка, въ память успѣховъ котораго выбита и роздана медаль, и въ Главномъ Штабѣ, въ одной залѣ съ моделью Бородинскаго сраженія, показывается рельефная модель взятаго имъ, послѣ осады, штурмомъ Ахульго. Богъ имъ судья! До нужды не слѣдовало, кажется, его допустить и, узнавъ, оставлять въ ней. Кажется, не долго буду имъ живымъ упрекомъ.—Заѣзжалъ къ г. Клейнмихелю и кн. Менщикову, обоихъ не засталъ. Въ третьемъ часу зашелъ къ г-лу Норденштаму; нашелъ одну жену Ольгу Владимировну и пошелъ съ нею погулять по Невскому. Замѣчательно образовалась и развилась въ обществѣ добраго и достойнаго мужа и собственными душевными силами, послѣ воспитанія въ Грузіи и на Кавказѣ. Обѣдалъ одинъ на новой квартирѣ въ домѣ Энгельгардта, куда переѣхалъ отъ Фоковъ 13-го.

15. Въ седьмомъ часу вошелъ сынъ и въ восемь поѣхали къ М. Н. Муравьеву, гдѣ провели пріятно вечеръ болѣе на половинѣ его достойнѣйшей жены. „Кто виноватъ?" Искандера. Дарованіе и бойкость съ примѣтнымъ неискусствомъ составить книгу. Эпизоды тяжело вяжутся. Есть пошлости и галлицизмы, эти двѣ крайности. Примѣръ послѣдняго: *Далъ надъ собою призъ.*

16-го Октября, Четвергъ. Утро. Сегодня торжественный въѣздъ невѣсты, Александры Альтенбургской. Въ позапрошлую ночь судорога свела мою оконтуженную ядромъ лѣвую ногу, и боль, готовая усилиться, продолжается въ ней. Надо будетъ од-

---

*) Эти слова Николая Павловича очевидно относятся къ усиленію войскъ на Кавказской линіи, котораго просилъ графъ Граббе, будучи тамъ начальникомъ. *П. Б.*

нако сѣсть верхомъ и слѣдовать за Государемъ и на незнакомой лошади. Не случилось бы чего! Погода, хотя холодная, кажется, благопріятствуетъ торжеству дня. Вчера линейные унтеръ-офицеры гвардіи нѣсколько часовъ стояли на Невскомъ, чтобы опредѣлить мѣста войскъ: слишкомъ долго для опытныхъ войскъ и для людей изнурительно. Письмо отъ г-ла Ростовцева о сынѣ Александрѣ, тоже въ будущемъ году поступающемъ въ Пажеской Корпусъ въ комплектъ. Такъ раздѣляется недавно еще тѣсно соединенное семейство. Бѣдная мать! Расположеніе духа, послѣ сцены вчерашняго утра, грустное. Одолѣть! Пора узнать и переносить безобразную сторону жизни. Не слишкомъ ли я увеличиваю свои права на признательность; а съ другой стороны неблагодарность за прошедшія заслуги не есть ли самая постоянная черта въ исторіи человѣчества? Одолѣть непремѣнно! И долго ли еще остается терпѣть? Признакъ близости конца отозвался.

17-го Октября, Пятница. Вчера торжественный въѣздъ обошелся счастливо. Мнѣ дали *Фаворитку*, красивую и отлично выѣзженную любимую лошадь Ольги Николаевны. Шествіе было великолѣпно. Пріѣзжали по утру подполковникъ Домбровскій (подробности о Кавказѣ); генералъ - губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, бывшій мой подчиненный въ Ахульго, флигель-адъютантъ графъ Адлербергъ.

Не могу еще залѣчить недавной раны колкаго отзыва; но небл·городство его должно пасть на него самого. Присутствіе мое здѣсь должно быть тягостно, и не полагаю, чтобы могло быть продолжительно. Въ природѣ человѣка (какъ бы высоко онъ ни стоялъ въ санѣ) обидѣть и потомъ ненавидѣть. Великодушіе на всѣхъ степеняхъ можетъ стать выше: простить и забыть, но удалиться.

18-го Октября, Суббота. Дома нашелъ оффиціальное письмо г-ла Ростовцова съ увѣдомленіемъ, что Михаилъ *), поступилъ въ комплектъ Пажескаго корпуса и что Е. В. изъявилъ свое согласіе на оставленіе при мнѣ сына Александра до поступленія въ комплектъ.

19-го. По утру пріѣзжали Бетаки, бывшій полиціймейстеръ Ставрополя, теперь комендантъ, и Смоленскій помѣщикъ Ком-

*) Будущій герой и первая жертва Карса въ 1877 году. *П. Б.*

чицкій, нѣкогда мой подчиненный въ Лубенскомъ гусарскомъ полку. Въ Крашневѣ Салтыковъ, въ Яковлевичахъ племянники Пассека Петра Петровича. Въ часъ къ Катеринѣ Ал. Струковой. Всегда съ удовольствіемъ проходятъ часы въ обществѣ этой умной и благородной женщины. Печальная жизнь Данилевскаго въ семействѣ, однимъ занятіемъ заглушаемая. Кто виноватъ?

Сегодня завыванія вѣтра и хлестанье снѣжныхъ капель дождя въ окна разбудили рано. Вода въ каналахъ прибыла. Кажется, слышалъ пушечные выстрѣлы, сигналы прибыли воды.

Пропустилъ упомянуть о Муравьевѣ; нѣтъ, спуталъ. Онъ былъ у меня въ Пятницу. Довольно, можетъ быть, слишкомъ откровенный съ нимъ разговоръ, но взаимный. Женатъ на Парижанкѣ. Молчаніе, странное, противъ начальника Восточной Сибири, на счетъ сношеній съ Китаемъ. Содержаніе возвышено ему до 24 т. р. с.

Сегодня съ 11-ти часовъ Д. М. Броневскій. Выходя во второмъ часу, встрѣтился на лѣстницѣ съ М. Н. Муравьевымъ и вмѣстѣ зашли къ книгопродавцу Исакову, у котораго купилъ нѣсколько книгъ. Встрѣча съ Булгаринымъ. Обѣщалъ прислать новое сочиненіе Коха о Кавказѣ, гдѣ упоминается обо мнѣ. Съ Зеебахомъ; остановилъ меня, чтобы отъ имени г-жи Нессельроде въ обязательныхъ выраженіяхъ пригласить меня къ ней. Демьянъ Васильевичъ Кочубей просидѣлъ въ занимательномъ разговорѣ до 5-ти часовъ.

23-го Октября. Четвергъ. Солнечное холодное утро и сильный вѣтеръ. Началъ день у достойнаго, благонамѣреннаго принца Ольденбургскаго обязательнымъ отъ него пріемомъ.

Вчера въ 11-ть часовъ утра пріѣзжалъ и просидѣлъ Броневскій; всегда пріятный и занимательный съ нимъ разговоръ.

Молодой г. Несельроде возобновилъ приглашеніе матери на ея вечера. Придется уступить вѣжливости, не смотря на разстройство въ порядкѣ моего дня. Вечера ея начинаются въ 11 часовъ ночи, когда я обыкновенно ложусь спать.

Нѣсколько страницъ Шницлера замѣчательныхъ. Американцы послѣ упорнаго боя взяли Мексику. Швейцарцы готовятся къ междоусобной войнѣ, нелѣпой по ихъ положенію относительно Европы. Упадокъ курса на Лондонской биржѣ. Продолженіе банкрутствъ. Замѣчательное для наблюдателя явленіе

нескончаемыхъ и раззорительныхъ для Англіи трудностей выйти изъ ошибочной, бѣдственной системы управленія несчастной Ирландіей, наслѣдіе прошедшихъ вѣковъ—и это при полномъ развитіи богатства государственнаго и правительственнаго ума! Урокъ другимъ, приступающимъ къ преобразованію существующаго, столѣтіями завѣщаннаго порядка, доведшаго до высокой степени могущества. Останавливаться въ развитіи постепенномъ не должно, но съ великою осторожностью и съ пособіемъ времени, прислушиваясь къ истиннымъ желаніямъ и потребностямъ народнымъ. Если съ одной стороны требуются тяжелыя уступки и пожертвованія, чтобы доставить другимъ непонятныя улучшенія, то можно задуматься, время ли, хотя въ теоріи цѣль признается достойною безпрерывнаго къ ней стремленія. Давно сказано: ce qu'il y a de pire au monde—c'est l'abus de ce qu'il y a de meilleur.

25-го Октября. Суббота. Вчера по утру г.-а. Шильдеръ почти до двухъ часовъ. Пріѣзжали въ мое отсутствіе к. Меншиковъ и Кочубей. Г.-а. Гербель. Любопытно и горестно слѣдить, какъ замѣтно съ каждымъ годомъ болѣе пустѣетъ голова человѣка, отставшаго отъ спеціальнаго дѣла и не привыкшаго занимать свои досуги образовательными занятіями.

Les valets dépassent souvent la volonté du maître.

27-го. Въ 11-ть съ сыномъ въ Казанскій Соборъ, но тѣснота отъ толпы народа заставила скоро уѣхать. Навѣстилъ Яковъ Андр. Дашковъ. Господарь Бибеско и его интрига; Гики и партія Боверъ. Въ половинѣ одиннадцатаго на вечеръ къ г-жѣ Несельроде. Сначала все новыя лица, потомъ отыскались знакомые. Прекр. гр. Шувалова, рожденная Нарышкина; возобновилъ знакомство съ Бибик., женой ген.-губ. Кіевскаго. Мальцова. Соловая очень перемѣнилась. Потомъ усѣлись особо гр. П. П. Паленъ, Сухозанетъ, Левенштернъ и князь П. А. Вяземскій въ пріятномъ разговорѣ. К. Вяземскаго разсказъ былъ самый удачный. Петръ Великій, прочитавъ какой-то проектъ, поданный ему однимъ Французомъ, за который этотъ требовалъ въ концѣ большой суммы денегъ въ награду, подписалъ слѣдующую резолюцію: Сказать Французу, не хочетъ ли онъ ...... Екатерина Вторая, по подобному же поводу, желая знать не осталось ли о томъ въ бумагахъ мысли Петра, приказала отыскать и потре-

бовала найденный проектъ. Прочитавъ его, она къ резолюціи Петра прибавила свою: „А я бѣдная вдова не могу предложить и этого".

Костромской губернаторъ Григорьевъ съ фельдъегеремъ потребованъ въ Петербургъ для преданія военному суду за самовольное истязаніе розгами трехъ солдатъ по розыскамъ о зажигательствѣ.

31-го Октября. Пятница. Приходилъ и посидѣлъ Булгаринъ. Не хочу многому про него повѣрить.

2-го Ноября. Воскресенье. Вчера въ часъ по полудни смотръ гвардіи на Марсовомъ полѣ; войска въ шинеляхъ, мы въ сертукахъ; я былъ верхомъ на «Фавориткѣ», на Англійскомъ сѣдлѣ. Смотръ для кавалеріи неудачный. Государь былъ очень ею недоволенъ. Погода довольно благопріятствовала. Обѣдалъ въ клубѣ. Знакомство съ сосѣдомъ по столу, статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ, котораго, никогда прежде не встрѣтивъ, угадалъ. Записка отъ кн. В. В. Долгорукова съ приглашеніемъ на обѣдъ во Вторникъ.

4. Съ Николаемъ на обѣдъ къ кн. В. В. Долгорукову очень пріятный, и просидѣли безъ умолку до 9 ч. Были адмиралъ Рикордъ, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, к. Давыдовъ, Левенштернъ, гр. Орловъ-Денисовъ. Вина превосходныя. Званъ опять въ Субботу. Черта изъ жизни Дашкова, министра юстиціи. Происшествіе съ банкиромъ барономъ Штиглицомъ. Наконецъ истинный свѣтскій разговоръ—de la causerie—задѣвая безъ оскорбленія мѣста чувствительныя, противорѣчія безъ личностей; умные и занимательные разсказы очевидцевъ и дѣйствовавшихъ лицъ въ жизни, въ положеніяхъ важныхъ и на степеняхъ значительныхъ или въ высшемъ кругу общества. Много понятыхъ намековъ, мимоходомъ брошенныхъ. Это первая съ пріѣзда бесѣда, отъ отсутствія которой и подобныхъ можно потосковать въ однообразномъ одиночествѣ деревни. Игра благороднымъ орудіемъ слова, съ людьми умѣющими владѣть имъ, имѣетъ невыразимую прелесть. Это самый увлекательный турниръ, въ которомъ не должно однако попадать въ бровь или въ глазъ, какъ Монгомери Генриху Второму.—Сегодня пощекотилъ многихъ; не уязвилъ, кажется, никого. Да и въ душѣ нѣтъ горечи ни противъ кого. Passe d'armes удачный. И письмо, отправленное по утру, ото-

звалось возбужденіемъ мыслей и чувствъ кроткихъ и теплыхъ. Сколько необходимыхъ выраженій, пошлымъ ихъ употребленіемъ испорченныхъ и избитыхъ!

5-го Ноября. Середа. Ne sait-on pas que dans les situations élevées l'expérience vient vite, parce qu'on a des moyens d'instruction, que d'autres n'ont pas? Si heureux et si habile qu'il soit, il ne lui sera pas facile de réaliser tout ce qu'on attend de lui.

Сію минуту два пушечные выстрѣла съ крѣпости. Вода въ каналѣ передъ моими окнами прибыла выше колецъ. Морской вѣтеръ продолжается. Ночью также я былъ разбуженъ двумя выстрѣлами. Значительная часть Васильевскаго острова должна быть подъ водою. Это всегда угрожающее Петербургу море стôитъ Везувія. Стекла дрожатъ отъ порывовъ вѣтра.

Quelle prodigieuse quantité d'esprit et de talent se dépense souvent aujourd'hui, faute de génie!

6-го Ноября. Четвергъ. Сандулаки.—Происхожденіе фамиліи Ролла отъ Сербскихъ королей. Александръ Фокъ. Г.-м. Ховенъ, корнетомъ поступившій изъ пажей ко мнѣ въ Лубенскій гусарскій полкъ. Мнѣнія и признанія обоихъ о воспитаніи въ Пажескомъ корпусѣ. Непонятный выборъ туда офицеровъ, давно и каждому извѣстныхъ, кромѣ высшаго начальства. Да сохранитъ Провидѣніе моего прекраснаго отрока!—Мих. Никол. Муравьевъ просидѣлъ до трехъ часовъ, потому не былъ у сына. Выгодное понятіе его о г. Несельроде, объ умѣ и опытности въ предметахъ не до одного управленія дипломатическаго относящихся. Гр. Блудовъ; мнѣніе о папѣ Піѣ IX-мъ, благонамѣренномъ, но увлеченномъ уже донынѣ далѣе, чѣмъ хотѣлъ идти сперва. Общее въ цѣлой Италіи и нескрываемое чувство ненависти противъ Австріи. Затѣмъ противъ монаховъ, еще сильныхъ, богатыхъ и знатныхъ, но удерживаемыхъ въ противудѣйствіи общему духу народа, боязнію за себя и достояніе и еще болѣе раздѣляемою со всѣми ненавистію къ Австріи. Кто знаетъ чѣмъ все это разразится? Въ нашемъ съ Папою дѣлѣ полууспѣхъ. Главное—назначеніе правительствомъ католическихъ епископовъ—не могло быть допущено по началамъ (principes) папства; теперь еще менѣе при ослабленіи вліянія ихъ въ политикѣ. Папы только и удерживаются неприкосновенностію началъ, на которыхъ власть и святость ихъ основана. — Бездѣльники,

едва не задержавшіе банкира Штиглица, пойманы, кажется, въ Ригѣ; они тамошніе жители.—Въ четвертомъ часу заѣхалъ къ Данилевскому и въ пріятномъ разговорѣ засидѣвшись, отказался отъ своего обѣда, принявъ приглашеніе отобѣдать съ нимъ, въ кабинетѣ съ его дочерью Антониною. Пертретъ императора Александра, передъ нами висѣвшій, подалъ поводъ къ занимательнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ о томъ времени. Нѣкоторые были удачны. Ночью судороги въ ногахъ, заставившихъ по оставшейся боли отказаться отъ поѣздки въ Царское Село, на сегоднишній праздникъ лейбъ-гусарскаго полка. Можетъ быть дѣлаю дурно; но что̀ дѣлать? Эта обязанность не изъ тѣхъ, гдѣ надъ собою торжествуемъ; но замѣчается иногда болѣе.

Сухозанетъ принялъ. Нашелъ у него Шведскаго посланника, познакомился и послалъ карточку. Такъ противъ воли расширяется кругъ знакомства. Почтительность Кавказцевъ. Странное слово ко мнѣ Булгарина о толкѣ въ публикѣ. Напрасно. Меня тамъ сдѣлали невозможнымъ. Первое, для меня слишкомъ возвысили; второе, унизили.

9-го Ноября. Воскресенье. Вчера въ часъ, по случаю праздника Св. Михаила, парадъ и молебенъ въ манежѣ Инженернаго замка въ присутствіи в. к. Михаила Павловича, Наслѣдника и трехъ великихъ князей. Государь занемогъ поутру. Неимовѣрная вѣсть на счетъ важнѣйшаго для Россіи вопроса; г-лъ Безобразовъ. Тотъ же вопросъ, что̀ вчера сдѣлалъ Булгаринъ съ прибавленіемъ, что будто отъ меня самого слышали о моемъ небываломъ назначеніи. Такъ вѣсти, здѣсь кѣмъ нибудь празднымъ на удачу брошенныя, растутъ какъ снѣжный комъ, не всегда безъ вреда, иногда даже съ этимъ намѣреніемъ пущенныя для того, кто служитъ предметомъ ихъ. Вчера обѣдъ у кн. В. В. Долгорукова; были братъ его, гр. Гурьевъ, Бутурлинъ, Австрійскій дипломатъ, кажется Калерджи, Александръ Кочубей, въ придачу Миклашевскій. Медемъ по болѣзни не могъ пріѣхать. Я одинъ военный. Разговоръ не составился, и обѣдъ далеко отсталъ пріятностью отъ прежняго во Вторникъ.

Сію минуту вышелъ г.-м. Безобразовъ, мой Кавказецъ. Любопытныя извѣстія о происшествіяхъ на Лабѣ, послѣ моего отъѣзда. Набѣгъ на Темнолѣсскую станицу. Двусмысленное

поведеніе г.-л. Засса въ этомъ случаѣ. Сергѣевъ офицеръ въ полку у Безобразова.

10. Ѣздилъ въ школу портупей-прапорщиковъ къ Петру Скоропадскому. Директоръ Сутговъ водилъ меня по всему заведенію. Прекрасно, чисто, удобно, просторно; засталъ за обѣдомъ; воспитанники имѣютъ веселый и здоровый видъ. Петръ въ лазаретѣ, гдѣ я съ нимъ посидѣлъ. Отецъ его утвержденъ Полтавскимъ губернскимъ предводителемъ.

11. Сію минуту вышелъ отъ меня г.-м. Романъ Ивановичъ Ховенъ, безпрерывный въ продолженіи двадцати слишкомъ лѣтъ спутникъ жизни А. П. Ермолова. Занимательныя подробности послѣднихъ дней службы А. П. въ Грузіи, въ поясненіе нѣскольких оскорбительныхъ для него строкъ въ книгѣ Устрялова. Прощаніе Москвы съ нимъ, не оставившее ему спокойнаго часу, чтобы написать ко мнѣ. Книжонка Головина, ему самимъ авторомъ доставленная. Какъ эти люди, жалкіе на сценѣ дѣятельности, бодры и неутомимы во лжи и клеветѣ! Оставить ему это утѣшеніе безъ возраженія и открытія истины. Видно нравится, когда знаютъ, презираютъ и употребляютъ. Это паукъ взнесенный на высоту, прицѣпившись къ хвосту орла, и въ ядовитой своей головѣ почитающій себя причиною смѣлаго полета. Какъ легко его уничтожить свидѣтельствомъ тысячъ очевидцевъ! А пройдетъ, быть можетъ, утвердится *по печатному* въ мнѣніи. Нѣтъ у насъ гласности тамъ, гдѣ она и для пользы правительства была бы необходима.

На недавнемъ обѣдѣ, званомъ въ надеждѣ пріятной бесѣды, самое одушевленное слово вырвалось по случаю воспоминанія о Гурьевской кашѣ, почти вышедшей изъ употребленія.

Четвергъ 13-го Ноября. Вечеръ у Муравьевыхъ. Самого засталъ больнаго. Всегда поучительный разговоръ. Вѣрное опредѣленіе свѣдѣній и разговоровъ о дѣлахъ гражданскихъ А. П. Ермолова: графа Блудова много и незаключительно, г. Панина свободно и запутано, г. Гурьева добросовѣстно и безбоязненно. Странныя у насъ понятія о государственномъ кредитѣ. Канкринъ умѣлъ бы ихъ опредѣлить вѣрнѣе и вѣроятно удержать если не самыя мѣры, то ошибочное объ нихъ объявленіе, основанное на ложныхъ началахъ.

Вчера Государь осматривалъ въ Михайловскомъ манежѣ гвардейскихъ ремонтныхъ лошадей. Я не былъ, но видѣлъ артилерійскихъ—незавидны.

14-го Ноября. Встрѣтилъ Государя; первый въ нынѣшній пріѣздъ благосклонный взглядъ и поклонъ. Передъ тѣмъ встрѣтился съ нимъ въ дрожкахъ. Поутру записка Дашкова съ приглашеніемъ завтра на обѣдъ къ адмиралу Колзакову. Имѣя уже приглашеніе г-ла Сухозанета, долженъ былъ отказаться. — Запросъ канцлера Россійскихъ орденовъ, могу ли присутствовать въ Думѣ. Конечно могу.—Сегодня въ часъ былъ смотръ ремонтныхъ лошадей гвардейской кавалеріи и артилеріи въ присутствіи Государя. И этотъ разъ не былъ, неувѣренный, въ какой формѣ.

16-го Ноября. Воскресенье. Отвѣтъ капитулу орденовъ. Вопросъ г.-а. Игнатьева о моемъ казачьемъ мундирѣ. Почему г.-а. Бергъ напоминаетъ мнѣ даже своею наружностію Стефановича? Онъ же его видимо и покровительствуетъ.

Нѣсколько маленькихъ досадъ и въ глубинѣ души опасеніе за семейство, окруженное холерою. Вотъ причины потеряннаго душевнаго равновѣсія; также неопредѣленность моего здѣсь положенія.

Зашли къ кн. В. В. Долгорукову. Толпы народа на обоихъ тротуарахъ. Засталъ у себя флигель-адъютанта графа Адлерберга, просидѣлъ почти до 4-хъ часовъ. Несчастный случай съ сыномъ генералъ-адъютанта Перовскаго, бѣжавшимъ отъ отца, но отысканнымъ.—Обѣдать къ Муравьевымъ, гдѣ кромѣ другихъ засталъ Александра Ник. Муравьева, съ которымъ 20 лѣтъ не встрѣчался. Къ Вѣрѣ Мур. на верхъ. Застали тамъ дѣвицу Жибелову, показавшую на фортепіано дарованіе весьма замѣчательное по искусству, рѣдкое по пріятности.

18-го Ноября. Вторникъ. Въ часъ былъ на смотру гвардейскихъ ремонтныхъ лошадей въ присутствіи Государя. Возвратясь, переодѣлся и сдѣлалъ большую прогулку пѣшкомъ по Дворцовой набережной, въ Лѣтній садъ. 180 т. пудъ сѣна, по словамъ ген.-губернатора, затерто льдомъ, идущимъ по Невѣ. Въ девять часовъ на вечеръ къ статсъ-секретарю Дегаю. Знакомство съ его прекраснымъ семействомъ. Много новыхъ лицъ. Пьянистъ Леви, изъ Вѣны, артистъ замѣчательный, произвелъ на меня мало впечатлѣнія. Онъ хотѣлъ и успѣлъ блеснуть одолѣніемъ

трудностей и чрезвычайною бѣглостью. Но прекрасенъ былъ віолончель m-elle Христіани, какъ она сама, съ своею наружностію Коринны, съ оригинальною и чисто-дѣтскою любезностію, рѣзво перебѣгавшею отъ милыхъ дѣтей хозяевъ, съ которыми танцовала, къ своему пѣвучему віолончелю Страдиварія и отражая умно и ловко навязчивость мужчинъ, общее вниманіе которыхъ на себя обратила. Фредро снялъ съ нея портретъ въ короткій присѣстъ. Остался ужинать въ небольшомъ обществѣ. Пристрастныя и неясныя сужденія и сравненіе Веллингтона съ Наполеономъ. Обратились ко мнѣ, спрашивая моего мнѣнія. Есть мужи геніи, которые, подобно кометамъ на небѣ, являются на сценѣ міра вѣками, измѣняютъ ходъ обществъ человѣческихъ, порядокъ событій, разрушаютъ и созидаютъ: таковы Александръ, Цесарь, Наполеонъ. Есть другіе, возникающіе въ періоды опасности народовъ для ихъ спасенія или для того только, чтобы славою почтить паденіе ихъ: таковы Фабіи, Сципіоны, Аннибалы; а въ наше время эрцгерцогъ Карлъ, Блюхеръ, Веллингтонъ, Кутузовъ, Барклай - де - Толли. Первые принадлежатъ исторіи всемірной, послѣдніе — исторіи своего народа. Безногій Норовъ, путешественникъ-писатель, графъ и гр-ня Армфельдъ, гр-ня Лаваль, Гамалей и нѣсколько незнакомыхъ были на вечерѣ.

Константинъ Гика, бывшій каймаканъ М. Валахіи въ Турецкую войну, навѣстилъ и оживилъ впечатлѣнія того времени, похвальныя для него.

19. Сегодня день кончины Александра. Есть надъ чѣмъ задуматься! Между тѣмъ какъ Императоръ, исполнивъ высокое посланіе Промысла спасти Россію и Европу отъ порабощенія завоевателя и потомъ, по общей судьбѣ человѣческой, вкусивъ отъ горькаго плода неблагодарности, искалъ на дальнемъ берегу Меотисскомъ забвенія и отдыха отъ заботъ въ уединеніи, незабвенною и трогательною Елисаветою раздѣляемомъ, черный духъ раздора, возмущенія, слѣдствіе всѣхъ страстей, высокихъ и порочныхъ, отъ самаго дна бурею времени поднятыхъ, пролеталъ по Россіи, и грозные отголоски его, доходившіе до умирающаго Императора, кроткаго, великодушнаго, должны были горько возмущать послѣднія его минуты, быть можетъ ускорить ихъ.

20-го Пятница. Этотъ день восшествія на престолъ Государя, кромѣ парадной формы для развода, и праздничной, послѣ того, ничѣмъ не празднуется. Въ междудѣйствіяхъ лаконическій разговоръ съ кн. Меншиковымъ. Рѣшено весной взять Гергебиль. Зачѣмъ же взяли Салту и вѣроятно оставили?

22-го Ноября. Суббота. Церковный парадъ по случаю праздника Семеновскаго полка, въ присутствіи Государя. Я немного опоздалъ. Герцогъ Лейхтенбергскій пріѣхалъ наканунѣ. Послѣ парада къ Маріи Николаевнѣ записался. Демьянъ Вас. Кочубей просидѣлъ въ занимательномъ разговорѣ до 4-хъ часовъ.

Въ часъ въ Думу Св. Георгія въ Георгіевской залѣ зимняго дворца. Двадцать два члена въ присутствіи Михаила Павловича. Четыре ордена Св. Георгія 4-го класса по представленію кн. Воронцова за отличіе при осадѣ Салты. Двѣсти семь за 25-тилѣтнюю безпорочную службу. Четверо изъ представленныхъ не признаны достойными. Все кончилось въ три часа. Завтракъ во дворцѣ.

24-го. До одиннадцати занялся новымъ въ этомъ году сочиненіемъ: Aufzeichnungen des General-Leutenants Grafen Friedrich Wilhelm von Bismark. Выходка противъ Россіи и императора Александра, какъ будто униженіе ихъ нужно для величія Наполеона, и теперь, когда страстямъ той эпохи можно бы улечься и оцѣнивать событія того времени съ безпристрастіемъ. Это энтузіазмъ, доходящій до искаженія истины. Вчера балъ у Бутурлина. Не сдѣлавъ ему визита, какъ и многимъ другимъ, я не былъ приглашенъ.

27-го Четвергъ. Вчера былъ на церемоніи присяги Константина Николаевича. Передъ окончаніемъ упалъ въ обморокъ. Участіе окружавшихъ, г.-м. Катенина, статсъ-секретаря Гофмана, г. Адлерберга, флиг.-адъютанта полк. Корфа, до того мнѣ незнакомаго. Гофманъ довелъ меня до кареты. Докторъ Рейнгольдъ пріѣзжалъ ко мнѣ, но лѣчить было нечего: я оправился. Александръ Фокъ провелъ у меня остатокъ вечера. Готовность Императрицы назначить Ольгу въ фрейлины ея двора, но съ условіемъ представленія. Это будетъ трудно. Сегодня въ 9-ть ч. утра вошелъ Гербель; сію минуту вышелъ ст. сек. Дегай. Вслѣдствіе разговора, коснувшагося важныхъ предметовъ, общее вниманіе въ настоящее время занимающихъ, про-

челъ ему нѣсколько строкъ, написанныхъ еще въ деревнѣ. Онъ выслушалъ, казалось, съ большимъ одобреніемъ въ особенности слога, о которомъ я мало думалъ.

28-го Ноября. Пятница. Вчера, послѣ безпокойной ночи, всталъ слабый. Графъ Орловъ прислалъ сына. Графъ Адлербергъ, ст.-сек. Гофманъ, Сухозанетъ и другіе присылали провѣдать. Въ 3 ч. спросилъ свой обѣдъ, какъ неожиданно вошелъ Николай. Государь пріѣзжалъ къ нимъ и распустилъ до другаго дня. Спросилъ имя сына.

30-го Воскресенье. Г.-м. Катенинъ сократилъ часъ въ занимательномъ разговорѣ. Еще въ Пятницу выѣзжалъ слабый, въ каретѣ съ сыномъ, не смотря на мокрую погоду. Тогда же Струкова пріѣзжала и посидѣла у меня. Письмо отъ Алексѣя Петровича Ермолова отъ 22-го, передъ выѣздомъ за границу. Отвѣчать не успѣю. Новые виды вслѣдствіе новыхъ ожиданій. Приглашеніе адмирала Колзакова. А. П. Мельниковъ просидѣлъ у меня до ночи. Швейцарія допущена до междоусобной войны; странное явленіе въ наше время. Демагогическія пиршества во Франціи—къ чему поведутъ ее? Хорошо ли выбрано время задать себѣ труднѣйшую изъ правительственныхъ задачъ, которая должна на долго занять все наше вниманіе, быть можетъ, всѣ наши силы? Боже храни Царя и Россію! По общему закону человѣческой природы, мнѣ недолго уже оставаться жильцемъ міра; но сколько послѣ себя оставляю дорогихъ мнѣ, безъ сравненія дороже собственной жизни, на которыхъ отразятся будущія судьбы отечества! Какая отвѣтственность лежитъ на тѣхъ, которые намѣреваются вести его по новымъ, неизвѣстнымъ еще путямъ, особливо если это дѣлается въ слѣпотѣ честолюбія, а не съ чистыми желаніями его пользы и благосостоянія! Изъ настоящихъ дѣятелей, начинающихъ великое дѣло, надежныхъ не знаю; есть самонадѣянный. Его жизнь не освѣщена никакимъ подвигомъ самоотверженія, предвѣстникомъ успѣха.

1-го Декабря. Понедѣльникъ. Вчера мнѣ сдѣлалось хуже, почти весь день пролежалъ.

Статсъ-секретарь Дегай прислалъ мнѣ свое сочиненіе: «Взглядъ на современное положеніе уголовнаго законодательства въ Европѣ». Займуся имъ.

2-го Декабря. Вторникъ. Въ продолженіи вчерашняго дня навѣстили: графъ Адлербергъ, адъютантъ Е. В. Наслѣдника, баронъ Ѳедоръ Ив. Корфъ. Въ половинѣ пятаго пріѣхалъ на обѣдъ къ Колзаковымъ. Кромѣ хозяевъ засталъ г-ню Толстую при В. К. Еленѣ Павловнѣ, Кудрявскаго по Иностр. Коллегіи, семейство Дашковыхъ, Константина Гику съ сыномъ, чрезвычайнаго сходства съ матерью, нынѣ женою г. Бибеско, господаря Валахіи. Пріятный разговоръ съ г. Толстой. Обѣдъ перенесъ хорошо, не смотря на слабость. Двѣ партіи въ билліардъ съ адмираломъ. Выигралъ—одинъ родъ побѣдъ, мнѣ предоставленный. Въ восемь былъ дома. Histoire de la conquête de l'Algérie de 1830 à 1847 par m. de Mont-Rond.

Le duc de Lucques n'a pas voulu jouir jusqu'au bout de l'amour de ses sujets.

О зимѣ ни слуху, а столица ждетъ подвозовъ. Курица стоитъ уже здѣсь 1 р. 75 коп., если въ счетахъ повара нѣтъ обмана.

Voyage du M. Lyell dans l'Amérique du Nord.

Une centaine d'Allemands arrivèrent il y a quelques années en Amérique. Ils venaient du Wurtemberg; telle était leur joie d'être délivrés des vexations incessantes et interminables des fonctionnaires d'ordre inférieur de leur ancienne patrie (les Scheibers, comme ils les appellent), que leur première pensée et leur première mesure en se constituant en communauté, furent de décréter qu'à l'avenir il serait interdit à tous les habitants du village d'apprendre à lire et à écrire.

3-го Декабря. Середа. Вчера ѣздилъ только обѣдать къ А. П. Мельникову, а остался на чай. Декеръ сыгралъ нѣсколько піесъ на рояли, не совсѣмъ въ духѣ. Потомъ со мною въ билліардъ. Я выигралъ у него нѣсколько партій. У хозяина также. Утро провелъ, занятый отвѣтомъ на письмо А. П. Ермолова, передъ отъѣздомъ въ чужіе края. Сегодня отправилъ; также письмо домой, что-то невольно грустное. Записка къ г. Закревскому. Онъ желалъ меня видѣть, но это утро у меня занято. Да и вообще это мои лучшіе часы, которые не охотно разстроиваю.

4-го Декабря. Четвергъ. Посидѣлъ и этотъ разъ надоѣлъ Константинъ Гика. Мостовыя, особливо торцевыя, опасны въ

эту минуту, такъ бойко и скользко ѣздить. По камню еще легче.

5-го Декабря. Въ 11-ть часовъ утра къ гр. Закревскому. Разговоръ объ А. П. Ермоловѣ. Пріѣхалъ кн. Илья Андреевичъ Долгорукій. Любопытныя и странныя подробности объ отношеніяхъ его брата ген.-адъют. князя Василія къ графу Никитину, у котораго онъ начальникомъ штаба. Кандидаты въ фельдмаршалы. Уморительная дружба честолюбцевъ. Заѣзжалъ къ гр. Ал. Ѳед. Орлову. Засталъ только сына.

7-го Декабря. Воскресенье. Въ девять на балъ къ г-лу Корфу вмѣстѣ. Отсутствіе красоты въ такомъ множествѣ женщинъ, наиболѣе Нѣмокъ. Военный министръ. Первый мой вистъ въ Петербургѣ и вообще въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Вчера къ 11-ти часамъ во дворецъ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ Арендта, объявившаго, что Государь занемогъ. Записался у Наслѣдника, его супруги, Великихъ Князей. Поблагодарилъ ихъ адъютанта Корфа за участіе и пособіе въ день моего обморока. Обѣдня въ малой церкви. Baise-main Императрицѣ и Наслѣдницѣ. Нѣсколько обязательныхъ словъ первой, въ воспоминаніе нашей общей съ Е. В. крестницы, покойной Александры Павловны Сурхаевой. Нѣсколько сухихъ словъ Наслѣдника, угрожающихъ моему покойному привычному казачьему мундиру. Не одинъ Востокъ подражаетъ намъ, и мы отъ него заимствуемъ: Турецкій султанъ, по принятому обычаю, никому не кланяется; у насъ вводится тоже. Награды этого дня. Дома засталъ Андрея Маркевича, оставилъ его на завтракъ. Вас. Вас. Кочубей, товарищъ его въ Училищѣ Правовѣденія, предметъ насмѣшекъ воспитанниковъ. Молодой князь Воронцовъ былъ во дворцѣ.

8-го Декабря. Понедѣльникъ. Поутру были К. Каплановъ, потомъ М. П. Позенъ. Часа два чрезвычайно-занимательныхъ съ этимъ примѣчательно-умнымъ человѣкомъ. Саблуковъ—почтенный старикъ.

9-го Вторникъ. Въ 12 къ графу Закревскому; просидѣлъ пріятно часа два. Къ Мих. Павл. Позену; не засталъ. Зашелъ къ Беллизару взять нѣсколько книгъ для себя и для дѣтей. До 9 ч. вечера читалъ прекрасное сочиненіе Маттера de l'état moral, politique et littéraire de l'Allemagne. На вечеръ къ с. с. Дегаю. Пріятное открытіе, вовсе неожиданное, пріязненнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго на прекрасную артистку Хр—и.

Разговоръ съ m-elle Христіани. Горькія сужденія ея о нашемъ высшемъ обществѣ и молодыхъ людяхъ. Двѣ піесы на віолончели, грустныя какъ продолженіе нашего разговора. Ненаглядныя дѣти хозяевъ. Башуцкой. Чернышевъ флиг.-адъютантъ, сочинитель сказки о Бѣломъ Царѣ. Памятный пріятный вечеръ.

10-го Декабря. Середа. Чувство возвращенія силъ. Въ третьемъ часу пѣшкомъ къ г. Киселеву; засталъ, но извинился, что готовится ѣхать по приглашенію Императрицы. Общее ожиданіе перемѣнъ, характеръ времени. Невольное значеніе моего утренняго визита. Нѣсколько партій въ билліардъ. На вечеръ къ А. А. Фокъ, пріѣхавшей изъ деревни. Чувство усталости и вмѣстѣ какого-то раздраженія, отозвавшагося и вовсе неумѣстнаго въ разговорѣ. Затаенное чувство, и въ эту пору жизни, впечатлѣнія, сдѣланнаго женщиною. Это золотая нить, вьющаяся по всей пестрой ткани жизни почти каждаго человѣка, часто ему одному извѣстная и оставляющая многое въ его поступкахъ для другихъ непонятнымъ.

Въ часъ къ Лизѣ Христіани; засталъ одну и провелъ пріятный часъ съ нею. Дома нашелъ конвертъ отъ В. К. Константина, съ дипломомъ на избраніе меня въ члены Географическаго Общества.

11-го Декабря, Четвергъ. Сегодня отвѣтъ Ѳ. П. Литке на увѣдомленіе о моемъ избраніи въ д. ч. Геогр. Общества, полученіе диплома, книжки и устава.

13-го Декабря, Суббота. Сильный насморкъ. Не смотря на то, вчера, въ два часа по-полудни, ѣздилъ на прощальный концертъ Лизы Христіани, въ домѣ Кушелева-Безбородки. Зала была довольно полна, военныхъ мало; генераловъ, кромѣ меня, еще графъ Апраксинъ. Сенявина красоты рѣдкой. Концертъ посредственный, продолжался почти до 5 часовъ. Обѣдалъ одинъ. Былъ званъ на вечеръ къ Христіани, но усилившійся отъ выѣзда насморкъ удержалъ на весь вечеръ дома. Книга Маттера о Германіи сократила время.

Евгеній Якушкинъ ѣдетъ за-границу. Ялуторовскъ — пребываніе отца.

14-го Декабря, Воскресенье. Сегодня роковой памяти день. Много неопытныхъ, несбыточными теоріями напитанныхъ, нѣсколько злодѣевъ, вызывавшихъ смуты для безотчетныхъ и пре-

ступныхъ видовъ. Толпа безсмысленныхъ солдатъ, не вѣдавшихъ, что̀ творятъ. Гр. Милорадовичъ, жертва убійцы, онъ, столькими битвами прославленный и невредимый. Святыня и санъ митрополита поруганные. Тяжкій, но славный день для Государя. Теперь мирный благовѣстъ колоколовъ оглашаетъ всѣ концы изящно украшенной имъ послѣ того столицы.

15-го, Понедѣльникъ. Въ 4 на обѣдъ къ Муравьевымъ. Жена г.-л. Николая Николаевича Муравьева, урожденная г. Чернышова. Чрезмѣрная застѣнчивость. Странный образъ ихъ жизни въ деревнѣ. Гостебоязнь ихъ. Дочь Муравьева отъ перваго брака. Нѣсколько словъ о прошедшемъ. Остатокъ вечера дома одинъ съ книгой г. Маттера. Въ ближайшемъ знакомствѣ онъ не выиграетъ. Французскій его языкъ отзывается Страсбургомъ. Желаніе всѣмъ сказать пріятное, даже тамъ, гдѣ нужно порицаніе, запутываетъ его въ длинные и неясные періоды; вообще однако книга занимательная, въ особенности статьи о воспитаніи и педагогикѣ.

Il faut applaudir à cet habilité qui fait montrer que la science fortifie toutes les facultés de l'intelligence, loin de les affaiblir, et ne jette pas nécessairement dans la pauvreté tous ceux qui la cultivent. Donnée au génie de l'homme pour le conduire aux choses utiles et aux intérêts qui embellissent son existence, la science, loin d'enfanter la misère, doit procréer la richesse. Supposer le contraire, c'est insulter à sa nature.

18-го Декабря, Четвергъ. Только-что сѣлъ вчера умываться, доложили о флигель-адъютантѣ графѣ Орловѣ, сынѣ г. Алексѣя Ѳедоровича. Съ удовольствіемъ принимаю всегда этого молодого человѣка, прекрасно воспитаннаго и съ умѣньемъ дѣлающаго вопросы о разныхъ предметахъ, въ особенности до военныхъ событій касающихся. Онъ заслужитъ успѣховъ на поприщѣ, имъ избранномъ, которые по счастливому его положенію безъ того-бы даромъ ему достались. Сдѣлалъ въ саняхъ и пѣшкомъ большую прогулку. Встрѣтилъ и не узналъ прекрасныхъ дѣтей Наслѣдника. До обѣда прочелъ 1-ю часть соч. Дегая. Обѣдалъ одинъ. Въ восемь часовъ поѣхалъ на годовое собраніе Географическаго Общества. Засталъ залы уже полные и В. К. Константина Николаевича. Съ большимъ удовольствіемъ возобновилъ знакомство съ астрономомъ Струве, у

котораго на Пулковской обсерваторіи въ прошедшемъ году и въ его домѣ провелъ нѣсколько счастливыхъ и памятныхъ часовъ. Вообще я встрѣтилъ здѣсь много пріятныхъ знакомыхъ. Мѣсто вокругъ стола досталось мнѣ занять насупротивъ Великаго Князя Предсѣдателя, между адмираломъ Врангелемъ и г. Прянишниковымъ. Чтеніемъ отчета Общества за $18^{46}/_{47}$ годъ открыто засѣданіе. Изложеніе отчета прекрасное и содержаніе занимательное; прочтенъ незнакомымъ мнѣ лицомъ очень хорошо. Потомъ Струве прочелъ статью о путешествіи въ Сибирь въ 1740 году астронома Делиля, составленную изъ его рукописи, подаренной Обществу княземъ А. И. Долгоруковымъ. Статья любопытная, приводящая на память нѣкоторыя примѣчательныя лица того времени, между прочимъ Волынскаго, жертву ненависти Бирона, страшнымъ концемъ своимъ ознаменовавшаго послѣдніе дни императрицы Анны. Любопытны свидѣтельства чрезвычайной дѣятельности Делиля и переписки его огромной. Онъ занимался также астрологіей, тогда бывшей еще въ почетѣ. Такъ, не успѣвъ исполнить цѣли своего дальняго путешествія, наблюденіе перехода Меркурія близъ Солнца въ Березовѣ, по причинѣ закрытаго облаками неба, онъ изъявляетъ сожалѣніе, что прежде нежели пуститься для этого въ такой дальній путь, слѣдовало по астрологіи дойти, будетъ-ли имѣть успѣхъ предпріятіе. Занимательны подробности пребыванія экспедиціи на Уралѣ у гр. Строганова, плаванія по этой рѣкѣ на прекрасномъ суднѣ, вельможею нарочно для экспедиціи построенномъ. Опасность отъ тогдашнихъ рѣчныхъ разбойниковъ на Уралѣ. Крикъ ихъ *сарынь на кичку* передъ нападеніемъ, по которому судовщики должны были ложиться на палубѣ, въ знакъ готовности сдаться. Записка Струве была на Французскомъ языкѣ, и сильное Нѣмецкое произношеніе иногда съ трудомъ допускало понимать его чтеніе. Помѣщеніе Общества удобное. Въ 10-ть ч. воротился домой.

Въ Римѣ одною изъ причинъ упадка Сената было чрезмѣрное количество сенаторовъ и неизбѣжное послѣдствіе того—неспособность многихъ изъ нихъ. Слишкомъ большое и слишкомъ малое число судей имѣетъ каждое свои неудобства. До Каія Гракха число сенаторовъ простиралось до 300; при Августѣ—до 4000.

22-го Декабря. Понедѣльникъ. Продолжаю безцвѣтныя замѣтки моей нынѣшней Петербургской жизни, хотя бы для того чтобы сравнивать ихъ въ свое время съ днями, которые быть можетъ суждено мнѣ еще проводить въ деревнѣ. Вчерашній, даже въ присутствіи сына, былъ особенно грустенъ, въ слѣдствіе разстроеннаго здоровья или сокровенныхъ мыслей, странное мое здѣсь положеніе живѣе обыкновеннаго изображавшихъ, такъ что я почувствовалъ необходимость, для ихъ разсѣянія, хотя бы цѣною страданія, прогуляться по сильному морозу. Я прошелъ два раза пѣшкомъ по Невскому, предоставленному, по прихоти высшаго общества, въ этотъ день купечеству и мѣщанамъ. Вообще гулявшихъ было мало, и въ числѣ ихъ болѣе слышанъ былъ Нѣмецкій языкъ. Морозъ и прогулка нѣсколько подѣйствовали, и я возвратился обѣдать съ сыномъ въ расположеніи духа не столько грустномъ.

24-го Декабря. Среда. Вчера, въ половинѣ двѣнадцатаго, въ сильный морозъ, отправился съ ген-мъ Мельниковымъ на новую станцію Московской желѣзной дороги. Скоро пріѣхали по условію кн. В. В. Долгоруковъ и Л. К. Нарышкинъ съ А. П. Мельниковымъ. Всѣ вмѣстѣ поѣхали по желѣзной дорогѣ на Александровскій заводъ въ семи верстахъ. Это стоило поѣздки, не смотря на стужу. Превосходная отдѣлка 162 готовыхъ паровозовъ, совершенство машинъ для приготовленія разныхъ частей, желѣзныхъ и деревянныхъ для строющихся вагоновъ отъ самыхъ мелкихъ до огромныхъ, достойно удивленія. Желѣзо, чугунъ, дерево выдавливаются, рѣжутся какъ бумага сталью въ разныхъ видахъ, движимые паровою машиною въ 60-тъ силъ. Въ пятомъ часу к. В. В. Долгоруковъ подвезъ меня домой. Въ 6-мъ съ сыномъ поѣхали къ нему обѣдать. Дорогой возокъ мой наткнулся на телѣгу. У насъ дышло переломило пополамъ, и безъ того бойкія лошади понесли насъ, къ счастію по пустой улицѣ. Кучеръ съ трудомъ остановилъ ихъ на Марсовомъ полѣ. Мы съ сыномъ поспѣшили выйти и тотчасъ же увидѣли возокъ, подъѣзжавшій къ намъ. Мы его наняли и доѣхали до к. Долгорукова, я не безъ тревоги на счетъ сына, выскочившаго безъ шинели, одѣтаго легко и уже съ небольшимъ кашлемъ. Насъ уже ждали к. Голицынъ, К. Давыдовъ, Нарышкинъ и братья Мельниковы. Обѣдъ былъ очень пріятенъ. Вечеръ заключили у

Мельниковыхъ, я нѣсколькими партіями неудачными на билліардѣ, сынъ-упражненіемъ на рояли Вирта.

26-го Декабря. Пятница. Вчера въ 11-ть ч. во дворецъ. Недоразумѣніе на счетъ формы. Успѣлъ исправить. Выставка произведеній казенныхъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ. Лучшее по мнѣ была ваза сѣроватаго Сибирскаго камня, прекраснаго зерна и работы. Записался у Наслѣдника и Наслѣдницы. Государь и Наслѣдникъ нездоровы. Обѣдня и молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ въ малой церкви. Выходъ Императрицы. Обѣдъ у Фоковъ. Вечеръ у кн. Голицыной, урожденной Балкъ-Полевой, жены ген.-губ. Витебскаго, Могилевскаго и Смоленскаго и первое съ нею знакомство. Съ удовольствіемъ сблизился съ Чихачевымъ, извѣстнымъ путешественникомъ. Невыгодныя вѣсти съ Оренбургской линіи о взятіи Хивинцами нашего форта на Аральскомъ морѣ и Сыръ-Дарьѣ и о разграбленіи каравана. Разговоръ о Кавказѣ. Неудачные танцы.

27-го Декабря. Суббота. Вечеръ у Л. К. Нарышкина. Прекрасные новые покои его и лѣстница. Портреты царя Алексѣя Михайловича и супруги его Натальи Кириловны Нарышкиной. По поводу Андреевской ленты на дѣдѣ Нарышкина, въ портретѣ, въ молодости его написанномъ, онъ разсказалъ, какъ она ему досталась. Петръ Третій, шутя съ Нарышкинымъ, надѣлъ на него свой Андреевскій орденъ; Нарышкинъ, тотчасъ отворивъ дверь, вышелъ къ ожидавшимъ Государя и поспѣшно возвратился въ его кабинетъ. „Ваше Величество", сказалъ онъ, „какую я сдѣлалъ ошибку! Весь дворъ поздравилъ меня съ Андреевскимъ орденомъ, что̀ дѣлать?" Орденъ ему остался.

28-го Декабря. Воскресенье. Пріѣзжалъ и посидѣлъ по утру Дашковъ. Невольное сожалѣніе о Бухарестскомъ небѣ и свободѣ въ образѣ жизни. Открытіе Французскихъ палатъ. Рѣчь короля. Порывы далѣе и далѣе духа свободы и независимости политической во всей Италіи.

29-го Понедѣльникъ. Между тѣмъ какъ мы любовались на Англичанъ, съ необыкновеннымъ мастерствомъ катавшихся на конькахъ, подошелъ в. к. Михаилъ Павловичъ. Послѣ привѣтствія мнѣ о здоровомъ видѣ моего сына, онъ прибавилъ, что возьметъ его въ артилерію. Нельзя было противорѣчить, хотя намѣренія на его счетъ были другія; тогда отходившему уже

Великому Князю, я сказалъ въ слѣдъ, что это обѣщано его крестнику, второму моему сыну Михаилу, и что я надѣюсь на это. Великій Князь воротился ко мнѣ и отвѣчалъ: Конечно. Toute la race doit appartenir à l'artillerie. Вотъ какъ рѣшаются иногда важнѣйшія вещи, на судьбу цѣлой жизни вліяніе имѣющія!—Въ пятомъ часу пріѣхали ко мнѣ братья Мельниковы и вмѣстѣ отправились на обѣдъ къ Петру Никиф. Беклемишеву за Таврическимъ садомъ.

30-го Декабря. Вторникъ. Вчера былъ дежурнымъ. Читаю Капфига L'Europe après l'année 1830. Смерть принцессы, Аделаиды, сестры короля Людовика Филиппа.

Тайна прелести жизни въ деревнѣ въ преклонные, но еще свободные отъ дряхлости годы. Повѣрка всѣхъ впечатлѣній дѣловой и городской жизни картиною первобытной природы, источникомъ всѣхъ подражательныхъ искусствъ, высшимъ ихъ образцомъ и возбудителемъ. Подъ ея небомъ, среди ея звуковъ, безчисленныхъ ея красокъ, въ напитанномъ ея благоуханіями воздухѣ, хорошо провести дѣтство и отрочество и возвратиться съ посохомъ и опытностію старости. И въ промежуткѣ между тѣми и послѣднею хорошо по временамъ освѣжать дѣятельностью городскаго быта отуманенную душу.

Записка **императрицы Екатерины Великой** о Рославльскомъ конномъ полку или о Рязанскихъ драгунахъ.

Черновые наброски **императрицы Екатерины Великой**, хранящіеся въ Государственномъ Архивѣ: а) проектъ манифеста о внутреннихъ преобразованіяхъ; б) о направленіи своей дѣятельности; в) опытъ перевода Иліады; г) характеристика Русскаго человѣка.

Архивъ графа Игельстрома съ предисловіемъ **графа Д. А. Толстаго.** Указы императрицы Екатерины Великой и императора Павла.

Двѣнадцатый годъ. Воспоминанія князя **А. А. Шаховскаго.**

Письмо императора **Александра Перваго къ княгинѣ Софіи Сергѣевнѣ Мещерской.**

Письма **Александра Николаевича Мордвинова** къ шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу.

„Дмитрій Самозванецъ", трагедія **А. С. Хомякова.** Полный текстъ.

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Змiевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.